ЛЕНИН

Annotation

Россия заново открывает для себя Сталина, но пора открывать заново и Ленина. Возглавив Россию в тяжелейшее время, Ленин оказался её Спасителем, пролив и кровь «за други своя»… Затем он стал Творцом новой России, новых социальных законов и отношений, новых чувств, новых идей и новых людей. Умением провидеть и создавать умное будущее он важен для нас и сейчас.

Сегодня Украина в приступе социальной паранойи свергает памятники Ленину и тем программирует свою грозную трагедию. Но Ленин не просто достоин всех тех пьедесталов, на которых он стоит на тысячах площадей, он достоин и большего – понимания. И для того, чтобы понять Ленина, не требуется копаться в закрытых архивах – достаточно его читать. Ленинские письма, а также записки и телеграммы послереволюционных лет занимают десяток томов, и это – наиболее точная информация о Ленине, как и сорок пять томов его трудов. Они сами по себе развенчивают миф о пресловутом пломбированном вагоне и прочие подлые мифы.

Со страниц книги Сергея Кремлёва, широко предоставляющего слово самому Владимиру Ильичу, встаёт неожиданный и многогранный Ленин: мыслитель-гуманист и остроумный политик, вождь и романтик, жёсткий менеджер и блестящий спортсмен… Но, прежде всего – гениальный инициатор движения России к мощи и расцвету.

После Октября 1917 года Ленин стал неудобным для большевистской элиты – Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина… Лишь Сталин был предан ему, видел в Ленине вождя – гаранта новых успехов. И Сергей Кремлёв отдельно останавливается на тайне последних дней Ленина, так рано и странно ушедшего из жизни.

Эта книга, прочесть которую полезно всем, кому не безразлична судьба России, – подлинный прорыв в освещении ленинской темы.

- Сергей Кремлев
  -
  -
  - От автора
  - Глава 1. Апрельские тезисы
  - Глава 2. «Спецоперация» Николая Старикова против «Николая» Ленина
  - Глава 3. «Клондайки» большевиков: от Эриванской площади до издательства Малых
  - Глава 4. «Золото партии» на груди у Инессы Арманд
  - Глава 5. «Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв…»
  - Глава 6. Кто развалил Россию – «Николай» Ленин или Николай Романов?
  - Глава 7. История переезда в письмах: «„Пломбированный“ вагон или лондонская тюрьма?»
  - Глава 8. История переезда в письмах: «„Пломбированный“ вагон или лондонская тюрьма?»
  - Глава 9. История переезда в письмах: «„Пломбированный“ вагон или лондонская тюрьма?»
  - Глава 10. «Германо-английский» «агент» Ленин против германского агента Боргбьёрга
  - Глава 11. Российский Февраль и американский Апрель 1917 года
  - Глава 12. Если бы Россия пошла за Лениным уже весной 1917 года
  - Глава 13. Прошения Ивану Делянову и письмо Петру Маслову

- Глава 14. «Сувениры» в чемодане с двойным дном и Шушенский «курорт»
- Глава 15. Как чуть не потухла «Искра»
- Глава 16. Из «Искры» – пламя: к II съезду РСДРП
- Глава 17. Шаг назад, два шага вперёд – в 1905 год
- Глава 18. 1905 год и далее
- Глава 19. «Русский» год Ленина История временного возвращения Ленина в Россию разворачивалась так…
- Глава 20. Тонкий «лёд» Лондонского съезда и тонкий лёд Ботнического залива
- Глава 21. Живая работа в «неживой» среде
- Глава 22. Августовский блок Троцкого и Пражская конференция Ленина
- Глава 23. К вопросу о скулах
- Глава 24. «Моя партия не запрещает этого…»
- Глава 25. «Циммервальдская левая» versus «циммервальдской правой»
- Глава 26. 1916 год: Ленин в Цюрихе против Джемса в Питере
- Глава 27. «Вот она, судьба моя…»
- Глава 28. «Через народ перепрыгнуть нельзя…»
- Глава 29. Июль 1917-го – пролог Октября
- Глава 30. Маршрут «Шалаш в Разливе – Смольный»
- Глава 31. Постой у полицмейстера, мятеж Корнилова и последний парик Ленина
- Глава 32. Грозящая катастрофа и как с ней бороться
- Глава 33. Десять дней, которые потрясли мир
- Глава 34. Об ужасах революции и ужасах, её породивших
- Глава 35. «Социалистическое Отечество в опасности!»
- Глава 36. «Держите твёрдо курс в основных вопросах…»
- Глава 37. Через «странности» и заговоры – к победе в войне
- Глава 38. День второй
- Глава 39. Госплан, «Кронштадт», «рабочая оппозиция» Шляпникова и гнилая картошка Цюрупы
- Глава 40. Об очередных задачах Советской власти
- Глава 41. Союз народов и раскол вождей
- Глава 42. Ленин и Сталин – «тандем» века
- Глава 43. В глазах мира: взгляд врагов и друзей
- Глава 44. О Декрете о печати, журнале «Экономист», «пароходе профессоров», академике Готье и словаре Даля
- Глава 45. Тайна последних дней
- Глава 46. Глашатай нового мира
- Послесловие. Заступит ли Россия вновь на пост № 1?

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56

- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103

- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150

- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197

- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244

- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291

- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338

- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385

- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404
- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410
- 411
- 412
- 413
- 414
- 415
- 416
- 417
- 418
- 419
- 420
- 421
- 422
- 423
- 424
- 425
- 426
- 427
- 428
- 429
- 430
- 431
- 432

- 433
- 434
- 435
- 436
- 437
- 438
- 439
- 440
- 441
- 442
- 443
- 444
- 445
- 446
- 447
- 448
- 449
- 450
- 451
- 452
- 453
- 454
- 455
- 456
- 457
- 458
- 459
- 460
- 461
- 462
- 463
- 464
- 465
- 466
- 467
- 468
- 469
- 470
- 471
- 472
- 473
- 474
- 475
- 476
- 477
- 478
- 479

- 480
- 481
- 482
- 483
- 484
- 485
- 486
- 487
- 488
- 489
- 490
- 491
- 492
- 493
- 494
- 495
- 496
- 497
- 498
- 499
- 500
- 501
- 502
- 503
- 504
- 505
- 506
- 507
- 508
- 509
- 510
- 511
- 512
- 513
- 514
- 515
- 516
- 517
- 518
- 519
- 520
- 521
- 522
- 523
- 524
- 525
- 526

- 527
- 528
- 529
- 530
- 531
- 532
- 533
- 534
- 535
- 536
- 537
- 538
- 539
- 540
- 541
- 542
- 543
- 544
- 545
- 546
- 547
- 548
- 549
- 550
- 551
- 552
- 553
- 554
- 555
- 556
- 557
- 558
- 559
- 560
- 561
- 562
- 563
- 564
- 565
- 566
- 567
- 568
- 569
- 570
- 571
- 572
- 573

- 574
- 575
- 576
- 577
- 578
- 579
- 580
- 581
- 582
- 583
- 584
- 585
- 586
- 587
- 588
- 589
- 590
- 591
- 592
- 593
- 594
- 595
- 596
- 597
- 598
- 599
- 600
- 601
- 602
- 603
- 604
- 605
- 606
- 607
- 608
- 609
- 610
- 611
- 612
- 613
- 614
- 615
- 616
- 617
- 618
- 619
- 620

- 621
- 622
- 623
- 624
- 625
- 626
- 627
- 628
- 629
- 630
- 631
- 632
- 633
- 634
- 635
- 636
- 637
- 638
- 639
- 640
- 641
- 642
- 643
- 644
- 645
- 646
- 647
- 648
- 649
- 650
- 651
- 652
- 653
- 654
- 655
- 656
- 657
- 658
- 659
- 660
- 661
- 662
- 663
- 664
- 665
- 666
- 667

- 668
- 669
- 670
- 671
- 672
- 673
- 674
- 675
- 676
- 677
- 678
- 679
- 680
- 681
- 682
- 683
- 684
- 685
- 686
- 687
- 688
- 689
- 690
- 691
- 692
- 693
- 694
- 695
- 696
- 697
- 698
- 699
- 700
- 701
- 702
- 703
- 704
- 705
- 706
- 707
- 708
- 709
- 710
- 711
- 712
- 713
- 714

- 715
- 716
- 717
- 718
- 719
- 720
- 721
- 722
- 723
- 724
- 725
- 726
- 727
- 728
- 729
- 730
- 731
- 732
- 733
- 734
- 735
- 736
- 737
- 738
- 739
- 740
- 741
- 742
- 743
- 744
- 745
- 746
- 747
- 748
- 749
- 750
- 751
- 752
- 753
- 754
- 755
- 756
- 757
- 758
- 759
- 760
- 761

- 762
- 763
- 764
- 765
- 766
- 767
- 768
- 769
- 770
- 771
- 772
- 773
- 774
- 775
- 776
- 777
- 778
- 779
- 780
- 781
- 782
- 783
- 784
- 785
- 786
- 787
- 788
- 789
- 790
- 791
- 792
- 793
- 794
- 795
- 796
- 797
- 798
- 799
- 800
- 801
- 802
- 803
- 804
- 805
- 806
- 807
- 808

- 809
- 810
- 811
- 812
- 813
- 814
- 815
- 816
- 817
- 818
- 819
- 820
- 821
- 822
- 823
- 824
- 825
- 826
- 827
- 828
- 829
- 830
- 831
- 832
- 833
- 834
- 835
- 836
- 837
- 838
- 839
- 840
- 841
- 842
- 843
- 844
- 845
- 846
- 847
- 848
- 849
- 850
- 851
- 852
- 853
- 854
- 855

- 856
- 857
- 858
- 859
- 860
- 861
- 862
- 863
- 864
- 865
- 866
- 867
- 868
- 869
- 870
- 871
- 872
- 873
- 874
- 875
- 876
- 877
- 878
- 879
- 880
- 881
- 882
- 883
- 884
- 885
- 886
- 887
- 888
- 889
- 890
- 891
- 892
- 893
- 894
- 895
- 896
- 897
- 898
- 899
- 900
- 901
- 902

- 903
- 904
- 905
- 906
- 907
- 908
- 909
- 910
- 911
- 912
- 913
- 914
- 915
- 916
- 917
- 918
- 919
- 920
- 921
- 922
- 923
- 924
- 925
- 926
- 927
- 928
- 929
- 930
- 931
- 932
- 933
- 934
- 935
- 936
- 937
- 938
- 939
- 940
- 941
- 942
- 943
- 944
- 945
- 946
- 947
- 948
- 949

- 950
- 951
- 952
- 953
- 954
- 955
- 956
- 957
- 958
- 959
- 960
- 961
- 962
- 963
- 964
- 965
- 966
- 967
- 968
- 969
- 970
- 971
- 972
- 973
- 974
- 975
- 976
- 977
- 978
- 979
- 980
- 981
- 982
- 983
- 984
- 985
- 986
- 987
- 988
- 989
- 990
- 991
- 992
- 993
- 994
- 995
- 996

- 997
- 998
- 999
- 1000
- 1001
- 1002
- 1003
- 1004
- 1005
- 1006
- 1007
- 1008
- 1009
- 1010
- 1011
- 1012
- 1013
- 1014
- 1015
- 1016
- 1017
- 1018
- 1019
- 1020
- 1021
- 1022
- 1023
- 1024
- 1025
- 1026
- 1027
- 1028
- 1029
- 1030
- 1031
- 1032
- 1033
- 1034
- 1035
- 1036
- 1037
- 1038
- 1039
- 1040
- 1041
- 1042
- 1043

- 1044
- 1045
- 1046
- 1047
- 1048
- 1049
- 1050
- 1051
- 1052
- 1053
- 1054
- 1055
- 1056
- 1057
- 1058
- 1059
- 1060
- 1061
- 1062
- 1063
- 1064
- 1065
- 1066
- 1067
- 1068
- 1069
- 1070
- 1071
- 1072
- 1073
- 1074
- 1075
- 1076
- 1077
- 1078
- 1079
- 1080
- 1081
- 1082
- 1083
- 1084
- 1085
- 1086
- 1087
- 1088
- 1089
- 1090

- 1091
- 1092
- 1093
- 1094
- 1095
- 1096
- 1097
- 1098
- 1099
- 1100
- 1101
- 1102
- 1103
- 1104
- 1105
- 1106
- 1107
- 1108
- 1109
- 1110
- 1111
- 1112
- 1113
- 1114
- 1115
- 1116
- 1117
- 1118
- 1119
- 1120
- 1121
- 1122
- 1123
- 1124
- 1125
- 1126
- 1127
- 1128
- 1129
- 1130
- 1131
- 1132
- 1133
- 1134
- 1135
- 1136
- 1137

- 1138
- 1139
- 1140
- 1141
- 1142
- 1143
- 1144
- 1145
- 1146
- 1147
- 1148
- 1149
- 1150
- 1151
- 1152
- 1153
- 1154
- 1155
- 1156
- 1157
- 1158
- 1159
- 1160
- 1161
- 1162
- 1163
- 1164
- 1165
- 1166
- 1167
- 1168
- 1169
- 1170
- 1171
- 1172
- 1173
- 1174
- 1175
- 1176
- 1177
- 1178
- 1179
- 1180
- 1181
- 1182
- 1183
- 1184

- 1185
- 1186
- 1187
- 1188
- 1189
- 1190
- 1191
- 1192
- 1193
- 1194
- 1195
- 1196
- 1197
- 1198
- 1199
- 1200
- 1201
- 1202
- 1203
- 1204
- 1205
- 1206
- 1207
- 1208
- 1209
- 1210
- 1211
- 1212
- 1213
- 1214
- 1215
- 1216
- 1217
- 1218
- 1219
- 1220
- 1221
- 1222
- 1223
- 1224
- 1225
- 1226
- 1227
- 1228
- 1229
- 1230
- 1231

- 1232
- 1233
- 1234
- 1235
- 1236
- 1237
- 1238
- 1239
- 1240
- 1241
- 1242
- 1243
- 1244
- 1245
- 1246
- 1247
- 1248
- 1249
- 1250
- 1251
- 1252
- 1253
- 1254
- 1255
- 1256
- 1257
- 1258
- 1259
- 1260
- 1261
- 1262
- 1263
- 1264
- 1265
- 1266
- 1267
- 1268
- 1269
- 1270
- 1271
- 1272
- 1273
- 1274
- 1275
- 1276
- 1277
- 1278

- 1279
- 1280
- 1281
- 1282
- 1283
- 1284
- 1285
- 1286
- 1287
- 1288
- 1289
- 1290
- 1291
- 1292
- 1293
- 1294
- 1295
- 1296
- 1297
- 1298
- 1299
- 1300
- 1301
- 1302
- 1303
- 1304
- 1305
- 1306
- 1307
- 1308
- 1309
- 1310
- 1311
- 1312
- 1313
- 1314
- 1315
- 1316
- 1317
- 1318
- 1319
- 1320
- 1321
- 1322
- 1323
- 1324
- 1325

- 1326
- 1327
- 1328
- 1329
- 1330
- 1331
- 1332
- 1333
- 1334
- 1335
- 1336
- 1337
- 1338
- 1339
- 1340
- 1341
- 1342
- 1343
- 1344
- 1345
- 1346
- 1347
- 1348
- 1349
- 1350
- 1351
- 1352
- 1353
- 1354
- 1355
- 1356
- 1357
- 1358
- 1359
- 1360
- 1361
- 1362
- 1363
- 1364
- 1365
- 1366
- 1367
- 1368
- 1369
- 1370
- 1371
- 1372

- 1373
- 1374
- 1375
- 1376
- 1377
- 1378
- 1379
- 1380
- 1381
- 1382
- 1383
- 1384
- 1385
- 1386
- 1387
- 1388
- 1389
- 1390
- 1391
- 1392
- 1393
- 1394
- 1395
- 1396
- 1397
- 1398
- 1399
- 1400
- 1401
- 1402
- 1403
- 1404
- 1405
- 1406
- 1407
- 1408
- 1409
- 1410
- 1411
- 1412
- 1413
- 1414
- 1415
- 1416
- 1417
- 1418
- 1419

- 1420
- 1421
- 1422
- 1423
- 1424
- 1425
- 1426
- 1427
- 1428
- 1429
- 1430
- 1431
- 1432
- 1433
- 1434
- 1435
- 1436
- 1437
- 1438
- 1439
- 1440
- 1441
- 1442
- 1443
- 1444
- 1445
- 1446
- 1447
- 1448
- 1449
- 1450
- 1451
- 1452
- 1453
- 1454
- 1455
- 1456
- 1457
- 1458
- 1459
- 1460
- 1461
- 1462
- 1463
- 1464
- 1465
- 1466

- 1467
- 1468
- 1469
- 1470
- 1471
- 1472
- 1473
- 1474
- 1475
- 1476
- 1477
- 1478
- 1479
- 1480
- 1481
- 1482
- 1483
- 1484
- 1485
- 1486
- 1487
- 1488
- 1489
- 1490
- 1491
- 1492
- 1493
- 1494
- 1495
- 1496
- 1497
- 1498
- 1499
- 1500
- 1501
- 1502
- 1503
- 1504
- 1505
- 1506
- 1507
- 1508
- 1509
- 1510
- 1511
- 1512
- 1513

- 1514
- 1515
- 1516
- 1517
- 1518
- 1519
- 1520
- 1521
- 1522
- 1523
- 1524
- 1525
- 1526
- 1527
- 1528
- 1529
- 1530
- 1531
- 1532
- 1533
- 1534
- 1535
- 1536
- 1537
- 1538
- 1539
- 1540
- 1541
- 1542
- 1543
- 1544
- 1545
- 1546
- 1547
- 1548
- 1549
- 1550
- 1551
- 1552
- 1553
- 1554
- 1555
- 1556
- 1557
- 1558
- 1559
- 1560

- 1561
- 1562
- 1563
- 1564
- 1565
- 1566
- 1567
- 1568

Сергей Кремлев
Ленин. Спаситель и создатель

© Кремлёв С., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

*** * ***

Автор сердечно благодарит руководство и Центральный Комитет Коммунистической партии Российской Федерации за поддержку в издании этой книги

Должность честных вождей народа нечеловечески трудна…

Из очерка Максима Горького

«Владимир Ильич Ленин»

На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи…

Из мемуаров великого князя

Александра Михайловича,

Париж. Июнь 1932 г.

Социализм уже теперь не есть вопрос отдалённого будущего, или какой-нибудь отвлечённой картины, или какой-либо иконы… Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться… Вот что составляет задачу нашей эпохи… Все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая.

Из последней публичной речи В. И. Ленина, произнесённой на пленуме Московского совета 20 ноября 1922 года и опубликованной в газете «Правда» 21.11.1922

Посвящается 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и 100-летию Октябрьской революции, которая заложила базу всех будущих побед России

От автора

В наше подлое и несуразное время – самое подлое и несуразное в истории России – в общественном сознании усилиями негодяев и глупцов установилось два политиканских клише, два псевдоисторических шаблона…

Сталин в глазах многих – это кровавый палач, уничтоживший в ГУЛАГе всех лучших людей России.

Ленин же – это германский шпион, на немецкое золото разрушивший Россию, которая вот-вот готовилась в составе Антанты победить Германию и процветать.

Тот факт, что Россия – не элитарная, а народная Россия, по Сталину не то что плакала, а *выла*, негодяями в расчёт не берётся.

Не берётся негодяями в расчёт и то, что так же массово Россия простых людей скорбела по Ленину.

Ленин…

Вряд ли есть более врезанное в мировую историю имя?.. И это звучное имя, несмотря на фонетическую схожесть со словом «лень», полно энергии… Но какой? Разрушительной или созидательной?

В январе 2014 года исполнилось 90 лет с того дня, как Россия и мир начали жить без Ленина – как конкретного человека, безвозвратно ушедшего в физическое небытие 21 января 1924 года.

А 7 ноября 2017 года исполнится 100 лет с того дня, как Россия и мир начали жить с Лениным, как вождём Октябрьской революции. С тех пор он стал символом надежды и предметом горячей любви для одних и не менее горячей ненависти для других. И этот Ленин, Ленин как историческая фигура, – по сей день наш современник.

А ещё более прочно он будет входить в наше будущее – по мере того, как оно будет становиться настоящим.

Одни называли Ленина «самым человечным человеком» – как поэт Владимир Маяковский, другие – безжалостным диктатором, как эмигрантский историк Георгий Вернадский… Так кто он – Ленин? И чего он достоин – любви или ненависти?

Пожалуй, Ленин достоин правды.

Самый верный способ оценить человека, а тем более политика – это знать полную правду о нём.

И такая правда – острая штука!

Правда об одних политиках быстро низводит их на законно положенное им место – не политиков, а политиканов, мелкой, грязной дряни, исторических карликов.

А правда о Ленине?

Скажу сразу, что полная правда о нём неопровержимо и непоколебимо делает его титаном духа и мысли, вечным спутником и собеседником всех людей с горячим сердцем, холодным умом и чистыми руками. Недаром та главная газета, которую основали два великих большевика Ленин и Сталин, была названа «Правдой».

В приступе социальной паранойи Украина свергает памятники Ленину и тем программирует свою всё более грозную трагедию. Но Ленин достоин всех тех пьедесталов, на которых он стоит и сегодня на сотнях площадей в больших и малых городах.

Ленин достоин и большего – он достоин *понимания*. Поняв Ленина, суть его натуры и его судьбы, мы лучше поймём себя… Поэт Владимир Маяковский написал о нём: «Он – как вы и я, совсем такой же… Только, может быть, у самых глаз мысли больше нашего морщинят кожей, да

насмешливей и твёрже губы, чем у нас…» Но как много людей сегодня не согласятся с этой оценкой! Они уверены, что они намного лучше, человечнее и даже умнее Ленина – ведь такая высокоучёная организация, как Российская академия наук, сообщила «дорогим россиянам», что Ленин повёл-де Россию по ошибочному пути, и завёл её в тупик.

Дай Бог такого «тупика» нынешней России!

Тот, кто решит, что название этой книги – намёк на библейскую символику, не будет совсем неправ… Но если библейский бог, единый в трёх лицах, предстаёт на страницах Библии вначале как бог Саваоф – Творец мира, а затем как богочеловек Иисус Христос – Спаситель человечества, то человек Ленин сыграл двуединую роль в истории России и мира в обратном порядке.

Вначале Ленин стал Спасителем России. В начале XX века Ленин спас Россию от хаоса, в который она погружалась после всех провалов царизма и Временного правительства. Спас Ленин Россию и тем, что увёл её от раздробления и судьбы полуколонии, то есть – от того, что получила Россия в конце XX века, отказавшись от Ленина и от продолжателя его дела Сталина.

Эту спасительную роль Ленина – пусть и с опозданием, пусть и сквозь зубы, признал даже великий князь Александр Михайлович, дядя императора Николая Второго («дядя Сандро»). В июне 1932 года, в Париже, он написал:

«Весною 1919 года в России последовал целый ряд авантюр наших бывших союзников, которые способствовали тому, что большевики были возведены на пьедестал борцов за независимость России… Главы союзных государств вели политику, которая заставила русских офицеров и солдат испытать величайшие разочарования в наших бывших союзниках и даже признать, что Красная армия защищает целость России от поползновений иностранцев.

Англичане появились в Баку и создали независимое государство Азербайджан с целью овладения русской нефтью…

Итальянцы появились почему-то в Тифлисе и помогли образовать самостоятельную Грузию в южной части Кавказа, которая была известна своими марганцевыми месторождениями.

Французы заняли Одессу, главный пункт южнорусского экспорта, и стали благосклонно прислушиваться к предложениям лидеров „самостийной“ Украины, которые ещё месяц тому назад исполняли роли тайных и явных агентов германского командования…

Вершители европейских судеб (Антанта. – *С.К.*)… надеялись одним ударом уничтожить и большевиков, и возможность возрождения сильной России.

Положение вождей белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что не замечают интриг союзников, они призывали… к священной борьбе против Советов, с другой стороны – на страже русских национальных интересов стоял ни кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи, апеллируя к трудящимся всего мира…»[1]

Под «союзниками» обычно понимали тогда англо-французскую Антанту, так что к перечню «дяди Сандро» следует прибавить ещё и янки, вознамерившихся контролировать русский Север и Дальний Восток… И японских интервентов, убравшихся из России последними – даже позже Врангеля… И белочехов, чьими руками на золото США была развязана гражданская война…

Это – не считая воронья помельче, типа турок, канадцев, румын, поляков и прочих.

Плюс – собственно белогвардейцы…

А ведь кроме интервентов и белогвардейцев были ещё и националисты-сепаратисты!

Однако Антанта и США оказались, конечно, главными стервятниками, нацелившимся клевать Россию после 1917 года… «То, что мы наблюдаем в России, является началом великой

борьбы за её неизмеримые ресурсы сырья», – сообщал в мае 1918 года журнал англо-русских финансовых кругов «Россия». А вот что писала «London finansial news»: в ноябре 1918 года: «События все более принимают характер, свидетельствующий о тенденции к установлению над Россией международного протектората по образу и подобию британского плана для Египта. Такой поворот событий сразу превратил бы русские ценные бумаги в сливки международного рынка».

Вот как закручивалась тогда судьба России, и позднее тот же великий князь Александр Михайлович вспоминал:

«Инспирируемое сэром Генри Детердингом, всесильным председателем компании „Ройял Датч Шелл“… британское министерство иностранных дел обнаруживало дерзкое намерение нанести России смертельный удар путём раздачи русских областей союзникам и их вассалам…»[2]

Но вышла осечка. «Сливки» скисли, «русские» акции по причине чересчур хорошего качества плотной бумаги нельзя было использовать даже для целей специфически утилитарных, а дерзкие намерения англосаксов были пресечены самым решительным образом! Великую, единую и неделимую Россию, которой клялись белые «вожди», оказавшиеся в одной упряжке с детердингами, спасли не они, а большевик Ленин, автор блестящего политического эссе «О национальной гордости великороссов», написанного ещё в конце 1914 года!

Такова правда о Ленине: встав в тяжелейшее, кризисное время во главе России, Ленин стал её *Спасителем*. При этом он и кровь пролил за Россию, «за други своя»…

А затем Ленин стал создателем новой России, *Творцом* целого нового мира – мира новых социальных законов и отношений, новых чувств и чувствований, мира новых идей и новых людей.

Тёзка Ленина – Владимир Маяковский, названный Сталиным лучшим поэтом пролетарской эпохи, точно уловил нерв происходящего, написав: «Довольно жить законом, данным Адамом и Евой…»

То есть библейские аллюзии тогда носились, что называется, в воздухе! В знаменитой поэме «Двенадцать» Александра Блока Иисус Христос прямо предводительствует красным патрулём из двенадцати человек. К слову: число «двенадцать» – это тоже прямая блоковская отсылка к Библии с её двенадцатью апостолами Христа. Но красногвардейцы из революционных патрулей если и были апостолами, то – Ленина, народного вождя. Блок в своей поэме поставил во главе солдат революции Иисуса, однако в исторической реальности к новому миру Россию повёл Ленин.

А обветшавшей романовской России – сказки о её бурном дореволюционном развитии не более, чем сказки – было необходимо именно преображение, а не косметические реформы.

Даже некоторые «старые большевики» вроде Каменева и Зиновьева в 1917 году желали скорее структурных реформ на почве буржуазной республики с «социалистическим» правительством, и только Ленин понимал, что необходима коренная *ломка*…

В своём месте я буду ссылаться на Николая Дмитриевича Кондратьева (1892–1938), крупного русского и советского экономиста, члена Учредительного собрания от партии правых эсеров. Кондратьев был политически сложной фигурой: несмотря на немалый вклад в создание теоретических основ плановой экономики СССР, он оказался внутренне враждебен планам форсированной индустриализации, запутался в заговорах… В 1930 году был впервые арестован, в 1938 году расстрелян. А в первые годы Советской власти Кондратьев стал известен книгой «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции», изданной в 1922 году. Ленин ценил эту книгу, и она входила у него в число настольных.

Кондратьев, как уже сказано, был не большевиком, а эсером, да ещё и правым, видным

эсеровским публицистом с мощной научной базой фактов в своих статьях. Так вот, 7 сентября 1917 года в правоэсеровской газете «Воля народа» в статье «Снабжение населения необходимыми предметами промышленности» Кондратьев писал:

«Благодаря свой бедности, хозяйственной и духовной отсталости, русский человек потреблял до войны очень незначительное количество различных продуктов по сравнению с развитыми европейскими странами. Это ясно из следующих цифр о среднем потреблении русским человеком в 1904 г.:

	Хлеб, пуд	Сахар, фунт	Хлопок, фунт	Чугун, пуд
Англия	28,99	90,5	41,2	11,3
Франция	23,24	36,1	12,5	4,1
Германия	28,06	42,0	15,3	10,0
США	54,34	78,0	20,4	14,3
Россия	18,34	13,2	5,3	1,6

Эти цифры определённо говорят о действительно нищенском потреблении предметов русским человеком. Столь же незначительно было его потребление и других предметов. Так потребление мыла равнялось в среднем 4,8 фунт., керосина – 14 фунт., свечей – 0,4 фунт., спичек – 2,29 на человека…

Такое низкое потребление различных предметов показывает, что в сущности русский человек едва-едва удовлетворял самую неотложную человеческую нужду… Русская экономическая жизнь не давала нашему населению никакой возможности для большей „роскоши“…»[3]

Один русский фунт – это 409,5 грамм. То есть мыла в России за десять лет до «пикового» для старой России 1913 года (мало что здесь изменившего) приходился на душу населения один кусочек в месяц. А ведь стиральных порошков тогда не было, мылом не только мылись, но и *стирали*.

Долго же пришлось бы отмываться старой России при таком расходе мыла…

А 0,4 фунта свечей в год – это пара свечей.

В год!

И плюс две спички в год, чтобы их зажечь.

Не очень-то была, выходит, и освещена та Россия, по которой плачут говорухины и михалковы? Это тебе не знаменитая «лампочка Ильича», пришедшая в быт русской деревни после Октябрьской революции!

И ведь Кондратьев приводил цифры довоенного потребления. Через три года после начала войны даже эти *нищенские* цифры резко *упали*!

К 1917 году царская Россия становилась не просто отсталой, но и всё более отстающей от лидеров страной. Достаточно знать, что в 1917 году в России было всего два специальных государственных медицинских высших учебных заведения: Петроградская военно-медицинская академия и Петроградский женский медицинский институт, плюс – медицинские факультеты университетов, которых тоже было не в избытке: одиннадцать, включая Варшавский и Дерптский. Было всего десять – на всю страну, государственных политехнических и технологических вузов (включая Варшавский и Рижский политехнические), из которых три политехнических института – в Томске, Новочеркасске и Петрограде были открыты уже в XX веке.

Прогресс «бурный», что и говорить!

Имело царское Российское государство два горных института, два – инженеров путей сообщения, один электротехнический институт – в Петрограде. К слову, государственных духовных высших учебных заведений в России 1917 года насчитывалось семь: шесть православных духовных академий и одна римско-католическая[4].

Вот с чем вошла старая Россия в век машин и электричества…

В *реальном* масштабе времени, 14 марта 1913 года, в статье «Наши „успехи“», опубликованной в № 61 «Правды», Ленин с цифрами в руках разоблачил всю лживость заявлений министра финансов Коковцова о якобы «подъёме» за последние годы:

«Наша промышленность, как и всё народное хозяйство России, развивалась и развивается… Это нечего и доказывать. Но ограничиваться данными о „развитии“ и самодовольно хвастливыми указаниями, …значит *закрывать глаза* на *невероятную* отсталость и нищету России, обнаруживаемые этими данными.

Стоимость продуктов нашей фабрично-заводской промышленности была 4307 млн. руб. в 1908 г., а в 1911 г. – около 4895 млн. руб., восторгается министр финансов.

Посмотрите же, *какое значение* имеют эти цифры. В Америке каждое десятилетие производятся переписи. Чтобы найти цифру, *похожую* на нашу, надо вернуться к 1860 году, когда в Америке было ещё *рабство* негров.

В 1860 году стоимость продуктов обрабатывающей промышленности определялась в Америке в 3771 млн. руб., а в 1870 г. уже в 8464 млн. руб. В 1910 г. мы имеем там уже сумму в 41 344 млн. руб., то есть почти *вдевятеро* больше, чем в России. Население России – 160 млн., а Америки – 92 млн. в 1910 г., и 31 млн. в 1860 году!

Средний заработок русского фабрично-заводского рабочего в 1911 г. – 251 руб. в год…

В Америке в 1910 г. средний заработок промышленного рабочего – *1036 рублей*, то есть больше чем *вчетверо* выше русского. В 1860 году этот заработок равнялся *576 рублям*, то есть вдвое больше *теперешнего* русского.

Россия XX века *стоит ниже рабской Америки*…»[5]

Это ведь не политическая пропаганда, это – промышленная статистика! Причём – официальная царская. Но эта статистика била царизм наотмашь и наповал. И поэтому повторю ещё раз – *все утверждения о том, что царская Россия динамично развивалась и быстро догоняла мировых лидеров – сказки!*

Она-то развивалась, но так, как это надо было не России, а иностранному капиталу!

В 1914 году в Берлине на немецком языке вышла книга немецкого мелкобуржуазного экономиста Е. Агада с длинным названием «Крупные банки и всемирный рынок. Экономическое и политическое значение крупных банков на всемирном рынке с точки зрения их влияния на народное хозяйство России и германо-русские отношения». Автор 15 лет прослужил в Русско-китайском банке, так что предмет знал, почему Ленин широко и использовал его данные в своей капитальной дореволюционной работе «Империализм как высшая стадия капитализма».

Так вот, Агад сообщал, что на конец 1913 года из 19 крупнейших банков России 11 были основаны фактически на иностранные капиталы, из них 4 – на германские, 2 – на английские и 5 – на французские[6]. И это ведь имеются в виду только «чисто» чужие банки, но в остальных оставшихся восьми якобы «русских» банках иностранных капиталов тоже хватало…

В 1914 году Ленин, ссылаясь на данные Е. Агада писал:

«Из почти 4-х миллиардов составляющих „работающий“ капитал крупных банков, свыше 3/4, более 3-х миллиардов, приходится на долю банков, которые представляют из себя, в сущности, „общества-дочери“ заграничных банков, в первую голову парижских (знаменитое банковское трио: „Парижский союз“; „Парижский и Нидерландский“; „Генеральное общество“)

и берлинских (особенно „Немецкий“ и „Учётное общество“)… И, разумеется, страна, вывозящая капитал, снимает сливки: например, берлинский „Немецкий банк“, вводя в Берлине акции Сибирского торгового банка, продержал их год у себя в портфеле, а затем продал по курсу 193 за 100, т. е. почти вдвое „заработав“ около 6 млн. рублей барыша…»[7]

А государственные иностранные займы старой России?! Первый внешний заём был сделал в царствование Екатерины II в 1769 году у голландских банкиров на сумму 5,5 миллиона гульденов. С тех пор, как писал Ленин по другому поводу, всё пошло по русской поговорке: «Первая – колум, вторая – соколум, остальные – мелкими пташечками»… Вот только то иностранное финансово-промышленное вороньё, которое всё наглее терзало российскую экономику, было отнюдь не мелкого пошиба: Нобели, Ротшильды, Томпсоны, Беринги, Зингеры, Лазары, Детердинг, Сименс, Юз и так далее…

На горную, горнозаводскую и металлообрабатывающую отрасли приходилось более 70 % всех иностранных капиталовложений в промышленность, при этом командные высоты иностранцы осваивали прежде всего в важнейшей группе «А», то есть – в производстве средств производства, где доля иностранного капитала составляла 60 процентов, в то время как в группе «Б» – производство средств потребления, всего 18 процентов[8].

Могла ли преодолеть эту гибельную для экономической (а, значит, и для политической!) независимости тенденцию Россия, даже свергнувшая самодержавие, но оставшаяся буржуазной?

Нет, конечно!

И если бы не Ленин, начавший строить новую – социалистическую, Россию, то после даже самого победоносного окончания Первой мировой войны, буржуазной России – и до войны на две трети принадлежавшей не себе, а Западу – пришлось бы расплачиваться по огромным военным внешним долгам.

А их, только краткосрочных, накопилось к 1917 году на три довоенных годовых бюджета Российской империи.

Именно Ленин смело порвал паутину внешних долгов и снял иностранные оковы с экономики России, именно Ленин увёл Россию от бездарной, зависимой, незавидной судьбы. А затем он показал стране перспективу судьбы великой и увлекательной.

Так Спаситель он России, Создатель, Творец он могучей России, или нет!?

Окрашенное как в трезвые – с политико-экономическим анализом, так и в эмоциональные – почти библейские тона предчувствие конца старого мира и нового, небывалого Акта Творения охватывало тогда многих остро и тонко чувствующих русских людей. Достаточно перелистать страницы сборников поэзии такого оригинального, хотя и не глубокого ума, как поэт и художник Максимилиан Волошин, чтобы убедиться в этом лишний раз. Вот названия некоторых его стихов предреволюционных и революционных лет: «Армагеддон», «Неопалимая Купина», «Видение Иезекииля», «Иуда Апостол», «Россия распятая»…

В 1918 году Сергей Есенин написал стихотворение с показательным названием «Небесный барабанщик», где Иисус Христос выведен в виде глашатая революции:

«Мы идём, а там, за чащей,
Сквозь белёсость и туман,
Наш небесный барабанщик
Лупит в солнце-барабан».

Чуть позже он же напишет стихотворение «Пантократор» («Всемогущий»), где, обращаясь к Иисусу, заявит:

«За седины твои кудрявые,
За копейки с златых осин
Я кричу тебе: „К чёрту старое!“,
Непокорный, разбойный сын».

И далее:

«Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей…»

Это ведь не средней руки партийный пропагандист написал… Это написал в реальном масштабе исторического времени великий русский поэт!

Приведу оценку, исходящую и из другого пласта мыслей и чувств, – мнение крупнейшего русского учёного-металлурга Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло, высказанное им в 1924 году, в частном письме за границу:

«… Я потерял во время революции буквально всё, что имел. В войсках Колчака я потерял сына и племянника. Тем не менее я ни на минуту не сомневаюсь, что победа красных и провал Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и проч., и проч. есть благо. Больна была вся нация, от подёнщика до министра, от нищего до миллионера, – и, пожалуй, интеллигенция была в большей мере заражена, чем простой народ…

Я считаю современный строй исторически необходимым для России… Современное правительство медленно, но неуклонно ведёт русский народ к выздоровлению».

Это было сказано о правительстве Ленина.

Да, к 1917 году Россия была, что называется, беременна революцией, причём революцией именно народной, пролетарской, о чём даже Ленин не очень-то догадывался даже в начале 1917 года – будет у нас о том разговор позже.

Сегодня негодяи и разного рода глупцы попугайски повторяют истёртые временем басни о том, что якобы германский агент Ленин приехал в Россию в запломбированном вагоне и взбулгачил-де несчастную Расею-матушку на радость германскому генштабу.

Доберёмся мы и до «пломбированного вагона», и много до чего ещё… Но сразу скажу, что Ленин за всю свою политическую жизнь никогда и ни у кого не брал ни копейки, если это обязывало бы его перед жертвователями в политическом плане. Тем или иным образом продавались другие – меньшевики, эсеры, кадеты и т. д., и вот им-то потом приходилось отрабатывать авансы.

Что они и делали.

В том числе и поэтому они сваливали с больной головы на здоровую, клевеща на Ленина. А поскольку: 1) «немецкое золото», якобы полученное Лениным, и 2) якобы ангажированность Ленина германским генштабом, сегодня оказываются наиболее популярными обвинениями Ленина, на этих двух моментах придётся остановиться подробно, вписав реабилитацию Ленина в общий контекст той эпохи. И тогда станет ясно, что Россия ждала именно Ленина, сама о том до поры, до времени, не зная. Но когда он оказался востребован эпохой, мало нашлось в России людей, которые не поняли бы – пусть и не все сразу, что именно Ленин России и нужен.

Написать книгу о Ленине мне хотелось давно, и написать её я давно считал своим долгом. И вот почему…

Ленин – безусловно, первая и самая крупная фигура в истории России и мира, если иметь в виду хронологическую последовательность появления в мировой истории её великих творцов. Сталин стал позднее второй первой и самой крупной фигурой в истории России и мира, и в сказанном нет ни парадокса, ни противоречия. Ленин и Сталин – люди по рисунку натуры разные, в историческим плане оказались политическими близнецами, фигурами равноценными.

У Сталина – с учётом его ошибок – можно учиться тому, как надо строить новый мир.

У Ленина – тому, как создавать условия для начала его строительства… Впрочем, тому, как строить новое общество, у Ленина тоже можно поучиться.

Если обратиться к аналогии из спорта, можно сказать, что Ленин и Сталин навсегда разделили высшую ступеньку на пьедестале почёта Истории человечества. Однако сейчас фигура Ленина оказалась в исторической тени, из которой, правда, он уже начинает выходить. Общественные взоры сегодня больше обращены к Сталину, чему есть свои причины. Но, не поняв сути Ленина, мы не поймём в полной мере и сути Сталина.

Между прочим, не случайно уже на протяжении десятилетий Ленина пытаются оторвать от Сталина и даже противопоставить одного другому. Сам же процесс официального чуть ли не обожествления Ленина в СССР и уж, во всяком случае, – нанесения на его живую мысль тщательного глянца, надо относить не к сталинской эпохе. Для Сталина и в эпоху Сталина Ленин был не иконой, а знаменем. Иначе всё повернулось во времена «верного ленинца» Хрущёва, якобы возвратившего Россию и партию к «ленинским нормам жизни и руководства» после якобы сталинского их «извращения».

Хрущёву, хрущёвцам-шкурникам и всё более густо окружающим Хрущёва агентам влияния Запада было важно принизить Сталина, заслонить его гигантскую фигуру. А сделать это можно было, лишь задвинув Сталина за единственную равновеликую ему фигуру русской истории – Ленина. Начало этому было положено в середине хрущёвских 50-х годов, и всё продолжилось в брежневские годы. В изображении официальной пропаганды Ленин стал походить на китчевые раскрашенные фигуры девы Марии в католических храмах.

Владимир Маяковский в стихотворении «Юбилейное» написал о Пушкине: «Я люблю вас, но – живого, а не мумию». Всё верно – мумию любить нельзя, а глупцы-начётчики из брежневского Политбюро ЦК КПСС типа Михаила Суслова позволяли скрытым агентам влияния Запада типа будущего ренегата «Александра Н.» Яковлева усиленно наводить на Ленина «хрестоматийный глянец» и делать из него мумию.

К слову, Яковлев уже после убийства СССР открыто признался, что это был давний план: ударить Лениным по Сталину, а потом ударить и по Ленину, и идеям Ленина. Мы это ещё увидим в своём месте.

В итоге вместо объективного исторического анализа феномена Ленина, феномена Ленина – Сталина общество к началу «катастройки» имело два схематизированных муляжа – предельно глянцевый «хрестоматийный» муляж Ленина и скупо раскрашенный муляж Сталина.

С приводом к власти Горбачёва хрущёвско-брежневский период скрытого разложения социализма сменился его открытым внутренним демонтажом, и оба муляжа густо залили грязью. По мере крепчания ельцинизма-путинизма к грязи стали всё более подливать красной – под цвет крови, дешёвой краски.

И всё ещё подливают.

Но может ли дискредитация Ленина и Сталина продолжаться бесконечно?

Думаю – нет! Задыхаясь от лжи, общество почти инстинктивно стремится глотнуть чистого, свежего воздуха. Сейчас это и происходит – в тирана Сталина и в злодея Ленина верят уже

далеко не все. Причём первым началось восстановление в исторической памяти России подлинного облика Сталина, и это вполне объяснимо. Сегодня самым актуальным историческим вопросом оказался вопрос – то ли общество мы строили? Строительство социализма связано прежде всего с именем Сталина, вот на Сталина больше всего и ополчились «реформаторы»-капитализаторы. По закону исторического противодействия имя Сталина начало очищаться поэтому раньше, чем имя Ленина.

Но пора очистить от грязи и Ленина. Лишь проведя и полностью завершив этот процесс и затем вновь встав под знамя Ленина – Сталина, мы сможем преодолеть самый страшный и самый опасный кризис в своей истории и начать подлинное возрождение России.

При этом серьёзных книг о Ленине даже заинтересованный читатель не найдёт ни в библиотеках, ни на книжных прилавках. Несмотря на обилие советской литературы о Ленине, внимания достойны прежде всего воспоминания о нём… Антисоветская литература о Ленине, особенно зарубежная, тоже не бедна, но это в основном макулатура. И лично я могу рекомендовать читателю лишь увидевшие свет в 2000-е годы книги о Ленине доктора исторических наук Владлена Терентьевича Логинова. Увы, ими объективная и *умная* «лениниана», пожалуй и исчерпывается, если не считать небольшого эссе «Сталин и Ленин» Ричарда Ивановича Косолапова… Как видим, негусто, и моя книга, надеюсь, станет в строй борьбы за Ленина вполне боевой единицей!

Сегодня сложилась парадоксальная ситуация… Те же люди, которые уже *взахлёб* готовы принять и оценить Сталина, искренне и справедливо считавшего себя учеником Ленина, к Ленину по сей день относятся прохладно.

Даже многие люди из, как говорится, «старшего поколения», просто-таки преклоняющиеся перед Сталиным, имя Ленина произносят, пожав плечами: мол, «фигура неоднозначная»… Я могу найти этому лишь одно объяснение: за двадцать с лишним лет два клише: «немецкое золото» и «пломбированный вагон», были особенно прочно вбиты убийцами Советского Союза в общественное восприятие Ленина.

Сталин – ГУЛАГ.

Ленин – «пломбированный» вагон.

Ну что ж, разберёмся мы и с «немецкими миллионами», и с «пломбированным вагоном»! Причём к этим двум темам придётся по ходу книги возвращаться не раз, и не два, но в итоге обе эти темы можно будет закрыть раз и навсегда.

Именно так!

Соблазнительно написать о молодом Ленине, о его дооктябрьской революционной работе в России и в эмиграции, и мы эти темы затронем – как же иначе? Ленин не знал – когда точно в России станет возможна социальная революция, но он был готов к ней в любой момент, он готовил себя к ней каждый день с самого начала своей самостоятельной жизни. Он создавал и создал сыгранный партийный «оркестр», он писал «партитуру» партийной программы, и всегда был готов сыграть «симфонию революции»…

Соблазнительно написать о Ленине не политике, а человеке. Ведь Ленин был чертовски незауряден и ярок – не как киногерой из Голливуда, а как редкостно здоровая натура, здоровая и духовно, и, между прочим, физически. Он был неутомимым ходоком, велосипедистом, лыжником, на коньках стоял как фигурист, прекрасно плавал, и в холодных швейцарских озёрах заплывал так далеко, что жена начинала беспокоиться.

Впрочем, человек в Ленине был неотделим от политика, причём – политика совершенно нового типа – гениального и успешного политика большинства… И Маркс, и Энгельс тоже были политическими гениями и личностно великими натурами, однако их сферой была, в основном, теория. Ленин же смог заняться не только теорией, но и практикой социализма. До него почти

все великие практические политики прошлого, исключая, разве что, Марата, Робеспьера и ещё двух-трёх, были политиками меньшинства… Юлий Цезарь и Людовик XI, Лютер, Кромвель и Кольбер, Потёмкин, Мирабо и Карно, Наполеон, Франклин и Меттерних, Питт, Дизраэли и Линкольн, Бисмарк – все они стояли на стороне имущей Элиты, а Ленин уже в ранней молодости стал на сторону пролетариата, и всю жизнь отдал борьбе за власть Труда.

Чем больше в ходе работы над этой книгой я узнавал Ленина – казалось бы и до этого знакомого мне неплохо, тем лучше понимал, что он ещё значительнее, чем это представлялось. Однако его величие оказалось несколько иным, чем представлялось ранее – более человечным, более уникальным, более романтичным, более трагическим, но и более счастливым.

Да – счастливым!

В истории мира мало найдётся фигур, о которых можно сказать – как о Ленине: он был очень счастливым человеком и сам это знал!

Никого и никогда Ленин не оставлял равнодушным к себе, это видно даже из того, как писали о нём враги и недруги. Восхищение самобытностью и цельностью Ленина невольно просвечивало даже сквозь самую отчаянную ругань о нём. Что уж говорить о соратниках и друзьях! И только из одних оценок Ленина, накопившихся с 1917 года, можно составить отдельную интересную книгу.

Однако я буду в описании Ленина-человека чаще всего вынужденно краток, потому что сегодня нужна не просто биографическая книга о Ленине, но капитальное исследование о нём – на фоне его биографии, конечно…

Ёмкая, но небольшая книга, осмысляющая Ленина и очищающая Ленина, тоже необходима – особенно для молодых. Пока что интерес молодёжи к нему не так велик, как, скажем, интерес к Сталину, к соратнику Сталина Берии… Но Ленин до конца своей политической жизни, закончившейся весной 1923 года, был натурой молодой, порывистой, и умная молодёжь это рано или поздно оценит.

Между прочим, Ленин был и на редкость жизнерадостным, неунывающим человеком, весёлым, умеющим заразительно не то что смеяться, а до слёз хохотать.

Он был очень разным, но никогда и ни в чём не был тривиальным и мелким – ни в общественном, ни в повседневном житейском своём обличье. Кроме всего прочего, он был философом в точном, изначальном смысле этого слова: он был мастером и любителем познающей мысли. Между прочим, в том числе и поэтому Владимир Ильич, как философ, не мог быть властолюбцем.

И не был им.

Бывший товарищ Ленина по революционной работе, ставший позднее ренегатом, Николай Вольский (Валентинов), претендующий на звание философа, пренебрежительно отозвался о единственном «чисто» философском труде Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». А ведь это говорит лишь об ограниченности Валентинова…

Сегодня научные познания о материальном мире качественно глубже, чем то было во времена Ленина. Однако даже сегодня актуальны вопросы: «Что есть мир? Познаваем ли он? И как человек познаёт мир?»… Ленин отвечал на них просто и внятно: «Мир есть объективная реальность. Он познаваем, однако сам процесс познания бесконечен, как бесконечен мир – „электрон неисчерпаем так же, как и атом, природа бесконечна…“. А познаёт человек мир, исследуя его». По сути, философские идеи Ленина полностью не освоены по сей день.

Всё тот же Валентинов предпослал своей книге о Ленине «Недорисованный портрет» эпиграф из стихотворения о Ленине советского поэта Н. Полетаева:

Века уж дорисуют, видно,

Недорисованный портрет.

Что ж, пора портрет и дорисовать. Однако я старался дать не только портрет, а широкое историческое полотно, ибо объём книги, повествующей более-менее полно о жизни и исторической деятельности Ленина, не может не быть огромным! Так что эта книга – *дорисованный* портрет гения-гуманиста в интерьере эпохи…

Хотя, предупреждаю сразу, это – весьма своеобычный портрет.

Как надо давать крупную фигуру, тем более – политика, тем более – социального реформатора? Вне сомнений – через достоверные документы, раскрывающие его деятельность, и через конкретные общественные результаты его деятельности. Житейские привычки, склонности, воспоминания друзей и недругов – всё это, в конечном счёте, не так уж и существенно. Точнее – не первостепенно, не основополагающе…

Важно то, что человек делал и сделал, как влиял и повлиял на то общество, проблемами которого он был занят.

Ниже приведены слова, которые при всём желании даже самый подлый антикоммунист не сможет назвать коммунистической пропагандой:

«По плодам их узнбете вы их… Так, всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые».

Это – Евангелие от Матфея, глава 7, стихи 16–18. И это же – вполне точная формулировка *единственно верного и вполне достаточного* критерия для оценки деятельности *любого* общественного деятеля, *любого* политика в *любой* исторический период!

Какие «плоды» принесла деятельность Горбачева?

Ельцина?

Какие «плоды» приносит деятельность Медведева, Чубайса, Путина?

А?

Владимир Маяковский написал о себе: «Я – поэт, этим и интересен…»

Это сказал *поэт*, то есть такой член человеческого сообщества, чья общественная работа тесно и неизбежно сплетена с его личной жизнью. И для духовно развитого и здорового человека действительно должно быть интересно прежде всего то, что *написал* поэт, а не то, были ли у него любовницы и любил ли он сырую, или кипячёную воду…

Такой подход верен даже для портрета *поэта*, и уж, тем более, именно такой подход верен для описания политика! Политик интересен не тем, любил ли он цветы или детей, а тем, что он *сделал* – работал ли он для того, чтобы в мире цвели цветы и были счастливы дети, или его действия были направлены на противоположное…

Скажем, Уинстон Черчилль обладал шармом, был интересным художником – отнюдь не дилетантом, однако нам должно быть важно и интересно в нём прежде всего то, что он был жестоким, бесчеловечным колонизатором, стал одним из второстепенных творцов Первой мировой, одним из первостепенных творцов Второй мировой войны, затем много поработал для начала третьей мировой войны – уже «холодной», а в итоге стал одним из тех, кто своими действиями, сам того не желая, обрушил мощь Британии.

Вот общественные «плоды» политика Черчилля.

И вот что важно для нас в Черчилле.

А что важно для нас в Ленине?

Каковы его общественные «плоды»?

Владимир Ильич Ленин родился 22 апреля 1870 года и умер 21 января 1924 года, то есть не прожил и пятидесяти четырёх лет. Свою жизнь как человек, пришедший в политику – не официальную, а нелегальную, революционную, он начал в двадцать три года, арестовывался, более года сидел в Петербургском доме предварительного заключения, с февраля 1897 года по январь 1900 года отбывал ссылку в сибирском селе Шушенском…

Затем – первая эмиграция, первая общерусская политическая газета «Искра», первая – неудачная, революция 1905 года, подпольные скитания между Петербургом и Москвой, недолгая жизнь в Финляндии…

Затем – вторая эмиграция, уже до февраля 1917 года…

Профессиональный революционер Ульянов, список партийных и литературных псевдонимов которого («Базиль», «В. Ильин», «Вильям Фрей», «Ильич», «Карпов», «Карич», «Дядя», «Тулин», «Не-депутат», «Мирянин», «Старик», «Статистик», «Якоб Рихтер», «Petroff» и так далее) «зашкаливает» за сотню, успел сделать за дореволюционные годы немало. Была создана партия, написан ряд серьёзных политико-экономических исследований, получена известность в социал-демократических и социалистических кругах Европы… Однако если бы Ленин умер, скажем, в январе 1917 года, то сколько-нибудь значительного места не то что в мировой, но даже в русской истории для него не нашлось бы.

Роль Ленина в период с Февраля по Октябрь 1917 года уже намного общественно значимее, она уже крупна и публична. Если бы Ленин умер в сентябре 1917 года, то по крайней мере среди историков его имя не затерялось бы, даже если бы Россия не стала советской.

Но тот Ленин, которого весь мир узнал и знает как ЛЕНИНА – это Октябрь 1917 года и шесть последующих советских лет. Всё это время Ленин стоял во главе созданной им России.

То есть, для верного исторического портрета Ленина важен прежде всего период с начала второй – февральско-мартовской, русской революции и до последних дней активной политической жизни Ленина, то есть – до весны 1923 года. И на этом периоде мы, конечно, остановимся подробно, захватив и очень важные последние два-три года перед февралём 17-го… В целом же портрет Ленина – это, как уже сказано, портрет Спасителя единой и неделимой России от козней её внешних врагов, а затем – Творца новой России. Вот чем Ленин интересен нам, вот каковы *его* общественные «плоды»!

Этим он может и должен быть полезен и для нашего будущего.

А для того, чтобы показать Ленина правдиво, вовсе не требуется копаться в закрытых архивах. В нашем распоряжении есть огромный массив источников, который, как ни странно, толковым образом до сих пор не использовался, несмотря на его широкую распространённость. Это – 5-е издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина в 55 томах.

Только письма с 1893 по 1923 годы, записки и телеграммы послереволюционных лет занимают десяток томов, и уже это – ценнейшая *точная* информация о Ленине. Вот почему в книге активно используются ленинские письма при обширном их цитировании. Зачем играть в испорченные телефоны? Лучше предоставить Ленину возможность *прямого* разговора с читателем, *прямого* рассказа о себе…

А взять ленинские работы – начиная с капитального труда «Развитие капитализма в России» и заканчивая короткими, в страничку, статьями на злобу дня! Многие из этих работ написаны как будто сегодня, а многие – и как будто *завтра*…

Одна «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», относящаяся к ранней, дореволюционной, осени 1917 года чего стоит! Конечно же, мы познакомимся и с ней.

И – не только с ней.

Пожалуй, впервые в литературе о Ленине так широко будет предоставлено слово самому герою книги!

Один из московских журналистов, узнав о том, что я пишу книгу о Ленине и намерен широко его цитировать, предостерёг от увлечения этим, поскольку-де, стиль ленинских работ скучноват. Уверен, что, прочтя эту книгу, он спросит: «А где вы нашли *такого* Ленина?»

Ответ прост: «В Полном собрании его сочинений».

Почему-то наименее часто используются наиболее доступные и наиболее достоверные сведения, а ведь сведения, отыскивающиеся в томах ленинских трудов, не только доступны, они ещё и полностью достоверны! Они дают богатейшие возможности для объективного анализа как человеческой и исторической сути Ленина, так и сути той эпохи, главным нервом которой он стал.

С одной из ленинских работ – с его знаменитых «Апрельских тезисов», мы и начнём… С этих тезисов, введённых Лениным в общественный оборот сразу после его возвращения в Россию весной 1917 года, начинается Ленин как общенациональная фигура, известная не узким общественным кругам, а всему обществу.

С этих же тезисов начинается и широкая общенациональная борьба Ленина за новую Россию, чья история неотделима от истории ленинской жизни, с которой предстоит познакомиться читателю.

Глава 1. Апрельские тезисы

Уже из названия этой главы ясно, что события, о которых пойдёт речь, относятся к апрелю, конкретно – к апрелю 1917 года. Но для того, чтобы лучше понимать ситуацию, которая возникла в России к весне 1917 года, надо хотя бы кратко окинуть взглядом период с момента образования партии большевиков до февраля (марта) 1917 года.

Напомню, что двойные даты объясняются тем, что в дореволюционной России был принят юлианский календарь, разработанный Юлием Цезарем, в то время как Европа давно перешла на григорианский календарь папы Григория XIII, «убежавший» к XX веку по сравнению с юлианским на 13 дней вперёд.

Сегодня мы тоже живём по григорианскому календарю – как весь мир. И это – один из результатов прихода в жизнь России партии Ленина.

Итак, немного – об истории партии…

Российские марксисты – социал-демократы создали реально работающую партию на II съезде в 1903 году. Первый съезд 1898 года в Минске, провозгласивший создание Российской социал-демократической рабочей партии – РСДРП, собрал всего 9 делегатов. На открывшемся же 17(30) июля 1903 года в Брюсселе, а затем переехавшем в Лондон II съезде РСДРП уже 43 делегата представляли 26 региональных организаций.

II съезду предшествовала большая работа Ленина и других тогдашних лидеров социал-демократов по организации выпуска нелегальной газеты, которая позволила объединить разрозненные силы, и такой газетой стала нелегальная «Искра».

На первых порах РСДРП была единой партией, но поскольку на II съезде наметился раскол, а ленинская линия по ряду вопросов получила поддержку большинства, сторонников Ленина стали с тех пор называть большевиками, а оппонентов Ленина в РСДРП – меньшевиками. И хотя потом Ленин и его соратники нередко оказывались в меньшинстве, название оказалось «знаковым» – убедительным и точным.

В конце концов большинство шло за Лениным.

Зимой 1905 года началась первая русская революция… В апреле 1905 года в Лондоне собрался III съезд РСДРП, а 17 октября 1905 года царь вынужден был издать манифест о «свободах»…

В декабре 1905 года в Москве вспыхнуло рабочее восстание, жестоко подавленное. Террор и уступки царя несколько снизили накал страстей: если в 1905 году в стачках приняло участие 2 миллиона 863 тысячи человек (для тогдашней России – цифра огромная), то в 1906 году – 1 миллион 108 тысяч, а в 1907 году – и вовсе 740 тысяч[9].

В апреле 1906 года в Стокгольме собрался IV съезд РСДРП – так называемый Объединительный. 111 делегатов представляли 57 региональных организаций, но большинство имели меньшевики. В Центральный Комитет, избранный съездом, вошли 3 большевика и 6 меньшевиков, а в редакцию центрального партийного печатного органа – газеты «Искра», только меньшевики (Мартов-Цедербаум, Мартынов-Пикер, Маслов, Дан и Потресов).

Боевитость, напор партии сразу пошли на убыль, и в этих условиях Ленин настаивал на проведении нового партийного съезда, а меньшевики во главе с Плехановым и Мартовым выступали против. Однако в мае 1907 года в Лондоне собрался V съезд РСДРП и длился почти две недели.

На V съезде чётко проявилось противостояние Ленина с одной стороны и Плеханова с Мартовым и Даном с другой стороны. Троцкий выдавал себя за «внефракционного» «центриста», но фактически поддерживал меньшевиков и бундовцев (членов отдельного

еврейского Бунда).

Делегаты съезда представляли 150 (!) тысяч членов партии – вроде бы, немалая сила. Однако тогда это была весьма разношёрстная партия, вскоре начался спад революционного движения, наступила реакция… Нестойкие впадали в уныние и отходили от революции. И Ленин с большевиками полностью разошлись с меньшевиками.

Об этом ещё будет сказано в своё время.

В 1912 году Троцкий создал так называемый «Августовский» блок – антибольшевистский, то есть антиленинский. Ещё раньше, в январе 1912 года большевики провели в Праге VI Всероссийскую партийную конференцию – практически отдельный съезд большевиков. На Пражской конференции был образован особый центр для оперативного руководства партийной работой в России – Русское бюро ЦК во главе со Сталиным, который был избран заочно, поскольку отбывал ссылку в Вологде.

В России начиналось общественное оживление – в восторг от царя приходило всё меньшее число его подданных, и чтобы быть поближе к России, Ленин в июне 1912 года переехал из Парижа в австрийский тогда Краков. Ещё раньше по инициативе Ленина и Сталина с 22 апреля (5 мая) 1912 года, в Петербурге стала выходить легальная ежедневная рабочая газета «Правда», первый номер которой открывала передовая «Наши цели», написанная Сталиным.

Вскоре Сталин был в очередной раз арестован и в июле 1912 года выслан в Нарымский край под гласный надзор полиции на три года. Но уже в сентябре Сталин бежит из ссылки, а в ноябре приезжает к Ленину в Краков в первый раз (вернувшись нелегально в Петербург, Сталин вновь побывал потом у Ленина в конце 1912 года).

В конце февраля 1913 года Сталина арестовывают в последний раз и в июле высылают в Туруханск, откуда убежать было уже невозможно. А в Европе дело шло к войне, которая 1 августа 1914 года и началась.

Ленин тогда переехал из Кракова в деревню Поронин – там было спокойнее и здоровее для заболевшей базедовой болезнью Крупской. В Поронине австрийские власти по ложному доносу арестовывают Ленина – как «русского шпиона». В результате он оказался в галицийской тюрьме в Новом Тарге, но быстро выяснилось, что Ленин и русский царизм – понятия несовместные, и Ленина освободили. Однако, пока австрияки и немцы не поняли, что он является врагом не только царизма, но и вообще всей имущей элитарной сволочи – как коронованной, так и некоронованной, Ленин и Крупская уехали от греха подальше в Швейцарскую республику.

На другой же день после приезда из Поронина в Берн Ленин выступил на собрании бернской группы большевиков с докладом об отношении к войне. Запись этого доклада получила позднее известность как «Тезисы о войне», и вот как смотрел Ленин на положение дел уже в сентябре 1914 года:

«Европейская и всемирная война имеет ярко определённый характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабёж чужих стран, … стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев, натравив наёмных рабов одной нации против наёмных рабов другой на пользу буржуазии – таково единственное реальное содержание и значение войны…

Обе воюющие группы наций ничуть не уступают друг другу в жестокостях и варварстве войны.

…Задачей социал-демократии России является в особенности, и в первую голову, беспощадная и безусловная борьба с великорусским и царско-монархическим шовинизмом… С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и её войск (заметим – монархии, а не России, – *С.К.*)…

Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть:

…всесторонняя, распространяющаяся и на войско, и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наёмных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств…; пропаганда республики немецкой, польской, русской и т. д., наряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединённые Штаты Европы;

…борьба с царской монархией и проповедь революции в России, а равно освобождения и самоопределения угнетённых Россией народов, с ближайшими лозунгами демократической республики, конфискации помещичьих земель и 8-часового рабочего дня»[10].

Социалисты европейских воюющих стран – все, за исключением единиц вроде Карла Либкнехта, поддержали войну и заняли «патриотическую» позицию. Ленин же сразу возвысил свой голос против войны. Причём это была позиция не пацифиста, а революционера: превратим войну империалистическую в войну классовую…

Задумаемся на минуту: если бы народы Европы и России в 1914 году *дружно* прислушались к Ленину и *реально* совершили то, к чему он призывал? Что это означало бы?

А вот примерно что…

Не погибло бы более 20 миллионов человек – военнослужащих и гражданских лиц, и не было бы ранено ещё 20 миллионов.

Не пропало бы без вести 3 миллиона человек.

Не осталось бы 5 миллионов вдов и 9 миллионов сирот.

Не было бы впустую – на разрушения и смерти, израсходовано 50 миллиардов тогдашних фунтов стерлингов. Это умопомрачительная цифра – по нынешним оценкам где-то пять, если не десять триллионов долларов. Только США, вступившие в войну весной 1917 года, истратили на войну в ценах 2001 года полтриллиона долларов!

И все эти деньги могли пойти на развитие Европы и России – на развитие мирной экономики, на жильё, школы, больницы, санатории, на украшение умной и весёлой жизни народов.

Не были бы уничтожены многие города и деревни во Франции, в Бельгии, в Германии, в России, Сербии, Польше…

Не было бы военной разрухи в России, не было бы гражданской войны, не было бы голода 1921 года в Поволжье…

Зато уже к 1915 году была бы единая братская Европа – не буржуазная, а социалистическая!

И для этого надо было всего-то не стрелять Джонам, Жанам и Иванам в Гансов, а Гансам – в Джонов, Жанов и Иванов, а коль уж лондонские, парижские и венские Ротшильды и российские Рябушинские сами вручили им винтовки, направить оружие, как предлагал Ленин, не против друг друга, а против развязавших бойню правительств.

Реально вышло иначе – глупо и кроваво, потому что уже тогда Золотая Элита научилась превращать информационную «лапшу» на ушах простых людей в бриллианты в ушах светских дам! С тех пор элита это умение лишь оттачивала, доведя его в XXI веке до совершенства.

Ленинские же «Тезисы о войне» вскоре были переправлены в Россию и широко обсуждались там в партийных организациях – нелегальных, естественно. Стали они известны и в Европе, и резко антивоенная позиция Ленина в ходе войны лишь укреплялась.

Итак, начавшаяся в 1914 году Первая мировая война застала Ленина в эмиграции, выезд в Россию для лидера большевиков, к тому же – убеждённого противника войны, был невозможен. Так что, когда в России в 1917 году произошла Февральская революция Ленин по-прежнему жил в Швейцарии.

В России же сразу создалась ситуация двоевластия. С одной стороны, образовался

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов – весьма, впрочем, вялый. С другой стороны возник Временный комитет царской Государственной думы во главе с председателем IV Думы, помещиком Родзянко и сформировал первое Временное правительство князя Львова, в которое вошли профессор Милюков – лидер кадетов (партии крупной буржуазии), октябрист Гучков и прочие…

Начинались бурные события, надо было как можно скорее возвращаться домой, однако путь в Россию оказался непрост, о чём будет рассказано позже. Сейчас же, пропуская несколько недель начавшегося 1917 года, просто сообщу, что поздно вечером 3 апреля (16 апреля по новому стилю) 1917 года Ленин приехал в Петроград.

На Финляндском вокзале ему была устроена восторженная встреча, был выстроен почётный караул. По пути в дворец Кшесинской, где разместился штаб большевиков, Владимир Ильич несколько раз обращался с броневика к толпам встречающих с краткими речами. Это были, естественно, просто агитационные призывы, однако наутро 17 апреля Ленин дважды выступал деловым образом. Вначале на хорах Таврического дворца он сделал доклад для большевиков – делегатов Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, а потом повторил свою речь уже на объединённом собрании большевиков и меньшевиков, участвовавших во Всероссийском совещании Советов[11].

Совещание было созвано Исполнительным комитетом Петроградского Совета и проходило в Петрограде с 11 по 16 апреля н. ст.

Состав Петроградского Совета был тогда преимущественно эсеровско-меньшевистским. Председателем Петроградского Совета первого созыва стал лидер меньшевиков Карло Чхеидзе, другой лидер меньшевиков – Ираклий Церетели, был членом Исполкома Петросовета… Заместителем председателя состоял центрист Матвей Скобелев, в первое руководство Петросовета входили также лидеры эсеров Виктор Чернов и Александр Фёдорович Керенский… Последний, правда, быстро перескочил из кресла зампреда Совета в кресло министра юстиции первого состава Временного правительства, но и без «Александры Фёдоровны» в первом Петроградском Совете претенциозных политических уродов хватало. Скажем, Церетели вернулся из ссылки 19 марта 1917 года и сразу же вошёл не только в состав Исполкома Петроградского Совета, но и в контактную комиссию по координации деятельности с Временным правительством для подготовки вхождения меньшевиков и эсеров в правительство, которое произошло 5 мая 1917 года[12].

Поэтому не исключаю, что срок окончания совещания Советов эсеры и меньшевики из Петросовета намеренно подгадали так, чтобы Ленин не успел на нём выступить, и, во всяком случае, не смог активно в нём участвовать. Зная взгляды и умение Ленина убеждать аудиторию, можно было предполагать всякое, в том числе – если и не немедленный, то достаточно быстрый переход влияния на народную массу к большевикам.

Собственно, так оно дальше и происходило, хотя и не в том темпе, в каком бы следовало.

Между прочим, на Финляндском вокзале Чхеидзе и Скобелев, приветствуя Ленина от имени Петросовета, выразили надежду, что он-де найдёт с ними общий язык. Однако Ленин прошёл к броневику и бросил в массы призыв: «Да здравствует социалистическая революция!»

Впрочем, от апреля 1917 года до Октября 1917 года должно было пройти не полгода, а целая историческая эпоха – века, спрессованные в шесть месяцев. Пока массы шли не за большевиками.

На Всероссийском совещании Советов были представлены Петроградский и 82 местных Совета, а также Советы армейских частей фронта и тыла. Главные вопросы: о войне, об отношении к Временному правительству, об Учредительном собрании, а также – аграрный вопрос, продовольственный и другие. Тон задавали меньшевики и эсеры, дважды витийствовал

«патриарх российского марксизма» меньшевик Георгий Плеханов, и Совещание заняло позицию «революционного оборончества». За продолжение войны было подано 325 голосов, против – 57. Было вынесено решение о поддержке Временного правительства, а большевика Старостина, призвавшего к окончанию войны, дружно освистали под не менее дружный социал-патриотический топот делегатов[13].

Не успел Ленин ступить на русскую землю, а газета группы Плеханова «Единство» уже написала, что Лениным-де «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии»[14].

Конечно, это была чепуха – я ещё к этому вернусь, но Ленин действительно сразу же взял быка за рога, и уже 4(17) апреля на собрании большевиков и меньшевиков заявил:

– Мы – вовсе не пацифисты. Но основной вопрос: какой класс ведёт войну? Класс капиталистов, связанный с банками, никакой другой войны кроме империалистической, вести не может. Стеклов, Чхеидзе всё забыли. Когда читаешь резолюцию Совета рабочих депутатов, поражаешься, как люди, заявляющие себя социалистами, могли вынести такую резолюцию. Воззвание Совета рабочих депутатов – там нет ни одного слова, проникнутого классовым сознанием. Там сплошная фраза! Единственное, что губило все революции, это фраза, это лесть революционному народу…

Как часто потом Ильича обвиняли в том, что он якобы потакает низменным страстям толпы, соблазняет народ красивыми речами, а вот она – правда о Ленине. Только приехав в Россию, он сразу же заявил, что льстить народу большевики не должны. Потому что обман народа – гибель революции…

Ленин был категоричен и в другом:

– Войну можно кончить лишь при полном разрыве с международным капиталом. Войну породили не отдельные лица, а международный финансовый капитал… Революционное оборончество – измена социализму. Что делать? Разъяснять, что такое социализм. Мы не шарлатаны. Мы должны базироваться только на сознательности масс. Если даже придётся остаться в меньшинстве – пусть. Стоит отказаться на время от руководящего положения, не надо бояться остаться в меньшинстве…

Что показательно! Ленин, *впервые в своей жизни* легально получивший в России обширную аудиторию, сразу же повёл себя как лидер, приверженный правде и только правде, и говорящий с народом языком, понятным народу. Он предупреждал:

– К народу надо подходить без латинских слов, просто, понятно… Что своеобразно в России, это гигантски быстрый переход от дикого насилия к самому тонкому обману… Мы не хотим, чтобы массы верили нам на слово… Мы хотим, чтобы массы *опытом* избавились от своих ошибок… Когда массы заявляют, что не хотят завоеваний, – я им верю. Когда Гучков и Львов говорят, что не хотят завоеваний, они – обманщики. Когда рабочий говорит, что хочет обороны страны. – в нём говорит инстинкт угнетённого человека…

Ленин был, конечно, прав. Он был не против обороны Отечества, он всего лишь призывал народ вначале обрести это Отечество, обрести в нём права человека, а уж потом его защищать.

И то, что было сказано им 17 апреля 1917 года в устном докладе, он немедленно изложил в статье «О задачах пролетариата в данной революции»[15].

Статья была опубликована в № 26 «Правды» 20 апреля (7 апреля по старому стилю) 1917 года и содержала знаменитые тезисы, которые назвали «Апрельскими». Ленин начал писать их ещё в пути, по дороге в Россию, и 17 апреля передал одному из членов редакции «Правды» с настоятельной просьбой напечатать в ближайшем номере, однако реально статья с тезисами была опубликована чуть позже.

Политическая щепетильность Ленина (как часто его обвиняли в противоположном!)

проявилась в том, что он сразу же предупредил читателей «Правды»: «Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, ***лишь от своего имени*** (жирный курсив мой. – *С.К.*) и с оговорками относительно недостаточной подготовленности, выступить на собрании 4 апреля…» Иными словами, признанный лидер большевиков, Ленин до одобрения его тезисов Центральным Комитетом РСДРП(б) не считал возможным подавать их как партийную программу! При этом он далее писал, что изготовление *письменных* (здесь и далее везде курсив Ленина, – *С.К.*) тезисов он предпринял для облегчения работы не только себе, но и «*добросовестным* оппонентам», и что он «передал их текст тов. Церетели»…

Как видим, Ленин ещё рассматривал Акакия Церетели как товарища по борьбе за новую Россию. Так о какой «гражданской войне в среде революционной демократии» тут можно было говорить? Да, Ленин критиковал Петросовет, но это была пока что ***товарищеская*** критика, и не вина Ленина, что меньшевики и эсеры к ней не прислушались.

Ленин был в своих основных мыслях твёрд и категоричен, но он всегда был твёрд и категоричен, потому что за его твёрдой позицией всегда стояли долгие размышления. Тем не менее, в первый момент категоричностью Ленина были смущены даже некоторые большевики, особенно Каменев, который никогда особенно «твердокаменным» не был. На следующий день после публикации в «Правде» статьи Ленина с «Апрельскими тезисами», та же «Правда» писала: «Схема т. Ленина представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в социалистическую»[16]?

Впрочем, подобные мнения в массовой части большевистской партии погоды уже не делали – Ленин как никто умел разгонять тучи любых сомнений!

Что же до непосредственно «Апрельских тезисов», то их было десять. И все они были политически безупречны и исторически актуальны. Актуальны по сей день! А точнее – актуальны не столько для нынешнего реального – тупого и подлого, нашего дня, сколько для возможного завтрашнего – умного и весёлого, дня.

Вот эти тезисы, данные ниже в частичном сокращении, с небольшими моими комментариями…

«1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К^0 остаётся грабительской, империалистической войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки „революционному оборончеству“.

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать своё согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве со всеми интересами капитала…»

Что здесь неясного или неверного?

Россию защищать от внешнего врага надо, но вначале надо установить в России народную власть, которая будет вести войну в целях изгнания оккупантов со своей территории, а не в целях захвата черноморских проливов, и не в целях военных прибылей капитала.

Это ведь и сейчас злободневно: не Чечню надо было усмирять, а выборным путём изгнать из власти в Кремле тот капитал, который породил Чечню, который поощряет националистов и на ровном месте разжигает национальную вражду между народами России.

«2. Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму её этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоёв крестьянства…

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни. масс пролетариата…»

И тут всё ясно! Как мог иначе мыслить политик, исходящий из интересов трудящихся? В России пало самодержавие, и это – хорошо! Плохо то, что власть осталась у привилегированных. Однако если народная масса пришла в движение, если она стремительно политизируется и сдвигается «влево», то необходимо довести её сознание до понимания того, что революцию надо довести до конца, создав власть, кровно связанную не с помещиками, капиталистами и финансовыми олигархами, а с людьми труда – промышленного и сельского.

Ленин был прав в 1917 году, но его правота сохраняется и спустя почти сто лет! В 1991 году в силу недостаточной трезвости ума и дезорганизации горбачёвцами народов СССР, эти народы утратили Советскую власть, и теперь необходимо вернуть власть в России трудящимся.

«3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний…»

Обещания Временного правительства в 1917 году были действительно пустым звуком, а точнее – намеренным, наглым обманом народа. Но разве не то же самое надо сказать о современном правительстве «Единой России», единолично правящей Россией вопреки интересам народа и во имя интересов двух-трёх процентов населения?

«4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед блоком всех мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих её влияние на пролетариат элементов от народных социалистов, социалистов-революционеров до… Чхеидзе, Церетели… и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С.Р.Д. (*Советы рабочих депутатов*. – *С.К.*) есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддаётся влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведём работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам…»

Этот тезис прямо обращён и к современным коммунистам. Терпеливое, систематическое, настойчивое, учитывающее практические потребности масс разъяснение их ошибок, разъяснение иллюзорности надежд на капиталистический строй в России – вот разумная линия КПРФ…

Вернёмся, однако к ленинским тезисам:

«5. Не парламентарная республика – возвращение к ней от С.Р.Д было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии (т. е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа), чиновничества…»

Если хорошо подумать, то должно быть ясно, что для широких народных масс, живущих своим трудом, Советская власть есть наилучшая форма обеспечения интересов трудящихся, о чём Ленин сразу по возвращении в Россию и сказал. И мысль Ленина не устарела! После двадцати лет существования бездарной и антинародной Государственной Думы РФ это видно вполне отчётливо.

Идея замена постоянной армии всеобщим вооружением народа была для того момента тоже абсолютно верной. И не только для того времени: в современной Швейцарии при наличии

небольших кадрированных вооружённых сил эффективный армейский резерв – это, практически, весь народ! Всё мужское население, имея на руках личное оружие, регулярно проходит переподготовку, так что нейтралитет Швейцарии гарантируют не только швейцарские банки, но и автомат мужа и отца в чулане рядовой швейцарской семьи.

Особенно же здорово выглядело окончание пятого ленинского «апрельского» тезиса. Я его даже выделю жирным шрифтом:

«**Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего**».

Вот уж тут Ильич бил прямо в лоб всей и тогдашней и нынешней продажной, коррумпированной чиновной сволочи! **Если народы России хотят иметь будущее, то они рано или поздно обеспечат в своём Отечестве именно тот порядок вещей, который Владимир Ильич Ленин предлагал ещё в 1917 году,** и который Сталин реализовал в виде партмаксимума – ограничения зарплаты для профессиональных партийных работников. Это хрущёвцы стали жить жирно – убив и оболгав Сталина и Берию, а брежневщина разврат элиты закрепила.

Следующий, шестой тезис Ленина также даёт пищу для современных размышлений российских масс над ним:

«6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Советы батрацких депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землёю местными Советами батрацких и крестьянских депутатов… Создание из каждого крупного имения… образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счёт».

Этого тезиса ждало от политиков всё крестьянство России, и особые разъяснения тут не требуются, но обращу внимание на то, что Ленин ещё весной 1917 года высказал плодотворную идею сохранения сельскохозяйственных латифундий в виде советских хозяйств – совхозов. Если знать, что основную часть товарного (то есть – на продажу) зерна в царской России производили именно крупные капиталистические хозяйства, то точностью мысли Ленина можно лишь восхищаться!

Уже на собрании большевиков 4(17) апреля 1917 года Ленин пояснял:

– Есть богатый мужик, есть батрак. Ему если даже дать землю, – он всё равно хозяйства не создаст. Нужно создать из крупных имений образцовые хозяйства, с хозяйством на общих началах…

Сегодня возврат к совхозам – тоже задача дня, как и следующая задача, поставленная Лениным перед Россией в 1917 году и вновь ставшая насущной через сто лет:

«7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С.Р.Д.»

Это – самый краткий из «апрельских» тезисов, и понятно – почему! Если исходить из интересов огромного большинства народа, а не привилегированной имущей кучки, то здесь всё бесспорно как для 1917-го, так и для 201n-го года.

Потому седьмой тезис и был краток, что стоит ли вокруг очевидного долгие речи разводить?!

На собрании 4(17) апреля Ленин, напомнив о формуле Маркса, что **банк – это**, вообще-то, «**форма общественного счетоводства**», сказал:

– Война учит экономии, все знают, что банки расхищают народные силы. Банки – нерв, фокус народного хозяйства. Мы не можем взять банки в свои руки, но мы проповедуем объединение их под контролем Совета рабочих депутатов…

Ленин был, как видим, вначале весьма умерен, требуя не национализации, а контроля, и повторил эту мысль в восьмом тезисе:

«8. Не „введение“ социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь *к контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов».

К тому времени, когда Ленин выдвинул этот тезис, в России – при сильном товарном голоде, простаивали немалые производственные мощности. Капиталисты начинали сворачивать и имеющееся производство, чтобы иметь рычаг для давления на рабочих, то есть проводили политику локаута (от английского «lok-out» – «запирать дверь перед кем-либо»). С другой стороны, в стране развилась бешеная спекуляция, поэтому для трудящихся России в 1917 году и этот ленинский тезис в особых комментариях не нуждался.

Если учесть, что путинский режим наплевательски относится к сохранению и развитию важнейших отечественных отраслей промышленности – например, авиапрома, если учесть, что сегодня мы в любом магазине переплачиваем за товар вдвое, втрое, а то и вчетверо по сравнению с ***экономически обоснованной*** ценой, то…

То и здесь к Ленину не мешало бы прислушаться уже нам, потомкам тех, кто под руководством Ленина совершил Октябрьскую революцию.

Девятый «апрельский» тезис касался вопросов чисто партийных: необходимости немедленного съезда партии [VI съезд РСДРП(б) прошёл с 26 июля по 3 августа 1917 года]; перемены и исправления программы партии по ряду пунктов и изменения названия партии.

Остановлюсь на последнем… Февральскую революцию большевики встретили как отдельная партия – Российская социал-демократическая партия (большевиков), РСДРП(б), но в России были и «просто» социал-демократы, то есть – меньшевики разного рода оттенков. Поэтому на собрании большевиков 4(17) апреля Ленин предложил:

– Лично от себя… Предлагаю переменить название партии, назвать Коммунистической партией. Название «коммунистическая» народ поймёт. Большинство официальных социал-демократов изменили, предали социализм…

С этим предложением Ленина соглашались туго, и он резко бросил:

– Вы боитесь изменить старым воспоминаниям. Но чтобы переменить бельё, надо снять грязную рубашку и надеть чистую… Слово «социал-демократия» неточно. Не цепляйтесь за старое слово, которое насквозь прогнило. Хотите строить новую партию, и к вам придут все угнетённые…

Увы, не все в партии были тогда готовы расстаться со старыми воспоминаниями, да и за «единство» с меньшевиками кое-кто цеплялся… Так что РСДРП(б) была переименована в РКП(б) – Российскую Коммунистическую партию (большевиков), лишь в марте 1918 года, на VII съезде партии.

Наконец, выдвинутый Лениным десятый «апрельский» тезис предлагал обновление Интернационала путём «создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против центра».

К тому времени II-й Интернационал во главе с ренегатами Бернштейном и Каутским стал, фактически, «троянским конём» Капитала в среде международного рабочего движения, почему Ленин и сказал о необходимости нового Интернационала. Он был создан уже после Октябрьской революции как III-й Коммунистический Интернационал, Коминтерн…

Вот что публично предложил Ленин партии большевиков **и всей России** в апреле 1917 года.

Но как эти его предложения были восприняты руководством РСДРП(б), партийным активом и вообще всей политически активной частью российского общества?

А вот то-то и оно, что далеко не всегда и не всеми очевидное воспринимается как очевидное. Не сразу и не все даже в партии согласились с Лениным в том, что надо рвать со старыми воспоминаниями, с соглашателями, с либералами и вести активную агитацию в целях скорой социалистической революции. Даже Сталин несколько колебался, хотя быстро с

сомнениями покончил.

Если в каком-то историческом моменте содержится элемент неоднозначности, то возникает почва для политических спекуляций. Спекуляций вокруг Ленина и его дела хватало в России весной, летом и осенью 1917 года, хватает и в наше время. Ведь в начале XXI века Ленин мешает врагам России не меньше, чем он мешал им в начале XX века. Недаром бандеровцы начали с уничтожения памятников Ленину.

Начало же клеветы на Ленина уходит в 1917 год…

Как только Ленин включился в активную политическую жизнь России после Февральской революции, на него тут же стали клеветать с разных политических «этажей» – от «временных» правителей, которые обвинили Ленина в «шпионаже в пользу Германии» до плехановцев, которые обвинили его в развязывании гражданской войны в среде «революционной» (ха!) демократии…

Оно и понятно: Ленин, даже находясь вне России, стал главной головной болью и самой острой проблемой всей российской политической сволочи, что называется – гвоздём в сапоге, и даже – чем-то вроде шила в известном месте…

По этой сволочи прицельно било уже первое, тогда ещё заочное, после-февральское политическое обращение Ленина к партии и России – его «Письма из далека». Ленин начал писать их в Швейцарии сразу после известия о революции в России…

Большевик В. А. Карпинский (1880–1965) пригласил Ильича приехать из Цюриха в Женеву, чтобы выступить перед русскими эмигрантами и швейцарскими социалистами с рефератом о задачах партии в революции и принять участие в митинге интернационалистов. Ленин – к таким просьбам всегда чуткий, на этот раз ограничился коротким письмом: «*Дорогой товарищ! Очень и очень благодарен за информацию. Ни на реферат, ни на митинг я теперь не поеду, ибо надо писать ежедневно в „Правду“, в Питер.*

Лучшие приветы!

Информируйте меня и впредь о новостях и речах разных направлений»[17]

Тогда же он написал Александре Коллонтай: «Главное теперь – печать».

Вот «Письма из далека» и стали той первой ленинской политической «ласточкой», которая, как известно, весны не делает, но весну возвещает.

Ленин написал четыре письма, однако опубликовано было в реальном масштабе времени лишь первое – в № 14 и 15 «Правды» от 21 и 22 марта (3 и 4 апреля нового стиля), причём – со значительными сокращениями. В «Правде» тогда заправлял Каменев. Вернувшийся из сибирской ссылки Сталин тоже входил в состав редакции, но в первые дни ещё не имел права решающего голоса, а Каменев с самого начала занял отнюдь не «твердокаменную» позицию, и решительность Ленина его смущала.

Так или иначе, первое ленинское «Письмо из далека» до массового российского читателя дошло, а в нём Ленин не только дал толковый анализ происходящего, но и чувствительно наступил на больной мозоль тех правых буржуазных кругов, которые и организовали Февраль 1917 года под чутким руководством английского посла Джорджа Бьюкенена и английской спецслужбы…

«Англичанке», которая «завсегда гадит», свергать русских царей во славу Британии было не впервой – 1 марта 1801 года инспирируемые английским послом Чарльзом Уитвортом заговорщики решили проблему неудобного англичанам Павла I просто – золотой табакеркой в висок.

Павел был натурой сильной, поэтому для его устранения и средства потребовались «сильные». А для слабого духом и умом Николая II хватило вовремя подсунутого акта отречения…

Тогда, в 1917 году, в реальном масштабе времени, это (то есть сговор российских и западных буржуазных «верхов») мало кто осознавал и признавал даже в Петрограде. А Ленин, всего лишь имея газетные материалы, сумел установить точную картину событий Февраля и назвать его западных инициаторов. Он писал о «чудовищной» дезорганизации в царской России, о том, что поражения «расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок»[18].

И это было сущей правдой. Первая мировая война быстро добивала Россию. Вот каким было положение к началу 1917 года, причём ниже дана далеко не вся удручающая картина экономического развала: «Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28 ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановилось 44 и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов… Правительственная власть полностью бездействует и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок…»

Эти данные взяты из телеграммы от 26 февраля (старого стиля) 1917 года, направленной председателем Государственной думы Родзянко в адрес генерала Алексеева, начальника штаба Верховного главнокомандующего. Верховным тогда был сам царь[19].

Выход из кризиса родзянки, гучковы, шульгины, милюковы и т. д. увидели в смещении царя, что они и проделали. Но это подавалось, как деяние, спасительное для России и совершённое исключительно в интересах России. А Ленин всё это разоблачил – тут же, сразу же после совершения российской элитой государственной измены.

Конечно, то, что элита изменила царю, Ленина трогало мало, а точнее – не трогало вовсе. Но то, что элита намерена править Россией уже без царя не в интересах народа, активно включившегося в революцию, а в интересах элиты и международного капитала, Ленин разоблачил со всей страстью великого гуманиста и со всей силой убийственной (для негодяев) ленинской логики.

Ниже дан большой отрывок из опубликованного в «Правде» весной 1917 года первого ленинского «Письма из далека». То, что написал Ленин в марте 1917 года, настолько важно и так убедительно разоблачает – само по себе – ложь о якобы сотрудничестве Ленина с Людендорфом, и т. д., что ограничиться просто цитатой невозможно…

Надеюсь, читатель познакомится с анализом Лениным сути Февраля 1917 года с тем же нетерпеливым, захватывающим интересом, с каким перечитывал давно знакомые строки я, работая над этой книгой (выделение текста жирным шрифтом везде моё, курсив везде – ленинский, большинство отточий для удобства чтения снято).

*** * ***

«…Прямо лакействующие перед буржуазией или просто бесхарактерные люди, которые кричали и вопили против „пораженчества“, поставлены теперь перед фактом исторической связи поражения самой отсталой монархии и *начала* революционного пожара.

Но если поражения в начале войны играли роль отрицательного фактора, то ***связь* англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России является фактором, ускорившим этот кризис путём прямо-таки *организации заговора* против Николая Романова**.

Эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злорадно подчёркивает немецкая. Мы, марксисты, должны трезво смотреть правде в глаза, не смущаясь ни ложью, казённой, слащаво-дипломатической ложью

первой воюющей группы империалистов (Антанты. – *С.К.*), ни подмигиванием и хихиканием их финансовых и военных конкурентов другой воюющей группы (Германии и Австро-Венгрии, – *С.К.*). Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что **английское и французское посольства с их агентами и „связями“**, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом II, **непосредственно организовали заговор вместе с октябристами** (члены праволиберальной партии „Союз 17 октября“ – в честь царского Манифеста от 17.10.1905 г. – *С.К.*) **и кадетами** (партия крупной буржуазии. – *С.К.*), **вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова**.

Не будем делать себе иллюзий. Не будем впадать в ошибку тех, кто готов воспевать теперь, подобно „меньшевикам“, „соглашение“ рабочей партии с кадетами. Эти люди в угоду своей старой заученной (и совсем не марксистской) доктрине набрасывают флёр на заговор англо-французских империалистов с Гучковыми и Милюковыми с целью смещения „главного вояки“ Николая Романова и замены его *вояками* более энергичными, свежими, более способными.

Если революция победила так скоро и так – по внешности, на первый поверхностный взгляд – радикально, то лишь потому, что **в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно „дружно“ слились, *совершенно различные потоки, совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные устремления**. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с $К^0$ к захвату власти *в интересах продолжения империалистической войны*, в интересах *избиения новых миллионов* рабочих и крестьян России для получения Константинополя Гучковыми, Сирии французскими, Месопотамии английскими капиталистами и т. д. Это с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное движение революционного характера *за хлеб, за мир, за настоящую свободу*.

Питерские рабочие, как и рабочие всей России, самоотверженно боролись против царской монархии за свободу, за землю для крестьян, *за мир*, против империалистической бойни. Англо-французский империалистический капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор с гвардейскими офицерами, подстрекал и обнадёживал Гучковых и Милюковых, подстраивал *совсем готовое новое правительство*, которое и *захватило власть*…

Это новое правительство, в котором <…> „трудовик“ Керенский играет роль балалайки для обмана рабочих и крестьян, – это правительство не случайное сборище лиц.

Это – представители нового класса капиталистических помещиков и буржуазии, которая давно *правит* нашей страной экономически… Рядом с этим правительством, – в сущности, простым приказчиком миллиардных „фирм“: „Англия и Франция“, – возникло главное, неофициальное, неразвитое ещё, сравнительно *слабое рабочее правительство*, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это – *Совет рабочих депутатов* в Питере…

Таково *действительное* политическое положение…

Царская монархия разбита, но ещё не добита… Кто говорит, что рабочие должны *поддерживать* новое правительство в интересах борьбы с реакцией царизма, тот изменник рабочих, изменник делу пролетариата, делу мира и свободы. Ибо на деле *именно* это новое правительство уже связано по рукам и ногам империалистическим капиталом…

Нет, для действительной борьбы против царской монархии, для действительного обеспечения свободы, не на словах только, не в посулах краснобаев Милюкова и Керенского, *не* рабочие должны поддерживать новое правительство, а это правительство должно „поддержать“ рабочих! Ибо единственная *гарантия* свободы и разрушения царизма до

конца есть *вооружение пролетариата*, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих депутатов.

Всё остальное – фраза и ложь, самообман политиканов либерального и радикального лагеря, мошенническая проделка.

Помогите вооружению рабочих или хотя бы не мешайте этому делу – и свобода в России будет непобедима, монархия невосстановима, республика обеспечена…»[20]

*** * ***

Блестящий, надо сказать анализ! Как говорится, все пуговицы пришиты. Что сказал Ленин?

А вот что…

Кризис царизма стал результатом войны, которая выявила полную неспособность царизма управлять ситуацией. Назревала угроза сепаратного мира России с Германией или полного поражения России, а Антанта крайне нуждалась в русском «пушечном мясе»… Поэтому буржуазная элита, инспирируемая из-за рубежа, свергла царя, однако народ был настолько сыт войной и царём, что активно включился в борьбу, и вместо дворцового переворота Россия получила революцию и двоевластие: Временное правительство министров-капиталистов и Советы… Поддерживать «Временных» пролетариату нет никакого расчёта, и пора народу «играть в свою игру».

Но более того!

Ленин сразу же – ещё в Швейцарии, оказал развивающейся русской революции, её демократическому в точном смысле этого слова (demos народ + kratos власть) процессу великую услугу! В широких общественных кругах России – даже среди рабочих, по отношению к Временному правительству царила тогда ещё эйфория, а Ленин прямо предупредил ликующий народ России, что это правительство – простой приказчик миллиардной «фирмы» «Англия и Франция», и приведено оно к власти в результате дворцового заговора, инициированного спецслужбами «союзников».

Вот что сказал Ленин России уже в первом своём легальном публичном обращении к ней – пока ещё не очном, а заочном.

И разве Ленин был неправ?

Причём это было сказано на расстоянии, из вынужденного европейского далека, когда Владимир Ильич лишь осваивал ту информацию, которая до Швейцарии доходила по «испорченному телефону».

И сразу – попадание в «десятку»!

Это, знаете ли, не так просто – быть зрячим не задним числом, а в реальном масштабе времени…

«Письма из далека» – это своего рода черновик «Апрельских тезисов». А «Апрельские тезисы» – это черновой набросок уже Октябрьской революции…

К сожалению, читать ленинские труды в первоисточнике в России давно не принято, да и не всегда их сегодня так сразу найдёшь, почему я и был вынужден дать здесь такое обширное извлечение из ленинского письма, а не отсылать читателя в библиотеку.

Однако самое прискорбное, что Ленина не читают (или читают, но замалчивают) современные историки, из чего возникают самые глупые или подлые версии и толкования позиции Ленина после Февраля 1917 года. А ведь знакомство уже с вышеприведённым отрывком сразу многое ставит на свои места и позволяет заявить: с учётом одного лишь ленинского «Письма из далека» только откровенный политический идиот или злонамеренный негодяй

могут обвинять Ленина в нелояльности к интересам России – трудовой, конечно, и в пренебрежении ими в угоду интересам Германии.

Но, поскольку Ленин разоблачил проантантовский и антироссийский заговор элиты царизма против царя, то он сразу же стал для заговорщиков – а именно они и составили Временное правительство и его аппарат, самой серьёзной политической угрозой. Ленина надо было публично дискредитировать во что бы то ни стало, но настоящего-то «компромата» на него не было и быть не могло! Ещё в начале 90-х годов XIX века Ленин пришёл в политику не за дивидендами, а для освобождения рабочего класса, и поймать его было просто не на чем…

Вот «Временные» и запустили в политический процесс весны 1917 года басню о «пломбированном» вагоне. Ей и сегодня в России не гнушаются многие, и эта старая басня прямо связана с уже новейшей басней о том, что якобы Ленин и Керенский действовали заодно, выражая антироссийские интересы внешних антироссийских сил.

Так, имеющий практически официальный «пиар» Николай Стариков опубликовал ряд книг по теме, которые вернее было бы назвать сборниками даже не политических басен, а политиканских побасёнок, рассчитанных на любителей политической «клубнички»… Одна из его книг называется «Февраль 1917 Революция или спецоперация?» Там Н. Стариков утверждает, что «все будущие катаклизмы, все будущие проблемы России фактически упираются в одного человека – Ленина».

Не в Николая II, не в Керенского с Гучковым, не в Черчилля с Вильсоном и Клемансо, не в Колчака с Деникиным и Врангелем, не в Троцкого, Гитлера, Хрущёва, Горбачёва, Ельцина, Чубайса, не в Медведева и Путина, а в Ленина!

Выбрав эту удивительную книгу из многих ей подобных, я далее на ней и остановлюсь, Как контрастный чёрный фон ленинского портрета в интерьере эпохи стариковский опус подойдёт вполне, а знакомство читателя с ним будет небесполезным.

Будет это знакомство небесполезно и для того, чтобы лучше понять, как мастерятся сегодня провокации и спецоперации против исторической правды о прошлом России во имя лишения её исторического будущего.

Глава 2. «Спецоперация» Николая Старикова против «Николая» Ленина

У английского писателя Гилберта Кийта Честертона в серии о патере-детективе Брауне есть рассказ под названием «Сломанная шпага». Там знаменитый криминалист в сутане восстанавливает истину при помощи прежде всего психологического анализа, не опровергая давно известные факты. А в результате выясняется, что якобы героически павший в борьбе с врагами генерал Сент-Клер на самом деле был предателем и его повесили собственные солдаты.

К известным фактам патер Браун присоединил искреннее желание отыскать истину и пару неизвестных фактов, и все изменилось принципиально: на место лжи встала правда.

Николай Стариков в книге «Февраль 1917: Революция или спецоперация?» поступает противоположным образом – к известным фактам он присоединяет желание замутить истину, прибавляет к этому ряд домыслов, выдавая их за факты, и картина Февраля и Октября 1917 года, а также периода между ними, меняется тоже принципиально: на место правды становится ложь.

Надо заметить, что в самом начале книги Стариков сообщает-таки читателю один важнейший *подлинный* факт – тот, который Ленин, правда, сообщил России ещё весной 1917 года. Стариков пишет: «Именно наши „союзники“ по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом похоронном марше играла британская разведка»[21].

Ну, кто бы с этим спорил! Многомудрые бритты настолько плотно отслеживали российскую ситуацию, что, например, известный как мастер острого сюжета и психологизма английский писатель Уильям Сомерсет Моэм (1874–1965) с начала Первой мировой войны был привлечён к работе в британской разведке и целый год пробыл в Швейцарии.

Зачем же находился там будущий автор Луны и гроша? Не будет особой натяжкой предположить, что он там занимался изучением русской эмиграции – на всякий случай… Англичане ведь задолго до Февраля 1917 года поняли, что царская Россия в войне надрывается, и не исключено, что – при всей сложности такого дела – придётся в России «менять лошадей на переправе», ещё в ходе войны. Значит, надо было заблаговременно изучить всех возможных фигурантов будущих бурных событий – и «справа», и «центристов», и «слева»…

«Справа» – для того, чтобы наметить потенциальных лидеров дворцового переворота… «Центр» мог пригодиться как подмога «правым»… А «слева» требовалось понять: кого можно прикормить и использовать, а кого надо опасаться ввиду явной угрозы планам бриттов.

«Твердокаменный» Ленин был в эмиграции фигурой заметной, и искушённые в политике бритты не могли не отдавать себе отчёт в том, что в случае революционных событий в России он выйдет на первый план, играя роль значительную.

Похоже, Моэм, как талантливый «инженер человеческих душ», понял, что Ленин – это серьёзно, но купить его невозможно. Причём версия, что Моэм изучал в Швейцарии и Ленина, подтверждается тем, что летом 1917 года писатель-разведчик был направлен с секретной миссией в Петроград с целью воспрепятствовать приходу большевиков к власти[22].

Позднее, в книге «Подводя итоги», Моэм писал: «…Я не прошу мне верить, что если бы меня послали в Россию на полгода раньше, я бы, может быть, имел шансы добиться успеха. Через три месяца после моего приезда в Петроград грянул гром, и все мои планы пошли прахом…»

«На полгода раньше…» – значит, за три месяца до Февраля 1917 года. Что ж, если бы Моэм оказался в Петрограде в конце 1916 года, то он, с его «швейцарским» опытом, мог бы оказаться ценным консультантом для английского посла Бьюкенена, но в общем ходе событий это и

впрямь изменило бы мало что… Российскую империю заклала на алтарь мирового Капитала сама элита России, а фактор Ленина можно было устранить лишь пулей, на что бритты тогда не решались.

У Старикова же всё изображено иначе, он всё ставит с ног на голову, и подлинные преступники оказываются у него героями или жертвами, а великие борцы за Россию, и прежде всего – Ленин, жалкими наёмниками внешних врагов России, двойными и даже тройными агентами.

Для полного анализа книги-побасёнки Николая Старикова надо написать отдельную книгу, где каждое бездоказательное утверждение Старикова опровергалось бы документально, но этим я заниматься, конечно, не буду, а остановлюсь на том, как Н. Стариков описывает – переврав её по всем пунктам – ситуацию с «апрельскими» тезисами, которые были опубликованы в «Правде» под псевдонимом «Н. Ленин» (этот псевдоним, к слову, и стал причиной того, что газеты в Европе начали писать о «Николае Ленине»).

Стариков утверждает:

«Впервые свои новые идеи Ленин высказал в работе „Апрельские тезисы“, появившейся 7(20) апреля в „Правде“. Последующая советская мифология представила идею Ленина о дальнейшем развитии революции как разумную и вытекающую из марксизма. В 17-м году „Апрельские тезисы“ всех поразили, и их оценка была совершенно иной. „Тезисы Ленина были опубликованы от его собственного, и только его имени (но это Ленин сам же и подчеркнул. – *С.К.*), – напишет позднее Троцкий в своей „Истории русской революции“, – Центральные учреждения партии встретили их с враждебностью, которая смягчалась только недоумением. Никто – ни организация, ни группа, ни лицо – не присоединил к ним своей подписи“…»[23]

Здесь подложно и подло всё, и мы это сейчас увидим!

Начнём с того, что, во-первых, свои новые идеи Ленин публично высказал впервые не в работе «Апрельские тезисы», а в более раннем первом «Письме из далека»… Во-вторых, у Ленина нет работы «Апрельские тезисы», у него есть, как мы уже знаем, статья «О задачах пролетариата в данной революции»… В-третьих, ссылаться в данном случае на свидетельство Троцкого может лишь непроходимый невежда в вопросах русской истории! Троцкий и в Россию-то вернулся в мае 1917 года, и большевиком отродясь не был – его приняли в РСДРП(б) вместе с группой «межрайонцев» в августе 1917 года на VI съезде партии.

Но это лишь цветочки в букете элементарных подтасовок Стариковым очевидных, легко устанавливаемых исторических фактов. Далее идут уже ягодки! Так, со слов Троцкого Стариков уверяет, что якобы ни одна партийная организация, ни одно лицо не присоединили к апрельским идеям Ленина своей подписи. В действительности же «правдинская» статья «О задачах пролетариата в данной революции», содержащая «Апрельские тезисы», была тут же перепечатана большевистскими газетами «Социал-Демократ» (Москва), «Пролетарий» (Харьков), «Красноярский рабочий», «Вперёд» (Уфа), «Бакинский рабочий», «Кавказский рабочий» (Тифлис) и другими[24].

Собственно, сама публикация статьи Ленина в печатном органе ЦК партии уже делала её не личным мнением одного человека, а точкой зрения основного руководства РСДРП(б), не так ли?

Но и это не всё! Было в тогдашней России и некое «лицо», которое не только сразу пошло за Лениным, но даже предвосхитило его идеи, опубликовав 18 марта 1917 года в № 12 «Правды» статью, даже название которой было схоже с названием ленинской статьи, – «Об условиях победы русской революции»!

Это «лицо» обнародовало свои идеи даже раньше, чем в «Правде» было опубликовано ленинское «Письмо из далека», а подписало свою статью от 18 марта просто: «К. Сталин». И, открыв том 3-й Собрания сочинений И. В. Сталина на странице 11, мы со всей неумолимостью

убедимся, что все основные положения сталинской статьи совпадают с ленинскими тезисами – лишь порядок их формулирования иной[25].

Вот как это выглядело у Сталина – я лишь переставил для удобства цитаты в том порядке, в каком сходные идеи содержатся в тезисах Ленина.

«Всё… необходимо осуществить при общем условии скорейшего открытия мирных переговоров, при условии прекращения бесчеловечной войны…»

Нетрудно, сравнивая тексты, убедиться, что это соответствует первому апрельскому тезису Ленина.

Пойдём дальше:

«…Отражением этого… явилось то двоевластие, тот фактический раздел власти между Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов… Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, как орган революционной борьбы…, и Временное правительство как орган напуганной „крайностями“ революции буржуазии… – такова картина… Но с углублением революции революционизируется и провинция… Тем самым колеблется почва под ногами Временного правительства.

Необходим общероссийский орган революционной борьбы, … достаточно авторитетный для того, чтобы… превратиться в нужный момент в орган революционной **власти**…

Таким органом может быть лишь Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов…»

Это созвучно второму, четвёртому и пятому апрельским тезисам Ленина.

А вот сталинская мартовская иллюстрация к третьему апрельскому тезису Ленина:

«…Временное правительство возникло у нас не на баррикадах, а возле баррикад. Поэтому оно и не революционно – оно только плетётся за революцией, упираясь и путаясь в ногах…»

Отыскивается у Сталина в марте сходство и с пятым ленинским апрельским тезисом:

«…нужна другая вооружённая сила, армия вооружённых рабочих, естественно связанных с центрами революционного движения…»

И с шестым:

«…шаг за шагом углубляется революция, выдвигая социальные вопросы о 8-часовом рабочем дне и конфискации земель и революционизируя провинцию…»

В целом, ещё ни разу не поговорив с Лениным (мобильников тогда не было, Ленин находился в Цюрихе, Сталин – в Питере) Сталин мыслил сходно с Ильичом. Так, Сталин писал 18 марта 1917 года: «Немедленное вооружение рабочих, рабочая гвардия – таково второе условие победы революции…»

Наблюдались, правда, и некоторые расхождения…

Третьим условием победы революции Сталин считал в марте скорый созыв Учредительного собрания, а Ленин шёл дальше – к идее верховенства Советов. Но, во-первых, Сталин и в марте 1917 года видел именно во Всероссийском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов будущий орган революционной власти, во-вторых, не так всё просто оказалось и у Ленина с идеей Учредительного собрания, о чём позже будет сказано… А, в-третьих, Сталин после приезда Ленина быстро понял правоту последнего и встал на его сторону, что видно как из последующих статей Сталина весны и лета 1917 года, так и из более поздних публичных свидетельств Сталина.

19 ноября 1924 года в речи на пленуме коммунистической фракции Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов (ВЦСПС) Сталин говорил:

«Партия (её большинство) шла к новой ориентировке ощупью. Она приняла политику давления Советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сделать сразу шаг вперёд от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о

власти Советов…

Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от неё лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам товарища Ленина…»[26]

Как всё же тогда спрессовывалось время! Сталин вернулся в Петроград 12 марта 1917 года, Ленин – 17 апреля 1917 года… Без личного руководства Ленина большевики, находившиеся в России, оставались всего месяц, но Сталин говорит: «…лишь в середине апреля» так, как будто в вопросе об отношении к Временному правительству он колебался невесть сколько если не лет, то – месяцев!

Что ж, тогда историческое время действительно исчислялось даже не как на фронте – год за три, а ещё плотнее – год за век…

Вернёмся, впрочем, к сталинской речи 1924 года:

«Нужна была новая ориентировка. Эту новую ориентировку дал партии Ленин в своих знаменитых Апрельских тезисах. Я не распространяюсь об этих тезисах, так как они известны всем и каждому. Были ли тогда у партии разногласия с Лениным? Да, были. Как долго длились эти разногласия? Не более двух недель. Общегородская конференция Петроградской организации (вторая половина апреля), принявшая тезисы Ленина, была поворотным пунктом в развитии нашей партии. Всероссийская апрельская конференция (конец апреля) лишь довершила в общероссийском масштабе дело Петроградской конференции, сплотив вокруг единой партийной позиции девять десятых партии…»[27]?

Сказал тогда Сталин и о Троцком:

«Теперь, спустя семь лет, Троцкий злорадствует по поводу былых разногласий большевиков, изображая эти разногласия как борьбу чуть ли не двух партий внутри большевизма. Но, во-первых, Троцкий тут безбожно преувеличивает и раздувает дело… Во-вторых, наша партия была бы кастой, а не революционной партией, если бы она не допускала в своей среде оттенков мысли… В третьих, нелишне будет спросить, какова была тогда позиция самого Троцкого?.. Так называемый редактор сочинений Троцкого (Сочинения Сталина начали издавать лишь после войны. – *С.К.*) Ленцнер уверяет, что „американские письма“ Троцкого (март) „целиком предвосхитили“ ленинские „Письма из далека“, легшие в основу Апрельских тезисов Ленина. Так и сказано: „целиком предвосхитили“. Троцкий не возражает против такой аналогии… Но… письма Троцкого „совсем не похожи“ на письма Ленина ни по духу, ни по выводам…»[28]

Интересно, знал ли Николай Стариков обо всём этом, сочиняя свою побасёнку? Ведь источник сведений здесь не очень-то редкий – Собрание сочинений Сталина сегодня найти не так уж и сложно, хоть в «комиссионке», хоть в Интернете…

Подобным образом можно проанализировать всю книгу Старикова, однако, надеюсь, уже приведённого выше достаточно для того, чтобы читатель более недоверчиво относился к подобного рода «откровениям». В некотором смысле книгу «Февраль 1917: Революция или спецоперация?» можно считать классическим собранием всех прошлых сплетен, клевет, инсинуаций и предвзятых «воспоминаний» о тех днях, густо сдобренных «сенсационными» «открытиями» уже самого Старикова.

Ответ же на надуманный вопрос Старикова: «Февраль 1917: революция или спецоперация?» дал в марте 1917 года сам Ленин. Со стороны правых заговорщиков, курируемых англичанами, это была спецоперация, а со стороны народных масс России и большевиков – революция!

Заканчивая книгу моментом открытия и роспуска Учредительного собрания в середине января 1918 года, Стариков утверждает, что «Ленин разогнал бы „учредиловку“ даже имея подавляющее большинство депутатов-большевиков!»[29]

Это уж вообще в огороде бузина, а в Киеве дядька…

Во-первых, вопреки распространённому заблуждению, выборы в Учредительное Собрание прошли через неделю ***после*** штурма Зимнего дворца, то есть, после совершения Октябрьской революции. Прошли под эгидой уже Советского, только что образовавшегося, государства. По «логике» Старикова было бы проще вообще не проводить этих выборов, чтобы потом нечего было разгонять.

Во-вторых, сразу же после выборов в Петрограде, которые проходили в столичном избирательном округе с 12(25) по 14(27) ноября 1917 года, Ленин дал 15 (28) ноября 1917 года интервью корреспонденту агентства «Associated Press» Гуннару Ярросу. Начиналось оно так:

«В связи с результатами выборов в Петрограде, на которых большевики получили шесть мест, корреспондент „Associated Press“ интервьюировал Председателя Совета Народных Комиссаров, который был окрылён крупной победой своей партии.

– Что Вы думаете о результатах выборов в Учредительное собрание? – спросил корреспондент.

Я думаю, что эти выборы являются доказательством большой победы большевистской партии. Число голосов, отданных ей на выборах в мае, августе и сентябре постоянно росло. Получить шесть мест из двенадцати в городе, где буржуазия (кадеты) очень сильна, значит победить в России…»[30]?

В Учредительном собрании Петрограду было предоставлено 12 мест, половину получили большевики и ещё одно место – их тогдашние союзники, левые эсеры. То есть, в столице «левые» имели большинство, и Ленин, избранный депутатом Учредительного собрания, надеялся на большинство также общероссийское…

Вышло иначе: партия эсеров получила 59 % голосов, большевики – 25 %, кадеты – 5 %, меньшевики – 3 %. Впрочем, с учётом того, что выборы проходили в стране, уже охваченной кризисом, и в голосовании приняла участие примерно половина избирателей, в литературе отыскиваются и иные цифры: 40 % за эсеров, 23,9 % за большевиков, 4,7 % за кадетов, 2,3 % за меньшевиков и остальные – за другие мелкобуржуазные партии и группы[31].

Так или иначе, формальная победа в общенациональном масштабе достигнута Лениным не была, однако темп роста влияния большевиков был огромным. При этом в обеих столицах они к началу 1918 года уже пользовались решающей поддержкой, что Ленин в интервью Ярросу и отметил.

К слову, Г. М. Яррос (1882–1965) в 1924 году переехал в Советский Союз, занимался журналистикой и преподавательской деятельностью[32].

Пожалуй, здесь – забегая далеко вперёд, стуит сказать кое-что и об Учредительном собрании…

Первое и последнее заседание Учредительного собрания состоялось в Таврическом дворце 5(18) января 1918 года. Это заседание «смачно» и лживо описано в мемуарах правого эсера Виктора Чернова, который «скромно» умолчал при этом, что «правое» антибольшевистское большинство отказалось обсуждать предложенную Председателем ВЦИКа Свердловым «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и признать декреты Советской власти, в том числе – тот знаменитый Декрет о земле, в основу которого Ленин положил наказы поддерживавших эсеров крестьян.

«Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которую большевики предлагали обсудить и принять «черновскому» Учредительному собранию, написал Ленин, а за день до открытия Учредительного собрания – 17 января 1918 года, она была опубликована в

«Правде» и в «Известиях ЦИК»[33].

Статья I «Декларации…» объявляла Россию республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Статья II «Декларации…» гласила:

«Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах, Учредительное собрание постановляет далее:

1. Частная собственность на землю отменяется. Вся земля со всеми постройками, инвентарём и прочими принадлежностями сельскохозяйственного производства объявляется достоянием всего трудящегося народа.

2. Подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства…

3. Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства…

4. В целях уничтожения паразитических слоёв общества вводится всеобщая трудовая повинность.

5. В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися… декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии…»

Ну, и что здесь могло не устраивать подлинных народных представителей, за которых выдавали себя Чернов и К^0?

И разве разжигала гражданскую войну или не отвечала интересам народов Статья III «Декларации…», утверждавшая разрыв тайных царских договоров, отвергавшая колониализм и аннулировавшая царские внешние долги, давно оплаченные русской кровью на полях войны?

Статья IV «Декларации…» содержала формулу признания Учредительным собранием Советской власти и её декретов.

Всё это «правым» большинством, обеспеченным правыми эсерами, было отвергнуто и освистано.

После совещания большевистской фракции была оглашена написанная тут же Лениным энергичная «Декларация фракции РСДРП(б)…»[34]

Затем большевики и кое-кто ещё покинули зал, полный пустопорожних речей. А под утро 19 января 1918 года начальник караула Таврического дворца, балтийский матрос Анатолий Железняков распустил «Учредилку», произнеся при этом историческую фразу: «Караул устал».

В ночь на 7(20) января 1918 года ВЦИК по докладу Ленина принял уже официальный декрет о роспуске «Учредилки»… А накануне – 6 января по старому стилю, Владимир Ильич начал писать блестящую статью «Люди с того света», которая почему-то тогда так и не была опубликована (возможно потому, что автор оборвал её на полуслове – дни-то были горячие!)…

Ленин писал в ней:

«„Я потерял понапрасну день, мои друзья“. Так гласит одно старое латинское изречение. Невольно вспоминаешь его, когда думаешь о потере дня 5-го января.

После живой, настоящей советской работы, среди рабочих и крестьян, которые заняты делом, рубкой леса и корчеванием пней помещичьей и капиталистической эксплуатации, – вдруг пришлось перенестись в чужой мир, к каким-то пришельцам с того света… Из мира борьбы трудящихся масс, и их советской организации… в мир сладеньких фраз, прилизанных, пустейших декламаций, посулов и посулов, основанных по-прежнему на соглашательстве с капиталистами.

Точно история нечаянно или по ошибке повернула часы свои назад, и перед нами вместо января 1918 года на день оказался май или июнь 1917 года!

Это ужасно! Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать тех самых мумий „социального“ фразёрства, Чернова и Церетели, это нечто нестерпимое…

…Потоки гладеньких-гладеньких фраз Чернова и Церетели, обходящих заботливо только (только!) один вопрос, вопрос о Советской власти, об Октябрьской революции… И правые эсеры, проспавшие, точно покойники в гробу, полгода – с июня 1917 по январь 1918, встают с мест и хлопают с ожесточением, с упрямством. Это так легко и так приятно, в самом деле: решать вопросы революции заклинаниями… Ни капли мысли у Церетели и Чернова, ни малейшего желания признать факт классовой борьбы…

Тяжёлый, скучный и нудный день в изящных помещениях Таврического дворца, который и видом своим отличается от Смольного приблизительно так, как изящный, но мёртвый буржуазный парламентаризм отличается от пролетарского, простого, во многом ещё беспорядочного и недоделанного, но живого и жизненного советского аппарата…»[35]?

С каким молодым задором, с какой весёлой убеждённостью в своей правоте это написано! С каким желанием работать для новой России! Николай же Стариков, ссылаясь на некие мемуары Бухарина (тот ещё «кадр»!) уверяет нас, что «когда наступил реальный момент разгона парламента, ночью, то с Лениным случился тяжёлый истерический приступ…»

Это с Лениным-то, которого Сталин назвал «горным орлом», и «истерический приступ»?!

Ну-ну…

В своей книге о «спецоперации» Февраля 1917 года Н. Стариков цитирует воспоминания старого большевика В. Д. Бонч-Бруевича, однако цитирует своеобразно. Вначале приведу «цитату», данную Н. Стариковым, а затем – полную цитату из воспоминаний Бонч-Бруевича.

Вот как цитирует Бонч-Бруевича Стариков: «В. Д. Бонч-Бруевич указывает нам, что в момент открытия Учредительного собрания Ленин „волновался и был мертвенно бледен, как никогда… и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными, глазами всю залу (обращаю внимание – „залу“! – *С.К.*)“…»[36]?

А вот Бонч-Бруевич «по Бонч-Бруевичу»:

«Владимир Ильич сел в кресло. Он волновался и был так бледен, как никогда; глаза расширились и горели стальным огнём. Он сжал руки и стал обводить пылающими глазами весь зал (обращаю внимание – „зал“! – *С.К.*) от края до края его, медленно поворачивая голову. Матросы, стоявшие внизу в проходе, с благоговением, не сводя глаз, смотрели на него, точно ловя его взгляд, точно ожидая приказа…

Владимир Ильич продолжал всё так же обводить глазами собрание, точно укрощая взглядом разбушевавшегося зверя…»[37]

Картина, нарисованная подлинным Бонч-Бруевичем, психологически отличается от варианта Старикова принципиально, не так ли?

Во 2-м издании воспоминаний Бонч-Бруевича нет слов «мертвенно [бледен]» и «сделавшимися громадными [глазами]»… Возможно они есть в 1-м издании книги 1930 года «На боевых постах Февральской и Октябрьской революций», но вряд ли. Нет во 2-м издании и приводимого Стариковым «свидетельства» якобы Бонч-Бруевича о том, что Ленин потом «взял себя в руки, немного успокоился и „просто полулежал на ступеньках то со скучающим видом, то весело смеясь“…»

В воспоминаниях Бонч-Бруевича Ленин сидит в первом ряду в кресле, «четвёртом налево от трибуны председателя, если стать лицом к залу заседания». Это, между прочим, зафиксировано ***на фото***, помещённом в томе 1-м собрания фотографий и кинокадров, изданных Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС к 100-летию В. И. Ленина в 1970 году (см. с. 47, фото № 26 по порядку в книге и № 382 по архивному учёту). Там приведена и соответственная цитата из

воспоминаний Бонч-Бруевича (по т. III «Избранных сочинений» издания 1963 г., с. 134–135) с редакционным уточнением, что сидел Ленин не слева, а справа от трибуны.

Мелочь?

Ну, как сказать! Дьявол, как известно, кроется в мелочах, и читатель сможет сейчас лишний раз убедиться в этом.

Фотодокумент – ***наиболее*** достоверное из всех возможных исторических свидетельств. Недаром говорят, что лучше раз увидеть, чем сто раз услышать (или – прочитать). И фотодокумент показывает нам Ленина, сидящим в кресле. Но вот старый большевик Михаил Кедров в своей «Красной тетради об Ильиче», опубликованной в 1927 году в журнале «Пролетарская революция» (№ 1, с. 36–69), сообщает иное:

«Ильич тотчас по приходе примостился на покатых, покрытых ковром ступеньках, невдалеке от трибуны, и в таком положении остаётся до конца собрания. Депутатам он не виден, так как от них отделяет его дощатая перегородка между рядами…»

Однако на упомянутом выше фото Ленин сидит лицом к залу в кресле и хорошо всем виден. Можно предполагать, что мемуарист Кедров подсознательно соединил два эпизода: открытие Учредительного собрания и III конгресс Коминтерна, проходивший в июне-июле 1921 года. Там запоздавший к открытию Ленин действительно сидел на ступеньках, не видимый делегатами, и делал записи (есть знаменитое фото, зафиксировавшее это).

Далее Кедров пишет: «В наиболее интересные моменты, особенно во время речи выбранного председателя собрания Чернова, …Ильич неудержимо хохочет»[38]

И после этого – по Бухарину – с Лениным якобы случился тяжёлый истерический приступ?

Ой ли?

Впрочем, ближе к концу книги мы получим возможность присмотреться к Бухарину и его «свидетельствам» внимательнее.

Я так подробно всё это разобрал, чтобы читателю стало яснее – насколько ненадёжны мемуары как источник точных сведений. Недаром у юристов есть присказка: «Лжёт, как очевидец». Люди, да ещё в момент волнения, видят далеко не всегда то, что было на самом деле. Тем более, когда они вспоминают о событии через несколько лет. Вот почему я так часто опираюсь на прямую цитату из точного ленинского ***документа*** – она бьёт антиленинцев наповал!

А теперь предлагаю похохотать (хотя тут надо скорее плакать!) уже читателю. Откуда берёт происхождение «Бонч-Бруевич» Старикова? Точно это знает, естественно, лишь сам Н. Стариков, но кое-что предположить можно, если открыть на 360-й странице «воспоминания» незадачливого – на одни неполные сутки – председателя Учредительного собрания Виктора Чернова. Они были переизданы в 2004 году минским издательством «Харвест».

Там мы и прочтём:

«Когда наступил, наконец, момент открытия Учредительного собрания, Ленин, по свидетельству верного Бонч-Бруевича, „волновался и был мертвенно бледен, как никогда… сжал судорожно (у Б.-Б „очень сильно, до боли…“ – *С.К.*) руку и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными, глазами всю залу (вот она откуда – „зала“! – *С.К.*)“. Вскоре, однако, он оправился и „просто полулежал на ступеньках то со скучающим видом, то весело смеясь“…»

Итак, Чернов переврал Бонч-Бруевича и, похоже, присоединил к Бончу «испорченный телефон» Кедрова, а Стариков, похоже, не заглянув не то что в 1-е издание воспоминаний Бонч-Бруевича (его не так-то просто найти), но даже в легкодоступное 2-е издание, просто, пардон, передрал эпизод из книги Чернова.

Казус весьма показательный: нынешние псевдоисторики, обслуживающие интересы антиленинского Кремля, часто довольствуются замшелыми сплетнями и инсинуациями, не давая

себе труда обращаться к подлинным свидетельствам и анализировать ***их***! Псевдо «историки» выстраивают умопомрачительно «захватывающие» – захватывающие для любителей «компота» из жареной «клубнички» и развесистой «клюквы» – «версии» об англо-франко-германском шпионе Ленине, проходя мимо очевидного.

Так что детали – не мелочь.

Можно где-то напутать, можно в чём-то ошибиться… Но сознательно перевирать? Как говорил некий известный киноперсонаж: «Маленькая ложь рождает большое недоверие».

На подобных прискорбных чертах нынешней якобы «исторической» антиленинской «науки» мы остановимся ещё не раз, а сейчас нелишне познакомиться с сюжетом из совсем другой сферы. Он взят из повести писателя-документалиста Л. Л. Лазарева о Генеральном конструкторе авиадвигателей Александре Микулине – академике, одном из первых Героев Социалистического Труда[39].

Сей историко-инженерный казус настолько поучителен не только для инженеров, но и для историков, что привести его здесь будет вполне уместно.

В КБ Микулина работал его двоюродный брат – крупнейший советский специалист по теории авиадвигателей, Борис Стечкин, тоже академик. Однажды на испытательном стенде «полетел» двигатель – случай при отработке новой конструкции заурядный. Однако Стечкина заинтересовал здоровенный болт от двигателя, который оказался на подоконнике моторного зала.

– Какой же была сила, с которой забросило болт от стенда к окну? – спросил Стечкин у Микулина.

– Ты теоретик, ты и посчитай!

Стечкин забрал болт и ушёл в кабинет.

Через день в конференц-зале он, покрыв грифельную доску цепочками расчётов и кривыми графиков, предложил собравшимся инженерам «чрезвычайно изящную и остроумную теорию». С помощью математики теоретик Стечкин убедительно доказал, что болт мог долететь до подоконника, но практически мысливший Микулин предложил брату пройти в лабораторию и показать – как пролегла траектория полёта?

Далее – прямая цитата из книги Л. Лазарева:

«Но едва братья вошли в лабораторию, как наткнулись на ворчавшую уборщицу…

– Что за люди – ничего положить нельзя. Всё тащут. Позавчера положила болт на окно. А сегодня его спёрли.

– Какой болт, – удивился Микулин, показывая на болт, который держал в руках Стечкин. – Этот?

– Он самый!

– Но позвольте, – поднял брови Стечкин, – зачем вам болт и как он оказался на подоконнике?

– Так я, когда пол мету, им дверь подпираю.

Микулин и Стечкин, задыхаясь от смеха, выскочили в коридор».

Так вот, Стариковы и K^0 без математики и интегралов лихо и подло забрасывают Ленина из дебрей «германского генштаба» в «пломбированный вагон», «восстанавливая истину» не более верно, чем Стечкин «проследил» полёт болта уборщицы. Вот только антиленинские псевдоисторические «теории», подобные стариковской, в отличие от математической теории Стечкина, и не изящны, и не остроумны.

Чтобы уж закончить здесь с «Учредилкой», приведу ещё один текст – не из статьи, а из дневника, и не Ленина – он дневников никогда не вёл, а поэта Александра Блока.

Практически день в день с записями Ленина по неоконченной статье «Люди с того света»,

Блок записал в январе 1918 года (датировки по старому стилю):

«5 января.

„*Ко всему* надо как-то иначе, лучше, чище отнестись. О, сволочь, родимая сволочь!

Почему „учредилка“?… Втёмную выбираем, не понимаем…

Инстинктивная ненависть к парламентам, учредительным собраниям и пр. Потому что рано или поздно некий Милюков (лидер кадетов. – *С.К*) произнесёт: „Законопроект в третьем чтении отвергнут большинством (в наше время Блок мог бы добавить:“ лживым большинством „Единой России“. – *С.К.*)“.

Это – ватерклозет, грязный снег, старуха в автомобиле, Мережковский (элитарный литератор. – *С.К.*) в Таврическом саду, собака подняла ногу на тумбу, m-lle Врангель тренькает на рояле…

Но „государство“ (ваши учредилки) – *НЕ ВСЁ*. Есть ещё воздух…

<…>

6 января.

Слухи о том, что Учредительное собрание разогнали в 5 утра (Оно таки собралось и выбрало председателем Чернова). – Большевики отобрали б***о***льшую часть газет у толстой старухи на углу. – Лёгкость, поток идей – весь день»[40].

Так, спрашивается, – было обречено Учредительное собрание на разгон самим ходом истории России, или нет?

И разве оно не заслужило уже при рождении единственной участи – немедленной политической смерти?

Забавно, что Николай Стариков отвечает на последние вопросы, как и Ленин, утвердительно, но трактует проблему более чем неожиданным образом. В своей книге Стариков заявил, что «Ленин разогнал бы „учредиловку“, даже имея подавляющее большинство депутатов-большевиков!», а далее у Н. Старикова следует вот что:

«Задача у него была такая, и только по её выполнении Ленин и компания могли спокойно исчезнуть с арены мировой истории. Так было запланировано нашими „союзниками“. Ленин прерывает легитимность (? – *С.К.*) власти… Начинается гражданская война…

Большевики же должны были исчезнуть туда, откуда они появились, – обратно в Европу и Америку, под крыло „союзных“ спецслужб. И они собирались это сделать. Существует много свидетельств о том, что чуть ли не у каждого большевистского вождя в кармане лежал какой-нибудь „аргентинский“ паспорт на подложную фамилию…

Но тут… Ленин понял, что, обладая информацией о таких страшных тайнах, как „немецкие деньги“ и „предательство союзников“, он и его товарищи долго не проживут… Большевикам надо было остаться и строить новое государство…»[41]

Да-а… До этого не додумались даже эсер Чернов и генерал Деникин! Ленин – по Старикову – двойной агент, не отработавший ни «немецкие», ни «союзнические» деньги, выданные на ослабление и развал России, а потом испугавшийся, что его «прихлопнут» не те, так эти «хозяева», и начавший с перепугу строить социализм.

Эх, господа-товарищи и милостивые государи, если это не историко-политическая паранойя и ахинея, то…

А, впрочем, стоит ли продолжать?!

В одном оказался прав Н. Стариков – не в интересах России и её народов затевала наднациональная Золотая Элита Февраль 1917 года. И только сила мысли и политическая воля Ленина, прибавлю уже я, смогли переломить гибельную ситуацию и превратить Февральский

заговор Элиты в народную Октябрьскую революцию – Великую социалистическую…

Не ошибся Н. Стариков и в том, что «британские агенты» (а также, вновь прибавлю я, американские и французские агенты) активно занялись организацией гражданской войны.

Вот только Ленин имел отношение к этим агентам лишь с одной стороны – он против них боролся. Но об этом и многом другом – позднее, в своём месте… Вынужденный довести до логической точки анализ «спецоперации» Николая Старикова против «Николая» Ленина (а сколько их было, таких антиленинских «спецопераций», начиная с весны 1917 года и заканчивая нашими днями!), я заскочил далеко вперёд.

А теперь придётся вернуться назад – в глубоко дореволюционные дни, чтобы смыть с ленинского исторического портрета ещё один слой давней грязи – «иностранные деньги»…

Глава 3. «Клондайки» большевиков: от Эриванской площади до издательства Малых

Вопрос о финансовых средствах большевиков интересен не потому, что в нём много таинственного, а как раз наоборот – потому, что вокруг достаточного ясного вопроса давно напустили ядовитого тумана.

Как только ни описывали «клондайки», из которых РСДРП(б) пополняла партийную кассу, особенно – с началом Первой мировой войны! И «германский» источник фигурирует у обвинителей как основной.

Имеет хождение, правда, и «теория», гласящая, что Ленина финансировали не немцы, а союзники – Антанта. А также – «теория» Н. Старикова, гласящая, что Ленина якобы нанимали для тёмных дел против России и те, и те…

Впрочем, каких только версий относительно ангажированности Ленина антироссийскими силами не накопилось за те почти сто лет, в которые имя Ленина стало всемирно известным.

Наиболее экзотической и одновременно забавной здесь является, пожалуй, версия, изложенная «леди Агатой» – знаменитой Агатой Кристи, в одном из её ранних детективных романов «Большая четвёрка».

В романе, увидевшем свет в 1927 году, описан вселенский заговор против человечества могущественной полусумасшедшей четвёрки: таинственного китайского мандарина Ли Чанг Йена, американского мультимиллиардера, «мыльного короля» Эйба Райланда, гениальной французской учёной мадам Оливер, «затмившей славу мадам Кюри», и многоликого Истребителя неопределённого происхождения – своего рода суперспецназовца-киллера…

Раскрывает заговор, естественно, гениальный Эркюль Пуаро. По ходу расследования он встречается со знатоком «тайной жизни в Китае» мистером Джоном Инглзом, и тот заявляет:

– Беспорядки по всему миру, волнения рабочих, революции. Нормальные люди, совсем не паникёры, отвечающие за свои слова, говорят, что за всеми этими случаями стоит некая сила, и что цель её – ни больше ни меньше, как разрушение мировой цивилизации. В России, как вы знаете, многие видят явные признаки того, что Ленин и Троцкий – всего лишь марионетки и их поступки (все до единого) диктуются чьим-то мозгом. У меня нет надёжных доказательств, …но я совершенно уверен в том, что этот мозг принадлежит Ли Чанг Йену…

Итак, Ленин – агент и марионетка главы «Большой четвёрки», китайского мафиози Ли Чанг Йена…

До этого не додумался даже Николай Стариков!

Однако мандарин Ли как «шеф» Ленина – это для людей, *якобы* отвечающих за свои слова, всё же, перебор. Они – «историки», «политологи», политиканы и просто изготовители «жареных» «фактов», выдвигают менее фантастические, хотя и не более «правдоподобные» версии… При этом стандартное обвинение Ленина заключается в том, что он-де, то ли сразу после начала Первой мировой войны, то ли ближе к 1917 году, вступил в изменнические контакты с императором Вильгельмом II, с германским Генштабом и с генералом Людендорфом.

Одна из главок главы XV в книге бывшего жандармского генерала Александра Спиридовича «Большевизм: от зарождения до прихода к власти» так и называется: «Перед войной 1914 года. Измена Ленина и его договор с германским правительством»[42].

А, скажем, профессор Санкт-Петербургского (какая радость – вновь Санкт-Петербургского!) университета, доктор наук Геннадий Соболев описывает «германскую» коллизию уже в более позднем – предреволюционном, варианте. И Соболев в выводах более осторожен:

«…Названная ещё в 1919 году членами рейхстага социал-демократами Э. Бернштейном и М. Эрцбергером сумма в 50–60 млн. марок, полученных большевиками из Германии, остаётся до сих пор ни опровергнутой, ни подтверждённой документально…»[43]

Спасибо, как говорится, и на этом!

Правда, далее Соболев продолжает: «Следовательно, поиски „немецкого золота“ большевиков должны быть продолжены…»

Что ж, успехов Вам в поисках, уважаемый Геннадий Леонтьевич!

«Респектабельный» Александр Ватлин, издавший в р-р-респектабельном издательстве «Российская политическая энциклопедия» книгу о Германии, рекомендованную в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по специальностям «история», «политология», «международные отношения», непосредственно тему о «немецком золоте» обходит, но замечает:

«Стремясь добиться развития событий в нужном направлении, германские военные сделали ставку на углубление социальной революции… Первый „пломбированный вагон“ с большевиками отправился из Швейцарии уже в марте… Резидент германской разведки в апреле 1917 г. доносил из Стокгольма: „Ленин прибыл в Россию и работает в духе наших пожеланий“…»[44]

Подтекст в тексте Ватлина очевиден: не задарма же Ленин «работал» в «духе пожеланий» германской разведки…

В стиле профессора Соболева, но задолго до него высказывался французский разведчик Л. Тома. В 1917 году он вёл работу по дискредитации Ленина, а позднее – в своих воспоминаниях, признал:

«Ленин не был платным агентом Германии в том смысле, что не получал от немецких властей задания действовать определённым образом в обмен на денежное вознаграждение или заранее оговоренную выгоду. Ленин был агитатором, на успех которого Германия делала ставку, и которому она поставляла необходимые средства для ведения пропаганды»[45].

Как говорится, и на том спасибо!

Небезынтересно, пожалуй, знать, что дядя Николая – великий князь Александр Михайлович, имевший, как-никак, более менее информацию, а не газетные сплетни, даже в 1932 году в Париже не рискнул прямо обвинить Ленина, а выразился и более осторожно, и политически более реалистично, написав:

«…Совершенно безразлично, получили ли большевистские главари какие-то суммы от немецкого командования или же ограничились тем, что приняли предложение германского правительства проехать через Германию (реально было наоборот – это эмигранты просили о разрешении на проезд. – *С.К.*) в запломбированном вагоне…

Странные сообщники – Ленин и Людендорф – не обманывались относительно друг друга. Они были готовы пройти часть пути вместе… Генерал старался оставаться серьёзным, думая о сумасбродстве этого „теоретика“ Ленина. Двадцать месяцев спустя коммунисты здорово посмеялись над Людендорфом, когда революционная чернь хотела его арестовать в Берлине…»[46]?

Здесь не всё точно по части фактов, что объяснимо – Александр Михайлович не мог знать, скажем, все перипетии, связанные с проездом Ленина через Германию, о чём в своём месте будет сказано. Ошибался царёв дядя и относительно якобы «сообщничества» Ленина и Людендорфа.

Однако в целом Александр Михайлович ретроспективно оценил ситуацию относительно верно – верно для великого князя, конечно… Всё же в эмиграции «дядя Сандро» кое-что понял.

А вот эмигрант Сергей Мельгунов, в 1922 году высланный из советской России, разродился

в эмиграции книгой «Золотой немецкий ключ к большевистской революции». Она была издана в 1940 году в Париже, в 1989 году – в Нью-Йорке… «Потный вал» перестроечного ажиотажа донёс её и до России. А что? Вполне приличное чтение для любителей развесистой «исторической» «клюквы»!.. Но, вообще-то, подобной «литературы» за почти сто лет накопились горы, хотя авторы чаще всего просто переписывают друг друга.

Впрочем, я не намерен подробно останавливаться на анализе непосредственно тех или иных «версий» о якобы финансировании деятельности Ленина германским кайзером и германским генштабом – хватит с меня, да и с читателя, надеюсь, «сенсаций» Николая Старикова.

К тому же, во всех этих версиях, на разные лады перепевающих тему Парвуса-Гельфанда, прапорщика Ермоленко, «документов Сиссона», и т. д., и т. п., содержится исторической правды не больше, чем в приснопамятной «версии» «леди Агаты» о Ленине, колобродящем в России по указке китайского мандарина Ли на «мыльные» деньги янки Райланда.

Вот уж воистину, все эти «версии» – на уровне «мыльной оперы»!

Вернее будет поступить иначе – обратиться ко вполне достоверным документам и поразмышлять – правы ли обвинители Ленина, вот уже почти сто лет осыпающие его грудами «германского», «английского», «мыльного» и прочего «золота»?

Интереснейшие документы отыскиваются при этом, как уже было сказано, в ценнейшем, однако по сию пору почти не используемом источнике – Полном Собрании сочинений В. И. Ленина, и прежде всего – в томах ленинских писем.

Начать же надо, пожалуй, с краткого анализа вообще финансовых возможностей РСДРП(б) – ведь о происхождении партийной кассы большевиков (не только в период Первой мировой войны, но и до неё) в литературе накопилось, пожалуй, не меньше мифов, чем относительно пресловутого «немецкого золота».

Одно из стандартных, давно обжившихся в «Сети», клише: большевики жили за счёт «эксов», то есть, экспроприаций, а проще – ограбления банков, налётов на инкассаторов и т. д. Любой усердный потребитель «интернетского» якобы-информационного барахла уверенно отбарабанит, что деньгами Ленина снабжал кавказский бандит Сталин по кличке «Коба» на пару с его («Кобы») подручным – другим бандитом Тер-Петросяном по кличке «Камо»…

Так ли это было на деле?

Что ж, во время первой русской революции большевики действительно провели громкую акцию, и 13 июня 2017 года исполнится 110 лет со дня знаменитой экспроприации большевиков на Эриванской площади в Тифлисе. А организатором и руководителем налёта был действительно «Камо» – Симон Аршакович Тер-Петросян (1882–1922).

Вокруг этой истории накручено немало небылиц, да и достоверные сведения оказываются на поверку не вполне достоверными. Так, Н. К. Крупская в своих воспоминаниях писала, что захваченными средствами большевики воспользоваться якобы не смогли, поскольку вся сумма была в крупных купюрах в 500 рублей, и номера банкнот были сообщены всем банкам в России и за рубежом. А на попытках разменять деньги целая группа товарищей попалась, поскольку о готовящемся размене провокатор Житомирский сообщил полиции[47].

Однако есть основания предполагать, что предметом «экса» стали привезённые из Петербурга 200 тысяч рублей не только в бумаге, но и в золотых монетах, о чём Крупская могла и не знать. Так что, скорее всего, тифлисский «экс» партийную кассу РСДРП(б) в 1907 году как-то всё же пополнил. Но – далеко не так, как предполагалось[48].

Расходы партии были тогда уже немалы, и – не на «олигархические» забавы лидеров большевиков в швейцарских Альпах, в Монте-Карло или Куршевеле… Это было лето 1907 года. Ещё не исчезли надежды на усиление революционного процесса, начавшегося в 1905 году, и надо было закупать оружие, переправлять транспорты с ним в Россию, подкупать таможню,

жандармов…

А кроме того, надо было выручать товарищей из тюрем, а то и спасать их от смерти… Не Ленин, а либеральные журналисты запустили тогда в оборот понятие «столыпинский галстук» – висельная петля.

Да, большевиков в годы первой русской революции вешали! Впрочем, не только их – вешали и латышских крестьян, и пресненских рабочих… Это я к тому, что если кто-то протянет: «Э-э! Да твой Ленин был просто террористом», то не мешает ему знать, что для большевиков террор был крайней, редкой и вынужденной мерой, а вот террор царских властей против большевиков в 1905-07 годах был и ужасен, и масштабен.

Впрочем, более подробно этой материи – «ужасов революции», мы коснёмся в своё время в отдельной главе. Сейчас же, возвращаясь к Камо, сообщу, что, познакомившись с Лениным в марте 1906 года в Петербурге – оба были на нелегальном положении, Камо в конце 1906 года по поручению Ленина выехал в заграничную поездку. Он побывал в Германии, Швеции и Бельгии, закупая оружие и боеприпасы, а закончил Болгарией, организовывая тайную транспортировку всего закупленного в Россию. Одним из поводов к тифлисскому «эксу» как раз и могла стать необходимость расплатиться с зарубежными кредиторами.

Тут, к слову, уместно заметить, что если бы работу большевиков в ходе революции 1905–1906 года финансировали Япония или ещё кто (Ленина обвиняют порой и в этом), то не было бы необходимости Камо устраивать налёт на «золотую» экспедицию в Тифлисе.

Позднее – в 1911 году Камо, бежавший из заключения в тифлисском Метехском замке, получил в Париже новое личное задание Ленина: обеспечить опять-таки транспортировку, но уже не оружия, а партийной литературы в Россию. Камо сумел организовать требующийся «коридор» через Грецию, Турцию и Болгарию.

Конечно, во всех этих странах – даже в Турции, у Камо находились и бескорыстные идейные помощники, но ведь нередко приходилось и платить. Соответственно, на одном «тифлисском» золоте – быстро тающем, партийной работы было не построить.

А на что тогда могли рассчитывать большевики?

Источников пополнения партийной кассы у любой нелегальной революционной партии бывает несколько, начиная с членских взносов и разовых пожертвований членов партии и сочувствующих…

Вспомним, что даже в 1907 году – когда революция уже почти закончилась, на V (Лондонском) съезде РСДРП делегаты представляли 150 тысяч членов партии. И все они платили хотя и различающиеся по размеру (тогда в партии было много интеллигентов), но – членские взносы.

В целом – сумма немалая.

Когда после окончательного поражения революции 1905–1907 года и наступившей столыпинской реакции произошёл «отлив» из РСДРП всех нестойких, и большевики оформились как отдельная партия, партийные взносы, естественно, уменьшились. Однако партийная касса особо пустой не была, и отнюдь не за счёт пресловутых «эксов». Партийные взносы оставались серьёзным и относительно стабильным источником пополнения партийных средств.

К Февралю 1917 года в РСДРП(б) насчитывалось до 40 тысяч человек. И это были в массе своей стойкие, убеждённые борцы за освобождение пролетариата, во главе которых стояли несколько сотен профессиональных партийных работников – нелегалов и эмигрантов. Не все они имели связь с Лениным (многие её как раз не имели), но партийная работа велась, и не в последнюю очередь благодаря тому, что Ленин до начала войны провёл немалую организационную работу и обеспечил наличие в России крепкого партийного ядра.

Могли сорок тысяч членов партии содержать триста-четыреста партийных «техников» – руководящих организаторов?

Думаю – да.

Помогали большевикам, и весьма весомо, сочувствующие. Так, жена Максима Горького – известная русская актриса Мария Андреева (1868–1953), член партии с 1904 года, выезжая в Европу и США, обеспечивала там мобилизацию средств для партии. Андреева и сама оказывала партии финансовую поддержку – лично и за счёт сбора средств непосредственно в России.

Горький, Андреева и ещё несколько имён – это лишь видимая часть «айсберга» той прогрессивной части образованных кругов российского общества, которая оценивала большевиков как серьёзную и достойную уважения политическую силу. В отличие от эсеров, взрывающих великих князей, большевики, хотя и не были широко известны в простом народе до весны 1917 года, общественной поддержкой пользовались. И, пожалуй, большей, чем эсеры… Эсеры представлялись многим чем-то вроде кровавого балагана, да нередко им и были. Со всей отчётливостью это проявилось в серии эсеровских авантюр времён Гражданской войны, начиная с Ярославского мятежа и заканчивая кулацкой «антоновщиной». Не говорю уже о палаческом следе, оставленном в нашей истории эсером Савинковым и поощряемыми последним «генералом» Булак-Балаховичем и «полковником» Павловским…

А вот что свидетельствовал уже в эмиграции жандармский генерал Спиридович:

«Русское общество много помогало в те годы (имеются в виду 1904 и 1905 гг. – *С.К.*) революционным партиям, в том числе и социал-демократической. Благодаря этому денежные поступления одесской группы партии за май и июнь 1905 г. составили 4702 руб. 25 коп., приход батумского комитета за время с ноября 1904 по январь 1905 г. превышал 6 тысяч: сибирский союз с 1 февраля по июнь насчитывал в приходе 7475 рублей. Бюджет центральных учреждений выражался десятками тысяч»[49].

Немалые суммы порой приходили в РСДРП(б) из весьма нетривиальных источников – из противоположного лагеря, так сказать. Во все времена в любом обществе среди элиты случаются отдельные личности, сочувствующие революции и помогающие ей материально. Не стала исключением и Россия – достаточно вспомнить знаменитого Савву Морозова, фабриканта, помогавшего большевикам деньгами. К тому же активными членами большевистской партии состояли не только малоимущие или неимущие пролетарии – были большевики-инженеры, большевики-профессора… Говоря о 1905 годе я приведу любопытные примеры на сей счёт.

Поступали в партийную кассу отчисления от литераторской и журналистской работы. Скажем, в сентябре 1905 года Ленин писал из Женевы в ЦК партии в Петербург:

«Дорогие друзья!

1) Посылаю Вам проект договора с Малых на Ваше утверждение всего ЦК. Советую утвердить – иначе здесь куче народа жить не на что, а партия не сможет содержать их (в том числе редакторы и сотрудники „Пролетария“). Это серьёзный вопрос, который очень прошу не разрубать одним ударом: иначе можно вызвать отчаянный кризис.

2) Советую повысить 50 % до 100 %. Малых должна будет согласиться…»[50]

Речь тут шла о следующем… Созданное в 1901 году издательство Марии Малых (Эдельман) (род. в 1879 г.) периодически выпускало отдельные работы Маркса, Энгельса, Ленина… Малых подвергалась преследованиям, многие издания подвергались конфискации. В 1909 году Малых приговорили к тюремному заключению, она бежала за границу и продолжала издательскую деятельность в Цюрихе, а после Октябрьской революции работала в советских издательствах.

В 1905 году Малых ещё жила в России, и обратилась к Ленину с предложением издать ряд его произведений, а также работы других литераторов-большевиков. Ведь среди членов РСДРП(б) были серьёзные экономисты, историки, статистики, социологи…

Договор с Малых, однако, не был подписан – ЦК начал переговоры в Петербурге с горьковским издательством «Знание». Это издательство обязывалось передавать партии значительную часть своих доходов и при первой же возможности объявить себя партийным. Переговоры вёл член ЦК П. П. Румянцев (ровесник Ленина, он после поражения революции 1905 года отошёл от партии, занимался статистикой и в 1925 году умер за рубежом), и после консультаций с Лениным договор от имени ЦК был подписан Л. Б. Красиным и П. П. Румянцевым с издательством Горького.

Между прочим, благодаря одному ленинскому документу, мы можем составить представление о статьях не только доходов, но и расходов большевиков в 10-е годы. В томе 47-м Полного собрания сочинений, где собраны письма Ленина за 1905 – ноябрь 1910 года, на страницах с 216-ю по 218-ю (да ещё и с вклейкой факсимиле!) помещено письмо, адресованное в октябре 1909 года Хозяйственной комиссии Большевистского центра.

Приводить письмо полностью – с таблицами и выкладками, не буду, а сообщу лишь, что в среднем в месяц на диеты, помощь товарищам, нелегальные транспорты, экспедицию, секретариат и почту (последняя статья – 82 рубля), нелегальную типографию и партийные издания, конференции, возврат старых долгов, субсидии на работу в России и т. д. партия расходовала примерно 19 тысяч рублей.

Ленин, сводя данные в таблицы, призывал сократить расход до примерно 12 тысяч рублей, и показывал – как:

«Чтобы *систематически* следить за хозяйством и иметь возможность систематически же сокращать расходы, надо:

1) Составлять месячные отчёты по рубрикам, *сравнимым* между собой и *отделяющим* наиболее существенное и наименее поддающееся изменениям от наиболее случайного и наиболее сократимого (изд[ание] газеты от помощи; квартиру экспедиции и расходы типографии от цен на бумагу… и т. д.)

Постараться составить за довольно большой промежуток времени (например за $^1/_2$ года) *рациональный* сводный отчёт с вычислением среднего расхода на каждую статью… Затем по каждой статье надо обдумать сокращения уже не примерные, не на глаз, а на основании точных предположений (сократить то-то и так-то; купить бумаги дешевле и снять квартиру дешевле и т. д. и т. п; сократить расходы на „оказии“ и лёгкий транспорт и т. п.)»

Это письмо интересно, конечно, и само по себе, но если вдуматься, оно интересно и тем, что может служить своего рода иллюстрацией к сталинским репрессиям ряда «старых большевиков-ленинцев» в 30-е годы… Из «хозяйственного» письма Ленина от октября 1909 года видно, что уже тогда кое-кто из большевиков предпочитал размышлять и дискутировать о грядущей революционной буре, а не обременять себя утомительными хозяйственными расчётами… В итоге Ленину самому пришлось заняться бухгалтерией и призвать товарищей по партии партийную копейку экономить.

Но если даже до революции – когда со средствами было туго и когда руководители РСДРП(б) пребывали в эмиграции, в ссылках и тюрьмах, в подполье – среди большевиков не все любили и умели вести работу по-хозяйски, то вряд ли можно было надеяться, что, войдя после Октября 1917 года в государственное руководство, они тут же схватятся за конторские счёты…

Подобные «лидеры» попортили после Октября много крови уже Ленину, а со временем – когда Россией стал руководить Сталин, они превратились вначале в балласт, а позднее – в претенциозных противников Сталина, а точнее – дела Ленина-Сталина.

Вот Сталину и пришлось в 1937 году окончательно свести тот «баланс», подводить который начал ещё в 1909 году Ленин.

В продолжение общего сюжета о средствах большевиков приведу несколько фрагментов из

документов Охранного отделения – это вполне деловые оперативные сводки, поэтому в достоверности их сомневаться не приходится. Между прочим, охранники в царской России лаптем щи не хлебали. Крупская уже в советские годы вспоминала: «…Царское правительство не жалело денег на организацию провокатуры. Вся система провокатуры была чрезвычайно продумана, разветвлена…»[51]?

Это – обобщённая оценка, а, подкрепляя её, сообщу, что по неполным послеоктябрьским подсчётам в различных политических партиях и организациях имелось около 6,5 тысяч провокаторов и других политических работников политического сыска самодержавия[52].

Так вот, 15 октября 1911 года провокатор, агент М. И. Бряндинский представил в Московское Охранное отделение записку, где сообщал, в частности, о транспортах нелегальной литературы через западную границу следующее:

«На содержании партии находятся в транспортной организации три лица: „Альберт“, „Петунников“ и „Валериан“, остальные же лица получают только на расходы по перевозке и распространению. Приблизительная стоимость транспорта такова: в 3 месяца отправляется два транспорта по 4 пуда, итого 8 пудов; за переправку их через границу Натан (контрабандист по прозвищу „Турок“. – *С.К.*) берёт 220 руб., Карасевич (местный крестьянин-литовец. – *С.К.*) за хранение и сортировку – 50 руб., развозка в Петербург и Москву – 65 руб., доставка в Новозыбков – 15 руб., рассылка по почте – 15 руб., содержание работников за 3 месяца – 500 руб., непредвидимых расходов – 50 руб., всего 915 руб.

Баку и Кавказ получают литературу совершенно самостоятельно через Персию…»[53]

В агентурной записке № 101а от 15 августа 1913 года приводились данные о совещании пяти представителей ЦК большевиков 27 июля 1913 года в Австрии, в деревне Поронин под Закопане, где тогда жил Ленин. Среди обсуждаемых вопросов был и денежный вопрос, в том числе – в связи с планами открыть партийную школу. Провокатор Малиновский, принимавший участие в совещании как депутат Государственной думы, сообщал:

«…Всех денег на означенную школу имеется 1000 рублей. Сумма эта составилось следующим образом: 300 р. пожертвовал москвич Крыжановский, 300 р. – петербуржец Конюхов, и 400 р. составилось из членских взносов… „шестёрки“ (депутатов Госдумы от большевиков. – *С.К.*).

…Провоз и содержание каждого из учеников школы (предположительно намечались 10 человек, в том числе три „своекоштных“ депутата Думы – *С.К.*) обойдётся в 125 р., возмещение путевых расходов лекторам (до 10 человек. – *С.К.*) будет стоить 300 р. Вследствие изложенного, ЦК приходится считаться с недостатком денег на школу…

Поиски дополнительных средств… продолжаются. Так, …поручено переговорить с лицами, окружающими москвича Крыжановского и побывать у некоего Павла Николаевича Мостовенко (муж княгини Оболенской), сочувствующего партии и проживающего в имении в районе Калужской губернии у ст. „Оболенское“…»[54]

Дополнительно могу привести и отрывок «по теме» из ленинского письма Александре Коллонтай от 9 ноября 1915 года, отправленного из Берна в Нью-Йорк[55].

Ленин извещал Коллонтай, бывшую тогда в Америке, что партия издаёт на днях «*по-немецки*» и затем «*по-французски*», а «если удастся извернуться с деньгами», то и «по-итальянски», *маленькую брошюрку «от имени Циммервальдской левой* (международное объединение революционных интернационалистов 6 стран, созданное Лениным в сентябре 1915 года на конференции в деревне Циммервальд близ Берна. – *С.К.*)…»

«Извернуться» удалось лишь на немецкое издание, однако вышло оно явно не на «золото» кайзера! Как и для прочих его венценосных коллег по обе стороны фронта, деятельность

циммервальдцев была для Вильгельма не только невыгодной, но и опасной.

Возвращаясь же к письму Ленина в адрес Коллонтай, отмечу следующее место в нём: «*Насчёт денег с огорчением увидал из Вашего письма, что пока Вам ничего не удалось для ЦК собрать*»…

Итак, большевистские «клондайки», были не богатыми, не всегда регулярными, но зато – многочисленными. Всё это, вместе взятое, хотя и не позволяло жить партии роскошно, жить и работать позволяло.

Между прочим, иногда какие-то деньги получались и за счёт лекционной деятельности большевиков. Так, 2 июня 1916 года в Женеве состоялся реферат Ленина на тему «Два течения в международном рабочем движении». За полмесяца до этого Ленин писал В. А. Карпинскому из Цюриха в Женеву: «*Если условия не изменились и поездка моя окупится, то назначьте, пожалуйста, недельки через две (на другой день) в Лозанне*»[56].

Финансовые условия были достаточными для «самоокупаемости» поездки, и 3 июня 1916 года тот же реферат был прочитан уже в Лозанне. В тот же день в письме Ольге Равич Ленин написал, что «*реферат лозаннский покрыл поездку и дал доход*»[57].

Я мог бы привести и ещё ряд подобных примеров из ленинских писем, но, пожалуй, и этого вполне достаточно.

Зато в истории финансовых проблем РСДРП(б) имеется интересный и показательный казус, тоже относящийся к 1916 году. Он затрагивал отношения сразу трёх партийных сил: большевиков, меньшевиков и европейских социалистов, и рассказать о об этом казусе стуит.

Во второй половине 1916 года Департамент полиции МВД выпустил специальное издание – обзор деятельности РСДРП (в целом) за первые два года мировой войны. Анонимный автор этого обзора обнаружил не только прекрасное знание взглядов обоих направлений – как большевиков, так и меньшевиков, но и отличную осведомлённость по конкретным вопросам.

Оперативные документы российской охранительной спецслужбы – не пропагандистский материал, здесь всё называлось своими именами, поэтому такие сведения важнее груды разного рода позднейших «исторических исследований» о финансовых средствах большевиков, и ниже приведён фрагмент из «Обзора…» МВД, который сам по себе способен закрыть тему о том – купались ли большевики во время войны в «золоте» германского генштаба?

Вот что узнаём мы из полицейского «Обзора…»:

«…на одном из состоявшихся в Берне в первой половине 1916 г. по инициативе Интернациональной Социалистической комиссии совещании социал-демократов возникли пререкания между представителями Центр. Комитета РСДРП (большевики. – *С.К.*) и представителями Организационного Комитета партии (меньшевики. – *С.К.*) относительно денег.

Как известно, названная партия имеет около 140 000 франков (80 460 рублей. – *С.К.*), которые были добыты путём экспроприации в России и считалась общим достоянием партии до раскола её на большевиков и меньшевиков. После раскола возник спор относительно этих денег между Центральным и Организационным Комитетами, каковой спор не разрешён и доныне, причём спорная сумма денег находится на хранении германского социалиста Каутского до решения этого спора конференцией»[58]?

Наконец, наконец-то отыскался след «германского золота» большевистской партии!! И ведь всё верно: у немца Каутского были деньги… Вот только не Каутский финансировал Ленина, а, напротив (я продолжаю цитирование полицейского обзора):

«На означенном выше совещании меньшевиками вновь был поднят вопрос об этих деньгах, причём Ленину и Зиновьеву было предложено согласиться на выдачу части этих денег в распоряжение Интернациональной Социалистич. Комиссии в Берне и на раздел остальной суммы между Центральным и Организационным Комитетами. Ленин на это предложение

заявил, что собственником денег является Центральный Комитет и что по сему вопросу он до окончательного ответа снесётся с „центрами“ в России»

Иными словами, Ленин не только не получал из Германии золота, но германские социал-демократы хотели *на дармовщинку* попользоваться частью золота большевиков – в качестве платы за хранение, что ли?

Спрашивается – если бы Ленин был на содержании у Людендорфа или у «союзников», стал бы он так отчаянно бороться за весьма скромную (по сравнению с приписываемыми ему золотыми миллионами германских марок) сумму?

Сто сорок «общих» тысяч франков, это, скорее всего, как раз «золото Камо», которое было захвачено летом 1907 года, в период, когда оба крыла РСДРП временно объединились.

Было, впрочем, тогда и ещё несколько «эксов» – помельче.

А когда РСДРП вновь раскололась, деньги отдали Каутскому – как третейскому судье…

Описанная коллизия относится ко временам проходившей в конце апреля 1916 года в Кинтале близ Берна 2-ой Интернациональной социалистической конференции, которая собрала 40 делегатов из России Германии, Италии, Франции, Сербии и Швейцарии (среди последних были члены швейцарского парламента Грабер, Гримм и Нэн).

Избранные на конференцию делегаты от Австрии, Румынии, Болгарии, Греции, Португалии, Голландии, Швеции, Норвегии и Англии не прибыли, однако сам тот факт, что их ожидали, показывает, что ни о какой «келейности» в действиях приехавших не могло быть и речи.

На конференции были представлены отдельно большевики (Ленин и Зиновьев), отдельно – меньшевики (Мартов, Аксельрод и др.), были эсеры (Чернов и Натансон)… В числе делегатов от Германии были Карл Каутский, Франц Меринг, Роза Люксембург и Клара Цеткин…

Чем закончилось дело с «германским» золотом из сейфа Карла Каутского, я не знаю. Но вряд ли Каутский выдал ленинцам всю требуемую сумму. Скорее всего, он скупо оплачивал из хранящихся у него сумм лишь ряд текущих расходов как большевиков, так и меньшевиков.

Так или иначе, дела с партийной кассой шли у Ленина в последние годы перед второй русской революцией туго, о чём – ниже…

Глава 4. «Золото партии» на груди у Инессы Арманд

Подлинное финансовое положение большевиков во время Первой мировой войны хорошо характеризует письмо Ленина Зиновьеву от (ориентировочно) 20 декабря 1916 года. Пересылая «Григорию» «Замечания по поводу статьи о максимализме» (см. ПСС. Т. 30, с. 385–388), Ленин далее пишет:

«200 frs (примерно 120 рублей, – *С.К.*) послал.

Скандал со Шкловским меня дьявольски возмущает и беспокоит. А вы ещё хотели ему всю кассу отдать!! Надо действовать энергично: сказать ему, что деньги нужны к новому году и не отставать, пока он не вернёт всего! Чертовский скандал! Действительно „панама“ и у нас под носом»[59].

Таким образом Владимир Ильич отреагировал на сообщение Зиновьева о некой авантюре члена РСДРП с 1898 года Г. Л. Шкловского (1875–1937), тогда большевика, а после 1917 года – троцкиста и зиновьевца.

Зиновьев сообщал Ленину:

«…у Шкловского какой-то кризис, и он – *не говоря нам ни слова*, – все партийные деньги пустил в оборот!.. Я уверен, что он скоро вернёт. Но пока дело стоит так, что нет *ни сантима* на почтовые расходы…»[60]

«Ни сантима…» Зиновьева – это, конечно, гипербола. Но, похоже, дела и впрямь обстояли неважно.

Судя по всему, Шкловский долг партии вернул, то есть, банкротом не стал. А поскольку новый миллионер Шкловский в Швейцарии не объявился, то, надо полагать, что позаимствованная им у партии сумма на миллионы не тянула и миллионной прибыли не принесла. Как говаривал Остап Бендер: «Джентльмен в поисках десятки…»

Из всего этого можно сделать вполне логичный вывод: партийную кассу большевиков даже на исходе 1916 года «германское золото» не наполняло, а размер кассы был невелик – вряд ли больше нескольких тысяч франков. Во всяком случае, в ответ на отчаянную панику Зиновьева Ленин смог выслать ему всего-то сотню рублей, и этого, похоже, на текущие расходы достало.

Не исключено, что ненадёжность в тот момент финансовых доверенных лиц партии типа Шкловского в сочетании с общей ненадёжностью европейской ситуации, и побудили Ленина написать 16 января 1917 года из Цюриха в Кларан некое письмо Инессе Арманд. Это письмо, как и письмо Зиновьеву от 20 декабря 1916 года, настолько важно для понимания подлинного тогдашнего положения дел и финансового фона деятельности большевиков накануне Февральской революции, что приведу его полностью, вначале напомнив читателю о том кем была Арманд в большевистской партии к началу Февральской революции.

Елизавета Фёдоровна Арманд [урождённая Стеффен (транскрипцию даю по 2-му изданию БСЭ)] была в партии большевиков фигурой заметной с любой точки зрения. А поскольку она с 1910 года входила в близкое окружение Ленина (по сплетням – даже в слишком близкое), то сказать о ней рано или поздно надо, и вполне уместно сделать это именно сейчас.

Даты рождения Арманд расходятся: в примечаниях к Полному собранию сочинений Ленина указан 1874 год, во 2-м издании Большой советской энциклопедии – 1875 год, а по учётам Охранного отделения от 1913 года «жена потомственного почётного гражданина, домашняя учительница Арманд, урождённая Стефен, Инесса (Елизавета) Фёдорова» отмечена как родившаяся 16 июня 1879 года в Москве[61].

В книге же Ж. Фревиля «Ленин в Париже», изданной у нас в 1969 году, сообщается, что Арманд родилась 8 мая 1874 года в Париже в семье известного оперного певца Теодора Стефана

и актрисы Натали Уальд – полу-француженки, полу-англичанки. Надо полагать, что это и есть верная дата рождения будущей выдающейся профессиональной революционерки, а московские охранники напутали.

Отец умер рано, оставив вдову с тремя девочками-погодками. Старшую (это и была Инес) взяли на воспитание бабушка и тётка, жившие в Москве. В шесть лет Инес хорошо играла на рояле, отлично усваивала знания, и выросла девушкой разносторонне образованной, обаятельной, остроумной… Была прекрасной певицей…

Вскоре она вышла замуж за обрусевшего потомка французских эмигрантов фабриканта Александра Арманда, владельца шерстоткацкой и красильно-отделочной фабрики в подмосковном Пушкино. Муж был человеком добрым, честным, не чуждым благотворительности, жену любил (да и невозможно было её не любить), у них быстро родилось четверо детей – два сына, Саша и Федя, и затем – две дочери, Инна и Варя.

Однако от себя не уйдёшь – в груди яркой светской дамы билось сердце, умеющее сострадать… Инесса увлекается толстовством, устраивает школу для крестьянских детей, вступает в Московское общество по улучшению участи женщин, но вскоре понимает, что так темноту жизни не рассеешь… Она порывает с религией и толстовством, а вскоре – и с мужем, полюбив младшего брата мужа, студента-марксиста Владимира Арманда, и начинает работать в революционном подполье[62].

Вместе с четырьмя детьми Инессы от первого брака любящая пара поселяется в дальнем конце Москвы, и в 1904 году в семье появляется сын Андрей.

Итак, в революцию Арманд ушла не девочкой, ушла из жизни вполне обеспеченной, и по её официальной советской биографии началб с работы в Московской организации большевиков. Однако в одной из ориентировок Московского Охранного отделения сообщалось, что Арманд «6-го января 6 января 1905 года была обыскана при ликвидации московской группы партии с.-р. (то есть социалистов-революционеров, эсеров. – *С.К.*), в квартире её был обнаружен склад нелегальной литературы, браунинг и пачка патронов»…

Ну, если Елизавета Арманд и начинала как боевая эсерка, особого партийного криминала в том тогда не было – хуже было бы, если бы она начинала как меньшевичка! Впрочем, худосочные «меки» и энергичная красавица явно не сочетались ни по духу, ни по идеологии.

9 апреля 1907 года Арманд была задержана и обыскана по делу военного союза, а 7 июня 1907 года Елизавету-Рене Арманд задержали на собрании Московского узлового комитета Всероссийского Железнодорожного Союза. Вскоре она была выслана под гласный надзор полиции «в отдалённый уезд Архангельской губернии на два года»[63].

В ссылку за ней – в северную Мезень, уехал и Владимир.

Владимир был человеком редкой души, «апостольски прост», однако в условиях крайнего Севера заболел туберкулёзом и вынужден был вернуться в Москву для лечения, а затем уехать в Швейцарию. В ноябре 1908 года Инесса за семь месяцев до окончания ссылки бежит через Архангельск, Москву и Петербург в Финляндию и в январе 1909 года добирается до Швейцарии – ухаживать за Владимиром. Через две недели после её приезда он скончался.

«*Для меня его смерть*, – писала Инесса в письме друзьям, – *непоправимая потеря, так как с ним было связано всё моё личное счастье, а без личного счастья человеку прожить трудно*»[64].

В 1909 году Арманд живёт вначале в Брюсселе, а с 1910 года – в Париже. Во время одного из своих приездов из Брюсселя в Париж в 1909 году она знакомится с Лениным и Крупской. Осенью 1909 года Инесса поступает в Брюсселе на учёбу в Новый университет и в октябре 1910 года получает диплом лиценциата экономических наук.

Летом 1911 года Арманд преподавала в партийной школе пропагандистов в деревушке Лонжюмо под Парижем, где 13 делегатам из имперских организаций партии и 4

вольнослушателям был прочитан курс лекций. Ещё до открытия школы Департамент полиции МВД в своём циркуляре № 100209 от 10 марта 1911 года извещал заграничную агентуру о предстоящем событии, а 29 августа 1911 года провокатор Бряндинский (от провокации не был застрахован никто и, например, боевой организацией эсеров руководил провокатор Евно Азеф) представил начальнику московской охранки обстоятельный доклад, где об Арманд было сказано следующее:

«…История социалистического движения в Бельгии – 3 лекции; читала их эмигрантка „Инесса“, оказавшаяся очень слабой лекторшей и ничего не давшая своим слушателям.

Инесса (партийный псевдоним, специально присвоенный на время преподавания в школе) – интеллигентка, с высшим, полученным за границей образованием; …свободно владеет европейскими языками, её приметы: около 26–28 лет отроду, среднего роста, худощавая, продолговатое, чистое и белое лицо; тёмно-русая с рыжеватым оттенком; очень пышная растительность на голове, …коса; замужняя, имеет сына 7 лет, жила в Лонжюмо в том же доме, где помещалась и школа; обладает весьма интересной наружностью»[65].

К слову, приметы Ленина Бряндинский описывал тогда же так:

«…около 40 лет от роду, выше среднего роста, худощавый, продолговатое бледное лицо, живые глаза, светло-русый, большая лысина, усы и борода бриты»[66].

И, опять же, к слову – с учётом сплетен, о которых будет позже сказано… Ленин с женой жили не в одном доме с Арманд и слушателями школы, а на другом конце Лонжюмо. Сообщает об этом Владимир Мельниченко – доктор исторических наук, последний директор Центрального музея В. И. Ленина.

Летом 1912 года ЦК большевиков по ленинской рекомендации нелегально направляет Арманд в Петербург. Она ехала в Россию как представитель ЦК для восстановления подпольного аппарата и подготовки избирательной кампании по выборам в IV Государственную думу. Перед отъездом «Инессу» в Кракове инструктировал сам Ленин.

Работа в Петербурге началась успешно, однако 14 сентября 1912 года Арманд (она жила по подложному паспорту на имя крестьянки Франциски Янкевич) арестовывают «по делу технической группы Петербургской организации РСДРП»[67].

Партийные «техники» были как один людьми опытными, преданными, бывалыми и профессионально скрытными, что вполне объяснимо. «Техника» – это организация нелегальных транспортов литературы и оружия, поиск новых конспиративных квартир, явок… Это – нелегальные типографии, агентура среди жандармов, связи между регионами и между регионами и ЦК, поиск и переправка денег для партии и прочее подобное, то есть – делб, для болтунов не подходящие. Возможно, этим и объясняется неудача «Инессы» как лектора в Лонжюмо – профессия накладывает свой отпечаток, и Арманд в ту пору отпускала слова окружающим скуповато.

Соответственно, к Арманд жандармы отнеслись серьёзно – во время дознания она сидела в одиночке более полугода и надорвала здоровье, пока Александру Арманду не удалось добиться её освобождения до суда под залог в 5 тысяч. Весну и лето 1913 года Инесса провела с детьми на Волге, лечась кумысом.

Суд, который должен был состояться 27 августа 1913 года, грозил новой ссылкой, и, жертвуя залогом, Инесса переходит границу. Осенью 1913 года она уже присутствует на совещании ленинского ЦК в австрийском Поронине.

Совещание, в котором участвовали Ленин, Зиновьев, Каменев, Крупская, Трояновский, Шотман, Елена Розмирович, депутаты Государственной Думы IV созыва Бадаев, Малиновский, Петровский, Муранов и ряд других видных членов партии, проходило в период с 25 сентября по 1 октября. И в циркуляре Московского Охранного отделения № 107332 от 30 ноября 1913 года, где

приводилось сообщение о совещании провокатора Малиновского, среди других упоминается также имя Арманд[68].

С этого момента Инесса – активный участник заграничной работы большевиков, причём и здесь на ней лежало немало сложных «технических» обязанностей. Она была делегатом Международной женской социалистической и Международной юношеской конференции в 1915 года, принимала участие в работе Циммервальдской и Кинтальской конференций интернационалистов. Арманд была талантливым и ценным партийным работником, и в годы войны она и Ленин обменивались десятками писем. Поскольку письма Ленина к Арманд опубликованы в Полном Собрании Сочинений, заинтересованный читатель может ознакомиться с ними сам и убедиться, что они носят деловой, хотя, порой, и весьма тёплый и дружеский характер.

Вот вполне типичный эпизод…

Исполнительный комитет Международного социалистического бюро (МСБ) созвал в Брюсселе на 16–18 июля 1914 года так называемое объединительное совещание. Формальной целью был «обмен мнениями» о возможности восстановления единства в РСДРП. Фактически же руководство II Интернационала было обеспокоено усилением влияния Ленина в рабочем движении в России и изыскивало пути ослабления позиций большевиков. Летом 1914 года председатель МСБ Эмиль Вандервельде (1866–1938) приезжал в Петербург и вёл переговоры с меньшевиками. Вандервельде условился с Мартовым, что МСБ выступит не как посредник между большевиками и меньшевиками, а как арбитр. Причём председатель МСБ предупредил Мартова, что с большевиками предварительно говорить не станет, чтобы они не поняли, что их хотят «прижать к стене»[69].

Прижать Ленина к стене?

Ну, не Вандервельде была по плечу такая задача, да и кому она была бы по плечу!?

Игнорировать приглашение в Брюссель, куда должны были съехаться представители всех течений российской социал-демократии, включая «Единство» Плеханова, «Борьбу» Троцкого, Бунд, поляков и латышей, Ленин не мог – рабочая масса этого не поняла бы, а меньшевики обвинили бы большевиков во всех смертных грехах.

Но и ехать в Брюссель Ленин не хотел… В начале июля 1914 года он пишет Арманд из Поронина в Ловран:

«По поручению ЦК обращаюсь к тебе с просьбой согласиться войти в делегацию… Ты хорошо знаешь дела, прекрасно говоришь по-французски, читаешь „Правду“. Думаем ещё о Попове, Камском, Юрии (А. А. Бекзадян. – *С.К.*). Всем написано…

Надо **очень** спешить!!

Согласись, право! Хорошо встряхнёшься и делу принесёшь пользу…

Я ехать не хочу „принципиально“. Видимо немцы (озлобленный Каутский и K^0) хотят нам досадить. Sout! („Пусть так!“. – *С.К.*) Мы спокойно (я на это не годен) от имени большинства $^8/_{10}$, вежливейшим (я на это не годен) французским языком предложим наши условия. А ты теперь осмелела, читала рефераты и отлично бы провела!..»[70]

Не знаю – кому как, но мне ленинское «я на это не годен» доставило немало удовольствия! Оно великолепно передаёт темперамент Ленина, к дуракам и «мышиным», – как говаривал Тарас Бульба, – «душам» никогда никакой терпимости не проявлявшего.

Арманд на совещании, где будут иностранцы, с её свободным владением европейскими языками была бы, конечно, очень к месту. Ленин инструктировал её:

«…Я уверен, что ты из числа тех людей, кои развёртываются, крепнут, становятся сильнее 6 и смелее, когда они одни на ответственном посту… Превосходно ты сладишь! Прекрасным

языком твёрдо их всех расшибёшь, а Вандервельде не позволишь обрывать и кричать…

Гвоздь, по-моему, – доказать, что только мы партия (там – блок-фикция или группки), только мы рабочая (там – буржуазия, дающая деньги и одобряющая), только мы *большинство*…»[71]

В итоге Арманд согласилась, и в Брюссель поехала делегация ЦК РСДРП в составе: И. Ф. Арманд (Петрова), М. Ф. Владимирский (Камский) и И. Ф. Попов (Павлов). За несколько дней до совещания Ленин в очередной раз инструктировал Арманд, и эти его инструкции тоже стоят того, чтобы читатель с ними познакомился.

Ленин писал:

«Дорогой друг! Я чрезвычайно тебе благодарен за согласие. Я просто уверен, что ты превосходно выполнишь твою важную роль…

Ты с делом хорошо знакома, говоришь хорошо, и я уверен, что теперь сможешь быть достаточно „нахальна“. Пожалуйста, не истолкуй „в плохую сторону“, если я даю тебе кое-какие частные советы для облегчения твоей тяжёлой задачи.

Плеханов любит смущать „товарок“, говоря им „вдруг“ галантности (по-французски и т. п.). Надо быть готовым к этому для быстрого ответа – я восхищена, товарищ Плеханов, вы поистине старый волокита (или галантный кавалер) – или что-либо в этом роде, чтобы *отбрить* его.

Ты должна знать, что все будут очень злиться (я очень рад!), увидев, что я отсутствую, и вероятно, захотят отомстить тебе. Но я уверен, что ты покажешь свои ноготки наилучшим образом. Заранее восторгаюсь при мысли, как они нарвутся публично, встретив холодный, спокойный и немного презрительный отпор…»[72]

Ясно, между прочим, что Ленин не столько «заранее восторгается», сколько таким образом заранее задаёт Арманд тот тон, который необходим. А далее идёт ещё одна небесполезная ремарка:

«Плеханов любит „задавать вопросы“, издеваясь над вопрошаемым. Мой совет: обрезать сразу – Вы-де вправе… задавать вопросы, но я отвечаю не Вам лично, а всей конференции, поэтому покорнейше прошу не перебивать меня, – чтобы превратить сразу „задавание вопросов“ в *нападение* на него. Ты должна всё время занимать наступательную позицию… Они трусы, и сразу осядут, осекутся.

Они не любят, когда мы цитируем резолюции. А это лучший ответ: я-де пришла сюда главным образом, чтобы передавать *оформленные* партийные решения нашей рабочей партии…»[73]

Наконец, в письме, посланном Лениным Арманд уже «после драки» – 19 июля 1914 года, говорится:

«Гюисманс (секретарь МСБ, профессор филологии из Бельгии. – *С.К.*) и Вандервельде пустили в ход все угрозы. Жалкие дипломаты! Они думали нас (или вас) запугать. Конечно, им не удалось…

Ты лучше провела дело, чем это мог бы сделать я. Помимо языка (Ленин имеет в ввиду то, что его французский был далеко не идеален, как и немецкий. – *С.К.*), я бы *взорвался*, наверное. Не стерпел бы комедиантства и обозвал бы их подлецами. А *им только того и надо было* – на это они и провоцировали.

У вас же и у тебя вышло спокойно и твёрдо. Extremely thankful and greeting you („Чрезвычайно благодарен и приветствую тебя“. – *С.К.*)…»[74]?

Деликатные поручения Ленина, требующие воли и умения, Арманд выполняла и позднее, тем более, что уже скоро у Ильича возникли новые заботы и новые проблемы – началась Первая мировая война.

Сегодня стандартное клише, связанное с именем Инессы Арманд, – «любовница Ленина», и правды здесь вряд ли больше, чем в клише: «Ленин – германский шпион».

Я не намерен уделять в этой книге теме «Ленин – Инесса» много места, поэтому сразу сообщу, что слух о том, что у Ленина была с Арманд «тайная любовь» запустил в оборот в начале 50-х годов бывший французский интернационалист Марсель Боди… Сообщая об этом, упомянутый выше Владимир Ефимович Мельниченко, далее продолжает:

«Из пальца высосан вымысел об интимной связи Владимира Ильича с Арманд „на протяжении десяти лет“… Поднята до „научного“ уровня одна из давних побасенок: „Имелась версия, что Сталин угрожал Крупской в случае её малейшего неповиновения объявить официальной женой Ленина Инессу Арманд“…»[75]

Написанную в жанре документальной миниатюры книгу Владимира Мельниченко «Личная жизнь Ленина» рекомендую читателю со спокойной совестью… Как справедливо сказано в издательской аннотации, автор – «один из тех немногих историков, которые знают о Ленине, пожалуй, всё, за исключением того, что уже не узнает никто и никогда».

Конечно, ***знать*** всё и ***всё*** понимать – вещи нередко разные, и в эпохе Ленина-Сталина и в её творцах доктор Мельниченко понял, на мой взгляд, не всё. Однако понял он – при глубоком знании темы, немало, и написал о Ленине не только со знанием, но и с пониманием – честно, с хорошей страстью.

Одна из книг Мельниченко имеет яркое название: «Нужно быть сумасшедшим, чтобы не признать величия Ленина», и в своём месте я ещё буду ссылаться на интереснейшую информацию Владимира Ефимовича о жизни Ильича.

Так вот, из постсоветской книги компетентного эксперта однозначно следует – со ссылками на документы, что Арманд Ленина любила, что и Ленин к Инессе Арманд был очень душевно расположен и видел в ней «верного товарища по работе». Однако, привожу прямое мнение автора «Личной жизни Ленина»:

«Любил ли Владимир Ильич Арманд? На этот вопрос мог бы ответить только он сам. Документы, которыми мы располагаем, не дают однозначного ответа, всяческие вымыслы любого толка – неуместны, недостойны»[76].

Точно так же смотрит на этот аспект жизни Ленина и другой подлинный эксперт – ульяновский лениновед Жорес Трофимов. Он, в частности, сообщает, что в 1953 году 17-летняя Лариса Васильева, впоследствии известная поэтесса, попросила высказать своё мнение о возможном «романе» Ленина с Арманд Ивана Фёдоровича Попова (1886–1957).

Большевик с 1904 по 1914 год, адресат ряда ленинских писем, участник того «объединительного» совещания в Брюсселе, о котором выше было рассказано, а после Октября – литератор, Попов в 10-е годы как представитель ЦК в Международном Социалистическом Бюро был тесно связан с Лениным, с Арманд и Крупской, ситуацию знал не понаслышке. И юной Васильевой Попов ответил так: «Упаси бог! Она любила его как своего учителя. Она поверила Ленину, как никому. Пошла за ним. Сначала заочно. Потом рядом»[77].

После революции Арманд – умелый организатор, работала в Московском губкоме партии, в Московском губисполкоме, была председателем Московского губсовнархоза, а с 1918 года заведовала отделом работниц при ЦК РКП(б). В 1920 году она лечилась от туберкулёза в Кисловодске и во время эвакуации ввиду наступления белых, умерла от холеры. Её младший сын Андрей, инженер-механик, погиб в 1944 году на фронте.

А теперь пора вернуться к письму, посланному Лениным Арманд 16 января 1917 года из Цюриха в Кларан. Я уже писал, что ввиду его важности для освещения подлинного финансового положения партии большевиков накануне Февральской революции, приведу его полностью, что ниже и делаю.

Ленин писал Арманд:

«Дорогой друг!

Если Швейцария будет втянута в войну, французы тотчас займут Женеву. Тогда быть в Женеве – значит быть во Франции и оттуда иметь сношения с Россией. Поэтому *партийную кассу* я думаю сдать Вам (чтобы Вы носили её *на себе*, в мешочке, сшитом для сего, ибо из банка не выдадут во время войны). Пишу об этом Григорию (Зиновьеву. – *С.К.*). Это только планы, пока между нами.

Я думаю, что мы останемся в Цюрихе, что война невероятна.

Лучшие приветы и рукопожатие! Ваш Ленин»[78].

Итак, вся партийная заграничная партийная касса большевиков в начале 1917 года могла спокойно разместиться на груди изящной Инессы Арманд. Но даже если бы она имела, пардон, бюст шестого размера, миллионы марок (или там – франков, фунтов и долларов) на нём разместить не удалось бы…

Повторяю, логичный вывод из сказанного напрашивается сам собой: никаких миллионов в распоряжении Ленина не было. А отсюда вытекает и тот вывод, что никто ими Ленина не снабжал. Это, как со стороны кайзера Вильгельма, генерала Людендорфа, германской разведки, так и со стороны союзников было бы, вообще-то, просто глупым делом.

Несомненная же историческая правда заключается в том, что финансовая база политической деятельности Ленина и его партии в ходе Первой мировой войны имела, как и до войны, вполне видимое происхождение. Она пополнялась членскими взносами, литературными гонорарами, пожертвованиями сочувствующих и т. п., и была весьма скромной.

Вот ещё один убийственный для версии о антироссийском финансировании Ленина факт… Ещё до проекта разместить партийную кассу на груди Арманд как в сейфе, Ленин пишет той же Арманд 6 января 1917 года очередное письмо. С одной стороны, это письмо лишний раз подтверждает, что о близящейся «спецоперации» российской и союзной элиты по свержению самодержавия Ленин даже не догадывался. Однако «финансовая» часть письма ещё более интересна!

Ленин в ней обсуждает с Арманд возможность издания ряда брошюр, просит выяснить – сможет ли Арманд «достать (или авансировать) деньги на это издательство» в размере до 500 (всего пятисот!!!) франков – примерно 300 рублей, обсуждает вопросы распространения брошюр и далее продолжает:

«…(а) Окупится ли? (б) И в какое время назад вернутся деньги?

От этих двух вопросов (а + б) зависит всё.

Если (а) вообще не окупится, то тогда нельзя и браться, **ибо жертвователя денег у нас нет** (жирный шрифт мой. – *С.К.*). Ставить можно лишь то, что окупится…»[79]?

Что же до личного финансового положения Ленина на рубеже 1916 и 1917 годов, то отчаянным оно не было, однако и стабильным его назвать было нельзя!

Узнать об этом можно не из тех или иных мемуаров, а всё из той же ленинской переписки, опубликованной в Полном Собрании сочинений. Ведь все эти письма – личные и деловые, писались не в предвидении того, что через сто лет в России, пересозданной Лениным из буржуазной в рабоче-крестьянскую, а затем пересозданной Горбачёвым, Ельциным и Путиным вновь в буржуазную, найдутся некие «историки», возводящие поклёп на Ленина, и надо-де заранее – за сто лет, подстраховаться серией соответствующих писем.

Эти письма были написаны для того, для чего обычно письма и пишутся, то есть – для осведомления адресата, для совета с ним и т. д.

Скажем, 20 сентября 1916 года Ленин в письме в Петроград Марку Тимофеевичу Елизарову – мужу старшей сестры Анны, передаёт привет своей сестре Марии Ильиничне:

«…Большущее также спасибо Маняше за хлопоты с издателями: засяду писать что бы то ни было, ибо дороговизна дьявольская, жить стало чертовски трудно… (200 руб. я получил и писал об этом; спасибо ещё раз)…»[80]

Это при якобы миллионах марок в кармане такие жалобы?

Увольте, увольте, милостивые государи!

Марк Елизаров, живший в Петрограде и занимавший солидную должность в правлении пароходного общества «По Волге» на Невском проспекте, как и Мария Ильинична, были тогда для Ленина чем-то вроде литературных агентов в России, и 22 октября 1916 года Ленин интересуется у Марии Ильиничны:

«Дорогая Маняша!..

Получена ли новым издателем рукопись о новейшем капитализме (имеется в виду классическая впоследствии работа „Империализм как высшая стадия капитализма“. – *С.К.*)… Ты пишешь, что „„Аграрный вопрос“ (полное название: „Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединённых Штатах Америки“. – *С.К.*) издатель хотел бы выпустить книгой, а не брошюрой“. Я понимаю это так, что я должен прислать продолжение… Засяду за эту работу, как только покончу с тем, что я должен написать в оплату аванса у старого издателя…»[81]

26 ноября 1916 года Ленин вновь адресуется к «Маняше», сообщая из Цюриха о получении от неё книг и вообще о жизни в Швейцарии. В приводимом ниже отрывке этого письма обращаю внимание читателя на то, что Ленин, как из него видно, владел немецким и английским языками настолько, что мог зарабатывать на жизнь и переводами:

«Дорогая Маняша! Только что отправил на адрес Марка Тимофеевича заказную открытку, как пришли от тебя книги…

…Мы живём по-старому. Дороговизна всё сильнее. За деньги большое спасибо (писал М.Т. о получении мной 500 р. = 869 frs. [франков. – *С.К.*])… Насчёт переводов предложил три книги: *Kemmerer*: „Technischer Fortshritt“; *Hobson*: „Imperialism“; *Gilbreth*: „Motion study“. Ответа ещё не имею; жду его (ибо издатель должен справиться, не издано ли уже).

Ещё раз крепко жму всем руки и целую тебя и Аню (старшую сестру. – *С.К.*)…»[82]

Спрашиваю ещё раз: это что – при якобы миллионах марок в кармане?

Странно получается! По уверениям разного рода «исследователей» то ли немецкого, то ли – союзнического, следа в политической деятельности Ленина во время Первой мировой войны, Ленин купался в деньгах. И при этом, оказывается, хватался за любую возможность литературного заработка.

Ему если не в швейцарских ресторанах на шпионские гонорары кутить (нет, нельзя – конспирация!), то уж, во всяком случае, работать и работать над планами будущего развала России! А он, понимаешь, отвлекается от «поставленной задачи» и собирается переводить каких-то Кеммерера и Хобсона…

Неувязка, однако…

Касающиеся «издательских» коллизий места попадаются в ленинской переписке на протяжении многих лет. Он ведь, живя в эмиграции, не бомбы для подрыва «буржуев» мастерил, и не сибаритствовал, а много работал, занимаясь не только текущей партийной, но и серьёзной литературной и научной работой.

Ленин работал – при возможности – во всех крупнейших библиотеках Европы, в том числе – собирая материалы для будущих книг. И литературный доход от публикации статей и книг, от заказов редакций и т. д. был важным источником его бюджета.

Порой, увы, всё шло не так гладко… 21 декабря 1916 года Ленин отправляет из Цюриха во Францию письмо Михаилу Покровскому, будущему известному советскому историку, где касается и издательских дел:

«Уважаемый М. Н.! Получил Вашу открытку от 14.XII.1916. Если Вам пишут, что издатель должен мне „кроме 500 р. ещё 300 р.“, то я должен сказать, что считаю за ним больше долгу…

Писал об этом в Питер, но мои сношения с Питером архиплохи и невыносимо медленны…»[83]

А через пару недель – 3 января 1917 года, Ленин пишет Покровскому ещё одно письмо, где сообщает и неплохие, и грустные новости:

«Уважаемый М. Н.! Только что отправил Вам открытку по поводу брошюры, … как стал получать деньги и получил теперь в два приёма 500 frs (франков. – *С.К.*), за что очень благодарю.

Получил также ответ формальный (почты), что мою рукопись по экономике, посланную Вам 2. VII. 1916, saisi l`autoritй militaire!!! („конфисковали военные власти“. – *С.К.*)

Прямо невероятно! Можно ли ещё где похлопотать или безнадёжно?

Лучшие приветы и пожелания.

Ваш *В. Ульянов*»[84].

Пропавшая рукопись – это как раз та, о которой Ленин беспокоился в письме Марии Ильиничне Ульяновой от 22 октября 1916 года то есть – рукопись книги «Империализм как высшая стадия капитализма»!

Писать книгу по империализму по предложению легального издательства «Парус», основанного в декабре 1915 года в Петрограде Горьким, Ленин начал в начале 1916 года. 2 июля 1916 года Владимир Ильич отправил заказной бандеролью рукопись Покровскому, который, живя во Франции, редактировал серию брошюр, выпускаемых издательством «Парус» в Западной Европе[85].

Однако до адресата бандероль не дошла по причине, читателю уже известной. Но Ленин-то долго не мог понять – затерялась рукопись, что ли?

И, наконец, в январе 1917 года Ленин получил своего рода «новогодний подарок» от французской военной цензуры – сообщение о том, что рукопись изъяли. Хорошо, что имелся второй экземпляр рукописи «Империализма…», и его – ещё до извещения о конфискации первого экземпляра – удалось переслать редактору, то есть, Покровскому, вторично.

Вот как оно, порой, бывало.

Уже Пушкин жил на «литературные» доходы, что и зафиксировано им в знаменитом: «Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать…»

Ленин никогда не продавал ни честь, ни совесть, ни свои убеждения, ни Отечество… Но рукописи своих трудов он продавал постоянно.

И их, представьте, покупали!

Они ведь того стоили – не как будущие ленинские автографы, а как полноценный продукт интеллектуального труда.

Конечно, ленинские литературные гонорары были скромными – их ведь издавали не тиражами Дарьи Донцовой, и издавали небольшие прогрессивные издательства, а не крупные издательские концерны. Но это были, всё же, гонорары, и то, как Ленин о них беспокоился, лишний раз убедительно опровергает глупую ложь о его содержании в эмиграции немцами или союзниками.

К тому же, как мы ниже увидим, с начала 1917 года литературные доходы Ленина несколько увеличились. Стали приходить деньги за издания, устроенные в издательства через Михаила Покровского – о чём мы уже знаем. Но кроме того шли и гонорары, устроенные через

«Маняшу» – младшую сестру.

А вообще-то жизнь в Швейцарии у Ульяновых в зиму 1916–1917 года шла достаточно размеренно, и особо бурные перемены в ней не предполагались.

Глава 5. «Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв…»

Начало 1917 года…

Нейтральная Швейцария – островок спокойствия и тишины в Европе, охваченной войной.

С одного бока у швейцарцев – имеющая фронт с Германией Франция. С другого – имеющая фронт с Россией и Сербией Австро-Венгрия. Сверху – Германия, застрявшая во Франции, где кроме французов держит фронт английский экспедиционный корпус… Снизу – хотя и вяло, но тоже ввязавшаяся в драку Италия со своими берсальерами, украшенными шляпами с петушиными хвостами.

Везде война, но в Швейцарии – непрочное спокойствие.

И в этой мирной Швейцарии – Ленин. Но не тот Ленин, о котором знает весь мир, а пока что всего лишь изгнанный царизмом из России российский подданный Владимир Ульянов, на европейский лад – Oulianoff, проживающий по адресу: 14^{II}. Spiegelglasse. 14^{II}. Zьrich (Suisse).

Кем он был тогда для мира, в который пришёл сорок шесть лет назад?

Скромный политический эмигрант, как говорится – широко известный в узких кругах… Не то что для Европы, в которой он вынужденно жил почти десять лет, но даже для России он был тогда никем.

Даже для хорошо знавших его по долгу службы чинов Охранного отделения и Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи он был всего лишь лидером не очень опасной нелегальной партии, занимающейся пропагандистской деятельностью среди рабочих… Но и тут его влияние было не очень-то прочным, потому что в ходе войны партийные оппоненты Ленина – меньшевики, вошли в России в военно-промышленные комитеты, и это позволяло им усиливать свои позиции в рабочей среде.

Конечно, Ленин, и находясь в меньшинстве был более опасен для царизма, чем меньшевики. Это жандармы понимали. Его сила была в решимости, в непримиримой принципиальности там, где быть непринципиальным означало скатиться на уровень политиканства. Однако жандармы понимали и то, что даже с Лениным большевики моря сейчас не зажгут – не те силы.

Бомб большевики в царских сановников не бросали, не бросают и бросать не собираются, так что жандармы больше опасались эсеров с их Боевой организацией, с их бомбистами-смертниками и с их влиянием в крестьянстве, да ещё и в зажиточном крестьянстве!

Крестьянство – это 70–80 процентов населения России. Это – к 1917 году, миллионы вооружённых мужиков. Всколыхни их эсеры под пару-тройку удачных террористических актов – Россия могла бы и полыхнуть…

А Ульянов-Ленин?

Ну, он прочно застрял в Швейцарии и занят написанием рефератов то на французском, то – на немецком языке…

Ну и пусть его!

Всё ведь тогда так и было! Знакомство с ленинской перепиской второй половины 1916 года и начала 1917 года однозначно убеждает, что о назревавших в России событиях (если иметь в виду элитарный заговор, ставший катализатором уже народного взрыва) Ленин не имел ни малейшего представления и на скорый революционный подъём в России не рассчитывал.

Связь с Россией тогда почти прервалась, и Ленин увлёкся борьбой с оппортунистами из европейских социал-демократий, начиная со швейцарцев. Всё той же Инессе Арманд он писал 15 января 1917 года:

«Дорогой друг! Только сегодня… закончили мы начавшееся вчера совещание о выступлении против Гримма. Участвовал и немец, член группы „Die Internationale“, вполне левый.

Приняли такое решительное заявление против Гримма (с требованием его удаления из I. S. K. [Международной Социалистической Комиссии. – *С.К.*]), что Платтен назвал это „политическим убийством“.

Это пока строго между нами.

Пройдёт неделя-другая, пока это пошлётся Роланд-Гольст и др., и от них придёт ответ.

Устал я порядком – отвык от собраний…»[86]

Роберт Гримм (1881–1958) – это правый швейцарский социалист, член швейцарского парламента, Фриц Платтен (1883–1942) – левый швейцарский социалист, который вскоре сыграет видную роль в деле переезда Ленина в Россию… А Генриетта Роланд-Гольст (1869–1952) была в то время левой голландской социалисткой, позднее входила в Компартию Голландии, работала в Коминтерне, но к концу 20-х годов скатилась на позиции «христианского социализма».

Итак, в России подспудно назревали события, дело шло к физическому устранению Распутина и политическому убийству ни кого иного, как самого «Государя Императора», а Ленин занимался в Швейцарии тем, что сваливал какого-то Гримма – как следовало из цитированного выше письма. И подобные места в ленинских письмах, написанных разным адресатам буквально накануне Февральской революции встречаются сплошь и рядом!

Желающие могут прочесть в томе 49 Полного собрания хоть бы те же письма Арманд от 6 января 1917 года, от 8 января 1917 года, от 13 января 1917 года, Карпинскому от 8 января и 19 января 1917 года, неустановленному адресату от 11–12 января 1917 года и т. д.

Да и ленинская биохроника подтверждает, что противостоянием с лидером Социал-демократической партии Швейцарии Робертом Гриммом, который был под боком, Ленин был поглощён тогда намного больше, чем противостоянием с императором Николаем, который был от Ленина за тысячи километров…

Даже во второй половине февраля 1917 года Ленин не знал о том, что его с Крупской вторая и последняя эмиграция заканчивается. И этому (полному неведению Ленина) есть точное, достоверное, документальное подтверждение – два его письма, относящиеся к началу 1917 года.

15 февраля 1917 года Ленин направляет из Цюриха очередное письмо младшей сестре – Марии Ильиничне Ульяновой в Петроград (впервые опубликовано в 1929 году в журнале «Пролетарская революция» № 11 по оригиналу):

«Дорогая Маняша! Сегодня я получил через Азовско-Донской банк 808 frs. (1 швейцарский франк ~ 0,58 рублей. – *С.К.*), а кроме того 22.I я получил 500 frs. Напиши, пожалуйста, какие это деньги, от издателя ли и от которого и за что именно и мне ли. Необходимо бы иметь расчёт, т. е. знать, какие именно вещи уже оплачены издателем, а какие нет. Я не могу понять, откуда так много денег (ха, из германского генштаба, вестимо, аж целая почти тысяча рублей! – *С.К.*); а Надя шутит: „пенсию“ стал-де ты получать. Ха-ха! Шутка весёлая, а то дороговизна совсем отчаянная, а работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая. Но шутки в сторону, надо же всё-таки знать поточнее; напиши, пожалуйста… Боюсь расходовать деньги (иногда через меня посылали одному больному приятелю)…

Мы живём по-старому, очень тихо…»[87]

Надо ли много комментировать эти строки?

Но дальше – больше!

18 (или 19 февраля) 1917 года Ленин пишет деловое письмо в тот же Петроград зятю (мужу старшей сестры Ленина Анны Ильиничны) – Марку Тимофеевичу Елизарову[88].

Впервые письмо было опубликовано в 1930 году в журнале «Пролетарская революция» № 4 тоже по оригиналу, и оно настолько важно в большинстве своих частей, что приведу его ниже почти полностью:

«Дорогой Марк Тимофеич! …Надя (Н. К. Крупская. – *С.К.*) планирует издание „Педагогического словаря“ или „Педагогической энциклопедии“.

Я усиленно поддерживаю этот план, который, по-моему, заполнит очень важный пробел в русской педагогической литературе, будет очень полезной работой и даст заработок, *что для нас архиважно*.

Спрос теперь в России, с увеличением числа и круга читателей, именно на *энциклопедии* и подобные издания очень велик и сильно растёт. Хорошо составленный „Педагогический словарь“ или „Педагогическая энциклопедия“ будут настольной книгой и выдержат ряд изданий.

Что Надя сможет выполнить это, я уверен, ибо она много лет занималась педагогикой, писала о ней, готовилась систематически. Цюрих – исключительно удобный центр именно для такой работы. Педагогический музей здесь лучший в мире».

Уже эта часть письма высвечивает последние – как оказалось вскоре – дни эмиграции Владимира Ильича в их подлинном историческом свете. Ленин пишет в Россию, не подозревая даже, не догадываясь о том, как близок момент его встречи с Родиной!

Продолжаю цитирование:

«Доходность такого предприятия несомненна. Лучше бы всего было, если бы удалось *самим* издать сие, заняв потребный капитал или найдя капиталиста, который вошёл бы пайщиком в это предприятие…

…Надо только, чтобы план не украли, т. е. не перехватили… Затем надо заключить с издателем *точнейший* договор… Иначе издатель (и старый издатель тоже!!) просто возьмёт себе *весь* доход, а редактора закабалит. *Это бывает.*

Очень прошу подумать об этом плане хорошенько, поразведать, поговорить, похлопотать и ответить поподробнее.

Жму Вашу руку. Ваш *В. Ульянов»*.

Ну, и как нам быть с этими письмами сестре и зятю? Они были написаны в Швейцарии в феврале 1917 года, когда до первой массовой демонстрации женщин-пролетарок в Международный женский день оставалось меньше недели. И совершенно очевидно, что оба письма написаны человеком, не помышляющим в ближайшее время «совершать революцию» – на чьи бы то ни было деньги!

Тем более что ему денег на жизнь не хватает, не то что на переворот в России…

Понятно и то, что он не собирается в обозримый период куда-то – тем более в Россию – уезжать. Ленин и Крупская задумывают работу, которая требует немалого времени, явно исходя из того, что жить им в Швейцарии придётся ещё немалый срок.

Видно из писем и то, что они написаны человеком, если не отчаянно, то существенно нуждающимся в средствах просто на жизнь, и на жизнь достаточно скромную.

Так где здесь усматриваются миллионы – чего бы то ни было?

И где здесь подготовка к «выполнению заданий германского генштаба» по выводу России из войны?

Или, может быть, скромно живущий в Цюрихе политэмигрант Oulianoff писал чисто личные письма сестре и зятю в феврале 1917 года в целях прикрытия своих тёмных миллионных доходов?

Или он писал эти письма в целях предоставления наивному, «любящему Ленина», Сергею

Кремлёву дополнительных «доказательств» того, что Ленин ничьим платным агентом не был, в то время как он, так ловко натянувший нос простодушному Кремлёву, был не просто платным, а двойным агентом и немцев, и «союзников» – как уверяет Н. Стариков?

Или, может, эти «письма» в 1929 и 1930 годах сфальсифицировала – в предвидении будущих, в 90-е и 2000-е годы обвинений Ленина – редакция журнала «Пролетарская революция»?

А, может, их в 1978 году сфальсифицировали – в предвидении всё тех же будущих обвинений Ленина – издатели 55-го тома Полного Собрания Сочинений?

Нет уж, уважаемые!

В реальной жизни, а не в воспалённом сознании горе-«экспертов», так не бывает, и оба письма Ленина подлинны!

Наличие же ***одних этих двух писем*** доказывает, что революционные события 1917 года Ленин не готовил загодя – ни на свой страх и риск, ни на чьи-либо миллионы. Он лишь гениально воспользовался в интересах социалистической революции и социализма той ситуацией, которую создали другие – помимо Ленина, без него, и отнюдь не интересах социализма в России.

Есть и ещё одно мало известное, несмотря на предельную доступность, подтверждение того, что Ленин не рассчитывал на близкую революционную бурю в России и не раздувал её ветер. Это подтверждение – некий доклад, фраза из которого дала название главе, и который Ленин в начале 1917 года прочёл перед молодыми социалистами Швейцарии.

Впрочем, обо всём – по порядку…

7(20) декабря 1916 года Ленин пишет из Цюриха в Женеву, адресуясь В. А. Карпинскому (1880–1965), партийному литератору, заведующему библиотекой и архивом РСДРП в Женеве:

Дорогие товарищи!

Мне надо прочитать здесь доклад о 9.I.1905, а у меня нет материала. Помогите найти, пожалуйста:

1) «Мысль» 1910 (?) – 1911 статьи В. Ильина (то есть его собственные. – *С.К.*) о стачках в России (О статистике стачек в России, ПСС. Т. 19, с. 377–406. – *С.К.*).

2) «Дискуссионный Листок при ЦО РСДРП…», и т. д.[89]

А 9(22) января 1917 года Ленин в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодёжи прочёл на немецком языке доклад о революции 1905 года[90].

Начав доклад со слов: «Юные друзья и товарищи! Сегодня двенадцатая годовщина Кровавого Воскресенья, которое с полным правом рассматривается как начало русской революции…», Ленин очень обстоятельно, информативно, простым языком рассказал о ходе и сути революции 1905 года, о её значении для Европы, а закончил так:

«…русская революция… остаётся прологом грядущей европейской революции. Несомненно, что эта грядущая революция может быть только… пролетарской, социалистической…

Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистической войны, муки дороговизны повсюду рождают революционное настроение, и господствующие классы… всё больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода…

Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции (жирный шрифт мой. – *С.К.*). Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодёжь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в

грядущей пролетарской революции»[91].

Мог ли Ленин говорить так, если бы он рассчитывал на скорую «грядущую пролетарскую революцию» в России, на которую якобы получил от кайзера или от Антанты «золотые миллионы»?

Что же до факта прочтения Лениным ***такого*** доклада в Швейцарии в январе 1917 года, то он был советским гражданам мало известен, хотя легко устанавливался после посещения любой советской массовой библиотеки. Скорее всего, этот факт брежневские начётчики не афишировали, чтобы не поцарапать отполированный глянцевый муляж Ленина как «прозорливого стратега Октябрьской революции». Но факт есть, и этот факт ***полностью*** опрокидывает все инсинуации против Ленина, выставляющие его то ли «германским шпионом», то ли тайным эмиссаром Антанты, на выданные ему крупные суммы готовившим ниспровержение самодержавия.

Как уже было сказано, это же, то есть – полную организационную неготовность Ленина и большевиков к нагрянувшим в конце Февраля 1917 года событиям, доказывает и анализ переписки Ленина в тот период.

В связи с только что сказанным может возникнуть естественный вопрос: «Если Ленин не готовил Февраль и не был к нему готов, и если он считал социалистическую революцию делом неблизким, то если бы в России другие – за Ленина – не революционизировали страну в Феврале, то, выходит, и Октября 1917 года не было?»

Это интересный вопрос, и остановиться на нём не мешает. Причём краткий ответ будет таков…

К 1917 году положение всех воюющих держав было почти критическим. Были израсходованы огромные средства, убиты миллионы людей, а решающего перевеса ни одна сторона не получила. Социальным взрывом была чревата ситуация и в Англии, и – тем более, во Франции, а о Германии и вовсе не разговор, поскольку там было особенно туго с продовольствием. Карточную систему продовольственного снабжения немцев называли «образцово организованным голодом».

Но уж где дела шли вовсе из рук вон плохо, так это в России. При этом экономическая разруха была, пожалуй, не самой большой опасностью. Главным было то, что русский мужик – а русский солдат, это и был по преимуществу мужик, устал – даже больше, чем от войны, от полной её для мужика бессмысленности.

Ни царь, ни царская верхушка этого не понимали, да и среди буржуазных верхов это по-настоящему, ***деловым*** образом, понимал мало кто. Но тот, кто ***понимал***, не просто сокрушённо качал головой, а готовил дворцовый переворот.

Во-первых, смена декораций могла бы встряхнуть народ, пробудить надежды и заставить мужика ещё повоевать.

Во-вторых, воспользовавшись ситуацией, буржуазия, имеющая экономическую власть, получила бы и власть политическую, что было, конечно, делом для буржуазии желательным и желанным.

В-третьих же, существовала опасность того, что даже неудалый царь, попав в исторический цейтнот, разрешит свои проблемы патом – сепаратным миром с Германией. Кайзер Вильгельм на него пошёл бы, но это никак не устраивало ни Антанту, ни российские буржуазные «верхи», ни проанглийские и про-французские круги российского «общества».

Так что переворот в России в той или иной форме был, по сути, неизбежен. Николай и царизм могли бы избежать его единственным образом – на платформе партнёрства с Германией не ввязываться в 1914 году в европейскую войну. Однако царь Россию в кровавое «болото» войны затащил, и теперь его участь так или иначе была решена.

Это понимали умные люди даже среди царской родни, и уж тем более это понимал Ленин. 31 января 1917 года он опубликовал в № 58 газеты «Социал-Демократ» статью «Поворот в мировой политике».

В своём месте я ещё скажу о ней, а сейчас сообщу лишь, что там Ленин не только оценивал возможность заключения сепаратного мира Германии с Россией, но и ***возможность переворота***, причём ***даже имена*** возможных лидеров пост-николаевского правительства назвал – Милюкова, Гучкова, Керенского…

Ленин ведь – даром что находился вне России – за ситуацией следил очень внимательно, изучая европейскую и российскую прессу, в чём был великим мастером.

Однако ***компетентный*** независимый аналитик (а Ленин был именно им) никогда не исходит из одного варианта – аналитик всегда проводит свой анализ, не имея полной информации о ситуации. Он ведь – не государственный деятель, получающий все необходимые данные от ведомств, дипломатов, разведки. Если ты обладаешь полнотой информации и полнотой власти, то итог компетентного анализа – твои реальные действия. Если же нет ни того, ни того, итог анализа – ряд вероятных вариантов.

Поэтому Ленин понимал, что события могут повернуться так, а могут – и этак…

В принципе, царь мог бы сохранить в 1917 году свою власть – если бы действовал умно. Буржуазные «верхи» тоже могли не только ухватить в 1917 году власть, но и удержать её – если бы они действовали умно!

1 марта 1920 года Ленин выступал на I Всероссийском съезде трудовых казаков и высказал тогда мысль настолько же точную, насколько и «не замеченную» всей сворой хрущёвско-брежневских докторов «исторических наук». Он сказал тогда, риторически обращаясь к эсерам и меньшевикам, в зале, естественно, отсутствовавшим:

– Нашёлся ли бы на свете хоть один дурак, который пошёл бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?[92]?

Это было сказано наповал, ***в лоб!***

Причём то, что было сказано Лениным в адрес «социалистических» партий, было верно и по адресу вообще всего истеблишмента царской России во главе с царём Николаем.

В своём месте мы ещё к этому докладу вернёмся…

Если бы то ли царь ***до*** Февраля 1917 года, то ли буржуа вкупе с либеральными профессорами и соглашательской частью социал-демократов и эсеров ***после*** Февраля 1917 начали социальную реформу, то или Февраля бы не было, или широкие народные массы не поддержали бы Октябрь. И Ленин в 1920 году сказал об этом без обиняков – публично и гласно!

Возьмём современную Россию…

Не приходится сомневаться, что ельциноидный путинизм ведёт её к краху, и, рано или поздно, так или иначе, но к краху Россию приведёт. **Но даже путинизм может в России удержаться и удержать её от катастрофы, если действительно начнёт широкую социальную реформу в интересах народа**.

Другое дело, что подлинная социальная реформа в России невозможна без серьёзного ущемления нынешних нуворишек-собственников, то есть – без национализации (точнее – возврата в собственность нации того, что у неё украли), без прогрессивного налога, без монополии внешней торговли и т. д. и т. п.

На это путинизм не пойдёт, хотя тем и обрекает на гибель себя, а, возможно, и Россию.

Это мы ведь в России уже проходили – в 1917 году!

И Ленин тогда ***нашу***, по сути, ситуацию разобрал в своей работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» – в своём месте читатель с ней познакомится.

Так что, если бы социальная реформа была обещана Временным правительством сразу

после Февраля, а летом 1917 года была начата, если бы Россия к лету 1917 года вышла из войны – чего хотели ***все*** в России, ***кроме кучки***, то Ленин, конечно, в Россию вернулся бы и играл бы в буржуазно-демократической Российской республике (или там – конституционной монархии) с сильной социальной политикой видную роль крупного лидера оппозиции.

Но – не более того!

А поскольку Ленин был блестящим политиком, то его партия в условиях находящейся в кризисе России завоёвывала бы на выборах всё больше голосов, Ленин мог бы быстро стать премьером при парламентском большинстве у большевиков, и социальные реформы приняли бы окончательно социалистический характер.

Вышло иначе, но – не потому, что к тому вёл Ленин. Россию к Октябрю 1917 года вели, прежде всего, глупость русского царизма и жадность русских буржуа.

Подводя итог, можно сказать, что политика царизма сделала неизбежным Февраль 1917 года, а политика буржуазных «верхов» после Февраля сделала не только возможным, но и неизбежным Октябрь 1917 года.

Подчеркну ещё раз – не политика Ленина (у него и большевиков для этого просто не было нужных сил), а политика привилегированных слоёв старой России привела к Февралю, а затем и к Октябрю!

В начале 1917 года Ленин не знал и не мог знать точно – решится ли Николай на сепаратный мир, решатся ли милюковы, гучковы и керенские на переворот. Он знал одно – события могут произойти и к ним надо быть готовым.

Ленин, не имея ни власти в армии – как заговорщики Алексеев, Брусилов и т. д, ни связей в верхах – как Гучков и Некрасов, не имея денег миллионеров Терещенко и Рябушинских, не мог подготовить и провести переворот. Но он мог созданную не им и не в интересах народа ситуацию использовать в интересах народа.

Вот в чём суть, а не в каких-то дурацких «германских миллионах», которые ищут-ищут, и никак найти не могут.

Что и говорить – сложно найти чёрного кота в тёмной комнате, особенно, если кота в ней нет…

Когда события разразились, главные лидеры большевиков были не в Петрограде, а в эмиграции или в ссылке – в отличие от лидеров эсеров и меньшевиков. Не в последнюю очередь поэтому образовавшийся Петроградский совет рабочих депутатов и оказался преимущественно эсеро-меньшевистским, и возглавил его меньшевик Чхеидзе.

И это, к слову, способно навести на обоснованные подозрения о внешней ангажированности как раз эсеров и меньшевиков. Их-то никто из страны не изгонял и в ссылки не загонял.

Как это понимать?

А так, что меньшевикам и эсерам антиниколаевские внешние и внутренние заговорщики заранее отводили роль баранов-провокаторов, которые должны были направить взбудораженную массу на путь, нужный «верхам».

Ленин – пособник врагов России?!

Какая чушь!

А вот меньшевики Чхеидзе и Церетели, эсеры Чернов и Керенский – вне сомнений, пособники… Вопрос только, какая им была обещана плата – пачки банкнот, или кусочек власти?

Ленин же…

Да если бы Ленин планировал на 1917 год революцию, имея в своём распоряжении мифические «золотые» миллионы германского генштаба, то уж кого кого, а Сталина, Свердлова и Каменева он из сибирской ссылки – с такими-то деньжищами – вызволил бы своевременно, ***до***

того, как события разразились!

Нет, Февраль 1917 года был для Ленина и большевиков полностью неожиданным, и это понятно – не они его готовили. Февраль готовили – в этом сегодня сходятся как «левые», так и «правые» – либеральные политические и крупные промышленные круги России при помощи и поддержке союзников.

Другое дело, что Ленин гениально уловил всю перспективность неожиданно – для него – возникшей ситуации с позиций развития буржуазной революции в революцию социалистическую. Он сразу понял, что буржуазная парламентская республика для России – ещё толком не возникнув, это уже вчерашний день. А завтрашний день – рабоче-крестьянская Республика Советов.

С этим он в Россию и рвался.

С этим он в Россию и выехал – в апреле 1917 года.

Но – с этим ли?

Ленина ведь обвиняли и обвиняют в том, что он ехал в Россию, чтобы развалить её и на радость Берлину вывести из войны.

Ну, что ж, остановимся и на этом…

Глава 6. Кто развалил Россию – «Николай» Ленин или Николай Романов?

После того, как «сливки общества» старой России оказались в эмиграции, многие «бывшие» – благо, время было, начали строчить мемуары и воспоминания. И все дружно валили беды России на Ленина и большевиков. Мол, приехал Ленин, и всё развалил. Так что будет не лишним задаться вопросом – Ленин ли развалил Россию, или, всё же, кто-то другой?

Не подлежит сомнению, что Ленин приехал в Россию, ***без него*** совершившую революцию буржуазную, с твёрдым убеждением в необходимости доведения страны уже им, Лениным, до революции социалистической.

Но заявлять, что Ленин-де после приезда разваливал старую Россию, чтобы на её обломках выстроить Россию новую, значит просто не знать положения дел в тогдашней России.

Россия была развалена задолго до Ленина – самим царизмом.

В советской историографии о России в Первой мировой войне есть блестящая, даже неожиданная монография Владимира Яковлевича Лаверычева «Военный государственно-монополистический капитализм в России», изданная в 1988 году. Её можно цитировать и цитировать!

С одной стороны там документально показано, что российские капиталисты в ходе войны всё чётче понимали необходимость государственного регулирования экономики – в интересах предпринимателей конечно, но также – и в интересах эффективной мобилизации всех ресурсов России для успешного ведения войны.

С другой стороны, там документально показано как бессилие царя и его «правительства» решить эту проблему, так и неумение предпринимателей настоять на своём, поскольку их, понимавших необходимость объединения, разъединяла жадность – стремление к максимальной прибыли и потоплению конкурента.

Во время войны военные доходы российских частнособственнических монополистов были огромными, они достигали 50–70 и даже 100 % на основной капитал![93]

И, при всём при том, монополисты, срывавшие благодаря царизму огромные куши, не удержались от того, чтобы не пилить сук, на котором сидели. А царские власти видели это, но не препятствовали. По сути, царизм существовал сам по себе, а возникающие отраслевые буржуазные военно-промышленные комитеты (ВПК) – сами по себе.

Приведу из монографии В. Я. Лаверычева такой пример. 1 ноября 1916 года председатель угольной секции топливного отдела Центрального ВПК Л. Г. Рабинович в ходе дискуссии по проекту учреждения особого регулирующего органа – «Центроугля», заявил: «Имеющимися организациями происходящую разруху исправить нельзя. Синдикат добровольный учредить невозможно. Без правительственного надзора он допущен не будет».

16 ноября 1916 года обсуждение проекта продолжилось, и В. Я. Лаверычев сообщает:

«Доводы Рабиновича не убедили участников и этой встречи. Они с недоверием отнеслись к проектируемой… организации, опасаясь ограничения частной инициативы…

Л. Г. Рабинович не успокоился и даже в конце 1916 года продолжал агитировать за принудительный синдикат…

Но эти усилия не дали результата»[94].

А вот что писал в печатном органе правого крыла партии эсеров – газете «Воля Народа», в номере от 7 сентября 1917 года известный русский экономист Николай Кондратьев:

«Острая, небывалая нужда ощущается населением в предметах первой необходимости. Нет и

не хватает тканей, кожи, железа, керосина, мыла и других товаров. Особенно острую нужду ощущает деревня. Так или иначе, но город всё-таки относительно лучше снабжается перечисленными предметами. Деревня получает жалкие крохи или не получает ничего. Бьётся и носится хозяйственный инвентарь, рвётся одежда… А заменить их вновь нечем. И в деревне нарастает недовольство, злоба против города…»[95]

Это написал до Октября 1917 года не большевик, а человек взглядов скорее либеральных! Даже не левый, а правый эсер, член Совета Российской Республики, товарищ министра по продовольствию во Временном правительстве!

Царизм и капитализм, судорожно хватаясь друг за друга, топили друг друга, а с ними тонула и старая Россия. И это было лишь логическим завершением застарелого, давно начавшегося, процесса. Сошлюсь на источник, который для поклонников царской России не может не быть авторитетным, – всё того же великого князя Александра Михайловича.

Он вспоминает, что уже в 1914 году в штабе Юго-западной армии его брат в. к. Николай Михайлович предрекал решительное поражение России «не позднее весны 1915 года». Далее Александр Михайлович пишет, что «наиболее боеспособные части… были целиком израсходованы в легкомысленном наступлении 1914–1915 гг., девизом которого было „Спасай союзников!“…»[96]

Николай Стариков утверждает, что задачей-де Ленина был развал России на «союзнические» деньги. Однако с этой задачей успешно справлялась сама элита царской России, истощая мощь Отечества в обмен на «данайские» союзнические займы.

По свидетельству в. к. Александра Михайловича «официальные данные говорили, что противник выпускает сто шрапнельных снарядов на наш один», но «в действительности эта разница была ещё более велика: наши офицеры оценивали это соотношение в 300:1».

Александр Михайлович обвиняет генерала Алексеева в том, что тот «связал себя заговорами с врагами существовавшего строя, которые скрывались под видом представителей Земгора (объединённый комитет буржуазных Земского союза и „Союза городов“. – *С.К.*), Красного Креста и военно-промышленных комитетов…»

Большевиков в этом перечне нет, зато великий князь забыл упомянуть союзные посольства, особенно английское.

Правда, далее Александр Михайлович утверждает, что к лету 1916 года на фронте, «теперь хорошо снабжённом всем необходимым», якобы возобладал «бодрый дух», и «армия мечтала о победе над врагом», уповая на «молниеносное наступление армий генерала Брусилова».

Но великий князь выдавал желаемое за действительное и противоречил сам себе. Откуда могла появиться в 1916 году мощная боеспособная армия, если наиболее боеспособные части были «целиком израсходованы в легкомысленном наступлении 1914–1915 гг.»? И могла ли *малахольная* царская Россия в один год ликвидировать ***трёхсоткратное*** превосходство немцев в обеспечении фронта снарядами? Или даже – стократное?

Зато Александр Михайлович не ошибается, заявляя: «Политиканы же мечтали о революции…»

Политиканы её – как «спецоперацию» верхов, и начали. Причём политиканы самой разной окраски – от масонско-«голубой» и аристократически голубой до «бледно-розовой». Лишь «красной» краски в планах заговорщиков не было, ибо красный – это цвет политиков, действующих в интересах большинства, а не прощелыг, политиканствующих во имя интересов меньшинства.

Царь Николай был, конечно, не окончательно глуп, и попытался, пусть и запоздало, противодействовать заговору. Однако «резьба» власти, скреплявшей царскую Россию, к 1917 году полностью проржавела, и попытка царя «завинтить гайки» привела к тому, что Россию

«сорвало с резьбы».

Без Ленина!

Напомню цитированную мной телеграмму от 26 февраля (старого стиля) 1917 года, направленную председателем Государственной думы Родзянко в адрес начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексеева:

«Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28 ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановилось 44 и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов… Правительственная власть полностью бездействует и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок…»

Так кем была развалена царская Россия?

И была ли она уже развалена до приезда Ленина, или нет?

Ответ очевиден: «Была, была Россия развалена – до Ленина и без Ленина!» Здесь постарались, конечно, и милюковы, и керенские, и гучковы с их ловкими присными, однако не забудем о царе Николае с его бездарными присными!

Двух мнений быть не может: Россию – до приезда Ленина и без Ленина, разваливал не только самодержец Николай, но и антиниколаевские заговорщики. И последние разваливали Россию со вполне определённой целью: без резкого падения жизненного уровня народа его не взбунтуешь, и царя не свалишь.

И об этой части работы по развалу России – о действиях Элиты, тоже забывать не стоит. Причём переворот Элита спланировала неглупо – собственно, иначе он не был бы успешным.

В период Февральской революции и позже играл определённую роль «бледно-розовый» Владимир Бенедиктович Станкевич (а точнее – Владас Станка), приват-доцент кафедры уголовного права Петербургского университета и лидер фракции трудовиков («эн-эсов» – «народных социалистов»), в 1917 году – комиссар Временного правительства.

Уже в эмиграции он вспоминал:

«…в конце января (1917 года. – *С.К.*) мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским. Речь шла о возможностях дворцового переворота. К возможностям народного наступления все относились определённо отрицательно, боясь, что, раз вызванное, народное массовое движение может попасть в крайне левые русла и создаст чрезвычайные трудности в ведении войны»[97]7.

С другой стороны, без народа в перевороте обойтись не получалось, и это заговорщики – повыше Станкевича и положением, и умом – понимали.

Как развивались (а точнее – как были спланированы) события, приведшие Россию к Февралю Элиты?

А вот как…

В феврале 1917 года в Петрограде была введена карточная система распределения хлеба и других продуктов, и сразу – надо же! начались «хлебные беспорядки»[98].

Странно – распределение вроде бы ***упорядочили,*** и тут же – ***беспорядки***!

На самом деле всё было в рамках железной логики – железной, и даже, скорее, *золотой*, для тех задумывал Февраль 1917 года как совместную спецоперацию верхов буржуазной Элиты Запада и буржуазно-элитарной России.

Не обострив ***искусственно*** ситуацию ***для «низов»,*** «верхи» не могли бы начать антиниколаевский переворот. Вот ситуацию искусственно и обострили – благо дело, все козыри накануне Февраля были в руках Элиты.

Конечно, царская самодержавная Россия и без подталкивания объективно шла к краху. Однако энергичные меры согласованно действующих «верхов», клявшихся в «верности России»,

могли бы ситуацию стабилизировать. «Верхи» же «лодку» раскачивали! И это, как видим, признавал позднее даже великий князь Александр Михайлович.

Что и говорить, раскачивали Россию тогда многие, но – не Ленин из Цюриха или Женевы!

К сожалению, лишь по памяти привожу промелькнувший в 90-е годы в журнальной периодике **важнейший** факт. В феврале 1917 года практически одновременно по сети железных дорог России вышло из строя до тысячи паровозов! Якобы «по забывчивости» в морозы «забыли» слить воду из тонких трубок паро-охладительной системы, и они лопнули. В результате Сибирь и Юг России чуть ли не ломилась от сливочного масла и зерна, а подвезти в Петроград их было нечем, и в столице ввели карточки на хлеб.

Однако даже их не «отоваривали».

Многие тысячи трубок на сотнях паровозов лопнули в одночасье, похоже, не случайно – одним из руководителей царского Министерства путей сообщения был в то время видный кадет профессор Ломоносов, а министром – некто Кригер-Войновский…

Как и сам Юрий Владимирович Ломоносов, Эдуард Брониславович Кригер-Войновский лично для меня является фигурой не прояснённой. Родился в 1864 году на юге России, умер в 1933 году в Берлине. Окончил Петербургский технологический институт и Институт инженеров путей сообщения, затем работал на ряде железных дорог, с 1906 по 1909 год управлял эксплуатационным отделом в Министерстве путей сообщения – МПС. Был управляющим Ростово-Владикавказской железной дороги. И оказался последним царским министром путей сообщения.

Инженера Кригера-Войновского поминает в своих «Воспоминаниях» в числе участников «экономического съезда» в сентябре 1920 года генерал барон Врангель. На этом следы теряются – в «Интернете» попадаются скупые сообщения о том, что экс-министр от политики отошёл и занимался научной работой.

О нём пишут, что он якобы считался среди коллег одним из наиболее профессионально подготовленных для управления российскими железными дорогами специалистов. Может быть, не знаю…

Но знаю, что даже в условиях той министерской «чехарды», которой так увлекался в кризисное для России время царь Николай, «карьера» Войновского побила, пожалуй, все рекорды. Он стал «МПС» 27 декабря 1916 года, а уже 27 февраля 1917 года был снят.

В чём дело? Такой якобы специалист, и – в отставку?

Юрий Ломоносов (1876–1952) примерно 23 февраля 1917 года, вернувшись из инспекционной поездки, записал:

«..Пошёл к новому министру, Кригеру-Войновскому. Так же учтив, неопределённен и холоден, как был в предшествующих должностях… Говорил, рассчитывая на годы и месяцы вперёд, но некоторая нотка неуверенности чувствовалась уже…»[99]

Первым министром путей сообщения во Временном правительство стал кадет Н. В. Некрасов, фигура ещё более тёмная, чем Ломоносов и Кригер. Позднее, в 30-е годы на следствии в НКВД (так вот оно вышло) Некрасов добровольно признавался в своём давнем масонстве. Ломоносов же, кокетничая, писал о нём: «Разве можно сравнить его с Кригером?»

Почему был сменён Кригер, и почему он был назначен? Почему «кадет, идеалист, – по оценке Ломоносова, – профессор статистики сооружений» Некрасов сменил Кригера – профессионала, и почему остался в МПС кадет Ломоносов?

И почему профессионалы в МПС допустили такой катастрофический развал железнодорожной сети за очень короткий период?

Ведь это всё проделал не Ленин!

Не усилиями Ленина рубль за два месяца, предшествующих Февралю, «упал в цене более,

чем за всё предшествующее время войны», – как свидетельствует тот же профессор Ломоносов.

И не усилиями Ленина были созданы искусственные трудности с продовольственным снабжением обеих столиц.

Когда анализируют, даже добросовестно, Февральскую революцию, упускают из виду многие важные её аспекты – женский, например. А он оказался первостепенно важным!

Ведь точка удара была выбрана квалифицированно – обеспечение семей рабочих продовольствием лежало на женщинах, а разъярённая женщина – это не разбушевавшийся мужчина. Это – намного серьёзнее… Недаром Змий соблазнял в Эдеме не Адама, а Еву. Эмоции женщины (а, тем более – сообщества женщин) умело направленные в нужную сторону – великая сила. В одном случае – созидательная, в другом – всё сметающая.

По свидетельству профессора Ломоносова накануне Февраля в очереди за хлебом приходилось стоять 3–4 часа, за молоком – 5–6 часов.

Каждый день!

А выстаивали-то очереди женщины.

Каждый день…

Разъярённые женщины были нужны тем, кто планировал Февраль в виде спецоперации интернациональной Элиты, как фактор разрушения. И заговорщики, ***спланировав*** «хлебные беспорядки», своего добились – женщины вышли на улицу.

Не могу утверждать точно – такие вещи вообще не доказываются документально, но могу предположить, что дата начала февральской спецоперации Элиты против самодержавия была определена за семь лет до этого Кларой Цеткин, хотя она об этом и не подозревала.

В 1910 году на 2-й Международной конференции женщин-социалисток в Копенгагене именно Клара Цеткин предложила считать день 8 марта (по старому русскому стилю – 23 февраля) Международным женским днём солидарности работниц.

Отмечали этот день в Европе, отмечали и в России. И элитарным организаторам антиниколаевского переворота заранее было ясно, что того или иного организованного выступления питерских пролетарок 23 февраля 1817 года не миновать.

А отсюда вытекал вполне реальный и разумный для заговорщиков план… Надо искусственно создать в столице продовольственный кризис накануне Женского дня, накалить женщин так, чтобы их реакция в Женский день была предельно острой, и сделать активность женщин катализатором дестабилизации в Питере. А на волне волнений можно совершить переворот и вынудить царя отречься.

Агенты Элиты не подстрекали женщин, они ***заранее*** знали, что в связи с ухудшением положения столичных рабочих выступление женщин ***обязательно*** будет, и будет в ***заранее точно известный*** день. И заранее было понятно, что организацию демонстрации протеста против голода, войны и царизма, возглавят пусть и немногочисленные, но питерские большевики. А это гарантировало боевой настрой масс.

Так или не так планировала Элита, но события разворачивались именно так…

14 февраля 1917 года после каникул открывалась Государственная Дума.

18 февраля началась забастовка на Путиловском заводе, и к 22 февраля её поддержало большинство остальных крупнейших предприятий. В этот день хозяева объявляют локаут, что лишь накаляет страсти.

23 февраля 1917 года в Международный день женщин-пролетарок в Петрограде прошли массовые демонстрации. И именно они обеспечили сильную электризацию столичных масс.

В каждой шутке есть доля шутки, и можно сказать, что если бы не Клара Цеткин с её днём 8 марта, то, может быть, Ленин так и оставался бы в Швейцарии эмигрантом, а царь Николай – не троне.

Переходя же от шуток к хронологии, напомню, что 25 февраля 1917 года началась всеобщая забастовка в Петрограде, и в этот же день Николай издал «высочайший указ» о роспуске IV Государственной думы.

Дума царю не подчинилось.

Царь приказывает подавить волнения вооружённой силой, войска кое-где начинают стрелять в демонстрирующий народ, но в один день всё меняется – уже 26 февраля столичные полки стреляют в отряды конных городовых.

Начинается…

А что, к слову, начинается?

Вот то-то и оно, что спланированный Элитой как спецоперация переворот начинается на фоне почти спонтанного народного восстания. Царская Россия находилась в состоянии неустойчивого равновесия. Элита её качнула вроде бы туда, куда надо ***ей***, а царизм рухнул ни вправо, ни влево, а где-то посередине – в зону двоевластия: и элитарного «Временного» правительства, и Совета рабочих депутатов, пусть пока и меньшевистского.

Качнула же царскую Россию к окончательному краху Элита.

Здесь было бы к месту ***полностью*** привести разделы 4-й «Поражение царских войск на фронте. Хозяйственная разруха. Кризис царизма» и раздел 5-й «Февральская революция…» из главы VI-й «Краткого курса ВКП(б)», где дан внятный анализ тех дней. Однако приведу лишь небольшое извлечение оттуда:

«… русская буржуазия решила провести дворцовый переворот с тем, чтобы сместить царя Николая II и вместо него поставить царём связанного с буржуазией Михаила Романова. Этим она хотела убить двух зайцев: …пробраться к власти и обеспечить дальнейшее ведение империалистической войны, и предупредить небольшим дворцовым переворотом наступление большой народной революции…

Царизм явно переживал смертельный кризис.

Буржуазия думала разрешить кризис путём дворцового переворота.

Но народ разрешил его по своему… …Рабочие массы пошли за большевиками»[100].

Сталинский «Краткий курс» был политическим учебником, а не научной монографией, учебник же всегда схематизирует события. В первый период революции рабочие массы пошли не за большевиками – в первые дни Февраля роль большевиков даже в Петрограде была далеко не ведущей, что доказывает и эсеро-меньшевистский характер первого Петросовета. Но, как видим, Сталин не приписывал заслугу ***начала*** революции большевикам, а честно признавал, что «кашу» вначале «заварила» буржуазия…

Тем не менее уже в первые недели революции всё пошло не по планам Элиты, а уж после приезда в Россию Ленина – и тем более. И мы подходим теперь к теме знаменитого «пломбированного» вагона, в котором Ленин проехал из Швейцарии в Швецию транзитом через Германию.

История с проездом Ленина обросла такими сплетнями и вымыслами, что и этот момент в политической биографии Ленина мы проследим по наиболее достоверным документам, то есть – по ленинской переписке тех дней и публичным статьям Ленина того периода…

Глава 7. История переезда в письмах: «„Пломбированный“ вагон или лондонская тюрьма?»

Уж даже не знаю, какими буквами надо написать, и как их выделить, чтобы стало ясным: **Ленин весной 1917 года выехал в Россию через Германию не потому, что ему надо было получить последние инструкции от германского генштаба, и ехал он не на «германские миллионы»…** Всё это устанавливается с полной достоверностью при изучении давно опубликованной ленинской переписки.

Письма того периода Ленин писал не для того, чтобы оправдаться перед современниками или потомками, а в силу житейской и деловой необходимости. И уже цитированное ранее письмо Ленина Инессе Арманд от 6 января 1917 года само по себе доказывает, что никаких «миллионов» в распоряжении Ленина не было! Он прямо там написал (смотри Полное собрание сочинений, том 49-й, страница 353-я), что «**жертвователя денег у нас нет».**

Нет!!!

В письме от 14 января 1917 года – в большом деловом письме той же Арманд, Ленин делится с ней планами сотрудничества с издаваемой в Нью-Йорке левой газетой «Новый Мир», «*где, говорят, платят по 5 долларов за статью», и прибавляет: «что было бы для меня крайне кстати…*»[101]

Итак, для якобы купающегося в золотых марках Ленина и пять долларов в январе 1917 года – хлеб! По нынешним ценам – не более сотни-другой «баксов»!

Каково?

20 января 1917 года очередное деловое письмо Арманд он заканчивает: «*Ускорьте поездку в La Chaux-de-Fonds на несколько дней, возьмите точнейшие сметы из типографии… и пишете мне скорее. Сколько денег можете достать и в какие сроки: 50 frs? 100 или 200?*»[102]

50 франков – это чуть больше 30 рублей…

200 франков – соответственно чуть больше сотни.

Вот какими денежными суммами оперировал Ленин в начале 1917 года…

Письма, ленинские письма – вот источник точных фактов о тех днях!

Чуть позже мы рассмотрим – **по письмам!** – и всю коллизию с переездом, весь период от первых известий о Феврале, дошедших до Цюриха, до отъезда Ленина… Но, вообще-то, начать рассказ о переезде Ленина из Швейцарии в Россию надо бы, пожалуй, издалека – с 1915 года.

Жить в царской самодержавной России Ленин – глава партии большевиков, не мог даже в мирное время, это понятно. Поэтому он жил в Европе – как политический эмигрант.

Увы, с началом Первой мировой войны и относительно «политкорректная» Европа оказалась для Владимира Ильича далеко не везде гостеприимной. Уже в первые дни войны его арестовали в австрийском Поронине как «русского шпиона», после чего пришлось срочно уехать в Швейцарию.

Нейтральная Швейцария была хороша всем, одно плохо – она находилась далеко от России, и со всех сторон её окружали государства, в которых не то что жить, но даже временно появляться Ленину не рекомендовалось.

В частности, имевшие прямое и устойчивое сообщение с Россией Франция и Англия были для политэмигранта Ульянова – известного в Европе противника войны, заказаны. И там, и там его запросто могли интернировать, а говоря проще – посадить за решётку, в тюрьму.

Война затягивалась, в России массы были недовольны, начиналось пока ещё глухое брожение… И Ленину не мешало бы перебраться куда-то поближе к России, но – в место, с

точки зрения возможного ареста, безопасное, а для работы достаточно удобное. Выбор был невелик – или нейтральная Швеция, или нейтральная Норвегия, причём Швеция была, конечно, из соображений дела, предпочтительнее.

В Швецию и предполагалось при возможности переместиться, хотя это было непросто с любой точки зрения, начиная с того, что в Швейцарии находился основной состав Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) во главе с Лениным, и работа была налажена. Тем не менее, планы переезда прорабатывались, и Ленин находился по этому поводу в переписке с А. Г. Шляпниковым.

Александр Шляпников (1885–1937) стал членом большевистской партии в 1901 году, то есть – ещё до того, как большевики стали так называться. В годы войны Шляпников был связным между Русским и Заграничным бюро ЦК РСДРП(б), затем активно участвовал в Февральской революции как член Петросовета и председатель Петроградского союза металлистов, готовил Октябрь, вошёл в первый состав Совета Народных Комиссаров как министр труда… Был членом Реввоенсовета Южного фронта, занимался работой в профсоюзах, позднее организовал так называемую «рабочую оппозицию» и попортил немало крови вначале Ленину, а затем и Сталину. В 1933 году Шляпникова исключили из ВКП(б) и в 1937 году расстреляли.

Увы, бывало и так: опытный партийный дореволюционный и революционный «техник» Шляпников так и не сумел освоить профессию государственного деятеля-созидателя.

В 1915 же году Шляпников (партийная кличка «Беленин») жил в Швеции, наезжал в Норвегию, а нелегально – по партийным делам, и в Россию.

Малоизвестный и любопытный факт! Во время поездки в Норвегию в целях налаживания нелегального транспорта большевистской литературы в Россию, Шляпников обнаружил в порту Вардё на крайнем севере Норвегии целый склад застрявших там с 1907 года комплектов газет «Вперёд», «Пролетарий» и брошюр.

Ленин был этим очень доволен, и 19 сентября 1915 года писал Шляпникову в Стокгольм, прося прислать часть литературы в Швейцарию, а остальное переправить в Россию, «*раз будет вообще возможность транспорта*»[103].

Тогда же Ленин посетовал на крайне плохую связь с Россией и на то, что «из России имеем невероятно мало вестей». «*Просто обида,* – писал Ленин, – *что такое сравнительно простое дело, как конспиративная переписка с Россией (вполне возможная и в военное время), оказывается из рук вон плохо налаженным*»[104].

Из нейтральной Швеции, имевшей через Финляндию прямую почтовую связь с Россией, организовать конспиративную переписку было и впрямь несложно. Из нейтральной Швейцарии, откуда письма шли в Россию через Францию, это было сделать намного труднее. Достаточно вспомнить, что французская военная цензура изъяла рукопись ленинского труда «Империализм как высшая стадия капитализма».

Соблазнительным был и план не только усилить связь с Россией через Скандинавию, а вообще перебраться в Швецию. 26 сентября 1915 года Ленин написал Шляпникову в Стокгольм:

«*Насчёт поездки в Вашу страну дело у нас затягивается, во 1-х, недостатком финансов (и доруга дорогб, и жизнь там), во 2-х, полицейской сомнительностью. Будем ждать, пожалуй, возвращения Беленина и его вестей с родины*»[105].

Как опытный конспиратор, Ленин в письме к Шляпникову-«Беленину» пишет Шляпникову о «Беленине» (то есть – о самум Шляпникове) в третьем лице, как о другом человеке. Здесь всё понятно – факт поездок Шляпникова в Россию надо было обязательно конспирировать, что Ленин и делал.

Переезд в Швецию (или в Норвегию) не осуществился. С позиций возможной будущей революции известия из России в 1916 году не были настолько обнадёживающими, чтобы рисковать всем, наработанным, имеющимся в Швейцарии, и срываться с места в неизвестность.

Лишь резкое обострение ситуации, лишь политический «форс-мажор» в России оправдывали бы переезд, и такое произошло в Феврале 1917 года.

И как произошло!

Были превзойдены самые смелые предположения!!

Ещё в январе 1917 года Ленин больше был занят борьбой с международным оппортунизмом во II Интернационале и в среде швейцарских социалистов, чем непосредственно «российскими» делами. В его письмах 1915–1917 года раз за разом недобрым словом поминается Роберт Гримм – швейцарский социалист-центрист, секретарь Социал-демократической партии Швейцарии, член швейцарского парламента и один из организаторов центристского II$^{1}/_{2}$ Интернационала (был и такой).

Как уже было сказано ранее, разоблачению Гримма Ленин тогда уделял внимания чуть ли не больше, чем разоблачению царизма! В именном указателе к туму ленинских писем за август 1914 года – октябрь 1917 года (туму № 49) по количеству страниц, где Гримм упоминается, он уступает только крупнейшим партийным работникам Арманд, Бухарину, Зиновьеву, Коллонтай, Шляпникову и заведующему архивом партии Карпинскому. Что же до иностранцев, то тут отрыв Гримма от остальных более чем внушителен – чаще него Ленин упоминает в письмах лишь Радека.

Ещё 13 марта 1917 года Ленин адресует Арманд вполне рутинное, рядовое деловое письмо («*левые в Швейцарии разбежались*…», «*С Юрием и К^{0} кончены переговоры об издании части брошюрок*…», и т. д.) и заканчивает его так: «*Из России нет ничего, даже писем!! Налаживаем через Скандинавию*…»[106]

А уже 15 марта 1917 года…

А уже 15 марта 1917 года…

А уже 15 марта 1917 года Ленин пишет из Цюриха в Кларан Арманд:

«Дорогой друг!

….Мы сегодня в Цюрихе в ажитации: от 15.II есть телеграмма в „Zьrcher Post“ и в „Neue Zьrcher Zeitung“, что в России 14.III *победила* революция в Питере после 3-дневной борьбы, что у власти 12 членов Думы, а министры *все арестованы*.

Коли не врут немцы, так правда.

Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно.

Я *вне* себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!

Лучшие приветы!

Ваш *Ленин*».[107]

Вот как Ленин узнал о революции в России, пока ещё – по испорченным телефонам, через прессу, не имея точной информации. И эти известия сразу же взвинтили Ленина, да и могло ли быть иначе!?

Столько лет напряжённой работы в отрыве от Родины, напряжение военных лет, когда он понимал, что царизм ведёт страну к взрыву, и вот, похоже – взрыв произошёл, а его отделяют от России границы и линии фронтов!

Последняя фраза письма: «*Я **вне** себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!*», по скрытому накалу страстей просто-таки достойна Шекспира.

Конечно, в те дни Ленин написал не одно письмо, касающееся ошеломляющей новости, но в Полном Собрании Сочинений опубликованы лишь те немногие, которые сохранились. Впрочем, и их достаточно для того, чтобы понять, насколько «основательны» в кавычках все

антиленинские обвинения!

16 марта 1917 года Владимир Ильич пишет уже Александре Коллонтай в Христианию (Осло):

«Дорогая А. М.! Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1(14).III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По „старому“ европейскому шаблону…

Ну что ж! Этот „первый этап первой (из порождаемой войной) революции“ не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистической бойни, руководимой Шингарёвым + Керенским и K^0.

Все наши лозунги те же. В последнем № „Социал-Демократа“ мы говорили прямо о возможности правительства „Милюкова с Гучковым, если не Милюкова с Керенским“. Оказалось и – и: все трое вместе. Премило! Посмотрим, как-то партия народной свободы… даст народу свободу, хлеб, мир… Посмотрим!)»[108]

Говоря о своём прогнозе по составу правительства, Ленин имел в виду опубликованную 31 января 1917 года в № 58 газеты «Социал-Демократ» свою статью «Поворот в мировой политике», которую я уже упоминал ранее и о которой скажу подробнее позже. Там Ленин писал, что Николаю грозит перспектива «иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского».

И, продолжая письмо к Коллонтай, Ленин сразу же намечал линию большевиков в революции:

«Главное теперь – печать, организация рабочих в *революционную* с.-д. партию… А г. Чхеидзе хоть и говорил архилевые речи *во время* революции или накануне её…, но конечно, *ни капли* доверия не заслуживает…

…Республиканская пропаганда, борьба против империализма, по-прежнему революционная пропаганда, агитация и борьба с целью международной пролетарской революции и завоевания власти „Советами рабочих депутатов“ (а не кадетскими жуликами).

…После „great rebellion“ 1905 – „glorious revolution“ 1917! („После „великого мятежа“ 1905 – „славная революция“ 1917!“)…»[109]?

Пусть читателя не сбивает с толку то, что Ленин уже Февраль назвал «славной революцией», да ещё и по-английски…

«Glorious revolution» – «славная революция», так в Англии назвали государственный переворот 1688-89 годов, когда господствующие классы, недовольные самодержавной политикой короля Якова II, ущемлявшей интересы буржуазии и грозившей народным возмущением, свергли короля и передали королевскую власть зятю Якова – штатгальтеру Голландии Вильгельму Оранскому.

Аналогия с Февралём напрашивалась сама собой, что Ленин и отметил.

17 марта 1917 года Ленин пишет Коллонтай новое обширное письмо, начинающееся не без раздражения:

«Дорогая А. М.! Сейчас получили Вашу телеграмму, формулированную так, что почти звучит иронией (извольте-ка думать о „директивах“ отсюда, когда известия архискудны, а в Питере, вероятно, есть не только фактически руководящие товарищи нашей партии, но и формально уполномоченные представители Центрального Комитета!)

Только сию минуту прочёл телеграмму Петербургского (оторванный от России, Ленин называет Петроград по привычке Петербургом. – *С.К.*) телеграфного агентства от 17 с программой нового правительства и с известием о сообщении Bonar Low, что царь ещё не

отрёкся и что он неизвестно где…»[110]

Как видим, Коллонтай запрашивала у Ленина «директивы», однако попытки Коллонтай получить от Ленина, застрявшего в Швейцарии, вдали от центра событий, какие-то «руководящие указания», действительно выглядели чуть ли не издёвкой, о чём милейшая Александра Михайловна в «ажитации» просто не подумала.

Владимир Ильич 17 марта даже не знал, что Николай отрёкся ещё два дня назад в пользу Михаила, а день назад отрёкся и Михаил…

Увы, в преддверии Февраля 1917 года связь Ленина с Россией была настолько скудной и неоперативной (это – при якобы миллионах в кармане!), что он даже не знал точно, кто там есть в Питере из «фактически руководящих товарищей». Это вполне показательно – события Февраля стали для Ленина неожиданными.

Каменев и Сталин тогда ещё были в Сибири, в столице «на хозяйстве» находился Молотов. Он вошёл в состав Исполнительного комитета Петросовета, однако не в его силах было овладеть ситуацией.

Всё же, в письме Коллонтай от 17 марта Ленин сообщает:

Мы начали выработку тезисов…

…По-моему, главное теперь – не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами (или ещё опаснее, колеблющимися, вроде ОК [Организационный Комитет меньшевиков. – *С.К.*], Троцкого и К^0) и продолжать работу *своей* партии…

Сейчас на очереди – уширение работы, организация масс, пробуждение новых слоёв, отсталых, сельских, прислуги, ячейки в войске для систематической, обстоятельной Entlarvung (разоблачения. – *С.К.*) нового правительства и подготовки завоевания власти *Советами рабочих депутатов*. Только такая власть *может* дать хлеб, мир и свободу…[111]

Из письма видно, что хотя события в тактическом плане были для Ленина неожиданными, в стратегическом отношении они его врасплох не застали – стратегия была определена давно.

Тем не менее, Ленин тут же прибавляет: «*Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся*»…

На следующий день, 18 марта 1917 года он посылает Арманд в Кларан открытку, текст которой привожу полностью:

«Дорогой друг! Пишу в дороге: ездил на реферат. Вчера (субботу) прочёл об амнистии. Мечтаем все о поездке. Если едете домой, заезжайте сначала к нам. Поговорим. Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать.

Жму руку.

Ваш *В.У.*»[112]

Итак, Временное правительство в своей декларации с изложением политической программы среди прочего объявило о полной и немедленной амнистии по политическим и религиозным делам. Теперь Ленин и остальные эмигранты – более официально не политические преступники. Формальных препятствий к возвращению в Россию вроде бы нет. Остаются, так сказать, «технические» препятствия…

Но в них-то и закавыка!

Вместо обычного «Ваш Ленин» открытка подписано конспиративно – «Ваш В. У.», что и понятно – открытка есть открытка. Но из неё следует, что Ленин рассчитывал на немедленный выезд Арманд в Россию через Англию.

И – не только Арманд… Как видим, Ленин на первых порах прикидывал вариант и собственного проезда в Россию через Англию, и давал поручение на сей счёт опытному

конспиратору Арманд – если она поедет этим путём…

Кое-что дополнительно выясняется из письма Ленина партийному «технику» Карпинскому, посланного из Цюриха в Женеву 19 марта 1917 года. По причине несомненной важности каждого абзаца, и это письмо привожу полностью:

«Дорогой Вяч. Ал.!

Я всячески обдумываю способ поездки. Абсолютный секрет – следующее. Прошу ответить мне тотчас и, пожалуй, лучше экспрессом (авось партию не разорим на десяток лишних экспрессов), чтобы спокойнее быть, что никто не прочёл письмо.

Возьмите на своё имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду ***по ним*** через Англию (*и Голландию*) в Россию.

Я могу одеть парик.

Фотография будет снята *с меня* уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике.

Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии): на это время Вы должны запрятаться архисурьёзно в горах, где за пансион *мы за Вас заплатим, разумеется*.

Если согласны, начните *немедленно подготовку* самым энергичным (и самым тайным) образом, а мне черкните тотчас во всяком случае.

Ваш *Ленин*.

Обдумайте все практические шаги *в связи с этим* и пишите подробно. Пишу Вам, ибо уверен, что между нами всё останется в секрете *абсолютном*»[113].

То, что такие деликатные вопросы приходилось доверять почтовому письму, лишний раз обнаруживает стеснённость Ленина в средствах – купить марку для письма было, конечно же, дешевле, чем билет от Цюриха до Женевы и обратно. Но Ленин ничем особо не рисковал – в нейтральной Швейцарии цензуры не было, и письма не перлюстрировали.

Интересно – знакомы ли клеветники на Ленина с этим и другими приводимыми здесь письмами? Они ведь легкодоступны, и они полностью освещают историю с переездом Ленина так, как она разворачивалась реально, а не в подлых или свёрнутых набекрень мозгах клеветников…

План с гримированием и проездом по подложному паспорту был настолько чреват всем чем угодно, что от него в итоге отказались, и отказ был, конечно, единственно взвешенным решением.

Забегая далеко вперёд, скажу, что сюжет с париком будет-таки реализован Лениным, но – уже в совершенно иной, ещё более острой для него, ситуации. Письмо же Карпинскому показывает, как отчаянно рвался Ленин на Родину, готовый даже на авантюры.

А что делать?

Уезжать-то было надо!

У Арманд слабое здоровье, путь через Англию морем ей не с руки, и Ленин просит опробовать английский маршрут Валентину Сафарову, жену большевика-эмигранта Георгия Сафарова, сообщая Арманд 19 марта: «*Попытаюсь уговорить Валю поехать (она в субботу прибежала к нам после того, как год не была!). Но она революцией мало интересуется*»[114].

Надо заметить, что в письме Арманд от 19 марта Ленин обнаруживает всё большее нетерпение:

«…Не могу скрыть от Вас, что разочарован и сильно. По-моему, у всякого должна быть теперь одна мысль: скакать. А люди чего-то „ждут“!!

Я уверен, что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем, ибо именно Англия не только конфисковала ряд моих писем в Америку, но и спрашивала (её полиция) папашу (крупный большевик М. М. „Литвинов“-Валлах, будущий нарком иностранных дел СССР, тогда живший в Лондоне. – *С.К.*) в 1915 г., переписывается ли он со мной и не сносится ли через меня с немецкими социалистами.

Факт! Поэтому я не могу двигаться лично без весьма „особых“ мер.

А другие? Я был уверен, что Вы поскачете тотчас в Англию, ибо лишь там можно узнать, как проехать и велик ли риск (говорят, через Голландию: Лондон – Голландия – Скандинавия риск мал) и т. д.

Вчера писал Вам открытку с дороги (выше она приведена. – *С.К.*), думая, что Вы несомненно уже думаете и решили ехать в Берн к консулу. А Вы отвечаете: колеблюсь, подумаю.

Конечно, нервы у меня взвинчены сугубо. Да ещё бы! Терпеть, сидеть здесь…»[115]

И политически, и психологически здесь всё ясно и объяснимо. Ехать через Англию с политической точки зрения наиболее выигрышно – тут связи с немцами не приплетут. Но получить место не на пароходе в Голландию, Норвегию или Данию, а в лондонской тюрьме – не вариант. А это для Ленина вполне не исключено – англичане устраняли от власти Николая Романова во имя продолжения участия России в войне не для того, чтобы позволить «Николаю» Ленину по приезде в Петроград агитировать за выход России из войны…

Рисковать же интернированием Ленину нельзя никак – он нужен России и в России. Так что же, всё-таки, делать? Он готов сорваться и «поскакать», но где взять «коня»?

Тогда же, 19 марта 1917 года он пишет в письме Арманд:

«Да, чуть не забыл. Вот что можно и должно сделать тотчас в Кларане: приняться искать паспорта (б) у русских, кои согласились бы дать свой (не говоря, что для меня); (в) у швейцарок или швейцарцев, кои могли бы дать русскому.

Анну Евг. (А. Е. Константинович, сестра мужа И. Арманд. – *С.К.*) и Абрама (А. А. Сковно. – *С.К.*) надо заставить *тотчас* иди в посольство, брать пропуск (если не дадут, жаловаться *телеграфно* Милюкову и Керенскому), и ехать или, если не ехать, дать нам ответ на основании *дела* (а не слов), как делают и берут пропуск…»[116]

Увы, вариант официального проезда при помощи российского посольства – это, конечно, от отчаяния. Очень нужен Владимир Ульянов в Петрограде Милюкову с Керенским! Они кому угодно даже приплатили бы, только бы Ленина задержать вдали от России подольше, и мы это ещё увидим! Собственно, в российском посольстве даже Константинович и Сковно пропуска не дали!

Наконец, последнее место из ленинского письма Арманд от 19 марта – его окончание, содержит ещё один план, возникший в голове изнервничавшегося Ленина:

«В Кларане (и около) есть много русских богатых и небогатых русских социал-патриотов и т. п. (Трояновский, Рубакин и проч.), которые должны бы попросить у немцев пропуска – вагон до Копенгагена для разных революционеров.

Почему бы нет?

Я не могу этого сделать. Я „пораженец“.

А Трояновский, Рубакин + $К^0$ *могут*.

О, если бы я мог научить эту сволочь и дурней быть умными!..

Вы скажете, может быть, что немцы не дадут вагона? Давайте пари держать, что *дадут*!

Конечно, если узнают, что сия мысль *от меня* или *от Вас* исходит, то дело будет испорчено…

Нет ли в Женеве дураков для этой цели?..»[117]

Так впервые появляется в переписке Ленина «немецкий» вариант проезда. Причём Ленин мыслит трезво: если в контакт и переговоры с германскими властями о проезде через Германию группы революционеров вступит «пораженец» Ленин, то его тут же обвинят в связях с врагом, но если этим займутся русские социал-патриоты, то – дело иное…

Александр Трояновский (1882–1955) – впоследствии крупный сталинский дипломат, был в 10-е годы колеблющимся в сторону «оборончества» то ли большевиком, то ли меньшевиком. С 1917 по 1921 годы он был меньшевиком официально, лишь в 1923 года вернувшись в ВКП(б).

Николай же Рубакин (1862–1946) был известным русским библиографом. В 1907 году он эмигрировал в Швейцарию и там же скончался. На второй том его работы «Среди книг» Ленин написал рецензию. Позднее Рубакин был лоялен к Советской власти, завещал СССР собрание редких книг в 80 тысяч томов, хранящееся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

Увы, ни Трояновский, ни Рубакин помочь не пожелали. Трояновский полностью скатывался на меньшевистские позиции (собственно, подлинным большевиком он никогда и не был, что видно и по его сыну-ренегату), а что уж говорить о Рубакине – добропорядочном либеральном интеллигенте!?

Однако тут возникла другая возможность!

19 марта 1917 года на совещании российских партийных центров в Берне меньшевик Юлий Мартов – «оборонец», выдвинул план проезда эмигрантов через Германию в обмен на ряд интернированных в России немецких и австрийских военнопленных. Сообщившему об этом Карпинскому, Ленин ответил так (привожу короткое письмо полностью):

«План Мартова хорош, за него *надо* хлопотать, только *мы* (и Вы) не можем делать этого прямо. Нас заподозрят. Надо, чтобы кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты-русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п.) с просьбой *поговорить* об этом с послом германского правительства в Берне. Мы ни прямо, ни косвенно участвовать не можем; наше участие *испортит* всё. Но план, сам по себе, *очень* хорош и *очень* верен»[118].

Ленин, как видим, предлагал действовать по «германскому» варианту отнюдь не скрытно, а вполне гласно, лишь резонно отдавая формальную инициативу «нейтралам». При этом Ленин вполне отдавал себе отчёт в том, что связываться с «немецким» вариантом для него – «пораженца», политически опасно.

Поэтому он тогда же отрабатывал, но – уже без особого прикрытия (что и понятно!) также «английский» вариант. Мы это ещё увидим! И увидим, опять-таки, не из чьих-то мемуаров и прочего подобного, а прямо из ленинских писем начала 1917 года.

Да вот, такой вот получается у нас абсолютно документальный «роман в письмах»… Что-то вроде ленинского варианта знаменитых «Опасных связей» Шодерло де Лакло.

Но что делать – документы есть документы! Так что я, с позволения читателя, продолжу «эпистолярный роман», по прежнему опираясь в повествовании на ленинскую переписку.

Глава 8. История переезда в письмах: «„Пломбированный“ вагон или лондонская тюрьма?» *(Продолжение)*

Прошла всего неделя с того дня, как до Цюриха дошли первые газетные вести о революции в России, а Ленин не находит себе места от нетерпения «доскакать» до Петрограда. План сменяется планом, к поискам выхода подключается Яков Ганецкий-Фюрстенберг (1879–1937).

Ганецкий начинал как польский социал-демократ, один из основателей Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). На V съезде РСДРП он был избран членом ЦК, сблизился с большевиками, в 1917 году стал членом Заграничного бюро ЦК РСДРП(б). Находясь в Скандинавии (то в Христиании-Осло, то в Стокгольме), Ганецкий являлся «передаточным звеном» между большевиками в Швейцарии и в России, пересылая в оба конца письма и прессу, а в Питер – после Февраля – ещё и рукописи ленинских статей в возобновлённую «Правду».

Фальсификаторы аттестуют Ганецкого как якобы посредника между Лениным и «германским генштабом», «забывая», что Ганецкий, действительно быв одним из тех, кто занимался «германским» вариантом вполне открыто, прорабатывал **по поручению Ленина и «английский» вариант**, о чём чуть позднее будет сказано.

23 марта 1917 года Ленин отправляет Ганецкому в Христианию телеграмму:

«…Дядя желает получить подробные сведения. Официальный путь для отдельных лиц неприемлем. Пишите срочно Варшавскому. Клузвег, 8»[119].

«Дядя» – это сам Ленин, а «Варшавский» – польский политэмигрант М. Г. Бронский. В тот же день Ленин пишет также Арманд, и в этом послании есть, в частности, существенные для нас строки:

«…Вале сказали, что через Англию вообще нельзя (в английском посольстве).

Вот если *ни* Англия, *ни* Германия *ни за что* не пустят!!!. А ведь это возможно»[120].

Это надо понимать так, что Валентина Сергеевна Сафарова (урождённая Мартошкина), о которой Ленин писал Арманд 19 марта, выполнила-таки просьбу Ильича и почву в английском посольстве прозондировала (применительно, естественно, к себе, а не к Ленину). Но, как видим, безуспешно.

Через пару недель Валентина Сафарова вместе с мужем, будущим троцкистом Георгием Сафаровым, выедет в Россию вместе с Лениным, Крупской, Арманд, с поминаемыми Лениным в письме от 19 марта Анной Константинович, Абрамом Сковно и другими – в том самом пресловутом «пломбированном» вагоне.

А пока всё ещё висит в воздухе, и не ясно, в каком точно – в туманном лондонском, или в весеннем берлинском?

На параллельный зондаж – в Лондоне и Берлине, уходит несколько дней, и Ленин на время возвращается к текущим делам, в частности, работает над «Письмами из далека» и отправляет их в «Правду».

Наконец, 28 марта от Ганецкого из Стокгольма приходят первые известия, и они не очень утешительны. В ответ Ленин отправляет Ганецкому следующую телеграмму (заметим, вполне открыто!):

«Берлинское разрешение для меня неприемлемо. Или швейцарское правительство получит вагон до Копенгагена или русское договорится об обмене всех эмигрантов на интернированных немцев»[121].

Однако «временный» министр иностранных дел Милюков заинтересован в приезде Ленина не более чем лондонский Форин-офис.

Тем не менее, Ленин предпринимает новую попытку, и в последних числах марта направляет Ганецкому целый меморандум, который придётся привести тоже полностью – ни одного слова в нём нельзя выбросить без утраты полноты смысла:

«Прошу сообщить мне по возможности подробно, во 1-х, согласно ли английское правительство пропустить в Россию меня и ряд членов нашей партии, РСДРП (Центральный Комитет), на следующих условиях: (а) Швейцарский социалист Фриц Платтен получает от английского правительства право провезти через Англию любое число лиц, независимо от их политического направления и от их взглядов на войну и мир; (б) Платтен один отвечает как за состав провозимых групп, так и за порядок, получая запираемый им, Platten`ом, вагон для проезда по Англии. В этот вагон никто не может входить без согласия Платтена. Вагон этот пользуется правом экстерриториальности; (в) из гавани в Англии Платтен везёт группу пароходом любой нейтральной страны, получая право известить все страны о времени отхода этого специального парохода; (г) за проезд по железной дороге Платтен платит по тарифу, по числу занятых мест; (д) английское правительство обязуется не препятствовать нанятию и отплытию специального парохода русских политических эмигрантов и не задерживать парохода в Англии, дав возможность проехать быстрейшим путём.

Во 2-х, в случае согласия, какие гарантии исполнения этих условий даст Англия, и не возражает ли она против опубликования этих условий.

В случае телеграфного запроса в Лондон мы берём на себя расходы на телеграмму с оплаченным ответом»[122]?

Фактически это был план, который позднее реализовался на тех же, по сути, условиях, уже не в «английском», а в «германском» варианте при участии того же Платтена – швейцарского левого социал-демократа, сотрудничавшего с Лениным после Циммервальдской и Кинтальской конференций интернационалистов.

Ну, какой же, простите, подлой сволочью надо быть, чтобы при наличии ***такого*** документа смущать мозги извращением правды о германском «пломбированном» вагоне! Ведь из приведённого выше текста предельно ясно, что **германский «пломбированный» вагон возник исключительно потому, что Лондон не согласился на английский вариант «пломбированного» вагона!!!**

«Разоблачитель» «Николая» Ленина – Николай Стариков, в упомянутой ранее книге «анализирует» описанные выше коллизии, то и дело передёргивая факты и даты, пошло ёрничая и безбожно завираясь… Но, уделив «анализу» переезда два десятка страниц со 126-й по 146-ю, и выдавая явное (уже тогда) за тайное, о приведённом выше документе помалкивает.

И понятно почему!

Однако почти сразу же после отправки меморандума Ленин шлёт 30 марта Ганецкому из Цюриха в Стокгольм телеграмму (отнюдь не шифрованную):

«Ваш план неприемлем. Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует. Милюков надует. Единственная надежда – пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев. Телеграфируйте.

Ульянов»[123].

Чем была вызвана эта телеграмма? Судя по всему, некой неутешительной для Ленина вестью из Англии, о которой чуть позже. Итак, с английским «пломбированным» вагоном ничего не получалось, а ситуация в России всё более требовала контроля. И в тот же день 30 марта 1917 года Ленин пишет Ганецкому – как связному между ним и Питером, огромное письмо. Оно было, фактически, инструктивным и практически всё посвящалось вопросам

работы партии в России.

Ленин уже разобрался в ситуации и теперь передавал через Ганецкого в Питер те директивы и разъяснения, которых от него в первые дни после Февраля так простодушно добивалась Коллонтай. Не имея возможности подробно цитировать очень объёмное письмо, приведу оттуда пару строк:

«…Надо очень популярно, очень ясно, без учёных слов, излагать рабочим и солдатам, что свергать надо не только Вильгельма, но и королей английского и итальянского. Это во-первых. А второе *главное* – свергать надо *буржуазные* правительства *и начать с России*…

…Условия в Питере архитрудные… Нашу партию хотят залить помоями и грязью… Доверять ни Чхеидзе с $К^0$, ни Суханову, ни Стеклову и пр. нельзя…»[124]

Наиболее же важно знать нам начало ленинского письма Ганецкому от 30 марта, касающееся отъезда:

«Дорогой товарищ! От всей души благодарю за хлопоты и помощь. Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю „Колокола“ я, конечно, не могу. Сегодня я телеграфировал Вам, что единственная надежда вырваться отсюда, это – обмен швейцарских эмигрантов на немецких интернированных…»[125]

Тут придётся временно прервать цитату, чтобы кое-что пояснить…

Упомянутый Лениным издатель «Колокола» – как раз тот самый Парвус-Гельфанд, которого разного рода стариковы и $К^0$ приплетают к истории с «пломбированным» вагоном (в «германском» варианте) и с «германским золотом». Парвус был действительно разнообразно грязен, но Ленин ещё в ноябре 1915 году в статье «У последней черты» охарактеризовал издававшийся Парвусом журнал «Die Glocke» («Колокол») как «орган ренегатства и грязного лакейства в Германии». Там же Ильич писал и так: «Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустился теперь… до последней черты… Господин Парвус имеет настолько медный лоб…» и т. д.[126]

Между прочим, это Парвус выдвинул теорию «перманентной революции», а Троцкий лишь взял её на вооружение. Личностью Парвус был ловкой, мог, как говорится, в душу без мыла влезть, и подкатился он к Ганецкому явно не без умысла, в целях провокации.

Ленин на неё, конечно, не поддался.

Вернёмся, однако, к письму Ганецкому от 30 марта, которое Ленин, развёрнуто разъясняя смысл последней телеграммы, продолжал так:

«Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще, ни Мартова и его друзей, ни Натансона (старый народник, позднее левый эсер, – *С.К.*) и его друзей. Чернова англичане вернули во Францию, хотя он имел все бумаги для проезда!! Ясно, что злейшего врага хуже английских империалистов русская *пролетарская* революция не имеет. Ясно, что приказчик англо-французского империалистического капитала Милюков (и $К^0$) способны пойти *на всё*, на обман, на предательство, на всё, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость в этом отношении и к Милюкову и к Керенскому (пустому болтуну, агенту империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии…»[127]

Итак, англичане завернули назад во Францию даже эсера Чернова! Для Ленина это было вполне понятной причиной для отказа от попытки ехать через Англию. Ведь не проехал даже Чернов! Со всеми «выправленными» в «союзном» Париже бумагами…

Впрочем, ничего особо удивительного здесь не было. На первый взгляд, Чернов – не Ленин. Чернов – «оборонец», он за войну «до победного конца», но… Но Чернов популярен среди русского крестьянства, то есть он – политический конкурент петроградских креатур Лондона –

Милюкова, Гучкова, Некрасова и т. д. Выходит, для англичан и Чернов в Питере неудобен.

Если маршрут через Англию невозможен для эсера-«оборонца» Чернова, то что говорить о большевике-«пораженце» Ульянове!? Чернова просто не пропустили, Ленина же наверняка арестовали бы – «англичанка», она ведь «завсегда гадит»…

«Английский» вариант отпал. Бритты не только коварны, но ещё и думать умеют. Зачем им помогать Ленину сохранить белизну политических одежд, если их так просто испачкать в «тевтонской» грязи!?

Временное правительство на телеграммы из Швейцарии не реагировало[128], явно не желая содействовать возвращению Ленина в Россию. А историческое время – в отличие от «временных» – не ждало.

Что оставалось делать Ленину?

Ну???!!!

Ведь всё более становилась реальной опасность того, что Ленин в разгар российских событий застрянет на нейтральном швейцарском «обитаемом острове» посреди «океана» европейской войны…

Можно ли было допускать до этого?

Между прочим, тогда возникали даже такие проекты выезда большевиков (точнее – большевичек), как фиктивное замужество с кем-то из швейцарцев для получения швейцарского паспорта. И Ленин, рекомендуя большевичке С. Равич («Ольге») для этой цели меньшевика П. Б. Аксельрода, получившего швейцарское гражданство, писал 27 марта «Ольге»: «*Ваш план замужества мне кажется весьма разумным и я буду стоять (в ЦК) за выдачу Вам 100 frs: 50 frs в зубы адвокату и 50 frs „удобному старичку“ за женитьбу на Вас! Ей-ей!! Иметь право въезда и в Германию, и в Россию! Ура! Вы придумали чудесно!*»[129]

Как, надо полагать, завидовал Ленин «невесте»!

Если бы тогда в Европе уже были легализованы однополые браки, вдрызг и напрочь «красный» во всех отношениях Ленин даже за какого-нибудь «голубого» мог бы, наверное, на пару недель «выскочить» – лишь бы получить заветный «нейтральный» швейцарский паспорт, «вскрывавший» все границы…

И вдруг неожиданно нашёлся-таки «удобный» швейцарский «старичок» и для Ленина… Собственно, тогда он старичком ещё не был, имея в 1917 году тридцать шесть лет отроду, и в «мужья» Ильичу не набивался. Однако в Швейцарии имел определённый вес и помочь Ленину с отъездом мог. Речь – об известном читателю секретаре Социал-демократической партии Швейцарии… Роберте Гримме.

О том самом Гримме!

Гримм был не только социалистом-центристом, но и национальным советником, то есть – членом швейцарского парламента. И вот он-то предложил Ленину помощь в деле немедленного проезда в Россию через Германию! Причём – проезда не только Ленина с большевиками, но и Мартова с меньшевиками, и эсеров…

Что ж, это было очень кстати, надо признать… Дело, наконец, стронулось с «мёртвой» точки…

Но подчеркну, что, вопреки таинственным намёкам стариковых *на то, чего не ведает никто*, всё, произошедшее в первые дни апреля 1917 года в Швейцарии после инициативы Гримма совершалось при свете широчайшей, так сказать, гласности.

Да и могло ли быть иначе!? Ленин, сразу поняв, что дело у Гримма наверняка «выгорит», так же сразу понял и то, что надо максимально нейтрализовать неизбежные негативные эффекты от проезда русских революционеров по территории страны, воюющей с Россией, а для этого надо ***гласно*** привлечь к делу европейских социалистов, в том числе – из Франции.

Так и было сделано, о чём – в своём месте.

31 марта 1917 года Заграничная коллегия ЦК большевиков решает принять предложение Гримма о немедленном переезде в Россию через Германию, и Ленин сразу же направляет Гримму телеграмму, подписанную также Зиновьевым и Ульяновой (Н. К. Крупской):

«Национальному советнику Гримму

Наша партия решила безоговорочно принять предложение о проезде русских эмигрантов через Германию и тотчас же организовать эту поездку. Мы рассчитываем уже сейчас более чем на десять участников поездки.

Мы абсолютно не можем отвечать за дальнейшее промедление, решительно протестуем против него и едем одни. Убедительно просим немедленно договориться и, если возможно, завтра же сообщить решение»[130].

Гримм ведёт переговоры с германским правительством через германского посланника в Швейцарии Ромберга, и русские эмигранты начинают потихоньку паковать чемоданы…

Ленин приводит в порядок личный архив и архив партии[131].

Но почему вдруг Гримм проявил этакую активность? Может быть, он делал это по поручению пресловутого «германского генштаба»?

Не думаю…

Напротив, уверен, что Гримм стал хлопотать за Ленина не в последнюю очередь потому, что ***боялся*** его дальнейшего пребывания в Швейцарии!

Политическая активность Ленина и его растущее влияние среди левых швейцарских социалистов мешали швейцарским центристам и лично Гримму всё больше. Но пока Ленин считался в России политическим преступником, «выпихивать» его из Швейцарии правые социалисты не могли – не теряя политического лица – никак. Отказать Ленину в политическом убежище означало выдать его царизму.

Теперь же, когда царизм пал, появлялся удобный вариант избавления от Ленина – переправить его в Россию, если уж не согласна Англия, через Германию.

Всё это, скорее всего, так и было, поскольку, если бы Ленин, продолжая оставаться в Швейцарии, свою нерастраченную энергию обратил на ситуацию «Ленин против Гримма», то ничего хорошего это мелкотравчатому Гримму не обещало бы.

Вот Гримм и хлопотал.

Николай Стариков уверяет всех, что Ганецкий-де «сидел у Ленина на финансовых потоках»… Эта жалкая попытка представить Ленина неким «олигархом от политики» даже не смешна.

Вот три документа, приводимые по тому 49-му ПСС. страницы с 424-й по 426-ю…

Письмо Ленина Арманд от начала апреля:

«…Надеюсь, что в среду мы едем – надеюсь, вместе с Вами.

Григорий (Г. Е. Зиновьев. – *С.К.*) был здесь, условились ехать вместе с ним…

Денег на поездку у нас больше, чем я думал, человек на 10–20 хватит, ибо нам *здорово* помогли товарищи в Стокгольме.

Вполне возможно, что в Питере теперь большинство рабочих социал-патриоты… (так оно тогда и было, именно в городской, а не в сельской среде. – *С.К.*)

Повоюем.

И война будет агитировать за нас…»

Как видим, Ленин в своей антивоенной агитации рассчитывал не на «германское золото», а на реалии самой жизни. А на какие же деньги в поездке рассчитывал Ленин? Это мы узнаём из его телеграммы Ганецкому в Стокгольм от 1 апреля 1917 года:

«Выделите две тысячи, лучше три тысячи, крон для нашей поездки. Намереваемся выехать в среду (4 апреля. – *С.К.*) минимум 10 человек. Телеграфируйте».

Вот и все «финансовые потоки»!

2 апреля Ленин пишет письмо главному «архивариусу» партии В. А. Карпинскому и его помощнице С. Н. Равич, в котором даёт инструкции по оформлению архива (снятие копий, переплёт и т. д.), а также сообщает:

«Дорогие друзья!

Итак мы едем *в среду* через Германию.

Завтра это решится окончательно.

Вам пошлём кучу тючков с нашими книгами, *бумагами* и вещами, прося пересылать по очереди в Стокгольм для пересылки нам в Питер.

Вам же пошлём денег и мандат от ЦК наведение всей переписки и заведывание делами…

P. S. Денег на поездку мы надеемся собрать **человек на 12**, ибо нам *очень* помогли товарищи в Стокгольме…»

Напоминаю, это всё была чисто внутренняя переписка, на публику и на стариковых не рассчитанная. Письмо Арманд было опубликовано впервые в 1978 году в Полном Собрании сочинений, телеграмма Ганецкому и письмо Карпинскому – в 1930 году в XIII Ленинском сборнике. Так что эти документы удостоверяют подлинное финансовое положение Ленина со всей очевидностью факта – в отличие от подложных «документов» американца Сиссона и т. п.

Казалось бы, можно было вздохнуть с облегчением, присесть по русскому обычаю на дорожку и отправляться в путь, но тут…

Но тут заартачились швейцарские меньшевики во главе с Мартовым, а с ними и эсеры… Они стали возражать против постановлении Заграничной коллегии ЦК большевиков о принятии предложения Гримма о немедленном переезде и требовали подождать санкции на проезд со стороны Петроградского (меньшевистского) Совета рабочих депутатов.

Иными словами, на быстрейший приезд Ленина в Россию должна была дать согласие та «петросоветская» шушера, которая дудела в одну дуду с Милюковым.

Каково?!

Линия швейцарских меньшевиков и эсеров была понятной – Ленин в Швейцарии был им был намного менее политически опасен, чем в Петрограде, и затяжки с его отъездом были им выгодны. С другой стороны, и петроградским меньшевикам с эсерами в Петросовете, начиная с Чхеидзе и Керенского, Ленин в Питере нужен был не более, чем Гримму в Цюрихе…

Меньшевики не только возражали, они осведомили Гримма, и дело застопорилось

Владимир Ильич был взбешен и в записке в цюрихскую секцию большевиков написал:

«Дорогие друзья!

Прилагаю решение (о проезде. – *С.К.*)…

От себя добавлю, что считаю сорвавших общее дело меньшевиков *мерзавцами* первой степени, „боящихся“ того что скажет „общественное мнение“, т. е. социал-патриоты!!! Я еду (и Зиновьев) *во всяком случае*.

Выяснить точно, (1) кто едет, (2) сколько денег имеет…

Мы имеем *уже* фонд свыше 1000 frs (примерно 600 рублей. – *С.К.*) на поездки. Думаем назначить среду 4.IV как день отъезда.

Паспорта у русского консула брать *всем* по месту жительства *тотчас*…»[132]

Последняя фраза, между прочим, ясно показывает, что подготовка к переезду совершалась хотя и без согласия Временного правительства, но и не втайне от него! Хотя Милюков публично

грозил предать суду всех, кто поедет через Германию, – об этом Ленин пишет в очередном письме Карпинскому и Равич, сообщая также:

«…Платтен берёт на себя всё. Ниже сообщаю вам копию условий, которые Платтен предъявил. По-видимому, они будут приняты. Без этого мы не поедем. Гримм продолжает уговаривать меков (меньшевиков. – *С.К.*), но мы, разумеется, действуем совершенно самостоятельно. Мы думаем, что отъезд состоится в пятницу, среду, субботу…»[133]

А далее Ленин пишет, что он хочет, чтобы «*перед отъездом был составлен подробный протокол*» с подписанием его представителями печати и европейских социалистов.

Он просил переговорить немедленно с Анри Гильбо – французским журналистом-социалистом, издателем журнала «Demain» («Завтра»), а также – «*если Гильбо сочувствует*», попросить Гильбо «*привлечь для подписи и Ромена Роллана*» – знаменитого французского писателя прогрессивных взглядов, противника войны.

Хотел Ленин привлечь к освещению отъезда и адвоката Шарля Нэна, одного из лидеров Социал-демократической партии Швейцарии, редактора газет «La Sentinelle» (Часовой) и «Droit du Peuple» («Народное право»).

В изображении Николая Старикова переезд Ленина совершался чуть ли не в величайшей тайне, в лучших традициях «рыцарей плаща и кинжала». Как видим, в действительности Ленин был готов сообщить о своём *вынужденном* проезде через Германию всей Европе! 6 апреля Ленин лично отправил телеграмму Гильбо с просьбой привезти Роллана и Нэна или Грабера – второго редактора газеты «La Sentinelle».

Реально «Протокол о поездке» для печати подписали Платтен, Гильбо, французский социалист-радикал Фердинанд Лорио, специально приехавший из Парижа, немецкий социал-демократ Пауль Леви (Гарштейн) и представитель польской социал-демократии Бронский…

Опять начали ставить палки в колёса меньшевики. Ленин через Ганецкого запросил «мнение Беленина» (в данном случае имелся в виду не Шляпников, носивший этот псевдоним, а Бюро ЦК в Петрограде), и 5 апреля Бюро через Ганецкого дало директиву: «**Ульянов должен тотчас же приехать**»[134].

Да, надо было торопиться – в Питер начинала съезжаться вся «головка» большевиков. Ленин в Цюрихе получил из Перми телеграмму за подписями Каменева, Муранова и Сталина, возвращавшихся из сибирской ссылки: «*Salut fraternel Ulianow, Zinowieff. Aujiourdhui partons Petrograd…» («Братский привет Ульянову, Зиновьеву. Сегодня выезжаем в Петроград…»*)[135].

Через Платтена германскому посланнику Ромбергу были переданы условия, где главными пунктами были следующие:

«**Едут все эмигранты без различия взглядов на войну. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности, никто не имеет права входить в вагон без разрешения Платтена. Никакого контроля ни паспортов, ни багажа. Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных**»[136].

6 апреля Платтен сообщил о согласии Берлина – можно ехать!

Сборы проходили нервно, все были как на иголках. И это – не мой домысел, достаточно привести две телеграммы Ленина Ганецкому от 7 апреля… Первоначально отъезд был назначен на среду 4-го, но даже 7-го апреля Ленин был ещё в Берне и телеграфировал в Стокгольм:

«Завтра уезжает 20 человек. Линдхаген (социал-демократический депутат риксдага, бургомистр Стокгольма. – *С.К.*) и Стрём (секретарь Социал-демократической партии Швеции. – *С.К.*) пусть обязательно ожидают в Треллеборге. Вызовите срочно Беленина, Каменева в

Финляндию…»[137]

Но в тот же день в Стокгольм уходит другая телеграмма:

«Окончательный отъезд в понедельник. 40 человек (реально уехало 32 человека, – *С.К.*). Линдхаген, Стрём непременно Треллеборг…»[138]

Комментировать здесь что-либо нужды, пожалуй, нет. И так ясно – атмосфера была, мягко говоря, не из спокойных. Кто-то спохватился в последний момент и хотел ехать тотчас, кто-то колебался и оставался…

Но всё это было делом десятым по сравнению с главным: **Ленин ехал в Россию!**

В понедельник 9 апреля (27 марта по старому стилю) Владимир Ильич с Крупской, Зиновьев с женой и сыном, Арманд со своей золовкой Константинувич, ленинцы Сковно, Миха Цхакая – всего 32 человека, из которых 19 человек были большевиками, а 6 – бундистами, выехали через пограничный со Швейцарией германский Тайнген (Тинген) в Россию.

Поездка через Германию заняла три дня – скорость не экспресса, но и не такая уж плохая по военному времени и с учётом того, что это был не рейс по расписанию и не воинский «литер».

12 апреля 1917 года группа из германского порта Засниц отплыла в Швецию, и с борта парохода Ленин и Платтен отправили последнюю «переездную» телеграмму Ганецкому: «Мы приезжаем сегодня 6 часов Треллеборг»[139].

Уже с пути в Россию Ленин отправил телеграмму в Женеву и Карпинскому, оставшемуся для подготовки к отправке в Россию партийного архива:

«Германское правительство лояльно охраняло экстерриториальность нашего вагона. Едем дальше. Напечатайте прощальное письмо. Привет. Ульянов»[140].

Ленин имел в виду «Прощальное письмо к швейцарским рабочим», которое было опубликовано 1 мая 1917 года на немецком языке в газете «Jugend-Internationale», и заканчивалось так:

Когда наша партия выставила в ноябре 1914 года лозунг: «превращение империалистической войны в гражданскую войну» угнетённых против угнетателей за социализм, – этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов… Немецкий… социал-империалист Давид назвал его «сумасшедшим», а представитель русского (и англо-французского) социал-шовинизма… господин Плеханов назвал его «„грезофарсом“. Представители центра отделывались молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой „прямой линии, проведённой в безвоздушном пространстве“.

Теперь, после марта 1917 года, только слепой может не видеть, что этот лозунг верен…

Да здравствует *начинающаяся* пролетарская революция в Европе!

По поручению отъезжающих товарищей…

Н. Ленин»[141]

Приведу и ещё один ленинский документ. Впервые он был напечатан 17 сентября 1924 года в газете «Ленинградская правда». Это – записка члену Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «А. Беленину» – А. Г. Шляпникову:

«Прилагаю расписки в плате за проезд нашей группы. 300 шведских крон я получил пособия от русского консула в Haparanda (из Татьянинского фонда). Доплатил я 472 руб. 45 коп. Эти деньги, взятые мной в долг, я желал бы получить из Комитета помощи ссыльным и эмигрантам.

Н. Ленин»[142]

Что тут можно сказать?

Ну и крохобором же был Ленин, оказывается! Привёз с собой германские «золотые» миллионы, а хлопотал о выплате каких-то жалких сотен русских рублей, к тому же – обесцененных.

Но, может быть, причина была в том, что ***не было*** у Ленина никаких миллионов? А по приезде Петрограде надо было не только вести партийную работу, но и на что-то элементарно жить.

Жить не на мифические германские миллионы, а на скромные, всё более обесцениваемые продолжающейся войной рубли…

Наконец-то, вновь – не на опостылевшие в эмиграции франки и кроны, а на русские рубли!

Ленин доехал-таки до России!

Глава 9. История переезда в письмах: «„Пломбированный“ вагон или лондонская тюрьма?» *(Окончание)*

Для верного взгляда на те дни полезно познакомиться с их описанием Павлом Милюковым – тогда одним из первых лиц в России, министром иностранных дел Временного правительства. Милюков пишет о возвращении «из тюрем, из ссылки, из-за границы – Швейцарии, Парижа, Лондона, Америки – представителей русской эмиграции», и заявляет, что «мы встречали их не только „с почётом“, но и с горячим приветом» и «надеялись найти среди них полезных сотрудников»…

Для Плеханова, например, по словам Милюкова, резервировали министерство труда, но сразу поняли, что «это – уже прошлое, а не настоящее»…

Так встречали – по давней, но, как оказалось, истрёпанной «одёжке», соглашателей и «оборонцев»…

А как насчёт Ленина?

Милюков в своих «Воспоминаниях» «забыл» сообщить, что упорно не соглашался на проезд Ленина через Англию и вообще был против возвращения Ленина в Россию, потому что заранее было известно, что Ленин будет стоять за немедленное обращение к союзникам отказаться от требования «аннексий и контрибуций» и за предложение мира на этих условиях.

Но кое в чём Милюков и проговаривается:

«В начале апреля приехал через Германию Ленин со своей свитой в „запломбированном вагоне“… Позднее приехал Троцкий, и меня очень обвиняли впоследствии, что я „пропустил“ его. Я действительно настоял у англичан, у которых он был в „чёрном списке“, чтобы они его не задерживали. Но обвинявшие меня забывали, что правительство дало общую амнистию. К тому же Троцкий считался меньшевиком – и готовил себя для будущего. За прошлые преступления нельзя было взыскивать…» (Милюков П. Н. Воспоминания. М., Современник, 1990. Т. 2, с. 308).

Читаешь, и глазам своим не веришь! Тут же признать, что была объявлена общая амнистия, и умолчать, что она была общей для всех, ***кроме Ленина***!

Меньшевик Троцкий, оказывается, готовил себя для будущего… А большевик Ленин что – не готовил себя для будущего?

Но за Троцкого, оказывается, можно было похлопотать перед англичанами, а вот за Ленина – ***якобы*** тоже подпадающего под ***якобы общую*** амнистию – боже упаси!

Сегодня это называется «политикой двойных стандартов», но во все времена для подобных действий было и ещё одно определение: лицемерие, двуличие и подлость!

В тех же «Воспоминаниях» Милюков раздражённо сообщает:

«…За прошлые преступления нельзя было взыскивать. Но когда Ленин начал с балкона дома Кшесинской произносить свои криминальные (ого! – *С.К.*) речи перед огромной толпой, я настаивал в правительстве на его немедленном аресте…»

Итак, для остальных эмигрантов от Милюкова – не только «почёт», но и «горячий привет». Для одряхлевшего меньшевика Плеханова, согласного и дальше лить кровь русских мужиков во имя «войны до победного конца» – министерское кресло…

А для энергичного большевика Ленина, требующего немедленно начать всеобщие переговоры о всеобщем мире – тюремные нары?

Ну-ну…

А теперь – уже без цитат и ссылок, но зная то, что мы знаем, ещё раз окинем взглядом тот неполный месяц, который прошёл с первого известия в Швейцарии о русской революции, до приезда Ленина в русскую столицу.

Ленин с самого начала войны не скрывал, что он сторонник поражения ***правительства*** России в целях превращения войны империалистической в войну революционную.

Последнее обстоятельство приходится раз за разом подчеркивать, поскольку на этот счёт то ли не просвещены, то ли передёргивают в нынешней РФ многие, начиная с Владимира Путина.

Ленин был ярчайшим патриотом России, но России не дворцов, а хижин. И Ленин желал поражения царизма как условия для превращения войны между буржуями разных стран в войну трудящихся всех стран против буржуев всех стран. Желать поражения ***своей стране***, ведущей справедливую войну – предательство. Желать поражения жирующим ***правящим классам*** своей страны, ввергнувшим её народы в бессмысленную и преступную войну – акт высокого гражданского и социального мужества.

Так в Европе, начавшей ужасающую взаимную бойню, смотрел тогда на проблему мало кто, но были люди и кроме Ленина, которые мыслили так же, как и он. 16 марта 1916 года депутат рейхстага Карл Либкнехт в речи в прусском ландтаге прямо призвал «борющихся в траншеях» «опустить оружие и обратиться против общего врага (то есть – капиталистов своих стран. – *С.К.*) …»[143]

Депутат Либкнехт за это был… всего лишь лишён слова.

И русским или английским шпионом его никто не называл – всё же европейская политическая культура сказывалась. Впрочем, и ставки в Германии и России оказывались разными.

Немецкие рабочие к началу Первой мировой войны находились под сильным влиянием Второго Интернационала, которым руководили Бернштейн и Каутский – два выдающихся ренегата рабочего движения, ставших эффективными агентами влияния Капитала в рабочей среде.

А российские рабочие – не избалованные, в отличие от немцев, пониманием их проблем со стороны российского капитала (который, к тому же, как мы знаем, был на две трети ***не*** российским), обладали большими резервами революционности и верного классового сознания.

Поэтому Карл Либкнехт был для элитарной «белой» сволочи в Германии намного менее опасен, чем Владимир Ульянов для элитарной «белой» сволочи в России, и не только в России.

Соответственно, Владимира Ленина-Ульянова в России могли ожидать и превентивные меры пожёстче, чем лишение слова в парламенте. Тем более, что Владимира Ильича от участия в буржуазных парламентах бог миловал.

Вернёмся, впрочем, в первую половину апреля 1917 года… Ленин проехал Германию и морем приближается к берегам Швеции.

Наконец, вот он – трап, и за ним – нейтральная территория.

В шведском Треллеборге прибывших ожидал Ганецкий, и они выехали в Мальмё, где встретились со шведами, среди которых был и Линдхаген – бургомистр Стокгольма… Встречали ли бы так нейтральные шведы человека, подозрительного по «германскому шпионажу»?

После ужина в честь прибывших, поздно ночью все выехали в Стокгольм и в 10 утра 13 апреля 1917 года прибыли в шведскую столицу.

Приезд русских эмигрантов, возвращающихся домой, вызвал в Стокгольме немалый интерес. Газета «Politiken» в № 85 от 14 апреля 1917 года поместила сообщение об этом на первой полосе. В частности, так говорилось: «После приветствий и поздравлений группа русских направилась мимо щёлкавших аппаратами газетчиков и кинооператоров к гостинице „Регина“…»[144]

Увы, несколько фото сохранилось, а кинокадры исчезли…

Зато сохранилось небольшое сообщение в том же номере «Politiken»:

«Наши друзья не хотели давать никаких интервью. Вместо интервью приехавшие передали через „Politiken“ прессе и общественности коммюнике о поездке.

Самое важное, чтобы мы прибыли в Россию как можно скорее, – с жаром сказал Ленин. – Дорог каждый день. Правительства приняли все меры, чтобы затруднить поездку.

Вы встретились с кем-нибудь из немецких товарищей по партии? (тут надо помнить, что тогда социал-демократы всей Европы считались сотоварищами. – *С.К.*).

Нет. Вильгельм Янсон из Берлина пытался встретить нас в Лингене у швейцарской границы. Но Платтен отказал ему, сделав дружеский намёк на то, что он хочет избавить Янсона от неприятностей такой встречи»[145].

Вильгельм Янсон – шовинистически настроенный социалист, один из редакторов «Корреспондентского Листка Генеральной Комиссии профсоюзов Германии», добивался встречи с Лениным, но что это было – плохо замаскированная провокация или журналистская назойливость, сказать сложно. В любом случае Янсон успеха не добился.

13 апреля в гостинице «Регина» прошло совещание русских эмигрантов с шведскими левыми социал-демократами. Председательствовали бургомистр Стокгольма Карл Линдхаген и Ленин. Ленин сделал сообщение о поездке, Линдхаген выступил с речью «Свет с востока»…

Шведы высказали полную солидарность с таким шагом русский социал-демократов, как решение проехать через Германию, а социал-демократ Карл Карльсон, редактор газеты «Politiken» выразил надежду, что революция в России перерастёт в международную революцию[146].

В половине седьмого вечера после прощального обеда, Ленин, которого провожало около ста человек, выезжает в небольшой шведский порт Хапаранда на северном берегу Ботнического залива. При взгляде на карту Швеции и Финляндии этот маршрут обескураживает. Зачем Ленину понадобилось ехать из Стокгольма к чёрту на кулички, ***через всю*** Швецию, в далёкую Хапаранду и, перебравшись оттуда в соседний Торнео, ехать к финско-русской границе ***через всю*** Финляндию, если от Стокгольма через Аландские острова до финского Або – рукой подать?

Уж не знаю – то ли в этом выразилось стремление милюковых как-то уязвить Ленина и хотя бы на пару суток оттянуть его появление в Петрограде, то ли сказались опасности военного времени, но в любом случае задумываешься – как может быть мелок и глуп воспитанный старым, антиленинским, миром человек, идя на вуйны во имя прибылей кучки, против которой так страстно боролся Ленин. На вуйны, которые простое и человечное делают сложным, а страшное и подлое – допустимым…

Так или иначе, эмигранты добрались до шведской Хапаранды.

Ботнический залив был ещё вовсю покрыт льдом.

Поздней осенью 1907 года Ленин шёл по непрочному льду южной части этого залива, уходя из России в эмиграцию. Теперь, через десять лет, ранней весной 1917 года, он переехал по его льду из Хапаранды в финский Торнео на санях-вейках.

В Торнео его обыскали английские (!) офицеры из штаба войск Антанты (!?)[147]

Факт это был показательный во всех отношениях, но по большому счёту это было мелкой местью, и по Финляндии Ленин проехал под приветствия рабочих. А в ночь с 16 на 17 апреля (по новому стилю) 1917 года он закончил свою эмигрантскую одиссею на площади Финляндского вокзала в Петрограде. Его встречали тысячи людей, Руководители Петроградского Совета Чхеидзе и Скобелев, делая хорошую мину при кислом настроении, приветствовали его речами, выражая «надежду», что Ленин с ними «найдёт общий язык»…

Но всё это было детали. Главным было то, что Ленин приехал в Россию!

Теперь, прибыв на Родину после десятилетней разлуки, он с Россией больше не расстанется – до смерти.

На вопрос, кем был Ленин, многие сегодня ответят, что был он-де «германским шпионом», привезённым в Россию «в запломбированном вагоне».

Вагоны, в которых Ленин ехал по Германии, Швеции и Финляндии в Россию, были вполне обычными, но не о том речь, а о том, что Россия не сразу увидела в Ленине непререкаемого, нужного ей вождя, а многие и впрямь поверили в то, что приехал «шпион».

Ленина по приезде приветствовали бурно, это так. Однако ***основная*** масса даже питерских рабочих тогда находилась под влиянием не Ленина. Пока что за ним шли даже в Питере в лучшем случае десятки тысяч, но – не сотни тысяч, что его, впрочем, не обескураживало. Как и Наполеон Бонапарт, Ленин считал, что надо ввязаться в хороший бой, а там – посмотрим…

«Повоюем», – писал он Арманд накануне отъезда.

И бои предстояли несомненные.

Историк Юрий Фельштинский в 1995 году утверждал:

«Сделав ставку на революцию в России, германское правительство в критические для Временного правительства дни и недели поддержало ленинскую группу, помогло ей проехать через Германию и Швецию… Как и германское правительство, ленинская группа была заинтересована в поражении России».

Здесь – всё не так…

Причём ***настолько*** не так, что одним этим утверждением Фельштинский полностью зачёркивает своё реноме не то что «объективного историка», но историка как такового!

Во-первых, ставку на революцию в России (точнее – на «спецоперацию») сделала Антанта, и это она вдохновляла на «революцию» – замышляемую как верхушечный переворот, российские буржуазные круги.

Во-вторых, проехать через Германию Ленину помогли правый швейцарский социал-демократ Гримм и левый швейцарский социал-демократ Фридрих Платтен, а через Швецию – шведские социал-демократы.

В-третьих, Ленин вернулся в Россию не в «критические» для «Временных» дни, а в разгар «медового месяца» Временного правительства с российским обществом. «На ура» шёл военный «Заём свободы»!

Наконец, Ленин был заинтересован в поражении не России, а помещичье-капиталистической власти ***в*** России, справедливо считая такое поражение условием перехода власти в России к представителям народа.

Ленин приехал в Петроград из Швейцарии действительно транзитом через Германию и Швецию, и вагон с русскими политическими эмигрантами при проезде по территории Германии был действительно закрыт и пользовался правом экстерриториальности. Но такой маршрут был задан Ленину и его товарищам, как мы знаем, англичанами.

Вспомним последовательность событий….

Февральская революция объявила всеобщую политическую амнистию. Теперь эмигранты могли вернуться домой без того, чтобы тут же угодить в каталажку в России. Однако Англия не пропускала тех революционеров, которые выступали **против войны**. Угрозу тюрьмы в России сменила угроза тюрьмы в Англии. Путь Ленину из Швейцарии через Францию и Англию на Швецию, а из неё в Финляндию и Россию был закрыт во имя торжества «английской демократии» над «прусским милитаризмом». При проезде Ленина через Англию его бы просто арестовали.

И это – не предположение, англичане так тогда и поступили с некоторыми российскими

политэмигрантами. Не забудем, что Золотой Интернационал элиты уже готовил подключение Соединённых Штатов к финальной стадии войны, и преждевременное её прекращение было абсолютно недопустимо для клана вильсонов, ллойд джорджей, клемансо, черчиллей, морганов, ротшильдов и барухов. Америка должна была прийти в Европу и стать вершительницей ей дальнейших судеб – позднее мы к этому аспекту эпохи ещё вернёмся.

Да, как раз в дни, когда Ленин готовился к отъезду в Россию, – 6 апреля 1917 года, Соединённые Штаты Америки объявили войну Германии. И могла ли Антанта допустить, чтобы в Россию через территории, контролируемые «союзниками», проехали люди, которые могли сорвать процесс наращивания военных сверхприбылей Америки?

Отношение же германского правительства к проезду русских революционеров, выступающих **против войны,** было прямо противоположным английскому. К началу 1917 года Германия оказалась в наиболее сложном положении из всех воюющих держав – даже в более сложном, чем Россия. С одной стороны, Германия заняла значительные территории – Бельгию, значительную часть Франции, русскую Польшу, но с другой стороны в Германии нарастал дефицит всего, ресурсы истощались, а «союзники» получали всё возрастающие поставки из «нейтральной» Америки. До официального подключения США к войне Германия получила от них кредитов на 20 миллионов долларов, а страны Антанты – на 2 миллиарда!..[148]

Уже это говорит, что Германия была обречена, ибо она мешала Америке как опаснейший конкурент на мировой арене. О связи элитарного антиниколаевского переворота со вступлением США в войну ещё будет сказано особо – в главе «Российский Февраль и американский Апрель 1917 года…», а сейчас отмечу, что Милюков грозил Ленину всеми карами – вплоть до тюрьмы, если Ленин поедет через Германию, не только потому, что страшился политической силы Ленина, но и потому, что **приезд Ленина в Россию был очень невыгоден Америке**!

В то же время Ленин в России был – да, объективно выгоден Германии уже потому, что он с начала войны выступал за её прекращение всеми странами «без аннексий и контрибуций», а кайзеру Вильгельму к весне 1917 года было уже не до аннексий, а контрибуции грозили в перспективе самой Германии.

То, чего добивался Ленин в вопросе о войне, было необходимо народам России и Европы… Но это давало шанс – пусть и малый, также кайзеровскому режиму в том смысле, что если бы в 1917 году ***в Европе*** победила точка зрения Ленина, воздействовавшего на Россию, то кайзеровский режим мог сохраниться.

В декабре 1916 года Германия через нейтральные страны обратилась к державам Антанты с мирными предложениями[149].

Но это ещё были предложения с позиции чуть ли не победителя.

31 января 1917 года германское правительство сообщило свои условия мира президенту США Вильсону[150].

И вот эти условия для тех, кто хотел бы ***свернуть*** войну, вполне могли стать базой для, хотя бы, временного перемирия. Немцы и на этот раз сильно запрашивали, но было ясно, что это – запрос, а реально они пойдут на уступки.

Однако Америка готовилась войну как раз ***развернуть*** – во имя закабаления Европы, а потом – и мира. 3 февраля 1917 года США разорвали дипломатические отношения с Германией, мотивируя разрыв действиями германского подводного флота.

Сопоставим две даты…

6 апреля 1917 года, Соединённые Штаты Америки объявили войну Германии.

И в тот же день – 6 апреля 1917 года, Фриц Платтен сообщает Ленину о согласии германского правительства на проезд русских эмигрантов через Германию.

Совпадение поразительное, но совпадение ли это?

Нет ли прямой связи между вступлением Америки в войну и решением Берлина о пропуске Ленина?

Уверен, что она – налицо!

Америка на стороне Антанты – это начало конца Германии при любых её временных успехах, этого в Берлине не понимать не могли. Жадность – жадностью, а требовалось смотреть реальности в глаза. И могли ли немцы в апреле 1917 года отказать в возвращении на родину тем, кто обличал мировую бойню, если ещё в декабре 1916 года Германия была готова немедленно приступить к мирным переговорам?

Тем более Германия должна была склоняться к миру после вступления в войну Америки. И активный противник войны Ленин был немцам в России выгоден. Но прекращение войны было выгодно и народам России, вот ведь в чём заключалось главное!

Германские имперские министры не настолько хорошо разбирались во взглядах лидера большевиков, чтобы понимать, что они-то, представители истощаемой войной буржуазной Германии, хотели мира во имя **спасения** германского империализма, а Ленин призывал к миру во имя **уничтожения** любого империализма, в том числе – и германского.

Внешне цели совпали, но это никак не объясняется тем, что Ленин каким либо образом был связан с германским правительством. Никто ведь на Западе не называет Черчилля «агентом Сталина» на том основании, что Черчилль сотрудничал со Сталиным. Просто с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года основной целью ***обоих*** было победить Гитлера.

Весной 1917 года, тоже было налицо тактическое совпадение целей, даже без совместных договорённостей.

А какой была роль германского генштаба? И играл ли он в коллизии с проездом Ленина вообще какую-либо роль, принимал ли здесь то или иное участие?

Конечно, принимал, и не мог не принять!

С кем же ещё могло советоваться политическое руководство Германии в ходе принятия решения, как не со своими собственными спецслужбами, то есть – с разведкой генштаба? Так, например, в информационных сетях бродят то ли сплетни, то ли сведения о том, что бывший шеф кайзеровской разведки Вальтер Николаи, попав в 1945 году в советский плен, ставил себе в заслугу, что принимал-де участие в «переправке» Ленина в Россию. Могу поверить – в том смысле, что с Николаи это обсуждали – в Берлине. Но это касалось лишь внутренних отношений германских ведомств, к чему Ленин отношения, естественно, не имел.

Всю пикантность ситуации при проезде транзитом через Германию Ленин прекрасно понимал, однако иного пути добраться до бурлившей России не было. Поэтому-то он и настоял на праве экстерриториальности, то есть – проезде без контроля паспортов и багажа, без допущения в вагон кого бы то ни было из германских чиновников и вообще германских граждан. Отсюда и пошёл ездить «пломбированный вагон» по страницам ряда петроградских газет – как пошлый исторический курьёз.

В качестве ещё одного подобного курьёза могу сообщить, что в 50-е годы директор ЦРУ Аллен Даллес вспоминал, как якобы «на исходе» 1916 года некий «крепкий лысый человек с рыжеватой бородкой» настойчиво желал встретиться с ним – тогда резидентом американской разведки в Швейцарии. Но, заключал Даллес, «меня ждала партия в теннис с прекрасной дамой», и Ленин – ну кто же ещё это мог быть! – так и не был принят. Причём историки ЦРУ якобы вычислили, что Ленин-де заходил к Даллесу незадолго до отъезда в Россию, «посоветоваться о немецких субсидиях большевикам»[151].

Да-а-а…

Униженно сгорбившийся в ожидании «мудрого» совета Ленин в потёртом пиджачке перед вальяжным, респектабельным, в белоснежном теннисном костюме под цвет швейцарских

снегов, Алленом Даллесом – картина ещё та!

Чего-чего, а самонадеянности «стопроцентным» янки не занимать! Они даже не удосужились сопоставить хронологию событий, но уж чёрт с ними!

Хорошо ещё, что шеф ЦРУ не задал своим подчинённым задачу проанализировать – не был ли «ещё один не принятый» Даллесом крепкий двухметровый русский заика с усиками и кудрявыми волосами Петром Первым, желавшим продать по дешёвке в библиотеку Конгресса оригинал своего подложного «Завещания»?

Глава 10. «Германо-английский» «агент» Ленин против германского агента Боргбьёрга

Русская буржуазия сбросила царя, чтобы продолжать войну. И вдруг приезжает энергичный человек с лозунгом: «Никаких уступок „революционному“ оборончеству! Да здравствует социальная революция!»

Как ослабить его влияние?

Ну, конечно же, сообщить, что приехал «немецкий шпион». Пик обвинений Ленина в прямом шпионаже придётся на июль 1917 года, когда его попытаются арестовать. Но уже весной «пломбированный» вагон был излюбленной темой всей «жёлтой» питерской прессы.

В некотором смысле забавно, но и показательно, что 19 апреля (2 мая по новому стилю) 1917 года поэт Александр Блок писал в письме: «*Буржуа только и делают, что боятся: то хулиганов, то немцев, то Ленина, то анархии*»[152].

Так или иначе, Ленин – в России, в центре событий, и отныне сам всё более становится центром событий, исходной точкой их формирования и течения. На следующий день после приезда, в 8 часов вечера 4(17) апреля 1917 года началось заседание Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, и Ленин там – сразу же – дал свой первый политический бой.

Вначале по вопросу «О положении швейцарской эмиграции» выступил бывший депутат II Думы меньшевик-интернационалист А. Г. Зурабов (1873–1920), избранный членом Исполкома Петросовета.

Зурабов вернулся в Россию из Копенгагена и подтвердил, что министр иностранных дел Милюков чинил препятствия возвращению на родину эмигрантов-интернационалистов. От имени оставшихся в Швейцарии меньшевиков он предложил Исполкому нажать на Временное правительство, чтобы были начаты переговоры об обмене эмигрантов на интернированных или военнопленных немцев.

Поясню, что «двоевластие» в России выражалось в том, что исполнительную власть осуществляло Временное правительство, но считалось, что оно находится под контролем Петросовета. Реально отношения «Временных» и соглашателей из Петросовета строились по типу Петуха и Кукушки из басни Крылова, однако, нажав на Исполком, можно было как-то повлиять и на правительство.

Выступивший после Зурабова Зиновьев предложил принять соответствующую резолюцию. Председатель Петросовета Церетели и меньшевик Богданов выступили против, и тогда слово взял Ленин…

На том же заседании Ленин был введён в состав Петроградского Совета… Это была его первая государственная, по сути, должность за всю его политическую биографию[153].

Но это было лишь начало!

Назавтра – 18 апреля 1917 года, в № 24 газеты «Правда» – печатного органа ЦК РСДРП(б), и одновременно в № 32 газеты «Известия» – печатного органа Петроградского Совета рабочих депутатов была опубликована ленинская статья «Как мы доехали». Там Ленин кратко описал то, что мы уже знаем. А через неделю после приезда – 12(25) апреля он пишет письма Карпинскому в Женеву и Ганецкому с Радеком в Стокгольм[154].

Карпинскому он, в частности, сообщал:

«…Нас пропустили, встретили здесь бешеной травлей, но ни книг, ни рукописей, ни писем до сих пор не получаем. Очевидно военная цензура работает чудесно – даже чересчур усердно,

ибо Вы знаете, что у нас ни тени нигде о войне не было и быть не могло…

…Доехали чудесно. Платтена не впустил Милюков (!! – *С.К.*).

Атмосфера здесь – бешеная травля буржуазии против нас. Среди рабочих и *солдат* – сочувствие…

22. IV.1917 г. Всероссийская конференция большевиков (нашей партии) в Питере.

Черкните, издано ли наше „Прощальное письмо“, на каких языках и как идёт сбыт…

Крепко жму Вашу руку.

Ваш *В. Ульянов*».

В письме Ганецкому и Радеку он тоже коснулся общей атмосферы в Петрограде:

«…Буржуазия (+ Плеханов) бешено травят нас за проезд через Германию. Пытаются натравить солдат. Пока не удаётся: есть сторонники и верные. Среди эсеров и социал-демократов самый отчаянный шовинистический угар…

…Созываем 22.IV.1917 Всероссийскую конференцию большевиков. Надеемся вполне выправить линию „Правды“…

Положение архисложное, архиинтересное…»

Итак, «германский» (а по Н. Старикову – даже двойной, «англо-германский») «агент» Ленин начал действовать. Однако для «германского агента», якобы получившего «миллионы золотых марок» от «германского генштаба», Ленин повёл себя странно.

Во второй половине апреля в Петроград приехал известный датский социал-демократ Фредерик Боргбьерг (1866–1936), связанный с немецким правым социал-демократом Шейдеманом, который через полтора года войдёт в последнее имперское правительство Макса Баденского.

Боргбьерг от имени Объединённого комитета рабочих партий Дании, Норвегии и Швеции предложил социалистическим партиям России принять участие в конференции по вопросу о заключении мира. Созвать её предлагалось в Стокгольме в мае 1917 года.

23 апреля (6 мая), на заседании Исполкома Петроградского Совета, где большинство было тогда у меньшевиков, Боргбьерг откровенно сказал: «Германское правительство согласится на те условия мира, которые германская социал-демократия предложит на социалистической конференции…»[155]

Шито тут всё было, конечно, белыми нитками – «условия мира германской социал-демократии» от первого до последнего пункта написали бы германский генштаб и канцлер Бетман-Гельвег.

Так что один-то агент германского генштаба – без кавычек, в мае 1917 года по Петрограду разгуливал. Это был датчанин Боргбьерг.

Как же «помог» ему Ленин?

А вот как…

25 апреля (8 мая) 1917 года Исполком Петроградского Совета заслушал мнения партийных групп. За поездку в Стокгольм высказались трудовики, бундовцы и меньшевики. Большевики же по требованию Ленина объявили участие в такой «мирной» затее полной изменой интернационализму. А Апрельская Всероссийская конференция большевиков, проходившая в Петрограде с 24 по 29 апреля (7—12 мая), разоблачила Боргбьерга как… агента германского империализма.

Ленин прямо назвал его «агентом немецкого правительства».

На Всероссийской конференции РСДРП(б) присутствовал 131 делегат с решающим и 18 с совещательным голосом от 78 партийных организаций. Выборы на конференцию прошли на

конференциях местных организаций из расчёта 1 делегат на 500 членов партии. То есть, тогда в партии состояло не менее 65 тысяч человек. Ленин на конференции говорил даже о «70 000 членов нашей партии»[156].

Сразу после революции численность организаций большевиков не превышала 40–45 тысяч человек, но, как верно отмечала сталинская «История КВП(б)», это были «закалённые в борьбе кадры». Теперь же в РСДРП(б) приходило новое пополнение, и это были тоже неплохие кадры – членский билет партии большевиков особых доходов и привилегий тогда не обещал.

С одной стороны, в период с примерно 1915 года по весну 1917 года о партии большевиков можно было говорить как о некой виртуальности, поскольку связь между руководством и партийной массой нередко почти отсутствовала.

С другой стороны, партия была и жила даже в эти сложные годы – так уж выстраивал её, так готовил её сам её вождь – Ленин. Армия генерала Монка – во всяком случае, в романе Дюма «Десять лет спустя», сохранила себя как единое целое даже в тот период, когда Монк, похищенный д'Артаньяном, в ней отсутствовал. Нечто подобное имело место – но не в романе, а в жизни, и в партии Ленина, умевшей сохранить себя и без связи с Лениным.

Теперь партийная масса была связана с Лениным напрямую, а Ленин был связан напрямую с партийной массой.

И это было хорошо.

На Апрельской конференции обсуждались комплекс политических и социальных проблем и линия большевиков в событиях. Несогласных с Лениным на конференции хватало, однако основная часть делегатов пошла за ним. Все резолюции конференции написал, по сути, Ленин, в том числе и «Резолюцию о войне», которая 29 апреля (12 мая) 1917 года была опубликована в № 44 «Правды». Начиналась она так:

«Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистическая, т. е. ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром, из-за рынков финансового (банкового) капитала, из-за подчинения слабых народностей и т. д. Каждый день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию и истощает силы пролетариата и крестьянства…

Переход государственной власти в России к Временному правительству, правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России…

Поэтому пролетарская партия не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства, ни его займов…»[157]

В резолюции было сформулировано и отношение Ленина к сепаратному миру с Германией:

«Что же касается до самого важного вопроса о том, как кончить возможно скорее, и притом не насильническим, а истинно демократическим миром, эту войну капиталистов, то конференция признаёт и постановляет:

Нельзя окончить эту войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, простым прекращением военных действий одною из воюющих сторон.

Конференция протестует ещё и ещё раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией. Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как и капиталистов русских, английских, французских и пр., а императора Вильгельма таким же коронованным разбойником, как и Николая II и монархов английского, итальянского, румынского и всех прочих…»[158]

Как видим, резолюция о войне Апрельской конференции никак не разваливала фронт.

Что же до Боргбьерга, то Ленин, выступая 25 апреля (8 мая) на конференции, сказал:

– Я не могу согласиться с товарищем Ногиным… Не надо забывать сути и подкладки всей этой истории. Я вам прочту точно сообщённое в «Рабочей Газете» предложение Боргбьерга и отмечу, что за всей этой комедией якобы социалистического съезда кроется самый реальный политический шаг германского империализма. Тут не может быть и тени сомнения, что это предложение немецкого правительства, которое не делает таких шагов прямо и которому нужны услуги датских Плехановых, потому что на такие услуги немецкие агенты не годятся. Положение Германии самое отчаянное, вести теперь эту войну – дело безнадёжное. Вот почему немцы говорят, что готовы отдать почти всю добычу, ибо они всё-таки стремятся при этом урвать кое-что…

Зал слушал внимательно, хотя не все лица выражали одобрение и понимание. Вроде бы речь о мире, а Ленин – против.

Ленин же продолжал:

– Несомненно, что когда английские и французские социал-шовинисты сказали, что они не идут на конференцию, – они уже всё знали: они пошли в своё министерство иностранных дел, и им там сказали: мы не хотим, чтобы вы туда шли… Отрицать то, что Боргбьерг – агент немецкого правительства, нельзя. Вот почему, товарищи, я думаю, что нам эту комедию надо разоблачать. Все эти съезды не что иное, как комедии, прикрывающие сделки за спиной народных масс…[159]

Вот тебе и «пломбированный вагон»!

Вот тебе и «немецкий шпион»!

А ведь как удобно было бы укрыться за спиной Боргбьерга действительному агенту немцев…

Впоследствии отставные «социалистические» политики Февраля об истории с Боргбьергом вспоминать не любили, а если и вспоминали, то с явным намерением затемнить этот неприглядный для них эпизод. Так, уже знакомый нам бывший комиссар Временного правительства доцент Владимир-Владас Станкевич-Станка, покинувший Россию в 1919 году и с 1949 года живший в США, написал о Боргбьерге следующее:

«Подлинное же мнение большинства германской социал-демократии привёз представитель датских социалистов Боргбьерг. Он появился как-то таинственно, произнёс небольшую (!? – *С.К.*) речь с явными недомолвками, потом на неделю куда-то стушевался. Потом появился опять и заявил, что может приблизительно изложить мнение германских социалистов. Но это мнение отнюдь не произвело впечатления ответного рукопожатия, а скорее, попытки спекульнуть на русской революции»[160].

В общем, по Станкевичу выходило, что приезжала, мол, какая-то мелкая подозрительная «шушера», которую никто (и особенно «трудовики» во главе со Станкевичем-Станкой) всерьёз не воспринял.

А ведь пятидесятилетний Боргбьерг к тому времени был уже двадцать лет депутатом датского парламента, главным редактором центрального органа партии – газеты «Социал-демократ». К русскому Октябрю он отнёсся враждебно, в двадцатые и тридцатые годы занимал в королевском правительстве Дании посты министра социального обеспечения, а потом – образования. Поэтому тот же Станкевич говорил с ним в 1917 году «без дураков», прекрасно представляя себе немалые фактические полномочия датчанина.

Впрочем, прогерманская миссия Боргбьерга была обречена во «временном» Петрограде уже потому, что тон в мировой ***буржуазной*** политике задавал теперь Вашингтон, официально подключившийся к войне и подготавливавший поездки в Россию собственных полномочных эмиссаров типа летней миссии Элиху Рута. Ниже я познакомлю читателя с этой миссией, отсылая его за более подробными сведениями к, например, страницам с 312-й по 315-ю

собственной своей книги «Россия и Япония: стравить!»

Там же можно прочесть и о, например, некой таинственной межсоюзнической конференции, проходившей в Петрограде в январе 1917 года. Полковник Хор обозвал конференцию «Ноевым ковчегом». Он считал: «Ни народ, ни правительство, ни император не хотели приезда союзной миссии… этой большой компании политиканов, военных и экспертов… Это было назойливостью в час испытаний их Родины»…

Английскую делегацию на январской конференции возглавлял лорд Альфред Мильнер, и вот как позднее оценил суть его миссии ирландский политик Гинелл: «Наши лидеры… послали лорда Мильнера в Петроград, чтобы подготовить революцию, которая уничтожила самодержавие в стране-союзнице». Гинелл был тогда разгневан жестокой расправой лондонских лидеров с неудачным Ирландским национальным восстанием, поэтому и разоткровенничался, и верить ему мы тут просто обязаны.

Бьюкенен, Мильнер, Милюков, Керенский, Станкевич – всё они, и многие другие были частицами одной и той же политической мозаики, но вот уж Ленина в эту мозаику пусть стариковы не «монтируют» – он ей был чужд и как политик, и как человек!

Впрочем, подробный анализ русского Февраля в ***этом*** разрезе уведёт нас слишком далеко, поэтому ограничимся, применительно к теме «Ленин – спаситель России», лишь мимолётным взглядом на важнейший – американский аспект тогдашней ситуации.

Глава 11. Российский Февраль и американский Апрель 1917 года

Весна и лето 1917-го оказались для России не только бурными, но и неоднозначными. Это плохо было понято многими в реальном масштабе времени, и мало кем верно понято по сей день, но во второй русской революции переплелись не только два очень разных внутренних фактора, о чём уже говорилось, но и несколько очень разных внешних тенденций, отражавших политические, экономические и геополитические интересы тех или иных мировых групп влияния, общим для которых было одно – стремление максимально обессилить Россию, а то и раздробить её.

При этом фактор Америки был объективно важнейшим уже потому, что Соединённые Штаты, формально не участвуя в войне до апреля 1917 года, были главными сценаристами и режиссёрами этой войны. Об этом подробно написано в моей книге «Политическая история Первой мировой», поэтому здесь лишь скажу, что основной причиной Первой мировой войны были не уже сформировавшиеся англо-германские противоречия, а потенциально обостряющиеся ***американо***-германские противоречия по всему спектру важнейших мировых проблем.

Америке, а ещё точнее – наиболее космополитическим кругам Мировой Элиты, надо было руками русских обессилить немцев, руками немцев – русских, в целом руками европейцев обессилить Европу, чтобы подчинить её влиянию Америки, а заодно и Россию лишить перспектив суверенного развития. Добиться этого можно было, только развязав войну в Европе. Вот войну в Европе и развязали – в обеспечение интересов США.

А в апреле 1917 года Штаты «лично» пришли в Европу, формально – как её союзники, а на деле – как агрессоры. Мудрый Шарль-Морис Талейран за сто лет до этого предупреждал: «В тот день, когда Америка придёт в Европу, мир и безопасность будут из неё надолго изгнаны»![161]

О том, как янки готовились к первому акту захвата господства над миром давно надо бы написать отдельную книгу, здесь же сообщу лишь, что уже в 1910 году в США началась работа по коренной реорганизации армии. Американский военно-морской флот, оснащённый новейшими линкорами, ещё ранее заявил претензии на мировое лидерство, а теперь наступало время для сухопутных вооруженных сил. В июне 1912 года особое совещание начальников отделов военного ведомства во главе с военным министром Стимсоном, и офицеров Генерального штаба во главе с генералом Вудом обсудило проект создания армии, «**способной противостоять армии любой европейской державы**»![162]

Зачем Америке была нужна такая армия, если сухопутная агрессия против США по сей день невозможна? Конечно же, мощная армия нужна была Штатам для ***их собственной*** будущей агрессии в Европу.

Знания одного этого факта достаточно для того, чтобы отправить в мусорную корзину все псевдоисторические опусы, уверяющие, что Америка-де «вынуждена» была вмешаться в европейский конфликт лишь после того, как возникла «угроза демократии в Европе».

В начале XX века нельзя было даже и помыслить о том, что какая-то европейская держава отправится через океан завоёвывать Соединённые Штаты. Зато вполне можно было представить себе такое развитие событий, когда армия Соединённых Штатов отправится за океан в Европу, чтобы в полном соответствии с давним прогнозом Талейрана, изгонять из Старого Света мир и безопасность.

Собственно, так ведь и произошло!

Ленин понимал это и без Талейрана, но понимал и то, что влияние Америки в России не будет значащим только в том случае, если проамериканские политики будут изгнаны с арены российской политики. Таких политиков в России весной 1917 года хватало, о чём – ниже. И это было одной из проблем, не учитывать которые Ленин не мог.

Ниже приведён ряд конкретных иллюстраций на тему «русских» американских вожделений…

С конца XIX века в Россию активно внедрялся французский, английский, бельгийский и германский капитал, а доля американского капитала оказывалась при делёжке российского «пирога» очень уж непропорциональной аппетитам США. Долее терпеть такую «несправедливость» капитал Америки, конечно же, не мог! И уже в 1912 году Америка по объёму своего экспорта в Россию – как сообщает историк-американист Р. Ш. Ганелин, оставила позади Англию и уступала лишь Германии[163].

К лету 1914 года в Россию ввозилось американских товаров более чем на 100 миллионов долларов в год, то есть – более чем на 200 миллионов рублей. Для сравнения – государственный бюджет Российской империи составлял в 1913 году 3 миллиарда 436 миллионов рублей.

В 1913 году по инициативе США в Москве была учреждена Русско-Американская торговая палата. А летом 1914 года – ещё до войны, русское правительство заявило об отказе продлевать русско-германский торговый договор, срок которого истекал в 1916 году. И сразу же – 23 июня 1914 года бывший американский посол в России Кертис Гульд, выступая в Бостонской торговой палате, предложил сделать Россию рынком для промышленности США, равным по своему значению Латинской Америке.

Сравнение было вполне «знаковым» – Америка возымела желание сделать из России одну огромную «банановую» республику, но – без бананов. Расчёт был, кроме прочего, на вытеснение с российского рынка немцев. И, зная это, нетрудно предположить, что уже одними этими планами Америки можно объяснять стремление США развязать мировую войну, хотя планами захвата российского рынка коварство Америки, конечно же, не ограничивалось.

Замечу в скобках, что Америке было не менее важно устранить Германию как конкурента не только на внешних рынках, включая латиноамериканский, но и на собственном внутреннем рынке, где германские производители завоёвывали всё более прочные позиции.

С началом войны США усилили свою экономическую экспансию в Россию, и вашингтонский агент российского министерства торговли и промышленности К. Ю. Медзыховский писал министру С. И. Тимашеву об «удивительном увлечении американцев целиком завоевать русский импортный рынок»!

Целиком!

Описывая антироссийские махинации и ловкие провокации Уолл-стрит во время Первой мировой войны, можно занять не одну страницу, однако у нас, всё же, иная основная тема. Поэтому лишь в двух словах сообщу, что к деликатным операциям был подключён и Витте, что российские журналисты в целях «пиара» Америки подкупались «на корню», что американцы поставили дело так, что нехватка золота в Америке в начале войны уже в 1915 году сменилась золотыми потоками, обусловленными хлынувшими в Штаты военными заказами, в том числе – и из России.

Участник Первой мировой войны, бывший офицер старой русской армии и советский военный историк генерал Барсуков в капитальном труде «Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.)» констатировал следующее:

«Россия влила в американский рынок 1 800 000 000 золотых рублей, и притом без достаточно положительных для себя результатов. Главным образом за счёт русского золота

выросла в Америке военная промышленность громадного масштаба, тогда как до мировой войны американская военная индустрия была в зачаточном состоянии. Ведомства царской России, урезывая кредиты на развитие русской военной промышленности, экономили народное золото для иностранцев. Путём безвозмездного инструктажа со стороны русских инженеров созданы в Америке богатые кадры опытных специалистов по разным отраслям артиллерийской техники».

Сведения генерала Барсукова подтверждает и генерал Маниковский в своём основополагающем исследовании «Боевое снабжение Русской Армии в 1914–1918 гг.», где говорится:

«Без особо ощутительных для нашей Армии результатов, в труднейшее для нас время пришлось влить в американский рынок колоссальное количество золота, создать и оборудовать *там на наши деньги* массу военных предприятий, другими словами произвести на наш счет *генеральную мобилизацию* американской промышленности, не имея возможности сделать того же по отношению к своей собственной».

Сегодня в это просто не верится, однако надо учитывать, что из всех отраслей военного дела именно артиллерийское было развито в России не только не хуже, а лучше, чем в других странах. При этом английские и французские инженеры были с избытком востребованы у себя дома, как и нейтральные шведские, а русским инженерам-артиллеристам пришлось, как видим, работать «на дядю», а точнее – на дядю Сэма.

Особую пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что пресловутый «Uncle Sam» (от аббревиатуры «U.S.») завлекал в свои сети простушку мисс «Russia», будучи формально вне войны – до апреля 1917 года Соединённые Штаты сохраняли нейтральный статус.

Профессор Чикагского университета Сэмюэль Нортроп Харпер (1882–1943) посвятил изучению России более четырёх десятилетий из шести десятилетий, им прожитых.

Впервые он приехал к нам в 1902 году, жил в России подолгу, ездил по стране, видел много, уезжал в США и Европу, вновь возвращался…

Во время Первой мировой войны, фактически, выполнял в России функции доверенного лица американского правительства, в частности – агента Государственного департамента США, не сойдя, к слову с этой стези и после Октября 1917 года.

К России Харпер относился с искренним интересом, и ярым антисоветчиком не был. В 1945 году в США вышло посмертное издание его мемуаров «The Russia I believe in» («Россия, в которую я верю»). В СССР они были изданы в 1962 году Издательством иностранной литературы крайне ограниченным тиражом под грифом «Рассылается по специальному списку», был тогда и такой.

Читать Харпера интересно, хотя, как истинный янки, он нередко и лицемерит. А вспомнил я о нём вот почему…

Накануне Февральских событий в России Харпер состоял при после США в Петербурге Фрэнсисе, назначенном весной 1916 года. Американцы не ввязывались прямо в антиниколаевский заговор, оставляя техническую сторону дела англичанам, однако руку на пульсе держали.

Харпер вернулся в США из последней дореволюционной поездки в Россию в конце сентября 1916 года. И когда в России началась революция, Госдепартамент тут же запросил у него экстренный анализ с оценкой ситуации. 15 марта 1917 года Харпер телеграфировал из Чикаго в Вашингтон:

«Прошлым летом думские деятели доверительно говорили, что революция может стать необходимой, и просили меня, если она произойдёт, разъяснить её политический, а не социальный характер»[164].

Признание любопытное, не так ли?

Поясню, что политическая революция применительно к тогдашней России означала просто замену полуфеодального самодержавия «чистым» строем капитализма при не только сохранении, а даже упрочении института частной собственности на средства производства, землю и недра земли. Политическая революция – это война дворцов против дворцов.

Социальная же революция – это война хижин против дворцов, это замена власти частных собственников, эксплуатирующих чужой труд, властью трудящихся масс.

Политическая революция в России была для собственников Америки выгодна, социальная же – смертельно опасна.

В телеграмме в госдеп Харпер давал весьма квалифицированную оценку как событиям, так и задействованным в них лицам: Львову, Гучкову, Керенскому, Милюкову, Терещенко, Некрасову, Шингарёву, Мануилову, и заключал:

«Такие люди смогут внушить к себе доверие общественности и армии… Цель революции, цель думы на протяжении последнего года и цель общественных организаций заключается в создании условий, которые позволили ли бы России мобилизовать все свои силы. Поэтому революция означает более эффективное ведение войны и войну до победы»[165].

Всё тут было сказано ясно, и жаль, что об этой телеграмме не была извещена тогда широкая российская масса – возможно, у неё энтузиазма по отношению к «Временным», обслуживающим чужие интересы, поубавилось бы уже весной 1917 года.

Интересно сопоставить мнение янки Харпера с мнением известного читателю железнодорожного генерала, профессора Ломоносова.

Фигура это, напоминаю, не очень-то прозрачная. Летом 1917 года Ломоносов был направлен Временным правительством в Америку для заказа паровозов и вернулся в Россию лишь через два года, но вернулся. В сентябре 1919 года стал членом президиума Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР, членом коллегии НКПС, находился в поле зрения Ленина, который профессора ценил. Уже как уполномоченный Совнаркома, Ломоносов в июне 1920 года опять уехал в Европу закупать паровозы, но кончилось тем, что он остался на Западе, жил в США, умер в Канаде.

В мае 1919 года в Нью-Йорке Ломоносов издал на английском языке свои записки о Феврале 1917 года, где писал, в частности:

«Весь состав министерства (имеется в виду Временное правительство. – *С.К.*) мне не нравился. Ну, какой министр финансов Терещенко, … служивший по балетной части… А Некрасов, идеалист, профессор статистики сооружений без трудов… Наконец, Шингарёв, бесспорно умный человек, но он по образованию врач… Причем же земледелие и землеустройство?…», и т. д.[166]

Как видим, оценки фигур Февраля американцем и русским противоположны, но дело не только в том, что Харпер давал оценку в реальном масштабе событий, а Ломоносов – после событий. Все эти терещенки, некрасовы и шингарёвы были приемлемы для Харпера потому, что они были чем-то вроде «кротов» США в русской революции.

Харпер отбил в госдеп из Чикаго телеграмму, а крупнейший тогдашний эксперт по России Чарльз Крейн направился из Чикаго в Вашингтон для личного доклада правительству.

Крейн был фигурой мощной – сын основателя чикагской «Крейн компани», он стал в США не просто бизнесменом-миллионером, а руководителем группы американских политических и экономических разведчиков, сфера деятельности которых распространялась на весь земной шар.

Особенно же интересовали Крейна китайцы, арабы и русские. За свою жизнь Крейн совершил 23 поездки в Россию, впервые приехав туда в начале 90-х годов XIX века!

Сэмюэль Харпер знал в России многих – от великих князей до босяков, а Харпер был всего

лишь учеником Крейна. Что уж говорить о возможностях Крейна, тем более – весной 1917 года, когда во главе России было поставлено правительство, полное личных друзей Крейна и Харпера, вроде Павла Милюкова…[167]

Знакомство Крейна и Харпера с Милюковым относится к самому началу XX века, а в 1903 году они пригласили Милюкова прочесть курс лекций о России в Чикагском университете…[168]

Теперь же Милюков был министром иностранных дел «временной» России. Так стоит ли удивляться, что Америка стала первой страной, официально признавшей Временное правительство в качестве законного почти сразу после его образования?

На первый взгляд, выглядело это странно: переворот курировал Лондон, а официально одобрил его первым Вашингтон. Но для тех, кто знал подоплёку происходившего, ничего удивительного здесь не было. Тогда янки предпочитали изображать из себя «изоляционистов» и «нейтралов», действуя без особой огласки своей руководящей роли.

Впрочем, 6 апреля 1917 года – почти сразу после русского февральского переворота – «нейтральные» до этого США вступили в войну на стороне Антанты. Президент Вильсон незадолго до этого был переизбран на второй срок под лозунгом: «Он не дал нас втянуть в войну», но как раз Вильсон-то и готовил эту войну, и привёл к войне американскую электоральную скотинку.

По этому поводу Харпер написал в своих мемуарах – через двадцать лет после событий:

«К середине апреля мы уже участвовали в войне, и, несомненно, вступление Америки в войну было облегчено русской революцией. Трудно было использовать лозунг „война за демократию“, если бы в России сохранялся царизм»[169].

В свете этого можно спросить – так ради чего знакомцы Харпера и Крейна устраивали в России революцию – не для того ли, чтобы облегчить Штатам вступление в войну?

И не связан ли элитарный российский Февраль 1917 года с элитарным заокеанским Апрелем 1917 года более тесно, чем это обычно представляют?

Николай Стариков выстроил «версию», по которой Ленин якобы разыгрывал в 1917 году спектакль на пару с Керенским по сценарию Антанты для того, чтобы разрушить Россию. Относительно Ленина и партии большевиков Стариков, конечно, попадает пальцем в небо, зато относительно «Временных» явно не ошибается, что лишний раз подтверждают и мемуары Харпера…

И – не только они одни. На такую версию работает многое, в том числе – и вполне достоверная статистика.

Война была крайне выгодна Америке. Только 48 крупнейших корпораций в своих отчётах за 1916 год показали прибыль в сумме 965 миллионов долларов (в нынешних ценах это не одна сотня миллиардов долларов). В целом же Америка нажила на европейской войне 35 миллиардов ***тогдашних*** долларов. Отдельные компании увеличили свои доходы в десятки раз!

При этом, как уже говорилось, Германия получила до апреля 1917 года (времени официального подключения США к войне) кредитов на 20 миллионов долларов, а страны Антанты – на 2 миллиарда!..

Но затягивать войну больше допустимого тоже было нельзя. И когда Вильсон 8 января 1917 года выступил в конгрессе с так называемыми «14 пунктами мира», Ленин – ещё из Швейцарии, сразу же откликнулся на это статьёй «Поворот в мировой политике», опубликованной в № 58 газеты «Социал-Демократ» за 31 января 1917 года. Ленин писал там:

«На улице пацифистов нечто вроде праздника. Ликуют добродетельные буржуа нейтральных стран: „мы достаточно нагрели руки на военных прибылях и дороговизне; не довольно ли? Больше, пожалуй, всё равно прибыли уже не получишь, а народ может и не стерпеть до конца…“

Как же им не ликовать, когда „сам Вильсон“…»[170], и т. д.

А далее Ленин пояснял:

Содрать при помощи *данной* войны ещё больше шкур с волов наёмного труда, пожалуй, уже нельзя – в этом одна из глубоких экономических основ наблюдаемого теперь поворота в мировой политике. Нельзя потому, что исчерпываются ресурсы вообще. Американские миллиардеры и их младшие братья в Голландии, Швейцарии, Дании и прочих нейтральных странах начинают замечать, что золотой родник оскудевает, – в этом источник роста нейтрального пацифизма…[171]

Между прочим он – предвосхищая события уже в который раз! – писал в той же статье и так:

«Возможно, что сепаратный мир Германии с Россией всё-таки *заключён*. Изменена только форма политической сделки между двумя этими разбойниками. Царь мог сказать Вильгельму: „Если я открыто подпишу сепаратный мир, то завтра тебе, о мой августейший контрагент, придётся, пожалуй иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского. Ибо революция растёт, и я не ручаюсь за армию, с генералами которой переписывается Гучков, а офицеры которой из вчерашних гимназистов. Расчёт ли нам рисковать тем, что я могу потерять трон, а ты можешь потерять хорошего контрагента?“

„Конечно, не расчёт“, – должен был ответить Вильгельм, если ему прямо или косвенно была сказана такая вещь…»[172]

Ну не умница ли Ленин после этого?!

Он не только уже в январе 1917 года весьма точно «вычислил» возможную схему грядущих событий, но заранее верно указал даже на конкретные ведущие фигуры антиниколаевского заговора!

И даже верно подметил, что армия полна «офицерами военного времени» из гимназистов, а это народ с одной стороны по младости лет горячий, а с другой стороны – *без царя в голове*, и в переносном, и в прямом смысле этого выражения. Ведь эта, тонко рассмотренная Владимиром Ильичом, черта офицерства 1917 года не в последнюю очередь стала фактором будущих «Ледяного похода» Корнилова, «Добровольческой армии» Деникина, резервом офицерских «марковского», «дроздовского», «корниловского» полков…

Как Ленин мог быть так прозорлив? Ни социологического центра «Левада», ни ВЦИОМа, ни Ванги в его распоряжении не было…

Ах, да! Его же снабжали информацией непосредственно «из германского генштаба»!

Если же говорить серьёзно, то поразительная прозорливость Ленина базировалась на верном, то есть – творческом, марксистском, понимании общественных процессов, а также – на повседневном «перелопачивании» европейской и российской прессы. Ленин давно – ещё со времён работы над капитальным своим «Развитием капитализма в России» – освоил умение быстро и квалифицированно обрабатывать большие объёмы информации и делать верные выводы. Потому он и видел подлинное лицо Золотой Элиты хоть в царской России, хоть в буржуазной Америке…

Знать о сроках и точных планах Элиты Ленин в начале 1917 года не мог, но возможное развитие событий видел.

Уже встав во главе России, Владимир Ильич возвращался к анализу роли и сути Америки в мировой политике не раз. И всегда был точен. Так, уже I конгресс ленинского Коммунистического Интернационала в своём Манифесте отмечал в марте 1919 года:

«Соединённые Штаты взяли на себя по отношению к Европе в целом ту роль, которую в прошлых войнах играла, а в последней пыталась сыграть Англия по отношению к континенту, а именно – ослаблять один лагерь при помощи другого, вмешиваясь в военные операции лишь

настолько, чтобы обеспечить за собой все выгоды положения»[173].

Ещё до этого Ленин в «Письме к американским рабочим», опубликованном в «Правде» 22 августа 1918 года, писал:

«Американские миллиардеры были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны. Они награбили сотни миллиардов долларов (с учётом экономического внедрения США в Европу Ленин преувеличивал не так уж и намного, – *С.К.*). И на каждом долларе видны следы грязи: грязных тайных договоров,… договоров о дележе награбленной добычи… На каждом долларе – ком грязи от „доходных“ военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови – из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных…»[174]

Убийственно точно!

Причём сказано – как о сегодняшнем дне…

Приходится ли удивляться, что именно янки изготовили тогда одну из наиболее известных антиленинских фальшивок – «документы Сиссона»!

Эдвард Сиссон осенью 1917 года был направлен директором некоего «Бюро общественной информации» Джорджем Крилом в Россию в качестве представителя бюро. Собственно, Сиссон был разведчиком с уклоном в провокацию.

В России Сиссон якобы добыл «с помощью английской секретной службы» документы, якобы подтверждающие связь Ленина с немецким генеральным штабом, а вернувшись в Вашингтон, в октябре 1918 года опубликовал брошюру, где воспроизводились копии этих «документов».

Проверку материалов поручили комиссии Американской ассоциации историков под председательством профессора Дж. Франклина Джеймсона, куда входил и Сэмюэль Харпер. В своих мемуарах он писал:

«Мы наотрез отказались комментировать выводы Сиссона, якобы доказанные документами, что Ленин не только имел контакт с представителями немецкого генерального штаба во время поездки через Германию, но и был немецким агентом. Мы с Джеймсоном были готовы заявить, что при данных условиях, начав социальную революцию в России, Ленин объективно содействовал противнику с военной точки зрения…»[175]

Политическую революцию в России начал не Ленин – мы это уже знаем. Вначале сама Элита начала революцию как политический переворот в целях сохранения ***прежней*** социальной ситуации, когда кучка богатых собственников возвышается над огромным большинством наёмных работников.

А уж затем Ленин блестяще использовал созданную Элитой ситуацию для придания революции не просто политического, а социального характера, ради чего он все предыдущие годы и жил.

Что же до якобы содействия противнику с военной точки зрения, то и тут американские профессора заблуждались – развал фронта стал фактом помимо Ленина, а порой российская Элита к концу лета и началу осени 1917 года прямо провоцировала военные поражения в целях военного переворота, как это было при сдаче Риги. В своём месте мы это увидим.

Но что дорого – комиссия Американской ассоциации историков ***не*** подтвердила выводов Сиссона, хотя, как пишет Харпер, «широко было распространено было мнение, что мы объявили все документы подлинными и не вызывающими сомнений». Профессорам попеняли, что их ***не*** категоричность «не поможет вызвать моральный взрыв, необходимый для мобилизации всех

наших ресурсов в интересах ведущейся борьбы»[176].

Тем не менее фальшивка Сиссона оказалась «долгоиграющей» – уже «россиянские» профессора-«историки» то и дело ей размахивают.

Вот что можно коротко сказать об «американском» аспекте ленинской темы в свете событий русского Февраля и американского Апреля 1917 года. А, подводя промежуточный итог, надо сказать, что одной из важнейших исторических заслуг Ленина перед Россией в 1917 году стало также то, что он, совершив Октябрь, отстранил от власти проамериканских политиканов и тем самым нейтрализовал намечающееся колониальное влияние Америки в России!

И, пожалуй, чтобы поставить логическую точку и подкрепить своё утверждение фактами, напомню в заключение этой главы о миссии в Россию американского сенатора Элиху Рута.

Эту миссию почему-то часто называют «военной», хотя в состав особой миссии в Россию входили представители не только военного и военно-морского ведомств, но и бизнесмены и даже профсоюзный деятель – социалист-ренегат Эдвард Рассел.

В 1908 году в качестве государственного секретаря США Рут заключил с Японией «Соглашение Рута-Такахиры», развязывавшее Японии руки в Китае, но и Рут позднее играл в политике США важные роли. Любовью к России Рут, надо сказать, не отличался (что, собственно, для элиты США всегда было нормой). В 1917 году ему было 72 года (прожил он девяносто два), и именно он был удостоен Золотой Элитой чести провести инспекцию пост-царской России на предмет её готовности продолжать войну. Опыта у Рута хватало, он зубы на внешней политике проел и сам называл себя «закалённым старым служакой».

Значение миссии Рута было подчеркнуто тем, что её глава – при живом после США в России Фрэнсисе – имел ранг чрезвычайного посла, а восемь членов миссии – ранги чрезвычайных посланников!

Миссия находилась в России с 21 мая (3 июня) по 9 (22) июля 1917 года и изучила положение дел досконально – от Владивостока до Вятки. Увы, о миссии Рута (как и о миссии Самуэля Хора, о миссии лорда Мильнера) у нас знают мало. И до удивления мало внимания этим миссиям уделили историки. А ведь эти миссии – один из «ключей» к пониманию как истории Первой мировой войны, так и вообще новейшей мировой истории. Тем более, что миссия Рута была не просто дотошной инспекцией, а знаменовала собой новый этап мировой войны.

Америка уже прямо брала верховное руководство войной на себя – как залог своего будущего верховного руководства миром после войны. И Элиху Рут приехал для того, чтобы оценить российскую ситуацию, а также сообщить в Петрограде – *кому надо*, что роль главного кредитора России переходит от Англии и Франции к США.

Думаю, что не последней задачей Рута была также подготовка таких запасных вариантов российской власти, которые были бы удобны для США. Надо было найти и обсудить пути её установления, найти и обсудить кандидатуры доверенных лиц Антанты и США в этой власти.

В частности, с учётом того, что прямой ставленник США адмирал Колчак играл важную роль в военном заговоре генерала Корнилова, можно уверенно предполагать, что в этом заговоре имелся и «американский след».

Американская журналистка Бесси Битти многое увидела в русской революции во время русской революции, и написала об увиденном книгу «Красное сердце России». Сообщила она там много любопытного и о миссии Рута, которую Битти наблюдала с первых же минут прибытия миссии (Бесси была среди встречающих бывший царский поезд, на котором приехал в Питер Рут и который американка видела в последний раз тогда, когда на этом поезде царскую семью увозили в ссылку).

Миссию и принимали по-царски, и поселили по-царски – в Зимнем дворце, где каждое утро Битти и другие иностранные корреспонденты виделись с Рутом на пресс-конференциях. Удивительные это были встречи, потому что на них Рут и репортеры поменялись местами: Рут молчал, а журналисты рассказывали ему о том, что удалось узнать. Но основную информацию Рут получал, конечно же, не от них.

«Время от времени, – сообщает нам Битти, – из Петрограда выезжали специальные миссии, чтобы на месте выяснить некоторые детали сложной ситуации. Армейские специалисты отправились на фронт, морские изучали причины неповиновения Черноморского флота, банкиры взялись за изучение степени истощенности русской казны, а верующие поехали в Москву, чтобы ознакомиться с будущим положением русской церкви»[177].

Каково?

Планы всех этих рутов Ленин в Октябре 1917 года и сорвал, чего они ему не простили тогда и не прощают до сих пор.

Сегодня на Ленина клевещут на его же Родине вновь. А наследники Элиху Рута ныне осели в «Россиянии» прочно и, так же как Рут в своё время, преследуют в России исключительно антироссийские цели. Весной 1917 года к Руту и ему подобным Россия прислушивалась больше, чем к самой себе, то есть – к Ленину.

Но что, если бы в 1917 году вся Россия прислушалась к Ленину и пошла бы за ним?

Задуматься над таким вопросом нам будет сегодня, пожалуй, не лишним…

Глава 12. Если бы Россия пошла за Лениным уже весной 1917 года

К осени 1917 года Ленин стал общенациональным вождём, причём не только в пределах Великороссии… На Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, на восточных и южных рубежах бывшей Российской империи миллионы простых людей тоже видели в Ленине вождя. Однако к такому положению вещей даже трудовая Россия пришла далеко не сразу.

Могло ли это произойти раньше – весной 1917 года или к началу лета 1917 года? И к чему это могло бы привести, как изменило бы – и изменило ли бы, историю России?

Всё, что произошло в России после возвращения в неё Ленина весной 1917 года, и всё, что совершил Ленин после возвращения в Россию до Октября 1917 года, было не историческим экспромтом, а результатом давно продуманной Владимиром Ильичом программы действий. И порой, знакомясь с ленинскими текстами, испытываешь чувство не то что удивления или ошеломления, но бываешь просто-таки ***ошарашен***.

Вот отрывок из некой ленинской работы:

«Мы говорили всё время только о систематической, планомерной подготовке, но мы отнюдь не хотели этим сказать, что самодержавие может пасть исключительно от правильной осады или организованного штурма. Такой взгляд был бы нелепым доктринёрством. Напротив, вполне возможно и исторически гораздо более вероятно, что самодержавие падёт под давлением одного из тех стихийных взрывов или непредвиденных политических осложнений, которые постоянно грозят со всех сторон».

Когда это сказано?

Может, в конце 1916 года – в предвидении событий?

Или, может, в начале 1917 года? Ведь здесь говорится фактически о Февральской революции, причём в её двойном обличье: как народного восстания («одного из… стихийных взрывов») и как «спецоперации» Элиты («непредвиденного» большевиками «политического осложнения»).

Однако это – текст не 1917 года.

Это – отрывок из ленинской статьи «С чего начать?», опубликованной в № 4 газеты «Искра» в… мае 1901 года! (ПСС, т. 5, с. 13). То есть, уже в 1901 году, молодым парнем, лишь вступая всерьёз на дорогу революционной работы, Ленин понимал всё то, что множество якобы высокоумных его соотечественников не поняло даже к весне 1917 года!

За полтора десятка лет до событий Ленин дал гениально точное предвидение того, что рано или поздно в России должно было произойти… И свою статью «С чего начать?» Владимир Ульянов закончил в 1901 году следующими словами:

«Но ни одна политическая партия, не впадая в авантюризм, не может строить своей деятельности в расчёте на такие взрывы и осложнения. Мы должны идти своим путём, неуклонно делать свою систематическую работу, и, чем меньше мы будем рассчитывать на неожиданности, тем больше вероятия, что нас не застанут врасплох никакие „исторические повороты“».

Что ж, со второй половины 90-х годов XIX века Владимир Ульянов всегда шёл своим путём, год за годом неуклонно делал свою систематическую работу, не рассчитывая на неожиданности, и вот теперь, в 1917 году, когда самодержавие пало не от правильной осады, а под давлением как стихийного взрыва в «низах», так и подготовленного в «верхах» «политического осложнения», Ленин сразу же уловил весь потенциал происходящего! Произошедший в России –

произошедший без него – «исторический поворот» не застал вождя большевиков Владимира Ленина врасплох, и, вернувшись в Россию, он знал лучше кого бы то ни было, что надо делать, с чего начать, и чем продолжить…

Так с чего предлагал начать Ленин, вернувшись на Родину? Напомню суть его Апрельских тезисов:

1. Пока в России у власти находится правительство Львова и К^0 война со стороны России остаётся грабительской, империалистической войной в силу капиталистического характера этого правительства. Поэтому: никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний…

2. Советы рабочих депутатов есть *единственно возможная* форма революционного правительства. Не парламентарная республика – возвращение к ней от Советов было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

3. Дальнейшую войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, Россия может вести лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве со всеми интересами капитала…

4 Постоянную армию необходимо заменить всеобщим вооружением народа. Необходимо ограничить чиновничество и платить всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

5. Необходимы конфискация всех помещичьих земель и национализация *всех* земель в стране при распоряжении землёй местными Советами батрацких и крестьянских депутатов…

6 Необходимо создание образцового хозяйства из каждого крупного имения под контролем батрацких депутатов и на общественный счёт.

6. Необходимо немедленное слияние всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны Советы рабочих депутатов, без «введения социализма» как *непосредственной* задачи, но с переходом *контроля* за общественным производством и распределением продуктов к Советам рабочих депутатов.

Это была программа ясная, честная и, при всеобщем желании, – выполнимая. Главное же, это была программа, ***спасительная*** для России, ***уже*** впавшей в жесточайший комплексный кризис!

Конечно, эта программа не устраивала элиту, имущее привилегированное меньшинство, однако оно составляло не более двух-трёх процентов населения России. Что же до остальных девяноста семи процентов, то ленинская программа весны 1917 года была нужной и благодетельной:

– для крестьянства, за исключением ~ 5 % кулацкой верхушки;

– для рабочих, за исключением -4 ~ 5 % «рабочих аристократов» из числа мастеров и т. п.;

– для трудовой интеллигенции, за исключением дорогих адвокатов, модных врачей с богатой практикой, высшего слоя инженеров, участвующих в промышленных прибылях, высшей профессуры и прочих «интеллектуалов», занимавших в табели о рангах весьма высокие места надворных, коллежских, а то и статских советников…

Что предлагал России Ленин весной 1917 года?

Конец войне…

Выборная сверху донизу власть в интересах трудящихся масс…

Земля тем, кто её обрабатывает…

Заводы и фабрики – под контроль тех, кто производит на них материальные ценности…

Общественный контроль за общественным распределением продуктов…

Вот что предлагал Ленин России весной 1917 года!

И что здесь было кровавого, изменнического, людоедского?

Причём относительно последнего предложения Ленина – общественного контроля за общественным распределением продуктов, напомню, что в России уже к началу 1917 года – без усилий Ленина – царили дороговизна при нередко искусственно взвинченных ценах, и нехватка самого необходимого.

Мы уже знакомы с крупным русским экономистом Николаем Кондратьевым, и было бы полезно познакомиться с его книгой «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции». В ней Кондратьев свидетельствовал: стремление кулаков и крупных помещиков придерживать хлеб вынудило перейти к политике принудительной продразвёрстки уже царское правительство.

И не большевики, а царское правительство 29 ноября 1916 года впервые ввело понятие «принудительная продразвёрстка», выпустив постановление «О развёрстке зерновых хлебов и фуража». Причина такой меры была понятна! Того мужика, который, недоедая, кормил Европу и при этом – как-никак – кормил ещё и себя и свою семью, теперь надо было самого кормить за счёт государства, потому что миллионы мужиков сидели в окопах.

Временное правительство, продолжая эту линию, объявило хлебную монополию: хлебные излишки объявлялись государственной собственностью и торговля ими запрещалась. То есть, большевики, взяв власть, всего лишь продолжили, ужесточив, продовольственную политику не только Временного правительства, но даже царизма – проблема-то существовала объективно!

Царизм за последние 8 месяцев своего существования заготовил 365 миллионов пудов зерна, Временное правительство за примерно тот же срок пребывания у власти – 360 миллионов пудов зерна…[178]

Забегая вперёд, сообщу, что Советская власть заготавливала зерна по продразвёрстке меньше, чем её предшественники: в первом году революции, до введения продразвёрстки, было заготовлено около 50 миллионов пудов хлеба, во втором по продразвёрстке – свыше 100 миллионов пудов, и в третьем – свыше 200 миллионов пудов. Снижение «советских» цифр заготовки по сравнению с царскими и «керенскими» объясняется и всё большим разрушением инфраструктуры, и анархизацией страны, и её частичной оккупацией, и резко возросшим дефицитом промышленных потребительских товаров, которые государство могло бы обменивать на хлеб, и сопротивлением «верхов» деревни…

Ожесточённое же сопротивление «верхов» деревни советской продразвёрстке – чего не было при царе и Керенском, объяснялось классовой враждой кулака к новой власти. Кроме того, серьёзной проблемой для Советской власти стало развитие мешочничества, то есть – нелегальных рыночных заготовок хлеба.

Впрочем, я очень уж забежал вперёд, и вернёмся в весну 1917 года…

Возьмём, например, ленинский лозунг: «Мир без аннексий и контрибуций». Это ведь был и честный, и мощный лозунг! Весной и летом 1917 года буржуазная пресса честила Ленина за него «германским шпионом», а этот ленинский лозунг отозвался неожиданным резонансом даже на Тегеранской конференции 1943 года. Там, когда возник вопрос о послевоенных компенсациях Советскому Союзу со стороны Финляндии, союзницы Германии, Черчилль – один из тех, кто готовил и Первую, и Вторую мировые войны, и интервенцию в Россию, заявил:

«Я думаю, что ущерб, причинённый финнами России во время войны Финляндии в союзе с Германией, превосходит всё, что эта бедная страна в состоянии возместить. Когда я об этом говорю, в моих ушах звучит советский лозунг „Мир без аннексий и контрибуций“. Я помню этот лозунг со времён революции в России…»

Иными словами, Черчилль пытался использовать формулу Ленина, оправдывая своё

желание добиться послаблений Финляндии со стороны страны Ленина. То ли фарисейски, то ли и впрямь, Черчилль не понимал, что в первом случае речь шла о взаимно империалистической войне, где у России не было моральных преимуществ, а во втором случае финны выступали на стороне агрессора, и Россия имела моральное право на компенсацию.

Сталин тогда удачно отшутился – мол, он становится консерватором[179].

Но существенно то, что Черчилль помнил о формуле Ленина.

Да, всё они помнили и помнят! Это мы то и дело оказываемся Иванами, не помнящими родства с великой Россией Ленина и Сталина, а иностранные недруги Ленина, Сталина и России помнили и помнят…

Всё!

Вернёмся всё же в 1917 год.

Весной 1917 года – 23, 26 и 27 апреля (6, 9 и 10 мая), в газете «Волна» была опубликована работа Ленина «Политические партии в России и задачи пролетариата». Затем она была издана отдельной брошюрой.

Эта ленинская работа – великолепный пример того, как должен работать с массой политик, действующий в её интересах, как он должен её убеждать. Владимир Ильич задавал сам себе 27 вопросов: «Каковы главные группы политических партий в России?»; «Какой класс представляют эти партии…?»; и т. д., и сам же давал на них ответы, имея в виду четыре группы партий.

Девятым вопросом шёл следующий: «Надо ли созывать Учредительное собрание?

И Ленин отвечал на него в апреле 1917 года – за все четыре партии – так:

„А (правее кадетов). Не надо, ибо оно может повредить помещикам. Неровен час, крестьяне в Учредительном собрании решат, что все земли следует отобрать у помещиков.

Б (кадеты). Надо, но срока не назначать. Подольше обсудить с профессорами-юристами, ибо, во-1-х, ещё Бебель сказал, что юристы самые реакционные люди на свете, а. во-2-х, опыт всех революций учит, что ***дело народной свободы гибнет, когда его вверяют профессорам*** (жирный курсив мой, – *С.К.*)“

В (меньшевики и эсеры). Надо и поскорее. Надо назначить сроки, мы уже 200 раз говорили об этом в контактной комиссии и завтра же поговорим в 201 раз окончательно.

Г(большевики). Надо и поскорее. Но гарантия его успеха и созыва одна: увеличение числа и укрепление *силы* Советов рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов: организация и *вооружение* рабочих масс – единственная гарантия»

Не могу не привести и ленинский ответ на ленинский же вопрос № 27 «Какого цвета знамя соответствовало бы природе и характеру различных политических партий?»:

«А (правее кадетов). Чёрное, ибо это настоящие черносотенцы.

Б (кадеты). Жёлтое, ибо это международное знамя рабочих, служащих капиталу не за страх, а за совесть.

В (меньшевики и эсеры). Розовое, ибо вся их политика есть политика розовой водицы.

Г(большевики). Красное, ибо это есть знамя всемирной пролетарской революции»[180].

Вот что предлагал России и вот что говорил Ленин России сразу же после возвращения в Россию.

В политической реальности нынешней России чёрное знамя подошло бы Жириновскому, жёлтое – «Единой России», розовое – «Справедливой России»… Красное же знамя – знамя коммунистов, является естественным знаменем КПРФ.

Ленин, смлада встав под Красное знамя, ему не изменил никогда и ни в чём! Но почему же программа Ленина весны 1917 года спасительная для дела мира, для стабилизации общественной и экономической жизни в России не стала программой общества?

Увы, исключительно потому, что имущее меньшинство, чьи интересы обслуживали правящие тогда бал в России политиканы, а также образованная часть общества, крупные и мелкие буржуазные газеты, духовенство и т. д. и т. п., плюс – меньшевики и эсеры, дружно встали стеной против Ленина и его идей и сделали всё для того, чтобы народ не поверил Ленину.

Народ постепенно – самуй силой вещей, начинал приходить к пониманию правоты Ленина, и к осени 1917 года трудящееся большинство в большинстве своём его правоту осознало – иначе ленинский Октябрь не имел бы успеха. Но время для возможной быстрой и мирной стабилизации России было упущено.

Упущено не Лениным, а Россией, и упущено по вине не Ленина, а по вине образованных слоёв, которые вскоре первыми от этого и потерпели!

Руководство первым Советом рабочих депутатов – Петроградским, рабочие отдали меньшевику Чхеидзе, большевики были там в абсолютном меньшинстве. После возвращения Ленина в Россию, он был сразу же избран членом Петросовета, но – не более того!

А если бы рабочая и крестьянская масса не были сбиты с толку всеми этими чхеидзе, церетели, скобелевыми, керенскими, черновыми и т. д.? Если бы по приезде Ленина и обнародования его Апрельских тезисов народная масса настояла на перевыборах председателя Петросовета?

И если бы им уже весной 1917 года был избран Ленин?..

Или, представим себе, что открывшийся 3 июня 1917 года 1-й Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, образовавший Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, избрал бы его председателем не меньшевика Чхеидзе, а большевика Ленина…

Что было бы тогда?

Что ж, если бы все эти – вполне возможные, в принципе – «если бы» реализовались, то история новой России была бы совершенно иной! Без тех крови и разрухи, которые как начались при царе, так и ещё больше усугубились саботажем имущих летом и осенью 1917 года.

Это была бы история новой России и без Гражданской войны.

В своих публичных выступлениях Ленин был вынужден подчёркивать, что большевики против сепаратного мира с Германией.

Если бы он говорил иначе, то вся интеллигентская – чиновно-адвокатско-журналистско-профессорская – сволочь, которая и так на все лады распевала песню о «пломбированном вагоне», потребовала бы для Ленина и его партии самосуда! Тогда только и криков было, что о «революционном оборончестве», о «войне во имя свободы до победного конца», а военный заём Временного правительства был назван «займом свободы»…

Хотя для России был бы, вообще-то, благом и сепаратный мир с Германией. Но нет же – сама мысль Ленина о том, что войну надо кончать не чьей-либо победой, а общим для всех миром – простая и верная мысль, не только не была воспринята образованными слоями России с энтузиазмом, она была освистана и ошикана.

В вонючих, заплывающих кровью, окопах сидели мужик и рабочий, не понимая – за что воюют? Или – уже поняв, что воюют ***ни за что***… А рафинированные интеллигенты типа академика Готье ныли в дневниках о «народе-пораженце», якобы неспособном «защитить свободу»…

Я ещё не раз вернусь к такой типичной для старой России фигуре академика Готье, а пока скажу, что читал дневники этого крупнейшего русского индолога, относящиеся ко временам революции и гражданской войны, со смешанным чувством недоумения, горечи и отвращения – настолько был неправ и мелок Готье в своих текущих и перспективных оценках судеб России.

Рассмотрим лишь один ленинский виртуальный, но вполне реализуемый – при всеобщем желании – поворот в жизни России в 1917 году. Речь – об отношении к войне…

До весны 1917 года большевики не имели такого влияния в широких народных массах, которое играло бы ***решающее*** значение для массовых умонастроений и хода политического процесса в России. Напомню, что первый состав даже столичного Петроградского Совета рабочих депутатов был не большевистским, а подавляюще эсеро-меньшевистским, как и состав делегатов Первого Всероссийского Съезда Советов. При этом интересы масс – и отнюдь не только «низов», объективно выражали ***только*** большевики!

Чтобы убедиться в этом, познакомлю читателя с письмом некоего раненого офицера. Это письмо приводит поэт Александр Блок в своих выписках из документов учреждённой Временным правительством Чрезвычайной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров царского правительства:

«Очень интересный документ представляет письмо какого-то раненого офицера, посланное из Москвы 25 января Протопопову (копия Милюкову). Автор письма говорит, с одной стороны, что надо… послать Милюковых и Маклаковых в окопы, чтобы они перестали работать на оборону и увидели, что такое война: легко им из кабинета предлагать воевать „до победного конца“. С другой стороны, офицер считает, что нельзя продолжать войну и надо заключить мир, пока нет ни победителей, ни побеждённых. „Если мир не будет заключён в самом ближайшем будущем, то можно с уверенностью сказать, что будут беспорядки… Люди, призванные в войска, впадают в отчаяние… не из малодушия и трусости, а потому, что никакой пользы от этой борьбы они не видят“…»[181]

Ну, допустим, что одно письмо – это всего лишь одно письмо… Но тот же Блок в реальном масштабе времени, в письме матери от 19 июня 1917 года, писал о впечатлениях от присутствия на пленарном заседании открывшегося в Петрограде I Всероссийского съезда Советов рабочих солдатских депутатов… Съезд приветствовал представитель Американской Конфедерации Труда (АФТ) – соглашательского профсоюза США и «долго поучал собрание, …обещал всякую помощь, только бы мы воевали…»

Американцу «для приличия» поаплодировали.

Но когда меньшевик (даже меньшевик!) Чхеидзе в ответ заметил: «Вы вот помогите нам главное поскорее войну ликвидировать», то «тут уж, – писал Блок, – аплодисменты были не американские»[182].

Иными словами, господствующим настроением было одно: войну надо кончать! А говорил об этом из ведущих политиков только Ленин!

Ленин ставил вопрос о войне не «бочком» – как Чхеидзе, а прямо, ***в лоб***! И если бы вся Россия – и Россия образованная, и Россия трудящаяся, весной 1917 года прислушалась к Ленину и потребовала от Временного правительства Львова и Керенского, от председателя ВЦИК съезда Советов Чхеидзе немедленно заявить союзникам по Антанте, что Россия не намерена более воевать, и что если союзники будут глухи к позиции России, она предложит сепаратные переговоры Германии, то…

То прекращение войны весной или летом 1917 года путём переговоров было бы вполне возможно. Во всяком случае – для России.

9(22) мая 1917 года Ленин опубликовал в «Правде» статью «Фактическое перемирие», где приводил слова министра-председателя Львова, заявившего: «страна должна сказать своё властное слово и послать свою армию в бой». Львов также возмущался тем, что на фронте установилось «фактическое перемирие»…

«Что же дурного в фактическом перемирии? – спрашивал Ленин. – Что дурного в том, что бойня приостановилась? Миллионы людей перебиты и искалечены на войне. Бедствия, причинённые войной человечеству, и особенно трудящимся массам, неслыханны. Капиталисты наживают на войне скандально высокие прибыли. Солдаты истерзаны и измучены до последней

степени…»[183]

Разве Ленин был неправ?

И разве он был в чём-то неискренен и нелогичен, развивая свою мысль дальше:

«Нам возражают, что перемирие установилось только на одном фронте и что поэтому оно грозит сепаратным миром. Но это возражение явно несостоятельное. Ибо если ни русское правительство, ни русские рабочие и крестьяне *не хотят* сепаратного мира с германскими капиталистами (против такого мира наша партия, как известно, тоже протестовала не раз…) – если никто в России не хочет сепаратного мира с сепаратными капиталистами, то как, откуда, каким чудом может прийти такой мир? Кто может навязать его?

…Далее. Почему фактическое перемирие на одном фронте „грозит“ сепаратным миром на этом фронте, *а не грозит распространением фактического перемирия на все фронты?*»

Что здесь неверного? И что неверного и вредного для народа России было в следующем развитии ленинской мысли:

«Фактическое перемирие есть состояние неустойчивое, переходное. Это бесспорно. Переходное к чему? К сепаратному миру оно не может привести, раз *нет* на это обоюдного согласия двух правительств или двух народов. Но почему бы такое перемирие не могло быть переходом к фактическому перемирию на *всех* фронтах?

…Братание на одном фронте может и должно быть переходом к братанию на всех фронтах… Народы отдохнули бы от бойни»[184].

Ленин аргументированно опровергал утверждение, что перемирие на фронтах поможет Германии – стоящей накануне «растущего голода, краха, разрухи», и заявлял:

«Две программы стоят перед русским народом. Одна – программа капиталистов, перенятая Черновыми и Церетели. Это – затягивание бойни.

Другая программа – программа революционных рабочих всего мира, защищаемая в России нашей партией. Это программа: развязать братание (не позволяя немцам обманывать русских), брататься обменом воззваний, и… распространить братание и фактическое перемирие на все фронты; ускорить переход власти в России в руки Советов…; ускорить этим заключение действительно справедливого… мира в интересах трудящихся»[185].

Да. всё могло пойти иначе…

Если бы Россия вышла из войны, – даже сепаратным образом, весной 1917 года, то уже весной 1917 года русские мужики не рыли бы окопы, а сеяли и пахали! И даже если бы мир был заключён к лету 1917 года, всё равно мужицкие руки очень пригодились бы полуразваленному российскому сельскому хозяйству. А это означало бы, что к осени 1917 года Россия получила бы новый хороший урожай, а это исключало бы угрозу голода.

Если бы весной 1917 года была проведена честная земельная реформа и помещичьи земли были честно разделены, то не было бы ожесточения лета 1917 года…

Не было бы и разрастания националистического сепаратизма – во всяком случае, в том виде, в котором он развился к концу 1917 года…

Всё это было возможно! Но возможно лишь в том случае, если бы Россия прислушалась к Ленину и уже весной 1917 года пошла бы за Лениным.

Это, конечно, означало бы, что Временное правительство «выходит в тираж», как и руководящие меньшевики и эсеры, и в России устанавливается правительство Ленина, провозглашающее через немедленное Учредительное собрание демократическую республику – не парламентскую республику, а республику Советов!

Если бы Россия вышла из войны весной или летом 1917 года – как требовали большевики, то не развалилась бы, а сохранилась бы русская армия… И если бы Россия приняла к лету 1917 года власть Ленина, не было бы ни германской, ни иной интервенции – Ленин ведь был

пораженцем лишь в части царской и капиталистической России, а по отношению к народной России он всегда был оборонцем! Не разваленная армия обеспечила бы оборону России под рукой Ленина, как главы демократической республики.

В условиях, когда поляризация общества ещё не была выражена так чётко, как это произошло к Октябрю 1917 года, реформы правительства Ленина были бы менее радикальными, чем после Октября 1917 года. Тем не менее, на базе демократической республики Ленин мог бы бороться за республику уже полноценно социалистическую в рамках нарастающей народной поддержки…

Почему же вышло не так, как предлагал Ленин?

Что ж, ответ очевиден, и я его повторю… Ясная и вполне мирная ленинская перспектива для России была отвергнута, прежде всего – в силу антинародной и антинациональной политики тех слоёв, которые называют образованными и интеллигентными, но которые точнее назвать интеллигентствующей «образованщиной»…

Что смогли бы Львов и Керенский без поддержки «профессуры» в 1917 году? А она ведь почти поголовно поддержала Керенского и «временных», а не Ленина и большевиков.

(В скобках замечу: что смог бы без поддержки той же «профессуры» Ельцин в 1991 году? Она ведь почти поголовно поддержала Ельцина и «демократов», а не Советский Союз и тех коммунистов, которые хотели его спасти!)

Что смогли бы Керенский (и Ельцин) без поддержки вообще российской интеллигенции? В 1991 году она распространяла о Ленине грязные, лживые слухи… Но и в 1917 году она взахлёб, почти поголовно, поддержала Керенского и «временных»… О Ленине же распространяла грязные, лживые слухи.

А потом началось «хождение по мукам» – интеллигенция больше всего от гражданской войны и пострадала.

Февраль 1917 года был явлением по своим причинам неоднозначным. Но вот Февраль – так или иначе – состоялся. В России свергнуто самодержавие, страна бурлит, она на перепутье…

Лозунг дня – Учредительное собрание. Большевики настаивали на скорейшем созыве Учредительного собрания, но, по мнению Ленина, Учредительное Собрание должно было окончательно узаконить всероссийскую власть Советов.

Уже в начале апреля 1917 года Ленин писал об Учредительном Собрании: «Гарантия его успеха и созыва одна: увеличение числа и укрепление *силы* Советов рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов: организация и *вооружение* рабочих масс – единственная гарантия».

Опасаясь радикального Собрания, Временное правительство с выборами тянуло, как тянул с ними и соглашательский ЦИК съезда Советов… И, забегая опять вперёд, сообщу, что 19 августа (1 сентября) 1917 года в статье «За деревьями не видят леса» Ленин возмущался:

«Какую бесконечно грязную лакейскую роль сыграл ЦИК Советов, т. е. господствующие в нём эсеры и меньшевики, в деле отсрочки созыва Учредительного собрания! Кадеты дали тон, бросили идею отсрочки… Меньшевики и эсеры петушком побежали за кадетами, как собака поползли на хозяйский свист, под угрозой хозяйского кнута…

Вместо того чтобы дать народу простую сводку фактических данных, показывающих, как нагло, как бесстыдно кадеты оттягивали и тормозили с марта дело Учредительного собрания, … Бюро ЦИК быстро отбросило „сомнения“, выдвинутые даже Даном (даже Даном!) и послало двух лакеев от этой лакейской коллегии, Брамсона и Бронзова, во Временное правительство с докладом „о необходимости отсрочить выборы в Учредительное собрание до 28–29 октября…“ Великолепное введение к коронации бонапартистов Земским собором в Москве…»[186]

Под «коронацией бонапартистов» Ленин имел в виду шашни вокруг генерала Корнилова, о

чём в своём месте будет сказано. И поскольку на 12 (25) сентября 1917 года было назначено Демократическое совещание, Ленин осенью 1917 года написал ещё и статью «Как обеспечить успех Учредительного собрания (О свободе печати)».

Как это часто бывает у Ленина, и на этот раз идеи его статьи 1917 года актуальны для российской политической ситуации XXI века. Ленин предлагал, во-первых, подорвать монополию капитала на средства массовой информации введением ***государственной монополии на частные объявления в газетах***. Ленин спрашивал: «Почему „революционная“ демократия обязана терпеть такую вещь, как обогащение на частных объявлениях богачей, сторонников Корнилова, распространителей лжи и клеветы против Советов?»

Подобная государственная и муниципальная монополия очень оздоровила бы обстановку и в нынешней путинской России, да и прибавку в казну и местные бюджеты дала бы неплохую.

Кроме того, Ленин предлагал квотный подход к средствам массовой информации – тоже необходимый сегодняшней России:

«Государственная власть, в виде Советов, берёт все типографии и всю бумагу и распределяет её справедливо: на первом месте – государство, в интересах большинства народа…

На втором месте – крупные партии, собравшие, скажем, в обеих столицах сотню или две сотни тысяч голосов.

На третьем месте – более мелкие партии и затем любая группа граждан, достигшая определённого числа членов или собравшая столько-то подписей…»[187]

Сегодня можно было бы устанавливать квоту на СМИ в соответствии с процентным составом Государственной Думы, но я опять заскочил на век вперёд!.. Говоря же о 1917 годе, подчеркну, что если бы Учредительное собрание созвали весной 1917 года – когда у Ленина не было решающей поддержки в массах, в том числе – в Петроградском Совете и на Съезде Советов, то такое собрание образца весны 1917 года, никак не было бы ленинским. Тем не менее, Ленин торопил с созывом Учредительного собрания, видя в нём – ***тогда*** – гарантию власти Советов, пусть пока и эсеро-меньшевистских.

Учредительное Собрание весны 1917 года должно было провозгласить власть Советов – так себе представлял это Ленин. Отказ же от созыва Собрания весной 1917 года программировал рост в обществе напряжённости и вёл к его дестабилизации.

Ленин ли в том был виноват?!

Когда же Учредительное собрание было, наконец в ноябре 1917 года избрано – в дестабилизированном обществе, после установления власти Советов, ситуация изменилась принципиально. Созванное в январе 1918 года, Учредительное собрание оказалось ненужным, ибо не смогло подняться до единственной своей исторически состоятельной задачи – утвердить власть Советов.

Но об этом и было уже сказано, и ещё будет сказано позднее.

Вспомним – что предлагал Ленин России в Апрельских тезисах?

Он предлагал восьмичасовой рабочий день; мир; землю и рабочий контроль. То есть, вначале он выдвигал лишь требование рабочего контроля, но – не передачи рабочим фабрик и заводов.

16(29) и 17(30) мая 1917 года Ленин впервые поднимает публично вопрос о грозящей России катастрофе – в статье «Неминуемая катастрофа и безмерные обещания». И вот что там – кроме прочего, было сказано «Для капиталистов и для чиновников *выгодно* давать „безмерные обещания“, отвлекая внимание народа от главного, именно: от перехода действительного контроля в руки действительно рабочих.

Рабочие должны отметать прочь фразёрство, обещания, декларации… Долой это лганье!.. Долой эту манеру класть дело под сукно! Рабочие должны требовать *немедленного*

осуществления контроля *на деле* и притом *обязательно через самих рабочих*.

Это – главное для успеха дела, дела спасения от катастрофы. Раз этого нет, всё остальное – обман. Раз это будет, мы вовсе не станем торопиться взять „100 процентов прибыли“. Мы можем и должны быть умереннее, переходить *постепенно* к более справедливому обложению, мы отделим акционеров мелких и акционеров богачей, мы возьмём *совсем мало* с первых, мы возьмём очень много (но не обязательно всё) *только* со вторых…»[188]

Как видим, Ленин был тогда вполне умерен. И когда он реально встал во главе России, Советская власть вначале так и поступила – умеренно, приняв Декрет о рабочем контроле. Лишь после того, как хозяева начали этот декрет массово саботировать или игнорировать, в 1918 году началась повсеместная национализация промышленности…

Ленин высказал в мае 1917 года и ещё одну верную мысль:

«Число крупнейших акционеров ничтожно; роль их, как и общая сумма богатства у них, – *громадна*. Не боясь ошибиться, можно сказать, что если составить список *пяти или даже трёх тысяч* (а может быть даже и одной тысячи) самых богатых людей в России или проследить (при помощи контроля снизу, со стороны банковских, синдикатских и прочих служащих) все нити и все связи их финансового капитала, то откроется весь узел господства капитала, вся главная масса богатства, накопленного на счёт чужого труда, все действительно важные корни „контроля“ за общественным производством и распределением продуктов.

Вот *этот* контроль надо передать рабочим…»[189]

Что здесь неверного?

И что нереального было здесь для Временного правительства России – если оно, как уверяло, действовало в интересах народа?

Что, спрашивается, здесь нереального и для нынешнего правительства Российской Федерации – если оно начнёт действовать в интересах народа?

Весной 1917 года Ленин был готов в рамках демократической республики отдавать крупному капиталу часть его прибылей на условии предоставления этим капиталом в распоряжение народа своего опыта по управлению экономикой России. И если бы не жадность капитала, уже к лету 1917 года Россия под рукой Ленина могла бы, покончив с войной, перейти к экономическому и социальному строительству.

Конечно, и в такой России Ленина – не радикальной, крупные капиталистические собственники перспектив не имели бы и были бы системно обречены. Однако их уход с исторической и экономической арены мог бы произойти без особых эксцессов.

Капитал решил иначе, как иначе решили и его прихлебатели в лице кадетов, эсеров и меньшевиков. Жаль, что Россия в них не разобралась хотя бы к лету 1917 года…

Напомню важнейшую, если вдуматься – ключевую для понимания русского 1917 года, мысль Ленина, публично высказанную им 1 марта 1920 года на I Всероссийском съезде трудовых казаков. Обращаясь к «бывшим», он сказал тогда: «Нашёлся ли бы на свете хоть один дурак, который пошёл бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?»[190]

Увы, «временные» правители и соглашатели пойти на широкую социальную реформу не захотели. Не рискнула требовать её уже весной 1917 года и трудовая Россия…

Чем и обеспечила себе целый «букет» будущих бед.

Весной 1917 года только Ленин и большевики видели верный путь выхода из углубляющегося кризиса, но не они тогда были властителями дум. И вот тому впечатляющий пример…

Крупный русский экономист Николай Кондратьев, автор ценимой Лениным книги «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции», 17 мая 1917 года опубликовал в правоэсеровской газете «Воля народа» статью, основой которой стала его же речь на

Всероссийском Совете крестьянских депутатов. Излагая содержание резолюций от областей, от фракций, партий и отдельных лиц, Кондратьев говорил (писал):

«Все резолюции признают, что при современных условиях производства и передвижения товаров и вообще продуктов не может быть и речи о свободной конкуренции как главной регулирующей силе. Свободная игра частных интересов, свободная конкуренция не сможет обеспечить страну и армию. Она лишь даст почву спекулятивной игре, неравномерности в распределении благ и общему недовольству. Вот почему необходимо государственное регулирование народнохозяйственной жизни…»[191]

Далее Кондратьев анализировал различные резолюции… Так, относительно предложений (отнюдь не большевиками) введения твёрдых цен и государственной монополии на керосин, ткани, кожи, железо и т. д., он резонно заявлял, что этого недостаточно.

Вносились резолюции, призывавшие к расширению сельскохозяйственного производства, к улучшению дела транспорта, углублению рек, но это были в тех условиях не более чем благие пожелания, как и предложение представителя Тамбовской губернии о переходе частных железных дорог в руки государства… Реализовать такое предложение «Временные» могли, но не желали.

И только большевики, опять-таки, были готовы это сделать.

Ряд резолюций крестьянских депутатов (отнюдь не из слабой в крестьянском Совете фракции большевиков) призывал к установлению ***всеобщей трудовой повинности*** – ни больше, и не меньше! Кондратьев эти резолюции лишь отметил, не комментируя.

Он, правда, отмечал, что крестьянские депутаты «протестуют против производства и ввоза предметов роскоши» и признавал:

«Силы народа иссякают. Народ несёт огромные жертвы кровью, трудом, имуществом. В такое время не должно быть места роскоши. Не должно быть и места сказочным военным прибылям. Тяжесть войны должна упасть и на плечи богатых капиталистов (ага, держи карман шире! – *С.К.*). Прибыли их должны быть ограничены, и значительная их часть должна пойти на нужды народного хозяйства и армии»[192]

Приходится удивляться то ли наивности, то ли наглости кондратьевых, произносивших в 1917 году подобные проповеди (они их, впрочем, произносят и в 2014 году), не понимая, что в условиях буржуазной России призывы к имущим являются пустой болтовнёй…

И это – вместо того поддержать предложение Ленина об опубликовании прибылей капиталистов и аресте на несколько недель 50 или 100 крупнейших миллионеров для того, чтобы заставить их «вскрыть нити, обманные проделки, грязь, корысть».

Но что показательно!

Кондратьев с одной стороны, отдельно остановился на резолюции, как он сам признал, «весьма малочисленной фракции Совета с.-д. большевиков», и излагал её так (жирный курсив мой):

«Она идёт ещё дальше ***и сходит с общей линии***. Она настаивает на переходе всей земли и власти сейчас же в руки народа, полной подконтрольности фабрик, заводов и продовольственного дела Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов…»

С другой стороны Кондратьев резюмировал:

«Из сказанного видно, что исключая резолюцию большевиков, ***все остальные*** расходятся лишь в частностях: они лишь дополняют друг друга…»[193]

Иными словами, взгляды большевиков весной 1917 года резко отличались от взглядов большинства, для которого объективно были благодетельными лишь взгляды большевиков. В мае 1917 года Ленин с его радикальными (а точнее – единственно разумными) взглядами, ещё не воспринимался даже трудовой Россией как её спаситель.

Спасителей и вождей видели в других.

Но сама жизнь доказывала несостоятельность буржуазных «рецептов» и «резолюций», и спасительность ленинских «рецептов».

Вот на чём рос авторитет Ленина и его партии – на их правде и понимании нужд народа, а не на субсидиях германского генштаба!

3(16) июня 1917 года в Петрограде открылся I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Он не дал власти Ленину, большинство в избранном съездом Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете получили меньшевики – чхеидзе и даны, которые лишь измарали и истрепали свою власть зазря.

25 октября (7 ноября) 1917 года в том же Петрограде открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. И он дал власть Ленину.

Жаль, что этого не произошло полугодом раньше… Насколько проще тогда было бы России решить свои больные проблемы мирным, «седловым» способом. И жаль, что этого не поняли многие современники Ленина, претендовавшие на глубину и точность анализа. Скажем, поэт Максимилиан Волошин в мае 1920 года писал в своей статье «Россия распятая»:

«Эпоха Временного правительства психологически была самым тяжёлым временем. Февральский переворот фактически был не революцией, а солдатским бунтом, за которым последовало быстрое разложение государства. Между тем, обречённая на гибель русская интеллигенция торжествовала Революцию, как свершение своих исторических чаяний… Правда – страшная, но зато подлинная, обнаружилась только во время октябрьского переворота… Когда в октябре 17-го года с русской Революции спала интеллигентская идеологическая шелуха и обнаружился её подлинный лик, то сразу начало выявляться её сродство с народными движениями давно отжитых эпох русской истории… Прежде всего проступили черты Разиновщины и Пугачёвщины…»[194]

Волошин умел видеть остро, но, увы, не умел видеть глубоко.

Конечно, в то время и более проницательные люди могли лишь догадываться о подоплёке февральских событий, полностью подготовленных партиями крупного капитала вкупе с английским послом Бьюкененом. Ленин понял это сразу, но – на то он и был Ленин! Однако так ли уж сложно было понять ***умному*** современнику, что Октябрь Ленина не был по своей сути отголоском пугачёвщины?

Неужели было непонятно – после знакомства со всем тем, что Ленин говорил России ***с самого момента возвращения на родину*** – что Октябрь Ленина прямо противоположен пугачёвщине уже потому, что пугачёвщина была стихией, а ленинский Октябрь – обузданием той стихии, которую вызвали к жизни провалы царизма и «временного» российского капитализма?

Ленин с юности работал не во имя прихода в жизнь России нового Пугачёва. Ленин работал для того, чтобы в Россию пришёл день пролетарской революции. Однако в оценке ситуации он всегда старался мыслить трезво, а если и был в какие-то моменты чересчур оптимистичен в своих надеждах, никогда не позволял, чтобы эти надежды решающим образом влияли на его текущую политику, на его действия.

Уже с начала своей политической жизни Ленин был не романтиком, а аналитиком. Он не отрицал значения романтики и не был сухарём, но всегда был, так сказать, ***практическим*** романтиком революции – с самого начала!

А, кстати, каким было это начало?

Что ж, совершив необходимый экскурс в деятельность Ленина как практика революции в 1917 году, нам пора опуститься по шкале времени в те годы, когда начиналось формирование поразительного человеческого явления, которое получило в мировой истории имя «Ленин».

Итак, вперёд и вверх – к истокам…

Глава 13. Прошения Ивану Делянову и письмо Петру Маслову

В 1887 году Владимир Ульянов, сын скончавшегося за год до этого директора народных училищ Симбирской губернии действительного статского советника Ильи Николаевича Ульянова, оканчивал гимназию.

18(30) апреля он написал прошение о допущении его к экзаменам на аттестат зрелости на имя директора гимназии Ф. М. Керенского (отца будущего «временного» премьера России Александра Керенского), и в мае начал сдавать выпускные экзамены.

А 8(20) мая 1887 года в Шлиссельбургской крепости после следствия по делу о подготовке покушения на императора Александра III был повешен – в 21 год, старший брат Владимира – Александр. Подробнее об этом будет сказано позднее, в своём месте.

В июне 1887 года Владимир Ульянов окончил Симбирскую гимназию с золотой медалью, а в августе поступил на первый курс юридического факультета Императорского Казанского университета.

Однако «гладкая» жизнь Владимира в царской России продолжалась недолго – уже 4(16) декабря того же года он участвует в студенческой сходке в университете, в ночь с 4 на 5 декабря его арестовывают, а 5 декабря 1887 года он подаёт прошение ректору об отчислении его из числа студентов Казанского Университета:

«Не признавая возможным продолжать моё образование в Университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов»[195].

7 декабря 1887 года Ульянов высылается в деревню Кокушкино Казанской губернии под негласный надзор полиции. В этой, находящаяся верстах в 40 от Казани, деревне было имение, приобретённое в своё время дедом Владимира по матери – Александром Дмитриевичем Бланком. В Кокушкино тогда жила и старшая сестра Владимира Анна, которой пятилетний гласный надзор в Сибири был заменён высылкой в деревню по ходатайству матери. Как видим, покорных жандармствующей России детей в семье Ульяновых не водилось.

Жизнь, однако, продолжалась, и 9 мая 1988 года бывший студент Императорского Казанского Университета Владимир Ульянов подал прошение на имя министра народного просвещения Ивана Делянова с просьбой вновь поступить в университет. Но это прошение отклоняется с припиской на полях: «*Уж этот не брат ли того Ульянова? Ведь тоже из Симбирской гимназии? Отнюдь не следует принимать*».

31 августа мать Владимира, воспользовавшись визитом в Казань Делянова, добилась аудиенции у него, прося, чтобы сыну разрешили учиться если не в Казанском, то хотя бы в каком-то другом из российских университетов. Министр наложил на прошении резолюцию: «*Ничего не может быть сделано в пользу Ульянова*».

Как видим, в царской России брат отвечал за брата.

С осени 1888 года Владимиру было разрешено переселиться в Казань, куда переехала мать с младшими Маней и Митей. И 6 сентября 1888 года «бывший студент» Ульянов обращается уже к министру внутренних дел Дмитрию Толстому. Он пишет, что «*для добывания средств к существованию и для поддержки свой семьи*» имеет «*настоятельную надобность в получении высшего образования*», для чего просит разрешить «*отъезд за границу для поступления в заграничный университет*».

Не думаю, что если бы это прошение было удовлетворено, судьба Ленина покатилась бы

далее по накатанной поколениями российских присяжных поверенных колее – революционером он всё равно стал бы. Однако прошение Д. А. Толстой отклонил, а директор департамента полиции П. Н. Дурново не поленился лично снестись на этот счёт с казанским губернатором.

Прошёл год…

Ленин изучал первый том «Капитала» Маркса, знакомился с «левой» казанской средой, но из-за матери был осторожен – ещё свежа была боль Марии Александровны после гибели на эшафоте старшего сына.

Жили скромно, на пенсию матери за мужа, штатского генерала, что составляло 600 рублей в год. Такая вот деталь: Владимир стал покуривать, и мать, исчерпав все доводы насчёт вреда курения, прямо заявила, что лишних трат, хотя бы и копеечных, сын, не имея собственного заработка, позволять себе, вообще-то, не имеет права.

Причиной резкости была, конечно, не скупость матери, а её тревога за здоровье сына, но вряд ли довод «сработал бы» так эффективно, если бы не действительно крайне стеснительные материальные обстоятельства. Ну и, конечно, обострённое чувство ответственности Ленина.

Курить он бросил – раз и навсегда.

В мае 1889 года семья переехала за 50 вёрст от Самары на хутор близ деревни Алакаевка. Земельный участок с домом и мельницей был куплен Марией Александровной через будущего зятя – Марка Елизарова.

Здесь надо пояснить, что противоречия между выше написанным о скромном достатке семьи и фактом покупки хутора нет. Ульяновы принадлежали, всё же, ко вполне определённой в имущественном отношении среде, которую в современных понятиях можно определить как нижний средний класс. Так что некие финансовые резервы имелись. В частности, была продана принадлежащая Марии Александровне часть имения в Кокушкино, появились пусть и небольшие, но наследства от родственников…

Летом 1889 года сестра Анна вышла замуж за товарища Александра Ульянова по студенческому поволжскому землячеству – того самого Марка Елизарова, и 11(23) октября вся семья Ульяновых-Елизаровых переехала в Самару. А 28 октября 1889 года Ленин обращается с новым прошением к министру народного просвещения:

«Его Сиятельству господину Министру

Народного Просвещения

Бывшего студента Императорского

Казанского Университета

Владимира Ульянова»

ПРОШЕНИЕ

В течение двух лет, прошедших по окончании мною курса гимназии, я имел возможность убедиться в громадной трудности, если не в невозможности, найти занятие человеку, не получившему специального образования.

Ввиду этого я, крайне нуждаясь в каком-либо занятии, которое дало бы возможность поддерживать своим трудом семью, состоящую из престарелой матери и малолетних брата и сестры, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне держать экзамен на

кандидата юридических наук экстерном при каком-либо высшем учебном заведении.

Бывший студент Императорского

Казанского Университета

Владимир Ульянов[196].

Иван Давидович Делянов (1818–1898), с 1882 года министр народного просвещения, с 1888 года – граф, оставил по себе в истории русской культуры память печальную. В 1884 году он издал реакционный университетский устав, урезающий и без того куцую автономию университетов, препятствовал развитию женского высшего образования. Циркуляром от 18 июня 1887 года Делянов запретил принимать в гимназии «детей кучеров, прачек, мелких лавочников и т. п.» (так называемый «циркуляр о кухаркиных детях»), ограничивал деятельность земств в области начального образования, зато содействовал усилению влияния в школе церкви. В гимназиях он поощрял, в ущерб естественным наукам, классическое образование с изучением латыни и древнегреческого языка… Поэтому итог ленинского прошения министру был предсказуем заранее: Иван Делянов отказал Владимиру Ульянову.

И тогда мать весной 1890 года отправляется в столицу и 17 мая лично вручает Делянову прошение, где пишет:

«*…Мучительно больно смотреть на сына, как бесплодно уходят самые лучшие его годы для высшего образования. Не будучи в состоянии переносить этой нравственной боли, я и утруждаю Ваше Сиятельство покорнейшею просьбой разрешить сыну моему поступить в какой-либо из русских университетов или, в крайнем случае, допустить его держать выпускной университетский экзамен по юридическому факультету, т. е. на степень кандидата. Я тем настойчивее прошу Ваше Сиятельство снять с моего сына так долго лежащую на нём кару, что кара эта, вообще не позволяет ему, как человеку, принадлежащему к кругу исключительно интеллектуальных работников, найти какое бы то ни было даже частное занятие, не позволяет, значит, ни к чему приложить сил. Такое бесцельное существование, без всякого дела, не может не оказывать самого пагубного нравственного влияния на молодого человека, почти неизбежно должно наталкивать его на мысль о самоубийстве…*»[197]

Вряд ли, конечно, Ленин и впрямь находился тогда на грани отчаяния, хотя…

Хотя поводов для отчаяния у него хватало! Ему ведь было всего двадцать лет, и ещё два года назад его дорога виделась вполне прямой – к университетскому диплому и той или иной общественно полезной деятельности.

Теперь же…

Так что опасения матери – мать есть мать! – выраженные в настолько драматической форме, пробили чиновную броню даже графа Делянова. Министр знал, конечно, отца Владимира – Илью Николаевича Ульянова, по службе, и при всей своей ограниченности и чёрствости реакционера не мог внутренне не уважать его память.

Короче – Делянов сдался, и Ленин в два приёма – весной и осенью 1891 года экстерном сдал экзамены при Петербургском университете. Весной – за первый и второй курс, осенью – за третий и четвёртый…

В мае 1891 года в семье разразилась трагедия – от брюшного тифа умерла сестра Владимира Ильича – умница Ольга, учившаяся на физико-математическом факультете Бестужевских высших женских курсов. Но жизнь есть жизнь, и Ленин, проведя лето с матерью, осенью уехал в столицу

– сдавать последние экзамены. Одновременно с ним экзаменовались тридцать три человека, двадцать семь получили диплом, девять, включая Ленина, – диплом первой степени. При этом только Ленин получил высшие баллы ***по всем*** дисциплинам.

В выданном ему 14(26) января 1892 года дипломе было записано:

«По представлении сочинения и после письменного ответа, признанных весьма удовлетворительными, оказал на устном испытании следующие успехи: *по догме римского права, истории римского права, гражданскому праву и судопроизводству, торговому праву и судопроизводству, уголовному праву и судопроизводству, истории русского права, церковному праву, государственному праву, международному праву, полицейскому праву, политической экономии и статистике, финансовому праву, энциклопедии права и истории философии права* — весьма удовлетворительные»[198].

Тогда по коридорам университетов бродило немало великовозрастных студентов – лет под тридцать, а то и ***за*** тридцать. Ленин же получил университетский диплом ***вне стен*** университета ровно за те же четыре года, которые его законопослушные сотоварищи провели в аудиториях. Не знаю, нужны ли к этому факту дополнительные комментарии, но одну иллюстрацию приведу – как пример юридического профессионализма Ленина…

В начале 1907 года в Женеве был арестован Николай Александрович Семашко (1874–1949), член партии с 1893 года, большевик, по профессии врач, после 1917 года – первый нарком здравоохранения РСФСР до 1930 года. Женева считалась для русских политэмигрантов наиболее надёжным убежищем, и вдруг – арест, камера с уголовниками, тюремная бурда…

На третий месяц с воли Семашко передали три мандарина, и тот, ругнувшись про себя – не могли, мол, хлеба и колбасы прислать, вдруг обнаружил в одном из разломленных мандаринов записку на вощёной бумаге: «*Не робей, приехал Ленин и занялся твоим делом*».

Оказалось, Семашко задержали по подозрению к причастности к тифлисской экспроприации Камо. В связи с экспроприацией за границей был арестован ряд эмигрантов, и одна из арестованных, посаженных в мюнхенскую тюрьму, решила предупредить товарищей в Женеве, а письмо послала на адрес Семашко. Письмо перехватили, адресата арестовали.

Семашко с начала 1907 года жил в Женеве, «экс» был проведён летом 1907 года в Тифлисе, так что причина ареста крылась в желании царских властей заполучить под подвернувшимся предлогом Семашко в Россию. Дело пахло выдачей, а там, «по совокупности» с руководством Нижегородским и Сормовским восстаниями в 1905 году, Семашко грозила виселица.

Уже в советские годы Семашко вспоминал:

«Владимир Ильич развил необычайную энергию: пригласил одного из виднейших швейцарских адвокатов, кандидатура которого выставлялась тогда в президенты республики; внимательно следил за делом. И действительно, через несколько дней я был допрошен: выяснилась моя непричастность к тифлисской экспроприации, и я был освобождён»[199]

Вряд ли всё сошло бы так гладко, если бы не профессиональные знания и умение Ленина, сыгравшие, надо полагать, не последнюю роль в быстром и успешном разрешении опасной ситуации.

Возвращаясь же в 90-е годы позапрошлого столетия, сообщу, что до августа 1893 года Ленин работал в Самаре помощником присяжного поверенного А. Н. Хардина, хорошо знавшего Владимира Ульянова и как партнёра по шахматам, и как собеседника, и как человека. За это время Ленин провёл около 20 защит, но держало его в Самаре прежде всего состояние матери – неожиданная смерть цветущей, блестящей Ольги, умершей у Марии Александровны на руках, ударила по ней сильно.

Однако у Ленина уже нет сомнений в том, что ни вторым Кони, ни вторым Плевако он не

будет – он будет профессиональным революционером в той революционной марксистской партии, которой в России и в Европе пока нет, но которую надо создать!

Провинциальная Самара – не то место, где можно делать большие дела. А где их можно делать? Ясно где – в столице. У России две столицы: древняя «первопрестольная» Москва и северный «град Петров»…

Что выбрать?

В Москву собиралась семья, поскольку младший – Митя, готовился поступать в Московский университет. Но Москву питерцы называли большой деревней, и в такой оценке было немало правды. К тому же, и пролетариат наиболее силён питерский, а юный Ульянов уже знает, что главной движущей силой будущего станут именно они – рабочие. Надо их лишь организовать.

Поэтому общий курс ясен – Санкт-Петербург! Но от матери так просто не оторваться, и это главная причина того, что Владимиру приходится задержаться в Самаре. От того периода осталось воспоминание сестры Ленина – Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой, которое, вне сомнений, не является апокрифическим, а описывает реально бывшее…

Анна Ильинична писала:

«Остался у меня в памяти один разговор с Володей о появившейся в ту зиму в одном из журналов (это была „Русская мысль“, № 11 за 1892 г. – *С.К.*) новой повести А. Чехова „Палата № 6“. Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведённом им, – Володя вообще любил Чехова, – он определил всего лучше это впечатление следующими словами: „Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6“. Это было поздно вечером, все разошлись по своим углам или уже спали. Перемолвиться было не с кем.

Эти слова Володи приоткрыли мне завесу над его душевным состоянием: для него Самара стала уже такой „Палатой № 6“, он рвался из неё почти так же, как несчастный больной Чехова…»[200]

Да ведь и вся царская Россия мало отличалась от чеховской «Палаты № 6»… Что писатель Чехов – как «зеркало жизни», в своей повести и отразил.

К осени 1893 года Владимир Ильич перебирается в Петербург и зачисляется помощником присяжного поверенного к адвокату М. Ф. Волкенштейну. Но это – всего лишь ***житейская*** необходимость, а ***жизненные*** потребности и интересы Ленина уже полностью отданы делу будущей революции. Он вступает в марксистский кружок студентов-технологов, из которого скоро образуется ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Начинаются нелегальные поездки, работа в библиотеках, кружки, чтение рефератов, дискуссии, переписка…

В декабре 1893 года 23-летний Владимир Ульянов направляет 26-летнему Петру Маслову «для разбора и критики» свою рукопись «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». На базе статистических данных вышедшей в 1891 году книги экономиста-статистика В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» Ульянов показывал, что на селе развиваются капиталистические отношения, что в крестьянстве «возникает борьба экономических интересов», почвой которой является «производство продукта на продажу» (то есть товарное производство), что сельская община быстро разлагается и раскалывается на «зажиточных» хозяев и батраков. По тем временам это был очень нетривиальный даже в революционных кругах взгляд.

К 90-м годам XIX века в России сложились вполне определённые революционные традиции и революционная среда, однако повсеместно господствовали народнические взгляды – прямо противоположные ульяновским.

За плечами у интеллигентов и разночинцев-народников было «хождение в народ», была

партия «Земля и воля», из которой выделилась в 1879 году радикальная «Народная воля» Желябова.

Отделения «Народной воли» действовали в 50 городах, в 1878 году народоволка Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова, а 1 марта 1881 года пятое по счёту покушение на императора Александра II увенчалось успехом – царь был смертельно ранен осколком бомбы, брошенной народовольцем Игнатием Гриневицким, тоже смертельно раненным той же бомбой.

На последовавшем процессе были приговорены к повешению и казнены Андрей Желябов, Софья Перовская, Николай Кибальчич, Тимофей Михайлов и Николай Рысаков. Михайлову было всего двадцать два года, а Рысакову – и вовсе двадцать…

Народников казнили и до 1 марта 1881 года, Так в 1879 году был повешен Дмитрий Лизогуб из старинного украинского рода, помещик-миллионер, примкнувший к революции в 1874 году и отдавший на революционную борьбу всё своё состояние.

Иными словами – у народников была своя история, которой они гордились, были свои герои и мученики. Даже в то время, когда Владимир Ульянов переписывался с Петром Масловым, кое-кто из народников отбывал заключение в Шлиссельбургской крепости.

Народником, готовившим казнь теперь уже императора Александра III был и старший, любимый брат Владимира – Александр, повешенный в 1887 году тоже как цареубийца, пусть и не состоявшийся.

Революционеры-народники потому так и назывались, что делали из народа – а тогда в России слово «народ» было синонимично, по сути, слову «крестьянство», символ веры, надежды и любви.

Либералы-славянофилы носились с идеей «народа-богоносца», а народники видели в русской крестьянской общине основу социалистических взглядов и чуть ли не прообраз социалистического общества.

Молодой же Ульянов не эмоциями, а анализом статистики доказывал, что народнические представления о якобы нетронутом капитализмом «общинном» крестьянстве – миф. Такая методология – крепкая марксистская методология движения к выводам через анализ фактов, будет сопровождать позднее всю научную работу Владимира Ульянова, а она была немалой. Причём легальные научные публикации, и не только в партийной печати, нередко оказывались для Ленина одним из источников дохода – скромного, однако дающего возможность работать на революцию.

Вот это умение видеть ***за фактами*** реальный жизненный ***процесс*** и улавливать его ***перспективы*** автор письма Маслову и продемонстрировал, написав:

Разложение наших мелких производителей (крестьян и кустарей) представляется мне основным и главным фактом, разъясняющим наш городской и крупный капитализм, разрушающий миф об особом укладе крестьянского хозяйства (это такой же буржуазный уклад с тем лишь отличием, что он гораздо больше ещё опутан феодальными путами) и заставляющим видеть в так называемых «рабочих» не небольшую кучку особо поставленных лиц, а только верхние слои той громадной массы крестьянства, которая сейчас уже живёт более продажей своей рабочей силы, чем собственным хозяйством…[201]

Так ещё очень молодой, начинающий марксист Ульянов – будущий Ленин, сразу же, лишь начиная путь профессионального революционера, ухватил главный нерв развивающейся политической жизни России – ту силу, на которую надо рассчитывать как на ведущую в борьбе за свободную от царизма Россию.

Что же до упомянутого выше адресата ульяновского письма, то знать нам о нём надо вот что…

Экономист Пётр Петрович Маслов (1867–1946) в 1889 году был арестован по делу марксистского кружка Н. Федосеева в Казани и заключён на три года в тюрьму. Позднее сотрудничал в журналах «Научное обозрение», «Жизнь», «Начало», был членом РСДРП, но уже в 1903 году скатился на меньшевистские позиции и оставался меньшевиком до самого Октября 1917 года, так что Ленин его не раз критиковал в своих статьях.

Вот как бывает – начинали вместе, когда-то Маслов был для Ульянова даже авторитетом, а потом их пути разошлись… Да и масштабы личности у них оказались очень уж разными, несмотря на то, что Маслов был не так уж зауряден – после революции он вёл педагогическую и научную работу в Омске, Иркутске, Чите, а потом – в Москве, в 1929 году был избран действительным членом Академии наук СССР и занимался экономикой сельского хозяйства, особенно – МТС и совхозов СССР.

Впрочем, всё это было много позже, а пока что вернёмся к становлению Ленина как профессионального революционера.

Подлинным политическим дебютом Ленина стала его первая крупная работа – отпечатанная на гектографе в июне 1894 года в Петербурге знаменитая брошюра «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи „Русского богатства“ против марксистов)».

За первым изданием последовало второе, третье…

Отдельный тираж составлял 50…100 экземпляров, но эти «жёлтенькие тетрадки» перепечатывали, переписывали от руки… Позднее Н. К. Крупская писала: «Помню, как всех захватила эта книга. В ней с необыкновенной ясностью была поставлена цель борьбы»…

Действительно, цель была поставлена ясная, причём – чётко марксистская. Дважды цитируя одно и то же место письма Карла Маркса А. Рунге от сентября 1843 года (М. и Э., Соч. 2-е изд. Т. 1, с. 381), Ленин выделил его второй раз особо:

«***Мы не говорим миру: перестань бороться – вся твоя борьба пустяки. Мы только даём ему истинный лозунг борьбы***»[202].

Ленин писал, что вывод материализма о «зависимости хода идей от хода вещей единственно совместим с научной психологией» (ПСС. Т. 1, с. 137), и уже из этого следовало, что во взглядах нового теоретика социальных процессов не будет места ни политическому шаманству, ни мистике, ни фатализму, ни прекраснодушным мечтаниям.

Итак, с момента появления «Друзей…» в формирующемся российском социал-демократическом движении появляется новая величина, всё более известная под партийной кличкой «Старик».

Принимали «Старика» не все, но равнодушных не было, и уже – навсегда. Своих «Друзей народа…» Владимир Ульянов закончил словами, по поводу которых многие тогдашние российские революционеры лишь пожимали плечами, а многие просто бесились до белого каления. Но именно эти слова и мысли оказались пророческими и быстро стали программой для всех подлинно здоровых революционных сил в России:

«На класс рабочих… обращают социал-демократы своё внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, – тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведёт **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**.

Конец.

1894»[203]

Внятно, понятно и исторически верно.

В 1894 году такой прогноз выглядел в глазах многих авантюрой, «бредом», однако уже через два с небольшим десятка лет он стал в своих основных пунктах сутью реальной российской истории.

Народники уповали на аморфный «народ»… Сменившие их социалисты-революционеры («эсеры») продолжили традицию народнического террора, завоёвывая популярность у крестьян и делая ставку на село. Потому-то эсеры на первых порах революции 1917 года и имели так много голосов даже в Учредительном собрании.

А Ленин и большевики всегда работали прежде всего в рабочей среде. Ленин понимал, что русский рабочий – это, чаще всего, вчерашний крестьянин, и если большевики воспитают и убедят рабочих, то и с крестьянами – не кулаками, конечно, а с беднотой, тоже общий язык найдут.

Конечно, в середине 90-х годов XIX века до пролетарской революции было ещё далеко, но к тому дню, когда Владимир Ульянов отправил письмо Петру Маслову, в жизни свежеиспечённого потомственного дворянина (отец Владимира, став «штатским генералом» получил потомственное дворянство в 1882 году) произошло уже немало важных событий, прочно определивших всю его жизнь именно так, как она и состоялась…

Глава 14. «Сувениры» в чемодане с двойным дном и Шушенский «курорт»

К середине 90-х годов Владимир Ульянов в кругах столичных марксистов котировался уже высоко. Вначале к нему, правда, присматривались, даже пытались экзаменовать по знанию марксизма, но экзаменаторы тут же превращались в экзаменуемых. Однако брата «того самого Ульянова» – то есть, террориста-народовольца, подозревали в склонности к террору, поэтому говорить о том, что Ленина при его появлении в Питере сразу же встретили с распростёртыми объятиями и с восторгом, было бы преувеличением. Первой реакцией была, скорее, настороженность.

Так или иначе, достаточно быстро он вошёл в весьма узкую группу так называемых «стариков» – уцелевших от разгрома членов группы Михаила Бруснева, о котором будет сказано чуть позже.

20 октября (1 ноября) 1894 года началось царствование последнего российского императора Николая II. А 17 января 1895 года приехавшие со всех концов империи депутации были приняты новым царём по поводу восшествия на престол.

Все ожидали перемен, однако 26-летний царь, читая по бумажке, заявил: «Я узнал, что в последнее время в некоторых земствах поднялись голоса, увлёкшиеся ***бессмысленными*** мечтаниями об участии представителей от земств во внутреннем управлении. Пусть каждый знает, что я буду защищать начала самодержавия так же неизменно, как мой отец»[204].

Монархисты – например, автор мемуаров «На службе трёх императоров» генерал Н. А. Епанчин, оправдывали царя тем, что он, якобы, оговорился, а в тексте речи, составленной обер-прокурором Святейшего Синода Победоносцевым, было написано «беспочвенные мечтания».

Но, во-первых, в официальном описании приёма эта якобы «речевая ошибка» была повторена, а, во-вторых, не один ли чёрт – «беспочвенные» или «бессмысленные»? В любом случае любой, мало-мальски граждански активный член общества обязан был восстать на борьбу против этого коронованного унтера Пришибеева и Держиморды в одном лице.

Не так ли?

Так мог ли не стать окончательно на путь борьбы Владимир Ульянов, если даже будущий ренегат марксизма Пётр Струве – ровесник Владимира, в те дни написал нашумевшую прокламацию в виде открытого письма царю, где говорилось: «Вы хотите борьбы? Вы её получите!»[205].

Весной 1895 года В. И. Ульянов вместе с В. В. Старковым, С. И. Радченко, П. Б. Струве, А. Н. Потресовым и Р. Э. Классоном участвует в подготовке издания марксистского сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».

Это уже подступы к капитальному труду «Развитие капитализма в России», но о нём – позже, а сейчас интересно посмотреть, как сложились судьбы упомянутых выше партийных коллег Ленина (тогда ещё, впрочем, – «К. Тулина») образца 1895 года…

Василий Старков (1869–1925) пришёл в социал-демократическое движение одновременно с Лениным, работал в кружке студентов-технологов. В 1895 году входил в руководящее ядро петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Есть знаменитая групповая фотография 1897 года, о которой один из снятых на ней – Юлий Мартов-Цедербаум, в 1922 году в «Записках социал-демократа» писал: «Мы, осуждённые члены союза, позволили даже себе небывалую и не вполне конспиративную вольность: снялись восьмером в группе…»

Мартов ошибочно включил в число снявшихся Я. М. Ляховецкого, а на фото присутствует семь человек из руководства «Союза борьбы…»

Стоят – А. Л. Малченко (1871—?), П. К. Запорожец (1873–1905), А. А. Ванеев (1872–1899), сидят – в центре Ленин, справа и слева от него Ю. О. Мартов-Цедербаум (1873–1923) и Г. М. Кржижановский (1872–1959), а крайний слева – как раз Василий Старков.

В декабре 1895 года Старков («Базиль»), как и остальные руководители «Союза борьбы…», был арестован и в 1897 году выслан в Восточную Сибирь на 3 года. Перед отъездом в ссылку и было сделано групповое фото.

По окончании ссылки Старков работал механиком на заводе, заведовал электростанцией в Баку, постепенно отходя от партии. После Октябрьской революции работал в Наркомате внешней торговли, был заместителем торгпреда СССР в Германии.

Инженер Степан Радченко («Директор») (1868–1911) – работал в социал-демократическом движении с 1890 года, начал пропагандистом в рабочих кружках, входил в кружок студентов-технологов, в 1895 году стал одним из организаторов «Союза борьбы…» В 1896 году был арестован, в 1898 году участвовал в подготовке и работе I съезда РСДРП, был избран членом ЦК.

В марте 1900 года Радченко участвовал в созванном Лениным Псковском совещании по вопросу издания за границей нелегальной газеты, стал агентом «Искры». В 1901 году по делу «Искры» был арестован, в 1904 году сослан на 5 лет в Вологодскую губернию, в 1905 году по амнистии освобождён и от политической деятельности отошёл.

Пётр Бернгардович Струве (1870–1944) – ровесник и одно время чуть ли не соратник Ленина, автор «Манифеста РСДРП» 1898 года, быстро выдвинулся как виднейший представитель так называемого «легального марксизма», в конце XIX века редактировал журналы «Новое Слово», «Начало», «Жизнь».

С образованием в 1905 году буржуазной партии кадетов Струве вошёл в её ЦК и возглавил правое её крыло. Октябрьскую революцию встретил враждебно, стал одним из идеологов «Белого» движения, входил в Особое совещание при Деникине и в крымское «правительство» генерала Врангеля. Позднее преподавал в Пражском и Белградском университетах.

Александр Николаевич Потресов («Старовер», «А. Н.») (1869–1934) начинал как однозначный соратник и сторонник Ленина. За участие в ленинском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» Потресов был сослан в Вятскую губернию, в 1900 году уехал за границу, помогал Ленину создавать «Искру», но уже на II съезде стал склоняться к меньшевизму и из этой колеи не выбился до Октября 1917 года, да и после. В 1922 году его выслали из России в числе других видных меньшевиков по прямому указанию Ленина. За границей сотрудничал в еженедельнике Керенского «Дни».

А Роберт Эдуардович Классон (1868–1926) остался в истории России как крупный инженер-электротехник, в молодости – сотрудник знаменитого М. О. Доливо-Добровольского.

Классон быстро отошёл от чисто политической деятельности, хотя с Лениным не порывал. В 1895-96 годах он построил на Охтенских пороховых заводах одну из первых в России электростанций трёхфазного тока; по его проектам и под его руководством были построены самые крупные электростанции Москвы (1897) и Петербурга (1898).

Классон участвовал и в электрификации Бакинских нефтепромыслов в 1900–1906 году, в 1914 году около Богородска под Москвой построил первую в мире районную электростанцию «Электропередача», работающую на торфе. Классон предложил гидравлический способ добычи торфа, который получил развитие уже после Октябрьской революции при активной поддержке Ленина. Имя Классона часто встречается в послеоктябрьской переписке Ленина. Скажем, 24 мая 1921 года он писал Классону:

«Т. Классон!

Получил и прочёл Вашу бумагу от 20/V 1921 (Классон в отчёте о поездке за границу жаловался на бюрократизм железнодорожной миссии в Берлине. – *С.К.*). Увидеться в ближайшее время едва ли смогу, ибо очень занят.

Через 1–2 недели напомните *Фотиевой*, секретарю СНК.

По существу удивлён Вашим письмом. Такие жалобы обычны от рабочих, не умеющих бороться с волокитой. Ну, а Вы? А Старков? Почему же ни Вы, ни Старков не написал мне вовремя? Почему Старков, сидящий в Германии *месяцы*, не написал мне *ни разу*? По-моему, его за это надо подвергнуть взысканию.

Почему и он и Вы только „плакались“, а не предложили *точных изменений*…?

Весь вопрос теперь исчерпан, не так ли?

С приветом Ленин[206].

Так в одном ленинском документе через четверть века соединились две разных эпохи и три разных судьбы. Эти три судьбы начались в имперском Петербурге схоже, но далее всё более различались. Однако общим в них оказалось то, что и гениальный Председатель Совнаркома Советской России Владимир Ленин, и талантливый русский инженер Роберт Классон, и Василий Старков – их давний, много более скромных возможностей, товарищ, своей молодости не изменили. Все три всю жизнь честно – в меру сил и способностей, работали на Россию. В отличие от бывших их партийных коллег Струве и Потресова…

Впрочем, я забрался очень уж далеко от конца XIX века, и пора в него вернуться.

15(27) марта 1895 года Владимир Ильин Ульянов получает паспорт для выезда за границу, а 25 апреля (7 мая) он вместе с одним из деятелей Московского рабочего союза Е. И. Спонти (1866–1931) уезжает через Австрию в Швейцарию для установления личных связей с плехановской группой „Освобождение труда“. Это была первая русская марксистская группа, основанная 25 сентября 1883 года в Женеве пятью бывшими народниками во главе с Г. В. Плехановым (1856–1918). Кроме Плеханова в группу входили Павел Аксельрод (1850–1928), Лев Дейч (1855–1941), В. Н. Игнатов и Вера Засулич (1849–1919).

Начинала группа трудно – денег едва хватало, выручала доля Игнатова в небольшом пароходном предприятии. Игнатов был тяжело болен, но пренебрегал лечением ради общего дела, душой которого стал Плеханов, быстро подтвердивший своё заслуженно лидирующее положение…

В жизни и становлении Ленина Плеханов сыграл роль немалую – вначале поддерживая его, затем – „от противного“, закаляя Ленина своей борьбой против линии Ленина… Увы, впоследствии было именно так – очень уж неоднозначной фигурой оказался в российской истории Георгий Валентинович Плеханов. Имя его уже упоминалось на страницах этой книги, а сейчас расскажу о нём подробнее.

Родился Георгий Валентинович на Тамбовщине в семье мелкого помещика, после гимназии учился вначале в Константиновском юнкерском училище, но через год перешёл в Петербургский горный институт…

6 декабря 1876 года (Володе Ульянову тогда не было ещё шести лет) двадцатилетний Плеханов выступил с речью против самодержавия на демонстрации у Казанского собора и с тех пор стал профессиональным революционером, членом народнической партии „Земля и воля“… Ходил „в народ“, с 1878 года редактировал одноимённый с партией партийный орган. Знаменитый народоволец Николай Морозов (1854–1946), почти тридцать лет просидевший в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, в своей книге „Повести моей жизни“ писал о Плеханове:

„Никто не заподозрил бы в нём тогда будущего идейного вождя социал-демократической партии, так как он был крайним народником. С бледным, матовым цветом кожи и крупными чертами лица, он производил впечатление человека очень самоуверенного, но сдержанного, не дававшего никому проникнуть глубоко в свою душу“[207].

В 1879 году на Липецком и Воронежском съездах „Земля и воля“ раскололась на тех, кто сделал ставку на террор и создал партию „Народная воля“, и тех, кто осознал необходимость пропагандистской работы среди рабочих. Народники, тяготеющие к марксизму, под руководством Плеханова образовали организацию „Чёрный передел“.

В январе 1880 года Плеханов эмигрировал в Европу. Там он завязывает связи с крупнейшими европейскими социалистами Жюлем Гедом, Карлом Каутским, Вильгельмом Либкнехтом, Эдуардом Бернштейном, начинает переписываться, а затем и лично знакомится с Фридрихом Энгельсом. В 1882 году Плеханов переводит на русский язык „Манифест Коммунистической партии“ Маркса и Энгельса. Володе Ульянову тогда исполнилось 12 лет.

В 1884 году Плеханов публикует работу „Наши разногласия“, о которой Ленин позднее написал, что она указала русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии. Короче, крупный философ-марксист и талантливый партийный публицист Плеханов стал основоположником русского марксизма, причём не какого-то там „легального“, а неизвращённого марксизма – боевого, деятельного, революционного!

В 1889 году, выступая с речью на Парижском конгрессе II Интернационала, он отмёл суждения о России как об одной из самых политически отсталых стран и заявил: „Революционное движение в России восторжествует только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет, и быть не может“.

Казалось бы – блестящее, пророческое заявление, точный прогноз, сбывшийся менее чем через три десятка лет… Увы, шестидесятилетний Плеханов отличался от себя самого тридцатилетнего, как болото отличается от чистого пруда, который с годами стал болотом.

В 1917 году Плеханов назвал призыв Ленина к пролетарской революции „бредом“. Но в середине 90-х годов позапрошлого века до перерождения Плеханова были ещё годы и годы, и Ленин ехал к нему в Швейцарию, волнуясь.

В Женеве он беседует с Плехановым, в Цюрихе – с Аксельродом, причём с последним живёт неделю в деревушке Афольтерн под Цюрихом. Для Ленина это было первое знакомство с швейцарскими горами, которое потом будет не раз продолжено отнюдь не по доброй воле Ильича – хотя горы он искренне и горячо полюбил. Недаром Сталин, горы тоже любивший и в горах выросший, назвал позднее Ленина „горный орлом“.

Из Швейцарии Ленин писал матери:

„Природа здесь роскошная. Я любуюсь ею всё время. Тотчас же за той немецкой станцией, с которой я писал тебе, начались Альпы, пошли озёра, так что нельзя было оторваться от окна вагона…“[208]

Июнь 1895 года Ленин провёл в Париже, где познакомился с Полем Лафаргом, зятем Маркса и видным деятелем рабочего движения. В своём месте о Лафарге и его жене – дочери Маркса, ещё будет сказано. А о первых впечатлениях от Парижа мы узнаём из письма Владимира Ильича Марии Александровне от 8 июня:

„В Париже я только ещё начинаю мало-мало осматриваться: город громадный, изрядно раскинутый, так что окраины (на которых чаще бываешь) не дают представления о центре. Впечатление производит очень приятное – широкие, светлые улицы, очень часто бульвары, много зелени; публика держит себя совершенно непринуждённо, – так что даже несколько удивляешься сначала, привыкнув к петербургской чинности и строгости…“[209]

Ленинское: „окраины (на которых чаще бываешь)…“, очень показательно. Он приехал в

Европу не туристом, он намерен осваивать её человеческий и революционный потенциал, и поэтому совершенно искренне признаётся в письме матери уже из Берлина:

„*Занимаюсь… в Kцnigliche Bibliothek* (Королевской библиотеке. – *С.К.*), *а по вечерам обыкновенно шляюсь по разным местам? изучая берлинские нравы и прислушиваясь к немецкой речи…*

Берлинские Sehenswьrdigkeiten (достопримечательности. – *С.К.*)*посещаю очень лениво: я вообще к ним довольно равнодушен и большей частью попадаю случайно. Да мне вообще шлянье по разным народным вечерам и увеселениям нравится больше, чем посещение музеев, театров, пассажей и т. д.*“[210].

Читая это, вспоминаешь признание Владимира Маяковского насчёт того, что поездки и общение с людьми ***почти*** заменяют ему чтение книг. Нечто подобное – в отношении, правда, не книг, а искусства, мог бы, пожалуй, сказать и Ленин.

Что способны были дать Ленину, скажем, Лувр или Мюнхенская пинакотека? Новые художественные впечатления?

Ну-ну…

А вот „шлянье“ по народным окраинам Парижа и Берлина (он жил в пригороде Берлина – Моабите) давало ему живую „информацию к размышлению“, позволяло сопоставлять, отсеивать зерно знаний о подлинной жизни Европы от штампованных „плевел“…

Так было, впрочем, и дома. В октябре 1893 года Владимир Ильич пишет из Петербурга в Москву младшей сестре:

„*Маняше*

Я прочитал с интересом письмо твоё от 27 сентября и был бы очень рад, если бы ты иногда писала мне.

Здесь я не был ни в Эрмитаже, ни в театрах. Одному что-то не хочется идти. В Москве с удовольствием схожу с тобой в Третьяковскую галерею и ещё куда-нибудь…“[211]

Да, „Третьяковка“ – это понятно! Это – своё, близкое, волнующее и затрагивающее то глубочайшее чувство Родины, которое разовьётся у Ленина тем больше, чем дольше он будет от Родины вынужденно оторван.

В сентябре 1895 года Ленин возвращается из-за границы, и главными „сувенирами“, вывезенными им из первой поездки в Европу, оказываются пачки нелегальной марксистской литературы, запрятанные в чемодане с двойным дном.

На войне, как на войне!

По возвращении в Россию Ленин в начале ноября 1895 года пишет Аксельроду в Цюрих письмо, содержание которого даёт вполне верное представление о том, чем и как живёт теперь Ленин:

„Вы вероятно ругаете меня за опоздание. Были некоторые уважительные причины.

Буду рассказывать по порядку. Был прежде всего в Вильне (нынешний Вильнюс. – *С.К.*). Беседовал с публикой о сборнике. Большинство согласно… и обещают поддержку… Их настроение вообще недоверчивое…, дескать, посмотрим… Я напирал больше всего на то, что это зависит от нас.

Далее. Был в Москве. Никого не видал, так как об „учителе жизни“ (Е. И. Спонти. – *С.К.*) ни слуху, ни духу. Цел ли он? Если знаете что о нём и имеете адрес, напишите, чтобы он прислал нам адрес, иначе мы не можем найти там связей. Там были громадные погромы (аресты. – *С.К.*), но, кажется, остался кое-кто и работа продолжается…

Потом был в Орехово-Зуеве. Чрезвычайно оригинальны эти места: чисто фабричный город, …только и живущий фабрикой… Раскол народа на рабочих и буржуа – самый резкий. После

бывшего недавно там погрома осталось мало публики… Впрочем, литературу сумеем доставить…“

Сборник, о котором идёт речь в письме – это нелегальный непериодический сборник „Работник“, о подготовке которого Ленин и Аксельрод договорились. Ленин в своих объездах собирал материалы для него, и позднее сборник вышел в шести номерах плюс десять номеров „Листка „Работника““.

Отчитавшись о поездках, Ленин продолжает:

„Далее… Мне не нравится адрес в Цюрихе. Не можете ли достать другой – не в Швейцарии, а в Германии. Это бы гораздо лучше и безопаснее.

Далее. Посылая нам ответ – книжку по технологии, адрес: Питер, Александровский чугунный завод, химическая лаборатория, господину Лучинскому, прибавьте, если будет место, другой материал… Деньги, вероятно, пришлём, но позже. Отвечайте поскорее, чтобы мы знали, что сей способ годен.

Передайте поляку адрес для личной явки. Желательно поскорее, так как нуждаемся в транспорте. Адрес: город тот же, Технологический институт, студент Михаил Леонтьевич Закладный, спросить Иванова…

Далее. Такая просьба: нам крайне нужна краска – какая. Можете узнать у Mugli, у которого она есть. Нельзя ли бы как-нибудь доставить? Оказии нет ли? Пожалуйста, подумайте об этом или поручите подумать Вашим „практикам“. Кстати, Вы просили прямо к ним обращаться. Тогда сообщите: 1) знают ли они наш способ и ключ; 2) знают ли, от кого идут эти письма…

Писать надо китайской *тушью*. Лучше, если прибавить маленький кристаллик *хромпика* ($K_2Cr_2O_7$); тогда не смоется. Бумагу брать *потоньше*. Жму руку. Ваш…“[212]

В одном этом письме в сжатом виде уже дана судьба человека на много лет вперёд. Он уже знает, что не принадлежит себе… Он знает, что карьера, светские развлечения, личная жизнь – это всё не для него!

И даже обычный отдых будет теперь для него прежде всего необходимой передышкой между – нет, не боями, поскольку бои впереди, а между уже оконченным делом и ещё не начатым делом.

В середине ноября 1895 года в очередном письме Аксельроду, сообщая о собранном материале и новых связях, Ленин, поскольку пересланную в корешке книги корреспонденцию удалось отклеить „с несказанными усилиями“, ещё и наставляет адресата, как надо клеить:

„Необходимо употреблять очень жидкий клейстер: не более чайной ложки крахмала (и притом картофельного, а не пшеничного, который слишком крепок) на стакан воды. Только для верхнего листа и цветной бумаги нужен обыкновенный (хороший) клейстер, а бумага держится хорошо, под влиянием пресса, и при самом жидком клейстере…“[213]

Уже тогда Ленин был – ближайшие годы отчётливо выявят это – наиболее крупной интеллектуальной величиной в российской социал-демократии. При этом он, как видим, не считал для себя зазорным – в отличие от Плеханова, Аксельрода и много ещё кого, осваивать чисто технические стороны нелегальной работы. Похвальный подход, не так ли?

Что же до самого Аксельрода, то он в 1900 году вошёл в редакцию „Искры“, но как стал со II съезда РСДРП меньшевиком, так всё более злобствующим меньшевиком и оставался до конца жизни. Он блокировался против Ленина с Троцким и Мартовым, становился всё более желчным. После Октябрьской революции, находясь в эмиграции, пропагандировал вооружённую интервенцию против Советской России…

Уже будучи в сибирской ссылке, Ленин написал работу „Задачи русских социал-демократов“, где были и такие пророческие слова:

„Против всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего русского чиновничества восстановлены весьма многочисленные и самые разнообразные слои русского народа. Но кроме пролетариата *ни один* из этих слоёв не допустил бы полной демократизации чиновничества, потому что у всех других слоёв (буржуазии, мелкой буржуазии, „интеллигенции“ вообще) есть нити, связывающие его с чиновничеством, потому что все эти слои – *родня* русскому чиновничеству. Кто не знает, как легко совершается на святой Руси превращение интеллигента-радикала, интеллигента-социалиста в чиновника императорского правительства кнута и нагайки“[214]

Читаешь это, а перед глазами проходит легион бывших перестроечных „интеллигентов-радикалов“ с партбилетами, которые легко превратились из „идеологических бойцов ЦК КПСС“ – кто в официальных чиновников, а кто – в бездуховных неофициальных лакеев ельциноидного правительства России. По своим нравственным корням Аксельрод был как раз из этаких – из „прорабов перестройки“…

Много подобных фигур ещё попадётся на пути Ленина – фигур бывших товарищей. И если Аксельрод чем-то от других отличался, так это – редким зарядом отрицательной антиленинской энергии.

Ленин шёл сквозь ренегатов, как танк через мелколесье, хотя, в отличие от танка, Ленин имел живую душу, и измены его, конечно же, ранили. Но он духовно был очень силён, и шёл вперед всё равно.

В хорошей советской армейской песне есть слова: „Задачи ясны и команды понятны, и виден рубеж огневой…“ Если бы эту песню знал Ленин, то, весьма вероятно, её строчки стали бы у него любимыми. Собственно, уже тогда – в 25 лет, он полностью сформулировал ***для себя*** свою основную „теорему революции“, и вопрос был теперь лишь в том, чтобы доказать её ***для остальных*** с очевидностью теоремы Пифагора.

Само название первой основанной Лениным осенью 1895 года революционной организации сразу ухватывало суть: „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“. Такое название было теоретически верно, а практически перспективно. Если рабочий класс освободится, он освободит и поведёт за собой крестьянство, а это будет означать свободную от эксплуатации Россию.

Цепь задач выстраивалась логично, и теперь надо было „выбрать“ эту „цепь“ – „звено“ за „звеном“ – с заиленного царизмом „дна“ российской истории.

До первого ареста – а он был уже не за горами, Ленин успел сделать как руководитель новой организации не так уж и много, но если посмотреть на то, ***за какой срок*** это было сделано, останется лишь снять перед Лениным шляпу!

Но, пожалуй, надо предупредить читателя вот о чём: читая советские курсы истории КПСС, можно впасть в некое заблуждение… Для времени сталинской „Истории ВКП(б)“ опасность этого была невелика, потому что всё ещё было у многих на памяти – если не у детей, так у отцов. Однако ко временам Хрущёва и, тем более, Брежнева для новых поколений уже нужны были пояснения, которые, увы, не делались тогда, а позднее – тем более.

Я имею в виду вот что…

Скажем, в брежневской „Истории КПСС“, издание 5-е 1979 года, сообщалось (стр.34): „В декабре 1894 года в связи с волнениями рабочих Семяниковского завода Ленин при участии рабочего этого завода Бабушкина написал обращение к рабочим… Так под руководством Ленина был совершён *поворот* от пропаганды в небольших кружках… к агитации в широких массах…“

Звучит весомо: встают перед глазами широкие рабочие массы, жадно внимающие Ленину. Но вот как это выглядело на первых порах – достоверное описание отыскивается в очерке о Зинаиде Невзоровой, одной из четырёх сестёр-большевичек из Нижнего Новгорода, будущей

жене Глеба Кржижановского:

„Нужно было переходить от узкой кружковой пропаганды к массовой агитации… Как осуществить этот переход? Решили выпускать агитационные листки. Дело это было новое, и, как оказалось, трудоёмкое – листки писали от руки печатными буквами, а много ли можно „напечатать“ при такой технике? Одну из первых листовок, составленных В. И. Лениным, переписали в четырёх экземплярах. Рабочий Семяниковского завода Иван Васильевич Бабушкин разбросал листки на заводе и проследил за их судьбой. Два листка подобрали сторожа, два подняли рабочие, они прочитали, передали другим. Это радовало, воодушевляло, – значит, листовки будут жить, передаваться из рук в руки. Позднее удалось наладить печатанье листовок на пишущей машинке, а потом и на гектографе…“[215]

Если бы эта живая деталь была включена в учебные курсы истории партии, то эта история выглядела бы и волнующей, и трудной, и непростой – какой она и была.

Начинали-то с малого!..

Однако сила уже молодого Ленина проявилась в том, что на малом не останавливались, а сразу ставили перед собой большие задачи и задумывали большие дела.

В ноябре 1895 года была организована забастовка на суконной фабрике Торнтона. Тогда забастовало 500 человек – немного. Однако в 1896 году – уже без Ленина, но подготовленные Лениным, оставшиеся на свободе члены „Союза“ организовали 30-тысячную забастовку питерских текстильщиков!

Главное же, пожалуй, что успел Ленин до ареста, это написать брошюру „Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах“. Сейчас эта ленинская работа имеет, скорее, историческое значение (хотя прочесть её не будет лишним и сегодня), а тогда это была чертовски нужная для рабочих вещь! В ней простым, понятным языком, с цифрами, с конкретными, взятыми из прессы, примерами, развёрнуто рассматривались и разъяснялись все вопросы, связанные с применением закона о штрафах и т. д.

Видно было, что брошюра написана квалифицированным юристом-профессионалом, но Ленин ведь им и был, и вопрос разобрал досконально.

Он писал:

„Назначение штрафов – не вознаграждать за убыток (хозяина. – *С.К.*), а создать дисциплину, …заставить рабочих исполнять хозяйские приказания…

Крепостные крестьяне работали на помещиков, и помещики их наказывали. Рабочие работают на капиталистов, и капиталисты их наказывают. – Разница вся только в том, что прежде подневольного человека били дубьём, а теперь его бьют рублём“.

Сказано было метко и било проблему в лоб, но Ленин шёл и дальше:

„Против этого, пожалуй, возразят: скажут, что общая работа массы рабочих на фабрике или заводе невозможна без дисциплины: необходим порядок в работе…

Порядок, действительно, необходим при всякой общей работе, …но общую работу можно вести и без подчинения рабочих фабрикантам и заводчикам. Общая работа требует, действительно, наблюдения за порядком, но она вовсе не требует, чтобы власть наблюдать доставалась всегда тому, кто сам не работает, а живёт чужим трудом. – Отсюда видно, что штрафы берутся не потому, что люди ведут общую работу, а потому, что при теперешних капиталистических порядках весь рабочий люд не имеет никакой собственности: все машины, орудия, сырые материалы, земля, хлеб, находятся в руках богачей. Рабочие должны продаваться им… А продавшись, они, разумеется, уже обязаны подчиняться им и терпеть наказания.

Это должен уяснить себе каждый рабочий, который хочет понимать, что такое штрафы…“[216]

Для начального политического образования рабочей массы брошюра Ленина о штрафах

была нужна, пожалуй, не менее, чем сам „Манифест Коммунистической партии“ Маркса и Энгельса. Достаточно сказать, что в декабре 1895 года она была отпечатана огромным для нелегального издания тиражом в три тысячи экземпляров, а в 1897 года переиздана в Женеве.

На обложке первого издания в целях конспирации указали вымышленные данные: „Издание книжного магазина А. Е. Васильева, Херсон, Типография К. Н. Субботина, Екатерин. ул., д. Калинина. Продаётся во всех книжных магазинах Москвы и С.-Петербурга“. На титуле стояло: „Дозволено цензурою. Херсон. 14 ноября 1895 г.“.

В действительности же брошюру отпечатали в петербургской нелегальной Лахтинской типографии, принадлежащей „Группе народовольцев“ (о налаживании контактов с ней Ленин сообщил Аксельроду)[217].

Типографию держали так называемые „народовольцы четвёртого листка“, то есть те народовольцы, которые в № 4 своего периодического органа „Листок“ высказались за марксистский взгляд на историю, ставивший во главе дела борьбу рабочего класса[218].

Итак, начало было положено, и должно было последовать продолжение – был готов первый номер первой нелегальной российской социал-демократической газеты „Рабочее Дело“ – органа „Союза борьбы“. Увы, свет он так и не увидел… В ночь с 8 на 9 декабря 1895 года на квартире Н. К. Крупской проходило заседание руководящей группы „Союза“, где обсуждался подготовленный к печати первый номер. И в ту же ночь начались аресты. На квартире Ванеева полиция захватила оригинал первого номера газеты.

Странно, но „нормативные“ источники по истории КПСС умалчивали – в результате чего произошёл провал? Тем не менее, его обстоятельства указывают на провокатора, которым оказался зубной врач Михайлов[219].

Брали с разбором – ту же Крупскую тогда не тронули. Были арестованы Анатолий Ванеев, Пётр Запорожец, Глеб Кржижановский, Александр Малченко, Василий Старков, Александр Потресов и сам Ленин. Из рабочих арестовали Василия Шелгунова, Никиту Меркулова, Ивана Яковлева, Бориса Зиновьева, Петра Карамышева и других.

Арестованные, и Ленин в том числе, были отвезены в печально известный Петербургский дом предварительного заключения на Шпалерной улице. Здесь, в одиночной камере № 193, Ильичу предстояло провести четырнадцать месяцев.

За три дня до ареста – 5 декабря 1895 года, Ленин написал письмо в Москву матери:

„Получил вчера письмо от Анюты, дорогая мамочка, сообщающее, что ты думаешь ехать с Ардашевыми (родственники по линии матери. – *С.К.*) в Казань, и спешу написать тебе.

Ардашевы собирались ехать сегодня. Д.А. (Ардашев, нотариус. – *С.К.*) мне предлагает взять дело об утверждении в правах наследства его родственника, но пока мы ещё не вполне согласились.

Живу я по-прежнему. Комнатой не очень доволен – во-первых, из-за придирчивости хозяйки; во-вторых, оказалось, что соседняя комната отделяется тоненькой перегородкой, так что всё слышно и приходится иногда убегать от балалайки, которой над ухом забавляется сосед. К счастью, это бывало до сих пор не часто. Большей частью его не бывает дома, и тогда в квартире очень тихо.

Останусь ли я тут ещё на месяц или нет – пока не знаю. Посмотрю. Во всяком случае на рождество, когда кончается срок моей комнаты, не трудно будет найти другую.

Погода стоит теперь здесь очень хорошая, и моё новое письмо оказывается как раз по сезону…“[220]

Обычное житейское письмо, только автор его – не обычный квартирант дешёвой столичной квартирки, и „комната“ ему уже определена – хотя он об этом ещё и не знает, в „казённом доме“.

Впрочем, возможность ареста Ленин предполагал, и заранее предупреждал старшую сестру Анну, чтобы в этом случае мать в Питер не пускать, поскольку она неизбежно начнёт ходить по разным „присутствиям“ с хлопотами, неизбежно вызывающими в памяти тяжёлые дни хлопот за старшего сына Сашу[221].

Но когда арест стал фактом, никто Марию Александровну в Москве удержать, конечно, не смог, и она приехала, и ходила, и хлопотала, неся свой крест со свойственными ей достоинством и благородством.

По времени ареста Ленина и его товарищей стали полушутливо называть в своей среде „декабристами“, но это была лишь внешняя аналогия – у царизма появились оппоненты, принципиально более серьёзные чем те, что вышли 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь Санкт-Петербурга.

В сорок шестом томе Полного собрания сочинений на страницах с 443 по 447-ю помещены протоколы четырёх допросов Ленина. Первый раз – 21 декабря 1895 года, его допрашивал подполковник Клыков, а потом – 30 марта, 7 мая и 27 мая 1896 года – подполковник Филатьев.

Ситуация была, конечно, драматической, тут было не до смеха, но я очень предполагаю, что, отвечая на вопросы жандармов, Ильич внутренне посмеивался. Во всяком случае, внутренней дрожи он явно не испытывал, хотя был собран и сосредоточен. Его линия поведения на следствии полностью укладывалась в русскую пословицу: „Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик“!

Точнее, то, что он – Владимир Ильич Ульянов, обвиняемый признавал, однако это было всё!

Вот фрагменты протокола допроса от 21 декабря 1895 года:

„Зовут меня Владимир Ильич Ульянов.

Не признаю себя виновным в принадлежности к партии социал-демократов или какой-либо партии. О существовании в настоящее время какой-либо противоправительственной партии мне ничего не известно. Противоправительственной агитацией среди рабочих не занимался. По поводу отобранных у меня по обыску и предъявляемых мне вещественных доказательств объясняю, что воззвание к рабочим и описание одной стачки на одной фабрике находились у меня случайно, взятые для прочтения у лица, имени которого не помню….

На заданный мне вопрос о знакомстве со студентом Запорожцем отвечаю, что вообще о знакомствах своих говорить не желаю, вследствие опасения компрометировать своим знакомством кого бы то ни было…

Когда я поехал за границу, я имел при себе чемодан, которого теперь у меня нет, и где я его оставил, не помню…“, и т. д.

А вот фрагмент протокола допроса от 30 марта 1986 года:

„Зовут меня Владимир Ильич Ульянов.

В квартирах рабочих на Васильевском острове, за Невской и Нарвской заставами я не бывал. Относительно предъявленных мне рукописей: 1) листок, на котором написано „Рабочее Дело“ и по рубрикам указаны разные статьи; 2) рукопись о стачке ткачей в Иваново-Вознесенске; 3) стачка в мастерской механического изготовления обуви, – отобранных по словам лиц, производящих допрос, у Анатолия Ванеева, – объясняю, что они писаны моей рукой…; фактических объяснений о рукописях под рубриками 1), 2) и 3) я представить не могу“

Безупречно!

Продумано каждое слово, как и на следующих двух допросах – 7 и 27 мая 1896 года…

7 мая Ленин тонко пытается выяснить источник сведений жандармов о деятельности „Союза“ и заявляет: „По поводу сделанного мне указания на имеющиеся против меня свидетельские показания – объясняю, что не могу дать объяснений по существу вследствие того, что мне не указаны показывающие против меня лица…“

27 мая эта линия опять выдержана: „Так как по поводу предъявленного мне на предыдущем допросе указания, что есть сведения о моих сношениях за границей с эмигрантом Плехановым, мне не сообщено, каковы эти сведения и какого рода могли быть эти сношения, то я считаю нужным объяснить, что эмигрант Плеханов проживает, как я слышал, вблизи Женевы, а я ни в Женеве, ни вблизи её не был и, следовательно, не мог иметь с ним сношений“…

Причём это ведь линия поведения после полугодичной отсидки в одиночке, которая укреплению нервов и выдержки не способствует.

Конечно, дом предварительного заключения – не шлиссельбургский каземат… Заключённого Ульянова навещали мать, специально приехавшая в Петербург, сёстры Анна и Мария, невеста – Надежда Крупская…

Конечно, Ленин имел возможность ежедневно работать (вещь в тюрьме великая!), в том числе – над материалами будущего труда „Развитие капитализма в России“.

Но тюрьма есть тюрьма.

Запорожец, например, к концу первого года заключения заболел сильным нервным расстройством, позднее обернувшимся душевной болезнью… Побаливал Ванеев – у него началась чахотка. Здесь, в стенах „предварилки“, перерезал себе горло осколком стекла инженер Костромин. Мария Ветрова, арестованная по делу Лахтинской типографии народовольцев, в стенах Петропавловской крепости облила себя керосином, подожгла и сгорела[222].

Из такой же, как и у Ленина, одиночки, его товарищ по „Союзу борьбы“ Михаил Сильвин писал невесте:

„Трудно совладать с унынием, – всё те же стены, та же грязь, тот же шум, а тут ещё погода пошла под осень, дни стали короче, хмурое небо висит сырым, душным, неприветливым покровом, дождь однообразным звуком стучит по крыше и в окна, отдаваясь в моей душе невесёлой мыслью „я тебя доканаю, я тебя доканаю“…“[223]

А Ленин ведь видел те же стены и хмурое небо, слышал тот же шум дождя. Тюрьма есть тюрьма…

Выручал строгий режим, обязательная гимнастика перед сном. Уже из сибирской ссылки – в письме к матери от 7 февраля 1898 года – Ленин делился тюремным опытом с младшим братом. Дмитрий Ильич, медик-пятикурсник, 7 ноября 1897 года был арестован по делу московского „Рабочего союза“ и помещён вначале в одиночку Тверской полицейской части, затем – в „Бутырку“ и, наконец, в одиночную камеру Таганской тюрьмы[224].

Мария Александровна написала сыну, что брат в тюрьме начал сдавать, и Ленин подробно инструктирует:

„Нехорошо это, что у него уже за $2^1/_2$ месяца одутловатость какая-то успела появиться. Во 1-х, соблюдает ли он диету в тюрьме? Поди, нет. А там, по-моему, это необходимо. Во 2-х, занимается ли гимнастикой? Тоже, вероятно, нет. Тоже необходимо. Я по крайней мере по своему опыту скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался каждый день на сон грядущий гимнастикой. Разомнёшься, бывало так, что согреешься даже в самые сильные холода, когда камера выстыла вся, и спишь после этого куда лучше…“

Далее инструкция продолжается несколько забавно, и из неё видно, насколько не в обычае тогда для многих (не для Ленина) были привычные для наших дней гимнастические упражнения:

„Могу порекомендовать и довольно удобный гимнастический приём (хотя и смехотворный) – 50 земных поклонов. Я себе как раз такой урок назначал – и не смущался тем, что надзиратель, подсматривая в окошко, диву даётся, откуда это такая набожность в человеке,

который ни разу не пожелал побывать в предварилкиной церкви!

Но только чтоб не меньше 50-ти подряд и чтобы не сгибая ног доставать рукой каждый раз об пол – так ему и написать…“

А в заключение советов следует ироничное: „*А то ведь эти врачи большей частью рассуждать только умеют о гигиене…*“[225]

Пришлось Ленину и ещё раз давать советы подобного рода – уже младшей сестре Марии и зятю – Марку Елизарову, которые были арестованы в ночь на 1 марта 1901 года по делу Московской организации РСДРП.

Не познакомить читателя с этими советами нельзя – они хорошо показывают подлинного Ленина, и остаётся лишь сожалеть, что при изучении истории КПСС в советских вузах студентов обязывали конспектировать ставших к тому времени историческим памятником „Друзей народа…“, а не „тюремные“ письма Ленина. Думаю, тогда Ильич представал бы перед потомками намного более интересной и живой фигурой, чем он представлялся и представляется многим.

Впрочем, о том, как и почему хрущёвско-брежневские „идеологи ЦК КПСС“ „засушивали“ Ленина будет сказано под конец книги отдельно, а сейчас – письмо в тюрьму Марии Ульяновой от 19 мая 1901 года. Ленин тогда уже жил в Мюнхене, занимаясь изданием „Искры“, и писал в Москву:

„*…Как-то ты поживаешь? Надеюсь, наладила более правильные режим, который так важен в одиночке? Я Марку писал сейчас письмо и с необычайной подробностью расписывал ему, как бы лучше всего „режим“ установить: по части умственной работы особенно рекомендовал переводы и притом обратные, т. е. сначала с иностранного на русский письменно, а потом с русского перевода опять на иностранный. Я вынес из своего опыта, что это самый рациональный способ изучения языка. А по части физической усиленно рекомендовал ему, и повторяю то же тебе, гимнастику ежедневную и обтирания. В одиночке это прямо необходимо…*“

И это не всё! Советы – в той ситуации жизненно необходимые советы человека, который сам пережил подобное, – продолжаются:

„*Советую ещё распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы – с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьёзного чтения на беллетристику – чрезвычайно много помогает… После обеда, вечерком для отдыха я помню, regelmdssig* (*нем.* „регулярно“. – *С.К.) брался за беллетристику и нигде не смаковал её так, как в тюрьме. А главное – не забывай ежедневной, обязательной гимнастики, заставляй себя проделать по нескольку десятков (без уступки!) всяких движений! Это очень важно…*“

И лишь однажды в письме прорывается горькая тюремная „нота“… И она показывает, какой ценой, какими нервами давались Ленину те несомненные стойкость и бодрость духа и тела, которые он проявил в период заключения. Ленин признаётся сестре:

„*Иногда ухудшение настроения –* ***довольно-таки изменчивого*** (жирный курсив везде мой. – *С.К.*) *в тюрьме – зависит просто от утомления однообразными впечатлениями или однообразной работой, и достаточно бывает переменить её, чтобы войти* ***в норму*** *и* ***совладать с нервами****…*“[226]

Но в том же письме есть и ещё одно признание, хорошо показывающее подлинного Ленина

и его духовное величие, естественно и без усилий с его стороны поднимающее его над средой. Ленин, советуя сестре, как лучше организовать свою жизнь в заключении, пишет:

*„Надеюсь, что благодаря этому ты будешь **хоть иногда** забывать об обстановке и время (которое обыкновенно в тюрьмах летит быстро, **если нет особо неблагоприятных условий**) будет проходить ещё незаметнее…“*

Для кого-то время *тянулось*, а для Ленина, оказывается, летело!

Почему?

Да потому, что оно пролетало для него в постоянной работе ума и души, не забывающих и о сохранении крепости телесной.

Кто-то с молодости, как личность, угасает, ни разу не вспыхнув…

Кто-то – тлеет.

Ленин же всегда ровно горел. И это – не избитое образное сравнение, а точное определение повседневного состояния души Ленина в любых условиях.

Задумаемся вот над чем…

Одновременно с Лениным в „доме скорби“ на Шпалерной находились десятки „политических“ – сверстников Ленина. И многие из них претендовали, тем более – по молодости, на роль вожаков, лидеров, „теоретиков“… Но кто из них мог похвалиться по выходе из заключения той горой бумаг, которую исписал в тюрьме Ленин, готовя и подпольные листовки (!), и статьи, и материалы для будущей научной работы?

Бумаг в ленинской одиночке было так много, что он с какого-то момента стал засовывать „крамольные“ листики в пухлую стопу статистических выписок, резонно полагая, что жандармам при периодических обысках камеры будет лень всю эту стопу пересматривать.

Сестра Ленина – Анна Ильинична, вспоминала, что и до тюрьмы, и после брат смеялся: „Нет такой хитрости, которой нельзя было бы перехитрить“.

Одна из удачных хитростей пришла во взрослую жизнь из детской игры в „тайны“. Ленину, как перенёсшему в прошлом воспаление лёгких (он и за границу-то ездил официально по поводу лечения и действительно лечился в санатории), выхлопотали молоко. И вот он стал – как в детстве, но уже не играя, – писать нелегальные тексты молоком между строк книг, получаемых с воли и возвращаемых обратно. Написанное проявлялось после нагревания на лампе. Наливались „чернила“ в маленькие „чернильницы“ из чёрного хлеба, которые можно было легко при необходимости проглотить. Позднее Ленин шутил, что как-то ему пришлось за день съесть шесть „чернильниц“.

А ведь для всего этого требовались самообладание, да и мужество – если бы написанные Лениным в камере тексты листовок и т. п. попали в руки следствия, могло запахнуть не предполагавшейся ссылкой, а ***каторгой***!

Впрочем, Владимир Ульянов недаром зубрил нормы римского права, гражданского права, полицейского права, уголовного права и судопроизводства, сдавая экстерном на кандидата юридических наук! Теперь он, попав в руки политических врагов, был предупреждён и вооружён.

Жандармы это понимали, хотя и не знали ещё, насколько их подследственный опасен для строя, ими охраняемого!

Однако вообще избежать наказания Ленину, как и его товарищам по руководству „Союза борьбы“, не получалось. Несмотря на все ленинские „нет“, по русской поговорке: „На „нет“ и суда нет“ выйти, конечно же, не могло. По сравнению с „цареубийцами“-народовольцами социал-демократов наказывали, как правило, сравнительно легко, но и по головке не гладили.

Обличающие улики – хотя и немногочисленные – имелись налицо, и 20 января 1897 года

было подписано „высочайшее повеление“ о высылке, а 13 февраля 1897 года всех руководителей „Союза“ осудили на разные сроки ссылки: Малченко – в Архангельскую губернию, Потресова – в Вятскую губернию, остальных – в Восточную Сибирь.

В России за почти полтора года сидения Ленина в тюрьме произошло немало важных событий – радостных и не очень…

18 мая 1896 года в Москве – во время торжеств по случаю коронации императора Николая II, на Ходынском поле в давке при раздаче „царёвых подарков“ погибли тысячи москвичей. Царь в тот вечер был на балу во французском посольстве. Отменить „августейшие“ танцульки нельзя было никак – французский посол выписал из Франции тысячи быстро вянущих роз… Впрочем, ещё важнее было то, что Россия всё более подсаживалась на „иглу“ французских займов, а с кредиторами надо вести себя соответственно. После этого Николая начали – пока втихомолку – называть в России „Кровавым“.

22 мая 1896 года в Москве был подписан союзный договор России с дряхлеющим Китаем против Японии, и тем заложена основа будущей авантюры „Желтороссии“ и позора русско-японской войны 1904–1905 годов.

В 1896 году прошли крупные стачки в Петербурге, Орехово-Зуеве, Екатеринославе (ныне – Днепропетровск)…

3 января 1897 года в рамках денежной реформы министра финансов Витте был обнародован закон о введении золотого обращения, обеспечивший перетекание потоков русского золота на Запад.

Но были ведь и другие события!

В 1896 году открылось Московское инженерное училище Министерства путей сообщения (с 1913 года – Московский институт инженеров железнодорожного транспорта).

Александр Степанович Попов (1859–1905) усовершенствовал изобретённый им в 1895 году приёмник и весной 1897 года установил радиотелеграфную связь крейсера „Россия“ с крейсером „Африка“. Расстояние между кораблями с настолько географически далёкими названиями составляло всего 640 метров, но это было впервые!

Впервые в мире!

Впрочем, царя Николая всё это интересовало мало, а точнее – не интересовало вовсе. Лишь после Октябрьской революции Ленин активно поддержит работы однофамильца ленинского соратника В. Д. Бонч-Бруевича – крупнейшего советского радиотехника М. А. Бонч-Бруевича, основателя Нижегородской радиолаборатории, радиотехнического центра мирового класса.

В дни, когда Ленин писал молочными „чернилами“ нелегальные тексты, Аристарх Аполлонович Белопольский (1854–1934), выдающийся русский и советский астроном и астрофизик, открыл колебания лучевых скоростей у переменных звёзд… За его исследования Парижская Академия наук присудила ему в 1908 году золотую медаль им. Жансена и премию Лаланда в 1918 году. Вся научная жизнь Белопольского была связана с Пулковской обсерваторией, с Пулково, где он и скончался.

Алексей Николаевич Бах (1857–1946), будущий основатель советской школы биохимиков, в начале 1897 года сформулировал перекисную теорию процессов медленного окисления. Правда, бывший народоволец Бах работал тогда в Швейцарии, поскольку в 1885 году ему пришлось эмигрировать. Вернулся он на родину в 1917 году, чтобы стать основателем Физико-химического института и Института биохимии АН СССР.

17 октября 1896 года скандальным провалом закончилась премьера чеховской „Чайки“, поставленной на сцене Александринского театра (лишь через два года она триумфально ознаменует рождение Московского художественного театра).

Ленин сидел на Шпалерной, а здесь же, в Петербурге, почти рядом, шли работы по

созданию Русского музея, открытого в 1898 году в Михайловском дворце.

Да. разной, очень разной была жизнь царской России… И что-то в те годы в исторической перспективе отживало, хотя и было на виду, блестело золотым шитьём, горело огнём бриллиантов… А что-то, пока неуловимое, только зарождалось, чтобы заблистать силой русского ума и русского таланта уже в России Ленина.

Но в конце XIX века контуры России XX века были ещё неясны, зато вполне ясно обрисовалась на ближайшие три года судьба Ленина и его товарищей по „Союзу борьбы“…

В разные дальние углы Сибири должны были ехать Запорожец, Ванеев, Сильвин, Старков… Мартова, как еврея, загнали в самый северный пункт – в Туруханск, куда в 10-е годы XX века сослали Сталина. Эти края были отделены от мира топями и болотами, и всё время ссылки связь с Мартовым поддерживалась лишь письменно.

Ульянову и Кржижановскому, получившим три года под гласный надзор полиции, местом ссылки был назначен Минусинский округ Енисейской губернии.

Заболевшего в тюрьме Запорожца временно отдали на поруки родителям, он находился под гласным надзором полиции и в 1905 году, неизлечимо душевнобольной, умер от туберкулёза лёгких – 32 лет от роду.

Для Ванеева, умершего в ссылке тоже от туберкулёза, земля Сибири стала могилой. Остальные выжили и все, кроме Малченко и Старкова, продолжили революционную работу.

Впрочем, ничего этого не знали те семеро, что пришли в петербургскую фотографию „Везенберг и К°“ сняться перед отъездом туда, „куда Макар телят не гонял“…

Осуждённым было разрешено пробыть перед отправкой в ссылку три дня в столице в семьях: оказались успешными хлопоты матери Мартова перед её знакомым – директором департамента полиции Зволянским. Времени хватило и на два долгих вечерних собрания, и на фотосъёмку.

Сейчас это фото знаменито, оно воспроизводится во всех иллюстрированных изданиях о Ленине, и оно действительно выразительно. Но особенно бросается в глаза лицо Ленина. Он и вообще-то редко в молодости на фото улыбается, а тут сосредоточен донельзя – год с лишним одиночки если не ломает, то закаляет.

Вот он и закалился.

И этот его взгляд, зафиксированный фотокамерой в окружении друзей, ничего хорошего врагам не сулил.

И как иначе?

17 февраля 1897 года Ленин выехал из Петербурга в ссылку. Уже его собственная мать выхлопотала сыну разрешение ехать в Сибирь за свой счёт – по проходному свидетельству в распоряжение иркутского генерал-губернатора, а не по этапу. Это было и быстрее, и, главное, неизмеримо удобнее: камеры пересыльных тюрем – не лучшее место ночлега для путешественника.

Сделав разрешённую ему на три дня остановку в Москве, Ленин 22 февраля 1897 года выехал в Красноярск и вечером 8 мая прибыл в село Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии.

В этом, удалённом тогда от железной дороги более чем на 600 вёрст, селе в 30—50-е годы XIX века жили ссыльные декабристы 1825 года, здесь же позднее отбывал ссылку знаменитый Михаил Буташевич-Петрашевский (1821–1866). Иными словами – свято место пусто не бывает, и теперь здесь предстояло жить три года „декабристу“ 1895 года Ульянову.

О жизни Ленина и его молодой жены Надежды Крупской, приехавшей к нему в ссылку с матерью, в советское время и написано было немало, и знали об этой жизни, все, собственно, советские люди.

Сегодня молодые ребята в России стараниями ненавистников Ленина (что, вообще-то, тождественно ненависти к России), не очень-то твёрдо знают, кто такой Ленин вообще. Тем не менее, на годах ссылки Ленина в Шушенском мы долго останавливаться не будем, хотя о них можно написать отдельную ***документальную*** и вполне интересную книгу.

Можно было бы, к слову, написать и роман, содержащий, кроме прочего, историю романтической любви.

В своём чувстве к хрупкой, но с роскошной русой косой, Наденьке Крупской, соратнице по „Союзу борьбы“, Ленин признался, сидя в тюрьме, – в одном из своих „молочных“ писем. Рано осиротевшая, избранница Владимира Ильича родилась в Петербурге в семье революционно настроенного интеллигента Константина Игнатьевича Крупского. Свои позднейшие записки „Моя жизнь“ Крупская начала так:

„Я родилась в 1869 году. Родители хотя и были дворяне про происхождению, но не было у них ни кола, ни двора, и когда они поженились, то бывало нередко так, что приходилось занимать двугривенный, чтобы купить еды.

Мать воспитывалась на казённый счет в институте, была круглой сиротой и прямо со школьной скамьи пошла в гувернантки.

У отца родители умерли рано, и он воспитывался в корпусе и военном училище, откуда вышел офицером. Отец всегда много читал… Он умер, когда мне было 14 лет…“

Отец Крупской был честным и справедливым человеком, и, получив место уездного начальника в русской Польше, вскоре по доносу был уволен, судился, но был оправдан сенатом лишь незадолго до смерти. Жизнь, что называется, особо не задалась – с житейской точки зрения, но жили муж и жена Крупские дружно и друг с другом, и с дочерью. После смерти отца мать и дочь уже не расставались до смерти матери.

В 1890 году Надежда вступила в студенческий марксистский кружок, а затем – в группу Михаила Бруснева (1864–1937), создателя одной из первых российских социал-демократических организаций, куда входило до 20 рабочих кружков.

Окончивший в 1891 году столичную „Техноложку“ – Технологический институт, Бруснев был в своё время личностью знаменитой, яркой и боевой. Во время похорон публициста И. В. Шелгунова он организовал первую в России маёвку, успешно объединял кружки в Москве, Туле, Нижнем Новгороде, вёл борьбу с народовольческими идеями, сотрудничал с группой Плеханова.

В апреле 1892 года Бруснева арестовали. Приговор для социал-демократа оказался суровым, и после нескольких лет одиночного заключения и десятилетней ссылки Бруснев от активной политической деятельности отошёл. Не исключаю, что именно пример расправы с ним способствовал решению Ленина создавать основную организационную базу партии за рубежом.

Вне сомнений, Крупская испытывала сильное влияние Бруснева – он умел увлечь молодых, и арест старшего товарища её от революции не оттолкнул. С 1891 года Крупская работала в вечерне-воскресной Смоленской школе для рабочих за Нарвской заставой, а в 1898 году была арестована и осуждена по делу ленинского „Союза“ – на три года ссылки в Уфимскую губернию. Но сразу же стала хлопотать о замене места ссылки на Шушенское, поскольку Ленин просил приехать к нему и стать его женой.

Крупская ответила: „Ну, что ж, женой, так женой“… Потом над этим полушутливым ответом оба не раз смеялись.

Надежда Константиновна приехала в Шушенское с матерью Елизаветой Васильевной, в начале мая 1898 года, и тут со свадьбой вышла заминка. Крупской было поставлено условие: или немедленное замужество, или отправка обратно в Уфу. Однако для венчания требовался так называемый статейный список ссыльного, а „список“ Ленина затерялся. Ещё до приезда будущей

жены Ленин писал 7 февраля 1898 года матери:

„*Анюта* (старшая сестра. – *С.К.*) *спрашивает – когда свадьба и даже кого „приглашаем“?! Какая быстрая! Сначала надо ещё Надежде Константиновне приехать, затем на женитьбу надо разрешение начальства – мы ведь люди совсем бесправные. Вот тут и „приглашай“!..*“[227]

К счастью, всё плохое имеет не только начало, но и конец – список нашёлся, и 10 июля сыграли скромную свадьбу. И жизнь пошла, вообще-то, неплохая, да и местность оказалась вполне здоровой.

Сразу по приезде – 10 мая 1898 года Крупская написала будущей свекрови письмо, начинавшееся бодро:

„*Дорогая Марья Александровна! Добрались мы до Шушенского, и я исполняю своё обещание – написать, как выглядит Володя. По-моему, он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере. Одна здешняя обитательница полька* (жена ссыльного И. Л. Проминского. – *С.К.*) *говорит: „пан Ульянов всегда весел“. Увлекается он страшно охотой, да и вообще тут все завзятые охотники, так что скоро, надо думать, буду высматривать всяких уток, чирков и т. п. зверей…*“[228]

И через тридцать лет Крупская вспоминала:

„Так живо встаёт перед глазами то время первобытной цельности и радостности существования. Всё какое-то первобытное – природа, щавель, грибы, охота, коньки, тесный, близкий круг товарищей – ездили на праздники в Минусинск, совместные прогулки, пение, совместное какое-то наивное веселье, дома – мама, домашнее первобытное хозяйство, полунатуральное, наша жизнь – совместная работа, одни и те же переживания, реакции: получили Бернштейна, возмущаемся, негодуем и т. д.“[229]

Крупская достаточно часто писала и свекрови, и обеим золовкам, и письма Крупской из ссылки не просто интересны и полны чисто „крупского“ мягкого юмора. Именно они рисуют картину жизни в Шушенском наиболее полно и достоверно, а при этом рисуют ярко, с многими деталями, включая привязанность к Ленину его охотничьей собаки Дженни и т. д.

Сама Крупская в одном из писем – от 14 октября 1898 года, признавалась, что „*Володя всегда удивляется, где это у меня материал берётся для длинных писем, но он в своих письмах пишет только о вещах, имеющих общечеловеческий интерес, а я пишу о всякой пустяковине*“…

Вот благодаря этой „пустяковине“ мы и имеем возможность хорошо представить себе ульяновское житьё-бытьё в шушенском захолустье.

Это житьё было не всегда простым, но всегда дружным, с готовностью и Ленина, и Крупской, и тёщи весело и беззлобно подтрунить как над житейскими казусами, так и друг над другом.

Впрочем, „первобытные“ радости были всё же лишь разрядкой, особенно для Ленина. Все три года ссылки в Шушенском были заполнены прежде всего работой. Ленин тогда написал ряд статей и трудов, но выделяется здесь, конечно же, капитальный труд „Развитие капитализма в России“. Это фундаментальное исследование „потянуло“ бы по нынешним временам не на одну докторскую диссертацию и потребовало от автора огромных затрат времени и энергии. Без всякого Интернета Ленин обработал и проанализировал гору материала. В книге только упоминается и цитируется более 500 различных источников: книг, сборников, исследований, обзоров, статей, а фактическое число использованных источников было ещё больше.

„Развитие капитализма“ вышло в марте 1899 года в Петербурге в издательстве М. И. Водовозовой под псевдонимом „Владимир Ильин“ тиражом в 2 400 экземпляров и быстро разошлась по цене в 2 рубля 50 копеек за экземпляр.

До Ленина книга дошла в мае 1899 года, когда до окончания его ссылки оставалось чуть более полугода.

С бытовой стороны жизнь в Шушенском была устроена так, что не будет преувеличением сказать: ссылка пошла Ильичу на пользу. Он окреп, отъелся – поскольку пища была простая, но здоровая, много гулял, купался, охотился. А регулярная работа над книгами и статьями вводила режим дня в строгие рамки, что тоже было неплохо.

Но ошибётся тот, кто скажет – а сейчас хватает и таких, что царизм-де устроил Ленину что-то вроде трёхлетнего курорта. Но, как говаривали позднее: „Лучше Северный Кавказ, чем Южный Сахалин“, и Енисейская губерния в числе курортных зон тоже не числилась. Далеко не все ссыльные с этого „курорта“ возвращались!

А Ленин жил в Шушенском здоровой жизнью потому, что он всегда жил здоровой жизнью – и тогда, когда к тому была возможность, и даже тогда, когда возможности к тому были крайне ограниченными, как вот в тюрьме, например.

В отличие от многих своих „интеллигентных“ современников он любил физическую активность и тем более охотно поддерживал спортивную форму, что понимал: хорошая форма – основа высокой работоспособности. В письме Марии-„Маняше“, писанном 24 декабря 1894 года из Петербурга в Москву, старший брат мягко, но вполне определённо выговаривал сестре:

„Основательно ли гуляешь теперь? Вероятно, нет. Почему бы тебе не кататься на коньках? Ты скажешь опять: „скучно“. Да ведь нельзя доводить себя до такой слабости: „весёлого“ тут ещё меньше. Надо себя заставить“[230].

А в одном из первых писем матери и сестре Анне из Шушенского он 25 мая 1897 года сообщал:

„Живу я… недурно, усиленно занимаюсь охотой, перезнакомился с местными охотниками и езжу с ними охотиться. Начал купаться (в мае в Сибири! – *С.К.*) – *пока ещё приходится ходить довольно далеко, версты* $2^1/_2$, *а потом можно будет поближе, версты* $1^1/_2$. *Но для меня все такие расстояния ничего не значат, потому что я, и помимо охоты и купанья, трачу большую часть времени на прогулки. Скучаю только по газетам…*“[231]

Здесь всё ясно – после „одиночки“ на Шпалерной, после напряжённых последних лет нелегальной работы, можно на время и расслабиться. Но уже вскоре были получены газеты и книги, и час „потех“ уступил место времени дел…

Ленину нигде и никогда не было скучно. Мало того, что он умел занять себя, причём – не занятием ради занятия, а большой и важной работой, он ведь всегда имел в своём распоряжении такого содержательного и глубокого собеседника, как Владимир Ульянов.

И поговорить им всегда было о чём.

Было о чём и подумать – посреди енисейских просторов…

Но человек – существо общественное, и хорошо, когда есть с кем перемолвиться словом. Как говорится: одиночество – хорошая вещь, особенно когда об этом есть кому сказать… До приезда Крупских „общение“ Ленина ограничивалось – кроме обычных житейских контактов с местными жителями – ссыльным рабочим-финном Оскаром Энбергом, который был человеком неплохим, но, увы, не чуждым рюмки… Общался Ленин ещё и со ссыльным же семейным поляком Проминским с женой Доминикой и шестью детьми.

Не густо.

После приезда невесты и тёщи всё изменилось: в доме постоянно прописались весёлое подшучивание, уютные беседы, ощущение полноты жизни – наперекор всему.

Письма из Шушенского – как самого Ленина, так и, особенно, Крупской, написанные

родным, полны оптимизма, описаний прогулок, занятий охотой, купаний, зимних развлечений… В ноябре 1898 года Крупская извещала Анну Ильиничну Ульянову-Елизарову:

„*Около нашего дома по инициативе Володи и Оскара* (Энберга. – *С.К.*) *сооружён каток, помогали учитель и ещё кое-кто из обывателей. Володя катается отлично и даже закладывает руки в карманы своей серой куртки как самый заправский спортсмен… Оскар катается плохо, так что падает без конца, я вовсе кататься не умею, для меня соорудили кресло, около которого я и стараюсь, …и делаю уже некоторые успехи… Для местной публики мы представляем даровое зрелище: дивятся на Володю, потешаются надо мной и Оскаром и немилосердно грызут орехи и кидают шелуху на наш знаменитый каток…*“[232]

А когда Ленину прислали из Красноярска коньки „Меркурий“, на которых, как писала Крупская, „можно „гиганить“ и всякие штуки делать“, то на радость себе и на потеху аборигенам Ленин освоил вообще фигурное катание. 24 января 1899 года Крупская сообщала „Мане“ Ульяновой: „*Володя вывез из Минусы* (в Минусинске всей компанией ссыльных отметили Новый год. – *С.К.*) *целую кучу коньковых штук и теперь поражает шушенских жителей разными „гигантскими шагами“ да „испанскими прыжками“…*“[233]

Идиллия?

Курорт?

А это – как сказать…

Захандрить на шушенском „курорте“ можно было в два счёта! Ведь у „курортной“ „медали“ была и другая сторона. Вот что писал Ленин сестре 19 июля 1897 года:

„*Ты просишь, Маняша, описать село Шу-шу-шу… Гм, гм!.. Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных – всё как следует быть. Стоит в степи – садов и вообще растительности нет. Окружено село…* (многоточие Ленина. – *С.К.*) *навозом, которого здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 1–1$^1/_2$ от села… Шушь впадает в Енисей, который образует здесь массу островов и протоков… Купаюсь я в самом большом протоке… С другой стороны (противоположной реке Шушь) верстах в 1$^1/_2$ – „бор“, как торжественно называют крестьяне, а на самом деле преплохонький, сильно повырубленный лесишко, в котором нет даже настоящей тени (зато много клубники!) и который не имеет ничего общего с сибирской тайгой, о которой я пока только слыхал, но не бывал в ней (она отсюда не менее 30–40 вёрст)…*“[234]

Ну, как, хорош „курорт“?

Особенно – после Невского проспекта?

Курорты с грязевыми ваннами бывают…

Но с „навозными“?..

Так что тот факт, что Ленин за время ссылки явно поздоровел, надо относить не на счёт „заботливого“ к революционерам царского правительства, а на счёт активного отношения Ленина к жизни и его жизнелюбия.

Дюма-отец в знаменитом своём романе „Сорок пять“ написал о Маргарите Наваррской:

„Люди выдающегося ума или же полные неуёмных жизненных сил не могут существовать одиноко. Каждому их чувству, каждой склонности словно сопутствуют явления и вещи, им соответствующие, и притягательная сила чувств и склонностей вовлекает эти вещи и явления в круговорот их жизни, так что люди эти живут и чувствуют не по-обычному: их ощущения в десять раз богаче и разнообразнее, их существование словно удваивается“[235].

Это написано и о Ленине, причём его чувствам и склонностям времён жизни в Шушенском

сопутствовали книги, письменный стол, заваленный бумагами, перо с чернильницей, а к этому – охотничье ружьишко и коньки…

Главным в этом перечне вещей, были, конечно же, книги… Книги, Лениным читаемые и прорабатываемые, а также и те книги, которые писал он сам или переводил с помощью жены для заработка.

Казённого „жалования“ – как ссыльный, Ленин получал 8 рублей в месяц, но этого для нормальной жизни было мало. И выручали не только деньги от матери, но и литературные гонорары… Только-только устроившись в Шушенском, ещё один, он 25 мая 2897 года сообщает сестре Анюте: „*Полученный за первую статью гонорар хватит мне, я думаю, почти на год в дополнение к моему жалованию*“[236]

С апреля по июль 1897 года в журнале „легальных марксистов“ „Новое Слово“ публиковалась большая работа „К. Т-на“ „К характеристике экономического романтизма“, посвящённая критике взглядов швейцарского экономиста де Сисмонди (1773–1842).

По тем временам – когда ещё были сильны народнические взгляды, необходимость в такой критике была очевидна, однако сейчас для нас представляет особый интерес прежде всего одна мысль молодого „К. Т-на“, то есть – Владимира Ульянова, которая вполне приложима ко всей его (и не только его!) деятельности:

„Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что *они дали нового* сравнительно с своими предшественниками“[237].

Эта мысль 27-летнего Ленина хорошо соотносится с более ранней его мыслью, высказанной в „Друзьях народа…“:

„…идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории; история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? В чём состоят гарантии того, что эта деятельность не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных?..“[238]

Не забудем – эта написано 24-летним человеком, который, при всей ранней своей цельности, ещё продолжал формироваться. Но, как видим, уже задумывался – не фатовским, не тщеславным, а вполне деловым образом над тем, что делает индивидуума историческим деятелем, при каких условиях исторический деятель становится таковым!?

Отвечая на последний вопрос, Ленин в 1894 году писал:

„В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьёзные плоды?..“[239]

А далее Ленин ясно даёт понять, что успех исторической личности, стремящейся к осуществлению социалистического строя определяется тем, насколько верно эта личность представляет себе „группировку общественных сил в России“ и насколько отдаёт себе отчёт в том, что выходом из ситуации может быть лишь организация классовой борьбы пролетариата против буржуазии.

Не экономическая борьба за улучшение жизни в буржуазном обществе, а ***политическая борьба за власть*** во имя осуществления социалистического строя – вот „символ веры“ Ленина, его ***credo***.

В августе 1899 года в селе Ермаковском Ленин проводит совещание ссыльных социал-демократов. Дату совещания определила, собственно, Ольга Лепешинская (1871–1963), жена

ссыльного социал-демократа П. Н. Лепешинского (1868–1994), поскольку формальным поводом собраться стало празднование дня рождения дочери Лепешинских.

В самом Ермаковском жили Ванеев с женой, М. А. Сильвин, В. К. Курнатовский и Лепешинские, из Минусинска приехали Старков и Кржижановский с жёнами, из села Тесинского – А. С. Шаповалов, Н. Н. Панин, Ф. В. Ленгник и Е. В. Барамзин, а из Шушенского – Ленин с Крупской и путиловский рабочий-финн Оскар Энберг, сосланный в 1897 году за участие в забастовке.

Все 17 собравшихся подписали написанный Лениным „Протест российских социал-демократов“ против появившегося тогда „манифеста“ ревизионистов-„экономистов“ – известного в то время „Credo“ („Верую“) Елены Кусковой. „Протест“ поддержал тогда и Мартов, а Ленин в „Протесте“ цитировал „одного из передовых борцов русской социал-демократии П. Б. Аксельрода“…

Да, тогда Ленин ещё относился к „старым борцам“ с уважением. С тем же Аксельродом он переписывался, будучи в ссылке, причём письма хотя и отправлялись по почте, но пересылались вначале в пределах России в корешках книг нейтральным адресатам, потом через несколько рук попадали за границу к сестре Ленина – Анне Ульяновой-Елизаровой, жившей тогда в Берлине, а уж она переписывала их и пересылала Аксельроду в Цюрих[240].

Одно из таких писем – от 16 августа 1897 года, сохранилось как раз благодаря тому, что Анна Ильинична сохранила его копию:

„Дорогой Павел Борисович! Я очень и очень рад, что мне удалось-таки получить от Вас письмо… и вести о Вас и Г.В. (Плеханове. – *С.К.*). Ваши и его отзывы о моих литературных попытках (для рабочих) (так скромно аттестовано Лениным его блестящее „Объяснение о штрафах“. – *С.К.*) меня чрезвычайно ободрили. Я ничего так не желал бы, ни о чём так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих. Но как это сделать отсюда? Очень и очень трудно, но не невозможно, по-моему. Как здоровье В. Ив. (Веры Засулич. – *С.К.*)?

…Про меня Вам, конечно, рассказывали достаточно, так что добавлять нечего. Живу я здесь в одиночестве. Здоров вполне и занимаюсь понемногу и для журнала („Новое Слово“. – *С.К.*) и для своей большой работы („Развитие капитализма в России“. – *С.К.*).

Жму крепко Вашу руку. Сердечный привет В. Ив. и Г.В.

Ваш *В.У.*“[241]

Уважение к адресату, к Плеханову и Засулич здесь налицо. Они для Ленина всё ещё авторитеты, непререкаемые старшие товарищи. Вот как оно было тогда, когда социал-демократическое движение было больше течением мысли, а не массовым политическим явлением.

Но как только за мыслью потребовались дела, все потенциальные соглашатели, включая Плеханова и Аксельрода, отвалились от Ленина, как скорлупа от круто сваренного яйца.

За годы ссылки Ленин хорошо обдумал – что он будет делать и как будет вести дело партии после ссылки. Партия – это объединение сил, а в условиях правительственных преследований импульс объединению может дать лишь неподцензурная, то есть – нелегальная, газета, свободно издаваемая вне России.

Крупская позднее вспоминала, что план создания общерусской нелегальной газеты, издаваемой за границей и распространяемой в России для объединения всех революционных социал-демократов, постоянно занимал Ленина, постоянно им совершенствовался и обретал всё более конкретные черты.

Ленин рвался к настоящему делу, однако было неясно – не продлят ли ему срок ссылки?

Наконец, в начале января 1900 года департамент полиции известил ссыльного Ульянова, что министр внутренних дел воспретил ему по окончании ссылки проживание в столичных и университетских городах и крупных рабочих центрах.

Ленин избрал местом жительства Псков, как наиболее близкий к Петербургу город, и утром 29 января 1900 года вместе с семьёй отправился из Шушенского в долгий путь. Формально – в Псков, а, фактически, как мы знаем сейчас, – к будущей победе пролетарской революции.

Поскольку срок ссылки Крупской ещё не окончился, она вскоре уехала в Уфу – отбывать остаток ссылки. Из Уфы она писала младшей золовке 30 марта 1900 года:

„*Милая Маняша! Третьего дня послала тебе и М.А.* (Марии Александровне. – *С.К.*) *письмо, а вчера получила от вас. Очень я рада, что М.А., может быть, поедет к Володе* (в Псков. – *С.К.*), *я-то, очевидно, не скоро ещё смогу двинуться. Да, похудел Володя очень, это за последнее время его так подтянуло, а то он выглядел очень хорошо. Я думаю, тут не столько катар виноват, сколько бессонница. Последнее время он хронически не досыпал, волновался перед отъездом… Как поехали, так Володя повеселел сразу и есть и спать стал по человечески…*“[242]

Не очень, выходит, сладко жилось Ленину на „шушенском курорте“, если одна мысль о том, что здесь, возможно, придётся задержаться, обеспечила „курортнику“ хроническую бессонницу.

В марте 1900 года Ленин созывает в Пскове совещание по вопросу издания за границей нелегальной газеты. Состав совещающихся был не сказать что полностью боевым: Ленин, Ю. О. Цедербаум (Л. Мартов), А. Н. Потресов („Арсеньев“, „А.Н.“, „Старовер“), С. И. Радченко с одной стороны и „легальные марксисты“ П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский с другой стороны. На совещании обсуждался проект как общерусской газеты, позднее названной „Искра“, так и научно-политического (теоретического) марксистского журнал, который в 1901–1902 годах издавался в Штутгарте под названием „Заря“.

Совещание было созвано Лениным не на пустом месте – ещё до того как бывший ссыльный Ульянов добрался до определённого ему царизмом места жительства, он успел проделать немало дел!

По дороге из ссылки он остановился в Уфе, где встретился с сосланными в Уфу А. Д. Цюрупой (1870–1928) и А. И. Свидерским (1878–1933) – впоследствии видными большевиками, советскими государственными деятелями.

В феврале Ленин нелегально приезжает в Москву, где видится с инженером Г. Б. Красиным „Кузеном“, братом крупного в будущем советского государственного деятеля Л. Б. Красина (откуда и партийная кличка „Кузен“), и с И. Х. Лалаянцем („Колумб“, „Инсаров“, „Ник. Ив.“) (1870–1933).

Лалаянца Ленин знал ещё по Казани, по марксистскому кружку Н. Е. Федосеева, и по Самаре, но встречу они устроили не ради дружеских воспоминаний. В 1895 году Лалаянц был выслан в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), вёл там революционную работу, принимал участие в подготовке Минского съезда РСДРП, прошедшего с 1(13) по 3(15) марта 1898 года – Ленин тогда был в Шушенском.

Теперь речь шла о подготовке уже II съезда и о том, что украинские социал-демократы предлагают Ленину принять участие в редактировании их нелегального органа – „Рабочей Газеты“ (в советское время так стал называться орган ЦК КП(б) Украины). „Рабочая Газета“ была признана и как официальный орган всей РСДРП, и Ленин в ссылке написал ряд статей для неё.

Поскольку дела с газетой не заладились, статьи оказались неопубликованными, хотя свою роль сыграли – я ещё о них скажу.

А сейчас – немного об Исааке Христофоровиче Лалаянце…

Подобно Владимиру Ульянову, он учился в Казанском университете. Как и Ульянова его – в 1889 году, исключили. Лалаянц был выслан в Самару, и здесь вошёл в нелегальный кружок. Высланный затем на Украину, участвовал в создании екатеринославского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“, редактировал нелегальную газету „Южный рабочий“.

Накануне 1 мая 1900 года Лалаянца арестовали и после предварительного заключения в марте 1902 года сослали в Сибирь, откуда он бежал за границу к Ленину, заведовал типографией „Искры“, после II съезда работал агентом „Искры“ в России, был одним из организаторов Бюро южных комитетов большинства.

В 1904 году – новый арест, ссылка на 5 лет в Вологодскую губернию, новый побег и нелегальная работа агентом ЦК. В 1906 году Лалаянц – среди организаторов конференции военных и боевых организаций большевиков в Таммерфорсе, где выступил с докладом о вооружённом восстании. Вскоре после конференции его в очередной раз арестовывают и после двух лет „предварилки“ приговаривают к 6 годам каторги.

В 1913 году, по окончании срока каторги, он был определён на вечное поселение в Восточной Сибири. И с этого момента боевой революционер Лалаянц заканчивается – от партии он отходит. Всё, что можно сказать о нём в более поздние времена, это то, что с 1922 года Лалаянц работал в Главполитпросвете Наркомпроса, написал воспоминания „У истоков большевизма“…

Вот такая судьба.

Как часто в этой книге, упоминая о тех или иных людях, то или иное время деливших с Лениным повседневность революционных забот, приходится затем писать: „от революционной деятельности отошёл“.

Уж как по-боевому начинал Бруснев, а вот же – прожив двадцать лет уже после Октября 1917 года, он просто жил, отойдя от „политики“ уже ко времени первой русской революции. Осуждать Бруснева за это не поворачивается язык и не поднимается рука – тюрьма, ссылка сломали человека как бойца, и он отошёл в сторону, Лалаянц тоже „отошёл“.

Судить и его вряд ли можно – он хлебнул лиха вдосталь и немало в своё время сделал, о нём есть статья во 2-м, „сталинском“ издании БСЭ. Однако на примере Лалянца и многих других ***временных*** соратников Ленина можно понять, как непросто было Ленину… У автора поэмы о Ленине „Лонжюмо“ Андрея Вознесенского, впоследствии тоже „отошедшего“ от честного гражданского пути, есть написанные по другому поводу строчки: „Тому же, кто вынес огонь сквозь потраву, – вечная слава!“

Ленин горел, но не сгорел.

Сгорел – не физически, ровесник Ленина Лалаянц… Физически Лалаянц – после всех его испытаний – пережил Ленина на 11 лет. Но духовно он сгорел ещё до Октября 1917 года.

Ленин же вынес огонь через всё, через все потравы!

И заслужил вечную славу.

Возвращаясь же в начало 1900 года, сообщу, что из Москвы, посещённой им нелегально, Ленин также нелегально приезжает в феврале в Петербург, где, кроме прочих встреч, ведёт переговоры с приехавшей в Россию Верой Засулич об участии группы „Освобождение труда“ в издании общерусской марксистской газеты.

А после этого – в Псков…

Глава 15. Как чуть не потухла «Искра»

26 февраля 1900 года Ленин водворяется в Пскове – под негласный надзор полиции. Гласный надзор означал необходимость регулярно лично отмечаться в полицейском участке, негласный надзор – тайную слежку.

Однако Ленин был уже несомненным мастером конспирации, и от слежки при необходимости уходить умел.

Он устраивается на работу в губернском статистическом управлении и обращается с прошением к директору департамента полиции о разрешении Крупской отбыть срок гласного надзора не в Уфе, а в Пскове. В просьбе мужа – естественной по отношению к жене, отказано, как позднее будет отказано и в просьбе прожить полтора месяца в Уфе в связи с болезнью Крупской.

Как всегда и везде, Ленин в Пскове много работает, пишет, но главная цель – будущая газета. Он нелегально едет в Ригу, где встречается с местными социал-демократами, затем совещается с партийными коллегами в Петербурге, где его арестовывают и допрашивают в охранном отделении, однако через полторы недели выпускают и в сопровождении полицейского чиновника отправляют в Подольск, где жила мать.

Наконец, ему разрешают выехать к жене в Уфу вместе с матерью и сестрой Анной. Проезжая через Нижний Новгород, Ленин совещается с нижегородскими марксистами, в Уфе договаривается с Цюрупой и Свидерским о материалах для ещё лишь задуманной «Искры», заезжает с теми же целями в Самару и в Сызрань.

Сызрань, надо заметить, была в программе пунктом особым. Здесь Ленин заручается – в видах издания газеты – финансовой поддержкой Александра Ерамасова. Сызранец Ерамасов – фигура, в ленинской биографии в некотором роде не проходная, так что о нём ещё будет сказано отдельно – в своём месте.

В июле 1900 года Ленин встречается в Смоленске со старым помощником по «Союзу борьбы» Иваном Бабушкиным (1873–1906), питерским социал-демократом из рабочих, будущим агентом и корреспондентом «Искры». В 1906 году Бабушкин стал одним из руководителей вооружённого восстания в Чите и Иркутске и был расстрелян царскими карателями. Об этой – палаческой, стороне жизни в царской России тоже будет сказано в своё время.

Наконец, все русские дела как-то налажены, и 16(29) июля 1900 года Ленин выезжает в Германию – вполне официально, с полученным в мае специально для этой поездки заграничным паспортом. Но он уже почти твёрдо знает, что в ближайшие годы в Россию не вернётся – его ждёт дело «Искры».

Ещё в Сибири он написал три статьи для украинской «Рабочей Газеты». Все три были объединены общей мыслью и представляли собой ***вполне стройную концепцию совершенно нового подхода к партийной работе в РСДРП.***

В первой – «Наша программа» говорилось:

«…Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку… и наметила путь, по которому должно идти, развивая дальше эту науку… Она научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудрёных законов, хитросплетённых учений – борьбу имущих классов с массой неимущих… Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, а *организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой – завоевание политической власти*

пролетариатом и организация социалистического общества»[243].

Ленин писал для современников, и все, кто так или иначе имел тогда отношение к социал-демократии, понимали, что, говоря о «сочинении планов переустройства общества», Ленин имеет в виду «легальных марксистов» профессорского толка, что осуждение Лениным «проповеди капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих» относится к «экономистам»… А осуждение «устройства заговоров» – это камень в адрес нео-народников и возникающей на их базе партии эсеров.

Вторая статья называлась «Наша ближайшая задача», и в ней Ленин писал:

«…Два главных вопроса выдвигается при постановке такой задачи с особенной силой. 1) Как совместить необходимость полной свободы местной социал-демократической деятельности с необходимостью образовать единую – и, следовательно, централистскую, – партию?.. 2) Как совместить стремление социал-демократии стать революционной партией… с тем, что социал-демократия решительно отказывается устраивать политические заговоры, решительно отказывается „звать рабочих на баррикады“ (по верному выражению П. Б. Аксельрда) или вообще навязывать рабочим тот или иной план атаки на правительство, сочинённый компанией революционеров?

…Мы думаем, что в настоящее время самая насущная задача состоит в том, чтобы взяться за решение этих вопросов, и что для этого мы должны поставить своей ближайшей целью – *организацию правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии*…»[244]

Если посмотреть на ленинский тезис 1900 года о том, что социал-демократия решительно отказывается звать рабочих на баррикады и навязывать рабочим тот или иной план атаки на правительство, и сопоставить его с позицией Ленина уже через пять лет – в 1905 году, когда в разгаре была первая русская революция, то может возникнуть недоумённая мысль: «Один ли это человек писал и говорил?»

В 1900 году – никаких баррикад, а в 1905 году – мы это в своём месте увидим – настойчивое требование создавать и вооружать боевые дружины, готовить восстание по заранее обдуманному плану!

Как это понимать?

Да очень просто: в 1900 году звать рабочих на баррикады могли лишь авантюристы, а к 1905 году ситуация изменилась. Хотя и тогда не всё было так просто – я об этом в своём месте скажу.

Что же до статьи «Наша ближайшая задача», то Ленин пояснял в её конце, что необходимость сосредоточить все силы на газете вызвана тем, что русская социал-демократия, в отличие от социал-демократии других европейских стран, не имеет легальных возможностей ни парламентской работы, ни выборной агитации, ни участия в местном самоуправлении. «У нас *заменой всего этого*, но именно *всего* этого, – писал Ленин, – должна служить – пока мы не завоевали политической свободы – революционная газета».

В заключительной статье «Насущный вопрос» рассматривался вопрос организации и было сказано:

«Местная кустарная работа ведёт к чрезмерному обилию личных связей, к кружковщине, а мы уже выросли из кружковщины… Только слияние в одну партию даст возможность систематически провести принцип разделения труда и экономии сил… Против нас, против маленьких групп социалистов, ютящихся по широкому русскому подполью, стоит гигантский механизм могущественнейшего государства… Мы убеждены, что мы сломим в конце концов это полицейское государство, …но, чтобы вести систематическую борьбу против правительства, мы должны довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства. Необходимо, чтобы отдельные члены партии или отдельные

группы членов специализировались на отдельных сторонах партийной работы, одни – на воспроизведении литературы, другие – на перевозке из-за границы, третьи – на развозке по России, четвёртые – на разноске в городах, пятые – на устройстве конспиративных квартир, шестые – на сборе денег, седьмые – на организации доставки корреспонденции и всех сведений и движении и пр. и пр. …»[245]

«Такая специализация, – заключал Ленин, – требует, мы знаем это, гораздо большей выдержки, гораздо больше уменья сосредоточится на скромной, невидной, черновой работе, гораздо больше истинного героизма, чем обыкновенная кружковая работа».

Ему всего тридцать лет (или уже тридцать лет?), и он видит свою жизнь на много лет вперёд как невидную, черновую работу по подготовке России к социальной революции и последующему социальному переустройству.

В начале августа 1900 года Ленин добирается до Цюриха – полный готовности приступить к делу, то есть – к налаживанию издания «Искры» и подготовке первого номера.

И вот тут…

И вот тут в течение каких-то двух недель произошли события, внутреннее напряжение которых чуть не разрушило все планы.

Собственно, чтобы описать коллизию подробно, надо было бы привести – с минимальными пояснениями, опубликованную лишь после смерти Ленина в 1924 году в Ленинском сборнике I ленинскую рукопись под названием «Как чуть не потухла „Искра“?»

Там всё расписано подробнейше самим Лениным, причём так откровенно, что становится ясно – он не предназначал рукопись для публикации, а, скорее, вылил в ней всю горечь тех дней…

В 4-м томе Полного собрания сочинений эти записи занимают семнадцать страниц – с 334-ю по 352-ю включительно (на 335-й странице приведено факсимиле первой страницы рукописи), и желающие могут познакомиться с ними самостоятельно.

Здесь же придётся ограничиться кратким пересказом…

Вначале Ленин встретился с П. Б. Аксельродом, и они провели два дня «в очень душевной беседе». Затем Ленин отправился в Женеву – к Г. В. Плеханову, и там Потресов («Арсеньев»), уже находившийся в Женеве, предупредил, что «надо быть очень осторожным с Г.В.»

Плеханов был недоволен многим, начиная с того, что Ленин и Потресов готовы лояльно сотрудничать – в рамках возможного, с «легальными марксистами» П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановским. Как писал Ленин, Плеханов «проявлял абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность», и «в товарищеской беседе между будущими соредакторами эта… дипломатичность поражала крайне неприятно».

Мало что изменил и общий «съезд» в составе Плеханова, Аксельрода, Веры Засулич, Ленина и Потресова… Мартов, которого Ленин в рукописи назвал «нашим третьим» приехать не смог, зато до Женевы добрался Струве, и начались непростые дискуссии. Причём в гневных филиппиках Плеханова был тогда некий пикантный момент, но о чём шла речь конкретно, читатель узнает позднее – когда повествование дойдёт до V съезда РСДРП…

Плеханов то и дело угрожал тем, что откажется от роли соредактора и будет «простым сотрудником», причём даже Засулич заметила, что Георгий Валентинович «всегда полемизирует так, что вызывает в читателе сочувствие к своему противнику»… Тем не менее, после всех ультиматумов было решено, что в редакцию газеты войдут шесть редакторов (Плеханов, Ленин, Мартов, Аксельрод, Потресов и Засулич), но у Плеханова будет «по вопросам тактики» два голоса.

Плеханов сразу же принимает «тон редактора», «не допускающий возражений», и «берёт в

руки бразды правления».

«Мы сидим все, – писал Ленин, – как в воду опущенные, безучастно со всем соглашаясь и не будучи ещё в состоянии переварить происшедшее. Мы чувствуем, что оказались в дураках, что наши замечания становятся всё более робкими… Мы сознавали, что одурачены окончательно и разбиты наголову… Мы сознали теперь совершенно ясно, что утреннее заявление Плеханова об отказе от соредакторства было простой ловушкой, рассчитанным шахматным ходом, западнёй для наивных „пижонов“…»

Н-да…

Историки партии не заостряли внимание на этом моменте в жизни Ленина, а зря!

Здесь есть над чем задуматься и есть что в Ленине понять…

С одной стороны, Ленин, если иметь в ввиду его ***политические*** взгляды, очень рано понял всё то, что многие не поняли вообще. Уже в 1900 году Ленин в основных чертах ***политически*** мыслил примерно так же, как он мыслил в 1917 году. С другой стороны, если иметь в виду ***жизненный опыт*** Ленина, то в 1900 году Ленин был житейски ещё простодушен и психологически достаточно наивен. И в этом не было ничего удивительно, напротив – никак иначе быть и не могло!

Он вырос в атмосфере просто-таки образцовой семьи. Об этом будет сказано позднее отдельно, но сразу подчеркну, что Ленин как личность формировался в семье, где нормой были ***абсолютно честные***, откровенные отношения как между отцом и матерью, так и между родителями и детьми. Соответственно, такими же открытыми, ***абсолютно товарищескими*** были и отношения между братьями и сёстрами, а наличие в семье шести детей разного возраста обеспечивало прочную и весёлую детскую дружбу в пределах дома. Искать друзей и товарищей на стороне, вне дома, у Володи Ульянова необходимости не было, его товарищами были Саша, Оля, Аня, позднее – ещё и Маняша с Митей…

Да и мать с отцом тоже были для него не только нравственным образцом, но и старшими товарищами.

Выйдя во «взрослый» мир царской России, юный Владимир сразу же столкнулся лоб в лоб с его несовершенством и жестокостями, но именно что – лоб в лоб! А в новой «взрослой» среде – молодой революционной, ему психологически и житейски близкой, всё тоже было достаточно открыто. Были, конечно, чьи-то амбиции, обиды, но в целом все дискуссии носили идейный характер, споры и заблуждения были – по молодости – искренними. То же надо сказать и о до-тюремном, «кружковом» периоде жизни Владимира Ульянова: его чувства по отношению к товарищам, и чувства товарищей по отношению к нему проявлялись прямо.

В тюрьме и потом в ссылке конфликтов хватало, но и они были всё так же обнажёнными… Скажем, жандармы на допросах хитрили, хитрил на допросах и он. Но это были открытые, так сказать, хитрости.

И вот Ленин, полный хотя и не юношеского – ему уже тридцать лет, но вполне молодого – ему ведь всего тридцать лет, задора и энтузиазма, полный молодых сил, приезжает к старшим товарищам по борьбе в расчёте на полное понимание. Он предвкушает дружную работу как по организации партии через общерусскую газету, так и по развитию марксистской теоретической мысли через отдельный научно-политический журнал, и вдруг…

И вдруг сталкивается в Женеве с капризами Плеханова, с «шахматными ходами», иными словами – ***с интригой!***

В натуре Ленина не было интриганства до этого, и оно не пристало к нему впоследствии, хотя и ему пришлось освоить с годами искусство политических «шахматных ходов». Тем не менее, к нему – ***в реальной*** жизни, была в полной мере приложима характеристика, которую дал Дюма-отец своему ***литературному*** капитану мушкетёров де Тревилю: «Владея способностью

вести интригу не хуже искуснейших интриганов, он оставался честным человеком».

Но в 1900 году Ленин подобным искусством ещё не владел, и был, конечно, поведением Плеханова, ошарашен, как, впрочем, и Потресов…

Описывая, как «чуть не потухла» «Искра», Ленин признавался сам себе:

«Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, ни перед кем я не держал себя с таким смирением, и никогда не испытывал такого грубого пинка…, нас припугнули как детей, припугнули тем, что взрослые покинут нас и оставят одних, и, когда мы струсили (какой позор!) нас с невероятной бесцеремонностью отодвинули….

Ну, а раз человек, с которым мы хотим вести близкое общее дело, становясь в интимнейшие с ним отношения, раз такой человек пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход, – тут уже нечего сомневаться в том, что это человек нехороший, именно нехороший, что в нём сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он – человек неискренний. Это открытие – это было для нас (с Потресовым, – *С.К.*) настоящим открытием» – поразило нас как громом потому, что мы оба были до этого момента влюблены в Плеханова и как любимому человеку прощали ему всё, закрывали глаза на все недостатки, уверяя себя всеми силами, что этих недостатков нет…[246]

Итак, Ленин был ошеломлён, но какой же урок из всего этого он извлёк? Гадать здесь не приходится, потому что ответ мы находим у самого Ленина:

«Это был самый резкий жизненный урок, обидно-резкий, обидно-грубый. Младшие товарищи „ухаживали“ за старшим товарищем из огромной любви к нему, – а он вдруг вносит в эту атмосферу интриги и заставляет их почувствовать себя не младшими братьями, а дурачками, которых водят за нос, пешками, которые можно двигать по произволу, а то так даже и неумелыми Streber’ами (*нем*. „карьеристами“. – *С.К.*), которых надо посильнее припугнуть и придавить. И влюблённая юность получает от предмета своей любви горькое наставление: надо ко всем людям относиться „без сентиментальности“, надо держать камень за пазухой…»[247]

Ленин писал:

«Не будь этой влюблённости, относись мы к нему хладнокровнее, ровнее, смотри мы на него немного более со стороны, – мы иначе бы повели себя с ним и не испытали бы такого, в буквальном смысле, краха, такой „нравственной бани“ по совершенно верному выражению Арсеньева (Потресова. – *С.К.*)…»[248]

Конечно, на «крахе» всё не кончилось. ***Переговоры*** – теперь уже беседы с Плехановым и другими было точнее называть ***так*** – продолжались… Плеханов, как написал Ленин, «проявил всю свою ловкость, весь блеск своих примеров, сравнений, шуток и цитат, невольно заставлявших смеяться…» И было договорено, что журнал «Заря» – забота Плеханова, а газета «Искра» – за Лениным.

После этого Ленин с Потресовым уехали с настроением, которое Ленин описал с горечью:

«Мы решили не говорить о происшедшем никому, кроме самых близких лиц, – решили соблюсти аппарансы (приличия. – *С.К.*), – не дать торжествовать противникам. По внешности – как будто бы ничего не произошло, вся машина должна продолжать идти, как и шла, – только внутри порвалась какая-то струна, и вместо прекрасных личных отношений наступили деловые, сухие, с постоянным расчётом: по формуле si vis pacem, para bellum…»[249]

Как известно, латинская формула: «Si vis pacem, para bellum» переводится на русский язык как: «Хочешь мира, готовься к войне».

А на войне, как на войне!

И бой…

Ну, пожалуй, сказать, что грянул ***бой***, будет явным литературным преувеличением. Ленин оседает в Мюнхене, и начинается изнурительная ***работа***: переговоры о деньгах, поиски типографии, подходящих шрифтов, поездки по Германии…

Впрочем, война – это всегда тяжёлая работа. А настоящая работа всегда в чём-то похожа на войну. И Ленин работал и «воевал» сразу на нескольких «фронтах».

Переписка из Мюнхена с различными адресатами в России и за рубежом, включая Плеханова (с обращением: «Дорогой Георгий Валентинович!») и Аксельрода, – это отдельно. В августе Ленин записал – для себя: «неужели это я, ярый сторонник Плеханова, говорю о нём теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами и с чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, объявлять ему почти что о „разрыве отношений“…»[250]

Но уже в сентябре пришлось – ради дела, запихивать чувства подальше и с тем же Плехановым сотрудничать, пусть и не так, как мечталось.

Отдельное занятие – редактирование чужих статей для будущих газеты и журнала…

Параллельно – работа над собственными статьями для газеты и журнала…

При этом надо ещё и осваивать нехитрую, но утомительную работу по подсчёту числа печатных знаков в текстах статей. И, кроме всего этого, в сентябре Ленин поступает на курсы английского языка.

Разговоры о необходимости издания газеты и журнала шли среди заграничных российских социал-демократов давно – годами, но всё кончалось разговорами. Но вот в конце августа 1900 года за дело взялся Ленин, и уже через четыре месяца – в середине декабря 1900 года, в Лейпциге увидел свет первый номер нелегальной газеты «Искра» с эпиграфом из «Ответа декабристов Пушкину» Одоевского: «Из искры возгорится пламя!»

Ленин же занимался и подготовкой к изданию легального журнала «Заря», первый номер которого вышел 10(23) марта 1901 года в Штутгарте с тремя статьями Ленина. На обложке, впрочем, стояло: «Издаётся при ближайшем участии Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода». Да и как Ленин мог обозначить своё участие, если он уехал из России официально, с загранпаспортом. Раньше времени «засвечиваться» перед охранкой не стоило.

Журнал «Заря» особой погоды в российском социал-демократическом движении не сделал, а вот газета «Искра»… Она – в её первоначальном, то есть – ленинском, формате, стала именно той «искрой», из которой действительно возгорелось «пламя»…

Да, «Искра» чуть не потухла, но, всё же, разгорелась.

Разгорелась!

Первая полоса открывалась статьёй Ленина «Насущные задачи нашего движения», с многими идеями которой читатель уже знаком, поскольку они были сформулированы Лениным за годы до выхода первого номера общерусской политической газеты.

Кроме прочего, Ленин полемизировал в статье с «экономистами» и писал:

«„Организуйтесь!“, повторяет рабочим на разные лады газета „Рабочая мысль“ (орган „экономистов“. – *С.К.*), повторяют все сторонники „экономического“ направления. И мы, конечно, всецело присоединяемся к этому кличу, но мы непременно добавим к нему: организуйтесь не только в общества взаимопомощи, стачечные кассы и рабочие кружки, организуйтесь также в политическую партию…»[251]

Этот совет и призыв Ленина сегодня вновь злободневен – «голубые» профсоюзы российскую историческую ситуацию не выправят, её выправит лишь «красная» политическая партия народа.

Актуальна и следующая мысль Ленина:

«Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им…

Надо подготовлять людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь (жирный шрифт мой. – *С.К.*)…»[252]

Заканчивалась же статья ярко, как и положено в программной статье:

«Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмём её, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется всё, что есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеева: „Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, ограждённое солдатскими штыками, разлетится в прах!“»[253]

Слова, вообще-то, – на века!

Символично, что «Искра» пришла в мир накануне нового – XX века. Несмотря на стойкое убеждение многих, что новый век начинается с нулевого года, нулевым годом заканчивается уходящий столетний цикл, а новый начинается с 1 января первого года, в нашем случае – с 1 января 1901 года. И вот в наступившем первом году нового XX века первые «Искры» полетели в Россию.

Это было, повторяю, символично, но прежде всего это было своевременно! Причём, самым важным и новым в партийном «предприятии», начатом Лениным, было то, что оно ещё ***до его начала*** было поставлено основательно, и поставлено именно так, как видел его Ленин. То есть, были заранее продуманы и подготовлены каналы нелегальной переправки «Искры» в Россию, продуманы способы распространения и подобраны люди… Вводился особый институт «агентов Искры», выполнявших роль полномочных представителей редакции. Это обеспечивало оперативность, многослойность работы и необходимую подстраховку. Не всё сразу наладилось – мы это вскоре увидим, но, как говорят немцы: «Хороший план – наполовину исполненный план».

Уже в марте Отделение по охранению общественной безопасности и порядка департамента полиции российского МВД (проще – «охранка») установило, что во главе «Искры» стоит Ленин. Минскому генерал-губернатору было предложено «установить наблюдение за распространением газеты, проникающей через пограничные пункты».

Возврат Ленина в Россию становится невозможным. Впрочем, не в одном «сгоревшем» загранпаспорте было дело – загруженность Ленина партийными и издательскими заботами всё возрастала и держала его в Европе надёжнее любых правительственных запретов.

Он уже выбрал судьбу, но и здесь всё было сложно… Историки партии самым странным образом не обращали внимание и на ещё одну чисто личную запись Ленина, сделанную им в 1900 году. Вместе с рассказом о том, как чуть не потухла «Искра», эта запись была опубликована лишь после смерти Ленина в первом Ленинском сборнике.

И она имела очень нерядовое для Ленина значение!

В субботу 29 декабря 1900 года – накануне не просто очередного Нового года, но накануне нового века, собрались вместе Ленин, Потресов («Арсеньев»), Засулич («Велика»), Струве («Близнец») и жена Струве.

Разговор был долгим и тяжёлым, и, оставшись один, уже в 2 часа ночи, Ленин взялся за перо и записал (жирный курсив везде мой):

«Мне хотелось бы записать свои впечатления от сегодняшней беседы с „близнецом“. Это было знаменательное и „историческое“ в своём роде собрание (Арсеньев, Велика, близнец + жена + я), по крайней мере, историческое в моей жизни, ***подводящее итог целой – если не эпохе, то странице жизни и определяющее надолго поведение и жизненный путь***.

По первоначальной передаче дела Арсеньевым я понимал так, что близнец идёт к нам и

хочет делать шаги с своей стороны – оказалось как раз наоборот. Произошла эта странная ошибка оттого, вероятно, что Арсеньеву очень уж хотелось того, чем „манил“ близнец, именно… корреспонденций, а „чего хочется, тому верится“, и Арсеньев верил в возможность того, чем манил близнец, хотел верить в искренность близнеца, в возможность приличного modus vivendi („способа ужиться“. – *С.К.*) с ним.

И именно это собрание окончательно и бесповоротно опровергло такую веру…»[254]

Не так давно Ленин испытал глубокое, душевно ранившее его разочарование в старшем товарище – в Плеханове. Ровесник Ленина – Пётр Струве, стал вторым разочарованием Ленина, и это тоже был сильный удар, обрывающий некие струны в душе… Под впечатлением своего нового невесёлого жизненного открытия, Ленин записывал:

«Близнец показал себя с совершенно новой стороны, показал себя „политиком“ чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашом и нахалом. … Близнец явился с верой в наше бессилие, явился предлагать нам условия *сдачи*, и он проделал это в отменно-умелой форме, не сказав ни одного резкого словечка, но обнаружив, тем не менее, какая грубая, торгашеская натура дюжинного либерала кроется под этой изящной, цивилизованной оболочкой самоновейшего „критика“…»[255]

Через два неполных десятилетия Ленин и Струве станут прямыми политическими врагами, и Струве, надолго переживший Ленина, выльет на того много лжи.

Что ж, на классовой войне как на классовой войне…

Как в политическом, так и в нравственном отношении Ленин всю жизнь был полным антиподом таких, как Струве. Ленин никогда не жил и не действовал ради личных интересов. Перефразируя Станиславского, говорившего, что надо любить театр в себе, а не себя в театре, можно сказать о Ленине, что он любил революцию в себе, а не себя в революции и в политике – в отличие от Струве.

А ещё вернее сказать, что Ленин любил в себе тот мир добра, чести и справедливости, который был – он знал это, возможен, но который пока существовал лишь в умах и сердцах небольшой группы единомышленников. При этом Ильич не задумывался – кем будет в новом мире, если тот станет реальностью. Он просто работал на этот будущий мир.

Как позднее написал Маяковский:

Сочтёмся славою – ведь мы свои же люди,
Пускай нам общим памятником будет
Построенный в боях социализм!

Пётр же Бернгардович Струве и сам никогда так не мыслил, не чувствовал, и не был способен рождать подобные мысли и чувства в других… Как верно определил Ленин, под изящной, цивилизованной оболочкой «интеллектуала» крылась торгашеская натура дюжинного либерала. А Ленин осваивал интеллектуальные богатства, накопленные человечеством, для того, чтобы освободить человечество от торгашества всех струве и их «спонсоров».

После Октября 1917 года это выявилось с очевидностью обнажённого меча. Большевик Ленин встал во главе трудящихся, правый кадет Струве ушёл к Деникину и Врангелю, а затем – в злобную антисоветскую эмиграцию.

Однако накануне нового XX века, когда всякий невольно задумывался о том, что этот век принесёт ему, его Родине, миру в целом, контуры эпохи были ещё размыты, политические судьбы и Ленина, и Струве – неясны…

И Ленин сидел – один в декабрьской ночи Мюнхена, вдали от Родины, от родных и близких,

вдали от жены, но – на расстоянии вытянутой руки от того дела, которое становилось делом всей его жизни.

Сидел и думал крепкую свою думу.

Ещё из ссылки, из Шушенского, он писал в 1898 году Потресову, сосланному в Орлов Вятской губернии:

«Меня всего сильнее возмущают любители золотой середины, которые не решаются прямо выступать против несимпатичных им доктрин, виляют, вносят „поправки“, обходят основные пункты (как учение о классовой борьбе) и ходят кругом да около частностей…

Мне кажется, что „отчуждённость от общества“ отнюдь не означает ещё непременно „изолирования“, ибо есть общество и общество…»[256]

Бывший товарищ по борьбе Струве уходил в рафинированное «общество», чтобы жить его мелкими интересами, а Ленина давно захватили интересы большого общества, а точнее – трудящейся части общества, и смысл жизни он видел в служении ***этим*** интересам.

Итоги прошлого были подведены, важная страница жизни перевёрнута. Перевёрнута не только им самим, но – и Плехановым, и Струве, перевёрнута теми, кто от борьбы отошёл и теми, кто к ней был готов…

И он сидел – один в ночи, понимая, что последние дни надолго определили его поведение и его жизненный путь.

Глава 16. Из «Искры» – пламя: к II съезду РСДРП

В середине апреля 1901 года в Мюнхен приехала Крупская с матерью, и жизнь – в её житейском аспекте, стала постепенно налаживаться. О том, как Владимир Ильич жил один, мы знаем, прежде всего, из его собственных писем, отправленных матери. В целях конспирации он указывал то пражский якобы свой адрес, то помечал письма Парижем, однако написаны они были в Мюнхене, а через Париж и Прагу лишь пересылались. Тон писем в целом бодрый – писано ведь матери, но вот в письме от 6 декабря 1900 года прорывается тоска:

«Какова у вас погода? – вероятно стоит хорошая зима. А здесь слякоть, осенний дождь, – если всю „зиму“ так будет, это гораздо хуже снега и морозов… Я живу по-старому, болтаюсь без толку по чужой стране, всё ещё только „надеюсь“ пока покончить с сутолокой и засесть хорошенько за работу»[257].

«Болтался» Ленин по Германии не просто так, а с толком, конечно. В тот момент, когда он писал своё недовольное самим собой письмо, уже вот-вот должен был выйти первый номер «Искры»… Но дело – делом, а от невесёлых мыслей не уйдёшь, особенно когда рядом нет ни одного душевно близкого человека – если не считать редких встреч с сестрой Анной, жившей тогда в Германии.

Из письма матери от 26 декабря 1900 года житейская неустроенность Ленина и неопределённость перспектив проглядывают ещё острее:

«…Я ездил на днях в Вену (на самом деле – в Лейпциг для окончательного редактирования первого номера „Искры“. – *С.К.*) и с удовольствием прокатился после нескольких недель сидения. Но только зима неприятная – без снега. В сущности, даже и зимы-то никакой нет, а так какая-то дрянненькая осень, мокроть стоит… Надоедает слякоть и с удовольствием вспоминаешь о настоящей русской зиме, о санном пути, о морозном чистом воздухе. Я провожу первую зиму за границей, первую совсем не похожую на зиму зиму…

Живу я по-старому, довольно одиноко и…, к сожалению, довольно бестолково. Надеюсь наладить свои занятия систематичнее, да как-то не удаётся. Вот с весны это уже наверное пойдёт иначе, и я влезу „в колею“. Пометавшись после шушенского сидения по России и по Европе, я теперь соскучился по мирной книжной работе, и только непривычность заграничной обстановки мешает мне хорошенько за неё взяться»[258].

А через три дня состоялось «историческое» ночное собрание с Потресовым, Засулич и Струве… И оно тонус Ленину, как мы знаем, не подняло…

Выручало то, что надо было много работать. Как писал он матери в письме от 20 февраля 1901 года: «Я вполне здоров, – должно быть оттого, что сравнительно много бегаю и мало сижу…»

В том же письме он сообщал:

«На днях кончился здесь карнавал. Я первый раз видел последний день карнавала за границей – процессии ряженых на улице, повальное дурачество, тучи конфетти (мелкие кусочки цветной бумаги), бросаемых в лицо, бумажные змейки и пр. и пр. Умеют здесь публично, на улицах веселиться!»[259]

В шумной карнавальной толпе ему было, надо полагать, ещё более одиноко, но он, как видим, всё же бродил в этой толпе. Пусть на чужом пиру – но, всё же, какое-то веселье…

К тому же, приближался конец срока ссылки Крупской, и он начинает хлопотать о выдаче ей паспорта для приезда к мужу, для чего пришлось отправиться в настоящую Вену, поскольку в Праге, где он якобы жил, не было российского консульства.

То, как скучал Владимир Ильич по России и по матери видно и из весьма частых –

несмотря на большую загруженность – писем ей в тот период. Даже после приезда Крупской, когда в переписку с Россией включилась и она, Ленин писал Марии Александровне достаточно регулярно. Так, 7 июня 1901 года он сообщал, что они устроились хорошо, «*своей квартирой*», что «Ел. Вас. (тёща. – *С.К.*) и Надя справляются сами без особого труда – хозяйство здесь гораздо проще…», что «обзаведение мы себе купили из подержанных вещей недорого», и что от своей издательницы М. И. Водовозовой он получил на днях 250 рублей, «так что и с финансовой стороны теперь дела недурны…»

Кто-то устраивал своё маленькое житейское «счастьице», а этот титан духа, ума и действия радовался тому, что получил копеечный, по сути, гонорар, и радовался постольку, поскольку появлялась возможность эффективнее, не отвлекаясь на житейское, работать для революции.

Эх!

Дела действительно налаживались – как партийные, так и житейские… Уже сама Крупская писала 11 июня 1901 года свекрови из Мюнхена в Подольск, что «*жизнь понемногу вошла в колею*»…

Жили Ульяновы в предместье Мюнхена, где неподалёку был хороший парк, купанье, а до центра ходила электричка. План же уехать на лето в деревню не удался. «*Поселяться далеко нельзя*, – писала Надежда Константиновна, – *т. к. Володе нужно было бы каждый день ездить в город, а это было бы очень утомительно*»…

К слову, она сообщала:

«Тут какое-то царство детей. Все к ним так внимательны, и детишки такие славные, здоровые. Я бывала в наших городских школах и невольно сравниваю и нахожу, что детям тут живётся куда лучше».

Спрашивается – что мешало устроить что-то подобное в России? Ведь Россия была потенциально намного богаче Германии, но именно что – «потенциально»! Перевести потенциал в свершения, возможность – в реальность, царизм не мог.

В письмах в Россию – в легальных письмах, конечно, то есть, в тех, которые она писала родственникам, Крупская не могла рассказать – чем же она занята? В том же письме от 11 июня 1901 года есть строки: «Что касается меня, то я занимаюсь совсем мало или, вернее, вовсе не занимаюсь. Куда-то время девается, а куда – неизвестно».

Время действительно «девалось», но – не без толку. После приезда в Мюнхен Надежда Константиновна приняла на себя обязанности секретаря редакции «Искры», а по сути – вообще личного секретаря Ленина. И эту свою основную партийную нагрузку она несла через две эмиграции – до окончательного возвращения в Россию.

Забот хватало – 24 мая 1901 года Ленин извещал московского агента «Искры» Николая Баумана (через четыре года он будет убит черносотенцам во время демонстрации):

«Дела наши плоховаты. Финансы – вовсе швах, Россия не даёт почти ничего. Перевозка – по-прежнему совершенно не налажена и случайна. Вся „тактика“ наша при таких условиях должна быть целиком направлена на то, чтобы: 1) собираемые в России от имени „Искры“ деньги как можно полнее направлять сюда, сводя местные расходы до minimum`a; 2) расходовать деньги исключительно на перевозку, ибо для приёмки у нас уже функционируют сравнительно очень дешёвые, не обременяющие кассу агенты в Пскове и в Полтаве…»[260]

Но это уже – дипломатия быстро растущего и мужающего партийного лидера, политического «полководца»: никогда не хвалиться самому, поменьше хвалить других – за исключением тех случаев, когда это полезно для дела, и побольше требовать…

Он вполне имеет право так поступать – он сам от себя требует столько же, сколько от других, и ещё «полстолька»… Он ведь хоть и «полководец», но ещё очень маленькой «армии», да ещё и «армии», разбросанной по Европе и необъятной России. Так что многое приходится

делать самому. Приходы в партийную кассу пока невелики – весьма скромные суммы составляются из сотен франков, сотен рублей, а расходы…

Расходы в абсолютных цифрах тоже невелики – по приходу, но нередко превышают приход.

А дело надо делать!

Приведу ряд выдержек из ленинских писем периода становления «Искры», опубликованных в 46-м томе Полного собрания сочинений…

Из письма П. Б. Аксельроду 14 декабря 1900 года из Мюнхена в Цюрих… Неспокойно, видно, было автору письма – он писал его в двенадцатом часу ночи. Да оно и понятно – вот-вот должен был выйти первый номер «Искры», в которую было вложено так много огня ленинской души.

И он писал в ночной чужеземной тишине:

«…Мне, может быть, придётся уехать (в Лейпциг. – С.К.) на время перед выходом газеты, чтобы рассовать разные мелочи (мы здорово обсчитались в тысячах букв и выкидываем теперь многое!)…

Напишите – нанимать или лучше только предварительно присмотреть Вам комнату. Спрошу В. И. (Засулич. – *С.К.*) о Ваших требованиях и начну искать.

Простите за краткость – устал очень и тороплюсь.

Жму крепко руку.

Ваш *Petroff*»…

Ещё одно письмо П. Б. Аксельроду 24 декабря 1900 года из Мюнхена в Цюрих:

«…Журнал двигается, Г.В. (Плеханов. – *С.К.*) прислал статью о Струве – всего послано 6 статей…

Skubik'у (латышский социал-демократ Э. П. Скубикис, занимавшийся нелегальной транспортировкой „Искры“. – С.К.) передайте пожалуйста, что его письмо получил, … наш человек уже „там“ и адрес имеет, так что дело, о котором списывались мы с Skubik'ом, исчерпано

Жму крепко руку. *Петров*».

А вот что Ленин сообщал агенту «Искры» В. П. Ногину 3 января 1901 года из Мюнхена в Лондон:

«Дорогой товарищ! …Очень Вам благодарен за присылку брошюры. Насчёт переправы в данную минуту не можем взять на себя никаких определённых обязательств. Пути у нас теперь налаживаются, но не определилось ещё…»

Опять агенту «Искры» В. П. Ногину – 24 января 1901 года, всё так же из Мюнхена в Лондон:

«Дорогой товарищ! Получил письмо насчёт паспортов… Думаю, иностранный паспорт (для въезда в Россию) удастся достать (болгарский или немецкий), относительно же русского паспорта или хотя бы только бланка, т. е. паспортной книжки чистой, не надеюсь…

О продаже „Революции и контрреволюции“ (присланная Ногиным брошюра. – *С.К.*) мы запросим те заграничные организации, с которыми у нас есть сношения.

У нас всё дело теперь за перевозкой, которая ест массу денег вследствие новизны дела. Поэтому не могу Вам дать определённого ответа насчёт денежной помощи на фабрикацию паспортов…»

Тогда и начинала подбираться та «головка» партии, которая пройдёт с Лениным от первых номеров «Искры» до первых декретов Советской власти и до первых побед новой России.

Этих молодых ребят – Виктору Ногину в 1901 году было всего 23 года, ожидала непростая, однако напряжённая и большая судьба. Тот же В. П. Ногин (1878–1924), сын приказчика,

окончивший в 1892 году городское училище в тверском Калязине, пришёл в партию в 1898 году, работал с Лениным, но после поражения революции 1905 года отошёл на полуменьшевистские позиции. Накануне Октября 1917 года Ногин вернулся к большевикам, 8 ноября 1917 года был назначен первым наркомом по делам торговли и промышленности РСФСР. Он вступал в конфликт с Лениным, выходил из Совнаркома, но, всё же, вошёл в историю как член ленинской «команды».

Честь немалая…

30 января 1901 года Ленин пишет Плеханову из Мюнхена в Женеву:

«Сейчас получил письмо, дорогой Г.В., только что вернувшись с „окончательного“ разговора с Иудой (П. Б. Струве, иначе его Ленин теперь в письмах не величает. – *С.К.*). Дело слажено, и я страшно недоволен тем, как слажено. Спешу писать Вам, чтобы не утратить свежесть впечатления…

…Если нам суждено и возможно добиться политической гегемонии, то исключительно при помощи политической газеты, … и когда нам с возмутительной наглостью заявляют, что политический отдел нашей газеты не должен конкурировать с политическим предприятием гг. либералов, то наша жалкая роль ясна, как божий день…

…Если большинство выскажется за, – я, конечно, подчинюсь, но только умыв наперёд свои руки».

Да, на войне, как на войне…

А вот что Ленин писал шведскому социал-демократу Карлу Брантингу 19 апреля 1901 года из Мюнхена в Стокгольм (на немецком):

«Уважаемый товарищ!

Наш товарищ в Берлине уже писал Вам по нашему поручению, что нам бы хотелось установить более тесные связи со шведскими и финскими товарищами…

…Мы были бы… весьма Вам благодарны, если бы Вы передали всем знакомым Вам финским товарищам нашу настоятельную просьбу поддержать нас…

С социал-демократическим приветом

И. Петров».

Здесь необходимо пояснение… Ещё во времена «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» при помощи Брантинга (мы с ним встретимся позже) был налажен нелегальный транспорт через Стокгольм и финский Або в Россию. Теперь эта линия вновь налаживалась, к удовольствию Ленина, как и другие линии. И 25 апреля 1901 года он пишет руководителю берлинской группы содействия «Искре» М. Г. Вечеслову («Юрьеву») из Мюнхена в Берлин:

«Юрьеву

Получил Ваше письмо.

Пожалуйста, пришлите нам поскорее точный ответ, сколько у Вас чемоданов (с двойным дном для нелегальной транспортировки. – *С.К.*) и каких было, сколько уехало и сколько осталось. Нам это необходимо для составления нашего отчёта и финансовой сметы…

„Харьковские дни“ (брошюра о массовой демонстрации рабочих Харькова 1 мая 1900 года, – *С.К.*) очень бы важно отправить как можно скорее на юг. Где их очень просят…

Нельзя ли было бы снабжать редакцию „Искры“ русскими журналами после прочтения их в Берлине… (кое-что у нас есть, но мало)».

Адресат Ленина М. Г. Вечеслов (1869–1934) – врач, после II съезда меньшевик, в 1908–1917 гг. работал в России врачом-бактериологом, после 1917 года был членом коллегии Наркомздрава РСФСР.

А вот указание агенту «Искры» С. И. Радченко (одному из соратников ещё по «Союзу борьбы») в конце апреля 1901 года из Мюнхена в Петербург:

«Получили Ваше письмо. Ваш способ распространения литературы вполне одобряем и советуем строго держаться его, не слушая ничьих советов и наветов…

Вообще даром не давайте, а за деньги распускайте возможно быстрее.

Денег Григорьеву (? – *С.К.*) не давайте, а посылайте всё нам. Григорьев должен добывать деньги от своей литературы, которой у него много…

Направьте все усилия, чтобы посылали в Берлин людей за чемоданами…, пароль: **от Петрова**…

Свяжитесь с Псковом. Мы будем посылать чемоданы Лепешинскому а Вы берите у него».

П. Н. Лепешинский (1868–1944), впоследствии крупный большевик, после Октября 1917 года работал в Наркомпросе РСФСР, был директором Исторического музея и Музея революции… Но перед тем, как создать в Москве Музей революции, надо было эту самую революцию подготовить и совершить.

Что ж, для того Ленин и его товарищи и работали.

Разными были их дальнейшие судьбы… Так, агент «Искры» Л. Е. Гальперин (1872–1951) пришёл в революционное движение в 1898 году, в 1902 году был арестован в Киеве, бежал с группой «искровцев» из киевской Лукьяновской тюрьмы… После II съезда – большевик, позднее он стал примиренцем. Тем не менее, после Октября 1917 года на новую Россию Ленина поработал и Гальперин, с весны 1918 года занявшись хозяйственной работой.

А в 1901 году – между 18 и 22 июня – Ленин сообщал Гальперину из Мюнхена в Баку:

«В Персию только недавно послано через Вену, так что о неудаче судить рано… Известите адресата в Таврисе, что он должен получить из Берлина книги…

Относительно постановки Искры на Кавказе мы уже послали X (Л. М. Книпович. – *С.К.*) подробный запрос и ответа пока не имеем…

…Наша касса сейчас очень плоха…

Приложите все усилия достать денег, мы уже писали об этом через X одному Вашему знакомому и советуем Вам попросить похлопотать об этом и ZZ (И. Х. Лалаянц. – *С.К.*)…

Относительно восточного берега Чёрного моря ищите путей непременно. Особенно налегайте на французские пароходы – мы надеемся найти к ним ход отсюда».

Письмо агенту «Искры» Любови Радченко…

Л. Н. Радченко (1871–1962), «Люба», «Паша», «Орша», входила в 1896 г. в «Союз борьбы», была сослана в Псков. После II съезда она стала меньшевичкой, с 1918 г. от политической деятельности отошла, однако ничего этого она, конечно же, ещё не знала, когда читала послание Ленина, отправленное ей между 17 и 27 июля 1901 года из Мюнхена в Харьков:

«Паше. Отчего давно нет писем? Как дела с техникой? …Имейте в виду, что скоро получите письмо за подписью Яблочков (В. П. Ногин. – *С.К.*), ключом „У лукоморья дуб зелёный“… Этот человек может также приехать к Вам. Это вполне наш человек. Постарайтесь дать ему связи с рабочими и интеллигентами…»

Всё приведённое выше – лишь отдельные фрагменты обширной ленинской переписки по делам «Искры». И даже по этим фрагментам воссоздаётся картина напряжённой работы многих людей, уже объединившихся вокруг «Искры»… По сути, все здоровые революционные силы России и русского зарубежья начинали работать на «Искру» и её идеи, тот есть – на ленинские идеи.

Но за всем этим стояла огромная личная работа Ленина. И тут было не до старой Мюнхенской пинакотеки с её шедеврами искусства, тут бы выспаться – и на том спасибо!

А ведь надо было ещё и работать в библиотеках, редактировать присылаемые материалы… Надо было и самому писать – коль уж дело регулярной газеты пошло! Надо было задумываться о перспективе и оперативно откликаться статьями на злобу дня.

К тому же, кроме «Искры» появилась – трудами Ленина же, и ещё одна «информационная площадка» – журнал «Заря»… В декабре 1901 года в №№ 2 и 3 этого журнала была опубликована работа Ленина «Внутреннее обозрение», где он давал картину внутреннего положения России на материалах российской прессы. Из многих тогдашних интересных мыслей и выводов Ленина приведу наблюдение, которое – с заменой одного лишь слова «самодержавие» на «путинско-медведевский режим» – полностью описывает и нынешнее положение в России:

«Надо вообще сказать, что наши реакционеры, а в том числе, конечно, и вся высшая бюрократия, – проявляют хорошее политическое чутьё. Они так искушены по части всяческого опыта в борьбе с оппозицией, …что держат себя постоянно „начеку“ и гораздо лучше всяких наивных простаков и „честных кляч“ понимают непримиримость самодержавия с какой бы то ни было самостоятельностью, честностью, независимостью убеждений, гордостью настоящего знания. Прекрасно впитав в себя тот дух низкопоклонства и бумажного отношения к делу, который царит во всей иерархии российского чиновничества, они подозрительно относятся ко всем, кто не похож на гоголевского Акакия Акакиевича, или, употребляя более современное сравнение, на человека в футляре…»[261]

Не правда ли, всё это хорошо знакомо и нам? В начале XXI века нас вернули (а точнее – мы сами себя вернули, голосуя за всякую сволочь) в вонючую ситуацию столетней давности. Тогда во главе России стояли люди, не желающие и не умеющие ей управлять в интересах народа, и сейчас во главе России стоят сходные фигуры. Стоит ли удивляться, что и картина получается схожей?

Но это ещё не всё! Ленин не был бы Лениным, если бы после критики не давал конструктивной альтернативы, и он продолжал:

«И в самом деле: если люди, исполняющие те или иные общественные функции, будут цениться не по своему служебному положению, а по своим знаниям и достоинствам, – то разве это не ведёт логически неизбежно к свободе общественного мнения и общественного контроля, обсуждающего эти знания и эти достоинства? Разве это не подкапывает в корне те привилегии сословий и чинов, которыми только и держится самодержавная Россия?..»[262]

Этот ленинский «рецепт» воспитания обществом нужных ***ему*** чиновников вполне годен и для наших дней.

Не так ли?

В мае 1901 года четвёртый номер «Искры» открылся ленинской статьёй с боевым названием «С чего начать?» В ней проводилась основная на тот момент мысль Ленина о значении постановки общерусской политической газеты. Ленин писал:

«Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении её можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями… При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация…»[263]

Формула Ленина о газете, как не только коллективном пропагандисте, но и коллективном организаторе, в хрущёвско-брежневском СССР стала заезженной, да и по сути своё отжила, и к 80-м годах XX века вряд ли все штатные идеологи КПСС были осведомлены о её ещё «дореволюционном» происхождении.

Но есть времена, и есть времена. Имея в виду сегодняшний день, надо сказать, что партийные печатные органы коммунистов и прежде всего – «Правда» и «Советская Россия», должны вновь играть роль не только просветителя, но и организатора масс.

Вернёмся, однако, в 1901 год, в котором деятельность Ленина доказывала, что цель Ленина оставалась прежней – профессиональная революционная партия как ядро широкого массового движения. В русле развития этой руководящей идеи он осенью 1901 года начинает свою важнейшую для будущего книгу – «Что делать?» Название прямо и намеренно повторяло название знаменитого романа Чернышевского.

Редактор журнала «Современник» Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889), русский революционный писатель-демократ, мыслитель, идеолог раннего народничества, 7 июля 1862 года был арестован по обвинению в связях с издателем лондонского «Колокола» Александром Ивановичем Герценом и заключён в Петропавловскую крепость. В её стенах и был написан роман «Что делать?», которым зачитывались поколения молодых горячих ребят в России, и Ленин – в том числе.

Несмотря на то, что обвинение юридически доказано не было, а улики следствием сфабрикованы, Чернышевского приговорили к 7 годам каторжных работ и вечному поселению в Восточной Сибири. 19 мая 1864 года на Мытнинской площади Петербурга над Чернышевским был совершён обряд гражданской казни, после чего в халате каторжника великий сын России был отправлен в Сибирь.

Нерчинские рудники, затем – ссылка в Вилюйске. Лишь через двадцать без малого «сибирских» лет, осенью 1883 года, Чернышевского под именем «секретного преступника № 5» перевели в Астрахань. В 1889 году больному писателю разрешили поселиться в его родном Саратове, где в ночь на 17(29) октября он и скончался от кровоизлияния в мозг.

Чернышевский, имея в виду либералов всех времён и всех народов, либералов и с Мытнинской, и с Болотной площади, писал:

«Эх, господа, господа, вы думаете, дело в том, чтобы было слово республика, да власть у вас… Дело не в том, а в том, чтобы избавить низший класс от его рабства не перед законом, а перед необходимостью вещей…, чтобы он мог есть, пить, жениться, воспитывать детей, кормить отцов, образовываться и не делаться мужчины – трупами или отчаянными, а женщины – продающими своё тело…»[264]

Мечту Чернышевского о социалистическом обществе Маркс довёл до теории его достижения, а Ленин – до плана создания и развития партии, способной претворить теорию в жизнь. Преемственность была налицо, и выбором названия Ленин её лишний раз подчеркнул.

Первое издание «Что делать?» вышло в марте 1902 года в Штутгарте с подзаголовком: «Наболевшие вопросы нашего движения». На обложке впервые было выставлено: «Н. Ленин».

Книга, как позднее вспоминала Крупская, захватила всех, «особенно тех, кто ближе стоял к русской работе».

Знакомая Ульяновым ещё по Сибири секретарь бюро русской организации «Искры» Зинаида Павловна Кржижановская-Невзорова («Зиночка» из «шушенских» писем Крупской) сообщала из Самары:

О «Что делать?„…пока слышим только хвалебные отзывы, …написана она превосходно, действительно, и тон прекрасный“.

Товарищ ещё по „Союзу борьбы“, а теперь агент „Искры“ Иван Радченко (1874–1942) – младший брат Степана Радченко, после Октября 1917 года – один из организаторов и руководителей торфяной промышленности СССР, писал из Петербурга:

„Везде оперирую ленинским плугом, как самым лучшим производительным возделывателем почвы. Он прекрасно сдирает кору рутины, разрыхляет почву, обещающую произвести злаки. Раз

повстречаются на пути плевелы, посеянные Рабочим Делом (соглашательский, ориентирующий только на экономическую борьбу журнал „Союза русских социал-демократов за границей“. – *С.К.*), он всегда уничтожает их с корнем. Замечательно!“

Плеханов встретил книгу весьма кисло, зато Потресов прислал о ней восторженный отзыв[265].

Впрочем, наиболее существенным фактом стало признание книги в России и её широкое распространение. „Что делать?“ находили при обысках в обеих столицах, в Киеве, Одессе, Казани, Нижнем Новгороде, на Кавказе…

В книге было пять разделов: „I. Догматизм и свобода критики“, „II. Стихийность масс и сознательность социал-демократии“, „III. Тред-юнионистская (т. е., – ориентирующая на экономическую борьбу, – *С.К.*) и социал-демократическая (революционная, – *С.К.*) политика“, „IV. Кустарничество экономистов и организация революционеров“ и „V. План общерусской политической газеты“.

Последним пунктом в последнем разделе стояло: „Какого типа организация нам нужна?“

Ленин делил историю русской социал-демократии на три периода: первый, когда „число сторонников нового направления в России измерялось единицами“; второй – „период детства и отрочества“; и третий, ещё не закончившийся „период разброда, распадения и шатаний“…

Конечно, многое в этой, важнейшей ***для своего*** времени, ленинской работе, сегодня представляет чисто исторический интерес, но многое – с учётом того, что Россию ***опять*** сделали капиталистической, не устарело. Как, например, следующие слова Ленина:

„Не столько прямым отрицанием „великих слов“ занимались герои этого (третьего, – *С.К.*) периода, сколько их опошлением: научный социализм перестал быть целостной революционной теорией, а превращался в мешанину…; лозунг „классовая борьба“ не толкал вперёд к всё более широкой, всё более энергичной деятельности, а служил средством успокоения, так как ведь „экономическая борьба неразрывно связана с политической“; идея партии не служила призывом к созданию боевой организации революционеров, а оправдывала какую-то „революционную канцелярщину“ и ребяческую игру в „демократические“ формы…“[266]

Это ведь ленинский „камень“ и в нынешний наш „коммунистический“ „огород“, и чем скорее мы его (этот „камень“) уберём, тем более обнадёживающим будет будущее народов России.

В „Что делать?“ Ленин высказал и одну такую мысль, которую в брежневском СССР повторяли настолько часто, что она уже не воспринималась как нечто свежее и жизненно верное. Сейчас же её нельзя не довести до сведения читателя – как тоже злободневную:

„Вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой „третьей“ идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от неё означает тем самым усиление идеологии буржуазной…“[267]

Социальные глупцы (не говоря уже о социальных негодяях!) всегда отрицали и отрицают универсальность этой ленинской мысли, но задолго до Ленина (и даже задолго до Маркса) такой проницательный и трезвомыслящий, а одновременно и абсолютно беспринципный, предельно циничный человек, как Шарль-Морис Талейран, „первый дипломат XIX века“, делил людей ***лишь на две*** категории. Он заявлял: „**Общество разделено на два класса – стригущих и стриженных**“[268].

Как видим, подход, вполне совпадающий с ленинским подходом к вопросу! Вот только Талейран далее заключал: „Нужно всегда быть с первыми против вторых“, а Ленин всегда был на

стороне вторых против первых, а точнее – он жил и работал для того, чтобы уничтожить подобное разделение общества.

А вот ещё одна „вечная“ – для классового общества, мысль:

„…без „десятка“ талантливых (а таланты не рождаются сотнями) испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса…“[269]

Собственно, это рецепт для вообще любого эффективного руководящего ядра в любой сфере человеческой деятельности. Ни один, даже самый сильный, лидер не достигал успеха, если он не имел сильной „команды“.

Ленин писал, что он видит партию как намеренно узкую организацию „умников“, то есть – „*профессиональных революционеров*, всё равно – из студентов или из рабочих они выработаются“, но узкую организацию таких членов, которые будут вести работу не как заговорщики, а как организаторы широкого состава „лиц и из числа рабочего класса и из остальных классов общества“.

Он пояснял при этом, что „десяток умников выловить гораздо труднее, чем сотню дураков“[270].

Хотя Ленина нельзя отнести ни к экстравертам, ни к интравертам, он был по натуре человеком открытым, эмоциональным. Тем не менее, в его политических работах темперамент не так уж и часто проявлялся в ярко образных формах – Ленин избегал „красивостей“ и предпочитал писать „по делу“. Но если он хотел сказать сильно, он это умел! И уже в начале „Что делать?“ он, обращаясь к оппонентам, написал:

„Мы идём тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнём. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас начинают кричать: „Пойдёмте в это болото!“ – а когда их начинают стыдить, они возражают: „Какие вы отсталые люди! И как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу!“. О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к *вашему* переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова „свобода“, потому что мы ведь тоже „свободны“ идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!“[271]

Такие слова не могли не отозваться в молодых сердцах всех тех, кто хотел прожить жизнь не как обитатель болота, а как борец за жизнь.

Ещё в начале XIX века Гёте сказал, что „лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идёт за них на бой!“

В конце XIX века Горький написал свою „Песню о Соколе“ со словами: „Пускай ты умер, но в сердце храбрых всегда ты будешь живым примером!“

Но и слова Ленина, брошенные им в свет в начале XX века, не будучи „литературой“, мощно воздействовали не только на умы, но и на сердца тех, кому в 1901 году было не более двадцати. К 1917 году они придут уже закалёнными, зрелыми профессионалами политической борьбы и организации масс. Придут учениками и сподвижниками Ленина.

Заключил же книгу Ленин так:

„Сводя вместе всё, изложенное выше, мы можем ответить на вопрос: что делать? дать краткий ответ:

Ликвидировать третий период“[272].

На это и направлены были теперь усилия Владимира Ульянова. А ликвидация третьего периода „разброда и шатаний“ означала переход к уже четвёртому, созидательному периоду в истории российской социал-демократии – периоду профессиональной революционной партии с чётко прописанной программой и уставом, с руководящим ядром и с чёткими целями.

Соответственно, определялся курс на съезд партии – фактически, первый её, организационный съезд. „Искра“ – как инструмент его подготовки – была более чем ко времени. Но отнюдь не ко времени была начавшаяся „история с географией“ „Искры“. Вопрос „Что делать?“ сменился вопросом: „Где печатать?“

Первый номер газеты увидел свет в декабре 1900 года в Лейпциге, второй – в Мюнхене… Печатали „Искру“ и материалы „Искры“ в нелегальной типографии „Искры“ в Кишинёве, а также в нелегальной типографии в Баку (в нелегальной переписке её называли „Нина“)[273].

В типографии „Нина“ печаталась и грузинская нелегальная марксистская газета „Брдзола“ („Борьба“), которая стараниями Сталина стала достойной кавказской младшей „сестрой“ ленинской „Искры“.

Расширение российской сети типографий „Искры“ могло только радовать, а вот европейский аспект „географии“ оказался нерадостным.

В Мюнхене „Искра“ печаталась в типографии германского социал-демократа Иоганна Дитца (1843–1922), депутата рейхстага с 1881 по 1918 год, однако с Дитцем возникали конфликты, и пришлось перебраться через Ла-Манш – в Лондон, где редактор газеты „Justice“ („Справедливость“), органа английской Социал-демократической федерации, Гарри Квелч (1858–1913) соглашался печатать в своей типографии и русскую газету.

30 марта (12) апреля 1902 года Ленин и Крупская выезжают через Кёльн, Льеж и Брюссель в Лондон, куда теперь перемещались и редакция „Искры“ (в лице, собственно, Ленина), и печатание газеты.

С этого момента начинается многолетнее „кочевье“ Ульяновых по Европе, где маршруты и пункты остановок определялись интересами дела или вынужденными обстоятельствами.

Сразу по приезде, 17 апреля, Ленин в письме Плеханову делает выразительную приписку: „*P.S. А Вел. Дм.* („Велика Дмитриевна“, Вера Засулич. – *С.К.*) *вполне права: гнусное впечатление производит этот Лондон, на первый взгляд!!*“

Эту же оценку он повторяет назавтра в письме уже Аксельроду, прибавив: „*И дорого же всё порядком!*“

Дела, однако, не ждут, к тому же теперь есть возможность поработать в библиотеке Британского музея. Уже 21 апреля Ленин под именем Якоба Рихтера обращается к директору музея с просьбой о выдаче ему билета на право входа в читальный зал.

Начинается „лондонский“ период „Искры“ длиною ровно в год. И весь этот год уходит у Ленина на подготовку партийного съезда, причём возрастание активности РСДРП сопровождается усилением репрессий против неё. 3 мая 1902 года Ленин сообщает Аксельроду в Цюрих:

„Передайте Б. Н. (В. А. Носков, искровец. – *С.К.*), что в Воронеже взято человек 40 (говорят), причём сегодняшнее письмо называет фамилии: „Карпов, Любимов, Коростенев, Кардашев, Бутковский, Махновец и Губарева, последние 4 выпущены без вызова на допрос. В Уфе 8 обысков, 2 ареста: Бойков и Сазонов, студенты“ …

Вообще арестов тьма тем! *Почти наверное* взят и наш надёжа, которого Вы видели и узнали и в Цюрихе и у нас – да, да, он самый! Это просто из рук вон как плохо!“[274]

Упомянутый в письме „Надёжа“, об аресте которого Ленин так сокрушается, это Фёдор Ильич Дан (Гурвич) (1871–1947), соратник по „Союзу борьбы за освобождение рабочего класса“,

арестованный уже после Ленина – в августе 1896 года, и после двухлетней отсидки в тюрьме сосланный в Вятскую губернию.

В советской историографии сюжет „Ленин – Дан“ не разработан абсолютно, а ведь это тема, от которой не отказался бы, пожалуй, даже Шекспир! Злейший враг и злобный критик Ленина Дан начинал как его единомышленник.

Единомышленник ли?

И почему он от Ленина отошёл?

И кто в том виновен – Дан или Ленин?

Причиной была, конечно же, склочная в своей основе натура Дана, но сюжет всё равно интересен. Жаль, что и я не смогу его разработать – у меня, всё же, иные задачи.

Летом 1901 года Дан бежал за границу и вошёл в берлинскую группу содействия „Искре“, в качестве агента „Искры“ участвовал в Белостокской конференции комитетов РСДРП по подготовке II съезда. После неё „Надёжа“ был действительно арестован, как и опасался Ленин в письме Аксельроду, и сослан в Восточную Сибирь. Через год опять бежал, и осел за границей как один из лидеров и „теоретиков“… меньшевизма.

В 1917 году Дан стал членом Исполкома Петросовета и членом Президиума ВЦИК 1-го созыва, его имя гремело. Увы, к тому времени бывший ленинский „Надёжа“ числился среди ярых политических противников Ленина. Кончил Дан в 1922 году высылкой из РСФСР как враг Советского государства.

Врагом Ленина и Сталина Дан и умер.

А вот совершенно иная судьба…

Одним из активнейших агентов „Искры“ был 28-летний рабочий социал-демократ Иван Бабушкин (1873–1906) – тоже ближайший соратник Ленина по „Союзу борьбы за освобождение рабочего класса“. В январе 1896 года Бабушкина арестовали в Петербурге по делу „Союза“ и в феврале 1897 года выслали в Екатеринослав (ныне – Днепропетровск).

В Сибирь Ивана не закатали, надо полагать, потому, что рабочий тогда казался жандармам менее опасным, чем интеллигенты. Однако, недооценили питерские „хранители устоев“ того, кто уже прошёл школу Ленина! С четырнадцати лет сын крестьянина-бедняка из села Леденгского Тотемского уезда Вологодской губернии начал учеником в торпедной мастерской в Кронштадте, потом работал слесарем на Семянниковском заводе (позднее – Невский машиностроительный завод имени В. И. Ленина), учился в вечерней рабочей школе у Крупской. В двадцать лет Иван познакомился с Владимиром Ильичом и на всю свою недолгую жизнь стал его верным учеником и надёжным помощником.

Высланный в Екатеринослав, Бабушкин действовал там по-ленински: в декабре 1897 года под его руководством образуется екатеринославский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“, а в 1899 году в городе работает уже 25 рабочих кружков!

В 1900 году начались аресты, Бабушкину удалось уйти и установить связь с вернувшимся из Сибири Лениным. Тот поручает Бабушкину нелегально осесть в Смоленске и готовить сеть рабочих корреспондентов „Искры“, чем Бабушкин, успешно и занимался до ареста в конце 1901 года. Препровождённый в тюрьму города Александровска (ныне – Запорожье), он – опытный слесарь! – летом 1902 года перепилил решётку окна и бежал.

В сентябре Иван встречается в Лондоне – в редакции „Искры“, с Лениным, и Владимир Ильич усаживает его за написание „Воспоминаний“ – интереснейшего документа эпохи! Затем Ленин направляет Бабушкина в качестве агента „Искры“ под кличкой „Новицкая“ в Питер.

6 января 1903 года Ленин пишет Бабушкину в Россию из Лондона:

„Для Новицкой от Ленина.

Дорогой друг! Относительно „экзамена“ должен сказать, что предложить отсюда

экзаменационной программы нельзя (Бабушкин просил прислать некий вопросник. – *С.К.*). Пускай напишут все… пропагандисты о той программе, по которой они читают или хотят читать. Вы просите ставить побольше вопросов. Хорошо…“

Далее Ленин ставил десять конкретных и точных вопросов и заключал письмо словами:

„Жду ответа и крепко жму руку. Смотрите, обязательно исчезайте при первом признаке шпионства за Вами“[275].

Через десять дней Ленин отправляет Бабушкину ещё одно – последнее, как оказалось, письмо, которое оканчивалось самым боевым образом:

„Приветствуем энергичное поведение Новицкой и ещё раз просим продолжать в том же боевом духе, не допуская ни малейших колебаний. Война… и к чёрту всех примирителей, людей с „неуловимыми“ взглядами и мямлей!! Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан. Лучше 2–3 энергичных и вполне преданных человека, чем десяток рохлей. Пишите как можно чаще и, *немедля*, дайте ходы к вашим рабочим (и характеристику их), чтобы в случае провала мы не сели на мель“[276].

Увы, это письмо до адресата не дошло – тот, кого Ленин называл в переписке не только „Новицкая“, но и „наш близкий друг“, вовремя „исчезнуть“ из поля зрения шпиков не успел. В январе 1903 года он был арестован и сослан – на этот раз в Восточную Сибирь, где погиб во время революции 1905–1906 годов.

С момента, когда Ленин приехал в Европу, прошёл год, и какой год! Сколько событий, душевных ран, поражений и достижений…

В начале октября 1901 года на „объединительном“ съезде заграничных организаций РСДРП Владимир Ильич – под псевдонимом „Фрей“ – впервые за рубежом выступил публично. Аудитория состояла из 33 человек, среди которых была и Крупская… Он надеялся на понимание, однако объединения тогда не получилось: 16 членов оппортунистического „Союза русских социал-демократов“ (включая 5 членов Бунда) и 3 члена группы „Борьба“ не нашли общей точки зрения с 6 членами ленинско-мартовской организации „Искры“ и „Зари“ и 8 членами плехановской организации „Социал-демократ“. По инициативе Ленина две последних организации создали „Заграничную лигу русской революционной социал-демократии“ – как рычаг создания боевой партии[277].

Но теперь Ленин уже не питает иллюзий относительно того, что его жизнь профессионального революционера будет проходить исключительно в обстановке дружной, товарищеской партийной работы. Увы, слишком многие не хотят выходить из „болота“ „кружковщины“ и „экономизма“, а многие в это „болото“ сворачивают вольно или по заблуждению. За партию приходится бороться внутри самой партии. И накалом этой борьбы всё более дышат ленинские „предсъездовские“ письма 1902 и 1903 года… Так, 6 мая 1902 года Ленин пишет из Лондона в Самару Глебу Кржижановскому:

„Получили письмо. Дерево (Ф. И. Дан, – *С.К.*), видимо, взято. Клэру (Г. М. Кржижановский, – *С.К.*) обязательно спастись, и для этого немедля перейти на нелегальное. Свидание с Сашей (конспиративное название конференции комитетов РСДРП в Белостоке, – *С.К.*) (о ней нам ещё успел написать Дерево), привело к назначению комиссии по созыву съезда через пять месяцев (реально это произошло почти через год, – *С.К*).

Теперь наша главная задача – подготовить это, т. е. чтобы вполне свои люди проникли в возможно более число комитетов и постарались подорвать южный ЦК южных комитетов (= юла). Эта „юла“, которой вертит Genosse (О. А. Ерманский, после II съезда меньшевик, – *С.К.*) (кой-кем обвиняемый в провокаторстве, что ещё не проверено) – главное препятствие (да ещё

Питер). Поэтому ближайшая задача: чтобы Курц (Ф. В. Ленгник, – *С.К.*) + Эмбрион (Е. В. Барамзин, тогда агент „Искры“. – *С.К.*) оба тотчас вошли в комитеты. Затем чтобы Клэр и Бродягин (М. А. Сильвин. – *С.К.*) последовали в той или иной форме их примеру. Это – главная задача, ибо иначе нас неизбежно оттеснят: подчините всё остальное этой задаче, помните о важнейшем значении Второго съезда!..

Если подтвердится, что Дерево погибло, то нам с Клэром и Бродягиным надо поскорее повидаться или списаться сугубо подробно…“[278]

23 мая 1902 года Ленин из Лондона инструктирует Ленгника-„Курца“, находящегося в Самаре:

„Итак, Ваша задача теперь создать из себя комитет по подготовке съезда, принять в этот комитет бундовца (оценив оного *со всех сторон* – это NB!), просунуть своих людей в наибольшее число комитетов, сохраняя себя и своих паче зеницы ока до съезда. Это всё архиважно! Памятуйте это. Будьте в этом смелей, наглей и изобретательней, а в остальном – потише и поосторожнее.

Мудры, аки змеи – и кротки (с комитетами: Бундом и Питером) – аки голуби.

Весь Ваш *Старик*“[279].

Подобным образом Ленин наставляет и других агентов „Искры“. Например, Ивану Радченко („Аркадию“) он в июле 1902 года пишет в Петербург подробное письмо, где всё тоже крутится вокруг темы подготовки съезда[280].

Уроки Плеханова, Струве и прочих фактических или потенциальных обитателей „болота“ не прошли даром, он уже научается быть, когда надо, и мудрым аки змий, и кротким аки голубь…

Бить „ниже пояса“ Ленин не бил ни тогда, ни позднее, но бить любого – даже прошлых товарищей и соратников, если они тянули в то или иное „болото“ – он научился быстро.

Взять тот же Бунд – чисто еврейскую организацию социал-демократов. Поскольку Бунд тогда представлял определённую силу как объединение не только социал-демократическое, но и националистическое, игнорировать его было невозможно. Однако на самом съезде никакой потачки Бунду Ленин не дал, а вскоре после съезда – в августе 1903 года, опубликовал в № 46 „Искры“ статью „Последнее слово бундовского национализма“.

Приходится сотрудничать и с Плехановым – в письмах восстанавливается обращение „Дорогой Г. В.!“, но более того – Ленин восстанавливает доверительность отношений, что хорошо видно из, например, письма Плеханову от 12 июля 1902 года (см. ПСС. Т. 46, с. 197–198), где он обсуждает вопрос отношений с „Союзом русских социал-демократов за границей“ и пишет, что „с „союзниками“, по-моему, нечего теперь объединяться: они держат себя нахально и „изобидели“ Берга (Мартова. – *С.К.*) в Париже…“, и т. д.

Всё это отнимает силы и физические, и душевные, что видно и из тогдашней переписки[281].

14 июня 1902 года Ленин признаётся в письме, отосланном Любови Аксельрод в Цюрих: „*Советую Вам отдохнуть летом; завидую ужасно, что не могу вырваться на отдых, – а нервы мои истрёпаны до чёртиков*…“

23 июня он сообщает тому же адресату, но уже в Берн: „*Здоровье моё преплохо… Arbeitsunfдhigkeit* (*нем*. неработоспособность. – *С.К.*) *почти полная, нервы никуда не годятся*…“

И 23 июня же, начав письмо к Плеханову из Лондона в Женеву:

„*Дорогой Г. В.! Большой камень свалился у меня с плеч, когда я получил Ваше письмо, положившее конец мыслям о междуусобии. Чем неизбежнее казалось нам это последнее, тем тяжелее были такие мысли, ибо партийные последствия были бы самые печальные*…“

Ленин закачивает его постскриптумом:

„P.S. Я уезжаю на днях в Германию повидать мать и отдохнуть. Нервы мои истрёпаны „в лоск“, и я чувствую себя совершенно больным. Надеюсь, скоро увидимся в Лондоне?“

Реально Ленин встретился с Марией Александровной и сестрой Анной не в Германии, а в деревушке Логиви на северном берегу Франции, и пробыл там с родными почти месяц. Крупская со своей матерью оставалась в Лондоне на редакционном „хозяйстве“, высылая Ленину в Логиви корректуры будущих статей в „Искре“ и ведая текущей перепиской с Россией.

Что лучше морских заплывов могло восстановить силы такого завзятого пловца, как Ленин!? Несмотря на то, что в отпуску пришлось, конечно же, и работать, по возвращении в Лондон настроение у Ленина устанавливается вполне боевое, и 14 сентября 1902 года он пишет вернувшейся в Самару матери:

„Дорогая мамочка!..

…У нас всё по-старому. Здоровы все. Погода здесь стоит для осени удивительно хорошая – должно быть в возмездие за плохое лето. Мы с Надей уже не раз отправлялись искать – и находили – хорошие пригороды с „настоящей природой“…“

Впрочем, „потехам“ Ульяновы и вообще-то отводили нечастые часы, уделяя основное время делу, а осенью 1902 года, зимой и весной 1903 года – тем более, поскольку чем реальнее становился съезд, тем большее напряжение создавалось в партийных кругах и за границей, и в России.

К тому же возникла и ещё одна болячка – активизировалась партия эсеров. Ещё летом 1902 года Ленин – перед отпуском в Логиви, прочёл в Париже на собрании русских политэмигрантов реферат о тактике эсеров. Затем он выступал с этим рефератом в ноябре 1902 года в Лозанне, Женеве, Берне, Цюрихе, и позднее – в Льеже.

А в декабре 1902 года Владимир Ильич получает приглашение от Русской высшей школы общественных наук в Париже прочесть цикл лекций по аграрному вопросу.

Школа была основана в 1901 году Максимом Максимовичем Ковалевским (1851–1916), крупным русским учёным – юристом, историком и социологом. Родившись в семье богатого харьковского помещика, он после окончания Харьковского университета выехал за границу для продолжения образования, встречался с Марксом, однако общего языка с ним не нашёл.

С 1877 года Ковалевский стал профессором государственного права в Московском университете, но через 10 лет его уволили за прогрессивные (по тем временам) взгляды и он опять уехал из России. Ковалевский был действительно крупной научной величиной и без работы не остался, читал лекции в Европе, в Америке, и лишь на волне революции 1905 года вернулся на родину, теперь уже – в Петербургский университет.

В 1906 году он был избран депутатом Государственной думы от Харьковской губернии и возглавил основанную им Партию демократических реформ, стоявшую правее (!) кадетов. В 1907 году Ковалевского назначили членом Государственного Совета от Академии наук, а с 1909 года он издавал принадлежащий ему же солидный журнал „Вестник Европы“…

В 1912 году в статье „Национал-либералы“ Ленин писал: „Чисто интеллигентские, мало-„почвенные“ либеральные элементы остаются у кадетов. Национал-либералы получают себе таких идеологов, как Струве, Маклаков, Протопопов, Ковалевский и других, давным-давно стоящих уже одной ногой в реакционном лагере“[282].

Этот самый Ковалевский – ещё не депутат и не реакционер, и пригласил В. Ильина – автора научного труда „Развитие капитализма в России“ и других экономических трудов к себе в школу.

В конце февраля 1903 года Ленин прочёл первую лекцию, и вот как запомнил тот день слушатель Школы Григорий Зиновьев:

„Закончил свою первую лекцию Владимир Ильич под настоящий гром аплодисментов, перешедших в бурную, продолжительную овацию, какую стены школы никогда раньше не

слышали. И узнав, что лектор В. Ильин, это и есть чуть ли не самый главный „подпольщик“ В. Ульянов, Максим Ковалевский ужасно огорчился. А какой хороший профессор мог бы из него выйти, – заметил он…“[283]

Зиновьев, тогда познакомившись с Лениным, стал с 900-х годов многолетним сподвижником Ленина, но в итоге предал дело Ленина, то есть дело Советской власти. Впрочем, в 1903 году до всего этого было ещё ой как далеко…

Что же до реакции Ковалевского, то тут даже не стоит много говорить на тему „Если бы…“ Конечно, эрудиции, ума и – что не менее важно, работоспособности, Ленину хватило бы на десяток университетских профессоров, однако профессорская карьера и Ленин были вещи несовместные.

Но почему?

Ряд антиленинских „лениноведов“ (их кто-то метко назвал „лениноедами“) распинается относительно того, что Ленин-де обладал комплексом власти, а поэтому-де и работал в революции – в видах будущего наслаждения властными прерогативами.

Это, конечно, чепуха!

Чепуха уже потому, что Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы – сами революционерами не будучи, всех своих детей вырастили людьми чести и долга… Умеющими думать, к тому же. А в классовом обществе, да ещё в период его развивающегося кризиса, это почти автоматически приводит подобных людей к делу ***реальной*** борьбы за социальный прогресс. Это и произошло со всеми младшими Ульяновыми – они все: Александр, Анна, Мария и Дмитрий работали в революционном движении. И все, кроме погибшего на эшафоте народовольцем Александра, стали большевиками – соратниками брата Владимира. Если бы не ранняя смерть, большевичкой, и только большевичкой прожила бы свою жизнь и Ольга.

Владимир был в семье самым талантливым, и поэтому для него тем более не могло быть никакой иной судьбы, кроме революционной. Но эту же судьбу выбирали и другие его современники и сограждане – пусть менее талантливые, менее яркие, но тоже движимые чувством чести и долга.

Большая часть их могла бы стать „просто“ профессорами, присяжными поверенными, врачами, инженерами, или – хотя бы, преуспевающими мастерами на хозяйских заводах. Но они не могли жить в обществе, пропитанном в „верхах“ духовной гнилью, а в „низах“ – гнилью застарелого пота и раскисших крестьянских онучей…

Вот они и боролись – за политически и нравственно здоровую общественную атмосферу на их Родине.

Говорят, короля делает окружение… И это верно! Любой лидер силён настолько, насколько много вокруг него и его идей собралось не просто единомышленников, но едино ***действующих*** его современников.

Каким было окружение Ленина, приближающегося в начале 900-х годов к поре первой зрелости? Кое-что об этом уже было сказано, но бросим на ситуацию и ещё один взгляд…

В декабре 1902 года Ленин пишет Л. И. Аксельрод из Лондона в Берн:

„Многоуважаемая Л. И.

Получил сейчас Ваше письмо и спешу ответить, чтобы поздравить с таким громадным приобретением, как Ставский…

…Далее, насчёт „Миши наборщика“. Я такой клички не знаю, но названного им Вас. Андр. Шелгунова знаю и работал с ним вместе (ещё в „Союзе борьбы“. – *С.К.*). Передайте поэтому „Мише“ привет от меня лично, раз Шелгунов говорил ему обо мне, и просьбу написать нам обо всём поподробнее, т. е. и о делах и о себе, кто он такой и каковы его планы теперь, надолго ли он за границу и проч. Вам придётся уже, право, позаняться с этими людьми, очень важно вполне

привлечь их… Может быть нам удастся вскоре послать Вам на подмогу молодого и очень энергичного и способного товарища отсюда (кличка: „Перо“)…“[284]

Обычное деловое письмо 32-летнего Ленина, объединившее пять имён…

Кто они?

Сама Любовь Исааковна Аксельрод (1868–1946), философ, литературовед и партийный писатель (литературный псевдоним „Ортодокс“), которой Ленин часто писал до II съезда, после съезда быстро отошла на меньшевистские позиции, тяготея к Плеханову.

В 1917 году Аксельрод была членом ЦК меньшевиков, и так больше к Ленину и не вернулась, даже после Октября 1917 года. С 1918 года отошла от активной политической деятельности, преподавала в ряде вузов. Былой „Ортодокс“, она действительно, а не притворно, в пятьдесят лет порвала с политикой, и никто её, бывшую активную меньшевичку, не тронул ни в какой „37 год“! Она даже удостоилась вполне объективной статьи в 1-м томе 2-й, „сталинской“, Большой советской энциклопедии.

Крестьянский сын из Псковской губернии Василий Андреевич Шелгунов (1867–1939) – ветеран революции. Он начинал в 1886 году в „Товариществе санкт-петербургских мастеровых“, работал в группе Бруснева, участвовал в организации ленинского „Союза борьбы“, был арестован одновременно с Лениным и после более чем годичного заключения в тюрьме выслан в Архангельскую губернию.

После ссылки Шелгунов участвовал в создании подпольной „искровской“ типографии в Баку, потом работал в столичном комитете большевиков. В декабре 1905 года его арестовали, и в тюрьме он потерял зрение. Тем не менее он остаётся в партии, в 1911 году дважды арестовывается как редактор легальной большевистской газеты „Звезда“, участвует в создании „Правды“, в 1913 году высылается административно на Северный Кавказ…

Шелгунов носил чёрные очки незрячего, а провидел будущее России лучше записных университетских профессоров.

Ставский – не псевдоним, это и есть 25-летний Иван Ставский (1877–1957), член партии с 1898 года, рабочий-оратор, в ноябре 1902 года один из руководителей стачки в Ростове-на-Дону, позднее – большевик. Надежд Ленина Ставский впоследствии особо не оправдал, но он эти надежды, всё же, подавал…

„Миша наборщик“ – 22-летний Л. Д. Махлин (1880–1925), пришедший в революцию в 20 лет. Он стал агентом „Искры“, как искровец большинства был делегатом II съезда от Екатеринослава, но после съезда примкнул к меньшевикам. Работал в Вильно, Двинске, Петербурге, после поражения революции 1905 года эмигрировал и вернулся в Россию лишь в 1919 году, был принят в РКП(б), занимался профсоюзной и хозяйственной работой. Он недолго находился на орбитах партии Ленина, но, во всяком случае, находился.

А молодой, очень энергичный и способный товарищ из Лондона по кличке: „Перо“ – это 23-летний Лев Бронштейн, вошедший в историю под именем, в особых представлениях не нуждающемся, – „Троцкий“.

Вот такие пять имён, пять судеб – разных, но общих в том, что они так или иначе были связаны с судьбой и деятельностью Ленина.

Те, кто его окружал – и те, кто сохранил верность ему, и те, что с какого-то момента отошли от него или попросту предали, – были не ангелами, а людьми со своими слабостями, кто – с мелкими, а кто – и с крупными.

Терять было больно, приобретать – радостно, и Ленин полной мерой получил от жизни и первое, и второе…

Знаменитая Клара Цеткин оставила нам интереснейшие записи нескольких откровенных бесед с Лениным, в том числе – осенью 1920 года в его кабинете в Кремле. Тогда Ленин, кроме

прочего, сказал:

– Вы ведь знаете молодого товарища XYZ. Прекрасный, высокоодарённый юноша! Боюсь, что несмотря на всё, ничего путного из него не выйдет. Он мечется и бросается из одной любовной истории в другую. Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции. Я не поручусь также за надёжность и стойкость в борьбе тех женщин, у которых личный роман переплетается с политикой, и за мужчин, которые бегают за всякой юбкой и дают себя опутать каждой молодой бабёнке…[285]

Каждый раз, читая эти строки, я думаю – не сластолюбивого ли Бухарина имел в виду Владимир Ильич?

Правда, в 1920 году Бухарину было уже тридцать два года – возраст не очень-то юношеский, но – с другой стороны, это мнение Ленина на удивление подходит к Николаю Ивановичу, весьма охочему до „молодятинки“…

Так или иначе, Ленин, как позднее и Сталин, умел прощать людям их маленькие слабости, но одного, как позднее и Сталин, не прощал – ренегатства, предательства дела партии. А поскольку делом большевистской партии было создание новой России – России для народа, то предательство партии означало для Ленина и предательство народа, предательство России.

Почти все, кто уверенно шёл за Лениным и с этого пути не сбился, не имели ***пороков***, и прежде всего – таких отвратительных пороков как своекорыстие, самомнение и самодовольство, за которыми в политике следуют, как правило, и подлость, и предательство.

Если же кто-то сдавал и начинал любить не дело в себе, а себя в деле, то автоматически выбывал из числа тех, кто пользовался доверием и уважением Ленина.

Увы, на его пути случались, как уже сказано, не только первые, но и вторые.

4 августа 1902 года Ленин пишет в Цюрих старому товарищу В. А. Носкову („Борис Николаевич“) из Лондона в Цюрих:

„Дорогой Б. Н.! Получил оба Ваших письма и очень рад был узнать, что мнимые „недоразумения“ оказываются дымом…

Вы вот на наших „агентов“ жалуетесь. И мне захотелось поговорить с Вами на эту тему – очень уж она и у меня наболела. Поставьте себя так, чтобы говорить не „Ваши агенты“, а „наши агенты“, и тогда Вы будете говорить не об антипатичности наших агентов, а о недостатках нашего общего дела. Масса этих недостатков, и гнетёт она меня чем дальше, тем больше.

Теперь как раз подходит уже близко (чуется мне) время, когда вопрос встанет ребром: либо Россия поставит своих людей, выдвинет таких, которые придут на помощь нами дело исправят, либо… И хотя я знаю и вижу, что такие люди уже выдвигаются и число их растёт, но идёт это так медленно и с такими перерывами, а „скрип“ машины так рвёт нервы, что… иногда зело тяжело приходится.

Мы ведь не творим себе „человеческого материала“… Нам „приходится“ биться как рыбе о лёд, делая (за неимением других людей) не своё дело… Ведь в этом всё горе наше. Ведь когда посмотришь на нашу практическую бесхозяйственность, – то злишься часто до потери работоспособности, и только одно утешает: значит, жизненное дело, если растёт и явно растёт, несмотря на весь этот хаос. Значит, перебродит – и хорошее вино будет…“[286]

Это – товарищеская доверительная беседа о наболевшем…

А в самом конце письма Носкову Ленин просит:

„Напишите своё мнение о Зерновой…, правда ли, что нехороший человек, т. е. не только „похождения“ любит (это ведь не беда же, само по себе), а именно как человек ненадёжный.

Жму крепко руку. Ваш *Ленин*“.

20-летняя тогда якобы „ненадёжная“ „Зернова“ (а также „Зверь“, „Зверев“, „Сокол“, „Нина

Львовна“) – это Мария Эссен (1872–1956), после II съезда – член ЦК, частый адресат ленинских писем времён революции 1905 года и активнейшая большевичка. После 1907 года она от партийной работы отошла, но с 1917 года опять в неё включилась, работала в Грузии, а с 1925 года переключилась на научно-редакционную деятельность.

Эссен-то, как показало будущее, оказалась, всё же, достаточно надёжной. Засбоил как раз Носков – позднее мы это увидим. Но тут уж – на войне, как на войне, испытание которой выдерживают не все.

В апреле 1903 года Ульяновы опять переехали – в Женеву, в связи с переводом туда редакции „Искры“. Собственно, редакцией была квартира Ульяновых, через которую тёк день за днём поток гостей, включая приезжих из России…

Ленин был занят „под завязку“, как и Крупская. Причём на Надежде Константиновне, кроме партийных забот лежали ещё и житейские. Вот как она описывала тогдашнюю жизнь в одном из писем свекрови в Россию: „…уборка и хозяйство занимали целый день. При той толкотне, которая у нас царит иногда, необходимость постоянно думать о хозяйстве надоедала очень. Уйдёшь гулять – без молока останешься, не встанешь в 7 часов – изволь идти за мясом в город…“[287]

Вот что, вообще-то, надо было включать в курсы истории партии в спокойные брежневские времена – такие строки из писем!

Весна – пора обновления, в котором нуждалась и революционная работа в России. Но вряд ли Владимир Ильич обременял себя размышлениями о символике. Его волновали конкретные и реальные проблемы, часть которых даже не назрела, а перезрела. В партии росло понимание необходимости скорейшего созыва съезда, в феврале 1903 года в Орле прошло совещание Организационного комитета и после этого подготовка вышла, наконец, на финишную полосу.

В конце мая 1903 года Ленин пишет большое письмо в Киев члену Оргкомитета и агенту „Искры“ Е. М. Александровой („Жак“, „Наталья Ивановна“, „Штейн“). В числе других членов ОК Александрова готовила II съезд и присутствовала на нём с совещательным голосом.

Крупская вспоминала о ней:

„Екатерина Михайловна… раньше была видной народоволкой, и это наложило на неё определённую печать. Она не походила на наших пылких, растрёпанных девиц вроде Димки (И. Г. Смидович, первый секретарь редакции „Искры“. – *С.К.*), была очень выдержана. Теперь она была искровкой, то что она говорила, было умно.

К старым революционерам, к народовольцам Владимир Ильич относился с уважением. Когда приехала Екатерина Михайловна, на отношение к ней Владимира Ильича не осталось без влияния то, что она бывшая народоволка, а вот перешла к искровцам. Я и совсем смотрела на Екатерину Михайловну снизу вверх…

Искровкой она оказалась не очень стойкой – на II партийном съезде не без её участия плелась сеть оппозиции против „захватнических“ намерений Ленина, потом она была в примиренческом ЦК, потом сошла с политической арены…“[288]

Екатерина Александрова (урождённая Долгова) (1864–1943) была женщиной умной, весьма незаурядной и волевой. С 1884 года она пришла в революционное движение к народовольцам, но эволюционировала к социал-демократам, с 1890 года входила в группу Бруснева, где начинала работать и Крупская.

Вскоре после II съезда Александрова – энергичная и деятельная, стала активной меньшевичкой, в 1912 году входила в группу „Правды“ Троцкого (к газете большевиков „Правда“ эта группа никакого отношения не имела). Александрова была, впрочем, сторонницей объединения большевиков и меньшевиков на общей платформе. После Октябрьской революции, несмотря на то, что Троцкий стал силой, в послеоктябрьские троцкисты Александрова не

пошла. Возможно, и годы взяли своё, но, так или иначе, от политики после Октября 1917 года Екатерина Михайловна отошла, занималась культурно-просветительской работой, заведуя в Ленинграде одним из музеев.

А весной 1903 года Ленин смотрел на неё как на соратницу, и писал:

„Личное от Ленина

Прочёл Ваше длинное письмо. Большое спасибо за него. Лучше поздно, чем никогда. Вы просите не очень злиться. Скажу Вам откровенно, что злился я мало, больше улыбался, вспоминая свою последнюю беседу перед дверьми „вертепа“ с некиим Жаком (т. е. с самой Александровой. – *С.К.*), который находил тогда (тогда!), что мы слишком мало командуем…“[289]

Перед съездом „Жак“ добивалась „единовластия и твёрдой руки“. На съезде она уже считала, что Ленин много командует и была не прочь командовать сама. Но Ленин писал ей ***до*** съезда и – в рамках выработки общей линии на съезде. В этом смысле интересно вот такое место из письма „Жаку“:

„Формально, по-моему, с Бундом надо быть корректным и лояльным (в зубы прямо не бить), но в то же время архихолодным, застёгнутым на все пуговицы и на законной почве припирать его неумолимо и ежечасно, идя до конца без боязни. Пусть уходят, коли хотят, – но мы не должны дать им в руки ни малейшего повода, ни тени повода к разрыву. Формальности до съезда соблюсти, конечно, надо, но открывать карт незачем“[290].

В подобного рода шлифовке платформы съезда, проектов программы партии и её устава, прошёл июнь. В середине июля 1903 года Ленин вместе с другими делегатами съезда и с Крупской, которая должна была участвовать в заседаниях с совещательным голосом (под псевдонимом „Ленина“, к слову), выезжает в Брюссель, где 17(30) июля и открылся знаменитый позднее в истории II съезд РСДРП.

Бой за партию Лениным был подготовлен, теперь он его начал.

В Брюсселе удалось провести лишь двенадцать заседаний – бельгийская полиция стала придираться к делегатам, выслала из страны Розалию Землячку, и в конце июля (начале августа) съезд переехал в Лондон, где состоялось ещё двадцать пять заседаний.

Устройству съезда в Лондоне много помогли старые товарищи Ленина по петербургскому „Союзу борьбы“ супруги Тахтаревы – К. М. Тахтарев (1871–1925) и А. А. Якубова (1869–1913). Аполлинария Якубова, сосланная, как и Ленин, в Енисейский край, не раз фигурировала в письмах обоих Ульяновых из Шушенского как „Куба“ и „Лирочка“… Однако после раскола партии Тахтаревы одно время сочувствовали меньшевикам, а потом и вообще отошли от партийной работы.

Обстановка и в Брюсселе, и в Лондоне была нервной, но главные съездовские страсти разгорелись в Лондоне. Вот как описывала это Надежда Константиновна Крупская:

„…все знали друг друга не только как партийных работников, но знали и личную жизнь друг друга. Тут была целая сеть личных симпатий и антипатий. Чем ближе подходили выборы, тем напряжённее становилась атмосфера. Обвинения, бросавшиеся Бундом и „Рабочим делом“, в желании командовать, диктовать свою волю из заграничного цента и пр., хотя и встречали дружный отпор вначале, делали своё дело, влияя на центр, на колеблющихся, может быть, даже помимо их сознания. Боялись командования, чьего? Конечно, не Мартова, Засулич, Старовера (Потресова. – *С.К.*) и Аксельрода. Боялись командования Ленина и Плеханова. Но знали, что в вопросе о составе, о русской работе будет определять Ленин, а не Плеханов, стоявший в стороне от практической работы“[291].

Да, реальная революционная работа редко напоминает романтический роман, и не все

профессиональные революционеры жили исключительно соображениями дела – как Ленин… У многих – особенно это относилось к меньшевикам, высокое в жизни переплеталось с мелким, убеждения – с заблуждениями, чувство долга и ответственности – с амбициями.

Нельзя забывать и того, что практически все профессиональные революционеры – как большевики, так и меньшевики, были людьми с тем или иным потенциалом „обычной“ профессиональной или политической карьеры, вполне успешной в условиях царской России. Они же выбрали неустроенность, оторванность от Родины или полную опасностей жизнь в России, неясное будущее…

Это ведь тоже влияло на „нервы“ не самым благотворным образом.

10(23) августа 1903 года II съезд официально закончился. Если мы посмотрим на него трезво и объективно, то увидим, что он ещё отдавал-таки „кружковщиной“. Но съезд, во-первых, не представлял собой в полной мере подлинно боевое руководство РСДРП. Кто-то из тех, кто уже скоро составит большевистское ядро партийного руководства, не смог приехать… Кто-то был арестован, сидел в тюрьме, отбывал ссылку… Кто-то ещё просто не „набрал очки“, хотя и стремительно – как, например, Сталин на Кавказе, вырастал в лидера…

Тем не менее, на съезде сформировалась прочно ленинская группа сильных профессиональных революционеров. Делегатами были такие сильные фигуры как Р. С. Землячка, А. В. Шотман, П. А. Красиков, Н. Э. Бауман, А. М. Стопани, Л. М. Книпович, С. И. Гусев (Драбкин), Б. М. Кнунянц, младший брат Ленина Д. И. Ульянов и ряд других партийцев-ленинцев…

Впрочем, рассказать о съезде более подробно я предоставлю возможность самому Владимиру Ульянову-Ленину, который в сентябре 1903 года записал „Рассказ о II съезде РСДРП“.

Свою рукопись он предварил предупреждением: „Этот рассказ назначен только для личных знакомых, и потому чтение его без согласия автора (Ленина) **равно чтению чужого письма**“. Ленинская рукопись и впрямь осталась лишь рукописью, она была издана печатно только в 1927 году в VI Ленинском сборнике.

В ленинском „Рассказе…“ много таких деталей, которые имели значение только для того времени, поэтому из „статистики“ съезда, „расклада“ голосов и прочего подобного сообщу, ссылаясь на Ленина, одно: „решающих голосов на съезде было 51 (33 делегата с 1 голосом, и 9 с двумя)“. Девятерых с двумя голосами называли „двурукими“. Кроме того имелось до 14 делегатов с совещательным голосом.

К слову, есть и несколько иная „арифметика“ – в 7-м томе ПСС на страницах 432–435 приведены записи того же Ленина по составу съезда, где отмечены 43 делегата с решающим и 9 – с совещательным, включая Тахтаревых („Тары“), Потресова („Старовер“), Засулич, Александрову („Наталья Ивановна“) и Крупскую („Ленина“)…

Разнобой получается от того, что не все делегаты (как, например, два польских представителя) участвовали во всех заседаниях, а бундовцы и два делегата от группы „Рабочее Дело“ 5(18) августа со съезда ушли.

Всего участие в съезде принимало 57 человек. „Искровцев“, „более или менее твёрдых и последовательных в своём искрянстве“, насчитывалось 33 человека, и Ленин писал:

„Эти 33 искровца, которые будучи едины, всегда решали судьбу всякого вопроса на съезде, раскололись, в свою очередь, на 2 подгруппы, раскололись окончательно лишь в конце съезда: одна подгруппа, приблизительно в 9 голосов искровцев мягкой, вернее, зигзаговой линии (или женской линии, как острили, и не без основания, некоторые шутники), и около 24 голосов искровцев твёрдой линии, отстаивавших последовательный искризм и в тактике и в личном составе центральных учреждений партии“[292]..

К тому времени лидеры обеих „подгрупп“ вполне определились: „женское“ начало (вопреки

обычной символике – отнюдь не животворящее) олицетворял исполненный самомнения Мартов, а „твёрдые“ шли за Лениным. Впрочем, как писал Ленин:

„Начался съезд при мирной и дружной работе всех искряков, между которыми оттенки в мнениях были, конечно, всегда, но наружу эти оттенки, в качестве политических разногласий, не выступали“.

Однако уже при выборах президиума съезда начались разногласия… Мартов „стоял за выбор 9 лиц, которые бы на каждое заседание выбирали бы по 3 в бюро, причём в состав этих 9-ти он вводил даже бундиста“. Ленин „стоял за выбор только трёх на весь съезд, и притом трёх для „держания в строгости““…

Выбраны были три человека: Плеханов, Ленин и „товарищ Т“, названный Лениным „искровцем твёрдой линии“.

Под последним подразумевался Пётр Красиков (1870–1939), как и Ленин – сын учителя, как и Ленин – юрист, сдавший экзамены экстерном при Петербургском университете (в 1908 году). В 1892 году он примкнул к плехановской группе „Освобождение труда“, в 1893 году был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Сосланный в Сибирь, Красиков познакомился с Лениным, позднее входил в число агентов „Искры“… После Октября стал одним из создателей советской сталинской юстиции, с 1924 года состоял прокурором Верховного суда СССР, в 1933–1938 годах – заместителем председателя Верховного суда СССР. Был стойким сторонником Сталина.

Споры о выборе президиума оказывались, конечно, не мелочью, и разные подходы Ленина и Мартова к вроде бы процедурному вопросу сразу выявляли разные подходы к делу по существу.

Принятие предложения Мартова превращало съезд (а потом и всю партию) в базар, в собрание болтунов, спорящих до хрипоты ради самого спора.

Победивший подход Ленина обеспечивал – в любом случае – и деловой ход съезда и, что самое важное, ***деловые его результаты***!

Знаменитый в истории партии конфликт по первому пункту Устава между Лениным и Мартовым Ленин описал так:

„Пункт 1-й устава определяет понятие члена партии. В моём проекте это определение было таково: „Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, признающий её программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным *участием в одной из партийных организаций*“. Мартов же вместо подчёркнутых слов предлагал сказать: *работой под контролем и руководством одной из партийных организаций*. За мою формулировку стал Плеханов… Мы доказывали, что необходимо *сузить* понятие члена партии для отделения работающих от болтающих… Мартов стоял за *расширение* партии и говорил о широком классовом движении, требующем широкой – расплывчатой организации и т. д. Плеханов горячо восстал против Мартова, указывая, что его… формулировка открывает двери оппортунистам, только и жаждущим этого положения в партии и вне организации…“[293]

По ходу прений по параграфу (пункту) первому устава Ленин делал заметки…[294]

Скажем, выступающие „мартовцы“ приводили пример – вот, мол, некий профессор… Он признаёт программу, он входит в партию, но не входит в организацию как её работающий член. Ленин помечает: „Такие люди не могут быть приняты в партию“. И далее: „Если он пойдёт (на опасность), то он будет профессиональный революционер“.

Формулировка Мартова – по его собственным словам, отличалась „эластичностью“, она расширяла понятие „член партии“, а Ленин его стремился сузить, справедливо считая, что необходимо „отделение болтающих от работающих“, и что „лучше 10 работающих не назвать членами, чем 1 болтающего назвать“.

Достаточно распространено заблуждение, что на II съезде РСДРП победила ленинская

формулировка, но это было, увы, не так, что подтверждают как все курсы истории партии, начиная со сталинского „Краткого курса“, так и сам Владимир Ильич в своём „Рассказе о II съезде РСДРП“.

Он пишет:

„Мартов одержал тут победу: принята была (большинством около 28 голосов против 23 или в этом роде, не помню точно), его формулировка, *благодаря* Бунду, который, конечно. сразу смекнул, где есть щёлочка…“

Если мы вчитаемся в пункт 1-й Организационного Устава партии, принятого на II съезде РСДРП, то увидим, что он был принят действительно не в строго ленинском варианте и выглядел так: „Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, принимающий её программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из её организаций“.

„Участие“ и „содействие“ – вещи очень разные. Тем не менее, после II съезда появились понятия „большевики“ – сторонники Ленина, и „меньшевики“ – противники Ленина.

А вышло это так…

Обсуждалось четыре списка кандидатов в Центральный Комитет (ЦК), среди которых были „примирительный“ список большинства; „боевой“ список меньшинства: Носков (искровец большинства, позднее примиренец. – *С.К.*), Розанов (центристский делегат от группы „Южный рабочий“, после съезда активный меньшевик. – *С.К.*) и Троцкий; а также – „боевой“ список большинства: Носков, Кржижановский, Розанов.

Розанов отказался идти в „боевом“ списке большинства и был заменён в нём Ленгником – соратником Ленина ещё по „Союзу борьбы за освобождение рабочего класса“. Как и другой ленинский старый соратник Кржижановский, Ленгник находился в это время в России.

В итоге членами ЦК были избраны сторонники большинства Носков („Глебов“), Кржижановский („Клэр“) и Ленгник („Курц“)[295].

Потерпели поражение мартовцы и при выборах редакции центрального органа (ЦО) партии – газеты „Искра“. В редакцию были избраны Плеханов, Ленин и Мартов, вопреки требованию Мартова включить в состав редакции всех старых редакторов, то есть Плеханова, Ленина, Мартова, Аксельрода, Потресова и Веру Засулич… Мартов устроил по этому поводу настоящую истерику, как и его сторонники. Ленин писал: „Один мартовец держал такую речь при этом, что один делегат закричал после неё секретарю: вместо точки поставь в протоколе слезу“[296].

Мартов кричал о „самодержавии“ Ленина, о создании им „робеспьеровского режима казней“, об „устройстве политических похорон старым товарищам“[297], но всё это было со стороны бывшего близкого товарища лишь проявлением мелочных амбиций.

Вариант Мартова означал отказ от боевой позиции Ленина и был – хотя и минимальным, но большинством съезда – отвергнут. Отсюда и пошло: „большевики“ и „меньшевики“.

Название „большевики“ возникло, на первый взгляд, случайно. В действительности же оно было редким образом исторически обоснованным и логичным.

Исторически и по политической сути вышло здорово и точно, однако почти сразу после II съезда Ленин и идущая за ним часть РСДРП оказались в меньшинстве. Одну из решающих ролей в этом сыграл Плеханов – его поддержка Ленина по вопросу о том, кого следует считать членом партии исчерпала, и уже, фактически, навсегда, все резервы принципиальности этого действительно выдающегося русского марксиста. От поддержки Ленина Георгий Валентинович переходит к борьбе с ним.

Отходил от Ленина и бывший близкий товарищ Потресов…

Что ж, принципом Ленина всегда было: если ***оппоненты*** не желают ***взаимной*** лояльности, то лучше уж добрая ссора, чем худой мир. И в конце своего „Рассказа о II съезде РСДРП“ он

заявил:

„Русской социал-демократии приходится пережить последний трудный переход к *партийности* от кружковщины, к *сознанию революционного долга* от обывательщины, к *дисциплине* от действования путём сплетен и кружковых давлений…“[298]

Собственно, это была главная установка Ленина для тех его соотечественников, которые были готовы сделать дело партии делом своей жизни.

На этом и выросло то уникальное в политической истории мира течение мысли и дела, которое стало знаменитым под увесистым названием „большевизм“.

Глава 17. Шаг назад, два шага вперёд – в 1905 год

Российское общество начала XX века было таким же расколотым и противоречивым, как и нынешнее российское «общество» начала XXI века. Причина одна и та же: оба этих общества – общества классовые. В обоих присутствуют – по классификации отнюдь не Маркса и не марксиста Ульянова, а убеждённого антидемократа Талейрана – всего две категории членов общества: те, ***кто*** стрижёт, и те, ***кого*** стригут. Под последними Талейран имел в виду баранов о двух ногах, которые позволяют имущим стричь себя так же, как стригут баранов о четырёх ногах.

Конечно, среди тех, кого «стригли» в царской России, было немало достаточно обеспеченных людей – скажем, царские лакеи имели даже придворные чины.

Так же и среди тех, кого «стригут» в ельциноидной России, есть немало ездящих на «мерседесах» – модный у «золотой» сволочи визажист или архитектор вполне процветают.

Однако это ничего не меняло и не меняет по существу: ни лакеи, ни даже визажисты, стригущие волосы тем, кто «стрижёт» неимущих ближних, не относятся в классовом обществе к хозяевам жизни.

И что уж говорить о трудящейся массе!?

Всё это Ленин прекрасно понимал – для него это всё давно было азбукой. Проблема была в том, чтобы передать своё понимание широким массам, остригаемым имущей элитой.

В сентябре 1903 года Ленин по просьбе группы революционных студентов, написал для газеты «Студент» статью «Задачи революционной молодёжи». Первый номер «Студента» вначале печатался в России, а после конфискации тиража в типографии, был вторично напечатан в апреле 1903 года в Женеве. Последний, сдвоенный номер (№ 2–3) вышел уже в Цюрихе, и в нём-то была опубликована статья Ленина. Нам интересна из неё оценка политического расслоения в царской России – с соответствующими коррективами эта оценка верна и для сегодняшнего дня:

«Для всего русского общества… характерны… шесть групп: реакционеры (монархисты. – *С.К.*), равнодушные, *культурники*, либералы, социалисты-революционеры (эсеры. – *С.К.*) и социал-демократы…

Культурники есть во всех слоях общества, и везде они… ограничиваются маленьким кругом профессиональных интересов, улучшением данных отраслей народного хозяйства или государственного или местного управления, везде они боязливо сторонятся политики, …называя политикой всё и вся, относящееся до формы правления. Слой культурников всегда являлся и является поныне широким основанием нашего либерализма…»[299]

Сегодня реакционерами оказываются кремлёвские ельциноиды, поскольку они отбрасывают Россию на век назад; роль эсеров изображают разного рода «нацболы», «жирики» и т. д.; к «культурникам» можно отнести почти всё профессиональное сообщество (учёных, инженеров, учителей, врачей и т. д.), ну, а равнодушные и либералы – они и есть равнодушные и либералы…

Тогдашние социал-демократы в их ***подлинно*** революционной ипостаси были представлены соратниками и сторонниками Ленина – большевиками.

Так классифицируя российское общество, Ленин имел в виду, конечно, лишь образованную его часть, а задача была в том, чтобы овладеть прежде всего простонародной частью общества, которая и составляла широкую массу. Без боевой партии эта задача не решалась.

Общерусская политическая марксистская газета по замыслу Ленина должна была стать ***и стала*** решающим фактором в борьбе за партию и подготовку II съезда партии. Так и вышло – в конце декабря 1900 года вышел первый номер «Искры», а уже в июле 1903 года собрался съезд,

положивший начало всё возрастающей ***повседневной*** партийной работе.

II съезд выявил, однако, и основные точки расхождения двух основных течений в партии – ленинского и антиленинского, и почти сразу после съезда в РСДРП произошёл первый раскол.

До съезда вышло 45 номеров «Искры», и основную редакторскую работу вели Ленин (по преимуществу) и частично Мартов, а Плеханов «вносил вклад» как идеолог.

После II съезда «Искра» с № 46 по № 51 выходила под редакцией Ленина и Плеханова (Мартов войти в редакцию отказался). Но вскоре Плеханов перешёл на позиции меньшевизма. Вдаваться в психологические причины отступничества Георгия Валентиновича я не намерен, но предположу, что сработала вульгарная зависть крайне высоко себя ценившего Плеханова к молодому Ленину.

Плеханов был человеком, так сказать, светским, он был чувствителен к похвалам, а Ленину всегда было плевать на то, как он выглядит в глазах окружающих и какое впечатление производит. Наверное, поэтому он и производил неизменно сильное впечатление на всех, кто любил партию в себе, а не себя в партии!

С позиций сегодняшнего дня можно предположить и следующий ***пикантный*** момент…

Ко времени выдвижения Ленина в лидеры российских социал-демократов руководители европейской социал-демократии, и, прежде всего, лидеры II Интернационала Эдуард Бернштейн и Карл Каутский превращались, фактически, в агентов влияния капитала в рабочем движении.

Каутский, правда, представлял из себя долгое время фигуру противоречивую. Ещё в 1909 году он написал брошюру «Путь к власти», которую Ленин назвал последним и лучшим произведением среди всех работ Каутского против оппортунизма.

Бернштейн был откровеннее, это он выдвинул выдающийся (выдающийся по силе развращающего влияния на народные массы) лозунг «Конечная цель (т. е. социализм, – *С.К.*) – ничто, движение – всё».

Второй Интернационал был создан в 1889 году при участии Фридриха Энгельса как международное объединение социалистических партий, и к моменту смерти Энгельса в 1895 году стал влиятельной политической силой европейского масштаба. Однако к началу XX века руководство II Интернационалом стали прибирать к рукам «кроты» Капитала и ренегаты типа Бернштейна.

Бернштейн положил начало оппортунистической ревизии марксизма, отрицая и противоречия капитализма, и теорию классовой борьбы. Задачей ревизионистов, поставленной перед ними Капиталом, было превращение социал-демократических партий из партий социальной революции в партии социальных реформ.

В сентябре 1900 года на Парижском конгрессе II Интернационала было принято решение об образовании постоянного исполнительно-информационного органа II Интернационала – Международного социалистического бюро (МСБ). Оно разместилось в Брюсселе – вначале под названием «Международная центральная комиссия».

С 1905 года Ленин входил в состав МСБ как представитель от РСДРП, но первыми представителями России в МСБ были Г. В. Плеханов и Б. Н. Кричевский (1866–1919). Последний одно время примыкал к группе «Освобождение труда», но с конца 90-х годов стал одним из лидеров «экономизма» и вполне откровенным бернштейнианцем.

Как уже сказано, к началу XX века соглашательские элементы в европейской социал-демократии уже находились – тут сомневаться не приходится, на прямом содержании у европейского капитализма. Иными словами, средствами для разложения рабочего движения они располагали.

Плеханов с Кричевским во главе российской социал-демократии устраивали всю эту компанию вполне, а Ленин был опасен, и это становилось всё более понятным. Не исключено,

что Плеханов постепенно тоже эволюционировал к прямому ренегатству, и оно оплачивалось субсидиями не только на личные, но и на партийные нужды, – чтобы повысить авторитет Плеханова в развивающейся РСДРП.

МСБ – как штаб ревизионизма, вполне могло создать Плеханову финансовый режим наибольшего благоприятствования для захвата редакции и издания такой «Искры», которая была нужна соглашателям.

Между прочим, II Интернационал в его «бернштейнианском» формате был настолько выгоден ***тем, кто стрижёт***, что даже в самодержавной России царская цензура регулярно пропускала к изданию и переизданию «базовую» ревизионистскую книгу Бернштейна, переведённую на русский язык, а начальник Московского охранного отделения – хитромудрый полковник Зубатов, стараясь ввести рабочее движение в легальные рамки, включил её в список книг, рекомендованных для чтения рабочим[300].

Так или иначе, 19 октября (1 ноября) 1903 года Ленин вышел из состава редакции «Искры», и № 52 «Искры» увидел свет за подписью одного Плеханова. А 13(26) ноября Плеханов единолично кооптировал в состав редакции бывших её редакторов, сторонников меньшинства. В следующем номере газеты была опубликована статья «Наш съезд», где конфликт между искровцами был описан, как заявил Ленин, «совершенно неверно». И с № 53-го «Искра» стала органом борьбы против Ленина и большевиков[301].

Чуть позже Сталин метко заметил, что «Искра» лишилась искры.

Но пламя уже горело!

Вскоре Ленин был кооптирован в ЦК, а в декабре 1903 года отдельным листком (ибо страницы «Искры» были для Ленина теперь закрыты) вышло письмо Н. Ленина в редакцию «Почему я вышел из редакции „Искры“?». Оно получило в России широкое распространение, его находили при обысках – как отмечалось в полицейских документах, в Москве, Харькове, Туле, Томске, Риге, Николаеве, Полтаве, Астрахани, Донбассе…

Были знакомы с этим письмом и кавказские большевики, и, конечно же, Сталин.

Тут надо понимать вот что…

Дело не в том, что Ленин не смог переломить Плеханова. В конце-то концов, их в редакции после демарша Мартова оставалось всего-то двое! Почему же ушёл именно Ленин? Этот вопрос волновал в партии всех, и Ленин отвечал на него печатно не только в декабрьском письме. Но возможности для гласного ответа у него были тогда весьма ограниченными.

Скажем, в начале января 1904 года Ленин пишет короткую статью «К членам партии». Это было чёткое разъяснение своей позиции и позиции оппонентов, Ленин сразу брал «быка за рога» и спрашивал:

«Кружок или партия? Вот вопрос, который поставлен на обсуждение нашим Центральным Органом.

Мы находим постановку этого вопроса на обсуждение в высшей степени своевременной.

Если есть кружок, то к чему лицемерие и фальшь с фразами о какой-то партии? Разве вы не разорвали на деле этой партии, разве вы не довели дело до раскола?

Одно из двух.

Или у нас нет партии, или над нами всесилен заграничный, литераторский, редакторский кружок, отодвинутый нашим съездом, – и тогда долой эти лицемерные речи о партии, эти фальшивые заголовки „партийных“ изданий, органов и учреждений. Мы не социалисты-революционеры, нам не нужно намалёванных декораций. Партия пролетариата требует правды…

Или у нас есть партия, – и тогда долой все кружковые интересы, долой заграничные собрания скандалистов!..»[302]

Однако эта боевая статья увидела свет в печатном виде лишь в… 1929 году, в очередном Ленинском сборнике, а тогда…

А тогда, в реальном масштабе времени, на её издание у ленинской группы попросту не хватило средств!

Зато новорождённые меньшевики их имели! И имели они средства как раз потому, что их оппортунизм устраивал очень уж многих ***вне*** партии… И очень может быть, что поддержка этих «вне…» очень помогала меньшевикам! Именно меньшевикам – как противовесу большевикам.

Источники пополнения средств нелегальной партии никогда не выявляются полностью даже через много лет, но есть все основания полагать, что активизация российских социал-демократов не была оставлена без внимания ни той частью руководства II Интернационала, которая уже находилась на содержании Капитала, ни самим этим Капиталом. Поддержать финансово (пусть и «втёмную», без прямых попыток купить) Плеханова и Мартова против Ленина было выгодно всем тем, кто уводил европейских трудящихся с пути политической борьбы на путь борьбы экономической.

Это, между прочим, настолько не прояснённый вопрос – о возможном опосредованном финансировании меньшевиков структурами мирового наднационального Капитала, что я его здесь лишь обозначу, вернувшись к нему (и тоже кратко) при анализе событий первой русской революции 1905–1907 годов. Сейчас же у нас рубеж 1903 и 1904 годов, отмеченный кризисом в редакции «Искры»…

После II съезда не пошли дела на лад и в «„Заграничной лиге русской революционной социал-демократии“… Мартов решил отыграться за II съезд РСДРП, созвав II съезд „Лиги“, где рассчитывал дать большевикам бой. Ленин возражал, его поддерживали два из трёх активных членов правления „Лиги“ – Крупская и Литвинов (о нём позднее будет сказано). Однако манёвры третьего реального члена правления – Дейча, привели к тому, что съезд Лиги был назначен на октябрь 1903 года.

Дейч привлёк к голосованию двух оставшихся членов правления – меньшевика М. Г. Вечеслова, жившего в Берлине, и колебавшегося большевика Г. Д. Лейтензена, жившего в Париже, и они втроём проголосовали за съезд.

Ленин перед съездом Лиги был поглощён невесёлыми раздумьями настолько сильно, что врезался на велосипеде в трамвай и чуть не выбил себе глаз – так и ходил потом за заседания съезда Лиги с повязкой на глазу – как пират[303].

Надо признать, что Плеханов был, конечно, фигурой крупной и поумнее Мартова с Аксельродом и Потресовым. Поэтому Плеханов пытался с Лениным договориться. Крупская вспоминала, как Плеханов пришёл на собрание большевиков и сказал, что „надо идти на уступки“ – идти, в его понимании, большевикам. „Бывают моменты, – заявил он, – когда и самодержавие вынуждено делать уступки“.

Молодая Лиза Кнунянц – жена Богдана Кнунянца, будущего члена Петроградского совета в 1905 году, умершего в 1910 году в бакинской тюрьме, в ответ резонно заметила: „Тогда и говорят, что оно колеблется“…

Плеханов метнул на неё сердитый взгляд[304].

Сам Ленин в статье „Об обстоятельствах ухода из редакции „Искры““ так описывает один из разговоров с Георгием Валентиновичем:

„– Знаете, бывают иногда такие скандальные жёны, – сказал Плеханов, – что им необходимо уступить во избежание истерики и громкого скандала перед публикой.

– Может быть, – ответил я, – но надо уступить так, чтобы сохранить за собой силу не допустить ещё большего „скандала“.

– Ну, а уйти – значит уже всё уступить, – отвечал Плеханов.

– Не всегда, – возразил я…

Мысль моя была:…если Плеханову удастся добиться мира, приемлемого и для большинства, в рядах которого Плеханов боролся так долго и так энергично, тогда я тоже войны не начну; если не удастся, – я сохраняю за собой свободу действий, чтобы разоблачить „скандальную жену“, если её не утихомирит Плеханов“[305].

Увы, „скандалить“ начал сам Плеханов. Он „мутил воду“ аккуратно – „академически“, так сказать. Но в лице тех, кого Плеханов должен был по мнению Ленина „утихомирить“, скандал пошёл уже без соблюдения каких-либо приличий. И Ленин начинает писать знаменитую книгу „Шаг вперёд, два шага назад (Кризис в нашей партии)“…

В мае 1904 года „Шаги…“ были изданы в Женеве.

Ленин никогда не бил ниже пояса, у него всегда хватало силы и умения нокаутировать. Увы, интеллектуальный нокаут отличается от физического тем, что факт нокаута осознаёт и признаёт не каждый – глупец его просто не увидит.

Плеханов глупцом не был, факт нокаута – хотя бы про себя – признал, но после выхода книги потребовал от ЦК отмежеваться от неё.

Однако „Шаги“, как говорится, нашли своего читателя. Только по данным департамента полиции, книгу находили при обысках в Москве, Петербурге, Киеве, Риге, Саратове, Туле, Орле, Уфе. Перми, Костроме, Щиграх и Шавлях (ныне Шауляй)…

Реально же российская „география“ „Шагов“ была, вне сомнений, ещё более обширной.

Да, тогда этой книгой зачитывались, и она того стоила – тогда! Сегодня она может быть интересна, скорее всего, современным профессиональным революционерам. Но по причине отсутствия наличия таковых, я читателя знакомить с этой ленинской работой не буду, а сразу перейду к кризису уже не в Центральном Органе, а в Центральном Комитете…

Как мы знаем, II съезд избрал ЦК в составе Носкова („Борис“, „Глебов“), Кржижановского („Клэр“, „Лань“, „Травинский“) и Ленгника („Курц“, „Васильев“, „Кол“).

Затем эта тройка „большинства“ кооптировала (то есть, включила без новых выборов) в октябре 1903 года в ЦК сторонников Ленина – Розалию Землячку, Красина („Лошадь“, „Никитич“), Гусарова („Митрофан“), а также Марию Эссен („Зверь“, „Зверев“, „Зверушка“). В ноябре 1904 года ЦК был пополнен Лениным и Гальпериным („Валентин“).

Кем были эти члены ЦК?

В. А. Носков (1878–1913) начинал с Лениным в „Союзе борьбы за освобождение рабочего класса“, в 1898 году был арестован, выслан в Ярославль, стал одним из организаторов Северного рабочего союза. С 1902 года занимался нелегальными транспортами „Искры“, готовил II съезд, но после съезда быстро эволюционировал к меньшевизму. В 1905 году он был опять арестован и в годы реакции отошёл от политической деятельности.

Г. М. Кржижановский (1872–1959) и Ф. В. Ленгник (1873–1936) были и остались большевиками, всегда входили в руководящее ядро партии, в советское время занимали ответственные посты, в том числе – в Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО).

Р. С. Землячка (1876–1947) – видная и последовательная большевичка. Дочь купца 1-й гильдии, окончившая Парижский университет, она имела партийный стаж с 1896 года, входила в число агентов „Искры“, много и успешно работала в партии как до, так и после Октября 1917 года, в гражданскую войну была начальником политотделов армии на Северном и Южном фронтах. Её имя ныне марают якобы массовыми расстрелами врангелевских офицеров после освобождения Крыма, но всё это – по части нео-геббельсовской пропаганды. Землячка „топила баржи с пленными“ в Чёрном море так же, как Сталин „топил“ их в Волге у Царицына.

Л. Б. Красин (1870–1926) пришёл в социал-демократическое движение в 20 лет, закончил

Харьковский технологический институт, работал инженером в Баку, колебался, в годы реакции после первой русской революции от политической деятельности отошёл. Тем не менее, после Октября 1917 года он стал, хотя и не сразу, видным государственным деятелем, был наркомом внешней торговли, полпредом в Англии и Франции.

Ф. В. Гусаров (1875–1920), „нестойкий“ большевик, по профессии военный врач, вёл партийную работу в Вильно, участвовал в революции 1905 года, был арестован и сослан на вечное поселение в Сибирь, после Октябрьской революции занимался партийной и советской работой в Красноярске, Иркутске и Омске.

Об Эссен ранее уже немного говорилось… М. М. Эссен (1872–1956) с начала 90-х годов работала в рабочих кружках Екатеринослава, Екатеринбурга и Киева, два года сидела в тюрьме, была сослана в Якутскую область, бежала за границу, в Женеве познакомилась с Лениным, который направил её в Петербург как агента „Искры“. Летом 1904 года Эссен опять была арестована и сослана, опять бежала…

Крупская писала о ней: „Зверь, вырвавшаяся из ссылки на волю, была полна весёлой энергией, которой она заражала всех окружающих. Никаких сомнений, никакой нерешительности в ней не было и следа. Она дразнила всякого, кто вешал нос на квинту… Заграничные дрязги как-то не задевали её“[306].

В 1905–1906 годах Мария Эссен работала в большевистских комитетах Петербурга и Москвы, потом отошла от политической деятельности и опять вступила в РКП(б) лишь в 1920 году. Работала в Тифлисе заведующей отделом агитации ЦК КП(б) Грузии, Тифлисского горкома и Закавказского крайкома, с 1925 года перешла на научно-издательскую работу в Москве, занималась историей партии.

Агента „Искры“ Л. Е. Гальперин (1872–1951) начинал как боевая фигура, попав в 1902 году в киевскую Лукьяновскую тюрьму, бежал из неё, совершив групповой побег, о котором будет рассказано позднее по другому поводу. После II съезда Гальперин примкнул к большевикам, потом колебался, в феврале 1905 года был арестован и от политической деятельности отошёл до 1917 года. В советское время он политикой занимался недолго, уйдя на хозяйственную работу.

Таким был состав ЦК РСДРП образца 1903–1904 годов, который быстро, хотя и не сразу раскололся. Уже в начале 1904 года Носков известил Ленина, что пятеро тогдашних членов ЦК – он, Красин, Гальперин, Гусаров и Кржижановский (даже Кржижановский!) вынесли Ленину порицание за его агитацию в пользу нового съезда РСДРП. Сама „пятёрка“ высказалась против съезда, так как это-де может привести к расколу (фактически уже имевшему место!)…

Коллизии в ЦК Ленин описал в „Письме членам ЦК“, опубликованном в 1904 году в брошюре „Борьба за съезд“[307].

Кроме того Ленин снёсся с Эссен и Носковым, и они написали „Заявление трёх членов ЦК“, также опубликованное в той же брошюре[308].

Из заявления следовало, что разногласия между Лениным и Носковым обостряются, а Гальперин и Красин склонны держать сторону последнего. Носков же стремительно „меньшевизировался“.

Ленин ответил оппонентам публикацией „Шаг вперёд, два шага назад“ в мае 1904 года, но это, увеличив его популярность в партийной массе, усилило недовольство Лениным в значительной части партийных „верхов“. Ещё когда работа над книгой шла, Крупская в письме в Нижегородский комитет писала в апреле:

„В конце этого месяца будет готова брошюра Ленина (увесистая, листов 8–9) о съезде и положении дел в партии. Она, надо думать, вполне выяснит позицию большинства, у меня даже есть надежда, что она рассеет несколько ту теоретическую сумятицу, которая теперь царит в

партии“[309].

Что касается „низов“, то надежды Крупской в немалой мере оправдались – книгу приняли на ура! С „лидерами“ же оказалось сложнее, в том числе – внутри ЦК, о чём ещё будет сказано.

Собственно, Ленин осенью 1904 года написал ещё одни „Шаги…“ – статью, как ответ на фельетон германской социал-демократки Розы Люксембург „Организационные вопросы русской социал-демократии“ из № 69 „Искры“, а также отвечая на письмо Карла Каутского, напечатанное в № 66 „Искры“.

Свой ответ Ленин предназначал для помещения в теоретическом журнале Германской социал-демократической партии „Die Neue Zeit“ („Новое время“), однако редакция, солидарная с меньшевиками, публиковать материал отказалась[310].

Повторю ещё раз: темна вода во облацех, из которых проливались благодатные европейские „дожди“ на почву российского меньшевизма.

Раскол в ЦК всё усиливался, и дела шли всё менее в пользу Ленина. В феврале 1904 года был арестован Ленгник, позднее – и Эссен.

Занявшие скользкую позицию „примиренцев“ Кржижановский и Гусаров подали в отставку.

И в **июле 1904 года три члена ЦК РСДРП – Носков, Красин и Гальперин, вынесли постановление, запрещавшее Ленину в качестве заграничного представителя ЦК предпринимать ответственные действия иначе как по поручению ЦК.**

Фактически эта соглашательская тройка лишила тогда Ленина полномочий заграничного представителя партии за его непримиримость по отношению к Плеханову и меньшевикам[311].

Сразу сообщу, что в сентябре 1904 года эта же тройка, несмотря на протесты Ленина, исключила из ЦК Землячку, зато кооптировала в ЦК Любимова, Карпова и Дубровинского[312].

А. И. Любимов (1879–1919) („Марк“, „М.“, „Валерьян“, „Зоммер“, Карп»), особого следа в истории партии не оставил. По учёту охранного отделения Алексей Любимов значился, как происходящий «из мещан Спасска Рязанской губернии», репрессировался. Он был знаком с Лениным со второй половины 90-х годов XIX века – со времён московской группы ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», был делегатом II и даже III – «большевистского» съезда, но во внутрипартийной борьбе всегда тяготел к Плеханову, к меньшевизму.

Ещё менее значительным оказался меньшевик Карпов, а вот с Иосифом Дубровинским (1877–1913) дело обстоит сложнее… Скажем, Сталин в ноябре 1924 года писал: «Из всех знакомых мне незаурядных организаторов я знаю – кроме Ленина – лишь двух, которыми наша партия может и должна гордиться: И. Ф. Дубровинского, который погиб в Туруханской ссылке, и Я. М. Свердлова, который сгорел на работе по строительству партии и государства»[313].

«Инока»-«Иннокентия» Дубровинского, несмотря на всего его колебания (а их у него хватало), не менее высоко ценил и сам Ленин. И было за что! В истории партии Дубровинский остался как виднейший большевик, однако в 1904 году он занял по отношению к меньшевикам, увы, линию примирения. Достаточно скоро он заявил о своей полной поддержке Ленина, но…

Но в тот момент – к осени 1904 года, Ленин оказался перед фактом меньшевистского или променьшевистского большинства в ЦК. Конечно, не все отшатнулись от Ленина, так, например, в конце июля (начале августа) 1904 года под Женевой прошло совещание 19 большевиков с участием Ленина, Крупской, Ольминского, Лядова… К решениям совещания присоединились ещё три большевика и в итоге основной документ совещания получил известность как «Декларация 22-х».

Это была программа борьбы за созыв III съезда партии.

Партийные неурядицы Ленина, конечно, выматывали, и летом 1904 года он устроил себе такой отдых, которого, пожалуй, до этого никогда не имел, и которого впоследствии не имел уж точно.

Мать Крупской – Елизавета Васильевна, уехала в Россию на дачу к знакомым под Питер. Жильё своё в Женеве Ульяновы сдали и отправились в Лозанну. 2 июля 1904 года Надежда Константиновна – в своей обычной, окрашенной лёгким юмором, манере – извещала о планах отдыха свекровь, переехавшую из Самары в Киев.

Тогда, к слову, в Киеве образовалась целая ульяновская колония: Мария Александровна, Мария Ильинична, Дмитрий Ильич с женой Антониной и Анна Ильинична.

Муж Анны – Марк Тимофеевич Елизаров, у которого после ссылки на Дальний Восток окончился срок гласного надзора полиции, отплыл тогда из Порт-Артура в Японию, а оттуда на океанском пароходе вокруг Китая и Индии – в Европу, на встречу с Лениным. Затем Елизаровы предполагали осесть в Петербурге, где Марк Тимофеевич мог рассчитывать на службу на железной дороге, удобной и с житейских, и с партийных позиций.

Если учесть, что в Киеве жил с женой ещё и Глеб Кржижановский, работавший инженером в управлении железной дороги, то становится ясно, что жизнь в Киеве была наполнена разнообразными событиями и занятиями – как легальными, так и, что для Ульяновых было естественным, нелегальными[314].

«Швейцарская» же ветвь большой семьи Ульяновых решила устроить себе грандиозный отдых, и Крупская сообщала киевлянам:

«Сейчас мы в Лозанне. Уже в неделю, как выбрались из Женевы и отдыхаем в полном смысле этого слова. Дела и заботы оставили в Женеве, а тут спим по 10 часов в сутки, купаемся. Гуляем – Володя даже газет толком не читает, вообще книг было взято минимум, да и те отправляем завтра нечитанными в Женеву, а сами в 4 часа утра надеваем мешки и отправляемся недели на 2 в горы. Пройдём к Интерлакену, а оттуда к Люцерну, читаем Бедекера (популярные тогда путеводители. – *С.К.*) и тщательно обдумываем своё путешествие. За неделю мы уже значительно „отошли“, вид даже приобрели здоровый. Зима была такая тяжёлая, нервы так истрепались, что отдохнуть месяц не грех, хотя мне уже начинает становиться совестно… Мы с Володей заключили условие – ни о каких делах не говорить, дело, мол, не медведь, в лес не убежит, не говорить и, по возможности не думать…»[315]

Ну, не думать – это вряд ли, в походе Ленин даже письма деловые получал – от Мартова, например. Однако отдых вышел у них тогда на славу – впору любому позавидовать!

Впоследствии Надежда Константиновна описала этот месяц вполне ярко:

«…мы с Владимиром Ильичом надели мешки за спину и отправились на месяц в горы, куда глаза глядят, …взобрались куда-то над Монтрё, забрались в дичь и глушь, к каким-то лесорубам, которые рассказали нам, как выбраться на дорогу и где заночевать. Через Эгль спустились в долину Роны, зашли в Бе-ле-Бен к моей товарке по школе и курсам, потом долго брели вдоль Роны, вёрст 70 сделали – это была самая утомительная часть путешествия. Наконец, перебрались через Гемми-пас в Оберланд, были у подножия Юнгфрау, потом, отбив себе порядком ноги и изустав в конец, поселились на Бриенцском озере в Изельтвальде, где прожили около недели, чтобы потом опять двинуться в путь-дорогу, через Интерлакен и Зимменталь назад в женевские края. Зима 1903–1904 гг. была исключительно тяжёлая, нервы истрепались вконец, хотелось уйти подальше от людей, забыть на время все дела и тревоги. Горы выручили. Смена впечатлений, горный воздух, одиночество, здоровая усталость и здоровый сон прямо целительно повлияли на Владимира Ильича. Опять к нему вернулись сила, бодрость, весёлое настроение…»[316]

Вначале в этом путешествии с Ульяновыми была и «Зверка» – Мария Эссен. Втроём они на

пароходе добрались до Монтрё, погуляли по знаменитому Шильонскому замку, поднялись на вершину Дан-дю-Миди, но потом, как вспоминала Надежда Константиновна, Эссен отстала, заявив: «Вы любите ходить там, где ни одной кошки нет, а я без людей не могу».

Денег было в обрез, питались в основном всухомятку – сыром и яйцами, запивая вином или родниковой водой, а обедали изредка. Но в одном «социал-демократическом» трактирчике рабочий посоветовал: «Вы обедайте не с туристами, а с кучерами, шофёрами, чернорабочими: там вдвое дешевле и сытнее».

Так и поступили…

«Тянущийся за буржуазией мелкий чиновник, лавочник и т. п., – поясняла Надежда Константиновна, – скорее готов отказаться от прогулки, чем сесть за один стол с прислугой. Это мещанство процветает в Европе вовсю. Там много говорят о демократии, но сесть за один стол с прислугой не у себя дома, а в шикарном отеле – это выше сил всякого выбивающегося в люди мещанина. И Владимир Ильич с особенным удовольствием шёл обедать в застольную, ел там с особым аппетитом и усердно нахваливал дешёвый и сытный обед».

А потом они надевали свои «мешки» и шли дальше…

В рюкзаке у Ленина лежал тяжёлый французский словарь, в рюкзаке Крупской – полученная ей для перевода французская книга, однако ни словарь, ни книгу они так ни разу и не открыли – «не в словарь смотрели мы, а на покрытые вечным снегом горы, синие озёра, дикие водопады…»[317]

Вот, собственно, один этот месяц и был в их жизни – один полностью беззаботный и молодой. У них были хорошие дни и в Шушенском, но разве можно сравнить ссылку со свободой? Пропахшее навозом Шушенское – с горными тропами, дышащими чистейшим воздухом Альп?

«Белая» и «золотая» сволочь разных стран бешено развлекалась на модных курортах, за ночь просаживала в Монте-Карло суммы, которые могли бы обеспечить судьбу сотен обездоленных людей…

А Владимир и Надежда Ульянова, лишь недавно «разменявшие» четвёртый десяток, ещё молодые, здоровые, полные энергии, шагали себе по гористой Европе, и им было хорошо вдвоём.

Они рады были забыть на время о деле, ***ими самими*** на себя принятом, и на целый месяц – ***в первый и последний раз*** в их жизни – принадлежали ***только самим себе***.

Ну – почти самим себе…

В августе 1904 года Ленин с Крупской уехали в глухую деревушку под Лозанной – недалеко от станции Шебр у озера Лак-де-Бре. Здесь отдых был, конечно, относительным – Ленин уже работал, намечая с А. А. Богдановым-«Малиновским» планы дальнейшей борьбы с меньшевиками.

Но тишина, чистый воздух, прогулки, ежедневные долгие заплывы в озере – на что Ленин был мастер, оказались и здесь отличным средством расслабления и восстановления сил, физических и моральных.

А они были Ленину ох как нужны – в очередной раз! Ведь он ежедневно вёл свой бой, и, несмотря на то, что его «полевой формой» была недорогая пиджачная пара, «оружием» – перо и чернильница, а «боеприпасами» – переписка с товарищами по партии и книги, бой это был жестокий, изнурительный ***и ежедневный***.

Если просмотреть даже краткую хронологию жизни и деятельности Ленина, помещаемую в конце каждого тома Полного собрания сочинений, да ещё прочесть ***все*** его письма за тот же, охватываемый данным томом, период, то складывается вполне определённая картина.

И это картина непрерывной работы – год за годом…

Конечно, все люди – если они не паразиты и бездельники, работают повседневно, но есть

работа и есть работа. Причём, в отличие от многих других работ, крест профессионального работника на дело народа был и для Ленина, и для его товарищей добровольным!

А, впрочем, так ли уж и добровольным? У Маркса есть точная, я бы сказал – безжалостно точная мысль:

«Идеи, к которым разум приковывает нашу совесть, это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им…»

Это – как раз то, о чём русский народ сказал попроще, но тоже неплохо: «Охота пуще неволи».

Ленин был человеком идеи. Нынешние его хулители, очернители и сказители баек о «пломбированном вагоне» понять, о чём сейчас было сказано, не смогут, поскольку антиленинцы, антисталинцы, антисоветчики, антикоммунисты и высокая идея – вещи несовместные! Но и не для них всё это говорится, не для них пишется эта книга…

Так вот, Ленин был человеком идеи – большой, великой, человечной идеи. Мог ли он не подчиниться идее, если иначе он просто разорвал бы своё сердце!?

Он ей и подчинился!

В анкетах и прочих подобных опросных листах Ленин в графе «профессия» указывал «литератор» или «журналист». А как ещё он мог ответить на глупый, вообще-то, ***по отношению к Ленину***, вопрос о профессии? Профессия у него была штучная, редкостная, о которой в анкете не напишешь. Представители этой профессии в истории человечества пересчитываются на пальцах, к тому же – на пальцах чуть ли не одной руки, а называется эта профессия «социальный реформатор»!

Лютер, Пётр Великий, Наполеон, Маркс, Энгельс…

Ленин…

И Сталин.

Вот, собственно, и всё!

Но мир в 900-е годы XX века ещё не знал, что в нём уже есть, уже живёт и действует тот, кому предстоит возглавить эпохальную социальную не реформу даже, а эпохальную социальную революцию.

Оппоненты Ленина в партии понимали, что Ленин – это сила даже сам по себе, а уж в соединении с партийной массой, а тем более – с рабочей массой, это сила побеждающая. Поэтому попытки примирения – через того же Носкова, были, но 11(24) сентября 1904 года, уже после «отпуска», Ленин пишет письмо Носкову:

«Уважаемый товарищ!

Вы опять повторяете, что пожелание, чтобы я вступил в редакцию ЦО, выражено „Центральным Комитетом“. В свою очередь, и я должен повторить, что это, по малой мере, неточно…

Вы полагаете, что моё вступление в редакцию ЦО „обеспечило бы почти полный мир в партии, которого я так хочу“. Это Ваше „почти“ очень характерно!..»[318]

Временно прерву знакомство читателя с ленинским письмом… В пьесе замечательного белорусского советского драматурга Макаёнка «Затюканный апостол» главный герой – Малыш, метко замечает, что слово «почти» – это почти слово: «умный» и «почти умный», «живой» и «почти живой»… Судя по приведённым выше ленинским строкам, он тоже хорошо понимал эту особую функцию слова «почти» в русском языке и в русской жизни.

Впрочем, продолжу:

«Да, я хочу мира в партии, я предлагал мир печатно в декабре 1903 г. в своём „Письме в

редакцию „Искры““… Я предлагал мир ещё раз официально в Совете партии в январе 1904 года… Замечу, что вопреки нынешней моде говорить о мире лицемерные фразы, понимая под миром полную уступку меньшинству, …я совершенно определённо указывал в Совете, чту я разумею под миром в партии. Я… прямо заявил, что под миром разумею очищение идейной борьбы от местнических счётов, дрязг и нечестных приёмов борьбы. Пусть ЦО будет у меньшинства, ЦК у большинства, – предлагал я тогда, – призовём всех к прекращению всякого бойкота, всякой местнической, кооптационной дрязги и давайте спорить по-товарищески о наших разногласиях, … давайте приучать партию к честному и достойному разбору её внутренних споров…

После того, как редакция, захватившая Совет, отвергла со смехом моё предложение мира, я заявил тогда же, что единственным честным выходом считаю съезд…»[319]

Ленин тогда оказался, по сути, перед фактом недостойной фракционности того же типа, что и фракционность троцкистов и «правых» бухаринцев, с которой в 20-е годы пришлось иметь дело уже Сталину.

В одном Сталину было легче – его конфликт с «лидерами» происходил не в подполье, и в своей борьбе с оппонентами Сталин мог опираться на прочное большинство в партийной массе, широко информируемой о сути конфликта через легальную партийную печать.

Однако корни легальных дрязг 20-х годов уходили, как видим, в нелегальные 900-е годы.

В письме Носкову Ленин подробно остановился на оценке меньшинства, на его попытках окончательно овладеть ЦК, кооптировав туда Дана и Троцкого, и т. д., а закончил письмо так:

«Вашего сожаления о том, что нам не пришлось повидаться, я разделить не могу. После ваших проделок с т. Осиповым (Розалия Землячка. – *С.К.*) и Вашего отношения к данному слову (договор 26 мая 1904 г.) я никаких отношений с Вами, кроме чисто официальных и исключительно письменных, иметь не желаю.

Член ЦК *Н. Ленин*»[320].

Ленин если рвал с кем-либо политически, рвал и лично. Как уж тепло он относился к Юлию Цедербауму («Мартову»), но когда их политические пути разошлись, разорвались и их товарищеские отношения. Ленин мог порой хитрить, но лицемерие и Ленин лежали в непересекающихся проскостях.

Усиливающийся раскол настроения не поднимал, и чтобы как-то развеяться, женевские большевики стали устраивать вечера. «Очень разгоняли они навеянную всей этой склокой с меньшевиками тоску, – вспоминала Крупская, – и весело было слышать, как залихватски затягивала Зверка (Мария Эссен. – *С.К.*) какого-нибудь „Ваньку“ и подхватывал песню высокий лысый рабочий Егор… Ильич веселел: эта залихватость, эта бодрость рассеивала его тяжёлые настроения».

Как вспоминала Крупская, рабочий Егор отправился было «поговорить по душам» с Плехановым – даже воротнички по этому случаю надел, но вернулся разочарованный, с тяжёлым чувством. И «Зверка»-Эссен утешала его: «Не унывай, Егор, валяй „Ваньку!“…»[321]

Сложившееся положение в РСДРП и позицию Ленина хорошо характеризует письмо, которое Владимир Ильич в декабре 1904 года направил из Женевы в Россию, озаглавив его «Папаше от Ленина»…

«Папаша» – это Максим Максимович Литвинов (1876–1951), а точнее, Макс (Меер) Валлах, после Октября 1917 года крупный советский дипломат, с 1930 по 1939 год нарком иностранных дел СССР. К тридцатым годам Литвинов оброс жиром телесным, да и духовным, не был чужд привычек сибарита, однако начинал он свою жизнь в революции очень даже по-боевому.

Родился Литвинов в еврейском Белостоке и воспитывался в еврейских хедерах, однако

натуру имел скорее казацкую – молодым он и похож был на запорожца со своими пышными усами. Полицейская ориентировка 1902 года сообщала о нём: «рыжий шатен, роста 2 аршина 6 вершков (169 см. – *С.К.*), телосложения здорового, глаза голубовато-серые, лицо круглое, лоб широкий, нос прямой…»

Отслужив недолгую военную службу вольноопределяющимся, Макс уже в 1899 году становится социал-демократом, его кооптируют в Киевский комитет РСДРП, а в апреле 1901 года он оказывается за стенами киевского Лукьяновского замка.

В тюрьме знакомится с программой ленинской «Искры» и полностью её принимает.

Из Лукьяновской тюрьмы не смог убежать никто на протяжении целой четверти века. Однако в августе 1902 года Макс вместе с десятью «политическими» товарищами, среди которых был и знакомый читателю Гальперин, совершает дерзкий побег прямо из прогулочного двора.

Между прочим, в числе бежавших 11 «искровцев» был Николай Бауман («Грач»), позднее убитый 18 октября 1905 года черносотенцем во время демонстрации, организованной Московским комитетом партии.

Вскоре Макс оказывается в Пруссии, и биография его на несколько лет становится вполне захватывающей… Он – агент «Искры» и партийный «техник» с очень тонкой специализацией: закупка и переправка в Россию оружия, а также литературы.

У каждого крупного большевика имелось по нескольку псевдонимов, но у Макса Валлаха, несмотря на то, что литературными трудами он не занимался, их было особенно много: «Папаша», «Феликс», «Граф», «Ниц», «Лувинье», «Кузнецов», «Латышев», «Теофилия», «Максимович», «Гаррисон», «Казимир»… Причиной этой вереницы кличек был вынужденно пёстрый образ жизни и вынужденно частая перемена мест.

Вот этому-то «Папаше» Ленин и писал из-за границы:

«Дорогой друг! Спешу ответить на Ваше письмо, которое мне очень и очень понравилось. Вы тысячу раз правы, что надо действовать решительно, революционно и ковать железо, пока горячо. Согласен также, что объединять надо комитеты большинства, Необходимость русского центра и здешнего органа ясна теперь всем нам. Рядовой (А. А. Богданов, тогда большевик, – *С.К.*) работает вовсю, привлёк участников, отдаётся целиком сам и всеми силами ищет миллионера с немалыми шансами на успех. Наконец, Вы тысячу раз правы также, что надо действовать открыто…»[322]

Говоря о необходимости «ковать железо, пока горячо», Ленин имел в виду не форсирование революции, а назревший партийный съезд, и даже не столько его, сколько необходимость расставить все точки над «i» в отношениях с меньшевиками и создать крепкий партийный центр. Он описал «Папаше», как ему видится организационная сторона, очень живописно рассказал о том, что уже делается и пояснил:

«Я считаю совершенно бесполезным предъявлять ультиматум ЦК и Совету. ЦК лицемерит, я теперь ни секунды не сомневаюсь, что они всецело продались меньшинству и идут всецело и безусловно на подделку съезда. Не надо делать себе иллюзий. Теперь, когда все центры у них, они имеют тысячи средств и они *уже начали это*. Мы докажем это печатно, анализируя решения Совета… Мы конечно, стоим и будем стоять за съезд, но надо трубить повсюду, что они уже подделывают съезд и что мы разоблачим подделку. Фактически же я теперь отвожу девятое место съезду, а первое – органу и русскому центру. О нелояльности смешно говорить, когда нас прямо толкнули на это, войдя в сделку с меньшинством. Это ложь, что тайная организация меньшинства распущена, нет, в эту тайную организацию вошли три члена ЦК, вот и всё. Все три центра составляют теперь тайную организацию против партии. Этого только дурачки не видят.

Мы должны ответить открытой организацией и разоблачить их заговор…»[323]

Здесь всё более-менее ясно. Позиция меньшевиков определилась, несмотря на их стремление утаить шило в мешке, значит, большевикам надо сказать об этом гласно и создавать свою партию – если меньшевики будут раскалывать РСДРП и дальше.

Осенью 1904 года прошли три партийные конференции: кавказская (четыре организации), южная (Одесский, Екатеринославский и Николаевский комитеты) и северная (Петербургский, Московский, Тверской, Рижский, Северный и Нижегородский комитеты). Конференции сформировали Бюро комитетов большинства (БКБ), подтвердившее руководство Ленина. Термин «большевики» начинал приживаться и становился в партийной среде обиходным.

29 ноября (12 декабря) 1904 года в Женеве прошло собрание заграничных большевиков примерно в том же составе, что и августовское «совещание 22-х». Все смотрели на развитие событий и текущие задачи примерно одинаково, было решено издавать отдельный орган партийного большинства – газету «Вперёд», и намечена редакция: Ленин, Воровский («Орловский»), Ольминский («Галёрка») и Луначарский («Воинов»).

Вацлав Вацлавович Воровский (1871–1923), придя в революционное движение в девятнадцать лет, быстро поверил Ленину и так было всю его не очень долгую, но насыщенную, как у каждого крупного большевика, жизнь. После Октября 1917 года он стал одним из «отцов-основателей» советской дипломатии и в 1923 году, будучи генеральным секретарём делегации СССР на Лозаннской конференции, пал 10 мая от пули террориста-белогвардейца Конради. Провожать его гроб в Москву собралось более ста тысяч человек, а в Москве к могиле на Красной площади его провожало уже полмиллиона…

Псевдоним «Галёрка» принадлежал Михаилу Степановичу Александрову (1863–1933), старейшему партийному деятелю, литератору, историку, члену РСДРП с 1898 года, ставшему известным под другим своим псевдонимом – «Ольминский». Начинал Ольминский как народник, был одним из организаторов той Лахтинской народовольческой типографии, где печатались работы Ленина времён «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1894 году сидел в тюрьме, в 1898 году был сослан в Якутскую область, где пробыл до осени 1903 года, а после эмиграции в 1904 году примкнул к Ленину.

Женатый на Екатерине Долговой-Александровой, Ольминский разошёлся с ней, когда та превратилась в ярую меньшевичку. Сам он стал крупным большевиком, участвовал в издании легальных и нелегальных большевистских газет и журналов, вёл работу в Баку, в Саратове, в Москве, активно участвовал в Октябрьской революции. В 1919 году был ранен при взрыве бомбы в здании Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке. Позднее был первым руководителем Отдела истории партии (Истпарта) ЦК РКП(б), редактировал журнал «Пролетарская революция». Урна с прахом Ольминского захоронена в Кремлёвской стене на Красной площади.

Тридцатилетний тогда Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) принадлежал в начале 900-х годов к вполне уверенным большевикам, но позднее «шатался» и был вновь принят в РСДРП(б) в составе группы «межрайонцев» на VI съезде в августе 1917 года. Он стал одним из создателей социалистической культуры, первым наркомом просвещения РСФСР, и после смерти, как и Воровский, и Ольминский, был похоронен на Красной площади.

В целом состав редакции обещал быть вполне крепким и даже блестящим, к тому же – в то время – вполне боевым.

Сразу после захвата меньшевиками «Искры» осенью 1904 года Ленин поручил Владимиру Бонч-Бруевичу организовать специальное издательство, задачей которого был выпуск партийной литературы большевиков, и 22 декабря 1904 года (4 января 1905 года) в Женеве вышел первый номер большевистской газеты «Вперёд», редактируемой Лениным. Итак, он снова имел ***свой***

печатный орган для сплочения ***своей*** партии – как он её себе представлял!

22 декабря 1904 года (4 января 1905 года) Ленин пишет и в январе 1905 года печатает в Женеве отдельной брошюрой «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией»[324].

Начал Ленин с сообщения о том, что в № 77 «Искры» три члена ЦК, говоря от имени всего ЦК, вызывают на третейский суд «тов. N (Розалию Землячку. – *С.К.*) „за ложное заявление с целью дезорганизовать партию“…», и что это якобы ложное заявление сделано «через члена ЦК, не принимавшего участия в выработке декларации», то есть – через Ленина.

Получив полномочия от «тов. N», то есть – от Землячки, Ленин заявил, что считает себя «вправе и обязанным принять участие в третейском разбирательстве» и обвинил членов ЦК Глебова (Носкова), Валентина (Гальперина) и Никитича (Красина) в «незаконных, неправильных и морально недопустимых действиях по отношению к их сочленам по ЦК и по отношению ко всей партии».

Далее Ленин, подробно обосновал свои обвинения трёх членов ЦК как «в систематическом обмане партии», так и «в ряде ни морально, ни формально недопустимых действий по отношению к своим сочленам по коллегии».

Ленин заявлял, что «они разрушили всякую основу партийной организации и дисциплины, предъявив мне (через т. Глебова) ультиматум о выходе из ЦК или прекращении агитации за съезд», а закончил так: «Они не имели права кооптировать в ЦК трёх новых товарищей (примиренцев), не проведя кооптации через Совет, как того требует устав партии в случае отсутствия единогласия, а единогласие отсутствовало, ибо я заявил протест против кооптации».

А 26 декабря 1904 года (8 января 1905 года) Ленин написал Розалии Землячке в Россию:

«Дорогой друг! …На-днях получил… протоколы северной конференции. Ура! Вы работали великолепно и Вас (вместе с папашей, мышью и другими) можно поздравить с громадным успехом. Такая конференция – труднейшее дело при русских условиях… Значение её громадно; как раз кстати приходится с нашим анонсом о нашей газете („Вперёд“)… теперь задача такова: 1) как можно скорее выступить в России с печатным листком о Бюро Комитетов Большинства. Ради бога не откладывайте этого ни на неделю. Это важно чорт как.

2) Объехать ещё раз комитеты юга (*и Волги*) и усиленно преподать важность всякой поддержки „Вперёда“.

Транспорт будет, пока есть папаша. Пусть он примет энергичнейшие меры к передаче своего наследства на случай провала…

Ваш *Ленин*.

Жму крепко руку всем друзьям»[325].

«Папаша» – это М. М. Литвинов, а «Мышь» – большевичка П. И. Кулябко (1874–1959), находившаяся после Октября 1917 года на партработе в Ленинграде.

Пять лет назад Ленин начинал на пустом, фактически, месте, не имея ни партии, ни печатного органа для её развития, но уже в 1900 году начала издаваться «Искра», а в 1903 году прошёл съезд, после которого РСДРП стала фактом, причём фактом в ленинском, по сути, формате.

И хотя почти сразу произошёл раскол, хотя «Искру» и ЦК захватили Плеханов и Мартов, теперь, к 1905 году, Ленин начинал новую борьбу уже не на пустом месте. Собрались уже силы, оформлялось стойкое партийное «ядро», готовое посвятить революции не вечера, а всю жизнь, сделав революцию профессией.

Опять у Ленина была газета, и можно было идти вперёд – в 1905 год…

Подбирались и перспективные соратники, и прежде всего – Сталин. Он и Ленин ещё не

были знакомы, Сталин находился пока что на периферии движения, но его позиция поддержки Ленина была непоколебимой, и это хорошо доказывают два сталинских «Письма из Кутаиса».

Письма были написаны Сталиным осенью 1904 года своему товарищу по революционной работе М. Давиташвили. Тот жил тогда в Лейпциге, входил в лейпцигскую группу большевиков и, судя по всему, переслал письма Сталина вместе с их переводом с грузинского Ленину в Женеву. Там с начала января 1904 года по почину «группы инициаторов», в которую вошли В. Д. Бонч-Бруевич, П. Н. Лепешинский, В. В. Воровский, М. С. Ольминский, М. Н. Лядов и другие большевики, как раз начали формироваться библиотека и архив при ЦК РСДРП. Ленин эту инициативу поддержал и вместе с Крупской передал из личной библиотеки в партийную ряд книг и т. д.[326]

Так что сталинские письма были найдены впоследствии среди переписки Ленина и Крупской с большевистскими организациями в России.

Первое письмо начинается так:

«Здесь теперь нужна „Искра“ (хотя она без искры, но всё-таки нужна: по крайней мере в ней есть хроника, чорт её возьми, надо хорошо знать и врага), начиная с 63 №…

Прочёл брошюру Галёрки (Ольминского. – *С.К.*) „Долой бонапартизм“. Ничего себе. Если бы он бил своим молотом сильнее и глубже, было бы лучше… Человек, стоящий на нашей позиции, должен говорить голосом твёрдым и непреклонным. В этом отношении Ленин – настоящий горный орёл.

Прочёл также статьи Плеханова, в которых он разбирает „Что делать?“ (книга В. И. Ленина. – *С.К.*). Этот человек или совершенно рехнулся, или в нём говорят ненависть и вражда. Думаю, что обе причины здесь имеют место…»[327]

Сталин задавался вопросом – как вырабатывается теория социализма? Он спрашивал: «Масса даёт своим руководителям программу и обоснование программы или руководители массе?», и сам же отвечал, что теория «рождается **вне** (выделено везде Сталиным. – *С.К.*) стихийного движения людьми, вооружёнными знаниями нашего времени», что теория социализма вырабатывается «даже вопреки движению», и «затем уж **вносится извне** в это движение…»

А далее шло:

«…Заключение (практический вывод) отсюда таково: возвысим пролетариат до сознания истинных классовых интересов, до сознания социалистического идеала, а не то чтобы разменять этот идеал на мелочи и приспособить к стихийному движению. Ленин установил теоретический базис, на котором и строится этот практический вывод. Стоит только принять эту теоретическую предпосылку, и никакой оппортунизм не подступит к тебе и близко. В этом значение ленинской идеи. Называю её ленинской, потому что никто в русской литературе не высказывал её с такой ясностью, как Ленин. Плеханов думает, что он всё ещё пребывает в 90-х годах и жуёт пережёванное 18 раз…»[328]

Как видим, Сталин обнаруживает чисто большевистский, то есть – чёткий, непоколебимо последовательный и берущий «быка за рога», подход, и во втором «Письме из Кутаиса» это проявляется ещё ярче:

«…теоретическая война Плеханова против Ленина – чистейшее донкихотство, война с ветряными мельницами, так как Лени в своей книжке последовательнейшим образом придерживается положения К. Маркса о происхождении сознания. Война же Плеханова… – сплошная путаница, характерная для „индивида“, переходящего в лагерь оппортунистов. Если бы Плеханов поставил вопрос ясно, хоть бы в таком виде: „кто формулирует программу, руководители или руководимые?“ И затем: „кто кого возвышает до понимания программы, руководители руководимых или последние первых?“ …Если бы Плеханов так ясно поставил себе

эти вопросы, в силу своей простоты и тавтологичности в себе самих заключающие своё разрешение, то он, может быть, испугался бы своего намерения и не выступил бы с таким треском против Ленина…»[329]

Эти мысли было бы полезно освоить и всем тем нынешним политикам, которые желают быть полезным обществу, а не паразитической и коррумпированной его части.

Грош цена тому лидеру, который не способен вести за собой людей неубиенными и понятными народу аргументами. Конечно, при этом слова лидера не должны расходиться с его делами – как у Ленина и Сталина.

1 января 1905 года в № 8 газеты «Пролетариатис Брдзола» («Борьба пролетариата») Сталин публикует статью «Класс пролетариев и партия пролетариев», тоже актуальную сегодня. Там он отстаивал ленинский подход к членству в партии, который исходил из требования к членам партии принимать практическое участие в работе партийной организации.

В этой сталинской статье есть прекрасные слова, точные и по образности, и по политическому смыслу:

«До сегодняшнего дня наша партия была похожа на гостеприимную патриархальную семью, которая готова принять всех сочувствующих. Но после того, как наша партия превратилась в централизованную **организацию**, она сбросила с себя патриархальный облик и полностью уподобилась **крепости**, двери которой открываются лишь для достойных…»[330]

Заканчивалась же статья следующими словами:

«…Если мы спросим: кого мы должны назвать членом Российской социал-демократической рабочей партии, то эта партия может дать лишь один ответ: того, кто принимает программу партии, материально помогает партии и работает в одной из партийных организаций.

Эту именно очевидную истину и выразил тов. Ленин в своей замечательной формулировке…»[331]

Ясно, что Ленин для Сталина – чёткий ориентир, маяк. Но, пожалуй, надо бы подчеркнуть, что тот «тов. Ленин», о котором писал Сталин в начале 1905 года, был совсем не тем «тов. Лениным», которым он стал после Октября 1917 года.

В 1905 году авторитет Ленина был далеко не для всех непререкаемым даже в среде большевиков, а уж если иметь в виду все течения в РСДРП того времени, то для, скажем, меньшевиков Ленин был чем-то вроде гибрида авантюриста и недоучки. В то время прочно стоять на ленинской платформе было для многих не заслугой, не достоинством, а глупостью.

Но Сталин, как видим, с самого начала прочно стоял за Ленина и только за Ленина.

Были у Ленина и другие если не соратники, то верные помощники, и об одном из них надо сказать непременно…

Уж не знаю почему, но в истории партии так и затерялось имя А. И. Ерамасова (1869–1927), о котором указатель имён к 46-му тому Полного собрания сочинений скромно указывает, что это – социал-демократ, искровец (партийный псевдоним «Монах»), который со времён «Искры» и до Октябрьской революции оказывал материальную помощь большевистской партии, и что после революции он вступил в Коммунистическую партию и работал в Музее народного образования.

Кроме того в хронологии к 9 тому ПСС о Ерамасове дважды упомянуто как об адресате ленинских писем.

Это – всё…

А ведь Александр Иванович Ерамасов заслуживает и доброй о нём памяти, и отдельной книги о нём. В 90-е годы XIX века он входил в один из народовольческих кружков, но когда на орбитах российского революционного движения появился Ленин, Ерамасов стал поддерживать его. Поддерживать в весьма весомом смысле этого слова – материально.

Знакомы он и Ленин были ещё с начала 90-х годов, когда молодой Владимир Ильич жил одно время у родственников в Самаре. Ерамасов входил в число наиболее состоятельных людей Сызрани, что позволяло ему, к слову, регулярно избираться гласным Сызранской городской думы… И все годы до Октября 1917-го он щедро выделял средства вначале на ленинскую «Искру» – именно ленинскую, затем – на ленинский «Вперёд», и другие большевистские издания.

Об А. И. Ерамасове очень тепло написала в своих воспоминаниях младшая сестра Ленина – Мария Ильинична:

«Хотя А. И. Ерамасов был довольно редким нашим посетителем в Самаре – жил он постоянно в Сызрани, – но связь с ним установилась крепко, на всю жизнь. Не принимая сам непосредственного участия в революционной работе, он за всё время подпольной борьбы снабжал партию средствами – он был тогда довольно богатым человеком, и в трудные времена мы всегда обращались за помощью к монаху, как прозвал его Ильич.

После революции А. И. Ерамасов был некоторое время в партии, но вышел из неё по болезни (туберкулёз лёгких и почем), короткое время работал в Музее народного образования, но вынужден был оставить работу по той же причине. Не имея заработка, он находился в стеснённых материальных условиях, но сам ни разу не написал об этом ни Владимиру Ильичу, ни кому-либо из членов нашей семьи – так велика была его скромность – пока мы сами не разыскали его и не выхлопотали ему пенсию. После этого А. И. Ерамасов прожил недолго и весной 1927 года умер в Сызрани»[332].

О мифическом «германском золоте» Ленина написаны горы макулатуры, а не мешало бы честно написать о реальном «ерамасовском золоте» Ленина.

Ну, что ж, кое-что об этом скажу я, приведя ниже ***полностью*** два письма Ленина к Ерамасову. Они интересны не только с точки зрения показа отношений Ленина и Ерамасова, но и как лишняя иллюстрация тогдашнего положения дел в партии, и как лишний штрих в портрете Ленина.

Итак, между 23 декабря и 4 января 1905 года из Женевы в Сызрань уходит письмо:

«*Монаху от Ленина личное*

Дорогой товарищ! Очень рад был узнать, что с вами можно теперь установить более правильные сношения. Хорошо было бы, если бы Вы воспользовались этим и написали мне сами несколько строк о Вашем настроении и ближайших видах. А то до сих пор все сообщения про Вас шли через посредников, чту всегда затрудняет несколько взаимопонимание.

Наши партийные дела были весь год безобразны, как вы, наверное, слышали. Меньшинство сорвало окончательно второй съезд, создало новую „Искру“ (видали ли Вы её? Как к ней относитесь?) и теперь, когда громадное большинство высказавшихся вообще комитетов решительно восстало против новой Искры, меньшинство сорвало и третий съезд. Меньшинству слишком явно стало, что партия не помирится с их органом сплетни и дрязги в борьбе, возвращения к рабочедельству в принципах, знаменитой теории организации-процесса.

Теперь позиция выяснилась. Комитеты большинства объединились (4 кавказских, Одесский, Екатеринославский, Николаевский, СПБ, Московский, Рижский, Тверской, Северный и Нижегородский). Я начал здесь (с новыми литературными силами) издавать газету „Вперёд“ (анонс вышел, № 1 выйдет в начале января н[ового]. ст[иля].). Сообщите, как Вы относитесь и можно ли рассчитывать на Вашу поддержку, которая была бы для нас крайне важна»[333].

Тот, кто хорошо знаком со стилем чисто партийных – в том числе и «личных» писем Ленина, сразу увидит различие в том, как Ленин писал товарищам по борьбе (или – по необходимости, оппонентам), и как он пишет единомышленнику, стоящему вне живой борьбы,

но полезному для этой борьбы. Видно, что Ленин относится к Ерамасову не как к «дойной корове», а как к человеку, достойному уважения и Лениным уважаемому, но…

Но живой, быстрой мысли в письме не угадывается. И это понятно – Ленин чутко улавливает, что в разговоре с таким уникальным адресатом требуется выдержать тонкую, деликатную линию…

С одной стороны, нельзя сбиться на некую агитацию, тем более – на полемику, здесь это ни к чему. Человек не ведёт прямой партийной работы, ему не грозят арест, тюрьма, ссылка, каторга… Он – не народоволец Дмитрий Лизогуб, отдавший борьбе не только свои миллионы, но и свою жизнь, окончив её на эшафоте.

Однако, с другой стороны, этот человек крайне полезен и нужен для партии, и то, что он свои пусть не миллионы, но немалые тысячи отдаёт в распоряжение партии не из прихоти, *не откупаясь*, а во имя будущей победы именно большевиков, надо оценивать по достоинству.

Ленин и оценивает. Вот второе его письмо – тоже от декабря 1904 года:

«Дорогой друг! Ваша помощь была для нас вообще и для меня в особенности крайне ценна. Если я ни разу не обращался ещё к Вам с специальной просьбой, то это потому, что крайности не было, а в Вашей поддержке, насколько это для Вас возможно, я был уверен. В настоящее время наступает момент крайности, момент до того серьёзный, что я и не мог раньше предполагать ничего подобного. Наше дело грозит прямо-таки крахом, если мы не продержимся *при помощи чрезвычайных ресурсов* по меньшей мере полгода. А чтобы продержаться, не сокращая дело, необходимы minimum две тысячи рублей в месяц: на редакцию, издание, перевозку, снаряжение необходимейших агентов. Вот почему я и обращаюсь теперь к Вам с настоятельной просьбой выручить нас и добыть нам эту поддержку. Пожалуйста, дайте знать поскорее, возможно ли будет для Вас исполнить эту нашу просьбу»[334].

Вот как непросто давалась Ленину возможность вести печатный диалог с передовыми силами России. На издание меньшевистской «Искры» средства находились всегда, но, спрашивается, – откуда? Конечно, если даже боевитым большевикам помогали состоятельные русские люди вроде Александра Ерамасова, то уж для стоящих на соглашательских позициях меньшевиков «спонсоры» находились в России тем более… Другой вопрос – ***только ли в России***?

Но это – к слову…

Именем Александра Ерамасова в Сызрани названа улица. Не знаю, сделала ли это Советская власть, отдавая ему должное как «финансисту» Ленина, или лишь в последние годы так отметили в Сызрани заслуги выдающегося земляка в его земской деятельности как гласного Сызранской думы, всегда работавшего там на благо города и его ***простых*** жителей.

Так или иначе, спасибо тебе, город Сызрань!

В наступающем 1905 году Ленину исполнялось тридцать пять лет… Из них не менее десяти лет он отдал всё более серьёзной политической работе, он давно – профессиональный революционер.

В тридцать три года – в возрасте Христа, он добился первой большой победы: на II съезде партии, фактически – первом настоящем съезде РСДРП, выступил на равных с самим Плехановым! И одержала верх точка зрения Ленина, возникло понятие «большевик» как синоним сторонника не только вполне определённых подходов к делу, но и сторонника вполне определённого партийного вождя – его, Ленина, Ильина, «Старика»…

Но что это такое – вождь (ну, пусть пока – один из вождей) Российской социал-демократической рабочей партии?

Что ассоциируется с обликом, например, Оливера Кромвеля? Безусловно, кираса, полки «железнобоких», эшафот Карла I…

Робеспьер – это строгий парик на виду у всей Франции, Конвент, эшафот Людовика XVI-го, «Гора» против Жиронды…

Джузеппе Гарибальди? Ну, это – широкая шляпа, пистолеты за поясом, поход «Тысячи», «краснорубашечники», ликующий Неаполь, и бои, бои…

Причём во всех трёх этих, и многих других подобных, случаях – всё на виду, всё на глазах нации, на том миру, на котором и смерть красна.

А как жил и работал в своей первой эмиграции Владимир Ульянов-Ленин – заграничный представитель Центрального Комитета РСДРП? С чем надо ассоциировать его тогдашний облик?

Ну, ответ очевиден: скромная квартирка, письменный стол, заваленный бумагами и корректурными оттисками, живые дискуссии в женевском клубе большевиков, а чаще – дискуссии заочные, письменные…

Руководящий профессионал большевистской партийной работы не размахивает револьвером, не готовит и не бросает бомбы, и Ленин даже в период революционного подъёма пишет в октябре 1905 года в Россию – в ЦК, следующее (не забывая выделить для Крупской в черновике фразы, предназначенные для зашифровки, волнистой чертой):

«3. X.05.

Дорогие друзья! Получил кучу документов и выслушал подробный рассказ Дельты [„Дельта“, „Абсолют“, „Кноль“ – Елена Стасова (1873–1966), известная большевичка. – *С.К.*]. Спешу ответить по всем пунктам.

1) Приехать в назначенный срок не смогу (речь о приезде в Финляндию на совещание ЦК, для чего Ленину был сообщён адрес явки в Стокгольме, – *С.К.*), ибо теперь немыслимо бросить газету. Воинов застрял в Италии, Орловского пришлось услать по делу. Не на кого оставить…

2) Повторяю самую настойчивую просьбу: ответьте формально Международному бюро…

3) Насчёт Плеханова тоже формально и окончательно: да или нет. Кого же назначить?..

4) Насчёт легального издательства порешите поскорее…

5) Насчёт оппозиции к ЦК со стороны чуть ли не всех агентов скажу следующее…»[335], и т. д. и т. п.

Скучно читать это, госпожа публика?

Интриги нет?

Нет захватывающего сюжета?

Ну, сюжеты – это для романистов, хотя и Ленину уже скоро предстоит бурный «русский» год, который он проведёт в пределах России. Из событий этого года мог бы без натяжек получиться роман о Ленине, и – роман чуть ли не авантюрный по обилию опасных деталей в его тогдашнем житье-бытье.

Однако «русский год» Ленина – это самый конец 1905 года и бульшая часть 1906 года, а первые события первой русской революции относятся уже к началу 1905 года.

Как же так вышло, что начало не только второй, но и первой русской революции застало Ленина вне Родины? Относительно Февраля 1917 года всё ясно – его готовил не Ленин, а элитные заговорщики. А как относительно революции 1905 года? В каком отношении к Ленину находятся ***её*** начальные события, в какой мере он был их творцом?

Да вот в том-то и загвоздка, что не Ленин стал творцом начальных, да и решающих событий 1905 года.

Этот факт не умаляет роли Ленина в тех днях, но, всё же, его роль оказалась не такой, как это представлялось в «классических» курсах истории КПСС хрущёвско-брежневского периода.

Мы это увидим уже в следующей главе.

Глава 18. 1905 год и далее

Через десять лет после окончания последних событий первой русской революции – 9(22) января 1917 года, на собрании швейцарской рабочей молодёжи в цюрихском Народном доме Ленин прочёл доклад о революции 1905 года.

Это тогда Ленин сказал, обращаясь к аудитории: «Мы, старики, может быть не доживём до решающих битв…»

Говоря так, Владимир Ильич ещё не знал, что решающие битвы за пролетарскую революцию предстоят ему буквально завтра – в начавшемся 1917 году. И неведение Ленина образца 1917 года о ***не им*** готовящихся событиях 1917 года, показательно само по себе. Показательно постольку, поскольку само по себе доказывает полное отсутствие какой-либо ангажированности Ленина кем бы то ни было.

Но показательно и то, что и как Ленин говорил в 1917 году о событиях 1905 года. Он даже через ряд лет выстраивал не совсем верную схему событий, и не потому, что «темнил» и умалчивал о чём-либо, а потому, что не всё о революции 1905 года, а точнее – о её подоплёке, знал. Даже численность участников Декабрьского восстания 1905 года в Москве он завысил примерно в четыре раза (с реальных 2 тысяч до 8 тысяч у Ленина).

И особо удивляться здесь нечему, если знать, что, как и в 1917 году, ***не*** Ленин инициировал события 1905 года!

Он был лишь постепенно вовлечён в них.

Как и в январе 1917 года, в январе 1905 года Ленин не ведал, что начавшийся год станет в России годом битв. Точнее, он видел 1905 год годом битвы за партию, и в декабре 1904 года открыто поставил вопрос о необходимости скорейшего проведения III съезда партии. Но того, что 1905 год может стать годом открытых классовых битв и вооружённой борьбы, Ленин не предполагал.

Не предполагал, потому что не планировал такого развития событий, не ставил их на ***текущую*** повестку дня уже в 1905 году!

Уверен, что многие из тех, кто знаком с классической советской трактовкой первой русской революции, прочтя это, удивятся и не поверят, что это так и было. Но это было именно так, и я это покажу!

Причём, как уже было сказано, подлинная картина тех дней не умаляет Ленина, а лишь показывает с другой стороны – не очень привычной…

О революционной хронологии 1905 года будет сказано позже, а пока обратимся к хронологии и к содержанию деятельности ***лично Ленина*** в канун и в первые полгода первой русской революции. Это интересно тем, что убедительно доказывает – Ленин и ту революцию не готовил, и её начало застало его, если говорить начистоту, врасплох.

Ну, в самом-то деле! Берём том 47-й Полного собрания сочинений и начинаем внимательно читать письма Ленина с начала 1905 года… О чём они? О лозунгах революции? О методах организации забастовок и демонстраций? О принципах подготовки боевых дружин?…

Да ничего подобного!

Открывает том письмо «товарищу в Россию» от 6 января 1905 года… Обычные, рутинные вопросы, в конце: «…*Готовлюсь к сегодняшнему реферату* (о рабочей и буржуазной демократии для революционных эмигрантов Женевы. – *С.К.*). *Меньшевики, говорят, решили не приходить*…»

Далее – письмо Розалии Землячке… Тоже – ничего особенного: «*Получил Ваше сердитое письмо и спешу ответить… Поверьте, что считаться с мнением России я намерен вполне…*

Если я виноват, что поддаюсь настроению заграничных большевиков, то виноват без вины, ибо Россия дьявольски мало и редко пишет…»[336]

Третье письмо – от 10 января, А. А. Богданову в Петербург: «*Сысойке* (один из партийных псевдонимов А. А. Богданова, – *С.К.*) *от Ленина личное.*

Дорогой друг! Наконец мы начали „Вперёд“ (большевистская газета. – *С.К.*)… *Думаем выпускать еженедельно… Мы уверены, что дело пойдёт хорошо, лишь бы не обанкрутиться. Необходимо 400 frs. (150 руб.) на номер, а у нас всего 1200 frs. Помощь в первые месяцы нужна дьявольски… Не забывайте этого и тащите (особенно с Горького) хоть понемногу… Дальше. Особенно важно теперь сообщить Рахметову* (то есть самому Богданову, среди партийных псевдонимов которого был и „Рахметов“. – *С.К.*) *чтобы он налёг всеми силами на организацию литературного сотрудничества из России…*»[337]

Как видим, и здесь (и далее в огромном письме) – тоже текущие вопросы. Ленин пишет: «*В заключение пару слов об организационном лозунге теперь…*»

И какой же следует лозунг – «Даёшь стачку!» или «Все на баррикады!»? Нет, речь о лозунге полного размежевания с меньшевиками… Только этим письмо и интересно, да ещё, пожалуй, тем, что лишний раз выявляет как грустное состояние финансов партии, так и невеликий масштаб её расходов…

В письме членам ЦК Носкову, Красину и Гальперину от 13 января 1905 года Ленин сообщает о своих представителях в третейском разбирательстве – возник конфликт с этими нестойкими большевиками из-за их очередного примирения с меньшевиками…

29 января 1905 года Ленин просит своего корреспондента в Петербурге обругать «хорошенечко» «Рахметова»-Богданова за то, что он прислал в Женеву 2 письма за 30 дней и «*ведёт себя как поп Гапон*»…[338]

Ага, вот он – шутливый намёк на злобу дня: «как поп Гапон»!

Но это – всё!

8 и 22 февраля 1905 года Ленин адресуется по, опять-таки, текущим вопросам межпартийных связей к лидеру германской социал-демократии Августу Бебелю, (ПСС. Т. 47, с. 11–14), а 15 февраля пишет в Россию С. И. Гусеву («Харитону») о необходимости передачи связей с заграницей молодым перспективным партийцам…

Само по себе последнее письмо интересно, Ильич в нём наставляет Гусева:

«…Помните, что стоит Вам провалиться, и мы на мели, пока Вы не приобрели нам десятка новых, молодых, верных друзей „Вперёда“, которые умеют работать, умеют вести отношения, сумеют переписываться и без Вас. Помните это!! Профессиональный революционер должен создавать в каждом месте десятки новых связей, давать им при себе работу в руки, учить их и подтягивать не поучениями, а работой. Затем ехать в другое место и через месяц-два возвращаться проверять молодых заместителей. Уверяю Вас, что среди нас есть какая-то идиотская, филистерская, обломовская боязнь молодёжи. Умоляю: боритесь с этой боязнью всеми силами»[339].

Для понимая «партийной кухни» это письмо нам полезно, но в нём нет никаких указаний крупному партийному работнику Гусеву насчёт того, как усиливать революционный накал в массах. А ведь Россия уже бурлит после «Кровавого воскресенья» – расстрела царскими войсками мирной демонстрации в Петербурге 9 января 1905 года!

Так оно идёт и дальше: Ленин и в марте, и в апреле 1905 года более всего озабочен созывом III съезда РСДРП, который открылся 12(25) апреля в Лондоне, а не подготовкой восстания в России…

Объективно борьба с меньшевиками внутри партии была тогда действительно не менее важна, чем борьба с непосредственно царизмом, потому что суть была в том, кто возглавит рабочее движение, за кем пойдут рабочие, к кому прислушаются. Перед тем, как форсировать события, надо знать – пора ли их форсировать? Но даже после III съезда ленинские письма наполнены отнюдь не духом немедленных действий. Например, письмо из Женевы в ЦК РСДРП от 28 июля 1905 года Ленин начинает так:

«Дорогие друзья! Необходимо как можно скорее решить 2 следующих вопроса: 1) О Плеханове… 2) О предложении посредничества со стороны МС бюро (Международного Социалистического Бюро. – *С.К.*)»[340].

Речь здесь о посредничестве, которое предлагал Август Бебель для «примирения» большевиков и меньшевиков, и Ленин далее пишет в том же письме: «*Мы не должны сыграть роль дурачков, договариваясь с людьми, которые не вправе и не в силах говорить от имени всего меньшинства*».

В конце июля Ленин высылает Владимиру Бонч-Бруевичу «бумажку» о назначении того заведующим партийной типографией в Женеве в письме, имеющем чисто «дежурный» характер. А на следующий день отправляет письмо Луначарскому в Италию – в Виареджо, с просьбой о статьях для газеты – тоже всё текущим образом…

Это – картина, которую мы получаем при знакомстве с перепиской Ленина тех дней.

Знакомство с его тогдашней деятельностью партийного журналиста даёт, на первый взгляд, иную картину, а именно: картину предельной концентрации Ленина на ситуации в России. Однако это – лишь на первый взгляд, Ленин писал тогда много статей, но – не директив.

Тем не менее, перейдём к обзору второй – публицистической ипостаси Ленина в первой половине 1905 года…

3 января 1905 года на Путиловском заводе началась массовая стачка. Ленин тут же откликнулся на неё в № 3 газеты «Вперёд» статьёй «Петербургская стачка»[341].

Статья была готова в печать за день до Кровавого воскресенья 9 января 1905 года.

При первых же известиях о расстреле 9 января Ленин немедленно помещает в том же № 3 «Вперёд» – вместо запланированного в номер «почтового ящика» – небольшую статью «Революция в России». Увы, Ленин в ней выдал желаемое за действительное:

«…Начинается восстание. Сила против силы. Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы, разгорается гражданская война за свободу. К пролетариату Петербурга готовы примкнуть Москва и Юг, Кавказ и Польша. Лозунгом рабочих стало: смерть или свобода!

Сегодняшний и завтрашний день решат многое…

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!»[342]

Ничего этого тогда не было – пролетариат волновался, однако не восставал, и это позднее понял сам Ленин. Формально он относительно потенциала событий в начале 1905 года заблуждался. Но, вообще-то, ошибки гениев нередко в итоге более плодотворны, чем правота глупцов и посредственностей.

По мере прихода новостей из России Ленин обрушивает – иного слова я не подберу, на революционную среду в России серию статей, публикуемых в новой ленинской газете «Вперёд»…

В № 3-м от 11(24) января 1905 года: «Рабочая и буржуазная демократия»; «От народничества к марксизму»; «Наши тартюфы»…

В № 4-м от 18(31) января: «Начало революции в России», цикл «Революционные дни» («Что происходит в России?», «Поп Гапон», «План петербургского сражения», «Царь-батюшка и баррикады», «Первые шаги», «Канун Кровавого воскресенья»)…

Ленин всё ещё пребывает в эйфории, что хорошо доказывает ***так и не опубликованная тогда*** его последняя статья из цикла «Революционные дни» – «Битвы на баррикадах». Никаких особых битв на баррикадах в столице не началось, и показательно, что не пошедшая в печать статья заканчивалась словами: «Было даже сообщение, что по баррикадам стреляла артиллерия, но оно, кажется, не подтвердилось».

А 1(14) февраля 1905 года в № 6 газеты «Вперёд» Ленин публикует большую статью «Две тактики», идеи которой через полгода будут развиты в его знаменитой книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции»…

8(21) февраля следующий – седьмой, номер «Вперёд» даёт две огромные ленинские статьи с характерными названиями «Должны ли мы организовать революцию?» и «О боевом соглашении для восстания». Ленин призывает Россию к восстанию, он пишет: «Лучше сотня революционных социал-демократов, принявших организацию-план, чем тысяча интеллигентских Тряпичкиных, болтающих об организации-процессе»…

Но призывает Ленин тщетно – восстание в повестке дня тех, кто находится в России, не стоит, а мнение Ленина в расчёт не берётся. Даже в ЦК ему оппонируют сами коллеги, а под влиянием коллег находятся питерские рабочие. Организационно форсировать события в подобных условиях Ленину просто не под силу. Да и относительно сроков возможного восстания Ленин не очень определённен и не очень радикален.

Тем не менее, события форсируют…

Но кто их форсирует?

В свете того, на чём мы остановимся чуть позднее, крайне интересно, как Ленин оценивал роль и деятельность в первой русской революции некоего Парвуса-Гельфанда. А ещё интереснее динамика этих оценок.

Александр Львович Гельфанд, более известный, как Парвус (1869–1924) был германским социал-демократом, который после II съезда РСДРП примкнул к российским меньшевикам. Особенно близок Парвус был к Троцкому и играл в ходе нарастания революционных событий в России в 1905 году весьма видную роль.

В начале 1905 года активная позиция Парвуса на фоне изначальной вялости меньшевиков получает полное одобрение Ленина. В феврале 1905 года он оценивает как «прекрасную» статью Парвуса в захваченной меньшевиками «Искре», где Парвус советовал «выбросить за борт» дезорганизаторов революции[343].

В апреле 1905 года Ленин цитирует Парвуса, который заявляет, что его якобы «тошнит» от тех, кто не желает организовывать революцию, но тогда же у Ленина уже проскакивает: «Если пустозвон Троцкий пишет теперь (к сожалению, рядом с Парвусом)…», и т. д.?

А в сентябре 1905 года читатели № 18 большевистской газеты «Пролетарий» могли прочесть:

«Парвус зарапортовался до того, что что заговорил о формальном соглашении с освобожденцами – от этой нелепости и от этого позора будут, вероятно, открещиваться даже новоискровцы (меньшевики. – *С.К.*). Но Парвус только прямее и грубее выразил основную идею новоискровства. Формальная поддержка, предложенная Парвусом, есть лишь неизбежный вывод из той моральной поддержки, которую всё время оказывала новая „Искра“ монархической буржуазии, осуждая бойкот Думы… Парламента у нас ещё нет, а парламентского кретинизма сколько угодно»[344].

В скобках поясню, что речь выше – о так называемой «Булыгинской думе», ублюдочном «высшем законосовещательном представительном органе Российской империи», с проекта которого начались уступки царя народу.

С этого момента имя Парвуса становится для Ленина ругательным, и, как уже сообщалось

ранее, в ноябре 1915 году в статье «У последней черты» Ленин написал: «Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустился теперь… до последней черты…» и т. д. [345]

Увы, в начале 1905 года не только (и не столько) авантюризм Парвуса, сколько его провокаторская роль «крота» в русской революции большевиками выявлены ещё не были, в том числе – и Лениным.

Времена-то были тогда, всё же, весьма простодушные – по сравнению с нынешними тотально циничными временами, когда энтузиазм «пушечного мяса» уже не подогревают пышными фразами, а просто вызывают боевыми психотропными стимуляторами. И увидеть за внешней активностью Парвуса, Троцкого и т. д. подлый и циничный расчёт было не так-то просто – чисто психологически…

Пожалуй, здесь же надо сказать вот что…

Анализируя первую русскую революцию, мы всё время должны помнить, что она возникала на фоне настолько же неудачной для царизма, насколько и ненужной для народов России русско-японской войны.

«Война обнажила гнилость царизма», – это не только пропагандистский штамп, но и исторический факт.

Однако и общий общественный фон – безотносительно к войне – уже настоятельно требовал коренных общественных реформ. Самодержавный режим и без того уже не пользовался особой популярностью в стране, если не считать неисправимых реакционеров типа Победоносцева, оголтелых правых помещиков типа Пуришкевича и Маркова-второго и мордатых охотнорядцев из «Чёрной сотни»…

Скажем, великий наш историк Василий Осипович Ключевский (1841–1911) революционером не был – он был умным буржуазным либералом. Но вот что он записал в своём дневнике 7 апреля 1907 года:

«После Крымской войны русское правительство поняло, что оно никуда не годится; после болгарской войны и русская интеллигенция поняла, что она никуда не годится; теперь в японскую войну русский народ начинает понимать, что и его правительство, и его интеллигенция равно никуда не годятся…»[346]

Сказано было зло, и отнюдь не верноподданнически. И так мыслил не один Ключевский…

Однако обниматься на этом основании с либералами Ленин не собирался. В самом начале января 1905 года он в статье «Самодержавие и пролетариат» привёл ряд любопытных фактов относительно полевения российского общества, но предупреждал, что «чем ближе подходит момент революции, чем острее становится конституционное движение, тем строже должна партия пролетариата охранять свою классовую самостоятельность и не позволять топить своих классовых требований в воде общедемократических фраз».

Это – совет и предупреждение народу навсегда!

А далее Ленин писал:

«Возьмите пресловутую резолюцию… земского съезда 6–8 ноября. Вы увидите в ней отодвинутые на задний план и умышленно неясные, робкие конституционные пожелания… Совершенно ясно, что перед вами представители имущих классов, добивающиеся только уступок от Путин… (пардон, у Ленина написано: „от самодержавия“), и не помышляющие ни о каком изменении основ экономического строя…

Возьмите резолюции петербургского банкета инженеров 5 декабря. Вы увидите, что 590 участников банкета, а за ними и 6 000 подписавших резолюцию инженеров высказываются за конституцию, без которой невозможна успешная защита русской промышленности, а заодно уже протестуют против отдачи правительственных заказов заграничным предпринимателям».[347]

Не могу не спросить – ничего не напоминает современному читателю тогдашний протест тогдашнего инженерного отряда русской буржуазии, а? Ведь и сегодня заграничные предприниматели чувствуют себя в российской экономике вполне вольготно.

Но чёрт с ней – с тогдашней и нынешней буржуазией, лучше прислушаемся к Ленину – актуальному и тогда, и сейчас:

«Неужели можно… не видеть, что именно интересы всех слоёв землевладельческой, торгово-промышленной и крестьянской буржуазии составляют подкладку и основу прорвавшихся наружу конституционных стремлений? Неужели нас может сбить с толку представительство этих интересов демократической интеллигенцией, которая брала на себя роль публицистов, ораторов и политических вождей всегда и везде, во все европейские революции буржуазии?..»[348]

Ленин и здесь был прав навсегда! Он не отрицал того, что «пролетариат должен поддержать конституционное движение буржуазии», но предупреждал, что пролетариат должен быть готов к восстанию, «чтобы отвоевать свободу всему народу, чтобы обеспечить рабочему классу возможность открытой, широкой, обогащённой всем опытом Европы, борьбы за социализм»[349].

Так он мыслил в 1905 году, так он мыслил и все последующие годы – вплоть до самого Октября 1917 года. Но реально восстания Ленин не готовил ни накануне 1905 года, ни в течение 1905 года…

12(25) апреля 1905 года в Лондоне открылся III съезд РСДРП, подготовке которого Ленин отдал много сил. На съезд он был избран от Одесского комитета, и брал слово на заседаниях съезда 140 (!) раз.

Активность Ленина не удивительна – на новом съезде партии он настаивал уже через полгода после II съезда. 18(31) декабря 1904 года он писал из Женевы в Киев члену ЦК и старому соратнику Глебу Кржижановскому:

«Дорогой друг! Нам необходимо обстоятельно выяснить вопрос, по которому мы, видимо, расходимся, и я очень прошу передать это моё письмо на обсуждение всех членов ЦК (или Исполнительной комиссии [Исполнительная комиссия была составлена из членов ЦК Кржижановского, Красина и Гусарова. – С.К.]). Расхождение вот в чём: 1) ты думаешь, что возможен мир с мартовцами (Борис [Носков. – *С.К.*] даже поздравляет с миром! И смех, и горе!); 2) ты думаешь, что немедленный съезд есть расписка в нашем бессилии.

Я убеждён, что ты в обоих пунктах ошибаешься жестоко. 1) Мартовцы идут на войну. Мартов на собрании в Женеве прямо кричал, что-де мы сила. В газете они травят нас и подло подменивают вопрос… Наивно и прямо непозволительно сомневаться в том, что мартовцы ставят себе целью забрать и ЦК таким же пролазничеством, бойкотом и скандалом. Борьба в ними на этой почве не под силу, ибо ЦО страшное оружие и поражение наше неизбежно, особенно ввиду провалов (то есть арестов большевиков. – *С.К.*)… 2) Съезд докажет нашу силу, докажет, что не на словах только, а на деле мы не допускаем командования всем движением со стороны клики заграничных скандалистов. Съезд нужен именно теперь…

Итак: бросьте наивную надежду мирно работать в такой невозможной атмосфере. Направьте все *главные* силы на объезды, пусть едет Лань („Лань“ – это сам адресат письма, то есть Г. М. Кржижановский. – *С.К.*), *обеспечьте* тотчас окончательно свои комитеты, двиньте затем атаку на чужие и… съезд, съезд не позже января!»[350]

Внимательный читатель может здесь воскликнуть: «Это как же? В сентябре 1904 года Ленин в письме оппоненту – Носкову-„Борису“, утверждал, что хочет мира в партии, а оказывается ещё в декабре 1903 года он в письме доверенному товарищу Кржижановскому заявлял, что надо бросить наивную надежду мирно работать! Как же это понимать?!»

А вот так и понимать!

Ленин всегда вёл прямую линию. Конечно, с годами он научился говорить всегда правду, но не всегда ***всю*** правду. И говорить не всю правду тем и тогда, когда этого требовала тактика момента… Особенно это проявлялось в действиях Ленина по отношению к оппортунистам из II Интернационала во время мировой войны.

Но, не забудем, что Ленин в 1903 году давал право Кржижановскому ознакомить с письмом всех членов ЦК, включая меньшевиков, которые, конечно же, осведомили бы Мартова о настроениях Ленина.

Не забудем также, что в том же письме Носкову от 11(24) сентября 1904 года Ленин напоминал, что он «предлагал мир печатно в декабре 1903 г. в своём „Письме в редакцию „Искры““, и „предлагал мир ещё раз официально в Совете партии в январе 1904 года…“

Весь 1904 год Ленин вёл борьбу за съезд, столкнулся с рядом измен вроде измены Красина, с колебаниями типа колебаний „Лани“-Кржижановского или Дубровинского, но в итоге настойчивость Ленина победила – съезд собрался!

Но какой съезд?

Вот то-то и оно!

Если даже на II съезде РСДРП в „мирном“ 1903 году присутствовало более полусотни делегатов, то теперь, в революционном 1905 году, на III съезд в Лондон съехалось 24 делегата с решающим голосом и 14 – с совещательным. И уже эта съездовская „арифметика“ показывает, что многое смешалось в „доме“ РСДРП к весне 1905 года…

С решающим голосом на III съезде присутствовали делегаты от 20 большевистских комитетов: Одесского, Уральского, Саратовского, Полесского, Северного, Тульского, Рижского, Тверского (в конце съезда), Северо-Западного, Самарского, Курского, Николаевского, Петербургского, Орловско-Брянского, Московского, Нижегородского, Воронежского и Кавказского союза (Бакинский, Батумский, Имеретино-Мингрельский)… Присутствовали – с совещательным голосом, делегаты Архангельского и Казанского комитетов, Уральского союза, групп: Екатеринославской, Харьковской, Минской…

Хотя на съезд в Лондон были приглашены все комитеты РСДРП, меньшевики прислали в Лондон лишь ряд наблюдателей. Центральный же Комитет РСДРП в лице его абсолютно про-***меньшевистского*** большинства объявил съезд в Лондоне „незаконным“[351].

Меньшевики отказались от участия в съезде и провели в Женеве свой съезд, в котором участвовали делегаты Петербургской и Одесской групп ЦК, комитетов Смоленского, Харьковского, Киевского, Екатеринославского, Кутаисского и Донского; союзов Донецкого, Сибирского, Крымского, Украинского: периферии Московского комитета и Сормовской периферии[352].

Собственно, это был не съезд, а конференция – всё же в Женеве собрался менее представительный партийный форум, чем в Лондоне.

Но факт остаётся фактом – ленинский III съезд не был общепартийным, и его боевые – действительно боевые, решения не стали общепризнанным руководством к действию для рабочих, и, тем более, для всего волнующегося в России народа.

В извещении о созыве III съезда говорилось:

„Товарищи! Революция началась. Кровь тысяч людей обагрила улицы Петербурга, и клик мести, клик ненависти к правительству убийц пронёсся по всей стране, находя отклик повсюду. Идея свободы и народного правления проникла в широкие массы, мысль о необходимости вооружённого восстания распространяется с поражающей быстротой…“?

Заканчивалось же извещение так:

„…Грозные события надвигаются. Ввиду этого Организационное бюро приступает к делу организации съезда. Если у кого-нибудь всё ещё остались сомнения, законен ли созыв съезда не через центры (то есть – через ЦК и Совет партии, – *С.К.*), то мы такому товарищу ответим одно: революционные события вызывают к действию революционное право, а оно отрицает практически негодные учреждения. Надо спасти честь партии, спасти дело пролетариата.

Бюро комитетов большинства“[353]

Во всём этом, как и в решениях съезда, чувствовалась ленинская рука – в стиле и текстах, в подходе к делу.

На III съезде были приняты резолюции „О вооружённом восстании“, „О временном революционном правительстве“, „Об отношении к тактике правительства накануне переворота (! – *С.К.*)“, „Об отношении к крестьянскому движению“, „Об отношении к либералам“ и другие.

В резолюции „О практических соглашениях с социалистами-революционерами (эсерами, – *С.К.*)“ было признано, что „временные боевые соглашения социал-демократов с организациями социалистов-революционеров в целях борьбы с самодержавием могут быть в некоторых случаях полезными“.

Если бы линия ленинского III съезда стала программой народа, или хотя бы пролетариата, или хотя бы всей РСДРП, вся история России могла бы пойти иначе уже где-то в 1906 году…

Если же кто-либо поинтересуется – почему не в 1905-м? то ответ здесь простой – сам Ленин отнюдь не считал, что события надо форсировать уже в 1905 году.

Да, их надо было готовить, готовя к ним народные массы, но форсировать… К этому Ленин в 1905 году не призывал!

Советская историография давно утвердилась на том, что результатом III съезда стала победа ленинской линии на вооружённое восстание, а отсюда проводится связь с Московским восстанием в декабре 1905 года, с боями на Красной Пресне и т. д.

Всё это так, однако – и ***не*** так!

Ниже приведено письмо, которое Ленин **в октябре 1905 года** написал большевичке Марии Эссен (партийный псевдоним „Зверев“, „Зверь“), уже знакомой читателю. Штатные „историки ЦК КПСС“ не знать его не могли, но не думаю, что они рисковали оценивать его по достоинству. Возможно, впрочем, они и не придавали ему особого значения – ведь надо уметь не только читать, но и осмыслять прочитанное.

Это, меняющее всю схему событий 1905 года, письмо в 1978 году было опубликовано в 47-м томе Полного собрания сочинений на страницах с 99 по 101-ю. Ленин писал из Женевы в Петербург:

„26. X.05.

Дорогая зверушка!

Получил на днях Ваше длинное письмо. Большое спасибо. Мы очень мало вестей получаем из Питера и листков всяких тоже мало нам шлют…

Насчёт дел в партии, мне кажется, Вы немного преувеличиваете в пессимизме… Страшен сон, да милостив бог. С таким гигантским движением, как теперь, ни единому ЦК в мире при нелегальной партии не удовлетворить и $^{1}/_{1000}$ доли запросов… Хорошая у нас в России революция, ей-богу! Надеемся скоро вернуться (множественное число подразумевает – вместе с Крупской. – *С.К.*) – к этому идёт дело с поразительной быстротой…

Насчёт разногласий Вы как будто тоже преувеличиваете. Я здесь не замечаю никаких

разногласий „Пролетария“ с ЦК. Время восстания? Кто возьмётся его определить? ***Я бы лично охотно оттянул его до весны и до возвращения маньчжурской армии, я склонен думать, что нам вообще выгодно оттянуть его. Но ведь нас всё равно не спрашивают*** (жирный курсив мой. – *С.К.*). Возьмите теперешнюю грандиозную стачку!“[354]

Ну, и где здесь курс на скорое восстание? А ведь это уже конец октября 1905 года – до вспыхнувшего в конце 1905 года Декабрьского восстания остаётся чуть больше месяца!

Ленин, как видим, не склонен одобрять даже затею с Всероссийской политической стачкой, начавшейся 8(21) октября 1905 года, прямым результатом которой стал Высочайший манифест о даровании гражданских свобод и придании Государственной думе законодательных полномочий.

Странно?

Да вообще-то, не очень…

Ленин всегда нацеливал революционеров на активные действия, но тащить морковку за ботву, чтобы она скорее выросла, Ленин никогда не призывал.

Посмотрим – о чём он писал в последние полгода перед революцией, то есть, во второй половине 1904 года?

В августе 1904 года отдельным листком и брошюрой выходит обращение Ленина „К партии“, где он пишет, что „война, кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия“, и что „позорный конец позорной войны не так уж и далёк“.

Заметим, что Ленин предсказал позор сдачи Порт-Артура за почти полгода до факта, как и более поздние Мукден и Цусиму! И из всего этого Ленин делал вывод о том, что „революционное возбуждение… потребует от социал-демократии колоссальной работы, страшного напряжения сил, чтобы организовать решительную последнюю борьбу с самодержавием“[355].

Это пока – общие рассуждения, а в практическом плане Ленин настаивает на скорейшем новом съезде партии, и заранее обдумывает свою тактику на съезде – вспомним его письмо „Папаше“ Литвинову.

22 декабря 1904 года (4 января 1905 года) в огромной статье „Самодержавие и пролетариат“, опубликованной в газете „Вперёд“, Ленин уже более конкретен:

„Россия переживает новую волну конституционного движения. Современное поколение не видало ещё ничего подобного теперешнему политическому оживлению. Легальные газеты громят бюрократию, требуют участия народа в государственном управлении, заявляют о необходимости либеральных реформ… И хотя пролетариат сравнительно мало участвует в наиболее парадных и торжественных проявлениях либерального движения, …по всему видно, что рабочие рвутся на широкие народные собрания и на открытые уличные демонстрации…

Рабочий класс ставит себе величайшие, всемирно-исторические цели: освободить человечество от всяких форм угнетения и эксплуатации человека человеком… Для пролетария борьба за политическую свободу и демократическую республику в буржуазном обществе есть лишь один из необходимых этапов в борьбе за социальную революцию…

Развитие политического кризиса в России всего более зависит теперь от хода войны с Японией… Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удесятерение недовольства, брожения и возмущения.

К этому моменту должны мы готовиться со всей энергией. В этот момент одна из вспышек, которые всё чаще повторяются то здесь, то там, поведёт к громадному народному движению. В этот момент пролетариат поднимется во главе восстания, чтобы отвоевать свободу всему народу, чтобы обеспечить рабочему классу возможность открытой, широкой, обогащённой всем опытом

Европы, борьбы за социализм“[356]..

Без цитирования просто уведомлю читателя, что в том же номере „Вперёд“ от 22.12.1904 (04.01.1905) года Ленин опубликовал и статью с ироничным названием „О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов“.

Не проходит и недели, и 9 января 1905 года входит в историю как Кровавое воскресенье, что сразу удесятеряет недовольство, брожение и возмущение в российском обществе.

Ленин окликается на это циклом „Революционные дни“, о котором я упоминал, как и о более ранней статье „Петербургская стачка“. Теперь публицистика Ленина касается как начинающейся русской революции, так и подготовки партийного съезда. Ленин пишет статьи „Новые задачи и новые силы“, „Освобожденцы и новоискровцы, монархисты и жирондисты“, „Бесконечные отговорки“, „Общий план работ и решений III съезда РСДРП“, „Кого они хотят обмануть?“, „Об уличной борьбе (советы генерала Коммуны)“ – предисловие к мемуарам военного деятеля Парижской Коммуны Клюзере, „Проделки бонапартистов“, „С больной головы, да на здоровую“, „Конституционный базар“ – о так называемой „Булыгинской думе“…

Одни названия статей и их количество говорят сам за себя!

Наконец, в Лондоне начинается III съезд РСДРП, ленинские материалы которого занимают более 100 страниц в 10-м томе Полного собрания сочинений. Ленин немало говорит там о вооружённом восстании, но – очень взвешенно, без шапкозакидательства.

Характерна в этом отношении его речь по вопросу о вооружённом восстании, произнесённая 16(29) апреля 1905 года. Сказав, что он значится „самым непримиримым“, Ленин пытался примирить тех, кто относился к идее восстания скептически и тех, кто считал его неизбежным. Ленин резонно замечал, что многое зависит от многого, но особо настаивал пока что на накоплении практического опыта городской вооружённой борьбы, для чего необходимо было, по мнению Ленина, образование особых боевых групп[357].

Ленин настроен решительно, однако не требует ***немедленного*** восстания, он лишь настаивает на его планомерной ***подготовке***. И резолюция III съезда была принята в, фактически, ленинской редакции.

Было констатировано, что пролетариат призван сыграть в революции решающую роль, если будет сплочён „под знаменем социал-демократической рабочей партии“; что „движение уже привело к необходимости вооружённого восстания“…

Съезд поручил всем партийным организациям „выяснять пролетариату путём пропаганды и агитации“ значение восстания и массовых политических стачек, и „принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооружённого восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников“[358].

Интересно в этом смысле позднейшее, записанное в эмиграции, свидетельство крупнейшего кадета Павла Милюкова: „То, что Ленин уже в мае смело поставил на первую очередь, для меньшевиков оставалось тогда за горизонтом практической политики“[359].

Но вот в чём незадача – вопрос о вооружённом восстании поставил Ленин… О необходимости участия социал-демократов в будущем революционном – пусть и буржуазном, правительстве говорил Ленин… А практическое движение оседлали меньшевики и эсеры.

Так, в Петербургском Совете активные роли играли не только известные в РСДРП

„внефракционный“ меньшевик Троцкий и меньшевик Парвус, но и некто Хрусталёв-Носарь [1877(9?)-1918(9?)]. Фигура последнего настолько же любопытна, насколько и темна, так что остановиться на ней не помешает.

Георгий Степанович Носарь, принявший имя Петра Алексеевича Хрусталёва, одного из рабочих депутатов правительственной согласительной комиссии Шидловского, был беспартийным помощником присяжного поверенного, примкнул к меньшевикам и пользовался у рабочих большой популярностью[360].

Даже в июле 1906 году Ленин в статье „Об организации масс и о выборе момента борьбы“ отзывался о „товарище Хрусталёве“ уважительно и, имея в виду статью Хрусталёва писал: „Нам нет надобности говорить о том, что имя автора статьи служит гарантией его ближайшего знакомства с вопросом. Все петербургские рабочие знают это…“[361]

Ещё бы! Именно Носарь в октябре 1905 года стал ***первым*** председателем Петербургского Совета рабочих депутатов.

27 ноября 1905 года по распоряжению председателя комитета министров Витте Носарь был арестован по делу Петербургского Совета, предан суду и сослан в Сибирь. Из ссылки бежал за границу, весной 1907 года в числе других представлял с решающим голосом Петербургскую организацию РСДРП на V (Лондонском) съезде, требовал там образования „широкой рабочей беспартийной партии“…

Последнее было, как минимум, белибердой, а как максимум – провокацией. И в апреле 1907 года Ленин в статье „Ларин и Хрусталёв“ уже оценивал линию Хрусталёва как „уничтожение с.-д. рабочей партии“[362].

Но тогда Владимир Ильич ещё пытался оставаться в рамках товарищеской дискуссии. Позднее же имя „Хрусталёва“ в статьях Ленина упоминалось уже исключительно в негативном смысле.

Носарь вступил в борьбу с Лениным с позиций ликвидации нелегальной партии, а в 1909 году от политики отошёл и занялся тёмными финансовыми махинациями. После начала Первой мировой он войны вернулся в Россию, а после Октября 1917 года занялся активной контрреволюцией на Украине, поддержав вначале „гетмана“ Скоропадского, а затем и Симона Петлюру…

То ли в 1918-м, то ли в 1919-м году Носаря расстреляли[363].

Стремительное выдвижение в 1905 году краснобая-адвоката Носаря на авансцену революции – куда там было тогда Ленину до популярности в массах этого „рабочего Хрусталёва“! – хорошо показывает неоднозначность тех дней. Увы, они были напичканы провокацией, как филипповская сайка изюмом.

Причём эта провокация исходила, как я догадываюсь, не из недр простоватой русской охранки, а из намного более изощрённых структур возникающего элитарного Золотого Интернационала.

Да, как и все остальные революции в мире до этого, первую русскую революцию – особенно в её столичной „ипостаси“, возглавили не столько политики большинства типа Ленина, сколько политиканы типа Троцкого, Парвуса, Носаря, Аксельрода и Дана…

О буржуазных либералах уже не говорю!

Так было и позже – в Феврале 1917 года, и лишь Октябрь 1917 года стал результатом энергии подлинно пролетарского вождя Ленина.

К началу лета 1905 года наметилось соглашение либералов с царём, и Ленин откликается на это статьёй „„Революционеры“ в белых перчатках“, где пишет:

„Нам не хотелось бы брать на себя роль Кассандры (дочь троянского царя Приама, обладавшая даром прорицания, которой, однако, не верили. – *С.К.*). Не хотелось бы пророчествовать смешной и постыдный конец русской революции. Но мы обязаны прямо и открыто говорить рабочим, говорить всему народу: дело идёт к такому концу. Конституционная якобы демократическая партия (речь о начавшей тогда оформляться партии кадетов, – *С.К.*) и все эти господа освобожденцы ведут именно к такому, а не к другому концу. Не обманывайтесь треском и звоном радикально-освобожденческих речей и земских резолюций. Это – размалёванные кулисы для „народа“, а за кулисами идёт бойкая торговля…“[364]

И тут пришло известие о восстании на броненосце „Князь Потёмкин Таврический“ 14(27) июня 1905 года. Это известие очень взволновало Ленина. Он посылает в Одессу – для связи с командой „Потёмкина“, Михаила Васильева-Южина, дав тому – по воспоминаниям Южина – следующие инструкции:

– Постарайтесь попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделал десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки… Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян…

Затем Ленин перешёл к необходимости захвата всего остального флота и заявил:

– Я уверен, что большинство судов примкнёт к „Потёмкину“… Тогда немедленно высылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию…

– Вы серьёзно считаете всё это возможным? – вырвалось у Южина.

– Разумеется, да! Нужно только действовать решительно и быстро. Но, конечно, сообразуясь с положением, – ответил Ленин[365].

Этот малоизвестный эпизод лета 1905 года интересен не только сам по себе… Он доказывает, что Ленин был тогда как натянутая струна, или, точнее – как хорошо настроенный инструмент, готовый отозваться на любой верный звук.

Увы, как оказывалось раз за разом, или верный звук был слабым и замирал, не долетев до инструмента, или звук был фальшивым, неверным…

Тот же Черноморский флот обладал потенциалом всеобщего восстания. Когда эскадра адмирала Чухнина вышла на перехват „Потёмкина“, стрелять по мятежному кораблю не стал никто, а броненосец „Георгий Победоносец“ и два миноносца выбросили красные флаги и присоединились к „Потёмкину“. Чухнин от греха подальше увёл эскадру обратно в Севастополь.

Но как раз той решительности, к которой призывал Ленин, а прежде всего – необходимого политического сознания, матросам и не хватило. Политическая реальность заключалась именно в этом. Россию надо было вначале распропагандировать, и уж потом поднимать на восстание… Однако её преждевременно бунтовали эсеры с одной стороны, и сбивали с толку меньшевики с другой стороны…

Только ли по политическому недомыслию эсеры и меньшевики выступали как провокаторы? Или они уже тогда выполняли социальный заказ их буржуазных иностранных нанимателей?

Так или иначе, но большевики оказывались в 1905 году в меньшинстве, поскольку не имели скрытой ***тёмной*** поддержки, которую имели эсеры и меньшевики.

В июне-июле 1905 года Ленин пишет свои знаменитые „Две тактики социал-демократии в демократической революции“, и в июле 1905 года эта его работа издаётся в Женеве Центральным Комитетом РСДРП отдельной книгой.

„Две тактики…“ не сделали тогда реальной политической „погоды“, но оказались книгой „*на вырост*“. То, что написал Ленин летом 1905 года не устаревало весь последующий период революционной работы боевой части российских социал-демократов, то есть – большевиков, до самого Октября 1917 года!

Более того! В своих основных выводах эта работа Ленина злободневна и сегодня! Ленин дал в ней чёткий развёрнутый анализ того, что **и почему** происходит в России, с выводами относительно того, как надо идти к победе народной революции.

И недаром последнюю, заключительную часть своей книги Ленин назвал „Смеем ли мы победить?“ Вопрос актуальный и сегодня, прямо обращённый к современным коммунистам!

Ленин писал в „Двух тактиках…“:

„Дешёвые истины житейской (и „политической“ в кавычках) мудрости… слишком часто прикрывают непонимание насущных, наболевших нужд партии… Надо знать конкретно, чем страдает данное движение в данный момент, в чём теперь заключается реальная политическая опасность для партии…

Факт тот, что не только не увлекаются у нас чересчур задачами восстания, делом руководства всей народной революции, а наоборот, *отсталость* именно в этом отношении бьёт в глаза… Вы найдёте ничтожный процент групп и кружков, сознавших задачи вооружённого восстания, приступивших к выполнению их…“[366]

С горечью и гневом писал он о позиции лидера II Интернационала Бернштейна с его лозунгом: „Движение всё, цель – ничто“, и о меньшевистских „новоискровских“ адептах этого подлого лозунга:

„Экономисты заучили, что в основе политики лежит экономика, и „поняли“ это так, что надо принижать политическую борьбу до экономической…, до уровня буржуазной умеренности…

Кто принижает задачи политической борьбы, тот превращает социал-демократа из народного трибуна в секретаря тред-юниона (соглашательские английские профсоюзы. – *С.К.*). Кто принижает пролетарские задачи в демократической буржуазной революции, тот превращает социал-демократа из вождя народной революции в вожака свободного рабочего союза…“[367]

А как актуально звучат слова Ленина, сказанные им в 1905 году, но обращённые в возможное завтра России уже XXI века:

„Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятельности массы, служа маяком для неё, показывая во всём его величии и прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый прямой путь к решительной победе.“[368]

Эти слова и сегодня будет полезно осмыслить и партийным лидерам, и народной массе…

А как хорошо и, опять-таки, актуально сказал Ленин дальше:

Предоставим оппортунистам… сочинять из страха перед прямым путём обходные,

окольные, компромиссные пути. Если нас силой заставят волочиться по этим путям, мы сумеем исполнить свой долг и на мелкой будничной работе. Но мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для решительной и беспощадной борьбы за прямой и решительный путь…

Слов нет, в бурное время больше опасностей угрожает нашему партийному кораблю, чем при тихом плавании либерального прогресса… Слов нет, задачи революционно-демократической диктатуры в тысячу раз труднее и сложнее, чем задачи крайней оппозиции и одной только парламентской борьбы…»[369]

Но Ленин мог воздействовать на ситуацию лишь доводами – с расстояния от Женевы до Питера, а на расстоянии вытянутой руки в Питере орудовали носари и парвусы…

Пока же…

Пока всё идёт в Женеве так, что Ленин (Ленин!) жалуется (!!) в письме Анатолию Луначарскому от 2 августа 1905 года:

«Дорогой Ан. Вас.! Вчера я отправил Вам „деловое“ письмо… Сегодня хочется побеседовать вне текущих делишек.

Плохое настроение у нашей публики в Женеве. Я удивляюсь часто, как немного нужно, чтобы люди, не вполне самостоятельные и непривычные к самостоятельной политической работе, падали духом и кисли.

А киснут у нас женевские большевики отчаянно. Борьба идёт серьёзная, III съезд вовсе не кончил её, разумеется, а только открыл новую фазу, искровцы (меньшевики. – *С.К.*) подвижны и суетливы, беззастенчивы по-торгашески, искушённые долгим опытом демагогии, – а у наших преобладает какая-то „добросовестная глупость“ или „глупая добросовестность“. Не умеют бороться сами, неловки, неподвижны, неуклюжи, робки…

Милые ребята, но ни к дьяволу негодные политики. Нет у них цепкости, нет духа борьбы, ловкости, быстроты. Вас. Вас. крайне типичен в этом отношении: милейшая личность, преданнейший работник, честнейший человек, он, я боюсь, никогда не способен стать *политиком*. Добёр он уж очень, – даже не верится, что „Галёркины“ брошюры писаны им. Боевого духа он не вносит…»[370]

«Вас. Вас.» – это тот самый старейший партийный литератор «Галёрка» – «Ольминский»-Александров, будущий участник Октября, в свои последние годы член дирекции Института Ленина… Но беда была не столько в настроении действительно хандрившего Ольминского – устал сам Ленин! В России события, а он – вдали от событий, и пока выехать в Россию не может.

В Швейцарии в разгаре лето, пока есть возможность – надо отдохнуть, что Ленин и делает. Но «отдых» это был, конечно, относительный, поскольку Ленин, как всегда, много писал, да и не очень-то этот «отдых» удавался, и Владимир Ильич продолжает:

«Какой-то дух нытья царит, и меня (я всего три недели на даче и езжу в город на 4–5 часов по *три*, а то и по *четыре* раза в неделю!) все упрекают, что у них дело не ладится, что меньшевики бойчее и т. д. и т. п.!!

А наш ЦК, во-1-ых, тоже не очень-то „политик“, тоже добёр слишком, тоже страдает недостатком цепкости, оборотливости, чуткости, неуменьем политически использовать каждую мелочь в партийной борьбе. А, во-2-ых, он выспренно презирает заграницу и всех лучших людей упорно не пускает сюда или берёт отсюда. И мы оказываемся здесь, за границей, позади. Недостаёт фермента, толчков, импульсов. Не умеют люди действовать и бороться сами. Некому влить дух бодр, поставить вопрос принципиально, уметь подняться над женевским болотом

повыше… И дело страдает. В политической борьбе остановка есть смерть…»

Ленину – тридцать пять, Луначарскому – и вовсе тридцать… Молодые, крепкие, не обделённые умом, энергией и обаянием мужики… Их намного менее удалые (а то и вовсе ***не***удалые) сверстники благополучно делают в царской России карьеру, процветают, *живут*, а тут…

Пушкин писал с горечью:

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N.N. прекрасный человек…

Н-да…

Впрочем, Владимир Ленин – не Евгений Онегин, и хандра – это на время написания письма умному другу, а впереди ждут дела.

В России – 1905 год, и время не ждёт…

Другое дело – ждёт ли время Ленина, ждёт ли его в 1905 году Россия? Это ведь непраздные и неслучайные вопросы! Поставить их вынуждает объективный анализ тех дней…

Да, сегодня, с отдаления в сто десять лет, просто диву даёшься – как странно развивалась первая русская революция… Скажем, в докладе 9(22) января 1917 года о революции 1905 года, который Ленин сделал в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодёжи, он развернул впечатляющую картину бурлящей России именно в 1905 году, но…

Но это была и не очень понятная картина.

Так, крестьяне волновались в трети уездов, сожгли до 2 тысяч помещичьих усадеб, но это затронуло лишь одну пятнадцатую часть общего количества дворянских усадеб…

А что же остальные две трети уездов?

В 1917 году Ленин отмечал, что в начале 1905 года влияние РСДРП в России было незначительным, но стало быстро возрастать. Ленин говорил – в 1917 году, уже после событий:

– До 9 января 1905 года революционная партия России состояла из небольшой кучки людей… Несколько сотен революционных организаторов, нисколько тысяч членов местных организаций, полдюжины выходящих не чаще раза в месяц революционных листков… Однако в течение нескольких месяцев картина совершенно изменилась. Сотни революционных социал-демократов «внезапно» выросли в тысячи, тысячи стали вождями от двух до трёх миллионов пролетариев. Пролетарская борьбы вызвала большое брожение в глубинах пятидесяти –

стамиллионной крестьянской массы…[371]

И при таком, вроде бы, росте активности, которая ***не возникает на пустом месте***, налицо была несклонность «тысяч вождей» следовать тактике Ленина и последовательно ***готовить*** миллионы пролетариев к будущему массовому восстанию.

Жандармский генерал Александр Спиридович в разногласиях в РСДРП обязан был разбираться по долгу службы… И порой неплохо разбирался. В эмиграции Спиридович опубликовал свой собственный, так сказать, «краткий курс» истории большевизма, где о 1905 годе писал так:

«По почти всем злободневным вопросам большевики расходились с меньшевиками и вели ожесточённые распри. Большевики признавали, что революция упёрлась в восстание, и агитировали за его подготовку, и, чтобы не растрачивать понапрасну сил, были против всяких незначительных выступлений; меньшевики же находили, что восстание неизбежно, но… находили громадную пользу в частных уличных выступлениях…»[372]

Рабочие в 1905 году были революционизированы в России прежде всего жестокостью и тупостью царизма, давшего народу Кровавое воскресенье и кровавую русско-японскую войну. Сама жизнь требовала организации, а организацию могла дать лишь РСДРП. При этом в РСДРП боролись друг с другом «две тактики»…

Вспомним, что на III съезд меньшевики не поехали, меньшевистские делегаты заявили, что в Лондоне собирается не партийный съезд, а «большевистский», и бойкотировали его – почему решения съезда и базировались на ленинских подходах. Меньшевики провели вместо съезда конференцию, и резолюция меньшевистской конференции «О вооружённом восстании» отличалась от резолюции III съезда так же, как витиеватый меньшевизм Мартова и Дана отличался от деловитого большевизма Ленина.

И это при том, что Петроградский Совет находился под контролем меньшевиков Носаря, Парвуса, Троцкого…

Меньшевики заявили, что возможность подготовки восстания «конспиративно-организационными средствами исключается уже одной слабой организованностью передовых слоёв пролетариата», и что «благоприятные условия для победоносного восстания создаются прежде всего непрекращающимся брожением в массах…»

Чего здесь было больше – сознательной провокации, или политического идиотизма? судить не берусь. Но задам читателю задачку: угадать, кто был в 1905 году за участие в буржуазном временном революционном правительстве в случае его образования – большевики или меньшевики?

Неверный ответ: меньшевики!

Но как же так?!

В 1917 году Ленин сразу же заявил: «Никакой поддержки Временному правительству!», а меньшевики в него вошли. Почему же в 1905 году меньшевики были против участия в возможном революционном правительстве, а Ленин в 1905 году был за участие в нём?

Да потому что Ленин был гением революции, её вождём, а носари, троцкие, парвусы и мартовы с данами и аксельродами – кретинами от революции в лучшем случае, а в худшем – провокаторами внутренних и (или) внешних антиреволюционных сил.

В 1905 году Ленин убеждал товарищей по партии, что в разгаре **первой** в России революции главное – свергнуть самодержавие и образовать пусть и буржуазное, но республиканское правительство, в которое могут войти пролетарские революционеры, чтобы влиять на развитие революции изнутри правительства.

А в 1917 году самодержавие ***уже*** было свергнуто, у народной массы был опыт первой революции, к тому же реальное Временное правительство отказалось немедленно и в интересах народа решить вопрос вопросов – вопрос о мире!

В 1917 году идеи Ленина стали быстро овладевать массой, а в 1905 году голос Ленина звучал ещё слабо, издалека, и намеренно заглушался меньшевистско-эсеровским «непрекращающимся брожением в массах»…

19 сентября 1905 года в Москве началась забастовка печатников, был образован Совет депутатов полиграфских рабочих из 500 человек с исполнительной комиссией из 20 человек. Москвичей поддержали питерские коллеги, а 7 октября началась забастовка на Московско-Рязанской дороге. Через день бастовал весь Московский железнодорожный узел. В Москве появляются первые боевые дружины…

С 10 октября начинаются баррикадные стычки рабочих с полицией в Екатеринославе, Харькове и Одессе…

13 октября образуется «Общегородской Совет рабочих депутатов города Петербурга» из 562 депутатов во главе с Носарём, а отдельные выступления перерастают во Всероссийскую политическую стачку, в которой участвует более миллиона промышленных рабочих, железнодорожников, почтовиков и других трудящихся[373].

Кто-то ведь всё это подталкивал, организовывал…

Кто-то этим руководил…

Кто-то, но – не Ленин.

Владимира Ильича в этот момент раздирали, надо полагать, тяжёлые сомнения… Не будучи Шекспиром, я не склонен пускаться в психологические изыскания, а сужу о состоянии Ленина по ленинским же текстам.

Напомню, что в письме Марии Эссен от 26 октября 1905 года он писал с горечью: «Нас всё равно не спрашивают. Возьмите теперешнюю грандиозную стачку!».

Здесь налицо несогласие с форсированием событий.

Однако, получив 29 сентября (12 октября) первые же сообщения зарубежной прессы о российской стачке, Ленин 4(17) октября публикует в № 21-м газеты «Пролетарий» большую статью «Политическая стачка и уличная борьба в Москве». И в статье он стачку воспринимает с энтузиазмом. А при этом явно страдает и от того, что сведения из России «очень скудны», и от того, что его публицистика неизбежно отстаёт от бурно меняющейся обстановки.

Ленин пишет:

«Как бы ни кончилась вспышка восстания в Москве, революционное движение… запасётся новыми силами. Допустим даже, что царские войска празднуют теперь в Москве полную победу, – ещё несколько таких побед, и полный крах царизма станет фактом… Допустим даже, что завтрашняя почти принесёт тяжёлую весть: вспышка восстания ещё раз подавлена. Мы воскликнем тогда: ещё раз – да здравствует восстание!»[374]

Сложно сказать, кого здесь Ленин ободряет больше – пролетариев России, или себя самого?

Однако и тут всё ***не*** очевидно!

В реальном масштабе времени Ленин в оценке событий 1905 года был нередко не то что бы неточен, но попросту ошибался.

А в историческом масштабе времени?

Ведь чересчур оптимистичные для октября 1905 года, пренебрежительно воспринимаемые где-нибудь этак году в 1911-м, эти ленинские слова окажутся пророческими уже через

двенадцать лет после того, как были написаны!

Что такое двенадцать лет в масштабах истории? Даже не миг! Так что не будет натяжкой сказать, что ***с*** точностью до ***мига истории*** Ленин был в октябре 1905 года прав, а его оппоненты попадали пальцем в небо.

Впрочем, пока что оппоненты ликовали – 17 октября был обнародован царский манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором народу были обещаны «незыблемые основы гражданской свободы: действительная неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов».

Было обещано народное представительство в лице Государственной думы, обладающей законодательными правами… Лондонская «Таймс» сообщила: «Народ победил. Царь капитулировал. Самодержавие перестало существовать».

Либералы ликовали, возникала партия «октябристов» – «Союз 17 октября», провинциальные гимназистки и гимназисты были полны ажитации, но…

Но, как свидетельствует в своих воспоминаниях тогдашний военный министр А. Ф. Редигер (1953–1920), уже 18 октября «семёновцы (гвардейцы Семёновского полка. – *С.К.*) на Загородном должны были прибегнуть к оружию».

Тот же Редигер пишет, что «город, даже в центральных его частях, представлял тогда довольно жуткую картину: движение на улицах замерло, вечером всё погружалось во мрак, по улицам ходили патрули и разъезды»[375].

А кадет Павел Милюков писал в мемуарах, что великий князь Николай Николаевич ***с револьвером в руке*** вынудил царя подписать этот манифест, и даже Милюкова этот «конституционный» шаг царя не обманул[376].

Милюков, впрочем, был от двора далёк и пользовался, конечно же, слухами. Но вот что рассказал Редигеру свидетель более достоверный – министр императорского двора барон Фредерикс. Ещё 16 октября было колебание между военной диктатурой с назначением диктатором великого князя Николая Николаевича и дарованием конституции. К завтраку 17 октября был приглашён великий князь Николай Николаевич, который предварительно зашёл к Фредериксу, сказав ему: «Надо спасти государя! Если он сегодня не подпишет Манифеста, то я застрелюсь у него в кабинете! Если я сам этого не сделаю, то обещай застрелить меня!»[377]

Стреляться дяде царя не пришлось – Николай подписал манифест.

Мог ли обмануться царскими «щедротами» Ленин? Он тут же откликнулся на новость из Питера статьёй «Первая победа революции», где, цитируя «Таймс», писал, что «уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко ещё не решает дела свободы. Царь далеко ещё капитулировал. Самодержавие вовсе ещё не перестало существовать. Оно только отступило…»[378]

Конечно же, Ленин был прав.

ЦАРСКИЙ манифест содержал и ещё одну – важную лично для Ленина – уступку. В манифесте объявлялась амнистия политзаключённым, а это открывало Ленину легальный путь в Россию. Конечно, ему давно было пора быть там, в центре событий, чтобы работать в режиме, говоря языком современным «*on-line*».

На то, ***что*** и ***как*** надо делать, чтобы уступка царя переросла в победу народа, Ленин имел достаточно конкретные взгляды. Всё в том же письме от 26 октября 1905 года Марии Эссен он

размышлял:

«В подготовке восстания я бы советовал проповедовать тотчас везде, самым широким образом, образование… сотен и тысяч *автономных* боевых отрядов, очень маленьких (от *трёх* человек), которые бы сами вооружались, кто чем может и готовились всячески. Момент восстания я бы, повторяю, *охотно оттянул* до весны, но конечно, мне издали судить трудно…»[379]

Тем не менее, в предвидении скорого отъезда в Россию Ленина охватывает всё большее нетерпение, боевой кураж и, говоря его же словами, «дух бодр»… Сужу, опять-таки, не пытаясь гадать в духе Шекспира, а по ленинским «предотъездным» письмам. Ещё из Женевы, но уже «сидя на чемоданах», он отвечает двум одесским большевикам «Моте» и «Косте»…

«Мотя» – это И. И. Белопольский (1884–1918), рабочий-печатник, с 1911 года – каторжник и ссыльнопоселенец, в 1917 году один из организаторов красноярской Красной гвардии, в 1918 году расстрелянный белочехами. Кто такой «Костя» историки партии так и не установили.

Одесситы прислали в редакцию «Пролетария» письмо, где возмущались расколом в партии и предлагали создать отдельную, тайную от меньшевиков организацию, за что Ильич устроил им форменную головомойку:

«Товарищи! Я получил ваше письмо к товарищам. Печатать его не буду, да и вы не просите об этом. Но ответить вам считаю долгом. Печатно уже не раз я заявлял то, что повторю и вам. Жаловаться и плакать по поводу раскола бесполезно. Надо *дело делать* для его устранения, думать, *как* объединяться, а не подбирать общие места и горестные возгласы. Жаловаться на борьбу *двух* партий и создавать *третью*, да ещё *тайную*, как вы делали, прячась от обеих организаций, – значит *усиливать* раскол…

„Учредительный съезд“ – пустая фраза… Какой же дурак подчинится „учредительному съезду“, не зная наперёд, действительно ли социал-демократы, какие именно социал-демократы и в какой пропорции будут там представлены??? …

…Вы просто маловеры и слабонервные люди. Увидали грязную болезнь, вонючие прыщи и отвернулись. Это понятно, по человечеству судя, но нерационально. А мы думаем, что отворачиваться нельзя, что третья партия ни к чему не поведёт, а две теперешние всё же объединятся, хотя бы и не сразу и не без болезненных операций»[380].

Замечу в скобках, что это написано человеком, которого Плеханов, Мартов, Дан, Аксельрод и прочая меньшевистская шушера то и дело честила «раскольником» и чуть ли не провокатором.

С письмом Ленина Марии Эссен читатель уже хорошо знаком, а за полторы недели до письма Эссен – 16 октября 1905 года, Ленин пишет из Женевы письмо в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете, а затем инструктивное письмо «Задачи отрядов революционной армии»[381].

Это – вполне информативные документы.

В начале письма в Боевой комитет от 16 октября Ленин оговаривается: «О практической постановке дела судить не берусь, что делается всё возможное при тяжёлых русских условиях, в этом не может быть сомнения…»

Далее, однако, идут уже иные речи:

«Но, по документам судя, дело грозит выродиться в канцелярщину. Все эти схемы, все эти планы организации Боевого комитета, производят впечатление бумажной волокиты, – я прошу извинить меня за откровенность, но я надеюсь, что вы меня не заподозрите в желании

придраться. В таком деле менее всего пригодны схемы, да споры и разговоры о функциях Боевого комитета и правах его. Тут нужна бешеная энергия и ещё энергия. Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят *больше полгода* и ни одной не сделали! А говорят учёнейшие люди… Идите к молодёжи, господа! Вот оно единственное, всеспасающее средство. Иначе, ей богу, вы опоздаете и окажетесь с „учёными“ записками, планами, чертежами, схемами, великолепными рецептами, но без живого дела. Идите к молодёжи…»

На общем выговоре Ленин, впрочем, не останавливается, а даёт конкретные указания:

«Основывайте *тотчас* боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и *у рабочих особенно*… Пусть тотчас же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д. Пусть тотчас же эти отряды выбирают себе руководителей и *связываются* с Боевым комитетом… Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, христа ради, на все схемы, пошлите вы, бога для, все „функции, права и привилегии“ ко всем чертям. Не требуйте обязательного вхождения в РСДРП – это было бы абсурдным требованием для вооружённого восстания…», и т. д.

В блестящих «Задачах отрядов революционной армии» Ленин также развёрнуто точен и конкретен, и пишет, в частности:

«Конечно, всякая крайность нехороша; всё благое и полезное, доведённое до крайности, может стать и даже, за известным пределом, обязательно становится злом и вредом. Беспорядочный, неподготовленный мелкий террор может лишь раздробить силы и расхитить их. Но, с другой стороны, нельзя ни в коем случае забывать и того, что теперь лозунг восстания *уже дан*, восстание уже *начато*. Начинать нападения, при благоприятных условиях, не только право, но и прямая обязанность всякого революционера. Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания, – такие операции уже ведутся везде, где разгорается восстание, и в Польше, и на Кавказе, и каждый отряд революционной армии должен быть немедленно готов к таким операциям…

Объединение отрядов между собой, конечно, желательно….

Отряды должны взяться за всестороннюю работу отнюдь не теоретическую только… К теоретической мы относим изучение военных наук, чтение рефератов по военным вопросам, приглашение на беседы военных (офицеров, унтеров и пр. и пр. вплоть до бывших солдатами рабочих)…

Практические работы должны быть начаты немедленно. Они распадаются на подготовительные и на военные операции»…

Ленин рекомендует подыскивать удобно расположенные квартиры, удобные для борьбы сверху, разведывать планы тюрем, полицейских участков, министерств, заводить полезные связи…

Революция – это не размахивание флагами, это – сложная и тяжёлая работа, а любую работу надо уметь делать.

Между прочим, работавший тогда на Кавказе, ещё ни разу не видевшийся с Лениным Сталин на митинге в Тифлисе в день объявления царского манифеста говорил:

– Что нужно нам, чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи: первое – вооружение, второе – вооружение, третье – ещё и ещё раз – вооружение…

А в опубликованной 15 июля 1905 года в № 10 газеты «Пролетариатис Брдзола» («Борьба

пролетариата») на грузинском языке статье «Вооружённое восстание и наша тактика» Сталин писал:

«Именно **техническое руководство и организационная подготовка всероссийского восстания** составляют ту новую задачу, которую жизнь поставила перед пролетариатом…

Наши комитеты должны сейчас же, немедленно приступить к вооружению народа на местах, к созданию специальных групп для налаживания этого дела, к организации районных групп для добывания оружия, к организации мастерских по изготовлению различных взрывчатых веществ, к выработке плана захвата государственных и частных оружейных складов…

Наряду с увеличением запасов оружия… необходимо обратить самое серьёзное внимание на создание всевозможных боевых дружин для использования добытого оружия»[382].

Читая эту и другие статьи Сталина 1905 года, не сразу и поймёшь кем это написано – Лениным или Сталиным, так совпадают ***практически во всём*** оценки, мысли, выводы, идеи…

Возвращаясь же к ленинским «боевым» письмам октября 1905 года, надо сказать, что предлагавшаяся Лениным тактика для городских боёв была оптимальной (вспомним эффективность боевых групп в Сталинграде) – маленькие боевые группы были бы предельно мобильными, неуязвимыми, приобретали бы навык самостоятельных действий, а объединить их при необходимости было нетрудно, лишь бы вожди воспитывали боевиков в духе сознательной дисциплины.

Оттяжка восстания до весны 1906 года тоже была разумной, а соображения насчёт того, что угаснет-де революционный энтузиазм масс, здесь не работали.

Во-первых, энтузиазмом было охвачено хотя и внушительное уже, но пока меньшинство народа, к тому же – пока ещё плохо организованное, да и политически просвещённое более чем слабо.

Во-вторых, эйфория от царского манифеста к весне 1906 года неизбежно уменьшилась бы…

В-третьих, если бы выяснилось, что политическая работа РСДРП не приносит своих реальных плодов в виде всё более широкого вовлечения в эту работу большинства рабочих, то стоило ли начинать восстание, заранее обречённое на провал?

С любой точки зрения стоило подождать до весны… Вернутся из Маньчжурии злые дальневосточные солдаты, и это сразу усилит боевой потенциал народа как в городе – за счёт рабочих в солдатских шинелях, так и на селе – за счёт мужиков в солдатских шинелях…

Да и войска в Европейской части всё более революционизировались! Сошлюсь ещё раз на такого компетентного свидетеля, как военный министр Редигер. В своих мемуарах он писал, что «брожение в войсках усиливалось» и что «приближалось время, когда и на войска нельзя будет полагаться»[383].

При этом Редигер указывал и на причины ненадёжности войск: общее брожение в стране; присутствие в войсках массы запасных, недовольных тем, что их удерживают на службе; тяжёлая служба по «подавлению беспорядков в стране»; «дурной пример флота» и… «нищенская обстановка солдата, который бывал сыт лишь при особой распорядительности и честности начальников».

Редигер пишет: «Жалование было ничтожно до смешного: рядовой в армии получал 2 рубля 10 копеек в год! Бельё и сапожный товар отпускались такого дрянного качества, что нижние чины продавали их за бесценок и покупали взамен собственные вещи; отпуск на шитьё сапог был ничтожен и на это приходилось доплачивать рубля два из собственного же кармана. Короче, без помощи из дому солдат не только бедствовал, но почти не мог существовать!»[384]

И тот же Редигер свидетельствовал, что на театре войны интендантство «передало главную

массу заготовлений собственному попечению войск» и в частях накапливались «экономические капиталы, доходившие до нескольких сотен тысяч рублей на полк»! «Деньги, достававшиеся так легко, – писал Редигер, – конечно, столь же легко и расходовались как в самих частях (пособия офицерам), так и в местах постоянного расположения войск: я имел сведения, что некоторые части заказывали себе новую обстановку для офицерских собраний, даже делали распоряжение о постройке своей церкви»[385].

А солдаты ходили или в гнилых казённых сапогах, или в собственных, «построенных» на оторванные от семей рубли!

В рассказанное выше верилось бы с трудом, если бы это писал не военный министр, причём писал во врангелевском Севастополе (Редигер умер там 20 января 1920 года, и его мемуары были изданы лишь в 1999 году).

Революционный потенциал такой армии был огромным – при соответствующей работе в войске. Надо было лишь провести эту работу с толком, основательно…

А энтузиазм?

Что ж, много позже Ленин сказал: «Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата…» Дело-то предстояло нешуточное – замена самодержавия демократической республикой.

Можно ли было добиться этого в 1905 году?

Пожалуй, да, если добиваться этого в 1906 году – как считал Ленин. И ещё об одном условии надо напомнить: успех в 1906 году стал бы возможным, если бы рабочие России, а за ними и крестьянство, приняли руководство Ленина и боевого ядра большевиков.

Но всё пошло иначе…

Почему?

Объективная история первой русской революции ещё не написана.

И, опять-таки – почему?

Ну, вполне понятно, что, поскольку большевики после 1917 года стали правящей партией России, вся революционная историография приобрела в СССР «большевистскую» доминанту, в том числе – и относительно революции 1905 года. Однако не всё так просто было в первой русской революции, и, увы, не большевики задавали в ней тон, да и не они её начали.

И об этом было уже сказано.

После 1991 года об объективности говорить не приходится по другой причине – бывшая намеренно розовая брежневская окраска событий 1905 года сменилась на тотально грязную краску ельцинщины…

А пора бы здесь внести – хотя бы в общих чертах – некую ясность.

Ленин, как мы знаем, не был энтузиастом форсирования событий уже в 1905 году. Однако на фоне инициированной меньшевиками и эсерами Октябрьской стачки, 13 октября в Петербурге образовался Общегородской Совет рабочих депутатов во главе с меньшевиками Носарём, Троцким и Парвусом (Гельфандом)[386].

Первый рабочий Совет был создан в России в мае 1905 года в ходе забастовки в Иваново-Вознесенске, но и в этом Совете первую скрипку играли не большевики. В октябре же 1905 года столичный Совет образовал Исполнительный Комитет, который начал издавать газету «Известия Совета рабочих депутатов». Между прочим, в Феврале 1917 года ситуация повторилась – Петроградский Совет образовали и возглавили опять меньшевики и эсеры, возглавил его меньшевик Церетели, был так же избран Исполнительный Комитет, который восстановил

издание «Известий Совета рабочих депутатов».

На первый взгляд тут всё логично – всё в рамках революционной преемственности…

Вот только любопытная преемственность получается – очень уж меньшевистского окраса. И ещё одно странно – меньшевики всегда были противниками рабочего восстания, однако на первых порах возглавили ***обе*** русские революции.

Здесь есть над чем поразмыслить!

В петербургском «революционном» процессе видную роль играли также социалисты-революционеры, эсеры. Пикантная деталь – в ходе декабрьского разгрома боевых организаций эсеров и большевиков был арестован и начальник боевой дружины эсеров Александро-Невского района Петербурга Александр… Керенский!

Сообщая об этом в своих мемуарах, жандармский генерал Спиридович меланхолически заключает:

«Позднее, через 12 лет, он станет министром юстиции Временного правительства и в качестве такового издаст приказ о моём аресте».

В конце ноября 1905 года был арестован известный нам Носарь, а 3 декабря 1905 года – и весь состав петербургского Совета (267 человек) во главе со сменившими Носаря Троцким и Парвусом, произведены многочисленные обыски и аресты по заранее установленным охранкой 750 адресам[387].

Спиридович резонно считает, что именно эти превентивные меры сорвали восстание в Петербурге, но и тут, пожалуй, имеется закавыка.

В ноябрьской статье 1905 года «Наши задачи и Совет рабочих депутатов» Ленин дал, по сути, развёрнутый план таких действий, которые могли бы обеспечить первой русской революции успех! Ленин уже в 1905 году рассматривал Совет как зародыш революционного правительства и писал:

«Возразят: можно ли выдвинуть программу такого правительства, достаточно полную, чтобы обеспечить победу революции, и достаточно широкую, чтобы создать возможность боевого соединения. Чуждого всяких недомолвок, неясностей, умолчаний, лицемерья? Я отвечу: такая программа уже всецело выдвинута жизнью…

Теперь мы уже ясно видим, что из недр революционного народа найдутся люди беззаветной преданности революции, и главное, люди с кипучей, безграничной энергией, когда новое правительство объявит решительную войну отмирающей полицейской России.

Граждане! – следовало бы сказать в этом объявлении войны. В этом манифесте революционного правительства, – граждане, выбирайте! Там – вся старая Россия, все тёмные силы эксплуатации, гнёта, надругательства над человеком. Здесь – союз свободных граждан, равноправных во всех государственных делах. Там – союз эксплуататоров, богачей, полицейских. Здесь – союз всех трудящихся, всех живых сил народа, всей честной интеллигенции. Там – чёрные сотни, здесь – организованные рабочие, борющиеся за свободу, за просвещение, за социализм…»[388]

Вне сомнений, в том же духе, а, скорее всего, и прямо по тексту статьи, Ленин выступал 9(22) ноября 1905 года на расширенном заседании Петербургского комитета РСДРП, где присутствовали как большевики, так и меньшевики.

Тогда Ленин уже был в России, и начал активно действовать.

Но почему ленинский призыв не был понят в 1905 году, и почему его программа не стала тогда ориентиром для столичного Совета и революционных сил всей России?

Вот об этом и будет сказано – очень, правда, кратко – далее…

Сегодня некие «историки» видят в революции 1905 года «руку Японии», но обвиняют в контактах с японцами большевиков.

Пожалуй, в событиях 1905 года, хотя они имели и объективную базу, действительно поучаствовала чужая рука, но вряд ли японская… И уж, во всяком случае, не прежде всего японская.

И не на большевиков делали ставку внешние силы…

Если мы посмотрим на хронологию 1905 года, получается интересная картина!

20 декабря 1904 года пал Порт-Артур.

3 января 1905 года начинается забастовка на Путиловских заводах – по инициативе ***не*** Ленина. Он, как мы знаем, был занят в Европе текущими ***внутрипартийными*** делами.

9 января 1905 года ***эсер*** поп Гапон подставляет массы под царские пули, и Россия сразу вспыхивает – массовые выступления проходят по всей стране. Но о восстании после этого речь не идёт, на него ни эсеры, ни меньшевики народ не нацеливают, а голос большевика Ленина слышен слабо, а точнее – к нему не прислушивается большинство даже пролетариев.

25 февраля 1905 года – поражение армии под Мукденом, за которым в середине мая следует разгром флота в Цусимском проливе.

Ленин по-прежнему занят рутинными делами – это ясно показывает его переписка первой половины 1905 года, опубликованная в томе 47-м ПСС. При этом Ленин активно работает как партийный публицист, говорит о необходимости подготовки к вооружённому восстанию, но не готовит пока его практически – нет для этого пока условий.

Зато другие действуют в режиме форсажа, и в мае 1905 года в Иваново-Вознесенске образуется первый рабочий Совет – ***не***большевистский.

Летом 1905 года развиваются волнения крестьян, организованные ***эсерами***.

Всё это подрывает позицию России в её войне с Японией, которая сама уже истощена так, что готова свернуть войну. И тут Россию революционизируют с одной стороны бездарная позиция царизма, а с другой – революционеры, ***но это не большевики***!

Это – эсеры и меньшевики!

В моей давней книге «Россия и Япония: стравить» коллизия «Россия – Япония» рассмотрена в ракурсе провокаций против России англосаксов и прежде всего США. Еврейские банкиры США вначале субсидировали Японию, а когда та начала выдыхаться, сделали всё – через Витте, чтобы Россия получила вместо вполне возможного почётного мира с Японией позорный Портсмутский мирный договор, заключённый 23 августа 1905 года.

Сегодня мало приходится сомневаться как в том, что уже тогда Троцкий был связан с еврейской элитой США, так и в том, что уже в 1905 году роль Парвуса была исключительно провокационной.

О скороспелом меньшевике Носаре и не говорю!

Сюда же удачно подвёрстываются эсеры, особенно – «каучуковые», типа Керенского…

Не большевики, а прежде всего меньшевики и эсеры готовят и Октябрьскую политическую стачку, против которой был настроен Ленин – это ясно видно из его октябрьского письма Марии Эссен.

Не большевики оказываются ***исходными*** инициаторами также несостоявшегося Петербургского, и состоявшегося Московского декабрьского восстания, хотя генерал Спиридович позднее и утверждал, что Московская большевистская организация «особенно энергично агитировала за вооружённое восстание»[389].

А что ещё оставалось большевикам, когда всё покатилось как снежный ком, – отговаривать

рабочих и терять на этом с таким трудом завоёванный авторитет?

Обращусь ещё раз к свидетельству кадета Павла Милюкова. В своих «Воспоминаниях» он, вначале написав: «То, что Ленин уже в мае смело поставил на первую очередь, для меньшевиков оставалось тогда за горизонтом практической политики…», далее продолжил: «Лишь в октябре и ноябре эти лозунги не только показались осуществимыми, но и были ***превзойдены при содействии Троцкого*** (жирный курсив везде мой. – *С.К.*)»[390]

Имея в виду это «содействие», напомню классическое, ещё из древней истории: «Избави меня боги от друзей, а от врагов я и сам как-нибудь избавлюсь»…

Милюков там же сообщает, что Троцкий «себе приписывал поправку, по которой временное правительство ***с преобладанием с.-р.*** должно было образоваться не после победы вооружённого восстания, а в самом процессе этого восстания…»

Странный политический кульбит: Троцкий, пользующийся влиянием как меньшевик, заранее отдаёт руководство эсерам!

Однако ничего удивительного в этом мы не усмотрим, если поймём, что Троцкий имел одну задачу – не допустить такого развития ситуации, когда решающее влияние на массу перешло бы к большевикам во главе с вернувшимся в Россию Лениным! При этом как раз эсеры шашни с Японией, похоже, имели. А Японию поддерживали американские еврейские банкиры, с которыми имел шашни Троцкий…

Вот так вот!

Ну, а что же большевики?

Большевикам в рамках пока ещё организационно единой РСДРП ничего не оставалось, как участвовать в событиях, а коль уж они в чём-то участвовали, то – без дураков.

Другое дело, что они не имели возможности направлять события по-настоящему. Ленин же, вернувшись в Россию, видел не скрытые «троцкие» пружины событий, а очевидный энтузиазм немалого числа простых людей. И сам, надо признать, поддался эйфории – в том смысле, что отказался от своей же идеи форсировать революцию лишь весной 1906 года.

Милюков пишет об этом так:

«Вернувшийся, наконец, в Петербург Ленин сразу заметил, побывав анонимно на хорах Вольной экономии (в помещении Вольного экономического общества заседал Петербургский совет, – *С.К.*), что „здесь – говорильня“, „рабочий парламент“, а нужен орган власти, орган партийного руководства большевиков надвинувшейся революционной развязкой. И „боевая организация“ партии приступила к подготовке вооружённого восстания…»[391]

Декабрьское восстание готовили не только (да и, как мы сейчас увидим – не столько) большевики, но это так – к слову. Важнее то, что у Ильича были тогда, в ноябре-декабре 1905 года, реальные предпосылки к некой эйфории! Он ведь не мог предполагать, что роли Носаря, Троцкого, Парвуса не революционны, а провокационны. Зато Ленин знал, что резервы у революции есть – важно их умело использовать.

Если читатель прочтёт статью Ленина «Уроки Московского восстания» (её объём не позволяет обширное цитирование), то увидит, что Ленин тонко анализирует в ней и ход, и ошибки восстания, и становится ясно, что поражение было запрограммировано вялым поведением московского коалиционного Совета боевых дружин, где заправляли меньшевики, эсеры и прочие.

В Москве было – по данным советских послеоктябрьских источников – примерно 2000 дружинников. При этом, как свидетельствует генерал Спиридович, «численность дружинников у

большевиков достигла лишь 250 человек, меньшевики насчитывали до 200 человек, прочие же человек 400, принадлежали к беспартийным и социалистам-революционерам»[392].

Относительно абсолютного числа генерал явно ошибся, но процентное соотношение по партиям он указал, похоже, верно. Так или иначе, если бы все приняли линию большевиков и усилили пропаганду в войсках, всё в Москве в декабре 1905 года могло пойти иначе! Однако меньшевики и эсеры саботировали решительные действия в Москве и не форсировали их в Петербурге.

А из всего этого следует, вообще-то, ошеломительный вывод: как и вторая русская революция, первая русская революция была преждевременно спровоцирована – на фоне идиотизма царизма – извне!

И была спровоцирована в «троцко-парвусовско-керенском», меньшевистско-эсеровском, формате, а затем меньшевиками же и эсерами была сорвана для того, чтобы она не развилась до победоносного ленинского формата!

Вернувшись в Россию для подготовки победоносного восстания весной 1906 года, Ленин мог обеспечить падение самодержавия уже в 1906 году. Вот чтобы этого не произошло, Троцкий и «поддёрнул коврик» в октябре 1905 года.

А точнее – «коврик» поддёрнули Троцким.

Но не из Японии, а из Америки.

Точно так же события – только теперь уже при руководстве меньшевика Церетели и эсера Керенского, начали развиваться в Феврале 1917 года… Точно так же инициаторы Февраля – как «спецоперации» элиты, опасались Ленина и блокировали ему путь в Россию через Англию.

Но в 1917 году Ленин успел вернуться вовремя и использовал созданную опять не им ситуацию в интересах России!

А в 1905 году не успел.

Сравнение линии Ленина и партийных лидеров меньшевистского и эсеровского толка – Плеханова, Мартова, Троцкого, Чернова, Церетели, Чхеидзе и т. д., ясно показывает, что только Ленин всегда имел чёткую и неизменную позицию: надо ориентировать Россию как минимум на буржуазно-демократическую революцию с ***возможной*** перспективой её перерастания в революцию социалистическую. Все остальные колебались то туда, то сюда, и лишь Сталин стоял всегда на примерно тех же позициях, что и Ленин, но был, как правило, менее категоричен.

Учтя всё сказанное, не очень хочется критиковать Сталина за то, что в его «Истории ВКП(б)» революция 1905 года описана в полутонах, когда роль большевиков чрезмерно не выпячивается, но и не подчёркивается тот факт, что наибольшим влиянием в рабочей среде тогда пользовались меньшевики и эсеры, не говоря уже о том, что эсеры были особо популярны в крестьянстве.

Впрочем, в сталинском «Кратком курсе» было честно сказано, что Петербургский Совет «своих задач не выполнил ввиду плохого, меньшевистского руководства Советом», и названы тогдашние руководители столичного (петербургского) Совета – меньшевики Хрусталёв, Троцкий и Парвус…

Компания это была, как мы знаем, «ещё та», но и в Москве всё шло не лучшим образом.

И мы уже знаем – почему!

В помянутой выше статье «Уроки Московского восстания», опубликованной почти через год после событий в газете «Пролетарий» 29 августа 1906 года, Ленин критиковал московский коалиционный Совет боевых дружин за то, что тот отставал «от размаха и роста движения». Но могло ли быть иначе? Ведь большинство и в московском Совете имели эсеры и меньшевики[393].

Показательно, что в конце статьи «Уроки Московского восстания» Ленин писал:

«Военная техника в самое последнее время делает ещё новые шаги вперёд. Японская война выдвинула ручную гранату. Оружейная фабрика выпустила на рынок автоматическое оружие. И та и другое начинают уже с успехом применятся в русской революции, но далеко в недостаточных размерах. Мы можем и должны воспользоваться усовершенствованием техники… При участии рабочей массы в городском восстании, при умелом нападении на врага, при решительной умелой борьбе за войско… при обеспеченном участии деревни в общей борьбе – победа будет за нами в следующем всероссийском вооружённом восстании…»[394]

Это было написано тогда, когда в РСДРП уже формировалось такое течение, как ликвидаторство. Дан, Аксельрод, Потресов, Мартов, Троцкий, да и Плеханов утверждали, что вооружённая борьба бессмысленна, нелегальная партия не нужна, а нужна рабочая партия типа лейбористской в Англии и работа в рамках буржуазного парламента.

А Ленин предрекал «великую массовую борьбу» и писал, что «массы должны знать, что они идут на вооружённую, кровавую, отчаянную борьбу», что «презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу», что «наступление на врага должно быть самое энергичное», что «нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс».

Спрашивается – при чём здесь «германский генштаб»? Ленин всегда нацеливал массы на активные действия! Уже в 25 лет, сидя в 1895 году в тюрьме по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в проекте программы тогда ещё даже не существующей социал-демократической партии (I съезд РСДРП прошёл в Минске в 1898 году), он писал:

«…Борьба русского рабочего класса за своё освобождение есть борьба политическая, и первой задачей её является достижение политической свободы… Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих…»[395]

И тогда же было написано, между прочим, и вот что:

«Для крестьян русская социал-демократическая партия требует:

1. Отмены выкупных платежей и вознаграждения крестьян за уплаченные выкупные платежи (по реформе 1861 года, – *С.К.*)…

2. Возвращения крестьянам отрезанных от них в 1861 г. земель.

3. Полного равенства в податях и налогах с крестьянских и помещичьих земель.

4. Отмена круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении их землёй»[396].

Последний пункт означал отмену принудительной коллективной ответственности сельской общины за внесение всех платежей и выполнение всех повинностей. Этот ***ленинский*** пункт сельской социальной реформы, выдвинутый им в 1895 году, был реализован лишь в 1906 году царским премьером ***Столыпиным***, но реализован ублюдочно и иезуитски.

Позднее, уже из второй эмиграции, в 1913 году, Ленин прислал в Петербург в легальный большевистский журнал «Просвещение» статью «Что делается в народничестве и что делается в деревне?», где приводил, со ссылкой на декабрьский номер народнического журнала «Русское богатство» за 1912 год, свидетельство сельского «сладенького, – как оценил его Ленин, – попика» о деревне после столыпинских реформ:

«Раболепство и трусость, – всегда это было! Но в том разница, что никогда не было такого ужасающе спокойного, молчаливого отпадения от церкви, как ныне. Точно дух жизни угас в церкви. Повторяю: не одна интеллигенция ушла, – народ ушёл… надо в этом сознаться, – я ведь два года был сельским священником…

Такая злоба выросла в деревне, такая злоба, что кажется теперь весь воздух насыщен ею… Нож, дубина красный петух… Жгучие, неотмщённые обиды… Нынче вера там такая: мы –

поработители, они – порабощённые… А вот теперь этот новый закон о земле – брат на брата восстал, сын на отца, сосед на соседа…»[397]

Комментируя, Ленин писал:

«Если это изображение верно, то русской буржуазной демократии – в лице именно крестьянства – суждено крупное историческое действие, которое при сколько-нибудь благоприятной обстановке… имеет все шансы быть победоносным…»[398]

В 1917 году этот ленинский прогноз 1913 года блестяще подтвердился. А пока что вернёмся опять в эпоху первой русской революции…

Глава 19. «Русский» год Ленина История временного возвращения Ленина в Россию разворачивалась так…

В начале ноября 1905 года он выехал из Женевы в Стокгольм, где дожидался получения документов, необходимых для выезда в Россию. То есть, Ленин возвращался легально. 5(18) ноября он был уже в Гельсингфорсе (ныне – Хельсинки), а 8(21) ноября приехал в Петербург, и на следующий день выступил на расширенном заседании Петербургского комитета РСДРП[399].

Начинается «русский» год Ленина… Он длился с начала ноября 1905 года по ноябрь 1906 года и был заполнен не только совещаниями, беседами, речами, статьями, поиском средств для партии и прочим подобным, что и составляет жизнь профессионального революционера… Параллельно со всем этим надо было ***каждодневно***, а порой ***и ежечасно***, решать задачу, имевшую хотя и не всемирно-историческое, но важное значение, – не попасться агентам охранки и не дать себя арестовать.

Ленин впитал искусство конспирации если не с молоком матери, то с тем молоком из «чернильниц» из хлеба, которым пользовался для конспиративной переписки с волей в период своего первого ареста. Так что охранникам он не попался, однако постоянная необходимость быть начеку нервы, конечно же, выматывала. К тому же, бульшая часть «русского» года Ленина пришлась на время усиления реакции и наступления властей на революцию.

То, что Ленин умел ускользать он назойливых филёров и вообще от внимания охранников косвенно подтверждается охранной ориентировкой на Ленина по состоянию на 1912 год. О нескольких бурных годах первой русской революции там было сказано всего-то: «В 1903 г. Ульянов руководил прениями на проходившем за границей 2-м съезде РСДРП, а в 1907 году присутствовал на Лондонском общепартийном съезде»[400].

Невелик, как видим, был царский «компромат» на Ленина – блестящего конспиратора…

Ещё в Стокгольме Ленин написал интереснейшую статью «Наши задачи и Совет рабочих депутатов» – она тогда не была опубликована, но понятно, что именно она отражала взгляд Ленина на ситуацию ноября 1905 года, высказанный коллегам по партии сразу по приезде в Питер. Выше уже цитировалась эта статья, которую Владимир Ильич закончил следующими словами:

«Вот как рисуется мне развитие Совета рабочих депутатов и временное революционное правительство. Вот какие задачи поставил бы я в первую голову всем организациям нашей партии, всем сознательным рабочим, и самому Совету, и предстоящему в Москве рабочему съезду, и съезду Крестьянского союза (Всероссийский Крестьянский союз возник по инициативе крестьян Московской губернии летом 1905 года. – *С.К.*)»[401].

По сути, Ленин уже в 1905 году выдвинул – пока не в виде ёмкой формулы, не в явном виде – тот лозунг «Вся власть Советам!», который он бросил в массы в 1917 году.

С мая по ноябрь 1905 года в Женеве Ленин редактировал нелегальный печатный орган большевиков – газету «Пролетарий». Вернувшись в Россию, он начинает редактировать первую легальную «почти» большевистскую газету с символическим названием «Новая Жизнь», которая выходила с октября по декабрь 1905 года.

Я написал «почти» потому, что официальными редакторами газеты числились Максим Горький, а также юный поэт-мистик Минский, издавший в 1905 году трактат «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни». Собственно, под псевдонимом «Минский» публиковался Н. М. Виленкин (1885–1937).

Мысли и мечты Минского и Ленина о цели жизни совпадали не очень-то (после Октября 1917 года Минский эмигрировал). И в результате, как вспоминал позднее вытребованный Лениным в Питер Луначарский, между друзьями Минского – «крайне левой» богемой, и редакционными большевиками то и дело возникали конфликты.

Впрочем, сам Ленин к своим экстравагантным «коллегам из кафе» относился «с чрезвычайным тактом и предупредительностью», но порой посмеивался: «Это же действительно исторический курьёз!»

Ленин много писал для «Новой Жизни» – за месяц с небольшим издания газеты там было опубликовано 13 ленинских статей. Но главной для него была тогда организационная и агитационная работа. В августовском письме Луначарскому он писал: «*Личное воздействие и выступление на собраниях в политике страшно много значит. Без них нет политической деятельности, и даже само писанье становится менее политическим*»[402].

Теперь Владимир Ильич, что называется, дорвался до возможности обратиться если не к массовой, то, хотя бы, к боевой партийной аудитории, и вовсю пользовался этой возможностью. Он выступает на заседании Петербургского Совета, на собраниях партийных работников, участвует в заседании ЦК РСДРП…

16(29) ноября в помещении Вольного экономического общества он – впервые за всё время свой революционной работы – выступил перед переполненным залом под гром аплодисментов. Появление полиции прерывало доклад, но 23 ноября (6 декабря) Ленин закончил свой доклад уже в помещении гимназии Витмер.

За считанный десяток дней по приезде Ленин выполняет огромный объём работы: он пишет, выступает, требует, призывает, разъясняет, находится в постоянном движении…

Пока ещё большевики и меньшевики действуют в рамках единой организации, но по мере накала страстей меньшевики, всю эту «кашу» вначале и заварившие, всё менее склонны действовать и всё более бездействуют, а большевики, получившие мощную подпитку энергией Ленина, активизируются.

Говоря словами названия ленинской статьи от 18 ноября (1 декабря) 1905 года – чаши весов колеблются… Вот сжатое описание событий лета и осени 1905 года, данное осведомлённым современником:

«Вся Россия была в огне. В течение всего лета громадные тучи дыма стояли над страной, как бы давая знать, что тёмный гений разрушения всецело овладел умами крестьянства и они решили стереть всех помещиков с лица земли. Бастовали рабочие…

Латыши и эстонцы методически истребляли своих исконных угнетателей – балтийских баронов, и один из блестящих полков гвардии должен был нести в прибалтийских губерниях неприятную обязанность по охране помещичьих усадеб»[403].

Эти строки взяты из мемуаров… великого князя Александра Михайловича. Как видим, даже у монархиста в силу рождения, члена императорской фамилии, невольно прорывается полупризнание того, что народ ***имел право*** на восстание!

11(24) ноября 1905 года в Севастополе вновь начинается мятеж на Черноморском флоте. Вначале восстают две тысячи матросов флотской дивизии, солдаты 49-го Брестского пехотного полка Севастопольского гарнизона и рабочие порта и адмиралтейства. К ним присоединяются команды крейсера «Очаков», броненосца «Св. Пантелеймон» – бывшего «Потёмкина», нескольких миноносцев и других кораблей.

Матросы, солдаты и рабочие требуют созыва Учредительного собрания, учреждения

демократической республики, 8-часового рабочего дня… Лейтенант Пётр Петрович Шмидт поднимает на «Очакове» сигнал «Командую флотом»…

Большевики стояли за призыв к вооружённому восстанию, но преобладавшие в Севастопольском социал-демократическом комитете меньшевики и здесь подгадили, выступив против. Не большевики, как видим, определяли тогда ход процесса, хотя не участвовать в нём не могли.

Мятеж был подавлен 15(28) ноября, Шмидта и трёх матросов – А. И. Гладкова, Н. Г. Антоненко и С. П. Частника в феврале 1906 года расстреляли на пустынном островке Березань.

Тем не менее, чаши весов всё ещё колебались… По свидетельству военного министра Редигера, «государь… однажды по поводу какого-то беспорядка в Черноморском флоте ***вполне спокойно*** (курсив мой. – *С.К.*) сказал, что Севастопольская крепость должна быть готова пустить его, буде нужно, ко дну»[404].

Сколько грязи вылили впоследствии на Ленина, вынужденного отдать приказ о потоплении ***кораблей*** Черноморской эскадры в 1918 году, чтобы она не досталась немцам… Интересно – как квалифицируют «обличители» Ленина подобную позицию царя в мирное время в своём собственном государстве? Да и не «подобную», ибо царь-то был готов санкционировать потопление боевых кораблей ***вместе с командами***!

Да, чаши весов колебались.

Что там Севастополь! Одно время была объявлена на осадном положении – самим комендантом генерал-майором Прасаловым – далёкая среднеазиатская крепость Кушка (офицеры в войсках говорили: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют»!)[405].

Даже право-либеральная газета «Русь» в середине ноября 1905 года признавала, что «события начинают скапливаться в такую же лавину, как и перед 17 октября» и сообщала о митинге в Киевском политехническом институте, собравшем 16 000 человек. Митинг охраняли восставшие солдаты сапёрного батальона.

Даже в Воронеже пахло баррикадами…

В Москве баррикады возникли – 9(22) декабря 1905 года. Незадолго до восстания постоянный представитель ЦК в Московском комитете В. Л. Шанцер и член Московского Совета М. Н. Лядов приезжали в Питер к Ленину для установления связи, и тогда Ленин сетовал на то, что в столице Совет «ползёт за беспартийными массами», а Московский Совет «проводит всё то, что решено МК»… Как и в Питере, в Москве массы больше прислушивались к меньшевикам и эсерам, что успеха не сулило.

Московское восстание продолжалось 9 дней, но было кроваво подавлено – в основном гвардейскими частями, которые были переброшены из Петербурга по Николаевской железной дороге, не поддержавшей массовую (забастовало 150 000 человек!) политическую забастовку, начавшуюся 7(22) декабря… Здесь тоже сказалось двурушничество эсеров и меньшевиков.

После Февральской революции 1917 года многие архивы Охранного отделения и Отдельного корпуса жандармов были уничтожены – явно теми, кто был в этом заинтересован. При этом в Петроградском и Московском Советах ведущую роль весной 1917 года играли меньшевики и эсеры… Так что, пользуясь своими полномочиями, они вполне могли получить ***неконтролируемый*** доступ к царским архивам и изъять всё, компрометирующее меньшевистских и эсеровских лидеров, всё, указывающее на их прямое сотрудничество с царским режимом в период первой русской революции.

Однако, если вспомнить давний совет: «Ищи, кому выгодно», то и без компрометирующих

бумаг можно понять, что всё поведение меньшевиков и эсеров в первой русской революции (как, впрочем, и позднее) было выгодно имущим слоям царской России, и внешним – геополитическим, врагам России как таковой.

Ещё до Московского восстания в Петербурге был арестован вначале председатель столичного Совета Носарь, а затем и заменивший его Троцкий. И я, после всего, что знаю сейчас о тех днях, не исключаю, что этот шаг охранки был согласован если не с Троцким, то – с Носарём… Не исключено, что и в Москве действия властей и части «вождей» были согласованы именно в целях обеспечения поражения восставших.

Так или иначе, после срыва восстания в столице и подавления Декабрьского восстания в Москве в русской революции начинается отлив. Если 3(16) декабря Ленин и Крупская легально поселяются на Греческом проспекте в доме № 15/8, то уже через несколько дней открытая слежка охранки заставляет Ленина покинуть квартиру и перейти на нелегальное положение – неполный легальный «русский» месяц «русского» года Ленина так и остался единственным по-настоящему легальным. И до конца пребывания в России Ленину пришлось фигурировать «на людях» под именем Карпова (в 1918 году он несколько раз использует это имя уже как чисто литературный псевдоним).

В начале декабря 1905 года ленинскую «Новую жизнь», быстро ставшую популярной и расходившуюся по России тиражом в 50 тысяч экземпляров, закрыли. С февраля 1906 года пришлось вернуться к нелегальному изданию газеты «Партийные известия», а «Новая Жизнь», последовательно получив ряд новых легальных, но уже чисто большевистских «псевдонимов» – «Волна», «Вперёд», «Эхо», сумела продержаться до июля 1906 года, после чего была окончательно закрыта правительством. В России опять воцарялся принцип: «Критикуй, критикуй, но не касайся!»

С 12(25) по 17(30) декабря 1905 года в финском Таммерфорсе (Тампере) под председательством Ленина прошла Первая конференция РСДРП. Ленин настаивал на IV съезде, однако ситуация собрать полномасштабный съезд не позволила, и в Таммерфорс съехался 41 делегат, представлявший 26 организаций.

Конференция большевиков (меньшевиков представлял один Э. Л. Гуревич) стала событием в партии и сама по себе, потому что приняла важные организационные и тактические решения, но в свете будущего наиболее существенным надо считать, пожалуй, то, что в Таммерфорсе состоялось личное знакомство Ленина со Сталиным.

Общий язык они нашли с полуслова, и с тех пор тянули партийный «воз» в одном и том же направлении – к пролетарской революции.

В Москве началось восстание, поэтому работу конференции свернули и делегаты разъехались на места, чтобы лично участвовать в событиях – что уже запоздало.

Выступая в январе 1917 года перед молодыми швейцарскими социалистами с рефератом о 1905 годе, Ленин сказал, что «с подавления декабрьского восстания начинается нисходящая линия революции», однако в реальном масштабе времени, в начавшемся 1906 году, это было ещё неясно. На том же январском реферате 1917 года Ленин, имея в виду немецкого социолога и экономиста Макса Вебера (1864–1920) – кумира либералов, «Маркса буржуазии», говорил:

– Буржуазия любит называть московское восстание чем-то искусственным и насмехается над ним. Например, в немецкой так называемой «научной» литературе господин профессор Макс Вебер в своей большой работе о политическом развитии России назвал московское восстание «путчем». «Ленинская группа, – пишет этот „высоко учёный“ профессор, – и часть эсеров давно уже подготовляла это *бессмысленное* восстание»…

Ленин с цифрами в руках опроверг Вебера и прибавил:

– В действительности всё развитие русской революции с неизбежностью толкало к

вооружённому решающему бою между царским правительством и авангардом сознательного в классовом отношении пролетариата…[406]

Полезно сопоставить эту оценку Лениным ситуации 1905 года в 1917 году с оценкой тех же дней дядей царя – великим князем Александром Михайловичем в 1932 году: «…выбор лежал между удовлетворением всех требований революционеров или же объявлением им беспощадной войны. Первое решение неизбежно привело бы Россию к социалистической революции, … второе – возвратило бы престиж власти… Таким образом было два исхода: или белый флаг капитуляции, или же победный взлёт императорского штандарта…»[407]

Как видим, и большевик Ленин, и монархист Романов – в отличие от либеральной сволочи, и тогдашней, и нынешней, – понимали, что между народом России и царём уже в 900-е годы XX века могли быть или состояние войны, или капитуляция одной из сторон.

Нечего сказать – хороша была социальная «идиллия» в той России, которую потеряли на рубеже XX и XXI века идиотствующие интеллигенты и интеллигентствующие идиоты…

Итак, бой был дан и был проигран.

Это не значило, что он был обречён изначально, что он был бессмыслен. В наступившем 1906 году революция в России ещё далеко не отступила! Да, в 1905 году бастовало 2863 тысячи человек, а в 1906 году – более чем вдвое меньше, 1108 тысяч… Но миллион бастующих после декабрьского террора властей – это очень много!

При этом крестьяне в 1906 году волновались даже сильнее, чем в 1905 году, – крестьянские выступления охватили 215 уездов, то есть почти половину всех уездов Европейской России.

В июле 1906 года восстали солдаты и матросы в Свеаборге, в Кронштадте и на крейсере «Память Азова» в Ревеле (Таллине)…

В январе 1906 года Ленин уезжает из Петербурга в Москву, а по возвращении в столицу отстаивает свою линию активного бойкота I Государственной Думы на собраниях социал-демократов. Вот какой была ситуация со слов великого князя Александра Михайловича:

«Выборы в I Государственную думу происходили в атмосфере политических убийств, забастовок, экспроприации и пожаров помещичьих усадьб. Большевики советовали своим сторонникам бойкотировать на выборах Государственную думу, уступив поле битвы для триумфа кадетов – партии, состоявшей из профессоров, журналистов, докторов, адвокатов и пр., предводительствуемых поклонниками английской конституции»[408].

Ситуация обрисована здесь достаточно верно, необходимо лишь пояснить, что под «английской конституцией» подразумевалась конституционная буржуазная монархия, а партия кадетов состояла не только из профессоров и адвокатов – она быстро стала партией крупного капитала, желающего официально, на конституционном уровне, заменить самодержавие властью денег.

Итак, Ленин был за бойкот I Думы, Плеханов и меньшевики возражали, а поскольку их влияние было ещё велико, небольшая рабочая курия в I Думе имелась… В целом же, как и ожидалось, первая Дума стала кадетской – с преобладанием депутатов от конституционно-демократической партии («партии народной свободы»). И ещё до открытия Думы (она открылась 23 апреля), в марте 1906 года, Ленин пишет брошюру «Победа кадетов и задачи рабочей партии».

Эту немалую по объёму ленинскую работу не мешало бы изучить и сегодня тем, кто задумывается над судьбой уже нынешней России. Ленин анализировал «победу» кадетов и

восклицал:

«…Великолепно, господа кадеты! Вы усвоили себе с неподражаемой ловкостью дух и смысл буржуазного политиканства. Надо стараться опереться на народ. Без этого буржуазия не достигнет власти и никогда не достигала власти. Но надо в то же время сдерживать революционный натиск народа, чтобы рабочие и крестьяне не завоевали, боже упаси, полной и решительной демократии, настоящей, а не монархической, не „двухпалатной“ народной свободы…»[409]

Читая ленинские строки, так и хочется заменить слова «монархической „двухпалатной“ свободы» на «„единороссовской“ „двухпалатной“ свободы». И как будто к нынешним ельциноидам из «Единой России» Ленин обращал свои слова весной 1906 года, говоря о кадетах:

«Вы зовёте себя партией народной свободы? Подите вы! Вы – партия мещанских иллюзий насчёт народной свободы… Кадеты – не партия, а симптом. Они соединяют в себе, поистине, лебедя, рака и щуку – болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую интеллигенцию, помещика, желающего за сходную цену откупиться от революции, и, наконец, твёрдого, экономного и прижимистого буржуа…»[410]

Ленин назвал кадетов «могильными червями революции», а заканчивая, подвёл итог: «Нам нет оснований завидовать успехам кадетов. Мелкобуржуазные иллюзии и вера в Думу довольно сильны ещё в народе. Они должны быть изжиты. Чем полнее будет торжество кадетов в Думе, тем скорее они будут изжиты…»[411]

Февраль и март 1906 года Ленин делит между Питером и Москвой, подготавливая новый партийный съезд, а позднее на даче «Ваза», занимаемой в Куоккале врачом-большевиком Г. Д. Лейтензеном и его семьёй, работает над платформой большевиков к съезду. «Ваза» в то время была, фактически, удобной партийной базой, здесь жили не только Ульяновы, но и другие партийные работники, и Ленин вернётся сюда ещё не раз.

Дача «Ваза» имела, между прочим, свою историю, на которой имеет смысл остановиться. Неуютная, но большая, она давно стала пристанищем революционеров – перед тем как там поселился с семьёй Лейтензен, на даче жили эсеры, изготовлявшие бомбы.

Вначале Ленину выделили комнату, куда вскоре перебралась и Крупская, державшая связь с Петербургом. Потом Лейтензены уехали, Ульяновы заняли весь низ, и к ним приехала мать Крупской. Наверху поселился А. А. Богданов с женой, одно время жил «Иноккентий» Дубровинский. Наезжал и Лейтензен…

Как уже сказано, дача превратилась в большевистский центр, в комнатах постоянно толклись люди – приезжали, уезжали. Крупская вспоминала, что входная дверь никогда не запиралась, в столовой на ночь ставилась крынка молока и хлеб, на диване стелилась постель, на случай, если кто-то приедет ночным поездом.

Забавный момент – как писала Крупская, «другой раз нападало такое настроение, что хотелось чем-нибудь перебить мысли», и тогда обитатели «Вазы» садились играть в… дурака!

По словам Крупской «расчётливо играл Богданов, расчётливо и с азартом играл Ильич, до крайности увлекался Лейтензен»… Иногда приезжал из какого-нибудь районного комитета Питера человек с поручением и с недоумением заставал руководящих товарищей за таким несерьёзным занятием. «Впрочем, – заключала рассказ Крупская, – это только такая полоса была»…[412]

Упомянув этот эпизод в своих воспоминаниях, Крупская, конечно же, не имела в ввиду потрафить обывателю – вот, мол, и Ленин не только в шахматы играл, но и в «дурака»…

Не для этого привёл этот эпизод и я.

Маяковский, обращаясь к Пушкину в своём стихотворении «Юбилейное», признавался: «Я люблю Вас, но живого, а не мумию»… Так вот, из Ленина – стараниями лицемерных будущих иуд из аппарата хрущёвско-брежневского ЦК – настолько настойчиво делали позлащённую мумию, что живой человек в массовом восприятии исчезал. А Ленин был живым человеком! Он, говоря словами того же Маяковского, «и теперь живее всех живых»…

К слову, хозяин дачи «Ваза» – Г. Д. Лейтензен (1874–1919), был в партии не случайным человеком. Он вёл партийную работу с 90-х годов XIX века в Екатеринославе и Туле, в начале 900-х годов эмигрировал, познакомился с Лениным, стал большевиком, сотрудничал в большевистских изданиях. В январе 1919 года он погиб на Восточном фронте гражданской войны.

В череде важных дел, изредка перемежаемых отдыхом, проходило время… Наконец, в апреле 1906 года в Стокгольме собрался тот съезд, на проведении которого Ленин настаивал осенью 1905 года… Съезд проходил с 12(25) апреля по 27 апреля (10 мая). Четвёртый по формальному счёту и третий фактически, IV съезд РСДРП был назван Объединительным, потому что его задачей было провозглашено объединение двух частей партии.

Ничего путного из этого, правда, не вышло… Меньшевики на съезде оказались в большинстве, в ЦК были избраны только 3 большевика (В. А. Десницкий, Л. Б. Красин и А. И. Рыков, которого позднее заменил А. А. Богданов) и 7 меньшевиков (В. Н. Розанов, Л. И. Гольдман, Л. Н. Радченко, Л. М. Хинчук, В. Н. Крохмаль, Б. А. Бахметьев и П. Н. Колокольников)[413].

В редакцию Искры" были избраны только меньшевики.

Как же так вышло?

Ну, одним из объяснений произошедшего в Стокгольме может быть следующая пикантная деталь…

Петербург – это промышленный пролетариат, Тифлис – это мелкие ремесленники. Однако Тифлисская организация – традиционно меньшевистская, послала на съезд столько же делегатов, сколько столичная. Делегаты съезда избирались от определённого числа членов партии, а меньшевики были склонны принимать в РСДРП кого ни попадя… И IV съезд РСДРП оказался "проходным", лишь выявившим противоречия между ленинской частью партии и той частью, которую уже можно было называть ***анти***ленинской.

Чтобы понять атмосферу IV съезда достаточно упомянуть о том, что тогда, при 122 делегатах с решающим голосом, Ленин при выборах бюро съезда не получил абсолютного большинства голосов, а вместе с меньшевиком Ерманским ("Руденко") получил относительное большинство голосов (60 – Ленин, 58 – Ерманский), и вопрос о признании одного из них членом бюро съезда ставился на отдельное голосование, утвердившее членом бюро Ленина[414].

О. Е. Ерманский (Коган) (1866–1941) известен в истории партии как вполне рядовой персонаж: в движении с 80-х годов, в 1905 году работал в Петербурге и затем в Одессе, после поражения революции – ликвидатор, после Октября – член ЦК меньшевиков, в 1921 году из партии меньшевиков вышел и занимался научной работой в Москве. Но в 1906 году Ленин в руководящем активе РСДРП, как видим, котировался на одном уровне с каким-то Ерманским…

Ленина это, конечно, не умаляет, зато показывает, как мелко плавали тогда "вожди" пока ещё "единой" РСДРП.

Из Стокгольма Ленин через Финляндию возвратился в Петербург – на полулегальном положении. 9(22) мая 1906 года он под именем Карпова выступил на митинге в Народном доме Паниной. Анатолий Васильевич Луначарский пишет об этом выступлении Ленина как о единственном его открытом выступлении перед широкой публикой. Сам Луначарский на этом

митинге не был, но бывшие там товарищи рассказывали, что по залу мгновенно пронеслось, что этот никому неизвестный "Карпов" – знаменитый Ленин, и "Карпова" встретили овацией, прерывали аплодисментами и овацией же проводили.

Однако нормой были деловые ленинские выступления на закрытых собраниях в партийной среде. Через два дня после "панинского" триумфа Ленин принимает участие в собраниях социал-демократов Московского и Франко-Русского районов Петербурга… Чуть позднее читает лекцию на собрании рабочих столичного Сан-Гальского подрайона. В июне 1906 года под именем опять-таки Карпова выступает с докладом по аграрному вопросу в зале Тенишевского училища перед группой делегатов Всероссийского съезда народных учителей…

Пока что Ленин не считает, что всё потеряно, и основания к тому имеются. Россия, как и РСДРП, летом 1906 года была всё ещё на распутье… Город полностью не утих, село волновалось, меньшевики и эсеры авторитет в народе постепенно утрачивали, либералы в лице кадетов пытались и честь соблюсти, и капитал приобрести, а царь…

Вот как оценивал царя лидер кадетов Милюков:

"Николай II был, несомненно, честным человеком и хорошим семьянином, но обладал натурой крайне слабовольной (а это – когда как! – *С.К.*). Царствовать он вообще не готовился… Добросовестно, но со скукой, выслушивая очередные доклады министров, он с наслаждением бежал после этих заседаний на свежий воздух – рубить дрова, его любимое занятие"[415].

Надо ли что-то прибавлять?

Думаю, не надо!

Разве что стоит заметить, что якобы "слабовольный" Николай был всегда последовательно твёрд в отказе уступок народу, и тут волю проявлял вполне сильную.

Что касается Милюкова, то в своих эмигрантских воспоминаниях он проговорился о ситуации 1906 года очень любопытно:

"Политическая репутация моих старых друзей, с.-р., быстро падала, по мере того, как политический террор… становился просто способом добывания денег путём "эксов" (экспроприаций), сухих или мокрых. Традиционной средой действий старых с.-р. было крестьянство; но организовать эту громадную, бесформенную политически массу было явно невозможно (да, если политиканствовать. – *С.К.*)…

В другом лагере русского социализма, у социал-демократов, главный раскол шёл… по линии большевизма и меньшевизма, и мы видели, что более разумное (угу, для кадетов! – *С.К.*) течение меньшевиков оценивало положение довольно сходно с нашей оценкой – и делало отсюда… выводы, настолько близкие с нашими, что, казалось, было возможно совместное действие с ними…"[416]

Если бы Милюков выступил с такими речами, да на IV съезде РСДРП, акции меньшевиков упали бы в партии до ноля. В ходе следующего, Лондонского съезда, одного намёка Ленина на "чаепитие" меньшевика Дана с Милюковым, оказалось достаточно для того, чтобы Дан просто-таки взвился – мы это ещё увидим. Однако тогда политиканские шашни данов с милюковыми были тайными, скрытыми.

Впрочем, даже кадеты оказались для царя слишком левыми – они ведь назывались конституционной партией, и в думском адресе императору от 5 мая 1906 года потребовали введения конституционного правления.

А царю было проще поленницу дров переколоть, чем произнести слово "конституция"…

Ситуация для самодержавного режима возникала не очень-то радостная. Даже кадеты ко двору (императорскому) не пришлись, а тут ещё рабочие-депутаты Думы в мае в большевистской – пока легальной – газете «Волна» (при рождении – «Новая жизнь») опубликовали обращение

«Ко всем рабочим России», где выдвигали идею подготовки Думой созыва Учредительного собрания.

Ленин написал редакционное послесловие к этому обращению, где были и такие слова:

"Пролетариат доказал свою способность к борьбе. Он собирает теперь силы, чтобы начать новую решительную борьбу, но начать её не иначе, как вместе с крестьянами…

Не к тому идёт всё дело теперь в России, чтобы можно было словами и голосованиями решить великий спор о судьбе народа – *земле* и *воле*"[417].

Царю Николаю и "правым" только этого не хватало: социал-демократического руководства крестьянским движением при участии рабочих – вчерашних крестьян… Редактор "Волны" за публикацию ***депутатского*** обращения был привлечён к судебной ответственности, в конце мая газета была закрыта (чтобы легально возродиться на месяц под названием «Вперёд»).

Однако Ленин был настроен по-боевому… Он публикует в партийной печати статью за статьёй, но главное – постоянно усиливает то "личное воздействие", о котором год назад писал в письме Луначарскому, и часто выступает: на собрании партийной организации Балтийского завода; перед рабочими Петербургской стороны – когда его слушает 200 человек; на собрании рабочих социал-демократов Нарвского района Петербурга; на собрании работниц табачной фабрики Шапшал, а 7(20) июля – под именем Карпова, на собрании партийных работников петербургской организации РСДРП, где присутствовало 120 человек.

Рабочий Питер всё лучше узнаёт своего "Ильича", и с этого времени где-где, а здесь, в Питере, авторитет Ленина с годами будет лишь расти и расти – до самого Октября 1917 года.

Но вскоре положение меняется резко в худшую сторону. Для "слабовольной" натуры царь оказался способным на вполне жёсткие меры. Вначале он 8(21) июля 1906 года отправил в отставку председателя Совета министров 77-летнего Горемыкина – ярого в прошлом, но постаревшего цепного пса самодержавия, и заменил его Петром Столыпиным, бывшего до того министром внутренних дел.

МВД, впрочем, за Пётром Аркадьевичем царь тоже сохранил. Ведь, в отличие от дряхлеющего Горемыкина, 44-летний Столыпин был сторожевым псом энергичным, да и защищать ему, ***крупному помещику***, было что…

9 июля 1906 года якобы "слабовольный" царь руками Столыпина первую Думу распустил и начались репрессии.

Обращусь опять к свидетельству Павла Милюкова:

"В наиболее беспокойные части России были разосланы так называемые карательные экспедиции, залившие кровью бессудных расстрелов свой путь и оставившие по себе самую тяжёлую память"[418].

Особенно отличился своим палачеством генерал Меллер-Закомельский. Даже военный министр тех лет Редигер отмечал: "Заслуга Меллера-Закомельского была громадна: он восстановил порядок на протяжении нескольких тысяч вёрст железнодорожного пути (на Сибирской железной дороге. – *С.К.*), …только при его характере палача можно было столь систематически бить и сечь (и расстреливать, и вешать. – *С.К.*) вдоль всей дороги, наводя спасительный ужас на все бунтующие и бастующие элементы"[419].

Надо сказать, что палаческие функции царизм возложил на армию давно. Соратник Ленина по «Союзу борьбы» Михаил Сильвин – на четыре года моложе Ленина, после окончания ссылки был призван в армию. Фактически, это было способом его общественной изоляции, и 28 марта 1900 года Крупская из Уфы, где доживала срок своей ссылки после отъезда из Шушенского по окончании ссылки Ленина, писала в Москву Марии Ильиничне Ульяновой:

"…*бедняге М.А.* (Сильвину. – *С.К.*) *приходится плохо в Риге. Он писал, что жизнь в*

казармах хуже каторги: одного никуда не пускают, а всегда в сопровождении солдата, да и пускают-то только в лавочку. Книги у него все отобрали, кроме немецкого словаря и гражданского права. Кормят плохо. Завести своего ничего нельзя, всё крадут моментально. Одёжу дают такую плохую, что приходится заводить свою. А самое худшее, что М.А. поместили как раз в ту роту, которая расправлялась с рабочими, ***солдаты получали по 10 р. награды за убийство рабочего, и там, где были патрулями, стреляли по собственной инициативе*** (жирный курсив мой. – *С.К.*)…"[420]

Это не 1906-й, это 1900 год!

Конечно, если бы царь в годы первой русской революции платил армии по 10 рублей за каждого убитого, то мог бы и разориться. Но среди тогдашних жертв были и такие, убийство которых было особенно выгодно для царя, – например, убийство известного читателю Ивана Бабушкина. В августе 1903 года он был сослан в Верхоянск, после освобождения в 1905 году выехал в Иркутск, вошёл в состав Иркутского и Читинского комитетов РСДРП, готовил в Чите и Иркутске вооружённое восстание. Чита тогда бурлила, там был образован Совет солдатских и казачьих депутатов.

В январе 1906 года Бабушкина с шестью товарищами, перевозившими из Читы в Иркутск транспорт оружия, на станции Слюдянка захватили каратели Меллер-Закомельского. 31 января 1906 года всех семерых расстреляли без суда и следствия на станции Мысовая Забайкальской железной дороги. Бабушкин отказался назвать себя и сошёл в могилу "неизвестным". Лишь в 1910 году Ленин узнал о судьбе одного из своих наиболее ярких и преданных соратников.

Навстречу карателям Меллера-Закомельского двигалась с востока карательная экспедиция генерала Ренненкампфа, позднее бесславно отметившегося в истории Первой мировой войны. Хватало тогда и других палачей с генеральскими погонами и без оных. Так, командир одной из кавалерийских бригад генерал Крыжановский подал записку, где доказывал, что "беспорядки" быстро были бы прекращены, если бы войска действовали более беспощадно, не останавливаясь перед сжиганием деревень". И штатские министры Дурново и Витте осаждали военного министра Редигера, требуя отдать соответствующие приказы[421].

Впрочем, деревни и так жгли, тут уж постарался Столыпин… При этом Столыпину ещё и подбавили злости в чисто личном плане – 12(25) августа 1906 года на свежеиспечённого премьера было совершено покушение. В его виллу на Аптекарском острове эсеры-максималисты бросили бомбу. На следующий день эсерка Коноплянникова застрелила генерала Мина, руководившего подавлением Московского декабрьского восстания.

При покушении на Столыпина погибло около 30 человек, при этом 15-летняя дочь Столыпина лишилась ног. Стоит ли удивляться, что через неделю – 19 августа (1 сентября) 1906 года премьер и "МВД" санкционировал учреждение военно-полевых судов, о которых чуть ниже будет сказано более подробно.

Погибшие эсеры-террористы заслуживают того, чтобы мы склонили перед ними головы – жертвенность есть жертвенность, если жертва принесена на алтарь не фанатизма, а социальной справедливости. Однако объективный вывод здесь однозначен: возможное успешное развитие революции в 1906 году было вновь сорвано эсерами, а точнее – руководством партии эсеров. Дав эффектный повод для усиления репрессий, лидеры эсеров невольно (а, может быть, вольно?) сыграли на руку самой крайней реакции.

Но Россия была в 1906 году ещё очень и очень неспокойна…

В Свеаборгской крепости вспыхивает восстание, и Ленин направляет В. Р. Менжинскую в Финляндию к члену военной организации А. Г. Шлихтеру с приказом о срочном выезде в Свеаборг для руководства восстанием. 19 июля (1 августа) в помещении ресторана "Вена" Ленин проводит конспиративное совещание в связи с событиями в Свеаборге. Увы, выступление

подавлено, как и Кронштадтский мятеж…

С начала августа 1906 года Ленин опять в Финляндии, в Выборге, где готовит выпуск первого номера новой нелегальной, уже чисто большевистской, газеты "Пролетарий"… Позднее он переехал на знакомую ему дачу "Ваза" к Лейтензенам в Куоккалу, а оттуда периодически наезжал в Териоки – по партийным делам и на дачи большевиков В. Д. Бонч-Бруевича и Л. Б. Красина…

Как видим, большевики далеко не всегда были людьми без определённого достатка. Были среди них и те, кто имел в обществе вполне прочное положение. Сам характер партии, рассчитанный на политическое просвещение масс как верный способ перехода власти к народу наименее болезненным образом, привлекал к Ленину наиболее толковых прогрессивных людей в России, и наиболее толковые становились именно большевиками.

Или, по крайней мере, помогали им.

Надо сказать, что к середине 900-х годов блестяще подтвердилось наблюдение Бисмарка насчёт того, что русские долго запрягают, но быстро ездят. В 1903 году прошёл II съезд РСДРП – фактически первый, а через три года РСДРП имела, худо-бедно, пусть и ограниченную, но возможность обращаться к народу с думской трибуны. И эту возможность через все думские кризисы рабочие депутаты будут иметь теперь до самого начала Первой мировой войны.

Ленин же начинает уделять анализу думской работы всё больше внимания. Верно призвав к бойкоту первой Думы в 1906 году, он впоследствии будет рассматривать думскую трибуну как удобный плацдарм для идейного наступления на царизм.

Как он жил тогда? Не руководил, не водительствал, не "проводил деятельность", а просто жил? Ведь жизнь даже самого великого и незаурядного человека состоит не только из великих деяний и свершений, не только из выдающихся результатов работы гениального ума или блестящего таланта, но и из ежедневных житейских деталей…

В 1905 году Владимиру Ульянову ещё не было даже сорока лет, он – в прекрасной не только физической, но и в спортивной форме, потому что был, напоминаю, прекрасным спортсменом – пловцом, велосипедистом, городошником… И после очень длительного перерыва он попал в Санкт-Петербург – город для него не только хорошо знакомый, но и почти родной… Столица, "северная Пальмира", город-музей, мировой центр культуры, сосредоточие увеселений – и изысканных, и простонародных… Город нескольких выдающихся библиотек, наконец!

И под Петербургом, близ станции Саблино, живёт мать, которую он тоже не видел уже много лет.

Зять Марии Александровны – муж старшей дочери Анны, Марк Елизаров, работавший бухгалтером в управлении Николаевской железной дороги, на деньги, заработанные во время ссылки на Дальнем Востоке, купил в Саблино удобный одноэтажный деревянный дом рядом с лесом… Небольшой сад с беседкой, неподалёку – живописная река Тосно… В просторном доме разместились и Елизаровы, и Мария Александровна, и её младшая дочь – "Маняша".

Это была настоящая небольшая семейная партийная организация…

Анна Ильинична – формально домохозяйка, часто наезжала в город, занимаясь сбором средств для столичного большевистского комитета за счёт пожертвований, устройства платных лекций и концертов, продажи партийной литературы… На Анне и "Маняше" были ещё и переписка с Владимиром Ильичом, нелегальные транспорты литературы.

Мария Ильинична – секретарь Василеостровского комитета РСДРП, заведовала также "техникой" Петербургского комитета партии. Надеюсь, читатель помнит, что на партийных "техниках" лежали серьёзные и деликатные обязанности типа поиска конспиративных квартир, явок, партийных связей, переправки денег… Анна Ильинична писала брату в Женеву о младшей сестре: "*С секретариатом здесь работа дьявольская. Петербургский комитет скорее район*

комитетов, здесь каждый район больше многих комитетов"… Так что младшая дочь тоже дома не засиживалась.

Зять, кроме денежной партийной "кухни", работал как пропагандист на столичном железнодорожном узле и был популярен. В начале декабря 1905 года Марка Елизарова арестовали и летом 1906 года выслали в Сызрань на три года под гласный надзор полиции с запрещением впредь служить на железных дорогах. Впрочем, почти сразу Елизаровы после сызранских пожаров перебрались в Самару… Тоже, впрочем, далеко не Париж…[422]

Что же до самой Марии Александровны, то она была всю жизнь беспартийной, от политики далёкой, но уж к кому к кому, а к ней полностью подходило определение, ставшее употребительным позднее, после Октябрьской революции, – «беспартийный большевик». Вкладом Марии Александровны Ульяновой в дело партии стали её дети – все как один, большевики.

Её старший – давно уже, после казни Александра, старший – сын вернулся в Россию в тревожное время. В конце октября 1905 года черносотенцами был убит в Москве 32-летний Николай Бауман, секретарь Московского комитета и Северо-Западного бюро ЦК РСДРП. Его похороны вылились в громкую многотысячную политическую демонстрацию, но для матери Ленина самым важным было в этом печальном событии то, что её Володя, вернувшись домой, вполне может разделить судьбу погибшего товарища по партии.

Остальные дети тоже рисковали, но они были, всё же, достаточно рядовыми в партии людьми, а Володя – один из самых выдающихся её руководителей. Сразу по приезде он принял чужую фамилию. Приехавшая через десять дней после сына невестка – Наденька Крупская с матерью Елизаветой Васильевной, тоже вынуждена была конспирировать. Уроженке Петербурга, Крупской приходилось жить в родном городе, как на враждебной территории – менять места ночлега, кочевать…

Лишь на одну ночь, да и то не сразу, удалось Ленину вырваться к матери в Саблино, но жить там постоянно он не мог по соображениям и дела, и безопасности. Саблино не Питер, здесь от слежки проходными дворами не уйдёшь и в подворотне не спрячешься.

При помощи "Маняши" чете Ульяновых удалось легально прописаться у её знакомого – П. Г. Воронина, на Греческом проспекте, 15/8, но почти сразу пришлось возвращаться на нелегальное положение, опять поодиночке ночуя на конспиративных квартирах, у друзей и знакомых.

Сын был рядом, однако регулярными весточками от него были лишь газетные статьи, подписанные псевдонимами. Чтобы быть поближе к Володе, Мария Александровна на время поселилась в Петербурге, на Жуковской улице, и сын туда заглядывал. В декабре 1905 года полицейский надзиратель доносил по начальству: "Со слов старшего дворника, Ульянов… скрывается на Жуковской ул., там проживает его мать"[423]

Уходить от слежки Ленин умел, но… «береженого Бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт». Попадаться же жандармам Ленину было совершенно ни к чему, и от свиданий с матерью пришлось отказаться.

А чиновная, сановная столица – "северная Пальмира", мировой центр культуры, сосредоточие увеселений, жила хотя и несколько нервной – революция, как-никак, но в целом обычной жизнью. В театрах давали премьеры, на сцене императорского Мариинского театра царская любовница и выдающаяся танцовщица Матильда Кшесинская лихо крутила свои 32 фуэте под бешеные аплодисменты элитной публики, в ресторанах кушали стерлядку, расстегайчики и зимнюю клубнику…

Издавались художественные и литературные журналы, работали выставки, велись литературные и окололитературные диспуты…

И всё это – мимо него… Это – не для Николая Ленина, не для Владимира Ульянова и даже – не для Николая Карпова…

Даже в университетскую библиотеку, где провёл столько вечеров, и то не зайти, чёрт возьми!

В ТЕ ЖЕ январские дни 1906 года, когда Ленину приходилось, в очередной раз, лишь взглянув на светящиеся окна материнской квартиры, уходить в ночь от слежки, Корней Чуковский расслабленно записывал в дневнике:

"***Кажется, 17 января***. *С удивлением застаю себя сидящим в Петербурге, в Академическом переулке и пишущим такие глупые фразы Куприну: "Ваше превосходительство ауктор Поединка. Как в учинённом Вами Тосте оказывается быть 191 линия, и как Вы милостивец, 130 линий из оного Тоста на тройках прокатить изволили, то я, верный твоего превосходительства Корней, шлю вам диффамацию в 41 линию, сия же суть 20 руб. с полтиною*…"", и т. д.

Н-да, ничего не скажешь – *изячно*, изысканно, и, что самое существенное – на злобу дня…

А вот запись от 4 февраля 1906 года: "*Скоро меня судят. Седьмого. Никаких чувств по этому случаю не испытываю… Сегодня… переводил… стихи Браунинга. Перевёл песню Пиппы из «Pippa Passes», которую давно и тщетно хочу перевести всю.*

Говорят, мне нужно бежать за границу. Чепуха. Я почему-то верю в своё счастье".

"Скоро судят", – это насчёт того, что после царского манифеста "о свободе" Чуковский начал издавать сатирический журнал "Сигнал", но его быстро запретили, и издатель применил стандартный приём, заменив название на "Сигналы". Однако и это не помогло – закрыли и "Сигналы".

Всё обошлось, впрочем, без бегства за границу, и 7 июня 1906 года Корней Иванович (тогда, в 24 года, ещё, конечно, просто Корней) записал в дневник:

"*Задумал статью о Самоцели. Великая тавтология жизни: любовь для любви. Искусство для искусства. Жизнь для жизни… Бытие для бытия. Нужно это только заново перечувствовать*…"

Что ж, и это вполне на злобу дня!

К тому же – глубоко, *волнительно*, философично…

К тому же – в Летнем саду, по Невскому и набережным Невы самым свободным образом прогуливаются праздношатающиеся… Вот и Чуковский то ли 24-го, то ли 23-го июля (это он сам в дневнике с датами разобраться не смог) признаётся себе: "*Что такое свобода я знаю только в применении к шатанию по мостовой*". И тут же прибавляет: "*У меня точно нет молодости*".

А впрочем, чего нюнить! Июль в разгаре, светит пусть и северное, но солнце, бьют сверкающими струями фонтаны Петродворца, в ресторанах кушают стерлядку, расстегайчики и летнюю клубнику…

Ленину же летом 1906 года, как мы знаем, было не до великой тавтологии жизни, он занят борьбой… И борьбой не ради борьбы, а ради той новой жизни России, которая у России пока не очень получается, но рано или поздно должна получиться.

Впрочем, у Владимира-Николая Ульянова-Карпова летом 1906 года тоже выпадали дни развлечений – целых два!

В тот момент столыпинский террор лишь задумывался, ещё работала I Дума, и вот 8 июля Ленин с Крупской выбрались к матери, которая вновь жила с младшей дочерью в Саблино.

12 июля Мария Александровна так писала об этом дочери Анне в Самару:

"*Иногда вечера бывают тёплые, и мы устраиваемся тогда с чаем в беседке. Так было в*

субботу, 8-го приехали наши, В. пошёл купаться, а потом посидели в беседке. Пробыли у нас и следующий день, В. думал погостить у нас с неделю, но газеты в понедельник утром так заинтересовали его, что он и Н. улетели и Маня с ними. Вы знаете, конечно, давно о печальной участи Думы… Маня вернулась в тот же вечер, она не оставляет меня надолго (Марии Александровне исполнилось 70 лет. – *С.К.*) *и ночует всегда дома*"[424]

Обычные, вроде бы, милые домашние новости… Но о сыне матери приходится писать почему-то как о «В.», невестку называть – «Н.»… Нужда научит, и даже «далёкой от политики» матери Ленина приходится конспирировать – на случай почти неизбежной перлюстрации письма.

Уехал же Ленин обратно в город, прочтя в газетах о закрытии Думы. Толком отдохнуть так и не удалось.

Официально I Дума была распущена, фактически – разогнана. И не просто разогнана, а разогнана грубо и глупо. Павел Милюков вспоминал: "Главной задачей Столыпина сделалась борьба с остатками разогнанной Думы… Административные мероприятия посыпались… на личный состав бывших думских депутатов. При самом разъезде их по домам на ближайшей станции к месту жительства их ожидала полиция…"

Особенно, по словам Милюкова, круто пришлось депутатам-крестьянам, их дома "окружала полиция; дать отчёт избирателям о деятельности в Думе было абсолютно невозможно; попытки прорвать эту блокаду кончились стрельбой, высылкой и тюрьмой"[425].

Никакой политической мудрости и даже элементарной осмотрительности здесь и на копейку не было. Царь Николай не только берёзовые чурки с маху колол, но и в политике рубил с плеча.

И "дров" Николай нарубил-таки – на пару с премьером и "МВД" Столыпиным. При этом царь явно не понимал, что любые, самые сокрушительные победы над собственным народом – победы пирровы. Рано или поздно, такие "победы" обернутся роковыми поражениями.

С осени 1906 года дача "Ваза" в Куоккале надолго становится временным пристанищем Ленина и Крупской, а вследствие этого – и заграничной штаб-квартирой большевиков. Это вполне удобно – у великого княжества Финляндского в Российской империи особый статус, так просто здесь не арестуют, хотя могут арестовать и тут. Ведь от Куоккалы до Петербурга – рукой подать, где-то полсотни километров! Сегодня это – посёлок Репино Сестрорецкого района Ленинградской области. А соседние с Куоккалой Териоки, где Ленин проводил партийные совещания и конференции – ныне Зеленогорск Ленинградской области.

В ту осень "услугами" Финляндии пользовались, к слову, не только большевики. В июле 1906 года в Выборге собралось около 200 бывших депутатов распущенной Думы, в основном – кадетов. Было принято так называемое Выборгское воззвание с призывом к пассивному сопротивлению (не платить налоги, не давать рекрутов и т. д.) И IV съезд своей партии кадеты провели с 24 по 28 сентября (с 7 по 11 октября) тоже у финнов – в Гельсингфорсе.

Как ни странно, но у Столыпина, о котором нынешние либералы рассказывают, что он был ума палата, хватило "ума" создать после разгона первой Думы такую политическую ситуацию, когда проведение легального съезда даже кадетской партии в России оказывалось невозможным. И так невысокий "рейтинг" царского правительства при этом падал, конечно, ещё больше.

На кадетском съезде произносились речи типа той, которой разразился профессор Гредескул: "Мы жили с нашим народом, мы делили его бурные порывы. Но это было время бурной, горячей юности, теперь же пришло время упорной и настойчивой зрелости".

Ленин по поводу этого словоизлияния заметил в октябре 1906 года:

""Бурных порывов" кадетская партия никогда с народом не делила и не могла делить, почтенный профессор просто сболтнул это для красного словца. Заявив, что он мыслит революцию лишь как парламентскую борьбу, съезд тем самым поставил ребром перед широкой массой демократии вопрос об открытой борьбе за власть. Весь ход российской революции говорит за то, что демократия ответит на этот вопрос не по-кадетски"[426]

Однако кроме кадетов к революции то ли примазывались, то ли мазали её грязной патокой и другие, например, новая партия "народных социалистов" (энесов). Их лидер А. Пешехонов (1867–1933) – в прошлом народник, затем либерал, в будущем – министр продовольствия Временного правительства и белоэмигрант, разразился статьёй в либеральном журнале "Русское богатство", по поводу которой Ленин язвительно заметил в своей статье "Обывательщина в революционной среде":

"Он (Пешехонов. – *С.К.*) старается стереть разницу между революционным «взять» и кадетским «получить». «Доказавши» в августе, что нельзя взять ни всей воли, ни всей земли, он «доказывает» теперь, что нельзя «взять волю снизу». Ce n`est que le premier pas qui coьte (буквально: «Важен первый шаг». – *С.К.*) или по-русски: первая чарочка колом, вторая соколом, а остальные – мелкими пташечками…"[427]

Эта оценка была опубликована в шестом номере основанной Лениным в Финляндии – в Выборге, нелегальной газеты "Пролетарий", редактирование которой станет позднее важной частью работы Ленина с 1906 по 1909 годы – во второй эмиграции.

Да, особый статус Финляндии имел особенно важную роль для Ленина и его соратников. И в дачной Куоккале, которую впоследствии Корней Чуковский прославит в своей "Чукоккале", на даче "Ваза" Ленин вёл отнюдь не дачный образ жизни – дел навалилось невпроворот… Редактирование "Пролетария" и других партийных изданий, собственные статьи и брошюры, встречи с приезжающими из разных мест России партийными работниками, организация предвыборной кампании партии на выборах II Думы, и (и!!) подготовка к давно назревшему съезду РСДРП – пятому.

Первая русская революция если и не выявила окончательно "кто есть кто" в РСДРП, то многое прояснила. И здесь надо было разобраться всерьёз – на основательно проведённом съезде…

Меньшевиков эта перспектива не очень увлекала, они пытались оправдать свою позицию тем, что съезд-де отнимет много времени и средств, что все вопросы тактики могут быть обсуждены в ходе избирательной кампании во II Думу и т. д. Однако после груды важнейших событий 1905–1906 годов от съезда отвертеться было невозможно, и Ленин неуклонно вёл к нему, о чём позднее – отдельный рассказ.

В ноябре 1906 года Ленин публикует статью "О созыве экстренного партийного съезда":

"В обоих номерах издаваемого Центральным Комитетом "Социал-Демократа" (в силу меньшевистского большинства ЦК, избранного на IV съезде этот орган ЦК был, фактически, органом меньшевиков. – *С.К.*) помещены статьи против чрезвычайного съезда, принадлежащие Плеханову и Мартову. Статьи написаны в таком возбуждённом, злобном тоне, с такой массой горечи, раздражения. Личных намёков, заподазриваний, которые сразу воскрешают атмосферу худшей эпохи эмигрантских дрязг. Помещая эти и *только* эти статьи о съезде в *своём* издании ЦК нашей партии ставит себя прямо-таки в неприличное положение. Подумайте, в самом деле: ответственное министерство демократически организованной рабочей партии (то есть ЦК. – *С.К.*) совершенно выходит из себя, теряет всякое самообладание по поводу агитации за новый съезд! Да ведь это же прямо непристойно, товарищи!..

Спрашивается, почему от имени ЦК выступают против съезда люди, которые могут говорить только в тоне обиды и почти со всхлипываниями?"[428]

Конечно же, Ленин был прав – стократно прав! С одной стороны, меньшевистский ЦК всё менее выражал мнение наиболее боевой части партийной массы, с другой стороны без чёткого определения позиций разных фракций, без откровенной прямой дискуссии в легальных условиях, то есть – за рубежом, партия дальше жить и работать не могла.

Законная злость Ленина на бывшего учителя Плеханова и заблудшего старого друга Мартова проявилась и в том, что он, тщательный в публичных выступлениях, не употребил в статье по отношению к обоим обычную между партийцами форму "т.", "тов." или "товарищ"… И Плеханов, и Мартов больше не были для Ленина товарищами.

Ленин привёл в статье сложившийся к 1907 году партийный расклад – по подсчётам самого ЦК… Число членов РСДРП определялось примерно в 150 000 человек: 33 000 большевиков, 43 000 меньшевиков, 13 000 членов Социал-демократии Латышского края, 28 000 членов Социал-демократии Польши и Литвы и 33 000 членов еврейского Бунда. "Латыши" и "поляки" сближались с большевиками, бундовцы – с меньшевиками. Выходило примерно половина на половину, а ЦК выражал мнение лишь меньшевиков.

Ленин из соображений партийной деликатности ещё и не ткнул носом меньшевиков в то, что они, в отличие от большевиков, неоправданно разбавляли партию незрелыми и нестойкими "неофитами". Вскоре, после окончательного поражения революции, это выразится в том, что отток членов партии из большевистской фракции окажется существенно меньшим, чем у меньшевиков.

О том, как Ленин боролся за съезд и каким видел его, можно судить уже по названиям его статей того периода: "Борьба с кадетствующими с.-д. и партийная дисциплина", "Интеллигентские воители против господства интеллигенции", "Кризис меньшевизма", "Сердитая растерянность", "Тактическая платформа меньшевиков"…

В написанном в декабре 1906 года "Кризисе меньшевизма" Ленин, критикуя Ларина-Лурье – меньшевика и послеоктябрьского большевика, и приводя его слова о том, что "меньшевизм был лишь инстинктивной полу стихийной тоской о партии", далее писал:

"Меньшевизм – стихийная тоска по куцей конституции и мирной законности, скажем мы. Меньшевизм, это – якобы объективная апология реакции, исходящая из революционной среды…

Как сторонники и идеологи революционного пролетариата, мы… через все измены и подлости либералов, через все шатания, через всю робость и неуверенность мелких буржуа пронесём наши революционные лозунги… – мы будем гордиться тем, что первые вступили на путь восстания и последние покинули этот путь… Мы прямо и открыто проповедуем восстание и упорную, настойчивую, длительную подготовку к нему"[429].

По сути, Ленин в конце 1906 года ещё раз сформулировал ту стратегию революции, которую он исповедовал всегда, до победы Октября 1917 года. Но ещё более интересно то, что в той же статье Ленин (в 1906 году!) фактически ответил будущим троцкистам на их обвинения Сталина – уже после смерти Ленина, в том, что Сталин-де проводит политику "всесилия аппарата":

"Противопоставление партии-аппарата и партии-авангарда, которое делает Ларин, – *писал Ленин*, – или партии борцов с полицией – партии сознательных политических борцов, кажется глубоким и полным «чисто пролетарского» духа. На деле это совершенно… интеллигентский оппортунизм…

Всякая форма борьбы требует соответственной техники и соответствующего аппарата… Организованная партия пролетариата, которая бы… не заботилась о соответствующем аппарате, была бы партией интеллигентских болтунов…"[430]

И коль уж помянуты троцкисты, то сообщу читателю, что после почти годичного следствия – 19 октября (1 декабря) 1906 года, по приговору Санкт-Петербургской Судебной Палаты Лейба Бронштейн, "сын колониста Херсонской губернии Елизаветградского уезда, иудейского

вероисповедания, русский подданный, литератор", был лишён всех прав состояния и сослан на вечное поселение в Берёзов Тобольской губернии…

Картины "Троцкий в Берёзове" отечественное изобразительное искусство нам не оставило, а полицейские хроники свидетельствуют, что 20 февраля 1907 года Лев Троцкий из ссылки бежал, начав свою мутную зарубежную "троцкиаду"…

Конец 1906 года выдался политически горячим – шла избирательная кампания по выборам во II Думу, и Ленин был очень занят выборами. Он прошёл в выборщики от блока левых партий по столичному Московскому району, и ему приходилось несколько раз нелегально выезжать в Петербург – группа агитаторов Петербургского комитета вынесла решение о том, чтобы коллегией партийных агитаторов руководил Ленин.

В этот период Ленин прочёл лекцию рабочим Семянниковского подрайона Невского района столицы на тему "Избирательные соглашения на Западе и у нас". Тогда же он, кроме ряда предвыборных статей, написал просто-таки классическую предвыборную листовку, схему которой рано или поздно примет та Коммунистическая партия России, которая будет способна одержать победу на выборах[431].

В листовке под заголовком "Кого выбирать в Государственную Думу?" шёл призыв: "**Граждане! Добивайтесь того, чтобы весь народ ясно понял, какие главные партии борются на выборах в С.-Петербурге и чего добивается каждая партия!**"

А далее в три колонки ("черносотенцы", "кадеты" и "социал-демократы") шли чёткие, внятные и краткие ответы на следующие вопросы: "Какие три главные партии?", "Чьи интересы защищают три главные партии?", "Чего добиваются три главные партии?", "Какую волю хотят дать народу три главные партии?", "Как смотрят три главные партии на требование крестьянами земли?", "Чего могут добиться, при успехе всей их борьбы, три главные партии?"…

Завершалась листовка призывом: "**Граждане! Голосуйте на выборах за кандидатов Российской социал-демократической рабочей партии!**"

Надеяться на победу социал-демократов не приходилось – сама структура выборного закона и порядок не прямых выборов, а по "куриям", заранее программировали победу имущих. Однако игра стоила свеч – с этого момента легальная пропаганда социалистических идей в царской Государственной Думе становилась фактом.

При этом Ленин не забывал и о нелегальной стороне дела – в ноябре 1906 года в Таммерфорсе прошла Первая большевистская конференция военных и боевых организаций РСДРП.

На конференцию приехало 19 делегатов с решающим и 9 с совещательным голосом из 11 военных организаций Петербурга, Кронштадта, Риги, Москвы, Финляндии, Севастополя, Либавы, Нижнего Новгорода, Калуги, Воронежа и Казани, и 8 боевых организаций Петербурга, Москвы, Саратова и Урала. Кроме того на конференции присутствовали представители Технического бюро при ЦК и Южно-технического бюро[432].

Во всей этой истории был один тонкий момент – в октябре ЦК РСДРП (фактически – меньшевики) провели конференцию только военных организаций – без представителей боевых дружин, мотивируя это тем, что дружинники не могут содействовать успеху работы партии в войсках.

Ленин же был за общую конференцию и предложил дополнить состав участников представителями крупнейших большевистских партийных организаций. Сам он на конференцию не попал – на две части разорваться было невозможно, приоритетом были выборы, да и время проведения конференции пришлось на отъезд Ленина в Питер.

Резолюции октябрьской конференции меньшевиков опубликовал отдельным листком про-меньшевистский ЦК. Резолюции военной конференции большевиков были опубликованы 7

декабря 1906 года в газете "Пролетарий", а протоколы изданы в начале 1907 года в Петербурге, и вызвали бурную реакцию ЦК. Ленин, отвечая, писал:

"Допустим, всё самое худшее против боевиков. Но что они участвовали в бывших попытках восстания – это факт. И ради одного этого совещаться с ними полезно и необходимо. *Вредные* их тенденции полезно *вскрыть* перед партией, *изобличив* такой-то и такой-то характер их деятельности на конференции, где они присутствуют. И ЦК и любой член конференции мог и обязан был это сделать… *Боязнь* совместного совещания просто смешна…"[433]

Как и всегда, за мыслью Ленина стояли и очевидный, практичный здравый смысл, и большая политическая задача на будущее.

Будущее – это победа трудящихся, скорее всего – в результате вооружённого восстания. После победы неизбежно строительство новой армии на новых идейных принципах. Так зачем же искусственно разделять военных и боевиков – те две ветви военной работы партии, которые после победы обязательно сольются, и которые поэтому надо ещё до победы соединять возможно теснее?

1906 год подходил к концу, и Ленин очень хотел встретить Новый год с матерью. Во время строго конспиративных приездов в Петербург он если и виделся с ней, то мельком.

Вечером 31 декабря 1906 года в Саблино за свекровью приехала Надежда Константиновна – пригласить её и "Маняшу" в Куоккалу, но Мария Александровна побоялась ехать в позднее время и в сильный мороз. На "Вазу" отправилась лишь Мария Ильинична, оставшаяся новогодним праздником очень довольной.

Ещё бы! В кои-то веки вместе с Володей, лучшим другом с детства… Да ещё и без необходимости прислушиваться – не стучат ли в дверь нежеланные "гости"… Увы, "потехе" можно было уделить лишь новогоднюю ночь – уже 6 января 1907 года Ленин участвует в конференции петербургской организации РСДРП как делегат от Обводного и Сапожного подрайонов Московского района.

Пока ещё конференция общая с меньшевиками, и Ленин не руководит ей, а всего лишь избирается в президиум, и это при том, что на конференцию прибыло 40 большевиков и 31 меньшевик!

Отношения с меньшевиками становятся всё более натянутыми. В конце января 1907 года Ленин в одной из своих статей (ПСС. Т. 14, с. 350–351) приводит разгромную статистику: на тех заводах, где по рабочей курии кандидатами в выборщики против эсеров выступали большевики, социал-демократы провели 11 своих выборщиков (плюс 1 сочувствующий) из 14, а на тех заводах, где по рабочей курии кандидатами в выборщики против эсеров выступали меньшевики, социал-демократы провели 6 своих выборщиков из 12.

Казалось бы, против такой "арифметики" не попрёшь, но меньшевиков и арифметика не прошибла. Более того, за статью "Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика", где разоблачались шашни меньшевиков с кадетами, Центральный Комитет Плеханова-Мартова привлекает Ленина в конце января 1907 года к партийному суду.

"31 меньшевик" – это как раз та часть упомянутой выше конференции, которая воспользовалась процедурными спорами об утверждении мандатов и т. п., и ушла с конференции, расколов столичную организацию накануне выборов во II Думу.

Ленин пишет ответ, с сарказмом названный им: "Защитительная (или обвинительная против меньшевистской части ЦК) речь Ленина на партийном суде". Эту речь он прочтёт на V съезде, и там, отметая обвинения в том, что он "вносит смуту в ряды пролетариата", Ленин заявил:

"Мне говорят: вы вносили смуту в ряды пролетариата. Я отвечаю: я умышленно и рассчитанно вносил смуту в ряды той части петербургского пролетариата, которая шла за отколовшимися накануне выборов меньшевиками, *и я всегда буду* поступать таким образом *при*

расколе.

Своими резкими оскорбительными нападками на меньшевиков накануне выборов в СПБ, я действительно заставил дрогнуть ряды *верящего им и идущего за ними* пролетариата. Это было моя цель… Это был мой долг… Ибо *после раскола*… надо было разбить ряды меков (меньшевиков, – *С.К.*), ведших пролетариат за кадетами, *надо было* внести смятение в их ряды, надо было возбудить в массе ненависть, отвращение, презрение к этим людям, которые *перестали* быть членами единой партии, которые стали политическими врагами…

Существуют ли пределы допустимой борьбы на почве раскола? Партийно допустимых пределов такой борьбы нет и быть не может, ибо раскол есть прекращение существования партии… Всякий раскол есть величайшее преступление против партии, ибо он уничтожает партию, рвёт партийную связь. Но бывает раскол и раскол… Гвоздь в том, ценим ли мы действительно единство нашей партии, или миримся с расколами, отписываясь от них, отделываясь от этой язвы формальной увёрткой…"[434]

Ленин редко бывал так резок в своих публичных выступлениях, но в тот момент решалось, говоря его же словами, "окажется ли петербургский раскол последним, действительно последним отзвуком эпохи общепартийного раскола, или он будет началом нового раскола…"

Уже скоро эти слова прозвучат в зале лондонской церкви Братства, где проходил V съезд РСДРП – последний, где большевики и меньшевики сидели в одном зале и на одних скамьях. Партийного братства с меньшевиками не получилось, но не Ленин был в том виноват – врагами революции оказались меньшевики.

Надо сказать, что Владимир Ульянов умел ударить врага и метко, и хлёстко – в воистину щедринской сатирической манере! В январе 1907 года увидела свет его статья "Со ступеньки на ступеньку", где Владимир Ильич то ли со злой весёлостью, то ли с весёлой злостью писал об "эсеровских" пролетариях, всё ещё верящих эсерам и меньшевикам, которые тянут их к поддержке кадетов. Закончил же Ленин эту статью следующим гипотетическим диалогом Милюкова и Столыпина:

"Милюков беседует на аудиенции со Столыпиным: "Изволите видеть, ваше-ство, я расколол революцию, я оторвал от неё умеренных! На чаёк бы с вашей милости"… Столыпин: "Н-да, я походатайствую о вашей легализации. Знаете, Павел Николаич, вы лаской раздробляйте рабочую сволочь, а я её дубьём буду. Вот мы тогда с двух сторон… По рукам, Павел Николаич!""[435]

Так что при необходимости Ленин мог бы и популярные фельетоны писать! К слову, много позднее стал известен подлинный тогдашний диалог Милюкова и Столыпина… Павла Милюкова изображают либеральным профессором-историком, но в период русской революции 1905 года он, встретившись с премьером Столыпиным, потребовал от него участия кадетов в правительстве и поста министра внутренних дел для… себя. А когда Столыпин усомнился в том, что думские кадеты справятся с революционным движением, профессор заявил:

"Этого мы не боимся. Правительство определённо заявит революционным партиям, что они имеют такие-то и такие-то свободы, перейти границы которых правительство им не позволит. Досюда – и ни шагу дальше! А если бы революционное движение разрослось, то думское правительство не остановится перед принятием самых серьёзных и решительных мер. Если надо будет, мы поставим гильотины на площадях и будем беспощадно расправляться со всеми, кто ведёт борьбу против опирающегося на народное доверие правительства"[436].

Относительно «народного доверия» было сказано для красного словца, а вот насчёт гильотин – всерьёз.

Столыпин – от "большого ума", на кадетский вариант не пошёл, а зря. Зря для царизма, конечно… Ведь Милюков цинично и откровенно толковал николаевскому премьеру: "Если я дам

пятак, то общество (интеллигентское. – *С.К.*) будет готово принять его за рубль, а если вы дадите рубль, его и за пятак не примут"…

Реальная история знает "столыпинские галстуки" – виселицы военно-полевых судов в первую русскую революцию. В рамках виртуальной истории можно, как видим, говорить о "милюковских бритвах" – гильотинах.

Вскоре прошли выборы во II Государственную Думу. Они дали победу кадетам и октябристам, однако налицо был успех и левого блока. Так, в Москве 19 757 голосов выборщиков было подано за кадетов, 8 783 – за октябристов, 4 677 – за левых, и лишь 2 891 – за монархистов[437].

Когда 20 февраля 1907 года II Государственная Дума открылась, Ленин всё ещё жил в финской дачной Куоккале, на всё той же даче "Ваза". Он редактирует большевистские газеты "Пролетарий", "Новый Луч", "Наше Эхо", массовую рабочую газету "Вперёд"… Тогда же он пишет – в числе многих других – статью с пророческим названием "Близкий разгон Думы и вопросы тактики".

Вторая Дума не проработала и недели, а газеты были уже полны слухами и догадками о её разгоне, и Ленин 27 февраля 1907 года размышлял:

"Вероятно ли это? Если взглянуть на объективное положение вещей, то придётся сделать вывод: более чем вероятно… Военно-полевые суды и прочие прелести столыпинской конституции чрезвычайно помогли революционной агитации в незатронутых дотоле массах и дали из глубин мужицких масс левую Думу… Разгон Думы диктуется для правительства необходимостью: не прибегая к насилию, оно не в состоянии выпутаться из создавшегося положения…

Именно поэтому было бы самой вредной, смешной и жалкой политикой прятать себе голову под крыло… Политику такого рода ведут кадеты… Ну, конечно! Сами заколдовали себя словесными пустышками, сами загнали себя в тупик слащавых фраз и теперь плачут, жалуются, тоскуют… Поистине, образец растерянного, слезоточивого и импотентного филистера… Глупо играть в конституцию, когда её нет. Глупо закрывать глаза на то, что… *неизбежна* отмена избирательного закона и возврат к полному самодержавию…"[438]

Забегая вперёд, сообщу, что 3 июня 1907 года был обнародован царский манифест о роспуске II Думы и введении нового избирательного закона – принципиально более "правого" и куцего по части избирательных прав рабочих и крестьянства. Социал-демократическая думская фракция была арестована и многие её члены сосланы в Сибирь.

Это событие получило в истории России название "третьеиюньского переворота".

В ноябре 1907 года начала работу уже третья за год с небольшим "государственная" Дума. И лишь откровенно собственническая III Дума устроила царя и "правых". Она оказалась "жизнеспособной", и в 1912 году была благополучно сменена IV и последней царской "государственной" Думой.

В феврале 1907 года Ленин ответил на письмо сотрудника французской социалистической газеты "Юманите" Этьена Авенара, где написал: "В социальной (социалистической) революции мы можем рассчитывать лишь на пролетариев города и пролетариев деревни. Но теперь у нас в России не социальная революция, а революция *буржуазная*"[439].

Так оно тогда и было… Царизм тогда пошатнулся и уступил, отбоярившись от либералов "Манифестом 17 октября". Затем Россия за один год получила целых две Думы – распущенную I-ю, и ***пока*** действующую II-ю. Суть же царского режима сохранилась неизменной: власть – политическая и экономическая – была и осталась у имущих.

Параллельно с руководством выборной работой большевиков Ленин вёл непрекращающуюся подготовку к V-му съезду РСДРП… На "Вазу" приезжали за указаниями и уезжали на места

партийные работники, там проводились инструктивные совещания большевиков… Надо было готовить проекты резолюций съезда, писать новые статьи… Так что в дачной Куоккале Владимир Ильич жил – подчеркну это ещё раз! – отнюдь не жизнью дачника. Единственное, что было огромным плюсом: не надо было особо тревожиться о личной безопасности, и можно было всю энергию расходовать на партийные проблемы и публицистические статьи.

В тот же период в Куоккале жили Корней Чуковский, Илья Репин… Вполне нерядовые граждане одной, вроде бы, с Лениным страны, рождённые на одной с ним земле, но в каких разных плоскостях бытия они жили… 9 сентября 1907 года Чуковский записывал в дневнике: "*Репин… был у Толстого в Крыму и возвратился. Я был у него в среду. Неприятно. Был у него какой-то генерал, говорил о жидах, разграбленных имениях, бедных помещиках. Репин поддакивал*…"

Угу!

В видах будущего – читатель поймёт что и к чему в своём месте – сообщу, что 17 июля 1907 года Чуковский записал, кроме прочего: "*Встретил Пильского, которого презираю*"…

С Петром Моисеевичем Пильским, критиком и фельетонистом, встретимся в своё время и мы, так что прошу это имя запомнить.

Ранняя весна 1907 года – это для РСДРП преддверие V съезда… За три недели до его начала – 10 апреля, Сталин в газете "Дро" ("Время") публикует статью "Неразбериха", где в чисто ленинском духе разоблачает меньшевиков:

"…в Думе меньшевики проводили ту же тактику, что и вне Думы. Эта тактика есть тактика поддержки кадетов. Если теперь они это отрицают, то это потому, что стали жертвой неразберихи…

Нет, товарищи, если вы не можете понять даже того, что кадеты не являются революционными демократами; если вы не можете понять даже того, что борьба с ними, чтобы укрепить гегемонию пролетариата – для нас вопрос дня; если вы не в состоянии разобраться даже в том, что говорили вчера и что говорите сегодня, – то лучше вам пока отложить перо, выпутаться сперва из неразберихи и только после этого взяться за "критику"…

Клянёмся Думой, так будет лучше…"[440]

В апреле 1907 года Ленин был избран делегатом на V съезд от верхнекамской организации РСДРП и выехал в Копенгаген, где предполагалось открытие съезда. Там он выступил на заседании большевистских делегатов по вопросу о боевых дружинах. Однако датские власти блокировали начало съезда.

Ленин послал телеграмму председателю Норвежской рабочей партии Оскару Ниссену о возможности проведения съезда в Норвегии, но министр иностранных дел Норвегии отказал, и съезд переехал в Лондон, где и открылся 30 апреля (13 мая) 1907 года – на окраине Лондона, в здании лондонской реформатской Церкви Братства.

На съезде были представлены собственно РСДРП в лице двух фракций – большевистской и меньшевистской, еврейский Бунд ("Союз"), Социал-Демократия Королевства Польского и Литвы, и Социал-Демократия Латышского края.

Глава 20. Тонкий «лёд» Лондонского съезда и тонкий лёд Ботнического залива

О V съезде Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) можно написать роман, используя лишь изданные в 1963 году Госполитиздатом «Протоколы V (Лондонского) съезда РСДРП», – толстенный том объёмом почти в тысячу страниц. Тем не менее, даже те граждане СССР, которые изучали в советских вузах историю партии, – а таких насчитывались многие миллионы, об этом съезде знали мало что…

И зря!

Это был не съезд, а непрерывная битва. Даже вокруг того, как назвать съезд, шли споры – внешне не очень долгие, а по сути – очень жёсткие, зримо прорвавшиеся на заключительном, 35-м заседании съезда.

Вот как это выглядело:

«*Данилов* (меньшевик Дан. – *С.К.*). Предлагаю присвоить съезду наименование „Лондонский I съезд объединённой партии“.

Валентин (Гольденберг) [Гольденберг И.П. (1873–1922), на V съезде большевик, – *С.К.*]. Предлагаю назвать настоящий съезд „V съездом РСДРП“.

Данилов. На этом съезде впервые присутствуют национальные партии. Желаем ли мы в названии закрепить рост партии или фракционные раздоры? Кто хочет вызвать на память раскол, пусть голосует за предложение Валентина.

Ленин. Удивляюсь, что меньшевики боятся назвать съезд V. Неужели наша история для кого-нибудь тайна?

Председатель (на обсуждавшем этот вопрос 35-м заседании председательствовал Ленин, – *С.К.*). Есть предложение Парнева назвать его „Очередной съезд РСДРП в 1907 г.“, предложение Алексея Московского: „II Лондонский съезд“ и Шанина: „Лондонский съезд РСДРП“.

Валентин снимает своё предложение.

Голосуется и *принимается* предложение Шанина»[441].

«Парнев» – это М. Д. Фёдоров (1880–1917), меньшевистский делегат от Тульской организации.

«Алексей Московский» – меньшевик Г. И. Хундадзе (1877—?), с 1918 по 1920 годы представитель меньшевистского правительства Грузии в Москве, позднее от политической деятельности отошедший.

«Шанин» – это Л. Г. Шапиро (1887–1957), член Бунда, с 1918 года член РКП(б), фигура в истории партии незначительная.

Как видим, меньшевик Дан вёл себя как провокатор, пытаясь подзудить «латышей», «поляков» и евреев-бундовцев против большевиков, а меньшевик Хундадзе его, фактически, поддержал.

Дело было в том, что I съезд РСДРП прошёл в Минске, IV – в Стокгольме, на III съезде в Лондоне меньшевики не были, а вот на II (первом, прошедшем в Лондоне) съезде они были, откуда и вытекало предложение считать проходящий съезд II Лондонским. Признать же его V-м означало для меньшевиков признание правомочности III съезда, который они бойкотировали.

Но споры о названии – это так, к слову. За тридцать пять заседаний съезда, длившегося две недели, почтенные стены старинной церкви Братства услышали и не такое…

На V (Лондонский) съезд от 147 тысяч членов партии было избрано 303 делегата с решающим и 39 с совещательным голосом от 145 партийных организаций. Из них: 177 делегатов

от собственно РСДРП (89 большевиков и 88 меньшевиков), 45 – от Социал-демократии Польши и Литвы, 26 – от Социал-демократии Латышского края и 55 – от Бунда (еврейского рабочего союза). В целом большевики имели 105 голосов, меньшевики – 97.

Показательно, что из 17 делегатов от Петербурга большевиками были 12, из 19 московских делегатов – 16. Обе столицы уже шли за Лениным[442].

От большевиков в работе съезда приняли участие с решающим голосом Ленин («Ленин»), Бубнов («Химик»), Ворошилов («Антимеков»), Каменев-Розенфельд («Градов»), Зиновьев-Радомысльский («Зиновьев»), Шаумян («Суренин»), Шлихтер («Евгеньев»), Дубровинский («Петровский»), Миха Цхакая («Барсов») и другие…

Сталин («Иванович») имел от Тифлисской организации – тогда подавляюще меньшевистской, совещательный голос.

Совещательные же голоса имели Максим Горький (как большевик) и Троцкий (как меньшевик), при этом два последних не были избраны от каких-либо конкретных организаций.

Меньшевистская часть съезда «блистала» сомнительным блеском всех «звёзд» меньшевизма, здесь были Плеханов, Цедербаум («Мартов»), «Хрусталёв»-Носарь, Дан («Данилов»), Аксельрод, Пикер («Мартынов»), Ной Жордания («Костров»), а также Ираклий Церетели, который возглавлял тогда социал-демократическую фракцию II Государственной думы…

Впрочем, в числе меньшевистских делегатов состоял тогда и 30-летний Станислав Струмилло-Петрашкевич («Струмилин»), будущий крупный советский учёный-экономист, заместитель Председателя Госплана СССР, академик АН СССР, кавалер двух орденов Ленина, лауреат Сталинской премии 1942 года…

Пожалуй, уже эта коллизия стоит романа! На чужбине, в старинном готическом зале, заполненном сотнями людей, сидят три человека… И ни они сами, ни кто-либо из здесь собравшихся, пока даже не догадываются…

О чём?

Да о том, что один из сидящих на скамьях церкви Братства со временем удостоится государственных орденов, носящих имя того, кто пока ещё далеко не всеми признан как лидер партии, и кому сейчас приходится вести в этом зале упорный идейный бой…

Не догадывается никто и о том, что приехавший в Лондон как полноправный делегат-меньшевик Струмилин станет через десятилетия лауреатом премии имени того большевика-кавказца, который имеет в этом зале всего лишь совещательный голос и в партии пока что мало известен.

Вернёмся, однако, в 1907 год…

Избранные от Социал-демократии Польши и Литвы, на съезде выделялись Феликс Дзержинский («Юзеф»), Юлиан Мархлевский («Куявский») и Роза Люксембург. А в качестве гостей присутствовали вдова знаменитого народовольца Степняка-Кравчинского Фанни Степняк, народоволец Зунделевич и жена Горького – Мария Андреева…

Русских среди делегатов-большевиков было 78,3 %, евреев – 11,4 %, грузин – 2,7 %, армян – 2 %, украинцев – 1 %, поляков – 1 %.

Среди делегатов-меньшевиков русских было 34 %, евреев – 22,7 %, грузин – 28,9 %, украинцев – 6,3 %, поляков – 2 %, армян – 1 %, осетин – 1 %, греков – 1 %.

В своё время – в главе «Как чуть не потухла „Искра“…» я обещал читателю познакомить его с некой пикантной деталью дискуссий Плеханова с Лениным и Потресовым весной 1900 года в Женеве, когда обсуждался план издания газеты «Искра» и журнала «Заря». Сейчас я это делаю, прямо цитируя ленинскую рукопись «Как чуть не потухла „Искра“?»

Ленин по горячим следам записал в 1900 году:

«По вопросу об отношении нашем к Еврейскому союзу (Бунду), Г.В. (Плеханов, – *С.К.*) проявляет феноменальную нетерпимость, объявляя его прямо не социал-демократической организацией, а просто эксплуататорской, эксплуатирующей русских, говоря, что наша цель – вышибить этот Бунд из партии, что евреи – сплошь шовинисты и националисты, что русская партия должна быть русской, а не давать себя „в пленение“ „колену гадову“ и пр. Никакие наши возражения против этих неприличных речей ни к чему не привели, и Г.В. остался всецело при своём, говоря, что у нас просто недостаёт знаний еврейства, жизненного опыта в ведении дел с евреями…»[443]

Не скажу, что Плеханов был – в принципе – совсем уж неправ. Роль русского еврейства в российской истории, как и роль мирового еврейства (именно ***еврейства*** – того, что Маркс называл «Judentum», а не тех или иных выдающихся евреев) в истории мировой всё еще не получила верной оценки, если не считать ряда немногих работ, и прежде всего марксову работу 1843 года «К еврейскому вопросу», где он писал:

«Еврей уже эмансипировал себя еврейским способом… Через него *деньги* стали мировой властью, а практический дух еврейства стал практическим духом христианских народов… Что являлось, само по себе, основой еврейской религии? Эгоизм. Деньги – это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога… Бог евреев сделался мирским, стал мировым богом. Как только обществу удастся упразднить торгашество и его предпосылки, еврей станет *невозможным*… Эмансипация евреев в её конечном значении есть эмансипация человечества *от еврейства*».

Маркс, как видим, вполне чётко определил, что роль мирового еврейства – как синонима частнособственнического торгашества – по отношению к человечеству негативна и своекорыстна, и это противопоставляет еврейство (не евреев) – как социальное понятие, человечеству как социальному понятию.

Но конкретно к 1907 году оказалось, что в партии меньшевиков, где первую скрипку играл «ненавистник еврейства» Плеханов, на трёх природных русаков приходились два представителя «колена гадова» – в отличие от партии Ленина, где соотношение было семь к одному! Причём именно бундовцы защищали и поддерживали меньшевиков и Плеханова, и просто-таки с пеной у рта противостояли Ленину…

Не развивая здесь эту тему далее, продолжу, рассказ о «статистике» V съезда… Делегатами съезда были 56 профессиональных революционеров, 51 литератор, 35 учителей, 20 студентов, 4 врача, 4 статистика, 3 инженера, 3 адвоката, 2 земледельца, 1 агроном, 1 чиновник, примерно 90 рабочих разных профессий (от машинистов, электрических рабочих и шлифовальщиков до сапожников, булочников и углекопов). Из рабочих было больше всего слесарей – 24, токарей – 13 и ткачей – 12.

30 % большевиков и 23 % меньшевиков жили на партийный счёт, 61 % большевиков и 54 % меньшевиков – на собственный заработок, и по 7 % там и там – на партийный счёт и свой заработок.

Средний возраст большевиков – 27 лет, меньшевиков – 29 лет. Весь состав съезда имел различных приговоров на 834,8 года, при этом большевики имели суммарно приговоров к тюрьме на 292,7 месяца, к ссылке на 2 058 месяцев, а меньшевики, соответственно, на 230,8 и 1824 месяца.

В среднем каждый делегат отсидел в тюрьме 9,48 месяца, а 156 человек совершили 201 побег[444].

Даже эта сухая выборочная статистика V съезда РСДРП уже кое-что говорит о том, кто съехался в Лондон в мае 1907 года. Народ здесь был, в основном, бывалый, тёртый, боевой и, что немаловажно – молодой. Самому Ленину ко времени съезда только-только «стукнуло» 37 лет.

Съезд получил приветствие от Исполнительного комитета Международного социалистического бюро. Его секретарь Гюисманс «горячо желал» съезду «поддержания согласия между всеми теми, которые руководятся основными принципами *Интернационала*».

Увы, к тому времени II Интернационал Бернштейна, Каутского и Гюисманса уже не имел ничего общего с I Интернационалом Маркса и Энгельса. В будущем II Интернационал не нашёл общего языка и с III Интернационалом Ленина.

Получил съезд приветствие от шведских социал-демократов, подписанное председателем партии Брантингом.

Напомню, что в середине 90-х годов XIX века Карл Яльмар Брантинг (1860–1925) помогал ленинскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» налаживать транспорты нелегальной литературы в Россию через Швецию и Финляндию. Пройдет более двух десятилетий, и в 1917 году Брантинг враждебно примет Октябрьскую революцию, поддержит интервенцию против РСФСР, в 20-е годы станет шведским премьером…

Но в 1907 году он ещё возмущался «возмутительным поведением официальной Швеции» и в своём приветствии писал:

«…Мы горячо желаем, чтобы ваш конгресс, заседающий теперь в безопасности на свободной земле Англии, продолжил и укрепил великое дело единства…, и мы надеемся, что близок день вашей победы, которая будет в то же время самым великим торжеством свободы и мира для человечества и для дела освобождения международного пролетариата»[445].

Бывает в нашем лучшем из миров и так: «шёл в комнату, попал в другую»… Это сказано – в том числе, и о брантингах… К слову, убийственные для слабых духом людей слова из грибоедовского «Горе от ума» часто приводил в своих статьях Ленин (если точно – девять раз!).

В лице секретаря Норвежской рабочей партии Магнуса Нильсена, приветствовали съезд – впрочем, весьма сдержанно – норвежские социалисты. Ровесник Ленина, будущий правый социал-демократ Нильсен с 1921 по 1927 год будет президентом лагтинга – верхней палаты норвежского парламента (стортинга), в 1928 году станет норвежским министром труда с антисоветским окрасом.

Что ж, тоже нередкая для идейно нестойких индивидуумов картина…

От лица датской социал-демократии прислал очень тёплое приветствие Петер Кнудсен (1848–1910), ветеран социал-демократии, вице-председатель общедатского объединения профсоюзов:

«Товарищи! Датская социал-демократия шлёт своим российским товарищам, собравшимся на съезд в Лондоне, свой сердечнейший привет и пожелание успеха…

…Мы выражаем своё восхищение по поводу мужества, с которым вы, несмотря на все преследования, ведёте свою тяжёлую и ожесточённую борьбу за политическое, социальное и экономическое освобождение своего народа.

Мы восхищены предусмотрительностью и неутомимостью, благодаря которым вы, несмотря на тяжкий гнёт неимоверных преследований, несмотря на отсутствие свободы печати и собраний, сумели создать жизнеспособные организации пролетариата и добиться сильного представительства в Думе.

Мы сознаём: ваша борьба есть наша борьба, борьба угнетённого пролетариата всех стран; ваша победа будет победой народной свободы и социального освобождения всего мира…»[446]

Европейцы тогда ещё плохо разбирались в положении дел в РСДРП и адресовались ко всей партии, но те, кто заседал в зале церкви Братства, уже знали, что безоговорочно слова Кнудсена можно отнести лишь к ленинской части российских социал-демократов, к большевикам.

Наиболее прозорливые европейцы, как видим, уже больше надеялись на Россию, чем на себя, а меньшевики не мыслили себе пролетарской революции в России без того, чтобы начала –

«по Марксу» – индустриализированная Европа.

А ведь уже первая русская революция оказывала революционизирующее влияние на Европу. Так, известие о царском конституционном манифесте, достигнув Вены, тут же сыграло решающую роль в окончательной победе всеобщего избирательного права в Австрии. Напоминая о этом в январе 1917 года молодым швейцарским социалистам, Ленин заявлял, что «русская революция – именно благодаря своему пролетарскому характеру… остаётся прологом грядущей европейской революции…»[447]

Приветствовали российских социал-демократов Английская Независимая рабочая партия; Английская социал-демократическая федерация и отдельно – её Женский комитет; Конгресс шведской социал-демократической молодёжи; австрийские социал-демократы и даже почтенное британское Общество фабианцев…

Но особенно трогательным оказалось приветствие от преподавателей и учащихся воскресной школы при церкви Братства. Я приведу его полностью:

«От имени преподавателей и учащихся воскресной школы при церкви Братства я имею честь выразить сердечные симпатии к вам и вашей великой борьбе за гуманность и справедливость. Мы уверены, что ваши единодушные усилия и стремления увенчаются заслуженным успехом. Да будет вам суждено скоро устроить лучший социальный порядок на вашей родине и помочь миллионам ваших братьев и сестёр достигнуть той свободы слова, совести и убеждений, которая есть их прирождённое право. Мы очень рады, что люди столь высоких убеждений и столь самоотверженные заседают в нашей церкви Братства, где мы также стремимся к идеалу всеобщего братства и любви.

Выражаем надежду, что вы, по окончании ваших работ, благополучно вернётесь назад.

Да поможет вам Бог во всех ваших начинаниях, направленных к справедливости и свободе.

С братским приветом ваш *Ф. Баррон, заведующий школой*»[448].

Даже в буржуазной Англии отнюдь не революционеры могли открыто провозглашать, что свобода слова, совести и убеждений есть прирождённое право людей. В царской России, которую так рьяно сегодня пытаются идеализировать, за это убеждение тащили в кутузку, а за борьбу за прирождённые права человека ссылали, сажали в тюрьмы, а то и вешали или расстреливали.

В зале церкви Братства собрались разные люди – с разной не только прошлой, но и будущей судьбой, и не все из них позднее оправдали надежды, на них возлагавшиеся… **Но представим себе, что всё российское общество, включая помещика Столыпина, капиталистов Рябушинского, Гучкова и прочих, во главе с тогдашним верховным руководителем России – императором Николаем, прониклось бы убеждениями, целями и задачами тех, кто собрался в лондонской церкви Братства, и воспользовалось бы их общественным потенциалом?**

Какой бы стала тогда Россия?

Ведь даже Плеханов, уже превратившийся из революционера в этакого партийного «барина», если бы получил возможность определять ситуацию в России, сразу же стал бы изменять её к лучшему ***для народа*** России!

Не на бриллиантовые гарнитуры и дворцы, а на научную аппаратуру, школьные глобусы, здания больниц и жилых домов для рабочих расходовались бы национальные богатства России…

Урожай земли принадлежал бы тому, кто её обрабатывал, а не тому, кто ей владел, храня в шкатулке кипу бумаг…

Доходы от национализированных предприятий пополняли бы российский, а не иностранные бюджеты…

Иной – экономный, чисто оборонительный характер приобрели бы военные усилия

страны…

Что уж говорить о гипотетической России Ленина, если бы она стала возможной уже в 1907 году – за десять лет до 1917 года!

К чему привело то, что совершали в России все эти романовы, столыпины, рябушинские и гучковы с милюковыми, мы знаем. Они запрограммировали нарастающее отставание России, её пристёгивание к чужим интересам, к колеснице будущей войны… Ленин же – в ещё не разорённой, не истощённой войной России, действовал бы совершенно иначе!

Ну, представим себе хотя бы такой вариант развития событий в России 1906 или 1907 года…

Царь выполняет свои же собственные обещания, в России устанавливаются всего лишь буржуазные политические свободы на уровне развитых европейских стран, обеспечивается всеобщее избирательное право без всяких так «курий» и «цензов», легализуются все политические партии, избирается ответственная перед народом Государственная Дума…

Стал бы тогда Ленин заботиться о создании боевых дружин и совершенствовании тактики уличных боёв?

Да с какого, спрашивается, чёрта он стал бы этим заниматься!?

Выдающийся, гениальный политик, Ленин и в нелегальных условиях быстро набирал влияние в массах – пока в пролетарских. **В условиях же России, получившей в 1907 году европейский уровень политических свобод, Ленин, ведя легальную политическую деятельность в рамках буржуазного парламента, без револьвера и тряпок, смоченных керосином, за считанный десяток лет обеспечил бы себе – в рамках действия всеобщего избирательного права и свободы слова, совести и собраний, парламентское большинство, и году этак к 1917-му стал бы премьер-министром России.**

Без всякой революции – второй и третьей!

Вот как могло бы быть, если бы правящие верхи царской России извлекли бы верные выводы из первой русской революции и осознали, что старый порядок в России обречён, и так или иначе будет народом обрушен! Рано или поздно, с меньшей ли, с большей ли кровью, но обрушен!

Если бы царь и российские собственники это осознали за десять лет до Октября 1917 года, то к 1917 году Ленин и только Ленин – как наиболее сильный тогда политический гений в России – встал бы, легальным и конституционным путём, во главе России. Между прочим, рядом с ним законно второе место занял бы второй гениальный политик России – Сталин.

И они возглавили бы к 1917 году не ту, реально одряхлевшую и разваленную к 1917 году Россию, которую обеспечил народу царизм, а Россию, уже имеющую к 1917 году качественно иной уровень образования масс, Россию с бурно развивающейся – за счёт социализации бюджета – социальной инфраструктурой, и…

И Россию, ***не втянутую*** в разорительную мировую войну!

Эх, какая бы это была Россия 10-х годов – виртуальная Россия премьера Ленина!

И в принципе – при умном поведении российского общества – всё так могло бы и быть!

Вот какую Россию мы потеряли – не сумев найти её…

А теперь – о самом съезде…

На левой стороне зала церкви Братства разместились меньшевики, на правой (по иронии судьбы) – большевики, в центре – латыши, поляки и бундовцы. Хоры заняли гости.

Открыл съезд краткой речью Плеханов, который напомнил, что, хотя «существуют большие разногласия», но «мы стоим под одним знаменем, под красным знаменем пролетариата», и «должны сделать попытку столковаться» и «рассмотреть спорные вопросы спокойно, sine ira et studio („без гнева и пристрастия“. – *С.К.*)…»

Закончил же Плеханов словами: «Да здравствует российский, да здравствует

международный пролетариат! Да здравствует социалистическая революция!» Через десять лет он назовёт этот же призыв, брошенный Лениным в массы с броневика на Финляндском вокзале, «бредом».

Начались выборы членов президиума, и уже они кое-что выявили. В результате голосования из 278 голосов, участвовавших в выборах, было подано: за Азиса – 272 голоса; за Тышко – 188 голосов; за Винницкого – 187 голосов; за Ленина – 144 голоса; за Данилова – 143 голоса; за Плеханова – 120 голосов; за Залевского – 80 голосов. Выбраны были пять первых[449].

Ровесник Ленина, один из основателей латышской социал-демократии Фрицис Розиньш («Азис») (1870–1919), из крестьян, в 1891–1897 годах учился в Дерптском (Тартуском) университете, в 1897 году эмигрировал, издавал в Берне латышские марксистские журналы, был активным участником революции 1905–1907 годов.

В 1908 году был осуждён на 5 лет каторги и вечное поселение в Сибири, в 1913 году бежал за границу. В октябре 1917 года вернулся в Латвию, в ноябре 1917 года был избран председателем латышского Исполнительного комитета рабочих, безземельных крестьян и стрелков, с апреля 1918 года – замнаркома по делам национальностей РСФСР, член Президиума ВЦИК РСФСР, с января 1919 года – член Президиума ЦИК и нарком земледелия Советской Латвии, с марта 1919 года – член ЦК Компартии Латвии…

Вполне достойная судьба твёрдого большевика, спокойного, внутренне собранного и сдержанного человека. Тем не менее, объективный политический масштаб Фрициса «Азиса» и Владимира Ленина были, конечно же не сравнимы. Но, как оказывается, в реальном масштабе 1907 года, на V съезде РСДРП Азис котировался выше Ленина!

Что же до остальных, то Ян Тышко (Лео Иогихес) (1867–1919) был видным деятелем польского и немецкого рабочего движения, во время первой мировой войны работал в Германии, с 1916 по 1918 год находился в заключении, после германской Ноябрьской революции 1918 года был освобождён, участвовал в организации Компартии Германии, был секретарём её ЦК. В марте 1919 года Иогихес был арестован и убит в берлинской тюрьме.

Отношения Ленина с «Тышко»-Иогихесом с начала 1911 года были очень сложными, но это было позднее, а в период V съезда Тышко был близок к большевикам. Но и Тышко объективно не шёл ни в какое сравнение с Лениным, не говоря уже о бундовце Медеме-Гринберге («Винницком») и меньшевике Дане-«Данилове» (1871–1947), члене меньшевистского Исполкома Петросовета весной 1917 года, а после Октября 1917 года – антисоветчике, в 1922 году высланном из РСФСР.

Под конец первого заседания разразился скандал. Меньшевик Дан («Данилов») огласил заявление меньшевистских делегатов из Петербурга «Дмитриева» (некто Глухов), «Сергеева» (Каменев, умер в 1913 году в эмиграции), а также «Металлиста» (В. Г. Чиркин) и «Булина» (Ф. А. Булкин-Семёнов)…

Вот текст этого заявления:

«*Нижеподписавшиеся делегаты, согласно мандату, данному нашими избирателями, выражаем глубокое сожаление, что часть съезда нашла возможным избрать в президиум съезда т. Ленина, бросившего в лицо части организации обвинение в политической продажности. Просим огласить*».

Как зафиксировали официальные протоколы, изданные в 1909 году Заграничным бюро ЦК РСДРП: «Чтение прерывается шумом, бурными протестами, криками, так что часть заявления нельзя было слышать. Заседание закрывается».

В первичной же, черновой протокольной записи значилось:

«Шум, бурные протесты, крики.

Тов. *Валентин* (Мешковский) [большевик И. П. Гольденберг. – *С.К.*] при общем шуме

спрашивает: „Оглашается ли это заявление с ведома всего президиума?“

Тов. *Ленин* отвечает: „Да“.

Тов. *Данилов* пытается безуспешно дочитать заявление»[450].

Но это были ещё даже не «цветочки» V съезда!

Меньшевистские «цветочки» расцвели махровым цветом уже со второго заседания, и цвели до восьмого заседания. За первые семь заседаний Ленин бросил, фактически одну лишь фразу – в конце третьего заседания, о чём – чуть позже, и коротко, но метко ответил бундовцу Абрамовичу…

Меньшевики кипятились, бурно обсуждали повестку дня, регламент и т. п. «Тов. Данилов», то есть Дан, обращаясь к большевикам, возглашал:

– Пусть же товарищи прямо скажут, чего они хотят? Пусть они не обвиняют нас в боязни теории, в неуважении к теории. Такие обвинения смешны по отношению к фракции, в рядах которой находятся все выдающиеся теоретики нашей партии. Нет, не теоретического сражения с правым крылом партии мы боимся…

Присвоившие себе звание «левых», меньшевики аплодировали Дану бешено, а большевики, записанные Даном в «правые» – иронически.

Дан же продолжал:

– И если вы хотите теоретических споров, хорошо, мы примем их, но тогда и пойдём дальше и докажем вам, что мы всегда доказывали, что беда ваша в том, что вы не марксисты или плохие марксисты…

Большевики в ответ опять иронически аплодировали[451].

В 1924 году Максим Горький, вспоминая этот эпизод, писал:

«Коротенький Фёдор Дан говорил тоном человека, которому истина приходится родной дочерью, он её родил, воспитал и всё ещё воспитывает. Сам же он, Фёдор Дан, является совершенным воплощением Карла Маркса, а большевики – недоучки, неприличные ребята, что особенно ясно из их отношения к меньшевикам, среди которых находятся „все выдающиеся теоретики марксизма“…»[452]

Троцкий пытался играть роль третейского судьи, заявляя меньшевикам и большевикам: «Если вы думаете, что раскол неизбежен, ждите, пока вас разведут события, а не резолюции»[453]

При этом Троцкий забывал, что резолюция резолюции – рознь. За событиями плетутся бумажные резолюции, а деловые резолюции события создают!

Сутью же первых столкновений было одно – какая будет принята повестка дня съезда? Было подано три проекта повестки: ЦК (то есть – меньшевиков), большевиков и «поляков» с «латышами».

Приведу два первых проекта – они того стоят!..[454]

Проект ЦК

1. Отчёт Центрального Комитета
2. Ближайшие политические задачи
3. Государственная дума
4. Законодательная деятельность правительства по аграрному вопросу
5. Партизанские выступления и боевые дружины
6. Организация рабочего класса (рабочий съезд, советы рабочих депутатов, советы уполномоченных))

7. Партия и профессиональные союзы
8. Организация думской фракции.
9. Национальный вопрос.
10. Организационные вопросы и разное.

Проект большевиков:

1. Отчёт Центрального Комитета
2. Отчёт и организация думской фракции
3. Обострение экономической борьбы в современный момент
4. Классовые задачи пролетариата в современный момент буржуазно-демократической революции.
5. Отношение к буржуазным партиям.
6. Отношение к Государственной думе
7. Профессиональные союзы и партия.
8. Рабочий съезд и беспартийные рабочие организации
9. Работа в армии.
10. Подготовка к восстанию и боевые организации.
11. Партизанские выступления.
12. Участие членов партии в буржуазной прессе
13. Организационные вопросы и разное.

Проекты и внешне были не очень-то схожи, а уж что касается их внутреннего содержания, то они прямо-таки противостояли друг другу. Мало того, что проект большевиков, то есть – Ленина, в отличие от проекта меньшевиков чётко выстраивал и приоритеты и проблемы, но он содержал и три пункта, принципиально размежёвывающие проекты, а именно: а) Классовые задачи пролетариата; б) Работа в армии; в) Подготовка к восстанию…

Совершенно разное стояло у большевиков и меньшевиков за внешне одними и теми же словами, как, например, «рабочий съезд». Меньшевики настаивали на его необходимости в целях создания «широкой рабочей партии», куда наряду с рабочими-социал-демократами входили бы и рабочие-эсеры, рабочие-анархисты… Ленин и большевики были категорически против такой затеи, которая означала бы отказ от той сплочённой партии, которую позднее справедливо назовут партией ленинского типа.

Поэтому неудивительно, что уже по повестке дня разгорелись яростные споры. Ленин сидел и помалкивал, но когда председатель третьего заседания Винницкий (Медем) сообщил, что поступило предложение закрыть дебаты, Ленин бросил:

– Категорически высказываюсь против прекращения прений. Нельзя простым голосованием механически разрешать вопросы принципиальной важности.

«Данилов»-Дан тут же взвился:

– Лучшее доказательство против предложения товарища Ленина – сам товарищ Ленин. Выходит, что нужны общие прения по вопросу о том, нужны ли общие прения.

Провокация Дана успеха не имела, и большинством в 133 голоса против 117 было решено прения продолжить[455].

Но это была лишь первая победа в долгом бою…

Нет, по своему сюжету и по своим страстям V съезд РСДРП достоин, всё же, романа. Чего стоит, например, такой вот момент из выступления Плеханова на четвёртом заседании:

– Товарищи! Однажды Бисмарк, споря с Либкнехтом в немецком рейхстаге, сказал: «Мы, немцы, никого не боимся, кроме Бога!» Либкнехт ему ответил: «А мы, социал-демократы, не боимся даже и бога!» Мы, российские социал-демократы, меньшевики, ещё бесстрашнее: мы не

боимся не только бога, но даже и товарищей большевиков…[456]

И всё это – на полном «серьёзе»!

Далее Плеханов понёс откровенную околесицу, но Ленин молчал – «уел» Георгия Валентиновича большевик (тогда) Богданов, который явно принял на себя задачу «разведки боем»…

И лишь когда бундовец Абрамович стал упрекать большевиков во всех грехах, и заявил, что большевики, мол, жалуются на осаду со стороны меньшевистского ЦК, а «в действительности осаждённой стороной был ЦК, причём осаждавшие часто переходили в штурм», Ленин взял слово, и начал с жалоб Абрамовича:

– Я хотел бы говорить исключительно о политической стороне вопроса. Но последняя речь товарища Абрамовича заставляет меня вкратце коснуться его замечаний. Когда товарищ Абрамович говорил об «осаждённом» меньшевистском ЦК, я думал про себя: «Бедные меньшевики! Опять они в осадном положении. Их „осаждают“ не только тогда, когда они в меньшинстве, но и тогда, когда они в большинстве»… Нет ли таких внутренних причин, коренящихся в самом характере меньшевистской политики, которые заставляют меньшевиков вечно жаловаться на осаду их пролетарской партией?

А далее Ленин проанализировал эти «жалобы» и заявил:

– Ошибку ЦК я вижу в том, что революционную борьбу, дошедшую до восстания, он стремится замкнуть в рамки нереволюционных или урезанных революционных лозунгов… У нас часто раздаются жалобы и хныканье на бессилие рабочей партии. А я скажу: оттого вы и бессильны, что притупляете свои лозунги!.. Банкротство нашего ЦК было прежде всего и больше всего банкротством этой политики оппортунизма…[457]

Что тут скажешь!

Ленин есть Ленин…

В этом отношении интересно сравнить доклад меньшевика Мартова, выступившего с отчётом ЦК, и доклад большевика А. А. Богданова («Максимова») с анализом деятельности ЦК. Мартов старался замазать просчёты меньшевистского ЦК, Богданов их проанализировал. Собственно, такие подходы были выдержаны сторонами в ходе всех тридцати пяти заседаний съезда: «вокруг да около» – у меньшевиков, «в точку» и «в лоб» – у большевиков. Бундовцы поддерживали меньшевиков, но – более истерично, чем сами меньшевики.

Заканчивая свой содоклад Богданов сказал:

– Мы имели ЦК, который вместо того, чтобы быть партийным, был центром чисто фракционным… Во главе этого ЦК стояла литераторская коллегия; практики имели в нём лишь ничтожное влияние… Этот ЦК партии не представлял, и у партии ЦК не было…[458]

Александр Богданов выступил весомо, вполне по-ленински, как чуть позже – и Григорий Зиновьев. А ведь в бой ещё не вступал сам Ленин! Можно сказать, что стороны пока ходили по «тонкому льду», проверяя – насколько крепко можно топнуть ногой без риска провалиться… Забегая вперёд, сообщу, что по внешней видимости «лёд» не «треснул» до конца съезда, но прочным так и не стал.

7(20) мая с отчётом думской фракции РСДРП выступил её руководитель Ираклий Церетели – будущий «калиф на час» меньшевистского ВЦИК и «Временного» правительства 1917 года… По времени это был самый продолжительный доклад на съезде, и «воды» в нём, как всегда у меньшевиков – мутной, хватало.

Но тема была интересной…

II Государственная дума открылась 20 февраля 1907 года – за два с небольшим месяца до V съезда, и это была первая Дума, в выборах в которую, кроме меньшевиков, принимали участие и

большевики, а вся вообще социал-демократическая фракция была весьма внушительной: 54 человека с решающим голосом, из которых 33 меньшевика (+3 примыкающих) и 15 большевиков (+3 примыкающих).

Церетели привёл и другие цифры: из 23 депутатов от рабочей курии было 12 меньшевиков и 9 большевиков (+2 примыкающих); из 21 депутата от городской курии: 11 меньшевиков (+3 примыкающих) и 6 большевиков (+1 примыкающий); из 7 депутатов от крестьянской курии все – меньшевики; и от курии землевладельцев – 3 меньшевика.

Из 54 членов фракции: рабочих – 25 (из них 15 меньшевиков), интеллигентов с высшим или средним образованием – 22.

После меньшевика Церетели тоже с большим содокладом от большевистских депутатов Думы выступил Г. А. Алексинский («Пётр Ал.»).

Григорий Алексинский, которому тогда было 28 лет, прожил *очень зигзагообразную* жизнь, о которой ещё будет сказано, и из которой я пока приведу лишь один факт: через десять лет после V съезда – летом 1917 года, Алексинский станет одним из наиболее ярых обвинителей Ленина как прямого «германского шпиона»…

Но в 1907 году и позднее Алексинский шёл с Лениным, был весьма деятельным и полезным сотрудником Ленина. И содоклад большевика Алексинского находился в таком же положении по сравнению с докладом меньшевика Церетели, как и содоклад Богданова по сравнению с отчётом Мартова. Церетели оправдывал «ошибки» тем, что они, мол, «молодые парламентарии», на что Алексинский отрезал:

– Никакие оправдания… не должны влиять на результаты ***политической*** оценки деятельности социал-демократических депутатов в Думе, ибо пролетариат не знает пощады к своим представителям и вождям… Не беречь Думу, а превратить её в агитационную трибуну, в орган революционной борьбы – вот что наказывали нам рабочие… Фракции, говоря кратко, предписывалось выступить в роли одного из центров революции…[459]

Просто блестяще говорил тогда Алексинский!

И что интересно!

Если читать стенограммы выступлений на V съезде большевиков и стенограммы выступлений самого Ленина, не зная – где какая, то не сразу и поймёшь – Ленин это говорил, или кто-то из его сотоварищей по партии.

Но значит ли это, что Ленин не был так уж семью головами выше других большевиков? Нет, конечно… Именно Ленин вырабатывал теоретическую линию, именно Ленин её обосновывал и разъяснял, именно Ленин предлагал верную тактику, и именно Ленин идейно и интеллектуально влиял на остальных – не подчиняя их себе, а поднимая до себя.

А тот, кто искренне принимал лидерство Ленина и верно понимал его идеи, воспринимал и ленинскую манеру мыслить и аргументировать.

Это было особой чертой именно большевиков… У меньшевиков общей была лишь склонность к путанице, к склоке, к мелочности, а мыслил каждый на свой лад – кто во что горазд. Ленинская же часть партии мыслила по-ленински – не в силу диктата Ленина (чем он мог кому пригрозить?), а в силу приятия ленинских мыслей и подходов!

Ленин никого в партии не подавлял, даже если его интеллектуальное превосходство было очевидным. Он убеждал, он привлекал доводами, и при этом не «расчищал поляну» для «себя любимого», а с увлечением собирал вокруг себя сильные натуры. Он не боялся ярких и самобытных соратников, не видел в них конкурентов – не видел и по благородству натуры, и потому, конечно, что он был уверен в себе. Даже тень самоуверенности не была свойственна Ленину, но твёрдая уверенность и в своей силе, и в своей правоте не изменяла ему никогда – во всю его жизнь.

В то, отдалённое от нас уже более чем сотней лет, время, быть сторонником и единомышленником Ленина не означало иметь какие-либо привилегии, скорее наоборот… Даже руководящие большевики были тогда с формальной точки зрения или вообще маргиналами российского общества – как эмигранты Ленин, Крупская, Эссен, боевики Камо и Литвинов, или – скромными рядовыми интеллигентами вроде инженера Кржижановского и врача Дмитрия Ульянова…

В самуй РСДРП за Лениным шло тогда лишь количественно непрочное большинство, а то и меньшинство, и на рабочую массу решающее влияние имели тогда чаще меньшевики. Поэтому иди за Лениным можно было, лишь: а) имея сходную с ним *собственную* политическую позицию – как это было у, например, делегата V съезда 28-летнего Сталина, или: б) воспринимая взгляды Ленина и становясь *на позицию Ленина*, – как это было у делегата V съезда 28-летнего Алексинского…

Но какими, всё же, разными оказались судьбы у двух последних большевиков – делегатов V съезда, ровесников!

Пока Алексинский стоял рядом с Лениным, он не просто стоял на прочной политической позиции, он и ***мыслил*** верно, ***и вёл*** себя умно, ***и говорил*** умно – его речь на V съезде тому прямое подтверждение. А был он тогда под одним с Лениным знаменем искренне. В конце своей речи Алексинский, возмущаясь линией меньшевистского ЦК, сказал:

– Дело доходило до того, что он (ЦК. – *С.К.*) подобрал угодный ему состав экспертов, входивших в подготовительные комиссии при фракции, систематически вербуя туда оппортунистов, вроде разных N, между тем как в списке экспертов мы, разумеется, не находили имени такого руководителя и теоретика как Ленин[460].

Сын врача, исключённый за революционную деятельность из Московского университета, Александр Алексинский, был тогда в партии видной фигурой – депутат Думы, блестящий оратор…

Сын сапожника, исключённый за революционную деятельность из Тифлисской семинарии, Иосиф Сталин, был тогда в партии фигурой малозаметной – он даже на V съезд прошёл с совещательным голосом, слушал молча, ещё недостаточно владея русским языком.

Но Сталин с годами всё более вырастал, и чем более масштабной фигурой он становился, тем теснее и прочнее становилась его связь с Лениным. Причём это была связь, подчёркиваю, ***чисто идейная*** – за сотрудничество с Лениным до Октября 1917 года сладких коврижек никому не выдавали, да и после Октября – тоже!

Пришло время, и вместе с Лениным Сталин взвалил на себя ответственность за Россию и её судьбу…

А Алексинского с годами всё более захватывали амбиции, он всё более топтался на месте, а, значит, деградировал.

Дореволюционная эмиграция довершила его разложение и он окончательно пал, докатившись до антиленинских инсинуаций в 1917 году, а затем – до яро антисоветской деятельности уже в послереволюционной, в белой эмиграции.

Жаль…

Уже во времена I Государственной думы меньшевики пытались выстроить отношения с кадетами. Во время выборной кампании во II Думу эти шашни возобновились с новой силой, лидер меньшевиков Дан («Данилов») встречался с лидерами кадетов Милюковым и Набоковым частным образом «за чашкой чая». И Ленин в интервью газете Французской социалистической партии «Юманите» прямо заявил, что «это свидание с кадетами, без сообщения о нём ни в Центральном Комитете, ни в Петербургском комитете, было тайным и подпольным

осведомлением кадетов».

Дан пытался как-то оправдаться и даже наскакивал на Ленина в особом, поданном в президиум съезда заявлении, где писал:

«Тов. Ленину *отлично известно*, что впервые я принял участие в междупартийном совещании по поводу петербургских выборов в первых числах января, причём был тут в качестве лица, уполномоченного для информации ЦК (точнее – меньшевистских членов ЦК. – *С.К.*), и застал представителей ПК (имелись в виду соглашатели из Петроградского комитета РСДРП. – *С.К.*), пивших чай и кушавших бутерброды совместно с г. Милюковым, – точно таким же образом, как пил этот преступный чай и я, коему это вменяется в вину»[461].

На съезде эта «чашка чая» не раз возникала в прениях, о ней разглагольствовал и Троцкий. Вначале он с видом третейского судьи изрёк, что «либеральная чашка чаю, которой товарищ Данилов, по-видимому, навсегда отравил свой политический желудок, служит недурным символом попытки создать общенациональную оппозицию», а затем ехидно язвил по поводу отказа большевика Алексинского сняться на фото вместе с депутатами-кадетами – мол, «фотографическая пластинка, которой не удалось запечатлеть на себе революционный облик товарища Алексинского, недурно характеризует его беспощадно революционную непримиримость».

Заключил же Лев Давидович Троцкий выводом: «Эти две тактики близко соприкасаются и часто переходят друг в друга»…[462]

Упоминание о «двух тактиках» явно (и тоже с ехидцей) отсылало аудиторию к ленинским «Двум тактикам», а сам Троцкий претендовал на позицию «над схваткой», не понимая, что его благодушие по поводу распитой с кадетами дановской чашки чая в сочетании с ехидством по адресу Алексинского, верно отказавшегося сниматься с буржуазными депутатами, недурно характеризовало самого Троцкого как фактического меньшевика и соглашателя.

Ленин же, который был нередко непримирим, нередко был готов идти и на компромисс. Однако у Ленина и с логикой, и с политикой всё было в порядке, в его позиции противоречия не было – есть компромиссы и есть компромиссы.

Скажем, компромисс в период реакции с либералами в целях ослабления реакционеров – это одно. А компромисс даже с эсерами, не говоря уже о кадетах, в период активности масс будет вреден, потому что будет сбивать с толку людей, размывать чёткий облик партии в глазах масс. Но V съезд собрался как раз в пору революционную, так какие тут могут быть реверансы в сторону кадетов?

Ленин всё это всегда вполне понимал, и «мух» с «котлетами» не путал – в отличие от меньшевиков. Это хорошо проявилось при обсуждении резолюции об отношении к буржуазным партиям. Смешно читать антиленинские «гневные» заявления меньшевика Либера, который бухнул, что поправки Ленина к резолюции «польской» делегации «ошеломили и неофитов большевизма», что «картина, намеченная резолюцией, это суздальская мазня, не имеющая ничего общего с русской действительностью» и т. д.

Ленин же пояснил:

– Социалистическое обособление пролетариата от всех, хотя бы самых революционных и республиканских партий, – затем, руководство со стороны пролетариата борьбой все революционной демократии в данной революции. Разве можно отрицать, что именно таковы основные и руководящие идеи и польской, и большевистской резолюции?

Конечно, Ленин был прав! Если революционные социал-демократы «позиционируют» себя как политический авангард трудящихся масс, то они должны и вести себя так всегда: и в принципиальных вопросах, не вступая с другими партиями в те или иные предвыборные «блоки», и в мелочах, не появляясь в газетах с политическими оппонентами на общих фото даже

в галстуках, не говоря уже о фото «без галстуков»…

Как уже было сказано, все письменно зафиксированные перипетии V съезда составили пухлый том, и думаю, о них сказано достаточно для того, чтобы читателю было понятно – это был бой. Внешне товарищеские реплики имели порой силу снаряда, а дискуссии не приводили к общему взгляду, а всего лишь проясняли принципиальную несхожесть взглядов. На этой обобщённой оценке я рассказ о ходе съезда и завершу.

Но вот на чём конкретном из материалов V съезда стоит ещё задержаться, так это – на финансовой стороне дела. Ранее уже говорилось об источниках финансирования деятельности большевиков в условиях царской России. А ниже приводятся извлечения из кассового отчёта объединённого ЦК за период с 1 мая 1906 года по 1 апреля 1907 года, который на шестом заседании V съезда огласил член ЦК от меньшевиков В. Н. Крохмаль («Загорский»)[463].

Касса была принята от ЦК с дефицитом в 2 255 рублей 36 копеек. Приход составил 81 314 рублей 67 копеек. Расход – 83 570 рублей 03 копейки.

Ниже указаны лишь некоторые, достаточно случайно выбранные, источники поступления средств в рублях (полный список занимает две страницы в четыре колонки):

От «V». – 4 629; от. Бал. – 1 487; из Лозанны – 65; от «Гл.» из Давоса – 88; от N.N. – 100; из Международного социалистического бюро – 2 407,44; из Международного социалистического бюро – 1 856,45; из Нью-Йорка через R. – 485; из Нью-Йорка через R. – 1200; из Нью-Йорка через R. – 1200; из Нью-Йорка через R. – 1388; от Nemo из Сибири – 100; собрано в Друскениках – 163,93; от гимназистов – 13,07; с реферата – 9; с реферата – 20,8; от группы студентов-политехников – 72; от группы лесников – 20; из Москвы от N. – 500; от эстонца – 1; от группы преподавателей политехнического института – 107,25; от политических ссыльных Великого Устюга – 45; от рабочих завода Шуккерта для ссыльных – 30,9; из Москвы за литературу – 5; из Читы за литературу – 15 и т. д.

Итого от разных лиц, организаций и заграничных групп содействия было получено 77 780 рублей 44 копейки.

От партийных организаций (10 % отчислений в центральную кассу) поступило 3 534 рубля 23 копейки.

Всего поступило 81 314 рублей 67 копеек.

Таков был текущий годовой ***приход*** РСДРП в последний период первой русской революции…

Сводные же статьи ***расхода*** приведу полностью – так читатель сможет более внятно и полно уяснить себе, что через все препоны, через разброд и шатания, та профессиональная партия, на которой настаивал Ленин, уже существовала и действовала…

Итак, за год ЦК РСДРП израсходовал:

– на содержание профессионалов – 4 115 рублей 20 копеек;

– на разъезды членов ЦК и агентов 4 554 рублей 35 копеек;

– на секретариат (канцелярско-почтовые расходы, экспедиция, мимеограф и проч.) 4 708 рублей 02 копейки;

– на типографии и нелегальную литературу – 13 400 рублей 84 копейки;

– на «отправление товарищей в организации» – 5 829 рублей 00 копеек;

– для выдачи организациям – 4 494 рубля 69 копеек;

– на паспорта – 1 867 рублей 95 копеек;

– на легальную литературу – 24 611 рублей 16 копеек;

– на ликвидацию Объединительного съезда – 2 603 рублей 47 копеек;

– на подготовку протоколов Объединительного съезда – 2 180 рублей 00 копеек;

– на помощь товарищам – 2 256 рублей 50 копеек;

– на разные и случайные расходы (конференции, устройство побегов и т. п.) – 4 079 рублей 85 копеек, а также было:

– временно внесено в залог за товарищей – 2 055 рублей 00 копеек;

– выдано заимообразно социал-демократической фракции Государственной думы – 790 рублей 00 копеек.

Всего было израсходовано 83 570 рублей 03 копейки.

И ещё одна деталь. Съезд потребовал от «тт. Максимова (А. А. Богданова. – *С.К.*), Зимина (Л. Б. Красина. – *С.К.*) и Ленина дать обещанный отчёт в израсходовании 60 000 рублей партийных денег».

Речь – о завещании фабриканта С. Т. Морозова… Он при жизни не раз оказывал большевикам денежную помощь, а после смерти оставил на имя большевички Марии Андреевой – актрисы и жены Максима Горького, страховой полис на 100 тысяч рублей, из которых около 40 тысяч пришлось на покрытие его филантропических начинаний, а несколько более 60 тысяч было передано большевикам.

Из этих денег 21 тысяча ушла местным комитетам, около 11 тысяч – на текущие расходы, 10 тысяч – на легальное издание газет, около 9 тысяч – на избирательную компанию, около 7 тысяч – на нелегальные «Пролетарий» и «Вперёд», включая устройство нелегальной типографии, на залоги за арестованных и побеги – более 2 тысяч рублей и т. д.

Как ни хотелось меньшевикам «ущучить» большевиков за то, что они израсходовали деньги на партийные нужды лишь большевистских организаций, ревизионной комиссии съезда пришлось констатировать, что «лицо, имевшее формальное и моральное право распорядиться деньгами по своему усмотрению (т. е. М. Андреева. – *С.К.*) вручило эти деньги тт. Зимину, Рядовому (А. А. Богданову. – *С.К.*) и Ленину специально на нужды большевиков»[464].

Впрочем, и меньшевики без целевых пожертвований не оставались. И тот факт, что даже некоторые фабриканты (Морозов был наиболее известным, но не единственным случаем) считали для себя возможным помогать революционному движению, лишний раз показывает – насколько царский режим надоел даже многим состоятельным подданным царя Николая.

Примерно за неделю до фактического окончания съезда – в четверг 10(23) мая 1907 года, председатель девятнадцатого (закрытого) заседания Дан-«Данилов» сообщил, что «помещение для занятий съезда снято на две недели, и срок истекает завтра». Пришлось собирать необходимую сумму по крохам, в том числе – при помощи Горького, который дал поручительскую гарантию для отысканных кредиторов.

Деньги нужны были – в том числе – и на обратный проезд, причём короткий путь через Финляндию был невозможен, так как, по словам Дана «список делегатов захвачен полицией в помещении думской фракции (!? – *С.К.*)» и устанавливается «строжайшая слежка».

Этот меньшевистский «штрих» съезда тоже кое о чём говорит.

Меньшевики были намерены закончить съезд уже в субботу 12 мая, но Ленин возразил, что «съезд не может кончиться в субботу». Съезд действительно проработал ещё неделю – симпатии Горького были на стороне большевиков, и он, как уже сказано, помог.

В сводной партийной хронологии КПСС V съезд РСДРП занимал ту же одну строчку, что и XV съезд ВКП(б), и XXV съезд КПСС, однако условия их проведения отличались так же, как и их финансирование, и положение делегатов.

Достаточно сообщить, что под конец закрытого девятнадцатого заседания V съезда рабочий

делегат-меньшевик от Петербургской организации В. Г. Чиркин («Металлист») – один их тех, кто протестовал против избрания Ленина в президиум, предложил «сейчас же установить время окончания съезда, так как есть рабочие, которые лишатся заработка, если съезд затянется».

Конечно, здесь было не без меньшевистской провокации в целях сворачивания съезда, но подобные сложности действительно имели место!

В итоге последнее, тридцать пятое заседание съезда, началось в субботу 19 мая (1 июня) 1907 года в 3 часа дня и после часового перерыва с 7 до 8 вечера завершилось в 12 часов ночи[465].

Председательствовавший на этом заседании Ленин объявил съезд закрытым, хотя кое-что удалось обсудить лишь «пунктиром»…

Но, как уже было сказано, деньги, запланированные на съезд, заканчивались – слишком много средств «съело» незапланированное вынужденное «кочевье» по европейским столицам.

Говорить о V съезде как о победе ленинской линии в РСДРП нельзя уже потому, что если бы на съезде победила ***она***, то с этого момента РСДРП выступала бы как единая партия с руководством, которое поддерживает как ***абсолютное*** большинство делегатов, так и абсолютное большинство членов тех местных организаций, которые послали своих представителей в Лондон.

Ничего этого после V съезда не произошло – мало кого из своих оппонентов Ленину удалось переубедить, и дело было не в Ленине, а в оппонентах.

Вот, например, делегат от Одесской организации меньшевик С. И. Португейс (1880–1944) с вереницей псевдонимов: в 1890-е годы – «Алексей», «Алексей Загаров», «Алексей Одесский»; в 1910-е – «Нович», «Стива»… В 1907 году он исправно голосовал против большевиков, а в конце съезда при выборах ЦК заявил, что «жалкими словами Ленину не удалось опровергнуть доводов Винницкого (бундовец Медем. – *С.К.*) и других товарищей…»

А уже скоро «обличитель» Ленина «Стива»-Португейс будет выступать за ликвидацию нелегальной работы, во время Первой мировой войны займёт шовинистические, а после Октябрьской революции – антисоветские позиции, будет сотрудничать в белой прессе Юга России, эмигрирует, и за границей начнёт писать антисоветские и антикоммунистические статьи и книги…

Попробуй, переубеди такого, если у него с самого начала вместо убеждений были претензии и амбиции!

Собственно, и защищаемый Португейсом Медем-Гринберг («Винницкий») (1879–1923) был того же поля ягода, что и Португейс. Член ЦК Бунда, Медем после Октябрьской революции стоял во главе бундовских организаций в Польше, в 1921 году эмигрировал в США и на страницах правосоциалистической еврейской газеты «Vorwards» («Вперёд») выступал с антисоветскими статьями.

Подобных антигероев среди меньшевистской части V съезда оказалось немало. Начав с членства в пролетарской партии, они после победы пролетарской революции закончили активной борьбой против Советской России.

Чтобы не быть голословным, просто перечислю основных, так сказать, «фигурантов»…

Р. А. Абрамович (1880—?), делегат от организации Могилёвского района Бунда, Октябрьскую революцию встретил враждебно, в 1920 году эмигрировал в Германию, вместе с Мартовым основал антисоветский журнал «Социалистический вестник»…

И. Л. Айзенштадт (1867–1937), делегат от ЦК Бунда, Октябрьскую революцию встретил враждебно, в 1922 году эмигрировал в Германию, сотрудничал в «Социалистическом

вестнике»…

П. Б. Аксельрод (1850–1928) – один из лидеров меньшевизма, стал белоэмигрантом, призывал к интервенции против Советской России.

Л. Берман (Лейбензон) (1887–1938), делегат от Лодзинской организации Бунда, после 1917 года был противником вступления Бунда в РКП(б), с 1920 года жил в Польше.

Меньшевик Н. В. Вольский (Валентинов) (1879–1964) в 1930 году стал «невозвращенцем».

Б. Гофман (1874–1954), делегат от Заграничного бюро Бунда, в 1927 году эмигрировал из СССР в США, выступал в правосоциалистической еврейской печати.

Ф. И. Дан-Гурвич (1871–1947), один из лидеров меньшевизма, в 1922 году был выслан из Советской России.

Б. И. Каган (1883–1936), делегат от организации Ковенского района Бунда, после Октябрьской революции жил в Вильно, стал сионистом.

М. Я. Левинсон (1870–1941), делегат от Брестской организации Бунда, Октябрьскую революцию встретил враждебно, эмигрировал в Польшу, с 1939 года жил в США.

Один из лидеров Бунда М. И. Либер-Гольдман (1880–1937), ликвидатор, Октябрьскую революцию встретил враждебно, был активным врагом Советской власти.

А. Литвак-Гельфанд (1874–1932), делегат от Виленской организации Бунда, правый член ЦК Бунда в 1917 году, после Октября 1917 года уехал в Польшу, с 1925 года жил в США.

Я. М. Пескин, делегат от Виленской организации Бунда, после Октября 1917 года эмигрировал во Францию…

К. Портной-Абрамсон (1872–1941) стал председателем ЦК Бунда в Польше, возглавляя его правое крыло, в 1939 году эмигрировал в США.

Между прочим, обилие среди еврейских делегатов V съезда будущих врагов Октябрьской революции служит хорошей опровергающей иллюстрацией к тезису о якобы «еврейском» характере Октября.

Дополняют обрисованную выше картину бывшие товарищи Ленина Мартов-Цедербаум и Потресов – лидеры меньшевизма, ставшие врагами Советской России.

Видные грузинские меньшевики Ной Жордания (1870–1953), В. Д. Мгеладзе (1868—?), И. И. Рамишивили (1859–1937), Н. В. Рамишвили (1881 – после 1963), Ираклий Церетели (1882–1959) и Г. Эрадзе тоже закончили белоэмигрантами, злейшими врагами СССР. Меньшевик Б. А. Бахметьев (1880–1951) (он был делегатом IV съезда, где вошёл от меньшевиков в состав ЦК РСДРП) с июля 1919 года стал послом Колчака в США.

Конечно, среди делегатов-меньшевиков имелись и те, кто после Октября 1917 года вполне честно и лояльно работал на Советскую власть, но таких меньшевиков оказалось – прошу прощения за каламбур – меньшинство.

Остановлюсь немного на двух, хотя и вполне третьестепенных, однако небезынтересных, меньшевистских фигурах: «Металлисте»-Чиркине и «Булине»-Булкине, поскольку они и после Лондонского съезда периодически попадали в поле зрения Ленина…

Рабочий В. Г. Чиркин (1877–1954) начал работать в революции с 1903 года, в начале 1905 года примкнул к меньшевикам, после поражения революции был противником нелегальной партии, то есть – ликвидатором. Поскольку Чиркин активно участвовал в профсоюзном движении его не раз арестовывали и ссылали. В 1917 году он был делегатом I и II Съездов Советов, в 1918 году от меньшевиков отошёл и в 1920 году вступил в РКП(б). С 1920 по 1922 год был членом президиума Южбюро ВЦСПС, членом ВУЦИК, председателем Вукоспилки (Всеукраинского кооперативного союза), а позднее занимал руководящие посты на железнодорожном транспорте…

Ф. А. Булкин (Семёнов) (1888 – позднее 1963) пришёл в социал-демократическое движение

в 1904 году, работал в Харькове и Петербурге, в годы реакции выступал как ликвидатор, во время Первой мировой войны – как социал-шовинист, был членом буржуазных военно-промышленных комитетов Новгорода, Самары и Петербурга. После Октября 1917 года Булкин работал в Оренбургском Совете рабочих депутатов – как представитель меньшевиков. В 1920 году был принят в РКП(б), но в 1922 году исключён за участие в «рабочей оппозиции». В 1927 году восстановлен, в 1935 году опять исключён, после работал в Ленинграде и Иркутске…

Ленин – хотя и между делом, неоднократно поминал в своих работах и письмах как Чиркина, так и Булкина, или – обоих зараз…

Так, в июне 1914 года в большой статье «Приёмы борьбы буржуазной интеллигенции против рабочих», Ленин, высмеивая «горстку ликвидаторских рабочих», писал, что «Дементьевы, Гвоздёвы, Чиркины, Романовы, Булкины, Кабцаны» по уверению кадетов, это якобы и есть «подлинная рабочая интеллигенция», а далее давал собственную оценку: «Действительно, это подлинные либеральные рабочие! Статья Булкина вполне доказала это. Усиленно рекомендуем её вниманию сознательных рабочих, не слыхавших ещё лично речей названных либеральных пролетариев»…

В ноябре 1916 года Ленин опять включает Булкина и Чиркина в «обойму» – на этот раз социал-шовинистов – наряду с «господами Плехановыми, Гвоздёвыми, Потресовыми, Чхеидзе…»[466]

Но вот строки из письма члена РКП(б) Ульянова (Ленина) в Московскую губернскую комиссию по проверке и очистке партии от 3 декабря 1921 года:

«…индивидуальный разбор каждого случая считал и считаю необходимым, и в подтверждение ссылаюсь, например, на бывшего меньшевика Чиркина, …о колебаниях которого были точные факты, а не слухи и россказни. Тем не менее, после всестороннего разбора дела Чиркина я согласился с защищавшими его украинскими товарищами в необходимости оставить Чиркина в партии»[467].

И стал немало напутавший в жизни товарищ Чиркин, служить Советской России Ленина, которая сделала бывшего «либерального рабочего» крупным хозяйственным руководителем. И, конечно же, в 1907 году, в Лондоне, Чиркин и представить себе не мог, что всё сбудется так, как сбылось, и что прочную путёвку в советскую жизнь он получит от того самого Ленина, которого он настойчиво не желал видеть в президиуме V съезда.

Да, делегатов типа Чиркина-Булкина Ленин на свою сторону в 1907 году не перетянул; идти прямо, а не блуждать в трёх соснах, они не пожелали. Тем не менее, V съезд РСДРП имел для будущего важнейшее значение. Он отделил оппортунистические, нестойкие и склочные элементы в партии от боевых, революционных её элементов, ориентированных на борьбу за социалистическую Россию.

Иными словами, вокруг Ленина окончательно объединились все те, кто составит силу партии, которая с октября 1917 года возглавит Россию. И, пожалуй, не случайно, что именно на V съезде познакомились Сталин и Ворошилов.

В состав ЦК было избрано 12 человек: 5 большевиков (И. Ф. Дубровинский, И. П. Гольденберг, В. П. Ногин, Н. А. Рожков, И. А. Теодорович), 4 меньшевика (А. С. Пикер, Н. Н. Жордания, И. А. Исув и заочно некто «Никифор»), 2 представителя Социал-демократии Польши и Литвы (А. С. Варский – заочно, и Ф. Э. Дзержинский) и 1 от Социал-демократии Латышского края (К. Х. Данишевский)… Последние три примыкали к большевикам.

Ленин был избран одним из 24 кандидатов в члены ЦК (10 большевиков + 8 меньшевиков + 4 «поляка» +2 «латыша»).

Плеханов, Мартов, Дан и Потресов ни в члены ЦК, ни в кандидаты в члены ЦК не вошли.

Итак, V съезд избрал пока ещё общий ЦК, но в перспективе это уже ничего существенного

не означало. После закрытия съезда на отдельном собрании большевистской его части был образован Большевистский центр (БЦ) во главе с Лениным.

Больше общих съездов две фракции (по сути – две партии) созывать не пытались, хотя общие дела их нередко до 1917 года объединяли – те же Мартов и Ленин в 10-е годы по разным поводам сотрудничали и держали связь. Однако стратегическое размежевание в 1907 году уже почти произошло.

Как последний штрих сообщу, что сразу после окончания V съезда – в Лондоне же – с 21 по 25 мая (3–7 июня) прошёл Второй съезд Социал-демократии Латышского края. 26 делегатов представляли на нём 13 тысяч организованных членов партии. Ленин был приглашён на съезд персонально, выступил с докладом и предложил принять написанную им резолюцию «О задачах пролетариата в современный момент буржуазно-демократической революции», что делегатами и было сделано.

Факт вполне примечательный.

А в первые дни лета 1907 года Ленин возвратился в Финляндию – опять в Куоккалу.

Тогдашние усталость и внутренняя измотанность Ленина видны уже из того, что свободное от заседаний съезда время он проводил в Британском музее – времяпрепровождение для него, вообще-то, несвойственное, и даже бывал в лондонских театрах. Отвлечься и хотелось, да и надо было – впереди маячила неясность и политическая, и личная…

В политическом отношении было неясно – как долго будет продолжаться в России режим непрочного равновесия между реакцией и либерализмом?

В личном отношении было неясно – удастся ли Ленину и Крупской вернуться в Россию, или придётся вновь отправляться в эмиграцию?

Уже сейчас кое-кто из товарищей по партии от дела отходил, а вскоре начнётся настоящий «отлив» всех нестойких, и разовьются очень нехорошие процессы, самым опасным из которых окажется ликвидаторство, но для Ленина вопрос был решён давно: его удел – борьба…

Вопрос был в одном – где будет продолжаться эта борьба, и в какой точно форме?

3 июня 1907 года кое-что определилось – царь распустил слишком левую II Думу. Фактически, это был спровоцированный охранкой разгон Думы, и стали говорить о «третьеиюньском перевороте».

События развивались так…

1 июня Столыпин заявил, что социал-демократическая фракция Думы связана с военной организацией, готовит вооружённое восстание с целью установления в России республики, и что 16 депутатов подлежат аресту. Дума образовала комиссию для проверки заявления премьера, но уже в ночь на 3 июня была арестована почти вся фракция, а днём 3 июня обнародован царский манифест о роспуске Думы.

Суд над фракцией начался 22 ноября (5 декабря) 1907 года, проходил в сопровождении массовых забастовок протеста и закончился 1(14) декабря жестоким приговором. Из 37 привлечённых к суду депутатов 17 было лишено всех прав состояния и сослано на каторжные работы на 4–5 лет с последующим поселением в Сибири, 10 – лишено всех прав состояния и сослано в Сибирь, 10 оправдано[468].

Руководитель социал-демократической фракции Думы Ираклий Церетели, несмотря на отсутствие боевитости, тоже был привлечён к суду и осуждён на каторгу.

В докладе Международному социалистическому бюро, представленном Лениным в 1911 году (см. ПСС. Т. 20, с. 381–386), он сослался на выступление уже в III Думе кадетского депутата, адвоката Н. В. Тесленко, после Октябрьской революции белоэмигранта.

Даже кадет в заседании от 17 октября 1911 года признал, что комиссия при II Государственной думе, разбиравшая обвинение, «пришла к единодушному убеждению, что дело

идёт не о заговоре, учинённом социал-демократами против государства, а о заговоре, учинённом петербургским охранным отделением против второй Государственной думы»…

После переворота 3 июня избирательный закон был изменён в пользу представительства крупных собственников – помещиков и капиталистов. В землевладельческой курии один выборщик избирался от 230 человек, в городской курии 1 разряда – от 1 тысячи, в городской курии 2 разряда – от 15 тысяч, в крестьянской курии – от 60 тысяч, в рабочей курии – от 125 тысяч[469].

Иными словами, царь давал одному помещику права почти 500 рабочих. В результате помещики и буржуазия получили возможность избрать 65 % всех выборщиков, крестьяне – 22 % (раньше – 42 %), рабочие – 2 % (раньше – 4 %). Лишалось избирательных прав коренное население Азиатской России, вдвое сокращалось представительство населения Польши и Кавказа…

Наступала крутая «столыпинская» реакция.

Эта линия царизма хорошо иллюстрировала невозможность договориться с ним «по хорошему», без оружия. Только мощный нажим масс вынудил царя «объявить свободу» 17 октября 1905 года. Как только нажим ослабел настолько, что можно было поворачивать вспять, царизм тут же повернул вспять!

18 июня 1907 года Особый отдел Санкт-Петербургского губернаторского жандармского отделения предложил начальнику Санкт-Петербургского Охранного отделения «возбудить вопрос о выдаче» Ленина из Финляндии[470].

Великое княжество Финляндское в составе Российской империи имело особый, исключительный, статус, но выслать Ленина могли запросто, к тому же Куоккала – это почти пригород Питера.

Пришлось Владимиру и Надежде Ульяновым переезжать – и для конспирации и для, наконец-то, отдыха – вглубь Финляндии, в район маяка Стирсудден, на дачу Н. М. Книповича (1862–1939). Видный учёный-зоолог, близкий к большевизму, Книпович в 1911–1930 годах занимал должность профессора кафедры зоологии и общей биологии женского Петербургского (1-го Ленинградского) медицинского института.

Ныне Стирсудден – это посёлок Озёрки Выборгского района Ленинградской области, а тогда людей в тех местах было мало, и условия для восстановления сил – да ещё летом! были отличными.

27 июня 1907 года Ленин писал матери:

«Дорогая мамочка! Давно не писал тебе ничего. Анюта рассказала верно, про наш план устройства на отдых. Я вернулся страшно усталым. Теперь отдохнул вполне. Здесь отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего. Ещё надеюсь пробыть недели две, а потом вернуться за работу…»[471]

Обращу внимание читателя на слова: «Безлюдье и безделье для меня лучше всего».

Как это понимать?

А, пожалуй, вот как…

Как всякий великий социальный ум, Ленин не мог не быть и великим философом. А для философского ума отвлечение от внешнего мира и некое внешнее «безделье» – при напряжённой работе мысли, это наиболее плодотворное и желательное состояние. Для философа прогулки с погружением в тишину и природу – лучший «рабочий кабинет»! Недаром одна из наиболее известных философских школ античности – школа Аристотеля, известна как «перипатетики» (от греч. peripatetikos – «прогуливающийся»), потому что Аристотель вёл занятия с учениками во время прогулок.

Ленин всю свою жизнь – за исключением, разве что, времени отсидки в тюрьме и сибирской ссылки, прожил, что называется, «на людях». И даже в ссылке от людской суеты полностью уходить не удавалось – уже в советское время Ленин вспоминал, как ему приходилось консультировать по юридическим вопросам местных крестьян, прослышавших о том, что ссыльный «политический» – «аблокат»…

Революционная работа, две эмиграции тоже проходили «на людях». Что уж говорить о годах после Октября 1917 года!

При всём при том, Ленина, конечно, тянуло от всего этого отвлечься и даже – внешне конечно, для постороннего глаза – побездельничать. Малоизвестно, но одним из многочисленных литературных псевдонимов Ильича был псевдоним «Ленивцын» – он пользовался им в 1915–1916 годах.

И я давно подозреваю, что знаменитый его псевдоним «Ленин», появившийся в 1901 году – это не ностальгия по некой красавице «Лене» (как неумно предполагал ренегат Вольский-Валентинов), не память о сибирской реке Лене, и не перекличка с псевдонимом Плеханова «Волгин», а всего лишь сокращённое «Ленивцын»!

Ленин меньше всего был схоластом, начётчиком, он не терпел того, что клеймил как «фил***и***стерство» (от нем. Philister – человек с узким обывательским кругозором и ханжеским поведением). В Ленине никогда не было позы, а вот весёлое озорство было – всегда!

Ленинская мысль – это, вообще-то, весёлая мысль, хотя это не всегда улавливается сходу. Но когда Владимир Ульянов лишь начинал как профессиональный революционер и партийный литератор (даже будучи председателем Совета народных комиссаров РСФСР, он в партийной анкете в графе «профессия» указал: «литератор»), он не мог, конечно, подписывать свои программные работы – «Что делать?», «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Один шаг вперёд, два шага назад» и так далее, таким озорным псевдонимом, как «Ленивцын».

А вот, придумав его, сократить этот «ленивый» псевдоним до энергичного «Ленин» мог вполне! Так, что о подлинной природе псевдонима знал лишь он сам, внутренне посмеиваясь. Недаром он ведь так и не разъяснил, откуда взят его великий псевдоним, а в ответ на вопросы лишь отнекивался и ухмылялся.

Но в середине 10-х годов – в годы военной грозы, в революционное предгрозье, будучи признанным лидером (да что там «лидером» – создателем) партии большевиков, Ленин уже мог позволить себе озорно – чуть-чуть, намекнуть на происхождение своего самого известного и громкого псевдонима, подписываясь не «Ленин», а «Ленивцын»…

Однако, это так – к слову.

Отдых для Ленина всегда был лишь передышкой между деятельной работой. В июле 1907 года он участвует в Петербургской общегородской конференции РСДРП в Териоках, где призывает отказаться от бойкота выборов в III Думу. В начале 1906 года он был за бойкот I Думы, и был прав. Теперь он был против бойкота III Думы, и опять был прав.

В ленинских тезисах, которые были напечатаны отдельной листовкой, говорилось:

«1. Бойкот Думы является единственно правильным решением при таких исторических условиях, когда бойкот выражает силу непосредственно идущего к прямому натиску на старую власть (следовательно к вооруженному восстанию) широкого и всеобщего революционного подъёма…

2. Рассматривать бойкот, как само по себе действующее средство вне условий широкого, всеобщего, сильного и быстрого революционного подъёма, – значит действовать под влиянием чувства, а не разума…»[472]

Меньшевики или недалёкие большевики размахивали цитатами из Маркса, а Ленин понимал, что марксизм – не догма, а руководство к действию. При этом бывают ситуации, когда верная, подлинно марксистская, линия заключается в действии, а когда – и в бездействии…

На конференции в Териоках присутствовал 61 делегат с решающим голосом и 21 с совещательным. А с 21 по 23 июля (с 3 по 5 августа) 1907 года в Котке проходила уже Вторая общероссийская конференция РСДРП, собравшая 26 делегатов (9 большевиков, 5 меньшевиков, 5 «поляков», 5 бундовцев и 2 «латышей»).

Присутствовали также члены и кандидаты в члены ЦК, избранного V съездом. До Котки добрались Дзержинский, Роза Люксембург, Луначарский, Богданов, Дан… В целом состав конференции обеспечивал Ленину поддержку, хотя и непрочную. Причём, возникали нехорошие симптомы – хотя конференция и приняла ленинскую резолюцию против бойкота Думы, свой же товарищ – Богданов, выступил с докладом за бойкот. Правда, когда его резолюция была отвергнута, он голосовал за ленинскую резолюцию, но…

В середине же августа 1907 года Ленин находился в Европе – участвовал в организационном заседании Международного Социалистического Бюро перед VII Международным Социалистическим конгрессом.

Напомню, что Международное социалистическое бюро (МСБ) являлось постоянным исполнительным органом II Интернационала. Организованный ещё при жизни и при участии Фридриха Энгельса, II Интернационал превратился к тому времени в идейное болото, в вотчину Бернштейна и Каутского. Однако МСБ было влиятельным в рабочем движении органом с постоянной и легальной резиденцией в Брюсселе. С этим Ленину приходилось считаться и сотрудничеством с II Интернационалом в то время не пренебрегать.

Это уже позднее – когда европейская социал-демократия поддержала войну, Ленин стал переходить на всё более непримиримую позицию критики соглашателей, но и тогда контакты с МСБ не прекращались.

В 1907 году до боёв с Каутским и Бернштейном было ещё далеко, и с 18 по 24 августа Ленин принимал участие в работе конгресса в Штутгарте, был избран в президиум.

Вместе с Августом Бебелем и Розой Люксембург – лидерами германских социал-демократов, он работал в комиссии по выработке резолюции о милитаризме и международных конфликтах, В Европе пока царил мир, однако прозорливые аналитики понимали, насколько он чреват войной.

Социал-демократия тогда была в кайзеровской Германии большой силой – ещё Бисмарк, в отличие от советника русских царей Победоносцева, понял, что рабочее движение надо не подавлять, а приручать. Со временем – к началу Первой мировой войны, эта линия принесёт свои, нужные кайзеру и капиталу, плоды. Германские социал-демократы – депутаты рейхстага, сто с лишним человек, и даже Карл Либкнехт, проголосуют за военный заём, за войну…

В 1907 году немцы считали себя «на коне», гордо гарцующем во главе международного социалистического движения. В честь участников конгресса прошёл публичный митинг, был устроен народный праздник в Каннштадте, дан вечер-концерт…

В Штутгарте Ленин познакомился с Кларой Цеткин (1857–1933) – знаменитой германской социал-демократкой и деятелем женского движения. Напомню, что Женский день 8 марта мы и по сей день отмечаем по её инициативе.

С конгресса Ленин вернулся в Куоккалу и опять впрягся в работу. Он пишет статьи и деловые письма, редактирует сборник «Зарницы», который выходит в Петербурге, проводит текущие партийные совещания, готовит к печати первое издание своих сочинений «За 12 лет» – оно должно было выйти в Петербурге за подписью «В. Ильин»…

Ленин начал выступать как партийный публицист, а затем – и как теоретик, с 1895 года. И теперь можно было подвести итоги двенадцати лет – ведь даже ранние ленинские работы имели не историческое, а практическое, актуальное значение.

Как личность и политик он сформировался очень рано. И он умел заглядывать вперёд на десяток-другой лет – не в том смысле, что давал прогноз: то-то и то-то сбудется тогда-то и так-то, а в смысле точного прогнозирования тех ведущих тенденций, которые будут определять общественные процессы в будущем.

Двенадцать лет назад народники уповали на крестьянскую общину, а Ленин уже тогда видел силой, ведущей Россию к социализму, рабочих. Теперь, через двенадцать лет, русский пролетариат стал силой, которая хотя и не смогла низвергнуть царизм в 1905 году, тем не менее вынудила царизм пойти на уступки и ввести в России хотя бы подобие гражданских свобод – пусть, пока, и урезанных.

Работал и жил Ленин в Куоккале напряжённо и вполне успешно. 15 октября 1907 года он сообщал матери, жившей тогда под Москвой:

«*Дорогая мамочка! Давно я не писал тебе что-то… Теперь мы устроились на старом месте на зиму по-семейному. Надеемся, что зима будет не такая холодная, как прошлый год. Да мы, впрочем, теперь лучше приспособимся и „законопатимся“…*

Здесь мы живём с компанийкой хороших друзей. Есть книги, работа. Гуляем по берегу моря…»[473]

«Компанийка хороших друзей» – это А. А. Богданов, И. Ф. Дубровинский, Г. Д. Лейтензен и Н. А. Рожков…

Все они в то или иное время будут политически колебаться, ближе или дальше отходить от Ленина, потом возвращаться.

Последний же – Н. А. Рожков (1868–1927) вскоре отойдёт от Ленина навсегда, станет одним из идейных руководителей ликвидаторства, будет редактировать меньшевистскую газету «Новая Сибирь», к Октябрьской революции отнесётся враждебно, будет бороться против Советской власти и лишь в 1922 году порвёт с меньшевизмом и закончит свои дни на тихой научно-педагогической работе.

Я о Рожкове ещё вспомню – по разным поводам.

Из письма Ленина видно, что он, вообще-то, рассчитывал в Куоккале зимовать, не удаляясь от России. Однако постоянным пристанищем и местом спокойной работы куоккальская дача быть уже не могла. За очень близкой границей, в Питере, сгущались тучи – в ноябре Санкт-Петербургская судебная палата наложила арест на первый том Сочинений «За 12 лет». Тираж конфисковала полиция, было возбуждено дело о привлечении Владимира Ульянова к суду.

В начале декабря 1907 года та же судебная палата вынесла решение об уничтожении тиража ленинских «Двух тактик социал-демократии в демократической революции».

Жить в Куоккале становилось просто опасно, а для Ленина – возможно, даже смертельно опасно.

Смертельно потому, что 19 августа 1906 года в России были учреждены – в мирное время – и действовали в 1906 и 1907 годах военно-полевые суды.

Военно-полевые суды создавались – в составе председателя и четырёх подчинённых ему офицеров – для каждого дела в отдельности по требованию генерал-губернатора и главноначальствующего в местностях, объявленных в связи с революционным движением на военном положении, для рассмотрения дел ***гражданских*** лиц.

Предварительное следствие не проводилось, суд рассматривал дело не позднее двух суток с

момента поступления на основании материалов Охранного отделения или жандармского управления в закрытом судебном заседании. Обвинительный акт заменялся приказом о предании суду, приговоры обжалованию не подлежали, приводились в исполнение в течение суток, а в качестве почти единственной меры наказания применялась смертная казнь.

Напомню, что в июне 1907 года Особый отдел петербургского губернаторского жандармского отделения предложил начальнику петербургской охранки «возбудить вопрос о выдаче» Ленина из Финляндии.

Если бы это произошло, то военно-полевой судебный фарс по делу «государственного преступника», подданного Российской империи Владимира Ильина Ульянова состряпать в ***не*** находившемся на военном положении Петербурге было бы, может быть, и не просто. Но ведь Российская империя – государство весьма протяжённое, даже во второй половине 1907 года полностью ещё не замиренное, так что местность, объявленную в связи с революционным движением на военном положении, отыскать при желании можно было.

Иными словами угроза для Ленина возникала потенциально смертельная. И он из Куоккалы переезжает в ноябре 1907 года в Огльбю под Гельсингфорсом (Хельсинки). Но и Огльбю – всего лишь транзитный пункт, ибо уже ясно – для Ленина становится опасной вся Финляндия.

Впрочем, уезжать в Европу надо было не только из соображений безопасности – большевистский центр вынес решение о перенесении издания газеты «Пролетарий» за границу и переезде туда Ленина.

В декабре 1907 года Владимир Ильич выезжает через Гельсингфорс (ныне – Хельсинки) в Або (ныне – Турку). Або, расположенный на крайнем юго-западе Финляндии был ближайшим к шведской столице финским портом. Двойные же названия объясняются просто. Как это было в Финляндии сплошь и рядом, Гельсингфорс и Або – названия, данные шведами, веками «шведизировавшими» финнов, а Хельсинки и Турку – названия, данные сами финнами после получения независимости из рук Советской России.

Ещё до отъезда Ленин провёл в Гельсингфорсе совещание с товарищами, специально приехавшими для этого из Петербурга, и, похоже, кто-то притащил за собой «хвост» – в поезде Ленин заметил слежку.

Пришлось за 12 километров до Або соскакивать на ходу с поезда и идти до города с чемоданчиком по морозу пешком. Лишь в два часа ночи Ильич добрался до квартиры финского социал-демократа, оптового торговца Вальтера Борга, который должен был организовать переправку Ленина в Стокгольм.

Турку-Або – это шхеры и шхеры… Бульшего «кружева» маленьких островов и островков у финских берегов, пожалуй, что и нет. Даже опытные капитаны свои суда здесь особо не разгоняли, и это неожиданно оказалось Ленину на руку в том цейтноте, о котором пойдёт рассказ ниже.

Переправщик Ленина – Вальтер Борг, договорился с капитаном одного из пароходиков, ходивших из Або в Швецию, что он возьмёт на борт нелегального пассажира и, надо полагать, пояснил, что тот не рвётся быть обласканным вниманием полицейских.

Однако из-за вынужденной ночной «прогулки» пассажир к отплытию парохода опоздал. Посадка на другой пароход угрожала арестом – шпики охранки, потерявшие «объект», конечно же времени не теряли, а ведь не с каждым капитаном можно было полюбовно договориться.

Оставалось одно – добираться до места первой остановки «своего» парохода на острове Драгсфиорд по льду Ботнического залива. И то, что в зоне шхер суда ходили не спеша, было сейчас очень кстати.

Часть пути удалось проехать на лошадях – ближе к берегу лёд достаточно окреп, но потом надо было идти по ненадёжному, ещё весьма тонкому льду…

Когда-то об этой странице биографии Ленина знали в СССР все дети. Об этом рассказывали на уроках истории в школе, в 7-м томе «Детской энциклопедии» издания 1961 года (надо заметить, что «ДЭ» стала выдающимся издательским проектом Академии педагогических наук РСФСР, к тому же, блестяще иллюстрированным), на странице 583 был помещён рисунок «В. И. Ленин переходит по льду Ботнического залива». Низко нависшее ночное небо, снежная ледяная пустыня, а на ней – Ленин в пальто с поднятым воротником и ушанке, а сзади и спереди – молодые сопровождающие с длинными досками в руках, на случай, если кто-то провалится.

Лёд в открытом заливе ещё не установился, и в одном месте стал уходить из-под ног, но всё обошлось. Позднее Владимир Ильич вспоминал, что в этот момент подумал: «Эх, как глупо приходится погибать»…

Это – не придумано, это наверняка так и было. В годы войны на льду Ладожского озера погиб, провалившись на автомобиле в полынью, способный флотоводец вице-адмирал Валентин Дрозд (1906–1943). Очевидцы потом вспоминали, что он успел сказать одно: «Как глупо…»

Всё верно! Сильные натуры в момент напряжения воли, когда опасность реальна, собраны… Мысль работает чётко, сразу же подавляя страх, если он возникает, и она работает до конца, если этот конец наступает.

Вот так – с приключениями «как в кино», Ленин добрался до «своего» парохода и вскоре, после чуть более чем 100-мильного морского перехода, высадился в порту Стокгольма.

Позади были первая русская революция, подполье, опасный переход по льду…

Впереди – вторая эмиграция.

В качестве нелирического отступления, скажу, пожалуй, вот что…

Такое со мной уже бывало при работе над сталинской темой: по мере всё более внимательного, всё более тщательного и глубокого документального изучения и осмысления эпохи Сталина какие-то исторические фигуры сохраняли свой масштаб, какие-то – «съёживались», и лишь одна фигура всё более и более выявляла своё ***очень нестандартное*** величие – фигура самого Сталина.

Это же произошло и при изучении эпохи Ленина.

Однако величие и историческая громадность Ленина оказались не совсем теми, как это утверждалось на протяжении многих советских десятилетий. **Величие Ленина проявилось не в том, что он заранее готовил две конкретные русские революции, как это ему приписывали, а в том, что он** готовился к ним сам, и готовил соратников.

А о том, как он это делал, уже было сказано и ещё будет сказано.

Конечно, Ленин и готовил две первых русских революции – особенно вторую, ***но готовил он их не так, как третью*** – Октябрьскую…

Октябрь 1917 года стал со стороны Ленина ***заранее планируемым*** актом с чёткой установкой на ***конкретные*** сроки, ***конкретные*** действия ***конкретных*** лиц, общественных организаций, воинских частей и т. д.

Революцию же 1905 года и особенно – Февральскую революцию 1917 года, Ленин подготавливал ***в общем***, так сказать, плане. Он методически, год за годом, развивал партию, год за годом политически просвещал массу через легальную и нелегальную партийную печать и этим ***постепенно*** создавал общие, системные, условия для совершения революции.

Как ***акт***, Ленин ни первую, ни вторую русскую революцию не готовил. Это оба раза за него проделали другие… Общественные условия для революции 1905 года, общественные условия для Февральской революции 1917 года Ленин готовил как стратег – год за годом воспитывая массы, но он не готовил эти две революции как тактик, вырабатывающий и реализующий конкретный план действий в реальном масштабе времени.

Октябрь же 1917 года он подготовил как стратег, давно выработав общий замысел, и сам же

совершил Октябрь в необходимый момент как тактик, организующий конкретное восстание, конкретное сражение.

Ленин с первых же дней своей работы в революционном движении верно увидел и цель – социалистическую революцию, и главную движущую её силу – пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством, и методологию подготовки революции: пропаганда и политическое просвещение масс, проводимые партией профессиональных революционеров, сочетающих легальные и нелегальные формы работы.

Всё это Ленин понял рано и в этом направлении сразу стал работать, создавая общерусскую газету «Искра», а при её посредстве – действенную партию. Однако понимать и мочь – вещи, увы, нередко разные. Создать революционную ситуацию в России – особенно накануне первой русской революции 1905 года, нельзя было, не имея серьёзных сил и средств, а у Ленина их не было, и то же его письмо к Богданову от 15 января 1905 года это ясно показывает.

Партия Ленина тогда ещё была невелика – он признавал это, говоря о 1905 годе с молодыми швейцарскими социалистами в январе 1917 года. Силы Ленина, его влияние в нарождающейся партии большевиков, а большевиков – в России, были к 1905 году тоже невелики, не говоря уже о финансах, имевшихся в распоряжении Ленина и большевиков…

А вот у меньшевиков и эсеров (и лично у Троцкого и Парвуса) оказалось в 1905 году достаточно влияния ***и средств***, чтобы революционизировать Россию и возглавить процесс активизации масс.

Ленин приехал в Россию лишь в ноябре 1905 года – ***через десять месяцев*** после начала ***не им*** возбуждённых событий. Можно ли говорить, что он был ***творцом*** первой русской революции?

Нет, творцами её оказались – если говорить о конкретных личностях, «Хрусталёв»-Носарь, Троцкий и Парвус, и средства на революцию они получали явно не путём сбора пожертвований, а из более «жирных» источников. Об этом в своём месте говорилось.

Однако уже тогда исторический масштаб и политическая квалификация Ленина проявились в том, что, во-первых, он понимал, что не следует форсировать события до весны 1906 года, о чём он ещё из Женевы писал Марии Эссен в Петербург…

Во-вторых, Ленин – весьма молодой политик без опыта большой общенациональной деятельности, в считанные месяцы 1905–1906 года очень вырос, обрёл какое-никакое общенациональное значение и ***небезуспешно*** пытался использовать ситуацию, созданную не им, в интересах победы демократической революции.

Но слишком ещё невелики были, повторяю, силы Ленина, чтобы овладеть положением дел и повести за собой значащее большинство народной массы уже в середине 900-х годов второго тысячелетия от рождества Христова…

Революция 1905–1907 годов победить не смогла, и масштаб Ленина, ясность его политической мысли проявились теперь уже в том, что он не пал духом, не стал рассматривать 1905 год как бессмысленную акцию, а посмотрел на него как на генеральную репетицию будущей успешной революции.

И во второй эмиграции Ленин стал работать, обогащённый опытом первых боёв, во имя успеха будущей революции. Причём методы работы остались теми же: пропаганда, политическое просвещение, развитие профессиональной партии как политического руководителя масс…

Началась Первая мировая война, и Ленин сразу же выдвинул идею превращения войны империалистической, где неимущие одних стран убивают неимущих других стран во имя интересов имущих, в войну гражданскую – войну неимущих против имущих…

Ленин призвал неимущих по обе стороны линии фронта объединиться против имущих во

имя интересов неимущих. Иными словами, он как был нацелен на победоносную социалистическую революцию, так и шёл к ней, однако не знал – когда для неё реально сложатся благоприятные условия… Ведь, как и перед 1905 годом, Ленин перед 1917 годом имел не так уж много сил, а война крайне усложнила и без этого небезупречные и не очень оперативные связи России с Лениным и Ленина с Россией.

Но Ленин – внешне занятый во время войны более делами европейского социал-демократического движения, чем российскими, внутренне был как туго натянутая струна: тронь, и она тут же отзовётся верной нотой!

И вновь, как и в 1905 году, революционную ситуацию в России подготовил и дал ей пусковой импульс в Феврале 1917 года не Ленин – у него для этого просто не было возможностей!

И вновь, как и в 1905 году Петроградский Совет образовали по преимуществу меньшевики и эсеры…

И меньшевики, а не большевики, его возглавили.

Но Ленин ***сразу же и в полном объёме*** уловил суть и потенциал начавшихся событий… Наученный опытом 1905 года, он сразу же заторопился в Россию – любым способом, при любых политических издержках, но как можно скорее!

И сразу же по приезде он бросил в массы лозунг доведения буржуазно-демократической революции до революции социалистической. И тут уж Владимир Ильич ситуацией овладел быстро и перевёл поддержку масс на себя и партию большевиков! А затем опрокинул все расчёты и внутренней элиты, и интернациональной Золотой Элиты, доведя Россию до Октября 1917 года и уведя её из зоны влияния мирового Капитала.

Вот в чём величие Ленина – он не начинал обе русские революции, но только он был в обеих революциях подлинным вождём народа и поэтому смог убедить народ в необходимости совершения третьей и последней революции – народной, с установлением власти Советов!

Впрочем, я в очередной раз очень уж забежал вперёд – пока что у Ленина впереди вторая постылая эмиграция…

Глава 21. Живая работа в «неживой» среде

Итак, в декабре 1907 года началась вторая и последняя эмиграция Ленина. Ещё в начале октября 1907 года, ещё из Куоккалы, Ленин предупреждал Григория Алексинского («Петра»), уезжавшего в Берлин:

«Для Петра.

Дорогой П.! …На всякий случай отвечаю Вам на вопросы…

Я думаю, что Вы таких подлых условий, как заграничная эмигрантщина, ещё не видели. Надо быть там *очень* осторожным. Не в том смысле, чтобы я отсоветовал военные действия против оппортунистов. Напротив, воевать там очень надо и очень придётся. Но характер войны подлый. Злобное подсиживание встретите Вы отовсюду, прямую „провокацию“ со стороны меньшевиков, и весьма слабую среду *делового* сочувствия. Ибо оторванность от России там чертовская, бездельничание и бездельничающая психика, изнервленная, истеричная, шипящая и плюющая, – преобладают. Вы там встретите трудности работы, *ничего общего* не имеющие с российскими трудностями: „свобода“ почти полная, но *живой* работы и среды для живой работы почти нет…»

Ленину уже приходилось жить в эмиграции, так что он знал, что писал. И уже по этой его оценке эмигрантской среды можно понять, что жить и работать Ленину было там непросто. Но Ленин жил вне Родины с начала 900-х годов, не поддаваясь ни духовной, ни просто неряшливости.

И он работал тогда тем больше, что работа позволяла не только делать партийное дело, но и сохранять себя как личность, как человека. А, зная всё то, что он знал, Ленин прямо предупреждал младшего товарища по партии о трудностях:

«По моему, самое важное, чтобы Вы имели там дело, своё дело… Кто сумеет обеспечить себе за границей работу (партийную, имеется в виду. – *С.К.*) *в связи* с русской *организацией*, – тот и только тот сможет оградить себя от засасывающего болота тоски, дрязг, изнервленной озлобленности и проч. У меня эта „заграница“ ой-ой как в памяти, и я говорю на основании немалого опыта…»[474]

Годы назад Ленин делился с сестрой, братом, зятем, своим опытом сохранения себя как личности в разлагающих условиях тюрьмы. Теперь же он толковал более молодому товарищу по борьбе о собственном опыте сохранения себя как личности в разлагающих условиях эмиграции.

Алексинский – потомственный дворянин, сын ярославского уездного врача, бывший член большевистской группы в социал-демократической фракции I и II Государственной думы, был на девять лет младше Ленина. Он ярко выступал на V (Лондонском) съезде, был делегатом Штутгартского конгресса, и за границей работал вначале как большевик, но достаточно скоро отошёл от Ленина – засосало его таки эмигрантское «болото»…

За десятилетия в этом «болоте» сгинуло немало русских горячих голов… Один из лидеров русских народников Николай Морозов вот как описывал революционную эмиграцию 70-х годов XIX века – Ленин тогда ещё в коротких штанишках ходил:

«…личные мелочи, уколы самолюбия способны возникнуть только среди нервно настроенных и болезненно восприимчивых людей, … какими в сущности и было большинство эмигрантов, оторванных от своей родной страны и не примкнувших к чужой, лишённых какого-либо дела, кроме споров, основной пружиной которых стало уже не искание истины, а только желание настоять на своём, оставить за собой последнее слово в споре. Я уже давно знал эти

споры в кафе Грессо и зале собраний, и они напоминали мне петушиные бои»[475].

Вот и у Алексинского с годами всё затмило желание оставить за собой последнее слово в любом споре с Лениным. А «весовые»-то категории были ой какими разными…

В годы Первой мировой войны Алексинский стал ярым социал-шовинистом, сотрудничал в монархической газете «Русская воля». Весной 1917 года он вошёл в плехановскую группу Единство, летом 1917 года гнусно клеветал на Ленина, а с апреля 1918 года опять оказался в эмиграции, теперь уже – белой, и там примкнул к крайней реакции.

Ему было суждено прожить ещё долгую, но бесславную и никчёмную жизнь. И вот как оно бывает! В 1907 году эмигрант Алексинский уезжал в Европу как большевик, а в 1918 году он опять уехал в Европу как эмигрант, но теперь уже – как ренегат большевизма.

Впрочем, так бывало и бывает не только тогда – во времена давние. Увы, и сегодняшний день даёт немало современных примеров перерождения политиков в политиканов.

К сюжету с Алексинским мы ещё вернёмся позднее, а пока что проследим за Лениным, опять оказавшимся вне России, но – не вне того дела, которым он был занят в России и которое был твёрдо намерен продолжить и развить во второй эмиграции.

Несколько дней он живет в Стокгольме, ожидая приезда Крупской, а в конце декабря 1907 года Ульяновы уезжают в Берлин. Вечер 22 декабря они проводят у Розы Люксембург, а 25 декабря 1907 года (7 января 1908 года) приезжают в Женеву. Надо было устраиваться опять вдали от дома, и устраиваться на годы, возможно – на долгие годы.

И – вновь работать на будущую революцию.

Реально надо было готовить издание газеты «Пролетарий», продолжать теоретическую и литературную партийную работу… Короче – надо было жить, несмотря ни на что – на поражение, на непонимание, не говоря уже о том, что жить надо было – в материальном отношении – по необходимости скромно.

Впрочем, последнее Ленина никогда особо не тревожило.

То, что в России какое-то время будет торжествовать реакция, сомнений у Ленина не вызывало, как не вызывало у него сомнений и то, что так будет не всегда. Гайки позволяется закручивать, если резьба прочна, а царизм всё быстрее истлевал во всех отношениях и заражал своим тлением всё русское общество. Это признавал даже кое-кто из многочисленных великих князей…

«Третьеиюньский» избирательный закон мог дать лишь одну Государственную Думу – собственническую, жлобскую, реакционную и, значит, к нуждам народа абсолютно равнодушную.

Общее число депутатов равнялось 442, при этом 229 депутатов были потомственными или личными дворянами, 46 – из духовного звания, 42 – из купеческого сословия, 15 – из казаков, 94 – из крестьян, 12 – из мещан.

По роду занятий члены Думы распределялись так: землевладельцев – 242, земских деятелей – 133, земледельцев – 79, духовенства – 49, адвокатов – 37, торговцев и промышленников – 36, чиновников – 47, врачей и педагогов – 42, ремесленников и рабочих – 16…[476]

Суммирование последнего ряда цифр даёт итог намного больший, чем 442, но пусть это читателя не смущает – можно быть одновременно и земле***владельцем***, и адвокатом или земцем (быть одновременно и адвокатом, и земле***дельцем***, правда, не получается)…

В III Думу прошли 19 социал-демократов, из них 5 большевиков и 2 примыкающих. Имея их в виду, Ленин писал в ноябре 1907 года в газете «Вперёд»:

«Тяжёлый труд предстоит там нашим товарищам. Они будут там среди врагов, злобных и непримиримых. Им будут зажимать рот, их будут осыпать оскорблениями, их, может быть, будут

предавать суду, заключать в тюрьмы, ссылать. Они должны быть тверды, несмотря на все преследования, они должны высоко держать красное знамя пролетариата.

Но и мы все, товарищи рабочие, должны дружно, сообща поддержать их… Пусть будет един рабочий класс в поддержке своих представителей…»[477]

Да, 19 социал-демократов и из них всего 7 ленинцев в Думе – это было немного. Однако это была возможность для партии и для Ленина иметь в России хоть какую-то легальную трибуну. И в своих статьях 1908 года Ленин разъяснил это вполне ясно.

Когда он был ещё в Финляндии, в Гельсингфорсе с 5 по 12 (с 18 по 25) ноября 1907 года прошла Четвёртая («Третья общероссийская») конференция РСДРП, собравшая 10 делегатов от большевиков, 4 – от меньшевиков, 4 – от польских социал-демократов, 3 – от латышских социал-демократов и 5 бундовцев.

В докладе на конференции, напечатанном 19 ноября в № 20 «Пролетария», Ленин пояснял:

«Дума должна быть использована, главным образом, в направлении широкого распространения политических и социалистических взглядов партии, а не в направлении законодательных реформ, которые во всяком случае будут представлять из себя поддержку контрреволюции и всяческое урезывание демократии…

Путь реформ на данной политической почве означает не улучшение положения масс, не расширение свободы, а бюрократическую регламентацию несвободы…»[478]

Это вполне злободневно и сегодня! Та современная Государственная дума РФ, которую мы имеем, не может дать свободы, если рассматривать её как место, где производятся законы на существующей политической почве.

Но если Думу рассматривать, как место, где партия коммунистов ведёт борьбу за будущую власть народа путём пропаганды своих взглядов на то, как должно быть устроено общество, то тогда при посредстве коммунистической фракции Думы могут возникнуть условия для ***будущей*** свободы…

Над тем, что сказал Ленин о буржуазных парламентах почти сто лет назад нелишне, повторяю, задуматься и сегодня – очень уж это «сегодня» напоминает российское «поза-позавчера».

Собственно, почти всё, что Ленин писал о принципах деятельности большевиков в III, а затем и в IV Государственной Думе Российской империи, вполне применимо (и ещё как применимо!) к задачам коммунистов уже в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. В подтверждение можно написать отдельную главу в этой книге, а можно – и отдельную книгу, но ограничимся минимумом.

Так, в ноябре 1908 года в статье «Об оценке текущего момента» Ленин писал:

«Марксисты должны знать, что условия представительства даже в самом идеальном буржуазном парламенте всегда будут создавать искусственное несоответствие между действительной силой различных классов и её отражением в представительном учреждении. Например, либерально-буржуазная интеллигенция всегда и везде окажется в парламентах во сто раз сильнее, чем она есть в действительности…»[479]

И разве это не верно для 2014 года? В современной Государственной Думе РФ реальное представительство народа ничтожно по сравнению с представительством «бомонда», и при этом «бомонд» составляет ничтожное большинство населения страны.

А вот ещё:

«Расходится ли в России действительность политическая от решений и речей в Думе? Вершатся ли у нас дела в государстве так, как решаются они в Думе? Отражают ли „думские“ партии сколь-нибудь верно реальные политические силы в данный момент?»[480].

Читаешь и забываешь, что это написано Лениным в начале века! Ведь это же о сегодняшнем, о ***нашем*** наболевшем:

«У нас в России борьба идёт между народной массой и чиновничьей властью, которая не может жить при действительно конституционных порядках»[481].

А вот ещё слова, подходящие, правда, не столько для сегодняшнего, сколько для завтрашнего дня:

«Что такое Государственная Дума? Позволительно ли нам ограничиться общей ссылкой на это учреждение вместо анализа тех классов и партий, которые определяют действительное содержание и значение его? Наша задача – быть на своем посту в тот момент, когда думская комедия разразится в новый великий политический кризис, и своей целью мы тогда поставим переход власти в руки народа»[482].

В ноябре 1908 года Ленин, раздражённый непониманием сути проблемы частью своих же соратников, в статье «По поводу двух писем» бросает:

«Мы не для дипломатии посылаем депутатов в буржуазные представительные учреждения, а для особого вида подсобной партийной деятельности, для агитации и пропаганды с особой трибуны»[483].

В июне 1909 года на совещании расширенной редакции газеты «Пролетарий», которое прошло в Париже по инициативе Ленина, он говорил:

– Цель деятельности парламентской социал-демократической фракции принципиально отличается от цели деятельности всех остальных политических партий. Пролетарская партия стремится не к сделкам, не к торгу с власть имущими, не к безнадежному штопанью режима, а к развитию всеми мерами классового сознания, социалистической ясности мысли, революционной решительности и всесторонней организованности рабочих масс. Этой принципиальной цели должен быть подчинен каждый шаг деятельности фракции…[484]

Подобные мысли в разной подаче Ленин высказывал множество раз! В первом справочном томе к Полному собранию сочинений разделы предметного указателя «Парламентаризм» и «Парламентская тактика большевиков» занимают полторы страницы (!) и содержат более полутысячи ссылок на соответствующие тома и страницы! Есть и отдельный раздел с названием «Думская тактика большевиков» (ещё лист ссылок).

Отдельной же головной «думской» болью стали для Ленина два течения в РСДРП, которые затронули и большевиков, – «левый» отзовизм и «правое» ликвидаторство. Эти два течения надолго раскололи ряды ленинцев, а кое-кто в эти ряды уже и не вернулся.

Но об этом – чуть позже, а сейчас – весьма любопытный и малоизвестный сюжет…

Как вспоминала Крупская, «в то время (в 1908 году. – *С.К.*) большевики получили прочную материальную базу».

Прочность была, конечно, относительной – по доходу и расход, а статей расхода у партии большевиков всегда хватало, даром что никто из них ни в Биарриц, ни в Монте-Карло не наведывался, в фешенебельных особняках не квартировал и шампанское в парижском «Мулен-Руж» не распивал…

Но суммы у партии обозначились тогда действительно немалые, и об этом надо сказать подробнее, в том числе для того, чтобы напомнить о Николае Павловиче Шмите – человеке с судьбой достойной, трагической и редкой.

История Шмита в несколько отличающихся вариантах описана, например, в воспоминаниях Крупской (см. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1985, с.

328–329; члена боевой группы при ЦК Н. Е. Буренина; в книге В. К. Шалагинова «Защита поручена Ульянову» (М.: Современник, 1977, с. 219–220) и в сборнике «Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Московского Охранного Отделения» (М.: Политиздат, 1990, с. 173–174, 319). О Шмидте есть и небольшая статья в 1-й Большой советской энциклопедии.

Сводя всё воедино, имеем следующее…

Н. П. Шмит (1883–1907), совладелец полученной по наследству от отца мебельной фабрики в Москве, был племянником мануфактурщика Морозова (не Саввы, а другого Морозова – Викулы, тоже из морозовского клана). Во время учёбы в Московском университете Шмит сблизился с революционерами, стал большевиком, своим человеком среди собственных работников.

Полиция называла фабрику Шмита «чёртовым гнездом», и не зря – во время Декабрьского восстания в Москве в 1905 году фабрика Шмита, вооружившего рабочих, была одним из сильных опорных пунктов в боях на Красной Пресне. После подавления восстания фабрику Шмита сожгли, его арестовали, мучили, возили смотреть на убитых рабочих, а в 1907 году он «умер» в тюрьме. Точнее – его просто убили.

Но Шмидт передал из заключения на волю, что всё своё немалое состояние завещает сёстрам Екатерине и Елизавете с условием, что они полностью передадут деньги ЦК большевиков.

Младший брат Шмита затеял тяжбу, да и со старшей сестрой Екатериной Павловной, возникли проблемы – она не была склонна отдать всё. Была проблема и с младшей сестрой Елизаветой, но – уже другого рода: несовершеннолетняя Елизавета не могла располагать деньгами по своему благоусмотрению. Проблему решил фиктивный брак Елизаветы с боевиком Игнатьевым, сохранившим легальность. В действительности же Елизавета уже тогда любила видного большевика Виктора Таратуту, и стала его женой.

В. К. Таратута («Виктор», «Сергеев», «Вилиамов», «Лозинский») (1881–1926), член РСДРП с 1898 года, вёл работу в Закавказье, в 1905–1907 годах работал секретарём Московского комитета, на V съезде представлял Ярославскую организацию РСДРП, помогал Ленину в Париже и Женеве вести хозяйственные дела партии и переписку с Россией (в письме В. А. Карпинскому от октября 1909 года Ленин называет его «полезнейшим администратором).

Был Таратута также членом Большевистского центра и ЦК.

В 1919 году он вернулся в Россию, стал одним из организаторов Банка для внешней торговли и председателем его правления, был управляющим делами ВСНХ, председателем правления треста „Моссукно“. Ленин ценил его высоко.

История же с наследством Николая Шмита закончилась тем, что в 1908 году старшая сестра Екатерина передала большевикам 45 000 рублей, и затем – ещё 80 000 рублей, а младшая Елизавета – до 500 000 рублей[485].

К слову, такой вот штрих…

Посредником в этом деле по поручению обеих сторон был известный московский адвокат П. Н. Малянтович (1870–1939), в 1917 году министр юстиции Временного правительства, а после Октябрьской революции – член Московской коллегии защитников.

Наследство Шмита вполне составило прочную базу для партии на несколько лет. Годовой расход на растущие партийные нужды можно было оценить примерно в 100 тысяч рублей, так что почти до начала Первой мировой войны партийная касса пустой не была – без пресловутых мифических „эксов“.

К слову… Упомянутый мной ранее „экс“ Камо на Эриванской площади Тифлиса летом 1907 года был для большевиков мерой настолько чрезвычайной и для них не характерной, что когда

Европа была взбудоражена в связи со срывом операции по размену крупных купюр из захваченных мешков на мелкие, Павел Аксельрод в письме Плеханову от 26 февраля 1908 года предлагал дискредитировать большевиков в глазах европейской социал-демократии, подготовив особый доклад об этой истории[486].

Этот факт сам по себе доказывает, что большевики, как правило, „эксами“ не занимались, хотя Ленин не отрицал, что в период революционного подъёма допустима экспроприация экспроприирующих.

Наследство Шмита финансовые проблемы на какой-то срок решало, но самой главной проблемой для Ленина стала на годы борьба с угрозой партии слева – со стороны так называемых „отзовистов“, и угрозой партии справа – со стороны так называемых „ликвидаторов“.

Сегодня эта очень серьёзная и очень попортившая Ленину двойная коллизия в его жизни и в жизни партии имеет чисто историческое значение и особо долго на её перипетиях останавливаться мы не будем. Но сам по себе сюжет весьма и весьма интересен и поучителен.

И вначале – об отзовизме…

Социал-демократическая фракция в III Думе была небольшой, но она была. И вот вокруг того, какой должна быть „думская“ линия партии разгорелись жаркие споры. Группа „отзовистов“ считала, что социал-демократические депутаты из Думы должны быть отозваны, а вся легальная работа, включая работу в профсоюзах, прекращена.

„Ликвидаторы“ – по преимуществу это были, конечно, меньшевики, шли дальше, они ставили под сомнение саму необходимость нелегальной профессиональной партии и склонялись к тому, что такую партию необходимо ликвидировать, а взамен организовать открытую, легальную „рабочую“ партию по типу лейбористской (*англ*. labour – „работа, труд“) партии в Англии и стать на путь буржуазного парламентаризма.

В „отзовисты“ же откололась часть большевиков, которых возглавил близкий – до этого – соратник Ленина Александр Александрович Богданов (настоящая фамилия Малиновский) (1873–1928). Сын народного учителя, он окончил медицинский факультет Харьковского университета, в революционное движение пришёл в 1896 году.

После II съезда – большевик, Богданов шёл с Лениным, был активен на V съезде в Лондоне в 1907 году, но к осени 1908 года Богданова, что называется, „повело“. А поскольку личностью он был весьма яркой и увлекающейся, то мог увлекать и других…

И увлёк!

В число „отзовистов“ входили такие крупные большевики как Г. А. Алексинский, А. В. Луначарский, М. Н. Лядов, А. С. Бубнов, М. Н. Покровский, А. В. Соколов. И судьбы их оказались очень разными…

Григорий Алексинский кончил как белоэмигрант.

Анатолий Луначарский (женатый, к слову, на сестре Богданова) стал первым советским наркомом просвещения, и его прах захоронен в Кремлёвской стене.

Мартын Лядов-Мандельштам (1872–1947) – искровец большинства, агент ЦК, вёл активную борьбу с меньшевиками, в 1917 году стоял на меньшевистских позициях, но с 1923 года стал ректором Коммунистического университета имени Свердлова, в 1930 году заведовал архивом Октябрьской революции и в 1932 году тихо ушёл на пенсию.

Андрей Бубнов (1883–1938) до революции был деятельным партийным работником, в 1917 году вошёл в первый – ещё дооктябрьский, состав Политбюро ЦК РСДРП(б), примыкал к Троцкому, потом отошёл от него, был начальником Политуправления РККА, но кончил антисталинским заговором и в 1938 году был расстрелян.

Михаил Покровский (1868–1932), в 1891 году окончивший историко-филологический

факультет Московского университета, работал с Лениным, в 1912 году примыкал к Троцкому, затем вернулся к Ленину, редактировал его труд „Империализм, как высшая стадия капитализма“… После Октября 1917 года Покровский стал одним из основателей советской исторической школы, хотя дров порой наламывал… Прах его тоже погребён в Кремлёвской стене.

А. В. Соколов (1880—?) („С. Вольский“ – не путать с Вольским-„Валентиновым“, „Станислав“) вёл партийную работу в Москве, участвовал в декабрьском восстании 1905 года, был делегатом V съезда, в годы реакции от Ленина отошёл, принимал участие в организации фракционных школ на Капри и в Болонье, входил в антиленинскую группу „Вперёд“…

После Февральской революции Соколов работал в военной секции Петросовета, к Октябрьской революции отнёсся враждебно, боролся против Советской власти, эмигрировал, вскоре вернулся, работал в Госплане и Наркомторге, а с 1927 года занимался литературной работой, окончательно канув в неизвестность…

Сколько было их на пути Ленина – поддерживавших, а потом предавших… Поддерживавших, а потом отколовшихся… Колебавшихся, уходивших и возвращавшихся… Об этой стороне истории партии в СССР говорили мало, а уж применительно к политической судьбе Ленина и вообще не говорили. А ведь всё это отступничество, полу-отступничество, четверть-отступничество, окрашивало судьбу и жизнь Ленина в тона не очень-то весёлые, приносило в душу много горечи…

Не зная этого, не очень-то Ленина и поймёшь.

В феврале 1909 года он писал в газете „Пролетарий“:

„Поскольку отзовизм возводится в теорию, – а это делается небольшой группой, мнящей себя представительницей истинной „революционности“, – постольку непримиримая *идейная война*! Отзовизм как направление равен *меньшевизму наизнанку*…

Отзовизм – не большевизм, а худшая политическая карикатура на него, которую только мог бы придумать злейший его политический противник. Мы считаем необходимым, чтобы все большевики, до последнего кружка, дали себе ясный отчёт в истинном значении отзовизма и поставили бы перед собой вопрос: не проводится ли под флагом „революционности“ и „левизны“ явный отказ от славных традиций старого большевизма, как он сложился в предреволюционную эпоху и в огне революции“[487].

Непросто объявлять войну – хотя бы и идейную, старым друзьям и товарищам по партийной работе, ещё недавно входившим в „компанийку хороших друзей“… Тот же Богданов, с которым так славно было бродить и спорить в Куоккале… В 1898 году, в ссылке, Ленин познакомился с ним заочно – по популярной книге Богданова „Краткий курс экономической науки“. Книга Ленину понравилась, он говорил о ней как о „замечательном явлении в нашей экономической литературе, написал на неё рецензию. В 1904 году Богданов после ряда высылок – в Калугу, в Вологду, в Бежецк, выехал за границу, и в Женеве он и Ленин познакомились уже „живьём“, и пошли рядом, к плечу плечо…

В конце 1907 года Богданов опубликовал роман-утопию о Марсе „Красная звезда“, и летом 1908 года Ленин написал из Женевы матери письмо, от которого сохранился только любопытный постскриптум, который приведу полностью:

„P. S. Сегодня прочёл один забавный фельетон о жителях Марса, по новой английской книге Lowell`я – Марс и его каналы. Этот Lowell – астроном, долго работавший в специальной обсерватории и, кажется, лучшей в мире (Америка).

Труд научный. Доказывает, что Марс обитаем, что каналы – чудо техники, что люди там

должны быть в 2 $^{2}/_{3}$ раза больше здешних, притом с хоботами, и покрыты перьями или звериной шкурой, с четырьмя *или шестью* ногами. Н…да, наш автор (А. А. Богданов. – *С.К.*) нас поднадул, описавши марсианских красавиц *неполно*, должно быть по рецепту: «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»…

Вышла новая повесть Горького: "Последние""[488].

В апреле 1908 года Ленин гостил на острове Капри у Горького, и есть известная серия фотографий: Ленин и Богданов играют в шахматы на вилле Горького.

И вот приходится отставлять шутки и товарищество в сторону и начинать с Богдановым идейную войну.

Вместе они так уже и не сойдутся… Богданов с Луначарским, Алексинским, Горьким и Вилоновым организует каприйскую "партийную" школу в 1909 году и позднее – в 1911 году, аналогичную школу в Болонье, а в декабре 1909 года вместе с Григорием Алексинским станет организатором группы "левых большевиков" "Вперёд"…

Казалось бы – сколько пыла…

В то время Богданов замахнётся на собственную философскую систему! Он явно будет считать себя правым, а Ленина неправым.

Полезно сопоставить Богданова со Сталиным. Сталин уловил масштаб Ленина сразу, и, даром что сам был гением, не стал – в отличие от Богданова, изображать из себя фигуру, как минимум равновеликую Ленину, а пошёл под руку Ленина и всю свою жизнь шёл под знаменем Ленина и был верен делу Ленина. Богданов же, обладая талантом вполне сумбурным, с какого-то момента стал отвергать Ленина, пытался потрясать небеса…

А что затем?

А затем Богданов в 1913 году тихо вернётся в Россию, будет одно время сотрудничать в "Правде", в интеллигентских изданиях… В 1914 году его как врача мобилизуют на фронт, но в 1915 году откомандируют на работу в госпиталь в Москве. Тогда он уже будет считать себя "вне политики".

Ленинский Октябрь бывший ленинский соратник не примет, Октябрьскую революцию оценит как "демагогию-диктатуру", но своё – пусть и весьма своеобразное, место в новой России найдёт, об этом ещё будет сказано в своём месте.

Такими были отзовисты.

Явная глупость их позиции была, казалось бы, очевидной. К чему лишаться думской трибуны – во имя чистоты риз?

Или отказываться от неё потому, что думские большевики не всегда работали лучшим образом?

Ну, если и так – воспитывайте товарищей, но с маху – отзывать?

В первой половине 1909 года Ленин был по горло занят попытками вернуть Богданова и его сторонников на верный путь. Ситуацию хорошо иллюстрирует, например, письмо Ленина к Иосифу Дубровинскому от 29 апреля 1909 года:

"Дорогой друг! У нас гостит Покровский. Обыватель чистой воды. "Конечно, отзовизм глупость, конечно, это синдикализм, но по моральным соображениям и я и, вероятно, Степанов (И. И. Скворцов-Степанов. – *С.К.*) будем за Максимова (Богданова, – С.К.)". Обижают, видите ли, кристальных негодяев разные злые люди! Эти «маральные» обыватели сразу начинают «мараться», когда при них говоришь об исторической задаче сплочения марксистских элементов…

Выписывала этого мараку оппозиция – мы его не выписывали…

Похоже на то, что Власов теперь решает судьбу: если он с глупистами, обывателями и

махистами, тогда, очевидно, раскол и упорная борьба. Если он с нами, тогда, может быть, удастся свести к отколу парочки обывателей, кои в партии ноль…

Домов + Богданов + Марат требуют сегодня БЦ (Большевистский центр. – *С.К.*) о назначении срока пленума на конец V – начало VI. На деле возможен пленум лишь ещё позже…" [489]

В скобках замечу, что туберкулёзник Дубровинский тогда лечился в Давосе, и Ленин в своих письмах ему раз за разом напоминал весной 1909 года: "бросьте мысль об удирании из санатория", "лечитесь серьёзно", "лечитесь, гуляйте, спите, ешьте, ибо для партии нам нужно здоровое имущество"… Но в 1913 году Дубровинский стараниями царского правительства попал в другой "санаторий" – "туруханский", и в 1913 году в Сибири же умер.

Что же до лиц, упомянутых в письме, то "Домов" – это М. П. Покровский, с упоминания о котором Ленин письмо начал, Богданов – это Богданов, а "Марат" – московский большевик Виргилий Леонович Шанцер (1867–1911).

Уроженец Одессы, адвокат, окончивший Юрьевский (Тартуский) университет, Шанцер работал в партии с 1900 года, в 1902 году был сослан в Сибирь на три года. В 1904 году его освободили "на основании высочайшего манифеста от 11 августа", но в октябре 1904 года, как отмечено в его охранном деле, он "письменно заявил о своём отказе от милостей, дарованных манифестом…, и неизменяемости своих революционных убеждений".

В начале декабря 1905 года Шанцера арестовали в Москве на конспиративном совещании, где обсуждались вопросы подготовки декабрьского восстания, и в марте 1906 года опять выслали в Енисейскую губернию, откуда в октябре 1906 года он бежал. 18 апреля 1907 года был арестован в Петербурге, содержался в Красноярской тюрьме, затем "водворён" в село Богучанское Пинчугской волости Енисейской губернии. А позже – в 1908 году, бывшего одессита закатали в Туруханский край, но по дороге туда он бежал – за границу, к Ленину. Такие вот были у революционеров "забеги на длинные дистанции".

На V съезде Шанцер стал членом ЦК, входил в редакцию большевистского органа – газеты "Пролетарий". Но в итоге примкнул к отзовистам-ультиматистам, вошёл в группу "Вперёд". Вскоре Шанцер серьёзно заболел – занятия "бегом" из ссылок не лучший вид "спорта" для сохранения здоровья, в 1910 году был перевезён в Москву, где через год и умер – сорока четырёх лет от роду.

Были у революционеров и такие судьбы.

Упомянутый же в письме Дубровинскому "Власов" – это Алексей Иванович Рыков (1881–1938), ставший после смерти Ленина вторым Председателем Совета Народных Комиссаров СССР и возглавлявший Совнарком до декабря 1930 года. Рыков колебался всю жизнь, и в итоге "доколебался" до расстрела после процесса "Правотроцкистского антисоветского блока" в 1938 году.

Были у революционеров и такие судьбы.

Летом 1909 года Ленин созвал в Париже совещание расширенной редакции "Пролетария". Оно проходило с 8 по 17 (с 21 по 30) июня с участием 9 членов Большевистского центра, а также представителей петербургской, московской областной и уральской организаций. Отзовистов там представляли Богданов и Шанцер. Ленин выступал много, и в итоге были приняты ленинские резолюции, хотя Рыков, Зиновьев, Каменев и Томский по ряду вопросов "колебались" и занимали примиренческие позиции. Зная их последующую судьбу через много лет, когда все четыре будут входить в высшее политическое руководство СССР, невольно вспоминаешь: "Посеешь поступок, пожнёшь привычку, посеешь привычку – пожнёшь характер, посеешь характер – пожнёшь судьбу".

И уже тогда разные соратники Ленина совершали разные поступки, и сеяли разные судьбы.

Кто-то – до конца славные… Кто-то – с какого-то момента, бесславные.

Богданов на этом Совещании был выведен за фракционную деятельность из состава редакции газеты "Пролетарий", из членов Большевистского центра и исключён из партии.

Впрочем, Богданов с Луначарским увлеклись ещё и такой глупейшей "теорией" как богостроительство, якобы соединявшей социализм с религией. Это была уже не политика, а беспорядочная интеллигентщина, но – политике партии вредящая.

В сентябре 1909 года Ленин публикует отдельным приложением к газете "Пролетарий" большой материал "О фракции сторонников отзовизма и богостроительства". Написанная ярко, эта ленинская статья "ультра-революционеров" не пожалела. О Богданове ("Максимове") Ленин писал:

"Максимов до сих пор не может налюбоваться на себя, как на бойкотиста III Думы, и свои редкие партийные выступления обязательно сопровождает подписью: "докладчик бойкотистов на июньской конференции 1907 г." Один писатель подписывался в старину: "действительный статский советник и кавалер". Максимов подписывается "докладчик бойкотистов" – тоже ведь кавалер!..

До геркулесовых столпов этот парламентский кретинизм наизнанку дошёл в знаменитом рассуждении вождя московских отзовистов (А. В. Соколов-"Вольский". – *С.К.*), прикрываемого Максимовым: отозвание фракции должно подчеркнуть, что революция не похоронена!..

В вопросе о богостроительстве эти люди также показали себя… Есть литераторская компания, наводняющая нашу легальную литературу… систематической проповедью богостроительства. К этой компании принадлежит и Максимов. Эта проповедь… приобрела общественный, политический характер…"[490]

Рвать с товарищами всегда сложно, сложно прежде всего для собственного сердца. Но Ленин не был обывателем, боящимся – как он остроумно язвил по поводу Покровского, "измарать" чистоту риз из "маральных" соображений. Потому так часто Ленин и оказывался временно в меньшинстве, что он никогда не уступал там, где уступить нельзя. Компромисс допустим не по принципу "Худой мир лучше доброй ссоры", а лишь постольку, поскольку он укрепляет дело партии. И Ленин продолжает:

"Нет, довольно уже этой склоки! Фракция есть свободный союз единомышленников внутри партии, и после борьбы более чем в течение года, борьбы и в России, и за границей, мы имели полное право, мы были обязаны сделать решительный вывод…

Вы ведёте двойную игру… Вы можете завоёвывать себе большинство. Вы можете одерживать среди незрелой части большевиков какие угодно победы. Ни на какое примирение мы не пойдём… Никакие конференции, никакие съезды в мире не примирят теперь большевиков с отзовистами, ультиматистами и богостроителями…"[491]

Бывшие соратники, ставшие отзовистами, превращались из единомышленников в оппонентов. Что уж говорить об отношении Ленина к ликвидаторам!?

Как уже было сказано, ликвидаторы провозглашали необходимость чисто легальной "рабочей" партии, и на такой точке зрения стояли меньшевики в лице, прежде всего, их лидеров: Фёдора Дана-Гурвича, Павла (Пинхуса) Аксельрода, Александра Потресова, Саула Пикера-"Мартынова", Юлия Цедербаума-"Мартова" и Льва Троцкого… Пока я ограничусь тем, что назвал их, но чуть позже кое-что прибавлю.

Были, правда, и так называемые меньшевики-партийцы, возглавляемые Плехановым. В 1909 году Плеханов писал:

"Тут нужно выбирать: *или* ликвидаторство, *или* борьба с ним. Третьего нет. Говоря это, я имею в виду, разумеется, товарищей, руководящихся не своими личными интересами, а интересами нашего общего дела. Для тех, которые руководствуются своими личными

интересами; для тех, которые думают только о своей революционной карьере, – есть ведь и такая карьера! – дли них существует, конечно, третий выход… лавировать между ликвидаторским и антиликвидаторским движением… Но… это не настоящие люди, а только «игрушечного дела людишки». О них толковать не стоит: они прирождённые оппортунисты; их девиз: «чего изволите?»"[492]

Комментируя это заявление осенью 1909 года в статье "Разоблачённые ликвидаторы", Ленин заметил: "Это называется тонкий намёк… на толстое обстоятельство", и подытожил: "Поживём, увидим, *в силах ли* будет провозглашённый Плехановым «революционный меньшевизм» провести борьбу со всем кругом идей, родивших Потресова и ликвидаторство"[493].

Ещё раньше – 11(24) июля 1909 года, Ленин опубликовал в № 46 "Пролетария" статью с вполне "говорящим" названием "Ликвидация ликвидаторства", где заявил:

"Ликвидаторство в тесном смысле слова, ликвидаторство меньшевиков, состоит идейно в отрицании революционной классовой борьбы социалистического пролетариата вообще, и, в частности, в отрицании гегемонии пролетариата в нашей буржуазно-демократической революции…

Меньшевики не подводят итогов проявлениям ликвидаторства. Отчасти они скрывают их, отчасти путаются сами, не сознавая значения отдельных фактов, теряясь в казусах, мелочах, личностях, не умея обобщать, не понимая смысла происходящего.

А смысл этот состоит в том, что оппортунистическое крыло рабочей партии… неизбежно должно при кризисах, распаде и развале оказаться либо сплошь ликвидаторским, либо в плену у ликвидаторов…

Наступил распад – масса интеллигентов-меньшевиков фактически ушла в либералы… Те меньшевики, которые искренне сочувствовали пролетариату, оказались в меньшинстве среди меньшевиков… Меньшевики-партийцы… начинают откалываться и силою вещей они оказываются, раз они идут *к партии*, идущими к большевикам"[494].

Однако Ленин сказал здесь, пожалуй, не всё о сущности ликвидаторства, и вряд ли мог сказать кое-что такое, что начинает проясняться только сейчас. Но перед тем как пояснить, что имею в виду, приведу ещё одну ленинскую мысль, хорошо выражающую его взгляд на то, что есть революционная партия в её повседневном облике в буржуазном обществе:

"Большевики с полной определённостью заявляли до революции, …что они сумеют выполнить свой долг и на самой тяжёлой, медленной, серой будничной работе, если после исчерпания всех революционных возможностей история заставит нас тащиться путями "самодержавной конституции"… Чтобы выполнить это обязательство перед пролетариатом, надо неуклонно воспитывать тех, кого привлекали к социал-демократии дни свободы, кого увлекала главным образом решительность, революционность, "яркость лозунгов", у кого не хватало выдержки, чтобы бороться не только в дни революционных праздников, но и в контрреволюционные будни…"[495]

Если учесть, что это было сказано через три года после 1906 года и за восемь лет до 1917 года, то лишь глупыми и невежественными, или гнусными и подлыми можно назвать все побасёнки о том, что Октябрьская революция была случайной, что Ленин в её подготовке, считай что, и не участвовал, что большевики якобы просто подобрали власть, которая валялась-де под ногами, и так далее…

Нет, Ленин серые дни контрреволюционных буден в период с 1909 до 1917 года использовал для того, чтобы путём тяжёлой, медленной, серой будничной работы из всей мешанины, которую представляла собой РСДРП после поражения первой русской революции, окончательно отобрать то ядро – руководящее и более массовое, которое будет отличаться по названию от прежней

РСДРП прибавлением одной лишь буковки в скобках – буковки (б)…

Но эта буковка всё и определит, ибо будет означать, что к 1917 году в России будет жить и действовать партия невиданного доселе типа – ленинская партия большевиков.

Вот эта партия Ленина и привела Россию к Октябрю 1917 года.

Меньшевики-ликвидаторы стремились осложнить окончательное становление такой партии. В идеале же они хотели попросту привести дело к ликвидации той партии, которая в считанные пять лет после фактически первого её съезда в 1903 году стала в России если ещё не определяющей, то значительной общественной силой!

Но зачем это было надо меньшевикам?

Казалось бы – не сошлись люди во взглядах, ну и разошлись по двум партиям… Большевики – в боевую нелегальную партию профессиональных революционеров, сочетающих все формы работы и имеющих политическую цель – будущую социалистическую революцию… А меньшевики – в легальную реформистскую партию, ставящую перед собой задачу добиваться социальных реформ и улучшения экономического положения рабочих в буржуазном обществе.

Нет же, меньшевики очень старались ликвидировать партию вообще!

Зачем?

Ленин объяснял это идейной нестойкостью интеллигентов, влиянием буржуазного общества, и политически всё это было верным.

Но только ли искренней, так сказать, идейной путаницей объяснялось ликвидаторство?

Ленин был современником достаточно простодушной, всё же, эпохи и не знал того, что знаем об изощрённости методов подрывной работы Капитала в XX веке мы. Поэтому Ленин не мог заподозрить своих пусть и бывших, но товарищей по партии в прямой, кем-то так или иначе ***оплаченной*** провокации по отношению к большевикам.

А вот нам сегодня это предположить, как говорится, сам бог велел…

В Европе тогда уже не было подлинно боевых рабочих партий, а мировая Золотая Элита (под ней подразумеваю не только и не столько еврейских финансистов, сколько действительно наднациональную элиту, в том числе англосаксонскую) уже замышляла мировую войну.

Сильная партия, устроенная на подходах Ленина, очень мешала таким планам Элиты, и поэтому вполне логично предположить, что меньшевики стали ликвидаторами или по прямому сговору с бывшими политическими врагами из лагеря Капитала, или – что вероятнее, через посредничество лидеров II Интернационала.

Причём, прямое предательство лидеров меньшевиков не обязательно могло оплачиваться долларами или фунтами… Форма оплаты могла быть разной, Плеханов верно заметил, что есть ведь и революционная карьера!

Тому же Потресову во II Интернационале могли обещать всестороннюю (от финансов до организационных мер) поддержку в создании в России сильной "парламентской" "рабочей" партии во главе с Потресовым.

Заманчиво – особенно для честолюбивого человека?

Надо полагать – да.

Между прочим, Александр Потресов, бывший соратник Ленина по "Союзу борьбы за освобождение рабочего класса" и по первой "Искре", был, насколько мне известно, единственным видным социал-демократом мужчиной, вышедшим из генеральской семьи – его отец был генерал-майором. Так что у генеральского сына Потресова, да ещё на почве зависти к Ленину, вполне могли ***постепенно*** прорезаться карьеристские – пусть и в революции – устремления.

Вот их и могли использовать.

И если это было так, то корни российского ликвидаторства отыскиваются не только в атмосфере буржуазной России периода послереволюционной реакции, но и в салонах европейского политического бомонда.

В сюжете с ликвидаторством меньшевиков есть, на мой взгляд, и ещё одна пикантность, от исследователей почему-то ускользающая… Давно гуляет по печатным страницам миф о якобы еврейском характере Великой Октябрьской социалистической революции… А не мешало бы поразмышлять, и не в рамках мифотворчества, а в рамках трезвого исторического анализа – коль уж на то пошло, о еврейском характере российской ***контрреволюции***.

Главными политическими оппонентами большевиков в 1917 и 1918 годах были, вообще-то, не буржуазные партии, и даже не эсеры, а меньшевики! Что же до национального состава меньшевиков, то он, как мы знаем, особенно – в его руководящей части, был преимущественно еврейским. Отсюда и вытекает тезис о том, что российская контрреволюция имела во многом еврейский характер!

Я не склонен выделять этот момент как важнейший – наиболее важен всегда классовый фактор, но коль уж рассуждать о русской революции с ***этих*** позиций, то начинать надо не с большевиков.

Всмотримся в облик российской контрреволюции образца 1917–1918 годов…

Чисто буржуазные контрреволюционные партии в 1917 году влияние в массах теряли. Но и там было немало евреев – особенно в руководстве кадетов. Даже их печатный орган – газету "Речь", редактировал еврей Борис Харитон, отец будущего советского академика-атомщика Юлия Харитона.

Эсеры, в руководстве которых тоже было много евреев, хотя и обладали формально самым весомым массовым влиянием, потому что опирались на крестьянство, тоже теряли в 1917 году своё влияние даже на крестьянскую массу, не говоря уже о рабочих, где эсерам всегда доверяло не так уж много людей.

Но в любом случае эсеры, особенно правые, это – тоже контрреволюция. Впрочем, после левоэсеровского мятежа 6 июля 1918 года (дойдём мы в своё время и до него) и левые эсеры перешли в лагерь контрреволюции…

И, наконец, меньшевики… Они ещё в начале 1917 года имели большой вес в рабочей среде, что и обусловило меньшевистский облик первого Петросовета и первого ВЦИКа… После Октября 1917 года это влияние сразу "на нет" не сошло и было весьма значительным. У меньшевиков был и свой массовый, "низовой" актив среди рабочих. В результате основной силой русской контрреволюции и, во всяком случае, наибольшей опасностью для большевиков – опасностью не военной, а ***политической***, были в конце 1917 года и в 1918 году меньшевики.

Не Каледин, не Деникин и Колчак, а лидеры меньшевиков…

Причём как раз у меньшевиков были наиболее прочные и широкие связи – в том числе и личные, с лидерами европейской социал-демократии. А лидеры II Интернационала к 1917-18 году были практически поголовно агентами влияния Капитала в рабочем социал-демократическом движении. Стоит ли удивляться, что все эти бернштейны, каутские, брантинги встретили Октябрь 1917 года в штыки и приветствовали интервенцию против Советской России.

Но это было позже, а если возвращаться в 10-е годы, ко времени борьбы Ленина с ликвидаторством, то поведение меньшевиков накануне Октября 1917 года и после Октября 1917 года во вполне определённом ракурсе освещает их поведение в отношении партии и в 1909 году…

Это – поведение ***платных*** провокаторов.

Ленин в своих разоблачениях ликвидаторства до подобных мыслей не доходил, ну а нам сегодня высказать их не только можно, но и нужно. Не политические оппоненты противостояли

Ленину уже в 1909 году, а политические провокаторы, имеющие не цели, а задание ликвидировать боевую силу передового российского пролетариата.

К тому времени партия большевиков уже выработала структуру и методы нелегальной работы, получила первый боевой опыт и была готова идти дальше – к успешной революции. Это была уже не кучка – за Лениным стояли сотни опытных профессиональных конспираторов и организаторов, немалые тысячи партийных активистов, а во вполне реальной и достаточно близкой перспективе – сотни тысяч и миллионы организованных рабочих и даже – десятки миллионов трудового крестьянства!

С другой стороны, две части РСДРП – большевистская и меньшевистская, были тогда ещё достаточно взаимно проницаемы. Шли постоянные контакты, проводились общие обсуждения – особенно в легальных условиях заграницы. Поэтому меньшевики, фактически не имеющие к началу 10-х годов общей организационной структуры с большевиками, обладали, тем не менее, возможностью влиять на большевистскую часть РСДРП. И влияние это было, увы, только развращающим.

Один пример на этот счёт сейчас приведу.

Николай Александрович Рожков (1868–1927) не раз появлялся на страницах этой книги. В 1890 году он окончил историко-филологический факультет Московского университета и затем преподавал там. Вначале он был близок к «легальным» марксистам, но в 1905 году примкнул к большевикам, был членом Московского и Петербургского комитета партии, работал в редакциях большевистских газет «Борьба» и «Светоч», проявил себя талантливым агитатором и публицистом, участвовал в V съезде РСДРП, был избран от большевиков в ЦК.

Рожков был и плодовитым историком – за свою жизнь он написал свыше 350 книг, брошюр и статей по истории России и Западной Европы, социологии, философии, экономике, педагогике. Увы, Рожков не ограничивался в истории фактами, он *теоретизировал*, выдвигал собственные взгляды на социальное развитие, и, похоже, эти, никак объективно не обоснованные, претензии на идейное верховенство в конце концов Рожкова и подвели…

В 1907 году он входил в "компанийку" Ленина, в 1908 году был в России арестован и сослан на поселение в Сибирь как большевик. Весной 1911 года Ленин в докладе о положении в партии, подготовленном им для членов ЦК, анализировал возможность созыва за границей пленума ЦК (в России это из-за провалов вследствие провокации было невозможно) и писал, что "большевики могут свезти Мешковского (И. П. Гольденберга. – *С.К.*), Иннокентия (И. Ф. Дубровинского. – *С.К.*), Рожкова и Саммера"[496].

То есть ещё весной 1911 года Рожков был для Ленина фигурой борьбы за боевую партию.

Но уже 3 декабря 1911 года в № 32 большевистской легальной газеты "Звезда", издававшейся в Петербурге, Ленин за подписью "Вл. Ильин" публикует статью "Манифест либеральной рабочей партии", полностью посвящённую статье Рожкова, появившейся в легальном журнале меньшевиков-ликвидаторов "Наша Заря".

В самом начале статьи Ленин писал:

"Как ни тяжело марксистам терять в лице Н. Р-кова человека, послужившего рабочей партии в годы подъёма с преданностью и энергией, интересы дела должны стоять выше каких бы то ни было личных или фракционных отношений, каких бы то ни было "хороших" воспоминаний…"[497]

Такое начало показывает, как непросто – чисто по-человечески, было терять Ленину товарищей, ушедших на кривые пути амбиций и заблуждений… Ленинская статья – это деловой политический анализ, и с точки зрения полноты и убедительности анализа слова о том, что интересы дела должны стоять выше личных фракционных отношений и "хороших"

воспоминаний, ничего к сути сказанного не прибавляли. Смысл их был полностью понятен лишь узкому кругу тех руководящих партийцев, которые были осведомлены о если не дружбе, то очень тёплых, товарищеских отношениях Ленина и Рожкова.

Но, вот же, Владимир Ильич не смог сдержать чувства и начал статью с горькой ***лично для него*** констатации…

И далее в статье Ленина эта личная нота местами прорывается, особенно к концу, где он предлагает Рожкову: "Снимите с себя профессорские очки, любезный…"

Эмоции Ленина вполне объяснимы – былой боевой товарищ тоже двинулся в ликвидаторы, предлагая вместо партии "открытое политическое рабочее общество" и уверяя при этом, что в такой завиральной идее "нет ни грана утопии"…

Ленин заметил по поводу такого уверения: "Приходится ответить автору перефразировкой известного изречения: большой ты утопист, но утопия у тебя маленькая…"

Вред, впрочем, от утопий Рожкова был немалый, и, начав с публикаций в органе меньшевиков-ликвидаторов, Рожков быстро стал одним из идеологов ликвидаторства… Дальнейшую его судьбу особо прямой тоже не назовёшь, но об этом – в своём месте.

Можно вспомнить и ещё одного бывшего партийного коллегу Ленина – Валентинова-Вольского, который тоже претендовал на роль "теоретика" и тоже кончил ликвидаторством в 10-е годы и невозвращением в СССР в начале 30-х годов. Однако и о Валентинове – позднее…

Всё же, отступников от большевизма и от Ленина среди ликвидаторов было не так уж много, здесь преобладали, так сказать, "природные", "кристально чистые" меньшевики, которые отошли от Ленина давно или были ему чужды всегда. Они – как Фёдор Дан, мнили себя истинными марксистами, но оказывались на поверку классовыми врагами трудящихся масс России.

Ленин же через препоны бывших товарищей по партии собирал вокруг себя тех, кто из всех неудач вышел лишь более убеждённым и более закалённым… Он вполне мог сказать о себе и о своих товарищах словами Редьярда Киплинга:

О если ты спокоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,

И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь твёрд в удаче и в несчастье,
Которым, в сущности, цена одна.

И если ты готов к тому, что слово
Твоё в уловку обращает плут,
И, потерпев крушенье, можешь снова —
Без прежних сил – возобновить свой труд…

И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в долгий бег,
Земля – твоё, мой мальчик, достоянье!
И более того, ты – человек!

Но Ленин был не поэтом…. Он был политиком нового типа – политиком народа, и писал он прозой, но прозой отнюдь не серой:

"Большевикам приходится вести партию. Чтобы вести, надо знать путь… Мы научились во время революции "говорить по-французски", т. е. вносить в движение максимум толкающих вперёд лозунгов, поднимать энергию и размах непосредственной массовой борьбы. Мы должны теперь, во время застоя, реакции, распада, научиться "говорить по-немецки", т. е. действовать медленно (иначе нельзя, пока не будет нового подъёма), систематически, упорно, двигаясь шаг за шагом, завоёвывая вершок за вершком. Кому скучна эта работа… *на этом повороте пути*, тот всуе приемлет имя марксиста…

Большевики должны теперь построить партию, построить из фракции партию, построить партию при помощи тех позиций, которые завоёваны фракционной борьбой.

Ряды перестроены для новой борьбы. Изменившиеся условия учтены. Путь выбран. Вперёд по этому пути – и революционная рабочая партия России станет быстро складываться в силу, которую не поколеблет никакая реакция и которая встанет во главе всех борющихся классов народа в следующей кампании нашей революции"[498].

Так Ленин закончил в июле 1909 года свою статью «Ликвидация ликвидаторства». И задача была объявлена вождём большевиков вполне практическая и понятная: окончательно оформить деятельную партию с учётом всех ошибок, просчётов и, увы, измен…

Но от постановки задачи построения партии из фракции до окончательного оформления партии должно было пройти ещё более двух лет. Лишь Пражская конференция большевиков 1912 года окончательно расставила всё и всех на свои места.

Я же, приводя эти ленинские слова 1909 года ещё раз спрошу: "Зная их, можно ли всерьёз говорить о якобы случайности прихода к власти в России в 1917 году именно партии Ленина?"

Ведь раз за разом приходится повторять, что Ленин был нацелен сам и нацеливал партию и рабочих на то, что удалось совершить в 1917 году, ***за много лет до того***, как это удалось совершить!

Порой Ленин буквально тащил за шиворот соратников, доказывая безжалостно логичными доводами (которые, если они логичны, безжалостны всегда), что народы России в условиях царизма может вывести к свободе только социалистическое вооружённое восстание, а совершить это восстание народ может только в том случае, если в России будет партия, способная вести народ к восстанию… И что в условиях царизма нелегальное ядро этой партии должны составить нелегальные профессиональные революционеры, работу которых организует легальный зарубежный ЦК.

Этим Ленин и занимался теперь, в своей второй вынужденной эмиграции, собирая вокруг себя всё живое, что имелось как в России, так и в среде эмигрантов, где легко стать живым политическим трупом или, по крайней мере, просто революционным обывателем.

Как ни странно, но в то время уже появлялся в революционных эмигрантских кругах и такой тип личности.

А в России царила реакция…

Василий Осипович Ключевский, великий наш историк, скончался 12(25) мая 1911 года, семидесяти лет отроду, а за несколько месяцев до смерти – в январе 1911 года, записал в дневнике: "…Нынешняя политика: менять законы, реформировать права, но не трогать господствующих интересов.

Чем более сближались мы с Западной Европой, тем труднее становились у нас проявления народной свободы, потому что средства западноевропейской культуры, попадая в руки немногих тонких слоёв общества, обращались на их (этих слоёв, – *С.К*) охрану, не на пользу страны,

усиливая социальное неравенство, превращаясь в орудие разносторонней эксплуатации культурно безоружных народных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготовляли их к бунту, а не к свободе. Главная доля вины на бессмысленном управлении…"[499]

Академик Ключевский не был революционером, в 1906 году он баллотировался в I Думу по кадетско-октябристскому списку, хотя сам считал себя "диким" – "ни к Богу, ни к чёрту", а по определению лидера кадетов Павла Милюкова "стоял ближе к демократически-народническому, чем к конституционно-либеральному течению нашей интеллигенции"…

И вот даже Ключевский – отдавая себе в том отчёт, или нет – на излёте жизни выносил обвинительный приговор и политическому строю, и общественной атмосфере царской России. Это был приговор историка не только императору Николаю II и его камарилье, но и приговор всему российскому либерализму – прошлому, настоящему и будущему.

Это был приговор и современникам Ключевского – всем этим милюковым, кизеветтерам, родичевым, струве, ростовцевым, гучковым, винаверам, набоковым, астровым, некрасовым, графиням паниным и т. д.

Это был приговор и современным либералам – всем этим андреям сахаровым, канторам, немцовым, собчакам и ксение-собчакам, чубайсам, навальным, хакамадам, явлинским, глазьевым, гутионтовым, зорькиным, бехтиным, говорухиным, михалковым и т. д.

Ключевский вынес свой предсмертный приговор старой России в 1911 году. Но в 1909-м и в 1910-м годах общественная атмосфера в России – если иметь в виду абсолютно все круги общества ***за исключением ленинских единомышленников***, была ещё более тяжёлой, ещё более подлой, чем оценивал Ключевский. И для поверхностного взгляда она была ещё непрогляднее, чем в 1911 году.

Впрочем, взгляд Ленин поверхностным никогда не был. Поэт Вознесенский – хотя и ренегат свободы, хорошо сказал о нём: "Ленин был из породы распиливающих, обнажающих суть вещей…" И поэтому Ленин видел неизбежный подъём революционного движения не только в силу развития российских масс, но и потому, что в перспективе политика царизма сама толкала общество на протест и восстание.

Пока же текущая картина была для революционной части общества не радующей. Сталин свою статью "Партийный кризис и наши задачи", опубликованную в №№ 6 и 7 газеты "Бакинский Пролетарий" в августе 1909 года, начал так:

"Ни для кого ни тайна, что наша партия переживает тяжёлый кризис. Уход членов из партии, сокращение и слабость организаций, оторванность последних друг от друга, отсутствие объединённой партийной работы, – всё это говорит о том, что партия больна, что она переживает тяжёлый кризис…

Было время, когда наши организации насчитывали в своих рядах тысячи, а вели за собой сотни тысяч. Теперь не то. Вместо тысяч в организациях остались десятки, в лучшем случае, сотни…"[500]

Сталин писал, что в Петербурге, где "в седьмом году насчитывалось около 8 тысяч членов", теперь "едва наберётся 300–400 членов"… Однако тон сталинской статьи был отнюдь не похоронным, хотя автор и призывал "полнее использовать партией окружающие её легальные возможности, от думской трибуны и профессиональных союзов до кооперативов и похоронных касс".

Сталин не только не хоронил партию, как это делали ликвидаторы. Трезвый анализ Сталина имел целью понять реальность и найти пути выхода партии из кризиса "здоровой и обновлённой". А задачи Сталин ставил такие, которые должны были развивать ту нелегальную партию, которую хотели "легализовать" ликвидаторы или полностью загнать в "узкое" подполье

отзовисты.

Сталин был на Кавказе, Ленин – в Париже, но думали они сходно. Конечно, сидя в Баку, Сталин не мог видеть общей картины так полно, как Ленин, который хотя и был за границей, получал информацию со всей России. Поэтому Ленин смотрел в будущее из мало радующего настоящего даже более оптимистично и уверенно, чем Сталин.

Поскольку в подавлении революции 1905 года не последнюю роль сыграли внешние займы царского правительства, летом 1909 года Николай собрался в поездку по Европе, дабы показать, что Европа-де с ним. Лидер социал-демократической партии Швеции, депутат риксдага Карл Яльмар Брантинг сделал по этому поводу парламентский запрос, а 26 мая 1909 года Ленин обратился в Исполнительный комитет Международного социалистического бюро с письмом:

"…Газеты сообщают о поездке царя и его намерении посетить Швецию, Италию, Англию и Францию… Товарищ Брантинг заявил в шведском парламенте… энергичный протест, проникнутый духом международной социалистической солидарности.

Мы уверены, что наши товарищи в других странах разделят мнение Брантинга, что царский визит не может быть рассматриваем как обычный акт официальной дипломатии и… со своей стороны выступят с протестом…

Необходимо призвать к срочным действиям, …указав на роль царя Николая II в зверствах режима, в отношении которого он является не только представителем, но и активным и преступным вдохновителем.

Совершенно особое внимание… должно быть обращено на зверства в русских политических тюрьмах, где десятки тысяч наших товарищей искупают своё стремление к свободе и свою борьбу за рабочее дело и социализм…

С братским приветом

Н. Ленин

И. Рубанович"[501]

Это письмо подписал также представитель в МСБ партии эсеров И. Рубанович (1860–1920), после Октябрьской революции, к слову, противник её и Ленина, как и Карл Брантинг.

МСБ действительно призвало все социалистические партии выступить с протестом против приезда царя. Социалистические и рабочие фракции в шведском, английском, французском, итальянском парламентах обратились к своим правительствам с запросами, в Швеции, Германии, Англии, Франции, Италии и других странах прошли митинги и демонстрации протеста. "Торжественность" визита оказалась существенно подпорченной[502].

А в июле 1909 года Ленин в статье "Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной думы в Англию", опубликованной в № 46 "Пролетария", напоминал о том, что в XIX веке Россия помогла европейским монархиям подавить буржуазную революцию 1848 года, и писал:

"Теперь буржуазия Европы, ставшая контрреволюционной по отношению к пролетариату, помогла царизму в его борьбе с революцией.

Союзники празднуют победу. Николай Кровавый едет в Европу приветствовать монархов и президента французской республики. Монархи и президент неистовствуют и готовятся чествовать вождя черносотенной контрреволюции в России… Но торжественное празднество… сорвано единодушным и мужественным протестом социалистического пролетариата всех европейских стран.

И на фоне этого протеста социалистов от Петербурга до Парижа и от Стокгольма до Рима… с особенной наглядностью вырисовывается презренное лакейство перед царизмом наших российских либералов. Несколько депутатов черносотенной Думы, начиная от умеренно-правых

и кончая кадетами, гостят в Англии… Они корчат из себя представителей "конституционной" России, они восхваляют "обновлённый" строй и обожаемого монарха… Вождь конституционно-*демократической* (не шутите!) партии г. Милюков провозгласил в своей речи за завтраком у лорд-мэра: «пока в России существует законодательная палата, русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству»…

Полицейская "Россия" (орган МВД. – *С.К.*) (от 23 июня) посвящает передовицу речи Милюкова и заявляет: «г. Милюков взял на себя известное обязательство за русскую оппозицию и если он выполнит это обязательство, он окажет такую услугу родине, за которую ему простится не мало прежних прегрешений»…

Его Величество знает *свою* оппозицию. Оппозиция кадетов знает *своего* Столыпина и *своего* Николая. И наши либералы и наши министры без труда переняли нехитрую науку европейского парламентского лицемерия и надувательства…"[503]

Как эти слова большевика Ленина, публично брошенные в общество в 1909 году, перекликаются с записанными в 1911 году в дневнике словами умирающего Ключевского – отнюдь не революционера, но, безусловно, искреннего патриота России. Думаю, если бы Василий Осипович прожил ещё десяток лет, то с Октября 1917 года он – через все заблуждения и сомнения – был бы с Лениным, а не с его противниками.

Не по рассказам, а по собственному горькому опыту Ленин знал, что за границей живой среды для живой работы почти нет, тем более – после поражения революции.

Об этом он по-товарищески и предупредил – заранее, Григория Алексинского в своём напутственном письме в начале октября 1907 года. И не раз эта грустная тема звучала в его переписке времён второй эмиграции. В апреле 1910 года Ленин пишет Горькому:

"Сидеть в гуще… склоки и скандала, маеты и "накипи" тошно. Наблюдать всё это – тоже тошно. Но непозволительно давать себя во власть настроению. Эмигрантщина теперь во 100 раз тяжеле (так у Ленина. – *С.К.*), чем было до революции. Эмигрантщина и склока неразрывны…" [504]

Но сразу же за этим в письме идёт:

"Но склока отпадёт; склока останется на $^{9}/_{10}$ за границей; склока – это аксессуар. А развитие партии, развитие движения идёт и идёт вперёд через все дьявольские трудности теперешнего положения…"

Положение Ленина было действительно не из лёгких. Со 2 по 23 января (с 15 января по 5 февраля) 1910 года в Париже проходил пленум ЦК – так называемый "объединительный".

Реально же вышло вот что…

Прочной поддержки Ленин по-прежнему не имел. Большевистские члены ЦК Зиновьев, Каменев и Рыков как "колебались", так на твёрдую почву и не выбрались: они добивались объединения большевиков с меньшевиками-ликвидаторами Аксельродом, Даном, Мартовым и Мартыновым-Пикером, издававшими газету "Голос Социал-Демократа", и "внефракционной" группой Троцкого.

Плеханов из редакции "Голоса" вышел, против ликвидаторства протестуя, однако Плеханов был как Плеханов, это Ленин усвоил уже давно и прочно. Плеханов мог быть временным, тактическим союзником, но Плеханов "колебался" от решительности к нерешительности, от принципиальности к соглашательству… "Колебались" и большевистские члены ЦК Дубровинский и Ногин.

На Январский пленум в Париж съехались представители всех фракций и группировок, а также представители национальных социал-демократических организаций. Большинство составили примиренцы.

Формально пленум осудил и отзовизм, и ликвидаторство и потребовал обеспечения "действительного единства партии", но…

Но:

1) в центральные партийные учреждения примиренцы в союзе с Троцким провели не меньшевиков-"партийцев" типа Плеханова, а меньшевиков-"голосовцев";

2) пленум постановил субсидировать газету Троцкого – издаваемую в Вене "Правду", и ввести в её редакцию представителя ЦК, что частично делало эту троцкую "Правду" органом ЦК;

3) пленум признал созданную Богдановым и Алексинским группу "Вперёд" (отзовисты + ультиматисты + богостроители) партийной издательской группой и выделил ей субсидию на издание газеты "Вперёд";

4) Большевистский центр распускался и издание ленинского "Пролетария" прекращалось;

5) часть своих средств и имущества большевики должны были передать ЦК, а остальное – третьим лицам, "держателям" Карлу Каутскому, Францу Мерингу и Кларе Цеткин, с тем, чтобы они в течение двух лет передали всё в ЦК при условии, что "голосовцы" тоже ликвидируют свой фракционный центр и прекратят издание "Голоса Социал-Демократа"…[505]

Что это означало?

Зная и меньшевиков, и Ленина, о дальнейшем догадаться не трудно.

С одной стороны, Ленин, как человек, ратующий за партийную дисциплину, решениям пленума не подчиниться не мог, и он подчинился.

С другой стороны, меньшевики и Троцкий, разлагая партию и ведя к её гибели, на обязывающие ***их*** решения пленума плевали… «Голос Социал-Демократа» закрыт не был, а Троцкий свою «Правду» под контроль ЦК не поставил. Ещё 13 февраля 1908 года Ленин писал из Женевы Горькому на остров Капри:

"Насчёт Троцкого хотел Вам прошлый раз ответить, да забыл. Мы (т. е. здешняя редакция "Пролетария", Ал. Ал. [А. Богданов. – *С.К.*], я и «инок» [И.Ф. Дубровинский. – *С.К.*] – очень хороший коллега из беков русских) сразу решили пригласить его в «Пролетарий».

Написали письмо, наметили и предложили одну тему. Подписали *по общему согласию*: «редакция „Пролетария“», желая поставить дело на более коллегиальную почву (у меня лично с Троцким большая баталия, драка была отчаянная в 1903-5 годах, когда он был меньшевиком).

Троцкий обиделся что ли на эту форму, не знаю, но прислал письмо, писанное не им: "По поручению т. Троцкого" извещалась редакция "Пролетария", что он писать отказывается, занят.

Это – позёрство, по-моему. И на Лондонском съезде он держался позёром. Не знаю уж, пойдёт ли он с беками (большевиками. – *С.К.*)…"[506]

Троцкий – в очередной раз, с "беками" "не пошёл"…

С третьей стороны, Ленин, коль дела заворачивались так, осенью 1910 года заявил, что не считает себя более связанным решениями ЦК. Большевики начали выпускать свой орган – "Рабочую Газету", и потребовали возврата имущества и денежных средств, условно переданных ЦК (Последняя тяжба растянулась на годы)…

Сложившееся положение ещё до пленума неплохо обрисовал Сталин в уже упомянутой выше статье "Партийный кризис и наши задачи".

Сталин, постоянно работавший в условиях подполья в России, вполне трезво анализировал ситуацию с вполне ленинских позиций. Констатировав, что заграничным органам сложно "связать воедино работу партии, давно уже прошедшей стадию кружковщины", он выдвигал идею создания "общерусской газеты, стоящей в центре партийной жизни и издающейся в России".

Это была идея будущей, уже настоящей – ленинско-сталинской "Правды", первый номер

которой выйдет 5 мая 1912 года, через два с лишним года после сталинской статьи.

В № 7 "Бакинского Пролетария" Сталин опубликовал и ещё одну статью – "Из партии", где была помещена резолюция Бакинского комитета о разногласиях в редакции "Пролетария" с "решительной поддержкой позиции большинства редакции, представителем которой является товарищ Ленин".

Сталин заявлял, что "только такая позиция может быть названа действительно большевистской, большевистской по духу, а не по букве только". Бакинская резолюция, написанная Сталиным, осуждала отзовизм, ультиматизм и богостроительство, и выражала протест "против поведения т. Максимова (Богданова. – *С.К.*), заявившего о неподчинении решениям редакции и тем давшего новый повод для новых, более сильных трений".

Сталин и Ленин всё больше сближались на самой прочной в мире основе – основе подлинной большевистской принципиальности, действительно большевистской, большевистской по духу, а не по букве только…

Вскоре после пленума – 13 февраля 1911 года, Ленин пишет очередное письмо матери в Москву:

"Дорогая мамочка! На днях получил твоё и Анютино письмо. Большое, большое mersi за них. Я теперь освободился от тех делишек, которые заставили меня слишком коротко и наспех ответить Маняше (напишу ей вскоре).

Шахматы я получил давно, – забыл только упомянуть про это. Играть мне здесь приходится совсем редко – разучился, должно быть, вовсе…

У нас стоит чудесная погода. Сена всё ещё высока, но наводнение быстро проходит…

От Мити имел небольшое письмо с известием, что он поправляется (младший брат попал в Москве на велосипеде в ДТП. – *С.К.*). Сильно ругаю себя, что не собрался ему ответить. Да, да, оказывается не только в Париже на улицах с чертовским движением ездить не безопасно…"[507]

В последнем абзаце Ленин намекает на то, как он сам за несколько лет до этого – в 1903 году, врезался в трамвай в Париже. А шахматы, о получении которых он сообщает Марии Александровне, это те самые, которые отец Владимира Ильича выточил на токарном станке… Мать выслала их сыну как память об Илье Николаевиче, и подарок сопровождал Ленина во всех его заграничных переездах, но в последнем – из Галиции в Швейцарию в начале Первой мировой войны, был утрачен[508].

Сетования Ленина на то, что он давно не играл в шахматы, вполне объяснимы – в те дни (да и только ли в те!) Ленину больше приходилось заниматься политическими "шахматами". Однако он, всё же, возводил на себя напраслину – минимума квалификации завзятого шахматиста он не утратил, что видно из его письма младшему брату от 17 февраля 1910 года:

"Дорогой Митя! Получив твою задачку (этюд Д. И. Ульянова был опубликован в приложении к журналу "Нива". – *С.К.*), я чуточку «раззадорился» на шахматы, – а то было совсем, совсем всё перезабыл. Не играл, кажись, год, а всего за последние годы сыграл несколько «гусарских» и полугусарских партий. Задачку твою решил легко. Л. d8—d6. А вот в «Речи» увидал сегодня этюд, который решил не сразу и который мне очень понравился (№ от 1 февраля, № 31 (1269), этюд № 195). Положение такое: белые Кр. g3. К. g1. Сл. e7 и пешки h5 и d3. Чёрные: Кр. e3 и пешки h7, d5 и a2 (т. е. последняя за ход до превращения в королеву). Белые начинают и выигрывают. Красивая штучка!

Ну, как идёт выздоровление? Вполне ли выправилась нога и лопатка? Скоро ли опять ходить и ездить будешь?

Жму руку. Твой *В.У.*"[509]

Впрочем, выигрышем белых Ленин мог восхищаться лишь разбирая шахматные этюды, в

политике он никогда не был намерен сдаваться не то что «белым», но даже «розовым» своим бывшим коллегам. 11(24) апреля 1910 года Ленин – ему только-только исполнилось сорок лет, пишет Горькому из Парижа на остров Капри:

"…Теперь насчёт объединения. Факт или анекдот? – спрашиваете Вы. Об этом придётся рассказывать издалека… К партийному объединению вели и ведут серьезные, глубокие факторы: необходимость очистки социал-демократии от ликвидаторства и отзовизма в области идейной; страшно трудное положение партии… и назревание нового типа с[оциал].-д[емократического]. рабочего в области практической.

На пленуме ЦК ("долгом пленуме" – три недели маята была, издёргали все нервы, сто тысяч чертей!) к этим серьёзным факторам, сознанным далеко не всеми, прибавились мелкие, мелочные, …прибавилась ненависть к Большевистскому Центру за его беспощадную идейную войну, прибавилась склока и желание поскандалить у меньшевиков – и вышел ребёнок с нарывами.

Теперь вот и маемся. Либо – на хороший конец – нарывы вскроем, гной выпустим, ребёнка вылечим и вырастим.

Либо – на худой конец – помрёт ребёнок. Тогда поживём некоторое время бездетно (сиречь: опять восстановим большевистскую фракцию), а потом родим более здорового младенца"[510].

События развернулись именно так, как и предполагал Ленин. Меньшевики саботировали активную работу и вели к расколу. Ну, а большевики как большевики: если во главе их Ленин, то компромиссы могли быть допустимы лишь на основе чёткой идейной общности и в тактике, и в стратегии.

Поскольку чёткость и меньшевизм – вещи несовместные, то и компромисс с ними у Ленина не получался.

Заграничный печатный орган меньшевиков "Голос Социал-демократа" редактировали Аксельрод, Дан, Мартов, Мартынов и Плеханов. После выхода из редакции последнего, "Голос" окончательно оформился как "идейный" центр ликвидаторов. И противостояние усиливалось.

Это тогда Ленин впервые назвал Троцкого "Иудушкой". В январе 1911 года Владимир Ильич в сердцах написал даже что-то вроде короткого памфлета "О краске стыда у Иудушки Троцкого"[511].

А весной и в начале лета 1910 года в двух выпущенных большевиками-ленинцами "Дискуссионных Листках" были опубликованы ленинские "Заметки публициста"[512].

В новой большой своей работе Ленин ещё раз проявил себя блестящим ***практическим*** теоретиком революционной работы. Его анализ был безупречен, и это были не просто теоретические изыскания на базе марксизма, а необходимые текущему моменту директивы.

Ленин не сомневался, что революция в России неизбежна, но указывал, что "революция идёт к нам по-новому", что самодержавие "вступило в новую историческую полосу" и "делает шаг по пути превращения в буржуазную монархию", что новая столыпинская аграрная политика (направленная на окончательное разрушение сельской общины и укрепление кулацких, капиталистических элементов на селе) – "необходимое звено политики нового царизма"…

Но это – фон.

Как надо действовать на этом фоне РСДРП? Ленин вполне отвечал на этот вопрос:

"Ликвидаторы и отзовисты с трогательным единодушием ругают на все корки большевиков (первые ещё Плеханова). Виноваты большевики, виноват Большевистский центр, виноваты ""индивидуалистические" замашки Ленина и Плеханова"…

Что нам дано в самом деле как задача партии?

"Даны" ли "данные лица, группы и учреждения", которые надо "примирить" независимо от

их линии, независимо от содержания их работы?

Или нам дана партийная линия, дано идейно-политическое направление и содержание всей нашей работы?

Возможны два взгляда на значение и условия какого бы то ни было партийного объединения…

Один взгляд на объединение может ставить на первый план "примирение" "данных лиц, групп и учреждений". Единство их взглядов на партийную работу, на линию партийной работы – дело второстепенное. Разногласия надо замалчивать, а не выяснять их корней, их значения, их объективных условий… Живи и давай жить другим. Это – "примиренчество" обывательское…

Есть другой взгляд на объединение. Этот другой взгляд состоит в том, что целый ряд глубоких, объективных причин, не зависимых оттого или иного состава "данных (пленуму и на пленуме) лиц, групп и учреждений", давно уже начал вызывать… идейные и организационные основы объединения…

С этой точки зрения объединение может идти медленно, трудно, с колебаниями, шатаниями, рецидивами, но оно не может не идти. С этой точки зрения объединение неотделимо от его идейной основы, оно только на основе идейного сближения и вырастает…" [513]

Вряд ли можно было выразиться яснее… Или, дорогие товарищи, мы представляем собой интеллигентский "междусобойчик" болтунов, которым дороже всего "хорошие отношения", или мы принципиальные идейные работники, добровольно взвалившие на себя воз идейного просвещения и воспитания масс в целях обретения массами политической власти…

Подобная дилемма не впервые возникала в истории мира – ещё древние повторяли: "Amicus Plato, sed magis amica est veritas" ("Платон мне друг, но истина ещё больший друг")… Другое дело, что чаще всего кончается тем, что истину в лучшем случае задвигают в угол, а то и побивают камнями…

Но – не в случае Ленина.

Хотя он очень ценил старую дружбу… В декабре 1910 года общепартийный орган "Социал-Демократ" после партийной конференции и пленума перешёл, фактически, под руку Ленина – была выбрана новая редакция в составе: большевики Ленин, Зиновьев, Каменев, меньшевик Мартов и польский социал-демократ, близкий к большевикам Мархлевский. Крупская вспоминала: "Мартов в новой редакции был в одиночестве, он часто забывал о своём меньшевизме. Однажды Владимир Ильич с довольным видом говорил, что с Мартовым хорошо работать, что он на редкость талантливый журналист"[514].

Конечно, это была не просто радость партийного редактора, но и радость за друга, вроде бы возвращающегося к дружной работе. Увы, как прибавляла Крупская: "Это было, пока не приехал Дан"…

Уже третий год второй эмиграции Ленина проходил в повседневной борьбе. Ленин не сидел в окопах, не совершал обходных маршей и не выдерживал артиллерийские обстрелы… С внешней стороны его парижский быт и повседневный режим дня были достаточно размеренными, на деле же…

На деле всё обстояло иначе…

В заключительной части трилогии Юрия Германа о враче Владимире Устименко – романе "Я отвечаю за всё" (эпиграфом к нему, взяты, между прочим, слова Шекспира: "Чтоб добрым быть, нужна мне беспощадность"), есть замечательный персонаж – хирург Богословский, большевик с дореволюционным стажем… И он в минуту жизни трудную говорит своему младшему товарищу по делу и партии Устименко:

– Запомнилась мне фраза – чья, откуда – не помню. Но прекрасная по своей значительности

и глубине: "Жил усиленной и сосредоточенной жизнью само проверяющего себя духа"…

Эти слова полностью применимы к Ленину на протяжении всей его жизни, но, пожалуй, наиболее точно они отражают внутреннее состояние Ленина в 1909 году и в начале 10-х годов…

До первой русской революции он жил её подготовкой, во время революции он жил её проблемами. Сразу после поражения революции он не пал духом, потому что расценивал прошедшие события как пролог и репетицию будущих уже победных событий.

И вдруг – два удара, и справа, и слева, от своих же товарищей, в том числе – от близких товарищей, которых считал не только соратниками, но и друзьями. "Держать" удар и бить в ответ Ленин умел.

И всё же – доколе же!?

Уже затрачено столько сил и времени, уже принесены немалые общественные и личные жертвы, а вместо кристальной ясности мыслей и действий в своей же среде – новые шатания, новые споры вместо чётких деловых разборов и выработки оптимальной стратегии и тактики… Вместо соединения всех усилий ради постоянного наращивания влияния партии прежде всего среди рабочих, но кроме того – вообще в широких массах народа, новый разброд…

Размышлять было о чём, да и "отлив" революционной волны, оставивший РСДРП временно (во временность Ленин верил твёрдо!) "на мели", предоставлял больше времени для приведения в порядок и оформления в писанном тексте давно накопившихся мыслей.

Подталкивали к этому и новейшие открытия в области атомной физики, которые ряд философов истолковывал как ошибочность материалистического понимания истории, как "исчезновение" материи. Ленин не имел естественнонаучного образования, но в философии кое что смыслил. И он принялся за свой единственный чисто философский труд – "Материализм и эмпириокритицизм", над которым начал работать с февраля 1908 года.

При этом не только внутрипартийная атмосфера с уклонением Богданова, Луначарского, Базарова в богостроительство, но и общественная атмосфера после поражения революции, заставляла обратить внимание на фундаментальные воззрения относительно бытия как такового.

К тому же, возникающая нео-идеалистическая "философия" мешала вполне практической политике. Ленин так оценивал настроение образованных кругов: "Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на месте политики. Усиление тяги к философскому идеализму; мистицизм как облачение контрреволюционных настроений…"[515]

Валентинов-Вольский в своей эмигрантской книге о Ленине утверждал, что Ленин принялся за критику современного идеализма постольку, поскольку "числился"-де "главным теоретиком партии", ну, а раз так, надо было держать-де марку теоретика.

Это, конечно, глупость!

Делать было Ленину нечего, как только хвост перед товарищами по партии распускать. Это Валентинов был не чужд павлиньих поз, а Ленин брался за что-либо только тогда, когда видел в том насущную необходимость.

По складу ума он был философом, а по складу натуры – энергичнейшим практиком, организатором, и эта его последняя ипостась всегда отнимала уйму времени, да и силы ведь духовные и физические были не безграничными. Но тут вопрос был принципиальный – под сомнение был поставлен диалектический материализм Маркса и Энгельса, а отсюда вытекала опасность якобы "научной" ревизии всей марксистской теории. Против "материи" дружно выступали теперь не клерикалы, не богословы, а новые пророки нового века науки – учёные-физики.

Чтобы было понятнее состояние умов физиков того времени, достаточно привести фрагменты из речи выдающегося русского физика профессора Николая Алексеевича Умова (1846–1915) на 2-м менделеевском съезде в 1911 году.

Умов – земляк Ленина, уроженец Симбирска, говорил тогда:

"Последующее развитие физики есть процесс против материи, закончившийся её изгнанием. Но рядом с такой отрицательной деятельностью текла работа реформирования электромагнитной символики; она должна была оказаться способной к изображению свойств материального мира, его атомистического строя, инерции, излучения и поглощения энергии… Не пора ли изгнать материю?… Материя исчезла, её разновидности заменены системами родственных друг другу электрических индивидов, и перед нами рисуется вместо привычного материального, глубоко отличный от него мир электромагнитный"[516].

Это было сказано через два года после публикации Лениным своего труда, где были и такие строки:

"Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки. Крупный успех естествознания – приближение к таким однородным и простым элементам, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками. "Материя исчезает", остаются одни уравнения. На новой стадии развития и, якобы, по-новому получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе"[517].

Впрочем, и через четверть века после написания этих слов Альберт Эйнштейн в свой речи 1933 года "О методе теоретической физики" утверждал:

"Безусловно, опыт остаётся единственным критерием пригодности математических построений физики, но истинный творческий принцип содержится в математике. В некотором смысле поэтому я считаю правильным, что чистая мысль способна охватить реальность, как об этом догадывались древние"[518].

Как видим, можно быть великим физиком, но это не всегда равнозначно соответствующей философской глубине. Вот против чего, кроме прочего, – против опошления идеи материальности Бытия и его опытного, экспериментального, осмысления выступал Ленин в своём труде.

Советский физик Сергей Иванович Вавилов написал ряд статей о Ленине-философе, и это была не дань высокого официального лица – президента Академии наук СССР, памяти основателя государства, а потребность одного выдающегося интеллекта оценить значение мыслей другого выдающегося интеллекта. Так вот, Вавилов оценил "Материализм и эмпириокритицизм" очень высоко и не просто "похвалил", а показал правоту Ленина в свете развития физики XX века.

В 1909 году Ленин понимал суть новейших физических открытий полнее и глубже, чем сами физики, и разъяснял:

"…"Материя исчезает" – это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идёт глубже… Ибо *единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания… Понятие материи… не означает гносеологически (т. е. с позиций теории научного познания. – *С.К.*) *ничего иного*, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им…"[519]

Это ведь верно! Но все ли понимают это даже сегодня? И уж тем более это понимали далеко не все тогда… Так, в "Материализме и эмпириокритицизме" Ленин часто обращался к "теориям" богостроителя Богданова и "Валентинова"-Вольского… В одном из мест книги он пояснял:

"Рассуждения Богданова… о "неизменной сущности вещей", рассуждения Валентинова… о "субстанции" и т. д. – всё это плоды незнания диалектики. Неизменно только одно: это – отражение человеческим сознанием (когда существует человеческое сознание) независимо от

него существующего и развивающегося внешнего мира.

Никакой другой "неизменности", никакой другой "сущности", никакой "абсолютной субстанции" в том смысле, в каком разрисовала эти понятия праздная профессорская философия… не существует. "Сущность" вещей или "субстанция" *тоже* относительны; они выражают только углубление познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня – дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека.

Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно *существует*, и вот это-то безусловное признание её *существования* вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма"[520].

В советских школах слова Ленина: "Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна…" висели во всех кабинетах физики, а из нынешних «россиянских» антисоветских школ успешно изгоняют не только кабинеты физики, но и физику как обязательный предмет.

Ленин рассуждал:

"Основное отличие материалиста от сторонника идеалистической философии состоит в том, что ощущение, восприятие, представление и вообще сознание человека воспринимается за образ объективной реальности. Мир есть движение этой объективной реальности, отражаемое нашим сознанием. Понятие материи ничего иного, кроме объективной реальности, данной нам в ощущении, не выражает. Поэтому оторвать движение от материи равносильно тому, чтобы оторвать мышление от объективной реальности"[521].

Это общее своё рассуждение Ленин пояснял более просто:

"Материя исчезла, – говорят нам, – желая делать отсюда гносеологические выводы. А мысль осталась? – спросим мы. Если нет, если с исчезновением материи исчезла и мысль, с исчезновением мозга и нервной системы исчезли представления и ощущения, – тогда, значит, всё исчезло, исчезло и ваше рассуждение… Если же – да, если при исчезновении материи предполагается не исчезнувшей мысль, то вы, значит, перешли на точку зрения философского идеализма"[522].

Непосредственным поводом к началу работы Ленина над "Материализмом…" стал выход сборника статей В. Базарова, А. А. Богданова, А. В. Луначарского, Я. А. Бермана, О. И. Гельфонда, П. С. Юшкевича и С. А. Суворова "Очерки по философии марксизма", где ревизовался диалектический материализм. Поэтому Ленин уделил полемике с партийными оппонентами немало места, что имело значение для партии, но было неинтересно европейскому читателю.

Это, да ещё и вечный бич русской научной мысли до 1917 года (и после 1991 года) – плохое знание в мире русского языка, возможно и сказалось на том, что в Европе труд Ленина шума не наделал. А ведь он – в своих наиболее "ударных" местах – того стоил!

В советское время книга была издана на более чем 20 языках, но по сей день мировым научным сообществом по достоинству не оценена, что, вообще-то, говорит об уровне способностей большинства современных учёных не думать и соображать, а мыслить…

Жизнь в Париже была у Ульяновых отнюдь не «парижская», если подходить к ней с категориями туристическими или «новорусскими». Крупская в своих воспоминаниях писала, что в Париже пришлось провести самые тяжёлые годы эмиграции, и Ленин вспоминал их с тяжёлым чувством даже через много лет, когда стоял во главе России: «И какой чёрт понёс нас в Париж!»

Но сама же Надежда Константиновна поясняла: "Не чёрт, а потребность развернуть борьбу за марксизм, за ленинизм, за партию в центре эмигрантской жизни. Таким центром в годы реакции был Париж".

Квартира была снята на краю города, около самого городского вала, и поэтому при относительной дешевизне оказалась большой и светлой. Но обстановка была самая скромная – консьержка смотрела на привезённые из Женевы простые столы и табуретки с презрением.

Хозяйственные дела свалились на Крупскую, поскольку её мать "растерялась в сутолоке большого города". Крупская признавалась, что хозяйкой она была плохой, "только Владимир Ильич был другого мнения"…

Одно время с братом и невесткой жила Мария Ильинична, приехавшая в Париж изучать в Сорбонне французский язык, и как-то гостивший Марк Елизаров, добравшийся в Париж из Японии, наблюдая, как женщины хлопочут на кухне и в очередь моют посуду, заметил: "Лучше бы вы "Машу" какую завели"… Но, по словам Крупской, они жили тогда "на партийное жалованье, поэтому экономили каждую копейку, а кроме того французские "Маши" не мирились с русской эмигрантской сутолокой".

Действительно – через ульяновскую квартиру тёк поток людей, что для французов было непривычным.

Заниматься Ленину в Париже было неудобно – до Национальной библиотеки надо было ездить на велосипеде, и от езды по Парижу с его оживлённым движением он очень уставал, однажды попал под автомобиль, но отделался изломанным велосипедом[523].

В том же Париже тысячи и даже десятки тысяч "интеллектуалов", не стуящих изломанного ленинского велосипеда, жили вполне обеспеченной жизнью, и в том же Париже Ленин – отойдя от революции, мог жить не только не хуже, а и получше многих. Но он упорно крутил "педали" своего жизненного "велосипеда" и ехал во всё том же, давно избранном направлении – к будущей революции…

Ему было сорок лет – не мальчик! Он полностью терялся в парижской толпе, не привлекая ничьего внимания, он – гений!

Но что тут поделаешь – надо было жить и работать.

Летом 1910 года Ленин и Крупская устроили себе небольшую передышку – относительную, конечно, с рюкзаками по горам теперь уже уйти не получалось. Но они устроились иначе, вначале открыв для себя Мёдон.

Как вспоминала Крупская: "Мёдон – небольшой городок в 9 километрах от Парижа. По праздничным дням, летом, туда едут тысячи парижан провести время на лоне природы. Мы часто ездили туда в будни, перебить настроение, погонять на велосипедах по чудесному Мёдонскому лесу".

Однажды прямо из Мёдона Ленин отправил матери открытку с видом Мёдонского леса. Мария Александровна тогда жила у младшего сына, который служил земским врачом в селе Липитино, невдалеке от станции Михнёво Серпуховского уезда Московской губернии, и видно Владимир Ильич "под настроение" решил черкнуть в Россию весточку прямо, что, называется, "с колеса" – велосипедного.

Короткий текст от (5)18 июня 1910 года выдаёт отличное состояние духа писавшего:

"Дорогая мамочка! Посылаем тебе, Анюте и Мите привет с воскресной прогулки. Гуляем с Надей на велосипедах. Лес Мёдонский хорош и близко, 45 минут от Парижа. Письмо Анюты получил и ответил. Крепко обнимаю и за себя, и за Надю.

Твой *В.У.*"[524]

18 июня (1 июля) 1910 года он пишет матери уже из Неаполя:

"Дорогая мамочка! Шлю большой привет из Неаполя. Доехал сюда пароходом из Марселя: дёшево и приятно. Ехал как по Волге. Двигаюсь отсюда на Капри ненадолго. Крепко, крепко обнимаю. Всем привет.

Твой *В.У.*"[525]

Одна фраза из этого письма показывает, как тосковал Ленин по Волге – попав после долгого перерыва на летнюю палубу парохода, он плавание по дивному Средиземному морю сравнивает с плаванием по Волге!

Чуть позже – 3 января 1911 года, в письме Марку Елизарову Ленин признавался: "*Здесь так оторванным себя чувствуешь, что рассказы о впечатлениях и наблюдениях «с Волги» (соскучился я по Волге!) – бальзам настоящий…*"[526]

На итальянский остров Капри Ленин ехал в гости к Максиму Горькому, и пробыл у того целый месяц.

Они уже хорошо знали друг друга, уже не раз Горький шёл вразрез с линией Ленина, помогал деньгами "богостроителям", но к Горькому Ленин питал, как я понимаю, слабость.

Горький был свой, пусть и порой заблуждающийся, но свой.

Впрочем, и Горький питал слабость к Ленину, хотя в пору революции 1917 года и в 1918 году немало помешал Ленину публикацией своих вот уж точно "Несвоевременных мыслей".

Так или иначе, месяц на Капри был, конечно же, полон бесед и споров – Горький стоил того, чтобы бороться за него. К тому же Ленин имел некие планы относительно привлечения Горького к работе в задуманной новой легальной большевистской газете "Звезда", первый номер которой вышел в Петербурге 16(29) декабря 1910 года.

Считавшаяся в первый период издания органом думской социал-демократической фракции, "Звезда" выходила вначале еженедельно, затем – 2 раза, а позднее и 3 раза в неделю, до 22 апреля (5 мая) 1912 года. То есть "Звезда" стала прямой предшественницей "Правды", первый номер которой вышел 5 мая (н. ст.) 1912 года.

Тираж "Звезды" составлял вначале 7-10 тысяч, а отдельные номера "вытягивали" и 50–60 тысяч экземпляров. В "Звезде" Ленин опубликовал около 50 статей за подписями: В. Ильин; В.Ф.; Вильям Фрей; Ф. Л-ко; К.Т.; Б.К. (скорее всего, от "бек", "большевик"); М.Ш. (не исключаю, что от иронического "меньшевик"); П.П.; Р. Силин; Р.С.; Б.Г.; Не-либеральный скептик; К.Ф.; Ф.Ф.; М.М.[527]

Псевдоним "Н. Ленин" не был использован тогда ни разу – издание-то было легальным, и "нелегальный" псевдоним был в нём ни к чему.

В номерах "Звезды" появились семь "Сказок" Горького из серии "Сказки об Италии"… В феврале 1912 года Ленин писал ему:

"*Очень и очень рад, что Вы помогаете «Звезде». Трудно нам с ней чертовски – и внутренние, и внешние и финансовые трудности необъятны – а всё же тянем*"[528].

Но это было много позже. Летом же 1910 года Ленин, вернувшись с Капри, вместе с Крупской и её матерью уезжает в приморский городок Порник на берегу Бискайского залива, где они поселяются в доме таможенного сторожа. 27 июля 1910 года Ленин пишет младшей сестре:

"*Дорогая Маняша! Пишу тебе из Порника. Вот уже почти неделя, как я устроился здесь с Е.В. и Надей. Отдыхаем чудесно. Купаемся и т. д. Как-то у вас делишки? Как мамино здоровье? Как стоит вопрос о Копенгагене и Стокгольме?..*"[529]

В Порнике Ленин уже не только отдыхал, но и работал, вёл партийную переписку и готовился к VIII конгрессу II Интернационала, который должен был пройти в Копенгагене в августе 1910 года. Там предполагалось много встреч, дискуссий и речей…

Ещё из Порника Ленин написал в Стокгольм Михаилу Кобецкому письмо с просьбой нанять ему в Копенгагене комнату – "простую, дешёвую, маленькую" и прибавлял: "*Если Вам некогда, не хлопочите, я успею найти сам*". Затем в следующем письме он уточнил: "*Еду к Вам с семьёй (жена и тёща). Если можно, поищите дешёвую комнатку (или 2) понедельно или подённо. Если получите пакеты, сохраните не распечатывая*"[530].

Последняя фраза объясняется тем, что большевик М. В. Кобецкий (1881–1937), который стал эмигрантом с 1908 года и осел в Дании, занимался транспортировкой газет "Пролетарий" и "Социал-Демократ" в Россию, и пересылкой Ленину корреспонденции из России.

Готовился Владимир Ильич и ещё к одной встрече – уже в Стокгольме, но о ней – отдельно…

Конгресс в Копенгагене был вторым – после Штутгартского конгресса, крупным международным форумом, в работе которого Ленин принимал участие. Рассматривался в основном вопрос о кооперативах, и в русской секции, где обсуждался ленинский проект резолюции, произошёл показательный казус…

В ходе дебатов меньшевики обвинили Ленина в том, что он-де "губит партию". Один из большевиков удивился – как же один человек может погубить партию, и Фёдор Дан – личность в российской социал-демократии, исключительно склочная и непривлекательная, невольно дал Ленину такую оценку, которая выражала самую суть Ленина:

"Да потому что нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка, справьтесь с таким"[531].

Слова у Фёдора Дана с языка сорвались неожиданно верные, однако менее всего из них можно было представить Ленина неким революционным "паровым катком"… Недаром много позднее была брошена в жизнь формула: "Самый человечный человек"…

И как раз в те дни, когда Фёдор Дан дал ***свою*** формулу Ленина, Ленин-человек заявлял о себе властно и волнующе – 12 (25) сентября 1910 года Владимир Ильич приехал из Копенгагена в Стокгольм на встречу с матерью.

Последний раз они виделись три года назад, когда Ленин нелегально был в России, и вот теперь Мария Александровна, несмотря на преклонный возраст – ей было уже 75 лет, а, скорее, по причине преклонного возраста, решилась на путешествие в наиболее близкую точку, где могла увидеть сына. Стокгольм связанный пароходным сообщением с Финляндией и был такой точкой.

В Стокгольме они жили втроём – мать, сын и младшая дочь. Первую половину дня Ленин работал в библиотеке, а вторую целиком посвящал матери, прогулкам с ней по городу, по окрестностям…

В шведской столице Ленин несколько раз выступал на собраниях социал-демократических групп с рефератами о Копенгагенском конгрессе и о положении в РСДРП. На одном из его выступлений на собрании большевистской группы была и мать. Она впервые слушала публичное выступление второго сына и как вспоминала Мария Ильинична, ей показалось, что "слушая его, она вспоминала другую речь, которую ей пришлось слышать – речь Александра Ильича на суде. Об этом говорило её изменившееся лицо"[532].

Они пробыли вместе две недели…

В порту Ленин смотрел как мать и сестра поднимаются по трапу на борт парохода, принадлежавшего русской компании. Взойти вместе с ними на палубу, чтобы ещё немного побыть рядом с матерью, Ленин не мог – его тут же арестовали бы.

Мать уезжала, сын оставался, и оба понимали, что это свидание может стать последним, что они последний раз смотрят друг другу в глаза.

Что они чувствовали в тот, наполненный внутренней драмой, собственно – трагедией, момент?

Да ясно – что!

Сколько менее драматичных ситуаций описаны в пьесах и романах, а тут была жизнь, реальная и величественная в своей добровольной реальности. Эта драма разделённых семей затрагивала не только Ленина, но и других постоянных вынужденных эмигрантов из революционной среды, но ленинский случай, всё же, особо волнует уже в силу великой судьбы его…

Как гнусно на её фоне выглядят те, кто озлобляет сегодня юных "малых сих" против Ленина, подвигает оглуплённую и социально идиотизированную толпу на осквернение памятников Ленину, на надругательство над памятью того, кто…

А, да что говорить!

26 сентября 1910 года Ленин вернулся в Копенгаген, а 28 сентября – в Париж.

С матерью он так больше и не увиделся – она умерла в 1916 году.

В ноябре 1910 года умер Лев Толстой…

За два года до этого Ленин в № 35 "Пролетария" от 11 сентября 1908 года опубликовал статью "Лев Толстой как зеркало русской революции". Повод был громким – в августе 1908 года Льву Николаевичу Толстому исполнилось 80 лет. Со всего мира приходили поздравления и славословия, а уж Россия ими просто фонтанировала – личными, коллективными, общественными…

Толстого поздравляли литераторы, православные священники и католические ксёндзы, земства, 53 официанта петербургского театра "Фарс", университеты, Общество содействия народному образованию в Нарве, торговые служащие Мариинского рынка, рабочие завода Эльворти, наборщики типографии газеты "Биржевые новости" и т. д. и т. п.

Причём для современного читателя надо пояснить, что тогда в России мало кто не знал имени Толстого уже хотя бы потому, что церковь предала его анафеме, но не так уж многие читали даже "Войну и мир"…

Зато читали многочисленные статьи Толстого, находились под влиянием "толстовства" – учения Толстого о "непротивлении злу". Поэтому поздравления от "масс" нередко относились не к автору "Анны Карениной" и "Хаджи-Мурата", а к "Учителю жизни"…

Ленин Толстого не поздравлял и не прославлял – он его анализировал. Не знаю, был ли Толстой знаком с ленинской статьёй о нём, но если не был – жаль.

А если был знаком и никак на неё не отреагировал, то – тем более жаль.

"Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, – *писал Ленин*, – может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, чту очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция – явление чрезвычайно сложное, … и если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях.

Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции. Вся пресса до тошноты переполнена лицемерием двоякого рода: казённым и либеральным.

Первое есть грубое лицемерие продажных писак, которым вчера было велено травить Толстого, а сегодня – отыскивать в нём патриотизм и постараться соблюсти приличия перед Европой…

Гораздо более утончённо и поэтому гораздо более вредно и опасно лицемерие либеральное,

ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует. Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капиталец, чтобы разыграть роль вождя"[533].

Перенося эту оценку на сегодняшний день, её надо отнести к тем "россиянским" и кремлёвским либералам, которые не верят в величие подвига советского народа в Великой Отечественной войне, не верят в Россию, но примазываются к подвигу и к России, чтобы нажить на этом какой-никакой, но политический капиталец…

Ленин излагал свой взгляд на Толстого – взгляд не литературного критика, а профессионального борца с тем самодержавием, с которым сам Толстой не боролся, а лишь осуждал его. Ленин был точен безжалостно, и это хорошо показывает, чту он любил, и чту ненавидел.

А любил он правду – не ту правду, которая "у каждого своя", а ту, которая честному с собой и с другими, живущему усиленной и сосредоточенной жизнью ***само*** проверяющего себя духа, человеку дороже и «друга Платона», и, если придётся, самой жизни…

Ненавидел же Ленин филистерство. Это слово (от немецкого *Philister*), означающее обывательскую косность, ханжество, ограниченный кругозор при нарочитой благонамеренности, было у него одним из самых ругательных… Потому Ленин и был безжалостен к Толстому, что великий человек заслуживает того, чтобы о нём говорили ***всю*** правду.

И Ленин её говорил:

"Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны – помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, – с другой стороны, "толстовец", т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: "я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками". С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты; с другой стороны, – юродивая проповедь "непротивления злу" насилием…

Что при таких противоречиях Толстой не смог абсолютно понять ни рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, ни русской революции – это само собою очевидно…

Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества… Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России…"[534]

Так писал Ленин в 1908 году… В ноябре же 1910 года он откликнулся на смерть Толстого статьёй "Л. Н. Толстой", где провёл ту же линию, что и в "юбилейной" статье 1908 года. Ленин писал о Толстом, как о великом художнике, давшем ряд гениальных произведений картины жизни России, но писал и так:

"Умер Лев Толстой. Его мировое значение как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции…

Либералы выдвигают на первый план, что Толстой – "великая совесть". Разве это не пустая фраза, которую повторяют на тысячи ладов и "Новое время" и все ему подобные? Разве это не

обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены*?

Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, а принадлежит будущему. Это наследство берёт и над этим наследством работает российский пролетариат. Он разъяснит массам толстовскую критику капитализма – не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на технические и социальные завоевания капитализма, научились сплачиваться в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без эксплуатации человека человеком"[535].

А в конце 1910 года Ленин получил достоверные сведения о гибели Ивана Бабушкина в 1906 году, и в № 2 нового ленинского органа – "Рабочей Газеты" от 18(31) декабря 19010 года, Владимир Ильич опубликовал большой некролог "Иван Васильевич Бабушкин"…

И это был уже не анализ, это было слово скорби товарища о верном погибшем друге и соратнике:

"Мы живём в проклятых условиях, когда возможна такая вещь: крупный партийный работник, гордость партии, товарищ, всю свою жизнь беззаветно отдавший рабочему делу, пропадает без вести. И самые близкие люди, как жена и мать, самые близкие товарища годами не знают, что сталось с ним: мается ли он где на каторге, погиб ли в какой тюрьме или умер геройской смертью в схватке с врагом. Так было с Иваном Васильевичем, расстрелянным Ренненкампфом (точнее, – Меллером-Закомельским. – *С.К.*)…

Имя Ивана Васильевича близко и дорого не одному социал-демократу. Все, знавшие его, любили и уважали его за его энергию, отсутствие фразы, глубокую выдержанную революционность и горячую преданность делу… Бабушкин пал жертвой зверской расправы царского опричника, но, умирая, он знал, что дело, которому он отдал свою жизнь, не умрёт….

…Есть люди, которые сочинили и распространяют басню о том, что Российская социал-демократическая рабочая партия есть партия интеллигентская, что рабочие от неё оторваны.

Биография Ивана Васильевича Бабушкина, десятилетняя социал-демократическая работа этого рабочего-искровца служит наглядным опровержением либеральной лжи… Народные герои есть. Это – люди, подобные Бабушкину… Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации…"[536]

И ещё один некролог пришлось написать вскоре Ленину – 18(31) января 1911 года в 67 лет скончался крупнейший немецкий социал-демократ Пауль Зингер, председатель правления Германской социал-демократической партии и председатель её фракции в рейхстаге.

Зингер происходил из богатой купеческой семьи, сам начинал как богатый фабрикант и буржуазный демократ, но уже в 70-е годы XIX века пришёл к марксизму и к борьбе за социализм, за революционное начало в СДПГ.

Ниже приведена немалая часть некролога, опубликованного Лениным в третьем номере "Рабочей Газеты", которую стали издавать большевики с 1910 года как непериодический нелегальный орган. И то, что Ленин написал о Зингере, он полностью мог адресовать самому себе – за исключением того, что Ленин, в отличие от Зингера, был ещё и теоретиком и публицистом.

Вне сомнений, именно естественное сопоставление судьбы Зингера с собственной и придало словам Ленина яркую страстность, обычно Владимиром Ильичом в печатных трудах сдерживаемую:

"5-го февраля немецкая социал-демократия хоронила одного из старейших своих вождей. Всё рабочее население Берлина – многие сотни тысяч – по призыву партии явились на

похоронное шествие, пришли почтить память того, кто отдал все свои силы, всю свою жизнь на служение делу освобождения рабочего класса…

Он отдал партии все свои силы, всё своё богатство, все таланты практика и руководителя. Зингер был из числа тех немногих, можно сказать: из числа тех исключительно редких выходцев из буржуазии, которых долгая история либерализма, история измен, трусости, сделок с правительством, угодничества буржуазных политиканов, не расслабляет, не развращает, а *закаляет*, превращает в *революционеров* до мозга костей. Редки *такие* выходцы из буржуазии, примыкающие к социализму, и *только* таким редким, долголетней борьбой искушённым, людям должен доверять пролетариат…

Зингер не был ни теоретиком, ни публицистом, ни блестящим оратором. Он был прежде всего и больше всего *практиком*-организатором *нелегальной* партии ***во время исключительного закона*** (закон 1878 года против социалистов, проведённый Бисмарком. – *С.К.*) и ***парламентарием*** (оба раза жирный курсив мой. – *С.К.*) после отмены этого закона"[537].

То, что написал Ленин в последнем цитируемом выше абзаце крайне важно для понимания подлинного Ленина! Из сказанного им в 1911 году ясно видно, что в условиях виртуальной буржуазной Российской республики – если бы она установилась в ***мирное*** время и в ***не разваленной*** войной стране, мы увидели бы совершенно не того Ленина, которого знает реальная история.

Ленин создавал нелегальную партию не из любви к заговорам, а вынужденный к тому самим царизмом, без всякого чрезвычайного закона подавлявшим те гражданские свободы, которые к началу XX века стали в Европе уже нормой. Но если бы царизм уступил естественному ходу событий и принял английскую или германскую форму монархии, то Россия увидела бы Ленина – не руководителя нелегальной партии, а Ленина-парламентария, то есть, – русский вариант Пауля Зингера, ещё более успешный и выдающийся, чем "оригинал".

При этом целью и задачей Ленина как главы парламентской партии всё так же оставался бы социализм, и в условиях подлинно свободного выборного волеизъявления масс Ленин стал бы выборным главой Российского государства в течение вряд ли более трёх-пяти лет после "отмены" российского не юридического, а фактического "чрезвычайного закона".

Ленин сам умел делать будничную повседневную работу, умея видеть при этом и общее, не топя его в мелочах. Поэтому он, говоря о Зингере, и подчёркивал:

"Этот практик, у которого большая часть времени уходила на мелкую, будничную, технически-парламентарную и всяческую "деловую" работу был велик тем, что не делал себе кумира из мелочей, не поддавался столь привычному и столь пошлому стремлению отмахиваться от резкой и принципиальной борьбы… Напротив, Зингер, всякий раз, когда вставал вопрос о коренном характере революционной партии рабочего класса, о конечных целях её, всегда был во главе самых твёрдых и самых решительных борцов со всеми проявлениями оппортунизма… Зингер вместе с Энгельсом, Либкнехтом и Бебелем боролся на два фронта: и против "молодых" полуанархистов, отрицавших парламентскую борьбу, и против умеренных "легалистов во что бы то ни стало"…"[538].

Тут аналогия со сложившимся положением в РСДРП была явной и прямой.

Сильно звучало и следующее:

"Никогда трёхмиллионный Берлин не видал такого скопления народу: не менее миллиона человек были участниками и зрителями шествия. Никогда ни один из сильных мира сего не удостаивался таких похорон. Можно приказать десяткам тысяч солдат выстроиться по улицам при проводах праха какого-нибудь короля или знаменитого избиениями внешних и внутренних врагов генерала, но нельзя поднять население громадного города, если в сердцах всей миллионной трудящейся массы нет горячей привязанности к своему вождю, к делу

революционной борьбы самой этой массы…

Он заслужил ту ненависть буржуазии, которая проводила его в могилу. Буржуазные ненавистники Зингера (немецкие либералы и наши кадеты) злорадно указывают на то, что с его смертью сходит в могилу один из последних представителей героического периода немецкой социал-демократии, когда так сильна, свежа, непосредственна была у вожаков вера в революцию… Но пусть не ликуют враги раньше времени!

Умирают старые революционные вожди – растёт и крепнет молодая армия революционного пролетариата"[539].

Написав так о Зингере, Ленин не мог знать тогда, конечно, что нарисованная им картина похорон Зингера в феврале 1911 года будет ещё более мощно воспроизведена во время похорон Владимира Ильича в январе 1924 года. Но сегодня эти ленинские строки выглядят так, как будто сквозь годы он видел новые миллионные ряды скорбящих, траурные флаги и народную скорбь уже по нему самому…

Живущие продолжают то, что не успели сделать ушедшие, и весной 1911 года Ленин организует под Парижем, в Лонжюмо, партийную школу.

Ещё раньше – в августе 1909 года, отзовисты, ультиматисты и богостроители организовали школу на острове Капри, у Горького. Это были своего рода курсы повышения квалификации для партийных работников в России из рабочих. В школе было 13 слушателей, а лекции им читали А. А. Богданов, Г. А. Алексинский, А. В. Луначарский, А. М. Горький, М. Н. Лядов, М. Н. Покровский и В. А. Десницкий…

Состав лекторов был хорош, ему мог бы позавидовать иной университет. Ленина устроители школы тоже приглашали, но и сами приглашающие, и приглашаемый знали, что он в этой школе лектором не будет. Ленин тогда заявил, что школа, "нарочно спрятанная от партии" в "эмигрантском захолустье", носит фракционный характер и предложил ученикам школы приехать в Париж.

Между прочим, позднее нечто подобное и произошло – часть слушателей во главе с Н. Е. Вилоновым (1883–1910) – членом Совета школы, отмежевалась от богдановцев, уехала к Ленину и прослушала курс лекций, в том числе и ленинских. А Богданов и остальные в декабре 1909 года организовали группу "Вперёд".

Н. Е. Вилонов ("Михаил"), молодой социал-демократ, поработавший, несмотря на свою молодость в Киеве, Екатеринославе, в Поволжье, на Урале, в Москве, бежал в 1908 году из ссылки и стал одним из организаторов каприйской школы, но, как видим, быстро во всём разобрался. И 16 ноября 1909 года Ленин писал Горькому:

"Дорогой Алексей Максимович! Я был всё время в полнейшем убеждении, что Вы и тов. Михаил – самые твёрдые фракционеры новой фракции, с которыми было бы нелепо мне пытаться говорить по-дружески. Сегодня увидал в первый раз т. Михаила, покалякал с ним по душам и о делах и о Вас и увидел, что ошибался жестоко. Прав был философ Гегель, ей-богу: жизнь идёт вперёд противоречиями, и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется… Такие люди, как Михаил, тому порукой…

Слишком разнородны и разнокалиберны те элементы, из которых приходится рабочему классу выковывать себе свою партию. Выкует…, выкует скорее, чем кажется иногда с точки зрения треклятого эмигрантского положения… Такие люди, как Михаил, тому порукой.

Жму крепко руку и Вам и Марии Фёдоровне (М. Андреева, жена Горького. – *С.К.*), ибо теперь у меня есть надежда, что нам с Вами придётся встретиться ещё не врагами.

Ваш *Ленин"*[540].

Вилонов был намечен Лениным для кооптации в ЦК, однако в начале 1910 года у него обострился туберкулёзный процесс и он уехал в Швейцарию, в Давос, на лечение. Ленин переписывался с ним, хлопотал о партийной субсидии, о чём 30 апреля 1910 года писал жене Вилонова – Марии Золиной, тоже партийке. Увы, 1 мая 1910 года Вилонов умер. Ещё одна потеря, и не из малых – Вилонов подавал большие надежды.

Возвращаясь же к каприйской школе, скажу, что с ноября 1910 года по март 1911 года она была продолжена в Болонье – здесь лекции читали Богданов, Луначарский, Троцкий, Лядов, Маслов (тот самый, которому молодой Ленин писал когда-то письма) и другие…

Ленина приглашали и в Болонью, но он написал в ответ письмо "Товарищам-слушателям школы в Болонье", где приглашал их, опять-таки, в Париж[541].

А затем Ленин через Школьный комитет ЦК провёл решение об организации партийной школы под Парижем – в Лонжюмо. Слушатели были отобраны в местных организациях и утверждены мандатной комиссией. Всего в школе было 13 слушателей и 5 вольнослушателей. Большинство составили большевики, были представлены также меньшевики-партийцы и один "вперёдовец".

Вот программа школы и лекторы: рабочее законодательство (Н. А. Семашко); парламентаризм и думская с.-д. фракция (Н. А. Семашко); профессиональное движение в России и на Западе (Д. Б. Рязанов); история социалистического движения во Франции (Шарль Рапопорт); история социалистического движения в Бельгии (Инесса Арманд); история социалистического движения в Германии (Ш. Рапопорт и В. Л. Ледер); история литературы и искусства (А. В. Луначарский), государственное право и бюджет (А. Ю. Финн-Енотаевский и Ю. М. Стеклов); газетная техника (А. В. Соколов-Вольский)… Историю партии читали Зиновьев и Каменев.

Ленин прочёл около 60 лекций, включая курс политэкономии, аграрный вопрос, теорию и практику социализма, курс философии и материалистического понимания истории… Занятия продолжались до конца августа 1911 года, после чего слушатели разъехались на нелегальную работу в Россию[542].

Подробные сведения о школе в Лонжюмо мы находим в документах охранки, опубликованных после Октября 1917 года. В последнем их издании ("Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Моск. Охранного Отд-ния. 3-е изд. М., Политиздат, 1990) характеристика школы и состава лекторов, слушателей, описание курсов и т. д. занимает 15 страниц, начиная со 120-й.

Там, к слову, указывается, что "17 сего (1911 г. – *С.К.*) августа чтение лекций было прекращено ввиду полного истощения всех имевшихся в распоряжении школьной комиссии средств", и что «на путевые расходы отъезжавших было роздано в среднем до 200 франков на человека».

Провокатор Бряндинский, "осветивший" школу московской охранке, отметил даже, что два раза устраивались групповые выезды: "первый раз 14 июня в Париж на национальный праздник (день взятия Бастилии. – *С.К.*)… и второй раз в Версаль", при этом первый раз «на выпивку» было израсходовано до 150 франков, а второй раз «лишь 60–70 франков».

Бряндинский оказался объективным информатором и отметил, что "при расходовании партийных денег на личные потребности каждым из школьников в отдельности соблюдалась экономия" и лишь "при тратах целой группой особенно не стеснялись". Впрочем, 150 франков ***один раз*** на компанию человек в тридцать, многие из которых приехали из подполья и должны были уехать в подполье – это не так уж и много.

Интересные воспоминания о школе в Лонжюмо оставила и Крупская, на которой лежала организация переписки слушателей с родными. Из колоритных воспоминаний Надежды Константиновны (в деталях подтверждаемых донесением Бряндинского) видна дружная, товарищеская атмосфера в этой французской деревне в 15 километрах от Парижа – не очень уютной, не курортной, но удобной тем, что там не жило никого из русских. Для слушателей-"нелегалов" это было обстоятельством существенным.

"Занимались много и усердно, – писала Крупская. – По вечерам иногда ходили в поле, где много пели, лежали под скирдами, говорили о всякой всячине. Ильич тоже иногда ходил с ними"…

Столовались Ульяновы вместе со слушателями. Хозяйство взяла на себя Катя Мазанова, жена рабочего, бывшего вместе с Мартовым в ссылке в Туруханске, а потом нелегально работавшего на Урале. Ходили слушатели босыми – стояла страшная жара, а они, как на подбор, "гимназиев не кончали".

В Лонжюмо приехали рабочие А. И. Догадов из Баку, "плехановец" (впоследствии большевик) И. Д. Чугурин и из Киева, металлист И. С. Белостоцкий из Питера, москвич-кожевенник И. В. Присягин, Я. Д. Зевин из Екатеринослава, А. И. Иванова, поляк Э. Прухняк, польский социал-демократ С. Ю. Копец, С. Искрянистов…

Вольнослушателями числились Г. К. Орджоникидзе ("Серго"), И. И. Шварц ("Сёма", "Семён"), Б. А. Бреслав ("Захар").

Разными оказались их судьбы…

Скажем, Яков Зевин (1884–1918) начинал как меньшевик-партиец, с 1912 года стал большевиком, после Февральской революции работал в Моссовете, занимал пост комиссара труда в Бакинской коммуне и в 1918 году был расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров.

Серго Орджоникидзе стал в СССР крупнейшим партийным и государственным деятелем…

Занимали ответственные посты после Октября 1917 года и другие бывшие слушатели…

А вот что написала Крупская о судьбе выпускника школы С. Искрянистова ("Василия"):

"Он очень хорошо занимался, но держался как-то странно, сторонился всех… Он был очень дельным работником, в течение ряда лет занимал ответственные посты. Бедовал здорово. На фабрики и заводы его, как "неблагонадёжного", никуда не брали, и он с женою и двумя детьми очень долго жил на очень маленький заработок своей жены – ткачихи. Как потом выяснилось, Искрянистов не выдержал и стал провокатором. Стал здорово выпивать. В Лонжюмо не пил. Вернувшись из Лонжюмо… покончил с собой. Раз вечером прогнал из дому жену и детей, затопил печку, закрыл трубу, наутро нашли его мёртвым. Получил он за свою работу какие-то гроши, числился провокатором меньше года"[543].

Увы, бывало и так.

В июне 1911 года Ленин собрал в Париже совещание членов ЦК, живущих за границей. В этом совещании принял и член ЦК от Социал-демократии Королевства Польского и Литвы "Юзеф" – Феликс Дзержинский. "Поляки" до этого работали достаточно обособленно, и Ленин провёл отдельное совещание с представителями польской социал-демократии, на котором обменялся с Дзержинским записками, где оба соглашались, что меньшевиков-"голосовцев" надо из партии исключать. В историю партии этот обмен вошёл как "Договор Ленина с Юзефом".

Положение в партии было, по прежнему, сложным. Достаточно сказать, что Техническая комиссия, созданная на июньском совещании и состоявшая в большинстве своём из примиренцев, в конце июля 1911 года отказалась выдавать средства на дальнейшую работу школы в Лонжюмо, почему, собственно, в середине августа школу и пришлось закрывать.

Предыстория самого совещания была тоже не из простых… В уставе ЦК, принятом на Январском пленуме ЦК 1910 года, было записано, что в случае провала более половины Русского

бюро ЦК необходимо созвать пленум ЦК. В середине мая 1911 года Ленин писал в Заграничное бюро ЦК (ЗБЦК):

"Беки потеряли на центральной работе после пленума *четырёх* членов ЦК (Мешковский + Иннокентий + Макар + Линдов). Меки – *ни одного*, ибо ни один не работал!! …Они посылали ЦК в Россию, «чтобы он там провалился»! Они дождались провала *всех* беков. Они сохранили всех не работавших и *фиктивных* меков"[544].

ЗБЦК, где ленинцы оказались в меньшинстве, созыв пленума оттягивало, рассчитывая подтянуть в Париж ещё ряд соглашателей, и Ленин собрал вместо пленума совещание. Оно открылось 28 мая (10 июня) 1911 года и продолжалось до 4(17) июня.

На V съезде РСДРП – последнем "общем" съезде всех фракций РСДРП, был избран ЦК из 15 членов ЦК и 24 кандидатов в члены ЦК. Увы, полностью собрать ЦК никогда возможности не было не только потому, что многим было сложно приехать из России, но и потому, что часть членов ЦК находилась в России под арестом, в заключении или в ссылке. Приходилось прибегать к кооптации, то есть – к довыборам кого-то в ЦК не съездом и даже не пленумом ЦК, а группой членов ЦК. В результате состав ЦК видоизменялся, большинство получала то одна, то другая фракция, и ни одна не желала уступать другой…

А отсюда проистекали конфликты.

С отдаления лет ясно, что Ленин в этих конфликтах был почти всегда прав, но в реальном масштабе времени это не всегда понимали даже все большевики, откуда и возникали разного рода "примиренцы" и т. д. Ленин оценил совещание как блок трёх групп: большевиков, "поляков" и "примиренцев".

Откровенных меньшевиков-ликвидаторов И. А. Исува, К. М. Ермолаева и А. А. Бронштейна, как организаторов "столыпинской" "рабочей партии" Ленин дезавуировал, бундовец Либер в знак протеста против Ленина совещание покинул, но и после этого полного единства обеспечить не удалось, чему доказательством – отказ в средствах школе в Лонжюмо.

Тем не менее, польза от совещания была – позиции определились в очередной раз. Осенью 1911 года Ленин объехал большевистские группы в Цюрихе, Берне, Женеве и Париже, готовя решительные перемены в партии.

Глава 22. Августовский блок Троцкого и Пражская конференция Ленина

Если быть хронологически точным, то в названии этой главы Августовский блок и Пражскую конференцию надо переставить местами. Конференция в Вене, созванная Троцким, прошла в августе 1912 года, а Шестая (Пражская) всероссийская конференция РСДРП состоялась 5-17 (18–30) января 1912 года. Однако с позиций политики Пражская конференция Ленина стала необходимостью в результате предыдущего – до конференции – поведения Троцкого, которое на том историческом этапе получило в Августовской конференции меньшевиков лишь своё логическое завершение.

Впрочем, обо всём по порядку…

В апреле 1910 года Ленин написал Горькому из Парижа на Капри письмо, которое я уже цитировал и из которого сейчас приведу лишь то, что существенно для понимания дальнейшего. Ленин писал тогда: «*…Большевистскому Центру за его беспощадную идейную войну, прибавилась склока и желание поскандалить у меньшевиков – и вышел ребёнок с нарывами. Теперь вот и маемся. Либо… нарывы вскроем, ребёнка вылечим и вырастим. Либо помрёт ребёнок. Тогда поживём некоторое время бездетно (сиречь: опять восстановим большевистскую фракцию), а потом родим более здорового младенца*».

Пражская конференция и стала «матерью» здорового большевистского «младенца» с богатырским потенциалом. А родился он в Народном доме на Гибернской улице, № 7, в помещении редакции чешской социал-демократической газеты, где проходила конференция.

Ответ на вопрос, почему была выбрана именно Прага прост и отыскивается в письме, отправленном Лениным 1 ноября 1911 года Антонину Немецу, лидеру чешской социал-демократической партии:

«Уважаемый товарищ!

Вы меня очень обяжете, если сможете помочь мне советом и делом в следующем. Ряд организаций нашей партии намерен собрать конференцию (за границей, конечно). Число членов около 20–25. Не представляется ли возможным организовать эту конференцию в Праге (продолжительностью около одной недели)?

Самым важным для нас является возможность организовать дело архиконспиративно. Никто, никакая организация не должны об этом знать. (Конференция социал-демократическая, значит по европейским законам легальная, но большинство делегатов не имеют паспортов и не могут назвать своего настоящего имени).

Я очень прошу Вас, уважаемый товарищ, если это только возможно, помочь нам…

Я надеюсь, уважаемый товарищ, Вы простите мне, что я беспокою Вас этой просьбой. Заранее приношу Вам благодарность.

С партийным приветом

Н. Ленин»[545]

Итак, Ленин решил устроить «Большой сбор» и собрать на решительное совещание только своих, без каких-либо реверансов в сторону оппонентов, а Прага оказывалась для такого дела оптимальным местом. С одной стороны, для оперативного решения всех организационных вопросов и возможных конфликтов с полицией нужна была европейская столица, где под рукой имеются лидеры дружественной партии. С другой стороны, во всех подходящих столицах хватало русских эмигрантов.

В Праге же их не было.

Антонин Немец был в Чехии человеком влиятельным, и он помог. Забегая вперёд, скажу, что встретили делегатов в Праге тепло, разместили на квартирах чешских рабочих, и конференция проработала даже не неделю, а почти полмесяца – вопросов накопилось много, и вопросов принципиальных.

Конечно, факт подготовки общероссийской конференции полностью скрыть было нельзя, но место проведения знали до поры до времени лишь те, кто был готов к развитию революционной борьбы. Как уже было сказано, Ленин осенью 1911 года проехал по всей «эмигрантской» Европе, совещаясь, оценивая в беседах ситуацию, выступая с рефератами, направленными против ликвидаторов.

В сентябре 1911 года он участвовал в Цюрихе в заседании Международного социалистического бюро, защищая «левеющую» Розу Люксембург, в сентябре же выступал в Цюрихе, в Берне, Женеве с рефератом «Столыпин и революция», который по возвращении в Париж повторил и там.

В октябре 1911 года Ленин выезжает в Брюссель, Антверпен и затем в Лондон – с тем же рефератом, а в ноябре читает его в Льеже. Все эти утомительные поездки предпринимаются не только ради публичных выступлений, но и в целях конфиденциальных бесед и достижения общности взглядов с осевшими в разных местах Европы товарищами по партии.

Так он готовил Пражскую конференцию в её европейской части… Готовил не в смысле отбора будущих делегатов – как раз делегаты в Прагу отбирались, в основном, в России, «на местах». Но Ленину было важно понять – чем дышит эмиграция, на что можно рассчитывать здесь?

Увы, картина рисовалась пёстрая, но это не удручало – ясность тоже чего-то да стоит!

В Праге были представлены более 20 местных организаций в России, а при подготовке к конференции за неё высказалось ещё больше организаций, но не все делегаты до Праги добрались. Увы, на конференцию попали и два агента охранки – А. С. Романов и Р. В. Малиновский, а последний был даже избран в ЦК, поэтому «освещена» конференция была «охранкой» детально. Приведу следующее место из агентурной записки о конференции:

«По составу своему конференция носила характер определённо большевистского съезда, так как все делегаты, за исключением двух случайных меньшевиков, являлись представителями большевистской фракции и самыми ярыми приверженцами „Ленина“; …меньшевики в лице своего лидера Плеханова также не пожелали участвовать в конференции, заранее закрывшей свои двери для партийных работников „не большевистского“ направления…»[546]

Это был действительно первый съезд чисто большевистской партии, который избрал чисто большевистский ЦК в составе: В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарян, Ф. И. Голощёкин, Р. В. Малиновский и Д. М. Шварцман. Кроме того в состав ЦК заочно кооптировали вначале Сталина, а затем – Петровского и Свердлова.

Сталин, находившийся тогда в вологодской ссылке, был избран руководителем Русского бюро ЦК.

В Прагу приехало 14 делегатов с решающим и 4 с совещательным голосом, из них 16 – большевики и 2 – меньшевики-партийцы. По сути – небольшая группа, кучка. Но в политике эта небольшая группа была, пожалуй, аналогом знаменитой «Могучей кучки» композиторов Балакирева, Бородина, Кюи, Мусоргского и Римского-Корсакова…

Их, большевиков, сплотившихся в Праге вокруг Ленина, было по видимости немного, но они всерьёз обсуждали не досужие «светские сплетни» – чем занимались формальные тогдашние правители России из «царствующего дома Романовых», а вопросы будущей революции, будущего общественного устройства России и проблемы управления ей.

В резолюции о современном моменте и задачах партии говорилось:

«Конференция особо обращает внимание товарищей:

1) на то, что на очереди дня, как и раньше, стоит прежде всего длительная работа социалистического воспитания, организации и сплочения передовых масс пролетариата;

2) на необходимость усиленной работы по восстановлению нелегальной организации РСДРП…;

3) на необходимость постановки и расширения систематической политической агитации и всесторонней поддержки начинающегося движения масс…»[547]

Это была боевая директива уже чисто ленинского штаба всем подлинно боевым «частям» партийной «армии». А «армия» хотя и была после всех разгромов и «отливов» ещё невелика, вскоре стала прибавлять год от года и в численности, и в силе. Как показало ближайшее будущее, конференция собралась вовремя – в России действительно был близок новый подъём политической активности общества.

Сразу после Пражской конференции – в феврале 1912 года, Ленин написал Горькому: «*Наконец удалось – вопреки ликвидаторской сволочи – возродить партию и её Центральный комитет. Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами. Не напишете ли майский листок? Или листовочку в таком же майском духе? Коротенькую, „духоподъёмную“, а? Тряхните стариной – помните 1905 год – и черкните пару слов, ежели появится охота написать*…»[548]

Видно, что, несмотря на продолжающуюся зиму, настроение у Ленина было весенним, майским, «духоподъёмным». Положение определилось, «задачи ясны и команды понятны, и виден рубеж огневой»…

И не будет ни натяжкой, ни преувеличением сказать, что тогда окончательно завершился для Ленина период не то что бы «разброда и шатаний» – этого за Лениным не замечалось никогда и ни в чём, и не то что бы иллюзий – этим Ленин тоже никогда не страдал, но – период ***надежд*** на то, что ***все*** те, кто работает в рабочей среде, то есть те, кто считает себя «организованными марксистами», поймут, что лишь тактика и стратегия Ленина обеспечивает – рано или поздно – успех.

Ленин окончательно отряхнул со своей жизни и борьбы прах иллюзий, разочарований и упований. Он окончательно духовно укрепился в мысли, что надо идти и идти своим путём, ведя за собой только тех, кто готов идти за ним, как солдаты за командиром.

По внешней видимости ещё царило время тяжёлой реакции, пиком которой стал Ленский расстрел 4 апреля 1912 года. Тогда власти расправились над участниками мирного шествия рабочих Ленских золотых приисков, протестовавших против произвола администрации и ареста стачечного комитета.

Владельцы акционерного «Ленского золотопромышленного товарищества» («Лензото»), где преобладали английские акционеры, получали ежегодно 7 миллионов чистой прибыли, дивиденды за 1910 год составили 56 %. Рабочие же на приисках в глухой тайге в двух тысячах километров от Сибирской железной дороги при 11-часовом рабочем дне по договору фактически работали за гроши по 13–14 часов.

В начале марта 1912 года началась стачка – с бунта женщин-работниц, когда в гнилом мясе, отвешиваемом в приисковой лавке, они обнаружили ещё и бычьи гениталии. Осенью 1911 года на приисках оформилась большевистская группа, она и возглавила стачку. Программа: 8-часовой рабочий день, увеличение заработка на 10…30 %, отмена штрафов, организация медицинской помощи, улучшение продовольственного снабжения и квартирного положения.

Всего-то!

И петербургские, и лондонские хозяева приисков требования отклонили, решив рассчитать рабочих, прекратить подвоз продовольствия и выселить бастующих из приисковых казарм. В ночь с 3(16) на 4(17) апреля по распоряжению Департамента полиции была арестована часть

членов Центрального забастовочного комитета. Тогда утром 4 апреля около трёх тысяч рабочих направились к Надеждинскому прииску, где находился прокурор, чтобы вручить жалобу. Но заранее подтянутые войска открыли огонь. Было убито 270 и ранено 250 человек.

10 апреля 1912 года в ответ на запрос социал-демократической фракции Государственной Думы министр внутренних дел Макаров заявил: «**Так было и так будет впредь!**»

В СССР об этом палаческом ответе знал любой средне успевающий ученик средней школы, сегодня о нём вряд ли знают даже школьные учителя.

В ответ на ответ Макарова по России прокатилась волна демонстраций и политических стачек, в которых приняло участие до 300 тысяч человек. 25 апреля 1912 года в газете «Социал-демократ» Ленин констатировал: «Политические стачки и начало демонстраций по поводу ленского побоища показывают нарастание революционного движения рабочих масс в России»[549].

А в августе 1912 года в очередном письме Горькому Ленин доверительно сообщал:

«А в Балтийском флоте кипит! У меня был в Париже (между нами) специальный делегат, посланный собранием матросов и социал-демократов. Организации нет, – просто плакать хочется!! Ежели есть у Вас офицерские связи, надо все усилия употребить, чтобы что-либо наладить. Настроение у матросов боевое, но могут опять все зря погибнуть…»[550]

В очередной раз возникало это слово – «организация». Естественно, по условиям России, – нелегальная. То есть, Ленин мыслил верно: необходимо как можно более энергичное наращивание партийных сил и усиление всех видов работы, как легальной, так и нелегальной.

В легальной части обозначился крупный успех: в апреле большевистский депутат III Думы Полетаев получил разрешение на издание новой газеты, и с 5 мая в Питере стала легально выходить ежедневная рабочая газета «Правда»! Не малахольная «троцкая» венская квази-«Правда», а ленинско-сталинская «Правда», первый номер которой вышел с передовицей, написанной Сталиным.

Однако легальная работа – это видимая часть революционного «айсберга», нужна та развивающаяся вглубь и вширь нелегальная профессиональная партия, которую конституировала Пражская конференция!

И вот тут в игру вступил Троцкий. С 12 по 20 августа 1912 года он собрал в Вене ***свою*** конференцию. Поскольку среди делегатов оказались сразу три провокатора: В. М. Абросимов, А. А. Поляков и Стабровский, эта конференция тоже была хорошо «освещена» охранкой, и ниже сообщается кое-что именно по «охранным» документам – ради большей объективности, а конкретно – по циркуляру Департамента полиции № 107232 от 8 октября 1912 года.

На конференции присутствовали 18 делегатов с решающими голосами, 10 – с совещательными и 5 гостей. Троцкий со своим «Организационным Комитетом» намеревался выступить третейским судьёй, «но, – как отмечал полицейский циркуляр, – достижение указанной цели оказалось не под силу…, так как идейные центры ленинцев, меньшевиков-партийцев, большевиков-примиренцев и социал-демократов Королевства Польского и Литвы отказались от участия в этой конференции и последняя, не будучи в состоянии присвоить себе название общепартийной, конституировалась, как конференция отдельных организаций РСДРП».

В Вене были представлены Бунд, Закавказский областной комитет, Социал-демократия Латышского края, ликвидаторские группы… Но, что характерно – Богданова и Луначарского в Вене не было.

Охранкой были точно установлены следующие делегаты: 1) Адамович Михаил, сын титулярного советника, 2) Азатьянц Гайк, потомственный почётный гражданин, 3) Аксельрод Борух Пинхус-Павел, 4) Алексинский Григорий, потомств. дворянин, 5) Бронштейн Пётр,

помощник присяж. поверенного, 6) Бронштейн, урожд. Фихман, Сима-София, его жена, 7) Бронштейн Лейба-Лев, лишённый всех прав ссыльнопоселенец, 8) Гольдман Михаил, 9) Гольдман Борис, 10) Гельфонд Хаим Янкель, 11) Медем Владимир, 12) Мгеладзе Влас, 13) Меленевский Марьян, потомств. дворянин, 14) Андрей Петерсон, 15) Рейн Рафаил Ицек, сын двинского купца, 16) Смирнов Александр, 17) Собченко Гавриил, 18) Урицкий Моисей, 19) Уротадзе Григорий, 20) Цедербаум Юлий («Мартов»), сын потомственного почетного гражданина, 21) Янис Янсон…

Два неустановленных охранкой делегата – «Корнилов» и «Морозов» были рабочими из Петербурга, присутствовало несколько литераторов из редакции «Голоса Социал-Демократа», из венской «Правды» Троцкого и ещё кое-кто, включая М. С. Лурье-«Ларина», отца будущей третьей жены Николая Бухарина.

Судя по агентурной записке свар (именно свар, а не дискуссий) в Вене хватало, причём – и смех, и грех! – все стремились доказать, что «их организации, несмотря на наружный ликвидаторский характер, в действительности являются нелегальными, признающими значение подпольной централизованной работы». Это всё – тоже из полицейского циркуляра.

Куда ленинский конь с копытом, туда и троцкий рак с клешнёй…

Хватало на конференции Троцкого и обвинений в адрес Ленина и ленинцев, но даже из агентурной записки видно, что делегаты были растеряны и не очень-то едины – в отличие от ленинцев. Достаточно скоро Августовский блок стал нести потери, в 1914 году под влиянием Ленина из него вышли латышские социал-демократы.

Провокатор Андрей Поляков (охранная кличка «Сидор», партийная кличка «Кацап») – председатель, между прочим, мандатной комиссии конференции, оказался фигурой занятной. Он считался большевиком, предполагался Лениным к кооптированию в ЦК. Так что Поляков был направлен своим ***охранным*** начальством в Вену для того, чтобы вносить в ряды делегатов раскол «с позиций ортодоксального большевизма». Но долго этот якобы «ортодокс» у большевиков не продержался и, заподозренный в провокации, от политической деятельности отошёл.

В своём донесении Поляков давал такую характеристику делегатам: «Все они прохвосты и ликвидаторы от представляющего самого себя Ларина и кончая Троцким. Все они величины в партийном отношении бесконечно малые»…

Насколько я понимаю, Поляков в первой части своей оценки был искренен, а вот во второй – не очень. Троцкий, к сожалению, являл, всё же, собой в партийном отношении некую величину и влиянием пользовался. Скорее всего, Поляков просто прикрывал Троцкого, переводя внимание охранки на Ленина[551].

То, что затея Троцкого была антипартийной в точном смысле этого слова, поскольку ориентировала на легализацию партии, это – вне сомнений. Вне сомнений и то, что затея Троцкого в личном плане была антиленинской.

Но как надо оценить Августовский блок, образованный в Вене, сегодня – в свете всего того, что мы сегодня знаем и понимаем?

Думаю, не ошибусь, если скажу, что тогдашняя активность Троцкого объяснялась не только его амбициями, но и прямым ***заданием*** неких интернациональных, а точнее – наднациональных, сил срывать и осложнять деятельность Ленина.

Конечно, на современный взгляд было проще Ленина вообще убрать, но политическое убийство – всегда вещь непростая, да и не были они тогда ещё особо в ходу…

К тому же, Ленин ещё не представлялся настолько уж значимой фигурой. Учтём и то, что умной агентуре Капитала был опасен не только сам Ленин, но и его идеи, опасен возникающий ленинизм, а насильственная смерть вождя могла лишить движение стержня, а могла его и

усилить, сделать пост-ленинизм даже более жёстким и радикальным, чем исходный ленинизм!

Во всяком случае, история Августовского блока Троцкого – ещё один элемент мозаики, из которой складывается вполне зловещий образ Льва Давидовича… Так что перипетиям далёкого 1912 года уделяется здесь внимание ещё и потому, что в них, как и в других партийных перипетиях в «маргинальной» до революции РСДРП, крылись корни будущих «левых», «правых» и прочих «уклонов» в ВКП(б), которая после революции стала в Советской России ***правящей***…

Антисталинские сговоры 20-х годов, и последовавшие за ними антисталинские заговоры 30-х годов, которые по сути были уже заговорами антисоветскими, антигосударственными, имели своё идейное, личностное и персональное начало там – в те дореволюционные годы, когда боролись крепнущий ленинизм и зародышевый троцкизм.

Уже тогда в души ряда будущих деятелей будущей ***правящей*** партии закладывалась та неприязнь к Ленину, которая после Октября 1917 года не могла проявляться очень уж открыто, и которая проявилась более чем открыто в форме неприязни к Сталину – как при жизни Ленина, так и, тем более, после его смерти. Когда мы дойдём до последнего года жизни Ленина, читателю станет понятнее, что я имею в виду.

Обрисовались враги партии, но чётко выделились и друзья. Тогда же, в начале 10-х годов XX века, в партии определилось её будущее «твердокаменное» ядро: Ленин, Сталин, Орджоникидзе, Спандарян, Калинин, Стасова, Шаумян, Свердлов, Дзержинский…

Определилось и место такой якобы «нефракционной» фигуры, как Троцкий. В статье «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве», Ленин «пришил все пуговицы» к политическим одеждам Троцкого:

«С 1912 года, уже более двух лет, *нет* в России фракционности среди организованных марксистов, нет споров о тактике в *единых* организациях, на *единых* конференциях и съездах. Есть *полная* разорванность между партией, … заявившей в январе 1912 года о том, что ликвидаторы не принадлежат к ней, и ликвидаторами. Троцкий называет это положение дела „расколом“ и о таком наименовании мы будем говорить особо. Но остаётся несомненным фактом, что слово фракционность *расходится с истиной*.

И когда Троцкий говорит нам о „хаосе фракционной борьбы“, то… отжившее прошлое говорит устами его.

…Троцкий любит звонкие и пустые фразы – это известно, но словечко „хаос“ есть *не только* фраза, а перенесение… на русскую почву современной эпохи *заграничных* отношений *вчерашней* эпохи. Вот в чём суть дела…»[552]

Отметая провокационное обвинение Троцким большевиков в «расколе», Ленин провёл – с цифрами – анализ ситуации, и далее писал:

Вы нас обвиняете в раскольничестве, тогда как мы перед собой на арене рабочего движения в России ровно ничего кроме ликвидаторства не видим… «Нефракционность» Троцкого есть именно раскольничество в смысле самого беззастенчивого нарушения воли большинства рабочих[553].

Итак, размежевание произошло.

Ещё были сильны меньшевики, уводившие рабочих в чисто экономическую борьбу… Усиливались в России эсеры, утверждавшие своё политическое реноме эффектными взрывами бомб… Налаживали отношения с царской администрацией кадеты, торжествовали октябристы и монархисты…

Но все они были для Ленина в перспективе политическим «отстоем» – он был уверен в революционном будущем успехе России, а такой успех могла дать лишь та партия, за которую боролся он, и которую он теперь будет развивать уже без соглашателей и без дураков.

Без дураков в прямом и в переносном смысле слова.

Стратегия определилась давно, ещё Марксом и Энгельсом в XIX веке: пролетарская революция, низвержение капиталистической собственности (точнее – преобразование её в общенародную собственность) и обретение трудящимися массами политической власти.

Верную же тактику определял – уже в XX веке, Ленин: боевая партия, идейное единство, усиление влияния партии среди рабочих, всё расширяющаяся агитация и пропаганда среди всего населения России, но особенно – во всё той же рабочей среде, с максимальным использованием агитации при любой легальной возможности.

Главная задача при этом: многообразно доказывать прогнившую природу самодержавного строя и не только его антинародный, но и его ***антинациональный*** характер.

Надо было показывать, что якобы получившая «конституцию» и «парламент» в виде Государственной Думы, Россия остаётся страной, не имеющей ни подлинных гражданских свобод, ни подлинно национальной экономики, и указывать выход в народной республике.

17 июня 1912 года в легальной большевистской газете «Невская Звезда», издаваемой в Петербурге как новая ипостась закрытой «Звезды», появилась хлёсткая статья «Капитализм и „парламент“». Она была опубликована Лениным за подписью «Не-либеральный скептик», и там Ленин сказал, как отрезал:

«Парламента у нас нет, – но парламентского кретинизма среди либералов, парламентского разврата среди всех буржуазных депутатов у нас сколько угодно»[554].

Это же надо!

Дать формулу, разящую врагов народного счастья и ***через сто лет***! Это ведь Ленин не только о царской Думе сказал, но и о нынешней «россиянской» «Государственной» Думе, о «партии» «Единая Россия», о разного рода жириновских…

И не поймёшь – то ли Ленин был настолько прозорлив, то ли мы настолько деградировали и оскотинились, что сами себя политически отбросили ***на век назад***, и по сей день этого не поняли?

В той же статье есть и ещё одно место, написанное как будто бы сегодня:

«III-я Дума решила премии выдавать отечественным машиностроителям. Каким отечественным? – „Работающим“ в России!

А посмотреть, – и окажется, что как раз иностранные капиталисты перенесли свои заводы в Россию. Таможенные пошлины высоки, – прибыли необъятны, вот иностранный капитал и переселяется *внутрь России*. Американский трест – союз миллионеров-капиталистов – построил, например, громадный завод с.-х. машин под Москвой, в Люберцах. А в Харькове капиталист Мельгозе (германский подданный. – *С.К.*), а в Бердянске капиталист Джон Гриевз (английский подданный. – *С.К.*) строят сельскохозяйственные машины. Не правда ли, как много „истинно русского“, „отечественного“ в этих предпринимателях?»

Читаешь это и думаешь: хорошенькое дельце! От чего ушли в XX веке – с Лениным, к тому сейчас пришли в XXI веке – без Ленина, но с Ельциным и Путиным-Медведевым…

Н-да…

Всего через пять лет ленинские декреты превратят эти иностранные заводы ***в*** России в заводы ***России*** – одним росчерком пера! Но как многое должно было произойти, чтобы это стало возможным, чтобы народы России решили стать хозяевами своей собственной страны. Собственно, это и не стало бы возможным, если бы не упорная работа Ленина и его партии по политическому просвещению народных масс.

Наиболее массовые легальные возможности в этом отношении предоставляла думская трибуна, и Ленин обратил на предвыборную работу большевиков всё своё основное внимание в 1912 году.

Выборы в IV Думу должны были состояться осенью, и Ленин делил время между

организационными делами и публицистикой.

В двадцатых числах июня 1912 года Ульяновы переехали из Парижа в Галицию, в австрийский (тогда) Краков. Вначале поселились в предместье, однако тут было далеко до вокзала, а Ленин почти ежедневно ходил отправлять письма в «Правду» скорым ночным поездом – чтобы статьи успевали вовремя. Поэтому в конце августа переехали на новую квартиру рядом с вокзалом. В двух комнатах стояли три простые кровати (мать Крупской тоже переехала за детьми в Краков), два стола, несколько стульев и табуреток, плюс – полки для книг.

В августе Ленин сообщал Горькому в ответ на его вопрос:

«Вы спрашиваете, зачем я в Австрии. ЦК поставил здесь бюро (между нами): близко граница, используем её, ближе к Питеру, на 3-й день имеем газеты оттуда, писать в тамошние газеты стало куда легче, сотрудничество лучше налаживается. Склоки здесь меньше, это плюс. Библиотеки нет хорошей, это минус. Без книг тяжело»[555].

Осенью предстояли выборы в IV Государственную Думу, так что время было горячим. Заранее было понятно, что выборы будут сфальсифицированы, что и произошло путём «разъяснения» выборных законов, которые и без подтасовок приравнивали голос одного помещика к 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Но участвовать в выборах было необходимо, потому что даже куцые думские возможности были полезны.

Летом и осенью 1912 года Ленин опубликовал в «Правде» не один десяток статей на самые разные темы – от краткого анализа концентрации производства в России до своеобразного некролога «Карьера» – на смерть издателя «Нового времени» А. С. Суворина (1934–1912), где Ленин писал:

«Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути, – миллионер, самодовольный и бесстыдный восхвалитель буржуазии… в конце этого пути. Разве это не типично для *массы* „образованных“ и „интеллигентных“ представителей так называемого общества? Не все, конечно, играют в ренегатство с такой бешеной удачей, но девять десятых, если не девяносто девять сотых играют именно такую же самую игру в ренегатство, *начиная* радикальными студентами, *кончая* „доходными местечками“ той или иной службы, той или иной аферы…»[556]

Это ведь Владимир Ильич писал и о многих своих бывших соучениках по гимназии, по университету. Они «поняли» жизнь, они «вовремя созрели» и отыскали свои доходные местечки, а теперь пытались отгородиться от совести тем, что говорили о революционерах как о «смутьянах», «неудачниках, не умеющих найти себя в жизни», «бездельниках, не желающих тянуть лямку» и т. д.

Они и сегодня говорят о Ленине и его сподвижниках то же самое, но удивляться тут нечему – ведь девять десятых, если не девяносто девять сотых современных «обличителей» Ленина тоже начинали как радикальные студенты в курилках на «образованных» и «интеллигентных» кухнях…

В Европе начиналась первая Балканская война – предвестница войны уже мировой, и Ленин в статье «О лисе и курятнике», имея в виду либеральную болтовню в русских газетах о «славянских задачах» России, прозорливо заявлял в октябре 1912 года:

«Демократия вообще, а рабочие в особенности, – против всякого „протежирования“ славян лисами и волками и за полное самоопределение народов, за полную демократию, за освобождение славян от *всякого* протежирования „великими державами“…»[557]

Эти слова били «в точку» – «поддержка» Россией «свободы» Сербии, как и «поддержка» Англией «суверенитета» Бельгии, запустили ту реальную войну, которую давно готовили в Европе Америка, Англия, Франция и Германия…

Но основное внимание Ленин уделял, конечно, выборам в Государственную думу. И теперь у

Ленина был в России надёжный деловой соратник: руководитель Русского бюро ЦК «товарищ Васильев» – Сталин.

В феврале 1912 года к Сталину в Вологду приезжал Орджоникидзе для личной информации о Пражской конференции и её решениях. Сразу после этого Сталин бежит из вологодской ссылки, объезжает Кавказ, затем возвращается в Петербург, где редактирует «Звезду» и готовит выпуск первого номера «Правды».

22 апреля (5 мая) 1912 года – в день выхода первого номера – Сталин был арестован и в июле выслан по этапу в Нарымский край. Но вскоре он бежит и из Нарыма и, осев нелегально в Петербурге, организует избирательную кампанию большевиков в IV Думу.

В октябре 1912 года отдельной листовкой вышел сталинский «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», где говорилось:

«…Думская трибуна является одним из лучших средств при данных условиях для просвещения и организации широких масс пролетариата.

Именно для этого и посылаем в Думу нашего депутата, поручая ему и всей социал-демократической фракции IV Думы широкое распространение с думской трибуны наших требований, а не пустую игру в законодательство в господской Думе»[558].

Хорошие слова, увы, сегодня вновь актуальные.

Пражская конференция выдвинула следующие главные избирательные лозунги на предстоящих выборах в IV-ю Думу:

1) демократическая республика;

2) 8-часовой рабочий день;

3) конфискация всей помещичьей земли в пользу крестьянства.

Такой предвыборной программы не имела ни одна другая партия, кроме РСДРП. Даже наиболее формально левый – после партии Ленина, Августовский блок Троцкого, который высказался против нелегальной партии, не включил в свою избирательную платформу ни одного, по сути, решительного ленинского лозунга[559]!

Вместо идеи демократической республики троцкисты провозгласили лозунг всеобщего избирательного права и полновластной Думы. Конечно, это была дешёвая демагогия – ведь идея демократической республики автоматически предполагала всеобщее избирательное право и высший выборный орган, ответственный перед народом.

Вместо конфискации всей помещичьей земли троцкисты предлагали пересмотр аграрного законодательства III Думы. Это было в интересах нового кулачества, которое обладало бульшими избирательными правами и возможностями, чем многомиллионное безземельное или малоземельное крестьянство.

По вопросу об избирательной тактике Венская конференция Троцкого признала допустимым поддержку кандидатов либеральных буржуазных партий, обязывавшихся отстаивать всеобщее избирательное право. Это была тоже не новая и чисто меньшевистская песня…

Если бы в России в 1912 году было введено всеобщее и прямое избирательное право без разных так курий, то можно ли сомневаться, что IV Дума была бы на минимум 70 %, а то и на 80 % социал-демократической при подавляющем перевесе большевиков?

Реально же фракция социал-демократов составила в последней царской Думе всего 13 полноправных членов плюс 1 неполноправный член. При этом по непосредственно рабочей курии было избрано 6 большевиков и 4 меньшевика (3 меньшевика прошли не по рабочей квоте, то есть были избраны не по рабочей курии).

От шести наиболее промышленных губерний, где было сосредоточено 80 % рабочего класса России в Думу прошли только большевики: А. Е. Бадаев (1883–1951) от рабочих Петроградской губернии, Г. И. Петровский (1878–1958) от Екатеринославской губернии, М. К. Муранов (1873–

1959) от Харьковской губернии, Ф. Н. Самойлов (1882–1952) от Владимирской губернии, Н. Р. Шагов (1882–1918) от Костромской губернии и Р. В. Малиновский (1876–1918) от Московской губернии.

От меньшевиков прошли Е. Ягелло от Варшавской губернии, И. Н. Туляков от Донской области (области войска Донского), В. Хаустов от Уфимской губернии, А. Бурьянов от Таврической губернии, И. Маньков от Иркутской губернии, Н. С. Чхеидзе – от Тифлисской губернии и А. И. Чхенкели от Карской и Батумской областей[560].

Интересно хотя бы кратко проследить судьбы тринадцати «рабочих апостолов» IV Думы.

Меньшевики Туляков (1877—?) и Хаустов (1884—?) скромно сошли в историческое небытие.

Меньшевик Бурьянов (1880—?), ликвидатор, позднее примкнул к меньшевикам-партийцам, в годы войны склонялся к оборончеству.

Меньшевик Маньков (1881—?), конторский служащий, во время войны стал социал-шовинистом, голосовал за военный бюджет, за что был исключён из фракции.

Поляк Ягелло (1873—?) был избран благодаря поддержке польского Бунда, после 1917 года одно время примыкал в Польше к левым социалистам, но потом от политической деятельности отошёл.

Злостные меньшевики Чхеидзе (1864–1926) и Чхенкели (1874—?) после Октября 1917 года входили в руководство меньшевистской Грузии и затем стали белоэмигрантами.

Как видим, не очень-то боевой состав провели в последнюю царскую Думу меньшевики.

Что же до депутатов-большевиков, то все они, за исключением одного, достойно представляли в Думе пославших их туда рабочих. Увы, Роман Малиновский оказался провокатором охранки, и в 1918 году его расстреляли по приговору ВЦИК. Однако даже Малиновский, обладавший даром пропагандиста, как позднее заметил Ленин, выдавал десятки, зато, вынужденный проводить линию большевиков, привлекал к революционным идеям десятки тысяч рабочих.

Остальные депутаты «ленинского призыва» оказались героями. После начала Первой мировой войны протестовавшие против неё пять депутатов-большевиков были в ноябре 1914 года арестованы, преданы суду и в 1915 году сосланы в Туруханский край. Есть знаменитая фотография «пятёрки», уже обряженной в арестантские халаты с каторжными бескозырками на головах…

На суде все пять выступили с речами, разоблачавшими самодержавие.

После Октября 1917 года все, кроме умершего в 1918 году Шагова, занимали в СССР ответственные посты.

Григорий Петровский с марта 1919 года по 1938 год был Председателем Всеукраинского ЦИКа, в 1926 году Екатеринослав был переименован в его честь в Днепропетровск.

Алексей Бадаев с 1930 года возглавлял Центросоюз, а в 1938–1943 годах работал Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР.

Матвей Муранов с 1923 года был членом коллегии Верховного Суда ССР, с 1934 года перешёл в аппарат ВЦИК.

Фёдор Самойлов работал на Украине, в Башкирии, с 1928 года заведовал московским Истпартом, в 1937—41 годах был директором Музея революции.

И никто их – старых большевиков, не репрессировал, не расстреливал. А за что? Они, дореволюционные воспитанники партии Ленина, честно, в меру сил, работали на дело Советской власти уже в рядах партии Ленина-Сталина.

В 1912 году о ***таком*** их будущем – вообще-то, не очень и далёком, никто, включая их самих, не догадывался. Напротив – реакционеры и монархисты считали, что царизму обеспечена

стабильность.

Ещё бы – думский спектр справа налево был подавляюще «белым»! Из 442 мест в Думе правые и националисты имели 185 мест, октябристы – 98; кадеты, прогрессисты и буржуазные националисты —128; трудовики – 10 мест и социал-демократы – 13.

В направленном в ноябре 1912 года в Международное Социалистическое бюро отчёте о выборах Ленин отмечал:

«Избирательный закон 3(16) июня 1907 года является примером бесстыдной фальсификации… Население разбито на „курии“: помещики, городские жители первого и второго разряда, крестьяне, казаки, рабочие…

Общая картина следующая: 200 000 дворян посылают в избирательные собрания 53 губерний 2 594 выборщика, то есть 49,4 % от общего количества выборщиков; $^1/_2$ миллиона или около этого капиталистов первой городской курии располагают 788 выборщиками (15 %); около 8 миллионов горожан второй городской курии посылают 590 выборщиков (11,2 %), около 70 миллионов крестьян и казаков располагают 1168 выборщиками (22,2 %) и около 12 миллионов рабочих – 112 выборщиками (2,1 %).

Неудивительно, что подобный избирательный закон даёт „чёрную“, контрреволюционную Думу – настоящую „Chambre introuvable“…»[561]

«Chambre introuvable» («бесподобная, несравненная палата») – так Людовик XVIII назвал крайне реакционную палату депутатов, избранную после реставрации Бурбонов в августе 1815 года. Глядя на IV Думу, царь Николай вполне мог бы повторить его слова.

Вскоре после начала работы IV Думы Ленин собрал в Кракове совещание. Сталин, приехавший на него нелегально, после совещания вновь уехал на подпольную работу в Питер, и на этот период приходится весьма активная и деловая переписка его и Ленина, из которой видно, что Ленин, наконец-то, обрёл в лице Сталина подлинного своего эмиссара в России, причём не просто эмиссара, а перспективного, выдающегося соратника.

В конце декабря 1912 года Сталин опять приехал к Ленину в Краков на новое совещание, которое ради конспирации было названо «Февральским 1913 года». В нём приняли участие 14 человек, в том числе Зиновьев, Крупская, депутаты Думы Малиновский, Бадаев и Петровский, представители двух столичных и уральской организаций… Сталин провёл в Кракове ещё какое-то время, и, конечно же, ещё больше сблизился с Лениным.

Достаточно сказать, что Ленин поручает Сталину, у которого хватало дел в России, ряд срочных организационных вопросов за границей, и Сталин уезжает в Вену. Много они тогда вдвоём – по словам Крупской, говорили и о национальном вопросе. В феврале 1913 года Ленин писал Горькому: «*Насчёт национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посурьёзнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для „Просвещения“ большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы*»[562].

Ленин имел в виду статью Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия».

Возвратившись в Петербург лишь в середине февраля 1913 года, Сталин вместе со Свердловым приступает к реорганизации редакции «Правды», но охранка уже поняла, что оставлять российскую «правую руку» Ленина на свободе опасно. Поскольку провокатор Малиновский «освещал» ситуацию вполне адекватно, арест «Кобы» был предрешён, и 23 февраля 1913 года Сталина арестовали и заключили в знаменитый в революционной среде Дом предварительного заключения. Вышел Сталин из него лишь 2 июля 1913 года – уже с приговором о высылке в Туруханский край под гласный надзор полиции сроком на 4 года.

Одновременно со Сталиным по доносу того же Малиновского был арестован и сослан в Туруханский край молодой Яков Свердлов – второй после Сталина крупнейший

внутрироссийский партийный организатор. В результате активная партийная работа Сталина и Свердлова прервалась до февраля 1917 года.

Равноценной замены Сталину и Свердлову найти так и не удалось, в России наблюдался относительный экономический подъём, какие-то, пусть и частичные, социальные реформы намечались, и хотя Ленин писал Горькому в августе 1912 года: «*А в России революционный подъём, не какой-нибудь, а именно революционный*» (ПСС, т. 48, с. 81), говорить о той революционной ситуации, классическую формулу которой сам же Ленин и дал в 1915 году в работе «Крах II Интернационала», пока не приходилось.

А это означало, что надо заниматься повседневной, будничной работой по политическому просвещению масс и развитию партии. О том, что возможна и такая – неяркая и неэффектная, полоса в революционной борьбе Ленин писал не раз, не раз предупреждал об этом соратников и массы, и вот эта полоса наступила.

Что ж, для Ленина это означало не снижение напряжения жизненного ритма, а перевод энергии в иные плоскости: в партийную публицистику, в поддержание «на плаву» местных партийных организаций и в развитие связей в среде европейских социал-демократов. Этим и были заполнены, по преимуществу, для Ленина 1913 и 1914 годы.

В чём состояла заграничная работа Ленина между двумя русскими революциями как лидера партии, профессионального революционера?

Он жил за рубежом, в условиях почти абсолютной – по сравнению с царской Россией, конечно, – политической свободы. Бояться ареста, в общем-то (хотя – чем чёрт не шутит!) не приходилось, отстреливаться от агентов «охранки» – тоже.

Пропагандировать на митингах и маёвках было некого – рабочие массы остались далеко, в России.

Так чем был занят во второй эмиграции лидер большевиков Ленин повседневно?

В 1908-м году…

В 1909-м и 1910-м годах?

В 1911-м, 1912-м, 1913 и 1914, и так далее – до весны 1917 года…

О многом уже сказано, но если отвечать на этот вопрос буквально, можно коротко ответить так: «Ленин все эти годы думал, читал, писал, слушал, говорил, периодически ездил в те или иные места»…

Собственно, именно этим повседневно занят любой крупный управленец, любой руководитель.

Директор завода за станком не стоит, Главный конструктор сам чертежи не выпускает… И даже главный режиссёр в театре сам на сцене в спектаклях, им поставленных, как правило, не появляется.

Удел руководителя: думать, слушать, говорить, читать и писать документы. А Ленин как раз и был руководителем – руководителем большого партийного дела, требующего повседневного внимания и повседневных занятий.

Причём – нередко рутинных.

Чтобы хорошенько понять это, читателю надо бы взять в руки несколько ленинских томов, относящихся ко временам второй эмиграции, да и вчитаться в них, особенно – в тома писем.

Скажем, том 47 Полного Собрания Сочинений, где помещены письма с 1905 по ноябрь 1910 года…

Для примера приведу оттуда два письма, почти случайно выбранных (потом, правда, я понял, что выбор был удачным и остановился на нём уже осознанно).

Оба, соседствующих рядом, на страницах 258-й и 259-й 47-го тома, письма написаны Лениным в начале августа 1910 года.

Первое письмо послано из Порника в Париж и адресовано Д. М. Котляренко (1876-?) – достаточно рядовому партийному работнику, с 1908 года заведующему экспедицией (то есть – отделом рассылки и т. п.) большевистской газеты «Пролетарий»:

«Личное товарищу Котляренко

1.8.10

I. Дорогой товарищ! Будьте любезны выписать нам следующие книги для редакции:

1) Отчёт фракции народной свободы за 3 сессию Государственной думы…

2) Памяти Н. Г. Чернышевского. Доклады и речи Анненского, Антоновича, Туган-Барановского и др. …

II. Далее. Насчёт доклада Вы поступили *очень* неосторожно, не послав заказным. Я здесь дал на почту адрес Рапопорта. Но этого мало. Пошлите *тотчас* заявления в Administration des postes в *Pornic`e*, прося, как отправитель, переслать пакет Рапопорту…

III. Насчёт *„Общественного Движения“* – говорят, что Бритман привёз его и сдал в экспедицию для меня… Вы *при случае* запросите…

IV.Насчёт *гостей* на конгрессе в Копенгагене не могу ничего сказать. Обыкновенно, кажись, пускали на хоры… Возьмите *один* листок из моей посылки в ЗБЦК (Заграничное бюро ЦК. – *С.К.*)…, там есть листок с адресом председателя местного организационного комитета

V. Прилагаю письмо для ЗБЦК. Прошу *поскорее* передать.

VI. А как дело с докладом? Очень, очень прошу *торопить* издание.

Жму руку. Ваш *Н. Ленин*»[563]

Второе письмо послано 2 августа 1910 года А. И. Любимову («Марку») тоже из Порника – в Париж. Это был тот самый Любимов, которого в 1904 году кооптировали в состав ЦК. Любимов «дрейфовал» в сторону меньшевизма и позднее входил в плехановскую группу «Единство». Но партия, особенно в эмиграции, состоит не только из «твердокаменных», а повседневная работа есть повседневная работа, окончательный «развод» большевиков с меньшевиками в 1910 году ещё не состоялся, и Ленин пишет:

«Дорогой М.!

Прилагаемое письмо будьте любезны отправить экспрессом Пятнице (нелегалу в России О. А. Пятницкому. – *С.К.*).

….Гюисманс (секретарь Международного Социалистического Бюро II Интернационала, – *С.К.*) запретил доклады свыше 4-х страниц… Я знаю одно: что доклад *печатаем мы сами*; кто же может нам запретить сделать его большим? …Требование печатать доклад на 3-х языках мне известно давно, но раз нет денег? Что же, „запретят“ на одном языке?

Прилагаю письмо из банка, который сообщает мне счёт и *требует от меня* (как и всегда) письменного ответа, удостоверяющего за моей подписью, что я признаю точность этого счёта. Прилагаю сей письменный ответ…», и т. д.[564]

К слову, в постскриптуме письма Любимову Ленин пишет о расходах на посылку на VIII конгресс II Интернационала в Копенгаген до 8 делегатов и заканчивает вопросом: «*Хватит ли у Вас на это из 75-ти тысяч?*»

Конечно, это не значило, что на посылку делегатов из расчёта до 300 франков на делегата, надо будет «ухнуть» все 75 тысяч партийных денег, но суть вопроса понятна – может ли партия позволить себе расход здесь по максимуму, послав в Копенгаген всех допускаемых по квоте делегатов?

А вот ещё три письма, относящиеся уже к 1914 году…

Первое написано в феврале 1914 года:

«Дорогой Фёдор Никитич! Получил Ваше письмо и очень рад, что Вы устроились.

Теперь – покой, солнце, сон, *еда*. Следите за всем этим, сытно ли кормят?

Надо пить молока *побольше*. Пьёте ли?

Надо взвешиваться раз в неделю и записывать каждый раз, сколько Вы весите…

Надо ходить к местному доктору хоть раз в 10 дней… Имеете ли адрес доктора? Если нет, пишите, я разыщу.

Но главное – сон..

Пишите *подробно* обо всём этом.

Надя кланяется! Жму руку и желаю отдыхать хорошо.

Ваш *Ленин*.

P. S. Не очень ли скучаете? Если да, могу устроить Вам визиты знакомых из Женевы и Лозанны. Но не утомят ли Вас визиты? Пишите!

Есть ли ванна в Вашем пансионе?»[565].

Фёдор Никитич – это депутат IV Думы, рабочий-текстильщик Самойлов, приехавший подлечить нервы в швейцарский Монтрё. И вот Ленин из Кракова беспокоится о том, как устроен товарищ, не очень-то к «европам» привыкший.

В апреле Ленин в письме из Кракова в Берн адресуется по поводу Самойлова к партийцу Г. Л. Шкловскому:

«Дорогой друг! Вчера получил тревожное письмо от Самойлова. Ему хуже. Не спит. *Скучает*.

…Ужасно то неприятно, ибо мы взялись, так сказать, его вылечить. Посылаю ему сегодня рекомендательное письмо здешнего нервного врача Ландау к доктору *De Montet Vevey* в „Mon Repos“ (санаторий).

Видимо, надо свозить Самойлова к лучшему нервному врачу и перевести в санаторий, где был бы систематический уход и присмотр. Сделайте это пожалуйста, не стесняйтесь расходами, … ибо во что бы то ни стало надо к осени поставить Самойлова на ноги…

Говорят, скука очень вредна неврастеникам. Но как тут быть? Взять Самойлова в *Поронин* (мы едем туда 1.V.) или в *Закопане*? Можно, но *там дожди всё лето*.

Пишите о результате визита к врачу…»[566]

В начале мая Самойлов сообщает Ленину, что находится в Бернском городском санатории и врач рекомендует ему физический труд. И Ленин опять пишет Шкловскому:

«Дорогой Г. Л.!

Что же не отвечаете насчёт Самойлова (непременно устройте ему физический труд – найдите крестьянина в окрестностях или огородника через социалистов…)

Привет! Ваш *В.И.*»[567]

Что можно и нужно сказать, осмысляя и комментируя выше приведённые письма – вполне представительные для понимания сути жизни и работы Ленина до второй русской революции?

Уже в начале своей жизни, которая рано определилась как жизнь профессионального революционера, Ленин подходил к проблеме ведения революционной работы абсолютно трезво – без патетики и деловито. Через два с лишним десятка лет после эпохи «Союза за освобождение рабочего класса», стоя во главе страны, он сказал России: «Нам истерические

порывы не нужны, нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата».

Вот ради того, чтобы революцию сопровождали спокойная убеждённость и мерная поступь людей дела, а не истерические возгласы и призывы, Ленин в эмиграции и работал.

В советские годы каждый школьник знал, что когда до Симбирска дошло сообщение о казни старшего брата Александра, Владимир – ещё гимназист, сказал: «Мы пойдём другим путём!» И эти слова – явно не апокриф, то есть – нечто, сочинённое позднее…

Ленин – ещё не Ленин, а юный Владимир Ульянов, почти сразу увидел все звенья той «якорной цепи», на одном конце которой был глубоко засевший в иле истории «якорь» царизма, а на другой – тот «брашпиль», на который надо было намотать эту «цепь», чтобы снять с места застоявшийся «корабль» Российского государства и направить его курсом на социализм.

Террор, заговор, упование на основное население – крестьян, всё это был не тот путь, который вёл к победе народной революции.

Рабочие ↔ пропаганда среди рабочих ↔ общерусская газета для объединения сил ↔ партия с ядром профессиональных партийных работников ↔ пропаганда среди широких масс с задачей понимания массами необходимости завоевания политической власти ↔ повседневная профессиональная партийная работа и подготовка условий для революции за счёт роста влияния партии в массах, – вот какой была надёжная, не разрываемая никакими репрессиями царизма, «цепь» революционной работы.

И Ленин изо дня в день эту «цепь» укреплял. В подходящий момент, приложив нужные усилия, большевики должны были за эту «цепь» сорвать Россию с «мёртвого якоря».

А если бы – по тем или иным причинам – Россию сорвали бы с «грунта» царизма без участия большевиков, то…

То большевикам надо было быть готовыми вовремя перехватить руль государственного управления, чтобы Российский «корабль» не сел на камни или на мель, а то и вовсе перевернулся…

Вот для чего надо было жить и работать, однако порывы страсти, яростное горение и т. п. не очень-то подходили как образное выражение сути работы Ленина во второй половине 900-х и первой половине 10-х годов XX века… А точнее – патетические образы и сравнения вообще не подходили для описания жизни Ленина.

Другое дело – спокойная уверенность, ровное горение и свечение…

Один из советских лётчиков-испытателей высказал точную мысль: «Если испытатель идёт в полёт как на подвиг, значит он к полёту не готов». Это не значит, что испытателем может быть человек, не готовый к подвигу. Как раз наоборот, повседневная готовность к неожиданным, экстремальным ситуациям в полёте, когда необходимо действовать мужественно, для испытателя – неотъемлемая профессиональная черта. Но он не должен рассматривать свою работу как подвиг. Для него подвиг – элемент профессионализма.

Это же следует сказать и о профессиональном революционере… А Ленин был высоким профессионалом своего революционного дела.

Рисковать собой, бросая бомбу в великого князя, глупо и бессмысленно.

Рисковать собой, когда грозит арест и долгое выключение из работы по руководству партией, необходимо по чисто деловым соображениям. И Ленин без колебаний ступает на ненадёжный лёд Финского залива – как это было осенью 1907 года…

Подвиг?

Нет, конечно, – досадная, чреватая гибелью, но – необходимость.

И – не более того…

Свою работу Ленин никогда не считал героической, а когда работа требовала от него героизма, он воспринимал это как неизбежные издержки работы, как досадную её специфику.

Так смотрели на дело в революционной эмиграции далеко не все, к тому же – в эмиграции, весьма разнородной по политическим платформам, по возрасту и опыту работы эмигрантов, по рисунку натур типичных представителей различных эмигрантских кругов: эсеров, бундовцев, меньшевиков, «трудовиков», анархистов, и т. д. и т. п.

Не только убеждения, но и быт большевиков и, скажем, меньшевиков, очень различались. Меньшевик Юлий Мартов, например, был неряшлив и интеллектуально, и в быту. Большевик Владимир Ульянов, напротив, имел строгий, чётко логичный ум, был аккуратен в одежде и общежитии.

Но с тем же Мартовым – бывшим близким другом, Ленину приходилось постоянно общаться лично и через письма, обсуждать хотя бы частично общие задачи и проблемы, дискутировать, пытаться переубедить…

Было бы небесполезно отдельную главу посвятить анализу эмигрантских писем Ленина к тем или иным адресатам, где речь идёт только об отношении к тому или иному партийному деятелю – Радеку, например…

И параллельно – анализу переписки Ленина в тот же период с тем же деятелем, с тем же Радеком…

Читая многие ленинские письма год за годом, скажем, с конца 900-х до середины 10-х годов, не всегда поймёшь – об одном и том же человеке, или о разных людях пишет Ленин?

И, в свою очередь, не всегда понятно – Ленин, или кто-то другой в разное время пишет об одном и том же человеке?

Глупцы усматривают в этом факте (а это – факт!) «политиканство» Ленина, его якобы склонность к интригам, к склоке, и т. д. В действительности же Ленин был вынужден то и дело идти на компромиссы там, где это было возможно, а при этом ни за что не идти на компромиссы там, где они были недопустимы.

Линия Ленина нередко бывала гибкой, но всегда – последовательной, ***непрерывной*** в своём развитии. Можно ли было сказать то же самое о многих, с кем Ленину по его деятельности профессионального революционера приходилось в эмиграции взаимодействовать?

Отсюда и проистекали разные оценки одного и того же человека в разные периоды. Не Ленин был непоследователен, непоследовательными и противоречивыми были многие из тех, с кем ему приходилось иметь дело.

Политическая эмиграция, а тем более – дореволюционная российская политическая эмиграция, неизбежно была чревата ссорами уже потому, что в психологическом отношении политическая эмиграция – всегда стресс.

Ленин, Крупская и другие – даже самые «твердокаменные», большевики-ленинцы исключением здесь не были и быть не могли! Просто кто-то переносил стресс мужественно, а кто-то им, так сказать, любовался.

Ленин оказался вне Родины не потому, что совершил уголовное преступление и сбежал от наказания, а потому, что его не устраивало на Родине её общественное устройство и он хотел заменить его другим. Он любил Россию, а жить в ней и работать не имел права, потому что для той России, которая есть, он был официальным изгоем.

Примирись со строем, и сможешь вернуться, увидеть мать, сестёр, брата…

Увидеть русские берёзовые рощи, Волгу, московские улочки, Невский в Питере, пойти в Третьяковку…

Да попросту сможешь услышать родную русскую речь – не в эмигрантском застолье, а на приволье, под родным небом!

Ан нет!

Конечно это был стресс – подавляемый, загнанный в подсознание, но постоянный. А на всё

это накладывались политические разногласия в партийной среде, непонимание и ещё много всякого разного…

Жизнь в эмиграции всегда не сахар, и даже деятельная политическая эмиграция накапливает психологическую усталость. Причём поводы к этому дают не только враги, оппоненты, но и нередко товарищи. Вот Ленин пишет 25 февраля 1911 года Алексею Рыкову:

«Дорогой Власов! Сейчас получил Ваше письмо и спешу ответить немедленно…

…Ваша основная ошибка – что Вы верите *словам* и закрываете глаза на *дела*. Вам наговорили „добрых слов“ разные люди вроде Домова или Алексинского, или ещё не знаю кого, и Вы верите, Вы пишете: „*Вперёд* (группа отзовистов. – *С.К.*)… наш возможный союзник…“

Это *неправда*. Это лживые слова жуликов, готовых обещать что угодно, лишь бы *замазать* то, чту есть, их особую школу, их 85 000 р. от эксов.

Если Домов отходит от „Вперёда“, то ведь Домов – учитель гимназии, обыватель, баба, а не политик. Если Алексинский „ссорился“ с Богдановым и К^0, то теперь вот, вернувшись из Болоньи, он вполне опять помирился…

Вы полагаетесь на *слова* и оставляете себя бессильным *на деле* – это значит повторять *роковую* ошибку…»[568]

«Домов» – это Михаил Покровский, будущий редактор серьёзного ленинского труда об империализме как высшей стадии капитализма, будущий советский академик-историк.

А Алексинский – это и есть Алексинский, бывший «товарищ Пётр» и будущий «разоблачитель» Ленина летом 1917 года. Для характеристики позднего Алексинского ещё эмигрантского образца не мешает познакомиться с извлечением из циркуляра Департамента полиции российского МВД от 7 июля 1913 года № 101901, где сообщалось о расколе в группе «Вперёд»:

«Поводом к расколу послужили разногласия, существующие между двумя лидерами этой группы – бывшим депутатом Алексинским и Луначарским. Разногласия хотя и возникли на почве культурных начинаний Луначарского и приняли внешнюю форму спора о чистоте марксизма, но в действительности носили чисто личный характер, благодаря неуживчивому характеру Алексинского, который ранее уже способствовал уходу из этой же группы известного экономиста и бывшего члена Центр. Комитета – Богданова»[569].

Вот таким путём шёл Алексинский – от амбиций к склоке, от склоки – к амбициям, а в итоге – к провокации и предательству.

Полностью письмо Ленина к Рыкову, частично цитированное выше, занимает в 48-м томе более четырёх страниц, и читать его – если, конечно, знаешь и понимаешь, о чём идёт речь, весьма интересно. Так, отвечая на сомнения Рыкова, Ленин пишет: «*А насчёт осколков (будущих!!) не заботьтесь. Будем мы сильны – все придут к нам. Будем слабы, будем верить в слова, – нас осмеют, и только…*».

Но и приведённого отрывка достаточно для того, чтобы увидеть, как часто даже среди заграничных большевиков только Ленин был полностью последователен и принципиален.

Любопытен и постскриптум этого письма: «*Не видали ли Вы Никитича? Не втёр ли он ещё очки насчёт миролюбия „Вперёда“. Это мастер посулы давать и очки втирать*»[570].

«Никитич» – это Л. Б. Красин, крупный партиец, член ЦК, а после революции – нарком внешней торговли СССР, полпред в Великобритании…

Нет, жизнь сложнее схем, и уж кто-кто, а Ленин и понимал это, и писал об этом, и вёл себя, отдавая себе отчёт в этом…

Вот отрывок из письма Инессе Арманд, написанного Лениным из Кракова в Париж в конце декабря 1913 года:

«…Глупы идиотски те люди, которые „испугались“ доверенных лиц (передовые рабочие, выделяемые для связи ЦК с местными организациями. – *С.К.*), как вещи, якобы „обидной“ для ячеек…

Комики! Гонятся за *словом*, не вдумываясь, как дьявольски сложна и хитра жизнь, дающая *совсем новые* формы, лишь частью „уцепленные“ нами.

Люди большей частью (99 % из буржуазии, 98 % из ликвидаторов, около 60–70 % из большевиков) не умеют *думать*, а только *заучивают* **слова**. Заучили слово „подполье“. Твёрдо. Повторить могут. Наизусть знают.

А как надо изменить *его* формы в новой обстановке, как для этого надо **заново** учиться, этого мы не понимаем…

Как это сделать? А вот учиться надо понимать эту „хитрую“ механику…»[571]

Фактически Ленин здесь повторяет мысли Сталина из его статьи «Партийный кризис и наши задачи» от августа 1909 года, где Сталин писал:

«Необходимо, чтобы опытнейшие и влиятельнейшие из передовых рабочих находились во всех местных организациях, чтобы дела организации сосредоточивались в их крепких руках… Не беда, если занявшие важные посты рабочие окажутся недостаточно опытными и подготовленными, … не надо забывать, что Бебели не падают с неба, они вырабатываются лишь в ходе работы…»[572]

Подобных примеров полного совпадения подходов Ленина и Сталина можно привести много, при этом Ленин мыслил шире как теоретик, а Сталин – глубже как практик. Вкупе получалось весьма неплохо. А сегодня клеветники на Ленина и Сталина уверяют, что Ленин до революции и Сталина-то не знал, и в грош его не ставил.

Но это – горечь по отношению к соратникам, к не умеющим диалектически мыслить большевикам. А есть же и прямые оппоненты как в русской эмиграции – типа Плеханова, так и среди европейских социал-демократов – типа Каутского, заявившего, что РСДРП якобы мертва. И в конце января 1914 года Ленин опять пишет Арманд, но уже в боевом тоне:

«Примиренцы всех цветов собираются ловить нас! Bon! („Отлично!“, – *С.К.*) Мы этих мерзавцев – шутов гороховых, поймаем. Они лезут в болото блоков с ликвидаторами? Bon! Наша тактика: неприятель делает ошибочное движение – дать ему побольше времени глубже залезть в болото. Таких негодяев мы накроем. Желательнее всего, чтобы секция (заграничных организаций большевиков. – *С.К.*) приняла *мордобойную* резолюцию против Каутского (назвав его заявление о смерти партии *бесстыдным*, *наглым*, *чудовищным*, *игнорантским*)…

Поставь в КЗО (Комитет заграничных организаций в Париже. – *С.К.*) вопрос о мордобое Каутскому и проголосуй: если большинство провалит, я приеду и высеку так, что до новых веников не забудут. А мне надо знать, **кто** составит **такое** большинство, *кто* на *что* способен…»[573]

Тон боевой потому, что Ленина окрыляет успех! Вот коротенькое письмо Инессе Арманд в Париж:

«Дорогой друг! Пишу кратко о делах: Победа!! Ура! Большинство за нас. Я здесь останусь около недели, и вероятно, мне придётся много поработать.

Я в восторге от того, что мы победили.

Преданный Вам *В.И.*»[574]

Ленин написал эти строки 25 января 1914 года накануне своего триумфа на IV съезде Социал-демократии Латышского края, который прошёл в Брюсселе. Реферат Ленина по национальному вопросу, прочитанный им для делегатов съезда, был встречен «на ура», и весь

съезд, где был избран стоявший на позициях большевизма ЦК, прошёл под влиянием Ленина.

И вот на волне эйфории от «латышского» успеха Ленин намерен высечь всех «примиренцев» в партии и даже устроить идейный «мордобой» самому Карлу Каутскому, который действительно высказался в том смысле, что российская партия мертва-де.

Ленин рвётся в бой, но боевой его энтузиазм тех дней был не то чтобы не оправдан, но, всё же, несколько преувеличен. В словах Каутского был свой резон – в германском рейхстаге социал-демократическая фракция насчитывала более сотни депутатов, а в русской Думе их был десяток, да и то не единый в своих действиях.

Но Ленин умел быть оптимистом несмотря ***ни на что***! И ведь вышло по Ленину: через три года «похороненная» Каутским партия совершила социалистическую революцию, а немцы этого сделать так и не сумели.

В эмиграции Ленину часто приходилось иметь дело не с идеальным окружением, нередко – с враждебным окружением, но почти всегда – лишь с выборочно толковым окружением. Что оставалось делать – посылать бестолковых или непонятливых к чёрту?

А с кем работать?

Приходилось работать с теми, которые были. Взять, скажем, помянутого выше Карла Радека…

Вот Ленин уже во время Первой мировой войны пишет Радеку в августе 1915 года из Зёренберга в Берн:

«Дорогой тов. Радек!

Получил Ваше письмо к Wynkoop`у [Д. Вайнкоп, председатель Социал-демократической партии Голландии (партии „трибунистов“). – *С.К.*] и отсылаю его с первой почтой. Приписываю ему, что надо тотчас браться за работу, если хотеть приготовить декларацию (не говоря уже о новом Коммунистическом манифесте).

Мы дали 1) манифест, 2) резолюции, 3) проект декларации. Давайте же скорее поправки или контрпроекты. Спешите!! Опоздаем!!..»[575]

Как видим, вполне товарищеский тон… Ленин в этом письме с Радеком вполне доверителен:

«Я лично против участия „Нашего Слова“ (меньшевистская газета, издававшаяся в Париже при участии Троцкого. – *С.К.*), но не стал бы делать из этого ультиматум. Почему против? 1) Это разврат, ибо *само* „Наше Слово“ не объявило себя *самостоятельной*, третьей (кроме ЦК и ОК) партией или группой для работы в России…», и т. д.[576]

Суть заключалась в том, что Троцкий в ***партийной*** среде изображал из себя стоящего якобы «над схваткой» большевиков (с их ЦК – Центральным Комитетом) и меньшевиков (с их ОК – Организационным Комитетом), но чётко своей позиции, как третьей силы, ***публично*** не определял, хотя то и дело поддерживал меньшевиков с Плехановым и будущим антиленинцем Алексинским.

Подобным образом (якобы «ни нашим, ни вашим», а на самом деле – врагам Ленина и России) Троцкий будет вести себя и позже, вспомним его знаменитое и провокационное «Ни войны, ни мира» в начале 1918 года!

Радек в то время работал в германской социал-демократии, боролся против шовинизма и империалистической войны, входил в левую интернационалистскую группу германского-социал-демократа Юлиана Борхардта (1868–1932), и Ленин, явно, конечно, преувеличивая (требуй невозможного, получишь максимум!) заявлял: «*Группа Борхардта, если она выступит (вместе с нами или отдельно)… сыграет всемирно-историческую роль*».

Зато дальше Ленин в августовском письме Радеку очень жёстко отзывается о Кларе Цеткин,

с которой много уже сотрудничал и будет сотрудничать в будущем, особенно – после Октября 1917 года: «*А Цеткина и К^0, имея в руках всё (газеты, журналы, …возможность ездить в Швейцарию и проч.), не сделала за 10 месяцев* ***ничего*** *для объединения международных левых. Это позор!)*»[577]

В постскриптуме Ленин не советует Радеку «идти в солдаты» и прибавляет: «*Лучше эмигрируйте. Ей-ей, лучше. Работники левые теперь до зарезу нужны…*»

Но вот в марте 1916 года Ленин пишет Зиновьеву

«…Составляю тезисы нашего „Antrag“ („Предложения“. – *С.К.*) к 23/IV о „программе мира“.

Привлечь ли к этой работе Радека? Думаю, что нет. Радек ведёт себя так подло! Я ***до сих пор*** (Обещано было 10.II.1916! Дело страдает безбожно. Прямо издевательство) не имею *многих* экземпляров тезисов и мне ***противно*** писать Радеку, раз он ***хочет*** склоки…»[578]

Как это понимать?

А так и понимать! Ленин-то не изменился, но и Радек не изменился в том смысле, что не способен на неизменно твёрдую позицию. И Ленин в ноябре 1916 года в огромном письме Инессе Арманд поясняет:

«Об Радеке – о „ссоре“ (???!!!) с Радеком. Я уже имел весной спор с Григорием (Зиновьевым. – *С.К.*), который совсем не понял тогдашнего политического положения и упрекал меня в разрыве с Циммервальдской левой. Это вздор.

Связь с Циммервальдской левой тоже условная вещь. Во 1-х, Радек не = Циммервальдская левая. Во 2-х, с Радеком не было „разрыва“ вообще, а лишь в определённой *сфере*. В 3-х, связь с Радеком нелепо понимать так, чтобы *нам* связывали руки в *необходимой* теоретической и практической борьбе…»[579]

Ясно, внятно и – что наиболее существенно, верно политически и…

И человечески – тоже!

Если ты, конечно, не «тварь дрожащая», но честный политический вождь будущей революции.

Неясны же здесь для современного читателя, возможно, слова о «Циммервальдской левой»… Подробно на том, что имеется в виду, мы остановимся позже, а пока просто сообщу, что так была названа левая часть международной конференции интернационалистов, которая состоялась в Швейцарии в деревне Циммервальд 5–8 сентября 1915 года…

Приведу ещё один отрывок из того же письма Ленина Арманд, касающийся Радека:

«Радек весьма подло выпер нас из редакции „Vorbote“ (социал-демократический журнал. – *С.К.*). Радек держит себя в политике как … торгаш, наглый, нахальный, глупый…

Не тут-то было, милейшие поросята! Связать себя в политике я не дам. Хотите воевать? Идите открыто. А роль Радека – исподтишка натравливать молоденьких поросят, а самому прятаться за „Циммервальдскую левую“ – верх подлости. Самый паршивый… (это многоточие вставлено не мной, а самим Лениным вместо слова, и это многоточие весьма красноречиво. – *С.К.*) …не мог бы подлее торгашествовать, лакействовать и интриговать за спиной»[580].

Да, в выражениях Ленин не стеснялся – он был эмоционален. Но для резкостей были ведь, как правило, и веские причины, несправедливо резким Ленин бывал нечасто как до, так и после революции.

С тем же Радеком приходилось и ругаться и сотрудничать после революции не только Ленину, но позднее и Сталину – тоже мастеру ***допустимых*** компромиссов и ещё большему стороннику их, чем Ленин.

А сколько Ленину пришлось помучиться ещё в эмиграции с Троцким!?

Ленин в своих работах называл его «Иудушкой» – куда уж дальше! Однако Троцкий пользовался в революционной среде влиянием: мог навредить, но мог в какой-то момент и поддержать, а его поддержка могла оказаться весомой.

Так как быть с Троцким, когда он может быть полезен? Не Ленину полезен, а делу Ленина полезен, то есть – делу борьбы за освобождение рабочего класса от эксплуатации капиталом, а России – от царизма…

Что ж, приходилось не отталкивать руку Троцкого, а пожимать её, когда она была протянута.

Беспринципность? Политиканство? Двуличие?

Дудки!

Когда ты, находясь в политике, поступаешь в той или иной ситуации тем или иным образом для того, чтобы получить от олигархии «кость» «власти», а с ней – лишний пакет акций, новый особнячок, сытную жратву и питьё, длинноногих красоток на Канарах, катание по всему миру и т. п., это, да! – политиканство и беспринципность.

Но когда ты идёшь на компромисс не в целях личной выгоды, а из соображений тактической политической целесообразности, это – политический талант, это – мудрость.

Политиканство – это искусство продаваться, не терзаясь душевными муками и имея с предательства материальные и финансовые личные дивиденды.

Политика – это, зачастую, искусство возможного!

Ленин и овладел во второй эмиграции этим искусством – не ради личных прибылей, а во имя будущей России.

России без царизма – как минимум, и без эксплуататоров – как максимум.

Тогда же Ленин хорошо освоил и умение текущего, повседневного руководства делами. Выше цитировались – как типичный пример такого умения, ленинские письма Д. М. Котляренко и А. И. Любимову от августа 1910 года. А вот, например, извлечения из написанного между 2 и 25 марта 1916 года письма Ленина, посланного им из Цюриха в Берн Григорию Зиновьеву:

«„Самозащиту“ послал (речь о сборнике статей В. Засулич, А. Потресова, П. Маслова, Н. Жордания и др., изданном в Петрограде в 1916 г. – *С.К.*).

Согласен, что надо выпускать № 52 (газеты „Социал-Демократ“. – *С.К.*) и берусь писать статью о задачах конференции (или о „программе мира“)…

Манифест Надя перевела. Пришлю на днях, а Вы шлите в рукописи те статьи и заметки, что Вы пишете для № 52. Приготовим в рукописи, потом сразу сдадим в набор.

Надо сократить статью с рассказом о совещании 5–8.II и вставить ещё заметку… о „Нашем Слове“ вообще…

Пришлите вырезку из *„Дня“* о нашей победе в страховых советах (и *попросите* Каспарова [член Бакинского комитета, жил в Берлине, через него шла нелегальная переписка с Кавказом. – *С.К.*] проследить за *„Новым Временем“* и *другими газетами*, Абрама [А.А. Сковно, член партии с 1903 г. – С.К.] и др. тоже, чтобы собрать всё и вся об этом).

Очень важно узнать, сказал ли Чхеидзе (глава меньшевистской фракции в IV Думе. – *С.К.*) в Государственной думе о *Циммервальде*. Я читал его речь *только* по „Leipziger Volkszeitung“: там о Циммервальде *ни слова*… <…>

Составляю тезисы… к 23/IV о „программе мира“. <…>

Почему не ответили, отдали ли Вы в набор мою вставку в тезисы? Вы бы могли сами отдать её в типографию и *сами* взять оттуда корректуру…

У Гримма (один из лидеров Социал-демократической партии Швейцарии. – *С.К.*) надо взять Бюллетень № 3 *побольше* и французский и немецкий и разослать повсюду, между прочим и во *все* заграничные наши группы…

„Berner Tagwacht“ Вы мне не послали № с резолюцией *бременцев* и вообще не посылали, а я здесь её не получаю… <…>

P.S. Рыбалка [Л. Юркевич, украинский националист, член ЦК Украинской соц-демокр. Партии, автор журнала „Дзвін“ („Колокол“). – *С.К.*] нанёс мне в Женеве визит и сказал, что *все* дзвиновцы ушли в патриотизм, о чём будет речь в № 6 „Боротьбы“…

Пришлите латышский материал. Как быть с ним? Издавать или как?»[581]

Скучновато читать эти строки, уважаемый читатель?

Пожалуй, да! Особенно – на современный взгляд, когда всё давно стало прошлым, и не всегда понятны тогдашние текущие тревоги и заботы Ленина.

Но очередная прямая цитата «из Ленина» приведена не ради утомления читателя, а, конечно же, с умыслом!

Вдумаемся: это – одно лишь обычное ленинское письмо времён последней его эмиграции… Да и не письмо даже, а извлечения из него – полностью оно занимает в 49-м томе ПСС полторы страницы, и к нему дано десять примечаний!

Итак, ***рядовое*** ленинское письмо 10-х годов…

Но это рядовое письмо и есть, по сути, тогдашний портрет Ленина!

Ленина не как мыслителя, не как государственного деятеля – Спасителя России и её Творца, а как профессионального революционера в точном и ***прямом*** смысле этого понятия. То есть – человека, сделавшего ***повседневным*** делом своей жизни подготовку революционного преобразования общества, подготовку того, что может произойти при его жизни, а может – и после его смерти.

Такая вот профессия была у Ленина.

И он её к 10-м годам XX века освоил в совершенстве.

А кроме, так сказать, «рутины» была, конечно, и большая партийная деятельность – идейная, организационная, литературная! Связи с Россией, планирование работы внутри неё, обдумывание планов будущих статей и книг, сбор и обработка подготовительных материалов, затем – сам процесс писания, причём – обычной ручкой, не на компьютере…

И работать приходилось нередко в неживой, застаивающейся, эмигрантской среде. Однако и в этой среде Ленин работал живо и других к тому понуждал, и люди работали.

Да и могло ли быть иначе ***у Ленина!?***

В «Период IV Думы» – скажем так, Ленин много работал как публицист, охватывая широкий спектр тем.

И ниже – немного об этом…

Скажем, в 1913 году была написана короткая, но ёмкая заметка «Развитие рабочих хоров в Германии». Заметка почему-то не увидела свет в реальном масштабе времени и была опубликована лишь в 1954 году в № 6 журнала «Коммунист», и там Ленин приводил очень любопытные цифры!

Оказывается, в 1913 году в Германии насчитывалось сто тысяч рабочих-певцов при общем числе членов рабочих певческих обществ в 165 000 человек! Ещё в 1901 году их было чуть менее 40 000! И пели немецкие рабочие отнюдь не немецкий вариант «Дубинушки»…

И Ленина этот действительно поразительный факт интересовал!

Однако из многих тогдашних ленинских опубликованных статей особо выделю одну: «Дешёвое мясо – для „народа“». Приведу её почти полностью, а почему так, думаю, особой нужды пояснять нет.

Вот эта статья, опубликованная в № 137 «Правды» от 16 июня 1913 года (ПСС, т. 23, с. 293–

295):

* * *

«ДЕШЁВОЕ МЯСО – ДЛЯ „НАРОДА“»

Какая злободневная новость! Дешёвое мясо для народа – где? что? как?

В Москве при городских бойнях открыт «фрейбанк», т. е. лавка для продажи дешевого, обезвреженного, условно-годного мяса. Так сообщило «Русское Слово» (московская либерально-буржуазная газета. – *С.К.*).

Дешевое мясо – это хорошо. Но что это значит: «обезвреженное», «*условно* годное» мясо? А вот что это значит:

Когда скот поступает на продажу, его осматривает ветеринарный надзор. Больной скот бракуют. Его не позволяют убивать, ибо употребление его в пищу грозит заражением людей различными болезнями. Особенно часто бракуют скот туберкулёзный (чахоточный) и «финнозный» (пузырчатые глисты).

Из общего числа около 450 000 голов скота, проходящего через московские бойни, бракуют, как *подозрительных*, около 30 000 голов.

Так вот, этот подозрительный, финнозный и туберкулёзный скот обезвреживают варкой около трёх часов в особой камере, под надзором ветеринара. Глисты и туберкулёзные бациллы гибнут от этой варки.

Ну, вероятно, все или почти все совершенно гибнут или почти совершенно гибнут. Получается обезвреженное, вываренное и дешёвое мясо.

«Помереть от него, – говорит, по отзыву „Русского Слова“, народ, – конечно не помрёшь, а чахоткой всё-таки заболеешь или животом намаешься, потому что, известное дело, скотина больная».

От покупателей отбою. Нет. Приезжают рабочие даже из Москвы. Очереди ждут подолгу. В утренней очереди больше женщины – хозяйки, в дневной – рабочие, главным образом строительные.

Вываренное, обезвреженное мясо, от которого не помрёшь, а животом намаешься – это как раз для народа. Настоящее мясо народу не по карману.

Говорят, чем тщательнее ветеринарный надзор, тем больше бракуется мяса. «Таким образом, – заключает „Русское Слово“, – население с двух сторон заинтересовано в тщательности надзора: средние классы в том, чтобы с боен в продажу поступало здоровое мясо; беднота – чтобы больше браковалось скота и чтобы фрейбанк был обеспечен мясом».

Вот в какое культурное и человеколюбивое время мы живём: «с двух сторон» научились «заинтересовывать» население. И какая «свобода» для дешёвого мяса: ведь «фрейбанк» значит по-немецки «свободная лавка».

Культура, свобода, дешевизна продуктов, оживление торговли – всё для народа! Увидите объявление: «общество народных квартир» – знайте, что подвал или чердак будет дешёвый и под врачебным надзором: конечно, не помрёшь, а чахоткой заболеешь.

Увидите вывеску: народная столовая – идите смело. Будет дешёвое вываренное мясо, под надзором прошедшее через бойню…

Говорят, скоро откроют «фрейбанк» – для «народного» хлеба… из травы, обезвреженной, вываренной, приготовленной под ветеринарным, то бишь я хотел сказать: под врачебным надзором.

Культура, свобода, дешевизна продуктов, «оживление» торговли – всё для народа! И

население всё больше и больше окажется заинтересовано с двух сторон: богатые – в том, чтобы их мясо было здоровым, а беднота в том, чтобы «фрейбанк» был обеспечен условно годным мясом.

*** * ***

Как всё это грустно напоминает нынешнюю либеральную «Россиянию» с её «народными» магазинами, где по дешёвке (да и то – не всегда!) торгуют завалью, просроченными или генетически модифицированными продуктами.

Помереть, конечно, не помрёшь, и чахоткой не заболеешь, и даже животом не намаешься, а просто в один «прекрасный» день получишь раковый диагноз, или урода родишь, но это уж – кому как повезёт. Ясно одно – ни московский генерал-губернатор во «фрейбанк» не ходил, ни олигархи и собянинские чиновники в «народных магазинах» не «отовариваются».

Сегодня Ленина обвиняют чуть ли не в геноциде русских, но подобные заявления – даже не гнусность, а глупость, о чём речь ещё будет. А вот в мирное время в стабильной стране кормить народ ***заведомо больным*** мясом – это и есть подлинный геноцид царизма по отношению к собственному народу. Это – преступление…

Как, впрочем, преступно и кормить народ потенциально страшными генетически модифицированными продуктами.

Или кто-то что-то на это возразит?

А в качестве дополнительной иллюстрации к статье Ленина приведу отрывок из выступления большевика Бадаева в царской Думе 24 мая 1914 года. Его речь периодически прерывалась призывами председательствующего: «Господа, покорнейше прошу потише: вы мешаете говорить оратору…» Однако «господа» шумели по-прежнему, потому что Бадаев говорил вот что:

– Министерство торговли и промышленности по своим задачам должно было бы ближе всех других министерств стоять к рабочим массам, но кто из вас, господа, сомневается в том, какое министерство ближе стоит к рабочим и ближе всего занято рабочими! Это – министерство внутренних дел и министерство полиции… Нужно правду сказать: министр торговли и промышленности в марте давал объяснения по поводу расстрела ленских рабочих, и тогда он признал, что да, действительно положение на Лене тяжёлое, как экономическое, так и жилищное. Но, господа, это ещё не свидетельствует, что министр стоит близко к рабочим массам: он советовал, предлагал золотопромышленному товариществу улучшить положение рабочих на Лене, но министр потом говорил: «Мой совет так советом и остался, я не могу насильно заставить их прибавить рабочим и улучшить жилищный вопрос». Но, господа, когда расстреливали рабочих на Лене, то не спрашивали министра торговли, а расстреливали лежачих, в спину и пачками…

Говорил Бадаев и так:

– Сделано ли министерством торговли и промышленности для рабочих хотя что-нибудь? В России около 20 миллионов рабочих. Поставило ли министерство торговли и промышленности их в более человеческие условия? В России рабочий зарабатывает от 210 до 255 рублей в год в среднем; в Америке – тысячу рублей и более, а в Германии – в полтора и два раза больше, чем в России…

И так:

– В Англии застрахованы от болезней, инвалидности и старости все рабочие, от безработицы – 18 %, в Германии от несчастных случаев застрахованы все рабочие, от

инвалидности и старости – 95 %; в России существует из всех перечисленных видов страхования лишь обеспечение на случай увечий и болезней, но распространяется оно всего на 20 % всех рабочих. На страхование рабочих в Германии тратится 565 миллионов рублей, в Англии – 420 миллионов, в России – всего 60 миллионов. В переводе на душу населения это составляет: в Германии – 8 рублей 70 копеек, в Англии – 9 рублей 30 копеек, а в России – только 36 копеек… В России фабриканты платят на страхование 40 %, а рабочие – 60 %; в Англии же рабочим, получающим до 1 рубля 20 копеек (более 1 рубля 20 копеек, – *С.К.*), правительство платит 22 %, фабриканты – 33 %, рабочие платят 45 %; получающим от 1 рубля 20 копеек до 1 рубля правительство платит 22 %, фабриканты – 45 %, рабочие – 33 %; получающим от 1 рубля до 70 копеек правительство платит 33 %, фабриканты – 56 %, рабочие – 11 %; получающие же менее 70 копеек рабочие ничего не платят; правительство – 33 % и фабриканты – 67 %…[582]

Тогда это были убойные цифры для царского режима, сегодня эти цифры объективно убийственны для современных защитников царского режима.

Наконец, приведу ещё одно место из выступления Бадаева 24 мая 1914 года:

– Теперь я должен, господа, перейти к нашей так называемой отечественной промышленности… Субсидии сильно увеличены, ассигновано 1 400 тысяч рублей, подачка господам заводчикам против прошлого года увеличена на целых 650 тысяч рублей… Удивительно, господа, что совершается с нашей отечественной промышленностью. Производство всё растёт, и господа машиностроители получают немалые барыши, и всё же не могут жить без поддержки государства, то есть вернее (*шум справа*) и точнее выражаясь, без поддержки тощего рабочего и крестьянского кармана[583].

Как видим, системное совпадение царской и «новорусской» России налицо, с той разницей, что ельциноидное государство, как правило, поддерживает иностранную промышленность, а если и выделяет средства на отечественную промышленность, то они разворовываются так, что той, прошлой, России, и не снилось!

Российские имущие круги царской России оказывались почти тотально менее дальновидными и намного более жадными, чем их собратья в Европе и Америке. Так же как царь и монархическое крупное дворянство упорно не желали пойти на коренную политическую реформу, российская буржуазия упорно не желала идти на серьёзные социальные реформы, оплаченные из кармана буржуазии (собственно, кроме её и помещичьего кармана их и неоткуда было оплачивать).

К тому же «отечественная» промышленность в царской России почти на две трети принадлежала загранице, а что французским, английским, бельгийским шведским, голландским, датским и германским промышленникам было до нужд русского рабочего!?

В результате социальное противостояние обострялось, и чем бы всё кончилось к тому же 1917 году даже без войны, сказать сегодня не очень-то сложно. Весьма вероятно, что 1917 год и без войны принёс бы новую революцию, но революцию чисто народную – без того запала элитарной «спецоперации», как это произошло в военном феврале 1917 года.

Вскоре начавшаяся война, не сняв противоречий и противостояния, загнала их – до поры, до времени, «под пол»…

Для людей прозорливых – а Ленин был, конечно, из их числа, порохом густо запахло в 1912 году – с началом первой Балканской войны, за которой последовала и вторая Балканская война… Однако угрозу мировой войны искушённые в мировой политике люди – а таких в европейских социал-демократиях хватало, видели и раньше.

Уже на Копенгагенском «кооперативном» конгрессе II Интернационала, прошедшем в 1910 году, вопрос о будущей войне и об отношении к ней организованных трудящихся поднимался. И тогда – не в последнюю очередь благодаря активной позиции Ленина – была вынесена

резолюция о голосовании в парламентах против военных кредитов.

Социалистическим партиям рекомендовалось требовать от своих правительств сокращения вооружений и полного разоружения, требовать разбора межгосударственных конфликтов в третейских судах.

Рабочих призвали протестовать против угрозы войны.

В октябре 1912 года началась первая Балканская война между Турцией и странами Балканского союза: Болгарией, Сербией, Черногорией и Грецией, носившая до определённой степени характер национально-освободительной.

Ленин сразу же откликнулся на неё обращением «Ко всем гражданам России», выпущенным отдельной листовкой. В Обращении, поддержавшем идею федеративной Балканской республики, в то же время осуждалась «великая» кадетская идея о завоевании Константинополя, и говорилось:

«Товарищи рабочие и все граждане России!

…Балканский кризис есть одно из звеньев той цепи событий. Которая с начала XX века ведёт повсюду к обострению классовых и международных противоречий, к войнам и революциям…

Войны со всеми их бедствиями порождает капитализм, который обостряет борьбу между нациями и превращает рабов капитала в пушечное мясо. Только всемирная социалистическая армия революционного пролетариата в состоянии положить конец этим бойням рабов ради интересов рабовладельцев…

Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика Российская!

Да здравствует федеративная республика Балканская!

Долой войну, долой капитализм!

Да здравствует социализм, да здравствует международная революционная социал-демократия!»[584]

В связи с Балканской войной Международное социалистическое бюро, членом которого от РСДРП был Ленин, созвало в Базеле Чрезвычайный международный социалистический конгресс II Интернационала, где вопрос об отношении к войне стал основным и единственным. Конгресс занял два дня – 24 и 25 ноября, в нём приняло участие 555 делегатов, в том числе – 6 от РСДРП.

Ленин в Базеле не был – 10 ноября он написал Каменеву: «*Возможно, что я не поеду и назначим Вас*».

Поехал в Базель действительно Каменев, а представителем от России в комиссии конгресса по выработке манифеста против войны был по согласованию с Лениным избран эсер И. Рубанович.

Конгресс единогласно принял Базельский манифест, который чётко определил назревавшую войну как империалистическую и грабительскую и обвинял в подготовке войны правительства Германии, России, Англии, Франции и Италии.

Упущен был, правда, главный поджигатель войны – Соединённые Штаты, но все остальные были указаны верно.

В Базельском манифесте горячо приветствовались выступления против войны рабочих, особенно – русских, и было заявлено, что эта война «не может быть оправдана ни самомалейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса»!

В случае возникновения войны манифест рекомендовал социалистам использовать экономический и политический кризис, вызванный войной, для борьбы за социалистическую революцию[585].

Естественно, Ленин готовился к будущим событиям, но ко всем политическим задачам

прибавилась чисто личная – в 1912 году Крупская заболела базедовой болезнью, весной 1913 года её здоровье ухудшилось, и врачи посоветовали ей выехать на несколько месяцев в горы. Ленин всегда был заботлив к родным и близким, очень волновался за жену, и в двадцатых числах апреля они с Крупской перебрались из Кракова в деревушку Поронин, находящуюся рядом с известным горным курортом Закопане.

На пятизвёздочные отели у Ульяновых денег не было (война ещё не началась и кайзер Вильгельм вкупе со своим Генштабом ещё не осыпали Ленина золотом), и они сняли у крестьянки Терезы Скупень домик из двух комнат с кухней и мансардой, заменившей Ленину кабинет[586].

Показательно, что сам Ленин определил эту дачу как «громадную» и писал: «слишком велика»!

Уже устроившись, Ульяновы как всегда списываются с родными в России, и в середине мая 1913 года Ленин сообщает младшей сестре в Вологду:

«*Место здесь чудесное. Воздух превосходный – высота около 700 метров. Никакого сравнения с низким местом, немного сырым в Кракове. Газет имеем много, и работать можно…*

Деревня – типа почти русского. Соломенные крыши, нищета. Босые бабы и дети… Место у нас некурортное (Закопане – курорт) и потому очень спокойное. Надеюсь, всё же, что при спокойствии и горном воздухе Надя поправится. Жизнь мы здесь повели деревенскую – рано вставать и чуть ли не с петухами ложиться. Дорога каждый день на почту да на вокзал…»[587]

Последняя фраза показывает, что и в деревне жизнь была у Ленина «деревенской» лишь относительно – он и в Поронине много работал, что подтверждает и 23-й том Полного собрания сочинений с десятками статей, написанных в то время: «Капитализм и женский труд», «Буржуазия и мир», «Строительная промышленность и строительные рабочие», «Пробуждение Азии», «Уроки бельгийской стачки», «Из Франции», «Организация масс немецкими католиками», «Об отпусках для рабочих», «Либералы в роли защитников IV думы», и так далее….

Деревня, однако, есть деревня, да ещё и горная… 25 мая 1913 года Крупская писала свекрови в Феодосию:

«*…Я уже поправляюсь. Сердцебиения гораздо меньше. Следуя совету доктора, ем за троих, лакаю молоко… Володя очень кипятится, особенно его смущают Кохером (*крупный швейцарский хирург, специалист по оперативному лечению базедовой болезни. – *С.К.)…*

Настоящий отдых теперь только начинается. Была архисутолока с переездом… Погода с сегодняшнего дня собирается расстояться, а то целую неделю не переставая шёл дождь, хотя сырости не было. Сегодня гуляли с Володей часа два, а теперь он один ушёл куда-то в неопределённую часть пространства.

С утра от соседей прибегает к нам чёрный лохматый щенок, и Володя с ним подолгу возится. Жизнь самая дачная…

Тут очень красиво. Хорошо также, что нельзя очень гонять на велосипеде, а то Володя очень злоупотреблял этим спортом и плохо отдыхал, лучше больше гулять…»[588]

Возможность в любой момент уйти одному «куда-то в неопределённую часть пространства» всегда была для Ленина и редкой, и желанной. Подумать ему наедине с собой всегда было о чём, а где думается лучше, как не во время неспешной прогулки? Да ещё и когда атмосфера вокруг в прямом смысле слова чистая, целительная!..

Болезнь Крупской его беспокоила, в том же письме в Феодосию есть и приписочка самого Ленина: «*Дорогая мамочка! Крепко обнимаю тебя и шлю всем привет. Мите большое спасибо*

за письма. Надю уговариваю ехать в Берн. Не хочет. Но теперь она немного поправляется. Твой В.У.»

В Берн ехать, всё же, пришлось, и 23 июля Кохер удачно оперировал Крупскую. Операция шла около трёх часов, без наркоза, но Надежда перенесла операцию мужественно, хотя в первые сутки бредила в сильнейшем жару.

26 июля 1913 года Ленин сообщал об этом матери из Берна уже в Вологду, признаваясь, что «перетрусил изрядно». В том же письме он сетовал:

«*Закрытие газеты, в которой я писал, ставит меня в очень критическое положение. Буду искать поусерднее всяких издателей и переводов; трудно очень найти теперь литературную работу*»[589].

Речь здесь о «Правде», которую 5 июля 1913 года на номере 151-м закрыли… 13 июля 1913 года она начала выходить уже под названием «Рабочая Правда», но всё равно материальное положение Ульяновых, да ещё и после расходов на сложную операцию, оставляло желать лучшего. Тем более, что Ленин не мог позволить себе уйти в чисто журналистскую или научную работу – партийные дела давно стали для него примерно тем же, что ядро, прикованное к ноге каторжника… С той лишь разницей, что Ленин приковал себя к этому «ядру» по собственной воле и сбегать с добровольной «каторги» намерения не имел.

Владимир Ленин всегда жил скромно – и когда был один, и когда он женился на Надежде Крупской. Ренегат-невозвращенец Валентинов-Вольский (1879–1964) в изданном посмертно – в 1972 году в Париже «Малознакомом Ленине» – книге, увы, мало правдивой, усердно «разоблачает» «мифы» о Ленине, и, в частности, «миф о жизни впроголодь»[590].

Но, если не считать нескольких незначительных «лакировщиков» наоборот, никто о *голодающем* в эмиграции Ленине никогда не писал. Нет ни слова об этом и в нормативном сталинском кратком курсе «Истории ВКП(б)». Валентинов заявляет, что одним из творцов-де «легенды о бедной жизни Ильича» стала его старшая сестра Анна Ильинична, «утверждавшая, – как пишет Валентинов, – что за границей „во время наших кратких наездов, мы могли всегда установить, что питание его далеко не достаточно“…»

Придётся привести не выдранные «мемуаристом» из контекста, строки, а развёрнутую цитату из предисловия А. И. Ульяновой-Елизаровой к сборнику писем Владимира Ильича к родным издания 1930 года:

«Видны также из писем Владимира Ильича его большая скромность и невзыскательность в жизни, умение довольствоваться малым; в какие бы условия его ни ставила судьба, он всегда пишет, что ни в чём не нуждается, что питается хорошо; и в Сибири, где он жил на полном содержании на одно своё казённое пособие в 8 р. в месяц, и в эмиграции, где при проверке, во время наших кратких наездов, мы могли всегда установить, что питание его далеко не достаточно. Необходимость в его условиях пользоваться дольше, чем обычно, денежной помощью матери вместо того, чтобы помогать ей, всегда тяготила его…»

Не удержусь, и продолжу цитирование:

«Стесняла его необходимость пользоваться при недостаче литературного заработка партийными деньгами…

Из-за этой же экономии старается Владимир Ильич, где можно, пользоваться книгами в библиотеках. На удовольствия он почти ничего не тратит: посещения театров, концертов…, являются такой редкостью, что не могут отражаться на бюджете. Да Владимир Ильич всегда определённо предпочитал этим видам отдыха на обществе, на народе – отдых на природе…»[591]

Надеюсь, теперь всё стало на свои места? Бедная жизнь и скромная жизнь – вещи, всё же, разные…

К тому же Анна Ильинична была женщиной волевой, с «инспекторскими» наклонностями,

и её оценка «недостаточности» питания Ленина не очень сообразуется с его собственными оценками.

Но зачем Валентинов так мелко передёргивал факты?

Э-э, в том-то вся и штука!

Предавшему социалистические идеалы, а, значит, – и Ленина, Валентинову, как и всякому предателю, хотелось самооправдаться. А для этого, волей-неволей, надо кусать и страну, которую предал, и человека, которого предал. Иными словами, надо лгать, смешивая правду с ложью.

Валентинов и прочие валентиновы этим и занимаются. Но иногда, к слову, у того же Валентинова прорывается такая фраза, что дорогого стоит – как, например, тогда, когда он сообщает: «**Ленин не имел привычки говорить о себе. Уже этим он отличался от подавляющего большинства людей**»[592].

Это – правда сквозь зубы, то есть – самая ценная правда… Та, которую не может утаить даже враг.

А ложь Валентинова насчёт того, что в СССР якобы бытовал миф о жизни Ленина впроголодь, опровергается и тем, что, как уже было сказано, ещё в 30-е годы издавались письма Ленина и к родным, и к соратникам. А знакомство с ними свидетельствует лишь о скромной, без излишеств, но отнюдь не *бедной* жизни Ильича в эмиграции!

Подтверждений тому отыскивается в письмах Ленина и Крупской множество – не ленись только листать том, например, 55-й Полного Собрания Сочинений, где опубликованы письма к родным с 1893 по 1922 год. И очень уж непривычный для многих Ленин смотрит на нас со страниц этих писем – и его собственных, а особенно – писем жены…

Всем известна штампованная формула: «Ничто человеческое ему не чуждо»… Но почему-то в подтексте её всегда имеются в виду те или иные маленькие и не очень маленькие слабости, а то и пороки, которые эта самая формула призвана оправдать. А ведь человеку – если он действительно заслуживает звания человека, должны быть не чужды и в действительности не чужды достоинства. Пороки – это от неразвитости, от гипертрофированного животного, а не человеческого начала. И как раз то, что приведённой выше сомнительной формулой оправдывалось, было Ленину чуждо.

Зато подлинно человеческое ему было, напротив, свойственно! Вот что писала Надежда Константиновна 26 декабря 1913 года в письме – отличном, между прочим, по стилю – из Кракова матери Ленина в Вологду, где тогда жила Мария Александровна:

«*Дорогая Марья Александровна, целую вечность не писала Вам. Вообще у меня с письмами последнее время шла какая-то итальянская забастовка! Отчасти виноват Володя. Увлёк меня в партию „прогулистов“. Мы тут шутим, что у нас есть партии „синемистов“ (любителей ходить в синема* [кинематограф. – *С.К.*]), *„антисинемистов“ или антисемитов, и партия „прогулистов“, ладящих всегда убежать на прогулку. Володя решительный антисинемист и отчаянный прогулист. Вот и меня вовлекает всё в свою партию, а потом у меня ни на что не хватает времени…*»

Всё здесь (как и почти всегда в тех случаях, когда Ленин или Крупская пишут о своей житейской, так сказать, жизни) проникнуто абсолютным душевным здоровьем. Этот здоровый дух натур виден, даже тогда, когда речь в письмах идёт о тех или иных немочах…

Вот и сейчас за беглой зарисовкой Крупской о «партийных» «разногласиях» сразу видны и дружная семья, и готовность к шутке, и умение шутку оценить.

Ленину – сорок три года. Он полон сил, и ещё даже не догадывается, что всего через четыре года он встанет во главе России, а всего-то жить ему осталось какой-то десяток лет.

«*Деньки, как нарочно, стоят удивительные,* – продолжает Крупская. – *Выпал снежок, прямо отлично. Ну, в Кракове что и делать, как не гулять. Культурных развлечений никаких. Раз*

пошли было в концерт, квартет Бетховена, даже абонемент вскладчину взяли, но на нас почему-то концерт страшную скуку нагнал, хотя одна наша знакомая – великолепная музыкантша (имеется в виду Инесса Арманд. – *С.К.*), *была в восторге. В польский театр ходить не хочется…*»

Это может показаться не очень понятным – все создатели казённых «лениниан» хрущёвско-брежневских времён уверяли нас, что Ленин-де был без ума от Бетховена. И, вроде бы, резон у них имелся. Максим Горький вспоминал, что уже в Москве, слушая на квартире первой жены Горького – Екатерины Пешковой, сонаты Бетховена в исполнении Исая Добровейна, Ленин признался:

– Ничего не знаю лучше «Apassionata», готов слушать её каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди![593]

Так был Бетховен близок Ленину, или не был?

Думаю, всё же, был. И даже – очень…

Как я понимаю, есть Бетховен, и есть Бетховен.

Часть музыкального наследия практически всех великих композиторов – это сложно построенная музыка для музыкальных гурманов, а Ленин не был гурманом ни в чём, изысков не любил и, более того, – не терпел.

Жил он всегда по материальным возможностям весьма скромно, да и на развитие того, что называется «художественным вкусом», времени у Ленина, профессионального революционера, не было. Он не очень-то жаловал европейские музеи, в том же Лондоне предпочитал картинным галереям богатейшие лондонские публичные библиотеки…

Однако искусство в его ***наиболее великих*** и наиболее ***бесспорных*** проявлениях он понимал и ощущал глубоко – оттого его и волновал тот Бетховен, который не для знатоков и ценителей, а для всех…

Вернёмся, впрочем, к письму Крупской:

«…Без чего мы прямо голодаем – это без беллетристики. Володя чуть не наизусть выучил Надсона и Некрасова, разрозненный томик Анны Карениной перечитывается в сотый раз. Мы беллетристику нашу (ничтожную часть того, что было в Питере) оставили в Париже, а тут негде достать русской книжки (это в славянском якобы Кракове! – *С.К.*). Иногда с завистью читаем объявления букинистов о 28 томах Успенского, 10 томах Пушкина и пр. и пр.

Володя что-то стал, как нарочно, большим „беллетристом“. И националист отчаянный. На польских художников его калачом не заманишь, а подобрал, напр., у знакомых выброшенный ими каталог Третьяковской галереи и погружался в него неоднократно.

Все мы здоровы. Володя каждый день берёт холодный душ, ходит гулять, и бессонниц нет у него…

Ваша *Надя*»[594].

Внимательный читатель увидит за этими строками многое…

Тоска вечных вынужденных скитальцев-изгнанников по Родине, а отсюда – и отчаянность чувств, когда даже Надсона хочется читать и читать, потому что русской книжки не достать, а купить не на что, а Надсон – это русская литература, русская речь… Да ещё и поэтическая, то есть – особенно звучная и выразительная.

Это ведь глубокая, на грани трагедии, драма: Ленин – и вне России!..

Великая натура, великая душа, великий патриот в самом точном и глубоком смысле этого слова, человек, написавший эссе «О национальной гордости великороссов», – вне России.

Великий сын России – вне России. И вынужден, живя вне неё, довольствоваться выброшенным знакомыми каталогом Третьяковки…

Тоска пусть и скрыта, но она есть.

И это – не мелкая тоска.

Приведённое выше письмо Крупской относится к периоду второй эмиграции Ленина после поражения первой русской революции 1905 года. Сестра Ленина Анна Ильинична позднее вспоминала, что первые годы второй эмиграции проходили «очень нудно и тоскливо» и «тяжело переживались Ильичом». Когда осенью 1911 года она навестила брата в Париже, настроение его было тогда «заметно менее жизнерадостным, чем обычно». И однажды во время прогулки Ленин сказал: «Удастся ли ещё дожить до следующей революции»[595].

Прошло полтора года, партия большевиков работала в России всё активнее, а, значит, всё более активно работал и Ленин. Остался в прошлом «парижский» период его деятельности, в разгаре был «краковский»… И из письма Крупской матери Ленина, написанного в канун последнего мирного года Европы, видно, что от былой хандры (относительной конечно, полностью ***кураж*** Ленин не терял никогда!) не осталось и следа.

Однако из того же письма видно и то, что Ленин всё более тосковал по России. Это понятно уже по его тогдашнему увлечению безвременно скончавшимся в возрасте 25 лет Надсоном, поэтом талантливым, но по духу Ленину не то чтобы не родственным, но – прямо противоположным.

Надсон – это уныние, рефлексия, раздвоенность души, то есть то, чего у Ленина отродясь не бывало. Тем не менее, в Кракове он Надсоном – и, возможно, не только от безкнижья, – зачитывался.

Кстати, Ленин не мог не знать, что Надсон был похоронен на том же Волковом кладбище Петербурга, где он сам похоронил сестру Ольгу.

Надсон был одним из любимых поэтов старшей сестры Ленина – Анны. Мария Александровна, зная о любви дочери к стихам Надсона, подарила ей томик стихов поэта[596].

И Анну особенно волновали строки:

Надо жить! Вот они роковые слова!
Вот она, роковая задача!
Кто над ней не трудился, тоскуя и плача,
Чья над ней не ломалась от дум голова?

Да, надо было жить – даже тоскуя. Да и не тосковать надо было, а жить, работать – во имя будущей России. Во имя вполне возможного, но, скорее всего, такого ещё далёкого нового Отечества…

Жить и работать вдали от него.

А там, в русских снегах – любимая, «дорогая мамочка», сёстры – старшая и младшая, младший брат.

Там – и могилы отца, брата Александра и сестры Ольги…

Эх!

Глава 23. К вопросу о скулах

В этой книге пока что мало было сказано о семье Ленина, о его корнях. И пришло время остановиться на этом моменте подробно – ведь все мы родом из детства, и то, каким было это детство, нередко определяет всю остальную нашу жизнь.

Итак – корни…

Корни – это серьёзно, но что надо понимать под корнями? Есть народное выражение – «перекати-поле». Так говорят о человеке без корней, который легко расстаётся с одним местом и не очень держится за новое… Формально Ленин с юношеских лет был как раз «перекати-полем» – он недолго жил на одном месте, как, впрочем, и его мать после смерти мужа, и часто переезжал не только из одного города в другой, но и из одной страны в другую. Но был ли Ленин человеком без корней?

Нет, конечно!

Он был глубоко русским человеком! И был им не только потому, что любил Волгу, русские леса и русскую зиму, и не только потому, что хорошо и глубоко знал русскую классику…

Ленин был глубоко русским человеком потому, что верил в величие и в великое предназначение русских, верил – во дни любых сомнений и тягостных раздумий русского «общества» о судьбе и сути русского народа – в Россию.

Верил и гордился её предназначением, написав блестящее эссе «О национальной гордости великороссов». И не просто верил, не просто гордился, а жил ***и работал*** ради того, чтобы Россия из страны, отставшей от передовых стран, из страны, экономически зависимой от иностранного капитала и даже ***политически*** полу зависимой, превратилась в могучую страну, освободившуюся вместе с передовыми странами мира от власти Золотой Элиты.

Сегодня Ленина нередко подают ненавистником русского народа, русофобом… Но вот цитата:

«После Крымской войны русское правительство поняло, что оно никуда не годится; после болгарской войны и русская интеллигенция поняла, что она никуда не годится; теперь в японскую войну русский народ начинает понимать, что и его правительство, и его интеллигенция равно никуда не годятся.

Остаётся заключить такой мир с Японией, чтобы и правительство, и интеллигенция, и народ поняли, что все они одинаково не годятся, и тогда прогрессивный паралич русского национального самосознания завершит последнюю фазу своей эволюции».

Нечего сказать – «патриотизм» хоть куда, прямо-таки высшей марки! Но кто же этот мрачный пессимист, проникнутый чёрным неверием в русский народ?

Нет, это – не Ленин, эту оценку русского народа записал в своём дневнике 7 апреля 1904 года… Василий Осипович Ключевский, великий наш историк[597].

А Ленин в эти же дни не в дневнике, а в публичной листовке и в публичной статье заявлял:

«Война показывает агонию старой России, России бесправной, тёмной и забитой… Старая Россия умирает. На её место идёт новая Россия.

Не русский народ, а русское самодержавие начало эту войну. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению…»[598]

Для либералов типа академиков Ключевского, Вернадского, Готье русский народ представлялся чем-то вроде исторически аморфной и бессильной массы, способной лишь на периодические бунты… А для Ленина народ был тем, чем он был в действительности, то есть – исторической общностью, сумевшей создать огромное государство и великую культуру, но в силу

ряда причин очень задержавшейся в своём культурном и политическом развитии.

Ключевский писал о «прогрессивном параличе русского национального самосознания», а Ленин понимал, что это самосознание не может уже существовать и, тем более, развиваться, в условиях царизма, но что оно есть – это самобытное самосознание великого народа.

Так кто был бульшим патриотом России – России не царей, а России народа, академик Ключевский или большевик Ленин?

А теперь – о корнях…

Русские корни личности Ленина были мощны и прочны, а гнала его по городам и весям России и по Европе не беспечная «охота к перемене мест», а судьба человека, отказавшегося от жизни ради себя и живущего общественным интересом.

Но кто сформировал его таким?

Не ошибётся тот, кто ответит на этот вопрос просто и кратко: «Семья».

Владимир Ильич Ульянов родился 22 (10 по старому стилю) апреля 1870 года на Волге, в Симбирске (ныне – Ульяновск) в семье инспектора (с 1874 года – директора) народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова (1831–1886), женатого на Марии Александровне Бланк (1835–1916).

Илья Николаевич был коренным, потомственным волжанином, уроженцем Астрахани, в 1854 году окончил Казанский университет, преподавал в Пензе и Нижнем Новгороде математику и физику, особенно ярко проявил себя в Симбирске… Он имел чин действительного статского советника (соответствует армейскому званию «генерал-майор») и по выслуге лет получил потомственное дворянство. Человеком отец Ленина был религиозным, как и Мария Александровна, но, как подлинно религиозные люди, детей они к строгому исполнению обрядов не принуждали и вообще не заостряли их внимание на вопросах, которые человек может решить лишь сам для себя и в достаточно зрелом возрасте. Поэтому, как я понимаю, все младшие Ульяновы вполне безболезненно, без терзаний, достаточно рано порвали с религией.

Мария Александровна родилась в Петербурге в семье врача, получила домашнее, но прекрасное образование, знала три языка, уже в Симбирске сдала экстерном экзамен на звание народной учительницы.

Старшие Ульяновы были людьми выдающихся качеств, а Илья Николаевич вне зависимости от последующей громкой славы второго сына в любом случае вошёл бы в историю России как крупный провинциальный деятель народного просвещения.

Всего чета Ульяновых имела шесть детей.

Самой старшей была дочь Анна. Она родилась в 1864 году ещё в Нижнем Новгороде. В 1883 году Анна поступила на Бестужевские Высшие женские курсы в Петербурге, но в 1887 году была арестована по делу о покушении Александра Ульянова на Александра III Романова и выслана под надзор полиции в Поволжье.

В июле 1889 года Анна вышла замуж за Марка Тимофеевича Елизарова (1862–1919), впоследствии видного большевика, сама вела партийную работу, после 1917 года заведовала отделом охраны детства в Наркомпросе, с 1921 года работала в Истпарте – Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б). Умерла Анна Ильинична Елизарова-Ульянова в 1935 году.

Роль Анны Ульяновой-Елизаровой в предреволюционной истории партии оказалась, между прочим, более значительной, чем обычно представляется, но об этом я скажу в свое время.

Старший сын – Александр, родившийся в 1866 году тоже в Нижнем Новгороде, окончил гимназию с золотой медалью, имел все задатки незаурядной личности, обладал глубоким аналитическим умом, поступил в Петербургский университет на естественный факультет, в 1885 году был удостоен золотой медали Совета университета за работу «Об органах сегментарных и половых пресноводных Annulata».

В свободной России Александр Ульянов наверняка стал бы крупным учёным. В царской России он стал революционером-народником и 8 мая 1887 года – в 21 год, был повешен за подготовку покушения на императора Александра III.

Александр и два его товарища были задержаны «с метательными снарядами» на Невском проспекте 1 марта 1887 года и заключены в Петропавловскую крепость. Мать, узнав об аресте сына 8 марта, сразу же выехала в Петербург, и 14 марта подала прошение о свидании.

Царь дал согласие, написав директору департамента полиции П. Н. Дурново: «*Мне кажется, желательно дать ей свидание с сыном, чтобы она убедилась, что это за личность – её сынок, и показать ей показания её сына, чтобы она увидела, каких он убеждений*».

Ну, своим старшим сыном Мария Ульянова имела все основания гордиться, чего никак нельзя сказать об Александре III Романове, чей сын Николай и правил бездарно, и отрёкся бесславно, ибо убеждений не имел.

Дурново дополнил царскую резолюцию: «*Нельзя ли воспользоваться разрешённым государем Ульяновой свиданием с сыном, чтобы она уговорила его дать откровенные показания, в особенности о том, кто, кроме студентов, устроил всё это дело. Мне кажется, это могло бы удаться, если б подействовать поискуснее на мать*»[599].

Читая это, невольно вспоминаешь слова шиллеровского Карла Моора: «О, люди, вы – порождения крокодилов». В целом с Моором согласиться нельзя никак, но в некоторых частных случаях, увы, приходится соглашаться.

И это – как раз такой случай.

Двухчасовое свидание матери и сына в присутствии надзирателя состоялось 1 апреля, в день именин Марии Александровны. Александр плакал, обнимал матери колени, но в своём решении был твёрд, сказав, что долг каждого честного человека бороться за освобождение родины от задавленного положения.

– Да, но эти средства так ужасны, – возразила мать.

– Что же делать, если других нет, мама, – ответил сын.

Эту сцену мы знаем из воспоминаний Анны Ильиничны Ульяновой, но она явно не вымышлена, а просто запомнена дочерью по рассказу матери. Явно не апокрифичны и слова Владимира, который, узнав о словах старшего брата, заявил: «Мы пойдём другим путём».

Владимир был третьим ребёнком, а 4 ноября 1871 года в семье Ульяновых родилась ещё одна дочь – Ольга, погодок и, как вспоминал Дмитрий Ульянов, «самый близкий, лучший товарищ Володи в годы детства и юности». Умница, с характерными ульяновскими чертами лица, Ольга весной 1887 года окончила Мариинскую женскую гимназию, подавала блестящие надежды, тоже училась на Высших женских курсах в Петербурге, но в апреле 1891 года заболела брюшным тифом и 8 мая 1891 года – день в день через четыре года после казни Александра Ильича, скончалась на руках брата Владимира и матери.

Похоронили Ольгу на Волковом кладбище Петербурга, где позднее была похоронена и её мать.

16 августа 1874 года родился младший брат Володи – Дмитрий, умерший в 1943 году, а в феврале 1878 года появилась на свет младшая сестра Мария – «Маняша».

С 1883 года Дмитрий начал учёбу в Симбирской гимназии, заканчивал же в 1893 году уже Самарскую гимназию – для семьи началась эпоха переездов, которые, скорее, следовало бы назвать скитаниями.

Студентом медицинского факультета Московского университета Дмитрий принял участие в студенческих волнениях, был арестован, сидел в тюрьме, но в 1901 году всё же окончил Юрьевский (Тартуский) университет, работал врачом, был агентом ЦК большевиков…

После Октября Дмитрий Ильич вёл партийную работу в Крыму, в 1921 году был

уполномоченным Наркомздрава по курортам Крыма, затем переехал в Москву.

Мария Ильинична в 1895 году после окончания Московской Елизаветинской женской гимназии начала учиться на Высших женских курсах в Москве, однако спокойной жизни не получилось и у неё – в 1899 году Марию арестовывают и высылают под гласный надзор полиции в Нижний Новгород.

Затем последовал обычный для детей Ильи Николаевича и Марии Александровны биографический «калейдоскоп»: аресты, отсидки, ссылки…

Мария Ильинична была в 10-е годы российским корреспондентом Ленина. В 1912 году в ориентировке охранки говорилось: «Сама активной партийной работы не исполняет, но служит местом, куда обращаются все наиболее серьёзные работники за получением связей, явок и адресов»[600].

Но «Маняша» не была политически нейтральна – видимая партийная пассивность являлась атрибутом её партийной работы. Хорош был бы у партии «почтовый ящик», если бы его то и дело арестовывали и закатывали туда, куда Макар телят не гонял…

С марта 1917 года по 1929 годы Мария Ильинична работала в редакции «Правды», затем состояла членом Комиссии Советского Контроля. В 1933 году её наградили орденом Ленина, в 1935 году она была избрана членом ЦИК СССР, а в 1937 году скончалась и была похоронена на Красной площади.

Такова история семьи Ленина в её предельно кратком изложении. Однако эта удивительная семья заслуживает того, чтобы сказать о ней в книге и больше – хотя бы в объёме одной лишь главы.

Действительно, можно ли в книге о Ленине не сказать о семье Ленина, о его корнях и истоках?

Конечно же, сказать об этом надо по двум, по крайней мере, причинам.

Первая причина та, что семья Ленина – имею в виду семью, где он рос, родительскую семью – была, говоря языком казённым, образцовой ячейкой общества. А если проще и душевнее – это была прекрасная: умная, деятельная, скромная и дружная семья.

По чистоте семейных отношений, по той нравственной «планке», которая была нормой в семье Ильи и Марии Ульяновых, эту семью следует считать первой по образцовости семьёй во всей мировой истории.

В этой семье не был воспитан ни один человек, о котором можно сказать, что он коптил небо и был полон мелких чувств и дел. Мать и отец Ульяновы сами не были революционерами и революционных устремлений не имели, но ***все*** их дети стали убеждёнными и крупными работниками революции.

Все!

Причём все были большевиками – членами партии, созданной и руководимой братом. Другого ***настолько яркого*** примера бескорыстной и жертвенной «семейственности» в истории мира, пожалуй что и не найти.

Переписка Ленина с родными, их переписка друг с другом, их собственные статьи, как и их воспоминания о Ленине обнаруживают как в сестрах Ленина – и Анне, и Марии, так и в его брате Дмитрии, людей развитых, думающих, фамильно логичных, честных, нефальшивых, искренних и скромных.

Это же говорят о родне Ленина её жизнь и дела – как до Октября 1917 года, так и после Октября.

Между прочим, все лучшие фамильные черты – вплоть до знаменитого ленинского прищура, были чётко видны в племяннице Ленина – Ольге Дмитриевне, которую мне посчастливилось знать, бывая у неё дома. Она была в свои поздние годы очень похожа на бабушку, а ещё больше,

на свою двоюродную бабушку – Любовь Александровну Ардашеву.

Юный Ленин в семье – интереснейшая тема, причём не только для историка, но и для умного педагога, как пример блестяще выстроенного воспитания детей… Это и благодарная – для вдумчивого психолога, отправная точка для размышлений о путях формирования абсолютно здоровых нравственно натур…

И, наконец – это тема просто для романиста!

В советское время было издано более 1500 литературных произведений о Ленине, но подлинного внимания заслуживают лишь воспоминания о нём – не только родных, но и вообще всех, кто его знал. А их, этих воспоминаний – и правдивых, и не очень, набирается не более чем на десяток книг[601].

Увы, здесь нет возможности уделить место описанию детских и юношеских лет Ленина по воспоминаниям сестёр и брата (остальное всё вторично), но читателю не мешает прочесть их самому – они того стоят!

Итак, первая причина, по которой в книге о Ленине нельзя обойти тему семьи, очевидна…

Вторая же причина, по которой нельзя обойти «семейной» темы в книге о Ленине, состоит в том, что происхождение предков Ленина давно стало притчей во языцех у людей как злонамеренных, недобрых, так и у просто досужих любопытствующих мещан.

Обо всём таком пришла пора в этой книге поговорить…

Что в историческом исследовании надо считать наиболее существенным? Очевидно – честность, без которой невозможны ни представительный отбор фактов, ни точный анализ.

Родная племянница Ленина Ольга Дмитриевна Ульянова, ныне, к глубочайшему сожалению уже покойная, рассказывала мне, что однажды её публично спросили:

– Толкуют то о немецких, то о еврейских корнях Ленина со стороны матери… А какой вариант устроил бы лично вас?

Ольга Дмитриевна не растерялась:

– Меня устроила бы ***истина***! А истины прошлого существуют независимо от нашего желания…

Да, честно исследованная история – это, точная история. И, не в последнюю очередь, это – точные сведения, бесспорные документы. Когда запись событий эпохи полна и имеется в распоряжении исследователя, то его реконструкция истории правдива автоматически. Если, конечно, цель исследователя – правда, а не её искажение.

А если запись не полна?

А если у нас вообще нет достоверных фактов?

А если они есть, то можно ли быть уверенными в том, что мы их верно поняли и истолковали?

О происхождении Ленина по линии отца ни у кого особо сенсационных разночтений не возникало и не возникает. В XVIII веке предки Ленина по отцу были крепостными, в XIX-м – уже свободными людьми, по национальности – возможно полностью русскими, возможно – частично мордвинами, но в любом случае – православными. Мать Ильи Николаевича Смирнова Анна Алексеевна – бабушка Ленина по отцу, была, скорее всего, русской, хотя оседлавшая ленинскую тему писательница Мариэтта Шагинян писала о ней как о происходящей из «крещёного калмыцкого рода».

Ну, калмыцкого, так калмыцкого – и слава богу. Пушкин был «арапского» рода, однако никто не сомневается в том, что Пушкин – великий русский поэт.

Иначе обстоят дела с происхождением Ленина по матери, а точнее – с происхождением матери по отцу, то есть – деду Ленина с материнской стороны.

По линии матери Марии Александровны – Анны Ивановны Грошопф, всё достаточно ясно,

бесспорно и, хотя и очень интересно, однако тоже не сенсационно. Европейские предки бабушки Ленина по матери ведут отсчёт вполне респектабельной и богатой родословной с первой четверти XVII века[602]!

Нездоровый интерес вызывает лишь одна линия в роду Ленина – его деда по матери, Александра Дмитриевича Бланка (1799–1870). Принятый ныне биографический «стандарт» – дед Ленина происходил из житомирских евреев, крестился, учился в Петербурге и стал врачом.

У меня нет ни желания, ни возможности, ни квалификации подтверждать или опровергать эту версию. Ясно одно: кем бы ни был отец матери Ленина, он был, вне сомнений, человеком незаурядным, новатором: служил врачом на Смоленщине, в Петербурге, в Перми, а закончил коронную службу в 1847 году доктором казённой Златоустовской оружейной фабрики[603].

Однако остановиться на деде Ленина по линии матери нам придётся…

Мария Александровна была четвёртой дочерью в семье, и воспитывал отец дочерей строго, по-спартански, но умно – не в пример многим как тогдашним, так и нынешним отцам.

Девочки весь год носили ситцевые платья с короткими рукавами, закаливались, занимались физкультурой… Пища была простой, чая и кофе отец не признавал, считая их вредными. Дочерей учили трудолюбию на базе самообслуживания, а уж о заботах о хорошем образовании говорить вообще излишне! Увы, подробный рассказ обо всём этом очень уж уведёт нас в сторону.

Но что интересно – это-таки вопрос о происхождении Александра Бланка… Одной ведь «житомирской» версией история вопроса не исчерпывается! Например, автору известной книги о родословии Ленина некому Михаилу Гиршевичу Штейну – однозначно стороннику «житомирской» версии (о которой, почему-то, в семье Ульяновых не знали!), в своей книге пришлось полемизировать с весомой версией крупного российского генеалога, старшим научным сотрудником Института российской истории РАН М. Е. Бычковой[604].

И вот что сообщала М. Е. Бычкова в еженедельнике РАН «Поиск» в 1993 году:

«Мне удалось поработать в Казанском архиве… и установить, что… существовали два Александра Бланка, биографии которых были сознательно смешаны. Дед Ленина, Александр Дмитриевич Бланк, происходил из православного купеческого рода… Другой Александр Бланк, никакого отношения к Ленину не имевший, действительно существовал, был на 3–4 года старше Александра Дмитриевича и во многом повторил его служебную картеру. Он тоже учился в медицинском институте, но служил… не на государственной службе…

Выходит, генеалоги ошиблись?

Не думаю, скорее это был сознательно искажённый документ (имеется в виду документ о деде Ленина, представленный сёстрам Ленина после его смерти. – *С.К.*), а о причинах его появления судить не берусь»[605].

Версию М. Е. Бычковой поддержала племянница Ленина – Ольга Дмитриевна Ульянова, опубликовав в 1995 году в № 20 газеты «Гласность» статью о родословной Владимира Ильича.

Небезынтересны и разыскания Николая Всеволодовича Первушина (1899–1993) – правнука А. Д. Бланка по линии его дочери Екатерины Александровны Бланк-Залежской (сестры матери Ленина). Первушин, став в 1930 году невозвращенцем, с 1946 года жил в США, работал в ООН, и в 1989 году опубликовал в Нью-Йорке книгу «Between Lenin and Gorbachev» («Между Лениным и Горбачёвым»). Не имея возможности работать в советских архивах, он сосредоточился на старых энциклопедиях и других старинных источниках, где упоминались разные Бланки.

Первушин писал:

«В ходе поисков я… нашёл Дмитрия Бланка, который был врачом (возможно, он был отцом Александра Бланка, моего предка)… И Дмитрий Бланк, и Николай и Павел Бланки (тоже отысканные Первушиным в старых биографических словарях, – *С.К.*), состоявшие на

государственной службе, были русские…»[606]

Наконец, в завершение этого сюжета сообщу, что три сотрудницы – на протяжении многих лет – Центрального музея В. И. Ленина: О. Абрамова, Г. Бородулина и Т. Колоскова, опубликовавшие в 1998 году книгу «Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина)» сообщили крайне пикантную деталь:

«…несмотря на снятие идеологических табу („Ха!“ и ещё три раза „ха!!“. – *С.К.*) документы об А.Д Бланке, находящиеся в Архиве Президента РФ, по сути недоступны и сегодня для исследователей. Отсутствие у специалистов полной документальной базы не только вновь воспроизводит вопрос о происхождении Ленина, но и делает возможным появление новых спекуляций на эту тему»[607].

Написано это было пятнадцать лет назад, и сейчас запрет на доступ к архиву, возможно, снят… Вот только что смогут найти там исследователи – не фальшивые ли «новоделы» типа «катынских»? Второй вариант – они найдут просто пустые полки, ибо рукописи и документы не горят лишь в романах.

Лично я – уже с учётом быта в семье матери Ленина, а также быта и атмосферы в семье Ульяновых – не склонен считать версию о еврействе А. Д. Бланка верной. Очень уж упомянутые выше быт и атмосфера в этих семьях были далеки от «житомирских» как в талмудическом варианте, так и в нео-православном, характерном для евреев-выкрестов.

Кроме прочего, строго гигиенического направления в быту даже выкресты не очень-то придерживались. Да и женились выкресты обычно на девицах из семей выкрестов, а девицы из этих семей выходили замуж чаще всего тоже за выкрестов, чего в семье Александра Бланка, вроде бы, не замечалось.

Так или иначе, прав Александр Дмитриевич Ульянов, написавший в 1937 году в письме в журнал «Красная новь» по поводу рукописи романа Мариэтты Шагинян «Билет по истории»:

«Конечно, мы живём не в III империи (имеется в виду нацистская Германия. – *С.К.*), и расовые вопросы не имеют для нас значения; нам неважно, был ли отец Ильича чистокровным калмыком или калмыком такой-то пробы…

В какую семью на Руси не попала монгольская кровь – если не в период татарского ига, то в последующие века, когда русские жили бок о бок с монгольскими племенами. Особенно в таком полу-татарском городе, каким является Астрахань. Нет надобности особенно разбираться в семейных летописях, чтобы объяснить раскосые глаза или выдающиеся больше обычного скулы.

Если бы характеристика предков касалась существа дела, например, особого склада ума, каких-либо талантов или особых способностей или пристрастий, тогда это было бы важно. Но вопросы о чистокровности и кровности сами по себе не стоят ломаного гроша»[608].

По стилю это сказано суховато – младший брат был менее эмоционален, чем старший. Но по мысли и по логике мысли это сказано по-ульяновски, по-ленински, то есть – «в точку»!

Повторю ещё раз – достоверные сведения о детстве и отрочестве Ленина мы можем получить лишь из воспоминаний его сестёр и брата. Какие-то воспоминания однокашников – если они где-то и имеются – не очень идут в счёт, поскольку основная жизнь Володи проходила в семье. Здесь было и проще придерживаться режима, а к нему были приучены все Ульяновы, да и хорошие товарищи по играм были рядом, в том же доме.

Но, говоря о ранних годах Ленина, не могу не познакомить читателя с воспоминаниями Александра Ерамасова – уже знакомого нам «финансиста» Ленина. Как вспоминала Мария Ильинична Ульянова, Ерамасов был знаком по Сызрани с зятем Ленина – Марком Елизаровым, и в конце 80-х годов XIX века, когда Елизаровы, а с ними и Мария Ильинична, жили в Самаре, Елизаров как-то затащил Ерамасова к ним.

Вот как описывал последний своё первое впечатление от Ульяновых:

«Я испытывал какое-то особенное чувство при первом посещении ульяновской семьи, перенесшей такое тяжёлое горе (казнь Александра. – *С.К.*). Жили тогда Елизаровы… недалеко от того района, где селилась обычно революционная интеллигенция. Помню, пришли мы вечером и попали прямо к чаю. Вся семья собралась уже в столовой. Здесь я познакомился с Марией Александровной, Анной Ильиничной и Владимиром Ильичом…

Разговор шёл на обычные в то время темы: о народничестве, о судьбах капитализма… Владимир Ильич выделялся не только знанием литературы, но и какой-то особой способностью находить слабые места у народников… После чая мы перешли в комнату Владимира Ильича, где продолжали разговор…

Из всей обстановки комнаты мне до сих пор помнится комплект „Русских ведомостей“, которые висели на стене над столиком. Владимир Ильич хранил все прочитанные газеты и отмечал номера, чем-либо заинтересовавшие его»[609].

За этими строками – внешне непритязательными, не так уж и наполненными конкретными деталями, – видна полная дружбы и гармонии семья, где и помыслить не могут о том, что за чаем надо обсуждать новые модные фасоны или последние новости «из мира звёзд».

Вот какой человечески ***гармоничной*** была семья Ульяновых, рано лишившаяся вначале отца, а затем и первой гордости семьи – старшего сына и брата.

Александра царизм убил прямо – петлёй.

Илью Николаевича удавка затхлой жизни в России царя Александра III и идеолога контрреформ Победоносцева задавила постепенно.

Министром народного просвещения с 1882 года стал Делянов – автор печально знаменитого циркуляра о «кухаркиных детях», закрывшего путь к образованию множеству талантливых ребят из простого народа. Ульянов-старший был как педагог и личность полным антиподом своему столичному шефу, и это всё более осложняло положение Ильи Николаевича. Сказанное – не предположение: осенью 1885 года верхушка симбирского земства открыто выразила сомнение в возможности ведения школьного дела ***в предписанном министерством духе*** при таком директоре народных училищ Симбирской губернии, как Ульянов.

То есть, работать так, как считал Илья Николаевич нужным, было уже нельзя. И до этого хлеб его был непрост – в царской России деятельные народные просветители никогда в чести не были, а уж теперь, при Делянове…

Илья Николаевич выступал против намерений заменить земские школы церковноприходскими, и всё это изматывало, он быстро стал сдавать… Развязка наступила тоже быстро: 10 января 1886 года Ульянов-старший занемог и слёг… 12-го января ему стало лучше, и он дома работал со своим помощником и другом инспектором Стржалковским над годовым отчётом, но обедать не стал, опять прилёг. В пятом часу вошедшая к нему Мария Александровна позвала в тревоге Анну и Владимира. Отец был в агонии и на глазах жены и детей скончался – кровоизлияние в мозг.

Поток прощающихся шёл через дом Ульяновых три дня, гроб с телом Ильи Николаевича на кладбище Покровского монастыря провожала огромная толпа.

Семья осиротела, пока – на отца.

А через полтора года – ещё и на Сашу.

Теперь в своём пути – ином по форме, чем у отца и старшего брата, но том же по содержанию, ибо это был путь жизни для народа, Владимир мог опереться душой лишь на мать и на себя.

А, впрочем, нет – его надёжной опорой оставалась вся семья… Остальные Ульяновы – сёстры, брат, разделённые с Владимиром расстояниями, душевно были с ним всегда рядом, и переписка Ленина с родными доказывает это однозначно.

А мать, «дорогая мамочка», стала его опорой уже самим фактом своего бытия. Отношения матери и сына были образцовыми, потому что они на всю оставшуюся им на двоих жизнь сохранили душевную близость.

Мать жила ради детей и детьми – это по отношению к Марии Александровне не фраза, а констатация факта. Сколько раз ей приходилось после смерти мужа менять места жительства, и всякий раз это было связано с детьми. В Петербурге, в Москве – с Митей и Марусей, с Аней, в Саратове – с Аней, в Киеве – с Митей, Марусей и Аней, в Вологде – с Марусей, и т. д.

И каждый раз она снималась с места то из-за заключения кого-то из детей, то из-за их очередной ссылки, то из-за их переезда в силу необходимости для партии.

21 февраля 1914 года Ленин пишет матери из Кракова в Вологду:

«Дорогая мамочка! Получил твою открытку – mersi за неё. Вот разница-то между погодой у вас и здесь! Здесь совсем весна: снегу давно нет, тепло совершенно, ходим без калош, солнце светит для Кракова необычайно ярко, не верится, что это в „мокром“ Кракове. Досадно, что приходится тебе с Маняшей жить в скверном городишке!.. Я был не в Лондоне, а в Париже, прокатился недурно. Париж – город очень неудобный для жизни при скромных средствах и очень утомительный. Но побывать недолго, навестить, прокатиться – нет лучше и веселее города. Встряхнулся хорошо.

Летом, вероятно, поедем опять в Поронин.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю здоровья. Маняше большущий привет.

Твой *В.У.*

P. S. Надя и Е.В. (мать Крупской. – *С.К.*) целуют тоже крепко»[610].

Но почему матери с «Маняшей» приходится жить «в скверном городишке»? Да потому, что Маняша отбывает очередную ссылку.

А как «встряхивался» Ленин в Париже? В «Мулен-Руж» канкан с субретками танцевал и у «Максима» баловался устрицами с «Мадам Клико»?

Да нет…

5 января 1914 года он приезжает в Париж и в тот же день проводит совещание большевиков в связи с намерениями Международного социалистического бюро выявить «пункты расхождения» между большевиками и меньшевиками и добиться их единства. Напоминаю, что агентуру Капитала беспокоила непримиримость Ленина накануне мировой войны…

9 января Ленин выступил на двух митингах социал-демократов, посвящённых 9 января 1905 года.

10 января он выступил в большом зале парижского Географического общества с рефератом «Национальный вопрос», и 12 января выехал в Брюссель на IV съезд Социал-демократии Латышского края, где одержал яркую победу – «латыши» отныне шли за Лениным.

Надо заметить, что тон писем Ленина и Крупской к Марии Александровне был всегда откровенным, но при этом и всегда бодрым, хотя жилось им в эмиграции по-разному и в житейском смысле – не очень-то зажиточно. Темы же писем из разных мест Европы менялись мало: здоровье, погода, небольшие житейские дела…

А о чём другом мог писать Ленин матери? О главном не напишешь, даже подписываться порой приходилось инициалами.

И о чём другом могла писать свекрови Крупская? «Володя получил недавно чин статского советника», или «Мы приобрели сотню акций „Standard Oil“ и я купила себе миленькую норковую шубку»?

Таких «радостей жизни» в их жизни не было и быть не могло.

А мать?

Мать ведь тоже участвовала в их борьбе не только тем, что ***была***, и всегда была готова сняться вслед за детьми. Она вполне сознательно становилась и прямой их помощницей. Вот, скажем, Мария Александровна по совету Мити едет летом 1911 года в Бердянск, к морю. Сопровождает её Анна, и начинается переписка – Владимир и Надежда пишут ей из-за границы, Дмитрий – из Феодосии, из Териок – Мария и из Саратова – Марк Елизаров. Но пишут не только ей, а и друг другу через неё – по партийным делам.

А вот новогодняя история 1904 года…

1 января, Киев отсыпается после весёлой новогодней ночи, а на квартире Ульяновых идёт обыск – на Бибиковском бульваре арестованы возвращавшиеся с конспиративного совещания Дмитрий Ильич и жена Кржижановского Зинаида Невзорова-Кржижановская, и в доме, пахнувшем новогодними пирогами, теперь пахнет грязью от жандармских сапог. Мария Александровна, наблюдая за очередным в её жизни погромом квартиры, спокойно замечает, что «гости» сами не знают, что ищут, и ничего не найдут.

Продолжавшийся до двух часов ночи обыск действительно ничего не дал, хотя весь архив ЦК, избранного II съездом, всё время был на виду – в хитроумно устроенном шахматном столике, сделанном по чертежам Марка Елизарова.

Тем не менее, Анну, Марию и жену Дмитрия Антонину уводят. Женщин заключают в Лукьяновский тюремный замок, Дмитрий сидит в «Косом капонире» Киево-Печерской крепости…

Мать остаётся одна. В тот день в Киеве было произведено 109 обысков и более 30 арестов. Были арестованы и товарищи её детей, так что 69-летнюю Марию Александровну, недавно приехавшую к детям в Киев, и навестить-то некому… А надо носить передачи, и в момент свидания ещё и умудряться получить от Анны записки на волю. Формально Мария Александровна никакой партийной работы никогда не вела, но разве то, что ей – матери четырёх большевиков, приходилось делать ради детей, не было партийной работой?[611]

Или памятная ночь с 7 на 8 мая 1912 года в Саратове, когда в их дом ворвалась полиция и арестовала Марию и Анну (Марк был в отъезде)… В тот же день Мария Александровна пишет письмо брату Марка:

«*Пишу Вам, Павел Тимофеевич, по поручению Ани, которая просит Вас сообщить Марку следующее: в ночь с 7 на 8 мая нагрянула к нам полиция для обыска, предъявила бумагу из охранного отделения с требованием арестовать Марка, Аню и Марусю, даже в том случае, если ничего предосудительного, запрещённого найдено не будет!*

Аня просит Вам передать это письмо по возможности скорее Марку… Прибавлю ещё, что при обыске не было ничего найдено, только у Маруси один номер газеты Звезда. Нагрянули 15 человек, обыскивали с 12 часов до 6 утра, перерыли всё, снимали чехлы с мебели, развинчивали печки, искали на кухне, на чердаке, мы не спали всю ночь, ничего… наконец, предложили нашим собираться»[612].

Каково это для матери?! Грубый стук в дверь среди ночи, вломившиеся жандармы, запихнувшие её в одну из комнат под присмотр, перевёрнутая вверх дном квартира, уведённые в неизвестность дочери…

А ведь Марии Александровне шёл 78-й год!

Она остаётся одна, однако не падает духом… Узнав, что зять уже выехал пароходом в Саратов, идёт на пристань, чтобы предупредить его, потом пишет сыну в Париж…

Тот в письме от 27 мая успокаивает мать как может: «*Я уверен, что долго продержать их не смогут… Вероятно, в теперешние времена в провинции хватают совсем зря, „на всякий*

случай“»; и спрашивает: «*Есть ли у тебя знакомые, моя дорогая? Навещает ли кто-нибудь? Хуже и тяжелее всего в таких случаях внезапное одиночество*…», а через неделю – 2 июня 1912 года, отправляет новое письмо:

«Дорогая мамочка! На днях писал тебе по поводу ареста Маняши и Анюты. Хочется поговорить ещё. Боюсь, что ты слишком одиноко теперь себя чувствуешь…

Сегодня прочитал в петербургской газете о больших арестах и обысках в Саратове в связи с железнодорожными служащими (Тогда в Саратове было произведено в два приема 18 и 16 арестов, – *С.К.*). Видимо хватать стали особенно усердно… С Анютой, наверное, скоро увидишься, раз даже при аресте вынуждены были сказать, что берут, видимо, ненадолго. Но если аресты особенно широки, то может пройти некоторое время просто на то, чтобы разобрать, рассортировать всех арестованных…»[613]

К тому времени Ленин не виделся с матерью два года – последний раз они были вместе в Стокгольме в 1910 году, когда Мария Александровна специально приезжала туда на встречу с сыном.

Потом началась война, окончательно сделавшая невозможным для обоих личное свидание, оставалась только переписка. В марте 1916 года Ленин пишет матери очередное письмо, ставшее одним из последних:

«Дорогая мамочка! Посылаю тебе карточки, одну для Маняши.

Мы живём теперь в Цюрихе. Приехали позаниматься в здешних библиотеках. Озеро здесь нам нравится, а библиотеки много лучше бернских, так что пробудем ещё, пожалуй, дольше, чем хотели. Писать можно на здешний адрес: почта всегда перешлёт.

Надеюсь, у вас уже нет больших холодов и ты не зябнешь в холодной квартире? Желаю, чтобы поскорее было тепло и ты отдохнула от зимы.

Надя очень всем кланяется. Крепко тебя целую, моя дорогая, и желаю здоровья. Анюте большущий привет и М.Т. (Елизарову. – *С.К.*) тоже.

Твой В. У.»[614]

Тепло в России наступило, а вот со здоровьем уже не ладилось – начинался восемьдесят второй год очень непростой и беспокойной жизни, и летом 1916 года Мария Александровна занемогла.

В начале болезни она сказала дочери – с ней была Анна: «Дай мне что-нибудь, ну, облатку, – ты знаешь что – я хочу пожить ещё с вами»… В этих словах было всё: она хотела не просто ещё пожить, а пожить ***с детьми***, возможно – увидеть Володю… Но вскоре поняла, что угасает.

Приехать проститься мог лишь Дмитрий, он был в Севастополе, и Анна отправила ему телеграмму: «*Мама больна. Без сознания. Приезжай*». Военная цензура задержала телеграмму как подозрительную – видно, военные жандармы не могли себе представить, что большевики Ульяновы не сообщают друг другу что-то условным кодом, а просто стоят накануне большой житейской драмы. И в день смерти Мария Александровна вздохнула: «Где же наш Митёк?» В тот же день 12 июля 1916 года мать Ленина тихо скончалась на руках у дочери.

Владимир Бонч-Бруевич был среди тех, кто её хоронил. Позднее он писал: «Война разметала многих из нас в разные стороны. Пришли на похороны немногие. Мы собрались в кладбищенской церкви.

В гробу она выглядела такой же добрострадающей, как и в жизни. И меня крайне удивил своей лёгкостью гроб, когда нам вдвоём с М. Т. Елизаровым пришлось нести его на руках до могилы от кладбищенской церкви, где, по законам того времени, обязаны были её отпевать, чтобы получить право похоронить.

Быстро насыпан был холм, и мы украсили его живыми цветами. Грустно постояли, подумали и пошли…»[615]

Владимир Ильич, уехав девять лет назад из Санкт-Петербурга, вернулся в переименованный в 1914 году на русский лад Петроград в ночь на 4 апреля 1917 года.

Была восторженная встреча, митинги, речи… Потом он с Крупской, сёстрами, зятем и друзьями добрался до квартиры Елизаровых на улице Широкой. Наутро его ожидали новые неотложные дела, а с раннего утра он поехал с родными и близкими на Волково кладбище – к давней могиле сестры Ольги и свежей могиле матери.

Всё тот же Владимир Бонч-Бруевич, бывший в то утро рядом с Ильичом, оставил нам запись об этом:

«Всегда сдержанный, всегда владевший собой, всегда серьёзный и задумчивый, Владимир Ильич не проявлял никогда, особенно при посторонних, интимности и задушевности своих чувств. Но мы все знали, как нежно и чутко относился он к своей матери, и, зная это, чувствовали, что тропинка на Волковом кладбище, туда, к этому маленькому холмику, была одной из тяжёлых дорог Владимира Ильича»[616].

Он стоял у могилы, что-то шептал, потом низко-низко поклонился…

В тот день на Волковом кладбище не было фотографа – да и откуда ему было быть там в то раннее утро? Но через два года – 13 марта 1919 года, на том же Волковом кладбище хоронили неожиданно умершего от тифа Марка Тимофеевича Елизарова.

Ленин приехал на похороны из Москвы, и фотограф Я. Штейнберг сделал тогда серию из пяти снимков – Ленин в окружении провожающих у могилы зятя…

Глядя на эти фото, я думал: «Если бы художнику надо было написать картину на тему „Мужская скорбь“, то, имея возможность выбирать, он, скорее всего, выбрал бы для работы одно из этих фото Ленина».

Таким он был, конечно, и в то утро 5 апреля 1917 года, когда перед тем, как взвалить на себя свой тяжкий российский крест до конца дней своих, он пришёл на последнюю встречу с матерью…

Да и не с матерью, а с её могилой.

Побывать же на могиле отца он так и не смог.

Глава 24. «Моя партия не запрещает этого…»

Когда смотришь на то, что успел сделать Ленин после Октября 1917 года всего за пять лет активной уже не революционной, а государственной деятельности, то понимаешь, что всё это можно было сделать лишь в режиме не менее чем 12-ти, а то и 14-часового рабочего дня день за днём.

Собственно, так же работал и Сталин, почему де Голль при их личной встрече и удивился – как можно успевать так много!

Так что будет неверным говорить, что за всей этой державной работой сложно увидеть Ленина – не государственную фигуру, а человека. Ленин – основатель новой России и Ленин-человек, это – одно и то же. Ленин-человек полностью раскрывается в его работе на посту Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР и Председателя Совета Труда и Обороны РСФСР… И этот Ленин хорошо виден даже не из тех или иных воспоминаний – хотя из них он виден ярко, а из четырёх – с 50-го по 54-й, послеоктябрьских томов писем, записок, телеграмм и телефонограмм в Полном собрании сочинений…

Но было же и время, когда Ленин жил хотя и напряжённой жизнью разума и духа, но – не изнуряющей, ни изматывающей ежедневно жизнью, как после Октября 1917 года. Были времена, когда он мог позволить себе – по забавно-меткому словцу Надежды Константиновны – на часы «уйти в неопределённую часть пространства»… Мог сесть на велосипед и укатить куда глаза глядят – один или с Крупской. Мог позволить себе хотя и относительный – не без деловых партийных забот, но полноценный месячный отдых!

Этого Ленина мы можем узнать из его или Крупской «житейских» писем, и из воспоминаний Надежды Константиновны Ульяновой-Крупской, того близкого человека и друга, который прожил с Лениным бок о бок четверть века – с молодых лет до смертного часа.

Однако правдиво и точно, а при этом сочно, колоритно, а порой и неожиданно, Ленин-человек проявляется и вообще в воспоминаниях о нём товарищей и соратников.

Скажем, в 1910 году в Копенгагене проходил VIII конгресс II Интернационала. Накануне открытия датчане – хозяева конгресса, устроили в небольшом открытом ресторанчике ужин в честь гостей. Был на этом ужине и Юрье Сирола – тогда член Правления и сопредседатель Социал-демократической партии Финляндии, депутат финского сейма…

Соседом по столу у Сиролы оказался Ленин, и когда графин с водкой дошёл по кругу до Сиролы, тот осведомился у Ленина:

– Вы позволите себе перед обедом рюмочку?

– Моя партия не запрещает этого, – ответил Ленин.

Финн смутился, поняв, что Ленину известна принятая в 1906 году съездом Социал-демократической партии Финляндии в Оулу резолюция, предписывающая партийным работникам быть всегда абсолютно трезвыми…

Вспоминая этот эпизод через много лет, Сирола – с 1918 года член РКП(б), с 1928 года нарком просвещения Карельской АССР, писал, что его поразило то, что Ленин запомнил «даже такое маленькое, мимоходом принятое решение», но потом, уже став коммунистом, Сирола понял, какое огромное значение Ленин придавал партии и принятым ей решениям[617].

Этот забавный историко-«гастрономический» курьёз хорош тем, что показывает Ленина и как человека, и как политика – в большом и в малом.

Причём как человек Ленин был неприхотлив. Уже другой финн – Карл Харальд Вийк, член Исполкома Социал-демократической партии Финляндии, вспоминал о том же ужине, что перед

Вийком стояло «изысканное блюдо – омар», а перед сидящим рядом с Вийком Лениным «почти ничего не было». Вийк пишет, что это его первое наблюдение позже не раз подтверждалось: Ленин жил чрезвычайно скромно[618].

Между прочим, Ленин оказался рядом с финнами не случайно – он хотел обсудить с ними накоротке вопросы транспорта через Финляндию нелегальной литературы для России…

Да, Ленин не был полным абстинентом… Крупская в своих воспоминаниях о жизни в Кракове писала, что ей, в раннем детстве одно время жившей в Польше вместе с родителями, уже взрослой «милы казались „огрудки“ (садики), в которых продавалось „квасьне млеко с земняками“ (кислое молоко с картофелем)», и продолжала: «Ильич радовался тому, что вырвался из парижского пленения; он весело шутил, похваливал и „квасьне млеко“, и польскую „моцную старку“ (крепкую водку)…»[619]

При этом Ленин относился к спиртному чисто, так сказать, гастрономически, без стремления отуманить мозг, тем более, что такой мозг как ленинский, рюмка «моцной старки» или тёмного мюнхенского пива отуманить не могли никак. А более ему для чисто вкусовых ощущений и не надо было.

Крупская вспоминала, как они с Ильичом в 1913 году по дороге из Берна в Поронин заехали буквально на несколько часов – от поезда до поезда – в Мюнхен, где жили в 1902 году. Незадолго до этого Крупской сделали в Берне операцию и теперь Ульяновы возвращались в Поронин, где накопилось «много спешных, экстренных дел». Встречали их молодой Борис Книпович с женой.

Крупская знала «Бориску» с четырёх лет, когда он залезал ей на колени и заказывал: «Крупа – сказку об оловянном солдатике», а летом 1907 года, когда Борис был уже гимназистом, Ульяновы жили на даче Книповичей в финском Стирсуддене.

«Время мы провели в ресторане, славившимся каким-то особым сортом пива. – писала Крупская. – Hof Brdu (Хофбрей) назывался ресторан. На стенах, на пивных кружках везде стоят буквы „Н.В.“ – „Народная воля“, – смеялась я. В этой-то „Народной воле“ и просидели мы весь вечер с Борей. Ильич похваливал мюнхенское пиво с видом знатока и любителя, поговорили они с Борей о дифференциации крестьянства, вспоминали мы все вместе Дяденьку (тётку Бориса Книповича Л. М. Книпович. – *С.К.*)…»[620]

Прекрасно осведомлённый исследователь жизни Ленина, последний директор Центрального музея В. И. Ленина Владимир Ефимович Мельниченко, написал интересную книгу «Личная жизнь Ленина»… Есть там и главка «Мюнхенское пиво», где приведены воспоминания хорошо знавшего Ленина Ивана Фёдоровича Попова (1886–1957). Попов пишет, как Ленин однажды со смехом признался ему, что любит мюнхенское пиво так, что во время Поронинского совещания ЦК осенью 1913 года, узнав, что в деревушке, верстах в четырёх-пяти, в пивной появилось настоящее мюнхенское, он, Ленин, подбивал компанию сходить «по ночному холодку, наскоро» выпить по кружке пива.

И «хаживали, бывало»…

При этом автор «Недорисованного портрета» Ленина Валентинов-Вольский, утверждал, что не видел никогда, чтобы Ленин пил более одной кружки пива, и прибавлял: «Его нельзя себе представить пьяным. Вид одного пьяного товарища в Париже вызвал у него содрогание и отвращение».

И даже, как точно оценил Мельниченко, «завравшийся Соломон» – ещё один «мемуарист»-невозвращенец Сломмон-Исецкий, признавал, что «Ленин был очень чистый человек, с

искренней гадливостью относившийся ко всякого рода эксцессам, как пьянство»…[621]

Это именно так! Ленин был искренне гадлив к тёмным «подворотням» духа и души. В июне 1914 года он писал Инессе Арманд из Поронина в Ловран:

«Прочёл сейчас, my dear friend, новый роман Винниченко, что ты прислала. Вот ахинея и глупость! Соединить вместе побольше всяких „ужасов“, собрать воедино и „порок“, и „сифилис“, и романическое злодейство с вымогательством денег за тайну (и с превращением сестры обираемого субъекта в любовницу), и суд над доктором! Всё это с истериками, с вывертами, с претензиями на „свою“ теорию организации проституток… Винниченко делает из неё нелепость, *смакует* её, превращает „конька“. В „Речи“ <…> про роман сказано, что подражание Достоевскому, и что есть хорошее. Подражание есть, по моему, и архискверное подражание архискверному Достоевскому. Поодиночке бывает, конечно, в жизни всё то из ужасов, что описывает Винниченко. Но соединить их все вместе и *таким* образом – значит, *малевать* ужасы, пужать и своё воображение и читателя, „забивать“ себя и его»[622]

Помянутый Лениным Винниченко – это украинский буржуазный писатель-националист, будущий коллега Симона Петлюры, председатель Украинской Директории 1918–1919 годов, и затем белоэмигрант В. К. Винниченко (1880–1951). А написал Владимир Ильич о его романе «Заветы отцов».

И как метко написал!

Не очень-то это похоже на «хрестоматийного» Ленина, а? Здесь ведь перед нами не «забронзовевшая» фигура, а живой, думающий, чувствующий человек, живая душа…

И ведь для того, чтобы отыскать ***такого*** Ленина, не надо забираться в спецхраны – достаточно открыть ленинский том писем за ноябрь 1910 – июль 1914 года.

Говорят, чтобы лучше всего спрятать что-то, надо положить его на самое видное место. Тома Собрания сочинений Ленина стояли на самом видном месте в любой советской библиотеке, ленинские работы – по «табельному» списку, изучали все советские студенты. И многие при этом зевали, – особенно девицы…

Глупо, конечно, – Ленин непреходяще интересен в огромном числе своих трудов, но его действительно подавали советской молодёжи в «замаринованном», так сказать, виде. А он – живой, стоял тут же, рядом – рукой подать, а точнее – руку протянуть!

Не пора ли, друзья, это, наконец, сделать?

Ведь я так часто ***прямо*** цитирую Ильича в том числе потому, что надеюсь: в результате у читателя возникнет интерес к собственному открытию Ленина, к собственному с ним тесному знакомству…

Перечитав, работая над этой книгой, выше приведённые строки письма Ленина к Инессе Арманд, я подумал – а что, если бы Ленин встал не только во главе России, но и во главе всего мира? Ведь в мире, пошедшем по пути Ленина, не было бы ни триллеров, ни киллеров, ни того вселенского опошления понятия «любовь мужчины и женщины», которое ныне сведено к механическому «сексу», да и то для многих – лишь по Интернету…

Вернёмся, однако, к ленинскому письму, где далее идёт вот что:

«Мне пришлось однажды провести ночь с больным (белой горячкой) товарищем – и однажды „уговаривать“ товарища, покушавшегося на самоубийство (после покушения) и впоследствии, через несколько лет, кончившего-таки самоубийством. Оба воспоминания a la (*франц*. „в духе“. – *С.К.*) Винниченко. Но в обоих случаях это были маленькие кусочки жизни обоих товарищей. А этот претенциозный махровый дурак Винниченко, любующийся собой, сделал отсюда коллекцию сплошь ужасов – своего рода „на 2 пенса ужасов“. Бррр… Муть,

ерунда, досадно, что тратил время на чтение…

Твой *В.И.*»[623]

Отношение к «ужасам» и прочей дряни здесь заявлено вполне определённо.

К слову, то, что Ленин часто обращался к Арманд «Дорогой друг!», «Dear friend!», само по себе ничего не значит. Письмо, например, Сталину («Для Васильева») от 6 декабря 1912 года из Кракова в Петербург начинается так же: «Дорогой друг, насчёт 9-го января крайне важно обдумать и подготовить дело заранее…», и т. д.[624]

Но и вообще обращение «Дорогой друг!» – если письмо было действительно к близкому товарищу, являлось для Ленина достаточно обычным.

Тем не менее, с Инессой Арманд отношения у Ленина были, как я понимаю, особыми, для Ленина уникальными. Судя по всему, Арманд без всяких околичностей любила Ленина, а он в какой-то мере тоже испытывал к ней чувства, очень далёкие от равнодушия. Арманд была редкой умницей среди красавиц и ещё более редкой красавицей среди умниц, увлечь могла и увлекала.

Однако Владимир Ульянов был человеком не только строгой мысли, но и строгих – прежде всего по отношению к себе – чувств. Порвать с Крупской он не мог ни в каком отношении: их связывало многое и многое, что редко выпадает большинству в жизни, а не в романе. Опускаться же до тривиального «любовного треугольника» он, конечно же, тоже не мог.

Оставалось одно: тактично отдалить Арманд от себя в точном и прямом смысле этого слова – отдалить географически, что Ленин и сделал в тот момент, когда чувства могли прорваться и у него.

То, что Крупская ***не*** ревновала к Арманд, прекрасно видно из всех тех аутентичных текстов, которые когда-либо вышли из-под пера Надежды Константиновны, – как из писем, так и из её воспоминаний. Везде она пишет об Арманд в тёплых и дружеских тонах. После смерти Инессы Крупская опубликовала о ней небольшую статью-некролог.

Но фактом является и то, что тон ленинских писем к Арманд нередко был более чем доверительным, и в некоторых случаях – вполне интимным, но опять-таки, интимным во вполне определённом и ныне практически утраченном смысле этого слова… Нормативное, по словарю, русское значение французского слова «intime» (от латинского *intimus* – самый глубокий, внутренний), – «глубоко личный, сокровенный, задушевный»… Вот ***такими*** и сложились отношения Ленина и Арманд – ***со стороны Ленина***! – душевно сокровенными и глубокими, задушевными…

Арманд была блестящей помощницей Ленина в деле связи со средой европейских социалистов – она ведь и сама не только по многоязычию, но и по натуре была европейкой, хотя и очень духовно обрусевшей.

И ещё одно – среди многих заграничных партийных коллег Ленина, далеко не всегда понимавших его и как человека, и как политика, Арманд была редким исключением: она не только верила Ленину и в Ленина, она его точно ***понимала*** – и как политика, и как человека! В полной мере это же можно сказать лишь ещё об одной женщине – самой Крупской!

Кроме, конечно, ещё и матери Ленина, Марии Александровны.

Интересны два ленинских письма Инессе Арманд от 17 и 24 января 1915 года… Арманд собиралась написать брошюру для работниц о проблемах любви и брака, и хотя план не осуществился, благодаря этому замыслу Арманд, которым она поделилась с Лениным, мы имеем прямое мнение Ленина по одной из вечно животрепещущих тем.

В первом письме Ленин размышляет:

«§ 3 – „требование (женское) свободы любви“ советую вовсе выкинуть. Это выходит… не пролетарское, а буржуазное требование. В самом деле, чту Вы под ним понимаете? Что *можно* понимать под этим?

1. Свободу от материальных (финансовых) расчётов в деле любви?
2. То же от материальных забот?
3. от предрассудков религиозных?
4. от запрета папаши etc. (и так далее, – *С.К*)?
5. от предрассудков „общества“
6. от узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной) среды?
7. от уз закона, суда и полиции?
8. от серьёзного в любви?
9. от деторождения?
10. свободу адюльтера (супружеской измены. – *С.К.*) и т. д.

Я перечислил много (не все, конечно) оттенков. Вы понимаете, конечно, не №№ 8—10, а или №№ 1–7 или *вроде* №№ 1–7.

Но для №№ 1–7 надо выбрать иное обозначение, ибо свобода любви не выражает точно этой мысли.

А публика, читатели брошюры *неизбежно* поймут под „свободой любви“ нечто вроде №№ 8—10…

Именно потому, что в современном обществе классы, наиболее говорливые, шумливые и „вверхувидные“, понимают под „свободой любви“ №№ 8—10, именно поэтому сие есть не пролетарское, а буржуазное требование.

Пролетариату важнее всего №№ 1–2, и затем №№ 1–7, а это собственно не „свобода любви“.

Дело не в том, чту Вы *субъективно* хотите понимать под этим. Дело в *объективной логике* классовых отношений в делах любви.

Friendly shake hands („Дружески жму руку!“. – *С.К.*)

W. I.»[625]

Ленинские мысли за прошедший с момента их высказывания век не только не устарели, но стали в эпоху «гражданских браков» лишь более злободневными. Ведь разрушение традиционного института брака – не примета времени, а результат сознательных действий класса имущих, дополнительный рычаг манипулирования массами. А названные Лениным «наиболее говорливые, шумливые и „***вверху***видные“ классы» и есть современный «креативный» «класс», пошлый во всех своих проявлениях, а особенно – в «любовных»…

Арманд – возможно потому, что она была в этом вопросе не очень-то объективна – возражала, и Ленин пишет ей ещё одно письмо «по теме», часть которого ниже привожу:

«*Буржуазки* понимают под свободой любви пп. 8-10 – вот мой тезис.

Опровергаете Вы его? Скажите, чту *буржуазные* дамы понимают под свободой любви?

Вы этого не говорите. Неужели литература и жизнь не *доказывают*, что буржуазки именно это понимают? Вполне доказывают. Вы молча признаёте это…

„Даже мимолётная страсть и связь“ „поэтичнее и чище“, чем „поцелуи без любви“ (пошлых и пошленьких) супругов. Так Вы пишете. И так собираетесь писать в брошюре. Прекрасно.

Логичное ли противопоставление? Поцелуи без любви у пошлых супругов *грязны*. Согласен. Им надо противопоставить… что? Казалось бы: поцелуи *с любовью?* А Вы противопоставляете „мимолётную“ (почему мимолётную?) „страсть“ (почему не любовь), выходит, по логике, будто

поцелуи без любви (мимолётные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским… Странно…

Если брать тему: казус, индивидуальный случай грязных поцелуев в браке и чистых в мимолётной связи, – эту тему надо разработать в романе (ибо тут весь *гвоздь* в *индивидуальной* обстановке, в анализе *характеров* и психики *данных* типов). А в брошюре?»[626]

В этой полемике на общие темы угадывается и личный спор о самих себе, но как раз это лишний раз доказывает, что Ленин был вполне прям и искренен в своей позиции: «свобода любви» в постановке пункта № 10 его не привлекала, ни как принцип, ни как индивидуальный случай…

Мы имеем и ещё одно, вне сомнений, точное и достоверное изложение взглядов Ленина на «проблему», принадлежащее, правда, не самому Ленину, а Кларе Цеткин. Летом 1920 года в Москве проходил II конгресс Коминтерна, и Ленин тогда беседовал с Цеткин – старинной своей знакомой со времён эмиграции, на те или иные темы. Как можно догадаться, Цеткин или стенографировала, или записывала услышанное в записную книжку сразу после того, как оставалась одна. Общий объём её записей составляет около трёх десятков страниц стандартного книжного формата, поэтому ограничусь лишь тремя наиболее «ударными» цитатами…

1) «…Говорят, что наибольшим распространением пользуется брошюра одной венской коммунистки о половом вопросе. Какая ерунда эта книжка! Упоминание в брошюре гипотез Фрейда придаёт ей как будто „научный“ вид, но всё это кустарная пачкотня. Теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда. Я отношусь с недоверием к теориям пола в… той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества. Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощён вопросами пола, как индийский факир – созерцанием своего пупа. Мне кажется, что это изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, вытекает… из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь… Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне так же противно, как и любовное копание в вопросах пола…»[627]

2) «…Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая „новая половая жизнь“ молодёжи – а часто и взрослых – кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости… Вы, конечно, знаете, знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории „стакана воды“ наша молодёжь просто взбесилась, прямо взбесилась… Приверженцы её утверждают, что теория эта марксистская. Спасибо за такой „марксизм“…

Энгельс в „Происхождении семьи“ указал на то, как важно, чтобы половая любовь развилась и утончилась… Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питьё воды – дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к обществу…»[628]

И ещё одна, третья цитата, уже выходящая за рамки «вопросов пола», но убедительно этим «вопросам» противостоящая:

3) «Молодёжи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт –

гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода, – разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование и всё это по возможности совместно! Всё это даёт молодёжи больше, чем дискуссии по вопросам пола и так называемого „использования жизни“. В здоровом теле здоровый дух! Не монах, не Дон Жуан, но и не германский филистер (обыватель. – *С.К.*) как нечто среднее…»[629]

Цеткин пишет, что, услышав всё это, пожалела, что эти слова «не слыхали сотни, тысячи людей»…

Ленин в ответ добродушно усмехнулся и сказал, что, может быть он «когда-нибудь» скажет речь или напишет «о затронутых вопросах», а «сейчас всё время и все силы должны быть сконцентрированы на другом».

Тогда только-только окончилась неудачная для РСФСР советско-польская война, в Крыму ещё был Врангель… Позднее «более важных, более тяжёлых забот» тоже хватало, а Ленин не привык выпускать свои мысли на народ без тщательного их обдумывания и большой предварительной работы…

К тому же, он не считал себя здесь безапелляционно компетентным – та же Цеткин вспоминала, как Владимир Ильич, хохоча, сказал ей по поводу новой «живописи», изображающей треугольные и т. д. «л***и***ца»:

– Да, дорогая Клара, ничего не поделаешь, мы оба старые. Для нас достаточно, что мы, по крайней мере в революции остаёмся молодыми и находимся в первых рядах. За новым искусством нам не угнаться, мы будем ковылять позади.

К различным «…измам» Ленин относился критически. Он исходил из того, что надо просто дать народу подлинное искусство, и говорил Цеткин:

– Важно не то, что даёт искусство нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно объединять чувство, мысль и волю масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их… Мы не только «снимали головы», как в этом обвиняют нас меньшевики всех стран и на вашей родине – Каутский, но мы также просвещали головы: мы много голов просветили[630]…

Даже в изложении Цеткин мысли Ленина о духовной стороне жизни нового общества оказываются самобытными и обнаруживают абсолютно и редкостно духовно здоровую натуру Ильича…

Сегодня договариваются до того, что большевики якобы поддерживали психоанализ, создавали фрейдистские общества, разрушали семью… Что ж, Троцкому действительно принадлежит работа «Вопросы быта», а Александра Коллонтай проповедовала «свободную любовь». Но это был не магистральный путь в новой возникающей жизни, а окольные стёжки-дорожки, по которым пытались идти и вести за собой других когда неумные дураки, когда – распущенные люди, а когда – и просто враги, которые уже поняли, что пуля – далеко не всегда самый убедительный и эффективный способ борьбы против нового строя жизни.

Ленину не суждено было самому пресечь «сексуально-ориентированные» перехлёсты, поощряемые, как правило, троцкистами, но отношение Ленина к институту семьи было вполне определённым, то есть – разумным. Ещё осенью 1916 года он в статье «Карикатура на марксизм», говоря о том, что «нельзя быть демократом и социалистом, не требуя полной свободы развода, ибо отсутствие этой свободы есть сверхпритеснение женщины», далее прибавлял: «Хотя вовсе нетрудно смекнуть, что признание *свободы* ухода от мужей не есть *приглашение* всем жёнам уходить!»[631]

В одном из ленинских писем Арманд – от 17 декабря 1917 года, есть любопытный постскриптум: «*P. S. Что за человек жена Усиевича? Кажись, энергичная? Сделает ли он из неё большевичку или она из него ни то ни сё*?»[632]

Речь здесь о 26-летнем Григории Усиевиче – большевике с недолгой, но яркой судьбой. Он был одним из рядовых, «полевых», так сказать, «офицеров» партийной «армии» Ленина и заслуживает того, чтобы о нём знали и помнили.

Григорий Александрович Усиевич (1890–1919) родился в зажиточной семье купца на Черниговщине, жил в Тамбове, после окончания гимназии учился на юридическом факультете Петербургского университета, с 1908 года – член Петербургского комитета большевиков. Был арестован и после двух лет одиночного заключения сослан на вечное поселение в Канск Енисейской губернии, жил и на станции Тинской (откуда и его партийный псевдоним «Тинский»), сотрудничал в большевистском журнале «Просвещение»… В 1914 году из ссылки бежал в Петербург, а затем – за границу. Добравшись до Австро-Венгрии в первый день войны, был там арестован, угодил в концентрационный лагерь до 1916 года. Лишь после долгих хлопот австрийских социал-демократов Усиевича выпустили, и он уехал в Швейцарию к Ленину…

А жена Усиевича – Елена Кон (1893 г. – не ранее 1978 г.), это дочь видного деятеля международного рабочего движения Феликса Кона (1864–1941), впоследствии члена Исполкома Коминтерна, члена ВЦИК и ЦИК СССР… С 1915 года она входила в Бернскую секцию большевиков, после Октябрьской революции работала в подполье на Украине во времена ставленника немцев «гетмана» Скоропадского, затем – в Москве в ВЧК и ВСНХ, а позднее перешла на литературно-издательскую работу…

Как видим, Григорий Усиевич из Елены Кон большевичку-таки, сделал!

Григорий и Елена Усиевичи выехали весной 1917 года в Россию в той же группе, что и Ленин – в том самом «пломбированном» выгоне, и Николай Стариков, ныне аттестует список выехавших как чуть ли не «платёжную ведомость»… На судьбе Григория Усиевича – если мы проследим её после приезда Усиевича на родину, гнусность такой оценки выявляется особенно чётко.

Вернувшись в 1917 году в Россию, Григорий Усиевич был делегатом VI съезда РСДРП(б), входил в Московский военно-революционный комитет и оперативный штаб по подготовке вооружённого восстания, в Октябре 1917 года возглавлял красногвардейский отряд, захвативший Московскую телефонную станцию. Весной 1918 года Усиевича направляют в Сибирь, с мая 1918 года он – член Военно-революционного штаба в Омске, затем – председатель Военно-революционного штаба в Тюмени и военный комиссар Западно-Сибирского фронта против белочехов. После захвата белочехами Тюмени отступил с войсками на Камышлов и 9 августа 1919 года погиб в бою под селом Горки.

Крупный грузинский большевик Миха Цхакая (1865–1950), вспоминал, как весной 1916 года после реферата, прочитанного Лениным в Женеве, они долго бродили «по берегу реки (возможно, Цхакая имел в виду берег Женевского озера, а, возможно, и берег Роны. – *С.К.*)»… Цхакая писал свои воспоминания через много лет, но то, о чём он вспомнил, обычно врезается в память, так что я без сомнений в достоверности описываемого привожу запись Цхакая:

«С нами был ещё один молодой эмигрант товарищ Жорж. Была чудесная лунная ночь. Кругом тишина, покой. Ленин заговорил о близком и волнующем всех нас – о положении дел в России, о вызванных войной затруднениях в связи с Россией. Ильич сидел рядом со мной на скамье, товарищ Жорж стоял перед нами, облокотясь на перила набережной.

Я спросил Ильича:

– Дождёмся ли мы с вами, Ильич, очередной революции в России?

Мой вопрос, очевидно, прервал течение его мысли, и Ильич, слегка удивлённо взглянув на меня, не ответил на вопрос прямо, а в свою очередь спросил:

– Сколько вам лет, товарищ Миха?

– С лишним пятьдесят. А вам?

– Не так давно от вас, более сорока пяти, – и добавил: – Что ж, если мы не дождёмся революции, то вот он, – Ильич указал на товарища Жоржа, – во всяком случае дождётся. Мы своё всё же будем продолжать, а что не закончим мы, продолжат они, наша молодёжь…»[633]

Упомянутый Цхакая «товарищ Жорж» – это и есть Григорий Усиевич.

Ленин, совершив Октябрьскую революцию, умер в 1924 году. Цхакая, вместе с Лениным возвратившийся в Россию во всё том же пресловутом «пломбированном» вагоне, работал в Грузии, устанавливал там Советскую власть, занимал в СССР Сталина крупные посты и умер в 1950 году…

А Усиевич в 1919 году погиб.

Вот как бывает.

Возвращаясь же к ленинскому постскриптуму об Усиевичах в письме Арманд, скажу, что эти строки хорошо иллюстрируют взгляд Ленина на подлинно гармоничный союз мужчины и женщины – это должен быть союз не только единомышленников, но и союз активных борцов за жизнь!

Гёте принадлежат прекрасные слова: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идёт за них на бой!». Но для Гёте, веймарского вельможи, это была скорее поэтическая формула, а вот для Ленина это было принципом реальной жизни борца… И уж кто-кто, а Ленин был достоин жизни и свободы так, как мало кто другой! И интересовала его всегда живая жизнь. Крупская, описывая их житье-бытьё в Лондоне и Париже, сообщала интересные факты:

«Он не ходил смотреть лондонские музеи – я не говорю про Британский музей, где он проводил половину времени, но там его привлекал не музей, а богатейшая в мире библиотека, те удобства, с которыми можно было там научно работать. Я говорю про обычные музеи. В музее древностей через 10 минут Владимир Ильич начинал испытывать необычную усталость, и мы обычно очень быстро выметались из зал, увешанных рыцарскими доспехами, бесконечных помещений, уставленных египетскими и другими древними вазами. Я помню только один музейчик, из которого Ильич никак не мог уйти – это музей революции 1848 года в Париже, помещавшийся в одной комнатушке, – кажется, на rue des Cordiliйres, – где он осмотрел каждую вещичку, каждый рисунок»[634].

На первый взгляд это – удивительно и не очень понятно! А как же – «гармоничное развитие», «богатство натуры», «развитая духовная сфера» и т. п., что нормативно связывали с Лениным его советские биографы?

Но то-то и оно, что Ленин был настолько цельной личностью – вспомним слова Фёдора Дана о его «круглосуточной» нацеленности на революцию, что мог черпать силы духа в самом себе и в том деле, которым жил.

Представим себе крупного, гениального учёного, сосредоточенного на решении некой фундаментальной научной проблемы, требующей освоения огромного массива научной информации, обдумывания методики исследований, и вообще размышлений… Да ещё и учёного, организующего деятельность работающего на проблему коллектива учёных…

До «Лебединого» ли «озера» ему?

До «Гамлета» ли с его «Быть или не быть?»

Для нашего учёного вопроса нет – быть и только быть! Быть и работать – по 25 часов в сутки, отдыхая лишь для того, чтобы сохранять работоспособность.

Осудит ли кто-либо такого учёного за якобы «узость» интересов?

Конечно, так могут жить и живут не все, а лишь действительно крупные натуры. Но Ленин ведь и был крупной, крупнейшей интеллектуальной величиной, натурой, замахнувшейся на то, чтобы не объяснить несовершенства общества, а исправить их, создавая принципиально иное общество!

Вот почему ему были скучны принадлежавшие давно ***мёртвому*** обществу сокровища гробницы Тутанхамона, зато он, как вспоминала Крупская, любил в Лондоне «забираться на верх омнибуса и подолгу ездить по городу», не глазея на жизнь крупнейшей европейской столицы, а ***изучая*** её – живую жизнь ***живого*** общества.

Владимир Ульянов, по мере нравственного и политического возмужания постепенно ставший Владимиром-«Николаем» Лениным, год от года резко прибавлял в своём развитии и как личность, и как политик. Он постоянно – не думая об этом, как о задаче, а просто совершенствуя и развивая себя, готовил себя к той будущей всемирно-исторической роли, которую он мог со временем сыграть, а мог – уж что-что, а это Ленин понимал – ***и не сыграть***.

Но он давно был готов к власти, к большой власти, готов к тому, чтобы стать вождём народов России.

Готов и как человек, и как политик.

Опять-таки Гёте сказал о Наполеоне, что для него власть была тем же, что инструмент для великого музыканта: как только власть оказалась у него в руках, он сразу стал ей мастерски пользоваться.

В намного большей мере такое сравнение подходит Ленину – он был готов взять руль российской государственной власти в руки в любой момент и был готов держать этот руль крепкой, уверенной рукой. Когда в 1917 году он со всем своим опытом – политическим, жизненным, житейским, психологическим и нравственным, накопленным за 47 лет жизни, вернулся на Родину и вновь погрузился в политику, он сразу показал себя великим политиком.

И теперь это была уже не конспиративная, не нелегальная деятельность политического изгнанника. Это была работа национального политического лидера, известного всей стране, политика, за которым уже весной 1917 года пошла немалая часть народной массы и который стремительно наращивал влияние своей партии и своё личное – как в партии, так и в народе, вплоть до Октября 1917 года и после…

И это был совершенно новый не только по приёмам, но и по нравственности, тип политика – политика-большевика.

Характеристику большевизма как политического течения Ленин давал в своих работах не раз, и не два, но приведу его пояснения, данные для книги русского библиографа Н. А. Рубакина «Среди книг» в 1913 году (жирный шрифт мой. – *С.К.*):

«Происхождение большевизма неразрывно связано с борьбой так называемого экономизма (оппортунизма, отрицавшего **политическую** борьбу рабочего класса и его **руководящую** роль) против революционной социал-демократии в 1897–1902 гг.

….Большевики ставили целью рабочего класса в буржуазно-демократической революции: доводить её **до конца**, вести **за собою** демократическое **крестьянство**, вопреки изменам либерализма»[635].

Там же, к слову, Ленин сообщал, что «главные писатели большевики: Г. Зиновьев, В Ильин (то есть, – он сам, – *С.К.*), Ю. Каменев, П. Орловский (В. В. Воровский. – *С.К.*) и др.»

Итак, большевизм, это: организация народа при ведущей роли рабочего класса, имеющая целью завоевание народом политической власти. Так на дело Ленин смотрел всегда, это было его целью ***до*** совершения Октябрьской социалистической революции.

Но ***после*** Октябрьской революции большевизм как течение политической мысли всё более становился политикой, результатом которой должен был стать новый человек, способный создать новое общество. Такую задачу – не сбиваясь на рассуждения о «вопросах пола», Ленин и поставил перед молодой Россией 2 октября 1920 года в речи на III Всероссийском съезде комсомола – Российского Коммунистического Союза Молодёжи.

И поставил её так:

«Нам нужно подробно остановиться на вопросе о том, чему мы должны учить и как должна учиться молодёжь… Первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что союз молодёжи и вся молодёжь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учится коммунизму…

Что же нам нужно для того, чтобы научиться коммунизму?

…Естественно, что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму – это значит усвоить тут сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах… Но это не значит, что мы может ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. **Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество**»[636].

Это было сказано на уровне чеканной формулы, и это стало не лозунгом, а перспективной программой новой России. А своего расцвета ленинская ориентация Советской власти на гармоническое развитие молодёжи достигла уже в виде классической сталинской системы образования. Именно эта система дала России конструкторов оружия Великой Отечественной войны, физиков, решивших Атомную проблему, ракетчиков, запустивших в космос Первый спутник и Гагарина, инженеров, построивших Братскую ГЭС и атомный ледокол «Ленин»…

Эта ленинско-сталинская система образования во второй половине 50-х годов стала информацией к размышлению над путями коренной реформы народного образования в Соединённых Штатах Америки…

Однако мы забрались очень уж далеко вперёд – пока что у нас лето 1914 года, преддверие Первой мировой войны…

Положение Ленина в последний год перед мировой войной в определённой мере стабилизируется в том смысле, что он устойчиво распределяет своё время и внимание по трём основным направлениям: 1) партийная работа большевиков в России, 2) упрочение связей и влияния большевиков в европейском социалистическом движении и 3) партийная публицистика…

Последнее весьма для Ленина важно, к тому же имеется, слава богу, и необходимая трибуна. Он публикует статьи в «Правде» («Рабочей Правде», «Пролетарской Правде», «Пути Правды»), в «Социал-Демократе»…

Темы – самые разные, но в любом случае целью является политическое просвещение масс рабочих России, и Ленин делает это разными способами. Так, в № 124 «Правды» появляется короткая, но информативная статья Ленина «Об отпусках для рабочих», где он анализирует статистику предоставления отпусков у «рабочих по металлу» в Германии и делает вывод: «Достаточно уменьшить прибыль (заводчикам. – *С.К.*) на 2 проц. всего-навсего, чтобы обеспечить всем рабочим возможность получать правильные отпуска» (ПСС, т. 23, с. 191)…

В начале 1914 года в № 19 «Пролетарской Правды» (очередной ипостаси периодически закрываемой «Правды») он печатает статью с броским заголовком: «4000 рублей в год и 6-ти часовой рабочий день» (ПСС, т. 24, с. 271), где рассматривается ситуация уже в Америке.

Ленин с полным одобрением сообщает, что у «сознательных американских рабочих» есть «только один политический вопрос – вопрос о доходе рабочих и об их рабочем дне», замечая при этом, что «русскому рабочему на первый взгляд покажется крайне странным и непонятным такое сведение всех социальных и политических вопросов к одному. Но в Соединённых Штатах Америки, в самом передовом государстве с почти полной политической свободой и наиболее развитыми демократическими учреждениями, при громадных успехах производительности труда, – вполне естественно, что вопрос о социализме выдвигается в первую очередь»…

Политический эффект здесь обеспечивался сопоставлением, которое должно было навести мало-мальски думающего российского рабочего на мысль – а чем он хуже немца или американца, которые уже и «правильных» отпусков, пусть и не все пока, добились, и даже на 6-тичасой рабочий день при повышении зарплаты замахиваются, хотя и так имеют заработок в пять раз выше среднероссийского?

Вывод напрашивался сам собой: надо сломать самодержавие…

Интересна – как информация к размышлению и сегодня – статья Ленина «Капитализм и иммиграция рабочих», опубликованная в № 23 газеты «За Правду» (всё та же «Правда» под очередным названием) от 29 октября 1913 года. Ленин приводит в ней данные по эмиграции в США и в Германию промышленных рабочих из других стран и пишет (ПСС, т. 24, с. 91):

«Россия всё более отстаёт, отдавая загранице часть лучших своих рабочих; Америка всё быстрее идёт вперёд, беря со всего мира наиболее энергичное, способное к труду рабочее население»…

Ничего эта ситуация ***вековой*** уже давности, не напоминает нынешним «дорогим россиянам», а?

Однако основное – текущие партийные дела, которые непросты. Осенью 1913 года в Поронине Ленин собирает совещание членов ЦК и думских депутатов-большевиков, названное по конспиративным соображениям «летним», «августовским»…

Кроме Ленина, Зиновьева, Каменева и Крупской в Поронине собрались депутаты Бадаев, Малиновский (агент охранки, – *С.К.*), Петровский, Муранов, Шагов, а также – как сообщалось в циркуляре Департамента полиции МВД № 107322 от 30 ноября 1913 года: «10) Трояновский Александр Антонов, дворянин Варшавской губ., 11) Шотман Александр Васильев, крестьянин Выборгской губ., 12) Арманд, урождённая Стефен, Инесса (Елизавета) Фёдорова, жена потомств. почётн. гражданина, домашняя учительница, 13) Балашов, крестьянин Московской губ., 14) Новожилов (Я. Т. Новожилов, рабочий, из крестьян, – *С.К.*), 15) Лобов Алексей Иванов (бывший студент Московского Коммерческого института, провокатор – *С.К.*), 16) Розмирович Елена Фёдорова, жена Трояновского, мещанка Елизаветграда, 17) Дерябина Серафима Иванова, дворянка, 18) Феодосий Иванов, мещанин Ростова-на-Дону, бывший студент Московского и С.-Петербургского Университета…»

Как отмечал тот же циркуляр, в Поронине были 4 представителя Социал-Демократии Польши и Литвы: Ганецкий-Фюрстенберг, «литератор Каменский» и «неустановленные „Андрей“ (вторично по ошибке посчитанный Я. С. Ганецкий, – *С.К.*) и „Х“(Б. Г. Данский, – *С.К.*)»[637].

После совещания Ленин смотрел в будущее оптимистично. В Извещении о «Летнем Совещании Центрального Комитета РСДРП с местными работниками», изданном вместе с резолюциями совещания отдельной брошюрой в декабре 1913 года, говорилось:

«Путь намечен. Партия нашла основные формы работы в нынешнюю переходную эпоху. Верность старому революционному знамени испытана и доказана в новой обстановке. Самое трудное время позади, товарищи. Наступают новые времена. Надвигаются величайшей важности события, которые решат судьбу нашей родины.

За работу же!»[638]

В Государственной Думе к концу 1913 года «шестёрка» большевиков полностью порвала с меньшевистской «семёркой», и этой стороне работы Ленин тоже уделял много сил: отслеживал положение, передавал в Питер указания, выступал со статьями. 25 октября 1913 года – ровно за четыре года до Октябрьского восстания, к слову, – он писал в газете «За Правду» в статье «Думская „семёрка“»:

«Семёрка рассуждает всё время *исключительно* о думской работе, о *думской* с-д. деятельности!

Вне Таврического дворца (там заседала Дума. – *С.К.*) для семёрки *ничего* организованного не существует… Крики семёрки о единстве напоминают известный анекдот: семеро хотят „объединиться“ с шестью, как человек „объединяется“ с куском хлеба. Он его *съедает.*

Семеро беспартийных хотят съесть шестёрку марксистов и требуют, чтобы это названо было „единством“…»[639]

Для ясности напомню, что думскую меньшевистскую «семёрку» возглавлял Чхеидзе – личность, в особой аттестации не нуждающаяся.

Итак, Ленин убеждён в верности размежевания с меньшевиками, меньшевики же обвиняют его в «расколе» и захвате партийной кассы. А Каутский в декабре 1913 года на заседании Международного социалистического бюро в Лондоне, обсуждавшем «русский вопрос», заявляет, что в России «старая партия исчезла». В тоже время партийные организации «на местах» настаивают на объединении усилий как в рамках думской деятельности, так и в остальном.

Интересна оценка ситуации с другой стороны баррикад, например, в циркуляре Департамента полиции № 172935 от 15 июня 1914 года, где говорилось:

«Сознавая, что фракционные раздоры и увлечение бесплодной литературной полемикой оторвали от активной организационной работы весьма значительное число наиболее видных и серьёзных партийных работников и что систематическая работа розыскных организаций успела… ослабить даже солидно поставленные крупные партийные учреждения, все социал-демократы, независимо от их фракционности, теперь усиленно стремятся наладить разрушенную работу партии…

Наибольшую энергию в указанном отношении проявили представители большевистской „ленинской“ фракции (правдисты), решившие устроить партийный съезд… По предложениям правдистского центра… наиболее вероятен успех работы по подготовке… в следующих местах: Петербург, Москва с прилегающей областью, Киев, Харьков, Екатеринослав, Одесса, Николаев, Кременчуг, Вологда, Архангельск, Гомель, Двинск, Урал, Волга, Кавказ, Сибирь и Донецкий каменноугольный район…

С другой стороны, ликвидаторы опасаются оказаться в меньшинстве на съезде…»

Охранный циркуляр констатировал при этом, что и большевики, и меньшевики-ликвидаторы намерены совершить «объезды различных местностей Империи видными и активными работниками данного момента и возможно широкое устройство областных и общегородских конференций и совещаний…»[640]

КАК видим, благодаря внедрённой агентуре, охранники были неплохо осведомлены о

внутрипартийных делах, но провокация всегда была бичом всех противостоящих власти партий – даже оппозиционных буржуазных. Тем более нельзя было полностью избавиться от провокации партиям нелегальным. Достаточно напомнить, что гордость партии эсеров, руководитель эсеровских боевиков знаменитый Евно Азеф был агентом «охранки».

В партии же большевиков наиболее серьёзным «проколом» оказался Роман Малиновский. Он несомненно обладал политическим талантом, почему и был выдвинут в думские депутаты. Ленин относился к Малиновскому с теплотой и доверием, Малиновский же предавал. Но когда товарищем министра внутренних дел был назначен В. Ф. Джунковский – фигура колоритная и сложная, он сообщил о подлинном лице депутата Малиновского председателю Государственной думы Родзянко и предложил Малиновскому подать в отставку, что тот 8 мая и сделал.

Считается, что Джунковский боялся громкого политического скандала, но, возможно, он боялся другого – такого роста популярности начавшего круто «раскручивать» себя агента, когда он окажется уже неуправляемым и для провокации потерянным. Ведь в России открывался новый этап активности масс, о чём – чуть позже.

В истории с Малиновским много такого неясного, что вряд ли она когда-либо будет прояснена до конца – письменных документальных свидетельств подобные казусы не оставляют, а любой незаурядный «двойник» – это всегда сложнейший комплекс чувств, мотивов, побуждений.

Не исключаю, что Малиновский, почувствовав себя партийным лидером, пытался избавиться от охранной службы и резко активизировался как крайне левый депутат.

30 октября 1913 года он первым подписал думский запрос правительству по поводу провокации Столыпина против II Думы в июне 1907 года и произнёс речь, сделавшую его популярным.

22 апреля 1914 года Малиновский участвовал в бурной обструкции, устроенной премьеру Горемыкину 24 депутатами (социал-демократы + трудовики), и был в числе других исключён на 15 заседаний, но повёл себя ещё острее. Возможно, он рассчитывал, что такое поведение страхует его в глазах Ленина и партии, и если охранники нажмут, то он сможет оправдаться тем, что дело против него сфальсифицировано «охранкой».

Чего-то в этом отношении Малиновский, пожалуй, добился – хотя его спонтанный (в глазах партии), «самовольный» уход из Думы был резко осуждён и Малиновского исключили из партии, уехал он в Поронин к Ленину.

Видя лишь внешнюю сторону ситуации – личную и непонятную, но явную драму Малиновского, Ленин встал на его защиту. В № 3 газеты «Рабочий» (той же «Правде») за 22 мая 1914 года он опубликовал под псевдонимом «Правдист» статью «Ликвидаторы и биография Малиновского», где полностью приводил крайне лестную для Малиновского статью «Р. В. Малиновский (Депутат от московских рабочих)», опубликованную в ликвидаторской газете «Луч» в октябре 1912 года, и далее писал:

«В таких почётных выражениях писали *сами ликвидаторы о большевике Малиновском 2 года тому назад*. Да и могло ли быть иначе после работы Малиновского, прошедшей перед всеми рабочими? Даже ликвидаторы, уже и тогда его политические враги, не могли отказать ему в огромном уважении…

А когда Малиновский оказался резким противником ликвидаторства, когда он сделал шаг, который сам же вскоре должен был признать глубоко ошибочным (уход из Думы. – *С.К.*), – нет такой грязной клеветы, которой ликвидаторы не подобрали бы в мусорной куче черносотенных газет и не бросили бы в бывшего депутата, которого они же осыпали похвалами.

Что Малиновский при его политической биографии и таланте играл бы видную роль в любой фракции, что ликвидаторы посадили бы его под образа, если бы он солидаризировался с

ними, это все знают. А ликвидаторы не стыдятся говорить, что Малиновского выдвинул раскол.

Стыдно за людей, когда видишь, что личное несчастье одного человека пытаются использовать для борьбы с враждебным политическим направлением…»[641]

Ленин не ошибался в том, что уход Малиновского оппоненты раздувают в своих целях, но ошибался, веря в невиновность Малиновского, ославляемого ренегатом. Однако не только Ленин, но и многие в партии видели в Малиновском чуть ли не будущего русского Бебеля, так что основания видеть в казусе с Малиновским всего лишь происки политических врагов у Ленина были.

И хотя слухи о провокаторстве Малиновского ширились, партийная комиссия в составе Ганецкого, Ленина и Зиновьева к одному какому-то выводу не пришла. Позднейшее же эмигрантское заявление жандарма Спиридовича насчёт того, что Ленин-де «знал» о провокаторстве Малиновского, но «допускал», что Малиновский как депутат «принесёт больше пользы для партии и причинит вред правительству», не выдерживает никакой критики. Ленин в политическом идиотизме замечен никогда не был, так что версия Спиридовича может восприниматься всерьёз лишь специфически-определённой частью участников форумов Интернета.

Известный разоблачитель провокаторов (именно он разоблачил Азефа) Владимир Бурцев (1862–1942) тоже – в тот момент – счёл провокатуру Малиновского невероятной. «Совершенно выбитый из колеи, растерянный, – вспоминала Крупская, – Малиновский околачивался в Поронине. Аллах ведает, что он переживал в это время»…

Потом Малиновский «растворился» во мгле войны, но в 1918 году добровольно вернулся в Россию, отдался в руки Советской власти и был по приговору Верховного трибунала расстрелян. О том, что будет, скорее всего, так, он не мог не знать. Тем не менее, он вернулся.

Повторяю: в психологии иуд сам чёрт ногу сломит… Ведь так же, как Малиновского, сложно понять тех же Горбачёва, Ельцина и всех «ельцинских птенцов» – до Путина включительно.

Версия же о том, что Джунковский дезавуировал Малиновского просто потому, что стал опасаться его не «охранной», а «большевистской» ипостаси, вполне имеет право на существование, если помнить, что летом 1914 года в России назревало что-то вроде революционного кризиса.

А, может быть, и мощный кризис…

Ещё год назад Центральный Комитет призвал рабочих отметить 1 мая митингами, демонстрациями и маёвками, но особого отклика этот призыв в массах не получил, 1 мая 1913 года прошло для властей достаточно спокойно.

В 1914 же году началось с забастовок в очередную годовщину 9 января, продолжилось стачками по поводу массовых отравлений работниц на предприятиях Петербурга. После изгнания из Думы на 15 заседаний рабочих депутатов в Петербурге прошли забастовки протеста, а в Баку после маёвки началась всеобщая забастовка. Её поддержали в обеих столицах и в ряде других городов.

3 июля полиция стреляла в 12-тысячный митинг рабочих Путиловского завода. Петербургский комитет РСДРП призвал к забастовке, и 4 июля бастовало уже 90 тысяч, 7-го – 130 тысяч, 11-го – 200 тысяч… В Питере, в Баку и Лодзи появлялись баррикады… Стачечное движение было шире, чем летом 1905 года, а реакционная печать публиковала статьи с заголовками типа: «Бадаева на виселицу»…

8 июля 1914 года была закрыта – на этот раз окончательно – «Правда», начались массовые аресты большевиков.

Такие вот закручивались дела, и на август 1914 года Ленин намечал проведение нового съезда партии. К концу июля 1914 года подготовка была почти закончена – избраны делегаты, выработаны наказы местных организаций, решены вопросы техники – явки, маршруты, паспорта[642]…

Однако Золотая Элита Капитала планировала иначе – до начала Первой мировой бойни оставались считанные недели…

Глава 25. «Циммервальдская левая» versus «циммервальдской правой»

Лето 1914 года надолго стало последним мирным летом в Европе. Но знали об этом заранее лишь немногие ***посвящённые***, и нельзя сказать, что война носилась тогда в воздухе… Наоборот, Европа и не подозревала, что она – накануне вселенского кровавого мордобоя! Даже после убийства в боснийском Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, Париж более волновал процесс мадам Кайо – жены французского министра финансов Жозефа Кайо. Мадам Кайо убила редактора «Фигаро» Кальметта за то, что тот опубликовал в целях дискредитации пикантные письма её мужа.

Однако ***посвящённые*** – те, кто задумал и подготовил эту войну, вели мир к войне последовательно и обстоятельно.

Полковник Хауз – личный представитель нового президента США Вильсона, избранного американским «электоратом» как «президент мира», но избранного ***посвящёнными*** в качестве «президента войны», инспектировал Европу на предмет готовности её «верхов» к развязыванию войны…

Требовалось проверить также готовность к отправке на бойню «низов» Европы, и особенно – в такой плохо предсказуемой стране, как Россия. Для «накручивания хвоста» царю Николаю и обеспечения восторгов «чистой» российской публики в Петербург отправился президент Французской республики Пуанкаре, а настроение рабочим России должны были поднять вожди II Интернационала, которые к 1914 году окончательно стали обслуживать в рабочем движении интересы Капитала.

Одним из этих «вождей» был бельгийский социал-демократ Эмиль Вандервельде, который считался, наряду с русским Плехановым и французом Жаном Жоресом, мировым оратором. Он-то и отправился летом 1914 года в Питер – к «братьям-рабочим».

Как ни странно, при всей прозрачности ***задания*** Вандервельде, на ***его*** визит – в отличие от визита Пуанкаре, советские историки особого внимания не обращали. А появление Вандервельде в России накануне войны стуит, вообще-то, отдельного исследования – очень уж оно хорошо иллюстрирует согласованность действий европейских «рабочих вождей» и мировой Золотой Элиты.

Здесь же придётся ограничиться голой сутью…

В начавшемся XX веке ***только*** пролетариат России оказался способным на крупнейшее политическое, притом – ***вооружённое***, выступление в 1905 году. Брались в 1905–1907 годах за вилы и миллионы российских крестьян.

Поэтому мировых организаторов мировой войны не мог не волновать вопрос: «Можно ли рассчитывать на русскую массу как на послушное „пушечное мясо“ в близкой – для посвящённых – мировой войне?»

Это и должен был выяснить Вандервельде. Он побывал на рабочих собраниях, в рабочих организациях и был неприятно поражён масштабами влияния на рабочую массу большевиков. Так что после инспекции было решено ослабить это влияние путём объединения большевиков и меньшевиков на особом форуме под эгидой II Интернационала. Обеим сторонам было предложено собраться в Брюсселе, в штаб-квартире Исполкома Международного социалистического бюро.

Сюжета с Брюссельским совещанием я уже касался, а сейчас мы к нему вернёмся на новом витке анализа и повествования…

Меньшевики по поводу инициативы МСБ ликовали – Ленин получит выволочку от самогу социалистического ареопага! Но не так прост был Владимир Ильич! Послать делегацию большевиков в Брюссель он согласился, но сам туда ехать не собирался и по причине занятости, и из тактических соображений. Вначале предполагалось участие Зиновьева, но кончилось тем, что на Брюссельское «объединительное» совещание Ленин послал вместо себя Инессу Арманд, М. Ф. Владимирского (Камского) и И. Ф. Попова.

Напомню, что Ленин писал Арманд из Поронина:

«По поручению ЦК обращаюсь к тебе с просьбой согласиться войти в делегацию… Ты хорошо знаешь дела, прекрасно говоришь по-французски, читаешь „Правду“. Думаем ещё о Попове, Камском…

Я ехать не хочу „принципиально“. Видимо немцы (озлобленный Каутский и К^{0}) хотят нам досадить. Sout! („Пусть так!“. – *С.К.*) Мы спокойно (я на это не годен) от имени большинства $^{8}/_{10}$, вежливейшим (я на это не годен) французским языком предложим наши условия… Если *дорогие* товарищи хотят единства, вот условия *большинства* сознательных рабочих России. Не хотят, как угодно!!»[643]

Уговаривавшему его поехать Ганецкому (Фюрстенбергу) Ленин сказал, по воспоминаниям Ганецкого: «Если бы меньшевики решились пойти за нами, то нечего созывать конференцию. Они желают лишь ругать меня перед Интернационалом. Уж этого удовольствия я им не доставлю. Да и времени жалко, лучше заниматься делом, нежели болтовнёй».

Это сообщение Ганецкого полностью подтверждается ленинской перепиской тех дней. К слову, ещё в начале февраля 1914 года Ленин, будучи в Брюсселе, написал по личной просьбе «товарища Гюисманса» доклад от своего личного (что было подчёркнуто) имени, где с цифрами была описана ситуация, сложившаяся в РСДРП и говорилось: «Нас разделяет то, что ОК („Организационный Комитет“ меньшевиков, – *С.К.*) не хочет (и не может – ибо он бессилен против группы ликвидаторов) решительно и бесповоротно осудить ликвидаторство»[644].

«Объединительное», но никого не объединившее, совещание прошло в Брюсселе с 3(16) по 5(18) июля 1914 года. Проводили его Вандервельде, Гюисманс, Каутский, среди участвовавших были Плеханов, Троцкий, Алексинский и Роза Люксембург.

Настроенная Лениным на предельную жёсткость при предельной внешней корректности, тройка большевиков вела себя соответственно, оппоненты же выходили из себя: «Вы безответственные работники! Где Ленин? Когда он приедет? Он должен наконец выслушать обвинения перед лицом Интернационала…»

Вандервельде угрожал большевикам, что за их отказ «объединиться» их будут судить «двое судей»: намеченный в Вене международный социалистический конгресс и «русский пролетариат»[645].

Первый «суд» не состоялся – его сорвала война, а второго суда Ленин и его соратники не боялись.

19 июля 1914 года в письме Арманд Ленин писал из Поронина:

«Гюисманс и Вандервельде пустили в ход *все* угрозы. Жалкие дипломаты! Они думали нас (или вас) запугать. Конечно, им не удалось.

Мы говорим с Григорием (Зиновьев. – *С.К.*): умнее бы вовсе отказаться идти. Но русские рабочие не поняли бы этого, а теперь пусть *учатся* на примере живом.

Ты лучше провела дело, чем это мог бы сделать я. Помимо языка я бы взорвался, наверное… Не стерпел бы комедиантства и обозвал бы их подлецами…»[646]

Ленин нередко не стеснялся в выражениях – я этого не скрывал, не скрываю, и Ленина за

это не осуждаю. Хотя люди слишком часто судят строже не подлеца, а того, кто прямо называет подлеца подлецом, искренняя позиция в конечном счёте выигрышнее, если политик действует в интересах большинства.

Но в данном случае признание Ленина в том, что он мог сорваться, показывает, что нервы у него были уже на пределе – шесть лет эмиграции начинали сказываться…

В тот же день он пишет второе письмо Арманд – тоже весьма эмоциональное:

«Мой дорогой друг!.. Гюисманс сделал всё против тебя и нашей делегации, но ты отпарировала его выходки самым удачным образом. Ты оказала очень большую услугу нашей партии! Особенно благодарен тебе за то, что ты меня заменила…

Последняя карта ликвидаторов – помощь заграницы, но и эта карта бита…»[647]

В постскриптуме письма он прибавил: «*P. S. Вандервельде и Каутский в роли распространителей сплетни, будто Ленин прячется в Брюсселе. Каково! О, эти мерзкие сплетницы – у них один способ борьбы.*

Вы с Поповым отлично отбрили Гюисманса. Так ему и надо…»[648]

Возможно, читателя позабавит извлечение из агентурной записки провокатора А. К. Маракушева (охранная кличка «Босяк», революционная кличка «Алексей») об этом совещании:

«…Петрова (И. Арманд. – *С.К.*) от имени ЦК представила доклад в письменной форме, состоящий из 29 пунктов, в котором, между прочим, говорится, что в России на стороне ЦК (ленинского. – *С.К.*) стоит $^4/_5$ всех рабочих, а потому подымать вопрос о каком-то объединении РСДРП по меньшей мере странно и гораздо целесообразнее признать не признающих ЦК стоящими вне партии, и тогда, естественно, получится единство партии. Как самим докладом, так и речью Петровой большинство участников совещания было страшно возмущено, так как никто не мог ожидать, что нахальство „ленинцев“ дойдёт до таких размеров…

Выступления всех ораторов носили весьма страстный характер, но пользы делу никакой не принесли, и участники совещания, не придя ни к какому решению, уклонились от дальнейшего участия в этом совещании»[649].

Могу себе представить, как Арманд с самым невинным видом – как ей советовал Ленин – предлагает Плеханову, Алексинскому, Троцкому и всем, несогласным с Лениным, признать себя стоящими вне партии… Нетрудно представить и реакцию тех же Плеханова или Троцкого.

Да, удар был силён: Ленин устами своих представителей заявил, что всех, кто не стоит на его позиции, он не считает революционными социал-демократами, а мотивировал своё мнение тем, что за него – абсолютное большинство организованных рабочих России.

Конечно, в какой-то мере Ленин вольно или невольно блефовал – он действительно пользовался поддержкой большинства, и даже абсолютного, однако настроения местных партийных организаций склонялись, всё же, не к размежеванию, а к примирению.

Так прав ли был Ленин в своей жёсткой позиции?

А вот прикинем…

У него, у партии, и у российских рабочих уже был опыт революции 1905 года – опыт неудачной революции… Говорят, что умные люди учатся на чужих ошибках, а глупые – на своих, но как же определять тех, кто не учится даже на собственных ошибках?

Чужого опыта народной государственности у российских социал-демократов было – кот наплакал… 72-дневная Парижская Коммуна 1871 года, когда у власти стояло рабочее правительство, – вот, собственно, и всё! Но и этот опыт показывал – колебания, неустойчивость, соглашательство, мягкотелость, склонность к речам вместо дела, отсутствие решительности и

принципиальности гибельны для успеха пролетарской революции…

Свой собственный опыт 1905–1907 годов должен был бы убедить, вроде бы, в том же… Казалось бы, из опыта первой русской революции вытекал один разумный вывод: решительность, решительность и ещё раз решительность! Причём – с учётом преследований и террора властей, требовалось обязательное развитие сильной нелегальной партии, полностью свободной от соглашательских элементов, но создающей прочную массовую базу при малейших легальных возможностях.

И вот вместо этого среди людей, считающих себя членами РСДРП, появляются ликвидаторы, богоискатели, богостроители и «ликвидаторы наизнанку» – отзовисты…

Рабочие дезориентированы, растеряны, им хочется единства, а «вожди» тянут в разные стороны… И разобраться в том, кто прав, а кто – нет, способны далеко не все.

Но разобраться-то надо! И можно ли терпеть в руководстве рабочей партии, обязанной быть решительной и боевой, членов нестойких, литераторствующих, тянущих в «экономизм»?

Логика Ленина была железной и это была действительно логика…

Мы к чему рабочих зовём? К демократической республике! Возможна демократическая Российская республика без свержения самодержавия? Нет! А возможно свержение самодержавие без революции? Тоже нет!

Так какого чёрта вы, господа хорошие, выступаете против Ленина, который все эти годы только об этом вам всем и толкует!?

Ленин готовился к бою с интриганами на Венском конгрессе II Интернационала и 21 июля 1914 года даже сообщил в Москву в редакцию «Энциклопедического словаря», издаваемого Товариществом братьев Гранат, что вынужден «прервать начатую статью о Марксе» и надеется, что «редакция успеет найти другого марксиста и получить от него статью к сроку».

И ещё до «Объединительного» совещания он заявил в письме Арманд: «*„Они“ хотят дать нам „бой“ (генеральный) в Вене. Пустая угроза!! Они ничего не могут сделать!!*»[650]

Все планы изменила война, объявленная Германией России 19 июля (1 августа) 1914 года, и 21 июля (3 августа) Ленин сообщил в Москву «Гранатам», что «приостановка ряда спешных политических дел» ввиду войны, позволяет ему взяться за статью, если она ещё не заказана другому.

Да, теперь, когда всё в европейском «доме» смешалось, можно было не спешить и осмотреться.

Но тут навалились неприятности с австрийской полицией – 7 августа в Ленине заподозривают русского шпиона, и в его квартире в Поронине производят обыск, а затем обязывают явится в жандармерию уездного городка Новый Тарг.

8 августа 1914 года Ленина в Новом Тарге арестовывают и заключают в местную тюрьму. На вопрос о роде занятий он представляется корреспондентом и сотрудником издающейся в русской столице газеты «Правда» и сообщает, что двадцать лет состоит членом РСДРП.

В русских газетах появились сообщения об аресте Ленина, а далее события разворачивались так…

В отличие от провалившегося наступления русских войск в Восточной Пруссии, на галицийском Юго-Западном фронте русские армии могли получить успех, Краков же был от линии фронта недалеко. И Департамент полиции сообщил командующему фронтом генералу Алексееву, что, по сведениям министерства внутренних дел, в краковской тюрьме может содержаться В. И. Ульянов, более известный как Ленин. Циркуляр уведомлял, что разыскиваемый полицией Ленин является выдающимся представителем РСДРП, «имеет за собой долголетнее революционное прошлое, состоит членом ЦК партии и создателем отдельного

течения партии». Соответственно, Департамент полиции просил Алексеева в случае взятия Кракова «не отказать в распоряжении об аресте Ленина и препровождении его в распоряжение Петроградского градоначальства»[651].

Конечно, обо всём этом в Поронине известно не было, но, так или иначе, Ленина надо было выручать.

Эта история достаточно подробно описана Крупской, я же сейчас сообщу из её воспоминаний одно… Хотя хлопотали за Ленина многие, решающую роль сыграло, пожалуй, обращение к австрийскому министру полиции видных австрийских социал-демократов, депутатов парламента Виктора Адлера из Вены и Германа Диаманда из Львова, которые знали Ленина как члена Международного социалистического бюро.

19 августа Владимир Ильич был освобождён и вскоре добился разрешения на выезд из австрийской Польши в нейтральную Швейцарию.

В Кракове, однако, пришлось задержаться… Незадолго до войны у тёщи Ленина, Елизаветы Васильевны, в Новочеркасске умерла сестра, которая завещала ей 4 тысячи рублей, скопленных за 30 лет учительства. Деньги лежали в краковском банке и их надо было вызволить. Венский маклер по военному времени взял за услугу половину суммы, остальное же составило тот «капитал», который очень пригодился Ульяновым в следующие годы в Швейцарии.

Уж не знаю, были ли осведомлены об этом «новочеркасском золоте» обвинители Ленина в реальном масштабе времени – в 1917 году, а вот нынешние клеветники могут прочесть о нём в первом томе пятитомника воспоминаний о Ленине издания 1984 года на странице 396-й…

Там же Крупская пишет, что хлопотавший за Ленина в Вене Рязанов возил его к Адлеру, и Адлер передавал свой разговор с министром австрийской полиции.

– Уверены ли вы, что Ульянов враг царского правительства? – спросил министр.

– О, да! – ответил Адлер. – Более заклятый враг, чем ваше превосходительство…

Во время войны Виктор Адлер (1952–1918) занимал центристскую позицию, в 1918 году после установления в Австрии республики был одно время министром иностранных дел. Но это так, к слову. Главное – он помог вытянуть Ленина из австрийской кутузки, за что ему и спасибо!

5 сентября 1914 года Ульяновы приехали в Берн и начали устраиваться – в который уже раз. Позади были двадцать лет борьбы, впереди неопределённость как политическая, так и житейская. Но постепенно всё стало проясняться. 14 ноября 1914 года Ленин писал в Петроград (теперь уже в Петроград) Анне Ильиничне:

«В деньгах я сейчас не нуждаюсь (вот оно, германское-то золотишко! – *С.К.*). Пленение моё было совсем короткое, 12 дней всего, и очень скоро я получил особые льготы, вообще отсидка была совсем лёгонькая, условия и обращение хорошие. Теперь понемногу осмотрелся и устроился здесь. Живём в 2-х меблированных комнатах, (нет, золотишко ещё, похоже, не пришло. – *С.К.*), очень хороших (нет, похоже, всё-таки пришло. – *С.К.*), обедаем в ближней столовке (нет, не пришло. – *С.К.*).

Надя чувствует себя здоровой, Е.В. (тёща. – *С.К.*) тоже, хотя состарилась уже очень. Я кончил статью для словаря Граната (о Марксе) и посылаю ему её на днях. Пришлось только бросить часть (бульшую, почти всё) книг в Галиции, боюсь очень за их судьбу…»[652]

Так обстояли дела житейские. Насчёт книг Ленин боялся, к слову, не зря – книги пропали.

Но в том же письме сестре Ленин касается и политической ситуации:

«Печально очень наблюдать рост шовинизма в разных странах и такие изменнические поступки как немецких (да и не одних немецких) марксистов или якобы-марксистов… Вполне понятно, что либералы опять хвалят Плеханова: он заслужил вполне это позорное

наказание…»[653]

Да, с началом войны практически все европейские социал-демократии полностью забыли о лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и не просто поддержали свои правительства, но и развернули шовинистическую, то есть – крайнюю националистическую пропаганду. Решения Базельского конгресса и Базельский манифест были сразу же забыты.

Крупская вспоминала, что когда после начала войны они добирались из Кракова до Швейцарии, то видели, что вагоны воинских составов были испещрены призывами типа: «Jedem Russ ein Schuss!» («Каждого русского пристрели!»)… Наибольшего накала вся эта истерия достигала в Германии и Франции (само слово «шовинизм» французского происхождения, от имени бравого поклонника Наполеона Шовине), но и в остальных странах, участницах войны, сильные чувства к «вражеской нации» имели место.

Все вожди II Интернационала сделали поворот «Все вдруг!» от интернационализма к шовинизму так быстро и дружно, что никакого иного объяснения кроме «***продажность***» в голову не приходит.

Ну, в самом-то деле! Базельский манифест, принятый Чрезвычайным конгрессом II Интернационала в 1912 году, рекомендовал социалистам использовать экономический и политический кризис, вызванный войной, для борьбы за социалистическую революцию.

А что вышло на деле?

Ленин в статье «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии», опубликованной в газете «Пролетарий» ровно за шесть лет до войны – 23 июля (5 августа) 1908 года (ПСС, т. с. 186–196), подробно цитировал резолюцию Штутгартского конгресса II Интернационала, где говорилось, что «войнам благоприятствуют националистические предрассудки, систематически культивируемые в интересах господствующих классов, с целью отвлечь пролетарские массы от их собственных классовых задач», что «войны коренятся в самой сущности капитализма» и т. д.

В этой ленинской статье есть и такие слова (стр. 194): «Не меньшим оппортунизмом проникнуто убеждение Фольмара (германский социал-демократ, журналист, во время войны социал-шовинист. – *С.К.*) и его единомышленников, что с.-д. обязаны принять участие в оборонительной войне. Блестящая критика Каутского (в работе „Наш взгляд на патриотизм и войну“. – *С.К.*) не оставила камня на камне от этих взглядов»…

Теперь же Каутский приветствовал даже не «оборонительную», а агрессивную войну!

Чтобы лучше понять всю гнусность европейских «социалистических» «вождей», напомню краткую историю вопроса, которую даю по обзору деятельности РСДРП за первые два года войны, изданному в Департаменте полиции российского МВД:

«Международные социалистические конгрессы, в которых проявлялась деятельность Интернационала до настоящей войны, неоднократно останавливались на вопросе о войне…

В 1900 году в Париже Интернационал категорически постановил: „Социалистические депутаты всех стран безусловно обязаны голосовать против всяких расходов на милитаризм, маринизм и колониальные экспедиции“.

В Штутгарте в 1907 году Интернационал принял резолюцию, в которой центральным местом является следующее: „В случае, если война всё-таки разразится, социалисты обязаны вмешаться для скорейшего её прекращения и всемерно использовать вызванный войной экономический и политический кризис, чтобы поднять народ и тем самым ускорить падение капиталистического господства“.

В Копенгагене в 1910 году Штутгартская резолюция была подтверждена…

Наконец, на Базельском международном социалистическом конгрессе, состоявшемся в

ноябре 1912 года во время Балканской войны, Интернационал выступил с прямой угрозой революции на случай, если бы правительства довели Балканскую войну до европейской войны. „Пусть не забывают правительства, – заявил Базельский конгресс, – что франко-прусская война вызвала революционный взрыв Коммуны, что русско-японская война привела в движение силы народов, населяющих Россию… Пролетарии считают преступлением стрелять друг в друга во имя барышей капиталистов, соревнования династий и процветания тайных дипломатических договоров“…»[654]

За такую позицию в Базеле проголосовали ***единогласно*** все, включая Камиля Гюисманса, Эмиля Вандервельде, Карла Каутского, Эдуарда Бернштейна, Карла Яльмара Брантинга, Виктора Адлера, Георгия Плеханова, Гуго Гаазе, Жюля Геда, Джеймса Макдональда и прочих вождей II интернационала…

Охранный обзор далее резюмировал:

«При такой идейной подготовке на случай возникновения войны, казалось бы, Интернационал… должен был бы явиться при объявлении войны известной действительной противодействующей силой, если бы составляющее его основу социалистическое учение, можно было бы считать хоть отчасти практически жизненным. Однако действительность показала иное, и Второй Интернационал, несмотря на свою подготовленность к войне, потерпел крушение»[655].

Обзор был составлен анонимным, но хорошо знающим проблемы социал-демократии, автором, то есть, наверняка, ренегатом. Так что злобная ирония по поводу оказавшегося якобы не жизненным «социалистического учения» вполне объяснима – любому ренегату хочется оправдать себя тем, что «виноград-то зелен», а идеи, которые он предал, это-де, «нежизнеспособные химеры»…

Это мы проходили и в 1991 году, и позднее…

С позиций сегодняшнего дня можно уверенно говорить, что II Интернационал при объявлении войны не стал противодействующей силой не потому, что составляющее его основу социалистическое учение было неверным и нежизненным, а потому, что вожди не исполнили своего долга и не призвали массы ***после*** объявления войны к тому, к чему призывали их ***до*** войны.

В германском рейхстаге было более ста социалистических депутатов, и ***все они*** 4 августа 1914 года проголосовали за военные кредиты, все, ***включая Карла Либкнехта!*** Либкнехт, правда, опомнился и 2 декабря 1914 года – один из всего состава рейхстага – голосовал против новых военных кредитов, определив ведущуюся войну как захватническую…

Лишь в русской Государственной думе против военных кредитов голосовали все социал-демократы, включая даже фракцию Чхеидзе, и даже «трудовики», но решительно против войны и за поражение царизма выступила только пятёрка большевистских депутатов, за что потом и пошла на каторгу.

Европейские «рабочие вожди» предали народы Европы в августе 1914 года точно так же, как «вожди» Советского Союза предали народы Советского Союза в августе 1991 года. Развал объективно более чем жизнеспособного Союза ССР и предательство советской элиты готовились не одно десятилетие извне и изнутри. Точно так же не одно десятилетие изнутри и извне разваливалось и перерождалось руководство II Интернационала…

Вряд ли ситуация была бы принципиально иной, однако, не исключено, что она могла бы как-то и обостриться, если бы к началу Первой мировой войны в подмогу Ленину были ещё живы боевые вожди германской социал-демократии, её патриархи Пауль Зингер (1844–1911) и Август Бебель (1840–1913), видный английский социалистический лидер Гарри Квелч (1858–1913)… Увы, первый умер за три, а другие два – за год до войны. Буквально накануне войны был

убит шовинистом и очень популярный среди французов социалист Жан Жорес (1859–1914). Все они наверняка резко выступили бы против войны. Жорес, собственно, и был убит за протест против неё.

Но вышло так, как вышло…

Предательство руководства всегда влечёт за собой трагедию, ибо, как верно сказано, лучше стадо баранов во главе со львом, чем стая львов во главе с бараном… «Вожди» же II Интернационала ***все до одного*** оказались не просто баранами, но именно «баранами-провокаторами» в точном смысле этого понятия, потому что повели дезорганизованные ими массы на Мировую бойню так же, как ведёт послушную ему отару на бойню рогатый баран-«провокатор».

Не знаю, когда и как тот или иной «вождь» конкретно стал ренегатом и из марксиста превратился в «агента влияния» Капитала в рабочем движении, да и не очень-то это интересно. Однако предали все они за те или иные «тридцать сребреников». Во время войны и после войны многие «вожди» в тот или иной момент входили в буржуазные правительства, и почти все призывали кару на Советскую Россию Ленина, а Эдуард Бернштейн способствовал распространению басен о получении Лениным «субсидий из германского Генштаба».

Вот уж, что называется, с больной головы, да на здоровую… Ведь честность, здравость и последовательность мысли в том идейно-эмоциональном кавардаке, который воцарился в умах, сохранил с началом войны только Ленин!

Обратимся опять к охранному обзору – так оно будет надёжнее:

«Если прежде вожди – ветераны российской социал-демократии, Плеханов и Ленин, находились между собой в блоке, составляя центр в партии, хотя и принадлежали первый к меньшевикам-партийцам, а второй к большевикам, то с открытием военных действий по взглядам своим на отношение русской социал-демократии к войне они сделались настоящими антиподами, причём рассуждения по сему предмету „неудержимого революционера“ Ленина Плеханов называет „грёзо-фарсом“, а руководимая Лениным газета „Социал-Демократ“ называет в свою очередь соображения Плеханова по тому же вопросу „софизмами“ и „смешными нелепостями“.

Вместе с тем у Плеханова по вопросу об отношении партии к войне произошло идейное сближение с представителем „вперёдовцев“ Алексинским, которого по этому поводу в партийной литературе называют даже „ретивым пажем“ Плеханова.

С открытием военных действий в 1914 году группа членов ленинской партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванный войной, выработала в сентябре 1914 года „тезисы“ о войне…»[656]

Под «тезисами» охранный автор имел в виду тот предварительный документ, который известен именно под наименованием «Тезисы о войне» и был написан Лениным в начале сентября 1914 года. По приезде в Берн он прочёл его на собрании местной группы большевиков.

Собрание, проходившее в пригородном лесу, одобрило тезисы и они были разосланы в заграничные секции большевиков, а участник совещания – депутат Думы Ф. Н. Самойлов, отвёз их в Россию. На копиях в целях конспирации стояли пометки «С воззвания, выпущенного в Дании» и «С воззвания, выпущенного в России»…

Одна копия была передана совместной конференции итальянских и швейцарских социалистов, проходившей 27 сентября 1914 года в Лугано.

Тезисы Ленина обсуждали в обеих столицах, в Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Вологде, Красноярске, Киеве, Екатеринославе, Харькове, Баку, Тифлисе – во всех активных центрах рабочего движения, и к октябрю 1914 года они были одобрены российской частью ЦК, думской фракцией и местными организациями. Поэтому 1 ноября 1914 года в № 33 газеты

«Социал-Демократ» в виде передовой от имени ЦК РСДРП был опубликован манифест «Война и российская социал-демократия», посланный в МСБ и социалистические газеты Англии, Германии, Франции, Швеции и Швейцарии. Перепечатала же его – 13 ноября 1914 года, лишь небольшая швейцарская газета «La Sentinelle», издававшаяся в Шо-де-Фон.

Номер же «Социал-Демократа» с манифестом был издан в количестве 1 500 экземпляров и, доходя до России, зачитывался до того, что текст невозможно было разобрать из-за засаленности и ветхости[657].

Ленинский манифест «Война и российская социал-демократия» определял начавшуюся войну такой, какой она и была, то есть – захватнической, грабительской со стороны всех её участников. Ленин «с чувством глубочайшей горечи» констатировал, что «социалистические партии главнейших европейских стран своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий граничит с прямой изменой делу социализма». Он писал далее, что оппортунисты сорвали решения Штутгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, и это означает крах II Интернационала.

О перспективе в манифесте говорилось так:

«При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства.

Ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединённых Штатов Европы…

В России задачами с.-д. ввиду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей ещё своей буржуазной революции, должны быть по-прежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день…»[658]

Только безграмотные или очень злонамеренные люди могут усмотреть в этой позиции Ленина антипатриотизм. Да, во время войны Ленин не раз напоминал слова Маркса о том, что «пролетарии не имеют отечества», но это была позиция не «Ивана, не помнящего родства», а позиция русского человека, желающего, чтобы народы ***его*** Родины обрели ***своё*** Отечество, которое будет принадлежать народам, а не элите. Ведь в царской России положение элиты и народа было особенно неравноправным (сегодня этим же может «похвалиться» путинская Россия). Проиллюстрирую сказанное неожиданным и – на мой взгляд – убийственным для старой России примером.

Первая Мировая война стала первой войной моторов, хотя в её начале эта тенденция лишь обозначилась. В 1914 году общее число самолётов ***у всех*** воюющих стран составляло менее тысячи (!), в то время как за войну их было только в Европе произведено 142 тысячи!

Автотранспорт был развит больше, и при мобилизации армии воюющих стран получали следующее количество автомобилей: французская – около 5 500 грузовых и около 4 000 легковых машин; английская – 1 141 грузовик и трактор, 213 легковых и полугрузовых машин и 131 мотоцикл; германская – 3 500 грузовых и 500 легковых машин, а русская – всего 475 грузовых, но зато 3 562 легковых машин[659].

Иными словами, если в развитых европейских странах автомобиль уже становился элементом экономики, то в России он всё ещё являлся предметом роскоши на потребу всех сортов «белой сволочи».

Вот для какой России желал поражения Ленин, но он видел потерпевшую поражение

Россию не данником империалистических победителей, а свободной демократической страной, отряхнувшей себя от праха самодержавия. 12 декабря 1914 года в газете «Социал-Демократ», которая на годы станет его основной трибуной, Ленин публикует эссе «О национальной гордости великороссов», где пишет:

«Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве!.. Попробуем и мы, великорусские социал-демократы, определить своё отношение к этому идейному течению… Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ***её*** трудящиеся массы (то есть, $^{9}/_{10}$ ***её*** населения)поднять до сознательной жизни демократов и социалистов…

Мы полны чувства национальной гордости и именно поэтому мы особенно ненавидим своё рабское прошлое… И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной, независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства…»[660]

Что здесь неясно?

И какие чёрные очки надо надеть на нос, чтобы не видеть в этих словах горячую любовь к своей Родине, к России!?

Да, Ленин обличал царизм и желал поражения монархии, помещикам и капиталистам, которых он назвал «***худшими*** врагами нашей родины». Но разве он был не прав?

Да, Ленин обличал Россию как «тюрьму народов», но он же пояснял, что «мы вовсе не сторонники маленьких наций; мы, безусловно, при прочих равных условиях за централизацию…»

В видах будущего полезно знать и следующий нюанс…

В первые недели Первой мировой войны Ленин задумал написать брошюру «Европейская война и европейский социализм», но разработал лишь план её. Однако даже этот план чертовски интересен! Скажем, пунктом 1-м идёт: «Характер войны: империализм (как основное). Империализм как последняя стадия развития капитализма»… Из этого пункта через два года вырастет книга «Империализм как высшая стадия капитализма»…

Пункт 16-й касался французских и бельгийских социалистов и содержал пометку (жирный шрифт мой. – *С.К.*): «Вандервельде (Авторитеты?)… Что делать? Проповедовать и подготовлять гражданскую войну. Переходить не в министры, а в нелегальные пропагандисты!!»

Одна фраза, а в ней – и политическая программа, и человеческая судьба…

Интересен и пункт 19-й: «Шовинизм зверский (явно имеется в виду Германия. – *С.К.*) vs („versus“ – „против“. – *С.К.*) шовинизм скучный и лицемерный (явно имеется в виду Англия. – *С.К.*)».

Однако наиболее интересен для нас пункт последний, 35-й, в котором Ленин записал:

«35. Может быть и ещё полвека порабощения до социалистической революции, но что оставит *наша* эпоха, что мы внесём? Презрение к оппортунистам и изменникам или *подготовку* гражданской войны??…»[661]

Из этой записи видно, что в 1914 году Ленин наедине с собой уже не очень-то верит в близкую революцию – после того, что принёс 1914 год!

И, конечно же, он обескуражен тотальной изменой «вождей» и почти тотальной социальной глупостью трудящихся, принявшихся «пачками» убивать друг друга во имя интересов

имущих, вместо того, чтобы обратить оружие на обеспечение собственных интересов.

Но видно и то, что убеждения Ленина твёрдо остаются прежними, социалистическими, что исторического оптимизма он не теряет. Тем не менее, эта запись 1914 года интересна и перекликается с тем, что Ленин говорил в январе 1917 года молодым швейцарским социалистам – мол, мы, старики, может, и не доживём до революции…

Интересен и ответ Ленина польскому журналисту А. Майкосену, спросившему его в апреле 1914 года: «Вы жаждете конфликта?»

Ленин тогда ответил: «**Нет, я не хочу его. Почему я должен был бы его хотеть? Я делаю всё и буду делать до конца, что будет в моих силах, чтобы препятствовать мобилизации и войне. Я не хочу, чтобы миллионы пролетариев должны были истреблять друг друга, расплачиваясь за безумие капитализма. В отношении этого не может быть недопонимания. Объективно предвидеть войну, стремиться в случае развязывания этого бедствия использовать его как можно лучше – это одно. Хотеть войны и работать для неё – это нечто совершенно иное**»[662].

Здесь всё тоже ясно: в отличие от правящей коронованной и «выборной» «белой сволочи» Ленин понимает, что кровь людская – не водица, и ***нельзя желать*** разрешения социальных противоречий ценой гибели миллионов трудящихся.

Но если кровавая война ***развязана*** – развязана не социалистами, а Капиталом, то ***нельзя не желать*** использования войны для скорейшего разрешения социальных противоречий силой полученного трудящимися от элиты оружия в рамках классовой гражданской войны, так, чтобы прекратить избиение миллионами друг друга…

Ну что здесь непонятного?

Пожалуй, надо быть российским интеллигентом (а это, увы, не столько состояние ума, сколько исторически перманентный диагноз), чтобы не понять, что имел в виду Владимир Ильич… И проводя эту ***предельно ясную*** и предельно ***гуманистическую*** идею, Ленин в манифесте о войне заявил:

«Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны… Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом»[663].

Слова «раз война стала фактом» являются ключевыми. Мы не хотим войны, потому что она означает гибель миллионов людей. Но ***раз война стала фактом***, раз миллионы ***уже*** гибнут, и гибнут ***зря***, то следует повернуть войну так, чтобы в огне классовой войны погиб тот строй, который послал на гибель миллионы во имя интересов кучки.

Если знать всё это и верно понимать всё это, то лишь усмешку – правда, усмешку горькую, потому что подобной белиберде сегодня верят очень многие, – могут вызвать эмигрантские «откровения» бывшего жандармского генерала Спиридовича…

В его изложении события выстраивались так[664]…

Летом 1914 года Ленин, предвидя войну, в июне якобы приехал в Берлин и «сделал личное предложение германскому министерству иностранных дел работать для него в целях разложения русской армии и поднятия беспорядков в тылу».

Немцы якобы отказали, но Ленин якобы был настойчив, к тому же к нему на помощь пришёл «служивший в Германии в качестве политического агента социал-демократ Гельфанд, известный под именем Парвуса».

В июле 1914 года Ленин был якобы вызван в Берлин, где «им совместно с представителями германского правительства был выработан план действий тыловой войны против России и Франции (? – *С.К.*)…»

«Немедленно после объявления войны Ленину, – продолжает Спиридович, – должны были выплатить 70 миллионов марок, после чего дальнейшие (??! – *С.К.*) суммы должны были поступать в его распоряжение по мере надобности…»

Обуреваемый «праведным гневом» Спиридович восклицал далее: «Такова была обстановка, при которой оторвавшийся давно от России (он что – по доброй воле из неё уехал? – *С.К.*), забывший в своём интернационализме, что такое родина и её интересы, русский дворянин Ульянов-Ленин пошёл на государственную измену».

Эмигрантская книга Спиридовича, как и другие подобные книги, временами ловко, но чаще всего – неуклюже, смешивает бывшее реально с выдуманным автором, и – не только им. Однако нет худа без добра: описывая якобы «измену» Ленина, Спиридович резюмирует все послеоктябрьские антиленинские инсинуации в таком концентрированном виде, что явственно просматривается чётко спланированная их координация.

Начало было положено фальшивками американца Эдгара Сиссона, который «получил» «компромат» от некого «публициста» Е. П. Семёнова-Когана, якобы «раздобывшего эти документы силами своей организации, работавшей против большевиков в 1917–1918 годах»…

Всё это подкрепил и «лично подтвердил» в 1920 году «сам» «разоблачитель провокаторов» Василий Бурцев, у которого «разоблачительство» перешло к тому времени в манию, неплохо, впрочем, оплачиваемую.

Затем провокация продолжилась «признаниями» генералов Гофмана и Людендорфа и разоблачениями лидера II Интернационала Бернштейна в январе 1921 года…

Подключили других, и – пошло-поехало!

И из-за всех этих «декораций» выглядывает мурло первых антисоветских центров Запада – ещё лишь оформляющихся организационно, но уже начавших свою подрывную работу.

Выше уже не раз приводились строки ленинских писем, однозначно подтверждающие скромные его личные и партийные финансовые возможности в период войны. Вот отрывок и ещё из одного письма, посланного Лениным 3 января 1915 года из Берна в Женеву В. А. Карпинскому:

«Нам предлагает один парижский наборщик приехать в Женеву и набирать ЦО (Центральный орган, газету „Социал-Демократ“ – *С.К.*) за 35 frs номер, если найдётся типография и даст ему шрифт.

Обсудите это дело всесторонне (удешевление желательно, ибо мы решили выпускать ЦО еженедельно)…»[665]

Суть тут вот в чём… Заграничная часть ЦК не имела своей типографии, и «Социал-Демократ» набирался в единственной наборной в Швейцарии, имевшей русские шрифты, – в маленькой частной типографии старого украинского эмигранта Ляхоцкого, широко известного среди эмигрантов под кличкой «Кузьма». А печатался Центральный Орган в швейцарской типографии Шольмонте в Женеве. С начала 1915 года «Кузьма» стал набирать газету украинских националистов «Боротьба», которой симпатизировали и он сам, и его жена – «Кузьмиха»… Интересы ЦО РСДРП отошли для «Кузьмы» на второй план.

Вот Ленин (якобы ***уже*** имея от немцев 70 ***миллионов*** марок) и ломал голову – как найти выход? В итоге удалось найти русский шрифт в швейцарской типографии Бентели в Бюмплице близ Берна, где печаталась часть номеров «Социал-Демократа», причём тиражи-то были небольшими, ибо 70 германских миллионов «только на первые расходы» существовали лишь в антиленинских мифах.

Приведу полностью – благо, оно кратко, ещё одно письмо Ленина Карпинскому от 21 августа 1915 года:

«Дорогой В. К.! Посылаю 200 frs. Авось „подмаслите“ Кузьмиху. Большое merci за хлопоты. Письмо Ольги (С. Равич. – *С.К.*) получил. Коба (И. Сталин. – *С.К.*) прислал привет и сообщение, что здоров. О брошюре извещайте иногда открыткой, есть ли „надежда“ на прогресс (в корректуры успею ещё внести кое-какие поправки).

Salut! Ваш *Ленин*»[666]

Особых комментариев здесь, надеюсь, не требуется?

В Европе шла жестокая война – наднациональная Золотая Элита стравила народы, обеспечивая целый комплекс ***своих*** интересов… Эти интересы были во всём противоположны интересам $^{9}/_{10}$, если не $^{99}/_{100}$ населения Европы и всего мира… То есть, интересы Элиты были, по сути, антигуманными (напомню, что слово «гуманность» происходит от латинского *humanus* – «человечный») и антиобщественными.

Иными словами, они были преступными, а затеянная Элитой первая мировая война была в чистом виде геноцидом, то есть сознательным уничтожением народов. **Ленин же выступал не просто против войны – тогда он был бы всего лишь пацифистом, а не большевиком. Ленин выступал против строя, порождающего войны**, а это уже была позиция не аморфного буржуазного пацифизма, а позиция чёткого, предельно логичного и последовательного высшего гуманизма – деятельного гуманизма.

И эта позиция однозначно определяла положение дел. По одну сторону баррикады – Ленин и его товарищи по партии, по другую сторону – весь сонм воюющих друг с другом коронованных королей и императоров, «королей» нефтяных и пушечных, буржуазных министров и ренегатов-«вождей народа».

Виктор Адлер знал, что говорил, когда на вопрос австрийского министра полиции – враг ли Ульянов царского правительства? ответил, что да, – более заклятый враг, чем сам министр.

Такой ответ был верным и с фактической, и с политической, и с классовой точки зрения. Вот описание бывшим французским послом в Берлине Жюлем Камбоном его последней встречи с германским статс-секретарём фон Яговым. После объявления войны Ягов пришёл во французское посольство, осаждённое ревущей толпой, – попрощаться. И, слыша рёв и свист толпы, он заметил Камбону:

– Что бы сказали эти глупцы, мой дорогой друг, если бы увидели, как мы беседуем, сидя на одном диване…

Социал-демократические вожди-ренегаты уверяли трудящихся – каждый трудящихся ***своей*** страны, что вся, мол, нация «сидит в одной лодке». Однако имущие всех стран понимали, что только они и до войны, и во время войны, и после войны будут сидеть рядом, на одном диване…

Золотая Элита мира всегда была по своей социальной сути космополитической, вненациональной, и остаётся таковой по сей день. И у имущей Элиты в любую эпоху имеется один и тот же общий враг – народы! Если бы это ***одновременно и единодушно*** поняли солдаты воюющих армий по обе стороны фронта, то они тут же, как на параде, повернули бы от линии фронта «Кру-гом!» и парадным маршем с оружием в руках двинулись бы свергать свои людоедские якобы национальные элиты, на самом деле составляющие одну наднациональную Золотую Элиту.

Однако солдаты стреляли в солдат, война затягивалась, кто-то начинал прозревать, но единодушного, массового желания прикрывать «лавочку смерти» всё ещё не наблюдалось. И Ленин был занят непростой работой по развороту ситуации в сторону правды о войне.

С 27 февраля по 4 марта 1915 года в Берне прошла конференция заграничных секций РСДРП «ленинского, – как отмечалось в документах охранки, – толка». С формальной точки зрения это было собрание небольшой группы людей: Ленин и Крупская, Зиновьев и его жена, Трояновский и его жена, а также сестра жены, бежавший из ссылки Бухарин, секретарь парижской секции «Белинский» – Г. Я. Беленький, от лондонской секции – «Папаша» Литвинов, представители швейцарских секций Инесса Арманд, В. М. Каспаров, Г. Л. Шкловский, Н. В. Крыленко, И. Корнблюм, М. М. Харитонов, представитель давосской секции Ф. Ильин… Плюс – в качестве гостей вся Бернская секция, некоторые члены Лозаннской секции и божийской группы.

Итого – не более трёх десятков человек…

На каких!?

Это были люди, у каждого из которых за плечами было по десять-пятнадцать, а то и по двадцать лет политической работы. Каждый из них имел в России связи в массах, многие были известны – кто миллионам, как Ленин, кто – десяткам тысяч, а кто – и всего-то сотням или десяткам человек. Но это были сотни и десятки не расслабленных обывателей, а сотни и десятки убеждённых политических борцов, способных повести за собой в нужный момент тысячи, десятки и сотни тысяч, и даже миллионы. Короче – потенциально это была сила!

А на острие этой силы находился Ленин.

Он всё ещё не был абсолютным революционным авторитетом… В той же Европе пребывал Троцкий, в России бывшие товарищи, ставшие «оборонцами», издавали легальные якобы марксистские издания, в Государственной думе заседал Карло Чхеидзе, и у немалого числа рабочих он был тогда популярнее затерянного в Европе эмигранта Ленина.

Но будущее принадлежало Ленину.

Это ведь – не красивая фраза, это – исторический факт!

Тот же Троцкий…

Незадолго до войны он начал издавать «нефракционный рабочий» журнал «Борьба», и в мае 1914 года Ленин публикует в журнале «Просвещение» статью «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве»… Объясняя причину написания статьи, Ленин писал, что «участников 14-летней (тем более 18—19-летней) борьбы среди марксистов в настоящее время не так уже много», что «громадное большинство рабочих, заполняющих в наши дни ряды марксистов, старой борьбы либо не помнят, либо не знают вовсе», а с Троцким надо разобраться…

Ленин и разбирался:

«Троцкий называет свой новый журнал „нефракционным“. Это слово он ставит на первое место, это подчёркивает на все лады в редакционных статьях…

…Достаточно припомнить общеизвестные факты, чтобы увидать вопиющую неправду, которую распространяет Троцкий.

С 1912 года, уже более двух лет, ***нет*** в России фракционности среди организованных марксистов, нет споров о тактике в ***единых*** организациях, на ***единых*** конференциях и съездах. Есть ***полная*** разорванность между партией, заявившей в январе 1912 года (имеется в ввиду Пражская конференция. – С.К.) о том, что ликвидаторы ***не*** принадлежат к ней, и ликвидаторами…

Троцкий любит звонкие и пустые фразы – это известно… Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает её, и говорить приходится, ибо это – типичная фигура для всех тех пяти заграничных группок, которые колеблются между ликвидаторами и партией.

Во времена старой „Искры“ для этих колеблющихся и перебегающих от „экономистов“ к

„искровцам“ и обратно была кличка: „тушинский перелёт“ (так звали в Смутное время на Руси воинов, перебегавших от одного лагеря к другому)…»[667]

Ленин напоминал, что на II съезде в 1903 году Троцкого называли «ленинской дубинкой», затем он стал ярым меньшевиком, позднее сотрудничал с экономистами, в 1906–1907 годах подходил к большевикам… А далее Ленин пояснял: «„Тушинские перелёты“ объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они заимствуют идеи сегодня одной, завтра другой фракции»…

Человек идеи до мозга костей, Ленин не видел в метаниях Троцкого ничего иного, кроме идейной незрелости и нестойкости… Но сегодня на «метания» Троцкого можно посмотреть и более трезвым (или, если угодно – более циничным) взглядом. Деятельность «нефракционного» Троцкого всегда была такой, что ослабляла партию и единство партии. Так было в 1903 году, так было в 1913 году, так было в году 1923-м и даже – в 1933-м, когда Троцкий раскалывал и разлагал ВКП(б) уже из-за рубежа.

Любопытная деталь к политической биографии Троцкого… С января 1913 до середины 1914 года в Киеве ежемесячно издавался на украинском языке легальный буржуазно-националистический журнал «Дзвін» («Колокол»). Причём подбор авторов журнала был – для понимающего человека – хоть куда![668]

В «Дзвіне» подвизались: В. П. Левинский (1880–1953) – галицийский националист, после Октября 1917 года антисоветчик; писатель Винниченко – из той же «оперы», Л. Юркевич (Рыбалка) (1885–1918) – приверженец отдельной рабочей украинской партии, издатель националистической газеты «Боротьба»; львовский журналист Д. Донцов, в годы войны стремившийся к «самостийной» Украине при поддержке Австрии, после Октября 1917 года эмигрант; лидер меньшевизма Павел (Пинхус) Аксельрод, тоже в перспективе белоэмигрант; Георгий Алексинский – бывший ленинец, затем «паж Плеханова» и в итоге белоэмигрант; будущий «вождь самостийной Украины» Симон Петлюра и…

И – будущий «лидер» послеоктябрьского «большевизма»-«троцкизма» Лев Троцкий.

Теперь, уже во время войны, бывший «украинский националист» Пинхус Аксельрод издал в Цюрихе на немецком языке брошюру «Кризис и задачи международной социал-демократии», где писал: «На Западе нет той разновидности сверхчеловеков, которые используют всякий партийный кризис, всякое трудное положение, чтобы выступить в роли единоспасателя партии от гибели и чтобы с лёгким сердцем вести внутреннюю партийную политику смуты и дезорганизации»[669].

Под сеющим дезорганизацию «сверхчеловеком» подразумевался, конечно же, Ленин… И Аксельрода – к которому молодой Ленин когда-то приезжал как к «мэтру» марксизма, за его брошюру нахваливал Мартов, с которым Ленин когда-то начинал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»…

А в Петрограде в первом номере нового меньшевистского национал-шовинистского журнала «Наше Дело» ещё один бывший друг и товарищ – Потресов, публиковал программную статью «На рубеже двух эпох», и тоже – против Ленина и линии Ленина…

И приходилось отвечать на эту статью собственной статьёй «Под чужим флагом» (ПСС, т. 26, с. 133–154), которую предполагалось опубликовать в Петрограде в легальном сборнике, в итоге запрещённом цензурой…

В октябре 1914 года Ленин в Лозанне присутствовал на реферате Плеханова, выступал там в прениях с критикой. Увы, Плеханов тоже стал окончательно прошлым.

Настоящее требовало от всех чёткого определения позиций по отношению к войне, и Плеханов определился как противник Ленина, ибо Ленин был противником войны. Позиция же Ленина была заявлена им до войны, подтверждена после её начала и уже не менялась. Кто-то

стоял рядом с ним, кого-то надо было убеждать, кого-то – разоблачать и осуждать, ставя на нём крест…

В получасе полёта современного пассажирского авиалайнера от мирного Берна сотни тысяч французов и англичан на линии фронта старались убить сотни тысяч немцев… В паре часов лёта этим же занимались сотни тысяч немцев с одной стороны и сотни тысяч русских с другой.

А миллионы в тылу ожидали своей очереди – убивать или быть убитыми.

Ради чего?

В массах росло число инвалидов, вдов и сирот. В сейфах же дельцов оседали военные прибыли – одной колючей проволоки за время войны было произведено столько, что ей можно было несколько раз опоясать весь земной шар…

Что мог сделать Ленин?

Пока он мог делать лишь то, что мог.

В феврале 1915 года прошёл суд над большевистской «пятёркой» депутатов Думы и участниками нелегальной партийной конференции в селе Озерки под Петроградом. Они были арестованы в ночь на 6(19) ноября 1914 года. Конференция проходила со 2(15) по 4(17) ноября с участием представителей от большевистских организаций Петрограда, Иваново-Вознесенска, Харькова и Риги. Был арестован и проживавший на территории Финляндии Лев «Каменев»-Розенфельд, которого Ленин направил в Финляндию как раз для руководства думской фракцией большевиков. Выдал конференцию провокатор охранки Романов (охранная кличка «Пелагея»).

Депутаты Думы и Каменев были осуждены к ссылке на поселение, как и делегаты от Харькова – В. Н. Яковлев, от Риги – Ф. В. Линде, и от Иваново-Вознесенска – И. А. Воронин (А. С. Волков). Хозяйка нелегальной квартиры Ульяна Гаврилова получила полтора года крепости, а один из делегатов от Петрограда – рабочий Н. К. Антипов – восемь месяцев.

Суд широко (хотя и весьма урезанно по сути) освещался русской печатью. Поскольку не исключён был даже смертный приговор, не все подсудимые проявили себя лучшим образом, однако от партии не отказался никто. Каменев, правда, осудил антивоенную пропаганду большевиков, и всё равно был сослан в Сибирь. Полностью безупречно держались Муранов и Петровский…

Харьковский депутат украинец Муранов – мужик жёсткий, рубил прямо: «Понимая, что я послан народом в Государственную думу не для того, чтобы просиживать думское кресло, я ездил на места знакомиться с настроениями рабочего класса», и Ленин в статье «Что доказал суд над РСДР фракцией?» подчеркнул:

«В такое время, когда почти все „социалистические“ (извините за поругание этого слова!) депутаты Европы оказались шовинистами и слугами шовинистов, когда пресловутый „европеизм“, прельщавший наших либералов и ликвидаторов, оказался тупой привычкой к рабской легальности, в России нашлась одна рабочая партия, депутаты которой блистали не краснобайством, не „вхожестью“ в буржуазные, интеллигентские салоны, не деловой ловкостью „европейского“ адвоката и парламентария, а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжёлых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора. Подняться к званию влиятельного в „обществе“ депутата или министра – таков *на деле* был смысл „европейского“ (читай: лакейского) „социалистического“ парламентаризма. Помочь просветить и объединить эксплуатируемых и угнетённых – вот какой лозунг выдвинут образцами Муранова и Петровского…»[670]

В том же 1915 году Ленин пишет две большие работы «по теме»: в мае и июне – «Крах II Интернационала», и в июле-августе – «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)» (ПСС, т. 26, с. 209–265 и 307–350).

Вторая работа увидела свет первой – в августе 1915 года, и сразу – на русском и немецком языках, потому что была написана в связи с подготовкой международной социалистической конференции, о которой скоро будет сказано.

«Крах II Интернационала» был опубликован в сентябре 1915 года в первом, оказавшемся и последним, сдвоенном номере журнала «Коммунист», который был организован Лениным, а финансировался Георгием Пятаковым и Евгенией Бош – женщиной, надо сказать, незаурядной.

Пятаков и Бош выезжали в Нью-Йорк, где было немало и тех, кто сочувствовал социализму, и тех, кто имел при этом возможность помочь финансами. Тем более, что с учётом очень высокого курса доллара требовалось этих долларов не так уж и много.

Увы, после выхода первого номера Ленин разошёлся во мнениях с Пятаковым, Бош и примкнувшим к ним Бухариным… Некрасиво повёл себя Пятаков и в другом, и Ленин 26 июля 1915 года писал Зиновьеву:

«Прилагаемое письмо Юрия (Г. Пятакова, – *С.К.*) – нахальное, глупое кулачество… „Моя мошна, я самодур“. Ясно, что так работать нельзя, ну их к чёрту. Юрию я не хочу и отвечать: невыносимо его глупое, купечески-нахальное письмо. Где же предел? Обещания, формальные решения – и „Я хозяин, я не заплачу“!! Нет, есть мера всему! Это уже лганье донельзя бесстыдное!»[671]

Ленин возмущался поведением Пятакова в письмах Зиновьеву и позднее. Так, 6 июня 1916 года он писал (см. ПСС. Т. 49, с. 244): «…*видимо с этой кулацкой сволочью каши не сваришь*»… Короче, на первом номере дело издания «Коммуниста» закончилось, а «германское золото» Ленин, как я понимаю, тратить на издание журнала пожалел.

Для своего времени «Социализм и война» и «Крах II Интернационала» были для всех, желающих смотреть на ситуацию открытыми глазами, твёрдой почвой посреди болота, но для сегодняшнего дня наиболее интересно, пожалуй, определение Лениным в «Крахе…» революционной ситуации, ставшее классическим. Не привести его я не могу:

«Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причём не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибёмся, если укажем следующие три главные признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде своё господство; тот или иной кризис „верхов“… Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели“, а требуется ещё, чтобы „верхи не могли“ жить по-старому. 2) Обострение выше обычного, нужды и бедствий угнетённых классов. 3) Значительное повышение в силу указанных причин, активности масс, в „мирную“ эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими „верхами“*, к самостоятельному историческому выступлению»[672].

В советских вузах студентов обязывали заучивать приведённую выше формулу наизусть, и она того стоила. Она неизменяемо точна и сегодня, и то, что «цветные» «революции» ЦРУ и СИС не отвечают трём ленинским признакам, лишний раз доказывает искусственный, провокаторский характер этих якобы «революций».

Ленин тогда же предупредил, что «не из всякой революционной ситуации возникает революция» – к трём объективным условиям требуется субъективное: «способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство…»

К слову замечу, что не исключено, что буржуазные организаторы Февраля 1917 года, продумывая методологию этой своей «спецоперации», не пренебрегли анализом и усвоением формулы Ленина – она ведь была обнародована публично за полтора года до Февраля…

Но тут уж ничего не попишешь – тот же «Манифест Коммунистической партии» Маркса и

Энгельса дал импульс не только объединению пролетариев против буржуев, но и буржуев против пролетариев, почему буржуи и сумели превратить европейских «социалистических» «вождей» в политических «баранов-провокаторов» масс, а в 1991 году разрушить Советский Союз.

В 1915 году среди постоянных ленинских адресатов начинает всё чаще фигурировать Александр Шляпников…

Структура моей книги вынужденно такова, что, рассказав уже в начале её о событиях, непосредственно предшествующих 1917 году, и событиях зимы и весны 1917 года, я лишь после этого стал выстраивать книгу в более-менее хронологическом порядке. Объясняется это тем, что главной ложью, нагромождённой сегодня вокруг Ленина, оказывается ложь о его якобы работе на Германию – о «германском золоте», о «пломбированном вагоне» и т. д. И пришлось прежде всего заняться анализом и убеждением читателя в полной лживости подобных заявлений, а для этого – начать с последних двух лет второй эмиграции Ленина, когда он по уверениям клеветников, якобы сладко жил на «германские миллионы», расходуя их на «подрыв России».

Вот почему имя Шляпникова читатель уже знает, и сейчас лишь напомню, что к 1915 году тридцатилетний Шляпников (партийная кличка «Беленин») имел четырнадцатилетний партийный стаж и с осени 1914 года стал связным между Русским и Заграничным бюро ЦК РСДРП(б). Жил он в Швеции, периодически бывая в Норвегии и нелегально – в России.

Уже 17 октября 1914 года Ленин, возвратившись в Берн после чтения реферата о войне в Лозанне, Женеве и Кларане, пишет Шляпникову в Стокгольм:

«Дорогой друг! Приехал вчера вечером домой с рефератной поездки и нашёл Ваши письма. Большущий Вам привет, а через Вас всем русским друзьям…

На мой взгляд, важнее всего теперь последовательная и организованная борьба с шовинизмом, который обуял всю буржуазию и большинство оппортунистических социалистов…

…Похоже на то, что средней линией всего „брюссельского блока“ гг. ликвидаторов с Алексинским и Плехановым будет приспособление к Каутскому, который теперь *вреднее всех*…

Неверен лозунг „мира“ – лозунгом должно быть превращение национальной войны в войну гражданскую… Не саботаж войны, а борьба с шовинизмом и устремление всей пропаганды и агитации на международное сплочение пролетариата в целях гражданской войны… Мы должны готовить массовое (или по крайней мере коллективное) выступление в войске не одной только нации… Направление работы в духе превращения национальной войны в гражданскую – вот вся суть. Момент этого превращения – вопрос иной, сейчас ещё неясный. Надо дать назреть этому моменту и „заставлять его назревать“ систематически…»[673].

Как видим, Ленин исходил из того, что в ходе войны могут сложиться условия для европейской революции, для чего необходимо готовить вооружённые Капиталом части народа не в одной только России, а ***во всех*** воюющих странах! Ленин прибавлял к уже сказанному:

«Пролетарский лозунг должен быть один: гражданская война. Объективно – из коренной перемены в положении Европы вытекает такой лозунг для эпохи массовой войны. Из базельской резолюции вытекает тот же лозунг. Мы не можем ни „обещать“ гражданской войны, ни „декретировать её“, но вести работу – при надобности и очень долгую, *в этом направлении* мы обязаны…»[674]

И тут надо кое-что пояснить… Полностью ошибётся тот, кто на основании прочитанного подумает, что Ленин уже тогда готовил гражданскую войну **в России**…

Ленин не зря ссылался на Базельский манифест, который призывал ***все*** трудящиеся массы Европы превратить империалистическую войну Элит в гражданскую войну народов против наднациональной Золотой Элиты, объединяющей национальные Элиты. И не зря Ленин ставил задачу **международного** сплочения пролетариата **в целях гражданской войны**…

Говоря о гражданской войне после начала Первой мировой войны, Ленин имел в виду

общеевропейскую гражданскую войну, целью которой будет общеевропейская же социальная революция.

Но когда в России осенью 1917 года Ленин сумел обеспечить победу российской социалистической революции, гражданская война в России ему уже была не только не нужна, но и вредна для его задач. Ленин ведь брал власть в Октябре не столько для разрушения старого строя – он и так уже в политическом отношении в 1917 году рухнул, сколько для строительства новой России.

Любая война – не лучшее время для строительства, а уж гражданская – тем более. Так зачем она нужна была Ленину? И гражданскую войну в России – мы об этом ещё поговорим, развязал не Ленин, а его враги, то есть – враги новой России.

Всё это надо чётко понимать, читая ленинские работы времён второй его эмиграции.

Направление и задачу своей работы в Европе во время мировой войны Ленин определил сразу: превращение захватнической войны в европейскую гражданскую. Но сам же соглашался, что когда это может стать возможным – «вопрос неясный», и что «надо дать назреть моменту». Но при этом он призывал «заставлять его назревать систематически»…

Систематическую работу в России вести было невозможно – война изменила всё. И немалую часть своей энергии опытного оперативного партийного деятеля Ленин стал использовать для европейской работы. Он всё активнее связывается со швейцарскими социалистами, в частности – с Робертом Гриммом (1881–1958), крупным швейцарским социал-демократом центристского толка (в 1945–1946 годах он был даже председателем Национального совета Швейцарии).

В Германии адресатом Ленина становится хотя и плохо управляемый, но левеющий Карл Радек, в Голландии – левый социал-демократ Давид Вайнкоп, будущий основатель Коммунистической партии Голландии…

14 февраля 1915 года в Лондоне состоялась Конференция социалистов стран «тройственного согласия», то есть – «Антанты»: Англии, Франции, Бельгии и России. От Англии было 11 делегатов во главе с будущим лейбористским премьером Макдональдом, от Франции – 11 делегатов во главе с двумя «социалистическими» «зубрами»: 75-летним Эдуаром Вальяном, бывшим членом Парижской Коммуны и 63-летним Марселем Самба, министром общественных работ в правительстве «национальной обороны»… Бельгию представлял известный нам Вандервельде и ещё два человека.

Россию представляли эсеры Рубанович, Чернов и Натансон, от ОК меньшевиков – Иван Майский, будущий полпред и посол СССР в Англии, а также Мартов, который, однако не явился.

В Лондоне постоянно жил тогда «Папаша» – Максим Литвинов-Валлах, будущий (надо же!) «шеф» Майского в качестве наркома иностранных дел СССР. Литвинов входил в МСБ как представитель ЦК РСДРП. На конференцию его не пригласили, но он сам (точнее – по поручению Ленина) пришёл туда и внёс в «благородное семейство» официальных делегатов вполне резонный элемент скандала.

Кончилось тем, что Литвинов, которому не позволили зачитать декларацию ЦК, вручил её председателю и удалился.

Декларация, написанная Лениным, содержала требования о выходе социалистов из буржуазных правительств, о полном разрыве с империалистами, об осуждении голосования за военные кредиты… Для делегатов Лондонской конференции этот ленинский «коктейль» был, конечно, крепковат[675].

Незадолго до конференции парижское «Наше Слово» Троцкого обратилось с письмами к Аксельроду (ОК меньшевиков) и Ленину (ЦК большевиков) с предложением о совместных действиях интернационалистских элементов РСДРП на Лондонской конференции.

9 февраля Ленин ответил, что он согласен обсудить план совместных действий, но предложил свой проект декларации для оглашения на конференции и указал, что ОК и Бунд стоят на шовинистических, а не на интернационалистских позициях. На том «совместные действия» и закончились, ибо проект Ленина «нефракционного» Троцкого не устроил.

В результате Ленин взял ближайший курс на созыв собственной, так сказать, международной конференции, где можно было бы обсудить и накопившиеся проблемы, и возможные задачи на будущее.

11(24) марта 1915 года скончалась – в 73 года, мать Надежды Константиновны – Елизавета Васильевна, многие годы делившая с детьми все их российские и европейские скитания. Это, и общее напряжение эмигрантской жизни дали рецидив базедовой болезни Крупской, и Ульяновы выехали на лето в горную деревушку Зёренберг, где Ленин, как и везде, много работает: ведёт переписку, пишет статьи… Так убиваются два зайца: 1) Крупская, а заодно и Ленин, поправляют здоровье, и 2) расходы на жизнь сокращаются.

К тому же эмигрантская сутолока утомляет, а горы и уединение – это горы и уединение…

Сняли по объявлению дешёвый пансион в гостинице «Мариенталь», место было непрестижное, то есть – без толкотни. Почта ходила со швейцарской точностью. Даже в глуши – но швейцарской глуши – можно было по запросу простой почтовой открыткой в течение двух дней получить любую книгу из бернских или цюрихских библиотек.

Красота!

Крупская вспоминала:

«В Зёренберге устроились мы хорошо, кругом был лес, высокие горы, наверху Ротхорна даже лежал снег… Через некоторое время к нам туда приехала Инесса. Вставали рано и до обеда занимался каждый из нас в своём углу в саду. Инесса часто играла в эти часы на рояле… После обеда уходили иногда на весь день в горы. Ильич очень любил горы, любил под вечер забираться на отроги Ротхорна, когда наверху чудесный вид, а под ногами розовеющий туман, или бродить по Штраттенфлу – такая гора была километрах в двух от нас… Ложились спать с петухами, набирали альпийских роз, ягод, все были отчаянными грибниками – грибов белых была уйма, но наряду с ними много всякой другой грибной поросли, и мы так азартно спорили, определяя сорта, что можно было подумать – дело идёт о какой-нибудь принципиальной резолюции…»[676]

Для Ленина Зёренберг стал очередным просторным рабочим кабинетом с прекрасными условиями работы в щадящем режиме. Настроение у него было неплохим – в Германии активно работали Роза Люксембург и Франц Меринг, в июне Карл Либкнехт и германская социалистка Кэте Дункер опубликовали «Открытое письмо к Центральному Комитету социал-демократической партии и фракции рейхстага» с протестом против отношения к войне. Письмо подписала тысяча партийных функционеров…

Так или иначе, но европейские массы и рядовые социал-демократы не правели, а левели…

На весну 1915 года приходится один сюжет, обойти который нельзя – в мае 1915 года к Ленину в Берн приезжал Парвус[677].

С этой фигурой читатель уже знаком по 1905 году – тогда Парвус-Гельфанд вместе с Троцким и Носарём-«Хрусталёвым» играл одну из первых ролей в руководстве питерским пролетариатом в первый год первой русской революции.

Попадался он нам и в «версии» событий 1914 года, изложенной экс-жандармом Спиридовичем…

Сегодня о Парвусе-Гельфанде не знает только ленивый, но я приведу две официальные, так сказать, справки на него. Одна взята из сборника «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы», изданного Политиздатом в 1963 году, и сообщает:

Парвус (Гельфанд А. Л.) (1869–1924) – меньшевик. В конце 90-х – начале 900-х гг.

участвовал в социал-демократическом движении России и Германии. После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам. В период революции 1905–1907 гг. находился в России, сотрудничал в меньшевистской газете «Начало»; выдвинул антимарксистскую «теорию перманентной революции», которую затем Троцкий превратил в орудие борьбы против ленинизма. В годы реакции отошёл от социал-демократии: во время первой мировой войны – шовинист, агент германского империализма, занимался крупными спекуляциями, наживаясь на военных поставках. С 1915 г. издавал журнал крайне шовинистического направления «Die Glocke» («Колокол») – орган «ренегатства и грязного лакейства в Германии» (Ленин)

А вот Парвус, данный нам через сорок лет – в одиозном своей необъективностью кратком энциклопедическом словаре «История Отечества», изданном «Большой Российской энциклопедией» в 2003 году:

Парвус (настоящие имя и фамилия Александр Львович Гельфанд) (1869–1924), политический деятель. Участник социал-демократического движения. С 1903 меньшевик. После Революции 1905–1907 гг. сослан в Туруханск; бежал в Германию. Вместе с Троцким разрабатывал так называемую теорию «перманентной революции». В годы 1-й мировой войны выступал в поддержку Германии в войне; сотрудничал с германским Генштабом, причастен к передаче денежных средств большевикам.

Расхождение межу советской и антисоветской «объективками» на Парвуса заключается, по сути, в последних шести словах антисоветского варианта, но в них-то и суть: во всех вариантах обвинений Ленина имя «Парвус» давно стало «знаковым». Если упомянут Парвус, то это значит, что речь идёт о «германском золоте» Ленина.

Относительно «правдивости» сведений о якобы «передаче денежных средств большевикам» выше сказано уже много, относительно же Парвуса сообщу кратко следующее…

С Троцким он был связан действительно настолько прочной «верёвочкой», что когда Льву Давидовичу в 1915 году пришлось от Парвуса открещиваться, то он сделал это, опубликовав «Некролог живому другу»![678]

Название, говорящее много и о многом…

Пути же Ленина и Парвуса тесно никогда не пересекались, хотя ещё в 1899 году Ленин в журнале «Начало» опубликовал рецензию на переводную книгу «талантливого германского публициста, пишущего под псевдонимом Парвус» «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис».

В феврале 1905 года в газете «Вперёд» Ленин в статье «Должны ли мы организовать революцию?» полу одобрительно отзывается о статье Парвуса, подвизающегося уже в качестве российского меньшевика, в плехановской «Искре». Там Парвус признавал важность организованной подготовки восстания партией.

С развитием революции Парвус становится в среде меньшевиков-«новоискровцев» заметной величиной, и Ленин в те годы не раз поминает его – то критикуя, то в чём-то одобряя, но в итоге отзываясь о нём критически…

Не знаю, был ли когда-либо Парвус революционером, а вот авантюристом он был всегда, при этом не исключено, что уже в период первой русской революции Парвус был ещё и провокатором, делегированным в Россию теми или иными антироссийскими силами – какими именно, лично мне не так уж и интересно.

В любом случае к началу Первой мировой войны Парвус стал сибаритом и проходимцем, жаждущим материального преуспеяния. Человеком он был, как я понимаю, не без талантов, а уж амбиций у него было ещё больше, чем талантов.

С германскими «верхами» он действительно сотрудничал, но просто не мог не сотрудничать и с теми или иными структурами Антанты, о чём, правда, сведений не имеется…

К Ленину Парвус приезжал, вне сомнения, как провокатор. Вряд ли он рассчитывал на то, что Ленин как-то «клюнет» на его наживки и увязнет «в сетях». Однако сам факт его контакта с Лениным – даже если тот немедленно указал ему на дверь, что, скорее всего так и было – обеспечивал Парвусу определённые дивиденды у руководства Германии. Съездив к Ленину, он мог фигурять этим фактом перед потенциальными или реальными «спонсорами», выбивая из них деньги якобы «под Ленина» и «для Ленина».

А ничто иное, кроме денег, к тому времени Парвуса не интересовало. Времена были военные, политически мутные, и если на политике можно делать гешефты, то почему бы их и не делать?

Парвус так и поступал – ради «адреналина», огромных сигар, шампанского и штата блондинок…

Факт посещения им Ленина был полезен Парвусу также с позиций возможной дискредитации Ленина при том или ином развороте событий в России (собственно, так в действительности в 1917 году и произошло!).

Позднейшие клеветники на Ленина, приплетающие его к Парвусу, а Парвуса к нему, упускают, к слову, из виду, что якобы «договорённость» лично Ленина с немцами они относят к лету 1914 года, а сам Парвус относит контакт с Лениным к лету 1915 года…

В принципе, одно исключает другое, но что до того клеветникам! При этом за Лениным они числят целых 70 миллионов марок, а за Парвусом – всего 2 миллиона (которые он, возможно, и получил)…

Мы имеем, однако, ***достоверно*** документальное свидетельство отношения Ленина к Парвусу – статью Ленина «У последней черты», опубликованную в № 48 газеты «Социал-Демократ» от 20 ноября 1915 года, где Ленин писал:

«Превращение отдельных лиц из радикальных социал-демократов и революционных марксистов в социал-шовинистов – явление общее всем воюющим странам… Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустился теперь в журнальчике „Die Glocke“ („Колокол“) до последней черты… Он сжёг всё, чему поклонялся… Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что „немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России“…

В шести номерах его журнальчика нет ни единой честной мысли, ни одного серьёзного довода, ни одной искренней статьи. Сплошная клоака немецкого шовинизма, прикрытая разухабисто намалёванной вывеской: во имя будто бы интересов русской революции!

Господин Парвус имеет настолько медный лоб, что публично объявляет о своей миссии служить идейным звеном между вооружённым немецким и революционным русским пролетариатом. Эту шутовскую фразу достаточно выставить на осмеяние перед русскими рабочими. Если „Призыв“ (издававшаяся в Париже социал-шовинистическая газета. – *С.К.*) гг. Плеханова, Бунакова (И. И. Фундаминский, один из лидеров партии эсеров. – *С.К.*) и K^0 вполне заслужил одобрение шовинистов, то „Колокол“ г-на Парвуса – орган ренегатства и грязного лакейства в Германии»[679].

Как видим, ситуация вполне ясная… Ленин не мог не знать о весьма прозрачных каверзах Парвуса, игравшего роль Смоляного Чучелка, и, походя, в небольшой заметке, щёлкнул его по носу.

Ничего большего Парвус и не заслуживал.

Лето 1915 года закончилось, и 5 сентября 1915 года в Швейцарии в деревне Циммервальд близ Берна открылась Первая международная социалистическая конференция интернационалистов. Продолжалась она четыре дня и 8 сентября закончилась принятием ряда документов.

Читателю этой книги ранее уже не раз попадались в приводимых ленинских текстах слова «Циммервальд», «Циммервальдская левая», и можно, наконец, подробно разъяснить, о чём речь…

Конференция была собрана по инициативе швейцарских и итальянских социалистов, но, фактически, – Ленина. Ленин очень старался, чтобы на конференции было побольше левых, однако преобладающими настроениями в Циммервальде оказались центристские, Ленин и левые были в меньшинстве.

Приведу извлечение из циркуляра Департамента полиции от 15 ноября 1915 года № 175242:

«Означенная конференция имела целью восстановление прерванных войною связей между социал-демократическими партиями в общих стран, возобновление во всех странах классовой борьбы пролетариата и объединённое активное выступление интернационального пролетариата против продолжения войны с требованием немедленного заключения мира…

При обсуждении вопроса о выступлении пролетариата против войны оказалось, что взгляды делегатов разошлись. Одна часть, с Лениным во главе, настаивала… вместе с лозунгом борьбы за мир выставить ещё призыв к гражданской войне… Другая часть делегатов указывала на то, что предлагаемое расширение борьбы идёт за пределы компетенции и целей конференции»[680].

Конференция вышла не боевой, но это был, как определял Ленин, первый шаг… Почти сорок делегатов представляли 11 стран: Германию, Францию, Италию, Россию, Польшу, Румынию, Болгарию, Швецию, Норвегию, Голландию, Швейцарию, при этом крупнейшие партии II Интернационала – Германская социал-демократическая и Французская социалистическая официально представлены не были.

От большевистского Центрального Комитета РСДРП в Циммервальде были Ленин и Григорий Зиновьев, от меньшевистского Организационного Комитета – Павел Аксельрод и Юлия Мартов, от эсеров – Виктор Чернов и ветеран ещё из народников Марк Натансон («Бобров»)… От «латышей» в Циммервальд приехал Ян Берзин, от польской «левицы» Варский. Присутствовал в Циммервальде и Троцкий – всё так же якобы «нефракционный»…

Ленин много выступал по всем вопросам повестки дня, полемизируя с депутатом рейхстага Георгом Ледебуром, но итоговый манифест конференции был скорее пацифистским, чем пролетарским.

Тем не менее, Ленин собрал на конференции группу «левых циммервальдистов», известных и как «Циммервальдская левая». Вначале её составили 8 человек: Ленин, Зиновьев, Берзин, швед Карл Хёглунд и норвежец Туре Нерман, Карл Радек, немецкий экономист Юлиан Борхардт и швейцарец Фридрих Платтен…

Как-никак, это было расширение европейских связей, кое-кто из членов «Циммервальдской левой» позднее работал уже в европейском коммунистическом движении.

Оформилась в Циммервальде и «Циммервальдская правая» – так называемый «Циммервальдский Интернационал». Он просуществовал до 1919 года, переходя на всё более оппортунистические позиции.

Правое большинство «циммервальдистов» образовало руководящий центр – Интернациональную социалистическую комиссию, в которую вошли: Одино Моргари – член нижней палаты итальянского парламента; адвокат Шарль Нэн – член Швейцарского университетского совета, швейцарский социал-демократический лидер Роберт Гримм, и в качестве секретаря-переводчицы – Анжелика Балабанова, российско-итальянская социал-демократка.

То, что Циммервальд был нужен, доказывается уже тем, что его вынужден был приветствовать даже Карло Чхеидзе, возглавлявший оставшуюся в IV Думе фракцию меньшевиков. Но дался Циммервальд Ленину нелегко. Вот как описывает это Крупская:

«На другой день по приезде Ильича из Циммервальда полезли мы на Ротхорн. Лезли с „великоторжественным аппетитом“», но когда влезли наверх, Ильич вдруг лёг на землю, как-то очень неудобно, чуть не на снег, и заснул. Набежали тучи, потом прорвались, чудесный вид на Альпы открылся с Ротхорна, а Ильич спит как убитый, не шевельнётся, больше часу проспал. Циммервальд, видно, здорово ему нервы потрепал, отнял порядочно сил.

Надо было несколько дней ходьбы по горам и зёренбергской обстановки, чтобы Ильич пришёл в себя…[681]

Непросто, всё же, быть честным, искренним и внутренне благородным человеком.

Одно время летом 1915 года возник план переезда редакции центрального органа – газеты «Социал-Демократ», а, значит, и Ульяновых – в Стокгольм – поближе к России. Однако вскоре этот план пришлось отставить, Ленин писал Зиновьеву:

«*Письмо Бухарина* (тогда жившего в Стокгольме. – *С.К.*) *показывает, что нам ехать при таких трудностях невозможно (с чужим паспортом? Нас откроют и посадят* ради услуги *царю)*…»[682]

В том же письме Ленин сообщал: «*Денег всё меньше: на два №№ ЦО + брошюра выйдет большая часть из оставшейся тысячи. А дорога? А дороговизна в Стокгольме? А работать там (библиотека) хуже. Надо обдумать и обдумать*…».

Швейцария действительно была удобнее во всех отношениях, кроме одного – удалённости от России, но тут уж ничего поделать было нельзя. И Ленин остался на месте.

7 октября 1915 года он писал матери в Петроград на Широкую улицу, дом № 48/9, кв. 24:

«Дорогая мамочка! Мы переехали на днях с Надей в Берн. Хотели было подольше остаться в Sqrenberg`e, но так уже выпал снег, и холод стоял невозможный. Осень нынче холодная, а в Sqrenberg`e климат горный. Здесь нашли хорошую комнату, с электричеством и ванной за 30 франков. Надя поправилась недурно; прошли сердцебиения; могла даже на горы ходить; лишь бы не повторилась базедка…»[683]

Увы, похвалиться перед матерью хорошим жильём – как же, на «германское»-то «золото» целая комната с электричеством и ванной! – Ленин поспешил. Крупская вспоминала, что не успели они устроиться, как пришли в гости Шкловские, и она стала показывать «как электричество чудесно горит». «Но ушли Шкловские, – продолжала Крупская, – и к нам с шумом влетела хозяйка и потребовала, чтобы мы на другой же день съехали с квартиры, так как она не позволит у себя в квартире днём зажигать электричество».

Пришлось съезжать и нанимать комнату поскромнее, без электричества.

Линию «Циммервальда» продолжила Вторая международная конференция социалистов, прошедшая в швейцарском Кинтале 24–30 апреля 1916 года.

В Кинталь приехали 43 делегата из 10 стран. От большевиков были Ленин и Зиновьев, от эсеров – Чернов и Натансон, от меньшевиков – Аксельрод, Топур, Бронштейн-Семковский и Мартов.

Ленин при открытии конференции заявил, что мандаты меньшевиков не могут быть признаны действительными, поскольку в России они примыкают к социал-патриотическому движению. В ответ Мартов зачитал заявление петроградских рабочих-меньшевиков, в котором осуждались социал-патриоты, а также и те меньшевики, которые вошли в состав полугосударственных военно-промышленных комитетов. После этого мандатная комиссия признала полномочия Мартова и других меньшевиков[684].

Факт показательный – рядовые меньшевики в России начинали, по сути, большевизироваться…

Состав германской делегации в Кинтале был весьма представительным: среди 23 делегатов официально числились Каутский, Меринг, Гофман, Клара Цеткин, Роза Люксембург, хотя в Кинталь приехали не все…

«Левая циммервальдская» в Кинтале немного пополнилась, в неё вошла и Роза Люксембург. В целом же и в Кинтале преобладала «Циммервальдская правая»… Ленин, Радек и Роза Люксембург предлагали резолюцию, призывающую к всеобщей забастовке, саботажу и вооружённому восстанию, но это не прошло.

Впрочем, документы Кинталя оказались чуть более радикальными, чем в Циммервальде… Позднее Ленин говорил о Кинтале как о зародыше III Коммунистического Интернационала.

1 июня 1916 года Крупская писала Шляпникову:

«*Насчёт Кинталя Григорий* (Зиновьев. – *С.К.*) *увлекается очень. Конечно, могу судить только по рассказам, но много словесности очень уж и нет внутреннего единства, того единства, которое служило бы порукой прочности дела. Видно, что с низов ещё не „прёт“, как выражался Бадаич* (А. Е. Бадаев. – *С.К.*), *разве вот у немцев это несколько чувствуется*»[685].

Надежда Константиновна Крупская знала и понимала Ленина – и как человека, и как политика – так, как никто другой. Поэтому она и «Кинталь» оценила точнее, чем это делал даже «записной» ближайший соратник Ленина в те годы – Григорий Зиновьев. Не ошибалась Крупская и в том, что именно немцы революционизировались больше, чем остальные…

В чём была причина?

Конечно, свою роль играли и прочные традиции рабочего движения в Германии, с которым были связаны ещё Маркс и Энгельс и которое дало такие имена как Август Бебель, Вильгельм Либкнехт, Пауль Зингер… Но и во Франции революционные традиции были не менее, и даже более прочными – Франция дала миру Парижскую Коммуну 1871 года! А уж английское рабочее движение было вообще самым старым организованным движением рабочих в мире… Однако к началу Первой мировой войны в Англии и Франции не только «вожди», но и достаточно широкие слои рабочих оказались подкупленными Капиталом, потому что Англия и Франция были крупнейшими колониальными державами, и их правящие круги могли часть колониальных прибылей пустить на создание «рабочей аристократии» и улучшение положения вообще всей массы трудящихся.

Ленин очень верно проанализировал эту тенденцию, например, в статье 1916 года «Империализм и раскол социализма», к которой мы обратимся в конце книги. Поэтому революционность большинства рядовых французов и, тем более, англичан, была сомнительной.

Германия же давних колоний не имела. Она лишь на рубеже XX века начала колониальную политику, приобретая колонии в Африке и прикупив часть колониального наследства у Испании. Достаточное благоденствие германских рабочих было обеспечено именно сильным массовым социал-демократическим движением. Отсюда и их более быстрое «левение»…

Плеханов аттестовал надежды Ленина на европейскую революцию как «грёзо-фарс», но прав был всё же Ленин – как в реальном масштабе времени, так и в исторической перспективе.

В реальном масштабе времени революция как результат войны была возможна, если бы к трём ленинским объективным условиям революционной ситуации прибавилось субъективное условие – готовность масс к действию и наличие адекватных вождей.

В исторической перспективе ясно, что, не решившись на революцию, народы Европы в XXI веке почти проиграли свою историческую судьбу – если они не вернутся к идеям Ленина.

Из-за своей нерешительности и социальной лености, из-за готовности подчиниться «вождям»-ренегатам в 1917–1919 годах, народы Европы получили в сороковые годы XX века ужасающую новую войну, в пятидесятые и последующие годы – диктат Америки, в конце XX века – развращающий «югославский синдром», а в начале XXI века – социальную и духовную

дряблость при перспективе этнических конфликтов и «цветной» дестабилизации.

Так был ли прав Ленин, а?

То, сколько сил Ленин положил на «Циммервальдскую левую» и на борьбу в Европе за преобразование войны в гражданскую, показывает, что расчёт на европейскую революцию у Ленина был, так что на этой стороне политической работы Ленина в годы Первой мировой войны – его международной деятельности в кругах европейской социал-демократии, не мешает задержаться и ещё…

А. И. Уткин, автор монографии «Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне», глупейше уверял публику в 2000-м году, что «дело Петра (якобы создававшего общество, „ориентированное на Запад“. – *С.К.*), „потерпело поражение в 1917 году“[686].

Это, конечно, „камень“ в „огород“ Ленина.

Уткин же утверждал в 2000-м году, что: „Россия в случае победы в первой мировой войне должна была войти в Центральную Европу, в Средиземноморье и принять непосредственное участие в создании в Европе такого политического порядка, при котором треугольник „Россия – Британия – Франция“ определял бы развитие всего евразийского континента. Залогом окончательного завершения интеграции России в Европу стал союз с… Парижем и Лондоном – невиданный доселе (что да, то да, – *С.К.*) эксперимент в дипломатической истории русского государства“.

Увы, племя политических глупцов неистребимо… Все квази-„геополитические“ построения уткиных разбиваются об одну единственную цифру из капитального труда генерала от инфантерии Андрея Медардовича Зайончковского (1862–1926) „Первая мировая война“ (см. Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2000, с. 836): за 1914–1917 годы Россия изготовила 3 000 самолётов и 1 300 авиамоторов, да и то, в основном, по иностранным лицензиям.

Англия за тот же период изготовила 55 000 самолётов и 57 900 авиамоторов, Франция – 51 000 самолётов и 93 000 авиамоторов (Германия произвела 33 000 самолётов). За 1914–1917 годы Англия изготовила 2 818 танков, Франция – 5 300 танков, а Россия – ни одного!

Нечего сказать – хороший бы получился геополитический „треугольник“, где в пионерских отраслях промышленности две стороны соотносились бы с третьей в соотношении примерно двадцать к одному!

Ленин в годы войны такими количественными аргументами не оперировал, но уже до войны он, как мы знаем, не раз цифрами обосновывал тезис о полной экономической зависимости России от Запада.

С позиций национальных интересов разумный выход виделся один – ликвидация того политического строя, который довёл великую страну до такого позорного положения.

С позиций социального революционера выход виделся в том же – в замене провалившегося буржуазно-дворянского строя в России таким строем, который сумеет отказаться от подчинения Западу и за счёт использования творческих сил народных масс быстро создаст новую – могучую и ***экономически*** независимую Россию.

При этом Ленин видел новые возможности для новой России и в широком сотрудничестве с Европой, но с Европой тоже новой – социалистической. Недаром Ленин так настойчиво старался внедрить в умы идею „Соединённых Штатов Европы“ – демократических, конечно.

И Ленин в этом направлении много работал – что как-то ускользнуло от внимания „записных“ советских исследователей деятельности Ленина. А ведь из анализа литературных трудов Ленина в 1915 и, особенно, в 1916 году, как и из знакомства с его тогдашней перепиской, видно, что Ленин всерьёз увлёкся идеей добиться как можно большего своего влияния в кругах левой европейской социал-демократии, и прежде всего – коль уж она была „под боком“, в

швейцарской социал-демократии…

Весь опыт его жизни в Швейцарии убеждал его в том, что рядовой швейцарец – если использовать оценку Крупской – „архи***а***политичен“. Но если бы уютная Швейцария оказалась втянутой в войну – что не исключалось, то её полевение могло оказаться быстрым, а привычка швейцарцев к быстрому вооружённому сплочению могла сыграть серьёзную роль.

То есть, „швейцарская игра“ „стоила“ свеч».

И если мы возьмём 27-й и 30-й тома Полного собрания сочинений, где помещены ленинские работы за 1916 год, то уже их перечень однозначно свидетельствует о серьёзном крене ленинского интереса в сторону дел европейских…

«Проект постановления о созыве второй социалистической конференции», «Речь на интернациональном митинге в Берне 8 февраля 1916 г.», «О задачах оппозиции во Франции», «Вильгельм Кольб (правый немецкий социал-демократ, – *С.К.*) и Георгий Плеханов», «О германском и негерманском шовинизме», «О брошюре Юниуса („Юниус“ – Роза Люксембург, – *С.К.*)», «Приветствие съезду Итальянской социалистической партии», «Речь на съезде Швейцарской социал-демократической партии 4 ноября 1916 года», «Задачи левых циммервальдистов в Швейцарской с.-д. партии», «Тезисы об отношении Швейцарской социал-демократической партии к войне», «Интернационал молодёжи» – это почти полный список статей 1916 года, и он весь относится к работе Ленина в Европе…

Большая статья «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», которую Ленин писал для издающейся в Нью-Йорке русскими политэмигрантами газеты «Новый мир», касается критики Каутского… Статья «Военная программа пролетарской революции» была написана на немецком языке в сентябре 1916 года (опубликовала её лишь через год молодёжная международная газета «Jugend-Internationale»), и начиналась эта статья со ссылок на дискуссии в социал-демократиях нейтральных Голландии, Скандинавии и Швейцарии…

Эта европейская работа Ленина была небезуспешной. Так, например, голландская социалистка Генриетта Роланд-Гольст в Циммервальде представляла «центр», а в августе 1916 года, после Кинталя, писала в голландской газете «Трибуна»: «Те, кто подобно Троцкому и его группе, хотят вести революционную борьбу против империализма, должны преодолеть последствия эмигрантских разногласий, по большей части носящих в достаточной степени личный характер и разъединяющий крайнюю левую, и должны присоединиться к ленинцам. Революционный „центр“ – невозможен»[687].

Со стороны, как говорится, виднее, но российские оппоненты Ленина в РСДРП не очень-то прислушивались к подобным мнениям. И, занимаясь «революционным воспитанием» европейских «левых», Ленин, конечно же, задумывался о том, как могут повернуться дела в России. В статье «Военная программа пролетарской революции» о России не сказано, по сути, ни слова. Но разве не о своей родине размышлял Ленин, когда писал:

«Угнетённый класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, такой угнетённый класс заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались как с рабами…

Во всяком классовом обществе… угнетающий класс бывает вооружённым… Нашим лозунгом должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию…

Откровенный оппортунизм открыто и прямо против революции и против начинающихся революционных движений и взрывов, в прямом союзе с правительствами…»[688]

Скоро эти общие рассуждения Ленина образца осени 1916 года найдут своё конкретное воплощение в его «Апрельских тезисах» 1917 года и в конкретной его борьбе за вооружение пролетариата России в целях вооружённого восстания.

Но пока что мы имеем ещё 1916 год, в котором всё было непросто, в том числе – и в России…

Глава 26. 1916 год: Ленин в Цюрихе против Джемса в Питере

1915 год прошёл для Ленина в трудах и трудах… Наступил 1916 год, проходивший в тех же трудах…

Впрочем, пока что это была мало видимая внешнему миру работа – соседи Ленина по дому представления не имели о том, что рядом с ними обдумываются, обсуждаются и продумываются вопросы без преувеличения всемирно-исторического значения, а имя их скромно одетого и скромно живущего соседа через два года будет греметь по всему миру.

Жизнь Ленина шла как бы в двух измерениях…

Одно измерение было скромно житейским, ***как у всех***… Ульяновы никогда не руководствовались обывательским: «жизнь есть жизнь», но от «жизни» невозможно было полностью уйти по существенной причине – скромности материальной и финансовой базы… Если бы в распоряжении Ленина действительно было то «золото», которое ему позднее стали приписывать, тогда – конечно… Но никаких «золотых миллионов» не имелось – были скромные тысячи, а то и сотни рублей и франков…

Второе измерение имело мировой, исторический, вселенский размах, но – в отличие от первого, в нём мог жить лишь тот, кто умел не только предвидеть будущее, а готовил его. И хотя сомнения порой не могли не приходить, хотя от «быта» уйти – по скромности средств – было невозможно, Ленин повседневно жил больше в эпохальном будущем, чем в том настоящем, которым ***пробавлялись*** обыватели.

Непросто было годами жить при таких психологических «ножницах»: следить за кастрюлей с молоком на кухне и в то же время уникально осмыслять самые острые вопросы социального бытия человечества. С одной стороны – почти полная невозможность значимо влиять на текущий политический процесс, с другой – сознание своего потенциала великого социального реформатора. Плюс – оторванность от России…

Это изнуряло даже такую натуру, как ленинская.

Среди его переписки 1916 года отыскиваются два показательных письма. Первое адресовано большевичке С. Н. Равич («Ольге») (1879–1957) – жене В. А. Карпинского («Минин») (1880–1965), заведующего библиотекой и архивом ЦК РСДРП в Женеве, и написано 3 июня 1916 года:

«*Дорогая Ольга! Я Вам должен за библиотеку – проверьте по книжечке –* ***за год*** *плюс за обед (1.50 или около того). Деньги у меня есть и реферат лозаннский покрыл поездку и дал доход.*

Большой привет В.К. (В. А. Карпинскому. – *С.К.*) *и salut Вам!*

Ваш Ленин»[689]

Долг за библиотеку – это невнесённая плата за пользование богатой партийной библиотекой, основу которой составила библиотека известного издателя социал-демократической литературы Г. А. Куклина (1877–1907). По завещанию Куклина – с 1903 года большевика, библиотека после его смерти была передана партии большевиков.

Второе письмо написано через несколько дней и адресовано Карпинскому и Равич:

«*Дорогие друзья! Напрасно Вы поднимаете историю. Ольга даже насильно совала мне деньги в карман (я их оставил на столе, пока она ещё не вставала). Зачем отступать от истины, тов. Ольга? Это нехорошо.*

К насилию прибегали Вы, и всякий третейский суд – если Вы решили довести дело до третейского суда между нами – Вас осудит, ей-ей!

Прошлый реферат я взял много денег, этот меньше, но всё же взял сверх нормальных расходов на жизнь. Значит, платить могу и, раз начал, значит должен… Очень прошу не поднимать склоки и судов, не упрямится, раз Вы явно неправы. Деньги посылаю; за обед в ресторане и за библиотеку (после однажды заплаченного месяца за все остальные) ещё не заплачено.

Прилагаю 16 frs и надеюсь, что не будете настаивать на своём, явно несправедливом и неправильном желании.

Salutations cordials („Сердечные приветы“. – *С.К.*).

Ваш В. Ульянов»[690]

Господи! Сколько шума из-за каких-то 16 франков – примерно 10 рублей! Конечно, тогдашняя николаевская «десятка» примерно равна путинской тысяче рублей, но это ведь – не бог весть какая сумма… И хотя по тогдашним понятиям финансовая щепетильность была, вообще-то, нормой, сюжет с ленинскими 16-ю франками показывает не только действительный уровень достатка заграничных большевиков, но и немалую уже истрёпанность их нервов.

Вот ещё пример «нервов»…

8 апреля 1916 года Крупская пишет в Стокгольм Шляпникову – чуть ли не единственному надёжному связному между Лениным и Россией:

«*Дорогой друг! Пришло Ваше письмо от 3 апреля, и немножко отлегло, а то тяжело как-то было читать Ваши раздражённые письма с обещанием уехать в Америку, с готовностью обвинить невесть в чём. Переписка – отвратительная вещь, недоразумения так и нарастают одно за другим… В пропавшем письме я писала подробно, почему нельзя тащить Григория* (Зиновьева. – *С.К.*) *ни в Россию, ни в Ваши края. Он очень близко принял к сердцу Ваш упрёк, что он не переехал в Стокгольм. Нельзя разорять редакцию* (Центрального Органа „Социал-Демократ“. – *С.К.*) *и вообще заграничную базу…*

Иногда Григорию до чёрта надоедает заграничное житьё, и он начинает метаться. А Вы подливаете масла в огонь своими упрёками… Стоял вопрос о переезде всей редакции, но встал вопрос о деньгах, о международном влиянии, о полицейских соображениях. О деньгах ставили японцам прямо вопрос, они сказали: у них нет. В Стокгольме жизнь гораздо дороже; тут Григорий служит в лаборатории, есть библиотеки и, следовательно, возможность хоть кое-что заработать литературно. В ближайшем будущем для всех нас и тут вопрос о заработке встанет очень остро…»[691]

Вряд ли здесь надо что-то особо комментировать – годы эмиграции расшатали нервишки у всех… Пожалуй, надо лишь пояснить, что фраза о «японцах» не означает, что Ленин кроме немцев решил продаться ещё и японцам (которые, к слову, в Первую мировую войну воевали на стороне Антанты)… «Японцами» в своей среде называли Георгия Пятакова и Евгению Бош, потому что они эмигрировали в США через Японию.

Возникали новые проблемы и в далёкой, недоступной для Ленина России… Нелегальные связи с ней были непрочными, легальные – сложными из-за цензуры. Источником информации были, в основном, русские и иностранные газеты… И в целом новости, извлекаемые из них, не очень-то радовали.

Так, в Государственной Думе социал-демократическая фракция сохранилась в лице группы меньшевика Чхеидзе. Но лучше бы она не сохранилась…

Сказать, что в 1916 году Чхеидзе и остальные находились на другом от Ленина полюсе, значит – погрешить против точности. Положительный и отрицательный полюса соединяют, всё

же, силовые линии, а большевика Ленина и его оппонентов-меньшевиков не соединяло уже ничто. И правда была в том, что к началу 1917 года сформировались две непримиримые группы, непримиримые прежде всего на уровне их лидеров.

Одна – во главе с Лениным, большевистская. Здесь лидер был очевиден – даже стоящий рядом с Лениным Зиновьев «тянул» не более чем на соратника.

Другая – меньшевистская группа, одного ярко выраженного вождя не имела, и её лидерами были Мартов, Потресов и Чхеидзе…

Между ними, а точнее – якобы между ними, стоял «нефракционный» «межрайонный» Троцкий…

В статье «Фракция Чхеидзе и её роль» Ленин в трёх заключительных абзацах объединил сразу всех:

«Припомните полемику Троцкого и Мартова в „Нашем Слове“ (парижская газета Троцкого. – *С.К.*) перед выходом последнего из редакции. Мартов упрекал Троцкого, что он до сих пор не знает, пойдёт ли он в решительный момент за Каутским. Троцкий говорил Мартову, что его (то есть, Мартова. – *С.К.*) роль есть роль „наживки“, „приманки“ революционных рабочих к оппортунистической и шовинистской партии Потресовых, затем ОК и т. д.

Оба спорившие повторяли *наши* доводы. И оба были правы.

Как ни прячут правду о Чхеидзе и К^0, она пробивается наружу. Роль Чхеидзе – заключать компромиссы с Потресовыми, *прикрывая* почти „левыми“ словами оппортунистическую и шовинистскую политику. А роль Мартова – обелять Чхеидзе»[692].

Примерно в то же время в открытом письме французскому социалисту Борису Суварину, стороннику Троцкого, Ленин писал:

«А Троцкий? Порвав с партией Мартова он продолжает упрекать нас в том, что мы раскольники. Он понемногу двигается влево, но он не говорит нам окончательно, желает ли он единства или раскола по отношению к фракции Чхеидзе. Если завтра наступит мир, у нас послезавтра будут выборы в новую Думу. И немедленно перед нами встаёт вопрос, идём ли мы вместе с Чхеидзе, или против него. Мы против этого союза. Мартов – за. А Троцкий? Неизвестно…»[693]

Во-первых, из всего этого видно, что соглашатели в России тогда пользовались в массах серьёзным влиянием – ведь только меньшевики имели легальный выход на массы. Во-вторых, как видим, в случае окончания войны Ленин был готов вести дело не к немедленному вооружённому восстанию, а к активизации думской деятельности!

И был, конечно, прав…

Быстрый мир – а Россия нуждалась в нём больше, чем другие участницы войны – сохранял бы царизм в том или ином виде, пусть даже в виде конституционной монархии, и революционная ситуация вряд ли наступила бы.

В результате ничего не оставалось бы, как восстанавливать влияние большевиков в массах при помощи выборов и думской трибуны. Иными словами, не политика Ленина обостряла и радикализировала ситуацию в России, а политика самого Николая и царизма.

Но в 1916 году внутренняя ситуация в России ещё не предвещала однозначно быстрых перемен, хотя некие признаки были для царизма и угрожающими. Если в 1915 году в России бастовало полмиллиона человек, то в 1916 году число забастовщиков возросло до миллиона.

В то же время усилилось и сотрудничество лидеров меньшевиков и эсеров с имущими в целях удержания рабочих в рамках экономических требований, ограничиваемых, к тому же, условиями «войны за Отечество». Появился и канал «сотрудничества» «рабочей аристократии» и «рабочих вождей» с капиталом – военно-промышленные комитеты с «рабочими группами».

Военно-промышленные комитеты (ВПК), образованные в конце мая 1915 года 9-м

Всероссийским съездом представителей торговли и промышленности имели троякую цель: 1) мобилизовать промышленность на нужды войны при получении максимальной прибыли; 2) добиться политических уступок от царского правительства при сотрудничестве с ним; 3) нейтрализовать и «приручить» рабочее движение.

В июле 1915 года состоялся 1-й съезд ВПК.

Ранее уже упоминалась монография В. Я. Лаверычева «Военный государственно-монополистический капитализм в России», увидевшая свет в 1988 году. Вопросу о борьбе государства и капиталистических монополий России с рабочим классом там посвящена вся 5-я глава.

В частности, В. Я. Лаверычев сообщает, что уже летом 1915 года Московский областной ВПК разработал программу милитаризации фабрично-заводского труда. Говоря проще, промышленники типа П. П. Рябушинского (сегодня его подают как чуть ли не промышленного гения) добивались от правительства такого положения дел, когда бастующим рабочим грозили бы военные суды и петля.

Даже кадеты А. И. Шингарёв и М. С. Аджемов – члены Особого совещания по обороне заявили, что принятие подобного закона, «односторонне регулирующего жизнь, свободу и труд рабочих» политически несвоевременно и «меры угроз и репрессий не достигнут своих целей»[694].

И тогда было принято «соломоново» решение о пополнении ВПК «представителями рабочего класса». В Центральном ВПК, Московском и ряде региональных ВПК были созданы и начали работать так называемые «рабочие группы». Ещё в апреле 1915 года журнал «Промышленность и торговля» задал ориентир, указав, что «развитие деятельности профессиональных союзов рабочих необходимо для установления деловых и практических отношений с ними предпринимателей». 15 августа 1915 года А. И. Путилов на заседании Особого совещания предложил ввести институт цеховых старост…

Всё это были, конечно, благие пожелания. Когда в конце июля 1916 года забастовал Сормовский завод, то в тот же день у ворот появилось 7 рот пехоты, а рабочим было заявлено, что не хотите, мол, работать – пойдёте на фронт… При этом рабочие не отказывались работать, они отказывались работать за полунищенскую зарплату, в то время как прибыли хозяев составляли 50…70 %, а то и 100 % на основной капитал[695].

Выборы в «рабочие группы» ВПК выявили вполне определённую картину. С одной стороны, в Петрограде, например, на всех крупнейших заводах выборщиками были избраны сторонники большевиков. 27 сентября 1915 года на общегородском собрании выборщиков, несмотря на все уговоры меньшевика К. А. Гвоздёва – председателя рабочей группы Центрального ВПК, большинство выборщиков проголосовало за резолюцию большевиков, но соотношение между сторонниками большевиков и сторонниками меньшевиков составило 90 голосов на 81 голос. Почти «50 на 50»…

29 ноября 1915 года меньшевики и эсеры сумели протащить нужное им решение, хотя им удалось обеспечить выборы лишь в 70 комитетах из общего количества 239 областных и местных ВПК[696].

Ленин писал о «гвоздёвщине» и в октябре 1916 года заявлял, что «царизм убедился, что даже при всей помощи со стороны либерального общества, при всём усердии военно-промышленных комитетов, при всём содействии делу умножения снарядов от господ Плехановых, Гвоздёвых, Потресовых, Булкиных, Чиркиных, Чхеидзе…, нельзя добиться большего…»[697]

Булкин и Чиркин (которых читатель должен помнить по V Лондонскому съезду) были рабочими и после Февраля 1917 года стали дрейфовать к большевикам. Но весной 1917 года не кто-то из большевиков – тот же Молотов, бывший в Петрограде, а меньшевик Чхеидзе был избран первым председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и был первым председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета… А меньшевик-ликвидатор Гвоздёв входил в Исполком Петросовета, лишь позднее пересев в кресло последнего министра труда последнего Временного правительства.

Возглавлявший в феврале 1917 года Русское бюро ЦК Молотов тоже был избран в Исполком Петросовета, однако «первую скрипку» массы отдали тогда, всё же, Чхеидзе – буржуазный «пиар» своё дело сделал.

Из уже сказанного видно, что даже в 1916 году партия большевиков не была в глазах даже рабочих единственной представительницей их интересов – меньшевикам многие рабочие ещё доверяли и твёрдо были готовы идти за Лениным прежде всего рабочие крупнейших предприятий России. Это была, правда, гвардия рабочего класса – гвардия и по своей организованности и политическому развитию, и по своей профессиональной квалификации, и по месту в экономике страны.

Подобная тенденция не могла не обнадёживать Ленина, однако особо радужных настроений он, как я понимаю, в 1916 году не испытывал, не утрачивая, впрочем, и боевого настроя. Ниже мы подробно разберём письмо Ленина от 11 марта 1916 года из Цюриха в Стокгольм Шляпникову – главной «связи» Ленина с Россией (см. ПСС. Т. 49, с. 192–196)…

Знание этого письма просто-таки необходимо для понимания как ***тогдашней*** ситуации, так и политической жизни партии ***после*** Октября 1917 года.

Шляпников был для Ленина в тот момент примерно тем же, чем была для блокадного Ленинграда «Дорога жизни»… Через Шляпникова шла переписка с Россией, от Шляпникова Ленин получал достоверную нелегальную информацию, и поэтому для него было крайне важно иметь в лице Шляпникова твёрдого единомышленника, почему Ленин и предпринял обстоятельный «разбор полётов» лично для Шляпникова…

Начал Ленин так:

«Дорогой друг! По поводу Вашего письма и упоминания в нём ходячего упрёка в моей „неуступчивости“ мне хочется побеседовать с Вами подробнее.

Что касается Джемса, то он никогда не разбирался в политике, всегда стоял против раскола. Прекрасный человек – Джемс, но *на эти темы* его суждения неверны глубоко.

У нас в России (а теперь и в новом Интернационале) вопрос о расколе *основной*. Всякая уступчивость *здесь* была бы преступлением. Я хорошо знаю, как много добрых людей (Джемс, Галёрка [М.С. Ольминский. – *С.К.*], „питерские друзья“ из интеллигентов) были *против* раскола думской фракции. Все они были 1000 раз неправы. Раскол был необходим. Раскол с *Чхеидзе и К*^{0} и теперь абсолютно необходим. Все колеблющиеся на этот счёт *враги* пролетариата, с ними нужна ***не***уступчивость…»

Итак, в ситуацию в России вмешался некий таинственный Джемс, который человек прекрасный, но в политике не разбирается, хотя какое-то влияние в партии имеет – иначе Ленин не стал бы тратить на него чернила и место в важном послании…

Кем же был этот Джемс?

Ну, об этом – чуть позже, а пока обращу внимание читателя на то, что позиция Ленина, как видим, уже обеспечила ему даже в своей партии репутацию «неуступчивого», а кое-кто ворчал про себя и о «диктаторстве»…

Оппоненты же честили его «диктатором» в открытую!

Сегодня некоторые «исследователи», выдирая из писем Ленина клочья «цитат», пишут даже

о якобы его «интриганстве»… Подобные оценки идут или от непонимания сути тогдашних конфликтов в РСДРП, или от оплаченного стремления навести тень на ясный день.

Вся политическая биография Ленина доказывает его неизменную принципиальность во всех существенных вопросах… Он мог быть не сдержан на язык – что само по себе для интригана не характерно, но он никогда не «ловчил», не «темнил» и не «выгадывал»… Очень рано он увидел верный путь («мы пойдём другим путём») и шёл по нему прямо. А вот многие другие «кривуляли» по тем или иным причинам. Не уклонялся вправо или влево лишь тот, кто шёл за Лениным через все политические дебри так же без колебаний, как люди шли за горьковским Данко…

Увы, таких в руководстве даже РСДРП(б) было до Октября 1917 года не так уж и много. Да и после Октября 1917 года Ленин менее всего был «диктатором» не только по несклонности к подобному поведению, но и потому, что с ним нередко не соглашались собственные соратники (как правило, за редчайшими исключениями, ошибавшиеся)…

Вернёмся, однако, к письму Шляпникову:

«…Все колеблющиеся на этот счёт *враги* пролетариата, с ними нужна ***не***уступчивость…

Кто же колеблется? Не только Троцкий и $К^0$, но и *Юрий* + Евг. Б. (они ещё летом „закатывали сцены“ из-за Чхеидзе!!)…

С ними ***не***уступчивость обязательна.

Радек из них лучший; работать *вместе* с ним было полезно (между прочим и для Циммервальдской левой), и мы работали. Но Радек *тоже колеблется*. И наша тактика здесь *двусторонняя* (этого Юрий + Ник. Ив. *никак* не хотели или не умели понять): с одной стороны, *помочь* Радеку двинуться влево, *объединить* всех, кого можно, для Циммервальдской левой. С другой, *ни на йоту* не допускать колебаний *в основном*.

Основное – раскол с ОК (Орг. комитет меньшевиков. – *С.К.*), с Чхеидзе и $К^0$…»

«Юрий» и «Евг. Б.» – это «японцы» Георгий Пятаков и Евгения Бош, а «Ник. Ив.» – Бухарин. После Октября 1917 года Пятаков и Бухарин попортят много крови вначале Ленину, а затем и Сталину, а Бош в итоге уйдёт к Троцкому против Сталина… Пока до этого было далеко, и Ленин разъясняет Шляпникову:

«В России тоже есть разноголосица? О, конечно! *Но не наше дело её увеличивать*. Пусть Чхеидзе и $К^0$, Троцкий с $К^0$ занимаются (в этом их „профессия“) увеличением разноголосицы, а наше дело – вести *свою* линию. Плоды *такой* работы налицо: питерские рабочие во 100 раз лучше питерских интеллигентов (даже „сочувствующих“…)»

За одним этим абзацем – вся драма будущих послеоктябрьских отношений Ленина с разнообразными «сочувствующими» и колеблющимися… Причём далее в письме Ленин разбирает свои споры с Пятаковым, Бош и Бухариным, из чего видно, что он с ними был жёсток, но лоялен к ним («*только так и они научатся*», «*людей надо опровергнуть, разоблачить, дать им время поучиться и подумать, а не ублажать их*»)…

Вместе с тем Ленин пишет о Бухарине: «*Ник. Ив. занимающийся экономист, и в этом мы его всегда поддерживали. Но он (1) доверчив к сплетням и (2) в политике дьявольски неустойчив…*»

Характерна и показательна одна из заключительных фраз письма: «*Знаете ли Вы это заграничное* ***бедствие****: „выдумывание“ дела для сидящих за границей? Ужасное бедствие*».

Что ж, не все способны (а точнее – мало кто способен) не «выдумывать» себе дело, а делать его повседневно – как Ленин. Много званных, да мало избранных! Ленин постоянно пишет: публицистические и политические статьи, политэкономические и экономические труды, а на это способен не каждый.

Главное же – прорвавшаяся у Ленина фраза о «заграничном **бедствии**» хорошо

иллюстрирует всю сложность периода накануне 1917 года…

А тут ещё проблемы с «Джемсом».

Весной 1916 года шла подготовка к Кинтальской конференции, и у Зиновьева возникла идея пригласить на неё Шляпникова, в связи с чем Ленин 4 апреля пишет Зиновьеву из Цюриха в Берн:

«Насчёт Александра (А. Г. Шляпникова. – *С.К.*) не согласен с Вами… Показывать его на конференции значит *губить* человека. Это ясно. В Швеции и Норвегии у русского правительства нет шпиков, а здесь тьма. Мартов и К^0 разблаговестят…

Спешить тем более нечего, что на *Александра* повлияет *Киевский* (Г. Пятаков. – *С.К.*)… (Ускоренной выпиской Александра Вы **ускорите** его переход к Бухарину и К^0, ибо Александр теперь на взводе, а подождать… *Александр* будет иметь время подумать и увидать, куда лезут, в какое болото *Бухарин и К^0*)…»[698]

А далее Ленин прибавляет: «*Связи получим через примиренца Джемса и т. д. (Джемс, конечно, виноват)*…».

Опять «Джемс», которого Ленин поминает и в письме Зиновьеву от 23 июля 1916 года…

В начале октября Ленин в очередной раз пишет Шляпникову о «Джемсе», но то, что он пишет, приобретает некий детективный оттенок:

«Устранение Джемса (об этом устранении убедительно прошу Вас *ни единому* человеку за границей не говорить ни слова: Вы представить себе не можете, как опасна во *всех* отношениях заграничная болтовня на эти темы…) – устранение Джемса делает положение критическим и ставит опять на очередь вопрос об общем плане работы…

Самое больное место теперь: слабость связи между нами и руководящими рабочими в России!! Никакой переписки!! Никого, кроме Джемса, а теперь и его нет!! Так нельзя…»[699]

Пожалуй, так действительно, уважаемый читатель, нельзя!! Да кто же он такой – этот непонятный «Джемс»? То он «примиренец», ничего не смыслящий в политике, то – важнейшее звено в партийных связях. И почему о нём ничего не сказано в курсах истории партии?

То-то и оно, что сказано… «Джемс» – это… старшая сестра Ленина, Анна Ильинична Елизарова-Ульянова, а под «устранением Джемса» Ленин имел в виду её арест 26 июля 1916 года…

И такие, оказывается, бывали сюжеты в истории партии… И эта история (не история партии, а история с «Джемсом») показывает, насколько непростой была эта история (не история с «Джемсом», а история партии)…

В завершение сюжета приведу ещё одно место из октябрьского письма Ленина Шляпникову из Цюриха в Стокгольм:

«Ни издания листовок, ни транспорта, ни спевки насчёт прокламаций, ни посылки их проектов и пр. *нельзя* поставить без правильной *конспиративной* переписки. В этом гвоздь!

Этого не сделал (тогда не мог, пожалуй) Беленин в первую поездку. Убедите его, Христа ради, что это обязательно надо сделать обязательно во вторую поездку! Обязательно!! Числом связей надо измерять ближайший успех поездки, ей-ей!! (Конечно, личное влияние Беленина ещё важнее, но он не сможет остаться надолго нигде, не губя себя и не вредя делу. Числом связей в каждом городе измеряется успех поездки!!

…Жму крепко руку, тысяча лучших пожеланий Беленину…»[700]

Мастер конспирации, Владимир Ильич применяет здесь остроумный и стандартный для него в партийной переписке приём: говорит в письме Шляпникову о Шляпникове в третьем лице, ибо «Беленин», которого Ленин просит Шляпникова «Христа ради» убедить, это и есть

сам агент ЦК Шляпников, одна из партийных кличек которого была «Беленин».

Шляпников собирался в Россию, и Ленин тактично наставлял его и предупреждал о необходимости быть осторожным и во имя себя, и во имя дела – Шляпников, «дорвавшись» до России, вполне мог – и Ленин это понимал – ослабить самоконтроль и увлечься тактикой… А после «устранения» «Джемса» Ленина никак не могло устроить «устранение» ещё и «Беленина»…

С начала 1916 года Ленин, много сил отдавая насущным делам, начал работу и над большим своим трудом «Империализм как высшая стадия капитализма», заказанным ему петроградским издательством «Парус» Максима Горького.

«Империализм…» – вне сомнений, не только в полной мере в очередной раз выявил всю широту и глубину политического гения Ленина, но и стал книгой «на вырост»… Любой мало-мальски стремящийся мыслить современный молодой экономист или политолог, по нынешней антисоветской и антиленинской моде не знакомый с «Империализмом…», взяв его в руки, уже не оторвётся от него, пока не прочтёт от корки до корки.

Не всё потом пошло в мире так, как предполагал тогда Ленин, но даже ленинские ошибки оказались интереснее тривиальной правоты апологетов «либеральной модели» общества.

Не останавливаясь пока на самом «Империализме…», сообщу, что в августе-октябре 1916 года Ленин написал статью «О карикатуре на марксизм», отвечая бездарно запутавшемуся большевику П. Киевскому – под этим псевдонимом скрывался Георгий Пятаков, который вместе с Николаем Бухариным занимал тогда вяло антиленинскую позицию (позднее эти два политических клоуна дружно занимали уже антисталинскую позицию).

После написания «Империализма…» дать в той или иной статье концептуальный экономический анализ было для Ленина парой пустяков… И в антипятаковской статье есть блестящие «экономические» места. Причём они прямо касаются положения нынешней полуколониальной России, например:

«Империализм есть, экономически, монополистический капитализм. Чтобы монополия была полной, надо устранить конкурентов не только с внутреннего рынка, …но и с внешнего, со всего мира. Есть ли *экономическая* возможность в эру финансового капитала устранить конкуренцию даже в чужом государстве? Конечно, есть: это средство – финансовая зависимость и скупка источников сырья, а затем и всех предприятий конкурента.

Американские тресты есть высшее выражение экономики империализма…

Крупный финансовый капитал одной страны всегда может скупить конкурентов и чужой, политически независимой, страны, и всегда делает это. Экономически это вполне осуществимо. Экономическая „аннексия“ *вполне* осуществима без политической и постоянно встречается. В литературе об империализме вы встретите на каждом шагу такие, например, указания, что Аргентина есть на деле „торговая колония“ Англии, что Португалия есть на деле „вассал“ Англии и т. п. Это верно: экономическая зависимость от английских банков, задолженность Англии, скупка Англией местных железных дорог, рудников, земель и пр. – всё это делает названные страны „аннексией“ Англии в экономическом смысле, без нарушения политической независимости этих стран…»[701]

Подставьте вместо «Англии» – «Запад», а вместо «Аргентины» и «Португалии» «Россия», и ленинский текст можно принять за написанный не в 10-х годах XX века, а в 10-х годах нынешнего, XXI века!

Не так ли?

А теперь – о книге «Империализм как высшая стадия капитализма»… Ленин начал эту, не очень большую по объёму, но фундаментальную по сути, книгу в январе и закончил в июне 1916 года.

Работая над «Высшей стадией…», Владимир Ильич выезжал из Берна в Цюрих для работы в Цюрихской кантональной библиотеке, выписывал книги из других городов[702].

В 27-м томе Полного собрания сочинений эта знаменитая ленинская работа занимает примерно ***130 страниц***. А подготовительные материалы к ней – так называемые «Тетради по империализму», составили полностью 28-й том в 838 страниц, где текст непосредственно ленинских выписок и конспектов занял ***740 страниц***!

Иными словами, сами по себе эти «Тетради…» имеют огромную научную ценность, поскольку представляют собой представительный обзор сотен книг, брошюр, диссертаций, журнальных и газетных статей, статистических сборников, изданных в разных странах на разных языках.

«Тетради по империализму» содержат выписки из 148 книг (106 немецких, 23 французских, 17 английских и 2 в русском переводе), и из 232 статей (206 немецких, 13 французских и 13 английских), помещённых в 49 периодических изданиях (34 немецких, 7 французских и 8 английских)[703].

Сегодня хватает сволочи, имеющей наглость когда снисходительно похлопывать Ленина по плечу, когда просто делать из него в разных телешоу шута горохового… Эх, взять бы в руки один лишь увесистый 28-й ленинский том и избить им негодяев в кровь! Весит этот том ровно килограмм, толщину имеет ровно пять сантиметров, так что мало не показалось бы!

А если прибавить к нему в качестве орудия экзекуции ещё и 29-й ленинский том – «Философские тетради» с выписками, конспектами и заметками о различных книгах и статьях по философии (вес почти килограмм, толщина тома четыре с половиной сантиметра), то охоту глумиться над Ильичом можно было бы отбить у всякой шушеры надолго.

Если не навсегда!

В более ранней своей работе – тоже знаменитой и позднее не раз оболганной – «Материализме и эмпириокритицизме», Ленин писал:

«*Ни единому*… профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя – такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как учёные приказчики класса капиталистов…

Задача марксистов… суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими „приказчиками“ (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию…»[704]

Как всё это прицельно бьёт уже в нынешних, современных учёных приказчиков класса капиталистов из заокеанских, европейских, россиянских высших «школ экономики» и прочих «респектабельных» «креативных» притонов якобы научной «экономической» «мысли» «постиндустриального общества».

Возвращаясь же к «Империализму…», прибавлю, что интересен не только состав ленинских «Тетрадей по империализму», но даже их названия – первые 15 тетрадей Ленин пометил буквами греческого алфавита, от тетради «б» («альфа») до тетради «п» («омикрон»). Кроме того имеются тетради «Брейлсфорд», «О марксизме и империализме», «Империализм», «Эгельгаф», «Австрийская сельскохозяйственная статистика», «Материалы о Персии» и отдельные записи 1912–1916 годов…

Приведу как пример ленинской въедливости и тщательности самую последнюю запись из последней «греческой» тетради – тетради «омикрон»:

«ИЗРЕЧЕНИЕ СЕН-СИМОНА

„Известно утверждение *Сен-Симона*, что Франция понесла бы бесконечно меньший ущерб от внезапной смерти тысячи её высших чиновников или членов королевской семьи, чем от смерти тысячи её лучших рабочих – утверждение, из-за которого он был обвинён“ (с. 11 у Эмиля Калера „Вильгельм Вейтлинг“, Цюрих, 1887, № XI „Социал-демократической библиотеки“)

По Энциклопедическому словарю Брокгауза, немецкому, Сен-Симон сказал это не про 1 000, а про 10 000 (NB) – сказал в „Политической притче“, первом выпуске „Организатора“ (1820)»[705]

Вот как работал реальный Ленин, а не те загримированные *придурки*, которые сегодня сшибают деньжишки детишкам на молочишко, прогуливаясь в людных местах двух русских столиц в «ленинской» кепке на потеху разноязычным социальным идиотам.

САМ термин «империализм» был введён не Лениным – ещё в 1902 году в Лондоне и Нью-Йорке вышел в свет труд английского экономиста Дж. А. Гибсона «Империализм». Но ***природу*** и ***суть*** империализма верно исследовал впервые именно Ленин. Если говорить кратко, то он уже в начале XX века точно определил и показал, что капиталистический строй, доведённый до своего логического завершения, антисоциален. И именно реакционную и только реакционную суть капитализма вдумчивый наблюдатель усмотрит в реальностях XXI века – века завершения развития капитализма.

В своём «Империализме…» Ленин отмечал, что «производство становится общественным, но присвоение остаётся частным». Он цитировал немецкого экономиста Кестнера, который писал, что «в области чисто хозяйственной происходит известная передвижка от торговой деятельности в прежнем смысле к организаторски-спекулятивной», и делал вывод:

«В переводе на человеческий язык это значит: развитие капитализма дошло до того, что хотя товарное производство по-прежнему „царит“, но на деле оно уже подорвано и главные прибыли достаются „гениям“ финансовых проделок. В основе этих проделок и мошенничеств лежит обобществление производства, но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идёт на пользу…спекулянтам…

Итак, XX век – вот поворотный пункт от господства капитала вообще к господству финансового капитала…

Финансовый капитал – такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью…»[706]

Кто будет отрицать, что это сказано не о сегодняшнем дне человечества? И даже – о завтрашнем, если мир будет оставаться капиталистическим, то есть – обречённым на регресс…

А вот ещё одно рассуждение:

«Какое громадное расширение такой (империалистической. – *С.К.*) системы стало бы возможным, если бы Китай был подчинён экономическому контролю групп финансистов, „поместителей капитала“, выкачивающих прибыли из величайшего резервуара, который только знал мир, с целью потреблять эти прибыли в Европе…»[707]

Здесь ведь тоже есть над чем подумать современным и китайцам, и не китайцам… Как стоит подумать и над тонко уловленной Лениным склонностью монополий к искусственной задержке научного, технического и технологического развития, к переводу промышленного

производства из развитых стран в Азию…

При этом каждый свой тезис Ленин подтверждал фактами и цифрами.

Он сформулировал пять системных признаков империализма, но особенно поразительно то, что он указал на опасность разделения мира на страны-рантье и страны-должники…

Он писал и о всё большем паразитизме империализма, сообщая, например, что в Англии (это сто лет назад!) число рантье достигло миллиона при постоянном понижении процента производительного населения, что «на одни только скачки и охоту за лисицами Англия (естественно – Англия „белой сволочи“. – *С.К.*) расходует ежегодно 14 миллионов фунтов стерлингов (около 130 млн. рублей)…»

Чтобы масштаб последней цифры был понятнее, сообщу, что годовой бюджет Министерства народного просвещения Российской империи составил в 1913 году 143,1 миллиона рублей.

И такую развесёлую жизнь весьма значительный слой англичан обеспечивал себе не за счёт собственных усилий, а за счёт политического и экономического колониализма… Ленин писал о новом «классе» «лиц, совершенно отделённых от участия в каком бы то ни было предприятии, – лиц, профессией которых является праздность», но он же выявил и ещё более опасную, тупиковую социальную тенденцию…

«Капитализм, – писал Ленин, – выделил теперь *горстку* (менее одной десятой доли населения земли, при самом „щедром“ и преувеличенном расчёте менее одной пятой) особенно богатых и могущественных государств, которые грабят – простой „стрижкой купонов“ – весь мир. Вывоз капитала даёт доход 8 – 10 миллиардов франков в год… Понятно, что из такой гигантской *сверхприбыли* (ибо она получается сверх той прибыли, которую капиталисты выжимают из рабочих „своей“ страны) можно *подкупать* рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии…

Этот слой обуржуазившихся рабочих, вполне мещанских по своему образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию… есть главная *социальная опора буржуазии*…»[708]

Выше дана вполне современная характеристика социальной и системной сути того, что позднее будет названо «золотым миллиардом».

Для кого-то, живущего на одной планете с Лениным и его товарищами по партии большевиков, было интереснее затравить несчастную лисицу, чем жить для того, чтобы жизнь всех людей – всех, всего человечества – становилась умнее, справедливее, добрее, чтобы каждый мог полностью развить свои способности – кто бульшие, кто меньшие, но – полностью. Но эта преступная праздность ума и души была антагонистична всему настрою разума и души Ленина и его единомышленников.

В мире всегда были и первые – глазеющие на бои гладиаторов, присваивающие себе право «первой ночи», закупающие рабов в «чёрной» Африке и загоняющие на парфорсной охоте лисиц, но были и вторые – восстающие, некорыстные, живущие иным: «Если проиграю, то – лишь себя, если выиграю – выиграет весь народ».

Впрочем, Ленин проигрывать даже себя намерен не был.

Да и не игрой это было, а борьбой и жизнью…

«Империализм…» отнял у Ленина много и сил и времени, а у Крупской опять обострилась болезнь, и в середине европейского июля 1916 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна опять уехали в горы – в высокогорное местечко Флюмс неподалёку от Цюриха в «молочный» дом отдыха Чудивизе. Русских там не было никого, и они – как в дни молодости – были полностью предоставлены самим себе.

Пансион был предельно дёшев – пять франков с двоих, а освещение электрическое. Уборка и чистка обуви – на отдыхающих… Уборка лежала на женской части четы Ульяновых, чистка сапог – на мужской, что Ленина даже увлекало…

Публика здесь отдыхала, конечно, самая демократическая, однако, по словам Крупской, «архиаполитичная». В санатории лечился молодой солдат, и Крупская не без юмора писала в воспоминаниях, что «Владимир Ильич ходил вокруг него, как кот около сала, заводил разговор о грабительском характере войны, парень не возражал, но явно не клевало»…

Целыми днями ходили по горам, Ленин лишь вёл небольшую переписку, но серьёзно не работал, зато много размышлял, много беседовал с Крупской о плюсах и минусах швейцарской демократии, о том, какой характер может принять в будущем борьба за социализм в России[709] …

В середине июля из Петрограда пришло сообщение о смерти Марии Александровны… А в конце августа Ульяновы по горной тропинке – иных путей сообщения с ближайшей железнодорожной станцией не было, отправились в Цюрих…

Шёл дождь, но Ленин вдруг увидел белые грибы – зрелище, конечно, не оставляющее равнодушным даже не грибника, а Ленин-то был заядлым грибником! И, как вспоминала Крупская, он «принялся с азартом за их сбор, точно левых циммервальдцев вербовал»… Вымокли, опоздали на поезд и потом два часа ждали следующего, зато грибов набрали целый мешок.

Мелочь, но видно очень уж истощались резервы способности быть спокойным, и любой активной разрядке он был рад уже до азарта. Даже отдых в горах не развеивал раздумий о войне, жизни, смерти, судьбе…

Возвращаясь к европейскому аспекту политической жизни Ленина в 1916 году – последнем полном году второй и последней эмиграции Ленина, скажу, в очередной раз, что европейские дела занимали тогда Ленина даже больше, чем русские проблемы. Точнее, Россия не могла его не волновать – мы это сейчас увидим. Но в реальном масштабе времени он больше был занят тем, что было в пределах его реальных возможностей. А в пределах возможностей была постепенно «левеющая» Европа…

Что же до России, то Ленин ставил перед собой и другими задачу подготовки нового витка работы. Вернувшись в Цюрих, он в октябре 1916 года пишет собирающемуся в Россию Шляпникову:

«Две трети связи, минимум, в каждом городе с руководящими *рабочими*, т. е. чтобы они *писали* сами, *сами* овладели конспиративной перепиской (не боги горшки обжигают), сами приготовили для себя каждый по 1–2 „наследнику“ на случай провала. Не доверять этого интеллигенции, одной, не доверять. Это могут и должны делать руководящие рабочие. Без этого *нельзя* установить преемственность и цельность работы, а это главное»[710]

Читая это, невольно приходят на ум другие слова – сталинские: «Кадры, овладевшие техникой, решают всё». Однако Россия – это было будущее. Настоящее было в Европе, и в самом конце 1916 года – 17 декабря, Ленин сообщает Инессе Арманд:

«…Я увлечён теперь мыслью об издании листовок по швейцарским делам.

Здесь устроилось нечто вроде кружка левых. Впрочем, это выражение неточно: пока только ряд собраний (вызванных моими тезисами). Участвуют Нобс (гл. редактор органа Швейцарской с.-д. партии „Народное право“, – *С.К.*), Платтен (член Циммервальдской левой. – *С.К.*), Мюнценберг (руководитель Швейцарской социал-демократической организации молодёжи. – *С.К.*), ещё несколько молодых. Беседуем о военной резолюции в связи с задачами левых. Эти беседы сделали для меня особенно наглядным… до чего дьявольски слабы (во *всех* отношениях) швейцарские левые…»[711]

В какой-то степени эмигрантщина уже затронула, пожалуй, Ленина – он с очень уж повышенным энтузиазмом то и дело сообщает Арманд о своих контрах с всего-то Радеком, о том, что Зиновьев начинает понимать неправоту Радека, Бухарина, Тышки, и т. д., и т. п.

Ленину тесно в швейцарской «клетке», и он ещё не знает, что его «заключение» уже скоро закончится.

Однако что-то в воздухе носится… 18 декабря 1916 года он пишет Арманд: «*Получилось сегодня ещё одно письмо из СПб. – в последнее время оттуда заботливо пишут… Настроение. пишут, архиреволюционное*…»[712]

А ещё до этого, в октябре 1916 года, отвечая в очередной статье всё тому же «П. Киевскому» – Пятакову, Ленин написал:

«Война забивает и надламывает одних, закаляет и просвещает других, – как и всякий кризис в жизни человека или в истории народов…

Защита отечества есть ложь в его империалистической войне, но вовсе не ложь в демократической и революционной войне…»[713]

В Европе идёт империалистическая война с участием России, но у Ленина – пока ещё, похоже, в подсознании – уже бродит мысль о том, что, возможно, недалёк день, когда он от страстного осуждения лозунга «защиты отечества» перейдёт к ещё более страстному призыву к защите Отечества, но – уже социалистического.

Через год так и будет!

В марте 1916 года Александр Блок написал стихотворение «Коршун»:

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг, —
В избушке мать над сыном тужит:
«Нб хлеба, нб, нб, грудь соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встаёт мятеж, горят деревни,
А та всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней, —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

Матери, о которой писал Блок, ближайшие годы принесут много горя, слёз, тоски… Зато её выросший сын всего через два десятка лет будет жить уже в совершенно иной стране. Россия 1896-го и Россия 1916-го года во многом были, конечно, тоже разными странами, но во многом существенном мало чем отличались друг от друга. Россия же 1916 года и Россия 1936-го года отличались друг от друга так же, как заморенная крестьянская лошадка от новенького советского трактора марки ХТЗ, как царский манифест от 17 октября 1905 года о «свободе» от Конституции СССР 1936 года…

Как всё это – могучее, советское, было далеко от жизни Ленина в нейтральной Швейцарии в 1916 году!

И как близко – всего-то два десятка лет…

Но когда в России начались события 1917 года, Ленин рвался на родину не только как русский революционер, желающий поскорее включиться в национальный революционный процесс – он ехал в Россию и как деятель международного социалистического движения. Ленин явно рассчитывал на то, что русская революция, если она будет доведена до стадии пролетарской революции, может стать первым актом общеевропейской социалистической революции!

Собственно, он с этого по возвращении в Россию и начал, бросив с броневика апрельской ночью 1917 года в массы лозунг международной социалистической революции – тот лозунг, которым в 1907 году Плеханов закончил свою речь при открытии V (Лондонского) съезда РСДРП, и который Плеханов же в 1917 году назвал «бредом».

Не «агент германского генштаба» (какая чушь!) ехал в Россию в «пломбированном» вагоне, а создатель «Циммервальдской левой», идеи которой подрывали и германский, и российский, и вообще любой буржуазный милитаризм и заменяли войну двух блоков буржуазии во имя империалистических целей войной вооружённого буржуазией пролетариата против буржуазии.

Летом 1915 года молодой Владимир Маяковский в Куоккале, бродя по тем же, скорее всего, дорожкам, что в своё время и Ленин, записывал в записную книжку строки новой поэмы, названной вначале задиристо «Тринадцатый апостол», но увидевшей свет под ироничным названием «Облако в штанах»…

В законченной в июле 1915 года поэме была и такая строфа:

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядёт шестнадцатый год…

Как мы сейчас знаем, поэт ошибся всего на год.

Глава 27. «Вот она, судьба моя…»

Закончив работу над «Империализмом…», Ленин отправил его редактору – Михаилу Покровскому, и после перипетий с рукописью, ранее уже описанных (напоминаю, что первая заказная бандероль до Покровского не дошла, и рукопись пришлось пересылать вторично), она оказалась в питерском «Парусе».

Увы, злоключения пока ещё рукописного «Империализма…» на этом не закончились. В издательстве у Горького работало немало меньшевиков, и они удалили из текста критику Каутского и Мартова и внесли такие правки, которые искажали смысл (например, вместо «перерастания капитализма в империализм» поставили «превращение…» и т. д.).

6 декабря 1916 года Ленин отослал Покровскому письмо, интересное для нас в нескольких отношениях:

«Уважаемый Мих. Ник.!

Получил открытку и двести франков, которые переслал Зиновьеву (я получил из Питера 869 frs = 500 руб.), т. е., видимо, весь гонорар; *если* часть не есть плата за аграрную работу. Грустно, грустно, что интриганы работают около хозяина изданий против изданий!!»[714]

В этих строках всё: и усталость от интриг политических оппонентов, и досада на интеллигентски мягкотелого к негодяям «хозяина» – Горького… И – лишнее подтверждение того, что никаких «германских миллионов» ни у Ленина, ни у Зиновьева не было…

А 18 декабря 1916 года Ленин сообщал уже Инессе Арманд:

«Рукопись моя об империализме дошла до Питера, и вот пишут сегодня, что издатель (и это Горький! о, телёнок!) недоволен резкостями против… кого бы Вы думали?.. Каутского! Хочет списаться со мной!!! И смешно, и обидно.

Вот она, судьба моя (жирный курсив мой. – *С.К.*) Одна боевая кампания за другой – против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д.

Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я всё же не променял бы сей судьбы на „мир“ с пошляками…»[715]

Вырвавшиеся в сердцах слова в письме к духовно близкому человеку… А ведь они и впрямь – ключ к жизни и судьбе… Одна боевая кампания за другой – с 1893 года! И ненависть пошляков из-за этого…

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной —
Я не боюсь…
И вечный бой! Покой нам только снится…

Уже почти десять лет его окружала мгла – мгла зарубежная, мгла историческая…

Вокруг шла небывало кровавая война – отвратительная, как большинство войн до этого, однако на этот раз – особо отвратительная по своим истинным побудительным причинам и масштабам бойни.

Он ощущал в себе гигантские силы, но его реальные возможности были пока что ничтожными по сравнению с теми задачами, которые он мог решать, был готов решать и

которые он стал решать уже через год!

Вот она, его судьба…

Ему сорок седьмой год, и чего он добился?

Наполеон Бонапарт в тридцать лет стал первым консулом Республики, а к 46 годам уже закончил свою политическую карьеру, отрёкшись от трона вторично!

Ставший в 41 год наполеоновским маршалом Бернадотт, в 47 лет получил корону Швеции…

Оливер Кромвель в 46 лет гремел на всю Европу как глава армии парламента и кумир «железнобокой» крестьянской гвардии…

Отто Бисмарк в 47 лет стал министром-президентом Пруссии, Генрих Наваррский в 46 лет короновался как король Франции Генрих IV…

Пётр Великий в 37 лет был озарён триумфом Полтавской победы, Григорий Потёмкин в 44 года блистал во всей силе своей «светлейшей» славы…

Дизраэли в 42 года был признанным лидером оппозиции, Уинстон Черчилль в тридцать с небольшим лет начал карьеру имперского министра…

Лидеры германской социал-демократии – Август Бебель и Эдуард Бернштейн, Карл Каутский, Вильгельм и Карл Либкнехты – отец и сын, будучи моложе его, Владимира Ульянова, пользовались общенациональным влиянием, заседали в рейхстаге…

А он?

Да, он – создатель и руководитель боевой пролетарской партии… Но партии, даже у себя на родине известной мало, к тому же – нелегальной… К тому же, – ещё и партии, не сплочённой в своей руководящей части так, как того хотел бы он…

Даже «Григорий» – Зиновьев, ближайший соратник, нет-нет, да и колебнётся, а что уж говорить о, например, Пятакове, Бухарине и так далее…

Даже испытанный друг, родная сестра, дорогой «Джемс», и то не может понять его «неуступчивости», которая никакая не неуступчивость, а всего лишь результат понимания того, что другие поймут лишь позднее.

Как гениальный политик, всегда твёрдо стоявший только на стороне трудящегося большинства, Ленин к началу 1917 года (и даже к началу 1905 года) имел всемирно-исторический потенциал, но никогда и ничем не давал понять – даже ближайшему окружению, что знает это.

Однако он-то знал это, и это же знали несколько десятков, ну – пусть, сотня-другая людей в России и в Европе.

Немного…

Или, всё же, много?

Что ж, так или иначе, он знал, что не променяет своей судьбы, своего вечного боя в союзе с будущей, с *его* великой Русью, на мир со всеми пошляками мира – политическими, духовными, коронованными и «всенародно избранными»…

Причём, при всей поведенческой скромности, Ленин явно верил в свою звезду как личности исторической. В 29 лет Сергей Есенин заявил: «Я о своём таланте много знаю…». Ленин тоже много знал о своём таланте, хотя, не будучи поэтом, никогда и не признавался в том публично.

Но вот такая деталь…

14 сентября 1906 года он пишет из Куоккалы в Женеву:

«Уважаемый товарищ! Меня крайне беспокоит судьба одного пакета с деловыми бумагами, имеющими историческое значение. Пакет этот остался среди бумаг, которые лежат у Вас…

Вы очень меня обяжете, если черкнёте мне, как стоит дело с добычей и отправкой сюда этого пакета…»[716]

Адресат – зарубежный издатель социал-демократической литературы Г. А. Куклин (1877–1907), чья обширная библиотека отошла по завещанию после смерти владельца к большевикам… А «пакет с деловыми бумагами, имеющими историческое значение» – документы младшего брата Ленина, Дмитрия Ильича Ульянова, включая его фотопортреты, сделанные в тюрьме. После Октября 1917 года они стали храниться в Центральном партийном архиве, но в 1907 году были чисто личными бумагами. Тем не менее Ленин уже тогда понимал, что он и его соратники делают историю.

И они действительно её делали! Через год после вырвавшихся у Ленина горьких слов: «Вот она, судьба моя…», его имя будет греметь по миру, а через десять лет он, уже посмертно, станет символом надежды и борьбы для сотен миллионов людей по всему земному шару, но…

Но пока – скромный кабинетик в скромной цюрихской квартирке, стол, заваленный бумагами и лямка повседневной партийной работы.

Ленин был редкостно психологически устойчивым человеком. Он умел предельно сосредоточиться, но он не всегда был сдержан, а порой был открыто эмоционален…

Приведу ещё раз отрывок из письма Инессе Арманд от 19 июля 1914 года, где Ленин, имея в виду поведение лидеров II Интернационала Гюисманса и Вандервельде на Брюссельском «объединительном» совещании, признавался: «…Ты лучше провела дело, чем это мог бы сделать я. Помимо языка, я бы *взорвался*, наверное. Не стерпел бы комедиантства и обозвал бы их подлецами. *А им только того и надо было* – на это они и провоцировали»[717].

Однако Ленин никогда не впадал в такое состояние души, которое можно определить как истерическое… Ни в малейшей мере для него никогда не было свойственно и угнетённое, ипохондрическое состояние души.

Тем не менее, человек – даже самый стойкий, железный, убеждённый, это, всё же, – живая и чувствующая, а порой – и страдающая душа. Причём с годами понимаешь, что иногда трудно не согласиться с горькими словами Индиры Ганди, которая однажды сказала, что, ***в конечном счёте***, человек остаётся наедине с собой.

Да…

А каким был Ленин наедине с собой?

Ну, это знал только он сам. Но можно уверенно заявить, что такой Ленин, которого знал лишь сам Ленин, был ещё более крупным, ещё более значительным, ещё более многосторонним, чем он остался в истории и в памяти современников. Фёдор Тютчев в гениально кратком, и поэтому непунятом, стихотворении «Silentium!» («Молчание!») написал:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изреченная есть ложь,
Взрывая, замутишь ключи, —
Питайся ими – и молчи.

Эти стихотворные строки ёмко выражают абсолютно то же, что написал Фридрих Ницше, завершая свой труд «По ту сторону добра и зла»:

«Ах, что сталось с вами, моими пером и кистью написанными мыслями! Ещё не так давно вы были пестры, юны…, полны шипов и тайных пряностей, заставлявших меня чихать и смеяться, – а теперь? Вы уже утратили свою новизну, некоторые из вас, к моему отчаянию, готовы стать истинами…

Мы увековечиваем лишь то, чему уже недолго осталось жить и летать, всё усталое и дряблое! И только для ваших *сумерек*, мысли мои…, только для них есть у меня краски, может быть, бездна красок, но по ним никто не угадает, как вы выглядели на заре, вы, внезапные искры и чудеса моего одиночества…»

Это сказано очень точно!

Мысль возникает именно как искра в ночи, она – уже возникшая в том, в ком она родилась, ещё не оформлена для него самого в слове, но уже понятна ему без слов. И Ницше – мыслитель, вообще-то, сумбурный и очень неровный, нашёл на этот раз точное слово – «на заре…»

Мысль приходит действительно, ***как озарение***, а уж потом оформляется для других, внешних по отношению к тебе, в слова, и увядает в словах, ***смеркается***…

Но Ленин не был поэтом, он был политиком, причём политиком абсолютно нового, ранее небывалого типа – политиком, действующим в интересах большинства общества, а большинство любого общества (если это, конечно, не «светское общество») – это трудящиеся… И Ленин был политиком Труда. Поэтому он свои мысли обязан был так или иначе, но внятно и понятно, довести до масс, или – хотя бы, до такого числа современников, которые могли бы стать его соратниками и сотрудниками в деле построения нового мира.

Ради этого он и работал – до революции и после неё…

И его партия, если вдуматься, была для него – до революции, конечно, – инструментом доведения до широких масс его мыслей… Эти мысли должны были, овладев массами, поставить его, Владимира Ленина, во главе такой государственной власти, которая бы действовала в интересах масс.

И тогда партия стала бы уже одним из рычагов народной государственной власти.

Французскому энциклопедисту Дени Дидро принадлежит следующая сентенция: «Для истины достаточный триумф, если её принимают немногие, но достойные. Быть угодной всем – не её удел». При всей внешней эффектности этой мысли, она очень элитарна и исполнена духовного и интеллектуального высокомерия.

Ленин был умом много выше, чем Дидро или любой из коллег Дидро по «Энциклопедии», включая и Вольтера с Жан Жаком Руссо, но с максимой Дидро не согласился бы. Целью и задачей Ленина, как, к слову, позднее и Сталина, было создание общества, где истины были бы достойны все, и где только высокие моральные и интеллектуальные истины были бы мерилом общественной доброкачественности.

Но как же непросто было втолмачить эти истины – при всей их очевидности – в умы окружающих! И в том же письме к Арманд у Ленина вырывается:

«Лезет в щель разногласий у нас: исконная политика швали и сволочи, бессильной спорить *с нами* прямо и идущей на интриги, подножки, гнусности…

Voilб („Вот“. – *С.К.*)

Вот с какой „*средой*“ приходится воевать!!

…Думаю, нет ли в Швейцарии бациллы мелкобуржуазного (и мелкогосударственного) тупоумия, толстовства…, губящей лучших людей? Наверное, есть!»[718]

И тут же – постскриптум: «*P.S. А на лыжах катаетесь? Непременно катайтесь! Научитесь, заведите лыжи и по горам – обязательно. Хорошо на лыжах зимой! Прелесть, и*

Россией пахнет»

Да, уж по чём по чём, а по России он соскучился просто-таки смертельно!

ЗАКАНЧИВАЛСЯ 1916 год, и, хотя Ленин об этом пока не знал, заканчивалась навсегда и его жизнь в «свободной» Швейцарии, которая – об этом пора сказать, была для Ульяновых не такой уж и свободной…

Дело в том, что Ленин и Крупская жили в Швейцарии на особом, по сравнению с другими эмигрантами, положении. После освобождения Ленина осенью 1914 года из австрийской тюрьмы, Ульяновы получили по ходатайству швейцарских социал-демократов убежище в Швейцарии с правом проживания в столице Берне до 12(25) января 1917 года. Но – без права, в отличие от ***«довоенных»*** эмигрантов, свободного перемещения из кантона в кантон, из города в город.

Это было неудобно во всех смыслах. Когда Ленин в январе 1916 года собрался в Цюрих, потребовалось особое полицейское разрешение. Во время работы над «Империализмом…» Владимир Ильич испросил право на пребывание в Цюрихе без специального оформления – кроме прочего, в Цюрихе жить было дешевле, а «германские миллионы» существовали лишь в будущем воображении стариковых и мельгуновых…

Квартировали Ульяновы, к слову, у сапожного мастера Каммерера по адресу Шпигельгассе, 14 – в старой части города, где селилась рабочая беднота.

Поскольку вид на жительство в начале 1917 года заканчивался, 15(28) декабря 1916 года Ленину вновь пришлось обратиться в полицейское управление Цюриха с заявлением о продлении срока проживания до 31 декабря 1917 года. В заявлении указывалось, что требуемый залог в 100 франков внесён в Цюрихский кантональный банк на счёт № 611361.

Перед отъездом Ленин снял со счёта 95 франков, а сберегательную книжку с остатком в 5 франков 5 сантимов передал остающейся пока в Швейцарии большевичке Раисе Харитоновой – чтобы не закрывать счёт…

Как вспоминала Харитонова, вскоре после возвращения Ленина в Россию швейцарская буржуазная печать начала антиленинскую кампанию. Газеты уверяли публику, что «бывший эмигрант Ульянов» со своими единомышленниками занял-де дворец балерины Кшесинской (в отношении дворца любовницы великих князей это было правдой) и якобы роскошествует в нём на два миллиона франков, полученных от германского правительства.

И Харитонова пошла в банк, чтобы публично предъявить главному кассиру ленинскую сберкнижку, а когда тот жестом указал на окно младших клерков, громко обратила внимание кассира на имя вкладчика.

– Ульянов, – удивился кассир. – Тот самый Ульянов, который жил у нас в Цюрихе как политический эмигрант, а сейчас в России стал таким знаменитым человеком? Ульянов, о котором пишут во всех газетах!?

Харитонова подтвердила, и к окну стали собираться клерки – взглянуть… Книжка пошла по рукам, удивляя всех служащих незначительностью заприходованной суммы.

Получать остаток счёта и закрывать счёт Харитонова, конечно, не стала. Она оставила книжку у себя и впоследствии передала её в Институт марксизма-ленинизма…

Не думаю, что Владимир Ильич сохранил тогда пятифранковый счёт исключительно для прикрытия «миллионных» «германских» счетов, хотя Николай Стариков, буде он узнает об этом историческом курьёзе, интерпретирует его, скорее всего, именно так.

Впрочем, продолжу…

Наступил 1917 год…

За русским январём пришёл русский февраль, и в самом его конце в России пошло-поехало…

Особенно – после того, как в Россию вернулся Ленин.

Рассказом о событиях русской весны 1917 года эта книга начиналась, так что историю ленинского переезда из Цюриха в Петроград читатель помнит, надеюсь, неплохо.

И здесь прибавлю лишь – как «информацию к размышлению», что если бы переезд Ленина был обговорён им с германским генштабом в рамках «агентурной деятельности Ленина» и другого якобы «агента немцев» Фрица Платтена, то обеим сторонам было бы выгоднее организовать переправку Ленина через Германию под видом нелегальной.

Тайный переезд есть тайный переезд, его детали всегда можно отказаться оглашать по вполне понятным соображениям – разве можно называть имена «переправщиков», координаты «коридора» и т. п.

А Ленин уезжал громко – в ресторане «Zdhringer Hof» было устроено многолюдное, бурное прощание отъезжающих с пока остающимися… При этом в «Zdhringer Hof» лились рекой речи, но отнюдь не шампанское…

Было зачитано заявление участников поездки, где они подчёркивали, что возвращаются на родину, невзирая на угрозу Милюкова предать суду тех, кто проедет через Германию.

Вскоре по ленинскому маршруту – через ту же Германию – правда, без визга газет и милюковских угроз, в Москву вернётся 200 эмигрантов, включая меньшевиков во главе с Мартовым.

Но группа Ленина был первой.

И судьба Ленина совершала…

Но – нет, сказать, что она совершала ***крутой поворот***, будет принципиальной ошибкой!

Никаких крутых ***поворотов*** в политической (а, значит, и в личной) судьбе Ленина не было… Всю жизнь он, сказавший ещё в юности, после казни брата: «Мы пойдём другим путём», одним путём – прямым, к пролетарской революции, и шёл. Этот путь был всегда непрост, но он был всегда прям. И весной 1917 года судьба Ленина просто выходила, наконец, на широкую и прямую историческую дорогу, которую теперь сам же Ленин и пролагал в будущее.

Поскольку эту дорогу пролагал Ленин, она оказывалась для России в перспективе широкой и прямой. Но могла ли она быть лёгкой – коль речь шла о России?..

Увы, в отличие от Ленина, у России никогда не было прямых дорог – когда по вине чужаков, чаще – по вине, увы, собственной. И с этим – с историческими «кривуляниями», пора было кончать, пока Россию вообще не увели с торного исторического пути.

28 ноября 1866 года Фёдор Тютчев (1803–1873) записал знаменитое:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Эти строки порождены не «квасным», не «славянофильским» «патриотизмом» – Тютчев был не только поэтом, но и профессиональным дипломатом, он провёл за границей двадцать лет. Но как раз поэтому он понимал российскую специфику получше «записных» славянофилов. К тому же Тютчев через старшую дочь – фрейлину двора, хорошо знал закулисную жизнь российских «верхов».

Ленин – как любой подлинный сын Отечества, всегда верил в великое будущее России. Но

он не просто верил, он ***и понимал*** Россию, понимал её ***умом***…

И именно в силу понимания, Ленин не мог не видеть всей сложности предстоящего России исторического пути на его ближайшем отрезке, в ближайшие годы – очень уж сложно начался для России 1917 год… И мало было надежд на то, что созданные себе самой больные проблемы Россия решит быстро, эффективно и умно.

Однако наличие у России Ленина давало надежду на то, что эти проблемы будут решены.

Вот уже другие поэтические строки, содержащие размышления о России:

Ещё нам далеко до цели,
Гроза ревёт, гроза растёт, —
И вот – в железной колыбели,
В громах родится Новый год…

Черты его ужасно строги,
Кровь на руках и на челе…
Но не одни войны тревоги
Несёт он миру на земле!

Не просто будет он воитель,
Но исполнитель Божьих кар, —
Он совершит, как поздний мститель,
Давно обдуманный удар…

Для битв он послан и расправы,
С собой несёт он два меча:
Один – сражений меч кровавый,
Другой – секиру палача.

Но для кого?.. Одна ли выя,
Народ ли целый обречён?…
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон…

Не правда ли, это – точный поэтический очерк сути и проблем военного 1917 года, точное описание истощённой войной и возмущённой войной России Николая II?

Но в том-то и штука, что написано это в преддверии не 1917-го, а… 1855 года, и написано в России Николая I…

Написано тоже Фёдором Тютчевым!

Уже из этого – внешне поразительного, а на деле – вполне объяснимого, совпадения черт двух эпох в истории России, внимательный и умеющий мыслить человек может сделать только один вывод: даже в середине XIX века царизм настолько был чужд вызовам времени, что к 10-м годам XX века его системный крах был неизбежен при любом мало-мальски серьёзном социальном кризисе.

Так при чём здесь «пломбированный вагон», «пораженческая пропаганда» Ленина, якобы разваливающая армию?

Пропаганду в армии большевики вели, но как раз в окопах их слушали все внимательнее

потому, что большевики говорили правду, доходящую до одетых в серые шинели русских мужиков, тем проще, чем гнуснее становилась война…

Развалить можно только неустойчивое, непрочное… Разлагается лишь загнивающее… Так что поражение царской России в XX веке программировали сами русские цари, начиная с воцарения – на фоне эшафота декабристов – царя Николая Первого…

А пропаганда Ленина?

Ну, во-первых, в момент самого первого «взрыва» масс, направленного против царизма ***элитой***, голос ***Ленина*** в России был слышен очень слабо и не имел решающего значения. Не Ленина – заочно, а Чхеидзе, избрали председателем Петроградского Совета, и после приезда Ленина Чхеидзе не переизбрали…

Другое дело, что авторитет Ленина в рабочих массах весь 1917 год рос, а авторитет Чхеидзе падал – до перманентного ноля!

Во-вторых, Ленин не призывал же русский народ просто сдаться, подняв руки перед немцами! Он заявлял, напомню, что «на революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать своё согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве со всеми интересами капитала». Где здесь «пораженчество», чёрт бы всех клеветников на Ленина побрал!?

Нет, не ради поражения, а ради победы возвращался на Родину Ленин. Другое дело, что победой для него могла быть лишь победа народа над элитой. При этом без осознания народом полной противоположности интересов «отечества» элит, и интересов народного Отечества, о победе народа речи быть не могло.

Глава 28. «Через народ перепрыгнуть нельзя…»

Итак, мы, наконец, окончательно и до конца книги возвращаемся вслед за Лениным в Россию, и наше повествование окончательно принимает строго хронологический характер…

Прошёл…, да что там – «прошёл»! – ***пролетел*** первый ленинский месяц в России 1917 года. В столице с 24 по 29 апреля (с 7 по 12 мая) состоялась VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), о которой говорилось в первых главах. Напряжение и загруженность Ленина были таковы, что ему пришлось отказаться от приглашения президиума Фронтового съезда делегатов из действующей армии выступить на открытии съезда – фронтовой съезд начал работу в тот же день, что и Апрельская конференция и заседал параллельно с ней.

Апрельская партийная конференция стала первым легальным общенациональным собранием большевиков, и сразу выяснилось, что, несмотря на все трудности связи заграничного центра с Россией, несмотря на все аресты и репрессии во время войны, партия Ленина не так уж и мала.

О точной численности её спорят по сей день, но точного числа мы никогда и не узнаем – всё ведь было тогда очень текучим, даже советские официальные источники дают разные цифры. Кто-то сообщает о 131 делегате с решающим и 18 с совещательным голосом, а, например, сталинский «Краткий курс» указывает на 133 делегата с решающим и 18 с совещательным голосом, представлявших «80 тысяч организованных членов партии».

Выборы на Апрельскую конференцию прошли на конференциях местных организаций из расчёта 1 делегат на 500 членов партии. По этому расчёту в партии тогда состояло не менее 65 тысяч человек. Ленин на конференции говорил о «70 000 членов нашей партии».

Этот разнобой вполне, повторяю, объясним. К моменту выхода из подполья, численность РСДРП(б) оценивалась цифрой в 40…45 тысяч человек, что, судя по всему, близко к реальности.

8(21) мая 1917 года на общегородском собрании петроградской партийной конференции Ленин сделал доклад об итогах VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). Собрание проходило в помещении Морского кадетского корпуса, присутствовало до шести тысяч человек[719].

Такая аудитория, собравшаяся в Морском корпусе, подтверждала силу большевиков: шесть тысяч убеждённых, сознательных сторонников в одной только столице в бурные времена – это было серьёзно. Многие из них имели давний опыт политических организаторов и бойцов. Профессор Индианского университета Александр Рабинович, много работавший с источниками того времени, пишет, что, в феврале 1917 года только в Петрограде было две тысячи большевиков, к открытию Апрельской конференции их число увеличилось до шестнадцати тысяч, а к июню 1917 года – до тридцати двух тысяч. При этом две тысячи солдат Петроградского гарнизона вошли в состав большевистской «Военки», и четыре тысячи солдат стали членами клуба «Правды» – «непартийного» клуба, организованного «Военкой» для военнослужащих[720].

Плюс – идущий за большевиками Кронштадт, Балтийский флот…

Иными словами, уже весной 1917 года большевики представляли собой не малочисленную кучку, а политическую силу. Причём эта сила доверяла прежде всего Ленину.

Говорить, однако, об этой силе как о решающей, пока не приходилось. И Владимир Ильич с трибуны собрания в Морском корпусе предупредил:

– Через народ перепрыгнуть нельзя. Только мечтатели, заговорщики думали, что меньшинство может навязать свою волю большинству. Так думал французский революционер Бланки – и был неправ. Когда большинство народа не хочет, потому что ещё не понимает, взять

власть в свои руки, тогда меньшинство, как бы оно революционно и умно ни было, не может навязать своего желания большинству народа[721].

Напоминая о том, что меньшинство не может навязать свою волю большинству, Ленин имел в виду, конечно, революционное, а не имущее, контрреволюционное меньшинство.

Имущее, правящее меньшинство, пользуясь своей политической, экономической и военной властью, наоборот – свою волю народам веками как раз навязывало! Буржуазная Элита овладела этим умением в совершенстве, и поэтому Элита не только навязывала, но все ещё навязывает свою волю большинству населения планеты, как навязывает свою волю элитарное меньшинство народному большинству в Российской Федерации, во всех остальных, кроме Белоруссии, национальных республиках, слагавших СССР.

А вот революционное меньшинство в буржуазном обществе ***не может*** навязать свою волю большинству народа. Революционное меньшинство не может стать ***решающей*** силой без той или иной поддержки трудящегося большинства. Причём интересно сопоставить ленинский взгляд на взаимоотношения революционного меньшинства и народа с высказанным много позднее взглядом Сталина.

23 июля 1934 года Сталин беседовал с английским писателем-фантастом Гербертом Уэллсом. В 1920 году Уэллс встречался с Лениным и затем в своей книге «Россия во мгле» назвал его «кремлёвским мечтателем». Теперь англичанин радикально пересматривал свои оценки, но не о том сейчас речь!

Уэллс спросил тогда у Сталина:

– Вы, мистер Сталин, лучше, чем кто-либо иной знаете, что такое революция, и притом на практике… Не считаете ли Вы установленной истиной тот факт, что все революции делаются меньшинством?

И Сталин ответил:

– Для революции требуется ведущее революционное меньшинство, но самое талантливое, преданное и энергичное меньшинство будет беспомощно, если не будет опираться на хотя бы пассивную поддержку миллионов людей.

Похоже, Уэллс ожидал от Сталина чего-то более пафосного, и переспросил:

– Хотя бы пассивную? Может быть, подсознательную?

Сталин в ответ уточнил:

– Частично и на полу-инстинктивную, и на полусознательную поддержку, но без поддержки миллионов самое лучшее меньшинство бессильно[722].

Вот чем были сильны Ленин и Сталин – пусть полу-инстинктивной, полусознательной, но поддержкой миллионов! И эту поддержку они получали не обманывая народ сладкими посулами – в чём Ленина обвиняют или невежды, не знающие истории, или негодяи, историю знающие, но отрабатывающие антисоциальный заказ имущей Элиты. Поддержку обеспечивала искренность намерений…

Когда Ленин и Сталин встали во главе государственной власти, они добивались поддержки народа своими ***действиями***. Для руководителей государства это единственный надёжный способ получить поддержку масс.

Весной 1917 года в распоряжении Ленина было лишь ***слово***, и поэтому он свой доклад на общем собрании петроградской организации большевиков закончил так:

– Мы, большевики, должны терпеливо, но настойчиво разъяснять рабочим и крестьянам наши взгляды. Каждый из нас должен забыть прежние взгляды на нашу работу, каждый, не ожидая того, что приедет агитатор, пропагандист, более знающий товарищ, и всё разъяснит, – каждый должен сделаться всем: и агитатором, и пропагандистом, и устроителем нашей партии. Только так мы добьёмся того, что народ поймёт наше учение, сумеет продумать свой опыт и

действительно возьмёт власть в свои руки[723].

Этим Ленин, Сталин и большевики и отличались от всех остальных тогдашних партий России – они не просто агитировали, а приводили доводы. Народ это понял хотя и не сразу, но – достаточно быстро.

Всю свою политическую жизнь до революции Ленин жил одной целью – будущей социальной революцией. Теперь цель стала близкой настолько, что трансформировалась, по сути, в задачу: «Вся власть Советам!» Решение такой задачи Ленину и большевикам было по силам, однако это надо было ещё доказать – не только товарищам по партии, но и народу России.

Этим Ленин – впервые полностью легально, не отвлекая силы на конспирацию, и занялся.

Какую же главную цель и задачу он ставил перед собой, перед партией и народом весной 1917 года? Двух мнений тут быть не может: если ***до*** революции он говорил о пролетарской революции как о главной цели, то мог ли он изменить свою точку зрения ***в ходе*** начавшейся буржуазно-демократической революции?

В начале мая 1917 года Ленин публикует в «Правде» статью «О твёрдой революционной власти», где говорит, что теперь – когда революция стала фактом, надо понимать – «о революции какого класса идёт речь?» Против царизма теперь большинство даже помещиков и капиталистов, против помещиков большинство даже зажиточного крестьянства, но вот против капиталистов…

Ленин прямо писал, что «не будь войны, Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов»[724].

Эта ленинская мысль не очень-то известна, но она показывает, что Ленин оценивал ситуацию реалистически. Он понимал, что при нормальном ходе событий особых шансов на пролетарскую, на социальную революцию, у России не было бы… Но ход-то событий в последние – военные, годы был абсолютно ненормальным, и всё более, так сказать, абсурдизировался… И теперь, писал Ленин, не может быть окончания войны без революции против капиталистов.

А революция против капиталистов невозможна без установления власти пролетариата. И только такая власть будет твёрдой властью, потому что в её основе «не будет лежать шаткое „соглашательство“ капиталистов с мелкими хозяйчиками, миллионеров с мелкой буржуазией, Коноваловых и Шингарёвых с Черновыми и Церетели».

Вопрос был в том, как эту твёрдую власть установить.

Весной 1917 года Ленин отнюдь не считал, что власть пролетариата можно установить лишь силой оружия. Реально в стране установилось двоевластие, и даже, так сказать, – троевластие, если не четверовластие.

Две видимые и организационно оформленные власти – это: 1) Петроградский Совет и Советы на местах, 2) Временное правительство. И поскольку одной из двух властей был рабочий Совет, Ленин не исключал мирного перехода всей власти к Советам, выдвинув лозунг: «Вся власть Советам!»

Но пока что сами Советы были неоднородны – большинство в них принадлежало меньшевикам и эсерам, то есть – соглашателям. При этом и внутри руководства большевиков имелись соглашатели с соглашателями, прежде всего – Каменев и Зиновьев. Они возражали и против курса Ленина на социалистическую революцию, и против несклонности Ленина идти на компромисс с социал-шовинистами из Петросовета. И у «умеренных» большевиков были сторонники в провинции…

Так что внутри прото-советской власти было как бы две власти – в реальном масштабе времени эсеро-меньшевистская, а в перспективе – большевистская.

Имелась, однако, и четвёртая власть – неофициальная власть имущей Элиты, у которой пока были не только экономические, но и собственные политические рычаги. Достаточно напомнить, что Февральская революция не устранила, например, образованные капиталом в условиях царизма Военно-промышленные комитеты, где имелись рабочие группы. 27 января 1917 года рабочая группа Центрального ВПК во главе с меньшевистским лидером Гвоздёвым была арестована, однако председатель Центрального ВПК Гучков и его член Коновалов выступили ходатаями перед царским председателем Совета министров князем Голицыным с предложением взять арестованных на поруки. Как говорится: ворон ворону око не выклюет…

Конечно, меньшевик Гвоздёв не текстильному «королю», миллионщику Коновалову был чета, как и крупному капиталисту Гучкову, но…

Но союз между ними намечался.

В мае 1917 года прошёл 3-йсъезд ВПК, в котором приняли участие меньшевики и эсеры. Забегая вперёд, сообщу, что ВПК исчезли далеко не сразу после Октября 1917 года. Только 31 марта 1918 года Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) РСФСР преобразовал военно-промышленные комитеты в народно-промышленные комитеты с исключением из них представителей буржуазии. В ВПК работали, кроме промышленников, и учёные-экономисты, поэтому старые комитеты новая Советская власть упраздняла постепенно – решение об окончательной ликвидации комитетов Совнарком принял 24 июля 1918 года.

В условиях же «многовластия» весны 1917 года ВПК тоже были силой, и силой, стоящей не на стороне рабочих, хотя представители «рабочей аристократии» в состав ВПК и входили.

И это ещё не всё!

Временное правительство не распустило официально и IV Государственную думу, и её депутаты (кроме социал-демократов) регулярно собирались на «частные» совещания у председателя Думы М. В. Родзянко.

Тематика этих совещаний была самой широкой – от необходимости нового наступления русской армии до целесообразности аграрной реформы. Скажем, на самом первом совещании – 4(17) мая 1917 года, у Родзянко обсуждались методы давления кадетов и октябристов на Временное правительство. А 20 мая (2 июня) был заслушан доклад октябриста помещика С. А. Шидловского в связи с началом работы Главного земельного комитета.

Шидловский тогда заявил, что центр аграрного вопроса «не в малоземелье, а в необходимости поднять производительные силы земли»… Кто бы с Шидловским спорил, если бы сей депутат не оставлял открытым вопрос о том, кто будет получать ***доход*** от интенсификации сельскохозяйственного производства – те, кто владеет землёй (то есть – помещики), или те, кто её обрабатывает (то есть – крестьяне)?..

3(16) июня 1917 года – в день открытия Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, собравшиеся у Родзянко обсуждали внешнюю политику, а 28 июня (11 июля) 1917 года «частное» совещание членов IV Государственной думы состоялось под председательством всё того же Родзянко прямо в Таврическом дворце…

Тогда – после июльских событий, о которых ещё будет подробно сказано, Ленин был объявлен государственным преступником, и осмелевшие «бывшие» депутаты бывшей, но официально не распущенной царской Думы с большой помпой собрались в своей прежней резиденции для обсуждения финансового и экономического положение страны, в том числе – аграрного вопроса. Предполагалось принятие Временным правительством закона о запрете купли-продажи земли, и «думцы» активно против этого протестовали[725].

«Родзянковские» сборища широко освещались буржуазной прессой, участникам этих сборищ и принадлежавшей. И Ленин периодически откликался на эти «совещания», ***всё более претендовавшие на заседания правительства***, статьями в «Правде».

Относительно сути происходящего Владимир Ильич не заблуждался, назвав первую же свою статью по теме: «На зубок новорождённому… „новому“ правительству».

Частное совещание у Родзянко состоялось 4(17) мая 1917 года, а уже 6(19) мая Ленин цитировал в этой статье речи его участников. Вот что говорил, например, кадет Милюков: «… если армия будет бездействовать, это будет фактической изменой нашему обязательству (перед союзниками. – *С.К.*), но если армия будет воевать, то это будет соблюдением наших обязательств по отношению к союзникам»…

А вот что говорил монархист Шульгин: «Мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете сохранить нам страну и спасти её, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем».

На это Ленин заметил: «Даже когда мы будем у власти, мы вас не „разденем“, а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу, на условии работы, вам подсильной и привычной!»

После Октября 1917 года помещик Шульгин «плакать» действительно не стал, он стал одним из организаторов и идеологов «белого» движения, потом – белоэмигрантом… После Великой Отечественной войны Шульгин был с 1945 по 1956 год заключённым особой Владимирской тюрьмы, и скончался гражданином СССР в 1976 году, не дожив двух лет до ста лет.

В 1961 году Шульгин снялся в фильме о самом себе: «Перед судом истории». Обеспечивал эти съёмки будущий выдающийся ренегат – генерал КГБ Филипп Бобков, и когда не без его попустительства СССР пал, он в 1995 году вспоминал свой тогдашний разговор с Шульгиным. Бобков спросил – как по прошествии стольких лет его собеседник оценивает приход большевиков к власти? Шульгин, помолчав, «медленно, но многозначительно сказал, что, конечно, не такого пути желал бы для России, но другого у неё, по видимому, не было…»

А затем прибавил:

– Всяко можно об этом судить, но отрадно, что не распалась в то тяжкое время Россия[726]…

Я не склонен выдавать Шульгина за «раскаявшегося» – его феномен очень сложен, но то, что он сказал так, как это передал Бобков, и сказал искренне – вне сомнений. Не распалась же в то тяжкое время Россия благодаря Ленину и партии Ленина, на деле стоявших за единую Россию.

Уже на склоне лет Шульгин говорил много чего любопытного, но вернёмся, однако, в 4(17) мая 1917 года – на совещание у Родзянко. Член ЦК партии кадетов Маклаков заявил там: «Россия оказалась недостойной той свободы, которую она завоевала»… Но тот же Маклаков предупредил коллег и вот о чём: «Власть будет леветь всё больше и больше, пока страна будет праветь все дальше и дальше»… Имея в виду эти слова, Ленин завершил свою статью словами:

«„Страной“ Маклаков называет капиталистов. В этом смысле он прав. Но „страна“ рабочих и беднейших крестьян, уверяю вас, гражданин, раз в 1 000 левее Черновых и Церетели, раз в 100 левее нас. Поживёте – увидите»[727].

Весной 1917 года Ленин оценивал потенциальную «левизну» масс в сто раз больше, чем собственную.

Был ли он прав?

А вот пусть читатель судит сам… В феврале 1914 года неким политиком был сделан прогноз в видах угрожающей миру войны. В прогнозе было отмечено, что в отношении экономического положения Германии интересы Англии и России противоположны, что в случае поражения Германии там начнётся революция, которая «силою вещей перекинется и в страну-победительницу», то есть – в Россию, а в случае, если война будет для России неудачной, «социальная революция, в самых крайних её проявлениях, у нас неизбежна».

Это – не ленинский прогноз, это писал в своей знаменитой записке царю Николаю Пётр

Николаевич Дурново – монархист из монархистов! Он же предупреждал, что «оппозиционно-интеллигентские партии» не смогут «сдержать расходившиеся народные волны, ими же и поднятые»[728].

Собственно, одна такая, да ещё не в реальном масштабе времени, а ***прогнозная***, оценка Дурново прихлопывает все антиленинские инсинуации.

Конечно, подобный прогноз делал не один Дурново – о том прямо и тоже заранее писал тот же Ленин, но записка Дурного выделяется уже тем, что показывает историческую и политическую правоту Ленина.

Могилу себе вырыл сам царизм, столкнула его в неё правящая Элита, а затем – испугавшись ею же совершённого, вместо того, чтобы окончательно похоронить покойника, стала размышлять – нельзя ли его воскресить, но в более благопристойном облике?

Результатом подобной «политики» мог быть только прогрессирующий развал, что и стало в России происходить.

Первый политический послефевральский кризис разразился в конце апреля 1917 года.

18 апреля (1 мая) министр иностранных дел Временного правительства Милюков направил правительствам стран Антанты ноту с заявлением о «всенародном стремлении довести мировую войну до решительной победы и намерении Временного правительства соблюдать обязательства, принятые по отношению к союзникам».

Большевики призвали народ к демонстрациям протеста, и 20–21 апреля (3–4) мая на улицы вышло 100 000 человек с лозунгами: «Долой войну!», «Вся власть Советам!»

На Невском проспекте произошли столкновения, была стрельба, а кончилось тем, что 2(15) мая Милюков и военный министр Гучков были выведены из состава Временного правительства.

В то время в России «гостил» французский министр по делам вооружений «социалист» Альбер Тома, вначале обрадованный энтузиазмом многотысячной толпы «за Милюкова», собравшейся на Марсовом поле. В своих мемуарах Милюков и французский посол Морис Палеолог красочно расписывали этот «концерт-митинг», где Милюков произнёс речь, «вибрировавшую, – по словам Палеолога, – патриотизмом и энергией»…[729]

Но инициированная большевиками демонстрация выявляла иную сторону ситуации.

Милюков писал, что «общее настроение толпы отнеслось к ленинцам неодобрительно», что в демонстрации большевиков «участвовали рабочие подростки, не скрывавшие, что им за это заплачено по 10–15 рублей»… Но это всё было ложью и «жалобами на лестнице» – Милюкова из правительства выставили. Зато во Временное правительство – теперь уже коалиционное, вошли представители Петросовета – меньшевистские и эсеровские, естественно.

Но об этом – чуть позже…

Все стенания Милюкова разбиваются о простой факт – ему и Гучкову пришлось уйти, и не якобы подкупленные «рабочие подростки» стали тому причиной, а быстрая утрата доверия к Временному правительству широких масс, и прежде всего – столичных рабочих. А их в чиновной столице насчитывалось почти 400 тысяч человек, треть из которых составляли женщины. Эта сила в подкупленных подростках не нуждалась. Но и Ленин пока подавляющим доверием масс не пользовался.

Был и ещё один момент – «правое» крыло в руководстве самих большевиков… Наличие собственных «правых» выяснилось практически сразу после возвращения Ленина – его ясная позиция позволяла быстро прояснять и позиции остальных. Скажем, апрельской Всероссийской конференции предшествовала 1-я Петроградская общегородская конференция РСДРП(б) во дворце «царско-великокняжеской» фаворитки балерины Кшесинской – заняв его большевики сделали дворец своим штабом. И уже на общегородской конференции Зиновьев и Каменев были склонны поддержать Временное правительство, не форсируя социальную революцию.

Всё же ленинская резолюция получила тогда тридцать семь голосов против трёх.

Победил Ленин и на Всероссийской конференции, но вряд ли его эта победа очень обрадовала – она ведь была одержана ***над своими***! И среди них был «Григорий» – Зиновьев. Вместе с «Григорием» он в эмиграции съел не менее пуда соли, который по подсчётам досужих педантов съедается примерно за пять-шесть лет, и вот теперь между ними начинался «раздрай»…

Неоднозначность положения показали и выборы в ЦК на Апрельской конференции: наряду с Лениным, Сталиным, Свердловым и Смилгой в него вошли «умеренные» Каменев, Ногин, Милютин и Зиновьев…[730]

Давно сказано: «Избави меня, Боже, от друзей, а от врагов я как-нибудь сам избавлюсь». Но в том-то была и загвоздка, что «друзья» имели и «дореволюционный стаж», и авторитет в массах – как партийных, так и рабочих… Нельзя же было просто сказать тому же «Григорию»: «Не путайся под ногами!»…

Так или иначе, первый российский «временный» кризис был преодолён за счёт вхождения во Временное правительство членов Петросовета. Меньшевик Ираклий Церетели стал министром почт и телеграфов, эсер Виктор Чернов – министром земледелия, «трудовик»-меньшевик Михаил Скобелев получил кресло министра труда, лидер «энесов» – народных социалистов, Алексей Пешехонов был назначен министром продовольствия, эсер Павел Переверзев – министром юстиции.

Александр Керенский вошёл в первое коалиционное Временное правительство в качестве военного и морского министра[731].

Дело имущей Элиты в России было пока что спасено, но… Но крах такого политического «руководства» был лишь делом времени.

Ну, в самом-то деле! Чего иного, кроме краха, можно было ожидать, если тот, кто объявлял себя выразителем коренных интересов рабочих, в решительный момент согласился заведовать почтой, другой «защитничек», став министром труда, не предпринял никаких мер по установлению рабочего контроля в сфере труда, «народный социалист» Пешехонов не смог обуздать спекуляцию продовольствием, эсеровский министр земледелия Чернов отказывал селу в конфискации помещичьих земель, а эсеровский военный министр Керенский начал готовить новое кровавое наступление во имя Антанты?

Как тут не леветь массам?

Напомню и слова Ленина, сказанные в адрес подобных «лидеров»: «Поживёте – увидите!»

Первый кризис власти весной 1917 года обнаружил всю непрочность ситуации. В начальный момент кризиса даже соглашательский Исполком Петросовета не был склонен делегировать в правительство своих представителей – после долгих споров 29 апреля Исполком отказался от этой идеи, хотя и большинством всего в один голос: 23 против 22.

Возникала реальная угроза того, что без «социалистической» подпорки «Временные» рухнут. Но тогда власть «по факту» перешла бы к эсеро-меньшевистским Советам, а это означало бы и их быстрый крах, поскольку к решительным действиям в интересах масс такие Советы не перешли бы.

Поэтому, как только к отставке Милюкова 1(14) мая прибавили отставку ещё и Гучкова, Исполком Петросовета большинством в 41 голос против 18 проголосовал за правительственную коалицию[732].

Соглашатели в Петросовете победили, но победа-то была явно из разряда пирровых, то есть – чреватых будущим поражением.

Так или иначе, Временное правительство временно было спасено. Но тут же оно двинулось ко второму кризису, начав подготовку летнего наступления…

В коалиционном правительстве из шестнадцати министерских постов десять занимали крупные помещики и капиталисты (откуда и родился лозунг «Долой десять министров-капиталистов!»), а шесть – «социалистические» министры.

Ленин тогда был по горло занят текущими организационными партийными делами и пропагандой в массах. В одном только мае он выступал на митингах рабочих Путиловского завода и Путиловской верфи; Адмиралтейского судостроительного завода и Франко-Русского завода; в актовом зале Морского кадетского корпуса; на митинге рабочих Обуховского завода совместно с рабочими Семянниковского и Александровского заводов, в вагонных мастерских Николаевской железной дороги, где были также рабочие Александровского механического, Невского судостроительного, Семянниковского заводов и рабочие фабрик Паля и Торнтона…

Выступал Ленин в мае и на Трубочном заводе (где делали не курительные, а снарядные трубки), в Политехническом институте перед студентами и рабочими завода «Айваз», на собрании рабочих фабрики «Скороход»…

Невская застава, Московская застава, Васильевский остров – все рабочие Питера слышали Ленина весной и летом 1917 года не раз, и не два… И это – не считая выступлений на чисто партийных собраниях и районных конференциях. Времени было в обрез, и на злобу дня Ленин откликается короткими заметками в «Правде»: «Министерский тон», «Ничего не изменилось» и т. д.

10(23) мая он пишет заметку с «говорящим» названием: «Ищут Наполеона»… Русское издание Наполеона имущие тогда действительно уже начали подыскивать, но пока кандидатуры лишь намечались.

Среди ленинских коротких статей того времени выделю две. Обе появились в одном и том же 72-м номере «Правды» от 3(16) июня 1917 года.

В статье «Большевизм и „разложение“ армии», Ленин заявил, что «правые» «не кричат, а работают, *организованно* работают в свою пользу» «в министерстве, на фабриках угрозой локаутов, приказами о расформировании полков», а большевики имеют в своём распоряжении *только слово*.

Так ведь и было!

Министерских постов большевики не занимали, государственного аппарата в своём распоряжении не имели, экономических рычагов – тоже. Причём Ленин писал, что «Правду» на фронт не пускают, киевские газетные агенты постановили «Правду» не распространять, Земский союз в своих киосках её не продаёт, а меньшевистские «Известия Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» обещают вести «систематическую борьбу с проповедью ленинизма». В результате, предупреждал Ленин:

«Лишённые возможности получить ясные руководящие указания, инстинктивно чувствующие фальшь позиции официальных вождей демократии, массы принуждены *ощупью сами искать пути*…

В результате под знамя большевизма идёт всякий недовольный: сознательный революционер, возмущённый борец, тоскующий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо боящийся за свою шкуру человек…

Там, где большевизм имеет возможность открыто выступать, там дезорганизации нет.

Где нет большевиков или им говорить не дают, там эксцессы, там разложение, там лжебольшевики.

А этого-то как раз и нужно нашим врагам.

Им нужен повод сказать: „*Большевики разлагают армию“, а затем заткнуть рот большевикам*»[733].

Как многое в уже скорой ***открытой*** гражданской войне объясняется этими ленинскими

словами. «Зелёные» и «серо-буро-малиновые» банды разного рода «батек» от анархичного Нестора Махно до опереточного «пана атамана Грициана Таврического» – это результат «деятельности» не только царизма, исковеркавшего множество народных душ, но и результат «деятельности» «Временных», быстро утрачивавших контроль за ситуацией, а винивших в том большевиков.

В 1918 году, в 1919 году они – теперь уже не «временные», а «бывшие», будут заниматься тем же: сваливать порождённые ими же эксцессы гражданской войны на Советскую власть.

Да, прав был Ленин, прав! Как прав был он и в констатации во второй статье «Над кем смеётесь? Над собой смеётесь!», где писал:

«Искренность в политике означает не то, чтобы гг. Керенские, Черновы и К^0 должны были доказывать свою личную искренность, – её мы охотно допускаем и не в ней вовсе дело. Искренность в политике, то есть в той области человеческих отношений, которая имеет дело не с единицами, а с *миллионами*, – искренность в политике есть вполне доступное проверке *соответствие между словом и делом*»[734].

Просто?

Да.

Верно?

Безусловно – да…

К сожалению, хотя всё это было верно и просто, далеко не всегда всё это сразу оказывается понятно массам – как в начале XX века, так и сто лет спустя, в начале XXI века…

Например, Борис Ельцин уверял, что если народ станет жить хуже, он ляжет на рельсы.

Владимир Путин заявлял, что вор должен сидеть, и вообще преступников надо «мочить» в известном месте…

И всё это были слова, возможно даже – лично искренние. Однако за этими словами не последовали и не могли последовать – в случае прислужников капитала Ельцина и Путина – соответствующие словам делб.

Но что мы имеем в итоге?

А вот что: Ельцину верили-верили, а теперь проклинают…

Путину же пока ещё верят.

Поразительно, но – факт!

«Социалистическим» министрам Церетели, Чернову, Скобелеву, Пешехонову, Переверзеву и Керенскому в начале лета 1917 года тоже верили, но для них уже наступал «момент истины» – 3(16) июня в Петрограде открылся Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, подготовленный Петроградским Советом.

На съезд приехало 1090 делегатов, представлявших 305 рабочих, солдатских и крестьянских объединённых организаций, 53 районных, областных и губернских Советов, 21 организацию действующей армии, 8 тыловых воинских организаций и 5 организаций флота.

Большинство принадлежало эсерам (285 делегатов) и меньшевикам (248 депутатов). У большевиков было 105 мандатов.

В результате первый Съезд Советов избрал Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК), который был по составу и настрою эсеровско-меньшевистским, то есть – соглашательским. В состав ЦИК вошли 107 меньшевиков, 101 эсер, 35 большевиков, 8 объединённых социал-демократов, 4 трудовика и «народных социалиста», 1 бундовец.

Председателем ЦИК стал меньшевик Чхеидзе[735].

Так же, как лидеры большевиков Ленин, Зиновьев и Каменев, членами ЦИК были избраны Троцкий и Луначарский – тогда ещё не состоявшие в РСДРП(б).

Вошли в ЦИК и два «правых» меньшевика – члены Исполкома Петросовета Михаил Либер

(Гольдман) и Фёдор Дан (Гурвич), что сразу породило в среде большевиков презрительное собирательное прозвище «Либерданы», нередко употребляемое и Лениным.

Восседал в президиуме съезда и Плеханов, но этот в вихре событий уже терялся.

В «раскладе» Первого съезда Советов сказалось многое… И – особо ретивое преследование большевиков царизмом, откуда вытекало снижение влияния большевиков, лишённых возможности вести работу в массах… И – легализация царизмом меньшевиков, вошедших в военно-промышленные комитеты… И ещё слабое к лету политическое самосознание масс… И влияние на селе кулачества – оно было сильно на селе даже к концу 20-х годов…

Не исключено, что свою роль сыграли и ***внешние*** субсидии как меньшевикам, так и эсерам… Ведь только меньшевики и эсеры могли быть «социалистической» альтернативой большевикам, играя роль баранов-провокаторов.

Тысяча посланцев многомиллионной России, а за ними и вся трудовая Россия, ожидали от вновь избранного ЦИКа действий, а не слов. Действия и последовали, но отнюдь не те, которых от ЦИКа ожидали массы.

Вначале, впрочем, несколько слов о ситуации с летним наступлением 1917 года на русском Восточном фронте.

Сегодня о состоянии русской армии к лету 1917 года чего только не понаписано, причём, в связи со 100-летием Первой мировой войны, преобладают оценки хвалебные, включая утверждения, что в 1917 году русская армия преодолела-де кризис и была-де готова наступать и наступать, почему-де Германия и усилила финансирование подрывной работы большевиков.

Оставив подобные утверждения на совести авторов, должен сказать, что не только сегодня, но и в реальном масштабе времени, то есть – в 1917 году, разнобой в оценках способности русской армии продолжать мировую войну тоже имел место, да ещё и какой!

Это же надо сказать об описании причин развала – когда развал признавался. Не уходя далеко от темы, приведу три мнения[736].

1) «Большевизм сделал своё дело, и армия, в значительной своей части отравленная ядом этой пропаганды, не только не спасёт свободу, но, оставаясь непасомым стадом, погубит её…»

2) «Позволю себе не согласиться с мнением, что большевизм явился решительной причиной развала армии: он нашёл лишь благодатную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме…»

3) «Сплоченность и доверие к начальствующим лицам подорвано почти исключительно пропагандой крайне левых течений (читай – „большевиками“, – *С.К.*), преступность действий который выясняется лишь в настоящее время…»

Выше даны оценки Верховного Главнокомандующего генерала А. Брусилова от 8 июля 1917 года, Главнокомандующего армиями Северного фронта В. Клембовского от 15 июля 1917 года и Главнокомандующего армиями Западного фронта А. Деникина от 12 июля 1917 года.

Дворяне Алексей Брусилов и Владислав Клембовский после Октября 1917 года находились в рядах Красной Армии – пусть и не очень-то искренне… Внук же крепостного Антон Деникин стал белым Главковерхом. С учётом этого предлагаю читателю с трёх раз угадать – какая оценка из трёх принадлежит Деникину? Нетерпеливым отвечаю сразу: как ни странно, вторая…

Учтя сей нюанс, стоит ли чьи-либо личные оценки брать за критерий истины? Знать и брать их в расчёт надо, но они могут лишь оттенить объективную информацию – качественную и, особенно, количественную.

Вот пример информации обобщённой – выдержка из доклада членов Государственной думы о настроениях на фронте сразу после Февральского переворота. Там сообщается прямо: «…

настроение сплошь республиканское. Спрашивали: арестован ли Романов с семьёй? Как только сказали, что арестован, стали кричать „ура“, качать и так далее…»[737].

Одного этого ***факта*** для честного аналитика достаточно для того, чтобы сделать однозначный вывод: в кризисе армии был виноват сам царизм, и как социально-политический строй, и как государственный механизм, и как военная организация.

А вот, в дополнение к обобщённому факту, и цифры…

Генерал от инфантерии Юрий Данилов (1866–1937) относился к крупнейшим русским генералам, равно сильным в штабе и в строю. В 1918 году он вступил в Красную Армию, руководил группой экспертов на переговорах с немцами в Брест-Литовске, но, не приняв Брестский мир, 25 марта 1918 года подал в отставку. Уехал на Юг России в зону действий Добровольческой армии, работал у Врангеля, эмигрировал и в эмиграции написал ряд военно-исторических трудов, в том числе: «На пути к крушению». В 2000 году московское издательство «XXI век – Согласие» переиздало его, откуда и взяты ниже приводимые цитаты и данные…

Данилов не раз (например, на с. 193) подчёркивал довоенную слабость российской промышленности, в результате чего «мы… продолжали чувствовать крайнее стеснение в оружии, огнестрельных припасах и других предметах военного снабжения». Там же Данилов пишет: «Недостаток рельсов и шпал, усиленная заболеваемость паровозов и вагонов, уменьшение добычи угля, равно как и ухудшение его качества… привели к тому, что уже в середине 1916 года развал транспорта был у нас налицо»

Данилов сообщает (с. 309–311), что ежемесячное производство винтовок составляло 100 тысяч при потребности в 300 тысяч, патронов – 120 миллионов штук при потребности в 200 и даже в 250 миллионов штук, снарядов – 1,5 миллиона штук при потребности в 4 миллиона. Хронической была нехватка пулемётов – не более 50 % необходимого. При этом российские заводчики через военно-промышленные комитеты получили на выполнение военных заказов казённую субсидию в 400 миллионов рублей, но отчитались лишь в половине (с. 378).

Данилов рисовал невесёлую картину хронического некомплекта вверенных ему войск – как кадрового, так в отношении техники. Принятый Даниловым 30 августа 1915 года XXV армейский корпус при штате в 28 тысяч штыков имел в строю всего 8 тысяч вооружённых людей, и т. д.

Результаты кампании 1916 года укладываются в несколько фраз Данилова (с. 183): «На протяжении всего русского фронта – снова десятки и сотни тысяч убитых и искалеченных людей, притом конца этим последовательным бойням не было видно. Масса жертв и никаких видимых результатов! Число призванных в армию перевалило уже за 13 миллионов. Войсковые части переменили свой состав до четырёх-шести раз…»

Ума не приложу – как, зная всё это, у кого-то язык поворачивался тогда и поворачивается сейчас, обвинять Ленина за его требование немедленного мира?

Данилов, правда, имея в виду предстоящую ещё царской армии кампанию будущего 1917 года писал (с. 184): «Лишь бы додержаться ещё и ещё некоторое время, и тогда Россия вместе со своими союзниками выйдет победителем из этой ужасающей кровавой бойни».

Однако сам же и признавал (уже постфактум!) (с. 184, 195): «Как было этого достигнуть при том огромном напоре обстоятельств, подрывавших дух армии и разложивших её!?… По мере приближения 1917 года в экономической жизни России наступало положение, близкое к параличу. Дальнейшее выкачивание из страны сил и средств для ведения войны являлось почти невыполнимым…»

Речь – о ситуации накануне 1917 года, то есть о времени, когда Ленин и большевики не являлись значащим фактором подрыва царизма, и наиболее значащим фактором была политика

самого царизма.

В начале ноября 1916 года во французской штаб-квартире в Шантильи прошла очередная конференция представителей союзных армий, а накануне Февральского переворота подобная конференция собралась в Петрограде. Целью было вытолкнуть русских в наступление в 1917 году не позднее 15 марта нового стиля.

Даже царь упирался, и окончательной крайней датой наступления было определено 1 мая 1917 года.

При этом объективно России давно было пора думать о сепаратном мире с Германией – союзники вели себя, по выражению генерала Маниковского, «крайне бесцеремонно» в требованиях наступать, а при этом соглашались поставить России 3,4 миллиона тонн военных материалов при русской заявке в 10,5 миллиона тонн. Острота ситуации и подтолкнула к Февральскому перевороту.

18(31) марта 1917 года совещание представителей центральных управлений Военного министерства в Ставке признало невозможность выполнения весной принятых обязательств и рекомендовало перейти к обороне[738].

Прошла бурная весна 1917 года, когда было не до наступления, а за весной наступило лето. Союзники наглели – это ведь они содействовали установлению в России «демократии», а за «демократию» надо воевать. И вот при плачевном состоянии страны и ненадёжной армии Временное правительство стало «закручивать гайки», восстановило на фронте смертную казнь и объявило о близком общем наступлении…

На фронтах армию готовили к новой бойне, а в Петрограде с 3(16) июня начал работать Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

Перепрыгнуть через народ нельзя – это Ленин понимал, и об этом говорил товарищам по партии.

Оставалось одно – убедить народ в своей правоте.

Глава 29. Июль 1917-го – пролог Октября

Во второй день работы Съезда Советов на его трибуну вышел Ленин. В повестке дня стояло 12 вопросов, и 4(17) июня Ленин выступил с речью об отношении к Временному правительству[739].

Он сразу взял быка за рога и заявил, что «первый и основной вопрос, это вопрос, *где* мы присутствуем, – что такое те Советы, которые собрались сейчас на Всероссийский съезд?»

Это был действительно вопрос вопросов, и Ленин тут же пояснил, что «нам рисуют программу буржуазной парламентарной республики и говорят о революционной демократии».

«Но говорят перед кем?» – спрашивал Ленин. Сам же отвечал: «Перед Советами» и продолжал: «А я вас спрашиваю, есть ли такая страна в Европе, буржуазная, демократическая, республиканская, где бы существовало что-нибудь подобное этим Советам?»

Ленин бил в «десятку»!

Он без околичностей определил: «Советы – это учреждение, которое ни в одном обычного типа буржуазно-парламентарном государстве не существует и рядом с буржуазным правительством существовать не может».

– Одно из двух: – говорил Ленин, – или обычное буржуазное правительство, и тогда крестьянские, рабочие, солдатские и прочие Советы не нужны, тогда они будут либо разогнаны теми контрреволюционными генералами, которые армию держат в руках, не обращая внимания на ораторство министра Керенского, или они умрут бесславной смертью. Иного пути нет у этих учреждений, которым нельзя ни идти назад, ни стоять на месте, а можно только существовать, идя вперёд…

Слова Ленина были сущей правдой…

Если Советы – власть, то тогда – ***вся власть Советам***! А если они ***не*** власть – зачем тогда огород городить, съезды собирать, речи говорить?

Ленин не был знаком с документами Ставки, а то мог бы процитировать делегатам письмо Верховного Главнокомандующего генерала А. Брусилова, направленное командующим фронтами, где генерал рекомендовал «отбор испытанных и надёжных в смысле дисциплины войск, которые могли бы явиться опорой для власти» и пояснял:

«Несомненно, что с последним выстрелом на фронте всё, что теперь ещё удаётся удержать в окопах, ринется в тыл, и притом с оружием в руках. Эта саранча, способная поглотить всё на своём пути, окончательно погубит и свободу, и все завоевания революции. К этому надо быть готовым так же, как и к надвигающейся гражданской войне…»[740]

Последняя генеральская фраза может быть хорошей иллюстрацией к вопросу: «Кто готовил гражданскую войну – революционер Ленин или царские генералы, вдруг воспылавшие любовью к „свободе и революции“?»

При этом генералы в полном согласии с помещиками, заводчиками, фабрикантами, крупными адвокатами, кадетскими профессорами и т. д. смотрели на народ, ***на своих же соотечественников***, как на *саранчу!*

Хорошая же «революционная демократия» (от «демос» + «кратос» = «власть народа») могла бы развиться в России под любящим присмотром генералов, «верных союзническим обязательствам» и «революции»…

В речи Ленина были и слова, которые стали легендарными и которые обычно подаются как реплика Ленина с места… Известные рисунки художников Николая Жукова и Евгения Кибрика, где Ленин ***из зала*** бросает эти слова, так и называются: «Есть такая партия!»

Не только искусство, но и история нуждается в ярких образах, и в этом смысле рисунки Жукова и Кибрика вполне исторически правдивы. Однако с формально фактической точки зрения оба рисунка изображают картину, на самом деле не бывшую. Ленин произнёс эти слова не из зала, а с трибуны, и не как реплику, а в ходе своего выступления.

Ниже приведена точная развёрнутая цитата из речи Ленина – развёрнутая потому, что знание именно полной цитаты сразу же высвечивает многое в русском 1917 годе в подлинном свете, снимая с Ленина обвинения в «захвате власти».

Вот что сказал Ленин во второй день работы Первого съезда Советов (выделение текста жирным курсивом моё):

«Сейчас целый ряд стран накануне гибели, и те практические меры, которые будто бы так сложны, что их трудно провести, что их надо особо разрабатывать, как говорил предыдущий оратор, гражданин почт и телеграфов (Церетели. – *С.К.*), – эти меры вполне ясны. Он говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: „Есть! ***Ни одна партия*** от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком“ (аплодисменты, смех). Вы можете смеяться, сколько угодно, но если гражданин министр поставит нас перед этим вопросом рядом ***с правой партией***, то он получит надлежащий ответ. ***Ни одна партия*** не может от этого отказываться…»[741]

Что сказал Ленин? Он сказал, что ***ни одна*** политическая партия ***заранее*** не будет делить возможную власть с другой партией!

Но он ведь был прав!

Не говорят же партия «Единая Россия» или ЛДПР Жириновского, или Республиканская и Демократическая партии США, или лейбористы и консерваторы в Англии перед выборами избирателям: «Вы на 51 % проголосуйте за нас, а на 49 % – за наших оппонентов, чтобы мы могли разделить ответственность с ними»…

Нет, любая политическая партия говорит народу: «Вы поверьте ***нам***, вы проголосуйте ***только за нас***, вам нужна ***только наша*** программа».

И этим самым любая политическая партия в любой стране, фактически, заявляет, что она, если ей поверит ***весь*** народ или его большинство, готова взять ***всю*** полноту власти на себя. Иначе она – не политическая партия, а сборище безответственных болтунов, боящихся единоличной ответственности.

Другое дело, что буржуазные партии действительно боятся ответственности, с одной стороны, а с другой стороны ни одна буржуазная партия не выражает интересы большинства нации, и поэтому голоса – если в стране есть несколько крупных партий – часто разделяются. И буржуазным партиям приходится вступать в коалиции – как меньшевикам и эсерам с кадетами и октябристами в коалиционном Временном правительстве.

Вот, скажем, Церетели… На словах – революционер, на деле – буржуазный соглашатель и развёл турусы на колёсах. А Ленин его тут же и разоблачил, а дальше сказал так:

«Ни одна партия не может от этого отказываться. И в момент, пока существует свобода, в такой момент ***всякая*** партия говорит: окажите доверие нам, и мы дадим вам нашу программу.

Наша конференция (Апрельская. – *С.К.*) 29 апреля эту программу дала. К сожалению, с ней не считаются и ею не руководятся. Видимо требуется популярно пояснить её… Наша программа по отношению к экономическому кризису состоит в том, чтобы немедленно – для этого не нужно никаких оттяжек – потребовать публикации всех тех неслыханных прибылей, достигающих 500–800 процентов, которые капиталисты берут не как капиталисты на свободном рынке, в „чистом“ капитализме, а по военным поставкам. Вот действительно где рабочий

контроль необходим и возможен. Вот та мера, которую вы, если называете себя „революционной демократией“, должны осуществить от имени Совета и которая может быть осуществлена с сегодня на завтра…»[742]

Предложение Ленина было легко осуществить технически, но политически это была бы бомба, как политической бомбой стало бы и опубликование тайных договоров царской России с Антантой – тогда ведь народу сразу стало бы понятно, что его ведут на бойню не за «свободу», а за раздел сфер влияния капитала.

Но дальше Ленин сказал и больше:

«Это не социализм. Это – открытие глаз народу на ту настоящую анархию и ту настоящую игру с империализмом, игру с достоянием народа, с сотнями тысяч жизней, которые завтра погибнут… Опубликуйте прибыли господ капиталистов, арестуйте 50 или 100 крупнейших миллионеров. Достаточно продержать их несколько недель, хотя бы на таких же льготных условиях, на каких содержится Николай Романов, с простой целью заставить вскрыть нити, обманные проделки, грязь, корысть… Вот основная причина анархии и разрухи, вот почему мы говорим: коалиционное правительство не изменило ничего, оно прибавило только кучку пышных заявлений – *тот же класс* остался у власти. Та политика, которая ведётся, не есть политика демократическая…»[743]

Зная развитие ближайших событий – в июле 1917 года, не приходится удивляться тому, что они развивались в русле провокаций власти против Ленина и большевиков.

Ход мысли имущих угадать было несложно.

Ещё чего этот Ленин захотел! Уважаемых граждан, элиту «делового мира» России под замок посадить и требовать от них – ужас какой! – правды об их доходах!

Нет уж!

Пока он со своей партией, к которой – не дай Бог! – прислушается эта голытьба, эта простонародная *саранча*, действительно не взял в руки ключи от узилищ, надо срочно что-то придумать…

Отсюда и пошли расстрелы мирных демонстраций, сенсационные «разоблачения» Ленина как платного «германского шпиона» и прочая, и прочая, о чём разговор ещё будет.

Пока же – очередная цитата из ленинской речи на Первом съезде Советов:

«Мы хотим единой и неразделыной республики российской с твёрдой властью, но твёрдая власть даётся добровольным согласием народов…

Вы пережили 1905 и 1917 годы, вы знаете, что революция по заказу не делается, что революции в других странах делались кровавым тяжёлым путём восстаний, а в России нет такой группы, нет такого класса, который мог бы сопротивляться власти Советов. В России эта революция возможна, в виде исключения, как революция мирная…»[744]

Почти сразу после этого председатель прервал Ленина: «Ваше время истекло», на что Ленин ответил: «Я через полминуты кончаю…»

Но тут в зале зашумели, требуя продолжать, и председатель сообщил, что президиум предлагает продлить срок речи оратора. Предложение было поставлено на голосование, большинство проголосовало «за», и Ленин ещё говорил и говорил, перейдя к вопросу о мире.

Он сказал:

«Только одна страна в мире сможет сделать шаги к прекращению империалистической войны сейчас, без кровавой революции, только одна страна, и эта страна – Россия. И она остаётся ею до тех пор, пока Совет рабочих и солдатских депутатов существует…

Если бы вы взяли власть в свои руки, если бы власть перешла к революционным организациям для борьбы против капиталистов, тогда трудящиеся иных стран вам поверили бы, тогда вы могли бы предложить мир. Тогда наш мир был бы обеспечен, по крайней мере, со

стороны двух народов, которые истекают кровью и дело которых безнадёжно, со стороны Германии и Франции…

Когда вы возьмёте революционную власть, у вас будет революционный путь к миру…»[745]

Это было сказано перед лицом всей России – публично!

То есть, в июне 1917 года Ленин сказал нации в лице делегатов Съезда Советов: возьмите власть здесь, сейчас, мирно, примите нашу программу, и мы все вместе, тут же, без раскачки, начнём строить подлинно демократическую (то есть, ***народо***властную) республику… И сила примера будет такой, что мир не сможет отказаться от предложенного народом России мира.

Это было ещё лишь начало лета 1917 года – можно было за тёплые месяцы что-то восстановить, дружно собрать урожай, в случае отказа Германии от прекращения войны укрепить армию, теперь защищающую народное Отечество…

Да и не отказалась бы Германия от мира, а народ Франции, уже понёсший миллионные потери в мясорубке Вердена, тоже не отказался бы. И это был бы не «похабный» – по определению Ленина же – Брестский мир, который Ленин был вынужден заключить зимой 1918 года в России, окончательно разваленной «временными» за лето и осень 1917 года, а мир «без аннексий и контрибуций», дающий России возможность мирного и свободного вздоха.

Вот что предлагал Ленин России в начале июня 1917 года. Увы, вместо этого Россия поверила летом 1917 года Церетели, Чернову, Керенскому, а они вели её к катастрофе.

И привели.

Преодолевать же последствия катастрофы пришлось Ленину и его партии… А точнее, эти последствия, да ещё и в условиях развязанной «бывшими» гражданской войны, пришлось преодолевать России, не поверившей Ленину ***вовремя***, и преодолевать во главе ***со всё тем же*** Лениным.

Грустно всё это, товарищи…

9(22) июня 1917 года Ленин выступил на съезде с речью о войне, где метко заметил: «Говорят, что мы без финансовой поддержки Англии и Франции не обойдёмся. Но поддержка эта „поддерживает“, как веревка поддерживает повешенного».

Ещё до этого – 4(17) июня, он осудил готовящееся наступление на фронте как «продолжение империалистической бойни и гибели сотен тысяч людей»…

Чтобы читатель лучше понимал положение дел, сообщу, что если 7(20) июня 1917 года в Питере бастовало 4 завода, то на следующий день – уже 28 заводов. Причиной стало распоряжение Временного правительства о занятии войсками дачи Дурново и выселении из неё рабочих организаций Выборгской стороны[746].

Кто, спрашивается, провоцировал массы – большевики или «временные» власти?

В результате люди рвались на улицу.

8(21) июня на совещании ЦК, Петроградского комитета с представителями районов, воинских частей, фабрично-заводских комитетов выступил Ленин и, предупредив о необходимости выдержки, предложил провести 10(23) июня массовую мирную демонстрацию протеста.

Эсеро-меньшевистское руководство Съезда Советов добилось, однако, принятия съездом запрета всяких демонстраций на 3 дня.

ЦК тут же дал на места отбой. Сам по себе этот факт показывает, что Ленин ещё надеялся на мирное развитие революции, поскольку лишь большевики усиливали – пусть и не так быстро, как хотелось бы – влияние в народе, а питерские рабочие уже почти поголовно шли за Лениным.

С одной стороны, эсеры и меньшевики попытались обвинить большевиков, и 11(24) июня на объединённом заседании Президиума I Всероссийского съезда Советов, Исполкома Петросовета, Исполкома Совета крестьянских депутатов и бюро всех фракций съезда министр

Церетели заявил, что намечавшаяся демонстрация являлась «заговором для низвержения правительства и захвата власти большевиками». Церетели – официально министр «почтовый», а не военный, пригрозил также разоружить рабочих, идущих за большевиками.

Речь Церетели тоже была прямой провокацией – он обвинял большевиков в том, чего у них в июне и в мыслях не ночевало!

Ленин на том заседании отсутствовал – он был вообще против участия в нём, а те большевики, которые участие в объединённом заседании приняли, в знак протеста его окинули.

С другой стороны, эсеро-меньшевистское ядро ЦИКа поняло, что так можно палку и перегнуть, и через два дня провело решение о проведении демонстрации 18 июня (1 июля). Но ЦИК предложил демонстрировать под лозунгом «Доверие Временному правительству!» – на этот день Временное правительство назначило общее наступление на фронте.

14(27) июня в номере 81-м «Правды» Сталин писал:

«Товарищи! Своей попыткой демонстрировать 10 июня мы добились того, что Исполнительный комитет и съезд Советов признали необходимость демонстрации. Вы знаете, должно быть, что съезд Советов назначил на 18 июня всеобщую демонстрацию, объявив заранее свободу лозунгов.

Теперь наша задача – добиться того, чтобы демонстрация в Петрограде 18 июня прошла под нашими революционными лозунгами…»

Ленин был полностью занят подготовкой демонстрации: писал короткие заметки в «Правду», формулировал лозунги, проверял подготовку плакатов и знамён, инструктировал партийных работников и рабочих представителей, составлял телеграммы местным большевистским организациям, беседовал с корреспондентами, готовил ораторов и сам записался на выступление…

В преддверии демонстрации – 16(29) июня, Ленин направил в Стокгольм Заграничному бюро ЦК информационную телеграмму:

«В воскресенье манифестация всей революции. Наши лозунги: долой контрреволюцию; IV Думу; Государственный Совет; империалистов, организующих контрреволюцию. Вся власть Советам. Да здравствует контроль рабочих над производством. Вооружение всего народа. Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с английским и французским правительствами. Немедленное опубликование Советами действительно справедливых условий мира. Против политики наступлений. Хлеба, мира, свободы»[747].

Тут требуется пояснение…

Под болтовню о «революционной демократии» и «свободе», ни Временное правительство, ни Петросовет не удосужились: 1) официально распустить царскую Думу; 2) официально упразднить царский Государственный Совет и, наконец, 3) провозгласить Россию республикой.

Всё откладывалось «до Учредительного Собрания», то есть, буржуазные «демократы» даже сам республиканский характер будущего строя заранее ставили под сомнение, не исключая возврата к монархии, но уже конституционной.

Ленин всё это и разоблачал.

Зато «германский агент» Ленин, как видим, почему-то не воспользовался удобным случаем, и вместо лозунга о сепаратном мире со своим «шефом» Вильгельмом выдвигал лозунг о недопустимости такого мира… Странным для «иностранного агента» был и лозунг о вооружении всего народа, то есть, прежде всего, рабочих, конечно.

Говоря же серьёзно, содержание приведённой выше телеграммы само по себе опровергает все инсинуации в адрес Ленина.

Но особенно показательным и разоблачительным для якобы «социалистических» оппонентов Ленина было то, что не Председатель ЦИК Съезда Советов Чхеидзе, а всего лишь

член ЦИК Ленин выдвигал лозунг «Вся власть Советам!»

Впрочем, всё было понятно – для тех, кто был в состоянии мыслить и понимать.

Для Ленина Советы были органом государственной народной власти, и он требовал как можно скорее отдать им всю полноту единоличной власти, позволяющей начать проводить политику народовластия…

Для Чхеидзе и его подельников возглавляемые ими Советы были не более чем разменной монетой в их стремлении заранее выторговать себе местечко в той буржуазной власти (республиканской или конституционно-монархической), которую, по их прогнозам, должно было учредить в некоем туманном будущем Учредительное собрание.

Накануне дня демонстрации – 17(30) июня 1917 года приболевший от хлопот Ленин пишет в Стокгольм письмо Карлу Радеку, который вошёл в ряды РСДРП(б) и держал связь с европейскими социал-демократами.

Письмо касалось, в основном, проблем Циммервальда, ситуации у шведских левых и т. д., и Ленин писал: «*Так или иначе, надо похоронить поганый („гриммовский“: всё же он гриммовский) Циммервальд во что бы то ни стало и основать настоящий III Интернационал только из левых, только против каутскианцев. Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан… Простите за краткость: болен…*»

Заканчивал же письмо Ленин следующим: «*Здесь всего более похоже на канун июньских дней 1848 года. Меньшевики и эсеры всё и вся сдали и сдают кадетам (= Кавеньякам). Qui vivra verra („Поживём – увидим“). Ваш Ленин*»[748]

Здесь требуются пояснения…

Упоминая июньские дни 1848 года и Кавеньяков, Ленин имел в виду давние события во Франции, и аналогия с французским 1848 годом, использованная Лениным, была корректной, уместной и зловещей одновременно.

В конце февраля 1848 года во Франции тоже прошла Февральская революция… В результате обострения общественной ситуации 24 февраля король Луи Филипп отрёкся, а 25 февраля Франция была провозглашена республикой – в отличие от «Временных» французы «резину» здесь не тянули.

Но, как и в России, началось в Париже с верхушечного переворота, а продолжилось народным движением. Народ ждал широких реформ в интересах народа. Под руководством левого республиканца Альфонса де Ламартина было сформировано Временное (!) правительство, в которое вошёл и социалист (!!) Луи Блан. Были назначены выборы в Учредительное (!!!) собрание, большинство в котором получили умеренные – либеральные республиканцы.

4 мая 1848 года Учредительное собрание открылось, а 24 июня 1848 года в Париже опять появились баррикады – по решению Учредительного собрания (французского) были закрыты созданные после Февральской революции (французской) национальные мастерские, призванные уменьшить безработицу. Рабочие же (опять-таки – французские) требовали… всего лишь гарантированного права на труд!

И восстали…

Учредительное собрание немедленно наделило военного министра генерала Луи Эжена Кавеньяка (1802–1857) диктаторскими полномочиями и обязало его «навести порядок».

Уличные бои в Париже шли четыре дня, на баррикадах погибли тысячи человек, тысячи человек были расстреляны. Страшный для Элиты социальный эксперимент (французский) либералы утопили в крови.

Развитие событий в 1848 году во Франции так разительно напоминало развитие событий в России в 1917 году, что аналогия Ленина естественным образом приходила в голову любому,

знающему историю, а Ленин историю знал.

Маркс сказал о Кавеньяке, что тот олицетворял собой «диктатуру буржуазии при помощи сабли». Высоко же ценимый Лениным русский революционный (без кавычек) демократ (тоже без кавычек) Александр Иванович Герцен (1812–1870) в своей работе «С того берега» писал о тех днях:

«Либералы долго играли, шутили с идеей революции, и дошутились до 24 февраля. Народный ураган указал им, куда они идут и куда ведут других; посмотревши на пропасть, открывшуюся перед их глазами, они побледнели; они увидели, что не только то падает, что они считали за предрассудок, но и всё остальное, что они считали за вечное и истинное (то есть, „священное право“ частной собственности. – *С.К.*); они до того перепугались, что одни уцепились за падающие стены, а другие остановились на полдороге…

Вот отчего люди, провозглашавшие республику, сделались палачами свободы… Они хотят свободы в известном круге, литературно образованном. За пределами своего умеренного круга они становятся консерваторами…

Либералы всех стран… звали народы на низвержение монархически-феодального устройства во имя равенства, во имя страданий притеснённого неимущего; они радовались, когда одна феодальная подставка падала за другой…

Они опомнились, когда из-за полуразрушенных стен явился – не в книгах, не в парламентской болтовне, не в филантропических разглагольствованиях, а на самом деле – пролетарий, работник с топором и чёрными руками…

Либералы удивились дерзости работника, взяли приступом улицы Парижа, покрыли их трупами и спрятались от брата за штыками осадного положения, спасая цивилизацию и порядок!»

Читаешь это и думаешь – как всё же генетически схожа либеральная и элитарная сволочь всех времён и всех народов – в 1848 году в Париже, в 1917 году в Петрограде, в 1991 году в Москве… Вначале она провоцирует народ, затем его предаёт.

Элита российских либералов образца 1917 года, историю, как и Ленин, знавшая, подыскивала русского Кавеньяка…

Потенциальные же кавеньяки с одобрения близких им по духу ***крайне «правых»*** прикидывали – может быть стуит примерять на себя саблю не Луи Кавеньяка, а сразу Наполеона Бонапарта?..

Массы же, хотя историю и не знали, чуяли неладное и волновались, особенно – солдаты. Кое-кто требовал от ЦК РСДРП(б) чуть ли не начала восстания, и лидерам большевиков приходилось их сдерживать.

Не считал возможным выступить и Ленин – через народ не перепрыгнешь, а Питер – не вся Россия…

Другое дело – мощная манифестация, способная выявить силу народа. И 18 июня (1 июля) в Петрограде на Марсовом поле у могил жертв революции состоялась почти полумиллионная мирная демонстрация рабочих и солдат под лозунгами большевиков: «Долой войну!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!»

То, что питерские народные массы демонстрировали почти исключительно под большевистскими лозунгами, признавал в своей эмигрантской книге даже жандармский генерал Спиридович.

Это, конечно же, лишь ещё более напугало как правых «социалистов», так и крайне «правых» из числа крупных собственников. Именно их не устраивало мирное развитие ситуации, потому что дополнительные политические «очки» набирал только Ленин, и набирал просто

говоря правду – на митингах и в своих статьях в «Правде».

Легально действующий Ленин становился всё более опасным, а мирный и достаточно быстрый переход власти в его руки – всё более реальным. Прошедшая в начале июня Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов показала, что за большевиками пошло три четверти делегатов.

Здесь было над чем задуматься лидерам российской имущей элиты – всем этим гучковым, терещенкам, коноваловым, рябушинским, бродским…

В тот же день 18 июня (1 июля) 1917 года, когда большевики манифестировали на Марсовом поле, на полях Галиции началось наступление русских войск – вначале успешное, но – лишь в первые дни, да и то потому, что на обеспечение первого успеха были брошены все те резервы, по исчерпании которых наступал крах.

Через полмесяца общее наступление действительно выдохлось, немцы и австрийцы перешли в контрнаступление – тоже не очень успешное. Официальные потери русских войск составили 60 тысяч человек.

Не очень большая цифра потерь объясняется, безусловно, тем, что солдаты не хотели умирать «за дядю», а ведь их вели в огонь именно за чужих «дядь», включая уже и «дядю Сэма»…

Немецкие солдаты тоже, впрочем, уже не горели желанием пасть за кайзера и прибыли Круппа и Сименса.

Пожалуй, небесполезно будет познакомить читателя с позднейшими оценками сути Первой мировой войны для России, которые дал Павел Милюков в своей статье «Моё отношение к последней войне». Статья была приурочена к 10-летней годовщине начала войны и опубликована в редактируемой Милюковым парижской эмигрантской газете «Последние новости».

В 1924 году Милюков однозначно осуждал – постфактум – балканскую политику царизма:

«Опыт 1912 и 1913 гг. (Балканские войны. – *С.К.*) показал, что балканские государства не соображаются с мнениями и интересами России. Казалось бы, что и России надо подумать о своих интересах независимо от интересов балканских народов… Европейская война, быть может, была неизбежна. Но она не должна была начаться из-за поддержки русского престижа на Балканах…»

Писал Милюков в 1924 году и вот что:

«Я не ожидал, что, так и не собравшись с силами, Россия пошлёт миллионы своих сынов в окопы за чужое дело… Война, которую мы начинали, – это было ясно и тогда – будет вестись не из-за русских интересов»[749].

Хорош «патриот»!

Понимал, что война России не нужна, а глотку драл за войну!

Да и лгал Павел Николаевич, ничего он в 1914 году не понимал, задним умом оказался крепок. Тем не менее, пусть и с иных, чем у Ленина, позиций, Милюков ненужность войны для России в 1924 году признал. А Ленин – со своих позиций – доказывал ***это же*** в 1914 году!

Не после драки (точнее – бойни), а до неё…

Милюков и в 1914 году, и в 1917 году смотрел на ситуацию в стране так же, как адмирал Нельсон смотрел в подзорную трубу на то, чего видеть не желал, – прикладывая трубу к выбитому глазу.

А Ленин смотрел на жизнь как горный орёл – сверху и точным взором. И приучал к такому – правде в глаза – взгляду всю Россию.

Хроника русского летнего наступления 1917 года даёт нам порой поразительные факты. Так, на Северном фронте 10(23) июля перешла в наступление 5-я армия. Заняв первую линию окопов, солдаты отказались продвигаться дальше и вернулись на исходные позиции.

9(22) июля войска 10-й армии Западного фронта после исключительно эффективной артиллерийской подготовки пошли в атаку, прошли церемониальным маршем две-три линии окопов, сняли с немецких орудий прицелы и… опять-таки вернулись в свои окопы[750].

Это ведь тоже была своего рода демонстрация – как демонстрация немцам своей готовности защитить революцию, если потребуется, так и демонстрация российским имущим готовности вообще покинуть окопы и церемониальным маршем пойти на Питер – вышибать из кресел «министров-капиталистов»…

В целом же действовал комплекс разноречивых факторов. Скажем, «правые» обвиняли в провале наступления исключительно пропаганду большевиков, однако я, не тратя места на опровержение этой лжи, отошлю читателя к четырём августовским статьям Сталина по теме: «Правда о нашем поражении на фронте», «О причинах июльского поражения на фронте», «Кто же виноват в поражении на фронте?» и «Союз жёлтых» (см. т. 3 Сочинений).

Из сталинских статей, полных ссылок на отнюдь не большевистские источники, следовало, что поражение ***планировали*** с далеко идущими целями, а именно: в рамках подготовки военной диктатуры.

Хитрый и подлый замысел был здесь в том, что те или иные русские успехи или неудачи на Восточном фронте не меняли общей картины войны – в европейской игре уже разыгрывались «американские» козыри, и исход войны решал миллион с лишним заокеанских «миротворцев», прибывающих на Западный фронт. А вот революционные карты из «российской» колоды надо было убрать как можно скорее, пока они окончательно не оказались в руках у Ленина. Наиболее же просто это было сделать, установив режим военной диктатуры.

А установить его можно было лишь на фоне обвинений большевиков в развале фронта, зачем «правым» и требовались как летнее наступление, так и его громкий провал.

Вообще-то, интересный это сюжет – не почему провалилось летнее наступление 1917 года (его конечный провал программировали все три года войны), а почему оно провалилось так, как оно провалилось?..

Но это уже, как говорится, другая история.

Фронт фронтом, а основная жизнь страны – это, всё же, жизнь тыла. 21 июня (4 июля) в Петрограде собралась третья Всероссийская конференция профессиональных союзов – первая в российской истории легальная…

211 делегатов представляли 1 400 000 организованных рабочих. Делегатов-большевиков было 73, то есть, как и на Съезде Советов – абсолютное меньшинство. Ленин, хотя и разболелся, руководил работой большевистской фракции, опубликовал в «Правде» статью о необходимости создания профсоюза сельских рабочих.

Профсоюзы, однако, были пока под влиянием меньшевиков, и предлагаемые Лениным резолюции не прошли – конференция склонялась к «нейтральности». В решительные дни «нейтральность» лишь синоним соглашательства, а на смирных воду возят…

Так что профсоюзам тоже предстояло «леветь».

На следующий день после закрытия конференции – 29 июня (12 июля), Ленин публикует в «Правде» статью «Фразы и факты», где пишет:

«Министр Скобелев опубликовал обращение ко всем рабочим России… Во имя „нашего“ (так и сказано: нашего) социалистического идеала, рабочим проповедуются „примирительные камеры“ и строго осуждаются всякие „самочинные“ действия.

Вот как хорошо поёт министр почти социалист меньшевик Скобелев:

„Вы (рабочие) имеете полное право возмущаться происходившим во время войны обогащением имущих классов. Царское правительство растратило миллиарды народных денег. Правительство революции должно возвратить их в народную казну“.

Хорошо поёт… где-то сядет!

Обращение г-на Скобелева опубликовано 28 июня. Коалиционное правительство образовано ***6 мая***. И за всё это время, когда разруха и катастрофа неслыханной тяжести надвигается на страну семимильными шагами, ни одного серьёзного шага против капиталистов, *„миллиарды“* наживших, правительство не сделало! Чтобы *„возвратить в народную казну“* эти миллиарды, надо было ***7 мая*** издать закон об отмене торговой и банковской тайны и о немедленном осуществлении контроля над банками и синдикатами, ибо иначе не только „возвратить“, но и *найти* эти миллиарды *не-воз-мож-но*»[751].

Читая это, рабочие не могли не задумываться – с меньшевиками ли найдут они свою долю, со скобелевыми ли им по пути, или, всё же, с Лениным будет надёжнее? (Замечу в скобках, что здесь есть над чем подумать и рабочим нынешней Российской Федерации. Ведь и сегодня возвратить миллиарды, а точнее – десятки и сотни миллиардов, в народную казну можно в один день – приняв соответствующие законы, но для этого нужна «красная» Дума!).

Летнее наступление на фронте закончилось провалом, стихийные волнения в тылу масс нарастали…

А что же Ленин?

А Ленин, которого уже без малого сто лет либеральная сволочь обвиняет в подготовке «захвата власти» в июле 1917 года, уехал… отдыхать. События и дурость соотечественников могли «достать» кого-угодно – даже Ленина, и он решил хоть немного передохнуть.

Сделано было с момента возвращения на Родину немало, сказано – тоже, и теперь надо было ждать новых неизбежных событий, накопив для них силы.

29 июня (12 июля) 1917 года Владимир Ильич вместе с Марией Ильиничной (Крупская была занята в Питере) уезжает на дачу В. Д. Бонч-Бруевича в деревню Нейвола около станции Мустамяки (ныне Рощинский район Ленинградской области). Одиночество всегда было для него редкой роскошью, и «подлечиться тишиной» стоило, потому что он просто заболевал.

К слову, в письме Арманд ещё из Цюриха – 7 февраля 1917 года, Ленин признавался: «*Вчера было собрание (я устаю от собраний; нервы швах, головные боли; ушёл до конца)…*» А тут – три месяца непрерывно на людях!

Как и всегда, отдых был относительным, и в Нейвола Ленин написал несколько статей, в том числе – «На что могли рассчитывать кадеты, уходя из правительства?»

Дело в том, что 2(15) июля после получения первых сведений о провале наступления, кадетские министры Шингарев, Мануилов и Шаховской вышли из состава коалиционного Временного правительства. Официальным поводом были споры об отношении к декларации украинской Центральной Рады. Фактически же кадеты решили надавить на «социалистов», чтобы вырвать у них согласие на разоружение рабочей Красной гвардии, вывод из Петрограда большевизированных войск и запрет партии большевиков.

Это была уже открытая провокация. Причём в свете ухода кадетов становилось окончательно ясно, что провал наступления был выгоден именно «правым» – они теперь могли свалить всё на большевиков и под шумок с ними разделаться.

В качестве нелирического отступления – несколько слов о ситуации с Украиной.

В апреле 1917 года на Всеукраинском национальном конгрессе была образована Украинская Центральная Рада («Рада» – «Совет») во главе с националистическим историком М. С. Грушевским (1866–1934). (Грушевский позднее эмигрировал, но в 1924 году вернулся в СССР и, хотя и остался националистом, умер академиком АН УССР).

Заместителем Грушевского стал писатель В. К. Винниченко, известный нам по критической оценке его Лениным не как политика, а как литератора, будущий председатель украинской

Директории 1918-19 года. Вошёл в состав Рады и Симон Петлюра – будущий командующий войсками Директории.

Отношение к интересам украинского народа вся эта компания имела не большее, чем имеет к ним нынешняя киевская камарилья 2015 года во главе с Порошенко. Отличие было лишь в том, что сейчас за ниточки «националистический» Киев дёргает Вашингтон, а тогда ниточки были в руках у Берлина и Вены…

30 января 1917 года, ещё из Швейцарии, Ленин писал Арманд:

«У нас было недавно двое бежавших пленных… Немцы составляют лагеря по нациям и всеми силами откалывают их от России; украинцам подослали ловких лекторов из Галиции. Результаты? Только-де 2 000 были за „самостийность“ (самостоятельность в смысле более автономии, чем сепарации) после месячных усилий агитаторов!! Остальные-де впадали в ярость при мысли об отделении от России…

Факт знаменательный! Не верить нельзя. 27 000 – число большое. Год – срок большой. Условия для галицийской пропаганды – архиблагоприятные. И всё же близость к великоруссам брала верх! Отсюда *не* вытекает, конечно, нимало неверность „свободы отделения“. Напротив. Но отсюда вытекает, что, авось, от „австрийского типа“ развития судьба Россию избавит»[752].

Это был взгляд *классовый*, но классовый взгляд патриота единой и неделимой ***России***! В 1917 году уже было ясно, что «лоскутная» Австро-Венгерская империя обречена на распад, но для России Ленин такого варианта не желал, а, напротив, исходил из того, что его следует избежать.

15(28) июня 1917 года Ленин уже в Петрограде опубликовал в «Правде» небольшую, но ёмкую статью «Украина», где проводил ту же линию. Цитируя «универсал» Центральной Рады об устроении Украины, где говорилось о том, что Украина «не отделяясь от России», требует особых прав, Ленин резюмировал:

«Ни один демократ, не говоря уже о социалисте, не решится отрицать полнейшей законности украинских требований. Ни один демократ не может также отрицать *права* Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и даёт возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за *добровольное* соединение в одно государство двух народов…

Мы не сторонники мелких государств. Мы за теснейший союз, но именно для того, чтобы этот союз был добровольным, русский рабочий, не доверяя ни на минуту ни буржуазии русской, ни буржуазии украинской, стоит сейчас за право отделения украинцев, *не навязывая* им свой дружбы, а *завоёвывая её* отношением как к равному, как к союзнику и брату в борьбе за социализм»[753].

Это был подход, прямо противоположный кадетскому и «керенскому». Ленин признавал право Украины отделиться от России, но лишь для того, чтобы протянуть руку Украине во имя прочного государственного объединения.

Это была та же линия, которую он проводил в дискуссиях с Арманд… Поскольку женщина была в тогдашнем обществе юридически неравноправна с мужчиной, Ленин стоял за свободу развода. Но при этом он не только не призывал женщин по получении такого права тут же начать поголовно разводиться, но был, напротив, сторонником прочного равноправного брака.

Под давлением буржуазного Петрограда буржуазный Киев согласился отложить вопрос об автономии до Учредительного собрания. Но что показательно – как только в Петрограде произошла Октябрьская революция, Центральная Рада, готовая войти в буржуазную Всероссийскую парламентскую республику, тут же объявила себя верховным органом отдельной «Украинской Народной Республики» – УНР, и заняла крайне враждебную позицию по

отношению к Советской России.

А кадет Милюков, в 1917 году выступавший за «единую и неделимую Россию», находясь в 1918 году на Украине, оккупированной немцами, вкупе с украинскими националистами пытался науськивать немцев на Республику Советов.

Но это так, к слову.

Возвращаясь же в июльский Петроград 1917 года, мы находим здесь возмущённый 1-й пулемётный полк. Стоявший на Выборгской стороне, в рабочем районе, он утром 3(16) июля решил выступить с требованием свержения Временного правительства силой оружия.

Крупская, которая сотрудничала с культурно-просветительной комиссией пулемётчиков «сговорилась, – как она пишет, – собраться в понедельник для обсуждения некоторых вопросов культурной работы», но из полка никто не пришёл, и Надежда Константиновна двинулась во дворец Кшесинской, нагнав полк по пути на Сампсониевском проспекте.

Ей запомнилась такая сцена. С тротуара навстречу строю сошёл старый рабочий и, поклонившись в пояс, громко сказал: «Уж постойте, братцы, за рабочий народ!»

Такое не придумаешь – Крупская явно описывала виденное. В «доме» же Кшесинской – штабе большевиков, ей запомнились тогда Сталин и Лашевич. Пулемётчики, подойдя к дворцу Кшесинской, отдали честь и двинулись к себе на Выборгскую – строить баррикады.

А к дворцу подходили другие части и рабочие…

В 4 часа дня было созвано заседание ЦК, на котором решили от выступления воздержаться. Это решение поддержала и проходившая в те дни вторая Петроградская общегородская конференция большевиков.

События июльских дней через восприятие руководства большевиков весьма подробно описал Сталин 27 июля (9 августа) 1917 года в отчётном докладе ЦК на VI съезде РСДРП. Сталин сказал тогда:

– 3 июля. 3 часа дня. Заседает Петроградская общегородская конференция нашей партии. Обсуждается безобиднейший вопрос о муниципальных выборах. Появляются два представителя одного из полков гарнизона и вносят внеочередное заявление о том, что ту них «решено выступить сегодня вечером», что они «не могут больше молча терпеть, как полк за полком раскассируются на фронте», что они «уже разослали своих делегатов по заводам и полкам» с предложением присоединиться к выступлению. В ответ на это представитель президиума конференции товарищ Володарский заявляет, что «у партии имеется решение не выступать, что партийные члены данного полка не смеют нарушать постановление партии»[754]

Из дальнейшего рассказа Сталина (а он ведь говорил это, во-первых, на закрытом собрании, а, во-вторых, говорил аудитории, среди которой были и участники событий) непреложно следовало, что выступление масс оказалось для руководства РСДРП(б) неожиданным. Исходный импульс дали то ли начавшийся разброд на фронте, то ли намерение властей удалить ненадёжные части из столицы, то ли – умелые провокации «правых», а скорее всего – всё вместе.

В частности, на страницах истории лета 1917 года мелькает имя Сергея Багдатьева, очень тогда активного большевика, причём в критические моменты – активного до подстрекательства и игнорирующего указания ЦК. Правда, в данном случае всё, возможно, объясняется горячей южной кровью тридцатилетнего Багдатьева – на самом деле Саркиса Багдатьяна (1887–1940). Зато весьма подозрительно выглядят действия некоего прапорщика Семашко – однофамильца будущего советского наркома…

Впрочем, на страницы писаной истории далеко не всегда попадают те, кто так или иначе влиял на её ход. Скажем, в источниках попадаются сведения и о том, что 1-й пулемётный полк находился также под влиянием анархистов, а уж анархизм и провокация – родные брат и сестра!

Надо учесть и то, что в исторических монографиях, учебниках и мемуарах, всё выглядит иначе, чем это происходило в реальности. Революция – время бурное, а после коллизии с «Тулоном» Бонапарта, быстро ставшего из артиллерийского капитана генералом, любая революция – это ещё и время надежд для разного рода поручиков и капитанов, как в форме, так и без оной…

В курсах истории КПСС Ленин образца июля 1917 года подан как непререкаемый вождь масс, а в реальном масштабе времени он едва успевал справляться с потоком стихийной активности масс (нередко ***провоцируемых*** на активность), с «инициативами» ответственных, полу-ответственных, а то и рядовых партийных функционеров. Тот же «синдром Багдатьева», который «делал революцию» на свой лад, не очень-то считаясь с Лениным и ЦК, вполне показателен.

Не реагировать на происходящее ЦК партии не мог – иначе партия утратила бы непросто наработанный авторитет у рабочих и солдат.

Но как реагировать?

Послали в Мустамяки за Лениным.

Впрочем, заранее было ясно, что разжигать страсти ещё больше, значит пойти на поводу у не очень-то понятных событий.

Крупская пишет: «Я помню, как долго лежал на диване в Выборгской управе т. Лашевич (член ПК и Военной организации. – *С.К.*), который вёл работу в этом полку, и смотрел в потолок, прежде чем выйти к пулемётчикам, уговаривать их прекратить выступление. Трудненько ему это было, но таково было постановление Центрального Комитета»[755].

Повторяю: такое не придумаешь!

3 июля (по старому стилю) 1917 года поэт Александр Блок записал в дневнике:

«*…на улице говорят: Долой Временное правительство, хвалят Ленина. Через Николаевский мост идут рабочие и Финляндский полк под командой офицеров, с плакатами: „Долой Временное правительство. Стреляют (будто бы пулемёты). Также идёт Московский полк и пулемётная рота… Я слышу где-то далеко ура. На дворе – тоскливые обрывки сплетен прислуг. Не спит город…*“[756]

Да, не спал Питер, не спал Исполком Петросовета, где Чхеидзе грозил большевикам, не спал дворец Кшесинской…

Не спал и Ленин, торопившийся в столицу…

Если вспомнить, как в октябре 1917 года он буквально тянул колеблющихся за шиворот к восстанию – когда ситуация созрела, то отсутствие Ленина в решительный момент в Петрограде само по себе доказывает не просто лживость, а глупость обвинений в его адрес относительно подготовки восстания в июле 1917 года. Тем не менее, в прямом сговоре с правительством, ЦИК объявил происходящее „большевистским заговором“.

Утром 4 июля в меньшевистских „Известиях ЦИК“ на ***первой*** странице было ***крупно*** набрано воззвание Исполкома, а на ***третьей*** странице среди хроники затерялось извещение в три строки „от Вр. Правительства“ о том, что „манифестации воспрещаются“[757].

Исходные условия для провокации были состряпаны.

Возвратившись в Петроград утром 4(17) июля, Ленин сразу взял ситуацию под контроль – настолько, насколько это было возможно хотя бы в стенах особняка Кшесинской. Заводы и фабрики бастовали, из Кронштадта прибыли матросы, от большевиков требовали выступления. К дворцу Кшесинской подходили и подходили демонстрации.

Этот, ставший знаменитым в истории особняк был, к слову, удобно расположен с „политической“ точки зрения. Рядом – Петропавловская крепость, и тут же – цирк „Модерн“ с

его огромным залом, подходящим для митингов. Неподалёку военные казармы и крупные предприятия Выборгского района.

Авантюрист мог бы и соблазниться, но Ленин авантюристом не был. К слову, авантюристом тогда проявил себя кронштадтский мичман Фёдор Ильин (Раскольников) – будущий активный троцкист, будущий автор трагедии „Робеспьер“, будущий дипломат-невозвращенец и „обличитель“ Сталина…

По ряду воспоминаний за выступление стояли руководители „Военки“ Николай Подвойский и Владимир Невский, член ЦК Ивар Смилга, а латыш Мартын Лацис даже упрекнул лидеров в том, что они-де выполняют в массах роль „пожарных“…

Обстановка была действительно такой, что можно было потерять голову. Скажем, Павел Милюков описал её в воспоминаниях весьма сочно:

„…от дома Кшесинской и из других мест военные отряды и народные толпы днём и ночью в течение этих трёх дней 3–5 июля шли к Таврическому дворцу, где заседал Совет (эсеро-меньшевистский ЦИК. – *С.К.*). Иногда толпа требовала выхода министров наружу. Церетели хотели арестовать, но не нашли. Чернова застигли на крыльце, и какой-то рослый рабочий исступлённо кричал ему, поднося кулак к носу: „Принимай, сукин сын, власть, коли дают“…“[758]

Ничего не скажешь – сцена колоритная! Прямо не Петроград 1917 года, а Запорожская Сечь времён Тараса Бульбы…

Не обошёлся, впрочем, Милюков и без порции клеветы на Ленина, написав: „3 июля вечером Ленин уже занял свой знаменитый балкон в доме Кшесинской и приветствовал солдат, давая им указания“[759]

В действительности же Ленин выступал не вечером 3 июля – он тогда только ехал в Питер, а днём 4 июля, и не перед солдатами, а перед балтийскими матросами, и не давал с балкона дворца „указания“, а публично призвал народ „к выдержке, стойкости и бдительности“.

Большевиками было предложено провести мирную демонстрацию, и по проспектам столицы двинулось полумиллионное шествие. Да, среди демонстрантов было много вооружённых людей – ведь тысячи матросов прибыли из Кронштадта с винтовками, как и вышедшие из казарм солдаты. Но, образно, говоря, в дула винтовок были воткнуты цветы.

Что же касается слов Ильича, обращённых к соратникам, то бывший член „Военки“ – Военной организации РСДРП(б) Михаил Кедров вспоминал, что идя на исторический балкон для выступления перед матросами, приведёнными Раскольниковым, Ленин сердито бросил членам „Военки“: „Бить вас всех надо“![760]

Когда всё уже закончилось – в конце июля, в начале августа 1917 года, Ленин в ряде статей, опубликованных в „Листке Правды“, в газете „Рабочий и Солдат“, подробно ответил на обвинения в адрес большевиков. Могу порекомендовать читателю его, например, статьи „Где власть и где контрреволюция?“ (ПСС, т. 32, с. 410–417), „Злословие и факты“ (ПСС, т. 32, с. 419, 420), „Ответ“ (ПСС, т. 34, с. 21–32)…

Последняя статья начиналась так:

„В газетах от 22 июля напечатано сообщение „от прокурора Петроградской судебной палаты“ о расследовании событий 3–5 июля и о привлечении к суду, за измену и за организацию вооружённого восстания, меня вместе с рядом других большевиков…

Очевидно, что появившиеся в печати документы, особенно, если они появились во враждебной большевикам прессе, должны были прежде всего быть тщательно собраны, сведены вместе и проанализированы прокурором. Но „республиканский“ прокурор, проводящий политику „социалистического“ министра Церетели, именно этой своей, самой основной

обязанности не пожелал выполнить!“[761]

Анализом сообщений ***„правой“*** прессы занялся сам Ленин, и из этого анализа вытекал несомненный факт: лидеры большевиков не только не призывали к восстанию, но заняли прямо противоположную позицию. Ленин писал:

„До какой степени глупа сказка прокурора об „организации вооружённого восстания“, видно из следующего: никто не оспаривает, что 4-го июля из находящихся на улицах Петрограда вооружённых солдат и матросов огромное большинство было на стороне нашей партии. Она имела полную возможность приступить к смещению и аресту сотен начальствующих лиц, к занятию десятков казённых и правительственных зданий и учреждений и т. под. Ничего подобного сделано не было…“[762]

Не всё понявший в тех событиях, но порой относительно честный американский профессор А. Рабинович считает, что „Июльское восстание (?? – *С.К.*) было, конечно, прежде всего мятежом гарнизона“[763].

Однако, во-первых, непременный и первый признак „мятежа“ – использование оружия, чего в июле не было (незначительные потери среди правительственных войск объясняются ***ответной*** стрельбой вооружённых демонстрантов).

Во-вторых, численность демонстрантов – не опровергаемые никем даже „справа“ полмиллиона человек, показывает, что это было полу-стихийное ***народное*** выступление.

Полмиллиона человек на улицах города – это могучая „река“ с могучими „рукавами“ и „притоками“… И везде это народное половодье встречали штыками и пулями – по приказу командующего Петроградским военным округом генерала Половцева – юнкера и ***заранее*** подтянутые с фронта казаки.

„Неизвестные лица“ расстреливали демонстрантов из пулемётов, установленных на чердаках зданий… Есть знаменитые фото, снятые ***кем-то*** с одной и той же высокой точки: на первом – демонстранты на углу Садовой улицы и Невского проспекта на втором – лежащие на мостовой убитые и раненные, бегущие люди…

Комментарием к этим фото может быть сообщение в вечернем выпуске „Биржевых Ведомостей“ от 4 июля, на которое сослался Ленин в заметке „Злословие и факты“, опубликованной 6 июля в „Листке „Правды““, заменившем закрытую „Правду“ (см. ПСС. Т. 32, с. 420).

„Биржевка“ сообщала: „Ровно в 2 часа на углу Садовой и Невского, когда проходили вооружённые демонстранты и собравшаяся в значительном количестве публика спокойно смотрела на них, с правой стороны Садовой раздался оглушительный выстрел, вслед за которым началась стрельба пачками“…

Стрельбу „пачками“, то есть – плотную стрельбу, как раз и вели с чердаков „неизвестные“ пулемётчики-провокаторы…

Экс-жандарм Спиридович описывает события, мешая факты и вымысел (причём, что забавно, порой сам, похоже, в написанное верит), но, сначала обвинив Ленина в подготовке вооружённого выступления в июле, в итоге признаёт, что „Ленин ещё не считал тогдашний момент благоприятным“, понимая, что „сила ещё не была на его стороне“[764].

Да, сила была пока не на стороне Ленина.

Официальное же двоевластие кончилось, вся власть перешла к Временному правительству – оно получило от эсеро-меньшевистского ЦИКа полный политический „карт-бланш“.

Давний ненавистник Ленина меньшевик Фёдор Дан с искажённым от гнева лицом предложил провозгласить Временное правительство „правительством спасения революции“ и предоставить ему чрезвычайные полномочия, что и было принято.

С Северного фронта спешно подтягивались „надёжные“ части…

В ночь с 4 на 5 июля юнкера разгромили редакцию „Правды“, из которой лишь незадолго до этого ушёл Ленин. Сотрудники редакции были избиты, мебель и станки поломаны, а кипы свежеотпечатанных газет выброшены в протекавшую рядом Мойку. 8 июля газета была закрыта.

6-го же июля типографский рабочий И. А. Воинов, из крестьян-бедняков Ярославской губернии, большевик с 1909 года, автор „Звезды“ и „Правды“, был растерзан в возрасте Христа – в тридцать три года, казаками и юнкерами на Шпалерной улице за распространение „Листка „Правды““. (После Октябрьской революции Шпалерную переименовали в улицу Воинова, а сейчас, в дни „святой свободы“, вновь подло переименовали в Шпалерную).

„Листок „Правды““ стал первым из череды предоктябрьских легальных „псевдонимов“ „Правды“ – с этого момента и до Октября 1917 года „Правда“ выходила как „Листок „Правды““, „Пролетарий“, „Рабочий“, „Рабочий путь“, и лишь с 27 октября (9 ноября) 1917 года навсегда восстановила своё прежнее название.

В набранном в ночь с 4 на 5 июня номере „Правды“ было опубликовано сообщение: „Цель демонстрации достигнута. Лозунги передового отряда рабочего класса показаны внушительно и достойно. Мы постановили поэтому закончить демонстрацию“.

Но с утра 5 июля распространение „Правды“ стало уже преступлением, а основную часть тиража „читали“ пескари в Мойке.

Александр Рабинович называет заявление ЦК „неискренним“, но сам же заявляет:

„Поддержав с запозданием восстание (??! – *С.К.*) большинство лидеров партии надеялось, что давления улицы будет достаточно для того, чтобы заставить ЦИК и ИВСКД (Исполнительный Комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов. – *С.К.*) взять власть в свои руки“[765].

А вот здесь с А. Рабиновичем можно кое в чём и согласиться!

Насчёт „восстания“ и его якобы „поддержки“ большевиками – это профессор Рабинович просто вяло отрабатывает антисоветский номер. А вот насчёт того, что поддержкой массовой ***демонстрации*** Ленин хотел подбодрить и подтолкнуть к взятию власти ЦИК и крестьянский Исполком (к чему кулаком под нос призывал эсера Чернова дюжий рабочий) – это очень может быть!

Но если вспомнить, что в то время ЦИК был преимущественно эсеро-меньшевистским, а ИВСКД преимущественно эсеровским, то, спрашивается, – для кого хотел власти Ленин, для себя, или для Советов, пусть пока и не ленинских?

Подобными „обвинениями“ Ленина рабиновичи высекают сами себя.

В Июльских событиях 1917 года много тёмного и вряд ли ***на документальном*** уровне проясняемого, зато системный анализ („Ищи, кому выгодно!“) позволяет оценить эти события в своих ***истоках*** как провокацию властей с целью моральной дискредитации большевизма и последующего его физического избиения пока ещё идущими за Временным правительством войсками.

Понимая это, Ленин и выступил тогда в роли „пожарного“ – если ***Питер*** уже шёл за ним, то ***Россия*** ещё не была готова принять правду Ленина.

Июль 1917 года в Петрограде не стал повторением Июня 1848 года в Париже – и времена были не те, и вождь у народов России возникал покрепче Луи Блана. Но торжество российской либеральной сволочи образца 1917 года было не меньшим, чем торжество французской либеральной сволочи образца 1848 года…

И – не менее гнусным.

Заранее обдуманную и подготовленную провокацию „правых“ выдавало и быстрое

появление „рояля в кустах“ – 5 июля „жёлтая“ газета „Живое Слово“ опубликовала сообщение бывшего ленинского соратника Алексинского и эсера Панкратова о том, что Ленин является прямым германским агентом, о чём-де у „нижеподписавшихся“ имеются документы.

Весенняя болтовня о „пломбированном вагоне“ к лету, вроде бы, рассосалась, но тут же вот – „*документы*“. „Утка“ Алексинского-Панкратова, подготовленная не ими, конечно, выглядела неуклюже при ближайшем рассмотрении, однако из неё сразу же сделали сенсацию.

Сей сюжет мы позднее разберём подробно, а пока скажу, что вечером 6 июля власти санкционировали арест Ленина, Зиновьева и Каменева, и прокурор Петроградской судебной палаты тут же выписал ордера на арест.

Отряд Преображенского гвардейского полка под командованием начальника контрразведки Бориса Никитина отправился на квартиру старшей сестры Ленина – Анны Елизаровой-Ульяновой, где жили Ленин и Крупская. Тщательнейший обыск ничего не дал, но „история“ разрасталась, партия большевиков ушла, фактически, в полуподполье и в подполье.

6 июля в сторожке завода „Русский Рено“ прошло совещание исполнительной комиссии Петроградского комитета РСДРП(б) с участием Ленина, где было решено призвать рабочих к возобновлению работ с утра 7 июля.

7 июля 1917 года премьер князь Г. Е. Львов подал в отставку и министром-председателем Временного правительства был назначен А. Ф. Керенский.

7-го же июля на квартире тестя Сталина – большевика С. Я. Аллилуева, собрались члены ЦК Ленин, Сталин, Ногин, Зиновьев, Каменев и ряд партийных работников, в том числе – Орджоникидзе и Стасова. Обсуждался и вопрос о явке Ленина на суд. Вначале Владимир Ильич сгоряча решил явиться, но в итоге было принято решение на суд не являться. В бюро ЦИК Ленин написал:

„Сейчас только, в 3 $^1/_4$ часа дня, 7 июля, я узнал, что у меня на квартире был сегодня ночью обыск, произведённый вопреки протестам жены, вооружёнными людьми, не предъявившими письменного приказа. Я выражаю свой протест против этого, прошу Бюро ЦИК расследовать это прямое нарушение закона.

Вместе с тем я считаю своим долгом официально и письменно подтвердить то, в чём, я уверен, не смог сомневаться ни один член ЦИК, именно: что в случае приказа правительства о моём аресте и утверждения этого приказа ЦИК-том, я явлюсь в указанное мне ЦИК-том место для ареста.

Член ЦИК Владимир Ильич Ульянов

(Н. Ленин)“[766]

Увы, „социалисты“ Керенский, Чхеидзе, Церетели, Чернов и иже с ними уже пустились во все тяжкие, и их „гарантии“ – даже если бы они были даны – не стоили бы тех чернил, которыми были бы написаны.

К тому же, 9 июля Бюро ЦИК фарисейски отказалось от права на неприкосновенность своих членов при условии, что правительственные власти „будут предупреждать ЦИК об арестах за 24 часа и предоставят ему возможность следить за ходом расследования“[767].

Но это подлое и одновременно жалкое „постановление“, принятое исключительно против Ленина, не могло послужить для окончательно саморазоблачившихся ренегатов даже „фиговым листиком“.

Отношение к большевикам изменилось у многих в день-два разительно! Антиленинский „чёрный пиар“ об „измене“ Ленина – а других причин к общественной обструкции не было! – своё дело сделал. Особенно эффективно удалось обработать солдат, тем более, что

большевизированные части отправили на фронт. С рабочими номер с „пиаром“, конечно, не проходил, но они пока что были из процесса выведены – в Питере властвовал юнкерский штык.

Не обошлось без трагикомических деталей. На рассвете 6 июля сводный отряд из Петроградского полка, восьми броневиков, трёх рот Преображенского, Семёновского и Волынского гвардейских полков, отряда моряков Черноморского флота, нескольких отрядов юнкеров, курсантов авиашколы и отряда самокатчиков (военных велосипедистов) при поддержке тяжёлой (!) артиллерии приготовился штурмовать дворец Кшесинской.

Большевики успешно и безболезненно прорвались через всю эту ораву к Петропавловской крепости, гарнизон которой им сочувствовал, но днём войска заняли и крепость.

Начались аресты.

А на чердаке особняка Кшесинской обнаружили кипы листовок погромного дубровинского „Союза Михаила Архангела“, оставшиеся с царских, конечно, времён… Тем не менее „Петроградская газета“ 8 июля радостно сообщила „сенсацию“:

„Ленин, Вильгельм II и д-р Дубровин (известный деятель правых) в общем союзе. Доказано: ленинцы устроили мятеж совместно с марковской и дубровинской чёрной сотней“[768].

Н-да…

Ленин и Вильгельм, это ещё куда ни шло…

Но Ленин и Дубровин? Это была уже чистая, незамутнённая социальная паранойя.

Воистину: „всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно“…

В первые дни Ленин был, пожалуй что, и выбит из колеи, – на это особенно упирали в своих послеоктябрьских воспоминаниях Зиновьев и Каменев. Однако не очень-то в это верится, если иметь в виду ***период***, а не два-три дня.

Нельзя, правда, сбрасывать со счёта и то, что Крупская вспоминала – когда вечером 7 июля она уходила от Аллилуевых, Владимир Ильич сказал: „Давай попрощаемся, может не увидимся уж…“

С другой стороны, сам Сергей Аллилуев пишет о „необычайном спокойствии“ Ленина в тот день. Впрочем, мужественный человек, приготовившись ***ко всему***, и должен быть собран и спокоен.

Полные самообладание и собранность видны и из записки Ленина Каменеву, посланной последнему между 5 и 7 июля:

„Entre nous (*франц*. „между нами“. – *С.К.*): если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: „Марксизм о государстве“ (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетённая. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали. Условие: всё сие абсолютно entre nous!“[769]

Это ведь не поза, не рисовка: в коротком доверительном письмеце два раза подчёркнуто, что всё – строго конфиденциально. Так или иначе, внутренний раздрай у Ленина если и был, наружу не выплёскивался. Внутри себя полководец может быть настроен в какой-то момент и мрачно – он тоже человек, но его армия должна быть уверена в его уверенности.

Впрочем, время сомнений и тягостных раздумий длилось считанные дни: надо было воевать – всё так же словом, и опять воевать словом из подполья.

И началось последнее подполье Ленина.

Недолгое…

В конце сентября 1917 года – ещё ***до того***, как большевики взяли власть, Ленин, находясь в Выборге, начал писать работу с удивительным по задору названием „Удержат ли большевики государственную власть?“ Он закончил её 1(14) октября, и в октябре же 1917 года она была

опубликована в № 1–2 журнала „Просвещение“.

В своей работе Ленин писал:

„После июльских дней мне довелось, благодаря особенно заботливому вниманию, которым меня почтило правительство Керенского, уйти в подполье. Прятал нашего брата, конечно, рабочий. В далёком рабочем предместье Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: „Смотри-ка, какой прекрасный хлеб, ‘Они’ не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба. Мы забыли, было, и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб“…

Меня поразила эта классовая оценка июльских дней. Моя мысль вращалась около политического значения события, взвешивала роль его в общем ходе событий, разбирала, из какой ситуации проистёк этот зигзаг истории и какую ситуацию он создаст, как мы должны изменить наши лозунги и наш партийный аппарат… О хлебе я, человек, не видевший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы…

А представитель угнетённого класса, хотя из хорошо оплачиваемых и вполне интеллигентных рабочих, берёт прямо быка за рога, с той удивительной простотой и прямотой, с той твёрдой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко. Весь мир делится на два лагеря: „мы“, трудящиеся, и „они“, эксплуататоры. Ни тени смущения по поводу происшедшего: одно из сражений в долгой борьбе труда с капиталом. Лес рубят – щепки летят.

„Какая мучительная вещь, эта ‘исключительно сложная обстановка’ революции“, – так думает и чувствует буржуазный интеллигент.

„Мы ‘их’ нажали, ‘они’ не смеют охальничать, как прежде. Нажмём еще – сбросим совсем“, – так думает и чувствует рабочий“.

Эти слова Ленина подводили своего рода черту под прошлым – всего через два неполных месяца после июльского погрома партии становилось всё более ясно, что июль 1917 года, хотя и не был военной репетицией октября 1917 года, но стал его ***политическим прологом***.

Впрочем, в июле 17-го в это мало кто из „общества“ верил – видимым образом ситуация складывалась успешно для ленинских оппонентов, и реакция праздновала победу: забит последний гвоздь в гроб коммунизма!

Солидный центральный орган кадетов – газета „Речь“, заявила 7 июля: „Большевизм скомпрометировал себя безнадёжно… Большевизм умер, так сказать, внезапной смертью…, большевизм оказался блефом, раздуваемым немецкими деньгами“.

Редактор „жёлтого“ „Живого Слова“ в номере от 8 июля ликовал в унисон:

„Большевики скомпрометированы, дискредитированы и уничтожены… Мало того. Они изгнаны из русской жизни, их учение бесповоротно провалилось и оскандалило и себя, и своих проповедников перед целым светом и на всю жизнь!“[770]

24 июля н. ст. было сформировано второе коалиционное Временное правительство, куда густо вошли кадеты: Некрасов – заместителем премьера и министром финансов, академик Ольденбург – министром просвещения, Прокопович – министром торговли и промышленности, Юренев – министром путей сообщения, и Карташев с Кокошкиным в качестве обер-прокурора и государственного контролёра.

В июле же было произведено и ещё одно важное и назревшее как для либеральной сволочи, так и для „правых“, назначение…

Вначале 16(29) июля 1917 года в Ставке состоялось совещание Верховного главнокомандующего Брусилова с министром-председателем Временного правительства Керенским при участии генералов Алексеева, Деникина, Клембовского, Рузского и эсера-

боевика Бориса Савинкова – тогда управляющего военным министерством при военном министре Керенском. Говорили о многом, а фактически определялись с тем, кому быть русским Кавеньяком.

Стать – в близкой перспективе – военным диктатором (то есть, расстреливающим, вешающим, подавляющим и т. д.) предложили Брусилову. Однако он, как боевой офицер с на редкость безупречной боевой репутацией, от подобной „чести“ отказался. И 18(31) июля 1917 года Керенский телеграммой освободил Брусилова от должности Главковерха с отозванием в Петроград, а взамен назначил генерала Корнилова.

Итак, будущий русский Кавеньяк отыскался.

Впрочем, по причине ограниченности, он был не прочь примерить на себя и саблю Бонапарта.

Глава 30. Маршрут «Шалаш в Разливе – Смольный»

Корнилов устраивался в могилёвской Ставке в кресле Главковерха, а Ленин перебрался с квартиры Аллилуевых в дом к рабочему Николаю Емельянову близ станции Разлив.

Николая Александровича Емельянова (1871–1958), кадрового рабочего Сестрорецкого оружейного завода, Ленин знал с осени 1905 года. Емельянов имел и боевой опыт, став организатором на заводе боевой дружины, и конспиративный, поскольку участвовал в транспортировке нелегальной литературы из Финляндии. В декабре 1905 года Емельянова сослали на 5 лет в Новгород, а после Февраля 1917-го он стал членом Петроградского совета, оставаясь на заводе. Человек это был во всех отношениях надёжный.

Готовил отъезд Сталин, и он же вместе с Аллилуевым провожал Ленина на Приморский вокзал, откуда тот уехал в Разлив.

У Емельянова Ильич устроился вначале на чердаке сарая – по летнему времени «отель» не такой уж и плохой! А что касается «звёздочек», то это место могло быть отнесено к категории даже не «пяти…», а «сто звёздочной», поскольку в прорехи крыши звёзды можно было видеть в избытке.

Напомню, что в начале Первой мировой войны Ленин составил план так и не написанной брошюры «Европейская война и европейский социализм», где в пункте 16-м было помечено: «Вандервельде… Что делать? Переходить не в министры, а в нелегальные пропагандисты!!»

Лидер II Интернационала, якобы «социалист» Вандервельде с началом войны стал социал-соглашателем и пошёл в буржуазные министры…

Приехавшего в Россию Ленина «временные» «вожди» «временной» России приняли бы в свои ряды – буде он выразил бы к тому желание, не просто охотно, а с восторгом, радостно брызгая слюной… Они предлагали это даже Плеханову, хотя Георгий Валентинович был уже политическим «товаром» второго, если не третьего сорта. А уж Ленину встречавший его Чхеидзе просто-таки раскрывал объятия, от которых Ленин уклонился…

Пример – и не одного лишь Вандервельде – стал заразительным и соблазнительным для многих как в Европе, так и в России. И что, если бы европейским образцам последовал также Ленин?

Ленин в кресле «временного» министра, поддерживающий «революционное оборончество», стал бы не просто политической сенсацией! Он стал бы весомой надеждой на то, что будущая **постоянная** Россия сохранит все основные политические и социальные черты России «временной», то есть, останется буржуазной. Ведь бульшая часть рабочих в России (не в столице) шла тогда за меньшевиками, а уж за, так сказать, меньшевизировавшимся Лениным пошла бы тем более!

Однако Ленин – в отличие от европейских «социалистических» вождей, «в министры» не пошёл. Он сразу же стал легально – коль уж появились к тому возможности – пропагандировать с трибуны Таврического дворца и с балкона особняка Кшесинской идею социалистической революции.

А когда реакция взяла верх – что ж делать? сбрил усы и бороду, надел парик, рабочую кепку, и…

И перешёл в нелегальные пропагандисты всё той же идеи социалистической революции.

Иной вариант был невозможен для него ***лично***, но в ***историческом*** плане лишь избранный им вариант обеспечивал ему великое политическое будущее.

Представим на мгновение невозможное – Ленин пошёл «в министры», став ренегатом… В рамках буржуазного строя больные проблемы России уже не решались, и любой, кто связывал

себя с помещичье-капиталистическим строем, так или иначе был бы сметён прежде всего крестьянской стихией. А пойдя «в нелегальные пропагандисты», Ленин обеспечивал себе в перспективе кресло премьер-министра новой России.

Конечно, в его верности давно сделанному социалистическому выбору не было меркантильного расчёта, но судьба, редко бывающая справедливой, в данном случае распорядилась великодушно – как Иванушка-дурачок из русской сказки, Ленин, оставшись бескорыстным, был вскоре вознаграждён за это сторицей.

Расположившись на чердаке емельяновского сарая, Ильич был уже полностью в боевой публицистической форме… Он много работает, пишет, и в его первых тогдашних статьях нередко возникает имя Алексинского, на котором пора остановиться и нам.

Читатель вряд ли забыл этого былого младшего товарища Ленина по партийной работе в 900-е годы, однако напомню, что, эмигрировав за границу после поражения революции 1905–1907 годов, экс-депутат Государственной думы Алексинский вскоре возомнил себя лидером и стал – вразрез Ленину – одним из организаторов группы «Вперёд». С началом войны – опять-таки, вразрез Ленину – он стал «оборонцем», блокируясь с Плехановым.

А в 1915 году Григорий Алексинский, имевший к тому времени за плечами и репутацию «пажа Плеханова», и сотрудничество с Троцким в рамках антиленинского Августовского блока, обвинил Троцкого в пособничестве Германии[771].

Политический облик Троцкого до 1917 года был настолько непрост (о времени после Октября 1917 года уж и не говорю!), что при желании его можно было обвинить в чём угодно – он ведь был перманентно «нефракционным». Однако не думаю, что Алексинский искренне верил в прогерманское двурушничество Троцкого – Троцкий если и был чьей-то креатурой, то «маммоно-масонства», то есть – комплота наднационального еврейства и элитарных англосаксов по обе стороны Атлантики. Так что в обвинениях в адрес Троцкого скорее проявились склочность Алексинского и его склонность к саморекламе.

В 1917 году Алексинский вошёл в группу Плеханова «Единство» и в редакцию органа этой группы – газеты «Единство», которую составили сплошь политические трупы: Г. В. Плеханов, Н. В. Васильев, Л. Г. Дейч, Н. И. Иорданский (позднее – комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте), Вера Засулич и Лидия Аксельрод (Ортодокс).

Но и в этом издании меньшевик Алексинский не задержался – предложив свои услуги Петросовету он получил отказ, и по этому поводу Исполком Петросовета (меньшевистский!) принял следующее постановление:

«Ввиду выяснившихся фактов о деятельности Г. А. Алексинского, Исполнительный комитет не находит возможным допустить его в свои учреждения. Если он пожелает реабилитировать себя, то Исполнительный комитет не уклоняется от участия в расследовании»[772].

Иными словами, амбициозный нарцисс Алексинский получил от былых коллег щелчок по носу, а ответить ему было нечем – рыло у него было в пуху.

Ленин же сразу по приезде в Россию был введён в состав Исполкома, что любви к нему Алексинскому не прибавило. И бывший ленинский соратник стал сотрудничать в ежедневной газете «Русская Воля», основанной в декабре 1916 года (то ещё было время!) царским министром внутренних дел Протопоповым на средства крупных банков. Одним из основателей «Русской Воли» был, к слову, и «многостаночный» литератор Александр Амфитеатров – фигура колоритная, но политически и духовно беспорядочная (родился в 1862 году в Калуге, умер в 1938 году в итальянском Леванто).

Любопытно и показательно, что Ленин, только-только вернувшись в Россию, уже в первых статьях пророчески объединял плехановскую и протопоповскую газеты. Так, 15(28) апреля 1917 года в статье в № 33 «Правды» он писал (см. ПСС. Т. 31, с. 229):

«Что делает „Русская Воля“ и идущие по её стопам газеты вроде „Речи“ (орган кадетов, – *С.К.*) и „Единства“? Они продолжают травлю, подстрекая тем тёмных людей к насилию над *отдельными* лицами… Такое поведение „Русской Воли“, „Речи“, „Единства“ есть пособничество тёмным силам, грозящим насилием, погромом, бомбой…»

Удивительным всё же политическим чутьём обладал Владимир Ильич! Он точно определил будущую роль одного из тогдашних сотрудников «Русской Воли» в травле его самого…

21 апреля (4 мая) 1917 года в короткой заметке в № 37 «Правды» (см. ПСС. Т. 31, с. 307, 308) Ленин назвал плехановскую газету «бранчливым изданием» и констатировал: «Было время, когда г. Плеханов был социалистом, теперь он опустился на уровень „Русской Воли“».

Алексинский тоже был когда-то социалистом, но не удержался даже на уровне «Русской Воли», а опустился ещё ниже – до окончательной «желтизны». И приказ об аресте Ленина был отдан в результате провокации Алексинского и эсера Панкратова, опубликовавших 5 июля в бульварной газете «Живое Слово» сообщение, начинавшееся так:

«Мы, нижеподписавшиеся, Григорий Алексеевич Алексинский, бывший член 2-й Государственной думы от рабочих Петрограда, и Василий Семёнович Панкратов, член партии эсеров, пробывший 14 лет в Шлиссельбургской каторжной тюрьме, считаем свои долгом опубликовать…», и т. д.[773]

Далее шли ссылки на «прапорщика Ермоленко», «разоблачавшего» Ленина как агента германского генштаба, упоминались Парвус (доктор Гельфанд), «непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими и большевистскими лидерами», якобы «установленными военной цензурой», и т. д.

В целом текст был более чем средненький и у непредвзятого человека сразу же рождал ряд вопросов, многие их которых оказывались риторическими, то есть – ответа не требующими…

Газета «Живое Слово», опубликовавшая заявление Алексинского-Панкратова была «жёлтым» листком, возникшим в 1916 году, но символично, что так же называлась легальная газета меньшевиков-ликвидаторов, издававшаяся в Петербурге в 1912 году. Теперь бывший автор меньшевистского «Живого Слова» освоил страницы уже бульварного «Живого Слова». Бывший большевик Алексинский, адресат ленинских писем осени 1907 года «Пётр», полностью, что называется, «сорвался с нарезки» и начал кампанию против Ленина в компании со «старым шлиссельбуржцем» Панкратовым.

Василий Панкратов (1864–1925) был личностью тоже с «загогулинами». «Народоволец» «второго призыва», в 1884 году он был осужден по «процессу 14-ти» к смертной казни, заменённой 20 годами каторги, до 1898 года сидел в Шлиссельбургской крепости, а затем его выслали на Дальний Восток. В 1903 году Панкратов вошёл в партию эсеров, был членом ЦК ПСР…

С сентября 1917 года по январь 1918 года он был комиссаром Временного правительства по тюремному содержанию царской семьи в Тобольске (из дневников Николая II виден портрет мелкого склочника). Панкратов был избран в Учредительное собрание, после его роспуска подвизался в эклектической, но антисоветской Уфимской Директории, поддержал Колчака, за что был исключён из ПСР. В отличие от ставшего белоэмигрантом Алексинского этот «обвинитель» Ленина через год после его смерти упокоился в Ленинграде, успев стать членом Общества старых политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

Психологически тяжёлую атмосферу Шлиссельбурга хорошо описал «народоволец» «первого призыва» Николай Морозов, сидевший там в одно время с Панкратовым. Кое-кого Шлиссельбург ломал, кто-то становился провокатором. Скажем, в 1905 году «коллегу» Морозова – Н. П. Стародворского, приглашали в департамент полиции, спросив – не хочет ли он «послужить», и прибавив: «Мы теперь сами народники и ищем сотрудников». Стародворский

тогда отказался, но позднее, выйдя на волю, вошёл в сношения с революционными кругами как полицейский агент[774].

Я это к тому, что с дореволюционной активностью Панкратова в партии эсеров тоже могло быть нечисто. Так или иначе, на резонный вопрос – что соединило меньшевика Алексинского и эсера Панкратова? ответ имеется однозначный: служба контрразведки Петроградского военного округа.

Причём это не очень-то скрывали даже в реальном масштабе времени! С санкции министра юстиции Павла Переверзева контрразведчики организовали прослушивание телефонов большевиков, а тем временем готовили провокацию. К началу июля положение «Временных», а значит – и возможной контрреволюции, стало таким шатким, что события надо было форсировать…

Вот их и форсировали.

Иван Сергеевич Тургенев, великий наш писатель, в Июльские дни 1848 года – когда восстали парижские пролетарии-«блузники», был в Париже и оставил нам о тех днях небольшой, но любопытный во всех отношениях очерк «Наши послали!»

В нём он, в частности, описывал, как, выйдя прогуляться в «утренней куртке», чуть не был арестован патрулём буржуазной национальной гвардии, и «национальный гвардеец из провинции» кричал ему, «как исступлённый»:

– Кто вас знает, вы, может быть, русский агент, и у вас в кармане золото, предназначенное к тому, чтобы давать пищу нашим междоусобицам!

«Русское золото, русские агенты, – заключал Тургенев, – всюду мерещились тогда вместе с многими другими небывальщинами и нелепостями, всем этим возбуждённым, сбитым с толку, потерянным головам… Страшное, томительное было время!»[775]

Как видим, технология провокаций у имущей сволочи по отношению к ошалевшему от перемен обывателю везде и во все времена была одной и той же: «русское золото», «германское золото»…

И всё это для того, чтобы защитить и сохранить своё золото!

Хорошо поработавший со старой русской прессой профессор из США Александр Рабинович цитирует в своей книге о 1917 годе и саморазоблачительное письмо министра Переверзева редактору «Биржевых Ведомостей» от 9 июля 1917 года, и много других любопытных публикаций июльских дней, из которых следует, что даже «министры-капиталисты» и «солидные» редакторы в «утку» контрразведки верили слабо или не верили вообще, и «сенсация» предназначалась, главным образом, для всё ещё доверчивой и колеблющейся солдатской массы столичных гвардейских полков – Преображенского и Семёновского.

Рабинович, к слову, называет «Живое Слово» бульварным изданием и полностью соглашается с его оценкой Лениным как «жёлтой, низкопробной, грязной газетёнки»![776]

Тогда как с цепи сорвались не столько имущие круги – они-то как раз оставались в тени, а точнее – ***за кулисами***, своего добившись, а именно «социалисты»-либералы, оказавшиеся в движении масс на обочине, в том числе – Плеханов и знаменитый «разоблачитель провокаторов» Владимир Бурцев.

Но что характерно: на прямой вопрос – является ли Ленин «германским агентом»? Бурцев отвечал в «Петроградской газете» за 7 июля 1917 года так:

«О тех лидерах большевиков, по поводу которых нас спрашивают, не провокаторы ли они, мы можем ответить: они не провокаторы… Но благодаря именно им: Ленину, Зиновьеву, Троцкому и т. д. в те проклятые чёрные дни 3, 4 и 5 июля Вильгельм II достиг всего, о чём только мечтал… За эти дни Ленин с товарищами обошлись нам не меньше огромной чумы или

холеры»[777].

На вопрос: «Чего ***конкретно*** достиг Вильгельм ***за эти три дня***, и чем ***конкретно*** Ленин, 3-го июля ещё купавшийся в озере в Мустамяки, а 4 июля удержавший от вооружённого выступления матросов, ***за эти дни*** помог Вильгельму?» – не смог бы ответить ни Бурцев, ни сам Господь Бог…

Наоборот – за чёрные дни июля всего, о чём мечтали, достигли – во всяком случае им так казалось – «правые», начиная с того, что кадеты весомо и как хозяева вернулись в правительство, а Советы «легли» под них.

Очень продвинулось вперёд и дело готовящегося имущей элитой бонапартистского военного переворота…

Возвращаясь же в последний раз в этой книге к Алексинскому, приведу свидетельство профессора Рабиновича, ссылавшегося на кадетскую «Речь» от 9 июля 1917 года:

«Поскольку руководство контрразведки опасалось, что обвинительный материал против Ленина, исходящий непосредственно от правительственного ведомства, может вызвать подозрения, оно в спешном порядке завербовало двух „возмущённых граждан“ – бывшего представителя большевистской фракции в Думе Г. Алексинского и эсера В. Панкратова, поручив им подготовить для немедленной передачи в печать заявление по поводу предъявляемых обвинений»[778].

Уже в самой «подвёрстке» к меньшевику Алексинскому эсера Панкратова можно было – зная что к чему, усмотреть признак неумелой, некомпетентной провокации… Но чего иного можно было ожидать от армейских дуроломов из контрразведки, для которых понятие «партийная принадлежность» была за семью печатями? Это ведь были не жандармы, подкованные в партийных разногласиях получше многих революционеров и знавшие лучше многих партийцев историю РСДРП и ПСР.

Убедительнее было бы заявление одного лишь Алексинского – он удачно смотрелся как бывший соратник Ленина и был достаточно озлоблен (вскоре он поддержит корниловщину). Но – «жадность фраера сгубила», и, желая обеспечить более эффектный «букет», контрразведчики перестарались.

Впрочем, по тем простодушным временам для «публики» и этого хватило, хотя всё делалось по анекдоту о якобы укравшем сто миллионов долларов Иванове, когда в итоге выясняется, что украл-то не Иванов, а украли у него, и не сто миллионов, а просто сто, и не долларов, а рублей…

Именно по этой технологии каждый раз Ленина и обвиняли…

И обвиняют.

А вы говорите – Геббельс!

Как, надо полагать, переворачиваются в гробах от зависти адвокат Переверзев и ренегат Алексинский, когда мастером дезинформации выставляют колченогого немца, а не их, затерявшихся на свалке истории.

Ну и чёрт с ними!

Ленина искали везде, потому что вопрос о его явке в суд отпал окончательно – все партийные организации высказались против явки.

Были арестованы Каменев, кронштадтцы Ильин-Раскольников и Дыбенко, и ряд других лидеров большевиков. Но никто из них не приезжал в Россию в «пломбированном вагоне» – Каменев вообще в разгар февральских событий находился в Сибири, как и Сталин, так что с него были «взятки гладки».

На языке у всех были прежде всего Ленин и Зиновьев, но второй так – за компанию. Основную ненависть «общественного мнения» фокусировали на Ленине, что было и понятно – нервом ситуации всё более становился именно он, и это всё лучше сознавали как его

сторонники, так и его враги.

Церетели, Чхеидзе и компания понимали, конечно, лживость инсинуаций Алексинского, но, как писал по другому поводу Ленин – труден только первый шаг, а меньшевики и эсеры прошагали по пути ренегатства уже немало. Американский профессор Александр Рабинович пишет:

«По иронии судьбы руководство Советов стало проявлять готовность к более тесному сотрудничеству с правительством в то время, когда оно зашаталось»[779].

Но ирония судьбы здесь была ни при чём – для «социалистических» оппонентов Ленина всё было логично – они предали и продали, и теперь им оставалось одно – обманывать народ до тех пор, пока не придёт русский то ли Кавеньяк, то ли – Бонапарт. Недаром же эсеры Савинков и Керенский ездили в Ставку.

И чем больше сегодня анализируешь июльские события, зная всё, что за ними последовало, тем увереннее приходишь к выводу, что Июль надо изучать и изучать, но общий вывод ясен заранее: Июль 1917 года (здесь уместна та же заглавная буква, что и для Февраля, и для Октября 1917 года) – это, в своей системной сути, первый широко спланированный заговор имущих верхов с целью полностью сорвать дальнейшее развитие революции в направлении широких реформ.

Конечно, как и в любом крупном историческом событии, тут действовал целый ряд факторов, но если выделить суть, то она однозначна: Июль 1917 года – это заговор российской имущей Элиты и её политических агентов, кадетов прежде всего, против Ленина и народа России.

Забегая вперёд, можно сказать, что вторым таким заговором стали действия Элиты осенью 1917 года, предшествовавшие Октябрю 1917 года, а третьим и последним – уже гражданская война.

Все три заговора Элиты против народа оказались в итоге неудачными, но именно они сорвали мирное развитие революции, именно они съели те летние резервы времени, когда ещё можно было предотвратить ту тотальную катастрофу общества и экономики, всю тяжесть которой пришлось взять на свои плечи Ленину и РКП(б).

Соответственно, не Ленин, конечно, а Элита была тогда подлинным врагом русского народа… Элита, фактически, вела к геноциду народов России.

Но об этом я ещё скажу.

Сейчас же присмотримся – хотя бы мимолётно – к первому заговору, к его схеме и к его развитию…

Напомню, что 2(15) июля 1917 года из Временного правительства вышли три кадетских министра: Шингарев, Мануилов и Шаховской. На фронте в это время наступление срывали не большевики, которые могли агитировать против него ***до*** его начала, а сами «правые». Имущие в России уже поняли, что теперь не до черноморских проливов, надо поскорее задавить свою зарвавшуюся и возмечтавшую ***чернь*** внутри страны… Поэтому: начнём наступление для отвода глаз союзников, сорвём его, спровоцируем восстание ***черни***, а потом «под шумок» доведём дело до военной диктатуры, и уж тут: «Патронов не жалеть!»

Войска при этом охотно отзывались на действия по срыву наступления, ибо гибнуть «зазря» уже никто не хотел. Но всё равно во имя циничных «игр» Элиты по отстаиванию своих привилегий погибли новые десятки тысяч русских людей.

До столицы доходят раздутые прессой известия о якобы провале наступления, хотя к тому времени провал ещё не столько стал фактом, сколько наметился. И в тот же день начинается горячая агитация за восстание в 1-м пулемётном полку, а затем и во всём Петрограде.

Керенского – ещё только военного министра, в тот момент в столице нет, он вернулся

вечером 6 июля – когда «восстание» (все газеты стали писать именно о «восстании») было «подавлено» без особой крови ***лишь потому***, что Ленин призвал народ к выдержке и бдительности. И вместо того, чтобы залить в июле 1917 года улицы Питера кровью тысяч жертв – как это было в июне 1848 года в Париже, всё ограничилось относительно небольшим числом погибших.

При этом тех, кого массово расстреливали из пулемётов – как на углу Садовой и Невского, как бы и не заметили. Зато похороны в субботу 15 июля в Петрограде семерых погибших при подавлении демонстрации казаков были обставлены властями с отвратительной помпой. Очень, к слову, напоминающей ту, с которой хоронили три «жертвы тоталитаризма» в Москве в августе 1991 года после успешного заговора против народа уже советской Элиты…

Первая полумиллионная демонстрация в июне 1917 года Элиту напугала. А при этом массовая демонстрация заставила кое-кого и в ЦИКе Советов призадуматься – соглашатели могли быстро утратить влияние в массах. И министры-«социалисты» выдвинули основы коалиционной платформы – достаточно «левые». В том числе предлагалось произвести официальный роспуск царской Государственной думы и царского Государственного Совета и немедленно провозгласить республику – на чём настаивал Ленин.

Князь Львов всего этого принять «не может», а 7 июля демонстративно подаёт в отставку с поста министра-председателя, уступая место Керенскому, которого пресса «пиарит» как «спасителя революции».

Керенскому надо «держать марку», подтверждая этот имидж, и 8 июля кабинет министров передаёт в печать отвергнутую Львовым Декларацию принципов Временного правительства с программой его деятельности.

В ней было обещано (sic!!!):

– добиться в течение августа созыва союзнической конференции с целью выработки подробных предложений о заключении мира (!!) на основе компромисса;

– провести выборы в Учредительное собрание не позднее 17(30) сентября 1917 года;

– обеспечить скорейшее введение городского и земского самоуправления;

– уничтожить сословия и упразднить гражданские чины и ордена;

– выработать план (!!) общей организации народного хозяйства и борьбы с хозяйственной разрухой;

– немедленно принять трудовое законодательство, включающее законы о 8-часовом рабочем дне, охране труда и социальном страховании;

– подготовить для Учредительного собрания проект земельной реформы по передаче всей земли (!!) в руки крестьянства…[780]

Несмотря на отсутствие пунктов о Думе, Госсовете и провозглашении республики, программа была впечатляющей – в случае её не только декларирования, но и ***выполнения***.

Однако надо ли много говорить, что ***ничего*** из этой Декларации выполнено «Временными» ***не было***. Во второе коалиционное правительство пришли кадеты, и все проекты были похерены.

Так что Ленин 1 марта 1920 года, выступая на I Всероссийском съезде трудовых казаков, имел все основания сказать:

– Эсеры и меньшевики проделали опыт, нельзя ли обойтись с капиталистами по мирному и перейти к социальной реформе… Они забыли, что господа капиталисты есть капиталисты и что их можно только победить. Они говорят, что большевики залили страну кровью в гражданской войне. Но разве вы, господа эсеры и меньшевики, не имели 8 месяцев для вашего опыта?..

Эти слова Ленина были не убиенным оппонентами и убийственным для его оппонентов доводом, и он продолжал:

– Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам

помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. **Нашёлся ли бы на свете хоть один дурак, который пошёл бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?** Почему вы этого не сделали? Потому что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием. Потому что нельзя сговориться с капиталистами и мирно их себе подчинить, особенно после четырёхлетней империалистической войны…[781]

Ленин говорил это после краха третьего заговора Элиты, но уже первый заговор Элиты в июле 1917 года мог быть сорван, если бы эсеро-меньшевистский ЦИК Съезда Советов и эсеро-меньшевистский Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов не занял бы позицию соглашательства с Элитой, а хотя бы в июне 1917 года принял бы и программу Ленина и руководство Ленина!

Да ладно – руководство Ленина! Это был бы оптимальный вариант, но для недопущения прогрессирующей разрухи и гражданской войны было бы достаточно реализовать «керенскую» Декларацию 8 июля и к началу осени 1917 года дать конституционную Российскую республику на базе принципов этой же «керенской» Декларации 8 июля.

И не было бы необходимости в акции типа Октябрьской революции, не было бы гражданской войны…

А что было бы?

Была бы выбирающаяся из кризиса Республика, с трибуны парламента которой Ленин – легальный руководитель крупной фракции большевиков, боролся бы за усиление и расширение социальных реформ и за победу своей партии на очередных выборах…

Ничего этого имущей Элите нужно не было, а слепота народа и предательство «вождей» способствовали сползанию России в чисто технологическую, инфраструктурную катастрофу, которая не могла не потянуть за собой и социальную катастрофу.

В результате стали возможны второй заговор Элиты, третий заговор, и именно это залило Россию кровью – классовая слепота миллионов, классовое ренегатство эсеров и меньшевиков, и классовая жадность Элиты.

Ещё накануне Июля 1917 года Ленин статью «Куда привели революцию эсеры и меньшевики?» (ПСС, т. 32, с. 370–372) начал с ответа на вопрос, выставленный в заголовке: «Они привели её к подчинению империалистам».

Собственно, то, чем был Июль 1917 года для Элиты, не очень-то ей скрывалось в реальном масштабе времени! Так, князь Львов в прощальной беседе с журналистами, аккредитованными при Временном правительстве, бухнул прямо: «Особенно укрепляют мой оптимизм события последних дней внутри страны. Наш „глубокий прорыв“ на фронте Ленина имеет, по моему убеждению, несравненно большее значение для России, чем прорыв немцев на нашем Юго-Западном фронте».

Вообще-то этими словами князь убедительно доказал, что он не политик, а дурак – умные люди всё такое держат себе на уме. Но если это было не признание заговора Элиты, то что надо считать заговором?

Ленин в статье с насмешливым названием «Благодарность князю Г. Е. Львову», опубликованной 19 июля (1 августа) 1917 года в газете кронштадтских большевиков «Пролетарское Дело», привёл слова Львова и расставил все точки над «i»:

«Как же не быть благодарным князю за эту трезвость в оценке классовой борьбы?

…Два врага, два неприятельских стана, один прорвал фронт другого – такова правильная философия истории князя Львова. Он прав, что снизывает со счетов третий стан, мелкую буржуазию, эсеров и меньшевиков. Этот третий стан кажется большим, на деле он – ничего самостоятельно решать не может…

Внутренняя классовая борьба даже во время войны гораздо важнее, чем борьба с внешним врагом – какой только дикой брани ни изрыгали на большевиков представители крупной и мелкой буржуазии за признание этой истины! Как только ни зарекались от неё бесчисленные любители широковещательных фраз о единстве, революционной демократии и пр. и т. п.!

А когда дошло до серьёзного, решающего момента, князь Львов сразу и целиком признал эту истину, провозгласив открыто, что „победа“ над классовым врагом внутри страны важнее, чем положение на фронте борьбы с внешним врагом. Бесспорная истина. Полезная истина. Рабочие будут очень благодарны князю Львову за её признание, за её напоминание, за её распространение»[782].

Дурацкие откровения Львова в видах уже ближайшего будущего действительно были очень полезны для прочистки рабочих мозгов.

В том же, что и Львов, направлении и так же, как и Львов, сами того не желая, ориентировали рабочую массу «деятели» соглашательского ЦИКа. Они сами толкали народ к Ленину, но уже не столько словами, сколько делами, а точнее – их отсутствием.

В начале июля 1917 года Ленин написал для «Правды» статью «Вся власть Советам!» Теперь лозунг «Вся власть Советам!» приходилось временно снять, поскольку Советам, которыми руководили меньшевики и эсеры власть была не нужна. Они её боялись, как чёрт ладана!

И всё ещё в русской революции оказывалось впереди…

Ленин же с 10(23) июля по 8(21) августа Ленин жил на чердаке сарая Н. А. Емельянова в рабочем посёлке и писал свои первые послеиюльские статьи.

Редакция «Правды» была разгромлена, однако выход нашёлся. С апреля 1917 года группа меньшевиков-интернационалистов и литераторов, включая Горького, начала издавать в Питере ежедневную газету «Новая жизнь» (она просуществовала до июля 1918 года). Собственно, если иметь в виду название, то можно было бы говорить о возобновлении издания «Новой Жизни» 1905–1906 годов, но… Но тогда это была боевая ленинская газета, теперь же…

Теперь же газета была не боевой, однако за неимением гербовой пишут и на простой… И, хотя Ленин к чисто интеллигентской ипостаси безнадёжно отстающей от жизни горьковской «Новой Жизни» относился скептически-насмешливо, называя новожизненцев «якобы-интернационалистами» и «тоже-марксистами», 11(24) июля 1917 года ему пришлось «обратиться к гостеприимству» новожизненцев, дабы опубликовать там письмо, в котором, в частности, говорилось:

«Газеты известного рода повели бешеную травлю против нас, обвиняя в шпионстве или в сношениях с вражеским правительством.

С каким неслыханным легкомыслием… ведётся эта травля, показывают следующие простые факты.

„Живое слово“ сначала напечатало, что Ленин – шпион, а потом, под видом не меняющей дело „поправки“ заявило, что в шпионстве он не обвиняется! Сначала выдвигают показания Ермоленки (прапорщик-провокатор. – *С.К.*), потом вынуждены признать, что прямо неловко и стыдно в подобных показаниях подобного человека видеть довод…»[783]

Ленин приводил ещё ряд доводов и замечал: «И всё это – при участии или даже по инициативе Алексинского, не допущенного в Совет, признанного, иначе говоря, заведомым клеветником!! Неужели можно не понять, что такой путь против нас есть юридическое убийство из-за угла?..»

Потом статьи «с чердака» пошли одна за другой, из которых особый интерес представляет статья «Начало бонапартизма», опубликованная 29 июля 1917 года в газете «Рабочий и Солдат».

«Самая большая, самая роковая ошибка, – писал Ленин, – которую могли бы теперь, после образования министерства Керенского, Некрасова, Авксентьева и К[0], сделать марксисты, состояла бы в принятии слова за дело, обманчивой внешности за сущность…

Предоставим это занятие меньшевикам и эсерам, которые играют уже прямо-таки роль шутов гороховых около бонапартиста Керенского. В самом деле, разве это не шутовство, когда Керенский, явно под диктовку кадетов, составляет нечто вроде негласной директории из себя, Некрасова, Терещенко и Савинкова, умалчивает и об Учредительном собрании и вообще о Декларации 8 июля, провозглашает в обращении к населению священное единение между классами, заключает на никому не известных условиях соглашение с поставившим наглейший ультиматум Корниловым, продолжает политику скандально-возмутительных арестов, а Черновы, Авксентьевы (министр внутренних дел, эсер. – *С.К.*) и Церетели занимаются фразёрством и позёрством…, Церетели и Дан проводят в Центральном Исполнительном Комитете Советов пустейшие, начинённые бессодержательнейшими фразами резолюции, напоминающие худшие времена бессилия кадетской первой Думы перед лицом царизма»[784].

Это была не только точная оценка российской ситуации в тогдашнем реальном масштабе времени. Эти слова, как и те, что будут приведены ниже, сказаны – весьма вероятно – и о ***нашем*** будущем, поскольку в ельциноидной буржуазной «Россиянии» нет и не может быть подлинной стабилизации. Ведь замени в ниже приводимой оценке Керенского на Путина, и получишь вполне возможную в РФ через пару лет ситуацию:

«Министерство Керенского, – несомненно есть министерство первых шагов бонапартизма.

Перед нами налицо основной исторический признак бонапартизма: лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга…»[785]

Пока что враждебность, ***не*** сочетаемость интересов основной массы населения Российской Федерации и интересов чиновно-собственнической «Элиты» не осознаёт в РФ на массовом уровне почти никто. Но это не означает, что антагонизма интересов нет, он есть. А, значит, есть и угроза ельциноидного бонапартизма.

Вернёмся, впрочем, к ленинскому тексту:

«…Однако признать неизбежность бонапартизма вовсе не значит забыть неизбежность его краха.

Если мы скажем *только* то, что в России наблюдается временное торжество контрреволюции, это будет отпиской…

Россия с замечательной быстротой пережила целую эпоху, когда большинство народа доверилось мелкобуржуазным партиям эсеров и меньшевиков. И теперь уже начинается жестокая расплата большинства трудящихся масс за эту доверчивость.

Все признаки указывают на то, что ход событий продолжает идти самым ускоренным темпом, и страна приближается к следующей эпохе, когда большинство трудящихся вынуждено будет доверить свою судьбу революционному пролетариату…»[786]

В столице вовсю распинались о «победах революции и дела свободы», а Ленин предупреждал, что «дело свободы» скоро могут предать в руки новых военно-полевых судов.

В особняках промышленников обсуждались планы подавления революции, а Ленин предвещал скорую власть революционного пролетариата.

Мелкая политическая дрянь – Фёдор Дан, красовался на трибуне ЦИКа в Таврическом дворце – бывшей резиденции Государственной думы. Политический же гений Ленин считал звёзды на чердаке сарая в рабочем посёлке. Но, оказывается, с чердака, порой, виднее, чем с трибуны Таврического дворца…

Правда, лишь в том случае, если с чердака смотрит Ленин.

И, всё же, «командный пункт» это был не очень удобный – надо было вести переписку, налаживать курьерскую связь, и регулярное появление новых людей в небольшом посёлке было не очень надёжным, вызывало подозрения… Начались досужие расспросы – кто, да зачем, да почему?

Приходилось перебираться от населённых мест подальше – в шалаш за озером Разлив. В этих местах у Емельянова был покос, и Ленин устроился там под видом косца, живя в шалаше одно время с Зиновьевым.

С перемещением в шалаш «звёздный» уровень жилища Ленина ещё более повысился – если чердак сарая Емельянова можно было назвать отелем «сотни звёзд», то теперь он проживал в своего рода «отеле» «трёх тысяч звёзд», поскольку именно столько их можно насчитать на небе в безоблачную августовскую ночь…

Он по-прежнему много писал, но кроме отвлечения на текущие статьи и письма работал в Разливе над своим новым крупным трудом – книгой «Государство и революция»… Крупным не по объёму – объём как раз оказался невелик, а по социальному потенциалу.

Как читатель, очевидно, помнит, накануне ухода в подполье Ленин писал Каменеву: «*Если меня укокошат, прошу издать мою тетрадку: „Марксизм о государстве“ (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетённая*…» Теперь он попросил доставить ему в Разлив эту, убористо исписанную, тетрадь в 48 страниц, где были выписаны цитаты из Маркса, Энгельса, Каутского, Паннекука, Бернштейна, с собственными замечаниями, обобщениями и выводами, и продолжил работу, начатую ещё зимой 1916–1917 года в Швейцарии.

Изучение ленинского труда «Государство и революция» входило в обязательный курс общественных наук во всех советских вузах… И в брежневские времена этот труд казался большинству весьма скучным: что там – делб давно минувших дней! Сегодня же знакомство со многими местами ленинской книги возможно стало бы для многих думающих или, хотя бы, ***пытающихся*** думать, молодых людей откровением…

В чём же отыскивается причина былого безразличия и нынешнего потенциального интереса к одним и тем же идеям?

Причина безразличия крылась в том, что развитая брежневщина усилиями агентов влияния Запада оказалась периодом роста массового материального благосостояния, но, в то же время, периодом исторического ***безвременья***.

А сегодня то, о чём когда-то писал Ленин, вновь стало исторически и социально актуальным, то есть, обращённым во вполне возможное наше ***будущее***…

Например, говоря о государственном управлении, Ленин в 1917 году заявлял, что при современном развитии общества и на базе современной техники коммуникаций у функций государственного управления «можно (и дулжно) отнять всякую тень чего-либо привилегированного, „начальственного“…»

Ленин писал:

«Полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной „заработной плате рабочего“, … служат мостиком, ведущим от капитализма к социализму»[787].

Введение этого принципа в жизнь даже капиталистической РФ могло бы и сегодня стать

мостиком к новому социализму. Причём надо подчеркнуть, что Ленин имел в виду уравнивание с рабочей зарплатой жалования ***должностных*** лиц, то есть – государственных чиновников, а не специалистов (учёных, инженеров, экспертов и т. д.)!

А как верно Ленин определил ситуацию с парламентами:

«Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в „работающие“ учреждения…

Посмотрите на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии: настоящую „государственную“ работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать „простонародье“…»[788]

И здесь есть над чем подумать…

А вот как Ленин, которого обвиняют в «проповеди уравниловки», смотрел на этот вопрос в действительности. Цитируя Маркса, а затем поясняя и развивая его мысли, Ленин заявлял:

«…отдельные люди не равны: один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет; у одного больше детей, у другого меньше, и т. д.

…Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма (социализм. – *С.К.*) дать ещё не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет *эксплуатация* человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины, землю и прочее в частную собственность…

Вульгарные экономисты, в том числе буржуазные профессора, постоянно упрекают социалистов, будто они забывают о неравенстве людей и „мечтают“ уничтожить это неравенство. Такой упрёк, как видим, доказывает только крайнее невежество гг. буржуазных идеологов»[789]

Со времени, когда это было написано, прошло почти сто лет, семьдесят четыре из которых пришлось в России на советский период. И нынешние гг. буржуазные идеологи из столичной Высшей школы экономики, из буржуазных российских экономических институтов и т. д. все – ***все без исключения***, будучи во время уно студентами советских вузов, изучали работы Ленина. Так что сегодня надо говорить уже не о крайнем их невежестве, а о крайне подлом замалчивании ими идей Ленина и о подлой клевете на него.

Важно для нашего будущего освоение и ещё одной идеи Ленина. Он предупреждал, что любое государство – это аппарат принуждения и подавления. Вопрос лишь в том, кто и к чему принуждает! В буржуазном государстве элитное меньшинство принуждает трудящееся большинство к принятию привилегий Элиты, а в социалистическом государстве вначале подавляется сопротивление имущей Элиты, а затем трудящееся большинство принуждает тех, кто не желает жить интересами общества, к подчинению интересам большинства.

Ленин проводил раз за раз и мысль о том (не забудем, что это было лето 1917 года), что переход к социализму возможен лишь при поголовном вооружении народа, взявшего дело учёта и контроля над общественным производством в свои руки.

Ленин напоминал, что Энгельс издевался над нелепостью соединения слов «свобода» и государство, и резюмировал (ПСС, т. 33, с. 95): «Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства».

А что будет?

А будет доброе согласие – как в хорошей большой семье, когда все проблемы решаются с честным учётом интересов всех членов семьи. Добиться этого непросто даже в семье, а тем более – в обществе. Но это возможно, утверждал Ленин, если люди, во-первых, захотят жить ***без господ***, а, во-вторых, захотят быть развитыми, образованными и научатся быть людьми, то есть –

научатся управлять сами собой и, в итоге, обществом:

«Чем полнее демократия, – писал он, – тем ближе момент, когда она окажется ненужной. Ибо когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учёт и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных „хранителей традиций капитализма“, – тогда уклонение от этого всенародного учёта и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьёзным наказанием (ибо вооружённые рабочие – люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*»[790].

Когда это писалось, общественным производством в России и во всём мире управляли – когда сами, когда через своих доверенных лиц, менеджеров, – владельцы частной собственности в виде «заводов, шахт, пароходов»…

Когда это писалось, ***несложные***, казалось бы, основные правила всякого человеческого общежития ещё настолько не были для очень многих в России привычкой, что развал государства, ставший фактом ***до*** Октября 1917 года – я ещё об этом скажу, привёл, например, к огромному росту бандитизма даже в Европейской России, и уж тем более там, где сдерживающие факторы были особенно слабыми. А символом этого разнузданного пренебрежения основными правилами человеческого общежития стала «махновщина» – «родимое пятно» царизма.

Но через полвека после того, как это было написано, Россия, говоря словами Ленина, стала, в некотором смысле «одной конторой и одной фабрикой с равенством труда». Стала огромной экономикой – второй в мире! И научились управлять ей без «королей индустрии» и без банкиров сами люди!

И научились они этому неплохо, если год от года материальное благополучие ***у всех***, честно работающих и умно живущих, в СССР возрастало, а советское общество обеспечивало развитие науки, культуры, образования, отдыха, социального обеспечения… И было при этом стабильным, свободным – без решёток на окнах домов, без страха терроризма, зато – с уверенностью и в завтрашнем, и в послезавтрашнем, и в после-послезавтрашнем дне, как в собственном дне, так и общественном…

Это ведь всё ***было***!

И это было в России, задуманной Владимиром Лениным и вызванной им к жизни!

Далеко и высоко видел Ленин, размышляя над будущим России под тысячезвёздным русским августовским небом… Одного не предвидел он – хотя и сознавал опасность этого – изуверской способности жадной Элиты тотально предавать прошлое, настоящее и будущее своего же народа.

Тем не менее, системную и моральную базу Ленин и его сподвижник Сталин заложили в советском обществе настолько прочную, что даже развал Советского государства не стал временем разгула анархии.

Не стал потому, что за десятилетия жизни в задуманном Лениным обществе, постоянно напоминаемая ленинским государством необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития стала-таки ***привычкой!***

А вот если продолжающаяся внешняя подрывная работа вкупе со слепотой народа, предательством «вождей» и подлостью кремлёвских пигмеев приведут к развалу и Российской Федерации, то одной из важнейших системных черт ситуации станет новый массовый бандитизм – ***неомахновщина***! Потому что ельциноидное государство уже почти четверть века

отучает общество от укоренившейся советской привычки соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития.

Книга «Государство и революция» оказалась неоконченной, а о причине сказал сам Ленин в послесловии к первому изданию:

«Настоящая брошюра написана в августе и сентябре 1917 года. Мною был уже составлен план следующей, седьмой главы: „Опыты русских революций 1905 и 1917 годов“. Но кроме заглавия я не успел написать из этой главы ни строчки: „помешал“ политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. Такой „помехе“ можно только радоваться. Но второй выпуск брошюры (посвящённый „Опыту русских революций 1905 и 1917 годов“), пожалуй, придётся отложить надолго; приятнее и полезнее „опыт революции“ проделывать, чем о нём писать.

Автор

Петроград, 30 ноября 1917 года»[791]

Да, до того времени, как он – пока что скрывающийся, живущий почти под открытым небом – встанет во главе новой России, оставалось всего три месяца: август, сентябрь и октябрь.

Ситуация тогда складывалась, надо сказать, «кучерявая»… И если бы она не формировала трагедию, то её можно было бы определить как комическую, фарсовую…

Керенский и К^0 (как кадеты «справа», так и эсеро-меньшевики «слева»), возомнившие себя государственными деятелями, продолжали играться в «государственное строительство».

Генералы, возомнившие себя политиками, готовились к роли Кавеньяка или Наполеона.

Те, кто считал себя «солью земли», то есть – крупные промышленники, поощряли и готовились финансировать кавеньяков, а пока потихоньку сворачивали производство, давя где только можно рабочих локаутами. Эти не играли «по маленькой» – они ставили на «крупную», как они считали, «карту» военного переворота…

И на промышленниках нам надо, пожалуй, остановиться чуть подробнее…

Ещё в 1905 году, сразу после выпуска царского манифеста 17 октября, была создана *отдельная* партия крупных капиталистов – Торгово-промышленная партия во главе с Г. А. Крестовниковым и П. П. Рябушинским.

Джек Лондон ввёл в одноимённом романе понятие «Железной Пяты» капитала, вооружённой силой попирающий права трудящихся. Партию Рябушинского можно было назвать партией «Золотой Пяты», но вскоре её лидеры поняли, что нельзя же настолько откровенно проявлять себя держимордами… И ТПП «растворилась» в «Союзе 17 октября» – партии «октябристов».

После Февраля 1917 года возникло новое «издание» ТПП – Торгово-промышленный комитет (Торгпром) Рябушинского, Гукасова, Лианозова, Денисова и К^0. Этот аспект политической жизни после-февральской России освещён по сей день плохо – крупный капитал яркого света не любит. Однако она имела место – политическая жизнь крупнейшего российского капитала!

Тем более, что этот капитал был не очень-то и российским. Так, 4 ноября 1916 года состоялось учредительное собрание Нефтяной секции Совета съездов представителей промышленности и торговли. В бюро секции вошли виднейшие представители якобы российских нефтяных монополий – якобы «русаки» А.О и П. О. Гукасовы, С. Г. Лианозов, М. Г. Полак… Но председателем секции был избран вовсе уж не русак – Э. Л. Нобель[792].

И все эти опытные в делах люди не сидели ведь летом 1917 года сложа руки. Они ***тоже*** готовились…

Торгпром, к слову, действовал и в советское время – в эмиграции, организуя саботаж и

готовя интервенцию в СССР.

Деревня в 1917 году была в разброде – землёй поманили, да не дали… Миллионы мужиков гнили, кто – уже в земле, кто – ещё в окопах…

Это ситуацию тоже не оздоровляло, как и положение в армии. Но село и армия по отношению к большевикам были настроены сложно – сказывались и привычка крестьян к эсерам, и антиленинская после-июльская пропаганда среди солдат.

Рабочие же…

Что ж, в статье «Начало бонапартизма» Ленин написал: «Передовые отряды пролетариата России сумели (не в последнюю очередь, заметим, благодаря выдержке Ленина. – *С.К.*) выйти из наших июньских и июльских событий без массового обескровления».

И в этом было сейчас главное – определиться с силами, восстановить не так уж и порушенную организацию и проявлять по-прежнему выдержку, потому что время работало на Ленина.

Обидно было, конечно, что Россия при этом катилась к катастрофе, но что уж тут сделаешь – России была предложена программа Ленина, но она пока что ей не верила, а через народ не перепрыгнешь…

Положение самих большевиков было после Июля 1917 года тоже своеобразным. Его нельзя было назвать легальным, но нельзя было назвать и нелегальным.

Скажем, член ЦК Каменев «сдался» и был арестован, но уже 6(19) августа выступал в ЦИК. Правда, выступал так, что Ленин из своего шалаша направил в «Пролетарий» заметку (ПСС, т. 34, с. 70), начинавшуюся словами: «Речь тов. Каменева по поводу Стокгольмской конференции не может не вызвать отпора со стороны верных своей партии и своим принципам большевиков».

Здесь имеется в виду та «мирная» конференция «социалистов», с идеей которой в апреле 1917 года приезжал в Питер датский агент немцев Боргбьёрг, и против которой резко выступил Ленин. Теперь Каменев эту идею поддержал, и Ленин зло его одёрнул, а в Заграничное бюро ЦК в Стокгольме написал: «*Выступление Каменева я считаю верхом глупости, если не подлости, и написал уже об этом в ЦК и для печати*»[793].

Член ЦК и член ЦИК Сталин действовал тоже не скрываясь, редактировал центральный орган, писал статьи не на пне у шалаша, а за нормальным письменным столом.

«Правду» периодически закрывали, однако она, в очередной раз сменив название, выходила – относительно легально.

Лидер же партии скрывался и был лишён возможности нормальной политической деятельности. При этом в партийном порядке было признано, что являться к властям он не должен. В той ситуации это было единственно верное решение, и все здоровые силы партии окончательно поняли, что Ленина не посадят – как Троцкого, например, в Петропавловскую крепость. Ленина просто расстреляют – «при попытке к бегству». А второго Ленина ни у партии, ни у России, ни у истории не было.

Керенский, а уж тем более «правые», и хотели бы полулегальное, полуподпольное положение большевиков прекратить, но это можно было сделать только штыком и пулей, а этого-то как раз «Временные» сделать и не могли… Мешали не разоружённые рабочие, сохранившие и после Июля рабочую Красную Гвардию…

Тоже не очень-то легальную, но – реальную.

Положение было, конечно, неустойчивым, но с одной стороны баррикад рассчитывали склонить чашу весов в свою сторону за счёт военного переворота, а с другой – за счёт перехода большинства активной части народа к поддержке большевиков.

В этой обстановке ночью (!) 26 июля (8 августа) 1917 года в рабочем ядре Выборгского района в зале частного акционерного общества открылся VI съезд РСДРП(б). 157 делегатов с

решающим и 11 с совещательным голосом представляли 240 тысяч членов партии. В одном Петрограде насчитывалось до 25 тысяч большевиков!

Почётным председателем съезда избрали Ленина, но сам он приехать на съезд не мог – связь с ним держали через выделенных ЦК курьеров.

28 июля – на третий день работы съезда, был опубликован правительственный декрет, предоставлявший военному министру и министру внутренних дел право запрещать любые собрания и съезды, если они могут «помешать военным усилиям страны» или «нанести ущерб безопасности».

Куда метил «керенско-кадетский» декрет, гадать не приходилось, и от греха подальше заседания съезда, работавшего до 3(16) августа, тайно перенесли в принадлежавший Межрайонной организации (о ней ниже будет сказано) отдалённый рабочий клуб на окраине города в Нарвском районе.

Политический отчёт ЦК и доклад о политическом положении делал на съезде Сталин. Профессор Рабинович в своей книге «Большевики приходят к власти» уверяет, что основной доклад должен был делать-де Троцкий, но «после ареста Троцкого за два дня до открытия съезда к выполнению этих задач в спешном порядке привлекли Сталина»[794].

Однако почтенного профессора подвёл троцкистский «пиар» – ни о чём подобном в РСДРП(б) тогда и речи быть не могло уже потому, что лишь на VI съезде Троцкий был принят в ряды РСДРП(б). Никаких контактов с Лениным с момента июльских событий Троцкий не имел – в отличие от Сталина.

Избранный на съезде в состав ЦК, Троцкий вошёл в РСДРП(б) вместе с группирующимся вокруг него членами «Межрайонной организации объединённых социал-демократов». Эта, возникшая ещё в 1913 году, группа объединяла к августу 1917 года около 4 тысяч человек, среди которых были А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, М. Н. Покровский, И. А. Иоффе, М. С. Урицкий, Л. М. Володарский, Л. М. Карахан, К. К. Юренев…

Спрашивается – зачем были приняты в партию, насчитывавшую уже 240 тысяч человек, эти 4 тысячи? Тем более, что это пополнение усилило большевиков, как показало будущее, весьма проблематично…

Не развивая тему более того, чем требует полнота раскрытия ситуации, остановиться на этом моменте будет уместно именно сейчас…

Роль и значение Троцкого в российском социал-демократическом движении всегда были межеумочными, «с душком», но сбрасывать его со счетов было сложно. И сам он был человеком, как говорится, «пассионарным», и связи у него были разнообразные, и окружение у него было небесталанным, с хорошо подвешенными языками, к тому же.

Во второй эмиграции Ленин называл Троцкого «Иудушкой», имея в виду, однако, не библейского Иуду, а щедринского Иудушку Головлёва. И всё время второй эмиграции ни партийных, ни личных тесных отношений между Троцким и Лениным не было, а вот антагонизма хватало.

Троцкий, только-только вернувшись в Россию, 10 мая на конференции «межрайонцев» заявил: «Я называться большевиком не могу».

Но Россия 1917 года приняла Троцкого – бывшего председателя Петроградского Совета в 1905 году, не на «ура». С оркестрами и цветами его, в отличие от Ленина, не встречали, старый приятель Чхеидзе речей не произносил, народ на броневик не ставил. Теперь его включили в Исполком Петросовета лишь с совещательным голосом, а Петросовет-то был, вроде бы, своим – меньшевистским.

Что делать?

Троцкий был человеком с огромным самомнением и даже не с самолюбием (это черта

неплохая), а с огромным самолюбованием. При этом – с огромными претензиями на единоличное лидерство. Но подобных позёров у меньшевиков и эсеров в ЦИКе хватало без Троцкого. Он попробовал быть по привычке «внефракционным», начал издавать вновь газету «Вперёд», но, в отличие от «Правды» большевиков, и тираж её не рос, и расходился не очень.

Единственным разумным выходом для Троцкого был бы блок с Лениным, и Троцкий стал в своих речах и статьях всё более поддерживать Ленина, а тот от поддержки отказываться не стал. Троцкого могли, всё же, подобрать оппоненты, а в условиях митинговых страстей, охвативших Россию, Троцкий как противник Ленина сильно вредил бы делу. Допускать этого нельзя было прежде всего с позиций развития революции. К тому же Троцкий умел если не убеждать, то увлекать массы устным словом, и это тоже было по тем временам немаловажно.

Я вывожу здесь за скобки версию о том, что ***лично*** Троцкий пришёл в РСДРП(б) как тайный агент влияния Золотой Элиты, и даже не агент – он для этого был слишком значителен, а как её доверенное лицо. Но отбрасывать эту версию как необоснованную ***нам*** – сегодня, было бы слишком опрометчиво.

В любом случае, даже если дела обстояли именно так, Ленин не мог рассматривать подобную версию как значащую – даже сам для себя. Ленин смотрел на Троцкого как на, всё же, революционера. Так же, как, например, – на Мартова, видя в обоих хотя и заблуждающихся, но – социал-демократов.

Поэтому двери в партию большевиков были для Троцкого и для остальных «межрайонцев», открыты. Среди «межрайонцев» имелись опытные люди, в том числе – бывшие большевики, и если они шли к Ленину, то – милости просим!

Чтобы читатель понял, как важна была для большевиков после Июля поддержка «со стороны», сообщу, что появление на трибуне VI съезда меньшевика-интернационалиста Ларина-Лурье было встречено, как отмечено в протоколах съезда, аплодисментами, даже с учётом того Ларин шёл вразрез с линией Ленина на временное снятие партией лозунга «Вся власть Советам»!

В том же духе выступали, к слову, только-только принятые в РСДРП(б) «межрайонцы» Юренев, Володарский…

«Межрайонцы», среди которых было немало будущих оппозиционеров и троцкистов, сразу же зарекомендовали себя яростными спорщиками, чем отличались и в советскую уже эпоху.

Сталин же был спокоен и убедителен, а линию проводил на съезде, в целом, ленинскую, в том числе – в отношении временного снятия лозунга «Вся власть Советам!»

Касаясь Июльских событий, Сталин сказал:

– Были упрёки частного характера. Товарищи говорили о неудаче восстания 3–5 июля. Да, товарищи, это была неудача, но это было не восстание, а демонстрация. Эта неудача объясняется разрывом фронта революции в связи с изменническим поведением мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков, повернувшихся спиной к революции… Товарищ Безработный («межрайонец» Д. З. Мануильский. – *С.К.*) говорил, что ЦК не постарался наводнить Петроград и провинцию листовками с разъяснением событий 3–5 июля. Но наша типография была разгромлена, и не было никакой физической возможности отпечатать что-либо в других типографиях, так как это грозило типографиям разгромом[795].

Сталин вёл линию Ленина… В целом съезд её тоже принял и выдержал в своих постановлениях и резолюциях. Но приходится в который раз повторять: это потом всем (или – почти всем) стало ясно, что прав Ленин, что идти надо за Лениным, что дальше всех видит Ленин… А в реальном масштабе событий 1917 года говорить о единодушии не приходилось: среди многих руководящих товарищей хватало желающих быть более католиком, чем папа римский, то есть, применительно к РСДРП(б), быть более большевиком, чем Ленин.

И если анализировать ход VI съезда подробно, можно понять, что уже там проклюнулись ростки будущих оппозиций в РКП(б), с которыми начал бороться Ленин, и которые так осложнили общественную жизнь СССР и политическую деятельность Сталина.

Об организационной работе докладывал на съезде Яков Свердлов. Своим глубоким басом, который шутники называли «восьмым большевистским чудом света» он сообщил, что за три месяца, прошедших со времени Апрельской конференции, партия выросла втрое: в 162 местных организациях состояло 240 тысяч человек[796].

240 тысяч – это армия, это, вне сомнений – настоящая массовая партия. Причём тогда ведь в партии коврижек не выдавали, то есть люди шли в партию ***только*** по идейным, а не шкурным соображениям.

Но из кого составилась к осени 1917 года эта «армия»?

Сегодня – с отдаления лет, можно говорить о четырёх рубежах в развитии большевизма, о четырёх его «рождениях».

Что такое большевизм?

Большевизм – это чёткая диалектическая политическая позиция, суть которой состоит в ясном понимании существования в мире лишь двух социально значащих, противостоящих друг другу сил – творческой силы Труда (любого честного труда) и паразитической по духу силы Капитала, неизбежный конфликт между которыми исчезает с установлением политической власти Труда и преобразованием общества на принципах социализма.

Четвёртый раз большевизм родился в середине 30-х годов как эффективный сплав старшего поколения партийцев, всегда поддерживавших Ленина и затем Сталина, с поколениями молодых партийцев – учёных, инженеров, техников, учителей, врачей, агрономов, рабочих, колхозников, партийных работников, военных, которые застали Октябрь 1917 года детьми, выросли и возмужали при Советской власти и были плотью от её плоти. Этот ленинско-сталинский большевизм создал индустриально-колхозную державу, выиграл войну, решил Атомную проблему и запустил в космос Гагарина…

В скобках замечу, что в перспективе необходимо пятое (и уж на этот раз, последнее) рождение большевизма, который один и способен обеспечить историческое будущее России в XXI веке.

На чисто ленинскую же эпоху пришлось три «рождения» большевизма.

Первый раз большевизм родился в 1903 году на II съезде РСДРП как немногочисленная ленинская группа в составе тогда единой, первой в России социал-демократической партии. Этот большевизм объединял всего несколько сотен человек…

Второй раз большевизм родился в 1912 году на Пражской конференции, когда он окончательно оформился как отдельная партия ленинского типа, то есть – партия с руководящим ядром профессиональных революционеров, связанных с рабочей массой. Этот большевизм объединял несколько сотен профессиональных партийцев и десяток-другой тысяч рабочего актива…

В их числе были и разночинские элементы, и рабочие, и интеллигентские, и даже элементы, пришедшие в революцию из имущих слоёв. Ленин смог стать объединяющим началом для всех них, причём он не «усреднял» различающиеся точки зрения, а «рихтовал» их под свою – не как партийный тиран, а как выдающийся мастер политической работы.

А третье рождение большевизма пришлось на весну, лето и осень 1917 года, когда он родился в виде ***массового*** слоя поверивших Ленину простых русских людей. И этот массовый большевизм рос стремительно – от десятков тысяч человек к сотням тысяч.

После Октября 1917 года к этому большевизму стали уже и *примазываться*, однако определяли суть этого большевизма не примазавшиеся, а те общественные силы, лучшие

представители которых были готовы отдать жизнь за идею и мечту.

И отдавали.

В ходе одного из обсуждений работы над этой книгой с московским историком Александром Колпакиди, он удачно определил этот третий большевизм, как «большевизм унтер-офицеров»…

Действительно, «в большевики» стали «записываться» активные, боевые, смелые люди из народа, многие из которых прошли школу фронта – недаром Ленин позднее говорил, что к октябрю 1917 года армия была наполовину большевистской. Плюс в партию пошли деятельные квалифицированные рабочие, которые или разочаровались в меньшевиках, или увидели только в Ленине залог обновления жизни…

Пошли в партию и крестьяне, разуверившиеся в эсерах…

В партию (или вместе с партией!) пошли также лучшие представители научной, технической и творческой интеллигенции – возникло вскоре даже понятие «беспартийный большевик»…

Эти новые, массовые большевики не были изощрены в политических дискуссиях, но жизнь они знали, и просто сытного куска им в жизни было мало, им уже «за Державу было обидно»… Пусть в художественной форме, но исторически предельно точно это было выражено в знаменитой сцене из фильма «Чапаев», когда в ответ на каверзный вопрос крестьянина, за кого Чапаев – «за большевиков, али за коммунистов?», тот, не зная толком, как ответить, в итоге заявляет, что он за Интернационал Ленина…

И в ответ получает одобрительный гул!

В своём руководящем ядре VI съезд РСДРП(б) ещё не стал выразителем «третьего» большевизма, но если брать всю делегатскую массу на съезде, то она составляла центры роста именно этого нового большевизма. Идейным центром его был, как и ранее, Ленин, а наиболее надёжной опорой Ленина – Сталин.

VI съезд принял новый Устав партии и целый ряд постановлений и резолюций – практически всё в ленинской редакции. Приведу лишь одну резолюцию – «О курсах для инструкторов», и приведу именно её не только по причине её краткости. Вот она:

«Съезд предлагает ЦК партии устроить курсы инструкторов по организации и руководству союзами социалистической молодёжи».

Тогдашняя либеральная сволочь на страницах газет, в шумных собраниях с трибун, в частных разговорах изображала большевиков исчадиями ада и злорадно ставила на них крест, а большевики – и только большевики, смотрели в будущее, естественно принадлежащее молодым поколениям.

Съезд избрал и новый Центральный Комитет РСДРП(б), причём часть членов была избрана заочно…

В узкий круг вошли Ленин, Сталин, Свердлов, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Урицкий, Бубнов, Сокольников и Дзержинский…

Лидеры большевиков Ленин, Сталин, Свердлов, Зиновьев и Каменев были, естественно, в ЦК «непременными членами»… Несколько непоследовательный, но – активный большевик с 1905 года, Сокольников, был популярен в Москве, как и Бубнов – большевик с 1903 года. Троцкий и Урицкий представляли в ЦК новое пополнение из «межрайонцев»…

Дзержинский же, с 1895 года член СДКПиЛ – Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, несмотря на то, что с 1906 по 1912 год входил в ЦК ещё общей РСДРП, оказался в руководящем ядре РСДРП(б) образца 1917 года фигурой, вообще-то новой. Но – только потому, что из двадцати лет своей революционной работы он одиннадцать лет провёл в тюрьмах и ссылках, при этом более 9 лет – в тюрьмах. Из первых фигур Советской России никто не отсидел

в заключении больше Дзержинского!

Последний – шестой раз, его арестовали 1(14) сентября 1912 года и заключили в знаменитый X павильон Варшавской цитадели. В августе 1914 года «железного Феликса» перевели вначале в Мценскую уездную тюрьму, затем – в Орловскую губернскую, и, наконец, заключили в Орловский каторжный централ, откуда в марте 1916 года перевели в Москву. Лишь в марте 1917 года Дзержинский был освобождён из московской Бутырской тюрьмы восставшими рабочими и быстро выдвинулся как выдающийся организатор масс.

С этого момента Дзержинский входит в число ближайших надёжных сотрудников Ленина до конца политической жизни последнего.

В последний дооктябрьский ЦК РСДРП(б) вошли также «кадровые» большевики Ногин, Владимир Милютин, Крестинский, Смилга, Артём (Сергеев), Елена Стасова, Ломов, Рыков, Бухарин, Шаумян, Александра Коллонтай и «межрайонец» Иоффе.

Последнего сегодня кое-то – например, историк Сергей Шрамко, пытается изображать чуть ли не забытым «творцом Октября», и вряд ли бы на этой «супер-революционной» версии стоило много останавливаться, если бы Шрамко не обрушивал на публику огромный массив формально верной информации… Поэтому позднее к «правде» Шрамко нам вернуться придётся, а пока что скажу, что самой эффективной ложью порой оказывается 100 %-я правда, но – ***дозированная*** 100 %-я правда. Умелый подбор точных фактов и цифр неподготовленного человека ошеломляет, а затем уже можно к правде подбавить и каплю лжи – как в стакан чистой воды подбавляют каплю смертельного яда.

Съезд принял Манифест Российской социал-демократической рабочей партии («Ко всем трудящимся, во всем рабочим, солдатам и крестьянам России»). Приведу ту часть его, которая особенно интересна сегодня:

«С самых первых дней революции российская финансовая буржуазия и её партия – так называемая партия народной свободы – заключила договор с хищниками западноевропейского империализма… Вступление в войну Америки ещё более окрылило союзных империалистов… Американские миллиардеры, наполнившие свои погреба золотом, перечеканенным из крови умирающих на полях опустошённой Европы, присоединили своё оружие, свои финансы, свою контрразведку и своих дипломатов для того, чтобы не только разгромить своих немецких коллег по международному грабежу, но и затянуть потуже петлю на шее русской революции.

Российская буржуазия оказалась связанной с капиталистами Европы и Америки и общими целями и тяжёлой золотой цепью, концы которой сходятся в банкирских домах Лондона и Нью-Йорка»[797].

Так точно назвали всё своими именами в России 1917 года только большевики, о которых позднее сочинят глупые книги, повествующие о «большевицкой» «революции Уолл-Стрита»…

Ленин по-прежнему находился на нелегальном положении, но жить на положении «соломенного» «косца» в Разливе становилось всё опаснее, да и осенние холода были не за горами.

Приходилось считаться и с возможностью установления военной диктатуры, при которой угроза жизни Ильича стала бы более чем реальной…

Надёжным укрытием, близким к Питеру было одно – Финляндия, где, кроме прочих былых преимуществ, возникало и новое – финны всё меньше были склонны подчиняться указаниям из Петрограда, так что о выдаче – *в случае чего* – речи не было бы.

Итак, надо было – в который уже раз! – укрываться в Финляндии, и для обеспечения перехода через русско-финскую границу Ленину оформляют удостоверение-пропуск на имя рабочего Сестрорецкого оружейного завода Константина Иванова…

С пропуском получилось так…

Рабочие Сестрорецкого завода, жившие в финской Райволе, имели постоянные пропуска для переезда границы. Емельянов, как работающий по изобретательству, депутат Петросовета и заводской староста, бывал в кабинете начальника завода Дмитриевского и приметил у того на столе стопку бланков пропусков с подписью Дмитриевского.

Емельянов пришёл на работу пораньше, караульный Емельянова знал и в кабинет пропустил. Так у Емельянова оказалось на руках пять чистых бланков пропусков[798].

Ленину оставалось дождаться в Разливе окончания съезда, получить последнюю информацию, дать последние указания, и…

Впрочем, минуту, уважаемый читатель!

Перед тем, как после этого «и…» я свой рассказ продолжу, – небольшое отступление от него, но – не от темы.

Листая книгу Н. Старикова о якобы двойном германо-антантовском агенте Ленине, который вкупе с таким же агентом (да ещё и земляком!) Керенским разыграл комедию вначале Февраля, а затем Октября, я думал, что Н. Стариков ничем уже меня огорошить не в состоянии… Ан, нет! Со страницы 233 на меня глянул Ленин без бороды и усов – фото с детства знакомое. Но вот подпись Н. Старикова под ним… Она гласила: «„Скрывавшийся“ от Временного правительства В. И. Ленин на радость историкам не забыл сфотографироваться в гриме. Для ушедшего в подполье революционера ненужная бравада и легкомыслие»[799].

Да-а-а…

Дивны дела Твои, Господи, однако дела человеческие более дивны. А порой, увы, не только дивны, но и на удивление гнусны… И невольно подумалось: в хорошенькое дельце вляпали за последние четверть века родную страну, если в ней, оказывается, уже возможны подобные не только подлые, но и предельно наглые провокации, которые могут иметь успех лишь в исторически невежественном обществе.

Дело в том, что для историка (а Н. Старикова «пиар» подаёт именно так) поставить под фото Ленина ту подпись, которую поставил Стариков, – это примерно то же, что для космолога заявить, что после длительных наблюдений звёздного неба он пришёл к убеждению, что Солнце-таки вращается вокруг Земли…

Впрочем, боюсь, что благодаря успехам ельцинской и ельциноидной «святой свободы» двух последних десятилетий, не все сограждане поймут мой сарказм, поэтому напомню, что со времён польского астронома Николая Коперника (1473–1543) человечество знает: видимые движения светил объясняются вращением Земли вокруг своей оси и обращением Земли вокруг Солнца…

Возвращаясь же к фото Ленина и «яз-з-звительному» комментарию Старикова к нему, сообщу читателю, что Ленин, уйдя в подполье, сфотографировался в гриме не на радость «историку» Николаю Старикову – дабы ему было легче «разоблачать» Ленина, и не ради ненужной бравады, и не из легкомыслия…

А зачем он тогда сфотографировался?

Ну, в Советском Союзе этого не знали разве что детсадовцы младших групп, а сегодня придётся пояснить всё развёрнуто. И я ***полностью*** – уж бить подлость, так бить! – приведу со страницы 46-й первого тома собрания ленинских фотографий и кинокадров, изданных Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1970 году, пояснения к фото № 25 по порядку в книге, и № 23 по архивному учёту ИМЛ.

«Ленин В. И. в парике и кепке.

1917 г. 29 июля (11 августа). Ст. Разлив.

Негатив-оригинал (плёнка). 4,5 Ч 6 см.

Фотограф: Лещенко Д. И.

Первая публикация: журн. „Огонек“, 1927, № 44(240), с. 5

Обоснование даты: с 10(23) июля по 8(21) августа В. И. Ленин, преследуемый контрреволюционным Временным правительством, скрывается у рабочего Н. А. Емельянова вначале на чердаке сарая, а затем – в шалаше за озером Разлив и живёт там под видом косца.

29 июля (11 августа) по указанию ЦК РКП(б) в Разлив приехал большевик Д. И. Лещенко и сфотографировал В. И. Ленина. – См.: В. И. Ленин, ПСС. Т. 34, с. 567, 569, а также воспоминания Д. И. Лещенко „Как я снимал Ленина в подполье“. – Журн. „Огонек“, 1927, № 44(240).

Примечания.

Фотография В. И. Ленина без усов, бороды и в парике была сделана Д. И. Лещенко для удостоверения на имя рабочего Сестрорецкого завода Константина Петровича Иванова, по которому В. И. Ленин вскоре нелегально переехал в Финляндию…»[800]

Надеюсь, теперь понятно, почему Ленину пришлось подгримироваться, надеть парик и кепку, и сесть перед фотообъективом?

Он всего лишь фотографировался «на документ»!

Не на исторический документ, а на административное удостоверение – тот самый пропуск на завод. Не мог же Ленин перемещаться из шалаша в Разливе к финской границе без какого-то официального – хотя бы фальшивого, документа, удостоверяющего личность! Фото делал Дмитрий Ильич Лещенко, тоже старый знакомый Ленина с 1905 года, большевик, бывший секретарь большевистских газет, а в 1917 году помощник Крупской по культработе в Выборгском районе.

Николай Стариков – даром что он *псевдо*историк, не знать этого не мог, однако желание лишний раз «укусить» Ленина подвело, и получился явный перебор в игре грубо краплёными картами.

Итак, фото на удостоверение было сделано…

Однако сфотографировать человека, находящегося в подполье, для оформления документа – это полдела. Надо сработать и сам документ, и передать его владельцу. Так что лишь в ночь с…

А вот тут можно предметно продемонстровать, как опасно ***некритически*** доверяться даже самым, казалось бы, выверенным источникам.

В хронологии жизни и деятельности Ленина, приводимой в Полном собрании его сочинений (куда уж точнее) сказано, что в ночь ***с 8 на 9 (с 21 на 22) августа*** 1917 года Ленин «покидает шалаш и в сопровождении А. В. Шотмана, Эйно Рахья и Н. А. Емельянова идёт пешком около 10 км до станции Дибуны, затем с Рахья и Шотманом едет до станции Удельная», где «ночует и проводит следующий день на квартире финского рабочего завода „Айваз“ Э. Кальске», а вечером ***9(22) августа*** с Удельной «переправляется через русско-финляндскую границу под видом кочегара в будке паровоза, который вёл машинист Г. Э. Ялава».

С фактической стороны дела здесь всё, как я понимаю, верно. Жил Ленин у Емельянова, металлист Александр Шотман (1880–1937) был связным Ленина с ЦК, Эйно Рахья (1885–1936) охранял Ленина, а Гуго Ялава (1874–1950), машинист паровоза № 293 Финляндской железной дороги, имел большой опыт нелегальной переправки через границу литературы, а при необходимости – и людей.

Надо лишь уточнить, что с болот у Разлива (шалаша из стога сена находился в окружении болот) Шотман, Рахья и Емельянов выводили не только Ленина, но и Зиновьева (последнего устроили на жительство как раз у Эмиля Кальске).

Между прочим, этот ночной переход был не увеселительной прогулкой – и плутать в лесах

пришлось, и Емельянова в Дибунах патруль юнкеров арестовал, и Шотмана дурацкий случай с Лениным, Зиновьевым и Рахьей в Дибунах разъединил, и он, донельзя встревоженный, застал всех троих хохочущими (уже можно было!) у Кальске.

Итак, с фактами мы разобрались.

Но вот хронология…

В своих воспоминаниях Ялава пишет: «***22 августа (4 сентября)*** 1917 года из Петрограда по расписанию вышел дачный поезд № 71. Он держал путь на Райволу… На подходе к станции Удельная, что в десяти вёрстах от Петрограда, я стал всматриваться в темноту и вдруг увидел среднего роста коренастого человека, быстро идущего к паровозу. Человек был в кепке, в старой „тройке“ – обычной одежде питерского рабочего, с гладко выбритым лицом. Он подбежал к машине, не говоря ни слова, цепко схватился за поручни и вскарабкался в паровозную будку»[801].

По событиям здесь всё достоверно, прибавить можно лишь дополнительно, что в самом поезде № 71 ехали также Шотман и Рахья, чтобы сопровождать Ленина в Финляндии.

С датами же, как видим, наблюдается разнобой – дата у Ялавы расходится с датой в ПСС. Более того, дата в ПСС расходится с примечанием Института Марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (тоже, казалось бы, куда уж точнее!) к воспоминаниям Ялавы: «Это было не позднее ***6(19) августа*** 1917 г. *Ред.*»

Какой дате верить?

Скорее всего, верна последняя дата – она наиболее близка к дате окончания VI съезда – 3(16) августа, а после окончания съезда Ленину задерживаться в месте, становящемся ненадёжным, резона не было.

Ялава вёз Ленина и обратно – когда тот возвращался из Финляндии в Петроград. И пишет, что это было 7(20) ***октября*** 1917 года.

Но Шотман, который был командирован Центральным Комитетом на Урал после того, как устроил Ленина в Гельсингфорсе у… гельсингфорсского полицмейстера, в своих воспоминаниях утверждает, что в конце ***сентября*** застал Ленина в Петрограде[802].

И к этому сообщению Шотмана ИМЭЛ при ЦК КПСС даёт следующее примечание:

«К сожалению, нет документов, прямо подтверждающих точную дату приезда В. И. Ленина из Выборга в Петроград. Воспоминания современников Владимира Ильича по этому вопросу противоречивы. Некоторые из них утверждают, что Владимир Ильич прибыл в Петроград в конце сентября, и даже называют дни прибытия – 22 или 29 сентября (5 или 12 октября), а другие считают, что Ленин приехал 7(20) октября. Разные точки зрения существуют и в настоящее время. Документальными источниками по этому вопросу являются протоколы ЦК РСДРП(б) от 3(16) и 10(23) октября. Поэтому предполагается, что В. И. Ленин мог приехать в Петроград в один из дней между 3 и 10 (16 и 23) октября 1917 г. *Ред.*».

И ведь речь здесь, вроде бы, о мелочи – о той или иной дате (хотя и это далеко не всегда мелочь!). А что уж говорить о фактах, упоминаемых мемуаристами – да ещё и далеко не всегда объективными мемуаристами!

Вообще-то, фактам, даже изложенным в воспоминаниях, верить, чаще всего, можно и нужно, но – оценивая их ***критически***, сопоставляя с другими фактами, и ***не вырывая*** их ***из контекста эпохи***, как это делают разного рода стариковы…

В том числе и по причине стремления к максимально возможной точности я так обширно знакомлю читателя в этой книге с двумя массивами ***абсолютно достоверных*** документов: 1) письмами Ленина и 2) его опубликованными трудами и статьями, где взгляды и позиция Ленина не искажены никем и ничем.

Закончив же это необходимое отступление от повествования, сообщу, что Ленин, не без

приключений и волнений переехав в Финляндию, начал устраиваться на новом месте.

Глава 31. Постой у полицмейстера, мятеж Корнилова и последний парик Ленина

Назвать последнее пребывание Ленина вне пределов России третьей его эмиграцией будет неверно – ведь он и появился в Финляндии нелегально, и жил нелегально, и вернулся в Россию нелегально…

К тому же, одно время он жил у гельсингфорсского «полицмейстера» Густава Ровио. Объяснялось это тем, что на последних коммунальных выборах финские социал-демократы получили большинство, и назначили начальником милиции (т. е. полицмейстером) финской столицы Гельсингфорса старого друга Шотмана, бывшего петербургского токаря Густава Ровио.

В революционное движение и в РСДРП Густав Семёнович Ровио (1887–1938) пришёл в 1905 году, в 1907 году высылался в Тверь, в 1910 году – в Вологду, а в конце 1910 года уехал в Финляндию. С 1913 по 1915 годы был секретарём ЦК Союза социал-демократической молодёжи Финляндии.

Я ещё к нему вернусь…

Жизнь Ленина в Финляндии началась с того, что Ялава довёз его до Териоки, оттуда Владимир Ильич пришёл в деревню Ялкала (позднее – Ильичёво Рощинского района Ленинградской области), где жила сестра Рахьи – замужем за рабочим Парвиайненом. Здесь Ленин прожил до 17(30 сентября), поддерживая связь с Петроградом через дочь хозяев.

Всё это напоминает детективный или авантюрный роман, но так оно и было… И остаётся лишь сожалеть, что в классических курсах истории КПСС ни о чём этом не говорилось – курсы от таких деталей лишь выиграли бы!

Потом Ленин, загримированный под пастора, в сопровождении двух финских рабочих переехал в Лахти с расчётом на переезд в Гельсингфорс. На станции Мальм – на даче у депутата финского сейма и члена Исполкома Финляндской социал-демократической партии Карла Харальда Вийка (1883–1946), он провёл день и договорился с Вийком о нелегальной письменной связи через него с Заграничным бюро ЦК РСДРП(б) в Стокгольме.

Ленин и Вийк были знакомы с 1910 года, с Копенгагенского конгресса II Интернационала. Виделись они и при возвращении Ленина в Россию из Швейцарии, так что поговорить было о чём. Когда гость уехал, Вийк сказал своей старой матери: «Этот господин является самым известным человеком, какой когда-либо бывал в нашем доме»…

Умный всё же народ финны!

В Гельсингфорс к Ровио Ленина привёз всё тот же Вийк. Сдав Ильича с рук на руки Ровио и выпив чаю, Вийк уехал, а Ленин стал устраиваться.

Позднее Ровио, живя в СССР, опубликовал в 1925 году небольшие, но очень интересные воспоминания о Ленине в Финляндии.

Ровио писал: «Я чувствовал лёгкое напряжение, став вдруг квартирохозяином Ленина… Тем более, что мне по службе чуть ли не каждый день приходилось иметь дело с контрразведкой Керенского, а иногда и с финляндским генерал-губернатором октябристом М. М. Стаховичем».

Но в бытовом отношении гость оказался необременительным – лишь попросил купить яиц, масла… Ровио предложил приносить обеды из кооперативной столовой, однако Ленин «категорически отказался, объясняя, что на газовой плите он сумеет вскипятить воду для чая и сварить яиц, а больше – что ж, для него вполне достаточно»[803].

Ленин прожил у Ровио полторы недели…

Потом Вийк нашёл ему пустовавшую квартиру рабочего Усениуса, но возникли проблемы, и

Ленин опять перебрался к Ровио. В конце-концов Ильича удобно устроили в бездетной семье машиниста Артура Блумквиста, где он и жил до отъезда в Выборг, и куда к нему приезжала Крупская.

Русскими газетами Ленина всё время обеспечивал Ровио, а переписку Ленина с Петроградом – Ялава.

Первое время – до отъезда на Урал, приезжал Шотман, и Ровио вспоминал, как после провала корниловского путча Шотман, заехав к Ровио, заявил ему: «Знаешь, через четыре месяца Владимир Ильич будет у нас премьер-министром», и стал доказывать, почему.

Потом они вместе двинулись к Блумквистам, и Шотман сказал уже Ленину: «Владимир Ильич, через четыре месяца вам придётся составлять кабинет. Вы будете премьером». Ленин тут же стал подробнейшим образом выспрашивать последние новости из Питера…[804]

Это, скорее всего, не апокриф, а точная историческая деталь, иначе Шотман у Ровио в 1925 году не ошибся бы так сильно – на целых два месяца! Ведь реально Ленин возглавил Совет Народных Комиссаров уже через два месяца после прогноза Шотмана!

Надежда Константиновна приезжала к Ленину в Гельсингфорс, конечно, же нелегально. После отъезда Владимира Ильича она стала постоянно бывать в Выборгском районе… «В июльские дни поражала разница между настроениями обывателя и рабочих. – вспоминала она. – В трамваях, по улицам шипел из всех углов озлобленный обыватель, но перейдёшь через деревянный мост, который вёл на Выборгскую сторону, и точно в другой мир попадаешь».

Здесь жил Ялава, и Крупская ходила к нему за письмами, бывала и у Емельяновых. Однажды Ленин переслал «химическое» письмо с просьбой к жене приехать и с точными инструкциями, как найти его квартиру без расспросов.

У плана, нарисованного Лениным, отгорел край, когда Крупская нагревала его на лампе, и, всё же, она решилась. Как писала сама Надежда Константиновна, Емельяновы достали ей «паспорт сестрорецкой работницы-старухи»…

Точнее описал эту коллизию в воспоминаниях сам Емельянов. Не работавшим на заводе местным жителям пропуска для перехода границы выдавал волостной староста, с женой которого была знакома жена Емельянова. И по её просьбе пропуск был выправлен на имя тётки Емельянова Агафьи Атамановой (вообще-то за месяц до этого умершей в Райволе).

Получив «бумагу», Надежда Константиновна повязалась платком, и Емельяновы перевели её через границу и довели до станции.

Второй раз Крупская добралась до мужа недели через две, причём на этот раз через погранпост шла одна, запутала, но вышла к станции Олилла и села на поезд.

А дальше Крупская рассказывала вот что:

«Вагон был битком набит солдатами и матросами. Было так тесно, что всю дорогу пришлось стоять. Солдаты открыто говорили о восстании. Говорили только о политике. Вагон представлял собой сплошной крайне возбуждённый митинг. Никто из посторонних в вагон не заходил. Зашёл вначале какой-то штатский, да послушав солдата, который рассказывал, как они в Выборге бросали в воду офицеров, на первой же станции смылся. Не меня никто не обращал внимания. Когда я рассказала Ильичу об этих разговорах солдат, лицо его стало задумчивым, и потом уже, о чём бы он ни говорил, эта задумчивость не сходила у него с лица. Видно было, что говорит он об одном, а думает о другом, о восстании, о том, как лучше его подготовить»[805].

Это – тоже, конечно, не присочинено позднее, а списано с натуры. Придумать, как говорится, можно было бы что-то и позатейливее.

К слову, в воспоминаниях Крупской о 1917 годе описан и такой любопытный сюжет…

Вскоре после Июля Керенский решил, что разоружённый пулемётный полк, с которого всё и началось, надо публично «заклеймить позором» на площади. Работавшая с пулемётчиками

Крупская наблюдала это действо:

«Под узду вели разоружённые солдаты лошадей, и столько ненависти было во всей их медленной походке, что ясно было, что глупее ничего не мог Керенский придумать. И в самом деле, в Октябре пулемётный полк беззаветно пошёл за большевиками, охраняли Ильича в Смольном пулемётчики»[806].

Керенский изживал себя не только подобными дурацкими выходками, но и всей своей «политикой».

И его надо было менять.

Причём менять его намеревались в реальном масштабе времени – на рубеже лета и осени 1917 года, даже не «левые», а «правые».

Наступать на внешнем – германском, фронте реакционная имущая Элита больше не собиралась. Не собиралась потому, что это было бесперспективно и опасно, а также и потому – это было главной причиной, что готовилось мощное и решительное наступление Элиты на ***внутреннем*** фронте.

В начале июля 1917 года на совещании в узком кругу финансово-промышленных магнатов Н. К. Денисова, А. И. Путилова и Ф. А. Липского было решено выделить полмиллиона рублей на организацию военного переворота во главе с Корниловым. И это был лишь один из многих подобных сборов имущей сволочи – Ленин писал о них как о компании «торгово-промышленных Кит Китычей, Рябушинских, Бубликовых, Терещенок и К^0»[807].

Российские промышленники и банкиры представляли собой слой самых настоящих врагов народа! Вот, например, не раз поминавшийся в 1917 году Лениным горный инженер Пётр Пальчинский, по оценке Ленина – «верный слуга и защитник Кит Китычей»…[808]

Оставшийся в России Пальчинский был расстрелян как вредитель в 1929 году, и американский профессор Лорен Грэхэм изображает его всего лишь «идеологом технократии», «невинной жертвой сталинского террора». Однако Пальчинский имел возможность проводить свои «технократические» идеи в жизнь ещё в 1917 году – когда был товарищем министра торговли и промышленности в правительстве Керенского. И даже – раньше, когда руководил капиталистическим синдикатом «Продуголь» и был тесно связан с банковскими кругами.

Но вот как он «технократствовал» в 1917-м…

5 мая создано коалиционное министерство, в которое входит Пальчинский. Оно обещает контроль и даже организацию производства.

16 мая даже меньшевистско-эсеровский Петроградский Совет требует немедленного государственного регулирования производства, и тут же министр Коновалов уходит в отставку, а Пальчинский начинает саботировать все меры контроля.

В Донбассе создаётся катастрофическая ситуация. Не большевистская, а проправительственная газета «Новая Жизнь» сообщает:

«Безвыходный круг – отсутствие угля, отсутствие металла, отсутствие паровозов и подвижного состава, приостановка производства. А тем временем уголь горит, на заводах накопляется металл, когда там, где он нужен, его не получишь».

Донецкий комитет через Советы солдатских и рабочих депутатов организует анкету (всего лишь анкету!) о количестве металла. Промышленники жалуются, и товарищ министра Пальчинский запрещает «самочинные контрольные комиссии». Правительственных же комиссий этот «технократ» не назначает, зато срывает все попытки учёта и регулирования.

Возмущение настолько велико, что Пальчинского удаляют из правительства, обеспечив «хлебное местечко» губернатора Петрограда с доходом в 120 тысяч рублей. И в качестве такового Пальчинский организовывал в конце октября 1917 года оборону Зимнего дворца.

Итак, «Кит Китычи» Рябушинские, их политические агенты Пальчинские и прочие,

готовили события «под себя». Керенский при этом, хотя и вёл дело тоже к военному перевороту, рассчитывал сохранить руководящие позиции.

2(25) июля 1917 года Временное правительство ввело – пока лишь на фронте, смертную казнь. При дивизиях были учреждены военно-по…, ах, пардон, – военно-«революционные» суды, приговоры которых вступали в силу немедленно и безоговорочно после опубликования. Это была, безусловно, мера не укрепления армии – как о том заявлялось, а мера по превращению армии в послушный инструмент властей для подавления народных выступлений.

11(24) августа состоялось заседание ЦК партии кадетов. Член ЦК, экономист А. А. Мануилов (1861–1929), бывший ректор Московского университета, «временный» министр просвещения, заявил там: «Уговорами управлять нельзя… Остаётся утвердить власть на физической силе».

(Замечу в скобках, что после Октября 1917 года Мануилов эмигрировал, но позднее вернулся в СССР и преподавал в советских вузах).

Депутат III и IV Государственной думы П. П. Герасимов тоже не миндальничал: «Некому даже залить улицы кровью», а А. И. Джевилегов возражал: «В войске есть элементы, не которые можно будет опереться диктатуре. Страна жаждет порядка: она идёт до царя…»

«До царя» шла, конечно, не страна, а «правые». Но и они имели в виду не реставрацию непопулярного Николая, и нечто покруче.

12 августа (25) августа под председательством Керенского в Москве с большой помпой открылось Государственное совещание, длившееся по 15(28) августа. Открывая Совещание, Керенский предупредил, что он «железом и кровью» раздавит все попытки сопротивления правительству.

На Совещание съехалось около 2 500 человек, в том числе 488 депутатов Государственной думы всех созывов, 313 от кооперации, 150 от торгово-промышленных кругов и банков, 147 от городских дум, 118 от земств, 117 от армии и флота (подавляюще – офицерство), 129 от Советов крестьянских депутатов и 100 меньшевиков и эсеров от Советов рабочих и солдатских депутатов.

Определился окончательно и русский то ли Кавеньяк, то ли Бонапарт – генерал Корнилов. Совещание чествовало его взахлёб, офицерьё носило генерала на руках, а правые газеты объявили человеком, «способным навести порядок».

В своём выступлении 13(26) августа, Корнилов потребовал приравнять тыл к фронту. Имелось в виду, конечно, не уравнение фронтового и тылового пайка, а введение смертной казни, уже восстановленной на фронте, и для тыла.

Корнилов настаивал на введении в промышленности военного положения с запретом митингов и забастовок, на что не решался даже царь.

Соответственно, как для крупных собственников, так и для особо кровавых правых эсеров типа кокаиниста Савинкова, Корнилов становился если не кумиром (кумир – это для юнкеров, прапорщиков и поручиков), то – знаменем.

В выступлениях на Совещании генерала Каледина, монархиста Шульгина, кадета Милюкова и прочего «сиятельного» сброда была заявлена та же программа действий: ликвидация Советов, упразднение солдатских комитетов, введение смертной казни в тылу, военная дисциплина на фабриках и заводах, подавление самовольных захватов помещичьих земель и т. д.

Церетели от имени ЦИКа заявил о поддержке Совещания.

У Совещания имелся и ещё один нюанс – было оглашено специальное послание президента США Вильсона, который обещал «временной» России всемерную поддержку, призывал к фактической расправе с революцией и манил 5-миллардным займом во имя продолжения войны.

В конце июля Керенский через французского министра иностранных дел Камбона

зондировал отношение Вильсона к идее международной конференции для обсуждения возможности сворачивания войны. Вильсон тогда отмолчался, но архивы хранят черновик Вильсона, отпечатанный им самим на портативной машинке: «Надо бы найти способ этот предложение отвергнуть»[809].

Накануне Совещания Сталин в передовой в «Рабочем и Солдате» от 8(21) августа, расставляя точки над «i», писал:

«…развитие контрреволюции вступает в новую полосу» – от «разгромов и разрушений» она переходит к «законному руслу» «конституционного строительства». Контрреволюция опасается созыва Учредительного собрания, где большинство будет у крестьян, и ищет выход в организации Московского совещания, объявив его «общенациональным собором», – резюмировал Сталин, указывая, что «при таких условиях совещание… неминуемо превратится в орган заговора контрреволюции»[810].

Смысл Совещания был прозрачен: поигрались в революции-демократии, и *будя*… Поэтому и проводить Совещание решили в Москве – с одной стороны, «спасать Россию» лучше с трибуны в древней столице, с другой стороны здесь, вроде бы, было поспокойнее.

Однако по призыву большевиков Москва встретила Совещание однодневной стачкой протеста, в которой приняло участие более 400 000 человек[811].

Россия левела и левела…

Проблемы внутренние перемежались с проблемами внешними, международными. Когда Ленин обустроился в Гельсингфорсе, наладилась его переписка не только с Питером, но и со Стокгольмом – с Заграничным бюро ЦК (ЗБЦК). Несколько лет ЗБЦК, в которое в разное время входили разные люди, выполняло роль передаточного звена между Лениным, между эмиграцией и теми партийными работниками, которые находились в России.

Это была трёхзвенная цепь: ЦК (фактически – Ленин) ↔ ЗБЦК ↔ Русское бюро ЦК…

При помощи ЗБЦК шла нелегальная переправка писем и людей – «туда и обратно», и литературы – «туда». Но теперь, когда Ленин вернулся в Россию, ЗБЦК выполняло роль чего-то вроде «министерства иностранных дел» РСДРП(б). В качестве заграничного представителя ЦК, ЗБЦК издавало также в Стокгольме «Русский бюллетень „Правды“».

Все эти месяцы весны и лета 1917 года поток событий в России отделял Ильича от деятельности европейских социал-демократов – интернационалистов, от задач и проблем Циммервальда, однако полностью эти вопросы из орбиты его интересов не ушли, да и не могли уйти. Он ведь с самого начала, уже в момент приезда в Россию, дал лозунг ***мировой*** социалистической революции, имея в виду прежде всего, конечно, воюющую ***Европу***.

Позднее мы ещё увидим, что в реальном масштабе того времени, когда под бременем войны изнемогали не только Россия, но и Германия, Франция и даже Англия, лозунг европейской социалистической революции был не такой уж химерой.

Так или иначе, одни проблемы нельзя было отделить от других, и это хорошо видно из письма в ЗБЦК, которое Ленин начал писать в Гельсингфорсе 17(30) августа, а закончил, с перерывами, 25 августа (7 сентября) 1917 года – когда образовалась оказия:

«Дорогие друзья! С великим трудом после долгих недель вынужденного перерыва, удаётся, кажется, восстановить переписку. Конечно, чтобы это удалось вполне, Вы должны усиленно похлопотать и поработать над организацией её со своей стороны.

Гнусная кампания клеветы, поднятая буржуазией по поводу будто бы шпионства или прикосновенности к нему Ганецкого, Коллонтай и многих других, является, конечно, подлым прикрытием похода на интернационалистов со стороны наших бравых „республиканцев“, желающих „выгодно отличить“ себя от царизма клеветничеством…

Необходимо, чтобы Ганецкий (член ЗБЦК. – *С.К.*) документально опроверг клеветников, издав поскорее финансовый отчёт своей торговли и своих „дел“ с Суменсон (что сие за особа? Первый раз услыхал!) и с Козловским (желательно, чтобы отчёт был проверен и засвидетельствован подписью шведского нотариуса или шведских, нескольких, социалистов, членов парламента). Также необходимо напечатать текст телеграмм… и разобрать, разъяснить каждую…»[812]

Мадам Суменсон фигурировала в обвинениях Ленина как связник между ним и Берлином. Она жила в Петрограде, являлась частным лицом, и её коммерческая переписка с Ганецким была принята контрразведкой за шифр. Любой шифр «раскалывается», однако из цифр «перехваченных» телеграмм Суменсон никто ничего не извлёк. Тем не менее, «утка» улетела, и имя Суменсона по сей день порхает по страницам антиленинских пасквилей.

Член ЦИК и Исполкома Петросовета, председатель Выборгской районной думы М. Ю. Козловский (1876–1927), работавший и в польском социал-демократическом движении, обвинялся в передаче Ленину 20 миллионов то ли рублей, то ли марок… Реально же размеры обмена денежными суммами между Стокгольмом и Петроградом (то в одну, к слову, сторону, то – в другую) исчислялись 2–3 тысячами рублей – для любой политической партии сумма не решающая и вполне посильная.

В цитируемом письме Ленин, к слову, спрашивал:

«*Каковы денежные дела заграничного бюро, назначенного нашим Центральным Комитетом? После июльских преследований ясно, что наш ЦК помочь не может (я так думаю, по крайней мере). Пишите, удалось ли что собрать через шведских левых и просуществует ли бюро?*»

Не в первый раз подчёркиваю: выше цитируется чисто внутрипартийное, закрытое письмо, не рассчитанное на публикацию (впервые оно было опубликовано в 1930 году в Ленинском сборнике XIII). Одного этого письма достаточно для того, чтобы вопрос о «германском золоте» закрыть, а подобных писем выше приводился уже не один десяток.

Историк Сергей Шрамко как некое откровение сообщает, что большевики в 1917 году развернули массовую печать и «к июлю партия имела 51, а к Октябрю 75 изданий». «Такой дорогой пиаровской кампании не могла позволить себе ни одна буржуазная партия в России», – заключает Шрамко, подталкивая к вопросу – откуда, мол, денежки[813].

Однако, во-первых, Ленин – как о большом достижении к июлю 1917 года – сообщал в своём письме в ЗБЦК о 17 ежедневных газетах с общим тиражом в 1 415 000 экземпляров в неделю. Там же Ленин называет и ежедневный тираж в 320 000 экземпляров в день (эту же цифру со ссылкой на академика Минца приводит и Шрамко). Но ясно, что столько выходило, всё же, не каждый день – это показывает простая арифметика.

Во-вторых, «Правда» в 10-е годы – ещё до войны, имела иногда разовый тираж в 50–60 тысяч экземпляров, а тот же Шрамко пишет, что тираж самого важного после «Правды» большевистского печатного органа – московского «Социал-Демократа», составлял в октябре 1917 года 47 тыс. экземпляров.

Для той уже массовой политической партии, какую представляла из себя РСДРП(б) в 1917 году, и при том росте интереса к большевикам в массах, который имел место в 1917 году, приводимые Лениным и Шрамко цифры отнюдь не чрезмерны и были вполне посильны большевикам без «германских спонсоров» (или – если вспомнить Н. Старикова – без «спонсоров» антантовских).

Что касается возможностей буржуазного «пиара», то в 1913 году в России издавалось 878

газет на русском языке и 280 иноязычных (не считая 1289 журналов только на русском языке) [814].

Данных на 1917 год у меня нет, но, скорее всего, эти цифры в 1917 году даже увеличились. И вся эта ***тысячная с лишком*** газетная «рать» обеспечивала «пиар», естественно, не большевикам, а их буржуазным оппонентам. К тому же большевистские издания печатались на дешёвой бумаге, верстались очень плотно и имели меньший листаж номера.

Возвращаясь же к августовскому письму Ленина в ЗБЦК, добавлю, что он много писал там о необходимости скорейшего созыва «конференции левых для основания III Интернационала» и пояснял:

«Именно теперь, именно когда Циммервальд так позорно колеблется или вынужденно бездействует, именно теперь, *пока* есть *ещё* в России легальная (почти легальная) интернационалистская партия более чем с 200 000 (240 000) членов (чего нет нигде в мире во время войны), именно теперь мы обязаны созвать конференцию левых, и мы будем прямо преступниками, если опоздаем это сделать (партию большевиков в России со дня на день всё больше загоняют в подполье)…»[815]

Из последней констатации, сделанной буквально за два дня до выступления Корнилова, видно, что Ленин не исключал и грустного для партии развития событий – в конце-концов тот же Корнилов и его «спонсоры» рассчитывали не на пустом месте, они были уверены, что «ловят» на верные шансы.

Однако даже Ленин в полной мере тогда, как видим, ещё не осознал, что в политической ситуации всё большее значение начинает играть фактор ***масс***, пробуждённых ходом дел ко всё более возрастающей политической активности… И отныне этот фактор ***всегда*** будет на стороне Ленина до самого конца его политической деятельности!

Уже скоро – через несколько дней после написания Лениным последних цитированных строк – народ даже без Ленина под руководством «головки» большевиков, не имеющей Ленина в оперативном руководстве, сумеет сорвать контрреволюционные планы Элиты…

21 августа (3 сентября) 1917 года была сдана Рига. Сдана, вне сомнений, намеренно – в военном отношении потеря была мало существенной, но зато политически она оказывалась для Элиты просто-таки необходимой – можно было обвинить в сдаче большевиков и начинать путч.

Героически сражались под Ригой латышские стрелки – что было объяснимо, но судьба города была решена – его принесли в жертву интересам близящегося корниловского мятежа.

А прежде чем перейти к самому мятежу – небольшая информация к размышлению…

Генерал Павел Курлов (1860–1923) занимал в царской России ряд высших постов и известен более как жандарм. Тем не менее, в 1915 году его назначили генерал-губернатором Прибалтийских провинций, и в качестве такового он принимал участие в эвакуации Риги летом 1915 года – за два года (!) до сдачи Риги.

Курлов, ввиду важнейшего промышленного значения Риги, высказывался против эвакуации, но Петроград настоял. Курлов резонно считал, что вначале надо вывозить имущество заводов, работающих на оборону, – например, завода машинных масел Эльриха, обеспечивавшего флот; оптического завода Герца; Руссо-Балтийского вагоностроительного завода… А царские чиновники в список объектов, подлежащих первоочередной эвакуации, включили «публичные памятники, колокола и медные крыши церквей»…

Далее предоставляю слово генералу, успевшему написать в эмиграции мемуары:

«Станки разных заводов смешивались, а памятник Императору Петру I, отправленный

морем, был потоплен. Таким образом нарушенная промышленная жизнь торгового центра, обнимавшего около трети промышленности всей России (тут Курлов, конечно, перехватил, – *С.К.*), совершенно разорила Ригу, отозвалась на всём экономическом положении государства, почти за два года до занятия его германцами… Внутри Империи эти заводы восстановлены не были и часть станков совершенно пропала и даже была выброшена из вагонов. Между тем один Руссо-Балтийский вагоностроительный завод мог выпускать в неделю до 300 вагонов, что имело особое государственное значение ввиду последовавшего уже к этому времени расстройства транспорта…»[816]

Такая вот иллюстрация с той стороны баррикад к тезису Станислава Говорухина о якобы прекрасно устроенной и прекрасно управлявшейся «России, которую мы потеряли»…

Не исключаю, что если бы скончавшийся в 1923 году Курлов дожил до времён Великой Отечественной войны и познакомился с тем, как провели в принципиально более сложных условиях эвакуацию промышленности на Восток большевики, то, возможно, он за одно это стал бы их уважать.

А через два года после промышленного разгрома Риги царским Петроградом, «временный» Петроград сдал Ригу в видах разгрома революции и большевиков. После сдачи Риги Ленин, требуя нелегальной публикации «Листка по поводу взятия Риги» писал в ЦК: «Я знаю, что косность наших большевиков велика и что много труда стоить будет добиться издания нелегальных листков. Но я буду настаивать и настаивать, ибо это требования жизни, требования движения»[817].

В листке Ленин прямо связывал рижское поражение с готовящимися антинародными мерами, и был прав. В июле 1917 года ***запланированная правыми*** неудача наступления в Галиции положила начало подготовке военной диктатуры. А в августе генералы сдали Ригу для того, чтобы окончательно развязать себе руки внутри страны.

Ждать развязки пришлось недолго: 21 августа (3 сентября) Рига была сдана, а уже 25 августа (7 сентября) 1917 года Корнилов через октябриста Владимира Львова (не путать с кадетом князем Георгием Львовым!) передал Керенскому ультиматум: отставка правительства и передача всей полноты власти Корнилову.

Как говорится: «Ныне отпущаеши»…

Ровесник Ленина, 47-летний генерал Лавр Корнилов, заменивший 64-летнего генерала Алексея Брусилова на посту Верховного главнокомандующего, как полководец был по сравнению с Брусиловым, мягко говоря, слаб. Однако Корнилов имел в глазах российской буржуазии и Антанты одно огромное достоинство: он был готов залить Россию кровью, подавляя революцию.

Затея эта была обречена на провал заранее, но если представить себе развитие событий в случае успеха Корнилова, то их логическим итогом была бы неизбежная утрата Россией положения – как-никак – великой державы и перехода её на положение политического клиента и промышленной полуколонии Запада и США. Причём – без особых надежд на изменение положения в будущем, поскольку для водворения «порядка» корниловцы в***ы***резали бы всю пассионарную часть нации и Россия оказалась бы телом без души.

После Московского совещания Сталин 19 августа (1 сентября) 1917 года в № 6 газеты «Пролетарий» опубликовал, как передовицу, статью «Американские миллиарды», где писал:

«В условиях капитализма ни одно предприятие не может обойтись без капитала. Составившаяся ныне коалиция, во главе которой стоит правительство, – самое крупное предприятие в России… На какие же капиталы намерена существовать новая (совсем новая!) коалиция?

Послушайте „Биржевку“ (вечерн. 17 августа):

„Ближайшим результатом работ Московского совещания, в особенности симпатии, проявленной к этому совещанию со стороны американцев, как передают, явилась возможность заключить на заграничном рынке **5-миллиардный государственный заём**. Заём будет реализован **на американском рынке**…“

Ответ ясен. Коалиция будет существовать на американские миллиарды, за которые придётся потом отдуваться русским рабочим и крестьянам…

Но коалиция есть союз. Против кого же направлен союз Керенского – Милюкова – Церетели?

„Честная коалиция“ Керенского – Милюкова – Церетели, финансируемая американскими капиталистами **против** революционных рабочих России, – так что ли, господа оборонцы?

Так и запишем»[818].

Под эти будущие миллиарды Корнилов и поднял мятеж – формально против Временного правительства, фактически – против России. По большому счёту Корнилов был, конечно, дурак, но считал себя силой. Использовали его «втёмную», как пешку, продвигаемую в ферзи.

И тут…

И тут Керенский 27 августа (9 сентября) 1917 года телеграфно сместил Корнилова с поста Главковерха. Корнилов отказался и обратился «к народу» с «патриотическим» обращением:

«Я заявляю всему народу русскому, что предпочитаю смерть устранению меня от должности Верховного… Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генштаба, убивает армию и потрясает страну… Тяжёлое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины… Мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ – путём победы над врагом – до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы…»

Текст обращения писал помещик и журналист Завойко – фигура более чем тёмная. Арестованный по делу Корнилова, он был 20 октября 1917 года освобождён, уехал в Лондон, затем – в США. В 1923 году выплыл как представитель ряда американских финансовых групп на переговорах с советским Концессионным комитетом.

Петроград был объявлен на военном положении, Керенский апеллировал к Петроградскому Совету, большевистская часть которого и без этого бездействовать не собиралась.

Ленин в момент корниловщины занял жёсткую позицию. 30 августа он писал в ЦК:

«Возможно, эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой иногда прямо головокружительной. Я пишу это в среду, 30 августа, читать это будут адресаты не раньше пятницы, 12 сентября. Но, всё же, на риск, считаю долгом написать следующее…

По моему убеждению, в беспринципность впадают те, кто… скатывается до оборончества или (подобно другим большевикам) до *блока* с эсерами, до *поддержки* Временного правительства. Это архиневерно, это беспринципность. Мы станем оборонцами *лишь* после перехода власти к пролетариату, *после* предложения мира, *после* разрыва тайных договоров и связей с банками, *лишь после*. Ни взятие Риги, *ни взятие Питера* не сделает нас оборонцами… До тех пор [пока] мы за пролетарскую революцию, мы против войны, мы *не* оборонцы!!

И поддерживать правительство Керенского мы *даже теперь* не должны. Это беспринципность! Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да! Но это не одно и то ж; тут есть грань; её переходят иные большевики, впадая в „соглашательство“, давая увлечь себя потоку событий.

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, *как и войска* Керенского, но мы не

поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная, и забывать о ней нельзя»[819].

Вот за что и ненавидели Ленина его политические враги – он всегда стоял на принципиальной позиции, не поддаваясь на соблазн приобрести дешёвую популярность у масс. Он доводил до коллег, до народа свою точку зрения и стоял на ней.

Есть шутливый афоризм: «Дайте мне точку опоры, и я приобрету точку зрения». Для Ленина его точка зрения и была точкой опоры. Поэтому он побеждал далеко не всегда и не сразу, но если побеждал, то – прочно!

После подавления мятежа умница Ленин констатировал: «Восстание Корнилова доказало для России то, что для всех стран доказала вся история, именно, что буржуазия предаст родину и пойдёт на все преступления, лишь бы отстоять свою власть над народом и свои доходы…»[820]

Эти слова Ленина вполне применимы и к путчу Ельцина в октябре 1993 года, и к киевскому Майдану 2014 года…

И только ли к ним?

Умница же Сталин после краха корниловского мятежа – 12 сентября 1917 года, в № 8-м газеты «Рабочий путь» (очередной «псевдоним» постоянно закрываемой «Правды») опубликовал статью «Иностранцы и заговор Корнилова».

Сталин писал о том, что из России «замечается массовый выезд иностранцев», «безусловно» причастных к заговору Корнилова, что «прислуга броневых машин, сопровождавших в Питер „дикую дивизию“, состояла из иностранцев» и т. д.

Замечу к слову, что всё это могли наблюдать и мы – в 1993 году, когда иностранцы действовали в Москве во время октябрьского путча Ельцина, в 2014 году в Киеве…

А закончил статью Сталин так:

«Сомнения невозможны: жёлтые всех стран объединяются, устраивая заговор против русской революции; …а никому не ведомые круги правительства, исполняя волю англо-французских империалистов, фарисейски кивают на большевиков…

Картина»[821].

Всё верно!

Связи корниловского мятежа с «союзниками» и, прежде всего, с Америкой практически не исследованы, а ведь они были! Теснейшие, со стороны США и Антанты – руководящие!

В частности, есть все основания считать, что адмирал Колчак выехал за рубеж накануне корниловского мятежа по договорённости с «союзниками» как будущий полномочный европейский эмиссар корниловской диктатуры.

Да и сам Корнилов был, похоже, креатурой британских спецслужб и английского посла Бьюкенена.

Читатель может спросить: «Как же так? Керенский – по Ленину и Сталину – ставленник Запада. Корнилов – по ним же – тоже ставленник Запада. И Керенский подавил Корнилова? Что-то здесь не то…»

Так что – мы и впрямь имеем здесь парадокс?

И, может быть правы стариковы, если в схеме выявляется такая очевидная «некруглая» нестыковка?

Однако никакой нестыковки с позиций исторической истины нет! Нет потому, что мятеж Корнилова сорвал, конечно же, не Керенский, а питерский пролетариат и большевики! Это они закрыли путь на столицу мятежникам, они распропагандировали «дикую дивизию» и сорвали все планы Антанты. В очередной раз очередная антироссийская спецоперация Запада была сорвана всё более «краснеющей» русской революционной массой.

Керенский, которому в хунте был обещан всего-то портфель министра юстиции, и этим недовольный, не стал выступать совместно с мятежниками. К тому же, уже в первые часы мятежа выявились его авантюризм и отсутствие массовой поддержки. И Керенский был ***вынужден*** забежать впереди массы, дезавуируя Корнилова, ибо если бы он этого не сделал, масса «затоптала» бы его – не физически, конечно, а политически, так же как и Корнилова, и – одновременно с Корниловым!

Не исключено, что на «решительность» Керенского подвигли как раз из посольства США, поняв, что карта Корнилова бита, и надо сохранить как резерв Керенского.

Но по большому счёту все было решено позицией народной массы… Позднее так же случится в октябрьском Моондзундском сражении Балтийского флота, когда моряки при ещё не свергнутом Временном правительстве Керенского будут сражаться не за Керенского, формально ещё стоящего у власти, а за будущую власть Ленина…

Формально эти две победы русского народа: первая в сентябре 1917 года над его внутренними врагами, и вторая в октябре 1917 года – над врагом внешним, были одержаны не под руководством Ленина, который скрывался в подполье. Однако в историческом и системном плане это были победы и Ленина, уже заложившего в российских массах новые идеи, новые мысли и новые чувства будущих хозяев страны и жизни…

1(14) сентября Корнилов был арестован (точнее – выведен в резерв и позднее стал одним из организаторов гражданской войны). Обязанности Верховного главнокомандующего принял на себя Керенский, В тот же день 1-го сентября под рукой Керенского была образована Директория и провозглашена – наконец-то – Российская Республика.

Как видим, Керенский обошёлся здесь без Учредительного собрания.

Итак, к началу осени 1917 года ситуация в России – не только политическая, но вообще в любом её общественном аспекте: экономическом, психологическом, правоохранительном, социальном, всё более обострялась.

4(17) сентября был освобождён из заключения Троцкий, и его «пиарщики» «справа» (тот же генерал Спиридович), и «пиарщики»-троцкисты «слева» позднее утверждали, что Троцкий-де «стал непосредственно руководить организацией переворота».

Ораторские способности Троцкого действительно были тогда очень востребованы, но подготовку восстания (точнее – техническое обеспечение его возможности) вели до Троцкого и помимо Троцкого – Военная организация, актив будущего Военно-Революционного комитета, куда входили три таких мощных организатора как Сталин, Свердлов и Дзержинский, а также – десятки и сотни тех рядовых партийных функционеров, которых добрых десять лет воспитывали Ленин и его соратники, но отнюдь не Троцкий.

Всё это настолько очевидно, что можно было бы на этом моменте и не останавливаться, но вокруг тех дней наворочено столько чепухи, что к «руководству» Троцкого и других якобы «забытых» «творцов» Октября нам ещё придётся возвращаться.

С 14(27) сентября по 22 сентября (5 октября) в Петрограде проходило Всероссийское демократическое совещание – ещё одна затея рушащихся эсеров и меньшевиков. На сентябрь было намечено созвать II Съезд Советов, и Демократическое совещание стало попыткой его подменить.

Итогом же Совещания оказалось образование «Временного совета Российской Республики» – так называемого «Предпарламента». Сталин точно назвал его «выкидышем корниловщины», а Зиновьев и Каменев были не прочь в нём поучаствовать.

Говорят, цыплят по осени считают. Однако российская осень 1917 года имела иной счёт – пошло разделение большевиков на орлов и «альбатросов» революции с одной стороны, и «мокрых куриц» с другой стороны… Имелись в наличии также «петухи» и «чижики-пыжики» –

как оно и бывает в вихре событий.

Впрочем, суть уже близкой «орлиной власти» определяли, конечно, не «курицы», и не «чижики».

25 сентября (7 октября) Предпарламент открылся, и в тот же день состоялось важнейшее заседание Петросовета, обеспечившее его большевистский характер. В Исполком Петросовета вошли члены РСДРП(б) Троцкий, Каменев, Коллонтай, Иоффе, Карахан, Шляпников, Бубнов, Красиков, Залуцкий, Фёдоров, Сокольников, Евдокимов, Юренев.

В президиум были избраны Троцкий, Каменев, Рыков и Фёдоров (последний в бурях истории затерялся), от эсеров – Чернов и Каплан, от меньшевиков – Бройдо. Председателем Петросовета стал Троцкий[822].

Как видим, в новый Исполком Петросовета, явно не без влияния Троцкого, прошёл ряд «свежеиспечённых» большевиков из числа «межрайонцев», зато там не было ни Сталина, ни Свердлова, ни Дзержинского и ряда других толковых ***в деле*** товарищей… Уже это показывает, что подлинным центром готовящихся событий Петросовет Троцкого не был. Это был не штаб, а дискуссионный клуб, где хорошо было запускать «пробные шары»…

В Московском Совете большевики тоже получили большинство – председателем Московского Совета был избран большевик Ногин.

В Вашингтоне, Лондоне и Париже, а также – в самом Петрограде, было понято, что спецоперации Запада в России грозит окончательный крах со стороны социалистической революции Ленина.

Для России наступал «момент истины».

Начиная с поздней весны 1917 года Россия стремительно левела, всё более доверяя большевикам.

Вот несколько цифр…

Из 1090 делегатов Первого Всероссийского съезда Советов эсерами были 285, меньшевиками – 248, большевиками – 105 делегатов.

А из 649 делегатов, приехавших на Второй съезд Советов, открытие которого намечалось на 25 октября 1917 года, уже не менее 300 были большевиками. При этом и часть эсеров «полевела».

Все месяцы от Февраля до Октября только большевики усиливали своё влияние и наращивали силы.

На выборах в районные думы Петрограда в конце мая – начале июня 1917 года за списки большевиков проголосовало 20 процентов избирателей, на выборах в городскую думу Петрограда 20 августа (2 сентября) они получили уже 33 процента всех поданных голосов, а на выборах в районные думы Москвы, состоявшихся 24 сентября (7 октября) – и вовсе 51 процент[823].

Если посмотреть статистику по России, то она – да, будет не в пользу большевиков – это показали в ноябре 1917 года выборы в Учредительное собрание, где большевики получили более 20 % голосов, а эсеры – 60 % голосов. Но в Петрограде – чиновном Петрограде, 6 мест из 12 получили большевики. Ленин тогда дал интервью корреспонденту «Associated Press» Гуннару Ярросу, где подчеркивал важность этого факта и справедливо утверждал, что он означает победу в общенациональном масштабе[824].

К слову, Яррос (1882–1965) в 1924 году переехал в СССР, где занимался журналистской и преподавательской деятельностью.

Некто Сергей Шрамко, натаскав в свои работы гору «информации» и толкуя её вкривь и вкось в духе дешёвых «сенсаций», злорадно сообщает – без ссылки на источник, что «в июле-августе 1917 г. прошли выборы в городские думы. Эсеры и меньшевики, вместе взятые, по 50 губернским городам набрали 57,2 %, по 418 уездным городам – 34,5 %. Кадеты соответственно –

12,9 % и 5,4 %. Большевики – 7,5 % и 2,2 %. Беспартийные – 13,6 % и 50,7 %. Национальные группы (где и какие? – *С.К.*) – 7,8 % и 7,2 %. А в деревне влияние большевиков было всегда гораздо меньше, чем в городе»[825].

Однако цифры надо, во-первых, уметь ***и хотеть*** анализировать, а, во-вторых, цифры, выдранные из динамики эпохи ничего не доказывают. Я верю приведённым Шрамко цифрам и даже благодарен ему за них, но они говорят… не в пользу Шрамко, начиная с того, что после июльских провокаций контрреволюции против большевиков ***летом*** 1917 года ***в провинции*** ничего иного ожидать и не приходилось. Тому эффекту, который обеспечил в провинции антибольшевистский «жёлтый» «пиар» мог бы позавидовать Геббельс!

Бросьте камень в воду: в точке падения образовавшаяся круговая волна очень мала, но когда она расходится, то становится огромной – недаром говорят, что слухи ***ширятся*** как круги по воде. Вот так ширились летом 1917 года антибольшевистские сплетни, центром которых была столица. Это, конечно же, сказалось на провинциальных выборных цифрах большевиков.

Далее, брать среднюю цифру по всем губернским городам чохом – то же, что выводить среднюю температуру по больнице, беря данные по горячечному отделению и моргу.

Скажем, Тифлис и Тамбов – города губернские, Харьков и Екатеринослав – тоже. Но уверен, что в двух последних городах за большевиков проголосовало и летом 1917 года в разы больше людей, чем в двух первых. Большевиков поддерживали промышленные центры, а много ли их было в царской России.

Что же до мнения мало…, да что там «мало…» – неграмотной! деревни, то его тогда определяли непредставительные факторы. Деревне до большевиков надо было «дозреть», что постепенно и происходило!

Наконец, в уездных городках, жизнь которых хорошо описал Чехов на примере «маленького города С.», народ летом 1917 года вообще ошалел от происходящего, да и какие там были «партии» – в «маленьких городках С.»! Вот и «победили» там «беспартийные», но значило ли это хоть что-то в политическом отношении?

Рабочие же центры и, прежде всего, обе столицы, были за большевиков. К тому же совместные действия эсеров, меньшевиков и большевиков по подавлению корниловского мятежа объективно давали возможность объединения сил. И Ленин 6(19) сентября в № 3 газеты «Рабочий путь» – в очередной раз переименованной «Правде», публикует статью «О компромиссах».

Даже жандарм Спиридович – уже в эмиграции – оценил её как попытку Ленина «подействовать на меньшевиков с целью привлечь их на свою сторону»[826].

Начал Ленин сразу с сути:

«Компромиссом называется в политике уступка некоторых требований, отказ от части своих требований в силу соглашения с другой партией.

Обычное представление обывателей о большевиках, поддерживаемое клевещущей на большевиков печатью, состоит в том, что большевики ни на какие компромиссы не согласны ни с кем, никогда.

Такое представление лестно для нас, …но надо всё же сказать правду: такое представление не соответствует истине…

Задача истинно революционной партии не в том, чтобы провозгласить отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы*, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своей революционной задаче…»[827]

Ленин писал, что большевики, «как и всякая другая политическая партия, стремится к

политическому господству для себя», но теперь в русской революции «наступил такой оригинальный поворот», когда партия может предложить добровольный компромисс не буржуазии – «прямому и главному классовому врагу», а «главенствующим» мелкобуржуазно-демократическим партиям, эсерам и меньшевикам.

«Компромисс состоял бы в том, – продолжал Ленин, – что большевики, не претендуя на участие в правительстве…, отказались бы от выставления немедленно требование перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам… Условием, само собой разумеющимся и не новым для эсеров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного собрания без новых оттяжек и даже в более короткий срок…»[828]

Ленин спрашивал: «Что выиграли бы обе „соглашающиеся“ стороны от этого „компромисса“, т. е. большевики с одной, блок эсеров и меньшевиков, с другой стороны?», и сам же отвечал:

«Большевики выиграли бы то, что получили бы возможность вполне свободно агитировать за свои взгляды и при условиях действительно полного демократизма добиваться влияния в Советах…

Нам бояться, при действительной демократии, нечего, ибо жизнь за нас…

Меньшевики и эсеры выиграли бы то, что получили бы сразу возможность осуществить программу *своего* блока, опираясь на заведомо громадное большинство народа и обеспечив себе „мирное“ пользование своим большинством в Советах…»[829]

Ну, и где здесь какая-либо апология единоличного «захвата власти»?

Это было предложено эсерам и меньшевикам ***публично*** незадолго до созыва Всероссийского демократического совещания! И если бы на этих условиях Ленин был легализован, то Октября 1917 года, который стал неизбежным к концу октября 1917 года, могло и не быть.

Не быть по замыслу самого Ленина!

На основе предложений Ленина Советы стали бы едины, в Учредительном собрании полностью легализованные большевики получили бы не менее трети голосов. В блоке с эсерами и меньшевиками это составило бы не менее 80 % голосов, и на базе Декларации Керенского (не Ленина!) от 8 июля, реализация которой стала бы возможна при предлагаемом Лениным компромиссе, Россия могла бы, легитимно выведя из управления страной кадетов, пойти по демократическому пути…

И от всего этого отказались предавшие народ эсеры и меньшевики, идущие на поводу у кадетов, то есть – у крупного капитала.

Так ***кто*** несёт ответственность за то, что будущее оказалось ***не*** мирным – Ленин, или Керенский и Чернов с Церетели-Чхеиздзе и Либерданами?

Ленин ведь тогда, в сентябре, предупреждал, что если компромисс не будет достигнут, «Коммуна неизбежна в России», потому что «всякий революционный рабочий и солдат будет неизбежно думать о Коммуне, верить в неё, неизбежно сделает попытку осуществить её, рассуждая: народ гибнет, война, голод, разорение идёт всё дальше. Только Коммуна спасёт. Погибнем, умрём все, но осуществим Коммуну»…

Пусть читатель сам сопоставит эти мысли Ленина со следующими признаниями:

«Мы в феврале обещали временному правительству, чтоб будем ждать три месяца; вот они прошли, эти месяцы, а нужда всё та же; ещё больше. Временное правительство обмануло нас: обещало много – и ничего не сдержало. Ничего не сделало для работников… Вот тебе и республика! Ну, мы и решились, всё равно пропадать!»

Это – рассуждения пролетария, но – не российского, и не в 1917 году. Это записанные И. С. Тургеневым слова парижского пролетария в июне 1948 года![830]

Вот так!

Ленин же в сентябре 1917 года заранее предупреждал – естественно, без ликования —, что «Коммуна означает тяжёлую гражданскую войну» и «**долгую задержку после этого мирного культурного развития**»!

Заранее!

Предупреждал!

Без ликования….

А Керенский вместо честных действий образовал 1(14) сентября прокадетскую Директорию из пяти человек. В неё вошли: А. Ф. Керенский, свежеиспечённый «Временными» генерал А. И. Верховский (военный министр), контр-адмирал Д. Н. Вердеревский (морской министр), адвокат А. М. Никитин (министр внутренних дел) и крупнейший сахарозаводчик М. И. Терещенко (министр иностранных дел).

А объединённый пленум ЦИКа Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Совета крестьянских депутатов 2(15) сентября эту затею одобрил.

Возникли и планы переезда Временного правительства в Москву, а это пахло – после намеренной сдачи Риги, сдачей уже Питера с той же целью: подавление центра русской революции и питерского пролетариата.

Узнав обо всём этом 3(16) сентября, Ленин к основному тексту статьи «О компромиссах», написанному 1 сентября, сделал приписку:

«Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *ещё* возможно, прошли… Остаётся послать эти заметки в редакцию с просьбой озаглавить их: „Запоздалые мысли“… иногда, может быть, и с запоздалыми мыслями ознакомиться небезынтересно»

Но шанс был – уже ***после*** публичного предложения Ленина эсеры и меньшевики собрали Всероссийское демократическое совещание. Пойди оно на предлагавшийся Лениным компромисс, и гражданской войны можно было бы избежать…

Желающим могу рекомендовать – не цитируя её, и статью Ленина «Русская революция и гражданская война» (ПСС, т. 34, с. 214–228), опубликованную 16(29) сентября 1917 года в газете «Рабочий путь».

Это ведь тоже было публичное предупреждение России не играть с огнём, а взяться за голову, и вместо усиления общественного «раздрая» на фоне близящейся хозяйственной катастрофы конструктивно объединиться…

Увы, и этому предупреждению Ленина российские партии и образованные круги не вняли. А тем временем на повестку дня вставал вопрос не о том, будет или не будет смена власти, а о том, чтобы сменить власть поскорее! Грозные события близились уже без инициирования их со стороны Ленина, и России надо было иметь такую власть, которая справилась бы с разбушевавшейся ***стихией*** не по методу кавеньяков, а в интересах трудящихся.

12(25) сентября 1917 года Ленин начинает писать, 14(27) сентября заканчивает, и сразу же направляет из Гельсингфорса в Россию письмо ЦК, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б) «Большевики должны взять власть»:

«Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки…

Большинство народа за нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа *в нашу сторону*…

Почему должны взять власть именно *теперь* большевики?

Потому что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто крат худшими.

А отдаче Питера при армии с Керенским и $К^0$ во главе мы помешать *не в силах*.

И Учредительного собрания ждать нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и $К^0$

всегда *могут сорвать* его…»[831]

А далее Владимир Ильич пояснял своим коллегам то, что не мешало бы уяснить и его бездарным (или злонамеренным?) современным хулителям типа «историка» Сергея Шрамко: «Вопрос идёт не о „дне“ восстания, не о „моменте“ его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто *соприкасается* с рабочими и солдатами, с *массами*…»

Шрамко выдвигает на роль «творца Октября» кого угодно – вплоть до сумбурной и политически полуимпотентной фигуры Абрама Иоффе, но только не Ленина!

Чтобы понять всю глупость подобного утверждения, не требуется даже рыться в архивах. Об Иоффе, как о фигуре, что-то серьёзно значившей, не пишет никто – ни «правые», ни «левые» мемуаристы, ни антисоветские исследователи. Но дело даже не в этом. Сказать вообще о ком-либо из предоктябрьской «верхушки» как из числа большевиков, так и из числа левых эсеров, что он был ведущей фигурой, это примерно то же, что сказать о секретаре Сталина Поскребышеве, что главным творцом победы в войне был он, ибо распоряжения Сталина шли через него.

Даже Сталина – крупнейшую после Ленина фигуру Октября, невозможно выдвигать на роль творца Октября – её надо отдать только Ленину.

В то же время Ленин заранее понимал, что конкретную технологию, «технику» восстания в узком смысле будет определять не он, и даже не ЦК, а ***общий***, ***совокупный*** голос тех рядовых партийных функционеров, которые держат, как говорится, «руку на пульсе» народной массы.

При этом Ленин дал-таки генеральный, директивного характера, план восстания, о чём – ниже.

Предвидя колебания кое-кого из коллег, Ленин писал:

«Ждать формального большинства у большевиков наивно: ни одна революция *этого* не ждёт…

Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооружённое восстание* в Питере и Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати…

Нет аппарата? Аппарат есть: Советы и демократические организации… Взяв власть ***сразу*** и в Москве и в Питере (неважно, кто начнёт; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно*»[832].

В те же дни, 13(26) – 14(27) сентября, Ленин пишет и направляет уже только в ЦК более развёрнутое письмо «Марксизм и восстание». Ссылаясь на Маркса, он призывал отнестись к восстанию как к искусству, и напоминал, что «восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс». Ленин анализировал прошедшие месяцы и делал вывод:

«3–4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться, умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого „озверения“, такой кипучей ненависти *и к* Керенским, *и к* Церетели – Черновым, не были наши люди ещё закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3–4 июля, ибо армия и провинция, *до корниловщины*, могли пойти и пошли бы на Питер.

Теперь картина совсем иная…»[833]

Нельзя забывать, что угроза сдачи Петрограда немцам была тогда реальной – Рига здесь сыграла роль пролога. И ведь не с бухты-барахты «Временные» засобирались в Москву… Поэтому Ленин, которого стариковы определяют в «немецкие шпионы», не в публичной статье, а в строго секретном партийном документе писал:

«Только наша партия, победив в восстании, *может* спасти Питер, ибо если наше предложение мира будет отвергнуто и мы не получим даже перемирия, тогда мы становимся „оборонцами“, тогда мы становимся *во главе военных партий*, мы будем *самой „военной“* партией, мы поведём войну действительно революционно. Мы отнимем весь хлеб и *все* сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти. Мы дадим весь хлеб и всю обувь на фронт.

И мы отстоим тогда Питер»[834].

Имея в виду тактику большевиков на Демократическом совещании, Ленин призывал коллег по ЦК:

«Сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от „сепаратного“ раздела России империалистами обеих коалиций, мы должны приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на Совещании…

Мы должны на Совещании, немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся: они *там* полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов…»[835]

Ленин предлагал составить для Совещания краткую декларацию большевиков, требующую полного разрыва с буржуазией, предупреждающую об угрозе «сепаратного» раздела России англо-французскими империалистами (что через год они и попытались сделать) и ставящую вопрос так: «либо *полное* её (декларации. – *С.К.*) принятие Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет»…

Такой постановкой вопроса Ленин из лидера класса превращался в общенационального лидера и начинал конституировать себя как того Спасителя России, которым ему было суждено стать в ближайшие годы.

Закончил же Ленин своё письмо «Марксизм и восстание» словами:

«Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, *мы правильно учтём момент для начала восстания*.

А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы, в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, … взять Петропавловку (где хранился огромный арсенал. – *С.К.*), арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооружённых рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать по телефону все заводы, все полки, все пункты вооружённой борьбы и т. д.

Это всё примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*»[836].

Так Ленин за месяц до реального восстания вёл системную – пока, идейную, директивную, и пока ещё из Финляндии, подготовку будущих событий… Но вот «историк» Сергей Шрамко задаётся вопросом: «Кто руководил свержением Временного правительства?», и далее продолжает: «Обычно в ответ на этот вопрос звучит – Ленин. Но Ленин появился в Смольном за несколько часов до штурма Зимнего дворца…»

Что тут сказать, кроме: «Угу!»?

А кто, интересно, руководил весной 1945 года взятием Берлина? По «логике» Шрамко – кто угодно, но только не Сталин. Ленин в Смольном хоть за несколько часов до штурма Зимнего

появился, а Сталина в Берлине вообще никто не видел… Так какое он имеет отношение к штурму Рейхстага?

Эх, господа хорошие… Это ведь только в исторических анекдотах всё просто: «Пришёл, увидел, победил!» А в жизни одномоментный успех нередко готовят десятилетиями – как готовил его Ленин ещё со времён «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»…

Оба письма по вопросу восстания Ленин попросил переправить лично Марии Ильиничне, и она, перепечатав их в 10 экземплярах, передала копии в Секретариат ЦК Елене Стасовой – тогда секретарю ЦК и кандидату в члены ЦК, для направления всем членам ЦК.

Оба письма обсуждались на заседании ЦК 15(28) сентября 1917 года, где было решено провести собрание ЦК по тактике действий, и на голосование был поставлен вопрос: сохранить только один экземпляр писем. За это предложение проголосовало 6 человек, против – 4, воздержалось – 6.

Каменев при этом внёс проект резолюции, направленный против предложений Ленина, но проект отвергли[837].

Позднее Елена Стасова вспоминала, как она раздавала машинописные копии ленинских писем для предварительного ознакомления членам ЦК, и член ЦК Андрей Бубнов, прочтя их, тут же потребовал от Стасовой уничтожить все экземпляры, однако она отказалась[838].

В свете будущего расстрела Бубнова – якобы «невинной жертвы сталинского произвола», это – факт пикантный.

И таких как Бубнов – людей, вроде бы, и своих, и давно работающих в партии, но в ***чём-то*** нестойких, среди руководства РСДРП(б), а потом – РКП(б) и ВКП(б), было больше, чем хотелось бы…

Увы!

В России пахло грозой, ждать у моря погоды в Гельсингфорсе Ленин не мог, и поэтому объявил Ровио, что надо достать парик, краску для бровей, паспорт и устроить квартиру в Выборге.

(В скобках сообщу, что чуть позднее в письме Ивару Смилге из Выборга Ленин предупреждал Смилгу: «Имейте в ввиду, что Ровио прекрасный человек, но *лентяй*. За ним надо смотреть и *напоминать* два раза в день. Иначе не сделает»).

Да, из воспоминаний Ровио (и не только, конечно, Ровио) виден отнюдь не тот благодушный дедушка, которым Ленина часто изображали в советское время… В большинстве воспоминаний, относящихся к дооктябрьским месяцам 1917 года, реальный, а не «киношный» Ленин предстаёт крайне собранным, полным самообладания и хладнокровия, трезвым политическим деятелем, прекрасно сознающим свой потенциал, свой масштаб, своё значение в событиях… По необходимости – нередко жёстким в приказах и распоряжениях, но при этом – абсолютно без позы, без выпячивания себя…

Он всегда был готов рассмеяться от души смешному и внести в отношения искреннюю сердечность и человечность. Но всегда был готов и одёрнуть – если в том была деловая необходимость.

Собственно, всё так и должно было быть! Ленин давно являлся политическим полководцем, а бывают ли на свете ***добродушные*** полководцы? Человечные – да, бывают. Добродушные – нет! потому что очень уж у них непростое дело – посылать людей в огонь, в бой, возможно – на смерть… Здесь будешь сюсюкать – лишней крови не оберёшься, а кровь людская – не водица.

С париком же получилось забавно…

Ровио нашёл по объявлению театрального парикмахера и рано утром, когда на улицах безлюдно, привёл Ленина к парикмахеру снимать мерку. Парикмахер оказался старым петербуржцем, работал раньше в Мариинском театре и вспоминал, как «омолаживал» князей,

генералов, аристократов и аристократок.

Короче, он был мастером своего дела, и брался сделать отличный парик через… две недели. Ленину же надо было уезжать через два дня, и он попросил поискать готовый.

На вопрос, какого цвета нужен парик, Ленин ответил – с сединой, так, чтобы он походил на шестидесятилетнего.

«Бедняга парикмахер чуть не упал в обморок от удивления, – вспоминал Ровио.

– Что вы! Вы ещё такой молодой, ведь вам больше сорока лет нельзя дать. Зачем вы берёте такой парик?»

И парикмахер стал красноречиво убеждать клиента «не брать себе преждевременной старости».

– Да вам-то не всё равно, какой я парик возьму? – удивился Владимир Ильич.

– Нет, я хочу, чтобы вы сохранили свой молодой вид!

Парик Ленин взял – после небольшой подгонки, конечно, седой[839].

А вскоре Ильич был уже в Выборге.

В Выборге, как и в Гельсингфорсе, Ленин много работал – эти слова приходилось писать выше уже не раз, но так ведь у него всю жизнь и было: работа, небольшие передышки для того, чтобы можно было эффективно работать и дальше, и затем – опять работа.

Перед отъездом в Выборг, он встречался с лидерами финской социал-демократии Маннером (1880-после 1976) и Куусиненом (1881–1964) – позднее они входили в число организаторов Компартии Финляндии, а в Выборге поселился у журналиста Юкка Латукка (1884–1925), тоже будущего финского коммуниста.

В Выборге Ленин написал ряд статей, включая «Из дневника постороннего. Ошибки нашей партии», а о сути его жизни там можно судить по двум, например, письмам.

В конце сентября (начале октября) 1917 года он пишет Ровио:

«Дорогой товарищ Ровио!

Пользуюсь оказией, чтобы узнать, получили ли моё письмо с вложением письма к Смилге? И передали ли ему письмо?

Оказия едет назад дня через два. Будьте добры, передайте это письмо Смилге, чтобы он тоже знал, что я беспокоюсь насчёт получения им письма и жду от него ответа.

Привет! Ваш К. Иванов

Не пошлёте ли мне комплект (1) „Прибоя“ (орган Гельсингфорсского комитета РСДРП(б), – *С.К.*) и (2) „Социалиста-Революционера“ (газета левых эсеров в Финляндии. – *С.К.*) за последние 1 $^1/_2$ недели?

P.S. А в Швецию (в Загранбюро ЦК. – *С.К.*) через друзей послали ли письмо и газеты?»[840]

Упоминаемое в письме Ровио письмо от 27 сентября (10 октября) Ивару Смилге – в тот момент председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, привожу ниже в наиболее важной его части:

«Товарищу Смилге.

Пользуюсь хорошей оказией, чтобы побеседовать поподробнее.

Общее политическое положение внушает мне большое беспокойство. Петроградский Совет и большевики объявили войну правительству. Но правительство имеет войско и *систематически* готовится (Керенский в ставке, явное дело, столковывается с корниловцами о войске для подавления большевиков и столковывается *деловым* образом).

А мы что делаем? Только резолюции принимаем? Теряем время… История сделала коренным *политическим* вопросом сейчас вопрос *военный*. Я боюсь, что большевики забывают

это, увлечённые „злобой дня“, мелкими текущими вопросами и „*надеясь*“, что „волна сметёт Керенского“. Такая надежда наивна, это всё равно, что положиться „на авось“…

Мы можем оказаться в смешных дураках: с прекрасными резолюциями и Советами, но *без власти!!*

По-моему, для правильной подготовки умов, надо сейчас же пустить в обращение такой лозунг: власть должна немедленно перейти в руки Петроградского Совета, *который передаст её* съезду Советов. Ибо зачем терпеть ещё три недели войны и „корниловские подготовления“ Керенского?»[841]

«Корниловские приготовления» Ленин рассмотрел верно! Ставка находилась в Могилёве, а в близком к Могилёву городке Старый Быхов в здании бывшей женской гимназии содержались генералы Корнилов, Романовский, Лукомский и другие участники корниловского мятежа, к которым вскоре подвезли генералов Деникина и Маркова…

Иными словами, в Быхове собрали всю «головку» будущей «белой» Добровольческой армии. И вот что писал в своих воспоминаниях «Вся власть Советам» дважды генерал (генерал-майор царской армии и генерал-лейтенант РККА) Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, родной брат ленинского соратника:

«Корнилова и его сподвижников охраняли конные сотни Текинского полка, преданного мятежному генералу… Сила была на стороне текинцев, побегу Корнилова, захоти он его предпринять, никто бы не помешал. Пребывание в Быхове было использовано Корниловым для того, чтобы сколотить штаб будущей белой армии…»[842]

Как видим, Ленин спешил и тревожился не напрасно: корниловцы готовились, а ведь они были люди военные, с широкими военными связями.

Итак, сидя в Выборге – на периферии событий, Ленин видел угрозы лучше, чем многие его коллеги, находившиеся в центре событий и лучше информированные. Тем не менее, ситуация всё более властно вынуждала перебираться в Питер – пусть даже нелегально, и в письме к Смилге содержалось полупикантное поручение: Ленин просил прислать удостоверение за подписью председателя и с печатью «на имя Константина Петровича Иванова», где было бы написано, «что-де председатель областного комитета ручается за сего товарища, просит все Советы оказывать ему полное доверие, содействие и поддержку», и пояснял: «Мне это необходимо на *всякий* случай, ибо возможен и „конфликт“, и „встреча“…»

Смилга, официально удостоверяющий перед массами политическую благонадёжность Ленина – такой сюжет выглядел бы комически, если бы не серьёзность момента.

Своеобразие момента проявлялось и в следующем предложении Ленина Смилге:

«Я думаю, нам бы надо повидаться, чтобы поговорить… Вы могли бы приехать, потеряв меньше суток, но если поедете *только* для свидания со мной, заставьте Ровио спросить по телефону Хуттунена (главного редактора газеты „Туц“ („Труд“). – *С.К.*), можно ли видеть „сестре жены“ Ровио („сестра жены“ = Вы) „сестру“ Хуттунена („сестра“ = я). Ибо я могу уехать внезапно»[843].

То есть уже в конце сентября 1917 года настроение у Ленина в Выборге было «чемоданное». Но выехал он – нелегально – из Выборга в Питер несколько позднее. Вёз его обратно в Россию – уже навсегда, всё тот же Ялава, а когда это произошло точно, не знает, как мы уже знаем, даже Истпарт.

Во всяком случае, 7(20) октября 1917 года Ленин пишет «Письмо Питерской городской конференции» для прочтения на закрытом заседании, а это косвенно подтверждает его нахождение уже в России.

В биохронике Сталина отмечено, что он встречался с Лениным 8(21) октября. И уж совсем

точно известно, что 10(23) октября 1917 года Ленин выступил на заседании ЦК РСДРП(б) с докладом о текущем моменте и внёс резолюцию о вооружённом восстании, принятую ЦК десятью голосами (Ленин, Свердлов, Сталин, Дзержинский, Троцкий, Урицкий, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов) против двух (Зиновьев и Каменев).

Троцкий, поддержав Ленина, всё же считал, что восстание надо отложить до II съезда Советов.

На этом же заседании ЦК впервые избирается Политическое бюро (Политбюро) ЦК из семи человек: Ленин, Сталин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Сокольников и Бубнов.

Суть того, что Ленин говорил на заседании ЦК 10 октября изложена в краткой протокольной записи, к которой мы ещё вернёмся. Но есть и ещё один документ – письмо Ленина «К товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области» (ПСС, т. 34, с. 385–390) от 8(21) октября 1917 года, где ход ленинской мысли развёрнут более подробно.

Съезд состоялся в Петрограде с 11(24) по 13(26) октября в рамках подготовки к II Всероссийскому съезду Советов, и среди его 94 делегатов большевики имели 51 голос, левые эсеры – 24 голоса, максималисты (эсеры-террористы) – 4, эсеры – 10…[844]

Судя по тону письма к Съезду Советов Северной области, Ленин был бы не прочь, если бы уже этот, весьма представительный и влиятельный (безусловно, наиболее влиятельный из всех региональных съездов), форум конституировал себя как верховную власть.

Ленин напоминал делегатам, что, с одной стороны, «наша революция переживает критический момент», а с другой стороны «нарастание всемирной революции неоспоримо».

Ошибался ли Ленин, особенно – во втором утверждении?

Пожалуй – не очень…

В Германии тогда вспыхнуло восстание на флоте, 21 августа в Турине (а это был крупнейший рабочий центр Италии) начались антивоенные выступления перешедшие во всеобщую забастовку, появились баррикады, и властям пришлось объявить город на военном положении. 27 августа всеобщая забастовка в Турине была прекращена, но угли, вне сомнения, тлели и могли дать искру, из которой возгорелось бы пламя…

Не очень-то радовались войне и французы, чья кровь лились на фронте более чем обильно…

Ленин упрекал делегатов в нерешительности и писал, что «мы будем настоящими изменниками Интернационала, если в такой момент, при таких благоприятных условиях, ответим только… *резолюциями*»…

8(21) октября 1917 года он писал: «Керенский и корниловцы сдадут Питер немцам. Именно для спасения Питера надо свергнуть Керенского и взять власть Советам обеих столиц…», и далее:

«Промедление смерти подобно.

Лозунг „вся власть Советам“ есть лозунг восстания. Кто употребляет такой лозунг, не сознавая этого, не продумав этого, пусть пеняет на себя…

Дело не в голосованиях, не в привлечении „левых эсеров“, не в добавлении провинциальных Советов, не в съезде их. Дело в восстании, которое может и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель (четыре последних – базы Балтфлота. – *С.К.*). Под Питером и в Питере – вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьёзнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее…

Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить

корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть.

Промедление смерти подобно»[845].

Судя по воспоминаниям ряда делегатов, съезд Северной области мог бы инициировать выступление, но не все в руководстве РСДРП(б) были настроены на немедленные действия, оттягивая образование советского правительства до созыва Съезда Советов в конце октября (начале ноября по европейскому стилю).

Из высшего руководства особенно «волынили» Каменев и Зиновьев.

Формально основания для сомнений были…

Профессор Рабинович эти колебания описывает весьма подробно и достаточно объективно. Так, на заседании Петербургского комитета 15(28) октября лишь 8 из 19 представителей районов говорили о том, что массы настроены по-боевому и готовы выступить в любой момент, 6 сообщили, что настроения выжидательные, а 5 заявили, что желания выступать у людей нет.

Показательно, что рвавшийся в бой в июле Невский, теперь сетовал, что работа по технической подготовке ещё по-настоящему не началась (так и хочется спросить – а что же ты в июле народ мутил?), и резолюцию ЦК от 10(23) октября следует признать преждевременной[846].

Но Ленин на заседании ЦК 10(23) октября, констатировав, что «с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании», что «это недопустимо», и что «давно уже пора обратить внимание на техническую сторону вопроса», далее сказал, что «то, что затевается со сдачей до Нарвы и сдачей Питера ещё более вынуждает нас к решительным действиям», и большинство теперь за идёт за большевиками.

«Абсентеизм и равнодушие масс – заявил Ленин, – можно объяснить тем, что массы утомились от слов и резолюций»[847].

А ведь Ленин был прав!

Хороши вожди масс, которых должны тащить вперёд массы! Вождь – это тот, ***кто*** ведёт, а не тот, ***кого*** ведут. И если вожди с весны говорят и говорят лишь о «бдительности и выдержке», а дела нет, то массы могут и устать.

В результате, как мы уже знаем, 10(23) октября была принята решительная резолюция, и, собственно, с этого-то момента и начинается настоящая организационная работа по подготовке Октябрьского восстания, которая принесёт свои плоды через полмесяца…

Между прочим, в свете уже ***нашей*** новейшей истории конца XX – начала XXI века, любопытно, что Ленин тогда в своём вступлении отметил сообщение Свердлова о том, что из Минска получены известия о технической возможности выступления в Минске, и что Минск готов послать на помощь Петрограду революционный корпус.

Как видим, у белорусов и тогда здравый смысл был развит сильнее, чем у великороссов!

Поселили Владимира Ильича на Выборгской стороне, в доме № 1/92 на углу Большого Сампсоньевского проспекта и Сердобольской улицы, где жили почти исключительно квалифицированные рабочие, в квартире большевички Маргариты Фофановой (1883–1976).

Жил там Ленин, конечно, нелегально, лишь несколько раз выходя на конспиративные встречи, не покидая при этом, как правило, Выборгской стороны. Правда, после заседания ЦК 10 октября ему пришлось ночевать на квартире у Эйно Рахья на Петроградской стороне…

Выбираться «на волю» для встреч приходилось потому, что решено было соблюдать сугубую конспирацию, и точный адрес, где Ленин будет скрываться, не сообщать даже членам ЦК. Связь держали через Фофанову, Крупскую, Марию Ульянову, реже – через Рахья…

Собственно, даже о самом факте приезде Ленина знало ограниченное число лиц – письма, направляемые им делегатам Третьей Петроградской общегородской партийной конференции и большевикам на областном съезде Северной области, считались пришедшими из Финляндии.

На квартире Михаила Калинина – будущего «Всесоюзного старосты», Ленин встречался с членами ЦК для обсуждения того, когда и как начинать, и несколько раз беседовал с представителем Московского комитета РСДРП(б) Иосифом Пятницким (Таршисом) – о готовности Москвы.

16(29) октября 1917 года в Лесной подрайонной думе, председателем которой был Калинин, прошло расширенное заседание ЦК, где обсуждалась всё та же ленинская резолюция о вооружённом восстании, за которую проголосовало 19 человек при 4 воздержавшихся.

Против голосовало опять двое – Зиновьев и Каменев.

Ленин выступал в прениях три раза, его поддержал Сталин: «День восстания должен быть выбран целесообразно… То, что предлагают Каменев и Зиновьев, объективно приводит к возможности для контрреволюции подготовиться и сорганизоваться. Мы без конца будем отступать и проиграем революцию».

Решительно выступали Дзержинский, Калинин, Рахья, Свердлов, Скрыпник.

Суть говорившегося на заседании Лениным 16(29) октября известна тоже лишь по краткой, но вполне внятной протокольной записи.

Ленин сказал, что можно было бы пойти на компромисс с эсерами и меньшевиками, если бы те «прорвали с соглашательством», однако они такое предложение отвергли, а «положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоёв крестьянства»…

Как бы отвечая на все будущие псевдонаучные антисоветские изыскания по истории Октября, Ленин заявил: «Настроением масс руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддаётся учёту; мы должны руководиться объективным анализом и оценкой революции. Массы дали доверие большевикам (в отношении политически наиболее развитой части народа это так и было, – *С.К.*) и требуют от них не слов, а дел, решительной политики и в борьбе с войной, и в борьбе с разрухой…»[848]

За неделю до восстания на квартире рабочего Д. А. Павлова Ленин провёл совещание с руководителями Военной организации при ЦК Подвойским, Антоновым-Овсеенко и Невским.

Известный читателю Сергей Шрамко заявляет: «Хотя смертная казнь в России отменена (интересно, знали об этом юнкера, когда растерзали летом 1917 года распространителя „Правды“ Воинова? – *С.К.*), Ильич всегда был трусоват, а посему после возвращения из Выборга он прячется по чужим квартирам»…

По «логике» Шрамко легендарный партизан дважды Герой Советского Союза Сидор Ковпак и его хлопцы тоже были «трусоваты» – прятались от немцев по лесам. Нет, всё же, невыгодное это дело – невыгодное не в материальном, а в интеллектуальном отношении, быть антикоммунистом, антисоветчиком и антиленинцем… Так или иначе, а обязательно зарекомендуешь себя дураком. Недаром Томас Манн определил антикоммунизм как величайшую глупость XX века…

И если уж разговор у нас вернулся к квартирам, то – по воспоминаниям Фофановой – Владимир Ильич начал знакомство с её квартирой, расположенной на последнем этаже дома, с того, что выяснил, где проходит водосточная труба и был удовлетворён тем, что его комната с этой точки зрения выбрана правильно. Потом он попросил хозяйку взять вечером молоток и отбить две доски в заборе, отделявшем двор дома от соседнего двора…

Как видим, стратег революции был предусмотрителен и в «мелочах»…

Ну, а затем пошли последние немногие дни напряжённой предоктябрьской работы ленинской мысли…

Пока ещё – только мысли.

Фофанова была обязана приносить все выходившие в Петрограде газеты, которые изучались внимательнейшим образом. Так, крестьянский наказ 242 депутатов с мест, прочтённый Лениным в Известиях Всероссийского Совета крестьянских депутатов вскоре стал основой знаменитого ленинского «Декрета о земле».

И вдруг 18(31) октября в издававшейся Горьким полуменьшевистской газете «Новая Жизнь» Ленин обнаруживает интервью с Каменевым, который от своего имени и имени Зиновьева заявлял, что они-де не согласны с решением ЦК о вооружённом восстании накануне открытия Съезда Советов. Поскольку дата открытия Съезда – 25 октября 1917 года, была известна, Керенский, фактически, извещался о дате восстания.

Ленин был взбешен. Заочно – поскольку в перемещениях был ограничен – он потребовал исключения обоих из ЦК и из партии на основании того, что они выдали планы ЦК.

Ещё до интервью Каменева Сталин опубликовал в «Рабочем Пути» статью «Штрейкбрехеры революции». Штрейкбрехеры – это срывщики забастовок, лица, не прекращающие работу или нанимающиеся на работу во время стачек. И именно как штрейкбрехеров определил Каменева и Зиновьева Ленин.

20 октября (2 ноября) 1917 года ЦК заслушал письмо Ленина, и мнения разделились. Не был склонен к крайним мерам и Сталин. Уж не знаю, на основании чего, но, возможно, именно на основании того, что Сталин не требовал «крови» Каменева и Зиновьева так жёстко, как Ленин, «историк» Сергей Шрамко выступил в 2007 году с поразительным заявлением: «Зачем строить фантастические догадки о комбинациях, когда Сталин был явным (ого! – *С.К.*) противником (ух ты! – *С.К.*) Октябрьского восстания? Об этом свидетельствуют страницы центрального органа партии – „Правды“…»

Ну, во-первых, если быть точным, накануне Октябрьского восстания «Правда» не выходила. В очередной раз сменив «псевдоним», закрытая в июле «Правда» выходила накануне Октября под названием «Рабочий путь».

Во-вторых, 20 октября (2 ноября) 1917 года Сталин опубликовал в газете «Рабочий Путь» блестящую по злой и весёлой иронии статью «Окружили мя тельцы мнози тучны», где писал:

«Большевики дали клич – быть готовым! Вызван он обострением положения и мобилизацией сил контрреволюции, которая пытается обезглавить революцию, сдав столицу Вильгельму…

Но революционный клич, данный нашей партией, понят не всеми одинаково. Рабочие стали вооружаться. Они, рабочие, много прозорливее очень многих „умных“ и „просвещённых“ интеллигентов.

Солдаты от рабочих не отстали. Вчера на собрании Комитетов столичного гарнизона постановили они грудью отстаивать революцию и её вождя, Петроградский Совет, по первому зову которого обязуются стать под ружьё.

Так обстоит дело с рабочими и солдатами.

Не то с другими слоями.

Буржуазия знает, где раки зимуют. Она взяла, да „без лишних слов“ выставила пушки у Зимнего дворца, ибо у неё есть свои „прапорщики“ и „юнкера“, которых, надеемся, история не забудет…

А перепуганным неврастениках из „Новой Жизни“ невмоготу стало, ибо они „не могут больше молчать“ (слова Горького. – *С.К.*) и умоляют нас сказать наконец: когда же выступят большевики.

Словом, если не считать рабочих и солдат, то поистине: „Окружили мя тельцы мнози тучны“, клевеща и донося, угрожая и умоляя, вопрошая и допрашивая…»[849]

Надо ли по прочтении хотя бы этих – не единственных для Сталина в те дни – строк много гадать: за или против восстания выступал Сталин? К тому же, есть ведь и протоколы заседаний ЦК от 10 и 16 октября, где зафиксировано, что Сталин голосовал за ленинскую резолюцию о восстании…

Сталин писал о неврастениках из «Новой Жизни», но Каменева и Зиновьева по имени не поминал. А они к моменту Октября оба были замечательны лишь тем, что были «старыми революционерами». Именно так выразился по поводу разного рода других «громких имён» Сталин в статье «Окружили мя тельцы мнози тучны»… Сталин писал, что их, этих «громких имён», отвергнутых уже революцией – «целая вереница», упоминая конкретно Плеханова, Кропоткина, Брешковскую, Засулич, «которые тем только и замечательны, что они старые»…

Увы, сюда же можно было причислить и «героев» «октябрьского инцидента» Каменева и Зиновьева. Однако оба ещё долго пользовались влиянием, и вредили делу Советской власти ещё долго.

После Ленина они попортили крови и Сталину.

«Октябрьский инцидент» даёт богатую пищу для анализа…

Ленин в ситуации с двумя, безусловно, штрейкбрехерами, был более эмоционален, чем расчётлив. И не он один – Дзержинский на заседании ЦК предлагал потребовать от Каменева «полного отстранения от политической деятельности», однако это было, конечно же, лишь благим пожеланием. Относительно Зиновьева Дзержинский сослался на то, что он скрывается и в партийной работе участия не принимает. К тому же Зиновьев в письме в ЦК открестился от причастности к интервью Каменева.

Свердлов сказал, что поступок Каменева «ничем не может быть оправдан», но считал, что ЦК не имеет права исключать его из партии, а должен предложить Каменеву уйти в отставку, что Каменев тогда и сделал.

Сталин тоже был склонен к компромиссу, он говорил, что «исключение из партии не рецепт» и предлагал обязать Каменева и Зиновьева подчиниться решениям ЦК, оставив их в ЦК.

Пожалуй, это было в тот момент самым разумным! Зачем исключать, если можно использовать? В конце концов оба этих члена ЦК были известными в партии и в массах фигурами. К тому же, прямое исключение могло повести не очень-то стойкого идейно Каменева по неверной дорожке. Да и Зиновьев, хотя раньше и жил вместе с Лениным в шалаше в Разливе, был «кадром» не очень-то надёжным.

А знали оба много и о многом.

Что же до того, что контрреволюции стало известно о планах большевиков, то восстания, руководимого большевиками, все имущие слои и представители «отечественного, – по выражению Сталина, – болота интеллигентской растерянности» ждали уже не один месяц.

В итоге оба «штрейкбрехера» отделались легче, чем могли предполагать – оба остались в ЦК.

И оба, по мере сил, сопротивлялись вначале идее восстания, а затем – идее революционного, без соглашательских элементов, Советского правительства.

Дооктябрьский период жизни Ленина тем временем подходил к концу. В июле-августе 1917 года промежуточным финишем на политическом и жизненном пути Ленина оказался шалаш в Разливе. Но конечным пунктом маршрута, начинавшегося в этом шалаше, уже скоро станет здание бывшего Смольного института благородных девиц.

В начале петровского XVIII века на территории Смольного находился Смоляной двор, где

вырабатывалась и хранилась смола для нужд флота. Потом там обосновался Смольный (Воскресенский) монастырь, а ещё позднее по проекту Кваренги было выстроено то здание, которое прогремело в 1917 году на весь мир.

4(17) августа 1917 года сюда из Таврического дворца переехали ЦИК и Петросовет, и в одной из комнат разместилась фракция большевиков. Однако с момента подавления корниловского мятежа Смольный всё больше большевизировался. Здесь в трёх комнатах третьего этажа разместился и Военно-революционный комитет (ВРК) при Петросовете, куда входили не только большевики, но тон задавали большевики.

И они задавали теперь тон не только в ВРК, не только в Смольном, но и всё больше – в России! Территория, «контролируемая» Лениным, ограничивалась пока стенами квартиры Фофановой, однако оставались считанные дни до того часа, когда он, наконец-то, обретёт положение по его потенциалу – положение абсолютного национального лидера, основателя и главы абсолютно нового, небывалого в истории мира, государства.

Оно было и пора…

Исчерпавшие себя, а точнее – изначально мертворождённые, «Временные», прямые контрреволюционеры-капиталисты и виляющий, соглашательский ЦИК всё более затягивали Россию в катастрофу, вывести из которой страну они были уже не в силах.

Глава 32. Грозящая катастрофа и как с ней бороться

Тот факт, что Россия накануне петроградского Октябрьского восстания, положившего начало всероссийской Октябрьской социалистической революции, оказалась на грани катастрофы, давно выветрился из немногомудрых голов «россиянских» интеллигентов.

А это ведь – факт!

И напомнить о нём в книге о Ленине и его роли в истории России, не мешает…

А если к последней фазе старой России присмотреться внимательнее – в самых разных аспектах, то для любого умеющего мыслить человека станет понятнее – благом ли была для России замена Керенского Лениным, «Временного правительства» – Советом Народных Комиссаров, и эфемерной буржуазной «Российской республики» – Российской Федеративной Социалистической Советской Республикой?..

Уже после окончания Великой Отечественной войны стала известна статья «Правда о большевизме», написанная умершим в 1943 году Павлом Милюковым незадолго до смерти… Милюков полемизировал в ней со статьёй осевшего в США бывшего эсера М. В. Вишняка «Правда антибольшевизма».

Для целей данной книги было бы весьма полезным ***полное*** знакомство читателя с мыслями Милюкова, который на излёте жизни кое-что, всё же, понял… Однако статья его велика, и в качестве своего рода эпиграфа к главе, приведу лишь два признания бывшего лидера российских кадетов.

Первое:

«Когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней. Знаю, что признание близко к учению Лойолы (основатель ордена иезуитов, допускавший применение „любых средств“ ради „вящей славы Божьей“. – *С.К.*). Но… что поделаешь? Ведь иначе пришлось бы беспощадно осудить и поведение нашего Петра Великого»…

И второе:

«Побеждённая власть (Временное правительство. – *С.К.*) многократно призывала к восстановлению „государственности“, – но уже после того, как сама же и содействовала её разрушению. Она жаловалась на „хаос“, „разруху“, „анархию“ в стране; но она же и положила начало хаосу… Она (то есть власть Керенского! – *С.К.*) подготовила Брест-Литовск (!! – *С.К.*) и раздел России.

Можно возразить, что уже при старом режиме было положено начало всей этой разрухе; но между началом и концом восьмимесячного интермеццо (имеется в виду срок „временного“ правления. – *С.К.*) все упомянутые явления прогрессировали бурным crescendo (*итал.* „с возрастающей силой“. – *С.К.*). Я имел основание сказать, что „раньше, чем стать большевистской, Россия созрела для большевизма“…»[850]

Если учесть, кто это сказал и когда сказал, то такая оценка оказывается повесомее, чем все современные ельциноидные хулы на Ленина – как бульварные, так и «академические» (не поднимающиеся, впрочем, выше бульварных).

Причём – отдадим Павлу Николаевичу, должное, – Милюков поднялся даже до того, что признал: ответственность за «похабный» Брестский мир, о котором в своём месте будет сказано, лежит не на Ленине, а на Керенском, который довёл Россию до такого развала, что она к началу 1918 году была временно не способна к вооружённой защите своей территории.

Далее будут приведены развёрнутые аргументы и факты, подтверждающие истинность признаний Милюкова. Но вначале напомню, что в период «восьмимесячного интермеццо» 1917

года Милюков, входя в официальное руководство России, имел неизмеримо бульшие, чем у тогдашнего Ленина, официальные и общественные возможности не допустить в России до катастрофы… Милюков заседал в правительстве, он мог ***решать***, а Ленин мог лишь ***убеждать***. Даже перестав быть министром, Милюков не перестал быть влиятельной государственной фигурой, а Ленин с июля 1917 года – не без поощрения Милюкова, стал «государственным преступником».

Лишь за несколько месяцев до смерти, в 1943 году, Милюков понял – пусть и очень неполно и куце, но понял – значение средств Ленина, которые привели к цели, то есть, к новой, небывалой ранее России…

Ленин же видел цель, к которой надо вести Россию, даже не в 1917 году! Он увидел её уже в молодости, за сорок лет до 1917 года…

А средства?

Что ж, средства он вынужден был использовать те, к которым его ***вынуждал*** царизм. Средства Ленин использовал не по цели, а ***по условиям***, в которых надо было добиваться цели!

Если бы Ленин с его устремлениями, с его альтруизмом, с его калибром души и интеллекта, начал и развивал свою политическую деятельность в России, политический строй которой был бы демократическим на уровне, хотя бы, кайзеровской Германии (об Англии не говорю!), то он не стал бы создавать ***подпольную*** партию «ленинского» типа.

Не было бы тогда нужды ни в подпольной «Искре», ни в шифрованных письмах, ни в нелегальных транспортах литературы и оружия, ни в «эксах»…

Зачем всё это делать, если бы Ленин имел возможность легальной работы в массах? Ведь его «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» не был террористической организацией – члены «Союза» занимались ***исключительно*** пропагандой…

В республиканских Франции и Швейцарии, в монархических Англии, Швеции, Норвегии, Бельгии, Дании и даже в кайзеровской Германии и императорской Австро-Венгрии власти смотрели бы на партию Ленина косо, однако на каторгу и в тюрьмы её членов не загоняли бы!

А в России загоняли, преследовали, ломали судьбы…

Так было в старой, царской России. Но и «временная» Россия в системном смысле отличалась от царской лишь тем, что дала Ленину возможность вести пропаганду легально всего-то три (!!) месяца – с апреля по июль!

И вот теперь, осенью 1917 года, «временная» Россия, приняв от царской России эстафету управленческой немочи и человеческой бездарности, поставила нацию на грань катастрофы…

Государственное руководство Российской империи образца XX века было во всех сферах и на всех уровнях бездарным – каков «поп», таков и «приход». Вспомним хотя бы признания генерала Курлова – он, сам того, конечно, не желая, вполне выпукло описал бездарность царских управленцев, «эвакуировавших» Ригу в 1915 году.

Но те, в чьих руках оказалась судьба России после Февраля 1917 года были ещё ничтожнее и бездарнее…

Есть точный критерий деятельности людей: «Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Итак, по плодам их узнаете вы их».

Это – не Ленин!

Это – Евангелие от Матфея, глава 7, стихи 18 и 20.

Так вот, «керенско-милюковско-черновские» плоды восьмимесячного «временного» правления были ***только*** худыми…

Такими же худыми были и плоды пятимесячной деятельности эсеро-меньшевистского ЦИКа, избранного глупцами-делегатами первого Съезда Советов, которых послали в Петроград десятки миллионов глупцов по всей России!

Глупцов, глупцов, ибо умные избрали бы умных делегатов Первого Съезда Советов, то есть таких, которые избрали бы большевистский ЦИК во главе с Лениным.

Ах, как это изменило бы историю России сразу к лучшему и умному!

Увы, вышло не так! И в том, что массы сделали тогда неверный выбор их убеждали всё более плоды деятельности и бездеятельности самого Временного правительства и эсеро-меньшевистского ЦИКа.

Ни в одной сфере жизни ни один состав Временного правительства, как и первый состав ЦИКа Советов, ничего за время своей власти не улучшили, зато ухудшили они всё!

И при этом не только как политики и руководители, но и как люди в их личностной сути, никто из тогдашних – ни восьми—, ни пятимесячных «лидеров» России Ленину в подмётки не годился!

Если кто-то думает, что «красный» Кремлёв очень уж строг к «выдающимся фигурам», ему не нравящимся, то приведу мнение человека, который этих «деятелей» на своём веку перевидал в избытке.

Пора, пора познакомить читателя с очень интересным современником той эпохи – Яковом Васильевичем Глинкой (1870–1950), представителем одного из самых известных и древних дворянских родов России.

Ровесник Ленина, Глинка, как и Ленин, имел диплом юридического факультета Петербургского университета и в 1895 году был принят на службу в одно из наиболее престижных правительственных учреждений – Государственную канцелярию, которая вела дела Государственного Совета.

С апреля же 1906 года Глинка был откомандирован для ведения делопроизводства в открывавшуюся Государственную думу. Там он провёл 11 лет, поднявшись до чина действительного статского советника, равнозначного чину генерал-майора, и поста управляющего делами, то есть – руководителя аппарата Думы.

Послеоктябрьская биография Глинки почти уникальна для среды крупнейших аппаратных работников Российской империи – после ряда мытарств он стал театральным художником, успешно работал в ряде столичных и провинциальных театров, а с августа 1938 года осел в Ульяновском драматическом театре, в Ульяновске же и скончался.

С марта 1910 года Глинка вёл дневник, изданный в 2001 году под названием «Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917», с приложением небольших «Воспоминаний о Февральской революции и последующем жизненном пути», написанных Яковом Васильевичем незадолго до кончины.

Публикатор материалов Глинки – некто Борис Витенберг, утверждает в предисловии составителя, что на воспоминаниях-де Глинки «сказалась политическая конъюнктура советского времени», и что «февраль 1917 г. в воспоминаниях Глинки прямо вызывает ассоциации с советскими кинолентами 30-х гг. о революции Октябрьской, а уничижительная характеристика А. Ф. Керенского в мартовские дни как будто предназначена для будущего придирчивого сталинского цензора»[851].

Однако это на оценке самого Витенберга сказалась политическая конъюнктура антисоветского времени, а Глинка свои записи для публикации не предназначал, зато тех, о ком писал, знал – в отличие от Витенберга, прекрасно.

И вот какой была оценка Керенского – ещё как члена царской Государственной думы, Глинкой – честным русским человеком, объективность которой была безосновательно подвергнута сомнению Витенбергом:

«Неврастеник, адвокат по профессии, он горячо произносил свои речи, производил впечатление на женский пол и доставлял большое неудовольствие сидящим под кафедрой

оратора стенографам, обрызгивая их пенящейся у рта слюной. Многие считали его кретином…»[852]

Портрет сочный…

Но – точный ли?

Как-никак, «для будущего придирчивого сталинского цензора» предназначался…

Ну, так специально для сведения Бориса Витенберга, а также и всех прочих витенбергов, привожу ещё одно описание Керенского во время Демократического совещания 1917 года:

«Странное поведение главы правительства с его истерическими выкриками на сцене и демонстративными поцелуями ручек, хотя и почтенных деятельниц революционного прошлого (имеются в виду ручки „бабушки русской революции Е. Брешко-Брешковской. – *С.К.*), своей несерьёзностью ещё более оттеняло в глазах толпы грозных трибунов большевизма…“[853]

Это – описание из ***эмигрантской*** книги жандармского генерала Спиридовича, страниц которой не касалось перо ни одного сталинского цензора – хоть придирчивого, хоть покладистого…

Такие вот, господа, пироги – они же и пряники!

А вот общая картина первого коалиционного Временного правительства с натуры, данная, опять-таки, Яковом Васильевичем Глинкой (надеюсь, теперь – после перекрёстного сопоставления его мнения с мнением Спиридовича – доверие к нему у читателя возросло):

„Чем руководились, о чём мечтали и чего хотели достигнуть все эти люди, непонятно. Ясно одно, что все эти уродливые явления, все эти люди, ничтожные. Не способны были создать что-то положительное, и их роль сводилась к выжиданию того момента, когда появится новый хозяин, с ясными планами и твёрдой волей, и могучим порывом сметёт всё старое до основания, чтобы строить новую жизнь…“[854]

Сказано не в бровь, а в глаз!

Возможен, конечно, вопрос – а зачем они тогда всё это затевали – Февральский переворот, отречение царя и т. д. и т. п.?

Но ответ очевиден: они – все эти родзянки, шульгины, львовы, милюковы, черновы, керенские, церетели, чхеизде и либерданы, были уверены в том, что они-то как раз и есть политическая „соль Земли Русской“…

Вот в этой уверенности они и стали „активничать“.

А через восемь месяцев стало понятно, что они не соль, а ***труха!***

Выше приведена качественно-личностная, так сказать, картина „временного“ управления Россией.

А вот несколько цифр…

В 1913 году, когда экономическое развитие царской России достигло своего пика, транспортное положение в части железных дорог характеризовалось следующими основными цифрами (для сравнения приведены также данные по Германии – на 1910 год, Англии и США – на 1913 год)[855].

Параметр	Европ. Россия	Германия	Англия	США
Эксплуатац. длина (вёрст)	52 854	54 521	35 750	382 481
Длина 2-3 колеи (вёрст)	14 592	21 393	20 061	46 517
Общее число паровозов	16 898	27 042	24 635	63 378
Общ. число пассажирских и почтовых вагонов	23 375	60 105	54 455	51 700
Общее число товарных вагонов	432 255	604 677	810 437	2 млн 394 тыс.

Цифры для царской России нелестные, особенно – с учётом важности для России именно железных дорог. При этом на железных дорогах России в 1913 году работало 709 тысяч человек, а на железных дорогах США – 1 миллион 815 тысяч, и среднее содержание одного рабочего в России составляло 408 рублей, а в США – 1468 рублей.

Разруха на железнодорожном транспорте – не в результате воздушных бомбардировок врага, а в результате военного перенапряжения слабой российской экономики и бездарного ей управления, началась уже в 1916 году…

К 1917 году без всякой „разрушительной“ деятельности большевиков, и так не очень-то похвальные железные дороги России пришли в крайний упадок, а правление Временного правительства лишь усугубило ситуацию. За 9 месяцев 1917 года среднесуточная погрузка на железных дорогах составила 19 500 вагонов – на 22 % меньше, чем в 1916 году. В октябре 1917 года цифра погрузки упала до 16 627 вагонов в сутки – опять-таки, без всякого „негативного влияния большевиков“[856].

И за два месяца до Октября 1917 года Ленин писал:

„России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается всё больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба…“[857]

Да что хлеб! Отправить телеграмму уже летом, и даже весной 1917 года представляло в России проблему! 21 апреля (4 мая) 1917 года Ленин, только-только вернувшись в Россию, писал в Стокгольм Ганецкому (ПСС, т. 49, с. 439): „*Телеграммы идут страшно долго, даже внутри страны телеграфные сношения затруднены*“.

Вот и иллюстрация к этой общей констатации… Отрёкшегося Николая II в Тобольск сопровождал генерал-адъютант граф Татищев, и 28 августа 1917 года экс-император записал в дневнике: „*Утром узнали о кончине Ек. Ил. Татищевой; срочную телеграмму сын её получил на восьмой день!*“

Что – телеграф в николаевской и постниколаевской России тоже большевики „разваливали“? И что – Ленин не позволял царю Николаю развивать в России почтовые коммуникации?

В 1910 году в Германии было 50 563 почтовых учреждения и 38 799 телеграфных, а в России – 15 701 почтовое и 4 226 телеграфных…

В 1910 году на Россию (без Финляндии) приходился 1 (один) телефонный абонент на 1 тысячу жителей, во Франции – 5, в Англии – 13, в Германии – 15, а в США и вовсе 76![858]

А продовольственный вопрос!

Как обстояли дела в царской России со снабжением, например, сахаром, хорошо описано в

монографии В. Я. Лаверычева. Там цитируется донесение от октября 1915 года командующему армиями Северного фронта, где сообщалось, что во Всероссийском обществе сахарозаводчиков „произошла перегруппировка и во главе всего дела встали два еврея: Гепнер и Абрам Добрый. Гепнер оказался владельцем заводов Терещенко, и его финансирует Русско-Азиатский банк, Добрый – владельцем заводов Бродского, он же директор Киевского отделения Русского для внешней торговли банка. При поддержке указанных банков Гепнер и Добрый дирижируют в Союзе сахарозаводчиков, устанавливают количество производства, цены на сахар, место его хранения и определяют количество товара, подлежащего выпуску на рынок“[859].

Более подробно дела этой „сладкой парочки“ и К^0 описал знаменитый русский контрразведчик Николай Батюшин (к сожалению, ставший белоэмигрантом) в книге „Тайная военная разведка и борьба с ней“. Он пишет, что „толчком для расследования причин царствования тогда у нас экономической разрухи явилось исчезновение с рынка сначала сахара, а затем хлеба и других предметов первой необходимости“. Было учреждено Бюро по продаже сахара – Центросахар, однако, „невзирая на то, что во главе Центросахара стал энергичный, глубоко знающий своё дело Черныш, неподкупной притом честности, утечка сахара была всё-таки огромной…“

Ещё бы – „хлопотами“ Абрама Доброго, Израиля Бабушкина и Иовеля Гепнера „около 30 000 000 пудов рафинада, или одна треть годового его производства, была сосредоточена на нашей границе с Персией, на Кавказе и в Средней Азии…“, а оттуда сахар утекал за рубеж.

„То же, приблизительно, – прибавлял Батюшин, – было установлено и с отправкой во время войны за границу жмыха для корма скота“[860].

И всё описанное выше было лишь цветочками… Подумаешь, сахар… Возникали острые проблемы со снабжением городов хлебом!

Уже царская Россия вынуждена была вводить хлебную продразвёрстку и регулирование продажи хлеба, а „временная“ Россия – тем более. И вот как обстояли дела к концу „временного“ правления…

Скажем, в начале лета 1917 года из Петрограда выехало на дачи 250 тысяч человек, а снялись с хлебного учёта лишь 10 тысяч. В результате из-за „гуляющих“ хлебных карточек происходила утечка продовольствия, причём эти карточки находились на руках у состоятельных слоёв населения: осенью 1917 года население Петрограда не превышало 2,3 миллиона человек, а на октябрь было выдано 2,5 миллиона основных и 934 тысячи дополнительных карточек…

Развитие огородничества в черте Петрограда блокировалось частными владельцами возделываемых земель, которые получали крупные барыши на спекуляции овощами и не хотели увеличивать площади огородов.

С 31 августа 1917 года не большевики – они тогда у власти не стояли, а „временные“ власти вынуждены были уменьшить хлебный паёк в Петрограде для лиц физического труда до 1 фунта (400 г.) в день, и для остальных категорий населения – до S фунта. Самым же страшным было то, что ситуация всё время ухудшалась. Резко сократились продовольственные перевозки как по Мариинской водной системе, так и железнодорожным транспортом… Хлеба „временный“ Петроград получал к осени на 100 000 пудов меньше ежемесячной потребности и подвоз его постоянно сокращался[861].

В подобном положении оказывалась не только столица. По данным, приводимым жандармским генералом Спиридовичем, в сентябре 1917 года „продовольственные беспорядки имели место: 2 сентября в Житомире, 11—28-го – в Харькове, 12–15 – в Тамбове, 12-го – в Уфе, 13-го – в Полтаве, 12-го – в Астрахани, 12-го – на Урале, 14-го – в Казани, 17-19-го – в Орле, 19-го – в Острогожске, Екатеринбурге и Бахмуте, 21-го – в Одессе, 24-го – в Кишинёве, 25-26-го – в

Бендерах, 28-го – в Севастополе, 30-го – в Мелитопольском и Днепровском уездах Симферопольской губернии, в конце сентября – на Дону и по многим другим пунктам“.

А в Ташкенте „начавшиеся 10 сентября 1917 на почве продовольствия беспорядки перешли в настоящий бунт“, и для „подавления и покорения народившейся краевой советской власти правительству пришлось командировать в Ташкент целый карательный отряд, который 26 сентября положил конец восстанию“[862].

Нужны ли здесь комментарии?

Не большевики довели Россию „до ручки“, а бездарный царизм, начавший ненужную России войну, а затем – и бездарный „временный“ режим, не способный решить больные проблемы, созданные царизмом. Ленин же получил от царизма и керенщины ***уже*** вдрызг разваленную страну.

Ситуация к осени 1917 года ухудшалась и, соответственно, обострялась. Можно привести ещё множество данных на сей счёт, но пора познакомить читателя с той из ленинских работ, из которой взят ранее приведённый в этой главе прогноз насчёт того, что России грозит неминуемая катастрофа.

Эта работа так и называется: „Грозящая катастрофа и как с ней бороться“, и Ленин писал её с 10(23) по 14(27) сентября 1917 года в Гельсингфорсе, в подполье.

Причём, как это у Ленина бывало неоднократно, он поставил точный политический диагноз не только текущей ситуации в России осенью 1917 года. То, что написал тогда Ленин, может стать если не завтрашним, то послезавтрашним днём уже современной России в XXI веке!

В газете „Рабочий путь“ № 25 от 14 сентября (1 октября) 1917 года были опубликованы две заключительные главы „Грозящей катастрофы“, а через несколько дней вся она была издана отдельной брошюрой.

Вот названия её разделов: „Голод надвигается“; „Полная бездеятельность правительства“; „Общеизвестность и лёгкость мер контроля“; „Национализация банков“; „Национализация синдикатов“; „Отмена коммерческой тайны“; „Регулирование потребления“; „Разрушение работы демократических организаций правительством“; „Финансовый крах и меры против него“; „Можно ли идти вперёд, боясь идти к социализму?“; Борьба с разрухой и война»; «Революционная демократия и революционный пролетариат».

Не могу не заметить, что вопрос: «Можно ли идти вперёд, боясь идти к социализму?», безусловно, будет становиться всё более насущным и для нынешней России – через сто лет после того, как он был поставлен впервые!

Ленин писал (все отточия на месте пропусков убраны для удобства читателя, но он сам может при желании познакомиться с мыслями Ленина, прочтя страницы 151–199 тома 34-го пятого издания Полного собрания сочинений):

«России грозит неминуемая катастрофа. Об этом уже говорилось во всех газетах бесчисленное количество раз.

Все это говорят. Все это признают. Все это решили.

И ничего не делается.

Прошло полгода революции. Катастрофа надвинулась ещё ближе. Дошло до массовой безработицы. Подумать только: в стране бестоварье, страна гибнет от недостатка продуктов, от недостатка рабочих рук, при достаточном количестве хлеба и сырья, – и в такой стране, в такой критический момент выросла массовая безработица! Какое ещё нужно доказательство того, что за полгода революции (которую иногда называют великой, но которую пока что справедливее было бы, пожалуй, назвать гнилой), при демократической республике, при обилии союзов, органов, учреждений, горделиво именующих себя „революционно-демократическими“, на деле ровнёхонько ничего серьёзного против катастрофы *не* сделано.

А между тем достаточно самого небольшого внимания и размышления, чтобы убедиться в том, что способы борьбы с катастрофой имеются, что меры борьбы вполне ясны, просты, вполне осуществимы, вполне доступны народным силам и что меры эти *не* принимаются *только* потому, *исключительно* потому, что осуществление их затронет неслыханные прибыли горстки помещиков и капиталистов…»

Эти слова написаны как будто сегодня, а скорее даже – как будто завтра. Лишь «помещиков» (до этого «Россияния» ещё не дожила) надо заменить на «олигархов». И далее Ленин писал не менее актуальные сегодня (и завтра) вещи:

«Можно ручаться, что вы не найдёте ни одной речи, ни одной статьи в газете любого направления, ни одной резолюции любого собрания или учреждения, где бы не признавалась совершенно ясно и определённо основная и главная мера борьбы, мера предотвращения катастрофы и голода. Эта мера: контроль, учёт, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил в производстве и распределении продуктов, сбережение народных сил, экономия их. <…> Контроль, надзор, учёт – вот первое слово в борьбе с катастрофой Вот что бесспорно и обще признано. И вот чего *не делают* из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, неслыханные, скандальные прибыли, прибыли, которые все знают, все наблюдают, по поводу которых все ахают и охают».

Ну, разве всё это не актуально для сегодняшнего дня России?

Однако не один Ленин предупреждал, что страна сползает к катастрофе. Вот цитата, относящаяся к августу 1917 года: «Эта катастрофа, этот финансово-экономический провал будет для России неизбежен, если мы уже не находимся перед катастрофой»…

Кто же это сказал?

А вот то-то и оно, что так писал Павел Петрович Рябушинский (1871–1924) – почти ровесник Ленина и один из крупнейших российских фабрикантов.

А вот ещё одно мнение лета 1917 года: «Антигосударственные тенденции… ведут страну гигантскими шагами к катастрофе»… И это – Александр Иванович Коновалов (1875–1948), тоже один из крупнейших российских фабрикантов, министр Временного правительства…

Так что – фабриканты мыслили одинаково с Лениным?

Нет, конечно!

Павел Рябушинский писал:

«Ещё не настал момент думать о том, что нашу экономическую жизнь надо совершенно переиначить (то есть, сменить капитализм социализмом, – *С.К.*). Широкие массы должны понять, что все мы должны жить по-людски, так, как живут другие государства и как мы до сих пор ещё не жили… Думать же, что мы можем все изменить, отняв всё у одних и передав другим, это является мечтою, которая лишь многое разрушит и приведёт к серьёзным затруднениям. Россия в этом смысле ещё не подготовлена, поэтому мы должны ещё пройти через путь развития частной инициативы…»[863]

Рябушинский сознательно путал здесь Божий дар с яичницей… Не так он был глуп, чтобы не понимать, что Ленин предлагает не просто «отнять всё у одних и передать другим», а что Ленин предлагает:

1) отнять землю у тех, кто ей ***лишь владеет*** и получает от этого доход, на земле ***не работая***, и передать тем, кто на земле ***работает***, ей не владея;

2) это же сделать с промышленными предприятиями, рудниками, шахтами и другими средствами извлечения дохода теми, кто ***не работает*** на фабриках, заводах и т. д., то есть –

передать их тем, кто там работает, передать, хотя бы, под их контроль со справедливым распределением доходов;

3) отнять у частных лиц право покупать и продавать землю, отнять у них право единолично владеть богатствами национальных недр и т. д. и передать это право народу, составляющему страну.

Ленин отрицал за рябушинскими и право жить в особняках в то время, как их рабочие ютятся в казармах. Отрицал за ними право дарить жёнам и любовницам бриллиантовые гарнитуры в то время, как дети рабочих не имеют возможности полноценно развиваться, получать хорошее образование…

Род конкретно Рябушинских был старообрядческим, не разгульным, но что это меняло по существу в общей картине свинцовых мерзостей российской полу-феодальной, полу-капиталистической жизни?

Ну, стала бы российская жизнь полностью капиталистической… Что – старообрядец Рябушинский или фабрикант Коновалов стали бы платить «свободным гражданам свободной России» те же ставки, что платили трудящимся в ***капиталистических*** Европе или США, там, где уже «живут по-людски»?

Держи карман шире!

Не для того Рябушинский летом 1917 года финансировал «Союз офицеров» и торжественно встречал Корнилова, чтобы материальное положение русских рабочих сравнялось с материальным положением хотя бы французских рабочих – не говоря уже о рабочих американских…

Да и были ли в состоянии конкретно братья Рябушинские и вообще все обобщённые рябушинские, вместе взятые, «развивая частную инициативу», построить великую, могучую, экономически развитую Россию?

Ответ-то на этот вопрос – если знать суть дела, может быть одним: нет!!!

Что представлял из себя традиционный российский капитал? Рябушинские, Морозовы, Коноваловы – текстильные фабриканты… Гучковы – мануфактурщики и банкиры… Терещенки – сахарозаводчики…

Иными словами, всё крутилось в пределах лёгкой и пищевой промышленности, где оборот капитала скор, где просто иметь высокую норму прибыли…

Современная либеральная сволочь поднимает на щит фигуры Рябушинского, Коновалова, восхищается их локальными социальными проектами… При этом сообщается, что Коновалов, например, «оснастил свой комбинат в Бонячках и прядильно-ткацкую фабрику в соседнем селе Каменка наисовременнейшими английскими прядильными станками и немецкими электрическими машинами»[864].

А что же «молодой фабрикант» Коновалов якобы радеющий о сильной России, вкупе с такими же якобы радеющими родами Рябушинских, Гучковых и т. д., не взял, да и не вложил капиталы в развитие ***российского*** текстильного ***машиностроения*** и ***российской*** электротехники?

Да и российская текстильная промышленность не очень-то рябушинскими создавалась! Русский экономист М. Туган-Барановский, разошедшийся с Лениным ещё в юности, писал, имея в виду хлопчатобумажную промышленность: «И в этой, казалось бы, вполне национальной отрасли нашего капитализма пионерами и „насадителями“ явились те же иностранцы»[865].

Более всего здесь стал известен немец Л. Кноп, который строил и оснащал «под ключ» текстильные фабрики в таких масштабах, что возникла даже поговорка: «Нет церкви без попа, нет фабрики без Кнопа»… Самой высоко оснащённой и крупнейшей в России была знаменитая нарвская Кренгольмская мануфактура Кнопа, которую называли «уголком Англии на русской

почве»[866]…

Что уж говорить о тяжёлой индустрии, металлургии чёрной и цветной, о разнообразном машиностроении? Они сплошь и рядом «насаждались» иностранцами… И уж, конечно же, делали они всё это, исключительно радея о «России ди мутер» («матушке-России»)…

Н-да…

Одно освоила царская Россия – собственное производство паровозов более-менее отечественной конструкции… Но автомобили, тракторы, экскаваторы, мощные подъёмные краны и прочее подобное было для царской экономики такой же экзотикой, как и радиотехника, электрические машины, приборостроение, тонкая химическая промышленность…

В России существовали заводы «Сименс и Шуккерт», «Эриксон», «Рено», производившие современные промышленные товары, но оборудование этих заводов было разработано и произведено не в России, как не в России разрабатывалась и сама техника, производившаяся на российских заводах…

В России не было не только адекватной задачам века промышленной базы – не было и научной базы, которая обеспечивает полноценное самостоятельное развитие экономики.

Волновало ли это Рябушинских и рябушинских?

И были ли они в состоянии изменить ситуацию к лучшему коренным образом в считанные годы? А ведь остальной мир не стал бы ждать Россию, он, всё больше обгоняя её, всё чаще её лягал бы…

В 1990 году – ещё в СССР – была издана монография Александра Донгарова «Иностранный капитал в России и СССР», где со ссылкой на мнение Витте (угу!) утверждалось, что «для держав такого ранга как Россия, даже огромный по масштабам импорт капитала не порождает проблем зависимости от стран-доноров»[867]…

Уж не знаю, чего в этом утверждении было больше – наивности или желания заранее подольститься к транснациональным корпорациям, готовящимся взять власть в СССР?

В той же монографии восторженно заявлялось, что «общим итогом работы иностранного капитала в России можно считать, что из страны, ещё в 1877 году ввозившей обыкновенные мешки (но при этом угрохавшей миллиард рублей на освобождение балканских „братушек“. – *С.К.*), в 1913 году она превратилась в страну, на 56 % удовлетворявшую свои потребности в станках и оборудовании за счёт внутреннего производства»[868].

Автор при этом «забыл» упомянуть, что, во-первых, эти станки и оборудование не в России были спроектированы, и что, во-вторых, тогдашняя потребность экономики России в станках была копеечной, а абсолютные цифры станкостроения находились на уровне сотен единиц в год!

Нет, к осени 1917 года Россия Николая Романова, Павла Рябушинского и Александра Керенского не только полностью провалилась и подвела себя к катастрофе, она ещё и исчерпала себя! Она уже была не в состоянии ни отвернуть страну от катастрофы, ни – если катастрофа станет фактом, вывести Россию из разрухи и быстро превратить её в мощное, современное, динамично развивающееся общество.

И, главное, все эти рябушинские – хоть они лопни! – не смогли бы превратить Россию в страну, где трудящиеся массы обрели бы полноправный и полноценный общественный статус, стали бы главным субъектом развития страны и в полной мере раскрыли свой творческий и исторический потенциал.

По большому историческому счёту всё это была ***шваль***, каковой являются и нынешние «россиянские» «бизнесмены, все эти прохоровы и абрамовичи… Но это была шваль с амбициями, с претензиями на историческую роль, и поэтому – опасная шваль.

Горьковский персонаж из „Дачников“ – Суслов, подчёркнуто заявлял: „Я – обыватель, я обываю…“ Здесь всё было ясно, всё откровенно… Рябушинские же, нанимавшие корниловых для

сохранения в России исторически бесперспективного буржуазного статус-кво, прикрывались высокими словесами о „судьбе Отечества“, об „общественной пользе“ и т. п.

А ведь они, поставившие Россию на грань исторической пропасти, были способны лишь низвергнуть её в эту пропасть…

Вернёмся к посмертной статье Павла Милюкова „Правда о большевизме“, где он оппонировал „упёртому“ антисоветчику М. В. Вишняку. Умирающий Милюков цитировал статью, опубликованную во время войны в нацистской газете „Das schwarze Korps“ („Чёрный корпус“). Пожалуй, будет уместно привести это признание врага именно здесь:

„Европейцу кажется невероятным, что советские солдаты дают гнать себя на верную смерть. Столь же невероятно, что они, несмотря на свою рабскую психику, являют примеры полного презрения к смерти… В чём же кроется их упорство? Непостижимо, чтобы люди, которые в повседневной жизни прозябают на низшей ступени (имея при этом московское метро и массовый пионерлагерь „Артек“. – *С.К.*) и потребности которых устрашающе примитивны (в СССР издавалось и читалось в народе столько классиков мировой литературы, что Германии и не снилось. – *С.К.*), что эти самые люди в состоянии справляться с очень сложными машинами, станками и инструментами, что они умеют обращаться с современным вооружением, ***которое они сами же в состоянии производить*** (жирный курсив везде мой. – *С.К.*). Примечательно, что они вообще сумели наладить производство этого вооружения. Удивительно, что они как-то поставили на рельсы нужный для этого гигантский ***аппарат управления***. Вот это – приводящее в изумление достижение. Объяснять его, равно как и поведение советского солдата в бою, только *массовым рабством* нельзя, ибо руками рабов можно прорывать каналы (уже на Беломорканале основной объём работ был выполнен техникой. – *С.К.*), но нельзя работать в военной индустрии. Приходится признать в советском человеке нечто похожее на *силу веры*…“[869]

Советский человек был силён, конечно, силой не веры, а силой духа… Недаром Герой Советского Союза Дмитрий Медведев – чекист, командир спецотряда „Победители“, назвал свою знаменитую в СССР книгу о деятельности отряда „Сильные духом“… Тем не менее, читая эти строки из „Das schwarze Korps“, с трудом веришь, что ***это*** было опубликовано в нацистском печатном органе!

Но это было опубликовано…

Смогли ли бы милюковы, рябушинские, гучковы, коноваловы создать за двадцать лет ***такую*** Россию, ***такой*** народ, обеспечить ***такую*** оценку русских смертельным врагом, да ещё и смотрящим на русских как на „недочеловеков“?

Нет, конечно!

Стать творцами такой России могли только Ленин и созданная им политическая сила – партия большевиков.

Причём приведённая выше оценка была оценкой врага, который смотрел на советское общество через прорезь прицела. Глядя же на новую Россию, вызванную к жизни гением Ленина, открытым взглядом объективного наблюдателя, можно было рассмотреть и ещё более удивительные её черты…

Но прежде чем приступить к акту Творения, Россию необходимо было спасти – спасти уже не от катастрофы, которая оказывалась, увы, неизбежной, а от ***необратимости*** этой катастрофы…

В известной читателю брошюре „Удержат ли большевики государственную власть?“ ***за месяц до того***, как большевики ***взяли*** власть, Ленин писал:

„Россией управляли после революции 1905 года 130 000 помещиков, управляли посредством бесконечных насилий над 150 миллионами людей, посредством принуждения

большинства к каторжному труду и полуголодному существованию.

И Россией будто бы не смогут управлять 240 000 членов партии большевиков, управлять в интересах бедных против богатых. Эти 240 000 человек имеют за себя уже теперь не менее одного миллиона голосов взрослого населения… Мало того, у нас есть „чудесное средство“ сразу, одним ударом *удесятерить* наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело – привлечение трудящихся…

Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно…“[870]

Как часто разного рода лжецы издеваются над якобы заявлением Ленина о том, что мол, у нас каждая кухарка будет управлять государством… Но, как видим, Ленин говорил о совершенно ином, во-первых…

Во-вторых же, эти идеи Ленина, проведённые в новой России в жизнь, и дали тот аппарат ***управления***, который восхитил и изумил нацистских деятелей из „Das schwarze Korps“…

Тогда Ленина понимали в этом не все… В той же брошюре „Удержат ли большевики государственную власть?“ Владимир Ильич описывал разговор с неким богатым инженером незадолго до июльских дней… Ленин не назвал его по имени, но, скорее всего, имелся ввиду Леонид Красин, в 1912 году отошедший от партии, в 1917 году занимавший пост директора петроградских заводов „Сименс и Шуккерт“ и вернувшийся к большевикам лишь в 1919 году.

„Инженер был некогда революционером, – писал Ленин, – состоял членом социал-демократической и даже большевистской партии. Теперь весь он – один испуг, одна злоба на бушующих и неукротимых рабочих. Если бы ещё это были такие рабочие, как немецкие, – говорит он (человек образованный, бывавший за границей), – я, конечно, понимаю вообще неизбежность социальной революции, но у нас, при том понижении уровня рабочих, которое принесла война… это не революция, это – пропасть.

Он готов бы признать социальную революцию, если бы история подвела к ней так же мирно, спокойно, гладко и аккуратно, как подходит к станции немецкий курьерский поезд. Чинный кондуктор открывает дверцу вагона и провозглашает: „Станция социальная революция. Alle aussteigen (всем выходить)!“ Тогда почему бы не перейти с положения инженера при Тит Титычах на положение инженера при рабочих организациях…“[871]

Ирония Ленина была несомненной, но горькой… Красина ли конкретно он имел в виду, или не Красина (хотя, скорее всего, Красина), но пример с Красиным вполне представителен. Ровесник Ленина, талантливый инженер, он был в юности активным большевиком, в 1905–1907 годах руководил боевой технической группой при ЦК, а потом „устал“ и „отошёл“… А ведь Ленин тоже мог „устать“, „отойти“, быстро заработать себе имя и состояние той же адвокатурой или стать университетским профессором…

Конечно, не только Ленин не отошёл в годы реакции от борьбы за будущее трудящегося большинства, и как раз это обеспечивало партии большевиков уникальную устойчивость против „сволочизма“ вождей и давало партии людей не только талантливых, но и идейных.

Да и Леонид Красин, чей прах в 1926 году был погребён в Кремлёвской стене, успел неплохо послужить новой России на постах наркома внешней торговли, полпреда в Англии и во Франции. Но к новой России он своих соотечественников не вёл… И о нём ли, не о нём, но о

таких как он, о ***слое*** „богатых инженеров“ красиных, Ленин писал:

„Этот человек видел стачки. Он знает, какую бурю страстей вызывает всегда, даже в самое мирное время, самая обыкновенная стачка. Он понимает, конечно, во сколько миллионов раз должна быть сильнее эта буря, когда классовая борьба подняла весь трудящийся люд огромной страны, когда война и эксплуатация довели почти до отчаяния миллионы людей, которых веками мучили помещики, десятилетиями грабили и забивали капиталисты и царские чиновники. Он понимает всё это „теоретически“, он признаёт всё это *губами*, он просто запуган „исключительно сложной обстановкой“…“[872]

Вот ответ самого Ленина всем своим горе-„обвинителям“ на все времена… Если ты не социальная тля, не клоп на теле общества, не образованный обыватель, а политический борец за честное общество, то ты должен понимать и признавать реальности социальной ситуации не губами, а умом и сердцем… Не на словах, а на деле! И делать это дело в любой, в том числе и в „исключительно сложной обстановке“…

Вот Ленин и был занят осенью 1917 года невероятно сложным делом – совершением социальной революции, которая одна могла вытащить – пусть и не сразу – Россию из той социальной катастрофы, до которой довели Россию оппоненты Ленина…

Ленин раз за разом говорил в 1917 году о том, что у России есть три выхода: 1) сползание в хаос; 2) военная диктатура корниловцев в интересах правящей кучки; 3) диктатура пролетариев и беднейших крестьян, способная сломить сопротивление капиталистов и проявить, говоря словами Ленина, „действительно величественную смелость и решительность власти“.

В опубликованной в сентябре 1917 года в „Правде“ статье „Один из коренных вопросов революции“ Ленин цитировал видного эсера И. А. Прилежаева… Тот в эсеровской газете „Дело Народа“ „оплакивал, – как писал Ленин, – уход Пешехонова *(одного из руководителей партии „народных социалистов“ („энесов“) и министра продовольствия Временного правительства. – С.К.*) и крах твёрдых цен, крах хлебной монополии“.

Прилежаев сокрушался: „Смелости и решительности – вот чего не хватало нашим правительствам всех составов (имелись в виду разные составы Временного правительства. – *С.К.*)… Революционная демократия не должна ждать, она должна сама проявить инициативу и планомерно вмешаться в экономический хаос… Если где, так именно здесь нужны твёрдый курс и решительная власть“.

Владимир Ильич эти стенания и тоску Прилежаева по „твёрдой руке“ прокомментировал так:

„Вот что правда, то правда. Золотые слова. Автор не подумал только, что вопрос о твёрдом курсе, о смелости и решительности не есть личный вопрос, а есть вопрос о том *классе*, который способен проявить смелость и решительность. Единственный такой класс – пролетариат. Смелость и решительность власти, твёрдый курс её, – не что иное, как диктатура пролетариата и беднейших крестьян. И Прилежаев, сам того не сознавая, вздыхает по *этой диктатуре*“[873].

Замечу, к слову, что бывший кадет Василий Маклаков (1869–1957), в 1917 году – посол Временного правительства во Франции, затем дипломатический представитель Колчака, Деникина и Врангеля, в беседе с Василием Шульгиным в 1921 году в Париже заявил, что большевики, за которыми он признал „решимость принимать на свою ответственность самые невероятные решения“, восстанавливают, во-первых, военное могущество России и, во-вторых, восстанавливают границы Российской державы до её естественных пределов[874].

Милюковы и Маклаковы в реальном масштабе времени – посреди катастрофы, лишь вздыхали и пакостили, а Ленин и его партия действовали, не боясь принимать на свою ответственность самые трудные, но необходимые для выхода из катастрофы решения.

В конце октября (начале ноября) 1917 года Керенский решил пойти ва-банк – он попытался закрыть большевистские газеты „Солдат“ и „Рабочий путь“ и даже арестовать руководителей Петросовета во главе с Троцким… На 22 октября (4 ноября) 1917 года в Петрограде был назначен казачий „крестный ход“ – фактически, демонстрация готовности властей использовать силу и, в то же время, – смотр этой силы.

Петроградский Совет обратился к казакам с воззванием, большевистские делегаты появились в казачьих казармах… Представители казачьих полков были приглашены в Смольный на совещание полковых комитетов, проводившееся Петроградским Советом 21 октября(3 ноября). На совещании казаки заявили, что они против рабочих и солдат не пойдут, и в ночь накануне „хода“ Временное правительство казачий „ход“ отменило – чтобы не осрамиться окончательно.

Ленин в письме Свердлову писал: „*Отмена демонстрации казаков есть гигантская победа. Ура! Наступать изо всех сил и мы победим вполне в несколько дней! Лучшие приветы. Ваш*“[875].

Письмо из конспиративных соображений Владимир Ильич подписал просто „Ваш“, однако все эти „соображения“ он через два-три дня пошлёт к чёрту – уже навсегда!

Увы, о тех днях в советское (точнее – в хрущёвско-брежневское) время было написано настолько ***не всё***, что сегодня проходимцы, или глупцы, или гешефтмахеры от истории, манипулируя цифрами и фактами, пытаются доказать недоказуемое, то есть, во-первых, политическую недобросовестность Ленина и, во-вторых, не его ведущую, решающую роль в событиях…

Не буду много останавливаться на разборе всех этих глупостей или лжей различных авторов, а приведу лишь один пример, и им ограничусь… Всё тот же, не раз уже поминавшийся, Сергей Шрамко утверждал в 2007 году в журнале „Сибирские огни“:

„Когда в сентябре 1917 года Ленин, обращаясь к членам своего ЦК, пишет: „За нами большинство класса, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы. За нами большинство народа… За нами верная победа…“[8], – вряд ли стоит его слова воспринимать всерьёз. Истинная стратегия большевиков ***в те дни*** (жирный курсив везде мой. – *С.К.*) выражена иной фразой вождя: „Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало убедить, а потом принудить“[9]. Вот такую простенькую задачу ставит перед единомышленниками Ленин: сначала – любой ценой (пусть даже ценой обмана) убедить. ***Придём*** к власти – сможем принуждать…“

Неискушённый читатель, у которого под рукой нет первоисточника приведённых Шрамко цитат, из контекста заявления Шрамко сделает однозначный вывод о том, что ***обе*** ленинские цитаты относятся к периоду ***до*** взятия власти большевиками и по времени близко соседствуют.

Но это – не так, да и ещё как ***не так***!

Первая цитата, обозначенная у Шрамко сноской „8“ ([8]Ленин В. И. ПСС. 5 изд., т. 34, с. 244), взята из ленинского письма в ЦК „Марксизм и восстание“, написанного в Гельсингфорсе 13–14 (26–27) сентября 1917 года, а вторая цитата, обозначенная сноской „9“ ([9]Ленин В. И. ПСС. Т.43, с.54) – это слова из речи о профессиональных союзах, произнесённой Лениным 14 марта 1921 года на X съезде РКП(б) – через три с половиной года ***после*** взятия власти!

При этом Шрамко последнюю цитату выдрал из ленинской речи просто-таки „с мясом“! Ленин тогда разбирал конкретные ***текущие*** ошибки большевиков по отношению к профсоюзам и говорил:

– Для того, чтобы установить взаимопонимание, взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой, надо было, если Цектран сделал ошибку, – каждому случается увлекаться, – надо было её исправить… Но когда эту ошибку начинают защищать, то это

делается источником политической опасности… Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало убедить, а потом принудить. Мы не сумели убедить широкие массы и нарушили правильное соотношение авангарда с массами…[876]

Где здесь обман?

Это называется ***сознательной дисциплиной***: вначале людям разъясняют необходимость дисциплины, убеждают в её необходимости, потом разъясняют их задачи, и тем получают право в дальнейшем требовать, приказывать, а при не выполнении приказов – да! и принуждать к их исполнению. Причём в 1921 году ленинские мысли касались конкретных текущих дел государственной советской работы.

У Шрамко же всё передёрнуто! Между прочим, и с первой цитатой он смошенничал, поскольку привёл ***лишь часть*** ленинского анализа Июльских событий 1917 года в сопоставлении с ситуацией осени 1917 года…

И чтобы уж покончить в этой книге с инсинуациями Шрамко, скажу следующее…

Выдвигая на роль „творца Октября“ фигуру Абрама Иоффе – зато задвигая на второй и третий план Свердлова, Дзержинского, Сталина и даже Ленина („Тут пора спросить: а был ли Ленин вообще причастен к организации, планированию и проведению переворота?“), Шрамко обнаруживает или крайнюю уж, застилающую глаза, злобу к идеям социализма, или уподобляется фантастическому „дипломированному“ разбойнику Мордону из „Семи путешествий Трурля и Клапауция“ Станислава Лема…

Мордон требовал от двух роботов-конструкторов Трурля и Клапауция аутентичных „бесценных тайн“ и „доподлинных истин“, а получил от них кучу информационного „спама“ в виде „вполне правдивой и во всех отношениях осмысленной информации“ о „размерах ночных туфель с помпонами на континенте Гондвана, толщине волос, которые растут на медном лбу мялколела бадейного…“, и прочем подобном.

Очень мне напоминают „историки“ типа Сергея Шрамко этого высокоучёного дипломированного разбойника Мордона… Они выуживают из архивов гуры формально правдивой информации, но совершенно не в состоянии честно и верно осмыслить её, отделив существенное от несущественного, второстепенного…

Впрочем, в русской литературе „синдром Шрамко“ тоже описан – Иваном Андреевичем Крыловым в его басне „Любопытный“… Там некто после похода в Кунсткамеру, перечислил всех „бабочек, букашек, козявок, мушек, таракашек, а на вопрос: „А видел ли слона?“ ответил: „Слона-то я и не приметил“…

Вот так и Сергей Шрамко с его „открытиями велосипеда“ насчёт того, что большевистский Военно-революционный комитет был лишь частью ВРК при Петросовете, что Сталин то и дело „писал передовицы“…

Всё это – правда, но – лишь часть правды, причём – не самая существенная её часть. Что же до того, что организовывали „переворот“ – по Шрамко – якобы „забытые“ герои, а вовсе не Ленин и созданная Лениным партия, то с точки зрения перечисления имён Шрамко не наврал…

Он тщательно учёл всех – вплоть до „букашек“ Октября, но „слона“ Ленина не желает видеть в упор.

Ну и ладно.

Кроме злостных „100 %-но правдивых“ лжецов, среди историков Октября имеется немало и тех, кто старается быть объективным. Это, как правило, западные историки, однако в силу идейной и политической ограниченности они тоже видят Октябрь куце. Правда, практически все западные авторы – в отличие от Шрамко и ему подобных – не отрицают, что подлинным творцом Октября и его „мотором“ был Ленин, и не „прежде всего Ленин“, а именно Ленин.

Скажем, весьма близок к хотя бы относительно верной исторической реконструкции Октября 1917 года профессор Вермонтского университета Р. В. Дэниелс, выдвинувший ещё в 1967 году свою трактовку событий. Его версию изложил профессор Пенсильванского университета Джордж Энтин в статье „К истолкованию русской революции 1917 года“, опубликованной в журнале „Вопросы истории“ в 2012 году.

Дэниелс, а за ним и Энтин, считают, между прочим, что на активные действия Ленина спровоцировали активные превентивные меры против большевиков Керенского. И вот здесь правды уже намного больше – вспомним опасения Ленина насчёт сдачи немцам Питера, подтягивания к столице с фронта казачьих частей и так далее…

Как сообщает Джордж Энтин, Дэниелс был убеждён, что „если бы Керенский не стал действовать, Съезд (II Съезд Советов. – *С.К.*) мирно собрался бы, и, по всей вероятности, создал многопартийное правительство, в котором большевики пользовались бы значительным влиянием, но не диктаторскими полномочиями…“[877]

Примерно об этом же пишет и профессор Александр Рабинович:

„В предшествующие недели и месяцы большевики сосредоточивали свои усилия почти исключительно на деятельности, отвечавшей установке на мирное развитие революции“[878].

Это было действительно так! В написанной весной 1920 года и опубликованной в июне 1920 года работе „Детская болезнь левизны в коммунизме“ Ленин напоминал: „Мы говорили меньшевикам и эсерам (весной и летом 1917 года. – *С.К.*): берите всю власть без буржуазии, ибо у вас большинство в Советах (на I Всероссийском съезде Советов большевики имели в июне 1917 года всего 13 % голосов)…“[879]

Это ведь говорилось публично, „без дураков“! Но, увы, говорилось дуракам, да уже – и негодяям…

И Ленин в 1920 году имел все основания сказать о весне, лете и начале осени 1917 года:

„Но [они] боялись взять власть без буржуазии, и когда буржуазия оттягивала выборы в Учредительное собрание, прекрасно зная, что оно даст большинство эсерам и меньшевикам (те и другие шли в теснейшем политическом блоке, представляя на деле *одну* мелкобуржуазную демократию), то эсеры и меньшевики были не в силах энергично и до конца бороться против этих оттяжек“[880].

Так ведь и было, господа „россиянские“ „историки“!

Западные историки придают чуть ли не решающее значение тому факту, что Керенский попытался очистить столичный гарнизон от большевизированных частей и это, де, сыграло роковую для режима роль[881].

Но смотреть на события так – значит смотреть на них в узкую щёлку, а не в распахнутую дверь.

Попробуем открыть дверь шире, воспользовавшись, например, данными исследования 1995 года Г. А. Герасименко „Народ и власть (1917 год)“…

Скажем, 16 октября 1917 года – за 10 дней до восстания в Петрограде, в Рязани закончился губернский съезд Советов, высказавшийся за ликвидацию существующей власти и избравший руководящий орган из большевиков. Губернский комиссар Временного правительства немедленно известил командующего Московским военным округом, но что тот мог поделать – за рязанскими большевиками стоял 40-тысячный местный гарнизон!

17 октября 1917 года в Харькове на съезде полковых и ротных комитетов Харьковского гарнизона повторяется рязанская картина, и резолюции съезда приняты абсолютно в ленинском

духе, причём заявлено, что на смену власти Керенского придёт правительство, которое будет в состоянии осуществить требования народа: помещичья земля крестьянам без выкупа, рабочий контроль над производством и распределением, мир без аннексий и контрибуций…

А 22 октября 1917 года по всей России прошли многолюдные демонстрации в поддержку созываемого II Всероссийского съезда Советов[882].

Нет, успех Октября 1917 года в Петрограде был предопределён общим развитием ситуации в стране. И этим же общим развитием ситуации осенью 1917 года был предопределён будущий ***не***успех Учредительного собрания в том случае, если оно окажется преимущественно буржуазным.

Николай Стариков уверяет, что германо-англо-французский шпион Ленин заранее имел-де от хозяев задачу разогнать Учредительное собрание – даже если бы большевики имели в нём большинство. Но Ленин всю весну и начало лето 1917 года торопил с выборами в то Учредительное собрание, о котором он ***заранее*** знал, что будет там ***в меньшинстве***.

При этом Ленин отдавал себе отчёт в том, что такое – избранное весной 1917 года до I съезда Советов, или летом или даже в сентябре 1917 года до II съезда Советов, Учредительное собрание, большевикам распустить не удастся. Но он шёл на это, понимая, что надо как можно скорее стабилизировать ситуацию.

Или возьмём ленинские „Тезисы для доклада на Конференции Петербургской (Ленин именует её так по старой привычке, хотя в 1914 году Петербург был переименован в Петроград. – *С.К.*) организации 8 октября 1917 года“. Владимир Ильич, находившийся в подполье, участвовать в конференции не мог, и передал тезисы в письменном виде.

Петроградская общегородская конференция проходила с 7(20) по 11(24) октября 1917 года – в канун Октября. В решениях конференции так и было записано: Мы переживаем канун массового пролетарского восстания“, но та же конференция обсуждала и выборный список большевиков в Учредительное собрание.

И в переданных тезисах Ленин, возмущаясь тем, что ненадёжного „оратора и литератора“ Ларина намерены провести в Учредительное собрание, заявлял:

„Серьёзная работа внутри Учредительного собрания“ будет *сближение* с крестьянами близкое, тесное, интимное. На это годны только рабочие, близкие по жизни к крестьянам. Ораторов и литераторов набивать в Учредительное собрание значит идти по избитой дороге оппортунизма…»[883]

Тезисы не предназначались для опубликования, это был внутрипартийный деловой документ, так что он отражал, конечно же, истинную позицию Ленина. И, как видим, Ленин даже в октябре 1917 года был готов работать в Учредительном собрании, а не разгонять его…

Понадобились предоктябрьские провокации Керенского, Октябрь 1917 года и два первых месяца существования Советского государства, чтобы Учредительное собрание с эсеро-меньшевистско-кадетским большинством стало анахронизмом и тормозом на пути как к стабилизации ситуации, так и к уверенному будущему народов России.

С другой стороны, к октябрю 1917 года тянуть с решительными действиями большевикам было уже нельзя. В переданном для зачтения на закрытом заседании конференции ещё одном письме, Ленин предупреждал:

«Товарищи! Позвольте мне обратить внимание конференции на крайнюю серьёзность политического положения…

Не доказывает ли полное бездействие английского флота вообще, а также английских подводных лодок при взятии Эзеля [остров в Моонзундском (Муху) проливе. – *С.К.*] немцами, в связи с планом правительства переселиться из Питера в Москву, что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами

заключён *заговор* об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции *таким путём*»[884].

Тревога Ленина была резонной – нечто подобное было разыграно версальцами и пруссаками в 1871 году в целях подавления Парижской коммуны.

Напомню, что Парижская Коммуна 1871 года – революционное правительство парижских рабочих, стала результатом революции на фоне поражения Франции Наполеона III во франко-прусской войне 1870-71 годов.

После катастрофы под Седаном, 4 сентября 1870 года Вторая империя пала, была провозглашена республика, но к власти пришли либералы и образовали «правительство национальной обороны» во главе с генералом Трошю и Тьером – ведь немцы продолжали оккупировать Францию и 17 сентября 1870 года начали осаду Парижа.

28 января 1871 года было подписано унизительное для французов перемирие. Париж волновался, к тому же резко обострилась безработица, народ голодал. Попытка подавить рабочих закончилась восстанием 18 марта, правительство Тьера бежало в Версаль, власть в Париже перешла к пролетариату. Но продержалась Коммуна 72 дня. Отсутствие единой линии и сговор Тьера с Бисмарком позволили «версальцам» в конце мая 1871 года занять Париж штурмом и буквально утопить Коммуну в крови – общее количество жертв белого террора составило около 100 тысяч человек.

И коль уж подобная технология подавления революционных масс в ситуации внешней войны один раз была успешно опробована во Франции, то почему бы было не использовать её в России?

В Июле 1917 года российская реакция попыталась реализовать сценарий Июля 1848 года в Париже, теперь – в октябре 1917 года была вполне возможной попытка реакции реализовать в Петрограде ещё один парижский сценарий – мая 1871 года…

К слову – беспокоился ли бы Ленин о судьбе русской революции, предупреждал ли бы он соотечественников об опасности, если бы обслуживал иностранные интересы?

Ленин даже накануне Октября всерьёз рассчитывал на то, что большевикам придётся в Учредительном собрании работать! И работать не на Германию или Антанту, а на трудящуюся Россию. Да, он писал Ивару Смилге из Выборга 27 сентября (10 октября) 1917 года о том, что стоило бы «пустить в обращение лозунг» – «Власть должна немедленно перейти в руки Петроградского Совета, который передаст её съезду Советов»[885].

Но при этом через неделю уже ***после*** перехода власти в руки Петроградского Совета, который передал её II съезду Советов, большевики провели выборы в Учредительное собрание.

Другое дело, что теперь политическая ситуация изменилась принципиально, и задачей Учредительного собрания – если бы его большинство заботилось о будущем России, становилось утверждение новой власти и сотрудничество с ней на базе основных принятых декретов Советской власти – более чем демократических и Россией ожидаемых.

Отказавшись от этого, «учредители», как и «временные» правители России (в число которых входили и все буржуазные «учредители») сами обрекли себя на исторжение из политической жизни новой России.

Впрочем, в конце октября 1917 года всё это было ещё впереди, и даже Ленину всё виделось в дымке неясного будущего.

Ясно было одно – Временное правительство надо низвергать немедленно, надо немедленно брать власть и провозглашать новую Россию на открывающемся 25 октября 1925 года II съезде Советов.

Глава 33. Десять дней, которые потрясли мир

За день до того, как выстрел вошедшего в «Неву» крейсера «Аврора» возвестил миру о рождении нового мира (уж в этом-то – в абсолютной социальной новизне, Октябрю 1917 года не отказывают даже злейшие клеветники на Ленина) диспозиция главных фигур 1917 года была такова…

Керенский и Временное правительство засели в Зимнем дворце, который всё более походил на могильный склеп…

Троцкий, Сталин и Свердлов находились в Смольном, который всё более походил на улей…

Ленин же всё еще пребывал в квартире Фофановой, которая всё более походила на клетку…

Кажется, Талейрану принадлежит следующая – хотя и спорная, но для многих случаев верная – мысль: «Романист обязательно награждает своих главных героев умом и выдающимся характером. История не так разборчива и выдвигает на главные роли того, кто в данный момент оказывается под руками».

По отношению к Керенскому и его коллегам эта мысль абсолютно верна!

По отношению к Ленину и его коллегам эта мысль верна от противного, иными словами – абсолютно неверна!

Даже Троцкий, которого надо назвать «злым гением русской революции» (возможно даже – доверенным эмиссаром мировой Элиты, имеющим задачу по мере возможностей контролировать и направлять процесс), даже, повторяю, Троцкий действовал в те дни незаурядным образом и играл роль положительную, потому что жил и действовал в русле ***ленинских*** идей, планов и устремлений.

Все россказни о ведущей (или, хотя бы, равнозначной с Лениным) роли Троцкого в Октябре 1917 года – не более чем результат его саморекламы и троцкистского «пиара»… Для того, чтобы понять это, нет необходимости рыться в секретных архивах – для этого достаточно окинуть взглядом дооктябрьскую политическую деятельность Троцкого и познакомиться с его дооктябрьскими статьями, книгами и т. д.

Сравнивая то, что делал и что предлагал Троцкий с тем, что делал и предлагал Ленин, начиная с конца XIX века до конца октября 1917 года, любой объективный историк раз и навсегда зачеркнёт версию о том, что Троцкий был в Октябре 1917 года тем, кого можно назвать творцом событий. Выдающимся участником – да, но – не творцом…

Если взять, например, знаменитую книгу американского журналиста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», название которой послужило заголовком данной главы, то на её страницах имя Троцкого встречается почаще, пожалуй, чем имя Ленина… Но это объясняется тем, что Троцкий выступал на публике, а Ленин, Сталин, Свердлов и ряд испытанных большевиков были заняты конкретными организационными делами, куда журналистов и близко не подпускали.

Троцкий – это одна из первых «звёзд» Октября.

Ленин же…

Ленин – это и есть Октябрь 1917 года.

25 октября (7 ноября) 1917 года в Смольном в 14.00 должен был открыться II съезд Советов. Большинство делегатов были большевиками или шли за большевиками, но эсеры и меньшевики, формально руководившие пока что Центральным Исполнительным комитетом, тоже имели немалую поддержку. Начать в этих условиях, да ещё при формально существующем Временном правительстве съезд с дискуссий с оппонентами – а тот же Фёдор Дан сразу бы начал спорить и обвинять, означало терять темп, что в эндшпиле всегда чревато поражением.

К тому же Ленин уже имел прецедент с областным съездом Советов Северной области, закончившимся полмесяца назад. Там большевики имели простое большинство, а с левыми эсерами – квалифицированное большинство более чем в две трети. И Ленин подталкивал уже этот съезд к взятию власти, но делегаты съезда не отважились.

Хотя и могли бы…

Власть – если ты понимаешь её как ответственность, а не как возможность распоряжаться – обычного честного человека всегда страшит. Ленин не боялся взять власть по одной единственной причине – он был гениальным прирождённым управленцем, он знал, что лучше его никто не «разрулит» российскую ситуацию, а точнее – её может «разрулить» лишь партия большевиков.

А Ленин – это и была, во многом, партия.

Накануне съезда Советов Северной области Ленин написал нечто вроде письма соратникам, назвав свои заметки не без иронии «Советы постороннего». Владимир Ильич в очередной раз напоминал о совете Маркса, писавшего, что «восстание, как и война, есть искусство» и продолжал:

«Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твёрдо, что надо *идти до конца*.

Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте и в решающий момент…

Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. „Оборона есть смерть вооружённого восстания“.

Надо стараться захватить врасплох неприятеля…

Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идёт об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, *„моральный перевес“*…»[886]

Закончил Ленин свои «Советы постороннего» словами: «Успех и русской, и всемирной революции зависит от двух-трёх дней борьбы».

Вообще-то, он был прав в том смысле, что всё, о чём он писал и что предлагал, можно было обеспечить в течение считанных дней. И что касается непосредственно восстания, то оно так и вышло…

Однако после захвата власти не всё пошло хорошо – не по вине, впрочем, Ленина… Если бы ***весь*** народ, или, хотя бы, подавляющее большинство народной массы было готово действовать решительно и «идти до конца» во всём, то сразу же после свержения «Временных», при наличии ***всеобщего*** народного согласия, можно было бы заняться оттаскиванием России от грозящей ей катастрофы. Но как раз тут, как мы увидим, дела наладились, увы, далеко не сразу…

При всём при том, если Ленин в чём и ошибся, так это – в своём очень уж хорошем мнении о русском народе… Ленин переоценил готовность ***всего*** народа ***без колебаний*** принять простые, вообще-то, ленинские истины. Вспоминая знаменитые слова Бисмарка, можно сказать, что русские ездят-то быстро, да вот ***запрягают*** долго. Впрочем, и сам русский народ признавал, что «русский мужик ***задним*** умом крепок»…

Эта черта национального характера, не раз подводившая русский народ, и в ближайшие годы сослужит ему не лучшую службу.

Однако – не разбив яиц, не изжаришь яичницы, и действовать – так или иначе, надо было… Причём действовать надо было без промедления, ибо промедление было смерти подобно, и смерти не только революции, но и России – как дееспособного общества.

К тому же, Керенский затевал какую-то авантюру, признаком чего стало удаление из правительства колеблющегося А. И. Верховского – 19 октября (1 ноября) 1917 года последний военный министр в последнем составе Временного правительства вынужден был подать в

отставку…

Съезд Советов Северной области «советам постороннего», то есть – призыву Ленина взять власть, не внял и решительности не проявил.

И не было никакой гарантии, что близящийся II Всероссийский съезд Советов будет намного решительнее съезда Советов Северной области – если его не подтолкнуть…

По всему выходило, что второй Всероссийский съезд Советов надо открыть 25 октября 1917 года при ***уже*** низвергнутом Временном правительстве.

Нельзя было ставить делегатов перед ***дилеммой***: брать власть единолично в руки Советам, или не брать и погодить до Учредительного собрания…

Делегатов надо было поставить перед ***фактом***: Временного правительства нет, провозглашайте власть Советов, товарищи!

Необходимость только такой постановки вопроса Ленин понимал лучше, чем кто-бы то ни было. Во всяком случае, точку зрения Ленина мог довести до уровня действий только сам Ленин – лично!

Весь день 24 октября (6 ноября) 1917 года он посылает записки в ЦК, а затем пишет на своей последней конспиративной квартире знаменитое письмо к членам ЦК в Смольный:

«Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь всё висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооружённых масс…

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться!) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять всё!!

Цена взятия власти тотчас: защита *народа* (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй корниловский заговор.

Кто должен взять власть?

Это сейчас неважно: пусть её возьмёт Военно-революционный комитет „или другое учреждение“, которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (землю взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных…»[887]

Это – лишь начало письма, в котором Ленин, кроме прочего, мотивирует необходимость немедленного свержения Временного правительства удалением из состава правительства военного министра Верховского – фигуры неоднозначной, но антикорниловской. Ленин настаивал на аресте министров «сегодня вечером, сегодня ночью», иными словами – до открытия II Съезда Советов, и заявлял, что «было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября…»

Был ли Ленин прав?

Безусловно!

Начать надо с того, что вокруг Питера тогда закручивался тройной тугой узел.

Наступали немцы, и были все основания предполагать, что Петрограду правящей элитой уготована судьба Риги.

В Балтийском море появилась английская эскадра, и её поведение тоже было

подозрительным.

Наконец, активизировался сам Керенский, и его могли подпереть корниловцы…

Это всё – с одной стороны.

С другой стороны, не было особых сомнений в том, что большинство Съезда примет линию большевиков…

Однако то, ***насколько решительно*** повернутся события после открытия Съезда, можно было лишь предполагать – очень уж охоч русский народ стал на митинговщину.

Особенностью национальной политики России в 1917 году были митинги. Митинговать как начали с марта, так оно дошло и до ноября… Площади даже уездных городов устилал серый «ковёр» шелухи от семечек – народ слушал ораторов от разных партий, и одновременно *лузгал*…

В стране, где веками лишний раз и пикнуть не давали, это было понятно и объяснимо. Но время речей проходило. Позднее Владимир Маяковский определит суть ситуации точной формулой:

Тише,
ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер!

Керенский же, загнанный в угол самим собой, мог пойти на крайние меры – как это уже было проделано им в Июле 1917 года.

Крыса в углу – это всегда опасно!

Ленин требовал:

«Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью…»[888]

«Верхи» большевиков в Смольном (не все, но многие) всё ещё колебались, а Ленин ***и только Ленин*** тащил их и Россию к верному – это показали уже ближайшие сутки – решению буквально за шиворот, и вдалбливал в головы:

«История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя терять всё.

Взяв власть сегодня. Мы берём её не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия…

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, а не ждать их…

Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно»[889].

Казалось бы, что тут неясного? Ленин простым русским языком втолковывал: «Мы берём власть не против Советов, а для них!». Тем не менее, даже среди большевиков на сей счёт шли споры.

Можно ли было доводить до споров на открывшемся Съезде Советов? Под эти споры революцию в считанные день-два могла сменить контрреволюция, что означало большую кровь.

Не-е-ет, власть надо было брать немедленно – до открытия съезда!

И в наступивший за написанием письма вечер Ленин, послав к чёрту все конспирации, отправляется с Рахья в Смольный, оставив Маргарите Фофановой записку: «*Ушёл туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич*».

Подписавшись так, он дал понять Фофановой, что с подпольем покончено – он уходит в открытую политическую схватку.

Найдя в квартире вместо Ленина его записку, Фофанова тут же бросилась в Смольный, и там увидела Ленина – уже без парика, в окружении людей…

В деле!

Одна ночь отделяла то славное реализовавшееся «сегодня», о котором писал Ленин в письме в ЦК от того возможного бесславного «завтра», о котором писал он же. Но к этой ночи между «сегодня» и «завтра» он последовательно готовился сам, готовил партию и живую часть народной массы всю свою жизнь.

Уверен, что, идя по ночным улицам Питера, он не думал об историческом значении момента, о своём близящемся триумфе и прочем подобном. Надо полагать, думал он об одном – как бы побыстрее добраться до Смольного, да и вообще до него добраться.

Однако момент был исторический, и уже назавтра его ожидали триумф, громовые аплодисменты, восторг, но он заранее всё это отметал. Уже говорилось, что умный лётчик-испытатель высказал точную мысль: «Если испытатель идёт в полёт как на подвиг, значит он к полёту не готов». Вот и Ленин не думал об истории – **он её делал!**

Как жалко выглядят все потуги умалить заслугу Ленина в том, что восстание стало из потенции фактом именно тогда, когда промедление в выступлении было смерти подобно! Ночью Ленин взял дело в свои руки, а уже в 10 часов утра 25 октября 1917 года в редакцию «Рабочего и Солдата» и на Центральный телеграф ушло написанное Лениным обращение «К гражданам России!»:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов»[890]

Написать можно всё, но за одни сутки ***сделать*** написанное совершившимся событием может лишь подлинно народный вождь, держащий руку и на пульсе истории, и на пульсе той части народа, которая готова делать историю.

Почему Ленин рискнул низложить Временное правительство «на бумаге» ***до того***, как оно было арестовано? Да потому, что, придя в Смольный, он уже не сомневался в том, что его заявление станет фактом если не к середине дня, то уж к вечеру – точно!

Так оно, к слову, и произошло.

При этом обращение «К гражданам России!» – фактически, самый первый документ

Советской власти, по форме было советским, а не большевистским. Ленин и тут мыслил верно: Военно-революционный комитет ***при Петросовете*** был более широким органом, чем чисто партийный Военно-революционный комитет, куда входили Сталин, Свердлов, Подвойский, Бубнов, Дзержинский, Молотов…

Более узкий «партийный» ВРК входил в «советский» ВРК, где работали и беспартийные, и левые эсеры, и меньшевики-интернационалисты, и даже анархисты… В ВРК при Петросовете входили также представители фабрично-заводских комитетов, профсоюзов и войсковых частей.

Как межпартийный, а точнее – беспартийный, орган, ВРК Петросовета возглавлял – с согласия большевиков, левый эсер Павел Лазимир, председатель солдатской секции Петросовета, помощник военного врача. Впрочем, как сообщает профессор А. Рабинович, в «наиболее критические дни Октябрьской революции в Петрограде, то есть между 21 и 25 октября» Подвойский, Антонов-Овсеенко и Троцкий исполняли обязанности председателя ВРК, «так же часто, как Лазимир»[891].

Но даже наиболее боевая и решительная часть даже партийного ВРК не играла роль коллективного ***идейного вождя***, хотя в качестве ***технического*** органа организации восстания Военно-революционные комитеты – как партийный, так и «общий», «советский», выполняли важные и необходимые функции.

Идейный же вождь у Октября был один – Ленин. И основные идеи Октября были высказаны им не в 1917 году, а за десятилетия до него.

А Лазимир?

Сейчас фигуру Лазимира пытаются выпячивать, в послеоктябрьской же советской историографии имя Лазимира популярностью не пользовалось – считалось, что ВРК руководил Подвойский. И это было, вообще-то, не позднейшей мистификацией, и не апокрифом. Так, в архивном фонде Петроградского ВРК имеются документы, подписанные Подвойским 24 октября и как «председатель ВРК», и «за председателя», и даже «за секретаря»…

Дни-то были горячие – не до формальностей. Кресел не делили, ибо и кресел-то не было, зато обязанностей хватало.

Более того, имеются документы ВРК за октябрь-ноябрь 1917 года, подписанные ***от имени председателя*** также Свердловым, Урицким, Дзержинским и…

И – Лениным!

Последний факт малоизвестен, но он абсолютно документален. Софья Шульга (1896-позднее 1963), член партии с февраля 1916 года, работала в Петроградском ВРК со второй половины дня 25 октября, а в 60-е годы опубликовала статью «В. И. Ленин в Петроградском ВРК». В ней Шульга сообщала, что в архивах ВРК имеется удостоверение, выданное Ленину как члену Петроградского ВРК от 27 октября 1917 года.

Она же пишет, что в 1957 году в пятом номере журнала «Исторический архив» было опубликовано два документа: один от 26 октября 1917 года за подписью Ленина как члена Петроградского ВРК, второй от 30 октября – как ***председателя*** Петроградского ВРК. В статье С. И. Шульги проводится и автограф последнего документа: мандат В. В. Косиору как представителю ВРК, заверенный печатью Военного отдела ВРК.

Сама Шульга резонно не делала из этого факта сенсации и писала, что «из этого, конечно, не следует делать вывод о том, что Ленин был председателем Петроградского ВРК в современном смысле этого слова», и что «ленинский стиль коллективного руководства снимал вопрос об официальном, постоянном председателе в современном смысле слова».

С учётом этого говорить о том же Лазимире как фигуре первостепенной не приходится.

Забегая несколько вперёд, сообщу, что 27 октября 1917 года было организовано Бюро комиссаров – как отдел ВРК под руководством М. Я. Лациса. К этому моменту насчитывалось

более сотни комиссаров Петроградского ВРК в воинских частях, в правительственных учреждениях, на военных заводах и на других ключевых участках[892].

ВРК самораспустился 5 декабря 1917 года, часть его функций была передана образованной 7 декабря ВЧК. Однако деятельность ВРК – реально уже большевистского, была на первых порах после Октября активной: в распоряжении Петроградского ВРК имелось 35–50 легковых и грузовых автомобилей, число его комиссаров к 10 ноября увеличилось до 269 человек. Кроме того, много комиссаров было послано в провинцию. Всего Петроградский ВРК назначил около 1 000 комиссаров и эмиссаров, не считая 644 агитаторов, отправленных на периферию[893]. Их успешная работа по всей России в значительной мере и обусловила то триумфальное шествие Советской власти, о котором говорил позднее Ленин.

Однако всё это было впереди – пока что ленинская революция только-только разворачивалась даже в столице…

В то утро на излёте октября 17-го года кто-то в Петрограде готовился к вечернему спектаклю, кто-то работал над научной статьёй, кто-то отсыпался после весёлой ночи в кабаке, кто-то просто скучал…

Ну и что?

Разве это определяло суть того дня?

Его суть – этого очень разного в восприятии разных людей дня – определял ***один*** человек, но определял он его ***только потому***, что на его призыв откликнулись, наконец, ***десятки тысяч*** рабочих, солдат и матросов в столице России…

Всё совершалось с лёгкостью! Занимались ключевые здания и учреждения – Почтамт, Центральный телеграф и телефонная станция, Петроградское телеграфное агентство, Госбанк, Генеральный штаб, Адмиралтейство, электростанция…

Блокировались вокзалы, начиная с Балтийского… Прибывали из Кронштадта матросы, в подмогу к уже вошедшей в Неву «Авроре» подходили линкор «Заря свободы», минный заградитель «Амур», миноносцы… Из мрачной тюрьмы «Кресты» освобождались большевики, сидящие там с июля…

Позднее – в том числе, с подачи Троцкого – начнёт гулять по страницам как полубульварных книжонок, так и «научных» монографий басня о том, что большевики-де «подобрали власть», которая якобы «валялась на дороге», никому не нужная…

Какая антиисторическая и жалкая глупость!

Это Чхеидзе-то, Церетели и Чернов с Либером и Даном выбросили власть из ***их пока ещё*** ЦИКа на эту пресловутую дорогу?

Или это сделали Керенский с Коноваловым?

И уж, тем более, – Рябушинские…

Нет уж!

Керенский хотел вызвать с фронта войска, но выехать по железной дороге не мог – её блокировал ВРК. Тогда Керенскому «одолжили» авто в американском (!) посольстве, и в 11 утра 25 октября он укатил вместе с помощником командующего Петроградским военным округом Кузьминым и двумя штаб-офицерами из Питера – искать верные ему части. Но, как признаёт даже американский профессор Рабинович, эти поиски «закончатся полным крахом меньше, чем через неделю».

Тем не менее ***искал*** ведь Керенский ***военные*** средства ***удержать*** власть ***силой***, а не выбрасывал власть на дорогу из мчащегося по Питеру автомобиля «пирс-эрроу», «занятого» у янки, а точнее – *полученного* от них.

Современник и свидетель Октября американский журналист Джон Рид – автор, мало уязвимый для критики антисоветчиков, поскольку смотрел он тогда на Октябрь взглядом *со стороны*. Так вот, он сообщает, что хотя Зимний и был окружён, Временное правительство не утратило связи с фронтом и провинциальными центрами, поскольку на чердачном этаже захваченного большевиками Военного министерства находился отдельный телеграф, связанный секретным проводом с Зимним. Весь день 25 октября некий молодой офицер безрезультатно рассылал с чердака по всей стране поток призывов и прокламаций.

Он ведь рассылал их не от своего имени, а от имени Временного правительства, ***не желавшего*** уходить из власти. Другое дело, что призывы летели в пустоту. И лишь когда офицер узнал, что Зимний дворец пал, он «надел фуражку и спокойно покинул здание»[894].

Тот же Рид писал:

«В среду 7 ноября (25 октября) я встал очень поздно. Когда я вышел на Невский, в Петропавловской крепости грянула полуденная пушка. День был сырой и холодный. Напротив запертых дверей Государственного банка стояло несколько солдат с винтовками с примкнутыми штыками.

„Вы чьи? – спросил я. – Вы за правительство?“

„Нет больше правительства! – с улыбкой ответил солдат. – Слава богу!“ Это было всё, что мне удалось от него добиться.

По Невскому, как всегда, двигались трамваи. На всех выступающих частях их повисли мужчины, женщины и дети. Магазины были открыты, и вообще улица имела как будто даже более спокойный вид, чем накануне…»[895]

Спокойствие было, вообще-то, внешним. На стенах выделялось белыми пятнами расклеенное извещение Петроградской городской думы об образовании «в чрезвычайном заседании 24 октября Комитета общественной безопасности в составе гласных центральной и районных дум и представителей революционных демократических организаций…»

«В тот момент я ещё не понимал, – признавался Рид, – что эта думская прокламация была формальным объявлением войны большевикам».

Разве это похоже на то, что власть валялась под ногами прохожих на Невском, и Ленину лишь оставалось подобрать её с панели?

Нет, лёгкость свершавшегося определили два фактора: 1) созревшая, наконец-то, готовность петроградских масс и рядовых функционеров РСДРП(б) действовать, и 2) появление лично Ленина в Смольном…

Смольный, до прихода Ленина туда, являл собой штаб революции, где хватало толковых военачальников и полководцев народной «армии», где была налажена связь «с местами», где был «на ходу» корпус агитаторов и пропагандистов – типа Троцкого, но не было «Верховного Главнокомандующего» революцией.

Ленин пришёл, и всё пошло – при всех неизбежных накладках и огрехах – как по маслу…

День 25 октября 1917 года шёл своим чередом… В Зимнем ещё сидели «осиротевшие» на министра-председателя «временные» министры, а Ленин гнал и гнал в будущее красного коня революции… В 14 часов 35 минут под председательством Троцкого открылось экстренное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов…

Всего сутками ранее Троцкий, которого усиленно ставят на одну доску с Лениным (если не поднимают выше!), на предыдущем заседании 24 октября утверждал, что «вооружённый конфликт ни сегодня, ни завтра, накануне съезда, не входит в наши планы»…

Теперь же он начал с заявления: «От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует!»[896]

Ему ответили громом аплодисментов, но заслужил-то их не Троцкий, а Ленин! И – только

Ленин…

А также – тот народ, который вели Ленин и партия Ленина… Не только два-три десятка высших её лидеров, но и те многие тысячи низовых функционеров и рядовых членов партии, которые составляли подлинную ленинскую гвардию!

Троцкий сообщил также, что Предпарламент распущен, что город контролируют силы Военно-революционного комитета, и что Зимний дворец ещё не взят, но его судьба решается в этот момент.

Во время выступления Троцкого в зале появился Ленин, заметив которого, все встали и устроили овацию. Вот здесь – ещё до открытия II съезда Советов, Ленин и произнес своё историческое:

– Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась!

И мне, пожалуй, придётся ещё раз вспомнить приснопамятного «историка» Шрамко. Он утверждает, что «почти до начала 1926 г. в СССР… использовалась… формула: „Октябрьский переворот“…», что «все, в том числе Ленин и Сталин, писали: после Февральской революции большевики начали подготовку к Октябрьскому перевороту», и делает вывод: «Иными словами, тогда большевики признавали, что в Октябре 1917 г. произошёл перехват власти, а не пролетарская революция»…

С одной стороны, как видим, Ленин в решительный момент говорил о свершившейся революции. С другой стороны, правдой в утверждении Шрамко является лишь то, что формула «Октябрьский переворот» действительно Лениным и другими большевиками употреблялась. Так, речь на торжественном заседании Всероссийского Центрального и Московского советов профессиональных союзов 6 ноября 1918 года Ленин начал со слов:

– Товарищи! Мы собираемся сегодня на десятки и сотни митингов, чтобы праздновать годовщину Октябрьского переворота[897]!

Но, выступая ***в тот же*** день на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, Ленин говорил:

Товарищи! Годовщину нашей революции нам приходится чествовать в такой момент, когда разыгрываются самые крупные события…, и т. д.[898]

То есть обе формулы были равнозначными. Причём обе – по сути верными, поскольку европейское слово «революция» восходит к латинскому *revolutio*, что по-русски и означает «переворот». Револьвер назван револьвером не потому, что он играет в революциях немалую роль, а потому, что в нём проворачивается барабан с патронами.

Так что наиболее существенно не то, как надо называть Октябрь 1917 года, а то, как надо определять его суть и значение… А суть в том, что Октябрьская революция стала переворотом во всём – в государственном устройстве русского общества, в производственных и общественных отношениях. И даже – в межличностных отношениях. Если до 25 октября (7 ноября) 1917 года официальным обращением в России было слово «господин», то теперь оно сменилось новым словом «товарищ», и уж, не меньше, чем словом «гражданин».

Что же касается первой «советской» публичной речи Ленина во второй половине дня 25 октября (7 ноября) 1917 года, то она была краткой и деловой – без восклицаний:

– Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии… Отныне наступает новая полоса в истории России и данная, третья русская революция должна в своём конечном итоге привести к победе социализма…

Ленин был конкретен и деловит:

– Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит всё и доведёт пролетариат до мировой революции…

На первый взгляд, последнее утверждение Ленина деловым – с учётом последующего хода мировой истории – назвать нельзя. Несмотря на то, что через тридцать лет после произнесения этих слов фактом стала мировая система социализма, той мировой революции, которую имел в виду Ленин, не произошло. Но, во-первых, неверно думать, что Ленин делал ставку лишь на мировую революцию, и подтверждение сказанному мы находим у самого Ленина. За месяц до Октябрьской революции он написал статью «К пересмотру партийной программы», опубликованную в журнале «Просвещение» в том же октябре 1917 года. И вот что мы там читаем:

«Мы не знаем, победим ли мы завтра или немного позже (я лично склонен думать, что завтра, – пишу это 6-го октября 1917 года – и что можем опоздать с взятием власти, но и завтра всё же есть завтра, а не сегодня). Мы не знаем, как скоро после нашей победы будет революция на Западе. Мы не знаем, не будет ли ещё временных периодов реакции и победы контрреволюции после нашей победы…

Мы всего этого не знаем и *знать не можем*. Никто этого знать *не может*…»[899]

Никаким «шапкозакидательством» здесь не пахнет. Зато уже в своей первой «советской» речи 25 октября (7 ноября) 1917 года на экстренном заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Ленин сказал:

– В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства…

Не в мире, не в Европе, а в России!

Во-вторых же…

Во-вторых, отвлечёмся на время от событий первого дня Октябрьской революции в России и познакомимся с неким описанием 1917 года ***в Европе***:

«Когда подумаешь об обстановке 1917 года, – о всеобщем хаосе и бесчисленных трудностях, военном напряжении, о всё углубляющемся ожесточении борьбы, всё отдаляющейся перспективе победы и наряду с этим о неуклюжести и вызывающем поведении предпринимателей, которые своими действиями сами толкали рабочих на беспорядки и мятежи, – удивляешься не тому, что волнения так широко разлились по стране, а тому, что они не приняли ещё более широких размеров… Во Франции вспыхивали мятежи в войсках, росла социалистическая агитация… В Италии кипело недовольство и возмущение, которые привели осенью к продовольственным беспорядкам… В Германии не прекращались стачки, а в июле вспыхнуло восстание на флоте – моряки требовали немедленного заключения мира; имперское правительство кое-как овладело положением лишь после того, как обещало населению далеко идущие конституционные реформы. Такие же процессы происходили в Австрии…»[900]

Кто написал это?

Кому принадлежат такие признания – какому-то левому автору из числа «агентов Коминтерна», приверженцу Ленина?

Да вот то-то и оно, что это, к сведению стариковых, – цитата из «Военных мемуаров» Дэвида Ллойд Джорджа (1863–1945), премьер-министра Великобритании в 1916–1922 году, одного из активных организаторов иностранной интервенции в России.

Причём в 1918 году ситуация в воюющих европейских странах по сравнению с 1917 годом лишь обострилась. А, скажем, генерал Людендорф в своих воспоминаниях о войне сетовал: «Теперь, задним числом, я могу утверждать, что наше поражение явно началось с русской революции»…

Иными словами, надежды Ленина в 1917 году на скорую мировую революцию были отнюдь не химеричными – многое тогда зависело от многого. Не забудем, что кроме нестабильной Европы уже тогда бурлил Китай, да и Индия была неспокойна, и Турция, и Балканы – южная окраина Европы…

А уж Россия…

При всём при том, лишь у России был Ленин.

Имело своё значение и то, что европейская элита, наученная крахом корниловщины и опытом русского Октября, в острые моменты стала действовать особо решительно и сумела сорвать развитие в Европе революционного процесса. Так, в Германии две наиболее крупные фигуры Ноябрьской революции 1918 года – Карл Либкнехт и Роза Люксембург, 15 января 1919 года были зверски убиты… В Германии начался террор, в марте 1919 года был арестован и убит в тюрьме ещё один деятельный лидер немецких коммунистов – Лео Иогихес (Ян Тышко), и социальную революцию германская элита утопила в крови.

Тем не менее революция в Германии имела место, и это была тоже социальная революция. Причём на счёт германской элиты надо зачислить не только ту кровь, которая пролилась в Германии тогда, но и кровь Второй мировой войны, ибо если бы русский Октябрь 1917 года был подкреплён полным успехом немецкого Ноября 1918 года, никакой Второй мировой войны не было бы, а была бы в обозримой перспективе мирная социалистическая Европа.

Но мы опять забежали далеко вперёд, а у нас ещё не взят Зимний…

Взятие Зимнего дворца намечалось на полдень, а открытие II съезда Советов – на два часа дня 25 октября (7 ноября) 1917 года. Однако даже к вечеру ни того, ни того ещё не произошло. Причины задержек не были принципиальными, и мы на их останавливаться не будем, а обратимся к свидетельству двух уже знакомых нам американских авторов – Джона Рида и Бесси Битти.

Оба были в Петрограде в тот день, оба – будучи журналистами, много чего увидели, имея пропуска от Военно-революционного комитета для свободного прохода по городу, оба побывали в тот день в Зимнем дворце, и оба присутствовали на открытии II съезда Советов.

Джон Рид сумел пройти в ещё не взятый Зимний дворец во второй половине дня 25 октября. В его описании с натуры присутствуют, например, «груды окурков, куски хлеба, разбросанная одежда и пустые бутылки из-под дорогих французских вин…»

В чём-то картины, увиденные Ридом, напоминают агонию бункера Гитлера. Но что любопытно, Рид свидетельствует: «Всё помещение (в одном крыле дворца, – *С.К.*) было превращено в огромную казарму, и судя по состоянию стен и полов, превращение это совершилось уже несколько недель тому назад»[901].

Не-ет, хотели, хотели «Временные» сохранять себя и дальше…

Рид видел, как на Дворцовой площади комиссар Временного правительства Станкевич командовал ротой юнкеров, которая отправлялась отбивать телефонную станцию.

Битти в тот момент была на Морской у этой самой телефонной станции, и чуть позже наблюдала, как «подтянутые красивые парни из офицерской школы» попытались начать атаку, дали залп, однако «появился броневик, открыл огонь и довершил разгром атакующих»[902].

Нередко у авторов, нелояльных к Октябрю, приходится читать, что Петроград-де «даже не заметил» «большевицкого переворота»… Да, театры работали, чистая публика развлекалась, но та же Битти, перемещаясь по Петрограду, то и дело наталкивалась на патрули, броневики, а то и перестрелки. Джон Рид и вообще пишет, что в тот день «на Невский, казалось, высыпал весь город»…

На каждом углу стояли огромные толпы, окружавшие яростных спорщиков. Солдатские пикеты дежурили на перекрёстках, а «краснолицые старики в богатых меховых шубах,

показывали им кулаки, изящно одетые женщины осыпали их бранью»…

Солдаты «отвечали неохотно и смущённо улыбались». Оно и понятно: истерика – это для интеллигентов и дамочек, а русский солдат с дамочками не воюет.

А для Временного правительства и примерно трёхтысячного (!!) разношёрстного «войска», «защищавшего» Зимний дворец, наступал «момент истины» – поздним вечером все ультиматумы истекли, все организационные неурядицы у осаждавших были улажены, и около 10 часов вечера крейсер «Аврора» холостым выстрелом из носового орудия дал сигнал к штурму.

Звук холостого выстрела звучнее боевого, и эффект был достигнут – стали быстро рассасываться как толпы зевак на набережных, так и «защитники» Зимнего дворца…

В то время, как напряжение ситуации с Зимним спадало, напряжение в зале, где собрались делегаты II съезда Советов, росло. Рид описал это так:

«Мы вошли в огромный зал заседания, проталкиваясь сквозь бурлящую толпу, стеснившуюся у дверей. Освещённые огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума, сидели представители рабочих и солдат всей России. То в тревожащей тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка. Помещение не отапливалось, но в нём было жарко от испарений немытых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спёртом воздухе. Время от времени кто-нибудь из руководящих лиц поднимался на трибуну и просил товарищей перестать курить. Тогда все присутствующие, в том числе и сами курящие, поднимали крик: „Товарищи, не курите!“, и курение продолжалось…»[903]

А вот что написала Бесси Битти:

«Наверху толпились депутаты рабочих и солдат… Открытие заседания было назначено на пять часов. Однако и в девять депутаты, собравшиеся в большом строгом белом зале заседаний, ещё ожидали открытия. В плохо освещённых коридорах сотни людей, стуча грязными сапогами, сновали взад и вперёд… В начале десятого делегат от меньшевистской группы заявил, что его фракция совещается и просил отсрочку ещё на один час. Ропот недовольства пробежал по залу. Нервы были натянуты как струны…»[904]

Битти познакомили с Троцким, но, как она вспоминала, «в двадцать минут одиннадцатого наш разговор был прерван прибытием Дана, который открыл съезд». Скорее всего, Битти ошиблась – по словам Джона Рида, все лидеры старого ЦИКа сидели на возвышении, среди них не было лишь «трёх крупнейших», которые «старались вести первый период русской революции на тормозах».

Рид имел в виду «Керенского, бежавшего на фронт через города и сёла», «старого орла Чхеидзе, с презрением удалившегося в родные грузинские горы и там свалившегося в чахотке», и «прекраснодушного Церетели, тоже тяжело больного, но впоследствии вернувшегося и истощившего всё своё лощёное красноречие на защиту погибшего дела».

«На трибуне сидели Гоц, Дан, Либер, Богданов, Бройдо, Филиповский, – продолжал Рид, – все бледные и негодующие, с ввалившимися глазами. Под ними кипел и бурлил II Всероссийский съезд Советов, а над их головами лихорадочно работал Военно-революционный комитет, державший в руках все нити восстания и наносивший меткие и сильные удары… Было 10 часов 40 минут вечера.

Дан, бесцветный человек с дряблым лицом, в мешковатом мундире военного врача, позвонил в колокольчик. Сразу наступила напряжённая тишина, нарушаемая лишь спорами и бранью людей, теснившихся у входа»[905].

– Власть в наших руках, – «печально», по оценке Рида, – начал Дан. – Товарищи, съезд

Советов собирается в такой исключительный момент и при таких исключительных обстоятельствах, что вы, я думаю, поймёте, почему ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью. Для вас станет это особенно понятным, если вы вспомните, что я являюсь членом президиума ЦИК, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИК… Объявляю первое заседание II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов открытым…

Бесси Битти писала: «Это была его лебединая песня (скорее, это было карканье облезлой вороны. – *С.К.*). Несколько недель назад его слова были бы законом, но с поворотом рабочих влево сила его была утрачена. Массы порвали со своими вождями, и каждая реплика из зала подчёркивала непреодолимость этого разрыва»[906].

Итак, съезд открылся…

В президиум из 25 человек было избрано 14 большевиков, в том числе: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Коллонтай, Луначарский, Ногин, Антонов-Овсеенко, Крыленко, 7 левых эсеров, включая Марию Спиридонову, Камкова и Карелина, три меньшевика и один интернационалист из группы Горького.

Гендельман от группы правых эсеров и эсеров центра отказался от участия в президиуме, как и Хинчук от имени меньшевиков. В президиум был избран представитель Украинской социалистической партии[907].

Число делегатов съезда, представлявших 402 местных Совета, в разных источниках колеблется, но по данным, опубликованным в «Правде» 29 октября 1917 года, их было 670: не менее 300 большевиков, 193 эсера (из них более половины – левые), 68 меньшевиков, 14 меньшевиков-интернационалистов, остальные менее сотни делегатов – из мелких партий или беспартийные. Поскольку все заполняли анкеты, то сегодня мы знаем: 505 делегатов выступали за создание Советского правительства, отражающего партийный состав съезда; 86 – за однородное демократическое правительство, включающее представителей крестьянских Советов, профсоюзов, кооперативов; 21 делегат намеревался иметь коалиционное правительство без кадетов, и 55 делегатов были за коалицию с кадетами[908].

В целом Россия масс, а не элиты, высказывалась за власть Советов, но приведённые выше цифры показывают, что спокойным этот второй съезд Советов быть не мог.

Съезд и не был спокойным – меньшевик Мартов призывал к мирному решению конфликта, ему отвечал Троцкий, капитан Харраш кричал, что «политические лицемеры, возглавляющие этот съезд, расстреливают Зимний дворец, но удары, падающие на него, заколачивают гвозди в крышку гроба той политической партии, которая решилась на подобную авантюру», а трудовик Кучин, делегат XII армии, заявил, что «армия считает, что съезд Советов не имеет необходимой власти»…

Впрочем, и Джон Рид, и Бесси Битти, не сговариваясь, свидетельствуют, что Кучина дружно затюкали сами солдаты, сообщая, что он говорит от имени офицеров, а не солдат, и из зала неслось: «Корниловец! Провокатор!»

«Непрерывный отдалённый гром артиллерийской стрельбы, непрерывные споры делегатов… Так, под пушечный гром в атмосфере мрака и ненависти, дикого страха и беззаветной смелости рождалась новая Россия», – писал Джон Рид.

Рид позднее стал на сторону Октября, но в оценке тогдашней ситуации ошибся

принципиально – новый мир не рождается в атмосфере «мрака и ненависти», он рождается в атмосфере надежды.

И так оно тогда и было!

В четвёртом часу утра 26 октября (8 ноября) 1917 года съезд заслушал сообщение о взятии Зимнего дворца, аресте Временного правительства и принял написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам, крестьянам!», в котором провозглашался переход власти в России к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В шестом часу утра 26 октября первое заседание съезда закончилось.

В своей книге американка Бесси Битти описывает, как «большевики с Николаем Лениным и Зиновьевым во главе поднялись на трибуну» и «их встретили овациями»…

Овациями-то их встретили, но у Битти смешались в восприятии первый и второй день Съезда, поскольку Ленина на первом «историческом» заседании II съезда Советов ***не было*** – он был по горло занят без этого, продолжая руководить успешно развивающимся восстанием – включая отдачу распоряжений по штурму Зимнего, по дальнейшему контролю ситуации и т. д.

Итак, Троцкий выступал перед массами, а Ленин ими ***руководил*** в точном смысле этого слова: принимая донесения и отдавая приказы. Рядом с Лениным – тоже не на трибуне революции, а ***в штабе*** революции, работали в тот день Сталин и Свердлов.

Когда Зимний был взят и Временное правительство арестовано, безмерно уставший Владимир Ильич отправился на несколько часов отдохнуть в находившуюся неподалёку от Смольного квартиру Бонч-Бруевича, но не спал, а сел к столу и написал проект Декрета о земле.

Ещё до этого – в часы перед открытием Съезда Советов, он написал проект воззвания Съезда «Рабочим, солдатам, крестьянам!» и наброски Декрета о мире.

Выступил Ленин лишь на втором и последнем заседании Съезда – оно началось в 9 часов вечера 26 октября (8 ноября) 1917 года. До этого на заседании ЦК был обсуждён вопрос о составе правительства – Совета Народных Комиссаров. Поскольку левые эсеры от переговоров по этой части отказались, было решено составить правительство из одних большевиков.

На Съезде Ленин сделал доклады о мире и о земле, и съезд принял по ним два первых декрета Советской власти – о мире и о земле. Заканчивая доклад о земле, Ленин сказал:

– Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не всё ли равно, кем он составлен, но как демократическое правительство мы не можем обойти постановление народных низов… В духе ли нашей программы, в духе ли эсеровской программы, не в том суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твёрдую уверенность, что помещиков в деревне больше нет…[909]

Декрет о мире был принят в одиннадцатом часу вечера единогласно. Во втором часу ночи с 26 октября (8 ноября) на 27 октября (9 ноября) подавляющим большинством было принято краткое постановление Съезда о борьбе с контрреволюционными выступлениями, призывавшее не допускать «каких бы то ни было погромов» и «обеспечить подлинно революционный порядок», а в 2 часа ночи при одном голосе против и восьми воздержавшихся был принят и Декрет о земле. В него был прямо включён тот наказ 242 крестьянских депутатов, с которым Ленин познакомился, работая в финском подполье с № 88 «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов», и позднее…

Декрет о земле начинался так:

«Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

Помещичьи имения, равно как все земли удельные (т. е. числившиеся за министерством двора. – *С.К.*), монастырские, церковные, во всем их живым и мёртвым инвентарём, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного

собрания…»[910]

После веков крепостного права, после почти полувека, прошедшего со дня куцей реформы 1861 года, после 8 месяцев после-февральских проволочек и псевдосоциалистической болтовни один из важнейших социальных вопросов России решился в полчаса!

Тем же Декретом о земле право частной собственности на землю отменялось навсегда, «все недра земли, руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение» переходили «в исключительное пользование государства», а «все мелкие реки, озёра, леса и проч.» переходили «в пользование общин при условии заведывания ими местными органами самоуправления…»

Как необходим подобный закон и нынешней России, не так ли?

Съезд принял постановление об образовании в армии временных революционных комитетов со смещением комиссаров Временного правительства, а также – Обращение к казакам, которых Керенский хотел двинуть на Петроград.

Съезд избрал новый ЦИК из 101 члена, куда вошли 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 социал-демократов интернационалистов, 3 – от Украинской социалистической партии и 1 – от эсеров-максималистов, а затем в конце второго заседания, закончившегося в 5 часов 15 минут утра 27 октября (9 ноября) 1917 года, принял Декрет об образовании Рабочего и Крестьянского правительства, которое должно было управлять страной «впредь до созыва Учредительного собрания».

Первый Совет Народных Комиссаров, название которого сразу же сократили до энергично-упругого «Совнарком», «составился из следующих лиц»:

Председатель Совета – Владимир Ульянов (Ленин)

Народный комиссар по внутренним делам – А. И. Рыков.

Земледелия – В. П. Милютин.

Труда – А. Г. Шляпников.

По делам военным и морским – комитет в составе: В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко.

По делам торговли и промышленности – В. П. Ногин.

Народного просвещения – А. В. Луначарский.

Финансов – И. И. Скворцов (Степанов)

По делам иностранным – Л. Д. Бронштейн (Троцкий)

Юстиции – Г. И. Оппоков (Ломов)

Почт и телеграфов – Н. П. Авилов (Глебов).

Председатель по делам национальностей – И. В. Джугашвили (Сталин).

Пост народного комиссара по делам железнодорожным временно остался незамещённым[911].

Почти все наркомы (это слово тоже возникло быстро и быстро прижилось) были славянами, но это так, к слову.

Одни проблемы были решены, объём нерешённых лишь возрос. Если раньше Смольный был штабом восстания, то теперь он становился сосредоточением новой государственной власти – власти, во главе которой стоял не венценосец, не позёр, а абсолютно лишённый позы коренастый человек в поношенном костюме на сорок седьмом году жизни…

За два месяца до Октябрьской революции Ленин в «Грозящей катастрофе…» предупреждал:

«Стоять на месте нельзя – в истории вообще, во время войны в особенности. Надо идти либо вперёд, либо назад. Идти вперёд, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путём, *нельзя*, не *идя* к социализму, не делая шагов к нему (шагов,

обусловленных и определяемых уровнем техники и культуры)…

Ибо социализм, есть не что иное, как ближайший шаг вперёд от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращённая на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией…»[912]

Как это блестяще сказано! Какая точная и вновь нужная для России уже XXI века мысль: **социализм есть не что иное, как капитализм*, обращённый на пользу всего народа* и поэтому *переставший* быть капитализмом.**

Более того, в той же «Грозящей катастрофе…» Ленин написал и ещё более поразительные слова:

«Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *и экономически*.

Это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты их техники и культуры…

Погибнуть или на всех парах устремиться вперёд. Так поставлен вопрос историей»[913].

Вот какую задачу должен был ставить перед Россией XX века подлинный её национальный лидер: «На всех парах вперёд!»

Мог ли нечто подобное сказать публично царь Николай? Да что там – «сказать»! Даже наедине с собой царю было не по разуму хотя бы ***задуматься*** о чём-то этаком – обогнать Европу!

А Рябушинским, Гучкову и Коновалову?

А Милюкову с Плехановым?

А Корнилову с Деникиным, Колчаком и Врангелем?

А Керенскому с Черновым и Савинковым?

Ведь вся эта политиканская шушера и близко не была способна ***хотя бы поставить*** подобную задачу перед народами России – экономически догнать и перегнать передовые страны мира.

А уж решить её…

Поставить такую задачу как практическую мог лишь Ленин! И только соратник и неуклонный ученик Ленина Сталин мог принять у Ленина такую постановку исторических задач России…

Достаточно знать одно это последнее высказывание Ленина, чтобы понять всю поверхностность утверждений о том, что все свои помыслы он якобы устремлял к идее европейской и мировой революции и только на этом строил свои расчёты. Ведь задача экономически догнать и перегнать передовые страны с использованием готовых результатов их техники и культуры – это чисто ***национальная*** задача, и Ленин ставил её перед Россией безотносительно к перспективам мировой революции за два с лишним месяца ***до*** взятия власти.

Напомню, что и в своей речи 25 октября (7 ноября) 1917 года на экстренном заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, ***во время*** взятия власти, он заявлял, что мы должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства ***в России***…

Или вот «Декларация прав народов России», подписанная Лениным и Сталиным 2(15) ноября 1917 года, то есть – уже ***после*** взятия власти… В Декларации говорилось, что «позорной политике» царизма по натравливанию народов России друг на друга «нет и не может быть

возврата», и что отныне «она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России».

И здесь выдвигается национальная задача в рамках многонационального, но – ***Российского*** государства.

В этом ведь тоже была сила Ленина, хотя – и не только в этом… Знакомый читателю профессор Александр Рабинович, с которым на страницах этой книги мы встречаемся, пожалуй, в последний раз, отнюдь не относился к политическим сторонникам Ленина и большевиков. Как и все буржуазные либералы, Рабинович – человек в чём-то очень ограниченный, ***боящийся*** смотреть исторической правде в глаза, но ***сознательно*** эту правду не извращающий. И в силу относительной исторической честности он, задаваясь вопросом – «почему большевики победили в борьбе за власть в Петрограде в 1917 году?», дал на него в 70-е годы прошлого века хотя и не полный, но достаточно верный ответ:

«Конечно, сейчас, спустя более полувека, совершенно ясно, что как слабость кадетов и умеренных социалистов в революционный период, так и жизнеспособность и влияние крайних левых сил в этот же период определялись особенностями политического, социального и экономического развития России в течение XIX столетия и начале XX века…

Кроме того, способность большевиков всего за восемь месяцев подготовиться к взятию власти была обусловлена той большой работой, которую партия проводила, чтобы заручиться поддержкой солдат в тылу и на фронте; по-видимому только большевики смогли понять важнейшую роль вооружённых сил в борьбе за власть (понимать-то понимали это все, но только большевики выражали интересы солдатской массы, что она в конце концов и поняла. – *С.К.*). И наконец – и это самое главное – феноменальные успехи большевиков в значительной степени проистекали из характера партии в 1917 году. И здесь я имею в виду вовсе не смелое и решительное руководство Ленина (огромное историческое значение которого бесспорно), и не вошедшие в поговорку (хотя и сильно преувеличенные) организационные единство и дисциплину большевиков. Здесь важно подчеркнуть присущие партии сравнительно демократическую, толерантную и децентрализованную структуру и методы руководства, а также её в сущности открытый и массовый характер»[914].

А ведь Рабинович написал это о партии, которая к Октябрю 1917 года всего восемь месяцев как вышла из глубокого ***подполья***, в котором и формировалась, и действовала ***многие годы***!

Можно ли найти лучшее подтверждение того, что Ленин создавал свою партию как подлинно ***народную***, живущую борьбой за народные, ***и только*** за народные интересы!? Как только она вышла из подполья, она стала и открытой, и массовой, и наиболее влиятельной.

Но вот уже отечественный пример… В исследовании 1995 года «Народ и власть (1917 год)» – с точки зрения фактов интересном и информативном – историк Григорий Герасименко пишет:

«…революция развивалась по своей логике, а большевики, эсеры, меньшевики, кадеты, масоны и прочие пытались приспособиться к ней и использовать её в своих интересах. При этом кому-то повезло больше, кому-то – меньше, а кто-то потерпел поражение. Совершенно очевидно, что ни Керенский, ни Некрасов, ни Терещенко, ни Винавер… не желали победы Ленину. Тем не менее как раз это и произошло. Ясно, что революция развивалась по канонам, не адекватным желаниям правительств, партий… и других явных и тайных органов, союзов, объединений…»[915]

Поразительно – как можно настолько промахнуться русскому человеку, старательно целясь в «десятку»! Всё, сказанное Герасименко, верно ***для всех*** партий, всех «явных и тайных органов,

союзов, объединений» в тогдашней России, кроме большевиков! Только они не «пытались приспособиться» к революции, а шли в ней своим путём, имея надёжный ориентир – не «свои», а народные интересы. Да, не все лидеры большевиков всё всегда понимали верно, но ***кормчий*** их партийного «корабля» вёл его, всегда точно зная «мели», «подводные рифы» и фарватер революции.

Григорий Герасименко пишет, что «пружиной», двигавшей обществом, «главной силой, определявшей ход событий», стал «народ, который изо дня в день упорно и настойчиво добивался более менее сносных условий жизни», и здесь спорить не с чем. Но историк Григорий Герасименко, стараясь быть «объективным» – стремление похвальное, особенно для 1995 года, всё же, не понял того, что полутора веками ранее понял романист Александр Дюма.

В романе Дюма «Двадцать лет спустя» бывший господин Бонасье, ставший нищим Майяром, говорит будущему вдохновителю Фронды коадьютору де Гонди: «Все выражают неудовольствие, все жалуются; но сказать „все“ – значит в сущности сказать „никто“… Все эти жалобы, проклятия могут вызвать только бурю и молнии, но гром не грянет, пока не найдётся предводитель, который бы направил народ…»

Ясна мораль, господа?

В октябре 1917 года в России налицо были оба фактора, способные создать новую Россию – объективный фактор в виде народа, который решился изо дня в день упорно и настойчиво добиваться более менее сносных условий жизни, и субъективный фактор – адекватный решимости народа его предводитель…

Соединившись вместе, оба фактора дали России и миру Октябрь 1917 года – Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Теперь о Ленине заговорил весь мир, и интерес к нему уже не исчезал, а лишь увеличивался…

В одной из наших бесед о Ленине мой давний товарищ Николай Сорока предложил нечто вроде формулы, подводящей итог всей деятельности Ленина до Октября и объясняющей успех Ленина в Октябре 1917 года: «Ленин нашёл тот инструментарий, умело используя который, можно было создать новую социальную ситуацию».

Это действительно так!

В первые же годы прихода в революционную борьбу молодой Владимир Ульянов верно определил ту силу, которая способна совершить социалистическую революцию – рабочий класс. И тогда же, ещё в конце XIX века, он понял, что лишь при наличии организованного боевого политического авангарда – пролетарской партии, рабочая сила способна низложить старый, полный несправедливостей и ненависти мир и построить новый мир социальной справедливости и социального сотрудничества.

Поняв две этих истины, Ленин уже ***никогда*** не отклонялся от них. Он был не фанатиком – каким его порой считали не только враги, но и недалёкие «тоже-друзья», он был просто человеком одной двуединой мысли: «Только при наличии сильной и сплочённой революционной партии ведущая революционная сила общества – промышленные рабочие, пролетариат, способна совершить победоносную социалистическую революцию!»

Могут возразить – это сказали уже Маркс и Энгельс!

Верно, сказали… Но сказали во времена, когда весь расчёт был на пролетариев промышленной Западной Европы! А Ленин смог верно разглядеть могильщика капитализма в пролетариях России, и как великий великоросс заявил, что такая их роль может и должна стать предметом национальной гордости великороссов.

Теперь это всё сбывалось

События принимали характер внешне калейдоскопический – повернув происходящее в России одним образом, можно было увидеть одно, повернув другим образом – другое…

Например, академики Готье и Вернадский, писатели Горький и Короленко, считали, что Россия быстро погибнет в результате безжалостного эксперимента, который затеял над ней Ленин. В то время, правда, прибавляли ещё: «…и Троцкий», но это потому, что Троцкий очень уж был на виду… На виду и потому, что выдвигал сам себя – по поводу и без повода, и потому, что его выдвигали его «пиарщики».

Но если смотреть на то время панорамно, охватывая ситуацию во всей её полноте, можно понять, что события текли в России по железной логике классового противостояния, и главенствующими были две тенденции – начинающаяся созидательная работа Ленина и его партии, и заканчивающаяся разрушительная работа их оппонентов ***по осложнению*** начавшегося созидания.

Большевиков называли разрушителями, и это было верно в том смысле, что они пели: «Весь мир насилья мы разроем до основанья…»

Но потом шли слова: «…а затем, мы наш, мы новый мир построим!»

Да, они ещё многого не умели и им надо было многое узнать, что видно из вопроса Ленина Центробалту о связи – о чём чуть ниже. Но Ленин и большевики умели учиться, как никто другой в мире.

Вырвавшийся из Петрограда Керенский 25 октября телеграфирует приказ командиру 3-го конного корпуса казачьему генералу Петру Краснову (1869–1947) спешно перебросить корпус под Петроград, а на следующий день в Пскове Керенский уже лично приказывает Краснову двинуться на Питер, и казаки занимают Гатчину. Их силы не так велики, но потенциально положение серьёзное, и Ленин говорит по прямому проводу с председателем исполкома Гельсингфорского Совета А. Л. Шейнманом, председателем Военного отдела Михайловым и товарищем (заместителем) председателя Центробалта Н. Ф. Измайловым.

Ленин просит Гельсингфорс выслать в Питер дополнительные силы. Измайлов обещает послать миноносцы и линейный корабль «Республика», и Ленин запрашивает: «Есть ли радиотелеграф на „Республике“ и может ли он сноситься с Питером во время пути?»

Измайлов отвечает: «Не только на „Республике“, но и на миноносцах, которые сносятся с Эйфелевой башней. В общем, заверяем, что будет всё выполнено хорошо»…[916]

Как видим, Ленин ещё не осознал полностью, на деле, ***какая*** в его руках теперь сила, и ***что*** она может… Ему, давно мыслящему глобальными масштабами в теории, ещё лишь предстоит освоить эти масштабы в своей практической государственной деятельности, охватывающей всю Европу от Эйфелевой башни до башен Кремля… Однако он овладевает наукой управлять государством не по дням, а по часам…

Вот царь Николай…

Он эту науку мог и обязан был осваивать с детства, а так ей и не овладел выше умения пить стопку за стопкой на полковых обедах гвардии и нахваливать гвардейский перловый суп.

Но Ленин ведь – не царь Николай! И Россию он задумывает не «гвардейско-перлового» уровня – в своих замыслах он видит Россию, которой может без всяких квасных слёз гордиться каждый её честный гражданин, то есть – каждый труженик, готовый работать на общество по крайней мере не хуже, чем на себя.

Только негодяи могли желать тогда и только негодяи желают сегодня иной России!

Кроме негодяев, в «образованной» России всегда хватало глупцов… И Ленину сразу же, с первых дней его работы во главе России, стало с ними очень трудно…

Даже «Новая Жизнь» Горького (о чисто буржуазных газетах вообще не разговор!) ехидничает:

«С каждым днём правительство Народных Комиссаров запутывается всё более и более в проклятой прозе обыденщины. Так легко захватив власть, большевики никак не могут вступить фактически во владение ею…

Ведь если ещё не так давно большевикам не хватало людей для очередной работы в растущей партии, – работы прежде всего языком и пером, то откуда же могли бы появиться у них люди для выполнения многообразных и сложнейших специальных задач государственной жизни?

Новая власть рвёт и мечет, засыпает страну декретами, один другого „радикальнее и социалистичнее“. Но в этом бумажном социализме, предназначенном более на предмет ошеломления наших потомков, нет ни желания, ни умения разрешить очередные вопросы дня…»[917]

Здесь было много подловатой правды, но ещё больше – подлой лжи, ибо если мы откроем первый том сборника «Декреты Советской власти», то найдём там такие вполне конкретные документы как Постановления «Об отмене смертной казни на фронте» от 25 октября 1917 года; «Об освобождении арестованных членов земельных комитетов» от 26 октября 1917 года; «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле» от 27 октября 1917 года; «Об открытии банков» от 30 октября 1917 года; Положение ВЦИК и СНК «О рабочем контроле» от 14(27) ноября 1917 года; декреты «О введении государственной монополии на объявления» от 7(20) ноября 1917 года (что не мешало бы сделать и сегодня, обращая доход от объявлений в казну); «Об увеличении пенсий рабочим, пострадавшим от несчастных случаев» от 8 ноября 1917 года; «О пенсионном обеспечении пострадавших от несчастных случаев воинских чинов, командированных на работу на предприятия» от 9 ноября 1917 года; «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» от 9 ноября 1917 года; «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 ноября 1917 года; «О бесплатной передаче больничным кассам лечебных учреждений предприятий» от 14 ноября 1917 года…

Выполняйте, граждане, работайте…

Однако многие «образованные» «россияне» – особенно из претендующих на роль «мозга» и «совести» нации, видеть и понимать всего этого не желали. И особенно показательными в этом отношении оказались «Несвоевременные мысли» Горького – серия из 58 статей, которые он публиковал в газете «Новая Жизнь» с весны 1917 года по лето 1918 года.

Только умом и великодушием Ленина я объясняю то, что он после ряда «несвоевременных» статей Горького конца 1917 и начала 1918 годов не поставил на отношениях с «великим пролетарским» писателем жирный и окончательный крест – Ленин умел прощать заблуждения… А нагадил тогда ему, а точнее – новой возникающей России, Горький немало. Так, в № 198 «Новой Жизни» от 10(23) декабря 1917 года он писал:

«Практический максимализм анархо-коммунистов и фантазёров из Смольного – пагубен для России и, прежде всего, – для русского рабочего класса. Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них – та лошадь, которой учёные-бактериологи прививают тиф для того, чтоб лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку. Вот именно такой жестокий и заранее обречённый на неудачу опыт проводят комиссары над русским народом, не думая о том, что измученная, полуголодная лошадка может издохнуть. Реформаторам из Смольного нет дела до России, они хладнокровно обрекают её в жертву своей грёзе о всемирной или европейской революции…»

Можно было бы привести немало подобных горьковских «несвоевременных» цитат, вонзаемых как ножи в тело ленинской революции, но стоит ли? И приведённого довольно…

Отвечая Горькому – не на эти обвинения, а уже по другому поводу, после взаимного

восстановления отношений – Ленин писал 15 сентября 1919 года:

«Дорогой Алексей Максимыч!

…Я вспоминаю особенно мне запавшую в голову при наших разговорах (в Лондоне, на Капри и после) Вашу фразу:

„Мы, художники, невменяемые люди“.

Вот именно!

„Художники, невменяемые люди“.

„Интеллектуальные силы“ народа смешивать с „силами“ буржуазных интеллигентов неправильно… Для таких господ 10 000 000 убитых на империалистической войне – дело, заслуживающее поддержки…, а гибель сотен тысяч в *справедливой* гражданской войне против помещиков и капиталистов вызывает ахи, охи, вздохи, истерики…»[918]

Ленин не пенял Горькому ***его собственными*** газетными истериками – Владимир Ильич, повторяю, был человеком великодушным, то есть – человеком ***великой*** души. А я, грешный, человек более злой, чем Ленин. И приведу, пожалуй, ещё одно извлечение из «Несвоевременных мыслей»…

В статье, опубликованной в № 100 (315) «Новой Жизни от 13(26) мая 1918 года, Горький писал уже нечто иное:

„Большевики? Представьте себе, – ведь это тоже люди, как все мы, они рождены женщинами, звериного в них не больше, чем в каждом из нас. Лучшие из них – превосходные люди, которыми со временем будет гордиться русская история, а ваши дети, внуки будут и восхищаться их энергией…

О да, они наделали много грубейших, мрачных ошибок. Бог тоже ошибся, сделав всех нас глупее, чем следовало, природа тоже во многом ошиблась – с точки зрения наших желаний, противных её целям… Но, если угодно вам, то и о большевиках можно сказать нечто доброе, – я скажу, что не зная, к каким результатам приведёт нас, в конце концов, политическая деятельность их, психологически – большевики уже оказали русскому народу огромную услугу, сдвинув всю его массу с мёртвой точки и возбудив во всей массе активное отношение к действительности, отношение, без которого наша страна погибла бы…“

Итак, через пять месяцев после сравнения Ленина с безжалостными учёными-бактериологами и вивисекторами, Горький усматривал в нём нечто богоравное и даже более того – нечто равное самой Природе!

Н-да!

Как тут не повторить за Алексеем Максимычем: „Художники – невменяемые люди“.

Ленин видел ситуацию иначе – вполне представительны в этом отношении его письмо в редакцию „Правды“ о союзе рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами (ПСС, т. 35, с. 102–104) и выступления, например, на Чрезвычайном Всероссийском съезде крестьянских депутатов, который проходил с 10 по 25 ноября (с 23 ноября по 8 декабря) 1917 года.

Надо сказать, что этот съезд был бурным и неоднозначным. Если II Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов был преимущественно большевистским, то на крестьянском съезде на 18 ноября (1 декабря) 1917 года из 330 делегатов с решающим голосом было 195 левых эсеров, 65 правых эсеров и эсеров центра, и всего 37 большевиков. Потом делегаты и ещё подъезжали, но большевиков это укрепляло мало.

В резолюции съезда „О власти“, внесённой левыми эсерами, имелось требование о создании правительства „из всех социалистических партий, от народных социалистов до большевиков включительно“, но в той же резолюции съезд признал, что такое правительство

должно быть создано „для осуществления программы II съезда Советов“[919].

Особой логики в том не было – II съезд Советов не был принят именно теми „социалистическими“ партиями, представителей которых крестьянские делегаты желали видеть в правительстве. А об атмосфере на крестьянском съезде можно судить по следующему эпизоду…

14(27) ноября 1917 года – на двадцатый день Советской власти, Ленин выступал на съезде по аграрному вопросу, и когда он сообщил, что с поста главнокомандующего смещён генерал Духонин и на его место назначен Крыленко (прапорщик), в зале раздался смех.

Ленин, как я понимаю, просто разозлился, и закончил речь так:

– Вам смешно, но солдаты вас осудят за этот смех! Если здесь есть люди, которым смешно, что мы сместили контрреволюционного генерала и назначили Крыленко, который против генерала и поехал вести переговоры (о перемирии с немцами. – *С.К.*), то нам не о чем с этими людьми разговаривать… С теми, кто не признаёт борьбы с контрреволюционным генералитетом, у нас нет ничего общего, мы предпочтём лучше уйти от власти, быть может, залезть в подполье, но не будем иметь с такими людьми ничего общего[920].

Непросто, непросто было тогда Ленину…

А, впрочем, когда ему было легко? Уже после его смерти поумневший Горький вздохнёт: „Должность честных вождей народа нечеловечески трудна“.

Угу, трудна – при таких интеллигентах, как Горький образца 1917 года, и при таком народе, как русский, в котором хватает Иванов да Марий, но ещё больше – Ванек да Манек!

Ленин один раз уже выступал перед делегатами крестьян – на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, который проходил с 4(17) мая по 28 мая (10 июня) 1917 года. И это тоже был непростой момент…

Дмитрий Иванович Гразкин (1891 – после 1963), большевик с 1909 года, участник I, II и III Съездов крестьянских депутатов и председатель фракции большевиков на этих съездах, член ВЦИК шести созывов, вспоминал, что эсеры на I съезде специально настраивали делегатов против Ленина, который должен был выступать от фракции большевиков (9 человек из 1115 делегатов). Однако Ленин говорил полтора часа под одобрительные возгласы из зала[921].

Текст его тогдашней – конкретной, аргументированной и доходчивой – речи, произнесённой 22 мая (4 июня) 1917 года, занимает в 32-м томе ПСС двадцать одну страницу. И можно лишь удивляться, что после этой речи делегаты не вынесли эсеровский президиум на руках из зала и не выбросили его на свалку истории…

Ленин в мае 1917 года начал так:

– Товарищи, резолюция, которую я, от имени социал-демократической фракции крестьянского Совета, имею честь предложить вашему вниманию, отпечатана и роздана делегатам…

То есть, уже начало ленинской речи Ленина было деловым…

И в проекте майской резолюции большевиков по аграрному вопросу, и в выступлении Ленина ясно говорилось о том, что частная собственность на землю должна быть уничтожена, что право собственности на всю землю должно принадлежать только всему народу, а распоряжаться землёй должны местные демократические учреждения…

Что здесь было антинародного?

Да, антикулацкая, антимироедская направленность речи Ленина была очевидной. Но разве он был неправ, когда говорил, что большевики „никоим образом не защищают, чтобы земля перешла в собственность тех крестьян, которые сейчас берут её на один посев“?

Говорил Ленин в мае 1917 года и вот что:

– Земля будет „у народа“, но этого *недостаточно*… Для того, чтобы общенародная земля перешла в руки *трудящихся*, есть только один основной путь: это путь организации сельскохозяйственных наёмных рабочих, которые будут руководствоваться своим опытом, своими наблюдениями, своим недоверием к тому, что говорят им мироеды, хотя они выступают с красными бантиками и называют себя „революционной демократией“…

Это было первое публичное предложение крестьянам России идеи коллективизации, колхозов…

– Второй шаг, который наша партия рекомендует, – говорил Ленин в мае 1917 года, – состоит в том, чтобы из каждого крупного хозяйства, из каждой, например, помещичьей экономии крупнейшей, которых в России 30 000, образованы были, по возможности скорее, образцовые хозяйства для общей обработки их совместно с сельскохозяйственными рабочими и учёными агрономами, при употреблении на это дело помещичьего скота, орудий и т. д.

Это была идея уже советских хозяйств – совхозов!

Сегодня активно замалчивается, что основной товарный хлеб в царской России производили именно 30 тысяч крупных латифундий, а также кулацкие хозяйства при помощи наёмных батраков… Поэтому ленинская идея окончательной социализации земли была исторически и экономически единственно разумной и перспективной. Увы, русский крестьянин понял это очень далеко не сразу, и после Ленина с ним пришлось немало помучиться уже Сталину…

Между прочим, как в мае 1917 года правые эсеры, так и в ноябре 1917 года левые эсеры сделали всё, чтобы не допустить выступления Ленина на крестьянском съезде как Председателя Совнаркома. И лишь после ультимативного требования фракции большевиков на съезде Ленин получил слово, да и то – „по поручению фракции“…

Принятый тремя неделями ранее Декрет о земле мог быть и более радикальным, что было объективно необходимо, но Ленин взял за его основу ***крестьянские*** наказы. Теперь Ленин призвал порвать с соглашательством и напомнил:

– Вы хотите земл***и***, но з***е***мли заложены и принадлежат русскому и всемирному капиталу. Вы бросаете вызов капиталу, вы идёте при этом другим путём, чем мы, но мы с вами сходимся в том, что идём и должны идти к социальной революции… Что касается Учредительного собрания, то работа Учредительного собрания будет зависеть от настроения в стране, а я скажу: на настроение надейся, а винтовки не забывай…

Бросил Ленин упрёк и левым эсерам:

– Партия – это авангард класса, и задача её вовсе не в том, чтобы отражать среднее состояние массы, а в том, чтобы вести массы за собой. Но, чтобы вести колеблющихся, надо перестать колебаться самим товарищам левым эсерам…

Увы, колебалось русское крестьянство, колебались и левые эсеры – к июлю 1918 года они доколеблются до прямой контрреволюции…

А тут и соратники в собственной партии Ленина стали колебаться, причём – самым неумным образом.

И вот в чём было дело…

Общеизвестно, что первыми двумя декретами Советской власти были Декрет о мире и Декрет о земле.

О чём был третий декрет Советской власти, знает мало кто, а это был Декрет ***о печати***, принятый 27 октября (9) ноября 1917 года.

По этому декрету закрытию подлежали органы прессы: „1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту

путём явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера“.

В декрете было заявлено, что „настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий жизни“.

И вот 4(17) ноября 1917 года в битком набитом огромном зале заседаний ЦИК большевик (причём – свежеиспечённый) Ларин выступает даже не с провокационным, а с идиотским (иначе определить его язык не поворачивается) предложением об отмене декрета о печати в связи с тем, что приближается-де срок выборов в Учредительное собрание и „пора покончить с политическим террором“. За это предложение ухватились левые эсеры Колегаев, Карелин, Прошьян и часть большевиков, в том числе – Рязанов и Лозовский…

Ещё более серьёзной оказалась оппозиция большевистского меньшинства, настаивавшего на создании „социалистического правительства из всех советских партий“. Здесь были активны всё те же Каменев и Зиновьев с компанией…

Забегая вперёд, напомню, что Ленину пришлось вскоре пойти на правительственную коалицию с левыми эсерами, но даже левые эсеры остались, всё же, эсерами, и, как было сказано, кончили в июле 1918 года контрреволюционным мятежом.

Так или иначе, Советской власти не исполнился и месяц, а в руководстве большевиков был налицо новый раскол, хотя большинством и была принята резолюция ВЦИК о безоговорочной поддержке политики Совнаркома в области печати.

Джон Рид в своей книге приводит следующие результаты голосования: „точка зрения Ленина собрала тридцать четыре голоса против двадцати четырёх“, при этом редакционное примечание 1958 года поправляет Рида и сообщает, что „резолюция Ларина и левых эсеров была отвергнута двадцатью пятью голосами против двадцати“. Наиболее же достоверное примечание № 24 к 35-му тому ПСС приводит результат в 34 голоса „за“ при 24 „против“ и 1 воздержавшемся.

Как видим, Рид был, всё же, точен. Он, к слову, описывая выступление Ленина на том заседании ВЦИК, писал, что Ленин выступил „спокойно, бесстрастно“… „Он морщил лоб, – вспоминал Рид, – говорил, медленно подбирая слова; каждая его фраза падала как молот“…

Ещё неполных три месяца назад Ленин весело шутил, выбирая себе у старого театрального парикмахера в Гельсингфорсе „старящий“ парик, а парикмахер уверял его, что он более чем на сорок лет не выглядит.

Давненько это было!

На войне год службы считают за два, а как надо засчитывать месяц революции, и тем более – месяц ***руководства*** революцией?

Да ещё и такой революцией…

Пожалуй, не менее, чем месяц за год.

И Ленин – ещё недавно моложавый и в хорошей спортивной форме, начинает неудержимо стареть, проживая месяц за месяцем, как год за годом…

На заседании ВЦИК 4(17) ноября 1917 года левые эсеры заявили, что больше не могут принимать на себя ответственность за происходящее и вышли из Военно-революционного комитета…

Это бы полбеды, но из Совнаркома вышли пять большевиков: Ногин, Рыков, Милютин (Владимир), Теодорович и Шляпников.

Каменев, Рыков, Милютин (Владимир), Зиновьев и Ногин вышли и из ЦК, заявив: „Мы не можем нести ответственность за гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии… Мы уходим из ЦК в момент победы, в момент господства

нашей партии, уходим потому, что не можем спокойно смотреть, как политика руководящей группы ЦК (то есть Ленина. – *С.К.*) ведёт к потере рабочей партией плодов этой победы, к разгрому пролетариата…“[922]

Уж не знаю, чего было в этом заявлении больше – политической трусости, или политического лицемерия?

Какой там „момент победы?“ Шла тяжелейшая борьба с проблематичным исходом!

Какое там „господство партии“? Чуть ниже мы увидим картину ***дикого*** и ***тотального*** саботажа, с которым пришлось столкнуться большевикам!

И вот в этот „момент истины“ повести себя так безответственно и подло… Ногин умрёт в 1924 году, а остальные четыре дезертира из ЦК образца ноября 1917 года будут репрессированы в эпоху Сталина, и позднее о них начнут писать как о „безвинных жертвах сталинского террора, уничтожавшего старую ленинскую гвардию“…

Что ж, они действительно до какого-то момента входили в „гвардию“ большевизма. И гвардию „ленинскую“ – другой, собственно, и не было… Однако, не исключаю, что Ленин – была бы его воля, собственноручно пристрелил бы тогда же – в ноябре 1917 года, этих своих „гвардейцев“.

И было бы за что!

Два дня – 5(18) и 6(19) ноября Ленин работал над Обращением ЦК „Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России“. В этом Обращении он прямо назвал ушедших дезертирами и писал:

„Задачи, стоящие сейчас перед нашей партией, поистине неизмеримы, трудности огромны, – и несколько членов нашей партии, занимавшие раньше ответственные посты, дрогнули перед натиском буржуазии и бежали из нашей среды. Вся буржуазия и все её пособники ликуют по поводу этого, злорадствуют, кричат о развале, пророчат гибель большевистского правительства.

Товарищи! Не верьте этой лжи. Ушедшие товарищи поступили как дезертиры, …но мы заявляем, что ни на минуту и ни на волос дезертирский поступок нескольких человек из верхушки нашей партии не поколеблет единства масс, идущих за нашей партией и, следовательно, не поколеблет нашей партии…“[923]

Ленин прямо говорил народу:

„Всем известно, что Второму Всероссийскому съезду Советов Центральный Комитет нашей партии предложил чисто большевистский список народных комиссаров и что *съезд этот список чисто большевистского правительства одобрил*…

Нас обвиняют хоры буржуазных писак и людей, давших запугать себя буржуазии, – в том, что мы неуступчивы, что мы непримиримы, что мы не хотим разделить власти с другой партией. Это неправда, товарищи! Мы *предложили* и предлагаем левым эсерам разделить с нами власть. Не наша вина, если *они отказались*…“[924]

Это говорилось не в кулуарах, а перед лицом всей страны. И страна уже училась разбирать именно в голосе Ленина только правду. Партийный же кризис кончился на этот раз тем, что Шляпников и Теодорович в порядке партийной дисциплины вернулись на свои посты, Каменев был смещён с поста председателя ВЦИК и вместо него избран Свердлов.

Зиновьев был отставлен от председательствования в Петроградском Совете – увы, лишь на время.

А проблемы наваливались и наваливались. Ведь все те, кто стоял ранее у власти – как до Февраля 1917 года, так и до Октября 1917 года, после Октября 1917 года никуда из России не

исчезли…

В Тобольске жил с семьёй царь Николай, и его охранял назначенный ещё Временным правительством экс-народник Панкратов, вместе с Алексинским клеветавший на Ленина в Июле 1917 года…

Тот же Алексинский, а также и Керенский, Либер и Дан, братья Рябушинские, Милюков и князь Львов, Гучков и Савинков, генерал Спиридович и генералы Краснов, Корнилов, Деникин, адмирал Колчак и эсер Чернов – все они, как и десятки и сотни других крупных фигур только что свергнутой России, ещё не стали „белоэмигрантами“ – самого такого понятия тогда ещё не было.

И все они пока что жили и действовали в России, нередко – на расстоянии чуть ли не вытянутой руки от Ленина, в пределах городской черты Петрограда. Они оправлялись от первого послеоктябрьского шока, вновь организовывались, составляли первые ***антисоветские*** заговоры, и продвигали ситуацию к гражданской войне.

Ленину гражданская война была не нужна – он брал власть в России для того, чтобы строить новую Россию. Тем же, кто хотел России в её старом формате, не оставалось ничего иного, кроме как попытаться свалить Ленина силой заговоров, саботажа и гражданской войны…

В апреле 1917 года Ленин, сразу по возвращении на Родину, написал большую статью „Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии). Опубликована она была в сентябре 1917 года отдельной брошюрой, но не устарела, увы, и после Октября.

В апреле Ленин предупреждал народ – „на вырост“:

„Старая царская власть, представлявшая только кучку крепостников-помещиков, командующую всей государственной машиной (армией, полицией, чиновничеством) разбита и устранена, но не добита…

Оказавшаяся у власти буржуазия заключила блок (союз) с явно монархическими элементами…

Революционному почину массовых действий и захвату власти народом *снизу* – этой *единственной* гарантии действительных успехов революции – новое правительство уже начало всячески препятствовать…“[925]

После Октября 1917 года в этой констатации для того, чтобы она по-прежнему отражала суть дела, следовало лишь заменить слова „оказавшаяся у власти…“ на „отстранённая от власти…“ и „новое правительство…“ на „низложенное правительство…“

Что же до блока буржуазии с контрреволюционерами, то после Октября 1917 года он лишь укрепился. Ещё в августе 1917 года был образован, например, „Совет общественных деятелей“, куда вошло до сорока крупнейших промышленников и кадетских лидеров. И они, конечно, не только заседали, особенно – после падения Временного правительства.

За день до начала Октябрьского восстания городская дума Петрограда в „чрезвычайном заседании“ 24 октября образовала „Комитет общественной безопасности“, а сразу после ареста Временного правительства в противовес Военно-революционному комитету 27 октября образовался „Комитет спасения родины и революции“, куда вошли те же многие члены Петроградской городской думы, члены „Временного совета республики“ – „Предпарламента“, бывшие „социалистические“ члены ЦИК первого созыва и так далее… В том числе – члены Центрального комитета Всероссийского военного флота – Центрофлота, который, в отличие от Центрального комитета Балтийского флота – Центробалта, был большевикам враждебен.

Против большевиков выступало и руководство Викжеля – Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников, и это была очень грозная опасность, причём – со стороны коммуникаций не единственная… Так, почта и телеграф формально были в руках большевиков,

однако не только их оппоненты, но и они сами первые дни были отрезаны от русской провинции и внешнего мира, потому что почтовые и телеграфные работники отказывались передавать депеши новой власти – Советской. Только царскосельская правительственная радиостанция работала на большевиков.

Керенский, соединившись с казаками Краснова, издал в Гатчине приказ как Верховный главнокомандующий, где говорилось:

„Приказываю всем частям Петроградского военного округа, по неразумию и заблуждению примкнувшим к шайке изменников родины и революции, вернуться, не медля ни часу, к исполнению своего долга“[926].

29 октября (11 ноября) Керенский на белом коне (а как же!) под колокольный звон вступил в Царское Село, но ситуацию не удержал. Одновременно в Петрограде началась контрреволюционная авантюра с участием правых эсеров Авксентьева и Гоца, спровоцировавших выступление юнкеров. Юнкера, переодетые в форму Семёновского полка, зная большевистский пароль, сменили караулы у телефонной станции и заняли её, телеграф и ещё ряд зданий.

В Петрограде и под Петроградом начались весьма кровопролитные бои, красногвардейцы и матросы отбивали телефонную станцию, обстреливали Михайловское и Владимирское юнкерские училища… Бои шли несколько дней, жертвы с обеих сторон исчислялись не одной сотней убитых и раненых…

Авантюра Керенского провалилась, как провалилась и эсеро-юнкерская авантюра. Но всё это провоцировало ожесточение, вело к Гражданской войне[927].

Викжель обнаглел настолько, что созвал конференцию по формированию нового правительства во главе с Черновым, где большевикам отводилось меньшинство мест, а Ленин и Троцкий были вообще отведены, в том числе – по настоянию союзников. В составе правительства предполагалось четыре большевика „второго плана“, включая Каменева, четыре „оборонца“-эсера и два меньшевика-„интернационалиста“[928].

Сами такие факты доказывали, что власть Ленин не ***под***бирал, а *от*бирал, а это, как говорят в Одессе, „две большие разницы“.

Впрочем, начавшийся в Питере процесс большевизации набирал силу по всей России… Ленина решительно поддержал Гельсингфорс, в Казани большевики арестовали комиссара Временного правительства, в Красноярске провозгласили Советскую власть, Московский совет подавляющим большинством поддержал выступление петроградцев… В Киеве большевики столкнулись с сопротивлением националистов, но Харьков был за Советы, и так далее…

Однако и сопротивление „бывших“, которые не хотели становиться „бывшими“, нарастало. В количестве ста тысяч экземпляров распространялась газета старого ЦИКа „Голос Солдата“, сменившая название на „Солдатский Голос“. В ней писалось: „Люди, нанесшие свой предательский удар ночью, люди, закрывшие газеты, недолго удержат страну во мраке. Страна узнает истину! Она оценит вас, господа большевики! Мы все увидим это!“[929].

Ну, в конце концов, это было тявканье из подворотни. А вот саботаж структур государственной власти был делом серьезным.

Не так уж сложно было сломать в балтийском Петрограде влияние эсеровского Центрофлота – большевистский Центробалт его перешибал. И даже с меньшевистским Викжелем можно было разобраться – рядовые железнодорожники поддерживали в большинстве своём большевиков.

Даже православной церкви „Временные“ были не очень-то по душе, и со 2(15) ноября 1917

года священники всех петроградских церквей перестали поминать Временное правительство на ектеньях – молитвах „за правящий дом“[930].

Но государственные служащие, но буржуазные специалисты – тут так просто ничего не решалось…

Заканчивалась осень, подступала зима, и ситуация в Петрограде складывалась сложная, особенно с продовольствием. Ничего иного не было бы и без взятия власти Лениным – зимнему Питеру так или иначе пришлось бы расплачиваться за грехи „правления“ „Временных“. В то же время в ситуации появлялось и нечто новое, чего без взятия власти большевиками не было бы…

И этим „новым“ был очевидный саботаж мероприятий новой власти органами старого режима.

Большевики даже после того, как стали всё больше контролировать ситуацию в ходе своего августовско-сентябрьского „ренессанса“, не совершали ***ничего***, что могло бы осложнить работу любых органов и структур Временного правительства, связанных ***с обеспечением жизни населения***.

Зато большевикам после Октября 1917 года пришлось столкнуться с нарастающим саботажем их работы по снабжению столицы топливом, продовольствием и т. д. Определённые круги явно предпочитали быть „мёртвыми, чем красными“, а точнее – ***по-людоедски*** вели дело к тому, чтобы в руководимом большевиками Питере в зиму с 1917 на 1918 год было как можно больше мёртвых, для того, чтобы там становилось как можно меньше красных.

Этот момент обычно забывается, или все тяготы первой „советской“ зимы в Петрограде (и не только в Петрограде) вменяются в вину Ленину и большевикам. Но в действительности-то виновных надо искать не в „красном“, а в „белом“ лагере, всё более становящемся, впрочем, ***грязным***!

Можно изложить эту мысль и проще…

Большевики до взятия власти никогда не мешали Временному правительству налаживать жизнь в стране как можно лучше, то есть – ***не пакостили*** Керенскому! Наоборот, они всегда были готовы поддержать такие действия власти, которые шли на пользу народу. (Другое дело, что таких действий у Временного правительства было – кот наплакал).

И даже когда к осени большевики восстановили и усилили своё влияние, они ***никогда и ни в чём*** не использовали это влияние ***для ухудшения*** ситуации по принципу: „Чем хуже, тем лучше“, чтобы усиливать недовольство народа Временным правительством.

А вот отстранённые от власти имущие круги сразу же стали – где только можно, саботировать все меры новой Советской власти, направленные на смягчение кризиса и облегчение жизни ***населения*** Петрограда.

Хозяев поддержали их служилые чиновные холуи… Спаянная общей выгодой компания мелко пакостила Ленину, чтобы дискредитировать его, а это больно ударяло по населению.

Но что было до проблем „голытьбы“, поддержавшей большевиков, титулярным, надворным и статским советникам, которым Советская власть не могла дать ничего, кроме уравнивания их в правах с рабочими и крестьянами? А как раз в этом-то служилая шушера не только не нуждалась, но не желала этого всеми фибрами своей канцелярской души… Тем более, что Советская власть отменила царскую „Табель о рангах“, то есть – все эти титулы надворных и статских „высокоблагородий“ и „высокопревосходительств“…

Государственные, муниципальные и банковские служащие, даже врачи, даже многие учителя повели себя как враги Ленина, но объективно оказывались при этом врагами простого народа. В Петрограде шестнадцать министерств бастовали под руководством двух „социалистических“ министерств, созданных в августе, – министерств труда и продовольствия.

Вот как описывал саботаж в первые дни Советской власти Джон Рид – хронист эпохи вполне точный:

„Оппозиционные силы, всё ещё державшие в своих руках экономическую жизнь страны, принялись за организацию хозяйственного разгрома и со всей способностью к совместным действиям… старались мешать Советам в их работе, разваливать и дискредитировать их.

Забастовка государственных служащих была хорошо организована и финансировалась банками и коммерческими предприятиями. Всякая попытка большевиков взять в свои руки правительственный аппарат, встречала сопротивление.

Троцкий явился в министерство иностранных дел. Чиновники заперлись в своих помещениях, а когда двери были взломаны, они все подали в отставку. Он потребовал ключи от архивов, ключи были выданы ему только после того, как вызванные им рабочие явились взламывать замки. Тогда оказалось, что бывший товарищ министра Нератов скрылся и унёс с собой тайные договоры.

Шляпников пытался овладеть министерством труда. Служащих было несколько сот, но ни один не захотел показать Шляпникову, где находится кабинет министра.

Александра Коллонтай, назначенная 13 ноября (31 октября) комиссаром социального обеспечения, была встречена в министерстве забастовкой; на работу вышло всего сорок служащих. Это сейчас же крайне тяжело отразилось на всей бедноте крупных городских центров и на лицах, содержащихся в приютах и благотворительных учреждениях, – все они попали в безвыходное положение. Здание министерства осаждалось делегациями голодающих калек и сирот с бледными, истощёнными лицами. Расстроенная до слёз Коллонтай велела арестовать забастовщиков и не выпустила их, пока они не отдали ключей от учреждения и сейфа. Но когда она получила эти ключи, то выяснилось, что её предшественница, графиня Панина, скрылась со всеми фондами. Графиня отказалась сдавать их кому бы то ни было, кроме Учредительного собрания…“[931]

Здесь рассказ Рида временно прерву, чтобы сообщить, во-первых, что Максим Горький в очередной „несвоевременной“ статье в № 194 „Новой Жизни“ от 6(19) декабря 1917 года писал: „Я уверен, что сознательный рабочий не может сочувствовать фактам такого рода, как арест Софьи Владимировны Паниной. В её Народном доме на Лиговке учились думать и чувствовать сотни пролетариев… Вся жизнь этого просвещённого человека была посвящена культурной деятельности среди рабочих. И вот она сидит в тюрьме“.

Да, Панина в тюрьме немного побыла. И если вспомнить, ***за что*** её в тюрьму посадили, то разве можно говорить, что её посадили туда зря?

Во-вторых же…

Во-вторых, графиня С. В. Панина (1871–1956) действительно в царское время финансировала „Народный дом“, а с мая 1917 года она, член ЦК партии кадетов, стала товарищем министра государственного призрения и после Октября 1917 года подписала перевод всех средств министерства в банк „на имя Учредительного собрания“.

Против Паниной возбудили уголовное дело о сокрытии государственных средств как акте саботажа. 28 ноября Панину арестовали и привезли в Смольный, а после отказа возвратить изъятые суммы – ***на сирот и калек***, заключили в тюрьму, где она и пробыла в общей сложности… 22 дня.

Отношение к ней было там – по её же словам, безупречным и даже внимательным: графиня пользовалась как-никак популярностью.

10 декабря 1917 года её публично судил Петроградский революционный трибунал, вынесший приговор: оставить С. В. Панину в заключении до момента возвращения взятых ею

народных денег в кассу Комиссариата народного просвещения, куда вошли и органы социального обеспечения.

Через десять дней Панина вышла из заключения и двинулась на Юг – к Деникину, якобы намереваясь передать ему „бриллианты предков“. Потом графиня яро поддерживала Белую армию, уехала в эмиграцию в Европу, а затем перебралась в США, где и умерла незадолго до 40-летия Октября.

На суде над ней молодой рабочий с завода „Новый Парвиайнен“ Наумов сказал:

– Я готов согласиться, что в прошлом гражданка Панина приносила пользу народу… Но тем-то и отличается их благородство, чтобы давать или бросать народу куски, когда он порабощён, и мешать ему в борьбе, когда он хочет быть свободным. Пускай народолюбивая графиня Панина действительно добра и благородна. Но вот народ пришёл к власти… Тут и благородство не помогло, и чем только можно была оказана помеха… Пускай трибунал помнит, что мы имеем право быть свободными, а кто этого не хочет понять – подлежит обезвреживанию… Гражданка Панина мешает народу в его работе. Действуйте, граждане судьи, не для одного благородства, а на пользу миллионов – и жизнь оправдает вас![932]

К словам рабочего Наумова прибавить особо нечего…

Разве что стуит поправить его в том, что фигуры, подобные Паниной, ***не могут быть*** подлинно благородными, ибо принадлежат к слою социальных лицемеров и негодяев. Панина – купаясь в комфорте посреди полунищей жизни десятков миллионов соотечественников – была готова ***благодетельствовать*** народ. Но согласиться на такие ***равные с ней*** правб народа, когда нужды в благотворительности не будет, графиня не могла. И повезла неправедно нажитые предками бриллианты на защиту неправедного „белого“ дела…

А теперь вернёмся к описанию Джоном Ридом саботажа в Питере в конце 1917 года:

„То же самое творилось в министерстве земледелия, министерстве продовольствия, в министерстве финансов. Чиновники, которым было приказано выйти на работу под страхом лишения места и права на пенсию, либо продолжали бастовать, либо возобновляли работу только для того, чтобы саботировать. Так как почти вся интеллигенция была против большевиков, то набирать новые штаты Советскому правительству было не из кого.

Частные банки упрямо не желали открываться, но спекулянты отлично обделывали свои дела с заднего крыльца. Когда появлялись большевистские комиссары, служащие уходили, причём прятали книги и уносили фонды. Бастовали и все чиновники Государственного банка, кроме служащих в подвалах и в экспедиции заготовления государственных бумаг, которые отвечали отказами на все требования Смольного и при этом частным образом выдавали большие суммы Комитету спасения и городской думе…

Чиновники кредитной канцелярии уничтожили свои книги, так что установить картину финансовых отношений России с другими государствами оказалось совершенно невозможным.

Продовольственные комитеты и администрации муниципальных предприятий общественного пользования либо не работали вовсе, либо саботировали. А когда большевики, видя ужасную нужду городского населения, пытались помочь делу или взять его в свои руки, служащие немедленно бросали работу, а дума (Петроградская. – *С.К.*) наводняла всю Россию телеграммами о том, что большевики нарушают автономию городского самоуправления…

Смольный был явно бессилен. Газеты твердили, что через три недели все петроградские фабрики и заводы остановятся из-за отсутствия топлива… Викжель объявлял, что к первому декабря прекратится железнодорожное движение. Комитет спасения и всевозможные центральные комитеты рассылали по всей стране призывы к населению не обращать никакого внимания на декреты правительства…“[933]

Вот какими подлыми и преступными мерами уходящая старая Россия хотела вернуть – вопреки ходу истории – свою мелкую сытую жизнь.

Приведённые выше две цитаты из Рида получились объёмными, но ***что*** из них можно выбросить без ущерба для понимания происходившего? И как, господа „россиянские“ „историки“, впечатляющая выходит картина?

А мы сейчас познакомимся и с ещё одним – не менее впечатляющим и не менее неопровержимым – свидетельством другого независимого наблюдателя, французского капитана Жака Садуля…

История капитана Садуля в точности повторяет историю библейского ненавистника христиан Савла, который обратился в „первопрестольного“ апостола Павла.

Капитан французской армии Жак Садуль (1881–1956), член социал-шовинистической Французской социалистической партии, был командирован в Россию в 1917 году как атташе при Французской военной миссии и постоянно осведомлял в письмах о своих впечатлениях и мыслях коллегу по партии Альбера Тома – тогда министра по делам вооружений. Собственно, Садуль и был послан в Россию Тома как доверенный политический наблюдатель.

Октябрьскую революцию Садуль встретил настороженно и 27 октября (9 ноября) 1917 года писал Тома: „Я не большевик. Я вижу, сколь велико зло, принесённое России демагогической пропагандой большевиков…“[934]

К слову, в том же письме он писал и вот что: „В известных вам кругах мнения не отличаются разнообразием. Все жаждут победы Керенского и Савинкова. От последнего ждут ***безжалостной расправы*** (жирный курсив мой. – *С.К.*) над большевиками“.

Э?

Садуль бывал в Смольном, часто беседовал с Троцким и даже с Лениным, но 20 августа 1918 года Ленин в письме к американским рабочим аттестовал Садуля как двурушника, на словах сочувствующего большевикам, а на деле служащего „верой и правдой французскому империализму“ (ПСС, т. 37, с. 55).

Капитан обиделся, и копии всех писем, посланных им Тома, то есть, собственно, французскому правительству, направил Ленину. Как вспоминал Садуль, он буквально не спал, ожидая реакции Ленина, а через три дня звонок из секретариата известил, что Ленин готов принять Садуля.

Встретил Ильич гостя с улыбкой и сказал: „Вы не думайте, что я жалею о написанном. Благодаря этому я имел удовольствие прочесть ваши письма и надеюсь, что вы поняли, что вам надо порвать как с правительством, так и с вашей партией, а письма надо опубликовать“[935].

Вскоре Садуль вступил во французскую секцию РКП(б) и в Красную Армию, вёл пропаганду среди французских войск на юге Украины, был участником I конгресса Коминтерна.

Конечно, „обращение“ Садуля „из Савла в Павла“ было не таким уж и неожиданным… Отец его – рабочий-железнодорожник, увлекался идеями социалистов-прудонистов, мать – участница Парижской коммуны, чудом избежала в 1871 году смертной казни.

Сын же имел все шансы сделать вполне буржуазную карьеру в буржуазной Франции. Однако выбрал иную судьбу, ушёл к Ленину, был приговорён во Франции заочно к смертной казни. Когда в мае 1924 года во Франции на парламентских выборах победил „левый“ блок и премьером стал Эдуард Эррио, Садуль вернулся на родину, где его арестовали и судили. Кончилось, однако тем, что 8 апреля 1925 года военный трибунал вынес ему оправдательный приговор.

Другом советской России Садуль оставался до конца жизни.

Свидетельства Садуля в их фактической части абсолютно достоверны уже потому, что он писал свои политические отчёты не для публикации, а для верной ориентации Тома. И,

например, 31 октября (13 ноября) 1917 года капитан сообщал, что „практически единственные, кто бойкотирует порядок – администрация и буржуазия“. При этом Садуль признавал – в том же письме: „Невероятно, что всю кровавую неделю, благодаря железной руке и организованности большевиков, городские службы (трамвай, телефон, телеграф, почта, транспорт) не прекращали нормальную работу“, и что „никогда ещё порядок не был так хорошо обеспечен“.

Но так было в горячую неделю противостояния агонизирующему сопротивлению Керенского и юнкеров, а потом чиновнический саботаж лишь усилился при полном поощрении его со стороны союзных дипломатов.

Вот что писал Садуль во Францию Альберу Тома 20 ноября (3 декабря) 1917 года:

„Дорогой друг,

Мы продолжаем отрицать, что земля вертится, то есть утверждать, что большевистского правительства не существует… Некоторые представители союзников не только отказываются вести переговоры с большевиками, но и поощряют к активному или пассивному сопротивлению различные политические фракции, гражданских и военных служащих, чиновников, промышленников, банкиров и т. д. Как нетрудно было предположить, эта восхитительная тактика приносит ужасающие результаты. Разумеется, её конечная цель, которая состояла в том, чтобы за несколько дней свалить большевиков, не достигнута, и теперь мы сталкиваем Россию в политический и экономический хаос, из которого она уже не скоро выкарабкается. И высокопоставленные и мелкие русские чиновники прекрасно адаптируются к такого рода действиям, ведя открытые и "итальянские" забастовки, суть которых в бездействии…

Относительно промышленности столь же грустные известия.

Шляпников и все те большевики, которые заняты неблагодарной задачей – реорганизацией экономики России, с горечью говорят о саботаже со стороны промышленников, банкиров и специалистов…"[936]

Каково?

Джон Рид смотрел с одной позиции, Садуль – тогда – с другой, а видели одно и то же: откровенный и подлый саботаж. Рид и Садуль, скорее всего, даже не были знакомы друг с другом, да и круги общения у них были, всё же, разные… А оценки и факты у обоих совпадают!

Значит, так оно и было!?

Любопытно и то, что Садуль весьма прозорливо писал, что "систематически отказывая в каком бы то ни было содействии" Шляпникову, российские "капитаны экономики" отдают Шляпникова "на произвол хлещущей через край демагогии" тех неквалифицированных рабочих, которых наплодила идущая война, то есть – тот же, если быть точным, царизм.

А вот что сообщал Садуль 27 ноября (10) декабря 1917 года:

"Саботаж в государственных учреждениях продолжается. Это одно из основных препятствий, с которыми столкнулись большевики. Дело поставлено исключительно организованно. Как только стало очевидно, что большевики придут к власти, начальство выплатило служащим и себе первый аванс в размере месячного жалованья.

Сразу же после восстания второй аванс и годовая премия были выплачены работникам, обязующимся не служить новому правительству… Накануне захвата большевиками центральных учреждений были спрятаны резервные фонды, которые должны пойти также на выплату заработной платы. Наконец, были призваны на помощь антибольшевистски настроенные частные банки… Полагают, что суммы, которые уже были или будут вот-вот распределены среди служащих, позволят им продержаться четыре-пять месяцев, то есть значительно дольше, чем предположительно большевики продержатся у власти…"[937]

Подобные признания можно было бы и продолжить, но надо ли – всё ведь ясно и так!

Обратимся ещё раз к книге Джона Рида… Он писал, что сразу же после разрешения вопроса

о власти большевики приступили к задачам практического управления, начав с продовольственного вопроса.

"Отряды матросов и красногвардейцев, – свидетельствует Рид, – обыскивали торговые склады, железнодорожные вокзалы и даже баржи, стоявшие в каналах, открывая и отбирая тысячи пудов продовольствия, припрятанного частными спекулянтами. В провинции были посланы эмиссары, которые с помощью земельных комитетов реквизировали склады крупных хлеботорговцев… Из Петрограда двинулось на восток тринадцать поездов, груженных железом и мануфактурой, для товарообмена с сибирскими крестьянами…"

Донецкий каменноугольный бассейн находился в руках генерала Каледина… В столице кончалось топливо, и Смольный прекратил подачу электроэнергии в театры и рестораны, конфисковал у частных торговцев запасы дров. Балтийский флот выделил петроградским заводам 200 тысяч пудов великолепного угля из запаса боевых кораблей[938].

Хотя и с большим скрипом, налаживалось сотрудничество с крестьянством. 15(28) ноября 1917 года на объединённом заседании ВЦИК, Чрезвычайного Всероссийского Крестьянского съезда и Петроградского Совета было принято решение о слиянии Всероссийского Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов с Исполнительным Комитетом, избранным на крестьянском съезде[939].

Сразу же после Чрезвычайного Всероссийского съезда крестьянских депутатов, который проходил с 10 по 25 ноября (с 23 ноября по 8 декабря) 1917 года, начался Второй Всероссийский съезд крестьянских депутатов, который проходил с 26 ноября по 10 декабря (9-23 декабря) 1917 года.

В состав съезда кроме делегатов, прибывших с мест по приглашению правоэсеровского крестьянского Исполкома, влились все делегаты Чрезвычайного съезда. Из 790 делегатов 305 представляли правых эсеров и центр, 350 – левых эсеров, 91 – большевиков. Как и чрезвычайный крестьянский съезд, этот съезд проходил очень бурно.

Рабочая Россия свой выбор в большинстве своём сделала – за Ленина…

Солдатская Россия (в основном – крестьяне в шинелях и с ружьём) тоже была в своей массе за Ленина. И этой части народа ещё предстояло сказать своё слово не только в близящейся гражданской войне, но и после неё, когда бывшие солдаты-красноармейцы – представители "унтер-офицерского" народного большевизма, вернулись в сёла.

Чисто же крестьянская "Расея", издавна привыкшая психологически прислушиваться к кулачеству, колебалась между Черновым и Лениным, останавливаясь пока не на последнем, а на эсерах, однако уже – левых.

Всё это обнажённо проявилось в метаниях Второго крестьянского съезда, на котором 2(15) декабря 1917 года выступил Ленин (ПСС, т. 35, с. 139–142). Он умел произносить и произносил при необходимости долгие речи, но сейчас речь его была коротка, и она впечатляла.

Ленин говорил:

– Товарищи, я хочу вам сказать, как мы понимаем переворот 25-го октября. Товарищи, здесь говорили, что новая волна революции, быть может, сметёт Советы. Я говорю: этого не будет. Я твёрдо уверен, что Советы никогда не погибнут; революция 25-го октября доказала нам это… Когда мне говорят и кричат из враждебной печати, что штыки могут направиться на Советы, я смеюсь. Штыки находятся в руках рабочих, солдат и крестьян, и из их рук они никогда не направятся на Советы. И пусть движет контрреволюция штыки против Советов, они им не страшны…

Менее чем через полгода Россия будет охвачена гражданской войной, так что – Ленин в своём прогнозе в декабре 1917 года ошибался? Ведь уже тогда, когда Ленин произносил свою речь, в реальном масштабе времени на юге России развивался калединский мятеж!

И всё же Ленин был прав не только потому, что в итоге вооружённый народ отстоял-таки штыком именно Советы… Ленин был прав и потому, что не было бы той гражданской войны, которая была, если бы не прямое вмешательство в дела России иностранных интервентов и не мятеж белочехов, организованный Антантой и Америкой…

Мы об этом в своём месте ещё поговорим.

Имея в виду будущее открытие Учредительного собрания, Ленин сказал:

– Учредительное собрание может помочь только тогда, когда сам народ будет свободно развиваться и строить новую жизнь. И я вас спрашиваю: что это есть? Я скажу вам то, что вы все знаете: "не человек для субботы, а суббота для человека"… Когда происходили выборы в Учредительное собрание, была одна партия эсеров, партия, которая имеет большинство в Учредительном собрании. Теперь этого нет…

Обращаясь к библейским аллюзиям, Ленин хотел сказать, что сейчас важно не формальное соотношение сил, а фактическое, важно не то, кто кем себя называет, а то, кто за что стоит.

И Ленин был прав – ***в зале сидели сотни делегатов, формально избранных крестьянами, но не представлявших интересы трудового крестьянства***. Именно кто-то из них, когда Ленин заявил, что «не было никаких насилий над революционным народом», выкрикнул из зала: «А Духонин?»

Бывший главковерх генерал Духонин действительно стал жертвой солдатского самосуда, и Ленин ответил так:

– Да, Духонину было предложено приступить к переговорам о перемирии. Он отказался. Духонин заключил союз с Корниловым, Калединым, и с другими врагами народа, и в величайшем возбуждении против своего врага народ убил его. Но вы забываете другой факт. На Шпалерной рабочий Воинов раздавал большевистские листки и был убит казаками. И вот разница между двумя этими фактами. Когда был убит рабочий Воинов, то только одна "Рабочая Газета" упомянула об этом, и то, что не убит Воинов, а умер. Там был убит простой рабочий, а здесь человек, который стоял поперёк дороги к миру… И когда был убит генерал Духонин, наши газеты первые вынесли осуждение самосудам. Вот в чём сходство, и в чём разница. Тот, кто за контроль рабочих над производством, кто за демократический мир, кто против продолжения кровавой бойни, тот не будет стоять за кадетов…

Как видим, Ленин при явно кризисной ситуации духом не падал, а история генералов Корнилова, Каледина и самой калединщины доказывает, что основания для социального оптимизма у Владимира Ильича были.

Кратко бесславная "калединиана" выглядит так…

27 октября (9 ноября) 1917 года, ссылаясь на "выступление большевиков с попытками низвержения Временного правительства", генерал Каледин – атаман Донского казачества, объявил, что донское "Войсковое правительство" "приняло на себя полноту исполнительной государственной власти в Донской области".

В декабре 1917 года в Новочеркасске образовался "Донской гражданский совет", возглавляемый "триумвиратом": генерал М. В. Алексеев (1857–1918) ("общегосударственное" "управление", финансы, внешние сношения), генерал Л. Г. Корнилов (1870–1918) (организация и командование Добровольческой армией); генерал А. М. Каледин (1961–1918) (управление Донской областью и командование Донским казачеством).

В "Донской гражданский совет" вошли генералы А. С. Лукомский, А. И. Деникин и И. П. Романовский – от Добровольческой армии; генерал М. П. Богаевский (не путать с генералом Африканом Богаевским!) – глава "Войскового правительства"; от кадетов – М. М. Фёдоров, князь Г. Н. Трубецкой, А. С. Белецкий (Белоруссов), В. А. Степанов, персонально – Павел Милюков и председатель Ростовского биржевого комитета, глава "Донского

экономического совещания" миллионер Н. Е. Парамонов – сын казака, хлеботорговец, владелец мельниц и пароходов, в 1919 году – заведующий Отделом пропаганды у Деникина…

Членами "Донского гражданского совета" стали также "социалист" П. Н. Агеев, эсеры С. Мазуренко и К. М. Вендзягольский, а кроме того – Борис Савинков и бывший "легальный марксист" Пётр Бернгардович Струве.

В 1894 году последний стал известен как автор открытого письма царю, где были слова: "Вы хотите борьбы? Вы её получите!"… Теперь царские генералы, возомнившие себя политиками, прихватив для декорации психопатического эсеровского боевика Савинкова и бывшего "легального марксиста" Струве, навязывали борьбу Ленину и пошедшим за ним массам России…

В основу "деятельности" "белого" "Совета" была положена "конституция Корнилова", в которой – после извлечения из неё пышных словес об "общедемократических свободах", "уничтожении классовых привилегий", "свободе собраний и стачек" – реально оставалось следующее: восстановление прав частной собственности; денационализация банков; свобода промышленности и торговли (равнозначные праву заводчиков объявлять локауты и праву спекулянтов взвинчивать цены); запрещение "социализации" предприятий и упразднение рабочего контроля; запрет раздела помещичьих земель и продолжение участия в войне…

На особый массовый энтузиазм с такой "конституцией" рассчитывать не приходилось, да и сама "власть" оказалось рыхлой, что, впрочем, "властителей" не смущало. В "Очерках русской смуты" генерал Деникин писал, что "триумвират представлял из себя в скрытом виде *первое общерусское противо-большевистское правительство*", и что «формы несуществующей фактически государственной власти временно были совершенно безразличны».

"Единственно, чтобы было тогда важно и нужно, – со всё той же незамысловатой солдафонской прямотой продолжал Деникин, – создать мощную вооружённую силу, чтобы этим путём остановить потоп, заливающий нас с севера. С восстановлением этой силы пришла бы и власть…"[940]

Приходится ли сомневаться, что генералы – буде им удалось бы задуманное, залили бы Россию кровью без всяких надежд на то, что это "кровопускание" ***хотя бы в будущем*** пойдёт на пользу народам России.

Собственно, они Россию кровью и залили, развязав братоубийственную войну! Однако не им было суждено эту войну выиграть, и народная кровь, пролитая в этой войне "за власть Советов", оказалась пролитой не зря. Другое дело, что потомки победивших в гражданской войне с начала 90-х годов XX века стали обливать и по сей день обливают грязью Красное знамя той Победы, но это – тема для отдельного разговора…

Начали корниловцы-калединцы 2(15) декабря с захвата Ростова и разгрома рабочих Советов, продолжили расстрелами рабочих – на одном Ясиновском руднике было убито 117 человек, и введением смертной казни. И такая "программа" сразу нашла поддержку у Америки, Англии и Франции, которые поддержали генералов и направили в Новочеркасск своих представителей для выяснения нужд мятежников, намеренных "остановить потоп с севера".

Однако всё вышло иначе…

25 декабря 1917 года (7 января 1918 года) на калединский фронт выступили: из Горловки – отряд прапорщика Рудольфа Сиверса, из Луганска – отряд Юрия Саблина, на миллеровском направлении – отряд левого эсера Григория Петрова, от станции Тихорецкая – отряды кубанского казака, хорунжего Алексея Автономова…

Петров будет расстрелян в 1918 году в числе 26 бакинских комиссаров, красные командиры Сиверс и Автономов погибнут в том же 1918 году. Но в героическую историю новой России они войти успеют.

Иной была судьба членов генеральского "триумвирата"…

28 января (10 февраля) 1918 года группа Сиверса освободила Таганрог и двинулась на Ростов, а 29 января (11 февраля) 1918 года Алексей Каледин сложил с себя полномочия атамана и застрелился.

Между прочим, Ленин ещё в ***сентябре*** (!!) ***1917*** года писал (ПСС, т. 34, с. 219, 220): "Каледин, «любимый вождь», поддержанный Гучковыми, Милюковыми, Рябушинскими и К^0, массового движения *всё же не поднял!!* Каледин неизмеримо «прямее», прямолинейнее шёл к гражданской войне, чем большевики. Каледин прямо «ездил поднимать Дон», и всё же Каледин массового движения никакого не поднял в «своём» крае, в оторванном от общерусской демократии казачьем крае!.."

Пророческие слова, не так ли?

Второй "триумвир" – Лавр Корнилов, 14(27) февраля 1918 года повёл донских "добровольцев" на соединение с "добровольцами" Кубани, и 13 апреля 1918 года был убит снарядом при штурме Екатеринодара…

Возглавлявший первый антибольшевистский "триумвират" 60-летний Михаил Алексеев, принявший на себя верховное командование Добровольческой "белой" армией, умер – в не таком уж и старом возрасте – в сентябре 1918 года в том же Екатеринодаре…

Если бы генерал Деникин, заступивший в апреле 1918 года убитого Корнилова, а в сентябре 1918 года – умершего Алексеева, искренне верил в бога, то кончина в один и тот же год ***всех трёх*** незадачливых «триумвиров» могла бы навести его на вполне определённые мысли. И тогда, возможно, он отказался бы от ***самим богом проклятой*** миссии провокатора и руководителя гражданской войны имущей России против России трудовой…

Но Деникин, как, впрочем, и все остальные руководители "белого движения", был человеком ограниченным, зато – с самомнением и амбициями не по разуму. Поэтому он раздувал пламя гражданской войны, на котором сгорал возможный гражданский мир…

И хотя Деникин дожил до 75 лет и в 1947 году умер в заокеанском Детройте, доброй славы он по себе не оставил, прославляемый ныне лишь невежественными глупцами или откровенными негодяями.

Итак, калединщина стала показательным эпизодом на рубеже 1917 и 1918 годов… И хотя она отняла у Ленина немало сил, это был – пока что, эпизод. Основной военной болью оказывался германский фронт. Главной же перспективной задачей было, конечно же, социальное и государственное строительство…

До Октября 1917 года Ленин не имел в после-февральской России властных полномочий – он мог воздействовать на жизнь лишь словом, причём с начала июля 1917 года – лишь печатным словом. Поэтому он так много писал статей, заметок… Теперь же он – глава государства, и хотя ему часто приходится выступать публично, он всё более прочно осваивает совершенно новые для него "литературные жанры" – постановления, декреты, записки, распоряжения, руководящие телеграммы и телефонограммы…

Тридцать пятый том в Полном собрании сочинений, содержащий работы с октября 1917 года по март 1918 года, – это, в основном, сборник проектов декретов, тезисов постановлений ЦИК и СНК, текстов речей…

27 ноября (10 декабря) 1917 года на заседании Совнаркома обсуждались меры по проведению в жизнь социалистической политики в сфере экономики, и Ленин набрасывает тезисы со следующими пунктами:

"Национализация банков

Вытягивание денег назад в казну

Новые деньги для крупных купюр

Революционные меры для перевода фабрик на полезное производство
Государственная монополия на внешнюю торговлю
Национализация промышленности
Государственные займы
Революционные меры борьбы с мародёрством
Разоблачение финансового и банковского грабежа
Финансирование промышленности
Безработица
Продовольствие"[941]

Есть ли здесь хоть один пункт, противоречащий интересам народов России?

Царю и в голову такое не приходило, а Ленин в ноябре 1917 года ставит новые задачи перед Публичной библиотекой в Петрограде и пишет:

"Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться.

Библиотечное дело в Петрограде поставлено, в силу многолетней порчи народного просвещения царизмом, из рук вон плохо.

Немедленно и безусловно необходимы следующие основные преобразования, исходящие из принципов, давно осуществленных в свободных государствах Запада, особенно в Швейцарии и в Соединённых Штатах Северной Америки: (далее идут четыре конкретных рекомендации, – *С.К.*) …"[942]

Требуются комментарии?

В конце 1917 года Ленин пишет две статьи: "Запуганные крахом старого и борющиеся за новое" и "Как организовать соревнование". Обе тогда не были опубликованы и появились в "Правде" лишь в 1929 году. Пожалуй, Ленин, со свойственным ему острым чутьём актуальности, вначале положил на бумагу наболевшее, а потом понял, что рано говорить про это ***такими*** словами – мало кто поймёт, что имеет в виду автор…

Особенно интересна первая статья (ПСС, т. 35, с. 191), начинающаяся со следующего:

""Большевики уже два месяца у власти, а вместо социалистического рая мы видим ад хаоса, гражданской войны, ещё большей разрухи". Так пишут, говорят и думают капиталисты вместе с их сознательными и полусознательными сторонниками.

Большевики только два месяца у власти, – ответим мы, а шаг вперёд к социализму сделан уже громадный… Не умеют понять исторической перспективы те, кто придавлен рутиной капитализма, оглушён могучим крахом старого, треском, шумом, "хаосом" (кажущимся хаосом), разваливающихся вековых построек царизма и буржуазии, запуган доведением классовой борьбы до крайнего обострения…"[943]

А потом, где-то ближе к концу статьи, Ленин пишет вот что:

"…Корысть, грязная, злобная, бешеная корысть денежного мешка, запуганность и холопство его прихлебателей – вот настоящая социальная основа современного воя интеллигентиков…

…Когда буржуазия и привыкшие служить ей чиновники, служащие, врачи, инженеры и пр. прибегают к самым крайним формам сопротивления, это ужасает интеллигентиков. Они трепещут от страха и вопят ещё более визгливо о необходимости вернуться к "соглашательству". Нас же, как и всех искренних друзей угнетённого класса, крайние меры сопротивления могут лишь радовать, ибо, …чтобы стать господствующим классом и окончательно победить буржуазию, пролетариат должен *научиться* этому. А научиться надо в борьбе…"[944]

Он уже два месяца сталкивается с такими сложнейшими проблемами, которые кроме него и тех, кто сплотился вокруг него, в России не способен разрешить никто! Но как, какими словами объяснить это стране? Объяснить так, чтобы она не сползла в гражданскую войну?

И Ленин уже видит, что от обострения борьбы не уйти, и он готов к такой борьбе, зная, что в огне сопротивления свергнутых классов массы закалятся… И он же отдаёт себе отчёт в том, что ***такая*** обнажённая правда пока народу не по зубам, она может испугать слишком многих из тех, кому придётся прийти к этой правде через борьбу…

Но мыслями Ленин был в той исторической перспективе, когда на смену неизбежному разрушению придёт неизбежное, необходимое России, созидание. И его государственная работа нацелена в конечном счёте именно на созидание, где капиталистическую конкуренцию сменит социалистическое соревнование и "большинство трудящихся втянется на арену такой работы, где они смогут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе – непочатый родник и которые капитализм душил, мял, давил, душил тысячами и миллионами…"[945]

Это написано на излёте 1917 – по старому стилю – года, и в начале 1918 – по новому стилю – года, что вполне символично. В 1918 год Россия впервые в своей истории вступала под рукой национального лидера, мыслящего категориями социального творчества ***народа***… Творчества, направляемого ***самой властью*** на обеспечение развития и процветания ***народа***. Так не мыслил ранее даже царь Пётр, по заслугам названный Великим!

За два первых месяца Советской власти, как, естественно, и в последующие месяцы и годы, не было принято ни одного декрета Советской власти, игнорирующего нужды народа, зато все принятые декреты были нужны народу России, и России как историческому понятию.

О некоторых из декретов Ленина уже сказано, а ниже дан дополнительно ***весьма неполный*** их перечень до конца 1917 года…

Положение ВЦИК и СНК от 14(27) ноября 1917 года "О рабочем контроле"…

Декрет от 17(30) ноября 1917 года "О национализации фабрики товарищества Ликинской мануфактуры"…

Декрет ВЦИК от 21 ноября (4 декабря) 1917 года "О праве отзыва делегатов"…

Декрет от 24 ноября (7 декабря) 1917 года "О воспрещении продажи, заклада и отдачи по чартер-партии русских торговых судов в руки иностранных подданных или учреждений"…

Декрет от 25 ноября (8 декабря) 1917 года "Об отпуске 450 000 рублей для выдачи пособий населению Кременчугского уезда, пострадавшему от наводнения"…

Постановление от 5(18) декабря 1917 года "Об ассигновании 1 миллиона рублей на субсидирование авансами кооперативов служащих почт и телеграфов"…

Декрет от 9(22) декабря 1917 года "О конфискации имущества акционерного Симского общества горных заводов"…

Положение ВЦИК и СНК от 11(24) декабря 1917 года "О страховании на случай безработицы" и Декрет ВЦИК от 22 декабря (4 января 1918 года) "О страховании на случай болезни"…

Декрет от 11(24) декабря 1917 года "О нормах оплаты труда железнодорожников, о категориях служащих и о 8-часовом рабочем дне во всех отраслях железнодорожного труда"…

Декрет от 14(27) декабря 1917 года "О национализации банков"…

Декрет от 14(27) декабря 1917 года "О ревизии стальных ящиков в банках"…

Постановление от 15(28) декабря 1917 года "О конфискации имущества Русско-Бельгийского металлургического общества"…

Декрет от 22 декабря 1917 года (4 января 1918 года) "О всеобщей повинности по очистке снега в Петрограде и на Петроградском железнодорожном узле"…

Декрет от 23 декабря 1917 года (5 января 1918 года) "О прекращении платежей по купонам (рантье. – *С.К.*) и дивидендам"…

Декреты от 27 декабря 1917 года (9 января 1918 года) "О конфискации автомобильных

мастерских Международного общества спальных вагонов"; "О конфискации имущества акционерного общества Сергинско-Уфалейского горного округа"; "О конфискации имущества акционерного общества Кыштымского горного округа"…

Пусть не удивляет точная адресация последних декретов к конкретным капиталистическим предприятиям – на первых порах так и было, что мы увидим и несколько позже. Национализация начиналась как выборочный процесс, касающийся лишь особо злостных саботажников.

Возможно, читателя утомило знакомство даже с ***выборочным*** перечнем первых декретов Советской власти… Но что остаётся делать мне, автору? Как иначе лишний раз ***документально*** показать, кем был Ленин и чем оказывалась для России его власть?

Сегодня негодяи типа Ивана Толстого с телеканала, называемого почему-то "Культура", уверяют сограждан в том, что Ленину и большевикам сопротивлялась-де "вся Россия"…

Чему здесь могла сопротивляться трудящаяся Россия?

Сегодня против Ленина сплочённым фронтом выступает вся "россиянская" академическая сволочь, а фактов-то она не приводит!

Факты-то – вот они!

Когда, спрашивается, в России ***до Ленина*** велась подобная законотворческая работа? И спрашивается – не пора ли уже в современной России вернуться к подобному законотворчеству?

Власть Ленина начинала процесс национализации экономики, однако он шёл, подчёркиваю, не огульно. Конфискации имущества конкретных акционерных обществ по декретам следовали, как правило, за отказом заводоуправлений подчиниться Декрету СНК о введении рабочего контроля над производством…

Постановление от 27 декабря 1917 года (9 января 1918 года) "О переходе Путиловских заводов в собственность Российской Республики" было обусловлено "задолженностью акционерного общества Путиловских заводов казне Российской Республики", а Декрет от 30 декабря 1917 года (12 января 1918 года) "О конфискации имущества А. И. Путилова" имел в своей основе то, что "председатель правления Русско-Азиатского банка А. И. Путилов изобличен (документами. – *С.К.*) в соучастии в корниловском заговоре… и бежал за границу"[946].

В 1918 году декреты о национализации пошли, что называется, косяком, но и тогда каждый акт национализации обосновывался.

Так, например, хромолитография и картонажная фабрика "Теодор Киббель" были конфискованы декретом от 4(17) января 1918 года "ввиду отказа предпринимателя… вести производство или произвести нормальный расчёт рабочих"…

В тот же день в собственность Российской Республики перешло имущество товарищества М. Гельферих-Саде "ввиду того, что правление товарищества закрыло свой завод и, оставив главную контору в Харькове, переехало к Каледину в Ростов-на-Дону"…

Того же 4(17) января 1918 года была конфискована Ростокинская красильно-аппретурная фабрика в селе Ростокино Московской губернии – "ввиду категорического отказа владельца фабрики… продолжать производство, несмотря на имеющиеся на ней запасы сырья и топлива".

Московский самолётостроительный завод "Андреев-Ланский и К^{0}" был национализирован 12(25) января 1918 года «ввиду заявления правления о желании рассчитать всех рабочих», Невский судостроительный и механический завод – «ввиду задолженности казне», а завод акционерного общества «Дека» в Александровске (ныне – Запорожье) – «ввиду категорического отказа платить рабочим и служащим за декабрь и январь месяцы, а также нежелания признать контроль рабочих»…

Когда "бывшие" окончательно стали "бывшими", знакомый нам фабрикант П. П. Рябушинский с трибуны эмигрантского Торгово-промышленного съезда, состоявшегося в

мае 1921 года в Париже, вещал: "Мы смотрим отсюда на наши фабрики, а они нас ждут, они нас зовут. И мы вернёмся к ним, старые хозяева, и не допустим никакого контроля"[947].

В ситуации, в которой это было сказано, подобную откровенность может породить, пожалуй, лишь слепая, бессильная ненависть.

Да так оно и было…

Заводчики сами рубили сук, на котором сидели. Если бы они были такими уж ярыми патриотами национальной экономики, то главным для них было бы сохранение и развитие производства. Но ведь не это было для них главным!

Скажем, текстильные "короли" Рябушинские были людьми не без размаха… В годы войны они начинали выкупать паи нефтяного товарищества "Братья Нобель", их привлекала горнодобывающая промышленность, они изучали состояние судоходства на Днепре и Волге, начали строительство первого в России автомобильного завода и даже финансировали экспедиции для изыскания радия. И приди тот же Павел Рябушинский к Ленину с предложением взять на себя руководство национализированной промышленностью, Ленин с радостью отдал бы это дело в руки компетентному человеку, ***соотечественнику***.

Но после Октября 1917 года сразу выяснилось, что отечества у Ленина и у клана Рябушинских разные… У Ленина появилось народное социалистическое Отечество, которое сразу после рождения оказывалось в опасности… А Рябушинским было дорого то старое "отечество", где лишь рябушинским светило солнце жизни, сверкая в хрустале фужеров и бриллиантах дамских гарнитуров. И рябушинские, гучковы, коноваловы были готовы начать лить кровь ради возвращения этого их "отечества".

Нет, не любовь к России и не желание видеть её в передовых странах двигало российскими промышленниками и банкирами как до, так и после Октября 1917 года – главенствовали злоба, жадность, своекорыстие…

Между прочим, 4(17) января 1918 года был принят и ещё один декрет, подписанный Лениным, который привожу полностью:

"Совет Народных Комиссаров постановляет: конфисковать находящиеся в банках на текущих счетах А. Ф. Керенского суммы в размере 1 474 734 р. 40 к., а именно: в Государственном банке на счёте № 43191 – 1 157 414 р. 40 к. и в Международном коммерческом банке на счёте № 15697 – 317 020 р. 12 к. (сумма копеек ошибочна. – *С.К.*). Все эти суммы переводятся на текущий счёт Совета Народных Комиссаров.

Вместе с тем Совет Народных Комиссаров обращается ко всем, кто мог бы дать указания относительно источника этих сумм, их назначения и т. п. с просьбой дать об этом исчерпывающие сведения"[948].

От комментариев к вышеприведённому декрету воздержусь, предлагая дать их, например, Николаю Старикову и прочим сказителям басен о «германском золоте» Ленина…

Декреты, отдающие трудовой России созданные ей, но не ей ранее принадлежавшие материальные ценности и ресурсы, продолжали исходить из Смольного, и они меняли суть имущественных общественных отношений в стране в пользу народа…

Скажем, 20 января(2 февраля) 1918 года был объявлен национальной собственностью дом-клуб № 2 по Екатерининской улице в Петрограде, принадлежавший ранее "Благородному собранию", с передачей его в пользование Центральному комитету пролетарских культурно-просветительных организаций, а 25 января (5 февраля) 1918 года Россия получила Декрет о национализации торгового флота, объявляющий его "общенациональной неделимой собственностью Советской Республики"…

Важнейшим для будущего стало принятие 2(15) декабря 1917 года Декрета ВЦИК и СНК об учреждении Высшего совета народного хозяйства. Перед ВСНХ ставилась задача "организации народного хозяйства и государственных финансов" и выработки "общих норм и планов регулирования экономической жизни страны". Декрет подписали председатель ВЦИК Свердлов, председатель Совнаркома Ульянов (Ленин) и народные комиссары Сталин и Авилов (Глебов).

Это был беспрецедентный в мировой практике шаг, который смело совершала новая Россия Ленина.

И это был шаг в великое будущее России.

30 ноября 1917 года Ленин закончил послеоктябрьское предисловие к своей дооктябрьской брошюре "Государство и революция" словами: "Второй выпуск брошюры (посвящённый "Опыту русских революций 1905 и 1917 годов"), пожалуй, придётся отложить надолго; приятнее и полезнее "опыт революции" проделывать, чем о нём писать…"

И теперь Ленин, проделывая "опыт революции", пишет не столько брошюры, сколько приказы, записки, телеграммы, деловые письма… В соответствующих послеоктябрьских томах Полного собрания его сочинений приведено почти три тысячи подобных "произведений" объёмом иногда в пару страниц, а иногда – и в пару строк: 727 документов – в томе 50-м; 628 – в томе 51-м; 490 – в томе 52-м; 575 – в томе 53-м и 554 – в томе 54-м…

Надо сказать, что материал это для объективного анализа роли и сути Ленина как государственного деятеля более чем представительный – было бы желание этот огромный массив информации честно осмыслять, и далее ***эти*** «сочинения» Ленина будут цитироваться часто. А начнём мы с трёх, относящихся к первым месяцам Советской власти…

В декабре 1917 года в Россию приехал журналист Шарль Дюма (р. 1883 – после 1977), депутат парламента от Французской социалистической партии, во время войны – социал-шовинист. Дюма однажды был у Ленина с Крупской в Париже, и теперь ему, конечно же, хотелось взять интервью. Однако Ленин ответил следующим письмом от 21 декабря 1917 года:

"Дорогой гражданин Шарль Дюма!

Мыс женой с большим удовольствием вспоминаем о том времени, когда мы познакомились с Вами в Париже на улице Бонье. Мы очень благодарны Вам за обмен мыслями и за очень точную информацию о социалистическом движении во Франции (Дюма тогда делился впечатлениями от поездок по французским деревням. – *С.К.*).

Я очень сожалею, что личные отношения между нами стали невозможными, после того как нас разделили столь глубокие политические разногласия. Я в течение всей войны боролся против тенденции "национальной обороны", будучи убеждён, что эта тенденция разрушает социализм.

Само собой разумеется, что я пишу это письмо не как член правительства, а как частное лицо.

Примите, дорогой гражданин, наш привет и самые лучшие пожелания от меня и от моей жены.

Ленин"[949]

Чётко, внятно и понятно!

А вот телеграмма в Харьков Антонову-Овсеенко, который командовал советскими войсками, действующими против украинской Центральной Рады и Каледина…

Впрочем, здесь тоже необходимо предварительное пояснение…

Харьковские капиталисты в ответ на введение 8-часового рабочего дня перестали своевременно выплачивать зарплату рабочим, и те обратились к эмиссару Ленина за помощью. Антонов-Овсеенко адресовался к местному ревкому, однако ревком никаких мер не принял. И тогда Антонов-Овсеенко вызвал к себе в штабной поезд 15 крупнейших капиталистов Харькова и

предложил им изыскать 1 миллион рублей наличными для выплат рабочим. Когда заводчики отказались, Антонов-Овсеенко просто посадил их под замок в один из вагонов II класса и объявил, что если деньги не будут внесены в срок, арестанты отправятся на рудники[950].

Деньги, конечно, тут же нашлись, арестованных освободили, а Ленин, узнав об инциденте, отправил в Харьков 29 декабря 1917 (11 января 1918) года телеграмму:

"Харьков, Штаб Антонова, Антонову

От всей души приветствую вашу энергичную деятельность и беспощадную борьбу с калединцами. Вполне одобряю вашу неуступчивость к местным соглашателям, сбившим, кажется, с толку часть большевиков. Особенно одобряю и приветствую арест миллионеров-саботажников… Советую отправить их на полгода на принудительные работы в рудники. Ещё раз приветствую вас за решительность и осуждаю колеблющихся.

Ленин"[951]

На следующий день телеграмму опубликовали «Правда» и «Известия ЦИК». Это была одна из первых грозных телеграмм Ленина, и особенно в 1918 году ему придётся направлять «на места» ещё более резкие и грозные телеграммы. Сегодня негодяи, выдрав эти телеграммы «с мясом» из контекста эпохи, пеняют ими Ленину, и обо всём этом читатель ещё узнает. Сейчас же, после письма и телеграммы, приведу телефонограмму, а чуть позже – ещё и записку Ленина на одну и ту же тему…

Телефонограмма от 7(20) января 1918 года в Народный Комиссариат юстиции:

"Я только что получил донесение, что сегодня ночью матросы пришли в Мариинскую больницу и убили Шингарёва и Кокошкина. Предписываю немедленно: во-первых, начать строжайшее следствие; во-вторых, арестовать виновных в убийстве матросов.

Ленин"[952]

Эта телефонограмма тоже была опубликована на следующий день в вечернем выпуске «Правды».

Суть тут была вот в чём…

Кадетские министры Временного правительства А. И. Шингарёв и Ф. Ф. Кокошкин содержались вместе с другими министрами в Петропавловской крепости, но по состоянию здоровья были переведены в больницу, где их убили матросы-анархисты с посыльного судна "Чайка" (по другой версии – охранявшие их солдаты).

Вообще-то, тогда – а это было как раз после роспуска Учредительного собрания, особым возбуждением против "бывших" были охвачены не только анархисты. Например, гарнизонный совет Петропавловской крепости в ночь на 2(15) января 1918 года вынес резолюцию о лишении заключённых права передачи и свиданий. И Ленин – как Председатель Совнаркома, вместе с наркомом юстиции Штейнбергом, вынужден был направить коменданту крепости и гарнизонному совету предписание, где "отдавая должное чувству революционного энтузиазма, охватившего представителей гарнизона крепости", предлагал "пересмотреть решение и о последующем известить"[953].

Так или иначе, Шингарёв и Кокошкин были не самыми худшими из кадетов, и их убийство ничем оправдать нельзя. Но так же нельзя и взваливать вину за это убийство на большевиков. Показательно, что даже современный либеральный автор биографии Шингарёва – воронежский доктор наук Михаил Карпачёв, закончил её словами:

"Понятие свободы у интеллигента-народолюбца и у народных низов в критический для страны момент оказалось наполненным разным содержанием. Идеалы демократии, во имя

которых либералы неустанно боролись с самодержавным режимом, спровоцировали выплеск такой народной стихии, укротить которую могла только диктатура"[954].

Признание показательное, хотя не ясно: ***чью*** диктатуру имеет в виду доктор Карпачёв – Ленина или Корнилова?

Ведь третьей диктатуры в России тогда быть не могло!

Причём диктатура Ленина оказывалась диктатурой пролетариата, а несостоявшаяся диктатура Корнилова могла быть диктатурой ***только*** фабрикантов, заводчиков и крупных землевладельцев.

И чья диктатура основывалась на естественных правах людей?

Надо понимать и то, что либералы неустанно боролись с самодержавным режимом не во имя широкой демократии для народных масс, а во имя локальной "демократии" для мануфактурщиков-миллионщиков Рябушинских, миллионера-хлеботорговца Парамонова, помещика Родзянко…

В те же дни анархисты из Гвардейского экипажа незаконно арестовали трёх офицеров, и Ленин пишет предписание В. Д. Бонч-Бруевичу:

"Предписание

Оповестить матросов гвардейского экипажа (с взятием от них подписки о том, что им это объявлено), что они отвечают за жизнь арестованных офицеров и что они, матросы, будут лишены продуктов, арестованы и преданы суду.

Принять экстренные меры: (1) к посылке хорошо вооружённой охраны к зданию; (2) к записи возможно большего числа *имён* матросов гвардейского экипажа.

Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин"[955]

Экипаж почистили, явных уголовников разоружили и арестовали, а лучшая часть экипажа воевала на фронтах гражданской войны…

Как видим, пока что Ленин лишь учится ремеслу главы огромного государства, да ещё и государства, оказавшегося в жесточайшем кризисе. В истории мира аналогов не было – даже Наполеон, принявший от Директории разваленную Францию, не оказывался в таком тяжёлом положении, как Ленин. Если Ленину буржуазия пакостила и вредила, где только могла, а банкиры финансировали саботаж и заговоры против него, то Наполеон имел полную и активную поддержку крупной буржуазии…

Зато Ленин имел поддержку народа.

В начале января 1918 года трагифарс «российской демократии» завершился почти комическим актом: односуточным «Учредительным» собранием, которое ничего не учредило, да и не могло учредить по причине полной политической импотенции его формального «большинства».

Открывшись 5 января 1918 года, Учредительное собрание было распущено под утро 6 января 1918 года… Мы уже касались этого сюжета, а сейчас окончательно закончим с ним…

Ненужность и даже вредность Учредительного собрания к началу 1918 года понимали далеко не только большевики. Академик Готье, автор крайне интересного дневника – интересного, прежде всего, своей отнюдь не академической злобностью и исторической слепотой в отношении Ленина и большевиков, но местами точного, 6 января 1918 года записал:

"*Всенародный кабак открыли вчера: президент Чернов; большевики уже на первом заседании покинули залу, так что конфликт, вероятно, неизбежен. Говорят, что с.-р. решили не выходить из Таврического дворца и не решать вопроса «о власти», а заниматься проведением законов, которыми можно будет подкупить любовь народа, и тогда свергнуть большевиков…*

Борьба начнётся, вероятно, с разгона кабака и с провозглашения съезда советов учредительным собранием. Говорят, что с.-р. в случае своей победы хотят провозгласить президиум русской республики из Гоца, Минора и Авксентьева, а министерство поручить Рудневу. Вот скорбные главы!"[956]

Напомню, что слово «скорбный» в русском языке употребляется в идиоме «скорбный умом», то есть – «глупый, дурак, умалишённый», и именно это имел в виду Готье, написав о скорбных главах несостоявшихся деятелей «Учредилки»…

Итак, Чернова и его коллег Готье оценил пренебрежительно, в чём был прав. Но вот чего Готье не понял, так это того, что у России не было другого выхода, как принять Ленина в качестве не только социального, но и национального вождя. Презираемый академиком Готье Ленин был не просто семью головами выше Чернова и любого другого российского политика любого направления – Ленин был безальтернативен!

Во-первых, Ленин был разработчиком и проводником той единственной политической и социальной позиции, которая могла спасти Россию как единую и независимую, а в перспективе – и как могучую, державу.

Во-вторых, Ленин быстро проявил себя как уникальная историческая личность, как вождь, не имеющий себе равных ни среди друзей, ни среди врагов. Только Ленин один и мог провести партию, взявшую власть в России, и возглавляемую этой партией Россию через ужасающий кризис, в который Россию и её народы ввергла политика последних пяти её царей – трёх Александров и двух Николаев.

Альтернативой Ленину были не Керенский и Чернов (они уже стояли у власти и не справились с ней), и не кто-то из старых царских политиков типа Кривошеина, который закончил "премьером" у Врангеля, и уж, тем более, не все эти врангели, корниловы, деникины, колчаки, богаевские, юденичи…

Альтернативой Ленину были хаос и гибель России как суверенной державы. Недаром позднее – осенью 1918 года, Владимир Ильич прямо спросил Горького – он что, думает, что "Учредилка" справилась бы с анархизмом миллионов мужиков с винтовками в руках?..

Это был вопрос, что называется, по существу! Справиться с понёсшей "русской-птицей-тройкой" мог лишь один "кучер" – Ленин.

Ведь та проблема, которой пеняют глупцы или негодяи Ленину – проблема компетентной выборной власти и вообще компетентной власти, возникла в России XX века не в январе 1918 года… Не вдаваясь здесь в пространные рассуждения, просто познакомлю читателя с дневниковыми записями Василия Осиповича Ключевского о Земском съезде 1905 года…

6—10 ноября 1905 года он записал:

"*Земский съезд. Много речей и долгих речей. Временем не дорожат… Все хотят высказаться, и каждый для того, чтобы убедить самого себя в собственных мыслях. Так все ищут себя, и хотя все испуганы общим водоворотом, но каждый жаждет только самодовольства*…"[957]

Антибольшевистскую часть Учредительного собрания составили в 1918-м году те же пустобрёхи и краснобаи, о которых так зло и верно написал великий наш историк в году 1905-м…

9-12 декабря 1905 года Ключевский записывает:

"*Учредительное собрание, которого требуют железнодорожники, телеграфисты, курсистки, все забастовщики и забастовщицы, есть комбинация русского ума – обезьяны: так бывало за границей, так должно быть и у нас*…"[958]

А далее он поясняет – размышляя сам с собой, что Учредительное собрание устанавливает основной закон, но в России "вопрос об этом уже предрешён манифестом (царским. – *С.К.*) 17 октября"… Поэтому, продолжает Ключевский в 1905 году, Учредительному собранию – если бы оно было собрано, «предстанут три дороги»…

"*Оно может,* – писал Ключевский, – *утвердить ограничение верховной власти по манифесту 17 октября, и тогда оно окажет себя лишним… Оно может, вопреки манифесту, восстановить затхлое, черносотенное самодержавие, и тогда оно явит себя совсем реакционным. Наконец, оно может, отменив монархию, провозгласить республику, и тогда оно, призванное для водворения законного порядка, окажется революционным. Итак, Учредительному собранию придётся выбирать между реакцией, революцией и* ***собственной ненужностью*** (жирный курсив мой. – *С.К.*)…"[959]

Великолепно!

В 1905 году Ключевский полностью описал системный смысл ситуации с Учредительным собранием к началу 1918 года!

В 1905 году не только курсистки, но и Ленин был за Учредительное собрание, но Ленин был за ***революционное*** Учредительное собрание! Однако в 1917 году произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, которая установила власть Советов, вотированную II съездом Советов!

Советская власть ***до созыва*** Учредительного собрания приняла «Декларацию прав народов России» и «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Она также приняла ***до созыва*** Учредительного собрания более сотни декретов, которые ***в конституционном отношении*** делали Российскую Республику самым передовым и наиболее социально ориентированным государством мира!

И теперь, в январе 1918 года, у Учредительного собрания было уже не "три дороги", о которых писал Ключевский, а две!

Учредительное собрание 1918 года могло или 1) вопреки воле народа, восстановить затхлый "Временный" режим, проявив себя реакционным, или 2) плетясь в хвосте революционного процесса, утвердить всё то, что уже успела сделать Советская власть, и этим засвидетельствовать свою, Учредительного собрания, дальнейшую ненужность!

Именно последнее – окончательно конституировать уже установленную Советскую власть, предложил Учредительному собранию Ленин. Однако антиленинское большинство "учредителей" на это не пошло.

Чего же в этом случае они заслуживали, кроме разгона?

Их и разогнали.

Вот ещё одна оценка – не "Учредилки", а царской Государственной Думы, в стенах которой подвизались многие из членов Учредительного собрания:

"в Государственной Думе четырёх созывов не было с самого начала ровно ничего *государственного*…, и она только как кокотка придумывала себе разные прозвища, вроде «Думы народного гнева»… Никогда, ни разу в Думе не проявилось ни единства, ни творчества, ни одушевления. Она всегда была бесталанною и безгосударственною Думою"[960].

Так оценил царскую Думу философ Василий Розанов, который был Советской власти враждебен. Именно так и "работала" бы "Учредилка", если бы у Ленина была возможность провести эксперимент и передать власть ей – как того требовали "учредители".

Но допустимо ли было устраивать эксперименты в то время, когда России грозила гибель?

25 июля 1918 года Жак Садуль в очередном письме "г-ну Альберу Тома, депутату (Шампиньи-сюр-Марн)" написал:

"Когда большевики свергли Временное правительство, Россия находилась в положении

потерявшего управление корабля… После длившихся восемь месяцев экспериментов коалиционные кадето-социал-революционные кабинеты пришли к краху… Консервативное правительство Керенского имело единственную заботу: держаться у власти. Способным на это оно не было.

Революционная власть Советов держится с ноября и крепка, как никогда. Между тем к борьбе за жизнь она прибавила ещё одну огромную задачу – разрушить старый политический, межнациональный, экономический и социальный мир, затем построить Коммунистическое государство…

Удерживаясь у власти уже девять месяцев, вопреки всем пророкам, предрекавшим с сентября 1917 года, что всякое правительство будет сметено через несколько недель, Советы совершили чудо – они за столько кроткое время начали осуществлять свою грандиозную программу…"[961]

Как говорится – со стороны виднее…

Садуль ко времени написания этих строк ещё не порвал со старым миром, направившим его в Россию, однако уже сильно дрейфовал в сторону большевизма. Причина его "полевения" была одна – французский социалист убедился в могучем созидательном социальном потенциале большевизма, и только большевизма… Какими жалкими на фоне увлекательного и волнующего психологического и нравственного преображения Садуля выглядят антиоктябрьские и антиленинские инсинуации стариковых, никито-михалковых, говорухиных и т. д.

В том же письме от 25 июля 1918 года Садуль затронул тему и Учредительного собрания…

"Знаменитый лозунг «Вся власть Советам!», то есть власть, целиком отданная непосредственно рабочим и крестьянам, отражает политические устремления ноябрьской революции.

Товарищей из Франции, как честных демократов, возмущает роспуск советским правительством Учредительного собрания… Им, очевидно, не известно…, что вопреки всему, что говорят псевдореволюционеры – сознательные или бессознательные марионетки в руках буржуазии, изгнанные русским народом и обосновавшиеся в Лондоне или Париже, – власть Советов сегодня поддерживает подавляющее большинство рабочих и крестьян…"

А далее у Садуля следуют строки, справедливые не только для оценки несостоявшегося российского Учредительного собрания, но и для оценки ныне «действующей» российской Государственной Думы:

"Большевики не захотели утверждать в России Учредиловку, неудачную копию наших старых буржуазных парламентов, этих подлинных коллективных самодержцев (тут Садуль, конечно, проявил наивность. – *С.К.*), безраздельных и неконтролируемых (не контролируемых Трудом, но контролируемых Капиталом. – *С.К.*), в которых заправляет горстка людей, как правило, продавшихся крупным промышленникам или банкирам (О! – это «горячее». – *С.К.*) и чья вопиющая некомпетентность толкнула в анархический антипарламентаризм столько западных демократий.

Наши парламенты являются лишь карикатурой народного представительства, до войны мы об этом догадывались, теперь мы в этом уверены. Советы, наоборот, – институты сугубо рабочие и крестьянские, создаваемые исключительно из трудящихся, противников капитализма, готовых не сотрудничать с этим режимом, а бороться с ним и его уничтожить…"[962]

Именно карикатурой народного представительства было Учредительное собрание образца

1918 года.

Такой же карикатурой является и Государственная Дума нынешней "Российской" Федерации.

Для честного человека уже приведённых свидетельств должно быть достаточно для того, чтобы понять – была ли необходимость в роспуске «Учредилки»?

Владимир Ильич и близко не страдал чем-то вроде самомнения, но значения для России большевизма и ***лично своего*** значения для будущего России, не понимать не мог. А, понимая это, он сознавал и своё право на жёсткость.

Не на жестокость, а на жёсткость, но – при необходимости, на ***предельную*** жёсткость, вплоть до пули в лоб сопротивляющимся. Ведь твёрдость в бою – залог успеха.

Как вспоминал управляющий делами Совнаркома Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, накануне открытия Собрания к нему в Смольный под разными предлогами заходили меньшевики и эсеры и интересовались: что большевики будут делать, если в день открытия пройдут демонстрации против правительства?

Ответ был коротким:

– Сначала будем уговаривать, потом расстреливать.

"Я очень хорошо знал психологию этих заячьих душ, – писал давний соратник Ленина. – Из долголетнего опыта я вывел одно заключение: со всей этой братией нужно говорить лаконически и твёрдо, и притом так, чтобы они чувствовали, что слова не будут расходиться с делом, что за словом последует его выполнение – твёрдое, неуклонное, железное…"[963]

В Смольном был организован чрезвычайный военный штаб, город был разбит на участки… Усиливали посты, подтягивали отряды рабочих и матросов, между отрядами поддерживалась постоянная связь. Для охраны Таврического дворца и подступов к нему Бонч-Бруевич вызвал команду с крейсера «Аврора».

Эсеры не могли за всем этим не наблюдать, так что насчёт сколько-нибудь массовых демонстраций можно было не тревожиться – "профилактика" Бонча не могла не сработать. Однако не исключались провокации у Смольного и террористические акты против лидеров большевиков, начиная, конечно, с Ленина. Собственно, за четыре дня до открытия Учредительного собрания первое покушение на Ленина уже произошло – 1(14) января 1918 года его автомобиль обстреляли. Швейцарский социал-демократ Фриц Платтен, ехавший с Лениным, успел пригнуть ему голову, и пуля задела Платтену палец, лежавший на голове Ленина.

Между прочим, "германский шпион" Ленин и сопровождавший его в проезде по Германии "агент германского генштаба" Платтен возвращались с митинга в Михайловском манеже по поводу проводов первых добровольческих "красных" частей, направляемых против немцев на Западный фронт…[964]

Итак, Ленин мог погибнуть ещё до открытия Учредительного собрания, и это был, конечно, тревожный сигнал, меры предосторожности требовались.

3(16) января 1918 года Ленин подписал предписание в штаб Красной Гвардии о выдаче "для специальной внутренней охраны Таврического дворца" тридцати револьверов[965].

С утра 5(18) января 1918 года Бонч-Бруевич вызвал батальон егерского полка с пулемётами для охраны моста через Неву и тылов Смольного. Всё было в боевой готовности, вплоть до перевязочных пунктов Красного Креста в дворах по ходу возможных демонстраций.

Относительно дня открытия Учредительного собрания хватает антисоветских якобы мемуаров, полных якобы расстрелов демонстраций с якобы тысячными жертвами. Но просто приведу инструкцию Чрезвычайного штаба главнокомандующего Петроградским военным

округом начальникам отрядов моряков о действиях в день открытия:

"Общее задание: отрядам моряков иметь наблюдение за улицами и мостами. Не пропускать толп и скопления народа к центру города. Безоружных возвращать обратно словом убеждения. Вооружённых людей, проявляющих враждебные намерения, не подпускать близко, убеждать разойтись и не препятствовать караулам выполнять данные им приказы. В случае невыполнения – обезоружить и арестовать. На вооружённое сопротивление отвечать беспощадным вооружённым отпором. В случае появления демонстраций каких-либо рабочих – убеждать их до последней крайности, как заблуждающихся товарищей, идущих против своих братьев и народной власти…"[966]

Общее число кронштадтцев, отряженных на обеспечение порядка в тот день составило более 2 500 человек. И эта сила, выведенная на улицы столицы, свидетельствовала не о слабости новой власти, боящейся эксцессов, а о её стремлении демонстрацией силы удержать "заблуждающихся товарищей" от эксцессов. Основным средством убеждения при этом, как видим, предполагалось слово.

И вот как эта инструкция реализовывалась…

Пост от Литейного проспекта до Кирочной занимал отряд в 300 матросов под командой Анатолия Железнякова. Ближе к Таврическому дворцу со стороны Литейного проспекта образовалась значительная толпа, враждебно напирала, шла к дворцу. Находившийся в подведомственном ему районе и наблюдавший всё это Бонч-Бруевич позднее вспоминал:

"В чёрных бушлатах стояли матросы стройными рядами. Толпа вдруг двинулась с какой-то неожиданной решимостью. Момент был критический. Матросы замерли в ожидании. Вдруг от них отделился Железняков и бросился бегом к идущей сумрачной толпе. Шагах в двадцати он остановился…, выпрямился во весь свой огромный рост, правой рукой схватив винтовку за конец дула и подняв её на протянутой руке кверху. Откачнувшись, он левой рукой дал знак остановиться, и толпа вздрогнула и остановилась… Зазвенел, переливаясь, его приятный взволнованный голос…"[967]

Речь Железнякова сняла напряжение, ход к дворцу превратился в митинг, возникали споры. И в районе Бонч-Бруевича в тот день не было произведено ни одного выстрела, хотя вообще без выстрелов тогда не обошлось – не везде во главе постов стояли фигуры уровня Железнякова. Тем не менее никаких кровавых эксцессов не было – даже Виктор Чернов ограничился в своих мемуарах общими проклятиями в адрес Ленина. И в дополнение к уже сказанному об "Учредилке" ранее, сообщу о двух вот уж действительно комических деталях…

Комендантом Таврического дворца, избранного местом открытия Учредительного собрания, был назначен Моисей Урицкий (30 августа 1918 года, будучи председателем Петроградской ЧК, он был убит эсерами). По пути во дворец – для конспирации – Урицкий поехал на извозчике, и два "гоп-стопника" сняли с Урицкого шубу.

Увы, этим казусом "учредительно-криминальные" неурядицы для большевиков не исчерпались. Когда Ленин, уезжая из Таврического дворца, надевал пальто, то не обнаружил в боковом кармане браунинг, который всегда носил с собой.

– Кто ответственен за порядок в здании Таврического дворца? – задал вопрос Ильич.

– Я, Урицкий, – гордо ударив себя в грудь, заявил Урицкий.

– Позвольте заявить вам, – полушутя обратился к нему Ленин, – что у меня из кармана пальто вот здесь, в Таврическом дворце, украли револьвер.

– Как? Не может быть!

– Да, да-с, украли!..

Урицкий был крайне смущён, и Ленин его успокоил:

– Ну, с вас воры сняли шубу, а мне воры залезли в шубу и украли револьвер!.. Вот видите,

какая у нас круговая порука…[968]

Как говорится, в каждой шутке есть доля шутки, однако времена наступали, увы, нешуточные – сразу за главой "Созыв Учредительного собрания" в книге воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича следует глава "Страшное в революции".

Что ж, революция – это не только чистые страсти, но и страсти тёмные. Не прекраснодушный интеллигент, а строго реалистичный интеллектуал, Ленин это понимал острее, чем многие другие. Но тут уместно спросить: а что было первопричиной разыгравшихся в 1917 году и в годы гражданской войны тёмных страстей – революционная деятельность вождей революции, или преступная многолетняя и даже многовековая бездеятельность правивших в старой России "верхов"?

Ведь это царизм и капитализм год за годом оставляли немалую часть народной массы – особенно на селе, в духовном запустении и тем создавали почву для тёмных страстей и инстинктов особо невежественной и особо неразвитой части народа… Говорят – воспитывай, пока дитя лежит поперёк лавки, а не вдоль. А ведь к началу 1918 года ***все*** в царской России – даже те, кто пока лежал «поперёк лавки», воспитывались условиями царской России, не так ли?!

До весны 1917 года эмигрант Ленин и нелегалы-большевики имели незначительные – по сравнению с императором Николаем и правящими кругами царской России – возможности влиять в ту или иную сторону на нравственный облик народа. В руках царя, его сановников, помещиков, фабрикантов, купцов были – по сравнению с Лениным и его соратниками – огромнейшие, колоссальные средства для развития народного образования, народной культуры, для поощрения и воспитания светлого, а не тёмного в душе народа…

А что делали царь и "верхи"?

Что воспитывали?

Кого воспитывали?

На что закрывали глаза, играя в солдатики на дворцовых разводах?

А?

Вот то-то и оно!

И об этом в книге о Ленине – спасителе введённой ***не им*** в кризис России, и о Ленине – творце новой России, тоже надо сказать.

Глава 34. Об ужасах революции и ужасах, её породивших

Французский историк Жюль Мишле (1798–1874), автор 17-томной «Истории Франции» до 1790 года, то есть – до Великой Французской революции, автор также отдельной 7-томной «Истории Французской революции» и 3-томной «Истории XIX века», был современником Маркса и Энгельса.

Однако марксистом Мишле не был…

Жюль Мишле был буржуазным демократом, к коммунистическим идеалам относился враждебно и классовую борьбу отрицал. Реакционеров, правда, тоже не жаловал. Главным действующим лицом французской истории Мишле считал народ, не разделяя его на классы (в смысле – не отделяя наёмных работников от буржуа), а исконными и заведомыми врагами французского народа справедливо видел монархию, дворянство и католицизм.

Энгельс определил политические и общественно-моральные взгляды Мишле как пронизанные мещанским духом, но позднее Мишле отнесли к историкам романтического направления, и резон в том имелся. Пусть и не поднимаясь до ясного понимания классовой природы буржуазного общества, Мишле стоял, всё же, на стороне не угнетателей, а на стороне униженных и оскорблённых… На стороне если не пролетариев, то и не элитарных бездельников-паразитов.

Одну революцию – Великую революцию 1789 года, Мишле описал. Во время второй – революции 1848 года, он жил, и за антиклерикальные взгляды после её поражения был лишён кафедры в Коллеж де Франс и заведования отделом в Национальном архиве. Застал Мишле и Парижскую Коммуну 1871 года, хотя уже и 73-летним стариком.

Иными словами, что такое революция Мишле знал и как учёный-исследователь, и как современник революций. И ему принадлежит мысль, знакомство с которой необходимо каждому, кто возымеет наглость рассуждать об «ужасах» революции и осуждать её за её «жестокость».

Вот эта мысль – я её выделю особо:

«Чувствительные люди, рыдающие над ужасами революции, уроните несколько слезинок и над ужасами, её породившими…»

Это – ответ любой «белой» сволочи, раз и на все времена!

В начале 1918 года в статье «Интеллигенция и революция» Александр Блок написал:

«Почему дырявят древний собор? – Потому что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой.

Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? – Потому что сто лет под их развесистыми липами и клёнами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мошной, а дураку – образованностью.

Всё так.

Я знаю, что говорю. Конём этого не объедешь. Замалчивать этого нет возможности; а все, однако, замалчивают»[969].

Блок знал ситуацию не понаслышке – сам был из помещиков. Садистов типа знаменитой Салтычихи, замучившей более 100 своих крепостных и даже в екатерининской помещичьей России приговорённой к смертной казни (!), в родословии у Блока не было, но – какая разница!?

Блок недаром написал: «…не у того барина, так у соседа». И прибавлял: «Мы – звенья

одной цепи. Или на нас не лежат грехи отцов?»

Сегодня актёр и режиссер Никита Михалков, формально имеющий аристократические корни, но в смысле нравственном являющийся до удивления быдлом, заявляет, что отношения помещиков и крепостных были-де отношениями «отца и сыновей»… Что негативное отношение к понятию «барин» – это, мол, «удел раба», и т. д. и т. п.

Как жаль, что подобную «недорезанную» сволочь нельзя перебросить машиной времени из XXI века в XVIII этак век – на положение «сынка» в полную власть типичного крепостного «папаши»…

За подобные пассажи Михалков – новоявленный «мещанин во дворянстве», получил бы от дворянина Блока разве что оплеуху, ибо поэт Блок смотрел на революцию честным взглядом человека из имущих классов, понимая, что в основе ужасов революции лежат те ужасы, которые её породили…

Вот мы и окинем – хотя бы беглым взглядом – жизнь царской России, начав с тех лет, которые непосредственно предшествовали рождению Володи Ульянова, а также – тех лет, когда начиналось его формирование.

И тогда станет понятнее – была ли Октябрьская революция случайной, и много ли правды в исторических оценках «барина» Никиты Михалкова…

Начнём с России царя Александра II, казнённого в 1881 году народовольцами… В 1866 году в некрасовском журнале «Современник» молодой Глеб Успенский начал публиковать свои «Нравы Растеряевой улицы». Гнетущее впечатление производят эти нравы, а ведь туляк Успенский писал не о какой-нибудь захолустной «тьмутаракани», а о Туле, о рабочей среде. И не материальная сторона описываемой им жизни убивает, а как раз духовная, а точнее – бездуховная её сторона, презрение к знаниям, к ученью.

Так кто воспитывал подобные «нравы» в народе?

Ленин?

Или его отец?

4 апреля 1866 года Дмитрий Каракозов совершил неудачное покушение на царя, начались массовые – тысячами, аресты, «Современник» был закрыт. Но разве жизнь десятков миллионов подданных Александра II в этом журнале описывалась лживо? Разве там была неправда о тогдашней России?

Однако вместо того, чтобы прислушаться к этой горькой правде, царь и его правительство начали репрессии.

А сами…

Ну, что они творили в России и с Россией, сообщу читателю, ссылаясь на компетентное свидетельство знаменитого Петра Кропоткина…

Князь Пётр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) прожил и долгую, и незаурядную жизнь. Географ и геолог, в 60-е годы – организатор ряда научных экспедиций в Восточную Сибирь, он позднее стал революционером, теоретиком анархизма, эмигрантом… Его «Записки революционера» впервые были изданы в Лондоне Фондом вольной русской прессы в 1902 году, и вот что Кропоткин писал о нравах тех, кто своей антинародной деятельностью программировал «нравы Растеряевой улицы»:

«Повсеместно в министерствах, в особенности при постройке железных дорог и при всякого рода подрядах, грабёж шёл на большую ногу. Флот, как сказал сам Александр II одному из своих сыновей, находился „в карманах такого-то“. Постройка гарантированных правительством железных дорог обходилась баснословно дорого (зато как наживались подрядчики! – *С.К.*)…

Один мой знакомый захотел основать в Петербурге одно коммерческое предприятие… Ему

прямо сказали в министерстве внутренних дел, что 25 % чистой прибыли нужно дать одному чиновнику этого министерства, 15 % – одному служащему в министерстве финансов, 10 % – другому чиновнику того же министерства, а 5 % – ещё одному. Такого рода сделки совершались открыто, и Александр II отлично знал про них. О том свидетельствуют его собственноручные заметки на полях докладов государственного контролёра…»[970]

Президент премьера Владимира Путина и премьер президента Владимира Путина – Дмитрий Медведев, держит «Царя-Освободителя» за образец, достойный всяческого подражания. Прочтя выше приведённые строки, можно, пожалуй, понять, почему «ДАМ» так восхищается Александром II…

Приведу ещё одно место из кропоткинских «Записок»:

«Много раз было доказано, что сельское духовенство так занято требами, что не может уделять времени народным школам… Тем не менее высшее духовенство, пользуясь ненавистью Александра II к так называемому революционному духу, начало поход с… лозунгом „или приходская школа, или никакой“…

Вся Россия желала реальных школ; но министерство открывало только классические гимназии…

На техническое образование – в стране, нуждавшейся в инженерах, учёных агрономах и геологах, – смотрели как на нечто революционное… Ежегодно несколько тысяч молодых людей не попадали в высшие технические учебные заведения по недостатку вакансий»[971].

Да, это написал революционер. Но это написал князь, человек, входивший в элиту, знавший ситуацию, имевший высокие связи, так что оценкам Кропоткина верить можно.

Лично Александр был храбрым человеком. Однажды медведь, которого царь не убил первым выстрелом, смял охотника, бросившегося вперёд с рогатиной. И царь пришёл на помощь своему подручному – об этом Кропоткину рассказывал сам спасённый царём медвежатник. Но далее Кропоткин пишет:

«И, тем не менее, Александр II всю жизнь прожил под страхом ужасов, созданных его воображением и неспокойной совестью. Он был очень мягок с друзьями; между тем эта мягкость уживалась в нём со страшной, равнодушной жестокостью, достойной XVII века, которую он проявил при подавлении польского мятежа и впоследствии, в 1880 году, когда такие же жесткие меры были приняты для усмирения восстания русской молодёжи, причём никто бы не счёл его способным на такую жестокость…»[972]

А вот тут князь-революционер ошибся!

Привилегированное имущее меньшинство, Золотая Элита мира, способны ***на любую*** жестокость, если речь идёт о сохранении их привилегий и прибыли. Одним из последних примеров здесь стала трагедия Ливии и Муамара Каддафи… Можно здесь вспомнить и мучеников Одессы 2014 года, о трагедии Донбасса…

Так могут ли революционеры, работающие во имя уничтожения привилегий, работающие во имя трудящегося большинства, не отвечать силой на силу, решимостью на решимость, жёсткостью на жёсткость?

И, если уж на то пошло: жестокостью – на жестокость…

Милосердие?

Что ж, когда победа обеспечена, можно проявить и милосердие.

Но милосердие – это прерогатива ***победителя***!

Вспоминая о подавлении восстания русской молодёжи Кропоткин имел в виду то, что с апреля 1879 года, после покушения на царя А. К. Соловьёва, до начала 1880 года на политических процессах было вынесено 16 смертных приговоров.

Шестнадцать только повешенных…

А сколько ушло на каторгу и в тюремные казематы – молодых, искренних, чистых, жертвенных…

И за что?

За то, что хотели для Родины нормальной жизни – хотя бы на уровне свобод буржуазной Европы, и не увидели иного пути к этому, кроме физического устранения царя, олицетворявшего произвол и коррупцию в той стране, где он должен был бы олицетворять справедливость и общественный долг.

У кого повернётся язык назвать этих ребят преступниками?

Возможно, кто-то заметит, что со времён Кропоткина царская Россия сильно изменилась, развилась и т. д.

Но вряд ли так скажет кто-либо из читателей этой книги, знакомых с убийственными для царизма цифрами из работ Ленина, относящимися к «пиковому» для России 1913 году – году 300-летия дома Романовых.

А вот личные впечатления от русской деревни 900-х годов знатока России, американского профессора Сэмюэля Харпера:

«…крестьяне в деревнях (это под Торжком. – *С.К.*) жили поистине примитивной жизнью…

В деревнях всегда была опасность подцепить какую-нибудь болезнь. Клопы и блохи были обычным явлением. Часто нам приходилось сокращать свои поездки (по поволжским, подмосковным, воронежским, харьковским, киевским сёлам. – *С.К.*), спасаясь от вшей. Ездили мы и по районам, где была распространена холера в слабой форме. Меры предосторожности против кожных болезней и сифилиса не всегда носили эффективный характер, что причиняло беспокойство…»[973]

Дополнительно могу привести ещё и цифры по крестьянству из ленинской статьи 1913 года «Крупное помещичье и мелкое крестьянское землевладение в России». Вот что сообщал Ленин:

«По поводу только что минувшей годовщины 19 февраля 1861 года (в этот день был обнародован Манифест „Царя-Освободителя“ Александра II об отмене крепостного права. – *С.К.*) не лишне будет напомнить современное распределение земли в Европейской России.

Последняя официальная статистика распределения земли в Европейской России издана министерством внутренних дел и относится к 1905 году.

По данным этой статистики, крупнейших помещиков, имеющих свыше 500 десятин земли было (с округлением) около 30 000, а земли у них – около 70 000 000 десятин.

Около 10 000 000 беднейших крестьянских дворов имеют столько же земли.

В среднем приходится, значит, на одного крупнейшего помещика около 330 беднейших крестьянских семей…»[974]

Таким было положение с землевладением в России даже в XX веке! Что уж говорить о XIX веке, о временах «Царя-Освободителя»?

Так имели ли право казнить этого якобы «Освободителя» русские революционеры, если царь – крупнейший помещик России, во главе остальных нескольких десятков *тысяч* крупнейших помещиков заедал долю и жизнь нескольких десятков ***миллионов*** своих же соотечественников!?

Александра II казнила «Народная воля» Андрея Желябова… Ленин не восхищался Желябовым как профессионалом революции – и эпохи у них были разными, и подходы к эпохе различались. Ленин говорил о Желябове в своём знаменитом «Что делать?» как об одном из «корифеев» революционного движения, «горячая проповедь» которого «встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе», но брать Желябова за образец не собирался.

Свой политический взгляд на Желябова Владимир Ильич высказал, по сути, один раз. В большой работе 1915 года «Крах II Интернационала», критикуя немца Каутского и русского Плеханова за их соглашательство с буржуа, Ленин заметил, что сравнивать политику освобождающейся от феодализма буржуазии с политикой «одряхлевшей, ограбившей весь мир» реакционной буржуазии, значит «сравнивать аршины с пудами», и пояснил:

«Это похоже на сравнение „представителей буржуазии“ Робеспьера, Гарибальди, Желябова с „представителями буржуазии“ Мильераном (французский социалист-ренегат, позднее один из организаторов интервенции против РСФСР. – *С.К.*), Саландрой (правый итальянский политик, позднее сотрудничал с Муссолини, – *С.К.*), Гучковым (крупный капиталист, организатор партии октябристов, позднее военный министр во Временном правительстве и белоэмигрант. – *С.К.*).

Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам… И нельзя быть марксистом, не питая презрения к софистике Плеханова и Каутского»[975].

Итак даже жертвенный народник Желябов был для Ильича хотя и великим, но буржуазным революционером. При этом без протеста Желябова против ужасов царской России не было бы впоследствии и пролетарского революционера Ленина, который рабочей рукой поставил на царской России крест.

Андрей Желябов (1850–1881), сын бывшего крепостного, сумевший в 19 лет поступить в Одесский университет, был человеком абсолютно высоких моральных качеств, достойным глубочайшего уважения. Начинал он не с террора, а с пропаганды, и позднее на суде говорил: «Моя личная задача, цель моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работал для этой цели путём мирным и только затем был вынужден перейти к насилию».

Кем Желябов был вынужден перейти от пропаганды к террору, как не царём и царизмом?

К коррупции элиты царь относился спокойно, чуть ли не благосклонно. Зато и слышать не мог о желании разночинцев иметь политические свободы, получать соответствующее времени образование, просвещать народ…

Желябов был арестован 27 февраля 1881 года – за два дня до казни Александра II, и формально не должен был проходить обвиняемым на процессе «цареубийц». Но, узнав уже в тюрьме о событии 1 марта и готовящемся процессе «первомартовцев», он обратился к прокурору с требованием приобщить его к делу 1 марта!

«*Было бы вопиющей несправедливостью*, – писал он, – *сохранять жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности*».

Такими героями нация обязана гордиться, и советская Россия Желябовым гордилась, а сейчас о нём нынешние «культуртрегеры» если и вспомнят, то лишь для того, чтобы гнусно оболгать.

В начале книги уже говорилось, что 3 апреля 1881 года Желябов был казнён вместе с Софьей Перовской, Николаем Кибальчичем, Тимофеем Михайловым и Николаем Рысаковым на Семёновском плацу. Говорилось и о том, что Михайлову было всего двадцать два года, а Рысакову – и вовсе двадцать…

Молодые ребята…

Даже Желябову, самому старшему, было на момент казни всего тридцать лет. Он начинал не с бомб, а с пропаганды, но решил перейти к бомбам, надеясь на то, что хотя бы так изменит вопиющее положение вещей…

27-летняя Софья Перовская (1853–1881) стала первой русской женщиной, осуждённой на

смертную казнь за революционную деятельность. Дворянка, дочь губернатора Петербургской губернии, она порвала со своей средой, «ходила в народ», арестовывалась, а, бежав из ссылки, перешла на нелегальное положение, в 1879 году участвовала в подготовке взрыва царского поезда под Москвой.

С портрета на нас смотрит открытое, правильное, сосредоточенное и ***одухотворённое*** лицо – а ведь и на Перовскую сегодня гнусно клевещут.

После вынесения Перовской смертного приговора её матери не позволили проститься с дочерью – с момента вынесения приговора та считалась мёртвой. Если это не особо отвратительная, особо ужасная, особо извращённая жестокость, то что тогда надо считать ужасным?

26-летний сын священника Николай Кибальчич (1854–1881) в 1871–1875 годах учился в Институте путей сообщения и Медико-хирургической академии, в 1875 году получил три года тюрьмы – не за кражу, не за коррупцию, а за хранение народнической литературы. Кибальчич был главной научно-технической силой «Народной воли». За несколько часов до смерти он обдумывал в камере идею реактивного летательного аппарата.

Рабочий Тимофей Михайлов (1859–1881), сын бедного смоленского крестьянина, питерский котельщик, сумел высоко подняться – не в карьере, а в своём нравственном развитии – над тогдашним уровнем своего класса. На следствии он вёл себя как герой и умер героем. Одного взгляда на его портрет во 2-м издании Большой Советской энциклопедии достаточно, чтобы понять – каким бесстрашным и ярким человеком он был.

Дал слабину лишь Рысаков – он испугался смерти, стал сотрудничать со следствием, но был обманут – казнили и его.

Желябову было тридцать, Михайлову и Рысакову – вообще по двадцать лет!

Жить бы да жить…

Но это ведь и их долю заедал император Александр II.

Не так ли?

Последними жертвенными героями народнического периода российского революционного движения стали старший брат Ленина – Александр Ульянов, Василий Генералов и их товарищи Андреюшкин, Осипанов и Шевырёв, повешенные 8 мая 1887 года за подготовку покушения на Александра III – по делу так называемых «вторых первомартовцев».

Тоже двадцатилетние ребята…

Герои «Народной воли» не имели ничего общего с современными фанатиками-террористами, которых обманули исламистские и прочие «вожди». Желябов, Перовская, Кибальчич, Александр Ульянов были высокообразованными и развитыми натурами, они сознательно жертвовали собой, не только следуя некой политической программе, но и ***разрабатывая*** её.

Да, это была тупиковая программа, что Ленин понял ещё в ранней юности. Однако неверными были лишь средства, а цель была верной, высокой. Эта цель не оправдывала средства, но она оправдывала смерти тех, кто жил этой целью… Народовольцы пели:

Если ж погибнуть придётся
В тюрьмах и шахтах сырых —
Дело, друзья, отзовётся
На поколеньях живых.

С приходом в российское революционное движение Ленина борьба сбмой развитой, сбмой неравнодушной части российского общества стала обретать ту гармонию целей и средств, которой не смогли достичь народовольцы. Не террор, а пропаганда, не заговор, а широкая рабочая партия с общероссийской газетой…

Уже в ранней работе «Революционный авантюризм», опубликованной в «Искре» в 1902 году, Ленин заявлял:

«Мы переживаем бурные времена, когда история России шагает вперёд семимильными шагами… „Шумим, братец, шумим“ (слова Репетилова из „Горя от ума“. – *С.К.*), – таков лозунг многих революционно настроенных личностей, увлечённых вихрем событий и не имеющих ни теоретических, ни социальных устоев…

К таким „шумным“ направлениям принадлежат и „социалисты-революционеры“ (эсеры. – *С.К.*), физиономия которых вырисовывается всё яснее и яснее… Защищая террор, непригодность которого так ясно доказана опытом русского революционного движения, соц. – рев. из кожи вон лезут, заявляя, что они признают лишь террор вместе с работой в массах… И мне часто вспоминаются слова: „Как божиться-то не лень?“, – когда я читаю уверения соц. – рев.: „Мы не отодвигаем террором работы в массах“…

…Не обходится без теории эксцитативного (возбуждающего чувства, привлекающего внимание, от *лат.* excitare – „возбуждать“. – *С.К.*) террора. „Каждый поединок героя будит во всех нас дух борьбы и отваги“, – говорят нам. Но мы знаем из прошлого и видим в настоящем, что *только*… пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоёв массы действительно будит *во всех* дух борьбы и отваги»[976].

Что почти забавно! Эпиграфом к этой ленинской цитате вполне можно было бы взять эсеровский лозунг: «В борьбе обретёшь ты право своё». Но эсеры имели в виду то, что лишь герои, «соль революции», идя на жертвы и борьбу, обретают в борьбе право на всё, в том числе и на террор.

Ленин же всегда говорил ***массам***, что массы, вступая в борьбу, обретают право на достойную жизнь, право взять свою судьбу в собственные руки.

И в последней четверти XIX века в народной массе уже появлялись люди, понявшие на примере своей судьбы то, что дворянин Ленин понял в силу величия своей души.

Наиболее яркий до-ленинский пример чёткого классового понимания исторической роли пролетариата относится ещё ко временам народничества… В петербургском кружке, руководимом молодой Перовской, занимался рабочий-ткач достаточно зрелого возраста, 34-летний Пётр Алексеев (1840–1891) – по виду настоящий русский богатырь. В 1874 году, уже в Москве, он был арестован за революционную пропаганду и в 1877 году на «процессе 50-ти» осуждён на 10 лет каторги.

Алексеев, как и позднее Желябов, а потом и Александр Ульянов, отказался на суде от защиты адвокатом для того, чтобы иметь возможность произнести речь в защиту своих идей… И речь Алексеева стала знаменитой.

Начав её: «Мы, миллионы людей рабочего населения…», прерываемый председателем суда, он далее говорил:

– Заработную плату довели до минимума. Из этого заработка капиталисты без зазрения совести стараются всевозможными способами отнимать у рабочих трудовую копейку и считают этот грабёж доходом… Капиталисты сознательно держат народ в темноте и вместо полезной книги дают ему разных «Ерусланов Лазаревичей» или «Женихов в чернилах и невест в кислых щах»…

Как всё это – до горького смеха – напоминает нынешний день, когда вместо подлинной культуры народ получает телевизионную бурду сразу на десятках телевизионных каналов!

А Пётр Алексеев продолжал:

– Рабочий народ, хоть и остаётся в первобытном положении и до настоящего времени, не получает никакого образования, смотрит на это, как на временное зло, как и на самую правительственную власть, временно захваченную силой… Русскому рабочему народу остаётся надеяться только на себя…

Закончил же Алексеев свою речь славами, которыми почти через четверть века закончит свою программную статью в первом номере газеты «Искра» Ленин:

– Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, ограждённое солдатскими штыками, разлетится в прах!

Наряду с Андреем Желябовым, соратником Желябова Степаном Халтуриным, повешенным в 1882 году, и ярким народником Ипполитом Мышкиным, расстрелянным в 1885 году в Шлиссельбургской крепости «за оскорбление тюремного смотрителя», Ленин числил Петра Алексеева в «корифеях» революции, и свою программную статью «Насущные задачи нашего движения» в первом номере «Искры» закончил словами Алексеева, назвав их великим пророчеством.

Однако подлинно новые силы, которым было суждено стать под ленинские знамёна революционной борьбы лишь подрастали. Это были люди, органически не приемлющие жестокость ради жестокости, насилие ради собственных шкурных выгод. В то же время они не были и сторонниками того террора, который, не уничтожая ужасы несправедливого режима, отягощал ненужными ужасами революционную борьбу…

Да, после совершения Октябрьской революции им пришлось вводить террор как элемент борьбы, но это была уже совершенно иная ситуация – необходимо было подавлять сопротивление отрешённых от власти имущих классов. Не было бы сопротивления – не было бы и террора.

Позднее мы к этой мысли ещё вернёмся, а сейчас вот о чём…

Читатель уже знаком с боевиком «Камо» – Симоном Аршаковичем Тер-Петросяном и проведённым им захватом «золотой экспедиции» на Эриванской площади Тифлиса в 1907 году.

Камо, хотя ему и пришлось выступить в роли налётчика, был человеком высшей пробы, беззаветно работавшим для революции и всегда готовым отдать за неё жизнь. Но сейчас речь не о нём, а о юной Нине Шахпаронянц – тоже участнице тифлисского «экса». В тот день ей было всего 14 лет, и задачу она имела хотя и скромную, но важную: после налёта встретить и провести в условленное место двух боевиков.

Нина выполнила задание Камо, однако она менее всего была искательницей приключений. Сделав выбор в пользу служения народу, Нина Михайловна Габинова-Шахпаронянц (1893–1986) прожила яркую и достойную жизнь. Революционерка-большевичка до 1917 года, после 1917 года – партийный работник, затем врач, учёный-биолог, она происходила из старинной армянской семьи Тифлиса, хорошо знала Сталина, Берию, Серго Орджоникидзе, Анастаса Микояна… И при этом всегда оставалась скромным и естественно благородным человеком.

Нина Михайловна не была чувствительной институткой… В 1956 году, впервые оказавшись за рубежом, в Чехословакии, куда приехала к дочери, жене дипломата, родившей сына, она вначале отправилась в посольство – встать на временный партийный учёт, и лишь затем – в роддом.

Рядовой подлинной ленинской гвардии, она «лично» не знала Ленина, но всю жизнь стояла в одном строю с ним. Она служила делу революции – дамы серьёзной, но лик ***её*** революции не был ужасен, и это был подлинный лик великой социальной революции.

Знаменитые Бонни и Клайд, на которых набросили флёр романтической любовной пары, на самом деле были жестокой, безжалостной парой бандитов, убивавших людей ради

удовлетворения отвратительно мелких желаний.

Юная армянка из Тифлиса тоже была участницей – если смотреть на событие формально – крупнейшего в мире ограбления. По нынешнему курсу – миллионы долларов! Но всё, что она получила за это – лично подаренный Камо золотой николаевский червонец 1899 года на память, с наказом оставить его в семье как реликвию[977].

Почему эти люди с горячим сердцем и чистыми руками, к которым не прилипало даже золото, пошли в революцию? Ни сам Камо, ни Нина Шахпаронянц лично не были ни униженными, ни оскорблёнными – они могли вести и в старой России вполне обеспеченную жизнь… Нина Габинова, выйдя в 1915 году замуж за сына крупного тифлисского купца, её и имела.

Что, как не ужасы старой России, привели в революцию дворянку Софью Перовскую, генеральскую дочь Шурочку Домонтович-Коллонтай, светскую даму Инессу Арманд и юную Нину Шахпаронянц?

В работе «Три источника и три составных части марксизма» Ленин чётко указал на классовую природу в классовом обществе всех проявлений общественной жизни. Эта его мысль сформулирована на уровне ёмкой формулы, почему её часто и цитируют:

«Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов»[978].

Это – жёсткая мысль, но это – верная мысль. Ужасы старой России, породившие революцию, творились в царской России не в силу личной жестокости царя и представителей имущих слоёв, а в силу их социальной жадности, их нежелания приобщить к осмысленной жизни всех своих соотечественников и готовности элиты любыми – вплоть до ужасных – способами подавить социальный протест.

Если бы Ленин и большевики действовали в демократическом обществе, то они могли бы действовать легально, не подвергаясь террору и преследованиям властей. Ведь не сажали в тюрьму и не терроризировали Ленина ни в республиканской Франции, ни в республиканской Швейцарии, ни даже в монархических Англии, Германии, Австро-Венгрии, где он жил и работал в эмиграции! А ведь все знали, что Ленин – противник капитализма, и что целью его политической деятельности является замена капитализма социализмом.

Только в России подобная политическая мысль жёстко и жестоко преследовалась – вплоть до эшафота. Того же народовольца Дмитрия Лизогуба повесили лишь за идеи, за намерения, а не за совершение акта террора. И южанина Сталина высылали в люто морозный сибирский Туруханский край всего лишь за пропаганду неугодных царизму идей!

Вот на каких действиях царских властей возникала необходимость для большевиков в очень не частых мерах типа тифлисского «экса». Партии нужны были средства для борьбы, и тут уж – как исключительный случай, приходилось исходить из того, что цель ***иногда*** оправдывает средства! Но это было лишь исключение, подтверждающее правило: большевики не признают террор как основное средство революционной борьбы с существующим режимом.

Прошу, впрочем, не путать террор ***до*** революции с революционным террором как средством обеспечения победы ***в начавшейся*** революции и формой защиты ***победившей*** революции! Уверяю читателя, что Ленин очень чётко отделял одно от другого, и ничего предосудительного в том не было.

Революция, как он говаривал, дама серьёзная…

А теперь вот о чём…

Царь-труженик Пётр был не чета всем последующим Александрам и Николаям, и правил во времена намного менее просвещённые. Однако он не чурался любой черновой работы… Ежедневно, год за годом тянул воз государственных дел, вникал и в крупное, и в мелочи…

Кто мешал, кто запрещал всем этим ничтожным – ничтожным прежде всего нравственно, Александрам и Николаям взять за пример, за образец для подражания своего же великого царственного предка?

А они…

Они служили чему угодно, но только не России…

Фёдор Тютчев, прекрасно знавший что почем, и что откуда в николаевской России, не только великий поэт, но и крупный дипломат, откликнулся на смерть не самого худшего из царей – Николая I, знаменитым:

Не Богу ты служил, и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые, и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей…

Что уж говорить об Александрах Втором и Третьем, не говоря уже о Николае Последнем!?

Вот как описывал рабочий дом в 1913 году санитарный врач Выборгского района Петербурга П. И. Козловский в № 13236-м петербургской газеты «Новое время»:

«Тёмные, сырые комнаты, удушливый воздух, грязь, спанье на сундуках, на полу, скученность страшная (3578 жильцов в 251 квартире), на стенах раздавленные клопы, картина ужасающая…»[979]

Приводя эти строки в своей статье «Об одном открытии», опубликованной в «Правде» 5 февраля 1913 года, Ленин дополнял их цифрами из статистики Санкт-Петербурга за 1911 год:

«В распоряжение „Особого присутствия по разбору и призрению нищих“ поступило 16 960 нищих. Из них 1761 *предано суду* – не беспокой чистых господ! – 1371 отправлено на родину (деревня „привыкла“ возиться с нищетой), 1892 оставлены для призрения в учреждениях присутствия и 9694 – *освобождено*…

За тот же 1911 год в городскую биржу труда (за Московской заставой) обратилось 43 156 чернорабочих, ища работы. Получило работу 6076 человек…»[980]

С другой стороны, вот такой вот факт – уже из первых дней после Октября 1917 года…

14(27) декабря 1917 года одновременно с декретом о национализации банков был принят декрет ВЦИК о «ревизии» сейфов – «стальных ящиков». Ревизия началась в декабре и продолжалась до лета 1918 года.

Номера сейфов, подлежащих проверке в присутствии владельцев, еженедельно публиковались в газетах, сейфы неявившихся вскрывались, и их содержимое конфисковалось. Золото платина и серебро в слитках и монете, а также иностранная валюта конфисковались в любом случае, как и часть драгоценностей. Впрочем, выяснилось, что бульшая часть ценностей была вынута владельцами сейфов до октября 1917 года.

По официальной сводке до 1 июля 1918 года из 64 649 091 рублей наличными, найденных в сейфах, было возвращено владельцам 10 127 976 рублей.

При этом только в Москве к марту 1918 года в 22 тысячах сейфов было обнаружено

ценностей (не считая валюты) на 505 миллионов рублей[981].

Такой была социальная статистика даже позднего царизма: десятки тысяч безработных только чернорабочих в Москве, и в той же миллионной Москве – два десятка тысяч «жирных» сейфов, где даже после того, как их «потрясли» сами же испугавшиеся владельцы, оставалось в среднем по 25 тысяч рублей на сейф!

Разве эта статистика не ужасает?

А вот и ещё одна статистика:

«…престарелые бедняки и все прочие, кого называют „низы общества“, составляют семь с половиной процентов жителей Лондона. Иными словами, и год назад, и вчера, и сегодня… четыреста пятьдесят тысяч душ гибнут на дне социальной преисподней, название которой „Лондон“…

Численность английского народа – сорок миллионов человек, и из каждой тысячи девятьсот тридцать девять умирают в бедности, а постоянная восьмимиллионная армия обездоленных находится на грани голодной смерти»…[982]

Эта статистика взята из книги очерков Джека Лондона «Люди бездны», которую Лондон написал в 1903 (!!) году, специально с этой целью погрузившись на время на лондонское «дно»… Очень рекомендую её к прочтению любому, проливающему потоки слёз над ужасами революции. Джек Лондон – не революционер, а писатель, всего лишь тяготевший к революции, сумел вынести её врагам вполне точный приговор:

«Ни один из представителей правящего класса не сумеет оправдаться перед судом Человека. Каждый младенец, гибнущий от истощения, каждая девушка, выходящая по ночам на панель Пикадилли после целого дня изнурительного труда на фабрике, каждый несчастный труженик, ищущий забвения в водах канала, требует к ответу „живых в домах и мёртвых в могилах“. Восемь миллионов человек, никогда не евшие досыта, и шестнадцать миллионов, никогда не имевшие тёплой одежды и сносного жилья, предъявляют счёт правящему классу за пищу, которую он пожирает, за вина, которые он пьёт, за роскошь, которой он себя окружил, за дорогие платья, которые он носит…»[983]

Это написал американский писатель об английском городе, с ним «одноимённом». А в старой России всё, описанное Лондоном, существовало ***в намного более ужасном и отвратительном виде***!

Так имел Ленин право бороться против царизма, против ничтожного, унижающего Россию и недостойного России порядка вещей? При этом террор до революции был для большевиков крайней, редкой и вынужденной мерой и был направлен, по сути, на выявленных провокаторов или агентов охранки. Зато террор царских властей против революционеров, особенно в 1905-07 годах был массовым и действительно ужасным.

Заочный политический оппонент Владимира Ульянова на протяжении двух десятков лет с конца XIX века – последний Николай Романов, начал с тысячных жертв на Ходынском поле при коронации…

Продолжил царь абсолютно ненужной России войной с Японией, затем – Кровавым воскресеньем 9 января 1905 года, когда мирное 140-тысячное шествие рабочих к Зимнему дворцу ***с петицией царю*** хладнокровно расстреляли. Тогда свыше тысячи человек было убито, две тысячи – ранено…

Потом пошли столыпинские виселицы, и уже не монаршие пули, а «столыпинский галстук» получили новые тысячи подданных царя… И это – не считая тысяч, расстрелянных в России карателями.

Карателями не эсэсовскими, а царскими.

Традицию, заложенную Кровавым воскресеньем 1905 года, продолжил Ленский расстрел 1912 года – продолжил закономерно для политики царизма и капитализма.

И обе эти печально известные внутрироссийские бойни сразу же побледнели перед бойней империалистической войны, на которую привела Россию идиотская, антинациональная политика царя, залезшего во внешние долги, подавляя революцию 1905–1907 годов…

Так имел Ленин право бороться против всего этого?

Любыми средствами?

После свержения царя российская буржуазия вела себя так же нагло, тупо, жадно, как и при царе… Очерки Джека Лондона о «низах» британской столицы – не одни эти очерки, конечно, но и они тоже, вынудили правящие «верхи» Британии усилить социальные программы. Британская элита мыслила здраво: лучше отдать немного, чем рисковать тем, что отберут всё.

Российские «верхи» в этом смысле социальным умом не отличались никогда – ни до Февраля 1917 года, ни после Февраля 1917 года, и уж, тем более, после Октября 1917 года.

Нынешние наследники российской буржуазии повели себя, к слову, после Августа 1991 года также тупо и жадно, и наглые провокационные барские заявления Никиты Михалкова лишнее тому подтверждение.

Что же до социальных предков этого «Никиты», то они после свержения самодержавия не снижали, а лишь повышали уровень социального противостояния, и удивляться здесь нечему – классовые манеры у имущих слоёв России какими были при царизме, такими и остались после его падения.

Скажем – когда пролилась первая массовая кровь внутри России после Февраля 1917 года? Ответ известен – во время расстрела Июльской демонстрации 1917 года буржуазным Временным правительством. Не царским, а буржуазным, но так же как царское, враждебным народу…

И ведь готовились заранее – не только пулемётчиков на чердаки посадили, но и фоторепортёров, чтобы сделать знаменитые фотографии расстреливаемой толпы: проспект, усеянный упавшими и бегущими людьми. Большевик Бонч-Бруевич заранее предупредил эсеров накануне открытия Учредительного собрания: сначала будем уговаривать, потом расстреливать. Эсер же Керенский начал стрелять без предупреждения…

А саботаж чиновников после Октября 1917 года?

А забастовка банкиров, вознамерившихся финансово удушить Октябрь?

А гражданская война, которая не стала бы возможной без её организации и поддержки имущими?

Да, революция была характерна многими ужасами… Но не ужасы ли прошлого породили ужасы революции?

И не тупость ли образованных слоёв порождала эти ужасы?

Отвечая нынешним «обвинителям» революции – отвечая за десятилетия до их подлых обвинений – Александр Блок писал:

«Что же вы думали? Что революция – идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своём пути? Что народ – паинька? Что сотни обыкновенных жуликов, провокаторов, черносотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит? И, наконец, что так „бескровно“ и „безболезненно“ и разрешится вековая распря между „чёрной“ и „белой“ костью, между „образованными“ и „необразованными“, между интеллигенцией и народом?»[984]

Это было сказано не Лениным, но это же мог бы сказать и Ленин, поскольку он смотрел на дело так же, и не мог смотреть иначе, будучи, как и Блок, подлинным гуманистом!

Гуманистом в точном значении этого понятия.

А в завершение главы вернусь ещё раз к мысли о том, кто несёт историческую ответственность за эксцессы, за «ужасы» революции – большевики или царизм?

В главе «Страшное в революции» из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича психологической кульминацией описываемого можно считать рассказ Владимира Дмитриевича о том, как в начале 1918 года у него, после расследования с помощью знаменитого матроса Железнякова некого инцидента, зашёл разговор с матросами-анархистами об анархизме и социализме…

Матросы, узнав о том, что «Бонч» лично знает князя-анархиста Кропоткина, слушали с живостью, однако «в теориях были не крепки», и Владимир Дмитриевич разговор с ребятами свернул, «дабы им было не обидно».

«В сущности, – констатировал Бонч-Бруевич, – анархизма у них никакого не было, а было стихийное бунтарство, ухарство, озорство, и как реакция на военно-морскую муштру – неуёмное отрицание всякого порядка, всякой дисциплины…»[985]

Но кто, спрашивается, третировал матросов в царском флоте – эмиссары Ленина, или императорские офицеры?

Бывший гардемарин, советский писатель Леонид Соболев хорошо описал царские флотские порядки в своём «Капитальном ремонте», а бывший флотский кондуктур, советский писатель Новиков-Прибой описал их в своём «Капитане первого ранга». Очень рекомендую обе книги для прочтения – и написаны отлично, и исторически достоверны…

Впрочем, это не всё!

Вот какую сцену вспоминал Бонч-Бруевич дальше:

«Тут же сидел полупьяный старший брат Железнякова, гражданский матрос Волжского пароходства, выдававший себя за матроса с корабля „Республика“, носивший какой-то фантастический полу-матросский, полу-штатский костюм с брюками и высокие сапоги бутылками, – сидел здесь и чертил в воздухе пальцем большие кресты, повторяя одно слово: „Сме-е-е-рть!“ – и опять крест в воздухе: „Сме-е-е-рть!“ – и опять крест в воздухе: „Сме-е-е-рть!“ – и так без конца»[986].

Поэт Демьян Бедный, который увязался из Смольного за Бонч-Бруевичем «посмотреть матросню», сидел, «искоса смотрел на Железнякова-старшего и от волнения ел масло без хлеба, стоявшее на тарелке…»

Эта сцена глубоко символична, а судьбы братьев Железняковых в ленинской революции оказались «знаковыми»!

Спору нет – сцена, описанная Бонч-Бруевичем, ужасна. Собственно, она и взята из главы воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, названной, напоминаю, «Страшное в революции»…

Но что было и кто был первопричиной ужаса этой сцены и других подобных сцен в послереволюционной стране?

Оба брата Железняковых родились в старой России, младший – в 1895 году. В старой России братья росли и выросли, то есть, обоих воспитывал и формировал царский строй Николая II, но…

Но младший брат, 22-хлетний Анатолий, поверил Ленину, стал большевиком, в феврале 1918 года ушёл на фронт, командовал Дунайской военно-транспортной флотилией, Еланским полком в дивизии Киквидзе, бронепоездом, и в июле 1919 года в боях под Верховцево погиб, оставшись в памяти народа ярким героем. О нём сложена прекрасная песня «В степи под Херсоном высокие травы, в степи под Херсоном – курган…»

Анатолий Железняков, пошедший за Лениным, не умножал ужасы революции, он их старался не допустить – вспомним его поведение перед толпой в день открытия Учредительного собрания. А старший Железняков, с душой, изуродованной царизмом, за Лениным не пошёл. И утонул в разгуле, в анархии, умножая ужасы революции. Он бесследно сгинул, памяти о себе не

оставив (если не ошибаюсь, он то ли закончил у Махно, то ли попросту был расстрелян)…

Старший Железняков – понимал он это, или не понимал, бесславно умер подданным прогнившей Российской империи, умер, духовно родственный старому режиму императора Николая. Именно такие как старший Железняков были повинны в – что тут отрицать – ужасах революции и гражданской войны.

Но породили эти ужасы и эксцессы революции прошлые, многовековые ужасы ***старого*** режима. Преступления имущих, препятствовавших развитию народа, пали отмщением в ходе революции на них самих. На имущих детей пали как грехи имущих отцов и дедов, так и их собственные прегрешения перед народом…

А младший Железняков?

Что ж, он героически погиб как гражданин ***новой*** России, духовно пересозданный и воспитанный большевиком Лениным. Младший Железняков не порождал ужасы революции именно потому, что пошёл за Лениным и понял, что утверждение ленинской правды не нуждается в ***походя*** пролитой, в ***избыточной*** крови…

Анатолий Железняков стал одним из героев гражданской войны, и в 1938 году большевик-ленинец с 1903 года Клим Ворошилов написал:

«Имена таких народных героев как Чапаев, Щорс, Руднев, Пархоменко, Лазо, Дундич, матрос Железняков и многих других будут постоянно жить в сердцах поколений»[987].

Так оно в Советской России и было!

Но до того, как новая Россия обрела своих героев гражданской войны, надо было в этой войне выстоять и победить.

Глава 35. «Социалистическое Отечество в опасности!»

Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945), премьер-министр Великобритании с 1916 по 1922 год, писал о революции 1917 года:

«Вопрос в том, окажет ли русская революция такое же влияние, как французская, или её влияние на судьбы всего человечества будет ещё больше, зависит ***от одного*** (жирный курсив везде мой, – *С.К.*). Это будет зависеть от того, сумеют ли вожди революции продолжить своё движение на путях ***мирного развития*** или же энергия революции не будет израсходована, и она будет отклонена от своей цели войной. Если Россия ***не будет вовлечена в войну***, то революция станет одним из величайших факторов, определяющих судьбы народных масс во всех странах, которые когда-либо пришлось наблюдать или испытывать человечеству»[988].

Политико-литературные пассажи «льва британского парламентаризма» нередко удивляют своей откровенностью, но даже для Ллойд Джорджа сказанное выше следует счесть экстраординарным! По сути, в этом его признании содержится хотя и слегка зашифрованное, но полное объяснение не только того, почему в России стала возможной гражданская война, но и того, почему она не могла не начаться!

Что фактически признал британский премьер?

Во-первых, он признал, что целью русской революции было не разрушение – как нас сейчас уверяет Институт всеобщей истории РАН, а мирное ***развитие*** России, и что вожди русской революции не были заинтересованы в войне, они были заинтересованы, напротив, в ***мирном*** развитии событий, поскольку были намерены строить новую Россию. А строить проще в условиях мира.

Во-вторых, Ллойд Джордж признал, что если бы Россия не была вовлечена в гражданскую войну, то успехи новой власти быстро получили бы беспрецедентно огромный положительный отклик во всём мире.

А что из этого следовало?

А из этого следовало, что силам мирового капитала было жизненно необходимо направить энергию русской социальной революции на путь войны – гражданской.

Силы мирового капитала так и поступили, использовав как силу темноты российских масс, так и жажду «бывших» вернуть ***им и только им*** ту Россию, которую ***они*** потеряли.

Ленин это понимал, конечно, не хуже Ллойд Джорджа. В первой половине сентября 1917 года Ленин написал большую статью «Русская революция и гражданская война», которая была напечатана 16(29) сентября 1917 года в № 12 газеты «Рабочий путь»… Вряд ли можно понять суть и корни гражданской войны в России, не зная этой статьи…

Ленин писал там:

«Сила кадетов и корниловщины в силе *богатства*. Что англо-французский капитал и империализм *за* кадетов и *за* корниловщину, это доказано длинным рядом политических выступлений и прессой…

Вся сила богатства встала за Корнилова, а какой жалкий и быстрый провал! Общественные силы, кроме богачей, можно усмотреть у корниловцев лишь двоякие: „дикая дивизия“ и казачество. В первом случае это только сила темноты и обмана…

Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи…»[989]

Как видим, Ленин видел ситуацию в её возможной перспективе вполне ясно, хотя в сентябре 1917 года он ещё не исключал возможности увода России от жесткой гражданской войны и предупреждал – в сентябре 1917 года! – Россию вот о чём:

«Мирное развитие какой бы то ни было революции вещь чрезвычайно редкая и трудная, ибо революция есть наибольшее обострение самых острых классовых противоречий, но в крестьянской стране, когда союз пролетариата и крестьянства *может* дать измученным несправедливейшей и преступнейшей войной массам *мир*, а крестьянству всю *землю*, – в такой стране, в такой исключительный момент мирное развитие революции при переходе всей власти к Советам *возможно* и *вероятно*…»[990]

Ситуация в России менялась тогда очень быстро, и менялась в сторону ухудшения вследствие усиливающейся разрухи. Но если бы Россия ***хотя бы в сентябре 1917 года*** прислушалась к Ленину и послушала Ленина, то что это означало бы?

Это означало бы решительную поддержку Ленина не только рабочими, но и большинством крестьян, то есть – абсолютное верховенство Ленина и большевизированных Советов рабочих и солдатских депутатов, а также такой состав Чрезвычайного съезда крестьянских депутатов, где не левые даже эсеры, а большевики составляли бы не 10–12 % состава съезда, а не менее 50–55 % делегатов. И это означало бы не ослабляющие большевиков и народ дискуссии, а сплочённость, решительную сдачу идеи Учредительного собрания в архив истории как идеи устаревшей, и быстрое образование чисто Советского большевистского правительства, сразу поддерживаемого не менее чем двумя третями, а то и – тремя четвертями, населения России!

Против такой ***объединённой***, а не стоящей в раскоряку народной России оказались бы бессильны любые Викжели!

В России, где народная масса оказалась расколотой, руководство Всероссийского исполнительного комитета Союза железнодорожников – Викжеля, угрожая всеобщей забастовкой, потребовало создания «однородного социалистического» правительства без Ленина. В расколотой России такой ультиматум хотя и не «сработал», но, во всяком случае, мог быть выдвинут.

А если бы народная Россия ***вся*** пошла за Лениным? Хотел бы я посмотреть, как в этом случае даже антиленинское руководство Викжеля рискнуло бы угрожать Ленину исключением его из политической жизни России… И как разные там графини панины рискнули бы лишать сирот государственной пенсии, переводя казённые фонды «на счёт Учредительного собрания»…

Не рискнули бы открыто выступить против этой силы и разного рода «бывшие», включая самонадеянных и туповатых царских генералов… И прогноз Ленина о возможности мирного развития революции при переходе всей власти к Советам на базе ***прочного и массового*** союза пролетариата и крестьянства мог бы сбыться!

Увы, прочного союза не получилось – крестьянская масса всё еще почёсывалась то повыше шеи, то пониже пояса, и соображала – стоит ли ей поддерживать мало известных ей «большаков» или лучше держаться вроде бы своих эсеров… Колебания крестьянства тоже стали одним из факторов разжигания гражданской войны…

Но Ленин ли в том виноват?

Он ***заранее*** предупредил Россию, что в лице российского казачества страна может получить русский вариант французской Вандеи. Напомню, что Вандея – это наиболее отсталый департамент на западе Франции, где вспыхнул крестьянский мятеж против революции, возглавляемый, при поддержке Англии, роялистским дворянством и католическим духовенством. С тех пор название «Вандея» стало нарицательным для обозначения любого очага контрреволюции и гражданской войны.

Вот Ленин и предупреждал Россию за несколько месяцев до мятежа Каледина, что именно казачьи края могут стать очагом гражданской войны.

Так оно позднее и вышло…

Почему вся «белая» генеральская и кадетская сволочь собралась на Юге, в Донской области? Да потому, что ни в одном другом месте она не могла рассчитывать на ***относительно*** массовую поддержку. Относительно, но – массовую…

Рабочие центры были поголовно за «красных», крестьянам «конституция Корнилова» тоже была не с руки – тот же крестьянский юг Украины хотя и шёл одно время за Махно, «белых» не поддерживал никогда, зато в союзы с «красными» вступал…

Кроме Дона и частично Кубани контрреволюция могла рассчитывать на ***относительно*** массовую поддержку ещё и сибирского крестьянства. Оно не знало помещичьего землевладения, то есть, от Советов мало что получило, а психология у него была ещё более средневековая, чем у казачества – тому есть любопытные свидетельства художника Василия Сурикова, родом сибиряка…

Но, в конечном счёте, долгая Гражданская война в России не стала бы возможной без широкой внешней поддержки, которая и имела место как в виде прямой интервенции Запада и Японии, так и в виде организованного Западом бело-чешского мятежа…

Сейчас же – небольшой экскурс в дни задолго до Октября 1917 года…

18 марта 1908 года в Женеве состоялся интернациональный митинг, по поводу трёх пролетарских годовщин: 25-летия смерти Маркса, 60-летия мартовской революции 1848 года и очередной годовщины Парижской Коммуны. От РСДРП на митинге выступил Ленин, и там он, имея в виду уроки Парижской Коммуны, высказал мысль, для нас весьма любопытную.

Впрочем, вначале напомню, что в 1871 году после падения Второй империи Наполеона III и провозглашения республики, либералы образовали правительство, названное ими «правительством национальной обороны», поскольку победившие во франко-прусской войне немцы начали осаду Парижа.

И вот, вспоминая эту горькую историю, Ленин сказал:

«Буржуазия составила тогда „правительство национальной обороны“, и за общенациональную независимость пролетариат должен был бороться под его руководством. На самом деле это было правительство „народной измены“, назначение своё видевшее в борьбе с парижским пролетариатом. Но пролетариат не замечал этого, ослеплённый патриотическими иллюзиями. Патриотическая идея ведёт своё происхождение ещё от Великой революции XVIII века; она подчинила себе умы социалистов Коммуны, и Бланки (французский революционер, свыше 36 лет проведший в тюрьмах. – *С.К.*), например, несомненный революционер и горячий сторонник социализма, для своей газеты не нашёл более подходящего названия, как буржуазный вопль: „*Отечество в опасности!*“

В соединении противоречивых задач – патриотизма и социализма – была роковая ошибка французских социалистов…»[991]

С момента выступления Ленина в Женеве прошло ровно 10 лет, и в феврале 1918 года в России возникла ситуация, напоминающая французскую в 1871 году.

К декабрю 1917 года немцы оккупировали значительную часть страны. Советская Россия не имела возможности противостоять угрозе со стороны германских агрессоров, и с начала декабря 1917 года в Бресте велись мирные переговоры с Германией. Троцкий их сорвал, а в феврале 1918 года немцы, нарушив перемирие, начали наступление на Петроград.

И как же повёл себя Ленин?

Ленин… написал воззвание «Социалистическое Отечество в опасности!» и пояснил: «До

Октября 1917 года мы были пораженцами, после Октября 1917 года мы оборонцы»…

Каково!?

Итак, когда Ленин из области теории перешёл в область практики, оказалось, что патриотизм и социализм вполне совместимы. Так что – Ленин ошибался, или же он проявил политическое и идейное двуличие?

Никак нет!

В отличие от французских рабочих пролетариат России должен был бороться в 1918 году за общенациональную независимость под руководством не чужого, не либерального буржуазного правительства, но Совета Народных Комиссаров рабоче-крестьянской России.

А это, как говорят в Одессе, – две большие разницы!

Собственно, Ленин ещё во время Первой мировой войны прозорливо увидел проблему в её будущей практической постановке. 30 ноября (13 декабря) 1916 года он отвечал Инессе Арманд. Та усмотрела противоречия в прежнем и текущем отношении Ленина к «защите отечества» – мол, Маркс сказал, что пролетарии не имеют отечества, а у Ленина выходит что-то не то…

И Владимир Ильич пояснял:

«…Мне сдаётся, что Вы рассуждаете как-то немного односторонне и формалистично. Взяли *одну* цитату из „Коммунистического манифеста“… и хотите без оговорок применять её, *вплоть до отрицания национальных войн*.

Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (б) исторически; (в) лишь в связи с другими; (г) лишь в связи с конкретным опытом истории.

Отечество понятие историческое…

В *„Коммунистическом манифесте“* сказано, что рабочие, не имеют отечества.

Справедливо. Но там сказано *не только* это. Там сказано ещё, что при образовании национальных государств роль пролетариата несколько особая…

Маркс и Энгельс сказали в *„Коммунистическом манифесте“*, что рабочие, не имеют отечества. Но тот же Маркс звал к *национальной* войне не раз: Маркс в 1848 г., Энгельс в 1859 г…

Были ли Маркс и Энгельс путаниками, сегодня говорившими одно, завтра другое? Нет. По-моему, признание „защиты отечества“ в национальной войне *вполне* отвечает марксизму»[992].

В этом весь Ленин – ни на миг не схоласт, не догматик, а всегда – диалектик. До Октября 1917 года Россия вела войну империалистическую, без внятно обозначенных национальных целей – если не считать стремления получить Босфор и Дарданеллы, за что профессора Милюкова и прозвали «Милюков-Дарданелльский»…

После Октября 1917 года Россия официально, устами Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ульянова (Ленина) с империалистической войной покончила, но Германия этот благородный шаг не оценила и продолжила против России империалистическую войну. И теперь перед народом России стояла чётко обозначенная национальная цель: защитить национальную территорию от захвата агрессором. Война стала для России национальной, а признание «защиты отечества» в национальной войне вполне отвечает марксизму.

В своём воззвании Ленин писал:

«Германский милитаризм *хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы – банкирам, власть – монархии*. Германские генералы хотят установить свой „порядок“ в Петрограде и Киеве…

Священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии…»

Восьмым пунктом в воззвании шло: «„Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления“.

Так в феврале 1918 года начался очередной акт не Лениным развёртываемой гражданской войны, и иностранной интервенции, не Лениным призываемой в Россию…

Авантюра Каледина на Дону в начале 1918 года кончилась крахом, зато на северо-западе России во весь рост в начале того же 1918 года встала внешняя угроза германской агрессии…

Призыв Ленина ко всем воюющим странам немедленно заключить перемирие и начать мирные переговоры Антанта игнорировала, и 20 ноября (3 декабря) 1917 года в Брест-Литовске начались сепаратные российско-германские переговоры с участием представителей остальных членов Четверного союза – Австро-Венгрии, Турции и Болгарии.

На первом этапе переговоров 2(15) декабря 1917 года было подписано перемирие сроком на 28 дней с автоматическим продлением, если не последует денонсации за 7 дней до прекращения срока перемирия. Детальное описание брестских переговоров выходит за рамки основной темы книги, но кое-что сообщить придётся.

Переговоры вёл Троцкий, и с самого начала он повёл себя не самым разумным образом. Впрочем, всё определялось не столько искусством или неуклюжестью переговорщиков, сколько тем фактом, что старая русская армия рухнула. А рухнула она потому, что не могла не рухнуть – её загнали, как лошадь, вначале царизм, а потом – керенщина.

Тем не менее, линия фронта к началу брестских переговоров проходила для нас не так уж и катастрофически: от Риги через Двинск (Даугавпилс), немного восточнее Бреста, чуть западнее Ровно, частично захватывая территорию Румынии и выходя к Чёрному морю западнее устья Дуная. Так что вначале требования Германии были относительно умеренными – новая граница отдавала под контроль немцев Польшу, Литву, часть Латвии, часть Белоруссии.

Украина была потеряна на время в любом случае – в Киеве установилась прогерманская власть антисоветской Центральной Рады.

Ленин был готов пойти на условия немцев, резонно полагая, что в считанные месяцы всё может измениться не в их пользу. И вот тут возникли сразу два внутренних препятствия…

Троцкий по обыкновению был ни „за“, ни „против“, однако на подписание мира не соглашался. Зато образовался крикливый „молодой“ блок „левых коммунистов“ во главе с Бухариным. И бухаринцы резко выступили за „революционную войну“. При этом они ссылались на пример Франции 1792 года… Ленин их высмеял, но…

Но не вставишь же всем свои мозги!

Время уходило, в ЦК РСДРП(б) выявился очередной раскол, решающей поддержки Ленин не получал.

15(28) января 1918 года были приняты Декрет СНК об организации – пока на добровольных началах – новой Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и Декрет об учреждении Всероссийской коллегии по формированию РККА. Декретом от 16(29) января 1918 года на организацию РККА ассигновывалось 20 миллионов рублей. Однако новое дело требовало времени, сил, людей…

Военные специалисты царской армии далеко не поголовно встали в оппозицию к большевикам – например, генштабистов на стороне „красных“ было, пожалуй, побольше, чем на стороне „белых“. До революции Ленин рассматривал российский офицерский корпус как в целом классово чуждый, но война выдвинула на низшие офицерские должности немало выходцев из развитой части солдатской массы, поэтому у большевиков сразу появились командные резервы.

Причём – даже на генеральском уровне… На первых порах очень разных людей объединяла

цель отпора немцам, но потом немало бывших царских генералов сознательно поддержали Ленина уже в период „чисто“ гражданской войны. Впрочем, и тогда ведь интервенцию отражал Ленин, а „Белое“ движение воевало против Ленина в союзе с интервентами.

15(23) ноября 1917 года Ленин направил письмо генерал-майору С. И. Одинцову, командиру 3-й кавказской казачьей дивизии:

„Вы предложили мне организацию группы штабных офицеров и генералов, обладающих военным образованием и желающих заняться разработкой военно-технических вопросов перемирия, которое позволило бы России, не нарушая её интересов, получить приостановку военных действий.

Я очень просил бы Вас, ввиду крайней спешности этого вопроса, собрать завтра же с утра Вашу группу и прислать мне завтра вечером хотя бы краткий конспект основных вопросов, пунктов и соображений…“, и т. д.[993]

Сам факт подобной постановки вопроса Сергеем Ивановичем Одинцовым (1874–1920) показывает, что честные профессионалы видели тогда один выход – перемирие, понимая, что старая армия воевать не способна. Сообщу в скобках, что дворянин Одинцов служил новой России честно, в 1919 году был награждён орденом Красного Знамени.

Чуть позднее к Ленину пришёл брат Владимира Бонч-Бруевича генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (1870–1956), один из создателей сети „завес“ – оперативных объединений, созданных для прикрытия территории России от германских войск. С Лениным стали сотрудничать генералы Д. П. Парский (1866–1921), Н. И. Раттель (1875–1938), многие генштабисты…

Но это было уже в марте 1918 года, а в январе Троцкий имел в Бресте чёткую инструкцию Ленина – тянуть переговоры до германского ультиматума, после чего немедленно подписывать мир.

На деле же Троцкий просто терял темп, 27 января (9) февраля 1918 года Германия заключила сепаратный мир с украинской Центральной Радой, а на следующий день Троцкий заявил в Бресте, что Россия-де войну прекращает, армию демобилизует, а мир не подписывает – мол, „ни войны, ни мира“.

Глава германской делегации в Бресте Рихард Кюльман тут же констатировал, что отказ России от мира автоматически влечёт за собой прекращение перемирия, и через 7 дней, 5(18) февраля 1918 года в 12 часов дня немцы вновь начали наступление по всему фронту, быстро продвигаясь к Петрограду. Особенно далеко они зашли на нашу территорию на юге, захватив Харьков, Ростов, Крым…

Революция оказалась в смертельной опасности – „благодаря“ Льву Троцкому, Абраму Иоффе – тоже подвизавшемуся в Бресте, и прочим „р-р-революционерам“. Думаю, этот „финт“ сошёл Троцкому с рук лишь потому, что он уже имел немало сторонников среди „старой“ „ленинской“ „гвардии“.

Из 30 наступавших немецких дивизий половина двигалась на Петроград через Нарву и Псков. Вечером 18 февраля голосование на заседании ЦК дало 7 голосов за немедленное принятие ранее выдвинутых немецких условий, 5 было против, 1 воздержался.

22 февраля группа членов ЦК и наркомов – А. Ломов (Г. И. Оппоков), М. С. Урицкий, Н. И. Бухарин, А. С. Бубнов, В. М. Смирнов, И. Н. Стуков, М. Г. Бронский, В. Н. Яковлева, А. П. Спундэ, М. Н. Покровский и Г. Л. Пятаков, подала в ЦК очередное „левое“ заявление с протестом против сепаратного мира на германских условиях…

Однако немцы вошли во вкус, и 23 февраля предъявили ультиматум с ещё более тяжелыми требованиями, дав на размышление 48 часов. Новое голосование в ЦК дало 7 голосов „за“

(Ленин, Стасова, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга) при 4 голосах „против“ (Бубнов, Урицкий, Бухарин, Ломов) и 4 воздержавшихся (Троцкий, Крестинский, Дзержинский, Иоффе). И это – при ультиматуме уже самого Ленина членам ЦК: он пригрозил выйти из ЦК и апеллировать к партии и народу.

В итоге был подписан „похабный“ Брестский мир.

В марте 1918 года Ленин с трибуны партийного съезда упрекнул тех, кто не хотел „брать“ первоначальный мир, а в итоге получил мир „гораздо унизительней“ и назвал это авантюрой… Однако со всей мощью на оппонентов внутри партии Ленин тогда не обрушился, и дело, как я понимаю, было не в его „доброте“. Ленин увидел, что приходится идти на компромисс с „леваками“ во имя сохранения управляемости партией и страной. Сработал принцип: „На переправе коней не меняют“…

В те же дни пришлось простить бухаринцам и ещё одну идиотскую „оппозицию“ – они протестовали против решения ЦК и СНК в обмен на лес приобрести вооружение и продовольствие у Антанты и заявляли, что это означает-де капитуляцию перед мировой буржуазией.

Ленин при всей занятости откликнулся тогда в вечернем выпуске „Правды“ за 22 февраля 1918 года статьёй „О чесотке“ (ПСС, т. 35, с. 361–364), начинавшейся словами: „Мучительная болезнь – чесотка. А когда людьми овладевает чесотка революционной фразы, то одно уже наблюдение этой болезни причиняет страдания невыносимые…“

Ильич ни на кого из „чесоточных“ персонально пальцем не указал, однако не удержался, и заметил, что „всякий, не сошедший с ума и не заболевший чесоткой, …всякий здоровый человек высмеет [их] как шутов гороховых…“

Шутами гороховыми они все и были, но окончательно ясно это стало значительно позже – когда Ленина уже не было в живых.

А вообще-то Троцкий и троцкисты, Бухарин и бухаринцы, поставив Советскую власть на грань гибели, уже в 1918 году вполне заслуживали расстрела, так что сталинские пули, отыскавшие их через двадцать лет, были всего лишь запоздавшим справедливым возмездием за содеянное ещё при Ленине.

Тем более, что к 1937 году каждый из этой антиленинской и антисталинской компании „заработал“ по совокупности не одну пулю, а целую обойму.

История Брестского мира далась Ленину непросто. Его обвиняли и „справа“ и „слева“ – в том числе в руководстве большевиков. Об интеллигенции и говорить не приходится – вопли об „измене“ и „шпионстве“ Ленина возобновились с удесятерённой силой, хотя все здравые люди в России поняли – иного выхода не было.

Сам же Ленин был зол на этот злосчастный договор больше, чем кто-либо другой. Елена Стасова – легендарная большевичка из подлинной ленинской гвардии, описала характерную сцену, свидетелем которой оказалась. Один из членов мирной делегации принёс Ленину свиток с печатями, завёрнутый в шёлк, бережно положил его на стол и стал разворачивать.

– Что это такое? – спросил Ленин.

– Я привёз текст Брестского договора, чтобы вы могли его прочитать.

Владимир Ильич как-то сразу весь ощетинился.

– Что? Вам недостаточно, что я подписал этот похабный мир[994]?

Что ж, подобная реакция Ленина была вполне объяснима.

Далее же события разворачивались следующим образом…

Проходивший с 6 по 8 марта 1918 года ещё в Петрограде VII экстренный съезд РСДРП(б) принял по Брестскому миру резолюцию Ленина.

Вечером 10 марта 1918 года Ленин с правительством выехал в Москву – было решено перевести столицу новой России туда.

А 15 марта 1918 года уже в Москве IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов ратифицировал Брест-Литовский мирный договор.

Съезды – в отличие от пленумов ЦК, это акты массовые. И на съездах партийная и народная масса – впервые после Октября – наглядно показала, что в конфликте партийных „верхов“ она всегда возьмёт сторону Ленина и только Ленина. Не думаю, что этот факт добавил любви к Владимиру Ильичу у Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина и т. д. А вот зависть и глухое раздражение против Ленина у них, наверняка, усилились.

Ленин был, впрочем, уверен, что Брестскому договору долгой жизни не суждено. Выступая 15 марта 1918 года на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов он заявил без обиняков:

– Ведь это же детей достойно… История говорит, что всякий договор вызывается приостановкой борьбы и изменением соотношения сил, что бывали мирные договоры, которые через несколько дней лопались, что бывали мирные договоры, которые через месяц лопались, что бывали периоды во много лет, когда Германия и Испания заключали мир и через несколько месяцев его нарушали, и нарушали по нескольку раз, и в ряде войн народы учились, что значит вести вуйны…[995]

Но и раньше, выступая перед латышскими стрелками, уезжающими на германский фронт 7(20) февраля 1918 года, Ленин говорил (привожу по газетному отчёту „Новой Жизни“ за 8(21) февраля 1918 г.):

„Измученному русскому народу мы должны дать мир во что бы то ни стало, этим мы укрепим революцию и начнём строительство новой молодой России. Уступленными областями всё равно владеть не будут, так как русская революция перекатится в ближайшее время не только в Германию, но ив другие воюющие государства. Под влиянием мировой социальной революции германский империализм будет вынужден отказаться от всех своих завоеваний“[996].

Плеханов издевался над верой Ленина в европейскую революцию, а Ленин – как показало ближайшее будущее, был не так уж не прав и тут. В марте, на VII экстренном съезде РСДРП(б), он подчеркнул, что „абсолютной истиной“ является тезис: „без немецкой революции мы погибли“ (ПСС, т. 36, с. 15). Однако это была не паника, а точная оценка и предвидение.

Ведь именно Ноябрьская революция 1918 года в Германии превратила Брестский договор в простую бумажку уже через восемь месяцев после его подписания. И не будет натяжкой сказать, что немецкая революция произошла как раз в настолько критический момент для русской революции, что спасла её.

В то же время Ноябрьская революция 1918 года в Германии не стала бы фактом без Октябрьской революции 1917 года в России… Генерал Людендорф в своих воспоминаниях открыто признавал, что поражение Германии началось с русской революции. Но это так – к слову, связь двух революций очевидна и без всяких людендорфов.

Более любопытен и показателен в этом отношении знаменитый „Меморандум из Фонтенбло“ Ллойд Джорджа, который он представил на рассмотрение Версальской „мирной“ конференции 1919 года.

Английский премьер писал в нём:

„Величайшая опасность в данный момент заключается в том, что Германия может связать свою судьбу с большевиками и поставить все свои материальные и интеллектуальные ресурсы, весь свой огромный организаторский талант на службу революционным фанатикам, чьей мечтой является завоевание мира для большевизма силой оружия“[997].

Большевик Ленин мечтал завоевать мир не для большевизма, а для людей труда, но это – к слову. Существеннее то, что реальность поворота Европы к социалистической революции признавал, как видим, не только Ленин. Умные слуги Капитала, а Ллойд Джордж именно таким слугой и был, тоже отдавали себе отчёт в том, что Европа беременна революцией и может ей разродиться.

Итак, европейская революция при сохранении революционной России вполне была возможна, и именно поэтому (о чём сегодня помалкивают) Антанта не откликнулась на зондаж Ленина, попытавшегося выяснить – готова ли Антанта военным образом поддержать Россию, если та решится, всё же, продолжать борьбу с немцами?

Помогать Керенскому Антанта и США были готовы, потому что тот был заранее готов платить суверенностью России.

Но помогать Ленину спасти ***его*** Россию, которая намеревалась быть суверенной и только суверенной, существующей для себя? Такая Россия Западу не требовалась, и он в помощи Ленину отказал.

Собственно, ничего удивительного в том не было. 9(22) декабря 1917 Англия, Франция и США приняли года в Париже решение об оказании всемерной помощи контрреволюционным антиленинским силам на Украине, на Дону, в Финляндии, в Сибири и на Кавказе.

А 10(23) декабря 1917 года была заключена отдельная англо-французская конвенция о разделе сфер влияния на юге России (Украина, Кавказ, Крым, Бессарабия)[998].

VII экстренный съезд РСДРП(б) был созван по вопросу об одобрении Брестского мира.

Съезд проходил в Таврическом дворце с 6 по 8 марта 1918 года и на нем присутствовало всего 47 делегатов с решающим и 59 с совещательным голосом; они представляли свыше 170 000 членов партии…

Всего в РСДРП(б), которая на этом съезде была переименована в Российскую Коммунистическую партию (большевиков) – РКП(б), насчитывалось к тому времени около 300 000 членов, но часть организаций не смогла прислать делегатов ввиду экстренности созыва, а часть перешла в подполье в связи с немецкой оккупацией.

Ленин выступал на съезде несколько раз и там, между прочим, использовав удачное сравнение выступавшего Рязанова, заявил, что подписав „похабный“ мир он уступил пространство, чтобы выиграть время.

Очень точная и ёмкая формулировка сути Брестского мира.

В своём политическом отчёте съезду Ленин дал краткий очерк событий 1917 года и внятно разъяснил, что успешная социалистическая революция в России стала возможной потому, что „специально сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла нас от империализма, ему было не до нас“[999].

„Вот почему, – пояснял Владимир Ильич, – сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года…“[1000]

А далее, имея в виду и Троцкого, и Бухарина, и вообще всех „р-р-революционеров“, Ленин не без иронии заметил:

– Только этим объясняется то, что у нас появились в передовых кругах нашей партии партийные работники, интеллигенты-сверхчеловеки, которые дали себя увлечь этим триумфальным шествием, которые сказали: с международным империализмом мы справимся; там тоже будет триумфальное шествие…[1001]

Как часто Ленина изображают чуть ли не фанатиком мировой революции, а он на VII съезде прямо предупреждал, что лишь дураки и авантюристы способны „ставить карту“ только на международное социалистическое движение… И в марте 1918 года говорил:

– Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка, – я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьёзному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть элементы действительности… Но вы это измерили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Нет, вы этого не знаете, мы тоже не знаем…[1002]

Тогда же Ленин произнёс и следующие слова, лишний раз аттестующие его как глубоко русского патриота:

– Последняя война дала горькую, мучительную, но серьёзную науку русскому народу – организовываться, дисциплинироваться, подчиняться, создавать такую дисциплину, чтобы она была образцом. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы – погибший народ и вечно будем лежать в рабстве… Когда наступит пора обновления, то все почувствуют это, увидят, что русский человек не дурак… Надо уметь работать на новом пути…[1003]

Об этом же – о будущей могучей Руси, он говорил и на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов. А накануне его Ленин опубликовал в номере „Известий ЦИК“ за 12 марта 1918 года статью „Главная задача наших дней“, где писал:

„Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймём это, тем более твёрдой, закалённой, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Она может стать таковой… У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция…“[1004]

И вот что тут надо понимать…

Военное поражение России на германском фронте к концу 1917 года было неизбежно – вне зависимости от того, взял бы Ленин власть в Октябре или нет. И II съезд Советов тоже состоялся бы в любом случае – вне желания или нежелания Ленина.

Если бы съезд отдал власть Ленину – всё шло бы, как оно и шло в действительной истории, поскольку съезд и отдал власть Ленину…

Если бы Керенский съезд разогнал, армия всё равно рухнула бы, охваченная раздором.

Если бы съезд не дал власть Ленину, а дал „однородное социалистическое“ правительство, то это якобы-правительство с ситуацией не справилось бы, как не справился и Керенский.

То есть военный крах России был бы к концу 1917 года фактом в любом случае.

Но только при Ленине во главе России могло стать фактом быстрое восстановление способности России к новой фазе борьбы в 1918 году, что и произошло на деле!

Иными словами, Ленин и тут выступил в роли Спасителя России.

На партийном съезде проблем у Ленина хватало – достаточно сказать, что избранные в ЦК „левые коммунисты“ Бухарин, Ломов-Оппоков и Урицкий отказались войти в ЦК! И съезд вместе с ЦК вместо того, чтобы просто заменить „протестантов“, стал их уговаривать!

Такое вот „сплочение“ вокруг Ленина демонстрировали некоторые будущие „верные ленинцы“, расстрелянные в сталинскую эпоху и реабилитированные в хрущёвско-горбачёвскую „эпоху“!

На последовавшем за партийным „советском“ съезде проблем было ещё больше… Чрезвычайный IV Всероссийский съезд Советов собрал 1232 делегата с решающим голосом: 795

большевиков, 283 левых эсера, 25 эсеров центра, 21 меньшевик, 11 меньшевиков-интернационалистов и другие…

По основному вопросу ратификации Брест-Литовского договора от ВЦИК выступил Ленин, а с содокладом против ратификации от фракции левых эсеров – Камков. Приведу лишь одно место из доклада Ленина, где он прямо бросил упрёк в лицо небольшевистской части съезда:

„Шанс предоставлялся в марте-апреле, когда советские организации могли взять власть простым движением руки… И если бы тогда Советы (эсеро-меньшевистские. – *С.К.*) взяли власть, если бы буржуазная интеллигенция и мелкобуржуазная, с эсерами и меньшевиками, вместо того, чтобы помогать Керенскому обманывать народ, … пришла на помощь армии, снабдив её вооружением, продовольствием, заставив буржуазию помогать отечеству, не отечеству торгашей, тогда мы имели бы, может быть, десятимесячный период, достаточный, чтобы дать армии вздохнуть, чтобы она, ни на шаг не отступая с фронта, предлагала всеобщий демократический мир“[1005].

Это било эсеров и меньшевиков не в бровь, а в глаз! То, что сказал Ленин о ситуации годичной давности, то есть – о весне 1917 года, объективно было вполне по силам эсеро-меньшевистскому Петросовету и ЦИКу. В марте-апреле 1917 года советские организации – прежде всего, Петросовет, действительно могли взять власть простым движением руки. Особенно – если бы к ленинскому лозунгу „Вся власть Советам!“ в апреле 1917 года примкнула вся партия эсеров, включая крыло Чернова.

И тогда уже к лету 1917 года можно было бы пресечь спекуляцию, централизовать снабжение, контролировать доходы, снабдить армию и сказать ей: „Никаких кровопролитных наступлений! Стоять на линии фронта, пока Советская власть не добьётся мира – или всеобщего, или сепаратного, если Антанта на мир не пойдёт“.

Всё это было возможно, и в ***этом*** случае армия не разлагалась бы, и к концу 1917 года года не рухнула бы. Она стояла бы на установившейся линии фронта, а армейские большевики были бы цементирующей силой национальной обороны советской России.

Увы, как уже не раз подчёркивалось, Россия далеко не сразу прислушалась к Ленину, за что потом и страдала, за что и расплатилась окончательной разрухой на годы…

Теперь, к весне 1918 года, правота Ленина обнаруживалась всё чётче. Соответственно, на Чрезвычайном съезде Советов после острейшей дискуссии за предложенную Лениным резолюцию проголосовало 784 делегата, против – 261, воздержались 115 человек. Левые эсеры в знак протеста вышли из Совета Народных Комиссаров… Но всё это были ещё даже не цветочки весны, лета и осени 1918 года…

Брестский кризис, при всей его остроте, оказался для будущего не таким уж и страшным. Советская власть сохранилась и могла укрепляться, в Германии зрел собственный кризис, и будущее здесь работало на Ленина. Германская угроза в реальном масштабе времени была очень велика, но в перспективе исчезала.

А вот внутренние проблемы…

Их с каждым днём прибывало, потому что теперь вся полнота ответственности за происходящее в стране ложилась на плечи Советской власти – на ВЦИК, Совнарком, ВСНХ…

И на Ленина…

30 января (12 февраля) 1918 года, в разгар Брестского кризиса – через неделю немцы начнут движение на Питер, Ленин направляет в Никитовку главнокомандующему советскими войсками на юге Антонову-Овсеенко телеграмму. И суть её хорошо передаёт атмосферу дня:

„От недостатка бензина грозят остановиться копи, нельзя будет откачивать воду. Очень просим, если есть хоть малейшая военная возможность, направить весь бензин в копи, в распоряжение Харьковского областного совета народного хозяйства, Сумская, 27“[1006].

Война – войной, а без работающей экономики революцию и Советскую власть не удержишь.

С другой стороны, экономика – экономикой, а военные проблемы не только не уходили, но возникали уже на новом фоне… К не законченной внешней войне – Брестский мир лишь ослабил её, прибавлялись внутренние фронты. И тут картина формировалась такая, что голова кругом шла!

Вот, например, радиограмма „Всем, всем, всем…“ от 23 января (5 февраля) 1918 года, подписанная Лениным. Частично приводимая ниже, она сообщала о событиях на Украине, на Урале и в Крыму:

„Советские войска вступили в Киев 16 января… Войсками руководил заместитель Народного секретаря по военным делам Юрий Коцюбинский. Киевский гарнизон со всей артиллерией соединился с войсками Коцюбинского и объявил Киевскую раду (Винниченко – Порш) низложенной. Всеми покинутый Генеральный секретариат Киевской рады во главе с Винниченко скрылся…

Оренбург занят советскими войсками окончательно. Дутов с горстью приверженцев скрылся…

Симферополь занят советскими войсками. Вся власть на полуострове в руках Общекрымского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов“[1007].

Так что – ура!?

Ура, да не очень-то…

Уже вскоре советские войска оставляют Киев… Вместе с немцами туда возвращается Винниченко, а в конце апреля 1918 года германское командование разгоняет Раду и заменяет её опереточно-марионеточным „гетманом“ Скоропадским. Этот экс-кавалергард достаточно быстро, надо сказать, оправдал свою фамилию и с уходом немцев уступил власть на Украине Петлюре. Тоже ненадолго, впрочем…

Однако нескоро Киев станет советским окончательно.

И на Урале успех тогда обозначился непрочный: мятеж атамана Оренбургского казачьего войска полковник А. И. Дутова (1879–1921) хотя и был подавлен, но с началом бело-чешского мятежа вспыхнул вновь… И 3 июля 1918 года Дутов опять захватил Оренбург.

И Крым тогда недолго был советским – кто его потом только не занимал!

Впереди были три года гражданской войны и интервенции, из которых два первых оказались особенно тяжёлыми… Но время работало на Ленина, потому что только он вёл Россию путём, в итоге выводящим её из кризиса.

Среди многих декретов тех дней был принят, между прочим, и декрет от 24 января (6 февраля) 1918 года о введении в Российской республике после 31 января 1918 года нового – западноевропейского, календаря, „в целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени“.

Пока что Россия догнала Европу всего на тринадцать календарных дней. В экономическом, научном и культурном отношении мы отставали от неё на десятилетия, но зато вышли в абсолютные лидеры в политической системе. В марте 1918 (!) года Ленин надиктовал стенографу вариант статьи „Очередные задачи Советской власти“. И вот какими ему виделись эти задачи:

„Задача управления государством, которая выдвинулась теперь на первый план перед Советской властью, представляет ещё ту особенность, что речь идёт теперь – и, пожалуй, впервые в новейшей истории цивилизованных народов – о таком управлении, когда преимущественное значение приобретает не политика, а экономика…“[1008]

Если вдуматься, то именно это является признаком нравственно и системно здорового общества: абсолютный примат экономики над политикой! В нормальном обществе люди заняты

созданием, развитием и совершенствованием производительных сил общества в целях гармонического развития всех членов общества, а не шумными предвыборными балаганами с десятком политических партий!

И таким здоровым обществом может быть лишь социалистическое общество.

Ленин пояснял далее:

„Обычно со словом „управление“ связывают именно и прежде всего деятельность преимущественно, или даже чисто, политическую. Между тем самые основы, самая сущность Советской власти, как и самая сущность перехода от капиталистического общества к социалистическому, состоит в том, что политические задачи занимают подчинённое место по отношению к задачам экономическим…“[1009]

Постановка такой социальной задачи Лениным была действительно абсолютно пионерской. До Ленина, до России Ленина никто и нигде в мировой истории такой задачи и близко перед обществом не ставил.

И эта новая система с небывалыми ранее задачами, новое социалистическое государство с его органической нацеленностью на мирные дела, оказывались бельмом в глазу старого мира – при всей пока слабости новой системы.

Какой могла быть реакция сильного в военном отношении внешнего старого мира, капиталистической системы? Ясно, что одной единственной: стереть, уничтожить, растоптать, выдрать из истории мира с корнем! Поэтому даже хозяйственные проблемы бледнели перед теми военными проблемами, которые готовился „подбросить“ России внешний мир.

Ленин на VII съезде РКП(б) верно заметил, что Октябрьскую революцию удалось совершить в такой „счастливый момент“, когда империализму „было не до нас“. И вот теперь, после того, как Советская власть к весне 1918 года продемонстрировала впечатляющий потенциал выживания, империализм осознал, что пора приниматься за Россию всерьёз.

Свергнутым имущим классам уничтожение новой России было необходимо тоже по вполне понятным причинам – хотелось вернуть старое… Когда Гражданская война была уже позади, Ленин 22 ноября 1921 года опубликовал в „Правде“ под заголовком „Талантливая книжка“ ироничную рецензию на книгу „Дюжина ножей в спину революции“. Автором изданных в Париже „Ножей“ был Аркадий Аверченко (1881–1925) – знаменитый до революции юморист и где-то даже сатирик.

Ленин как заправский литературный критик ухватил самую суть:

„Интересно наблюдать, как до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные и замечательно слабые места этой высокоталантливой книжки. Когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно. Например, рассказ, изображающий Ленина… в домашней жизни. Злобы много, но только непохоже, любезный гражданин Аверченко! Уверяю вас, что недостатков у Ленина… много во всякой, в том числе, значит, и в домашней жизни. Только, чтобы о них талантливо написать, надо их знать…

Зато большая часть книжки посвящена темам, которые Аркадий Аверченко великолепно знает, пережил, передумал, перечувствовал… Есть прямо-таки превосходные вещички, например, „Трава, примятая сапогами“, о психологии детей, переживших и переживающих гражданскую войну.

До настоящего пафоса, однако, автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде. Как ели богатые люди в старой России, как закусывали в Петрограде – нет, не в Петрограде, а в Петербурге – за 14 с полтиной и за 50 рублей и т. д. Автор описывает это прямо со сладострастием: вот это он знает, вот это он пережил и перечувствовал…“[1010]

Вернуть блестящие петербургские обеды пусть не за 50 рублей, так хотя бы за 14 с полтиной – вот что двигало если не „падпаручиками“ Добровольческой армии, то „белыми“ генералами и

теми, кто их „идейно“ вдохновлял…

В начале февраля 1918 года в Новохопёрске перехватили письмо генерала Алексеева, адресованное французской миссии в Киеве. Генерал просил о помощи, ссылаясь на то, что его войска терпят поражение и вынуждены покинуть территорию Дона. Алексеев сообщал: „*Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков*“.

По указанию Ленина это письмо было опубликовано в № 28 „Известий ЦИК“ от 19 февраля 1918 года.

Генеральское письмо вполне выявляло общность целей внутренней контрреволюции и внешнего буржуазного мира. Но если „белые“ хотели вернуть старую Россию, то для Запада главным было не допустить новой России. Ибо эта новая Россия означала не только невозможность возврата к старой России, но и – в перспективе – смертельную опасность для всего старого мира, к которому относился капиталистический Запад.

Упомянутую выше статью об очередных задачах Советской власти Ленин диктовал между 23 и 28 марта 1918 года в рамках подготовки к обсуждению в ЦК РКП(б) плана развёртывания социалистического строительства. 31 марта на заседании ЦК, проходившем в Кремле при участии Ленина, было констатировано, что „период завоевания власти кончился, идёт основное строительство“, и что поэтому „необходимо привлекать к работе знающих, опытных, деловых людей“…[1011]

Впрочем, для того, чтобы понять – чем были намерены заняться в России большевики? не надо было засылать в Кремль свору тогдашних джеймс-бондов и устанавливать „жучки“ в зале заседаний ЦК и СНК. Достаточно было регулярно покупать у уличного мальчишки-газетчика очередные номера „Известий ЦИК“, где публиковались Декреты и Постановления ВЦИК и СНК…

Эти Декреты при всей их абсолютно мирной направленности, объективно оказывались минами, подводимыми под старое мироустройство… Большевики – страшно сказать, призывая под своё знамя всех знающих, опытных, деловых людей, собирались строить! И принимали на сей счёт конкретные постановления и декреты.

Вот один из них – Декрет об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ (ниже приводится начало):

„Утвердить план работ по увеличению обеспечения русской текстильной промышленности хлопком, заключающийся: а) в орошении 500 тысяч десятин Голодной степи Ходженского уезда Самаркандской области и в обеспечении головными сооружениями ирригационной системы, охватывающей площадь в 40 тыс. десятин Дальверзинской степи, расположенной против Голодной степи по другую сторону реки Сыр-Дарьи; б) в орошении 10 тысяч десятин Уч-Курганской степи Ферганской области и в урегулировании там же туземного водопользования на площади в 20 тысяч десятин; в) в устройстве водохранилища у Дупулинского моста на реке Зеравшане для освобождения путём регулирования речного стока реки Зеравшана около 100 тысяч десятин под культуру хлопчатника; г) в окончании постройки ирригационных систем в долине реки Чу на площади 94 тысячи десятин…“[1012]

Уже на май 1918 года выделялось 9 770 000 рублей, включая 370 000 рублей на организационные работы.

Декрет был подписан Председателем Совета Народных Комиссаров В. Ульяновым (Лениным) 17 мая 1918 года, и знакомства с одним этим документом достаточно – для честного аналитика, для того, чтобы посмеяться над баснями о: 1) Ленине – якобы фанатике мировой революции, 2) Ленине – якобы русофобе, ненавидевшем Россию, и 3) Ленине – организаторе и инициаторе якобы позарез необходимой ему гражданской войны…

Приведу в подкрепление мысли ещё один документ – опубликованное в „Известиях“ № 103

от 24 мая 1918 года Сообщение об ассигновании 14 миллионов рублей Комитету государственных сооружений и общественных работ ВСНХ на работы на водных путях. Сообщение начиналось со следующего:

„Советом Народных Комиссаров в заседании 14 мая признана в принципе необходимость производства новых работ на водных путях: на Волге у Саратова по подходу к пристаням города, по сооружению гаваней-зимовок на Волге у Нижнего Новгорода и Рыбинска, по сооружению Волго-Донского канала, по шлюзованию рек Туры, Тобола и Томи.

Полная стоимость этих работ, вследствие непредставления исчерпывающих данных, не утверждена. На приступ к работам, разработку исполнительных проектов и сметы ассигновано…“ и т. д.[1013]

Вот подлинный Ленин – вождь России, выделяющий деньги не на „мировой пожар“, а на обводнение Голодной степи в интересах русского текстиля, на новые внутренние водные пути…

Нужна была этому – подлинному, а не говорухинско-стариковскому, Ленину гражданская война? Ведь подлинная суть создаваемой им новой России состояла в грандиозных работах по умному преображению Российского геополитического пространства, отныне называемого „Российская Республика“… В деятельности, проводимой в интересах народов, это геополитическое пространство населяющих и составляющих…

С другой стороны, мог ли Запад позволить Ленину заниматься в 1918 году проблемами ирригации Туркестана, Волго-Доном и прочим подобным?

Нет, конечно!

Допустить до такой новой России Запад не мог, и это открыто обнаружилось уже с весны 1918 года. В марте в Мурманске высадился английский десант, подкреплённый в апреле американским… В апреле во Владивостоке высадился японский десант…

А там – пошло, поехало…

Мы всё это ещё увидим!

Появление новых интервентов на земле России весной 1918 года стало первой – после Брестского кризиса – больной внешней проблемой Советской власти. Однако весной 1918 года большевики всё ещё были заняты по преимуществу внутренними хозяйственными и социальными вопросами – ведь власть брали для этого!

Советское правительство рассматривает и декретирует управление водным транспортом на Волге, ассигнует 1 миллиард 162 миллиона рублей для товарообмена с деревней, выделяет 20 миллионов рублей Центросибири для предприятий Восточной Сибири…

ВЦИК и СНК вводят акциз на чай, принимают международную систему часовых поясов для счёта судового времени на море… Принимают декреты о разработках торфяного топлива и национализации внешней торговли… О снабжении сельского хозяйства орудиями производства и металлами, о соблюдении единства кассы и национализации сахарной промышленности… Об учреждении инспекции труда, Главного нефтяного комитета, Пограничной охраны…

Только с середины марта по конец мая 1918 года ВЦИК и СНК принимают ***около двухсот*** декретов и постановлений, и почти все они относятся к конкретным вопросам мирного устроения новой жизни…

27 мая 1918 года впервые в истории России принимается Основной закон о лесах. Этот капитальный законодательный акт не только объявлял все леса в пределах Российской Федеративной Советской Республики общенародным достоянием, но и подробнейше расписывал все конкретные стороны вопроса, включая цели лесного хозяйства, охрану лесов и „планомерное лесовозобновление“…

(В скобках замечу, что нынешний Лесной кодекс РФ отбросил Россию и в этой части на сто

лет назад!)…

Всю весну 1918 года высшие органы Советской власти были „под завязку“ заняты проблемами мирного строительства, и вдруг 29 мая 1918 года…

29 мая 1918 года ВЦИК принимает Постановление о принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. В тот же день ВЦИК и СНК утверждают Положение о Чрезвычайном Революционном трибунале при ВЦИК „для суждения по важнейшим делам, которые будут изъяты из подсудности местных революционных трибуналов“.

Чем же объяснялся такой резкий крен в сторону принудительности и репрессивности?

Ответ очевиден, и он был прямо дан в Постановлении ВЦИК от 29 мая: „Центральный Исполнительный Комитет считает, что переход от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян повелительно диктуется всем положением страны, как для борьбы за хлеб, так и для отражения обнаглевшей, на почве голода, контрреволюции, как внутренней, так и внешней“…

Ленин брал власть, чтобы строить народную Россию.

Во имя чего тогда, спрашивается, у него хотели власть отобрать?

И кто хотел?

На этот вопрос можно ответить двумя словами, а точнее – двумя датами…

25—26 мая 1918 года чехи совместно с изготовившимися белогвардейцами подняли мятеж… И только поэтому 29 мая 1918 года появились те два документа Советской власти, о которых было сказано выше.

В сопоставлении двух дат – истоки гражданской войны, начатой, как видим, не большевиками. Вокруг истоков гражданской войны давно накручено много глупостей – о подлостях уж не говорю, а всё ведь очевидно!

Если бы не попирающее нормы международного права иностранное вмешательство в дела России в виде: а) прямой иностранной интервенции во все регионы России; б) организованного Антантой с конца мая 1918 года мятежа чехословацкого корпуса; в) обширной материальной и военной помощи Белому движению, то никакой серьёзной гражданской войны в России и никакого пресловутого „военного коммунизма“ в России не возникло бы.

Антикоммунисты пытаются представить „военный коммунизм“ логическим результатом „теоретических воззрений ленинцев“, но ничего подобного в ленинской теории не присутствовало! Исходная социально-экономическая политика Советской власти в её теоретических, так сказать, основах, однозначно устанавливается по двум основным массивам информации…

Это, во-первых, более чем пятьсот декретов Советской власти, принятых до конца мая 1918 года, то есть – до начала мятежа белочехов. За исключением ряда декретов, принятие которых объяснялось разрухой, экономическим кризисом, нарушением снабжения, саботажем чиновников и кулаков, первая полутысяча советских законов выстраивала вполне демократическую социальную систему с большим потенциалом развития. Это ясно любому, кто возьмёт на себя труд познакомиться с первоисточником – томами Декретов Советской власти.

Во-вторых, изучение протоколов Президиума Высшего совета народного хозяйства подтверждает и закрепляет выше сделанный вывод. Сам по себе ВСНХ мыслился как орган экономического, а не внеэкономического управления страной. **Собственно, то, что потом стало известно как НЭП – новая экономическая политика, принятая Лениным *после* гражданской войны, фактически должно было стать основой экономической политики Советской России на переходный период** уже с лета 1918 года **– если бы враги Ленина и России не развязали Гражданскую войну.**

Так что о „новой“ экономической политике 20-х годов надо говорить как о хорошо (точнее –

вынужденно, конечно) забытой экономической политике начала 1918 года.

Лишь антисоциальные действия иностранных интервентов, „белых“ генералов и российских буржуазных политиков вынудили Ленина окончательно перейти с осени 1918 года к политике жёсткой и всесторонней регламентации: продовольственной диктатуре с продразвёрсткой и карточной системой, к прямому продуктообмену между городом и деревней, отмене частной торговли, всеобщей трудовой повинности, элементам уравнительности в оплате труда…

Всё это были меры вынужденные, и подлинным автором политики „военного коммунизма“ стал не Ленин, а Золотой Интернационал, вынудивший Ленина ввести такую политику.

Вот ещё один тому пример…

28 июня 1918 года был принят декрет, о котором Ленин 29 июня сообщал радиограммой советскому послу в Берлине: „Согласно давно намеченному плану, после продолжительной подготовительной работы, наконец, 28 июня, утверждён декрет, появления которого с нетерпением ожидали народные массы России и опубликование которого задерживалось обстоятельствами, не зависящими от воли и желания Советской власти“[1014].

Ленин имел в виду Декрет о национализации крупной промышленности в практически всех отраслях, но именно – ***крупной***…

Так, по цементной промышленности национализировались „все предприятия акционерных обществ и паевых товариществ, владеющих цементными заводами с нормальной производительностью не менее пятисот тысяч бочек в год“; по лесопильной промышленности – „все предприятия, принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам, с основным капиталом не менее одного миллиона рублей“, и т. д.

И это не был „военный коммунизм“.

Лишь действия Деникина, Колчака, Юденича, интервентов и вообще всех „бывших“ привели к тому, что пришлось национализировать также средние и мелкие предприятия в рамках политики „военного коммунизма“. На 1 октября 1919 года отраслевые управления ВСНХ – главки, направляли деятельность 2 522 национализированных заводов и фабрик с общим числом рабочих в 750 619 человек, а к 1 апреля 1920 года количество национализированных предприятий увеличилось до 4 141, а численность рабочих на них – до 983 049 человек.

Если бы не действия „белых“ и интервентов, то тысячи средних и мелких предпринимателей могли бы ещё годами спокойно (спокойно – если честно!) работать, постепенно врастая в советскую экономическую систему.

Вынужденной была и политика продразвёрстки, то есть – обязательной сдачи крестьянами государству по твёрдым ценам всех излишков хлеба сверх установленной продовольственной и хозяйственной нормы по принципу: „с бедных крестьян ничего, с середняка умеренно, с богатого много“. Это была, естественно, крайне непопулярная мера, но это была жизненно необходимая мера, без которой города бы просто вымерли.

И эта политика себя оправдала! Ленин позднее приводил цифры: в первом году революции, до введения продразвёрстки, было заготовлено около 50 миллионов пудов хлеба, во втором по продразвёрстке – свыше 100 миллионов пудов, и в третьем – свыше 200 миллионов пудов. Сегодня „историки“ пишут также историю и „мешочничества“, якобы спасшего город, но мешочники были элементом дезорганизации – о чём в своём месте.

Черту под вопросом о сути „военного коммунизма“ подвёл в реальном масштабе времени сам Ленин, сказав в начале 20-х годов: „„Военный коммунизм“ был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой“[1015].

А началось всё с мятежа чехословацкого корпуса.

Чехословацкий корпус был сформирован из военнопленных австрийской армии и эмигрантов чешской и словацкой национальностей в сентябре 1917 года по инициативе Союза чехословацких обществ в России.

Численность корпуса в разных источниках указывается разная – от 30 до 50 тысяч человек, штатный состав – две дивизии и запасная бригада. Корпус был отлично экипирован и вооружён, имел артиллерию.

Командовал корпусом русский генерал В. Н. Шокоров, офицерский состав был преимущественно национальным.

До марта 1918 года корпус дислоцировался в тылах Юго-Западного фронта на Украине и всё более подпадал под антисоветское влияние российского филиала Чехословацкого национального совета.

В ноябре 1917 года начальником штаба корпуса стал генерал М. К. Дитерихс, бежавший из Ставки. В 1916 году Дитерихс командовал 2-й особой пехотной бригадой, предназначенной для отправки на Салоникский фронт, в июле 1917 года был отозван в Россию, но, естественно, сохранил связи, возникшие среди союзного генералитета и политиков.

Враждебный Советам, Дитерихс возглавлял штаб корпуса до января 1919 года, потом командовал Сибирской армией у Колчака, был у него же военным министром, активно действовал в белой эмиграции и в 1937 году умер в Шанхае. Так что уже назначение Дитерихса начальником штаба у чехов указывало на то, что их готовят для использования в борьбе с большевиками.

В связи с брест-литовскими переговорами 15(28) января 1918 года корпус был объявлен автономной частью французской армии и выведен на территорию России – якобы с расчётом на его переброску на западноевропейский театр военных действий.

Однако, как сегодня становится всё более понятным, не для усиления французов на Марне или где-то ещё затевалось формирование чехословацкого корпуса. С самого начала его подлинной задачей была подстраховка контрреволюционных сил России – о чём рядовые легионеры знать, конечно, не могли. Наличие в стране, охваченной Смутой, компактного, национально однородного и устойчивого воинского формирования могло оказаться очень кстати не для одних, так для других неблаговидных целей.

В конце-концов предназначение корпуса определилось к весне 1918 года – 2 мая Верховный совет Антанты принял решение использовать чехов в качестве авангарда своих интервенционистских сил на русском Севере и в Сибири.

Оперативное руководство подготовкой мятежа вели французы, основную же идейную и финансовую поддержку обеспечивали – без афиширования – американцы. Тут надо знать, что Российский филиал Чехословацкого национального совета, который образовался в апреле 1917 года в Киеве на съезде представителей чехословацких организаций в России, был националистическим лишь по риторике речей, а на самом деле контролировался Америкой.

Председатель Филиала профессор Томаш Гарриг Масарик (1850–1937) был активным масоном, как и остальные чешские „национальные лидеры“, а масонство – не опереточное, а реальное – это епархия кого угодно – англосаксов, космополитов, Ватикана, но уж никак не соотечественников бравого солдата Швейка.

Иными словами, основное руководство чехами с самого начала осуществлял тогдашний заокеанский аналог современного „Вашингтонского обкома“.

И вот тут в сюжет вплетается Троцкий…

Считается, что именно он создавал Красную армию и руководил её боевой деятельностью, включая стратегическое планирование. Однако всё это – не просто чепуха, а наглая троцкистская ложь. Подробное опровержение такой лжи выходит за рамки этой книги, однако

правда состоит в том, что костяк Красной армии составили те рабочие формирования, включая Красную Гвардию, к появлению и становлению которых ни Троцкий, ни его соратники никакого отношения не имели. А вот Ленин – как создатель партии большевиков, имел отношение прямое.

В целом же Красная армия стала детищем коллективных усилий ряда большевиков и военных специалистов при общем руководстве Ленина. Например, старший брат ленинского соратника Владимира Бонч-Бруевича бывший крупный генерал царской армии Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (1870–1956) по прямому поручению Ленина занимался вопросами обороны Петрограда и границ республики, организуя так называемую „завесу“ и привлекая к этому делу своих военных коллег. С марта по август 1918 года генерал Бонч-Бруевич был руководителем Высшего военного совета, по упразднении которого оставался в военном окружении Ленина, в 1919 году занимал одно время пост начальника Полевого штаба РВС Республики, но разошёлся с тем же Троцким.

Гражданская война могла бы иметь совсем иные масштабы и длительность, а то и вообще всерьёз не начаться, если бы не мятеж чехов. А мятеж чехов мог бы не начаться, если бы было принято предложение генерала Бонч-Бруевича и ряда приглашённых им военных специалистов о немедленном разоружении чехословацкого корпуса и, при сопротивлении, о самых радикальных мерах против чехов.

„Троцкий, – вспоминал впоследствии Бонч-Бруевич, – то ли мало интересовался вопросом, то ли умышленно принял столь свойственную ему позу этакого разочарованного Чайль-Гарольда и никого из нас не поддержал“[1016].

Жаркий спор, по словам Бонч-Бруевича, завязался на заседании Высшего Военного Совета (ВВС) по вопросу о том, как вывести чехословацкий корпус из пределов Республики. Перешедшие на сторону Советской власти генералы возражали против дальнего маршрута эвакуации корпуса – якобы во Францию, через всю страну на Владивосток. Оптимальным вариантом оказывалась отправка через Одессу, поскольку в Мурманске высаживались англичане.

Но путь на юг был „решительно отвергнут политическими работниками ВВС“ (читай – „троцкистами“). Они и Троцкий якобы опасались того, что чехи на юге „резко усилят враждебные силы на Украине“. Так-то оно так, но вояж отлично вооружённых ещё царской властью пятидесяти тысяч чехов через всю Россию, через потенциально неспокойные Поволжье и Сибирь, был ещё опаснее. К тому же, отправка чехов на юг создавала бы проблему не столько красным силам на Украине, сколько немцам и их марионеткам.

Однако маршрут был назначен, в итоге, на Владивосток. Было достигнуто формальное соглашение с командованием корпуса о том, что чехи, сдав оружие в Пензе, выедут из России как частные граждане.

Реально же чехи числом до 45 тысяч человек отправились в путь с оружием. К концу мая 1918 года их эшелоны рассредоточились по всей Транссибирской магистрали на протяжении 7 тысяч километров от станции Ртищево в районе Пензы до Владивостока.

Группировка капитана Чечека численностью около 8 тысяч штыков находилась в районе Пензы, группировка подполковника Войцеховского (около 9 тысяч штыков) – в районе Челябинска, группировка капитана Гайды (около 4,5 тысяч штыков) – в районе Новониколаевска (ныне – Новосибирск)…

Дитерихс с 14 тысячами легионеров был уже во Владивостоке.

А 25–26 мая 1918 года чехи совместно с изготовившимися белогвардейцами подняли мятеж…

Гайда захватил Новониколаевск (Новосибирск), Войцеховский – Челябинск… Чечек разогнал Пензенский Совет, расстрелял его депутатов-большевиков, а затем отошёл через

Сызрань на Самару… Места, по которым в своё время ходил Ленин, теперь топтал враг.

Были захвачены Златоуст, Екатеринбург, Мариинск, Нижнеудинск, Канск, Сызрань, Самара, Симбирск, Петропавловск, Томск, Курган, Омск, Владивосток…

В начале августа чехи взяли Казань, куда незадолго до этого была переправлена значительная часть золотого запаса Республики.

Интересно – кем?

В Самаре, на Урале и в Омске были созданы белые „правительства“ – „Комитет членов Учредительного собрания“ („Комуч“), „Уральское правительство“ и „Временное сибирское правительство“.

К мятежу чехов были приурочены эсеро-белогвардейские мятежи в Ярославле, Рыбинске, Муроме, Владимире… Все они были достаточно быстро подавлены, но отвлекали силы, время, стоили крови…

Сами по себе внутренние контрреволюционные слои не были настолько сильны, чтобы без внешней поддержки вести длительную и масштабную вооружённую борьбу. Это хорошо показали провалы Корнилова, Каледина, Дутова… Хотя – их ли это были, прежде всего, провалы?

Мятежам тех лет привычно дают имена их руководителей в погонах, но ведь каждый раз за генералами стояли кадеты и промышленники. На юге „белых“ так и называли: „кадеты“, даже если они никакого отношения к партии кадетов не имели. Тем не менее всё бульшая часть народной массы, включая казачество, и без учёбы в университетах марксизма-ленинизма начинала прочно связывать понятие „кадет“ с понятием „старый режим“. „Аттестаты“ о политическом образовании выписывала сама жизнь.

И вся эта шушера жила под патронажем интервентов… Так, генерал Пётр Краснов (1869–1947), которого петля Советской власти нашла в 1947 году, ликвидировал Советскую власть на Дону в мае 1918 года при помощи немцев, оккупировавших юг России.

Не могли быть успешными без внешнего подталкивания и прикрытия и другие антисоветские авантюры. Но оно-то было – это прикрытие, поощрение, поддержка… Французский генерал Жанен после выступление чехов фактически принял командование ими. Координация всех антисоветских действий – внутренних контрреволюционных и внешних интервенционистских, была налицо. А чехословацкий мятеж стал запальным шнуром, который поджёг горючий материал по всей России – от Волги до Тихого океана.

Здесь уместно будет последний раз помянуть недобрым словом Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожных рабочих и служащих – приснопамятный Викжель. Руководство Викжеля – перманентно антисоветское, приурочило как раз к выступлению чехов призыв к забастовке на железных дорогах – лишнее подтверждение координации всех действий контрреволюции.

Но тут Викжель переборщил, и вместе с местными своими организациями он был после этого распущен.

Генерал Бонч-Бруевич описывая тот период, признавался:

„Сухое перечисление предпринятых мятежным корпусом военных операций говорит о том, насколько тщательно был разработан план мятежа.

Выступление… должны были поддержать мятежи в Москве, Рыбинске, Ярославле, Муроме, Костроме, Шуи и Иваново-Вознесенске и, наконец, в казачьих и кулацких районах. Высадившийся в Мурманске англо-американский десант предполагал взять Вологду, а войска контрреволюционного правительства Украины, конные части Краснова и „добровольческая армия“ Деникина одновременно захватить южные области России.

Таков был обширный план контрреволюции… Но тогда никому из нас он не казался

единым, и мы были бессильны связать друг с другом его отдельные звенья“[1017].

Ленин вначале тоже не оценил чешскую опасность по достоинству. Вот его записка секретарю Совнаркома Н. П. Горбунову от 29 мая 1918 года:

„*Скажите Минкину* (секретарь Пензенского губкома и председатель губисполкома. – *С.К.*), *что Сызрань взята чехами. Но панике предаваться не следует. Наши силы готовят дать отпор. Необходимо, чтобы и пензяки готовились твёрдо и энергично. Успех нам обеспечен, если мы не сложим рук*“[1018].

Достаточно спокойно Ленин говорил о чехах и в публичных выступлениях июня – например, в речи 21 июня 1918 года в Сокольническом клубе Москвы. Но уже вскоре он осознает всё – в полной взаимосвязи нахлынувших событий…

4 июля 1918 года в Москве открылся V Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов, а 6 июля левые эсеры совершили покушение на германского посла Мирбаха, и начался скоротечный левоэсеровский мятеж.

Даже сегодня редкий историк свяжет мятеж левой эсерки Спиридоновой в Москве и Петрограде с ярославским мятежом правого эсера Савинкова, мятежом чехов, интервенцией и действиями „белых“ генералов, ***прямо***, – как звенья одной цепи. А Ленин уже 6 июля в приказе райкомам РКП(б), районным Совдепам и штабам Красной армии писал:

„Около 3-х часов дня брошены две бомбы в немецком посольстве, тяжело ранившие Мирбаха. Это явное дело монархистов или тех провокаторов, которые хотят втянуть Россию в войну в интересах англо-французских капиталистов, подкупивших и чехословаков…“[1019]

Формально Ленин ошибся – Мирбаха убили не монархисты, а его же тогдашние коллеги по власти – левые эсеры. Но в системном смысле Ленин мыслил верно! Монархисты, кадеты, эсеры, меньшевики, белогвардейцы, интервенты из Антанты, германские агрессоры, буржуазные националисты и т. д. – все они в условиях России оказывались в одном лагере, становились друг другу союзниками и друзьями, потому что все они были врагами Ленина и новой России Ленина.

20 июля 1918 года Владимир Ильич пишет в Петроград Зиновьеву, Лашевичу и Стасовой:

„Необходимо двинуть maximum рабочих из Питера:

(1) „вождей“ несколько десятков (a la Каюров [член партии с 1900 г., – С.К.]) …

(2) тысячи рядовых

Иначе *мы слетим*, ибо положение с чехословаками **из рук вон плохо**.

Глупо при таком положении „сидеть“ на „благополучии“ Питера и „жалеть“ давать оттуда; пусть даже большинство беков в питерском Совдепе упадёт с 98 % до 51 %! Что за беда.

Мы не погибнем, если *даже* (даже!) в Питере дойдёт до 49 % не наших (когда это ещё будет). Но мы *погибнем*, наверняка от чехословаков, ежели не сделаем отчаянных усилий для прибавки сотен и тысяч *руководящих* рабочих для превращения киселя в твёрдое нечто…“[1020]

Всё обрисовано вполне внятно… А 24 июля он отправляет в Петрозаводск телеграмму чрезвычайному военному комиссару Мурманско-Беломорского края Нацаренусу:

„…Надо организовать всё и вся лучшее и надёжнейшее для посылки отрядов на чехословацкий фронт. Без победы над чехословаками не будет хлеба…“[1021]

Здесь тоже всё ясно без особых комментариев – продовольственный вопрос как был, так и остался в разорённой и разболтанной стране острым и больным. Но он ведь был не единственным для Ленина – важно было всё!

Вот краткая фотография одного, вполне рядового, рабочего дня Ленина – 19 июля 1918 года…

В этот день он:

– вместе с наркомом иностранных дел Чичериным принимал германского дипломатического представителя Рицлера по поводу требования о вводе в Москву немецких солдат для охраны посольства;

– беседовал с делегацией Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии о положении на оккупированной части Белоруссии;

– встречался с представителями земельного отдела Московского губернского Совета о слиянии совхозов и коммун в Московской области;

– выступал на митинге в Лефортовском районе;

– председательствовал на заседании Совнаркома, где, кроме прочего, обсуждались проект декрета „О централизации радиотехнического дела Советской Республики“ и вопрос о помощи населению Ярославля, пострадавшего во время савинковского мятежа…

Кроме этого – текущие дела, это – само собой…

26 июля 1918 года Ленин в ответном письме Кларе Цеткин сообщает:

„…Мы теперь переживаем здесь, может быть, самые трудные недели за всю революцию. Классовая борьба и гражданская война проникли вглубь населения: всюду в деревнях раскол – беднота за нас, кулаки яростно против нас. Антанта купила чехословаков, бушует контрреволюционное восстание, вся буржуазия прилагает усилия, чтобы нас свергнуть. Тем не менее мы твёрдо верим, что избегнем этого обычного (как в 1794 и 1849 гг.) хода революции и победим буржуазию…“[1022]

Как давно всё это было: европейские встречи с Цеткин, конгрессы II Интернационала, тихая деревушка со ставшим громким названием „Циммервальд“… Теперь всё было иначе – 27 июля по прямому проводу Ленин вновь теребит Зиновьева:

„Сейчас получились известия, что Алексеев на Кубани, имея до 60 тысяч, идёт на нас, осуществляя план соединённого натиска чехословаков, англичан и алексеевских казаков… Категорически и ультимативно настаиваю на прекращении всякой оппозиции и на высылке из Питера вдесятеро большего числа рабочих…“[1023]

Да, Зиновьев, войдя в роль „вождя Питера“, в очередной раз демонстрировал свою политически куцую натуру… Когда в эмиграции все проблемы ограничивались задачами работы небольшой партии, Зиновьев казался крупным политиком и достаточно надёжным соратником… Когда же он стал одним их руководителей огромной страны, сразу попёрло истинное – мелкое политиканство. Но не уберёшь же Зиновьева одним росчерком пера – он уже оброс собственными „соратниками“, он „тоже вождь“…

А работать надо, и „коней“ на „переправе“ не меняют.

Всё теперь для Ленина спрессовалось: время, пространство, проблемы… Всё убыстрилось так, как будто его жизнь была снята замедленной съёмкой, а теперь всё воспроизводилось со всё возрастающим ускорением.

Выступая на VII экстренном съезде партии в марте 1918 года, он сказал:

– У нас происходят не старые дореволюционные споры, которые оставались внутри узкопартийных кругов, а все решения выносятся на обсуждение масс, требующих проверки их опытом, делом, никогда не дающих себя увлечь лёгкими речами, никогда не дающих сбить себя с пути, предписываемого объективным ходом событий…[1024]

Но все ли это понимали – те же Зиновьев, Бухарин? И – особенно, Троцкий, который и сам себя выдвигал на второе место, и был охотно выдвигаем на это место приспешниками, готовыми отдать Троцкому и первое место…

После успеха Октября, во время которого Троцкий был полезен, уже в ходе Брестского

кризиса он нанес немалый вред – вёл бы переговоры сам Ленин, можно было заключить мир на намного более лёгких условиях.

Затем последовал „чешский“ провал Троцкого… Не было бы мятежа чехов – не началась бы затяжная гражданская война, которая очень осложнила положение Советской власти.

Конечно, гражданскую войну спровоцировала Антанта, однако не будет большим преувеличением сказать, что ей удалось это при несомненном – пусть даже невольном, пособничестве Троцкого. Из сильного лидера революции Троцкий превращался в злого гения революции… А с позиций сегодняшнего дня есть все основания утверждать, что он, давно связанный с тёмными мировыми силами, был им с самого начала…

Естественно, напрашивается вопрос – а зачем Троцкому доверяли? Зачем его терпели многие, начиная с Ленина?

Увы, в реальном масштабе времени не всё видится так, как видится сегодня… Троцкий был старым социал-демократом, рассматривался Лениным до революции как хотя и оппонент, но ***идейный*** оппонент, которого можно переубедить.

После Февральского переворота, когда революция начала забирать „влево“, большое значение имел фактор убеждения масс речами, а тут Троцкий был на высоте и стал на сторону большевиков, влившись в РСДРП(б). Ленин не мог тогда игнорировать Троцкого, а не доверять ему на первых порах после Октября особых оснований не было.

Первые сомнения появились после саботажа Троцким мирных переговоров с немцами в Брест-Литовске, но к тому времени Троцкий сильно укрепился… Причём проблема заключалась уже не только в Троцком, но и в тех силах, которые его поддерживали. Изгнанный из партии, Троцкий был бы опаснее, чем в её рядах. К тому же прямых-то доказательств двурушничества Троцкого не имелось. Приходилось с ним считаться и использовать его, но – с оглядкой.

Что же выручало Ленина?

Тут не может быть двух мнений – его выручало то, что теперь он имел возможность не только открыто, широко апеллировать к массам, убеждать их, агитировать их, приобщать к своему видению жизни и задач борьбы, давать ориентиры… Теперь он получил возможность прямо организовывать массы, ***руководить*** ими. Теперь он мог выдвигать из широких масс подлинных новых вождей…

Да они и сами выдвигались из народной гущи, тянулись к нему… В новом качестве представали и давно, казалось бы, знакомые фигуры… Скажем, до революции Свердлов, Сталин, Дзержинский, Орджоникидзе – в отличие от Зиновьева, Каменева, Бухарина – были от Ленина достаточно далеки, а теперь они мощно подпёрли Ленина. И не только они – в партию постоянно приходили новые люди. И приходили не только в партию, но и в Советы, в хозяйственные учреждения Советской власти…

Средний российский интеллигент оказался от задач новой власти далёк, он их не понимал, не принимал и решать их не рвался. А вот ***высший*** слой российских интеллектуалов – российские учёные-естественники, прикладники, крупнейшие инженеры, практические экономисты, статистики – этот слой стал сотрудничать с Лениным достаточно быстро, и это тоже помогало справляться с „грудой дел“ и „суматохой явлений“…

Становилось понятно, что всё, что было у него в жизни до этого, всё предыдущее, было подготовкой для великих свершений великого преобразователя мира, для деяний нового Творца…

Всё спрессовывалось и прослаивалось одно другим… 26 мая 1918 года – чехи в этот день как раз поднимали мятеж – в Москве открылся I Всероссийский съезд советов народного хозяйства, который работал до 4 июня… В Москву приехало 252 делегата, представлявших 5 областных, 30 губернских и немалое число уездных совнархозов, а также – отделы ВСНХ,

профсоюзные организации и фабрично-заводские комитеты.

Ленин вложил в подготовку съезда немало сил, 23 мая в Кремле при его участии прошло заседание президиума ВСНХ, где были детально рассмотрены вопросы проведения съезда, его повестка дня, утверждены тезисы ряда докладов. На этом заседании Ленин предложил свести систему управления национализированными предприятиями к местным заводоуправлениям, замыкаемым на непосредственно производственный отдел ВСНХ без промежуточных звеньев.

В повестке дня стояло обсуждение общего экономического положения России и экономической политики; финансового положения и государственного бюджета; внешней торговли; экономических последствий Брестского договора… Отдельные вопросы по организации производства, товарообмену, сельскому хозяйству должны были рассматриваться на секциях съезда.

Всё это было впервые не только в истории России, но и в истории мира – выработка принципов и подходов к централизованному, сознательному, организованному и скоординированному управлению и развитию огромной национализированной экономики. К организации её деятельности на научно обоснованных принципах!

Ленин выступил на съезде уже в день его открытия, и начал с того, что „чем дальше будут двигаться завоевания Октябрьской революции“, тем все меньше „будет надобности в аппарате чисто административном“, зато всё выше „будет становиться роль советов народного хозяйства“.

„…аппарату управления в собственном, тесном, узком смысле слова, аппарату старого государства суждено умереть, – *говорил Ленин*, – а аппарату типа Высшего совета народного хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества…“[1025]

По сути, Ленин сказал, что разумно организованным социалистическим обществом должны управлять не чиновники, а учёные, инженеры, экономисты, и управлять в интересах не клана, а общества. И это ведь тоже было впервые в истории мира – подобная постановка вопроса, тем более – не просто социальным мыслителем, а главой огромного государства!

Ленин говорил о „величайшей важности и величайшей трудности организационных задач, когда нам надо совершенно по-новому организовать самые глубокие основы человеческой жизни сотен миллионов людей“, и что тут не получится действовать по пословице „семь раз примерь, один раз отрежь“, потому что возможности произвести многочисленные примерки, а потом раз отрезать, история нам не даёт. Надо кроить и перекраивать на ходу, „испытывая те или иные учреждения, наблюдая их на опыте“…

И до Ленина в России были съезды промышленников, где их участники так или иначе поднимали вопросы развития национальной экономики, но – во-первых, никто на этих съездах даже не заикался об использовании творческих сил народа, потому что интересы делегатов съездов промышленников были прямо чужды интересам трудящихся. А во-вторых, даже на съездах собственников никто не мог и помыслить об участии в них того, кто сам называл себя „хозяином земли Русской“ – царя.

Высшая государственная власть старой России была глубоко равнодушна к нуждам даже капиталистической экономики. Теперь же всё было иначе! Ленин прекрасно разбирался в экономике – не только в политической экономии, но и в практических экономических проблемах – здесь он сам был признанным высококлассным экспертом! В том числе и поэтому он резко выступил против попыток „левых коммунистов“, левых эсеров, меньшевиков и анархо-синдикалистов утвердить децентрализацию экономики.

В замечаниях на проект „Положения об управлении национализированными предприятиями“ Ленин написал:

„Коммунизм требует и предполагает наибольшую централизацию крупного производства по

всей стране. Поэтому общероссийскому центру безусловно надо дать право подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли…

Отнять право у всероссийского центра подчинять себе все предприятия данной отрасли во всех концах станы, как это вытекает из проекта комиссии, было бы областническим анархо-синдикализмом, а не коммунизмом…“[1026]

В итоге был принят ленинский подход, и на его базе уже в тридцатые годы была создана развитая сталинская централизованная система управления народным хозяйством, чисто экономические показатели которой не превзойдены в мире до сих пор.

А рядом с этой великой новаторской работой ***в той же Москве и в то же время*** продолжалась мышиная возня: с 21 по 27 мая 1918 года меньшевики провели *своё* Всероссийское совещание…

Совещание провозгласило скорую гибель Советской власти. Призыв Ленина к рабочим организовывать продовольственные отряды меньшевики оценили как „последние судорожные попытки“ и выдвинули лозунг: „Вперёд к капитализму“.

Меньшевик В. Г. Громан (потом он работал в ВСНХ и Госплане, но кончил плохо) и меньшевик Н. Череванин (Ф. А. Липкин) предлагали решать продовольственную проблему за счёт привлечения торгового капитала и, фактически, узаконения спекулятивных цен на хлеб…

Бывший товарищ министра труда в коалиционном Временном правительстве П. Н. Колокольников призвал совещание „свалить Советы ценою голода“…

Меньшевик Либер предложил резолюцию с требованием вынесения „смертного приговора над Советами“, немедленного отзыва из них своих депутатов и бойкота Советской власти, а „непременный“ Фёдор Дан заключил своё выступление лозунгом: „Долой комиссародержавный социализм и да здравствует контролируемый капитализм!“

Юлий же Мартов огласил высокомудрые тезисы с призывом к борьбе за „истинно демократическую республику“. Правда, как её обеспечить ***практически*** при наличии „белых“ генералов, вешающих рабочих, и иностранных интервентов, захватывающих территорию России, Мартов не пояснил[1027].

Когда Ленин 4 июня 1918 года выступил с докладом о борьбе с голодом на объединённом заседании ВЦИК, Моссовета и Московского совета профсоюзов (ПСС, т. 36, с. 395–414, 415–418), где присутствовали и меньшевики, его речь прерывалась репликами „из-за угла“. Но Ленин сбить себя не дал, а зал в целом был за Ленина.

Кончилось тем, что 14 июня ВЦИК принял постановление об исключении из своего состава „представителей партий социалистов-революционеров (правых и центра) и меньшевиков“, мотивируя это как тем, что „присутствие в советских организациях представителей партий, явно стремящихся дискредитировать и низвергнуть власть Советов, является совершенно недопустимым“, так и тем, что „из ранее опубликованных, а также оглашённых в нынешнем заседании документов ясно обнаруживается“ связь правых эсеров и меньшевиков со всем спектром контрреволюции.

Ситуация поляризовалась, но Ленин ли был в том виноват?

Если бы он встал на позицию Мартова, то он был бы прекраснодушным политическим кретином, каковым оказывался былой товарищ Мартов…

Если бы он встал на позицию Громана и Колокольникова, то он немедленно выпал бы в архив истории, как выпали эти бывшие „временные“… Тот же Громан в течение всего 1917 года стоял во главе продовольственного дела в Петрограде, но обеспечить нормальное снабжение столицы в ситуации, становящейся всё более ненормальной, не смог.

И мог ли Ленин сдать позиции Рябушинскому, Терещенко, Деникину, Краснову, генералу Жанену и прочим, им подобным? Ведь тогда он просто оказался бы в лагере врагов трудового

народа…

Все признавали, что Россия бурлит как котёл, но разве Ленин разжёг под ним огонь, а не царь, бросивший русского мужика в огонь войны, как бросают в топку дровишки?

И только ли царь разжигал огонь под „котлом“ российского общества?

Вот описание Петербурга, только что отметившего 300-летие дома Романовых, накануне той войны:

„Иностранец, который посетил бы С.-Петербург в 1914 г., перед самоубийством Европы, почувствовал бы неодолимое желание остаться навсегда в блестящей столице российских императоров…

Чернокожий бармен в Европейской гостинице, нанятый в Кентукки, истые парижанки-актрисы на сцене Михайловского театра, сановники, завтракавшие у Кюба до ранних зимних сумерек… Никто не мог бы ошибиться относительно национальности этого города, который выписывал шампанское из-за границы не ящиками, а целыми магазинами…

Всё в Петербурге было прекрасно. Всё говорило о столице российских императоров… Роскошные выезды, с лакеями в декоративных ливреях, стояли перед ювелирными магазинами, в витринах которых красовались розовые жемчуга и изумруды… Патриархальная Русь, устоявшая перед атаками революционеров 1905 г., благодаря лояльности мелких предпринимателей (лавочников. – *С.К.*), отступила перед системой, заимствованной за границей… Это быстрое трестирование страны, далеко опередившее её промышленное развитие, положило на бирже начало спекулятивной горячке. Во время переписи населения Петербурга, устроенной в 1913 г., около 40 000 жителей обоего пола были зарегистрированы в качестве биржевых маклеров…

Врачи, педагоги, инженеры были недовольны своими профессиями. Казалось позором трудиться, чтобы зарабатывать копейки, когда открывалась полная возможность (для кого? – *С.К.*) зарабатывать (?? – *С.К.*) десятки тысяч рублей посредством покупки двухсот акций „Никополь-Мариупольского металлургического общества“…

Офицеры гвардии, не могшие отличить до сих пор акций от облигаций, стали с увлечением обсуждать неминуемое поднятие цен на сталь… Отцы церкви подписывались на акции, и обитые бархатом кареты архиепископов виднелись вблизи биржи…“

Впечатляющая картина, а?

Ничего не напоминает, э?

И вот каково резюме того, кто дал эту картину:

„Будущее империи зависело от калибра новых властителей дум, которые занялись судьбой её финансов. Каждый здравомыслящий финансист должен был бы сознавать, что пока русский крестьянин будет коснеть в невежестве, а рабочий ютиться в лачугах, трудно ожидать солидных результатов в области развития русской экономической жизни (а в области жизни социальной? – *С.К.*). Но близорукие дельцы 1913 г. (только ли дельцы и только ли 1913 года? – *С.К.*) были мало обеспокоены отдалённым будущим. Они были уверены, что сумеют реализовать всё вновь приобретённое, до того, как грянет гром…“[1028]

Это описание и этот вывод – приговор режиму, не так ли?

И это – строки из мемуаров хорошо известного читателю великого князя Александра Михайловича – „дяди Сандро“, дяди царя Николая…

Как говорят англосаксы: „No comments“…

Да, ситуация к началу лета 1918 года поляризовалась, и социальное напряжение росло. Но создали два социальных полюса не Ленин и не его политика, а его политические противники, которые и были врагами народов!

И теперь против Ленина ополчились все они – „грязные, в калошах и без калош“…

Активизированная мятежом чехов, долгая, разрушительная и мучительная гражданская

война началась летом 1918 года всерьёз – на фоне активности немцев на Украине и Юге России, англичан и американцев на Севере, американцев и японцев на Дальнем Востоке…

2 сентября 1918 года было принято Постановление ЦИК: „Советская республика превращается в военный лагерь“. 30 ноября 1918 года Постановлением ВЦИК был учреждён Совет Рабочей и Крестьянской Обороны под председательством Ленина. В состав Совета вошли председатель Реввоенсовета Республики Троцкий, нарком путей сообщения Невский, замнаркома продовольствия Брюханов, председатель Чрезвычайной комиссии по производству снабжения Красин и от ВЦИК – Сталин[1029].

Не будем углубляться в перипетии гражданской войны, хотя тема её в книге ещё далеко не закончена. А вот беглый взгляд на один из аспектов этой войны – интервенцию, мы сейчас бросим, открыв последнее в СССР капитальное издание по истории Гражданской войны – 700-страничную энциклопедию „Гражданская война и военная интервенция в СССР“, изданную в 1983 году.

В большеформатном томе с мелким шрифтом хватает точной информации, в том числе – и иллюстративного материала. И чтобы понять, чем стало для России вторжение „союзников“, достаточно оценить по достоинству одну из фотографий к семистраничной статье „Интервенция“. На явно „постановочном“ фото 1918 года – британский „томми“ в тропической панаме, в новенькой, „с иголочки“ форме, с карабином за плечом. Он снят на фоне „леса“ бакинских нефтяных вышек и трубопровода с штурвалом вентиля.

Вот, если вдуматься, символическое выражение цели интервенции – российская экономика под иностранным контролем.

Иллюстрируют статью и фото высадки американских интервентов во Владивостоке в 1918 году; английских интервентов во Владивостоке в 1918 году; японских интервентов у трупов убитых ими русских железнодорожников в 1918 году; военных судов США и Франции во Владивостокском порту в 1918 году; японского броненосца во Владивостокском порту в 1918 году; американских интервентов на Северном фронте; английских интервентов в Архангельске в 1919 году; английских танков в Новороссийске в 1919 году; вывозки награбленного имущества с Украины…

А на странице 508-й воспроизведена листовка Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

Вот её текст:

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ЧЕГО ХОТЯТ АНГЛИЧАНЕ, ФРАНЦУЗЫ, ИДУЩИЕ ПРОТИВ НАС ВОЙНОЙ?

ОНИ ЗАХВАТИЛИ дорогу на Мурмане, весь берег Белаго моря, Онегу, Архангельск.

НАШЛИСЬ ПРЕДАТЕЛИ, которые им помогли.

Они ПУШКАМИ с крейсеров ГРОМИЛИ МИРНОЕ НАСЕЛЕНИЕ – за что, что мы им сделали?

СПРОСИТЕ РАБОЧИХ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ: РАБОЧИЕ-БРАТЬЯ, ЧЕГО ВЫ ХОТИТЕ?

Они скажут: МЫ МИРА ХОТИМ, **МЫ НЕНАВИДИМ ВОЙНУ**, но нет еще силы у нас,

чтобы сбросить тех, кто шлет нас на бойню!

Чего же хотите вы, король, президент, лорды и герцоги, купцы и банкиры, помещики Америки, Англии, Франции, Японии?

Ха-ха-ха! Чего мы хотим? МЫ ХОТИМ СОЖРАТЬ ВАС, мы хотим захватить ваши леса на севере, ваши гавани, ваши дороги.

МЫ ХОТИМ, чтобы лен и пенька, лес и хлеб, все, чем богата ваша страна, медь и железо, свинец, серебро, платина золото, **– ВСЕ МЫ ХОТИМ ЗАХВАТИТЬ**.

ЧЕГО МЫ ХОТИМ? – скажут эти господа: мы хотим захватить и север, и Волгу, и Урал, и Кавказ. Нам нужны ваши источники нефти, ваши рудники и шахты, ваши рыбные ловли, все заберем!

ЧЕГО МЫ ХОТИМ? – скажут они**: МЫ ХОТИМ ПОСАДИТЬ ВАМ НА ШЕЮ ЦАРЯ**, потому что в нашей стране король Георг, – родственник Романова, потому что наша буржуазия – родня вашей, наши помещики – родные вашим.

Вы свергли **ДВОРЯНСТВО**, – МЫ ВАМ снова ПОСАДИМ НА ШЕЮ его.

Вы свергли **ПОМЕЩИКА**, – МЫ ВАМ снова ПОСАДИМ НА ШЕЮ его.

Вы захотели жить вольной свободной жизнью? **А МЫ СНОВА ЗАГОНИМ ВАС В РАБСТВО.**

– Вот чего хотят эти люди.

– **ГОНИТЕ ИХ ВОН!**

Издательство Всероссийского Центрального Исполнит. комитета
Советов рабочих, крестьянск. красноарм. и казачьих депутатов
Москва, Тверская ул. д. № 11
МОСКВА – 1918 г.

Пропагандистский перехлёст в листовке был допущен единственный: интервентам не было дела до российского родственника английского короля Георга и вновь на шею народам России они хотели посадить не старую родовую аристократию, а „аристократию“ денежного мешка. В целом же всё было сказано верно, и интересно – найдётся ли сегодня негодяй, прикрывающийся званием историка, который рискнёт заявить, что приведённая выше листовка не отражает тогдашнюю историческую действительность?

Впрочем, наше время настолько пропитано гнусностью поведения элитарных „образованных“ слоёв, что в подтверждение правоты листовки ВЦИК сошлюсь на независимую оценку…

Английский писатель Герберт Уэллс, совершив поездку в Советскую Россию в самом конце гражданской войны, по возвращении домой написал книгу „Россия во мгле“, где мы читаем:

„В конце 1917 года Россия пережила такой всеобъемлющий крах, какого не знала ни одна социальная система нашего времени… Это было время разгрома, время полнейшего социального разложения. Это был распад общества… Это был вызванный отчаянием взрыв самых тёмных сил человеческой натуры (точнее, натуры, исковерканной царизмом. – *С.К.*), и в большинстве случаев коммунисты несут не большую ответственность за эти злодеяния, чем, скажем, правительство Австралии… В начале 1918 года новому, большевистскому правительству приходилось вести жестокую борьбу не только с контрреволюцией, но и с ворами и бандитами всех мастей. И только к середине 1918 года, после того, как были расстреляны тысячи грабителей и мародёров, восстановилось элементарное спокойствие на улицах больших русских городов.

Некоторое время Россия была не цивилизованной страной, а бурным водоворотом

беззакония и насилия, где слабое и неопытное правительство вело борьбу не только с неразумной иностранной интервенцией, но и с полнейшим внутренним разложением…

Не коммунизм, а европейский капитализм втянул эту огромную, расшатанную, обанкротившуюся империю в шестилетнюю изнурительную войну. И не коммунизм терзал эту страдающую и, может быть, погибающую Россию субсидированными извне непрерывными нападениями, вторжениями, мятежами, душил её чудовищно жестокой блокадой. Мстительный французский кредитор, тупой английский журналист несут гораздо большую ответственность за эти смертные муки, чем любой коммунист“[1030].

Уэллс имел возможность увидеть в России всё, что хотел, беседовать со всеми, с кем он пожелал встретиться… И беседовал он не столько с рабочими, сколько с интеллигентами… Тем не менее Уэллс сумел понять суть происходящего, и в итоге он оправдывал большевиков и признавал, как видим, что внешние силы сыграли в трагедии России решающую роль.

Это был честный взгляд честного человека, однако те дни дали примеры и лицемерия, образцом которого стали, конечно же, главные лицемеры современности – Соединённые Штаты.

22 августа 1918 года В „Правде“ было опубликовано ленинское „Письмо к американским рабочим“, где были и такие строки:

„Если германские разбойники побили рекорд по зверству своих военных расправ, то английские побили рекорд не только по количеству награбленных колоний, но и по утончённости своего отвратительного лицемерия. Именно теперь англо-французская и американская буржуазная пресса распространяет… ложь и клевету про Россию, оправдывая свой грабительский поход против неё стремлением „защитить“ будто бы Россию от немцев!..“[1031]

А вот комментарий к ленинским строкам – нота государственного департамента США от 3 августа 1918 года:

„По мнению правительства Соединённых Штатов… военная интервенция в России скорее всего усугубит существующие прискорбные беспорядки, чем ликвидирует их, и скорее нанесёт вред России, чем поможет ей выйти из бедственного положения…

При существующей обстановке… военные действия допустимы только для защиты в меру возможного чехословаков и помощи им против вооружённых австрийских и немецких военнопленных (??? – *С.К.*)… а также для содействия усилиям в области борьбы за самоуправление и самооборону, когда русские сами пожелают принять помощь.

Поэтому правительство Соединённых Штатов предложило правительству Японии совместно направить войска в количестве нескольких тысяч человек, во Владивосток с тем, чтобы они действовали как единое целое… и японское правительство приняло это предложение. Предпринимая этот шаг, правительство Соединённых Штатов желает заявить народу России самым открытым и торжественным образом (ну-ну, – *С.К.*), что оно не намерено нарушать политического суверенитета России, вмешиваться в её внутренние дела, даже местного характера… и что предпринимаемые нами меры преследуют единственную цель оказать такую помощь, которая может быть приемлема для русского народа… Имеется в виду, что японское правительство даст аналогичные гарантии“[1032].

Американский профессор Самуэль Харпер в своей книге „Россия, в которую я верю“ (из неё и взят текст ноты госдепа), признавался, что часто повторял слова долго жившего в России и даже преподававшего в Московском университете ирландца Диллона, писавшего под почти ленинским псевдонимом „Ланин“. А „Ланин“ говаривал так: „Русскому народу не хватает скрепляющего цемента лицемерия“[1033].

Спору нет – англосакс „Ланин“ попадал здесь в точку – с таким ходовым в Европе социальным материалом, как скрепляющий „цивилизованных“ европейцев „цемент“ лицемерия, у русских всегда было слабо. Зато у янки этого материала было не только побольше, чем даже у европейцев, но и качество его у Америки было наивысшим!

Вместо комментария к ноте госдепа США от 3 августа 1918 года сообщу, что на момент обнародования ноты, на русском Севере уже находилось около 5 тысяч американских „миротворцев“ (не считая 8 тысяч англичан, 1 300 итальянцев, 1 200 сербов и 700 французов), а американский крейсер „Олимпия“ вошёл в Мурманский порт ещё 24 мая 1918 года…

Задолго до ноты госдепа США – 11(24) ноября 1917 года, во Владивосток прибыл американский крейсер „Бруклин“, а японцы с января 1918 года обосновались во Владивостоке прочно и на долгие годы, варьируя численность войск от 60 до 120 тысяч человек и добравшись до Забайкалья.

29 июня 1918 года пятнадцать тысяч чехо-словаков, „защищаемых“ янки „от вооружённых австрийских и немецких военнопленных“, „содействуя усилиям в области борьбы за самоуправление и самооборону“, произвели во Владивостоке переворот и поставили у власти эсеро-меньшевистскую думу. Председатель Владивостокского Совета К. А. Суханов и другие члены Совета были расстреляны. И началась делёжка русского Дальнего Востока…

Только за три месяца 1919 года янки и японцы, действуя „как единое целое“, вывезли три миллиона шкурок ценной пушнины – не считая прочего. К этому времени в Сибири был установлен кровавый режим прямого ставленника Америки – адмирала Колчака… За годы интервенции были разграблены все дальневосточные порты, склады, станционное хозяйство, а общий урон хозяйству Дальнего Востока составил не менее чем 300 миллионов золотых рублей… В счёт военных поставок Колчак передал американцам 2118 пудов золота из российского золотого запаса, англичанам – 2883 пуда, французам – 1225 и японцам – 2672 пуда…

В сумме это составляет примерно 140 тонн золота! Плюс часть российского золотого запаса прикарманили чехи – на это золото потом был создан Банк легионеров… Часть разворовали колчаковцы…

Итого Россия лишилась не менее 150 тонн золота. Как не хватало его в голодные 1921–1922 годы, сколько миллионов жизней оно могло бы спасти! В трагедии голода 1921 года обвиняют Ленина – мы ещё с этим будем разбираться, но подлинные её виновники – интервенты и белогвардейцы, истощавшие силы России, и особенно – прославляемый ныне негодяями адмирал Колчак, лишивший русский народ целой золотой горы.

Вот какой оказалось для России цена „самым открытым и торжественным образом“ обещанной Америкой „помощи, которая может быть приемлема для русского народа“…

Нет, умри – лучше чем англосакс „Ланин“ не скажешь! Воистину „цемент лицемерия“ скрепил фундамент „американской демократии“!

И этот же „цемент лицемерия“ стал важнейшим „строительным материалом“ всего американского „свободного мира“. Приведу ещё один пример на сей счёт… Самуэль Харпер знал Россию для американца очень неплохо, и хотя к большевизму, будучи буржуазным либералом, относился прохладно, смотрел на ситуацию не без объективности… И вот что он писал в письме в начале 1919 года известному американскому дипломату, бизнесмену и публицисту Вильсону Хантингтону (1875–1946):

„*Вся путаница в вопросе о России, имевшая место во время недавних прений в сенате, возникла в связи с тем, что правительство не приняло мер для того, чтобы собрать и сопоставить сведения, полученные из России. Лучший пример – знаменитое предложение Советов о сотрудничестве с нами против Германии. Теперь Джонсон* (сенатор США. – *С.К.*)

публично объявил о нём. Почему, чёрт возьми, государственный департамент не предал гласности этот факт много месяцев тому назад?“[1034]

Да потому госдеп и не предал такой факт гласности, что это шло вразрез с подлинной, а не декларированной политикой США и Запада…

Приберегая для использования в нужном месте приведённое выше свидетельство Харпера, я намеренно не подчёркивал ранее, а теперь подчеркну, что Ленин обращался зимой 1918 года – в реальном масштабе времени, к Антанте и США с предложением ***восстановить*** германский фронт в случае масштабной помощи со стороны союзников оружием, боеприпасами, продовольствием.

Антанта отказала…

Мало известно также то, что Ленин позднее ответил согласием и на предложение президента Вильсона, сделанное 22 января 1919 года от имени Антанты, о перемирии и созыве на Принцевых островах (острова Принкипо) в Мраморном море конференции совместно с „белыми“ на основе сохранения занимаемых к тому времени территорий.

24 января 1919 года Ленин отправил телеграмму Троцкому:

„*Секретно*

Козлов и по месту нахождения

Предреввоенсовета Троцкому

Вильсон предлагает перемирие и вызывает на совещание все правительства России. Боюсь, он хочет закрепить за собой Сибирь и часть Юга, не надеясь иначе удержать почти ничего. Это обстоятельство в связи с взятием Оренбурга, Луганска и Черткова заставляет нас, по моему, напрячь все силы, чтобы в месяц взять и Ростов, и Челябинск, и Омск…

К Вильсону придётся, пожалуй, поехать Вам.

Ленин“[1035]

4 февраля 1919 года Москва сообщила по радио правительствам Великобритании, Франции, Италии, США и Японии о согласии участвовать в конференции. Выступая 18 марта 1919 года с отчётом ЦК на VIII съезде РКП(б) Ленин говорил:

– Когда мы ответили согласием на предложение конференции на Принцевых островах, мы знали, что идём на мир чрезвычайно насильнического характера… Но, с другой стороны, … после брестского опыта нам будет гораздо легче это сделать. Когда нашему Центральному Комитету пришлось обсуждать вопрос об участии в конференции на Принцевых островах вместе с белыми, – что, в сущности, сводилось к аннексии всего, что белыми занято, – этот вопрос о перемирии не вызвал ни одного негодующего голоса в среде пролетариата, и так же отнеслась к этому и партия…[1036]

Ленин прямо связывал свою готовность к переговорам с новой волной революционной активности в Европе. В этих условиях можно было вести переговоры, зная, что как в Европе, так и на занятых „белыми“ и интервентами территориях России, время работает на Советскую, а не на антисоветскую Россию – как это было и в случае Брестского мира.

Причём нет оснований говорить о политическом двуличии Ленина – он имел дело с политическими бандитами-аннексионистами в Бресте, с теми же бандитами имел бы дело и на Принкипо – если бы конференция состоялась.

Честный договор возможен лишь с честным партнёром, а честность с бандитами глупа даже для отдельного человека, не говоря уже о политике, ответственном за обеспечение интересов народных масс. Ленин это понимал, понимали это и враги. Они рассчитывали на отказ Ленина, а когда Ленин согласился, то на советскую ноту Антанта просто не отреагировала

никак.

„Белые“ же, начиная с Колчака и Деникина, через парижское „Русское политическое совещание“, заявили об отказе вести переговоры с Москвой. Они и тут были за войну, а не за мир.

Вильсон, к слову, тогда же направлял к Ленину и миссию Буллита – с теми же целями. И Ленин в начале марта 1919 года охотно вступил с Буллитом в переговоры, и был готов пойти на ряд уступок на основе удаления с территории России войск „всех нерусских правительств“. Однако и здесь всё кончилось сворачиванием контактов со стороны Антанты и дезавуированием Буллита…

История с несостоявшейся конференцией на Принцевых островах описана троцкистским биографом Ленина – Луи Фишером, и, как почти всегда у Фишера, переврана. Но интересно, что Фишер пишет: „Ленин имел весьма твёрдое и циничное (? – *С.К.*) мнение о капиталистах: их бог – Маммона, они готовы убиться за доллар, их легко подкупить обещанием прибылей…“[1037]

Уж не знаю, что циничного увидел троцкист Фишер в таком мнении Ленина о капиталистах – абсолютно верном в конечном счёте. Фишер уверяет, что предложения Ленина Антанте по конференции на Принцевых островах были сформулированы так, что якобы „оскорбили“ Ллойд Джорджа, а Вильсон объявил большевиков „самыми отъявленными пройдохами в мире, действующими исподтишка“. На самом деле отказ объяснялся тем, что козырной мастью в России Антанта тогда считала всё ещё „белую“…

Да, Гражданская война имела свои „приливы“ и „отливы“… Да, история гражданской войны содержит и позорные для Красной армии страницы – в документах тех дней можно найти немало свидетельств о слабости, низкой боеспособности и даже разложении советских войск, особенно – летом 1918 года, когда незначительные порой силы тех же организованных чехов обращали в бегство целые „красные“ полки…

Ну и что!

В итоге оказались верными слова новой красноармейской песни: „Но от тайги до Британских морей Красная армия всех сильней!“

А из песни, как известно, слово не выкинешь!

Глава 36. «Держите твёрдо курс в основных вопросах…»

Продолжим, однако, тему «Ленин и гражданская война»…

Для того, чтобы охватить эту тему более-менее полно, то есть – не только во всех её аспектах, но и со всей доказательной документальной базой, нужен отдельный толстый том. Однако надеюсь, что для объективного читателя окажется достаточно сказанного ранее в сочетании с тем, что будет сказано ниже…

Любая гражданская война возникает как результат противодействия двух основных сил: сторонников неких масштабных, коренных политических и социальных изменений, и противников этих изменений… Не стала исключением и русская гражданская война, уникальной особенностью которой явилась ещё и масштабная иностранная интервенция.

Конечно, интервенция наложила свой отпечаток и на революционные войны Франции в конце XVIII века, однако интервенция «14 государств» против Советской России была намного более значащим фактором возникновения, длительности и ожесточения гражданской войны, чем это было во Франции… Причина очевидна – буржуазная революция французов была для внешнего мира имущих опасна, но, всё же, не так, как социалистическая революция русских…

Радикально социальный характер русской революции в условиях Первой мировой войны дал и ещё одну уникальную особенность русской гражданской войны – из примерно 5 миллионов иностранных граждан, которые оказались на территории России к началу 1918 года (2,8 миллиона беженцев плюс 2,2 миллиона военнопленных) в составе Красной Армии находилось до 200–300 тысяч зарубежных интернационалистов. У «белых» их было, к слову, тоже немало, но – существенно меньше, ведь основную массу иностранцев в России составляли простые труженики, а они были естественными сторонниками Ленина…

Зато на стороне «белых» выступил Золотой Интернационал: в интервенции в разные регионы России приняли участие США, Япония, Англия, Франция, Италия, Канада, Германия, Австро-Венгрия, Греция, Румыния, Польша, Чехословакия, Турция, белая Финляндия и даже Китайская империя, чьи войска несли охранную службу на Дальнем Востоке…

Есть снимок, вполне символический – летом 1918 года на роскошной городской лестнице Владивостока снят патруль международной полиции: в первом ряду – офицер и рядовые чехословацкого корпуса, за ними – американские пехотинцы, далее – японские и английские моряки.

Это фото – неплохая информация к размышлению и для жителей современного Владивостока…

Если же мы начнём пересчитывать только великорусские антисоветские «правительства» времён гражданской войны, то их наберётся за несколько лет более десятка, не считая трёх украинских (Рада, Скоропадский и Петлюра), трёх закавказских и трёх прибалтийских… Относительно последних, скажу, что мало известны три ***советские*** прибалтийские республики времён гражданской войны, а ведь они были в 1918–1919 годах – советские Литва, Латвия, Эстония… Была, вообще-то, в 1918 году и советская Финляндия… И все четыре были подавлены преимущественно внешней силой. Это – отдельная страница и в нашей истории, и в жизни Ленина.

На Гражданскую войну недавно был высказан интересный взгляд историком Александром Широкорадом, который пишет, что гражданская война – это «в первую очередь война Красной Армии с сепаратистами, и лишь во вторую – с белогвардейцами»[1038].

Александр Борисович – человек, порой увлекающийся своими идеями, но понять его можно – интересных идей у него хватает. К тому же, подобный взгляд подтверждается и свидетельством, например, Черчилля. Он говорил о том, что в инициируемом одновременном походе на Советскую Россию должны принять участие «14 государств», причём Антантой подразумевался весьма своеобразный состав участников: США, Англия, Франция, Япония, Италия, Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Украина, Грузия, Азербайджан и Армения… Ровно половина в перечне Черчилля – как раз сепаратисты различного толка…

Был даже назначен срок взятия Петрограда и Москвы этой многонациональной ратью – декабрь 1919 года[1039].

Почти все национальные «новоделы» на территории бывшей Российской империи не рискнули открыто идти против РСФСР под флагами Антанты, но, так или иначе, в интервенции против России участие принимали. И если А. Б. Широкорад вряд ли точен в оценке численности националистических и сепаратистских сил в бывшей Российской империи на уровне от 3 до 5 миллионов штыков, то сама по себе постановка вопроса о значимости этих сил в гражданской войне более чем корректна – не «белым», а «красным» приходилось воевать с националистами на внутренних фронтах.

А это тоже затягивало войну.

Банды, к слову, – а их суммарная численность была велика, тоже оказывались «головной болью» прежде всего большевиков.

Основную угрозу для новой России представляли, при всём при том, два «белых» режима: «южный» режим Алексеева – Деникина – Врангеля и «сибирский» режим Колчака. И тут надо понимать следующее…

Если коренные социальные перемены совершаются в интересах не менее 70 % населения, то эти перемены следует признать необходимыми, назревшими и ***полностью*** социально оправданными.

Не так ли?

Но в обществе, где велико социальное неравенство, коренные положительные перемены в интересах 70 % неимущего населения почти автоматически означают коренное ухудшение положения 5—10 % имущего населения.

Это тоже понятно.

В России с её примерно 150 миллионами тогдашнего населения даже 5 % давали абсолютную цифру в 7–8 миллионов человек, которым революция однозначно несла лишения, резкое – до катастрофического, снижение социального и жизненного уровня… Уже в Декрете о земле, опубликованном 28 октября (старого стиля) 1917 года на первой полосе «Известий Центральнаго Исполнительнаго Комитета и Петроградскаго Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» было ясно сказано:

«**За пострадавшими от имущественного переворота признаётся лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования**».

Иными словами: «Кто не работает, тот не ест»…

Могло ли это понравиться десятку миллионов тех, кто или вообще ел, не работая, или – так или иначе работая, ел не просто досыта, а обжирался?

Всего 10 % от этих миллионов, взявшись за ружьё, составили бы миллионную армию! И этот миллион дрался бы не за справедливые интересы народа, а за возврат собственных несправедливых привилегий… Причём ***этому*** миллиону объединиться было легче – ***эти*** знали, ***за что*** идёт война!

(В скобках замечу, что непосредственно военные действия часто вели с обеих сторон далеко

не миллионные массы войск, но тут уж многое объяснялось спецификой боевого снабжения. По оценкам экспертов в Первую мировую войну пехотный полк за день активного боя расходовал до двух с половиной миллионов патронов! Позволить себе такую роскошь не могли ни «красные», хотя они имели ряд патронных заводов, ни «белые», хотя один только Колчак получил в августе 1919 года от США 92 миллиона винтовочных патронов).

Нельзя забывать и то, что социальное сознание масс и до Октября 1917 года, и после Октября 1917 года по мере сил деформировали эсеры в деревне и меньшевики – в городе. Поэтому, например, немало рабочих казённых уральских заводов – таких как Ижевский, Мотовилихинский, воевали некоторое время в «Народной армии Комуча», а потом – у Колчака. Здесь сказались как агитация меньшевиков, так и относительно неплохое положение рабочих оружейных заводов.

Но даже «историки»-антисоветчики вынуждены признавать, что «красные» смогли привлечь в Красную Армию около 1 миллиона рабочих, в том числе почти полмиллиона – промышленных, а в «белых» войсках служило приблизительно 70 тысяч рабочих.

Фельдман М. А. Рабочие Урала в составе Красной и Белой армий. Вопросы истории., № 9, 2013 г., с. 60.

На основании последнего факта кое-кто делает вывод о якобы «несостоятельности попыток представить рабочих промышленности как единое целое»[1040], однако цифры, приводимые «ниспровергателями мифов», их же и опровергают. Соотношение «100 к 7» в пользу Ленина для той исторической ситуации убедительно доказывает почти полную его поддержку рабочими.

Да – не полную, а почти полную, но могло ли тогда быть иначе?

Так вот, если понимать выше сказанное, то становится ясным и то, что интересы ***всех*** граждан России Ленин не мог выражать объективно – в обществе, социально расслоенном на имущее меньшинство и неимущее трудящееся большинство (где тоже имеется некоторое расслоение), это просто невозможно!

Если ты желаешь мира хижинам, то ты ***вынужден*** объявить войну дворцам и особнякам – если дворцы и особняки не сдаются!

Но они ведь и не сдавались.

Ленин ставил перед Россией задачу построения такого общества, которое обеспечивало бы интересы всех ста процентов ***трудящейся*** массы, но в той исходной России, которую получил под начало Ленин, далеко не вся даже трудящаяся масса его поддерживала. В целом симпатии и поддержка масс ***всегда*** были на стороне Ленина, но в один и тот же момент по одним вопросам он мог иметь почти полное одобрение – как в вопросе о земле, а по другим вопросам – одобрение половинчатое, – как в вопросе о необходимости твёрдых цен на хлеб, например…

Жёсткая политика большевиков по подавлению сопротивляющегося меньшинства определилась не сразу и даже очень не сразу. И жёсткость оказывалась вынужденной реакцией… Так, противники большевиков обвиняли их в подавлении свободы печати, но реально тут всё было иначе. Возьмём, например, меньшевистскую ежедневную газету «Вперёд» – орган Московской организации, а со 2 апреля 1918 года – орган Центрального комитета меньшевиков, в редакцию которого входили Мартов, Дан, Мартынов-Пикер… 10 мая 1918 года газета была по постановлению ВЧК закрыта, однако уже 14 мая возобновлена под названием «Всегда Вперёд!» И затем она после нового перерыва издавалась в январе 1919 года, а окончательно была закрыта по постановлению ВЦИК за откровенно контрреволюционную направленность лишь в феврале 1919 года…

Многое, многое в демократических преобразованиях, начинавшихся в Советской России, порушила как гражданская война, так и неумная позиция оппонентов Ленина из числа социал-демократов. Ведь ещё в апреле 1918 года те же Фёдор Дан и Юлий Мартов были членами

ВЦИК… Сколько раз они яростно возражали там Ленину, сколько раз они противодействовали ему, и каждый раз набивали себе на этом шишки.

И каждый раз – без должных выводов для себя… Вместо борьбы за преобразование России вместе с Лениным и народом они выбрали борьбу против Ленина, а это означало – и против народа.

Есть и более показательный пример: центральный орган партии кадетов (!!) «Речь», закрытый по постановлению Петроградского ВРК от 26 октября (8 ноября) 1917 года, выходил под различными названиями: «Наша Речь», «Свободная Речь», «Век», «Новая Речь» и «Наш Век» до августа 1918 года – почти год после Октябрьской революции![1041]

Да, кадетской «Речи» после Октября 1917 года пришлось выступать под «псевдонимами» – как большевистской «Правде» до Октября 1917 года. Но «Речь» никто не громил – её просто закрыли тогда, когда она продолжала быть подстрекательской в стране, объявленной военным лагерем.

«Красный» же террор стал не лозунгом, а фактом лишь после убийства в Петрограде председателя ПетроЧК Урицкого и покушения Фанни Каплан на Ленина. Да и то размеры этого террора преувеличивают – как всегда бывает у демократов, на порядок, то есть – минимум в десять раз.

Не будем мы в этой книге подробно касаться и темы «Ленин и ВЧК», но не потому, что подробное рассмотрение этой темы высветит нечто неблаговидное. Наоборот, внимательный анализ покажет вполне объективную и исторически оправданную позицию Ленина и Дзержинского. Это не значит, конечно, что деятельность местных ЧК всегда была рыцарственно чиста – скажем, 4 апреля 1919 года Ленин писал члену коллегии ВЧК М. И. Лацису (Я. Ф. Судрабсу):

«Дорогой товарищ! Письмо Ваше и приложения получил. Каменев говорит – и заявляет, что несколько *виднейших чекистов* подтверждают, – что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы *слишком рано* и впустив в себя массу примазавшихся.

Надо построже проверить состав, – надеюсь, Дзержинский отсюда Вам в этом поможет. Надо подтянуть во что бы то ни стало чекистов и выгнать примазавшихся.

При удобной оказии сообщите мне подробнее о чистке состава Чека на Украине, об итогах работы.

Привет! Ваш *Ленин*»[1042]

Смысл сказанного Лениным вполне однозначен, но даже монархист Василий Шульгин – один из тех, кто склонял царя к отречению, описывая большевистский террор в Киеве, не смог указать поимённо даже двух сотен расстрелянных ВуЧК, причём в списке преобладали явные «бывшие», которые никак не могли быть лояльными к Советской власти и наверняка с ней боролись.

Могу привести и начало приказа ВЧК № 208 от 17 декабря 1919 года, подписанного Дзержинским и Лацисом:

«*Всем Чека*

Дорогие товарищи!

Есть три вопроса, в которых почти все чекисты грешны, и в которые поэтому необходимо внести ясность. Это заложники, специалисты и арестованные вообще.

Что такое заложник?

Это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется, притом такой член, которым этот противник дорожит, который может быть залогом того, что противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. Заложниками стоит брать

только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров.

За какого-нибудь сельского учителя, лесника, мельника или мелкого лавочника, да ещё еврея, противник не заступится и ничего не даст.

Они чем дорожат?.. Высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учёными, знатными родственниками находящихся при власти у них лиц и тому подобными.

Из этой среды и следует забирать заложников…»[1043]

Далее шли указания о том, что «к аресту специалистов надо прибегать лишь тогда, когда установлено, что его работа направлена к свержению Советской власти», что нельзя прибегать к арестам, «когда это не вызывается целесообразностью» и т. д.

В бурные времена легко ошибиться, да ещё если нет опыта, да ещё если вся жизнь обострена и проходит, как по лезвию ножа, а человек, выдающий себя за друга на самом деле оказывается врагом… И поэтому грехи были – чего Дзержинский и не скрывал.

Но суть-то здесь была в том, что грехи не выдавали за достоинства, их осуждали и их старались изжить.

В разгар Гражданской войны – 3 июня 1919 года, Ленин направил телеграмму Реввоенсовету Южного фронта:

«Ревком Котельниковского района Донской области приказом 27 упраздняет название „станица“, устанавливая наименование „волость“…

В разных районах области запрещается местной властью носить лампасы и упраздняется слово „казак“…

Во многих местах области запрещаются местные ярмарки крестьянским обиходом. В станице назначают комиссарами австрийских военнопленных.

Обращаем внимание на необходимость быть особенно осторожными в ломке таких бытовых мелочей, совершенно не имеющих значение в общей политике и вместе с тем раздражающих население. Держите твёрдо курс в основных вопросах и идите навстречу, делайте поблажки в привычных населению архаических пережитках»[1044].

Это – лишь отзвуки проблемы «расказачивания», вокруг которой накручено тоже много лжи или непонимания обстановки эпохи. С одной стороны, казачество объективно имело повышенный процент контрреволюционного элемента, с другой стороны, в царской России население казачьих областей официально делилось на «казаков» и «иногородних», и хотя иногородних призывали ***во время войны*** так же, как и казаков, то есть «налог ***кровью***» платили все одинаково, казаки в казачьих областях пользовались особыми и немалыми льготами.

И это создавало очень нездоровые отношения между примерно 40–45 % казачьего населения и 55–60 % «иногороднего» населения. Иными словами, у конфликта были объективные корни, а его ещё и намеренно раздували скрытые враги Советской власти…

Однако я привёл телеграмму от 3 июня 1919 года прежде всего из-за ключевых слов в ней: «Держите твёрдо курс в основных вопросах…»

Скажем, вопрос твёрдых цен на продовольствие – важнейший в 1918 году вопрос внутренней политики. Но вот некий текст:

«1) Введение твёрдых цен на картофель отложить <Поставить вновь этот вопрос 15.IX> до 1.X.

2) Дать Ц[ентральному] с[татистическому] упр[авлению] задание:

немедленно мобилизовать все силы статист[ического] аппарата для (б) учёта урожая к[арто]феля;

…

3) Поручить Комппроду немедленно мобилизовать максимум сил для организации к 25.VIII

срочной и массовой закупки не менее 40 милл[ионов] пудов к[арто]феля по вольным ценам и своза его в госуд[арственные] склады столиц и военных баз.

…

7) Ассигновать Компроду на операцию закупки картофеля 500 милл[ионов] руб[лей]»[1045]

Это – ленинский черновик постановления Совнаркома от 22 августа 1918 года об отсрочке введения твёрдых цен на картофель до 1 октября.

Как видим, ленинская политика «военного коммунизма» отнюдь не была твердолобой и негибкой. Раз выдался хороший урожай картофеля, то для государства – народного государства, выгоднее быстро закупить максимум картофеля по вольным рыночным ценам, чем отпугивать производителей и владельцев картофеля твёрдыми ценами.

То есть, твёрдо надо было держать курс в таких основных вопросах, которые без твёрдости не решить, а там, где можно «делать поблажки», их надо делать. Другое дело, что в то время давать поблажки получалось далеко не всегда…

Летом 1918 года проблема борьбы с голодом встала для Советской власти как важнейшая, отодвигающая на второй план даже военные проблемы, которые, впрочем, с первой проблемой тоже были многообразно связаны.

Ленин только нащупывал пути решения, и тогда – на рубеже весны и лета 1918 года он записал – для себя, на отдельном листке, мысли, которые были впервые опубликованы лишь в 1959 году.

Ленин писал:

«Держать у себя излишки хлеба и других продовольственных продуктов, когда народ в Питере, в Москве и в десятках неземледельческих уездов не только терпит недостаток в хлебе, но мучительно голодает, есть величайшее преступление, заслуживающее самой беспощадной кары…»[1046]

При всей очевидной справедливости мысли о том, что придерживать хлеб в голодающей стране – величайшее преступление, далеко не все в частнособственническом обществе с такой мыслью могли согласиться. Те же, скажем, русские цари смотрели на проблему совершенно иначе, чем Ленин – в своём месте будут приведены на сей счёт данные ошарашивающие!

Итак, проблема определилась: голодающим рабочим и вообще населению городов нужен хлеб.

Хлеб в стране есть, и не взять хлеб нельзя…

Но как его взять?

Разрешить свободную торговлю?

Так проблему не решишь… В старой России люди массово умирали от голода при наличии запасов хлеба – хлеботорговцы не желали продавать хлеб и не продавали. Повторяю: в своё время читатель познакомится с ужасающими данными на сей счёт…

Так что свободная торговля хлебом в условиях России 1918 года означала бы всего лишь легализацию бешеной спекуляции без решения проблемы по существу… Выход был в твёрдых ценах и изъятии всех излишков товарного хлеба у зажиточного крестьянства – кулачества, по твёрдым ценам.

Сказать легко – как сделать?

Если читатель возьмёт в руки 50-й том Полного собрания сочинений Ленина, где приведены его письма, телеграммы и записки с октября 1917 года по июнь 1919 года, то он увидит, как много времени и сил Владимир Ильич – которого сегодня обвиняют ни больше, ни меньше, как в геноциде (!!) русского народа – отдавал продовольственной проблеме.

Например, 8 мая 1918 года Совнарком принимает постановление об учёте всех имеющихся

автомобилей и передаче всех лишних грузовых машин не куда-нибудь, а в Народный комиссариат по продовольствию. Но даже если есть на чём возить хлеб, надо иметь его, чтобы нагрузить транспорт.

Решение подсказывали сами рабочие. В конце мая 1918 года Ленин получил телеграмму от рабочих из Выксы, где те сообщали, что «вконец изголодавшись» едут на пароходах со своими отрядами и пулемётами добывать хлеб силой.

31 мая 1918 года Ленин ответил телеграммой:

«Я очень надеюсь, что выксунские товарищи рабочие свой превосходный план массового движения с пулемётами за хлебом осуществят как истинные революционеры, то есть дав в отряд отборных людей, надёжных, неграбителей и для действия по нарядам в полном согласии с Цюрупой (наркомом продовольствия. – *С.К.*), для общего дела спасения от голода всех голодных, а не только для себя.

Ленин»[1047]

2 июня 1918 года ответ Ленина был напечатан в «Известиях ВЦИК», и это стало одним из первых публичных предупреждений тем, кто в голодающей стране имел товарный хлеб и не желал отдать его голодающим соотечественникам, совершая тем самым величайшее преступление, заслуживающее самой беспощадной кары…

Увы, в то время русский человек ещё лишь учился быть инициативным и решительным, а тормошить его приходилось Ленину и Сталину. Вот характерный документ – телеграмма Ленина от 3 июня 1918 года чрезвычайному военному комиссару в Тульской губернии, большевику с 1907 года, матросу Балтфлота с 1909 года, председателю Псковского ВРК в 1917 году Василию Лукичу Панюшкину (1888–1960):

«Удивлен отсутствием известий. Сообщите срочно, сколько хлеба ссыпано, сколько вагонов отправлено, сколько спекулянтов и кулаков арестовано.

Предсовнаркома Ленин»[1048]

Через месяц – 2 июля 1918 года, Ленин телеграфировал Панюшкину уже на Орловщину, в Новосиль:

«Прошу действовать твёрдо, предварительно строго рассчитав и взвесив силы, ибо, начиная, надо доводить до конца».

Обращу внимание читателя на то, что в начале июня Ленин интересуется не тем, сколько хлеба посеяно и колосится, а тем, сколько хлеба ***ссыпано***! Как это понимать? Ведь собрать урожай ещё лишь предстоит, его ещё вырастить надо, что же тогда Ленин требует ссыпать?

Ответ на этот вопрос будет дан чуть позже, а пока продолжим историю «хлебных» телеграмм и записок Ленина…

7 июня 1918 года:

«Тов. Цюрупе или его заместителю.

Тов. Цюрупа! Посылаю к Вам представителей Вышневолоцкого Совдепа.

Голод там мучительный. Надо экстренно помочь всякими мерами и дать хоть что-либо тотчас.

Я уже беседовал с этими товарищами об образовании отрядов и о задачах продовольственной работы, но надо, чтобы и Вы с ними объяснились.

Ленин»[1049]

10 июня 1918 года – телефонограмма Свердлову:

«Цюрупе *обещано*, чтобы во вторник было в печати. Решайте с Цюрупой сами. Я левым эсерам совсем теперь не доверяю.

Ленин»[1050]

Имеется в ввиду принятие декрета «Об организации и снабжении деревенской бедноты», который обсуждался на заседании Совнаркома в субботу 8 июня 1918 года – почти ровно за месяц до мятежа левых эсеров 6 июля… Этот декрет был принят ВЦИК 11 июня при резко отрицательном отношении левых эсеров.

Ещё бы!

Левые-то левые, но, всё же, эсеры опирались не просто на крестьянство, а на зажиточное крестьянство. А кулаку и помещик был помехой, да и большевики с их курсом на ликвидацию батрачества и равный доступ к земле тоже не были «светом в окошке»… Зажиточной деревне не хотелось возврата старого, но и нового в ленинском формате она не желала.

Вот, например, такой момент… Кулаки давно – ещё с пореформенных времён, старались сельское «обчество» держать в кулаке.

И держали!

А советский ленинский ВЦИК принимает декрет, первым параграфом которого «повсеместно учреждаются волостные и сельские комитеты бедноты, организуемые местными Совдепами при непременном участии продовольственных органов и под общим руководством Народного комиссариата продовольствия и Центрального Исполнительного Комитета…»

Конечно, это был удар и по авторитету кулачества, а точнее – по его психологическому ***засилью*** на селе, и по политике зажима кулачеством излишков хлеба.

Да, это было началом «великого перелома» психологии крестьянства… В ход шло всё – и принуждение, и агитация, и организационные меры. 22 июня 1918 года Ленин пишет наркому Исидору Гуковскому (1871–1921), члену партии с 1898 года:

«Мы решили ограбить все комиссариаты, чтобы усилить экстренно *Комиссариат продовольствия* хотя на 2–3 месяца, иначе можно околеть.

У Вас хотим взять *Закса*»[1051].

Как всегда, кадры решали всё…

Но не будет преувеличением сказать, что тогда и хлеб решал всё, почему «на хлеб» и бросали все возможные кадровые резервы.

А сложное положение становилось ещё сложнее… 6 июля 1918 года левые эсеры убили немецкого посла Мирбаха и подняли мятеж… Изменил командующий Восточным фронтом Муравьёв – офицер-авантюрист, примкнувший после революции к тем же левым эсерам… Поддерживаемые эсерами, кулаки поднимали восстания, не желая терять ни своё влияние, ни имеющийся у них товарный хлеб, равноценный в голодающей стране валюте…

На Севере всё активнее вели себя интервенты, организующие наступление на Котлас с его огромными запасами взрывчатых веществ. И в распоряжениях Ленина появляются суровые ноты и слова. 7 июля 1918 года он телеграфирует в Петрозаводск чрезвычайному комиссару Нацаренусу:

«*Иностранцев прямо или косвенно содействующих грабительскому походу англо-французских империалистов арестовывать, при сопротивлении – расстреливать. Граждан Советской республики, оказывающих прямое или косвенное содействие империалистическому грабежу, – расстреливать*».

Плюс – чехословацкий фронт, плюс – белое движение на Юге России, плюс – сохраняющаяся германская угроза… Это всё – наиболее текущее и неотложное из массы неотложного…

24 июля 1918 года Ленин говорит по прямому проводу со Сталиным, находящимся в

Царицыне…

Ленин. О продовольствии должен сказать, что сегодня вовсе не выдают ни в Питере, ни в Москве. Положение совсем плохое. Сообщите, можете ли принять экстренные меры, ибо, кроме как от Вас, добыть неоткуда. Симбирск взят былыми или чехами…

Сталин. Запасов хлеба на севере Кавказа много, но перерыв дороги («белыми» «спасителями России». – *С.К.*) не даёт возможности отправить их на север. До восстановления пути доставка хлеба невозможна… Дней через десять надеемся восстановить линию. Продержитесь как-нибудь, выдавайте мясо и рыбу, которые можем прислать вам в избытке. Через неделю будет лучше.

Ленин. Посылайте рыбу, мясо, овощи, вообще все продукты, какие только можно и как можно больше…

Такие вот разговоры приходилось вести летом 1918 года Ленину и Сталину… Между прочим, в том же июле Ленин пишет записочку наркомпроду Цюрупе: «*Тов. Цюрупа! Вид больной. Не теряя времени, – на двухмесячный отдых. Если не обещаете точно, буду жаловаться в ЦК*»…

Какие там «два месяца»! Цюрупа, член партии с 1898 года, продолжал работать «на износ», как и сам Ленин. Ровесник Ленина, Цюрупа переживёт Владимира Ильича всего на четыре года и скончается в 1928 году – 58-ми лет от роду… Сам Ленин умрёт, не дожив до пятидесяти четырёх.

Но продовольственные заботы – при всей их остроте – не отменяли остального. Враги всё чаще шли «ва-банк», и 9 августа 1918 года Ленин после разговора с членом коллегии ВЧК Петерсом пишет в Нижний Новгород председателю губернского исполкома Г. Ф. Фёдорову:

«*В Нижнем, явно, готовится белогвардейские восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести* ***тотчас*** *массовый террор,* ***расстрелять*** *и* ***вывезти*** *сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.*»

«Весёлые девицы» были непременной деталью всех крупных городов царской России (как, впрочем, и «России» путинской), однако в Нижнем Новгороде их концентрация была особо значительной по причине богатого купечества и из-за Нижегородской ярмарки, куда всякая шваль слеталась как мухи на… мёд.

Соответственно, этот фактор разложения гарнизона не мог не быть использован заговорщиками, на что Ленин и обращал внимание.

И опять вернёмся к хлебу…

В ленинской переписке 1918 года весьма подробно отражены перипетии пензенских и других «хлебных» событий. При этом на документы, с ними связанные, обычно кивают «обличители» Ленина. Вот почему на репрессивной стороне «хлебной» политики Ленина стоит остановиться отдельно.

5 августа 1918 года в Пензенском уезде кулаки подняли мятеж, спровоцировав не только середняков, но и бедняков. Мятеж был быстро подавлен, однако опасность рецидива сохранялась. 9 августа Ленин направил телеграмму в Пензенский губисполком и лично Евгении Бош:

«Получил Вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надёжных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города…»[1052]

10 августа председатель Пензенского губисполкома В. В. Кураев телеграфирует Ленину, что крестьяне плохо знакомы с политикой Советской власти, а по деревням разъезжают агенты Самарской «учредилки» (Комуча). Кураев предлагал в прифронтовой полосе, куда входили Пенза, Саратов и Казань, создать специальные отделы ВЦИК по агитации и пропаганде. В тот

же день Ленин телеграфирует в ответ:

«Вашу телеграмму получил, передал Свердлову и договорился с ним.

Будут приняты все меры.

Необходимо с величайшей энергией, быстротой и беспощадностью подавить восстание кулаков, взять войска из Пензы, конфискуя всё имущество восставших кулаков и весь их хлеб…»[1053]

Пишет Ленин в тот же день и Цюрупе:

«(1) Это архискандал, бешеный скандал, что в Саратове есть хлеб, а мы не можем свезти!! Не командировать ли на каждую узловую станцию по 1–2 продовольственника? Что бы ещё сделать?

Проект декрета – в каждой хлебной волости 25–30 *заложников* из *богачей*, отвечающих *жизнью* за сбор и ссыпку **всех** излишков…»[1054]

Между прочим, Цюрупа ответил так: «Заложников можно взять тогда, когда есть реальная сила. А есть ли она? Сомнительно». И Ленин тут же откликнулся новой запиской: «Сила? Как раз теперь в прифронтовой полосе **сила будет**».

Пенза… Саратов… Казань… Казалось бы – «глухо» внутренние регионы России… Откуда же – «прифронтовая полоса»? Да всё оттуда же – благодаря «защищаемым» янки «от немцев» белочехам, которые якобы так уж «рвались», так уж «рвались» домой, к великопоповицкому пиву, что не доехали до Тихого океана, а застряли в России…

И «тирану» Ленину приходится 1 августа 1918 года писать в Казань в Реввоенсовет Восточного фронта П. А. Кобозеву, К. Х. Данишевскому, К. А. Мехоношину и Ф. Ф. Раскольникову: «Сейчас **вся** судьба революции стоит на *одной* карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань – Урал – Самара…»

Так кому, спрашивается, была нужна Гражданская война?

Близость чехов ободряла внутренних врагов Советской власти. 12 августа 1918 года Ленин опять адресуется в Пензу Евгении Бош:

«…Крайне удивлён отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, что Вы проявили промедление или слабость при подавлении и образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков.

Предсовнаркома *Ленин*»[1055]

Председателю Пензенского губернского комитета партии А. Е. Минкину 12 августа тоже уходит от Ленина телеграмма:

«Получил Вашу телеграмму о подавлении бунта кулаков. Надо ковать железо, пока горячо, и для этого использовать подавление кулаков для повсеместного беспощадного подавления спекулянтов хлебом, для конфискации у крупных богатеев хлеба и для массовой мобилизации бедноты, наделяемой хлебом…

Предсовнаркома *Ленин*»

Левые эсеры всё еще пользовались влиянием, и чаще всего они оказывались «руководящей и направляющей» силой кулацких восстаний. Они всё еще рассчитывали руками крестьян свалить Ленина… Скажем, в августе 1918 года на V уездном съезде Советов Задонского уезда Воронежской области по предложению левых эсеров съезд отверг приветственную телеграмму Ленину и принял приветственную телеграмму лидеру левых эсеров Марии Спиридоновой.

Председатель Задонского уездного исполкома М. Ф. Болдырев обратился к Ленину, и тот 17 августа телеграфно предложил Болдыреву действовать «самым решительным образом против кулаков и снюхавшейся с ними левоэсеровской сволочи», обратившись с воззваниями к бедноте… Рекомендации Ленина были приняты, но даже после этого на Воронежский IV

губернский съезд Советов были избраны делегатами 6 большевиков и 4 левых эсера…

В октябре 1917 года Ленин предупреждал: «Промедление смерти подобно». Теперь смертельно опасными оказывались колебания – пожалеешь врага, погубишь дело народа – пусть и не всегда понимающего пока, что дело Советской власти – его дело.

В ночь с 18 на 19 августа 1918 года в уездном городе Чембаре опять начался левоэсеровский мятеж, и Ленин опять требует от Пензенского губисполкома «серьёзных мер беспощадного подавления кулаков»… Вообще-то надо понимать, что масштабы бунтов в Пензенской губернии были хотя и географически распространёнными, охватывая пять волостей, по численности восставших не впечатляли – роты латышских стрелков вполне хватало для восстановления если не спокойствия, то порядка.

Да, это было подавление выступлений не помещиков и капиталистов, а выступлений, как ни крути, крестьян – в волнениях-то участвовали не одни лишь кулаки. Но потому и разваливались эти восстания быстро, что массовые участники бунтов были движимы не ясными целями, а кулацким обманом и эсеровской демагогией…

И при всей энергичности телеграмм с требованием репрессий, Ленин отнюдь не требовал – как его в том обвиняют – направо и налево «расстрелять и повесить». Собственно, само верхушечное происхождение крестьянских волнений требовало максимально суровых решений только в качестве ***крайней*** меры… И, фактически, мы знаем лишь одну предельно суровую телеграмму Ленина – Ливенскому исполкому Орловской губернии от 20 августа 1918 года:

«Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо, пока горячо, и, не упуская ни минуты, организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и всё имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надёжных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей, и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба…

Предсовнаркома Ленин»[1056]

Но здесь Ленин требует казнить не заложников, а зачинщиков, то есть – прямых, явных преступников. С другой стороны, в те же августовские дни Ленин в телеграммах члену коллегии Наркомзема В. Н. Харлову, командированному в Саратовскую губернию в качестве уполномоченного СНК по реализации урожая в Саратовской губернии, рекомендует «наградить крупной премией волости, давшие полную очистку и ссыпку всех без изъятия излишков хлеба»…

О премиях (через букву «и» и через букву «і») мы сейчас и поговорим…

При жизни Ленину приходилось иметь дело с предательством «своих» не раз, и не два. Впрочем, предают всегда свои, ибо предатель – это тот, кому доверяют как товарищу, другу, соратнику, единомышленнику, и кто переходит на сторону врага из чисто меркантильных, ***шкурных*** соображений…

Еще больше образовалось предателей дела Ленина после смерти Ленина, но подлинное «цунами» предательства породил 1991 год, когда руками самих официальных столпов советского общества это общество было обрушено.

Оказался в числе ренегатов и некто А. Г. Латышев (р. 1934 г.) – в своё время член Научного совета Центрального музея В. И. Ленина, а после 1991 года – автор «постперестроечных» клеветнических и лживых книг о Ленине. В предисловии к своей книге «Рассекреченный Ленин» (имеется в виду издание 1996 года в московском издательстве «Март») он лжёт даже по мелочам, например, относительно того, что будучи в начале 50-х годов членом комитета комсомола Днепропетровского металлургического института им. И. В. Сталина «ни разу не брал в те годы в руки газету». Такого, конечно, быть не могло, потому что такого не могло быть никогда!

Затем этого «комсомолистского» «аполитичного» «уникума», пару-тройку лет проработавшего в НИИ и якобы с головой ушедшего в науку, в «хрущёвском» 1960 году «вдруг» (выражение Латышева) избирают сразу вторым секретарём Днепропетровского горкома комсомола… В итоге – с 33 лет учёба в Высшей Партийной школе при ЦК КПСС, бурные разоблачения «сталинизма», а затем – кафедра в той же ВПШ…

Так бы и прожил Латышев свою мелкую, но сытую жизнишку «идеологическим бойцом ЦК», но густо запахло «ветрами перестройки», и Латышев в очередной раз верно повернул нос по ветру… В итоге: «разоблачения» Сталина, Берии и «рассекречивание» Ленина – естественно, выявляющее чуть ли не людоедское лицо «вождя пролетариата»…

В своё время, взяв в руки книгу Латышева, где на страницах 32 и 46 приведено два (всего-то!) факсимиле якобы ленинских «рассекреченных» текстов, я потратил на их анализ много вечеров – сравнивая подлинные ленинские факсимильные тексты из Полного собрания сочинений с двумя латышевскими…

Даже не будучи графологом, можно найти много явных следов подделки в латышевских якобы «факсимильных» текстах, однако подробный их анализ выходит за рамки возможностей моей книги, поэтому ограничусь минимумом.

На странице 44-й Латышев цитирует опубликованное в томе 51-м Полного собрания сочинений письмо Ленина Троцкому от 22 октября 1919 года (ПСС, т. 51, с.68): «…Покончить с Юденичем (именно покончить – добить) нам дьявольски важно. Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих и добиться настоящего массового напора на Юденича?…»

По уверению Латышева, полный текст выглядит так: «Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих **плюс тысяч 10 буржуев, поставить сзади их пулеметы, расстрелять несколько сот** и добиться настоящего массового напора на Юденича?»…

В подтверждение того, что Ленин именно так и написал, на странице 46-й приводится якобы факсимильное воспроизведение «криминального» текста.

Да, Ленин порой писал очень размашисто, хотя и при этом достаточно разборчиво, но латышевский «Ленин» уж совсем Троцкого не уважает – настолько неряшлив и небрежен «ленинский» почерк.

С другой стороны, если мы откроем тот же 51-й том ПСС на странице 1, то увидим факсимильное воспроизведение рукописи телеграммы Ленина Реввоенсовету Восточного фронта от 1 июля 1919 года. Чёткий почерк, не имеющий с «латышевским» ничего общего, при этом окончания слов «мобилизова***ть***» и «включи***ть***» написаны у Ленина абсолютно иначе, чем окончания слов «мобилизова***ть***», «покончи***ть***», «постави***ть***» у Латышева, не говоря уже о совершенно разном написании в двух текстах слова «рабочих»…

Очевидна и глупость латышевской «людоедской» вставки с чисто военной точки зрения. В подлинном письме Ленина после слов «…добиться настоящего массового напора на Юденича?» идёт следующее: «Если есть 5-10 тысяч хороших наступающих войск (а они у Вас есть), то, наверное, такой город, как Питер, может дать за ними, к ним в подмогу тысяч 30…» Здесь всё связно и вытекает одно из другого…

Не более умна и другая фальшивка, просто переписанная из зарубежных публикаций «архива Троцкого», – её якобы «факсимиле» не более тщательное, чем и «факсимиле» со с. 46, приведено на с. 32. Ленин якобы в середине августа 1920 года выражает зампреду РВС РСФСР Эфраиму Склянскому полное одобрение некого плана устроить на территории Эстонии военную провокацию. Ленин якобы писал: «Под видом „зеленых“ (потом на них и свалим) пройдем на 10–20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 р. за повешенного»…

Даже в конце 1919 года Ленин слово «премия», как и слово «копия», писал порой по старой орфографии – через «і», а в записке к Склянскому стоит «и», но это – к слову. В 1920 году Ленин практически полностью перешёл на новую орфографию, и вполне мог в соответствующих случаях писать так, как это приведено у Латышева. Другое дело – полная нелогичность текста…

Пойдём под видом «зелёных», а премию (или «премію»?) будем выдавать как красные – чтобы неизбежно поставить себя под угрозу оглушительного всеевропейского разоблачения… И ради чего? Ради десятка-другого кулаков и попов, да ещё и на чужой территории? А также – ради пары-другой помещиков, которых в Эстонии, вообще-то и не было?

Впрочем, Латышев всё списывает на «периодическую невменяемость» Ленина…

Ну-ну…

В горбачёвские времена наиболее громкой фальшивкой – впоследствии не раз разоблачённой многообразно, стал «катынский пакет ЦК КПСС»… Изготовлена фальшивка была не самым тщательным образом – возможно изготовители так и рассчитывали, закладывая в неё «мины», взрывающие провокацию… Антиленинские фальшивки изготовлены ещё более топорно, да ведь и почерк, тем более такой самобытный, как ленинский, подделать не так-то просто…

Не просто подделать и подлинную ленинскую политику, а она в отношении Эстонии видна из, например, газетного отчёта «Правды» от 18 января 1920 года о речи Ленина на беспартийной конференции Пресненского района Москвы.

Отвечая на вопрос об Эстонии, Ленин говорил, что «мы сделали много уступок, главной из которых является уступка спорной территории, заселённой смешанным – русским и эстонским – населением. Но мы не хотим проливать крови рабочих и красноармейцев ради куска земли, тем более что уступка эта делается не навеки. Эстония переживает период керенщины, рабочие начинают узнавать подлость своих учредиловских вождей, …они скоро свергнут эту власть и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир»[1057].

Относительно скорой советской Эстонии Ленин тогда ошибся – она стала фактом лишь в 1940 году. А вот советско-эстонский мирный договор стал фактом уже 2 февраля 1920 года. Он был подписан, несмотря на противодействие Антанты, в Тарту и признавал самостоятельность и независимость Эстонии.

Советское правительство передало буржуазной Эстонии соответствующую часть золотого запаса царской России – 15 миллионов рублей золотом, а также принадлежащее русской казне движимое и недвижимое имущество на территории Эстонии. Кроме того Эстония получала право на лесную концессию на территории РСФСР площадью в 1 миллион десятин. Всё это лишний раз доказывает подложный характер «записки» «Ленина» Склянскому.

На подобном же уровне, подбирая все сплетни эсерки Марии Спиридоновой, Латышев «анализирует» и подлинные «пензенские» телеграммы Ленина. Латышев толкует их вкривь и вкось и комментирует самым облыжным образом.

Тем не менее, факт предельно жёстких «хлебных» требований Ленина остаётся фактом?

Да!

Однако можно ли верно оценить факт, вырывая его из контекста эпохи?.. Скажем, тот же Латышев ссылается на якобы возмутительное выступление Ленина 14(27) января 1918 года на совещании президиума Петроградского совета с представителями продовольственных организаций…

Ленин тогда действительно сказал, что «пока мы не применим террора – расстрела на месте – к спекулянтам, ничего не выйдет, … с грабителями надо также поступать решительно – расстреливать на месте».

Что ж, именно так и надо было поступать! И кто-то должен был это сказать первым… А

Ленин умел брать на себя тяжёлую обязанность принимать нужные, хотя и непопулярные решения.

Затем он предложил: «Зажиточную часть населения надо на 3 дня посадить без хлеба, так как они имеют запасы и других продуктов, и могут по высоким ценам достать у спекулянтов»[1058].

Да, Ленин именно это и предложил. Но в каких условиях это было предложено? (Между прочим, предложено, вообще-то, верно). А вот в каких… Выступая на совещании работник Петроградской городской продовольственной управы М. К. Владимиров (Шейнфинкель), сообщил, что рабочие и солдаты гарнизона получают хлебный паёк в размере четверти фунта (сто граммов) в день, и что паёк надо оставить старый.

Ленин и взорвался:

– Все эти сведения показывают чудовищную бездеятельность питерских рабочих. Петроградские рабочие и солдаты должны понять, что им никто не поможет, кроме них самих. Факты злоупотребления очевидны, спекуляция чудовищна, но что сделали солдаты и рабочие в массах, чтобы бороться с нею?[1059]

Не забудем, что люди тогда ещё лишь учились ощущать себя хозяевами страны, а точнее – они ими себя ещё ***не ощущали***. И Ленин, что называется, ***макал*** сограждан в ситуацию, как нерешительных котят макают мордочкой в молоко – лакайте, глупые! Можно и нужно!

Решительность Ленина сделала своё дело: положение стало выправляться, и по постановлению СНК с 19 января (1 февраля) 1918 года ***для всего населения*** столицы хлебный паёк был увеличен до полуфунта в день. Хотя именно богатые тогда не очень-то голодали – у них действительно были запасы.

Надо знать и ещё одну деталь эпохи – простые люди в царской России привыкли не только к периодическому голоду, но и к периодической ***массовой смертности*** от голода. И Ленин – кроме прочего – переламывал подобную устоявшуюся пассивность своими решительными требованиями от масс активности. Весной 1918 года, видя, что продовольственная ситуация остаётся катастрофической ***при наличии в стране запасов хлеба***, он приходил постепенно к выводу, что «держать у себя излишки хлеба, когда народ не только терпит недостаток в хлебе, но мучительно голодает, есть величайшее преступление, заслуживающее самой беспощадной кары».

И разве Ленин был не прав?

Чего заслуживает тот, кто придерживает хлеб в закромах в расчёте продать его повыгоднее, в то время как рядом ***умирают с голоду*** его соотечественники? В царской России, в королевской Франции, в Британии Его (или Её) королевского величества это считалось нормальным: хлеб – «священная частная собственность» его владельца, и он вправе распоряжаться им так, как считает нужным он сам и только сам.

А человеческая жизнь разве не священна?

И что на весах высшей справедливости должно перевешивать?

Против прав «священной» частной собственности имущего меньшинства, не останавливающегося в готовности защищать свои собственнические права перед готовностью равнодушно наблюдать умирающих от голода, Ленин и восставал.

И был в том стократ прав!

Вот преамбула Декрета ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 года о чрезвычайных полномочиях Народного комиссара по продовольствию (жирный курсив мой. – *С.К.*):

«Гибельный процесс развала продовольственного дела страны, как тяжкое наследие четырёхлетней войны, продолжает всё более расширяться и обостряться. В то время, как потребляющие губернии голодают, в производящих губерниях в настоящий момент имеются по-

прежнему ***большие запасы даже не обмолоченного ещё хлеба урожаев 1916*** и 1917 годов. Хлеб этот находится в руках деревенских кулаков и богатеев, в руках деревенской буржуазии. Сытая и обеспеченная, скопившая огромные суммы денег, вырученных за годы войны, деревенская буржуазия… не вывозит хлеба к ссыпным пунктам в расчёте принудить государство к новому и новому повышению хлебных цен и продаёт в то же время хлеб у себя на месте по баснословным ценам хлебным спекулянтам-мешочникам.

Этому упорству жадных деревенских кулаков-богатеев должен быть положен конец. Продовольственная практика предшествующих (царских. – *С.К.*) лет показала, что … отказ от хлебной монополии, облегчив возможность пиршества для кучки наших капиталистов, сделал бы хлеб совершенно недоступным для многомиллионной массы трудящихся…

На насилия владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над владельцами хлеба.

Ни один пуд хлеба не должен оставаться на руках держателей, за исключением количества, необходимого для обсеменения их полей и на продовольствие их семей до нового урожая…»[1060]

Итак, «держатели хлеба», то есть – кулаки, не обмолотили даже часть урожая ***1916*** года, и при таких ***богатейших*** хлебных ресурсах Россия стояла на грани массового вымирания от голода.

Понятно теперь, почему в «хлебных» телеграммах Ленина появились в 1918 году предельно грозные слова? И вот почему он в начале июня 1918 года интересовался у Василия Панюшкина – сколько хлеба ссыпано? Речь – не об урожае 1918 года, а о припрятанном кулаками урожае прошлых лет!

Жадная жестокость своекорыстного кулачья по отношению к соотечественникам в тяжкую пору и программировала вынужденную жестокость Ленина по отношению к кулачью.

К тому же…

К тому же…

Вот цитата из интервью агентству Ассошиэйтед Пресс:

«Наша фундаментальная задача – защита страны от разрушения и анархии. Моё правительство спасёт Россию, и если мотивы разума, чести и совести окажутся недостаточными, оно добьётся единства железом к кровью».

Кому принадлежат это слова – Председателю Совнаркома РСФСР Ульянову – Ленину?

Да вот то-то и оно, что это сказал министр-председатель Временного правительства Керенский, чьё интервью 25 июля (12-го по старому русскому стилю) опубликовала газета «Нью-Йорк Таймс»[1061].

А ведь Керенский выражал интересы ***меньшинства*** населения. И при этом публично признавал, что задачу защиты России от разрушения и анархии не решить без жёстких и жестоких мер.

Другое дело, что ничего у Керенского, или там – Корнилова, Колчака, Деникина, Коновалова, Врангеля, Савинкова и т. д. не вышло бы! Россия масс пошла «в разнос» уже с Февраля 1917 года и не потерпела бы, чтобы меньшинство в лице помещиков, заводчиков, купцов, чиновников силой вогнало её в подчинение себе… Собственно, масса этого и не потерпела – гражданскую войну выиграли не «белые», а «красные». Ленин действовал в интересах большинства, и то далеко не сразу убедил массы, что им нужна именно Россия, развивающаяся по идеям Ленина. Что уж говорить о Керенском и Коновалове с Савинковым и Врангелем!?

Но факт готовности Керенского к репрессиям – налицо, он зафиксирован прессой «самой» якобы «свободной» страны мира.

У «социалистических» оппонентов Ленина – у эсеров Чернова, Гоца, Спиридоновой,

Камкова, у меньшевиков Мартова, Либера, Дана, шансы на созидательный разворот событий в России были не бульшими, чем у имущих, то есть – нулевыми. При этом и они не были чужды жестокости – бесцельной, бездарной, слепой жестокости.

Ленин оказывался в ту эпоху безальтернативной фигурой! Альтернативой ему были не Керенский, не Коновалов, не Спиридонова или Мартов, а разрушение, анархия и подчинение раздробленной России мировой фондовой Бирже. Так спрашивается: имел ли Ленин историческое и моральное право предпринимать в интересах ***большинства*** те жёсткие меры, которыми грозил Керенский в интересах меньшинства?

Ответ-то – однозначен, во всяком случае – для честного и уважающего свой народ и свою страну человека.

И ситуацию удалось переломить. Если с ноября 1917 года по август 1918 года советские продовольственные органы заготовили 28 миллионов пудов хлеба (по некоторым данным – даже более того), то с августа 1918 по апрель 1919 года было заготовлено 102 миллиона пудов[1062].

Данные, говорящие сами за себя.

Пожалуй, здесь надо хотя бы пару слов сказать и о проблеме так называемого «мешочничества», то есть – самостоятельных децентрализованных рыночных закупок хлеба населением у крестьян. В книге «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» экономист Николай Кондратьев приводит следующие цифры: за 1918/19 сельскохозяйственный год изъято хлеба Компродом 77,8 миллионов пудов, а мешочниками – 78,2 миллиона пудов; доставлено хлеба Компродом 64,4 миллионов пудов, а мешочниками – 82,3 миллиона пудов.

«Отсюда ясно, – делал вывод Кондратьев, – что оборот хлебов на вольном нелегальном рынке превосходит оборот хлебов через органы Наркомпрода…»[1063]

Так-то так, но без централизованных заготовок проблема снабжения городов решена не была бы. Централизованно заготовленный хлеб распределялся равномерно, а «мешочный» – по принципу: «кому – густо, кому – пусто». Это ведь тоже надо понимать…

Фактор мешочничества в позднейшей советской историографии не столько изучался, сколько замалчивался. В результате сегодня ренегаты от истории злорадно утверждают, что «несмотря на мобилизацию огромных ресурсов, продовольственная диктатура терпела поражение»[1064].

Это, конечно, 100 %-но правдивая ложь…

Во-первых, по мере укрепления Советской власти ведущая роль переходила к государственным заготовителям. Сам Кондратьев свидетельствует: «Лишь в 1919 году наметился новый перелом в сторону усиления организационной мощи государственного продовольственного аппарата…»[1065]

Во-вторых, успех мешочников – как сообщает нам один из таких ренегатов – доктор наук А. Ю. Давыдов из «петербургского» «педагогического» «университета» им. А. И. Герцена, был обеспечен тем, что достаточно скоро неорганизованное мелкое мешочничество получило мощное организационное начало в виде оказавшихся не у дел российских купцов, коммерческих посредников и т. д.

Нелегальный бизнес на голоде стал крайне доходным, в него были вовлечены, так или иначе, сотни тысяч, если не миллионы людей, включая советских работников, железнодорожников, коррумпированных участников заготовительных органов и т. д. Но руководили всем не случайные люди, а наиболее деятельная (точнее – наиболее наглая и бесстыжая) часть «бывших» «деловых людей»…

Эти профессиональные гешефтмахеры первый опыт крупных, на солидную основу

поставленных, с широким использованием взяточничества, спекуляций хлебом начали приобретать ещё с конца 1916 года, когда хлебную продразвёрстку ввело царское правительство. Борьбу с ними пришлось разворачивать летом 1917 года и Временному правительству: были установлены заградительные кордоны и приняты другие меры[1066].

Советскому же правительству пришлось вести эту борьбу в ещё более жёсткой форме, «доходящей до расстрелов и арестов»[1067].

Причём, в который уже раз приходится повторять, что подобные меры были вынужденными. И вынуждали к этому Ленина враги России и её народов. Капиталистическая, частнособственническая жажда прибыли любой ценой отвратительна сама по себе, но когда речь о прибыли на голодных смертях, эта жажда становится окончательно преступной.

В моральном плане с последним утверждением не может не согласиться даже буржуазный либерал. Но либералы лишь сетовали, а Ленин квалифицировал гешефты на смерти людей не только как нравственное, но и как уголовное преступление. И расстреливал за это…

Но он что – получал удовольствие от этого? Он что – для этого брал власть в России?

С самого начала 1918 года – первого, по сути, года Советской власти, Ленин был намерен заниматься не репрессиями, не войной, не мировой революцией, а хозяйственным строительством в России. О проектах обводнения Голодной степи и прочем подобном уже было сказано… Вот ещё пример на ту же тему… 11 мая 1918 года Ленин подписывает три Постановления СНК: 1) об ассигновании 11 миллионов рублей отделу топлива Западно-Сибирского совнархоза на заготовку топлива, шпал и крепёжного леса; 2) об ассигновании Чрезвычайной комиссии по разгрузке Владивостока 5 миллионов рублей «на расходы по разгрузке Владивостока» и о пересылке 10 миллионов рублей Хабаровскому отделению Народного банка Республики на закупку золота; 3) об ассигновании 20 миллионов рублей Центросибири на хозяйственные предприятия Восточной Сибири…

Вот что планировал в мае 1918 года для Сибири и Дальнего Востока ленинский Совет Народных Комиссаров.

А Верховный совет Антанты и его генералы Жанен и Нокс, русские «белые» генералы, российские кадеты и эсеры из Учредительного собрания запланировали в Сибири и на Дальнем Востоке на конец мая 1918 года бело-чешский мятеж.

Это (и только это!) сорвало все мирные планы новой России Ленина. Так кто заслуживает проклятий и исторического осуждения, а кто – понимания и восхищения потомков?

С 4 по 10 июля 1918 года в Москве проходил V съезд Советов. Он совпал со скоротечным и безуспешным мятежом левых эсеров, который был организован так бестолково, что лишний раз доказал организационную бледную немочь тех, кто претендовал заменить Ленина и его «команду» на высших государственных постах. Однако самым существенным в эти дни стало иное – 10 июля съезд принял Конституцию (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Были утверждены Государственный герб и флаг.

Герб состоял из изображений на красном фоне в лучах восходящего солнца золотых серпа и молота, «помещённых крест-накрест рукоятками книзу», и «окружённых венцом из колосьев», с надписями – вокруг: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика», и внизу на красном полотнище: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Торговый, морской и военный флаг представлял собой полотнище красного (алого) цвета, в левом углу которого – у древка, наверху, помещались золотые буквы «РСФСР» или надпись «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика».

Вне сомнений, это была самая человечная (если не сказать больше – единственная тогда человечная!) конституция в мире.

В 70-е годы группа американских студентов предприняла показательный эксперимент –

отпечатала в виде листовки основные положения конституции США без заголовка и стала её раздавать на улицах. Вскоре студентов арестовала полиция – за распространение подрывной литературы. Вот как, как оказалось, «знала» Америка свой Основной закон…

Что же касается первой советской Конституции, то в Постановлении V съезда о её принятии было сказано:

«V съезд поручает Народному комиссариату просвещения ввести во всех без изъятия школах и учебных заведениях Российской Республики изучение основных положений настоящей Конституции, а равно и их разъяснение»[1068].

Впервые в мировой истории государство проявило заботу об ознакомлении своих граждан с тем законом, по которому это государство должно жить. И впервые в мировой истории ни один честный гражданин не имел оснований своего Основного закона стыдиться.

Увы, пока что жить по этому закону России приходилось в условиях развивающейся гражданской войны, да и далеко не вся Россия по нему жила: часть страны была отторгнута, часть – оккупирована интервентами, часть – занята «белыми»…

Мирное будущее надо было завоевать.

В условиях наступления белых 16 июля 1918 года в Екатеринбурге были расстреляны Николай II (1868–1918) и члены его семьи: императрица Александра Фёдоровна (1872–1918?), цесаревич наследник Алексей (1904–1918), великие княжны Ольга (1895–1918?), Татьяна (1897–1918?), Мария (1899–1918?) и Анастасия (1904–1918?)… Причину знаков вопроса, проставленных рядом с датой смерти романовских женщин, поясню ниже…

Эта история обросла за десятилетия самыми невероятными вымыслами и домыслами – не всегда, надо сказать, для большевиков полностью негативными. Так, в отдающем немалой «желтизной» издании «Загадки истории» (№ 18, 2013 г.) была опубликована статья «Царскую семью расстреляли по ошибке?», где причиной расстрела объявляется просто «пьяная выходка» комиссара Петра Ермакова… Скажем прямо: не очень-то благовидная версия, но хотя бы басня о якобы расстреле «по приказу Ленина» не обсасывается…

Самое же существенное во всей этой истории – вопрос: «Был ли мальчик?»

А точнее – «девочки»?

Описывая екатеринбургскую казнь, антиленинцы обычно ссылаются на эмигрантские свидетельства Троцкого, но им – грош цена в базарный день. Имеются и более любопытные сведения, о чём сказать не мешает…

Самого царя, как и наследника престола, вне сомнений, расстреляли в июле 1918 года, поскольку опомнившимся монархистам, подступающим к Екатеринбургу, давать такое знамя в руки было нельзя. А вот в расстреле женской части семьи особой политической необходимости не было.

И не факт, что она была расстреляна.

Порассуждаем…

Ленин в политике менее всего поддавался сантиментам уже потому, что сентиментальный политик – всегда плохой политик. С другой стороны, Ленин менее всего был в политике циником, что мало кто сегодня понимает. Наши предельно политиканские времена породили устойчивое заблуждение, что хороший политик – непременно циник, и что цинизм для сильного политика – чуть ли не неотъемлемое качество. Однако это и так, и не так…

Политика, как значащий элемент жизни общества нескольких последних столетий мировой истории, дала нам ряд таких сильных личностей, которые достойны называться политиками, хотя все они стояли на стороне имущего меньшинства. Даже в XIX веке можно было быть политиком для меньшинства, и что-то представлять из себя в личностном отношении.

Но после появления в мировом политическом процессе социалистических – без кавычек, политиков, оставаться политиком, то есть, человеком, ***идейно*** убеждённым в своей правоте, можно стало лишь в том случае, если ты как политик стоишь на стороне трудящегося большинства.

А поскольку, как верно заметил Максим Горький, должность честных вождей народа нечеловечески трудна, служить интересам народа может лишь идейный человек с высоким комплексом моральных убеждений. И это автоматически исключает цинизм из перечня профессиональных качеств такого политика.

Те же политики, которые даже после социальных открытий Маркса и Энгельса остались на стороне имущего меньшинства, неизбежно выродились в политиканов, обслуживающих интересы кучки! Поэтому в России после Октября 1917 года можно было оставаться политиком, лишь будучи на стороне Ленина. Все остальные были политиканами.

Ни Ленин, ни Сталин не считали, как Макиавелли, что цель оправдывает средства – на этот счёт заблуждаются относительно них, увы, многие. И для Ленина, и для Сталина допустимы были только такие средства, которые не марали цель. Ведь сила и Ленина, и Сталина была в том, что они были с массами правдивы, в отличие от буржуазных политиканов, сила которых зиждется на обмане масс.

Политик большинства сознаёт, что он не может опускаться до лжи, ибо маленькая ложь народу рождает большое недоверие народа – если народ эту ложь разоблачает, конечно. Понимая это, Ленин и Сталин понимали и то, что их политика не должна быть циничной, ибо они на ней будут лишь «терять очки».

Но Ленин, а потом и Сталин резонно понимали, что полководец не имеет права вести войну, испытывая чувство жалости к ***кому бы то ни было***… Великодушие, милосердие, снисхождение – насколько это возможно, – да! Но жалость всегда приводит к лишней крови и лишним жертвам. Это как у хирурга – если его рука начнёт дрожать от жалости к оперируемому, которому больно, то хирург – охваченный, казалось бы, человечным чувством, может больного просто зарезать, а уж излишне изрезать – наверняка!

Ленин всё это понимал ещё с молодых лет, а два десятилетия борьбы укрепили его в таком понимании, тем более, что после Октября 1917 года ему были навязаны сразу две войны…

Внешняя война против немцев и интервентов имела для Ленина характер как классовой войны, так и войны национально-освободительной, отечественной… Внутреннюю войну развязали бывшие имущие, и она обоюдно имела характер только классовый, социальный.

Хотя…

Хотя и гражданская война была, по сути, со стороны Ленина национальной – в том смысле, что Ленин и здесь отстаивал интересы трудящегося большинства нации! Кроме того, по ту от Ленина сторону баррикады находились силы, которые, в случае их победы, неизбежно отдали бы Россию под власть Запада. Так что, борясь против них, Ленин и в этом смысле выступал как защитник национальных интересов.

Но и внешняя, и гражданская война были войнами, а на войне – как на войне! На войне жалость не может быть определяющим фактором.

Зато целесообразность может быть им вполне…

Ленин явно не был намерен казнить Николая, и уж, во всяком случае, не собирался казнить его бессудно. Это следует уже из того, что незадолго до событий Ленин в интервью одной из европейских газет говорил о предстоящем процессе над царём. И точно известно, что такой процесс готовился, и политически большевикам был бы только выгоден, да ещё и как! Причём, чем менее ожесточённым было бы сопротивление «бывших», тем более высокими были шансы на то, что всё для Романовых кончилось бы высылкой…

Однако судили бы, конечно же, только императора и, возможно, ещё императрицу. Остальные романовские женщины были бы для целей процесса излишни.

Но в любом случае они, включая императрицу, политически для Советской власти были не очень-то опасны. И в годы гражданской войны ходили глухие слухи, что вдову Николая – в девичестве принцессу Гессенскую, видели вместе с дочерями в оккупированном немцами Киеве.

Выстраивается интересная версия о договорённости между Москвой и Берлином о передаче романовских женщин немцам при соблюдении строжайшей секретности. И дело было не в сантиментах – сбагрить их с рук Москве было бы выгодно и разумно… Секретность же была необходима в той ситуации всем, и вышло так, что она по сей день выгодна всем. А то, что германская миссия, возглавляемая графом Мирбахом, пыталась навязать советским властям торг вокруг бывшего царя, не вымысел, а факт[1069]!

Как, к слову, фактом является и то, что дневник царя, который он вёл даже в июне 1918 года почти подённо, заканчивается почему-то записью от 30 июня – за целых две недели до расстрела…

Чем были заполнены эти две недели?

Царя и наследника, вне сомнений, расстреляли – отдать кайзеру романовских мужчин было нельзя никак.

А женщин – почему бы и не отдать?

Не из жалости, а по политической целесообразности…

Впрочем, не рассуждая пока о политической стороне дела, обратимся к фактической.

С историей последних представителей императорской династии Романовых оказалось теснейше связанным имя выдающейся русской балерины Матильды Феликсовны Кшесинской (1872–1971). Это с балкона её дворца выступал в 1917 году Ленин.

Блестящая умница с прекрасной до конца дней памятью, Кшесинская была вначале любовницей Николая и ряда великих князей, а кончила женой великого князя Андрея Владимировича.

Всю семью Романовых, включая великих княжон, Кшесинская знала прекрасно, так же, как и, естественно, её муж… После революции Андрей Владимирович с женой благополучно уехали в Европу, как и многие другие родственники царя. А в 1921 году в Берлине появилась некая Анна Андерсон, объявившая, что она – великая княжна Анастасия.

Сенсация?

Или – скандал и авантюра?

Всё семейство Романовых дружно отказалось признать Анну за Анастасию, и в 1933 году в Берлине начался процесс по установлению личности таинственной дамы, но первое слушание состоялось лишь в 1958 году, а затем процесс длился до… 1967 года!

Решение суда во второй инстанции не так уж и интересно. Интереснее другое – с разрешения вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны Андрей Владимирович провел собственное расследование, результаты которого отказался обнародовать **до тех пор, пока не будут раскрыты архивы Кремля и… кайзеровской Германии**!

В 1928 году Андрей Владимирович и Матильда Кшесинская-Романова встретились в Париже с Анной и оба… признали в ней Анастасию.

В 1956 году великий князь скончался, а девяностопятилетняя Кшесинская в 1967 году изъявила желание увидеться с Анастасией, так как «не хотела бы умереть, не сказав ей, что она и её муж никогда не переставали верить в неё».

«Императорская фамилия» дружно вознегодовала, и по настоянию сына Владимира Матильда Феликсовна сказалась больной и от встречи отказалась.

В том же 1967 году французский режиссёр Жильбер Протэ снимал документальный фильм о процессе Анна Андерсон и приехал к Кшесинской на виллу «Молитор» со съёмочной группой.

Далее привожу – по книге воспоминаний Кшесинской, изданной в 1992 году московским издательством «Арт», следующую сцену:

«– Княгиня, – спросил Протэ, – в 1928 году в Париже вы встретились с женщиной, в то время называемой Неизвестной из Берлина.

– Да, я её видела.

– И что вы подумали?

– Что это Анастасия Николаевна.

– Нет! – закричал по-русски сын. – Нет! Замолчи! Ты должна говорить только то, что написано»…

Написано же было следующее: «Я никогда не была представлена великой княжне Анастасии Николаевне и видела её только издали. Я могла сравнивать только приблизительно. Моё впечатление нельзя считать неоспоримым».

– Мы не утомили вас, мадам? – спросил Кшесинскую Жильбер Протэ, когда съёмка закончилась. Диктофон он оставил включённым.

– Вовсе нет, все были так любезны…

– Вы были великолепны, мадам. Я знаю, что вы принимаете это дело близко к сердцу. Анастасия, мисс Андерсон…

– Я и сейчас уверена, – произнесла Матильда Феликсовна, – что это она. Когда она взглянула на меня, её глаза… это глаза императора. Я действительно так думаю, это не пустые слова…[1070]

После смерти Кшесинской и её сына бумаги Андрея Владимировича были увезены его племянником, великим князем Владимиром Кирилловичем, «местоблюстителем российского престола». Их судьба неизвестна.

Вот такой вот сюжет…

Была ли Анна Анастасией? Множество исследований отвечает – нет. В то же время сюжет с Андреем Владимировичем и Кшесинской стройность ответа несколько портит… Ведь великому князю не было никакой нужды поддерживать авантюру Анны Андерсон – если это была Анна Андерсон.

Но если ***все*** романовские женщины были увезены в Москву раньше расстрела главы семьи, то почему позднее объявилась только одна Анастасия – если это была Анастасия? Ну, неразбериха гражданской войны есть неразбериха. Ускользнув от екатеринбургских пуль, можно было умереть от простейшего тифа, попасть под шальную пулю…

Так или иначе, несмотря на то, что Троцкий уверял в своих мемуарах, что расстрел Романовых санкционировал Ленин, можно наверняка утверждать, что ничего подобного Ленин не делал. В любом случае расстрел – всей ли семьи, мужской ли её части, был местной инициативой…

В дневнике Николая II есть показательная запись от 31 мая 1918 года:

«*Пришёл Авдеев* (комендант. – *С.К.*) *и долго разговаривал с Евг. Серг. (Боткиным). По его словам, он и областной совет опасается выступлений анархистов и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъезд, вероятно – в Москву! Он просил подготовиться к отбытию. Немедленно начали укладываться, но тихо, чтобы не привлекать внимания чинов караула, по особой просьбе Авдеева*…»[1071]

Инициатива перевоза Романовых в Москву никак не могла идти «снизу», она могла идти только из Москвы.

Так почему же вышло так, как вышло?

Ответ на этот вопрос очевиден – в расстреле Романовых надо винить не Ленина и Свердлова – они вели дело к открытому судебному процессу над Николаем. Фактически, Романовых подвёл под пули Верховный свет Антанты, подготовивший и начавший мятеж белочехов… Именно выступление чехов вызвало остальные «белые» мятежи, а продвижение контрреволюционных войск к Екатеринбургу и перерыв сообщения со столицей сделали расстрельный финал дома Романовых – в том или ином формате – неизбежным.

30 августа 1918 года в рабочем расписании Ленина значились два публичных выступления на тему: «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии).

Как и этот день, каждый день Председателя Совнаркома был давно загружен и перегружен донельзя. Конечно, тогда так работало большинство, но вот, например, 26 августа на заседании Совнаркома Ленин вносит предложение удовлетворить просьбу чрезвычайного комиссара Мурманско-Беломорского края С. П. Нацаренуса о предоставлении ему двухнедельного отпуска.

И просьбу удовлетворяют.

Внести же подобное предложение относительно Ленина было некому.

Впрочем, и просьб подобных от него не поступало… И он месяцами работал без передыха, не расслабляясь даже урывками. С начала весны 1918 года, с момента переезда из Петрограда в Москву, он всё время был в делах, на людях – как, впрочем, и в Петрограде осенью и зимой 1917–1918 года…

В Москве он не отдыхал ни дня до 6 мая 1918 года, когда съездил на денёк на дачу к профессору-медику В. А. Обуху в подмосковное село Ильинское поохотиться. Но уже 7 мая принимал в Кремле дипломатического представителя Великобритании Брюса Локкарта – будущего организатора „заговора послов“…

19 мая Ленин приезжал отдохнуть в бывшее имение доктора Н. В. Соловьёва Мальцево-Бродово – ***на два часа***!

9 июня вместе с Крупской он опять выбрался в Мальцево-Бродово, однако там не обошлось без беседы с рабочими Мальцевских заводов. А 10 июня он уже председательствует на заседании Совнаркома.

Дела – делами, а „казённое“-то „имущество“ – как он сам писал в записке Цюрупе, имея в виду здоровье последнего, беречь, всё же надо. И где-то в середине лета Ленин приезжает вместе с Крупской и Марией Ильиничной в Кунцево – поискать помещение для летнего отдыха по воскресеньям, а „попутно“ выступает на партийном собрании Кунцевской волости с докладом о текущем моменте.

Называется – „отдохнул“!

Потом опять пошло одно за другим: съезд Советов, мятеж эсеров, убийство Мирбаха, мятеж Муравьёва… Лишь 14 июля Ленин с Крупской и „Маняшей“ проводят день в Кунцево, куда приезжает и нарком иностранных дел Чичерин для обсуждения срочного ответа немцам в связи с последними событиями.

На какое-то время, а точнее – на две недели, воскресный еженедельный отдых Ленина устанавливается, и два июльских воскресенья подряд он получает возможность отдохнуть от изнуряющей круговерти, от людей… Август же оказался весь загружен – день за днём.

И вот последний летний месяц пролетел, и в пятницу 30 августа – в предпоследний день жаркого лета 1918 года, Ленин с утра выступает на митинге в Басманном районе Москвы. Пятница была так называемым „партийным днём“, когда все крупные партийные работники направлялись по путёвкам Московского горкома выступать в крупные рабочие коллективы.

Затем Ленин поехал на митинг в Замоскворецкий район – на завод бывший Михельсона (позднее – Электромеханический завод им. Владимира Ильича).

На этом старом русском заводе – машиностроительном, снарядном и чугунно-литейном, основанном ещё в 1847 году, Ленин выступал уже пять раз. Там-то, по окончании митинга, в Ильича, окружённого рабочими, и выстрелила эсеровская террористка Фанни Каплан.

Дважды раненный отравленными пулями, Ленин временно отходит от руководства Россией.

Он-таки получил свой первый на посту главы государства „отпуск“ – на целых полмесяца, от эсеров.

Первые часы после ранения, когда Ленина привезли в Кремль, описаны, в частности, Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем. Вместе с личным шофёром Ленина Гилем он вызывал врачей, видел, как профессор Минц пальпировал раны – одну в руке и другую – в шее, где засела пуля.

Рана в шею была очень опасной. Около Ленина была и жена Бонч-Бруевича, старая большевичка Вера Михайловна Бонч-Бруевич-Величкина (1868–1918), по профессии врач, в 1914 году – хирург полевого госпиталя. Выйдя к мужу из комнаты, где врачи хлопотали вокруг Ильича, она сообщила, что ранение в грудь и шею могло быть смертельным, если бы пуля, которая застряла под челюстью, задела пищевод или позвоночный столб…

Ленин в первый момент очень страдал от нервных болей, и прибежавшая на квартиру Ульяновых одной из первых Вера Михайловна поняла, что от болей может произойти остановка сердца, и что немедленно надо впрыснуть морфий. Хорошо, что шприц и морфий нашлись в её личной аптечке.

Вера Михайловна Величкина – старая большевичка, член партии с 1903 года, начинала революционную работу ещё в 1895 году в Москве – в кружке, организованном её братом В. М. Величкиным. В кружок входили и вторая сестра К. М. Величкина, а также В. Д. Бонч-Бруевич. Кого-то венчали попы, а Веру Величкину и Владимира Бон-Бруевича повенчала до конца жизни борьба…

Бонч-Бруевичи были старыми знакомыми Ульяновых ещё по первой женевской эмиграции, это были свои люди, и вот теперь их Ильич боролся со смертью…

У дверей квартиры вырос часовой с ружьём, толпились наркомы… Кто-то вёл по коридору Крупскую. Она только что возвратилась из 2-го МГУ с совещания по народному образованию, ничего не зная, и теперь, сразу постарев, обвисала на поддерживающей её руке… „Обхватив голову руками, упёршись лбом в оконное стекло, в позе безысходного отчаяния, – как вспоминал позднее комендант Кремля Павел Мальков, – застыл Анатолий Васильевич Луначарский“. Ни с кем не здороваясь, ни на кого не глядя, стремительно прошёл необычно суровый Свердлов… Металась Мария Ильинична…

Когда раненого Ленина привезли в Кремль и хотели внести его наверх на руках, он отказался и поднялся на третий этаж сам. Но потом его состояние сразу ухудшилось. Было задето лёгкое, шла кровь, врачи опасались, что прострелен пищевод и запретили давать Ленину жидкость.

А его мучила жажда…

Когда врачи, всё сделав, уехали, оставив вызванную из городской больницы сиделку, Ленин попросил ту выйти и позвать Крупскую.

– Вот что, принеси-ка мне стакан чаю, – попросил он.

– Ты знаешь ведь, доктора запретили тебе пить…

Хитрость не удалась, и Ленин, закрыв глаза, сказал:

– Ну, иди…

Крупская вышла, да так и осталась под дверью. В кабинете Ленина на стульях примостились Свердлов и другие.

Сталин, – как отметила в воспоминаниях Крупская, – в это время был на фронте.

Тогда смерть от Ленина отступила… А вот вытягивавшая его из беды Вера Михайловна Величкина-Бонч-Бруевич ровно через месяц скончалась в два дня от скоротечной „испанки“. В те годы спровоцированная невзгодами и антисанитарией Первой мировой войны „испанка“ – опасный вид гриппа, унесла в только в Европе жизни миллионов людей. Не обошла она стороной и Россию.

Ленин постепенно выздоравливал, а Величкина ушла.

Бывает в жизни и так…

За неделю до кончины – 23 сентября 1918 года, Величкина делала доклад на заседании Совнаркома, где председательствовал выздоравливающий Ленин. Заслушивали представленный Верой Михайловной, как председателем школьно-санитарного совета Наркомпроса и членом коллегии Наркомздрава, проект декрета о всеобщем школьном питании детей – всех, без „классового подхода“, на котором настаивали некоторые „ортодоксы“ (а, возможно, и скрытые провокаторы)…

При поддержке Ленина декрет был принят, и Вера Михайловна радовалась, что теперь детишки будут получать в школах горячие завтраки.

В тот же вечер к Величкиной – как к врачу, обратилась с температурой за 40^0 работница Кремля – прачка. Она была уже без сил, и домой её повела Вера Михайловна, а вскоре заболела сама, как оказалось – смертельно. Тяжело переболели также дочь Бруевичей Лёля и её няня…

Ленин и Крупская в это время были уже за городом – Ильичу требовался отдых, и 1 октября 1918 года Бонч-Бруевичу пришло от Ленина письмо с припиской Крупской:

„Дорогой Владимир Дмитриевич! Только сегодня утром мне передали ужасную весть. Я не могу поехать в Москву, но хотя бы в письме хочется пожать Вам крепко, крепко руку, чтобы выразить любовь мою и всех нас к Вере Михайловне и поддержать Вас хоть немного, поскольку это может сделать человек, в Вашем ужасном горе. Заботьтесь хорошенько о здоровье дочки. Ещё раз крепко, крепко жму руку.

Ваш *В. Ленин*“

Дорогие Владимир Дмитриевич и Леленька, не знаю, что и сказать. Берегите друг друга. Крепко, крепко жму руку. Как-то ужасно трудно верится.

Ваша *Н. К. Ульянова*»[1072]

Ну, что тут сказать…

Ранение Ленина и убийство в тот же день в Петрограде председателя ПетроЧК Урицкого положило начало красному террору, как ответной мере. И инициатива его исходила действительно от масс. Например, 1 сентября 1918 года общее собрание кронштадтского линейного крейсера «Гангут» приняло резолюцию:

«*Враги рабоче-крестьянского правительство открыто выступили со своими гнусными белыми террористическими актами против вождей рабочих и крестьян. Они начинают выхватывать своими кровью человеческой омытыми руками самых лучших, самых стойких и энергичный борцов и вождей рабочего класса. Этим самым они делают нас самыми свирепыми и беспощадными к истреблению земных гадов, и мы им заявляем: „Вы – предатели и продажны ваши души, вы убиваете личности рабочих вождей, мы же ответим на ваш гнусный белый террор самым беспощадным и организованным истреблением целого класса этих всех тунеядцев и врагов рабочего класса“. Мы заявляем, что это не пустые слова. Мы заявляем нашим высшим органам: „Довольно терпения, довольно добродушия и няньчения с ними!“ Мы с этой минуты, когда враги наши сделали покушения на наших лучших вождей, требуем от нашей центральной власти беспощадного террора ко всем нашим врагам. Наши сердца сделались каменными, и никакая милость и добродушие не помогут проникнуть в них при виде*

моря крови этих палачей рабочего класса.

Да здравствует красный организованный террор!

Да здравствует Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика!

Да здравствует пожар социальной революции!

Председатель Новиков

Секретарь Виноградов»[1073]

Аналогичную резолюцию приняла команда линкора «Петропавловск». Организованной «сверху» кампанией это не было, что доказывается, кроме прочего, тем, что на линкорах «Полтава», «Республика», «Андрей Первозванный» и «Севастополь» принятие таких резолюций не отмечено. Конечно, это не значит, что эти линкоры были настроены по-соглашательски – Балтфлот уже прочно стоял на стороне Ленина.

Подписавшие резолюцию от имени команды линкора «Гангут» председатель судового комитета Василий Васильевич Новиков – машинист, и секретарь судового комитета матрос Иван Васильевич Виноградов были простыми русскими людьми. Однако, как видим, их репрессивный словарь оказывался даже более решительным и беспощадным, чем «расстрельные» телеграммы Ленина.

Кровь порождала кровь, как и ужасы революции были порождены теми ужасами, которые к ней привели. И не нашему худосочному, хотя и всё более кровавому – ***бесполезно*** кровавому, времени судить то время великой борьбы.

Узнав о покушении на Ленина, Максим Горький и его жена Мария Андреева послали ему телеграмму.

Ленин и Горький были знакомы и дружили давно, летом 1910 года Ленин приезжал к Горькому на Капри и гостил недели две, если не больше. Но последний раз они виделись весной 1911 года в Париже. Потом с 1911 до 1914 года часто переписывались, однако позиция, занятая Горьким после начала мировой войны, всё более отдаляла их друг от друга…

После Февраля 1917 общего языка они тоже не нашли, а Октябрь 1917 года развёл их ещё больше, последовали горьковские «Несвоевременные мысли» – серия статей, критиковавших Ленина и большевиков и вот уж точно несвоевременных. Но после покушения на Ленина Горький в беседе с Анатолием Васильевичем Луначарским заявил, что террор против вождей Советской республики «окончательно побуждает его вступить на путь тесного с ними сотрудничества».

Покушение на Ленина ускорило и развал партии эсеров. Назавтра, 31 августа 1918 года, Московское бюро партии эсеров опубликовало в газетах сообщение, что партия к нему не причастна. Однако это ничего не меняло по существу – политика эсеров сама становилась покушением на Советскую власть, и это понимало всё большее число людей.

Ленин оправлялся быстро – его здоровье всё ещё оставалось железным, хотя процесс подлома уже пошёл. 16 сентября 1918 года Владимир Ильич – впервые после ранения, участвовал в заседании ЦК РКП(б), а 18 сентября он сделал приписку к официальному бюллетеню о его здоровье: «*На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочувствия покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами*».

Между прочим, накануне годовщины Октябрьской революции – 6 ноября 1918 года, Ленин выступал с речами об Октябре на первом заседании VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, на торжественном заседании Всероссийского центрального и Московского советов профессиональных союзов, на вечере московского Пролеткульта и… на митинге рабочих завода бывший Михельсона.

Факт, в психологическом отношении, любопытный и яркий!

С 24 сентября до 12 октября 1918 года Ленину пришлось, всё же, впервые уехать для окончательной поправки здоровья в Горки, которым в будущем суждено будет стать последним прибежищем Ильича… Выбор Горок – бывшего имения московского градоначальника Рейнбота, был обусловлен, не в последнюю очередь, наличием телефонной связи с Москвой и электричества.

В сентябре 1918 года Ленин встретился в Кремле с Горьким – после семилетнего перерыва. Ильич ещё плохо владел рукой, едва двигал простреленной шеей, но когда Горький возмутился «пошлейшей и гнусной попыткой убить Ленина», тот заметил неохотно:

– Драка! Что делать? Каждый действует, как умеет…

Но уже через несколько минут Ленин азартно говорил:

– Кто не с нами, тот против нас. Люди, независимые от истории – фантазия… Все, до последнего человека, втянуты в круговорот действительности, запутанной так, как она ещё никогда не запутывалась. Вы говорите, что я слишком упрощаю жизнь? Что это упрощение грозит гибелью культуре?…

Ленин иронично, остро посмотрел на Горького, и пониженным голосом продолжил:

– Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках – не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка справилась бы с их анархизмом?..

Зашёл разговор об интеллигенции:

– Скажите интеллигенции, пусть она идёт к нам… Мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру правду о жизни, мы указываем путь народам к человеческой жизни…

Ленин рассмеялся и беззлобно прибавил:

– За это мне от интеллигенции и попала пуля…[1074]

Однако от кого Ленину досталась пуля, откуда тянулись нити заговора против него – сказать и сегодня сложно… Тут впору исходить из давней рекомендации древних: «Ищи, кому выгодно!»

А смерть Ленина в 1918 году была выгодна ровно тем же самым силам, которым была выгодна смерть Сталина в 1953 году, то есть – силам, враждебным России…

Если же размышлять конкретнее, то вырисовывается очередной любопытный сюжет – документально не подтверждаемый, но кто же в таких делах оставляет документальные следы?!

Формально в Ленина стреляла правая эсерка Каплан, а Урицкого убил эсер Каннегиссер. Красный же террор был начат против всех контрреволюционных сил, и сегодня антиленинцы злорадно обвиняют большевиков в том, что они избивали-де невинных, включая кадетов, репрессировали просто «бывших», а также «белых» офицеров, к террористическим актам против Ленина и Урицкого якобы не причастных…

А вот это – как сказать…

К осени 1918 года не только правые эсеры, но и почти все левые эсеры – за редкими исключениями, окончательно перешли на сторону прямой контрреволюции. И неудивительно, что на 5-й съезд моряков Балтийского флота, который проходил с 22 по 30 июля 1918 года, левые эсеры избраны не были. Съезд единогласно осудил контрреволюционную деятельность левых эсеров и счёл возможным оставлять на руководящих должностях во флоте только тех левых эсеров, которые открыто осудят действия ЦК своей партии[1075].

Поэтому эсеровские заговоры могли включать в себя элементы белогвардейские, кадетские, а белогвардейские и кадетские заговоры могли выходить на эсеров, и т. д. Цели-то у всех них были теперь общие – антисоветские, антибольшевистские, антиленинские… В том же покушении Каплан так и осталось много неясного, начиная с вопроса – только ли Каплан стреляла в Ленина?

С другой стороны, и «левые», например, «коммунисты» оказывались не очень-то

коммунистами. 15(28) февраля и 1 марта 1918 года в №№ 37 и 38 «Правды» Ленин опубликовал статью «Странное и чудовищное», и писал он о вещах, не только с точки зрения большевика чудовищных, но и действительно ***странных***…

Ленин возмущался и удивлялся по поводу позиции, занятой Московским областным бюро РСДРП(б). 24 февраля 1918 года бюро единогласно приняло следующую резолюцию (жирный курсив мой):

«Обсудив деятельность ЦК, Московское областное бюро РСДРП выражает своё ***недоверие*** ЦК, ввиду его политической линии ***и состава***, и будет при первой возможности настаивать на его ***перевыборах***. Сверх того, Московское областное бюро не считает себя обязанным подчиняться во что бы то ни стало тем постановлениям ЦК, которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Венгрией»[1076].

Инициатором всего этого антипартийного и антиленинского балагана был прежде всего Бухарин. Причём к резолюции был приложен «объяснительный текст», где заявлялось, что «Московское областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время», а при этом «ставит своей задачей служить объединению всех последовательных революционно-коммунистических элементов, …борющихся против всех умеренных оппортунистических элементов партии».

Бухаринцы (включая Ломова, Пятакова, Бубнова) заявляли, что «в интересах международной революции» они считают целесообразным «идти на возможность утраты Советской власти» и видят свою основную задачу в «распространении идей социалистической революции на все иные страны»…

Итак, Бухарин, фактически, выражал Ленину – лично Ленину и прежде всего Ленину, недоверие!

Ни много, и ни мало!

И вот что получается…

Представим себе, что партия (или часть партии) пошла бы за Бухариным в рамках «объединения всех последовательных революционно-коммунистических элементов» и отстранила от руководства «умеренные оппортунистические элементы партии»…

Что это означало бы?

Это означало бы – ни больше, ни меньше, отстранение от руководства партией ряда виднейших большевиков, в частности – Сталина и Свердлова, но прежде всего – всё того же Ленина! И это пытались проделать «гвардейцы» «ленинской гвардии»…

В своей статье Ленин писал: «Мои „крайние“ противники, москвичи, … открыто договорились до раскола… Странно. Чрезвычайно странно…»[1077]

Действительно – странно…

Хотя…

Когда мы дойдём до последнего года жизни Ленина, мы найдём в нём ещё больше «странностей», причем странностей, вообще-то, чудовищных. Но уже в 1918 году среди определённой части руководства партии стали обнаруживаться тенденции, фактически, антиленинские… И к этому моменту не мешает присмотреться внимательнее.

Глава 37. Через «странности» и заговоры – к победе в войне

В деятельности партии – бывшей РСДРП(б), а теперь РКП(б), с 1918 года наступил совершенно новый этап. Ещё недавно её лидирующая группа, называемая многими «сектой», представляла собой небольшой слой политических и социальных изгоев-эмигрантов, а также ничем не выдающихся в рамках царизма маргиналов внутри России.

Но даже тогда в этом слое было, вообще-то, два крыла – чисто ленинское, и *вроде бы* ленинское… Уже в дооктябрьском, руководящем ядре партии имелись и, так сказать, «космополитические», чисто интернационалистские элементы, и элементы более национальные – «разночинские», так сказать…

Ленин умел объединить оба крыла и как гениальный политик, и как сильная, уникально волевая личность. Но всегда в партийной «упряжке», где Ленин был «коренником», кто-то норовил свернуть то «вправо», то – «влево».

И вот эта чуть ли не секта – имею в виду не всю партию численностью даже до Февраля 1917 года в два-три десятка тысяч членов, а руководство партии из трёх-четырёх десятков человек, возглавляет Россию, то есть – одну из крупнейших мировых держав. Не просто обретает в России то или иное значительное влияние, а ***возглавляет*** её, определяет её внешний и внутренний курс, её устройство, её жизнь и историческую судьбу…

Ещё недавно Ленин многих из тех, кто возглавил Россию после Октября 1917 года, тащил к власти буквально за шиворот. А они упирались – как Каменев и Зиновьев, как Рыков, Пятаков и т. д.

И вот они у власти.

И тут кое-кто начинает мнить себя самодостаточным, способным обойтись и «без Ильича»…

И дело не в том, что это была линия, обречённая на провал уже потому, что её не поддержала бы ни партийная, ни народная масса.

И не в том дело, что серьёзного «бунта» на «корабле» не допустил бы сам Ленин – его моральное, волевое и интеллектуальное превосходство над «р-р-революционерами» было настолько велико, что он всегда был способен, говоря образно, набить морду – аргументами, конечно, а не кулаками – любому своему оппоненту.

Что он, к слову, с московскими «бунтарями» и проделал, скоренько разбив своим анализом их позиции в пух и прах. И тот же Бухарин весной 1918 года быстро поджал хвост и вновь «примкнул» к Ленину.

Но дело и суть заключались в другом – насколько тот же Бухарин был в своём раскаянии искренен? Он ведь не спьяну «выражал недоверие» Ленину! И если он был готов жертвовать – политически – Лениным, в феврале 1918 года, то к осени 1918 года, когда ситуация была хотя и сложной, но более для большевиков обнадёживающей, физическая смерть Ленина вряд ли так уж потрясла бы Бухарина… Психологически он – и только ли он, был готов «рулить» Россией и сам.

И существенным было не то, что ни Бухарин, ни даже Троцкий, без Ленина «руль» не удержали бы… Существенным было то, что сами они так не думали. Иными словами, в правящей партии проявились силы, которые считали, что они «и сами с усами», что они могут обойтись уже и без ленинского руководства, которое кое-кого уже тяготило и стесняло.

Кого-то стесняло «слева», а кого-то – и «справа»… Ленин брал чёткий курс на социализм, а

кого-то из большевиков устроил бы и компромисс с буржуазией – лишь бы остаться у власти. Особенно этим отличался Каменев, но – не он один…

Странно, конечно, что такие мысли могли у кого-то из лидеров большевиков появляться.

Но они появлялись!

И это ***странное*** могло кого-то толкать на путь уже к ***чудовищному***…

Собственно, как показало будущее, часть руководства Российской Коммунистической партии (большевиков), выросшей во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков), позднее – после Ленина, к чудовищному и пришла. Тот же Троцкий боролся не против Сталина, он боролся против советского строя, против социализма.

Как, впрочем, и Бухарин, и не он один.

Поэтому исключать причастность не только правых эсеров (и левых эсеров), не только белогвардейцев и кадетов, но и «левых коммунистов» к покушению на Ленина в 1918 году, пожалуй, нельзя.

В своём месте мы к этому ещё вернёмся.

Возникала и ещё одна «странность», известная, кроме прочего, из воспоминаний матроса-балтийца Павла Малькова (1887–1965) – коменданта Смольного, а потом – Кремля.

После отъезда в Англию профессионального дипломата – английского посла Бьюкенена, дипломатическим представителем Англии в России стал профессиональный разведчик Брюс Локкарт.

И это было, конечно же, не случайно.

Так вот, в своих «Записках коменданта Кремля» Мальков сообщает, что когда Советское правительство в марте 1918 года переезжало из Петрограда в Москву, Троцкий распорядился предоставить Локкарту и его ближайшим сотрудникам два купе в поезде Наркоминдела, и Локкарт оказался соседом Малькова. Несколько раз по приглашению Троцкого Локкарт «бегал к нему в вагон», и они подолгу что-то обсуждали. Но и Малькова Локкарт не оставлял своим вниманием, пытаясь завязать с ним какие-то отношения.

Для Троцкого смерть Ленина к осени 1918 года оказалась бы просто политическим подарком. По тому руководящему раскладу и влиянию, который к осени сложился, Троцкий имел реальные шансы стать «преемником». И хотя это был бы вариант для Советской власти проигрышный – спасти ситуацию в случае смерти Ленина смог бы разве что «тандем» «Свердлов ↔ Сталин» – такой вариант мог быть реализован. Во всяком случае, Троцкий мог на него рассчитывать, а его амбиции и самомнение вполне могли уверить его в том, что он – кандидатура на руководство Россией более подходящая, чем Ленин.

Не хочу сказать, что в силу этого Троцкий был причастен к покушению на Ленина, но вполне могу утверждать, что успех это покушения Троцкого не опечалил бы… И уж только выгодна была смерть Ленина для Антанты, так что её прямую причастность к выстрелу Каплан можно предполагать с очень высокой степенью уверенности!

Брюс Локкарт работал в Москве консулом с 1912 года по февраль 1917 года, хорошо знал Россию и русский язык – как и второй крупный сотрудник английской разведки – уроженец Одессы Сидней Рейли. Работал в России и английский разведчик Хилл. Он входил в окружение Троцкого, чем впоследствии хвалился в своих мемуарах.

Это ведь всё было одно к одному…

В августе 1918 года Локкарт организовал заговор с целью свержения Ленина с помощью латышских стрелков, в чём ему активно «поспособствовали» люди Дзержинского, контролировавшие этот заговор. Но Локкарт-то об этом не знал, а в его заговоре участвовали и «белые» офицеры.

Со стороны Англии заговором руководил также морской атташе Кроми, а от Франции –

посол Нуланс, генеральный консул Гренар, глава военной миссии генерал Лавернь, капитан разведки Вертимон… От США – посол Френсис и резидент разведывательной сети Каламатиано…

После покушения на Ленина игру ВЧК было решено «свернуть», и в ночь с 31 августа на 1 сентября Локкарт был арестован – как раз Мальковым.

Ещё одно показательное «совпадение»: накануне покушения на Ленина – с 24 по 26 августа в Москве была раскрыта крупная чисто белогвардейская организация и арестовано свыше ста заговорщиков…[1078]

Все эти заговоры так или иначе координировали английская, американская и французская миссии, а с ними были связаны не только «белые» офицеры, кадеты, но и эсеры, в том числе – профессиональный боевик Савинков…

Так что в политической антиленинской «колоде» «карта» Локкарта-Рейли хорошо подтасовывалась в один расклад с эсеровской «картой», с «офицерской» картой и прочими картами антисоветской и антиленинской масти.

Поэтому Каплан-то в Ленина стреляла, но кто её на это подвигнул, вряд ли мы когда-то узнаем. Подобные тайны – что горячее дыхание на морозе: становятся видимыми лишь на мгновение, а затем навсегда бесследно истаивают.

И, скорее всего, Каплан оказалась системной предшественницей Ли Харви Освальда, «единолично» «застрелившего» президента Кеннеди…

Много, много вопросов без точных ответов можно задать себе в связи с покушением на Ленина.

Зато документально вполне ясно, кто, например, в ночь с 19 на 20 сентября 1918 года расстрелял в красноводской пустыне 26 бакинских комиссаров во главе с крупнейшим соратником Ленина Степаном Шаумяном. Здесь прямо сработала камарилья из эсеров, меньшевиков и английских интервентов.

На Юге России и Украины деникинская камарилья густо составилась из «белых» генералов, кадетов, французских, греческих и прочих интервентов, поддержанных долларами и фунтами стерлингов, преобразованными в амуницию, боеприпасы, аэропланы, орудия, танки…

И эта камарилья тоже изначально была кровавой.

Вот лишь один из элементов деникинщины… 1 января 1919 года казаки генерала Шкуро захватили станицу Червленную. В Червленской школе, превращённой в госпиталь, находилось около 1 000 красноармейцев, больных тифом. Почти все они были расстреляны[1079].

И подобная же камарилья, питаемая Америкой, Францией, Англией и Японией, почти два года длила трагедию поражённой колчаковщиной Сибири….

В Сибири изначально не было помещичьего землевладения, поэтому сибирский мужик, не очень-то поддерживал вначале Советскую власть, а политика продразвёрстки и товарный голод привели немалую часть сибирского крестьянства под знамёна Колчака. Но продолжалось это недолго. Колчаковский режим стремительно и наглядно обнаружил свою антинародную суть – желающим убедиться в этом рекомендую почитать если не материалы суда над бывшими колчаковскими министрами, то, хотя бы, дневник крупного деятеля колчаковщины барона Будберга.

А вот данные из обращения уполномоченного по иностранным делам ЦИК и ревкомов Сибири В. Сибирякова ко всем правительствам и Советам в связи с белым террором в Сибири…

К лету 1919 года колчаковцами было убито и расстреляно свыше 40 000 человек. Были зверски убиты председатель Центрального исполнительного комитета Советов в Сибири (Центросибири) Николай Яковлев (1886–1918); член Центросибири, нарком Советского управления Сибири, студент из крестьян Фёдор Лыткин (1897–1918), член Центросибири,

нарком финансов Сибири Аркадий Иванов, член Центросибири, председатель Енисейского губернского совнархоза Валентин Яковлев (1892–1918) и сотни других деятелей рабоче-крестьянской революции в Сибири…

Тысячи пленных красноармейцев умерщвлялись без пищи и воды в «эшелонах смерти», курсировавших по Великой Сибирской магистрали – что зафиксировала и американская миссия Красного Креста.

80 000 человек, включая семьи с детьми, было заключено в тюрьмах и концентрационных лагерях…

Особо уполномоченный Колчака, Генерального штаба генерал-лейтенант Розанов, до мятежа белочехов служивший в Красной армии, а затем перебежавший к «белым», 10 апреля 1919 года издал приказ, по которому все большевики, заключённые в тюрьмах, объявлялись заложниками, и «за каждое революционное выступление, вспышку, каждый акт политической борьбы» надлежало расстреливать от трёх до двадцати человек из числа заложников.

В сотнях антиколчаковских крестьянских восстаний были расстреляны десятки тысяч крестьян, сожжены сотни деревень…[1080]

И сибирский мужик «задним умом», то есть – поротой задницей, понял: нет уж, Советская власть хоть и не манная каша, но это – своё!

По подобной схеме развивались события на всех фронтах гражданской войны и во всех регионах: триумфы «красных», которые с началом «белых» мятежей сменяются поражениями или непрочными победами… Затем – успехи «белых», а в итоге – полный крах антиленинских сил от Балтики до Тихого океана, от Чёрного и Каспийского морей до Белого моря…

И все годы этого волнообразного процесса с «приливами» и «отливами» высший контроль над ситуацией и над мерами по обеспечению прочных побед находился в руках Ленина.

Именно Ленина, а не Троцкого – даже в чисто военной сфере.

Устойчивый миф о Троцком, как о создателе Красной Армии и руководителе гражданской войны вполне опровергается документами. Характерна в этом отношении телеграмма Ленина, направленная в Ставку Верховного Главнокомандующего 12 февраля 1918 года, которая начиналась со слов:

«Передайте всем комиссарам армии и Бонч-Бруевичу (генералу. – *С.К.*) о задержании всех телеграмм за подписью Троцкого и Крыленко о расформировании армии…»[1081]

Как видим, право последнего слова с самого начала оставлял за собой Ленин, и это право никто не оспаривал.

А 22 апреля 1918 года Ленин пишет записку в Народный комиссариат по военным делам:

«22 апреля в 11 часов ночи Совнарком постановил: предложить Военному комиссариату принять незамедлительно все зависящие от него меры для обороны восточной границы Харьковской губернии, особенно же станции Чертково, занять которую стремятся немцы и гайдамаки для перерыва железнодорожного сообщения с Ростовом.

О деталях переговорить со Сталиным.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В Ульянов(Ленин)»[1082]

Со Сталиным…

Причём именно Сталин всю гражданскую войну играл в партии и в Красной армии роль «кризисного менеджера» – прежде всего на всех важнейших фронтах Европейской части России…

Можно привести и такой вот документ – полностью…

К августу 1918 года белочехи и вызванные ими к жизни русские «белые» войска занимали обширные территории Поволжья и Сибири и вели наступательные операции. В это время Ленин

отправляет в Высший военный совет – тогда высший оперативный орган управления Вооружёнными Силами Республики, записку:

«10 августа 1918 года

В[есьма] секретно

В собственные руки М. Д. Бонч-Бруевичу

(председателю ВВС. – *С.К.*)

Считаю необходимым всячески усилить Восточный фронт. Предлагаю Высшему военному совету разработать план снятия с Западного фронта наибольшего числа частей. План этот надлежит провести в кратчайший срок. Должны пойти все боеспособные части. Железные дороги получат предписание немедленно пропустить уже идущие части на фронт и будут всемерно готовиться к принятию и перевозке новых.

Предлагаю Высшему военному совету следить за правильностью и быстротой выполнения нарядов железными дорогами. О промедлениях председателю Высшего военного совета докладывать мне.

Ответственность за скорейшее исполнение плана возлагаю на Высший военный совет.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)»[1083]

Текст записки написан рукой секретаря Реввоенсовета Эфраима Склянского и лишь подписан Лениным, но сам стиль записки чисто ленинский, так что, скорее всего, записка написана по докладу Склянского и записана им под диктовку Ленина. И из этой записки – а подобных записок можно привести много – видно, что Ленин постоянно не только отслеживал все оперативные вопросы, но и принимал ответственные оперативные решения.

Даже оперативные!

О стратегических решениях тем более можно не говорить – всю стратегию гражданской войны определял и вырабатывал, в конечном счёте, Ленин и только Ленин. Конечно, это был коллективный процесс – как оно было и в Великую Отечественную войну, но кто рискнёт утверждать, что ***главным*** стратегом той войны был не Сталин?!

Главным же стратегом гражданской войны был Ленин. Собственно, Троцкий, мотаясь наскоками по фронтам с его знаменитым «поездом товарища Троцкого», не мог руководить войной чисто технически – с учётом коммуникаций того времени. К тому же, Троцкий просто не был способен на длительные скрупулёзные усилия. А война в XX веке носила уже не эффектный гусарский мундир, а рабочую фуфайку защитного цвета и окончательно превратилась в очень специфическую, очень тяжёлую, грязную и кровавую, но – работу. И Ленин – как позднее Сталин в Отечественную войну, руководил всеми сторонами этой утомительной работы, как фронтовыми, так и тыловыми.

И это – кроме чисто политической стороны дела.

Вот пример политической работы Ленина, где всё сплетается в одно: 19 августа 1918 года Ленин беседует с французской коммунисткой Жанной Мари Лябурб (1877–1919) о создании организации французских и английских коммунистов и её задачах на территории Советской России. В тот же день он пишет наркому иностранных дел Чичерину: «*Тов. Чичерин! Подательница, la camarade Jeanne Labourbe, о которой я с Вами говорил. Примите, пожалуйста, её поговорите подробно. Ваш Ленин*»[1084]

А чем могли помочь французы русским на территории России, как не работой по разложению интервенционистских войск?

С середины февраля 1919 года Лябурб начинает работать в одесском большевистском подполье. Она быстро завоевала симпатии и авторитет у французских военных моряков, но 1

марта 1919 года была арестована французской контрразведкой и после жестоких пыток в ночь на 2 марта расстреляна. Однако на знамени начавшегося в апреле восстания французской черноморской эскадры алела кровь и Жанны Лябурб.

Выступая 2 декабря 1919 года на VIII Всероссийской конференции РКП(б) Ленин говорил:

– Имя товарища Жанны Лябурб, которую французы расстреляли в Одессе за большевистскую агитацию, стало лозунгом для французской социалистической рабочей печати не только коммунистического крыла: даже такая газета, как «Юманите», которая, в сущности говоря, по своим основным принципам стоит ближе всего к точке зрения наших меньшевиков и эсеров, даже эта газета имя Лябурб сделала лозунгом борьбы против французского империализма, за невмешательство в дела России…[1085]

Судьба Лябурб оказывалась лишь чистой каплей в том бурном море политической работы в интересах победы в гражданской войне, которую Ленин вёл не только через Совнарком, но и – не забудем – через Центральный Комитет партии… И на последней стезе Троцкий был Ленину уж вовсе не ровня!

Зато первым помощником и первой опорой Ленина как в партии, так и на фронтах, всё больше становился Сталин. Особенно – после неожиданной смерти Свердлова.

Свердлов, возвращаясь весной 1919 года в Москву из Харькова с 3-го съезда КП(б) Украины и 3-го Всеукраинского съезда Советов, простудился, выступая по дороге на митингах на железнодорожных станциях, и 16 марта 1919 года умер.

В речи 18 марта на экстренном траурном заседании ВЦИК Ленин оценил Свердлова так:

– История давно уже показывала, что великие революции в ходе своей борьбы выдвигают великих людей и развёртывают такие таланты, которые раньше казались невозможными… Никто не поверил бы, что из школы нелегального кружка и подпольной работы, из школы маленькой гонимой партии и Туруханской тюрьмы мог выйти такой организатор, который завоевал себе непререкаемый авторитет, организатор всей Советской власти в России… Та работа, которую он делал один в области организации, – эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал товарищ Свердлов, вы выдвинете целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек…[1086]

Что же до Сталина в гражданской войне, то Сталин в ней был для Ленина в каком-то отношении тем же, чем были для самого Сталина представители Ставки Верховного Главнокомандования Жуков и Василевский, с той лишь разницей, что Сталин в гражданскую войну был намного бульшим, чем его маршалы в Великую Отечественную….

Центральный Комитет (то есть – Ленин) направлял Сталина во все, по сути, главные «горячие» места, и, повторяю, Сталин был во время гражданской войны воистину «кризисным менеджером» Ленина.

Вот телеграмма Ленина Сталину от 2 июня 1919 года:

«Петроград

Смольный

Зиновьеву для Сталина

Шифровку получил…

Информируйте возможно чаще шифром и оказиями. Пришлите с надёжным человеком карту фронта.

Посольства и иностранцев надо выселить всех. Хорош ли оказался только что прибывший полк?

Ленин»[1087]

На следующий день в Питер уходит ещё одна телеграмма:

«Петроград

Смольный

Зиновьеву для Сталина

Окулов (член РВС Республики. – *С.К.*) указывает на оторванность 7 армии от Реввоенсовета Западного фронта, что вносит путаницу и снимает ответственность с работников фронта… Петроградский военный округ, подчинённый Запфронту, все свои запасы даёт 7 армии, не предоставляя их фронту… Позерн (комиссар Петроградского ВО. – *С.К.*) сидит всё время в Питере, имеет слабую связь с Советом фронта, создаёт параллельные органы снабжения…

Зная постоянную склонность Питера к самостийности, думаю, что Вы должны помочь Реввоенсовету фронта объединить все армии…

Надо, чтобы конфликт с Окуловым не разросся. Обдумайте хорошенько, ибо просто отозвать его нельзя…», и т. д.[1088]

Ленин пишет Сталину в Питер при живом «диктаторе Севера» Зиновьеве! С одной стороны, из этого следует, что Зиновьев умел больше щёки надувать, и Ленин всё лучше это видит… С другой стороны, вряд ли тот факт, что Ленин то и дело адресуется прямо к Сталину, очень Зиновьева радовал и сближал его со Сталиным – в чём, впрочем, Сталин не очень-то и нуждался.

В конце июня 1919 года Сталин всё ещё остаётся в Питере, и Ленин в очередной раз информирует его:

«Петроград, Смольный

Сталину

Взят Екатеринослав. Положение с патронами на юге отчаянное. В связи с этим, получив три миллиона (не рублей, а патронов. – *С.К.*) и запасы видлицкие (речь о складах, захваченных советскими войсками 27 июня 1919 года в селении Видлица – главной базе белофиннов на Олонецком участке Петроградского фронта. – *С.К.*), Вы должны экономить патроны изо всех сил, а также и другие военные припасы.

Ленин»[1089]

Ряд «сталинских» телеграмм Ленина приведён и для того, чтобы дополнительно осветить роль Сталина и суть его отношений с Лениным, и для того, чтобы лишний раз показать степень вовлечения Ленина в чисто военные проблемы гражданской войны.

Ниже приведу и ещё один документ – записку Ленина в ЦК РКП(б) от 17 июня 1919 года, но вначале – некоторые пояснения…

К тому моменту наметился ряд принципиальных расхождений Ленина и Троцкого как по важнейшим фронтам (Троцкий считал важнейшим Петроградский, а Ленин – Восточный, что было верным), так и по фигуре Главкома – Троцкий поддерживал действующего Главкома Вацетиса, а Ленин настаивал на его замене С. С. Каменевым, что вскоре и было сделано.

На утреннем заседании ЦК 3 июля 1919 года, где присутствовали Ленин, Томский, Л. Б. Каменев, Калинин, Серебряков, Смилга, Дзержинский, Сталин, Белобородов, Троцкий, Крестинский, Стучка, Бухарин, Евдокимов, Зиновьев, Муранов, Стасова, Данишевский, Розенгольц и Гусев, было принято решение «назначить Главкомом Командвоста (командующего Восточным фронтом. – *С.К.*) С. С. Каменева», а Вацетису «дать почётное военное назначение с приличным окладом»[1090].

Но ещё до этого вопросы высшего командования и прочее подобное были рассмотрены на заседании ЦК 15 июня 1919 года, где были предрешены замены от 3 июля. Тогда же вместо генерала Ф. В. Костяева (1878–1925) на пост начальника Полевого штаба РВСР был назначен

генерал М. Д. Бонч-Бруевич.

Троцкий взбеленился и направил в ЦК заявление, где утверждал, что решение ЦК «заключает в себе причуды, озорство» и т. д.

Ленин ответил запиской:

«Т. Троцкий ошибается: ни причуды, ни озорства, ни каприза, ни растерянности, ни отчаяния, ни „элемента“ сих приятных (Троцким с ужасной иронией бичуемых) качеств здесь нет. А есть то, что Троцкий обошёл: большинство ЦК пришло к убеждению, что ставка „вертеп“, что в ставке *неладно*, и *в поисках серьёзного улучшения*, в поисках средств *коренного изменения* сделало определённый шаг. Вот и всё.

Ленин»[1091]

Редко когда небольшой по объёму текст даёт так много пищи для больших раздумий и выводов.

Советской власти исполнилось уже почти два года, и хотя момент был в очередной раз критическим – начиналось наступление Деникина, уныния у Ленина и большинства большевиков не было. Уже образовался работоспособный руководящий коллектив и в ЦК, и в Совнаркоме, и во ВЦИК… Выработался какой-никакой, но обеспечивающий работу стиль…

Многое и многие уже становились на свои места.

Троцкий – с одной стороны, по-прежнему претендовал как минимум на второе место в руководстве, но, с другой стороны, всё больше выявлялись не только деловая необоснованность таких его претензий, но и деловая первоклассность тех, кто просто тянул руководящую лямку там, где его поставили ЦК и Ленин.

Причём дела шли у таких «солдат ЦК» намного лучше, чем у Троцкого и его креатур.

Наиболее ярким примером действительно человека дела и настоящего государственного лидера в сложившейся «команде» Ленина был при этом, конечно, Сталин. Однако он был здесь далеко не единственным примером. Дзержинский, Орджоникидзе, Молотов, Цюрупа – каждый на свой лад, заявляли о себе наиболее убедительным и весомым образом – своими делами, своими качествами государственных и партийных деятелей…

Зато перманентная фанаберия, неизбывное барство Троцкого, гораздого лишь на «ужасную иронию» всё более раздражали и тяготили Ленина. И это прорвалось в тоне его записки в ЦК от 17 июня 1919 года…

Характерно, что Ленин – до мозга костей партийный человек, щепетильный в подобных «мелочах», лишь вначале употребил по отношению к Троцкому определение т[оварищ], а далее писал о нём как о просто «Троцком», без «т.».

Кто-то может в опровержение последнего моего замечания привести множество ленинских записок, где и о других пишется без «т.» – скажем, в записке Склянскому от 8 июня 1919 года, где Ленин (в полтретьего ночи, к слову) извещает секретаря РВС о получении «телеграммы Сталина и Зиновьева»…

Но весь интонационный строй записки в ЦК от 17 июня иной, отличный, и отсутствие в ней буковки «т.» перед именем Троцкого прямо перекидывает мостик к тому месту знаменитого ленинского «Письма к съезду», где он напишет о «небольшевизме» Троцкого…

В своём месте мы это увидим.

Да, для Троцкого его положение в новом государстве было – как и во времена кружков и эмигрантских дискуссий, – позой, украшенной острой фразой. А строить новую Россию могли лишь люди, не чурающиеся нудной, черновой, неброской и не всегда заметной ежедневной организационной работы. Ведь и война – не только в России, давно стала работой, и гражданская война не стала здесь исключением.

Об одной лишь боевой работе Балтийского флота в те годы можно и нужно написать и романы, и монографии… Причём балтийцы отличились не только на Балтике – на Волгу и Каспий было переброшено около 30 судов, в том числе 4 эсминца, 7 миноносцев, 2 подводные лодки.

Так, в начале августа 1918 года по указанию Ленина через Мариинскую водную систему на Волгу вышли четыре миноносца типа «Сокол»: «Поражающий», «Прочный», «Прыткий» и «Ретивый»… Они шли со снятыми орудиями на буксире – предельно облегчёнными до осадки, допускающей проводку через каналы и шлюзы Мариинской системы, и прибыли в Нижний Новгород 24 августа. Через два дня, после установки орудий и принятия топлива и боезапаса, три миноносца вышли на фронт, а «Поражающий» остался в Сормово для капитального ремонта.

Балтийцы воевали в районе Казани, затем – в составе Волжско-Камского отряда судов, а 17 октября миноносцы увели под огнём из-под села Гальяны «баржу смерти» с 400 партийными и советскими работниками, приговорёнными белыми к смерти.

В сентябре 1918 года по той же Мариинской системе прошли в Волгу миноносцы «Деятельный», «Дельный» и «Расторопный»… 20 октября отряд миноносцев вышел в Астрахань, а к концу 1918 года на Каспии воевало уже 13 кораблей Балтийского флота…[1092]

Хватало забот балтийским морякам и в родных для них водах Балтийского моря… До самой Ноябрьской революции 1918 года в Германии сохранялась германская угроза Петрограду и Кронштадту, стоял вопрос о возможном затоплении флота, как это было сделано по указанию Ленина на Чёрном море – чтобы не отдавать корабли немцам.

С уходом с Балтики немцев, туда пришла английская эскадра с той же целью – угрожать Питеру и Балтфлоту.

Среди балтийцев были и нестойкие, анархические элементы, но многие тысячи балтийских моряков стали подлинной красой революции, её боевым резервом и резервом Ленина.

Старая армия к концу 1917 года окончательно развалилась, и на её месте ленинским декретом от 15(28) января 1918 года организовывалась Рабоче-Крестьянская Красная Армия, но её ещё надо было построить.

Старый флот тоже был формально распущен декретом СНК от 29 января(11 февраля) 1918 года, и тем же декретом провозглашалась организация «социалистического Рабоче-Крестьянского Красного Флота», но при этом именно Балтийский флот ***сразу*** сохранил себя как весьма грозную боевую единицу.

Это выразилось, между прочим, и в том, что если «армейский» декрет был составлен в достаточно общих выражениях, то «флотский» декрет был очень конкретным, вплоть до того, что включал в себя текст типового контракта «для служащих в военном флоте Российской Советской Республики», а также оклады содержания командному и рядовому составу (капитан I разряда с судоводительским званием получал 655 рублей, телеграфист и радиотелеграфист – 300 рублей в месяц)…

Итак, Балтфлот сохранился, и в феврале-марте 1918 года на германский фронт под Таллин, Псков и Нарву было направлено более 3 000 моряков в составе 9 морских отрядов и групп. Несмотря на такое постоянное фронтовое «донорство», к 1 октября 1918 года на Балтфлоте насчитывалось 1 300 коммунистов – сила!

В 1919 году Балтика продолжала помогать фронтам. Только с 9 марта по 24 мая 1919 года флот послал 1 000 человек под Воронеж; 350 человек – на Олонецкий участок фронта; 1 000 человек под станцию Озёрки; 300 человек в район Петрозаводска, 300 человек под Копорье; 1 283 человека – под Ораниенбаум[1093].

Среди команд подводных лодок Балтики – а «подплав» всегда был гвардией флота, к осени

1918 года почти половина была коммунистами, а вторая половина – сочувствующими. Россия всё более поляризовалась – всё здоровое, тянущееся к жизни, уходило к Ленину, все больное, отжившее шло против него. Позиция Балтфлота образца 1918–1919 года была здесь показательной – тот флот, который деятельно участвовал в революции, был ленинским. Ленинским был и флот времён гражданской войны. И этот факт не отменил даже контрреволюционный мятеж на кронштадтских фортах Красная Горка и Серая Лошадь, начавшийся 13 июня 1919 года.

Классические балтийские «альбатросы революции» воевали на сухопутных фронтах, и в береговых морских частях нашла отклик эсеровская пропаганда – ведь это было время продовольственной развёрстки. Однако уже 16 июня форты пали, причём выдающуюся роль в успехе операции сыграл Сталин. Его телеграфное донесение Ленину о взятии фортов дышало задором и гордостью, которые были сродни «тулонскому» задору генерала Буонапарте…

В марте 1919 года началось последнее наступление войск Колчака, но уже в апреле Красная Армия перешла в контрнаступление… К августу 1919 года успешное развитие наступления подвело режим Колчака к катастрофе, и в самом начале января 1920 года Колчак как политическая фигура рухнул. 7 января 1920 года белочехи по указанию главы союзнической миссии генерала Жанена передали Колчака эсеро-меньшевистскому Политическому центру, образовавшемуся в Иркутске.

Впрочем, эсеры популярностью более не пользовались, и 21 января Политцентр сложил с себя полномочия в пользу Иркутского военно-революционного комитета. Началось полумесячное следствие, и 7 февраля 1920 года по приговору Иркутского ВРК, где основным влиянием пользовались большевики, Колчак был расстрелян. Конец бесславный, но заслуженный.

На Юге России перелом в сторону Советской власти произошёл позднее…

В мае 1919 года Деникин начал наступление в направлении Волги.

24 июня был взят Харьков.

30 июня – Царицын…

31 августа – Киев…

12 сентября Деникин двинулся в поход на Москву.

Однако «белое» дело в России уже было обречено. Оно не могло не то что победить – этого не могло быть в принципе! «Белое» движение не смогло бы просто существовать без постоянной и многообразной поддержки извне. А эта поддержка иссякала по причинам, от руководства Антанты независящим – своё слово сказали европейские массы.

С одной стороны, европейская революция в социалистическом формате не стала фактом – возникавшие в 1919 году Бременская, Баварская, Венгерская, Словацкая советские республики оказались недолговечными и были подавлены европейской буржуазией, освободившейся от бремени взаимной войны.

Зато, с другой стороны, симпатии всего европейского рабочего класса были прочно на стороне русской революции. В июне 1919 года английские профсоюзы предъявили правительству ультиматум под лозунгом «Руки прочь от России!», и в случае неудовлетворения их требований угрожали всеобщей забастовкой. Премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж в секретном меморандуме признавал:

«Народные массы Европы, от края и до края, подвергают сомнению весь существующий порядок, всё нынешнее политическое, социальное и экономическое устройство»[1094].

И если бы не бернштейны с каутскими, не предательство купленных Капиталом европейских социал-демократических «вождей», сдерживавших революционные настроения изо всех сил, чем бы всё могло кончиться в Европе – сказать сложно.

Особенно остро развивалась ситуация в Германии, но германские корниловы оказались более решительными, чем их русские предшественники. К тому же перед глазами немецкой реакции стояла русская революция, и страх подталкивал к жестокости и готовности лить любую кровь, чтобы залить ей возникший и в Германии социальный пожар…

В январе 1919 года были расстреляны Карл Либкнехт и Роза Люксембург, в марте – Лео Тышка… Германские массы лишились наиболее революционных и близких к позиции Ленина лидеров.

Советской Германии не получилось…

Всё же, явно обозначившаяся европейская революционная ситуация 1918–1919 годов очень помогла Советской России, а Ноябрьская германская революция 1918 года превратила в мусорную бумажку «похабный» Брестский договор – как то и предрекал Ленин.

Он прочно стоял в центре всех существенных общественных процессов, которые происходили тогда в России… И его участие в этих процессах оказывалось настолько мощным, разнообразным и повседневным, что одно лишь перечисление его встреч, выступлений, распоряжений, участия в тех или иных съездах, бесед с представителями отраслей, республик, стран и прочая и прочая заняло бы в этой книге не одну страницу. Поэтому отсылаю заинтересованного читателя прямо к первоисточнику – Полному собранию сочинений Ленина, где в конце каждого тома работ даётся хронология его жизни и деятельности за тот или иной период… Отсылаю читателя и к томам телеграмм, писем, записок… Знакомство с ними проясняет для объективного исследователя многое и в той эпохе, и в Ленине, и в облике его обвинителей – как тогдашних, так и нынешних.

Показательный момент…

Сентябрь 1919 года, в разгаре наступление Деникина на Москву, Ленин изо дня в день занят в Совете Обороны вопросами фронтов и в Совнаркоме – вопросами военной экономики…

Но вот 4 сентября он обсуждает на заседании Совнаркома результаты ревизии научных библиотек и подписывает декрет о передаче книг из бывших частных библиотек (тогда это было синонимом библиотек крупнейших дворян и промышленников) в Румянцевский музей!

В этой детали, как в капле воды, видна суть нового строя!

Царизм XIX и XX веков – в лице царей и их ближайшего окружения, был не только равнодушен к вопросам научного и культурного развития России, но был прямо им враждебен даже в лучшие свои дни.

Советская власть, даже вися на волоске, мыслила категориями глубоко нравственными и человечными…

Но все ли мыслили в России так же – даже среди тех, кто обязан был стоять на стороне правды и чести?

Так, 7 сентября 1919 года Горький из Петрограда пишет Ленину о тяжёлом материальном положении учёных и передаёт письмо профессору В. Н. Тонкову, направляющемуся в Москву к Ленину для доклада по этому вопросу[1095].

С начальником Военно-медицинской академии профессором Тонковым, будущим дважды кавалером ордена Ленина, читатель позднее познакомится более подробно, а сейчас – об ответе Ленина Горькому в письме от 15 сентября 1919 года. Вообще-то было бы нелишним привести всё это письмо, но ограничусь самым сильным местом из него:

«…„Интеллектуальные силы“ народа смешивать с „силами“ буржуазных интеллигентов неправильно. За образец их возьму Короленко: я недавно прочёл его, писанную в августе 1917 г., брошюру „Война, отечество и человечество“. Короленко ведь лучший из „околокадетских“, почти меньшевик. А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистической войны, прикрытая слащавыми фразами! Жалкий мещанин, пленённый буржуазными предрассудками!

Для таких господ 10 000 000 убитых на империалистической войне – дело, заслуживающее поддержки (*делами*, при слащавых фразах против войны), а гибель сотен тысяч в *справедливой* гражданской войне против помещиков и капиталистов вызывает ахи, охи, вздохи, истерики…»[1096]

Ленин был прав и с исторической, и с политической, и с нравственной точки зрения, не так ли? Страстность же Ленина в этом письме, проявляемая им нечасто, объяснялась несколькими причинами…

И – досадой на Горького, который, как упрекал его Ленин, «тратит себя на хныканье сгнивших интеллигентов» и не пишет книг, нужных новой России…

И – горечью от того, что такие таланты как Короленко в трудный для Родины час не обнаружили ни величия мысли, ни понимания сути событий.

И —, конечно же, нервным напряжением тех дней…

В письме Ленин напоминал Горькому о том, как тот в их эмигрантских беседах повторял: «Мы, художники, невменяемые люди», а далее Ленин замечал: «Вот именно!»

Горький в ответ написал 19 сентября:

«*Что такое русская интеллигенция – я знаю не хуже Вас и – если Вы помните – был одним из первых литераторов России, который отнёсся к ней резко отрицательно, так же отношусь к ней до сей поры и не вижу причин изменить моё отношение в будущем.*

*Но, сударь мой, надо же, наконец, понять разницу между политиканствующей интеллигенцией и представителями интеллектуальных, научных сил страны, надо же провести черту разделения между ж…й (*у Горького слово написано полностью. – *С.К.) Павла Милюкова и головой профессора Деппа, надо же понять, что одна цена – Дану, другая – Бушу…*

Поймите же, что на той, на белой стороне, – порядочных людей почти нет, ни одного крупного человека из мира учёных – все они остались по эту сторону, и не ради заговоров (увы, кое-кто, как, например, профессор-биолог Кольцов, и ради. – *С.К.*), *а* ***в искренней надежде****, что новый строй даст им широкую возможность работать. И она работают, за совесть, да!..*»[1097]

Горький был и прав, и не прав одновременно…

Объяснять Ленину важность для новой России её учёных необходимости не было – Ленин это понимал так, как мало кто.

Но, во-первых, большая часть учёных сосредотачивалась тогда в Петрограде, где высшей властью был Зиновьев, а этот ценил более не учёных, а «пиарщиков»…

Во-вторых, лишь считанные единицы выдающихся российских учёных поддержали Октябрьскую революцию ***сразу и безоговорочно*** – как это сделал Климент Аркадьевич Тимирязев (1843–1920). А ведь «представители интеллектуальных, научных сил страны» должны были бы разобраться в сути Ленина и в сути происходящих событий быстрее, чем неграмотное и малограмотное крестьянство…

Тем не менее, непосредственно в рядах РСДРП(б) состоял, ещё задолго до революции, единственный действительно крупный учёный – астроном Павел Карлович Штернберг (1865–1920), большевик с 1905 года, профессор Московского университета и директор Московской обсерватории.

В октябрьские дни 1917 года Штернберг вошёл в Центральный штаб Красной Гвардии Московского ВРК, с ноября 1917 года стал членом Президиума Мосгубисполкома, затем воевал членом реввоенсовета 2-й армии Восточного фронта, с 1919 года стал членом РВС Восточного фронта, и Ленин сносился с ним телеграфным шифром, советуясь не о тайнах звёздного неба, а по конкретным военным вопросам. В 1920 году Павел Карлович умер на фронте от воспаления лёгких.

Увы, Тимирязев и Штернберг оказались исключениями, так что основания для недоверия даже к учёным-естественникам у большевиков были. Тем не менее, черту разделения между ж… й Милюкова и головой учёного-теплотехника Георгия Филипповича Деппа (1854–1921), между Фёдором Даном и флористом, систематиком и ботанико-географом Николаем Адольфовичем Бушем (1869–1941), членом-корреспондентом Академии наук с 1920 года, Советская власть сумела провести быстро.

Более подробно об этом будет сказано позднее – в главах о мирном строительстве после гражданской войны, а сейчас сообщу, что с начала 1920 года была создана Петроградская комиссия по улучшению быта учёных, и Горький стал её председателем. Масштабы деятельности комиссии видны уже из того, что 29 апреля 1920 года Горький обратился в Совнарком с просьбой об увеличении числа академических пайков с одной тысячи восьмисот до двух тысяч.

29 апреля 1920 года Ленин наложил на письме Горького резолюцию: «*На заключение Луначарского и Компрода*»…[1098]

Конечно, эти две тысячи петроградских учёных получали в пайках не рябчиков в желе и не консервированные ананасы, но в то время сам факт государственной поддержки голодающих учёных показывал, что искренние надежды русских учёных на то, что новый строй даст им широкую возможность работать, уже в недалёком будущем оправдаются.

Возвращаясь же к ответному письму Горького Ленину от 19 сентября 1919 года, приведу и заслуживающую нашего внимания концовку его. Горький писал:

«*Засим – пребываю невменяемым до конца дней и крепко жму руку Вашу. Вы тоже невменяемый господин*…»[1099]

Что ж, Горький, давно друживший с Лениным и хорошо его знающий, заметил насчёт «невменяемого господина», тонко… Собственно, Горький хотел этим сказать, что Ленин – ***тоже*** огромной ***творческой*** души человек!

Как «инженер человеческих душ», Горький через все свои заблуждения понимал, что Ленин хотел бы широко, ***творчески***, мечтать и увлекать людей высокой мечтой. Но при этом Ленин знал, что пока что основное – это директивы, приказы, выволочки и жёсткость…

На следующий день после ответа Горькому, 16 сентября 1919 года, Ленин пишет члену Революционного Военного Совета Республики (РВСР) Гусеву:

«т. Гусев! Вникая в письмо Склянского (зам. Председателя РВСР. – *С.К.*) … и в итоги по сводкам, я убеждаюсь, что наш РВСР работает плохо.

Успокаивать и успокаивать, это плохая тактика…

А на деле у нас застой – почти развал.

На сибирском фронте поставили какую-то сволочь Ольдерогге (генерал старой армии. – *С.К.*) и бабу Позерна (член РВС Восточного фронта. – *С.К.*) и „успокоились. Прямо позор. А нас начали бить!.. Выпускать из рук победу – позор.

С Мамонтовым (кавалерийский генерал Деникина. – *С.К.*) застой… Опоздали войска, шедшие с севера на Воронеж. Опоздали с перекидкой 21 дивизии на юг. Опоздали с автопулемётами. Опоздали со связью…

С формированием тоже опаздываем. Пропускаем осень – а Деникин утроит силы, получит и танки, и пр. и пр. Так нельзя…

Видимо наш РВСР „командует“, не интересуясь или не умея следить за *исполнением*. Если это общий наш грех, то в военном деле это прямо гибель“[1100].

Ленин как в воду смотрел – 20 сентября „белыми“ был взят Курск, 13 октября – Орёл…

Деникинские казаки нацелились на Тулу, а оттуда – прямой путь на Москву. К тому же, не очень надёжна была сама Тула – там традиционно были сильны меньшевики, которые спровоцировали первую забастовку на Тульском оружейном заводе уже 18 июня 1918 года, а 3

апреля 1919 года рабочие завода забастовали ещё раз…

Колчак к тому времени был, как уже сказано, обречён, Деникин же оставался серьёзной проблемой.

16 октября 1919 года Ленин телеграфно выругал председателя Тульского губкома РКП(б) и губисполкома Г. Н. Каминского за нераспорядительность по погрузке кавалерии на деникинский фронт, а 20 октября направил Каминскому, военному комиссару Тульской области Д. П. Оськину и члену Военного совета Тульского УРа (укреплённого района) В.И Межлауку письмо, где предупреждал:

„*Работа в Туле должна быть повышена изо всех сил и переведена* ***всецело*** *на* ***военное положение****… В Туле массы далеко не наши. Отсюда – обязательно сугубая интенсивность работы среди войска, среди запасных, среди рабочих, среди работниц…*“

В том же письме Ленин писал: „*Если возьмём Орёл, работу не ослаблять, а вдесятеро усилить, ибо без этого мы не победим, а остановка наступления для нас смерть*“. И как раз в день написания письма Орёл был взят красными войсками и контрнаступление Южного фронта успешно развивалось. Этот успех был подготовлен коллективными усилиями, но особо выдающейся и здесь была роль Ленина и Сталина – члена РВС Южного фронта.

Деникин стал откатываться, в деникинском тылу начинались восстания. И хотя „белые“ зверствовали – только в Одессе в сентябре 1919 года было расстреляно около 3 тысяч человек, конец деникинщины был предрешён. 4 апреля 1920 года Деникин, которому „Верховный правитель Российского государства“ Колчак 4 января 1920 года передал „верховную власть“, передал её в свою очередь „чёрному барону“ Врангелю.

Отец командующего белыми войсками на Юге России генерала Петра Врангеля – барон Николай Врангель, был до Октября 1917 года очень богатым человеком. Он являлся председателем Амгунской золотопромышленной компании и вице-председателем акционерного общества „Сименс унд Гальске“, а после революции эмигрировал. Вот за возвращение в Россию в прежнем качестве Врангеля-старшего и отдавали жизнь тысячи русских людей под командованием Врангеля-младшего. Ничем другим, в конечном счёте, главы „белого“ движения не руководствовались, что бы они потом ни писали в своих „мемуарах“.

Деникинщина оказалась, однако, последним крупным проявлением гражданской войны. Последний фазис деникинщины – врангелевщина в виде прямой военной диктатуры, при всей её потенциальной опасности, была уже концом конца.

Из Врангеля, Колчака, Деникина, и даже из откровенного садиста барона Унгерна фон Штернберга, нынешние „академические“ „историки“ делают чуть ли не херувимов. Но вот современный голландский исследователь Э. Кронер, автор книги о Врангеле, переведённой в России, пишет, что жителям демократических государств XXI века сложно вообразить всю жестокость применявшихся Врангелем способов „наведения порядка“[1101].

Насчёт жителей якобы „демократических государств XXI века“ голландский историк чересчур, конечно, оптимистичен – перед социальным садизмом нынешней „политкорректности“, „толерантности“ и „ювенильности“ Европы бледнеют порой даже ужасы врангелевщины – новые мученики Одессы тому пример. Но относительно Врангеля оценка Кронера заслуживает внимания – как-никак, она имеет европейскую аттестацию.

Врангель осел к Крыму, лелея замыслы выйти из него весной 1921 года вновь на оперативный простор. Так что с Врангелем надо было кончать. И операция по освобождению Крыма началась с того, что в первой половине октября 1920 года была отражена стратегическая попытка Врангеля захватить всё Черноморское побережье. Затем Южный фронт Фрунзе развернул наступление на Крым в свою очередь.

15 октября 1920 года Фрунзе в письменном докладе Ленину заявил, что „*сомнения в его*

(наступления. – *С.К.*) *победоносном исходе у меня нет*“.

В ответ Ленин 16 октября направил Фрунзе телеграфную шифровку:

„*Получив Гусева* (член РВС Южфронта. – *С.К.*) *и Вашу восторженные телеграммы, боюсь чрезмерного оптимизма. Помните, что надо во что бы то ни стало на плечах противника войти в Крым. Готовьтесь обстоятельнее, проверьте – изучены ли переходы вброд для взятия Крыма*“.

18 октября Фрунзе в ответе Ленину повторил, что „*наш успех на фронте, несомненно, имеет значение перелома*“, и что „*в конечном счёте*“ на положение дел он смотрит „*уверенно*“[1102].

При этом 26 октября со станции Апостолово Фрунзе телеграфировал Ленину:

„*Сейчас отдал окончательный приказ об общем наступлении. Решающими днями будут 30, 31 октября и 1 ноября. В разгроме главных сил противника не сомневаюсь. Отойти за перешейки к моменту нашего удара он не успеет. На немедленный захват перешейков считаю не более одного шанса из ста.*

В ночь с 25 на 26-е в Апостолово провёл совещание командиров…“, и т. д.[1103]

28 октября Фрунзе получил ответную шифровку Ленина:

„*На Ваш № 001/пш. Возмущаюсь Вашим оптимистическим тоном, когда Вы же сообщаете, что только один шанс из ста за успех в главной, давно поставленной задаче. Если дела так безобразно плохи, прошу обсудить архиспешные меры подвоза тяжёлой артиллерии, постройки линий её подвоза, доставки сапёров и прочее*“[1104].

Штурм Перекопских и Ишуньских позиций начался 7 ноября 1920 года, при этом красные войска вброд – как и настаивал Ленин, перешли мелководный Сиваш. 11 ноября Красная Армия вступила в Крым, 13 ноября освободили Симферополь, 15 ноября – Севастополь и Феодосию, а через два дня Фрунзе телеграфировал Ленину, что конница Будённого заняла Керчь и Южный фронт ликвидирован.

Кроме борьбы с Врангелем, на 1920 год пришлась ещё и советско-польская война – инициировала её Антанта и новый „комендант Польши“ Пилсудский.

Ход и этой войны был неровным… Вначале поляки заняли 6 мая Киев, затем Красная Армия в августе 1920 года подошла к Варшаве, но произошло „чудо на Висле“ – „красные“ откатились далеко назад. В итоге по Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 года между РСФСР и Украинской ССР с одной стороны и буржуазной Польшей с другой стороны, пришлось уступить полякам территорию Западной Украины и Западной Белоруссии…

В ходе переговоров председатель польской делегации Домбский нагло потребовал возместить военные расходы Польши в размере 73 миллионов рублей золотом. Председатель российско-украинской делегации А. А. Иоффе соглашался „только“ на 30 миллионов. Пришлось Ленину в начале января 1921 года написать наркому иностранных дел Чичерину: „*По-моему, и 30 много… По-моему, и 30 не давать*“[1105].

Кончилось тем, что в текст Рижского договора была включена статья о взаимном отказе сторон от возмещения своих военных расходов и убытков. Как видим, Ленин-дипломат не был склонен заниматься дипломатией сюсюканья, а в результате одерживал победы.

„Польский“ сюжет интересен многим, начиная с того, что только Сталин смотрел на ситуацию здраво с самого начала и углубляться в Польшу после того, как летом 1920 года были отвоёваны западно-украинские и западно-белорусские земли, не советовал… Ленин же поддался энтузиазму Троцкого и командующего Западным фронтом Тухачевского, дезориентировавшего Политбюро ЦК РКП(б).

Но мы обойдём „польский“ сюжет в том числе и потому, что он достаточно подробно

рассмотрен в моей книге „Россия за Сталина“, к которой заинтересованного читателя и отсылаю. Зато остановлюсь немного на некоем моменте, связанном с занятием Крыма.

11 ноября 1920 года Фрунзе обратился по радио к Врангелю с предложением прекратить сопротивление и обещал амнистию всем, кто сложит оружие. Врангель предложение Фрунзе от войск скрыл, а Ленин шифром по прямому проводу телеграфировал командующему Южным фронтом:

„Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлён непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, то надо реально обеспечить взятие флота и невыпуск ни одного судна; если же противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно“[1106].

Эта телеграмма Ленина часто цитируется в подтверждение россказней о том, что после освобождения Крыма „десятки тысяч“ (более скромный вариант – „тысячи“) пленных офицеров и особенно юнкеров были безжалостно расстреляны или утоплены в Чёрном море по распоряжению Бела Куна и Розалии Землячки – с полного одобрения Ленина.

В подтверждение „обвинители“ не приводят ни одного достоверного документа, зато генерал Врангель в своих воспоминаниях 1923 года сообщает, что за время эвакуации Крыма были приняты на суда „все желающие“, и уточняет, что „на 126 судах было вывезено 145 693 человека, не считая судовых команд“.

Уже одно это исключало наличие в занятом „красными“ Крыму сколько-нибудь значительных количеств „белого“ офицерства, да оно и понятно! Офицеры, запугиваемые врангелевской пропагандой и не зная о предложении Фрунзе, конечно же, не стремились остаться „под красными“.

Со своей стороны, и Врангель должен был предпринять все усилия для эвакуации максимального числа войск, и командного состава – прежде всего. Ведь даже тогда барон ещё не считал, что всё потеряно, а наличие у него большого флота позволяло планировать в будущем крупную десантную операцию.

Показательно и то, что Врангель ничего о „зверствах“ Куна и Землячки в мемуарах не пишет – а ведь факт, буде он имел бы место, оказывался для „белых“ выигрышным со всех точек зрения…

В завершение крымского „ужастика“ познакомлю читателя с тем, „как это делается“ – в смысле, как варганятся провокации…

Во вполне академическом и сейчас вполне антисоветском журнале „Вопросы истории“ в 2013 году (№ 4) были опубликованы последние письма Фрунзе Сталину. Публикацию подготовил кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Главного архивного управления г. Москвы Войтиков. На страницах 98, 99 он кратко сообщает о телеграмме Ленина Фрунзе, посланной якобы „в ярости“, и далее пишет, что Ленин „наделил исключительными полномочиями (источник сведений не указывается. – *С.К.*) тройку в составе Г. Л. Пятакова, Р. С. Землячки и Б. Куна, беспощадно расстрелявшей по итогам перерегистрации не менее 12 тыс. офицеров[2]“.

Под сноской „[2]“ в примечаниях на с. 104 Войтиковым дана ссылка на источник сведений: „В. Д. ТОПОЛЯНСКИЙ. Гибель Фрунзе. – Вопросы истории“, 1993, № 6, с. 101».

В № 6 журнала «Вопросы истории» за 1993 год на странице 101 действительно полностью приведена телеграмма Ленина и сообщается о «тройке», якобы наделённой (не указано – кем) «исключительными полномочиями», а далее сказано: «Офицеры явились на перерегистрацию. И началась бессмысленнейшая кровавая бойня. Всех являвшихся арестовывали, по ночам выводили за город (какой? – *С.К.*) и там расстреливали из пулемётов. Так были уничтожены тысячи людей»…

Незабвенный Шерлок Холмс рекомендовал: «Во всём надо искать логику. Там, где её недостаёт, нужно искать ложь». И, увы, как раз с логикой у автора статьи 1993 года – кандидата медицинских наук Виктора Давидовича Тополянского, старшего научного сотрудника Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова, делб обстоят плохо.

Можно представить себе сотню-другую «белых» офицеров, которые явились на перерегистрацию в таинственный «город», под которым Виктор Давидович имеет в виду, скорее всего, Симферополь (а может – Севастополь?).

Но трудно себе представить, что расстрел первой же сотни офицеров и даже просто заключение их под арест, не стали бы известны остальным «тысячам»… (Хотя откуда после эвакуации Крыма в нём можно было найти ***несколько тысяч*** врангелевских офицеров, знают, пожалуй, лишь в редакции антиисторического журнала «Вопросы истории»). Так или иначе, после того как сведения об арестах и расстрелах (не говоря уже о слухах!) достигли бы ушей этих мифических «тысяч», только откровенный дурак пошёл бы на «перерегистрацию», не так ли? И чтобы понять это, не надо рыться в архивах – достаточно логики… Во всяком случае никаких «12 тысяч» расстрелянных, отысканных Войтиковым у Тополянского, ни на с. 101, ни на других страницах статьи 1993 года ***нет***!

Вот так это нынче и делается – не «в Одессе, на Малой Арнаутской», а в Москве…

1) Вначале – полная «тонких» намёков на то, чего не ведает никто, «академическая» публикация 1993 года…

2) Через двадцать (!) лет – лживая ссылка на «академическую» публикацию 1993 года в другой «академической» публикации, и – всё…

3) «Исторический факт» сляпан, и «исследователи истории» типа Н. Старикова или политиканы типа В. Жириновского имеют «все основания» писать и вещать о «зверствах большевиков» и «садисте» Ленине, распорядившемся загубить тысячи молодых юнкерских жизней…

А на самом-то деле…

А на самом деле сын академика В. И. Вернадского – Георгий Вернадский, эмигрировавший в США, 27 мая 1955 года записал со слов сестры Веры следующее:

«В Симферополе осталось много офицеров Врангелевской армии, не поспевших на посадку на пароходы в Севастополь. Отец распорядился немедленно выдать им (по словам сестры их было около 200 [***двухсот!*** – *С.К.*] человек) свидетельства, что они студенты Таврического университета – и этим спас их»…

Дочь Вернадского вспоминала, что по городу поползли слухи, и «как только пришли большевики», на квартиру родителей пришёл чекист. Он заявил, что ему известно, что «выданы были студенческие свидетельства офицерам», потребовал списка «студентов» и угрожал в противном случае расстрелом.

Самого Вернадского дома не было, так что чекист говорил с его женой в присутствии дочери. Всегда «выдержанная, мягкая и вежливая» (с прислугой и ровней себе, надо полагать) мадам Вернадская с лицом, покрывшимся красными пятнами, стала топать ногами и орать (на «хама» можно): «Вон!»… После чего «кровожадный» чекист, потоптавшись, «так и ушёл»…[1107]

1920 год стал последним активным годом войны затеянной старым миром против новой России. В 1920 году с «шахматной доски» этой войны, которую лишь условно можно назвать «гражданской», были убраны три крупные фигуры: адмирала Колчака, «белого» генерала Деникина и «чёрного барона» Врангеля.

С 1921 года война постепенно перемещалась на далёкие окраины…

Ещё когда был силён Деникин – 19 февраля 1920 года, Ленин писал Троцкому, относительно идеи «буфера» между Советской Россией и интервентами на Востоке:

«Надо бешено изругать противников буферного государства, … погрозить им партийным судом и потребовать, чтобы все в Сибири осуществили лозунг: „ни шагу на восток далее, все силы напрячь для ускоренного движения войск и паровозов на запад в Россию“. Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением в глубь Сибири, а в это время Деникин оживёт и поляки ударят. Это будет преступление»[1108].

К концу 1920 года многое прояснилось… Поляки-таки ударили, но в итоге просчитались. Деникин «ожил» во Врангеле, и во Врангеле же окончательно «почил». А ещё до этого – 6 апреля 1920 года, был образован временный «буфер» – Дальневосточная республика (ДВР).

Пойти на это пришлось потому, что на всё сил пока не хватало, угрозы с Запада были опаснее. И ещё почти два года Дальний Восток будет оккупирован японцами. Они, придя в Россию как завоеватели первыми, ушли из неё последними – о чём забывать нам нельзя, ибо они-то ***помнят.***

Временно отпало от России Закавказье…

Шли бои в Туркестане…

Но всё это не заслоняло очевидного факта: на первый план постепенно выходили мирные заботы… И чем более укреплялась Советская власть, тем сложнее было выделять в деятельности Ленина те или иные главные направления и интересы – теперь главным оказывалось всё, а точнее – ничего не было мелочью. Его задачи и функции постоянно усложнялись и видоизменялись, и, начав день с заседания Совнаркома по хозяйственным вопросам, он мог закончить его у прямого провода, разговаривая с фронтами.

Вот краткая «фотография рабочего дня» Ленина 2 февраля 1921 года: 1) председательствует на седьмом заседании Экономической комиссии СНК; 2) участвует в заседании Политбюро ЦК РКП(б), где обсуждаются вопросы Наркомпроса, о помощи пострадавшим от неурожая, о продовольственных и воинских перевозках с Кавказа, о положении в Сибири, о промысловой кооперации и т д.; 3) пишет письма директору Института Маркса и Энгельса Рязанову и заместителю председателя Малого Совнаркома Гойхбаргу; 4) беседует с уполномоченным Наркомзема по Сибири и членом Сибирского ревкома Соколовым и затем – с председателем ГОЭЛРО Кржижиновским; 5) знакомится с замечаниями инженера-электрика Козьмина на план ГОЭЛРО и через секретаря СНК Горбунова поручает Козьмину сделать доклад в ГОЭЛРО об использовании энергии ветра для электрификации деревень; 6) дважды председательствует на заседании комиссии по реорганизации Наркомата просвещения – Наркомпроса…

6 февраля он – кроме прочего, принимает начальника административной службы Самаро-Златоустовской железной дороги Преображенского, 7 февраля – председателя ВСНХ Рыкова и беседует с заведующим библиотечной секцией Московского отдела народного образования…

Менялся ли он, встав во главе страны, в рисунке поведения, во взглядах?

Конечно же, менялся.

Он становился осмотрительнее, многограннее, опытнее… И могло ли быть иначе? Теперь он был не лидером небольшой гонимой партии, а руководителем огромной страны, вождём многомиллионных масс. Несравнимы были и масштаб, и возможности… Иными были и мера ответственности, и многообразие сфер деятельности, и возникающие ситуации…

Ещё осенью 1917 года он настаивал на отмене тайной дипломатии – в чём был, опять-таки, прав уже потому, что тогда надо было отряхнуть прах старой царской дипломатии. Но, оказалось, что и пролетарскому государству без дипломатии – пусть и новой, не обойтись. И 9 мая 1921 года Ленин пишет полпреду и торгпреду в Великобритании Леониду Красину:

«Тов. Красин! Обратите сугубое внимание. Клышко (секретарь советской торговой делегации в Лондоне, – *С.К.*) не болтлив ли? Дипломат должен уметь молчать и говорить так, чтобы ничего не сказать. Умеет ли Клышко? Понимает ли это?»[1109].

От принципа отмены тайной дипломатии до тезиса: «Дипломат должен уметь молчать и говорить так, чтобы ничего не сказать» – дистанция огромного размера! Впрочем, это было уже после гражданской войны, однако уже в ходе её Ленин приобретал свой первый личный дипломатический опыт…

7 апреля 1919 года Ленин и Калинин получили послание молодого короля Афганистана Аманулы-хана (1892–1960) с извещением о своём короновании и вступлении на престол. Молодой эмир писал, что поскольку Советское правительство взяло «на себя почётную и благородную задачу заботиться о мире и благе людей» и провозгласило «принцип свободы и равноправия стран и народов всего мира», он «счастлив впервые от имени стремящегося к прогрессу афганского народа направить… настоящее дружественное послание независимого и дружественного Афганистана…»

Это был своего рода прорыв и порыв… И Ленин – политический противник монархизма и монархов, пишет ответное послание, где приносит поздравления «Его величеству» по поводу вступления на престол и заверяет, что «стремление афганского народа последовать русскому примеру да будет лучшей гарантией крепости и независимости Афганского государства»…[1110]

28 февраля 1921 года между РСФСР и Афганистаном был заключён договор о дружбе – первый договор подобного рода для новой России.

Но главным в деятельности Ленина, относящейся к проблемам внешнего мира, становится его работа по созданию и развитию 3-го Коммунистического Интернационала – Коминтерна, Первый (Учредительный) конгресс которого прошёл со 2 по 6 марта в Москве.

Тема Коминтерна сама по себе обширна, однако далее мы её коснёмся мало, и не потому, что здесь нечего сказать, а потому, что слишком много и многое нам предстоит узнать и понять во внутренней политике Ленина 20-х годов…

А сейчас предлагаю отвлечься на сюжет локальный, почти личный, но для книги о Ленине – не лишний. Среди ленинских документов времён гражданской войны отыскивается интересная записка, возвращающая нас к герою тифлисского «экса» в 1907 году – «Камо»-Тер-Петросяну.

«Камо» был человеком железной воли, горячего сердца, чистых рук и яркой жизни. Земляк Сталина – он тоже родился в Гори, Камо начинал не как боевик, а как талантливый партийный организатор-техник, распространял созданную Сталиным газету «Брдзола» («Борьба») в Баку, Кутаиси, Поти… Первый раз «Камо» был арестован и посажен в тюрьму в ноябре 1903 года, но уже в сентябре 1904 года бежал и работал в подполье в Тифлисе.

С началом первой русской революции 1905 года «Камо» организует боевые группы и дружины, а в дни декабрьского вооружённого восстания в Тифлисе в 1905 году возглавляет отряд рабочих-боевиков, оборонявших рабочий район Надзаладеви («Нахаловка»). Получив пять тяжёлых ранений, он был схвачен казаками и заключён в тифлисскую тюрьму – Метехский замок. Отказался назвать себя, не был опознан и сумел вырваться на свободу. Партизанил в горах, а в марте 1906 года выехал в Петербург, где познакомился с Лениным.

После тифлисского «экса» «Камо» был арестован в ноябре 1907 года в Берлине, опять не назвался, смог симулировать сумасшествие так, что обвёл вокруг пальца крупнейших немецких психиатров, однако в конце 1909 года был, всё же, выдан властям России, опознан и отправлен вновь в Метехский замок.

15 августа 1911 года Камо бежал из тюрьмы за границу, пробрался в Париж к Ленину, выполнял его поручения, в 1912 году был арестован в Тифлисе и приговорён к смертной казни, заменённой двадцатью годами каторги.

Февраль 1917 года освободил «Камо» из харьковской каторжной тюрьмы и он был направлен партией на работу в Закавказье, работал в подполье в Баку. После советизации Азербайджана учился в Москве и работал в системе Наркомата внешней торговли, но сорока лет

погиб в Тифлисе в дорожной катастрофе – случайной даже по мнению родственников и хорошо знавших его людей.

В 1919 году Камо возглавил боевую группу в тылу Деникина – по личной ленинской инициативе. Летом 1919 года Ленин писал в записке Э. М. Склянскому (зампред РВС Республики, – *С.К.*) и И. Т. Смилге (член РВС Республики. – *С.К.*):

«…Я знаю одного товарища *досконально,* как человека **совершенно исключительной** преданности, *отваги* и энергии (насчёт взрывов и налётов особенно).

Предлагаю:

(1) Дать ему возможность поучиться командному делу (принять все меры для ускорения, особенно чтения лекций и проч.),

(2) Поручить ему организовать особый отряд для взрывов etc. (и так далее. – *С.К.*) *в тылу* противника»[1111].

Предложение Ленина было принято, и осенью 1919 года Камо во главе подпольной группы боевиков с оружием, боеприпасами и литературой конспиративно направили в Баку, где он успешно работал, подготавливая рабочее восстание. К этому времени относится ещё одна ленинская записка секретарю ЦК Елене Стасовой:

«Е.Д.! Надо послать шифровку, чтобы нигде и никогда *не смели* употреблять кличку Камо, а заменили тотчас иной, *новой*. Город, где Камо, называть **только** шифром.

Ленин»[1112]

Суть была в том, что Киров – тогда член РВС 11-й армии, направил 9 декабря 1919 года из Астрахани в Москву письмо, где неосторожно упоминал о Камо, говоря, что не имеется пока точных сведений, прибыл ли Камо в Баку.

Сюжет с Камо – лишь один из тысяч эпизодов гражданской войны, прямо связанных с Лениным, при том, что в гражданской войне не было мало-мальски крупных событий, к которым Ленин не имел бы того или иного отношения. В той войне роль Ленина по уровню личного влияния на события и по всеохватности этого влияния была аналогична роли Сталина в Великой Отечественной войне – от стратегических операций до действий спецгрупп.

В марте 1919 года Ленин ненадолго приехал в Петроград. Повод был печальным: он приезжал на похороны Марка Елизарова, мужа старшей сестры Ленина Анны и старого товарища и соратника Ильича. С Елизаровым был связан огромный и по времени, и по содержанию кусок жизни…

И какой жизни!

Ещё – молодой, ещё такой, как оказалось, беззаботной и простой по сравнению с той, которую Владимир Ильич взвалил на свои плечи с Октября 1917 года, приняв на себя и всю полноту власти в стране и всю ответственность за политику этой власти.

Теперь Ленин не принадлежал сам себе, и как он ни хотел бы побыть с родными и по возможности утешить Анну Ильиничну, уже в день приезда в Питер – 12 марта 1919 года, ему пришлось сделать доклад о внешней и внутренней политике Совета Народных Комиссаров на заседании Петроградского Совета.

Я уже писал о фото Ленина, сделанных на кладбище, где хоронили Елизарова, – это была сама запечатлённая скорбь. В редкую откровенную минуту он вдруг предстал человеком ранимым, чувствующим, страдающим…

А 13 марта – после похорон, он выступил вначале на заседании I съезда сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии, и дважды с речами в Народном доме: перед десятитысячной аудиторией в большом зале и затем – в фойе.

Вскоре его питерские речи были объединены в отдельной брошюре под названием «Успехи и трудности Советской власти». В этой ленинской работе важно всё, однако ниже приведу лишь

одну его мысль, вначале познакомив читателя с историей послесловия к «Успехам и трудностям»…

Ленин, написав это послесловие к брошюре, издаваемой в Петрограде, попросил Зиновьева напечатать его «хотя бы самым мелким петитом», но просьбу автора не выполнили, причём не выполнили неоднократно, и впервые послесловие было напечатано лишь в 1922 году в первом издании Собрания сочинений Ленина…

А послесловие было действительно «того…» – не очень стандартным. И этим оно было не для всех удобным как тогда, так и сейчас.

Вот это послесловие – полностью:

«Потратив немало труда на исправление записи моей речи, я вынужден обратиться с убедительной просьбой ко всем товарищам, которые хотят записывать мои речи для печати.

Просьба состоит в том, чтобы никогда не полагаться ни на стенографическую (! – *С.К.*), ни на какую иную запись моих речей, никогда не гоняться за их записью, никогда не печатать записи моих речей.

Вместо записи моих речей, если в том есть надобность, пусть печатают отчёты о них. Я видал в газетах такие отчёты о своих речах, которые бывали удовлетворительны. Но я ни единого раза не видал сколько-нибудь удовлетворительной записи моей речи. Отчего это происходит, судить не берусь, от чрезмерной ли быстроты моей речи, или от неправильного её построения, или от чего другого, но факт остаётся фактом. Ни одной удовлетворительной записи своей речи, ни стенографической, ни иной какой, я ещё ни разу не видал.

Лучше хороший отчёт о речи, чем плохая запись речи. Поэтому я прошу: никогда никаких записей моих речей не печатать»[1113].

И что-то не хочется комментировать эти строки. Я познакомил с ними читателя, а уж суждение о них пусть выносит он сам.

А впрочем…

Напомню некие слова из некой книги: «…ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там написано, я не говорил»…

Это – строки из романа «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, то место, где бедный непонятый пророк Иешуа Га-Ноцри поясняет пятому прокуратору Иудеи всаднику Понтию Пилату, что ходит вот один за ним, ходит – бывший сборщик податей Левий Матвей, записывает, и всё записывает не так, всё путает…

Горечь была в словах Га-Ноцри, горечь сквозит и в послесловии Ленина, который был так ясен и точен в своих речах, и которого так фатально то и дело перевирали, которого начинали понимать не сразу, да и потом понимали лишь частично, неполно…

А, казалось бы, – что тут понимать?

Как и Га-Ноцри – переосмысленный Булгаковым Иисус Христос, Ленин всего-навсего предлагал людям жить жизнью, достойной людей… Жить, руководствуясь не жадностью, не своекорыстием, а идеями взаимного общественного сотрудничества в справедливо выстроенном обществе, где нет ***правовых*** рычагов паразитирования меньшинства на большинстве.

Но могло ли понять и услышать Ленина паразитическое и полу-паразитическое привилегированное меньшинство? Ведь услышать Ленина – значит, признать собственную мелко дрянную суть. А даже негодяи в душе желают, чтобы их считали благородными людьми.

В 1924 году в Праге была издана брошюра – «Детские воспоминания» 500 детей русских эмигрантов. 12 декабря 1923 года всем учащимся русской гимназии в Моравской Тржебове предложили написать об их впечатлениях от революции, и получившаяся книга была издана «Педагогическим бюро по делам средней и низшей русской школы за границей»…

Дети и подростки писали: «*Мы привыкли тогда к выстрелам и стали бояться тишины*»; «*Революция – это когда никто не спал*»; «*Тогда забастовала прислуга*», «*Я играла с учителем в гостиной, услышала песни – это и была революция*»…

Писали и так: «*Настоящей революции у нас не было, а только грабёж и обыски*»; «*Мой убитый папа всегда говорил: смотри – красный цвет кровавый, берегись…*»; «*Пришли крестьяне и стали распределять комнаты…*», «*Я читала „Светлячок“* (детский журнал. – *С.К.*) *в своей уютной детской. На меня бессмысленно таращили глаза фарфоровые куклы, когда пришёл папа с кипой газет и сказал: революция…*»[1114]

Дети – имевшие до Октября 1917 года личных учителей, уютные гостиные и детские, фарфоровых кукол, жившие вместе с обеспеченными родителями в богатых квартирах, собственных домах, особняках, имениях – не лгали. То, что они увидели в революции, было её горькой правдой.

Но можно ведь было составить брошюру детских воспоминаний о революции и по впечатлениям детей рабочих, матросов и солдат, рыбаков, батраков, простых служащих…

И в ***их*** воспоминаниях была бы отражена совершенно иная революция, чем в воспоминаниях, прямо скажем, ***барчуков***…

Так, как вспомнили революцию в 1923 году русские дети в Моравской Тржебове, то есть – в чёрных или кровавых тонах, её вспоминали ***сотни тысяч*** маленьких жителей России…

А светлый образ революции неизбежно запечатлелся в умах и душах ***десятков миллионов*** детей.

Именно такой была социальная арифметика Октября, и с разных классовых позиций он воспринимался по-разному не только взрослыми, но и детьми, подростками. Недаром о гражданской войне через восприятие детей так талантливо написал Аркадий Гайдар, который в 1918 году – в 14 лет, стал бойцом 1-й Арзамасской дружины РКП(б).

Правда, зафиксированная в Моравской Тржебове, была маленькой якобы «правдой» элиты… Она отражала факты, но затемняла суть.

Правда же Ленина была большой правдой миллионов, и в этой правде отражалась созидательная суть эпохи.

А теперь вернёмся к ленинской брошюре «Успехи и трудности Советской власти», где Ленин сказал и о гражданской войне – тогда ещё длящейся. Эти ленинские слова можно расценивать как предельно краткое, но ёмкое изложение подоплёки организованной в России гражданской войны.

Ленин говорил (точнее – писал, сам же обработав стенографическую запись его речи):

«Всем известно, что война эта нам навязана; в начале 1918 года мы старую войну кончили и новой не начинали; все знают, что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты, кидавшей миллионы направо и налево, причём громадные запасы снаряжения и военного имущества, оставшиеся от империалистической войны, были собраны передовыми странами и брошены на помощь белогвардейцам, ибо эти господа миллионеры и миллиардеры знают, что тут решается их судьба, что тут они погибнут, если не задавят немедленно нас…»[1115]

Вот она – точная оценка смысла действий старого мира против новой России! Привилегированные хозяева старого мира – господа миллионеры и миллиардеры, знали, что *в России* решается их судьба.

Оценка Ленина была верна в реальном масштабе времени, сохраняла свою актуальность все годы советской истории России, и актуальна по сей день. Она вполне объясняет то, почему так настойчиво старый мир старался уничтожить страну, вызванную к жизни гением Ленина, а сейчас старается вытравить из сознания общества правду и память о той стране.

Если эту страну, её идеи, её влияние и память о ней не задавить, то судьба господ миллионеров и миллиардеров будет лишь плачевной.

«Или – или», – предупредил Ленин.

«Или – или», – так стоит вопрос и сейчас.

Это они – господа миллионеры и миллиардеры развязали в России войну, которую по территориальному признаку назвали по привычке «гражданской», но которая по своей системной сути была даже не интервенцией, а прямой тотальной агрессией всего мира Капитала против первой Республики Труда.

И сколько в этой «гражданской» войне погибло тех, кто ох как пригодился бы стране, народу и Ленину в строительстве новой России!

Счёт потерь шёл на десятки и сотни тысяч человек, а ведь каждый молодой деятельный энтузиаст социализма был тогда, в первые годы Советской власти, ещё более важен и ценен, чем во времена, когда родился знаменитый «Марш энтузиастов», то есть – в тридцатые годы…

Во время Великой Отечественной войны – также и так же нам навязанной старым миром, Советская Россия потеряла уже миллионы молодых граждан новой, советской формации, начиная со всем известных – известных в Советском Союзе – Зои Космодемьянской, Виктора Талалихина, героев Краснодона, и заканчивая безвестными мальчишками-лейтенантами…

Как много все они смогли бы построить, создать, открыть в 1941-м, 42-м, 43-м, 44-м и 45-м годах, если бы эти годы были мирными, а мальчишки – живыми.

Так было в эпоху Сталина, но так же было и в эпоху Ленина.

Если бы 1918-й, 1919-й и 1920-й годы были – как надеялся Ленин – мирными, Россия уже за эти годы, да с молодыми ребятами, пошедшими за Лениным, в немалой мере восстановила бы экономику, наметила бы новые рубежи… А вместо этого ребятам приходилось стрелять, взрывать, воевать, умирать…

У советского поэта Михаила Светлова – автора знаменитой в советское время «Гренады», есть менее известное, чем «Гренада», но не менее, если не более, сильное стихотворение:

Ночь стоит у взорванного моста,
Конница запуталась во мгле…
Парень, презирающий удобства,
Умирает на сырой земле.

Тёплая полтавская погода
Остывает на его губах,
Звёзды восемнадцатого года
Потухают в молодых глазах.

Он ещё вздохнёт, застонет еле,
Повернётся на бок и умрёт,
И к нему в простреленной шинели
Тихая пехота подойдёт…

Юношу стального поколенья
Похоронят посреди дорог,
Чтоб в Москве ещё живущий Ленин
На него рассчитывать не мог…

Вот зачем «белая» и «золотая» сволочь всех стран объединилась с «белой» и «золотой» сволочью России! Они объединились затем, чтобы живущий в Москве Ленин не мог рассчитывать на молодой порыв к новой жизни всего лучшего и чистого, что было тогда в России… Они объединились для того, чтобы задавить этот порыв…

В 1991 году это элитарной сволочи удалось – в том числе и потому, что Россию уже не один год уводили от Ленина и его идей.

А в 1919 году ничего у «белой» и «золотой» сволочи не получилось, потому что Россия всё более уверенно шла к Ленину, под знамя его идей и его мечты.

При этом Ленин все эти годы острейшей классовой борьбы оставался не только социальным вождём, обеспечивающим интересы трудящихся классов, но и национальным вождём, обеспечивающим интересы единой и неделимой России. В ещё одно подтверждение этой мысли вновь сошлюсь на мнение из чужого лагеря – с той стороны баррикад.

Американский профессор Самуэль Харпер, которого читатель должен помнить, с 1919 года работал в государственном департаменте США в новом «русском» отделе, задачей которого были сбор и обработка информации о России. И в январе 1920 года посол Временного правительства в США – всё ещё признаваемый в США, Борис Бахметев (1880–1951), учёный-гидродинамик, ставший политиканом, писал Харперу:

«С большевизмом не следует бороться за счёт России… Европа, напуганная нависшей угрозой большевистского вторжения и потеряв веру в то, что внутренние силы России могут предпринять какие-либо эффективные меры, все надежды возлагает на вооружённое сопротивление пограничных государств – Польши, Румынии и Прибалтийских стран. Эти государства фактически получили мандат на борьбу с большевизмом и, конечно, обещание о вознаграждении в будущем… Легко понять, каков будет результат подобной политики. Победа над большевистской Россией будет означать расчленение России и деградацию её суверенитета»[1116].

Даже Бахметев, сохраняя остатки патриотизма, вынужден был, как видим, признать в 1920 году, что поражение большевистской России будет означать расчленение России и утрату ей суверенитета.

Однако Бахметев беспокоился зря – через все трудности, «странности», предательства, ошибки, заговоры, несмотря на разного рода антибольшевистские мандаты и «санитарные кордоны», Россия Ленина существовала, крепла и шла к непростым победам.

Глава 38. День второй

К весне 1921 года война на большей части территории России закончилась, и под рукой «красной» Москвы Ленина объединилось большинство земель бывшей Российской империи. Правда, Великороссия была пока что обрезана на «буферную» Дальневосточную республику (ДВР), по форме – буржуазно-демократическую.

ДВР занимала территорию Забайкальской, Амурской и Приморской областей… Лишь в октябре 1922 года ЦК РКП(б) признал целесообразным упразднение «буфера», и 14 ноября 1922 года собрание ДВР постановило объявить на русском Дальнем Востоке Советскую власть и просить ВЦИК распространить на всю территорию края советскую Конституцию.

15 ноября 1922 года – за полтора месяца до образования СССР, ВЦИК принял декрет, по которому территория упразднённой ДВР вошла как составная часть в РСФСР. Северный Сахалин японцы эвакуировали при этом только в 1925 году, а Южный Сахалин утратили царь Николай с графом Витте-«Полусахалинским» после русско-японской войны. Вернул Южный Сахалин в состав России уже Сталин – в 1945 году.

Вновь в единое Российское государство вошли Украина – за вычетом Западной Украины, Белоруссия – за вычетом Западной Белоруссии… Западные украинские и белорусские земли тоже вернул России Сталин – в 1939 году.

Стали советскими Средняя Азия, Казахстан и всё Закавказье – в течение 1920 года в Азербайджане, Грузии и Армении тоже установилась Советская власть.

Три прибалтийские республики образовали антисоветский «санитарный кордон», получив вместе с антисоветской Польшей и антисоветской Финляндией общее название «лимитрофы», отдающее то ли зоологией, то ли – ботаникой… В Римской империи лимитрофами называли пограничные области, на которых лежала обязанность содержать имперские войска, стоявшие на границе. Прибалтийские «лимитрофы» ничьих войск у себя не содержали, зато сами находились на содержании у Запада.

Как оно имеет место и сейчас.

Но это так – к слову.

От Балтики до – пока что – Байкала, от Памира до Таймыра задачи Ленина как вождя новой России с 1921 года принимали всё более мирный и созидательный характер. Но и в первые три полных года Советской власти внимание Ленина постоянно приковывали хозяйственные задачи социалистического строительства – как текущие, так и перспективные.

В России ещё шла война, а Ленин 1 мая 1919 года говорил на Красной площади о будущем. Газетный отчёт, помещённый в «Вечерних Известиях Московского Совета» от 2 мая 1919 года, сообщал:

«Большинство присутствующих, говорит тов. Ленин, не переступивших 30-35-летнего возраста, увидят расцвет коммунизма, от которого пока мы ещё далеки.

Указывая на детей, тов. Ленин говорит, что они, участвующие теперь в празднике освобождения труда, в полной мере воспользуются плодами понесённых революционерами трудов и жертв.

– Внуки наши, как диковинку, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадлежать фабрики и заводы отдельным лицам, как мог один человек эксплуатировать другого, как могли существовать люди, не занимавшиеся трудом. До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное

нами здание социалистического общества – не утопия. Ещё усерднее будут строить это здание наши дети»[1117].

Верил ли он в то, что говорил?

Конечно, верил!

Одно из самых не только гнусных, но и глупых обвинений Ленина – это обвинение его в полной якобы аморальности как политика. Но моральная состоятельность или, напротив, аморальность того или иного политика определяется сутью и целями политики, которую он проводит или проводником которой он является.

Мог ли быть морально состоятельным, например, шведский король Карл XII, если вся его политика была политикой внешних завоеваний, никак не оправдываемых задачами обеспечения безопасности Швеции?

Могла ли отличаться гуманностью колониальная политика колониальных держав? Она была аморальной по определению, ибо сутью её было извлечение выгод для метрополии за счёт ограбления колоний. Поэтому Черчилль, будучи министром колоний, был, конечно аморален, то и дело называя чёрное белым и наоборот. Да и если бы только называя! На Черчилле, только как на министре колоний, – кровь миллионов и слёзы сотен миллионов людей!

Наконец, может ли быть гуманной и моральной внешняя политика США, если это всегда и везде политика мирового жандарма и подстрекателя кровавых «цветных» переворотов во имя обеспечения односторонних интересов США?

А сутью политики Ленина была работа по созданию общества, где мерилом ценности человека был бы его общественный вклад, а не банковский вклад… Иными словами, Ленин работал во имя такого будущего общества, где главной общественной ценностью станет развитой человек, ценимый за его личную долю в усилиях всего общества.

Соответственно, суть политики Ленина была и остаётся предельно моральной для любого, за исключением тех, кто привержен самой худшей форме аморальности – двойной морали. Одной – для имущей элиты, и другой – для остальных.

Порой шутят, что честный человек всегда говорит правду, но не всегда – всю правду. Ленин был и честен, и умён, но у него не было необходимости говорить кому-либо – с глазу на глаз ли, в публичной ли обстановке, ***не всю*** правду.

Ленин ***всегда*** говорил ***всю*** правду – так как он её понимал. И когда он выступал 1 мая 1919 года на Красной площади, он тоже был искренен. И не только искренен, но и прозорлив.

Прикинем…

30-летний в 1919 году – это 60-летний в 1949 году. И если бы не два обстоятельства, от Ленина не зависящих, то к началу 50-х годов Россия, замышляемая Лениным, вне сомнений, цвела бы так, что была бы предметом зависти всего мира…

Первое обстоятельство, помешавшее этому – война 1941–1945 годов. Ставшая для России второй Отечественной, она нанесла делу социалистического преображения России огромный ущерб – материальный и, особенно, кадровый. Ведь тогда, не созидая новую Россию, а защищая её, погибли миллионы убеждённых сторонников и строителей социализма.

Вторым же обстоятельством надо назвать те отрицательные стороны русского национального характера (а, пожалуй, что – и вообще массового социального характера), которые помешали народным массам России сразу, бесповоротно ***и всем*** поверить в правду Ленина и Сталина… Основная часть массы в эту правду поверила – иначе и говорить было бы не о чем. Но целых десять лет после гражданской войны слишком много людей в России всё раскачивалось, всё качалось из стороны в сторону, то веря, то не веря Ленину, а затем – Сталину…

И это оказалось вторым обстоятельством, замедлявшим строительство новой России.

Лишь появление в общественной жизни России воспитанного эпохой Ленина массового слоя созидателей – тех, кого Ленин призывал «учиться, учиться и ещё раз учиться», в считанные годы гигантски продвинуло Россию вперёд.

Увы, Ленин, произнося и свою речь 1 мая 1919 года на Красной площади, и десятки других подобных публичных речей, тут же публикуемых в прессе, слишком хорошо думал о тех народных массах, ради которых начинал свою борьбу четверть века назад. Он надеялся, что его поймут ***сразу и все***…

Он ведь говорил правду.

Он был уверен, что его соотечественники и современники желают не просто сытого, но умного и увлекательного будущего своей Родине… Желают так же страстно и самозабвенно, как он сам. А они вместо этого – не все, конечно, но многие, – поднимали на селе восстания против Советской власти, а потом сами же ***искренне*** в том каялись… В городах – на фабриках и заводах, они работали уже не на хозяина, а на себя, далеко не с той отдачей, что Ленин в Кремле работал ***на них***… Они, имея профессорские звания и знания, так нужные для развития России, нередко использовали их не во благо, а во зло…

Сложный, слишком сложный человеческий материал получил Ленин в наследство от старого режима… Но другого народа в распоряжении Ленина не было – ростки нового надо было отыскивать в старом, и в старую почву бросать те нравственные и социальные «семена» «разумного, доброго, вечного», которые должны были прозябнуть, расти и вырасти в сплошную молодую и перспективную поросль.

Так, собственно, как Ленин задумывал, и вышло, но, увы, не так полно и быстро, как он рассчитывал… Сравним первое десятилетие после гражданской войны – с 1921 по 1931 год, и первое десятилетие после Великой Отечественной войны – с 1945 по 1955 год…

Первое советское десятилетие соединило в себе порыв и самоотверженность одних, злобу и сопротивление других, скепсис и равнодушие третьих… Поэтому результаты первого советского десятилетия и впечатляли, и разочаровывали, и обескураживали одновременно.

Иную картину имеем мы в первое послевоенное десятилетие. Воспитанный эпохой Ленина и Сталина народ, победивший в Великой Отечественной войне, работал, восстанавливая страну, веря в дело Ленина и Сталина, веря в свои силы ***и зная*** свои силы… Люди знали – чем лучше и самоотверженнее они поработают – ***на себя***, тем скорее опять хорошо и весело заживут они сами, а уж дети – тем более… И новый, небывалый в истории мира социальный феномен – советский народ, в пять лет – к 1950 году, восстановил полуразрушенную страну, ликвидировал атомную монополию США, и уверенно пошёл дальше. Лишь перерождающаяся «номенклатурная» хрущёвщина и затем нежно лелеемая «агентами влияния» брежневщина постепенно погасили этот порыв…

Но он был! А исходный импульс этому порыву дал Ленин – как идеолог, как практический вождь, как нравственный и интеллектуальный пример… И отдалённый результат этого ленинского импульса даже превзошёл результат в реальном масштабе времени.

Если бы народы Советской России и после гражданской войны сразу начали работать ***на себя*** с тем же желанием поскорее устроить жизнь, с каким работали народы Советского Союза ***после Отечественной войны***, то прогноз Ленина, сделанный 1 мая 1919 года на Красной площади, сбылся бы полностью в те сроки, которые он называл. Коммунизм в России к началу 50-х годов был возможен – как состояние материального достатка в духовно и интеллектуально развитом обществе. Но трудовая Россия не сразу стала работать на себя самоотверженно – ведь её ещё надо было нравственно пересоздать!

И пересозданная и созданная Лениным новая России год от года набирала темпы… Так что не только в виртуальной потенции, но и в реальности Ленин оказался исторически прозорлив.

Как он и предвидел, дети тех, кто начинал строить социализм, строили его здание усерднее, чем строили отцы, потому что уже пользовались плодами понесённых отцами трудов и жертв. И уже с первых лет Советской власти её защитниками и строителями стали не только взрослые, но и юноши и девушки, подростки, и даже дети. В России появилось и мгновенно стало повсеместным новое энергичное слово «комсомол», а чуть позже в жизнь вошло и звонкое слово «пионер»…

Российский коммунистический союз молодёжи (РКСМ) был образован 29 октября 1918 года на 1-м Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодёжи в Москве. Среди 176 делегатов-учредителей, представлявших 22 100 членов союзов, было 88 членов РКП(б), 38 сочувствующих РКП(б), 45 беспартийных, 1 левый эсер, 1 анархист-индивидуалист, 3 меньшевика-интернационалиста…

На 2-м съезде РКСМ, проходившем 5–8 октября 1919 года 429 делегатов [из них 286 – члены РКП(б)] представляли 491 организацию уже с более чем 96 тысячами членов.

За год комсомольцы стали активной силой – тоже небывалой не только в России, но и в мире. Более раннее буржуазное движение скаутов было, по сути, спортивно-туристским и задач переустройства общества себе не ставило. Российский комсомол ставил.

И сразу объявил себя помощником партии.

В декабре 1919 года комсомольцы Петрограда решили провести «неделю молодёжи» для вовлечения молодых в общественную жизнь, и попросили Ленина написать пару приветственных строк. И в первом же номере питерской комсомольской газеты «Смена» от 18 декабря 1919 года появилось приветствие Ленина «Нашей смене»:

«Приветствую рабоче-крестьянскую молодёжь Петроградской губернии в дни проведения красной недели.

Усиливайте, юные товарищи, нашу работу в этом направлении, чтобы со свежими молодыми силами приняться за устройство новой, светлой жизни.

В Ульянов (Ленин)»[1118]

Юную смену Ленин нацеливал на устройство светлой жизни… Однако время было всё ещё суровым… В те же весенние дни 1919 года, когда Ленин обращал свою речь на Красной площади в будущее, он написал короткую записку:

«*Понимать так, как есть: решение ЦК. Времена военные. Всё на наиболее трудное*»[1119]

Адресовалась записка Марии Михайловне Костеловской (1878–1964), члену партии с 1903 года, члену ВЦИК. Окончив Высшие женские курсы в Петербурге, до революции она вела партийную работу в Екатеринодаре, Ялте, Одессе, Москве, в 1917 году была секретарём Пресненского райкома РСДРП(б), членом штаба московской Красной Гвардии, а в 1918–1919 году руководила Военно-продовольственным бюро ВЦСПС.

В марте 1919 года решением ЦК Костеловская была назначена начальником политотдела 2-й армии Восточного фронта и обратилась с вопросом к Ленину – как понимать полученное ей новое назначение?

Ленин ответил ей так, как ответил.

Народ он убеждал, убеждал многообразно и неутомимо – это было его обязанностью. Товарищам и соратникам по борьбе он приказывал.

И это было его правом.

Костеловская уехала на фронт, потом работала в политотделе Балтфлота, но война закончилась, и в 1921 году Мария Михайловна вернулась в Москву, стала заведующей редакции «Правды»… Партия и Ленин ставили её в строй защитников новой России, теперь партия и Ленин возвращали её в строй мирных строителей новой России. Ведь конечной задачей и целью

большевиков было не разрушение – как в том их обвиняют глупцы или негодяи, а строительство.

Старое Ленин разрушал не для того, чтобы оставить после него пустырь, а для того, чтобы расчистить строительную площадку… При этом о сути, смысле и характере созидательной деятельности лично Ленина в послевоенный период (послевоенным, впрочем, его можно называть лишь условно) наиболее верным будет судить по документальным данным.

Его печатные труды тех лет – это пять увесистых томов с 41-го по 45-й том включительно. Плюс – три увесистых тома деловой переписки с ноября 1920 года по март 1923 года… Плюс – тома декретов Советской власти. Многие из этих декретов Ленин не просто подписывал, но готовил… И в любом случае он внимательно изучал и правил их проекты.

Напомню, что с начала 1918 года Ленин предполагал заняться мирным хозяйственным строительством, а пришлось ему с конца весны 1918 года заниматься преимущественно войной. Преимущественно, но – не исключительно! Приведу две ленинские телеграммы осени 1918 года. Первая адресована 28 октября 1918 года в Пермь, Уральскому совету народного хозяйства, а копия её – в Усолье, местному исполкому и заводоуправлению Березниковского завода:

«Предписываю Березниковскому заводу немедленно начать работы по организации радиевого завода согласно постановления Высовнархоза (ВСНХ. – *С.К.*). Необходимые средства отпущены Совнаркомом. Работы должны вестись под управлением и ответственностью инженера-химика Богоявленского, которому предлагаю оказать полное содействие…»[1120]

Вторая телеграмма отправлена 29 ноября 1918 года в Нижний Новгород, Нижегородскому совнархозу, а копия – директору Нижегородской радиолаборатории инженеру В. М. Лещинскому (1887–1919):

«Ускорьте получение радиолабораторией необходимых строительных материалов. Работа спешная и важная»[1121].

Ранее уже говорилось о том, как внимательно отнёсся Ленин к деятельности радиоинженера М. А. Бонч-Бруевича в области дальней радиосвязи и развития отечественной радиотехники и радиопромышленности. Выше приведено ещё одно документальное и далеко не единственное тому подтверждение…

От радия до радио – вот спектр государственных интересов Ленина с самого начала его руководства страной.

Поразительно, но – факт!

Гражданская война в разгаре, единственное облегчение – в Германии происходит революция и немцы вскоре эвакуируют Украину и оставят в покое Юг России. Но Ленин – посреди войны – думает о будущем, да ещё и о каком будущем – развитом, деятельном, выводящем Россию в передовые державы мира!

Две вышеприведённые и многие другие подобные телеграммы Ленин адресовал местным совнархозам, а во главе этой новой, небывалой в истории России и мира, сети региональных организаций стоял ВСНХ – Высший совет народного хозяйства, учреждённый при Совнаркоме 2(15) декабря 1917 года. К декабрю 1918 года ВСНХ стал штабом всей научно-технической политики и экономики России.

Рискуя утомить читателя, перечислю, однако, Главные управления ВСНХ: Главлеском, Главмука, Главкондитер, Главконсерв, Центрочай, Главтабак, Главсахар, Главупркож, Гомза (Государственные металлургические заводы), Главкоавиа, Главзолото, Главсланец, Главгвоздь, Центролак, Фармацентр, Центротук (Главный комитет удобрительных туков), Центроспирт, Главкрахмал, Главмех, Главбум, Главспичка, Главрезина.

В составе ВСНХ работали Всероссийский геологический комитет, Комитет государственных сооружений, Комитет хозяйственной политики, Комитет цен, Комитет по делам изобретений…[1122]

Это ведь было всё впервые в мире!

Впервые экономическая деятельность общества ставилась на плановую, прогнозируемую, управляемую и научную основу… На этом потом весь мир и учился – ***капиталистический*** мир! И прежде всего училась масштабному государственному планированию у Советской России Америка, умеющая оценить и использовать всё новое, стоящее и полезное…

До Октября 1917 года в России существовал ряд неправительственных организаций промышленников, которые выполняли некие координирующие функции… Уже в 1874 году был создан Совет съезда горнопромышленников Юга России, в 1880 году – Совет съездов горнопромышленников Урала, в 1883 году – Совет съездов бакинских нефтепромышленников… С 1905 года существовал с резиденцией в Харькове Совет съезда русских фабрикантов земледельческих машин и орудий… На долю предприятий, объединяемых последним Советом, приходилось 40 % всех занятых в отрасли рабочих, но лишь рабочие были русскими, а сам Совет состоял почти исключительно из представителей иностранного капитала при лидерстве «Международной компании жатвенных машин в России» – филиала американского треста «International Harvester Company»…

Все эти капиталистические Советы занимались прежде всего синдицированием своих отраслей, то есть – созданием объединений, совместно ведущих не производственную, а коммерческую деятельность, решающих вопросы ценообразования (как правило, для вздутия цен), и т. п.

Высший Совет Народного Хозяйства в России Ленина имел совершенно иные смысл, природу, задачи и роль в обществе… Он становился штабом строительства новой могучей и всесторонне развитой социалистической России. Причём в ленинский ВСНХ уже в 1918 году пришло немало беспартийных и даже буржуазных экономистов-практиков и статистиков. Хорошо разбирающиеся в сути хозяйственных проблем России, именно в Ленине и большевиках они увидели исторический шанс для России и включились в работу ВСНХ, а затем – и Госплана РСФСР.

Вот, например, Владимир Густавович Громан (1874–1940)…

В революционном движении – с 1902 года, меньшевик, дважды был в ссылке, активно участвовал в революции 1905 года, был автором одного из проектов аграрной программы, представленной IV (Объединительному) съезду РСДРП.

Ленин хорошо знал Громана, его имя не раз встречается на страницах ленинских дооктябрьских работ – в контексте негативном. Так, в октябре 1906 года в опубликованной в газете «Пролетарий» статье «Обывательщина в революционной среде» Ленин писал:

«В литературе социал-демократов новинкой по части контрреволюционных настроений явился московский еженедельник „Новое дело“. Кадетская печать протрубила уже все уши об этом новом и крупном „прогрессе“ меньшевиков, – одним словом просвещённое общество образованных предателей русской революции (эх, как о сегодняшних сказано. – *С.К.*) пришло в необычайно восторженное волнение…»[1123]

А далее сообщалось, что во главе ликвидаторского «Нового дела» стоят «видные меньшевики, гг. Маслов, Череванин, Громан, Валентинов…»

В январе 1907 года Ильич опять помянул Громана:

«„Соглашатели“ рвут и мечут. Они говорят о большевиках с пеной у рта. Долой большевиков! В трогательном единении „Новое время“, …октябристы и кадеты, Водовозовы и Громаны предпринимают священный поход против красного призрака большевизма…»[1124]

Не более добрым словом Ленин поминал Громана и позднее… При всём при том Громан был не только крупным меньшевиком, но и крупным экономистом, известным в царской России и как теоретик, и как практик. С первого дня Февральской революции он стал председателем

продовольственной комиссии Петросовета, в 1918 году был председателем Северной продовольственной управы, но с большевиками тогда общего языка не нашёл.

Выступая 4 июня 1918 года на объединённом заседании ВЦИК и Московского совета, Ленин весьма зло бросил:

– Когда нам будут указывать, как указывает Громан в своём докладе: «Ваши отряды, которые идут собирать хлеб, они спиваются и сами превращаются в самогонщиков, в грабителей» – мы скажем: мы прекрасно знаем, как часто это бывает, …мы это не прикрываем, не прикрашиваем, не отмахиваемся… Да, рабочий класс китайской стеной не отделён от старого буржуазного общества. И когда наступает революция, дело не происходит так, как со смертью отдельного лица, когда умерший выносится вон. Когда гибнет старое общество, труп его нельзя заколотить в гроб и положить в могилу. Он разлагается в нашей среде, этот труп гниёт и заражает всех нас… [1125]

Однако от услуг Громана как эксперта в РСФСР не отказывались, и 24 марта 1920 года Совет Обороны образовал под председательством Громана комплексную комиссию с задачей исследовать влияние империалистической войны и интервенции на экономику и общественную жизнь страны – с подсчётом всех убытков.

Считается, что со своей непростой задачей комиссия Громана не справилась, почему 7 сентября 1920 года и была ликвидирована, но, судя по упоминаниям о ней в ленинских записках 1921–1922 года, работу Громан проделал тогда весьма небесполезную… С 1921 года он стал членом Президиума Госплана РСФСР и членом коллегии Центрального Статистического Управления.

Любопытно, что ещё до Октября 1917 года – 27 мая (9 июня) 1917 года, Ленин, анализируя в своей статье «Доклады о разрухе» ряд докладов в прессе меньшевиков, приводил следующую мысль Громана:

«Ни у правительства, ни у страны до сих пор нет центра, который регулировал бы экономическую жизнь страны, нет, так сказать, экономического мозга. Его необходимо создать… Должен быть организован властный исполнительный орган. Нужно создать экономический совет…»

Эту мысль Ленин прокомментировал тогда так:

«Новое бюрократическое учреждение – вот к чему сводится мысль Громана! Печально.

Все признают, что неслыханная катастрофа неминуема. Но не понимают главного: вывести страну из неё способен *только революционный класс*»[1126].

Прошло менее полугода, и Ленин подписал Декрет ВЦИК и СНК об учреждении при СНК Высшего Совета Народного Хозяйства с задачей организации народного хозяйства и государственных финансов, а также выработки общих норм и планов регулирования экономической жизни страны.

Так что – Ленин, выходит, не понял сразу идей Громана, и лишь позднее до них «дозрел»? Или, может быть, большевик Ленин лицемерил, когда, находясь вне власти, отозвался крайне скептически о той идее меньшевика Громана, которую, придя к власти, тут же воплотил в реальный государственный механизм!?

Нет, конечно!

Громан высказывал идею, абсолютно верную в принципе, но абсолютно нежизнеспособную в условиях «временной» России. Он предлагал создать экономический совет, который в буржуазной России не имел бы никаких реальных властных прав и полномочий.

А вот Советской России, России Ленина, экономический хозяйственный штаб был

необходим абсолютно. И Громан вошёл в число советских хозяйственных «генштабистов».

Он так и не стал энтузиастом социалистического строительства, то и дело сомневался в его успехе, ратовал за полную свободу рыночных отношений, но, в то же время, вошёл в число основных разработчиков балансового метода народнохозяйственного планирования. В 1928 году Громан удостоился звания Заслуженного деятеля науки, однако в 1929 году от работы был отстранён, в 1930 году арестован, а в 1931 году фигурировал как главный обвиняемый на процессе «Союзного бюро РСДРП(меньшевиков)» и получил десять лет заключения.

В заключении и умер.

Роль Громана в становлении советской плановой экономики оказалась, как видим, неоднозначной. Тем не менее, его судьба характерна – как и для многих других крупных специалистов – не тем, что он работал, вроде бы, на социализм, а потом получил «срок», а тем, что он – так или иначе, внёс свой вклад в формирование ленинской новой России.

Показательно, что академик и царской, и советской Академии наук Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), один из основателей партии кадетов, в 1917 году товарищ министра народного просвещения Временного правительства, находясь на территории, занятой «белыми», записал 24 декабря 1919 года (6 января 1920 года) в дневнике:

«*Мысль невольно обращается к будущему… Идёт катастрофа* (так Вернадский оценивал „красное“ наступление на Деникина. – *С.К.*), *или же большевики будут остановлены и волна пойдёт обратно? Могут быть оба варианта. Как-то мало верится в государственные черты и творчество людей из ДА* (Добровольческая армия. – *С.К.*). *Серые люди из серых. В этом отношении большевики ярче…*»[1127]

Ещё бы!

Конечно – ярче!

К этой, в сущности – очевидной, мысли Вернадский пришёл через многие тягостные сомнения и раздумья, сопоставляя и оценивая. Алексей Толстой, который тоже не сразу пришёл к признанию правды Ленина, недаром ведь назвал свою трилогию о судьбах интеллигенции в период с начала 10-х годов до начала 20-х годов XX века «Хождение по мукам». Название выразительное, но в системном отношении оно тождественно названию «Блуждание в трёх соснах».

К слову, за три месяца до приведённой выше записи – 15(28) сентября 1919 года, Вернадский записал в дневнике: «*Здесь всё увеличивается накипь и тина жизни – серые будни. Рябушинские грабят и спекулируют вовсю, пользуясь своим влиянием*».

Речь – о тех братьях Рябушинских, которых сегодня подают как образец русских патриотов и одновременно «деловых людей». А эти «патриоты» – владельцы «Товарищества московской объединённой промышленности», заключили с «белым» Донским правительством договор на поставку заграничной мануфактуры, крайне невыгодный для последнего[1128].

Кому война – мачеха, а кому – и мать родная…

Увы, как и многие другие учёные и специалисты старой России, Владимир Иванович Вернадский к критическому взгляду на «белых» пришёл не сразу. Тем более не сразу он пришёл к осознанию необходимости для России «красных»… На следующий день после Октябрьской революции Вернадский, видный кадет, протестовал в буржуазном Комитете спасения против любого участия большевиков в правительстве, не соглашаясь на возможность вхождения в него «даже приличных большевиков» вроде М. Н. Покровского[1129].

Вернадский и в годы гражданской войны весьма нелестно отзывался о Ленине – как и великий русский физиолог, нобелевский лауреат Иван Павлов (1849–1936). В 1920 году Павлов направил наркому просвещения Луначарскому письмо, в котором заявлял, что он, «как стародавний экспериментатор жизни, хотя и примитивной», глубоко убеждён в том, что

проводимый в России социальный эксперимент «обречён на непременную неудачу»[1130].

В 1918 году Павлов выступил с публичной лекцией «О русской душе», которую начал с того, что заявил, что «наша интеллигенция, то есть мозг родины, в погребальный час великой России не имеет прав на радость и веселье»…

Иван Павлов говорил далее не столько о русской душе, сколько о русском уме, и говорил увы, тоже не очень-то умно: «Мне кажется, что мы не наклонны к сосредоточенности, не любим её, мы даже к ней отрицательно относимся… Русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова и ими оперирует… Мы оперируем насквозь общими положениями, мы не хотим знаться ни с мерой, ни с числом…»

Павлов уверял, что немецкие социал-демократы «приобретут ещё новую силу, а из-за нашей русской социал-демократии мы, быть может, кончим наше политическое существование»…

В итоге Павлов советовал России в 1918 году вот что: «Ну, хорошо, мы, может быть, лишимся политической независимости, мы пойдём под пяту одного, другого, третьего. Но мы жить-таки будем! Следовательно, для будущего нам полезно иметь о себе представление…»[1131]

Это что, великий русский патриотизм – готовность идти под чужеземную «умную» пяту? Насколько, всё же, духовно и политически мелкими бывают порой даже великие интеллекты!

А вот Ленин отнёсся к судьбе Павлова как ответственный государственный лидер. 25 июня 1920 года он писал Зиновьеву о том, что Павлов просится за границу, но отпускать его «вряд ли рационально», потому что Павлов заявляет, что «будучи правдивым человеком» «не сможет… не высказываться против Советской власти», и далее Владимир Ильич продолжал:

«*Между тем учёный этот представляет собой такую большую культурную ценность, что невозможно допустить насильственного удержания его в России при условии материальной необеспеченности.*

Ввиду этого желательно было бы, в виде исключения, предоставить ему сверхнормальный паёк и вообще озаботиться о более или менее комфортабельной для него обстановке не в пример прочим…»[1132]

Зиновьев мог бы озаботиться положением Павлова и сам, но уже тогда начиналось нравственное перерождение «вождя Северной коммуны».

Что-то для Павлова было тогда сделано, но, так или иначе, 9 ноября 1920 года правление шведского Красного Креста обратилось к Ленину с просьбой разрешить Павлову выехать в Швецию, «где ему была бы предоставлена возможность в благоприятной и спокойной обстановке проводить свои великие исследования»… Конечно, это была провокация, так что Ленин в предельно вежливом ответе 2 февраля 1921 года просьбу отклонил и написал:

«*…в настоящее время Советская Республика вступила в период интенсивного хозяйственного строительства, что требует напряжения всех духовных и творческих сил страны и делает необходимым эффективное содействие и сотрудничество таких выдающихся учёных, как профессор Павлов…*

…Теперь, когда военные нападения всех врагов России отбиты и взаимные связи со странами Западной Европы постепенно, но неуклонно устанавливаются, существует надежда, что для развития и применения русской науки будут созданы необходимые условия»[1133].

Незадолго до этого – 24 января 1921 года, Ленин подписал постановление СНК «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников». СНК постановлял «отпечатать роскошным изданием» труды Павлова; предоставить Павлову и его жене «специальный паёк, равный по калорийности двум академическим пайкам» и обеспечить им «пожизненное пользование занимаемой ими квартирой», обставив её и лабораторию Павлова «максимальными удобствами»…

В советское время Павлов успешно работал на своей знаменитой Биологической станции в Колтушах, которая стала по его выражению «столицей условных рефлексов». Но в полной мере Павлов осознал, что есть новая Россия, уже на смертном, по сути, одре – в 1936 году…

Ещё за два года до этого, в период подготовки к празднованию 85-летнего юбилея Павлова в 1934 году, Каганович и Молотов писали Сталину, что Павлов «может плохо отнестись к награждению орденом, но ждёт приветствия Совнаркома», и предлагали учредить премию имени Павлова и т. д., осветив в печати юбилей Павлова «примерно как юбилей Мичурина».

Сталин ответил: «*Павлов, конечно, не Мичурин. Мичурин политически наш, а Павлов не наш. Нужно, чтобы эта разница не была смазана в печати, особенно в „Известиях“ у Бухарина. Никакого ордена ему не следует давать, даже если бы он хотел получить его. Во всём остальном согласен*»[1134].

Но буквально накануне смерти в обращении к молодёжи Павлов писал:

«Наша Родина открывает большие возможности перед учёными, и нужно отдать должное – науку щедро вводят в жизнь в нашей стране. До последней степени щедро!

Что же говорить о положении молодого учёного у нас? Здесь ведь всё ясно и так. Ему многое даётся, но с него и многое спросится. И для молодёжи, как и для нас, вопрос чести – оправдать те большие упования, которые возлагает на науку наша Родина»[1135].

Ну, что тут можно сказать, кроме: «Угу!»?

Возвращаясь же к Владимиру Вернадскому, сообщу, что с 1922 по 1926 год Вернадский – уже советский гражданин, находился во Франции и Чехословакии… Формально он выезжал в научную командировку – читать лекции, а на деле изыскивал возможность перебраться в США с целью основать Международный институт живого вещества. Однако кроме французского мецената Л. Розенталя, выходца из России, и Советского правительства никто интереса к новым исследованиям академика на проявил[1136].

В итоге Вернадский вернулся в СССР и плодотворно, надо сказать, поработал для новой России, осенённой знаменем Ленина. В частности, в 1927 году он организовал Отдел живого вещества АН СССР, преобразованный в 1929 году в Биогеохимическую лабораторию…

Но не все шли к работе на народную Россию Ленина так сложно, как Павлов и Вернадский. Например, великий русский гидро– и аэродинамик Николай Егорович Жуковский (1847–1921), много сделавший для русской авиации, под конец жизни – в России Ленина, в практическом отношении сделал больше, чем за десятилетия до этого!

Уже в декабре 1918 года декретом СНК был учреждён будущий крупнейший, мирового уровня, научный центр – Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ) во главе с Жуковским.

На базе организованных Жуковским в 1913 году теоретических курсов для военных лётчиков в 1920 году был создан Институт инженеров красного воздушного флота, преобразованный в 1922 году в Военно-воздушную инженерную академию имени проф. Н. Е. Жуковского…

Жуковский прожил в России Ленина недолго, жил в самые трудные её годы, но прожил он эти годы не на обочине эпохи, а идя по её столбовой дороге.

А выдающийся математик, механик и кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов (1863–1945), дважды адмирал – императорского и Рабоче-Крестьянского флота, и дважды академик – Российской АН и АН СССР! Крупнейшая величина в старой России, он стал корифеем советской науки, Героем Социалистического Труда, кавалером трёх орденов Ленина…

Подобных судеб – пусть и менее ярких, чем у академика Крылова, было множество, и томб 2-го – «синего», «сталинского» издания Большой Советской энциклопедии содержат в себе статьи ***о многих сотнях*** крупных деятелей советской науки и техники, которые вышли из среды признанных уже в царское время специалистов. О некоторых из тех, чья судьба пересеклась с

судьбой Ленина, ниже будет сказано.

Процент наиболее образованных офицеров царской армии – офицеров Генерального штаба, был у «красных» выше, чем у «белых»… Так же и процент толковых царских специалистов научного и технического профиля, оставшихся в России Ленина и работавших для неё, был много выше, чем процент эмигрировавших. В октябре 1920 года – когда основная эмиграция специалистов состоялась – в Париже, например, образовался «Союз русских инженеров во Франции», и по докладной записке председателя правления П. Финисова «российскому послу» «в одном только Париже оказалось до 100 инженеров всевозможных специальностей». Цифра, как видим, не впечатляет, при этом известных фигур среди членов Союза не было[1137].

Изданный в 2006 году издательством «УРСС» биографический сборник «Российская научная эмиграция» вместил в себя всего двадцать «портретов», среди которых только профессор-механик С. П. Тимошенко (1878–1972) (по его учебнику сопромата учились и советские студенты), химики А. Е. Чичибабин (1879–1945) и В. Н. Ипатьев (1867–1952), энтомолог Б. П. Уваров (1888–1970) и авиаконструктор Игорь Сикорский (1889–1972) эмигрировали из Советской России признанными авторитетами в своих областях знания, и не затерялись на Западе.

Наиболее крупным русским инженером, ставшим огромным приобретением для Америки, оказался Владимир Козьмич Зворыкин (1888–1982), крупнейший электронщик, но и тот не вернулся в СССР лишь по случайности, а его родной дядя Константин Алексеевич Зворыкин (1861–1928), автор фундаментальных трудов по теории резания, поработал и для советских науки и техники. Основная часть дореволюционных русских учёных продолжила свою научную судьбу уже как как советские учёные…

19 сентября 1919 года Горький отвечал из Петрограда Ленину в Москву на письмо Ленина от 16 сентября – где Ленин жёстко отозвался о позиции Короленко… Читатель знаком с этим письмом Ленина, да и ответ Горького тоже частично приводился. Однако обратимся к этому ответу ещё раз.

Горький в сентябре 1919 года писал:

«*Велите Ком*[иссариату]. *Нар*[одного]. *Прос*[вещения]. *дать Вам краткий перечень открытий и изобретений, сделанных за время существования Сов*[*етской*]. *Власти*, и *Вы убедитесь, что… будучи опубликован, перечень этот имел бы огромное агитационное значение не токмо у нас, но и за границей, в Антанте*…»[1138]

Горький ломился в открытые двери – всё, что он писал, Ленин знал получше Горького, который от «несвоевременных мыслей» перешёл к несвоевременному энтузиазму, да и тот у него удивительнейшим образом сочетался тогда как с оптимизмом, так и со слепым пессимизмом.

Горький писал:

«*Эта революция наша* (уже „наша“, а не „Ваша“ – спасибо и на том! – *С.К.*) – *на десятки лет; где силы, которые поведут её достаточно разумно и энергично? Рабочий класс истребляется… Крестьянство? До сей поры оно ещё не делало революций социалистических, – Вы думаете, сделает? „Блажен, кто верует, – тепло ему на свете“, – а я в мужика не верю, считая его непримиримым врагом рабочего и культуры*…»[1139]

Поразительно! Горький, родом из небогатой разночинской семьи, одно время живший жизнью чуть ли не люмпена, не верил в созидательные силы ***всего*** народа так, как верил в них Ленин – природный интеллигент и, как-никак, потомственный дворянин!

Ленин не заблуждался относительно политического развития крестьянства и прекрасно понимал значение рабочих. Он прямо говорил в публичных речах, что задача крестьянства и

власти – ***спасти рабочих***, даже если они в данный момент не работают, потому что простаивают заводы. Завтра заводы начнут работать только в том случае, если будет кому на них работать, если в России сохранятся квалифицированные рабочие.

Но Ленин – в отличие от Горького, понимал и то, что крестьянская масса тоже имеет огромный потенциал социалистического строительства! Рабочие старой России – России полупромышленной, вышли из села, и только из села могут выйти новые массы промышленных рабочих, требующиеся для новой – индустриальной России…

Придёт час Великой Отечественной войны, и окажется, что бульшая часть Героев Советского Союза – лётчиков, это выходцы из нового советского села! Можно ли найти более яркое и убедительное доказательство того, как фатально и слепо ошибался Горький в 1919 году насчёт того народа, в который Ленин верил и в 1919 году, и до 1919 года, и после 1919 года?

Ленин не был, конечно, непогрешим, и не раз ошибался в тех или иных своих прогнозах, надеждах и даже решениях и действиях. Но удивительно то, ***каким небольшим*** оказался процент его ошибок! Удивительно то, ***как точно*** он ставил перед обществом задачи, которые России были вполне под силу, и которые Россия уже тогда начала выполнять…

Ленин всегда говорил правду, и если он говорил Горькому о мужицкой стихии разрушения, то он говорил об этом же и публично – не брезгливо и свысока, а честно – для того, чтобы эту стихию влить в чёткие рамки положительной общественной работы.

В статье «Успехи и трудности Советской власти» Ленин, не имея в виду прямо Горького, но, фактически, адресуясь и к нему, писал в апреле 1919 года:

«Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хорошеньких, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социализм. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, но не серьёзная политика.

Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе. Есть пролетарии, которые закалены так, что способны переносить в тысячу раз бульшие жертвы, чем любая армия; есть десятки миллионов крестьян, тёмных, разбросанных, но способных, если пролетариат поведёт умелую тактику, вокруг него объединиться в борьбе. И затем есть специалисты науки, техники, все насквозь проникнутые буржуазным миросозерцанием…

Что касается народного хозяйства, то все агрономы, инженеры, учителя – все они брались из имущего класса; не из воздуха они упали! Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройти университета не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне…»[1140]

Это была пока лишь констатация того, что есть… Но далее Ленин подводил итог и давал России ориентир:

«Наука и техника – для богатых, для имущих; капитализм даёт культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасёнкой. У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов.

И если вы не построите коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразёры, болтуны»[1141].

Да, уж чем-чем Ленин никогда не страдал, так это тем, что он сам же назвал «коммунистическим чванством», «комчванством»… Выступая с заключительным словом по партийной программе на VIII съезде РКП(б) 19 марта 1919 года, он говорил:

– К нам приезжают товарищи из Германии, чтобы уяснить себе формы социалистического строя… Было бы смешно выставлять нашу революцию каким-то идеалом для всех стран, воображать, что она сделала ряд гениальных открытий и ввела кучу социалистических новшеств… У нас есть практический опыт осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства. Больше ничего нет. Если мы будем корчить из себя лягушку, пыхтеть и надуваться, это будет посмешищем на весь мир, мы будем простые хвастуны…[1142]

Но тут Ленин – желая удержать товарищей от опасной самоуверенности, чересчур уж поскромничал. Уже в первые годы Советской власти она приобретала опыт не только разрушения старого, но и строительства нового… И, пожалуй, в некотором отношении, успехи в последнем были более крупными и прочными, чем успехи в первом… Скажем, с 6 по 19 мая 1919 года в Москве проходил I Всероссийский съезд по внешкольному образованию, где выступали Ленин, Луначарский, Крупская… Собственно, с этого съезда было положено начало национальной программе по ликвидации неграмотности. И этим – да разве только этим! – Советской власти было не грех и похвалиться.

Для любого тиранического режима образование масс смертельно опасно. То, насколько массовое образование в стране ориентировано на воспитание всесторонне развитых, хорошо образованных и умеющих думать поколений, в полной мере выявляет суть общественного строя страны.

А Россия Ленина выставляла себе именно такие социальные ориентиры. В 1919 году Ленин ставил перед народом задачу обеспечения полной грамотности… Пройдёт всего три десятка лет, и дети и внуки тех, кто научился читать и писать по программе Ленина, будут изучать в сталинской средней школе начальный курс ***логики***!

Народ учили логике лишь два политических лидера мировой истории – Ленин и Сталин… Если о ком-то из лидеров социалистических стран и можно сказать нечто подобное, то они тут лишь следовали по стопам двух великих вождей мира труда!

А логика у Ленина всегда была железной, что он лишний раз доказал, выступая на съезде по внешкольному образованию, где сказал:

– Нас отбросила назад, к варварству, империалистическая война, и если мы спасём трудящегося, спасём главную производительную силу человечества – рабочего, – мы всё вернём, но мы погибнем, если не сумеем спасти его… В тот момент, когда страна разорена, наша главная задача – отстоять жизнь рабочего, спасти рабочего, а рабочие гибнут потому, что фабрики встают, а фабрики встают потому, что нет топлива, и промышленность оторвана от мест получения сырья… Сырьё нужно подводить русским хлопчатобумажным фабрикам из Египта, из Америки, самое близкое из Туркестана, а вот подвезите, когда там контрреволюционные банды и английские войска захватили Ашхабад и Красноводск, подвезите из Египта, из Америки, когда железные дороги не возят, когда их разорили, когда они стоят, угля нет.

Надо спасать рабочего, хотя он не может работать. Если мы спасём его на несколько лет, мы спасём страну, общество и социализм. Если не спасём, то скатимся назад, в наёмное рабство…[1143]

Эта мысль Ленина сегодня вновь актуальна.

Буржуазная, сдающая сама себя Западу, ельциноидная Россия более двадцати лет уничтожает свой рабочий класс, деквалифицирует рабочих – главную производительную силу общества. И если мы не начнём возвратный процесс, то окончательно погубим Россию.

Вот пример, достойный того, чтобы над ним подумать… На советском Харьковском тракторном заводе работало 80 тысяч человек, а накануне трагедии Украины в 2014 году – 3 тысячи… В результате, когда бандиты, оплаченные Америкой, провели «Майданный» переворот, противостоять ему оказалось некому – Украина уничтожила вначале своих рабочих, а затем – и себя, как гражданское общество.

Впрочем, сейчас у нас речь о проблемах России Ленина…

И коль уж пришлось, к слову, сказать об Украине, то сообщу, что 4 января 1920 года одновременно в «Правде» и «Известиях ВЦИК» было опубликовано ленинское «Письмо к рабочим и крестьянам Украины», где Ленин писал:

«Мы хотим *добровольного* союза наций… Поэтому, неуклонно стремясь к единству наций, мы должны быть очень осторожны, уступчивы к пережиткам национального недоверия…

Если великорусский коммунист настаивает на слиянии Украины с Россией, его легко заподозрят украинцы в том, что он защищает такую политику по предрассудкам старого великорусского национализма, империализма…

Если украинский коммунист настаивает на безусловной государственной независимости Украины, его можно легко заподозрить в том, что он защищает такую политику в силу мелкобуржуазных, мелкохозяйских национальных предрассудков…»[1144]

Здесь был тонкий момент – современный читатель может спросить в недоумении: «Что Ленин имеет в виду? Если кто-то подвержен мелко хозяйским предрассудкам, то какой же он коммунист?»

Но в том-то и дело, что понятия «большевик», «коммунист» к 1920 году приобрели в России смысл, очень отличный от того, который вкладывался в эти понятия, скажем, весной 1917 года, не говоря уже о временах более отдалённых.

После, например, Пражской партийной конференции 1912 года понятие «большевик» относилось к достаточно компактной по настроениям и устремлениям, по политическим взглядам группе не более чем в несколько тысяч человек, большинство из которых были весьма зрелыми политическими работниками.

Весной и летом 1917 года понятие «большевик» приобрело уже намного более расширительный смысл, охватывая десятки тысяч, а к осени – уже двести-триста тысяч человек, которые пошли за большевиками «пражского», так сказать, образца… Это был массовый слой «унтер-офицерского» большевизма, где далеко не каждый рядовой сторонник партии или её член имел не то что зрелые политические взгляды, но хотя бы минимальную политическую подготовку. Человек был «за Ленина против кадетов», и уже это обеспечивало ему членский билет, который не обеспечивал ему никаких выгод и материальных прав, кроме морального права считать себя членом партии Ленина.

К 1920 году понятие «большевик» ещё более расширилось количественно – в партии насчитывалось уже более полумиллиона членов, но при этом границы «большевизма» оказались ещё более размытыми… Достаточно сказать, что на право считаться основной коммунистической партией на Украине в 1920 году претендовала Украинская коммунистическая партия боротьбистов, до августа 1919 года – Украинская партия социалистов-революционеров коммунистов боротьбистов (от «боротьба» – «борьба»)… И за всем этим квази-коммунистическим «винегретом» скрывались, по сути, украинские левые эсеры, разбавленные «левыми» петлюровцами и т. д. «Боротьбисты» дважды обращались в Исполком Коммунистического Интернационала с просьбой принять их в Коминтерн, но им было рекомендовано влиться в КП(б)У. Кончилось тем, что IV конференция КП(б)У высказалась за принятие в свои ряды боротьбистов с обязательной перерегистрацией… Многие боротьбисты так и поступили, но подлинными большевиками стали далеко не все, и даже 1937 год не всех их

в КП(б)У подчистил…[1145]

В 1920 году до радикальных «чисток» было ещё далеко – Ленин был склонен к объединению всех, кто стоял на платформе диктатуры пролетариата, и здесь мог пригодиться даже ненадёжный союзник… Так царю Петру приходилось, скрепя сердце, брать в союзники польского короля Августа – на какое-то время этот лживый «поляк», по основной «профессии» – курфюрст Саксонии, был в союзниках менее вреден, чем в открытых врагах.

Ещё шла война, ещё колебались чаши весов как борьбы, так и «боротьбы», а в России Ленина замышлялась грандиозная социальная работа… И это была работа не на один год – новое общество в одночасье не строится, великая индустриальная держава за год и даже за десять лет не рождается. А если и рождается – как это произошло с Россией с 1930 по 1940 годы, то такой «чудесный» исторический «экспромт» надо было хорошо подготовить.

Ленин и закладывал основы успеха этого будущего «экспромта»… По мере сворачивания гражданской войны появлялась возможность разворачивать социальное и народнохозяйственное строительство, невозможное без соответствующей материальной базы. Закладкой комплексной базы будущего величия России – «от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей», Ленин, и занялся с начала 20-х годов вместе с наиболее здоровой и деятельной частью российского общества. Более-менее освободившись от забот военных, можно было тратить намного больше времени и сил на заботы мирные…

23 января 1920 года Ленин писал в письме старому товарищу и соратнику ещё со времён петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Г. М. Кржижановскому:

«Глеб Максимилианович!

Статью получил и прочёл.

Великолепно…

Нельзя ли добавить *план* не технический, а политический или государственный, т. е. задание пролетариату?

Примерно: в 10 (5?) лет построим 20–30 (30–50?) станций, чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) вёрст радиуса; на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти… Начнём-де сейчас закупку необходимых машин и моделей. Через 10 (20?) лет сделаем Россию „электрической“.

Подобный „план“ надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне *научной* в основе) перспективой: за работу-де, и в 10–20 лет мы Россию всю, и промышленную, и земледельческую, сделаем *электрической*…

Повторяю, надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой на 10–20 лет.

Поговорим по телефону.

Ваш *Ленин*.

P. S. Красин говорит, что электрификация железных дорог для нас невозможна. Так ли это? А если так, то, может быть, будет возможна через 5-10 лет? Может быть на Урале возможна?..»[1146]

Статья Кржижановского «Задачи электрификации промышленности» – с упоминания о ней и начиналось письмо Ленина Кржижановскому, была опубликована 30 января 1920 года в «Правде». В феврале 1920 года была принята резолюция ВЦИК об электрификации России. А 23 марта 1920 года Совнарком принял Постановление о Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО).

Ленин готовился дать народу великую программу создания новой России. Впервые в истории России её высший лидер ставил грандиозные задачи непосредственно перед народной

массой, и ставил их во имя обеспечения интересов массы и её развития, как материального, так и духовного!

И вот этому величайшему реформатору России кое-кто из тех, кто просто ***обязан был*** увлечься этой программой, показывал кукиш… Для понимания того исторического фона, на котором Ленин начинал свою мирную работу преобразователя России, приведу бульшую часть письма профессора Степана Тимошенко, эмигрировавшего в США, Владимиру Вернадскому, который всё ещё колебался – последовать ли примеру Тимошенко, или работать в России и для России?

Итак, 14 марта 1925 года Тимошенко писал из Питтсбурга:

«*Видел летом академика Стеклова* (крупнейший русский и советский математик, – *С.К.*) *на съезде в Торонто. Крупный учёный, который, казалось бы, мог держаться независимо, а вот „услужает“ большевикам. Послушать его, так большевизм не хуже* (ну, спасибо Стеклову и на этом, – *С.К.*) *царского режима, и тогда бывали обыски, бывали притеснения студентов и шпионство, и теперь делается то же. Я привык считать, что вовсе не то же, а что-то в 1000 раз худшее. О Дзержинском* (тогда уже не только председатель ОГПУ, но и председатель ВСНХ СССР. – *С.К.*) *говорит Стеклов как о твёрдом правителе, а не как о палаче.*

Вот эта готовность русского человека „услужать“ и есть вероятная причина прочности большевиков. Довольно иметь кучку наглецов – и все готовы подчиниться…»[1147]

В действительности наглецом был, конечно же, сам Тимошенко! Крупнейший учёный в области механики деформируемого твёрдого тела, он был абсолютным профаном в области «социальной механики», но с кондачка судил Ленина и большевиков, принявших на себя тяжелейший исторический груз.

В том же письме Вернадскому, Тимошенко писал, между прочим:

«*…Здесь в Америке постоянно приходится видеть подтверждение высказанной Вами мысли, что в общем распределении продуктов человеческого труда интеллектуальный работник получает непропорционально малую долю.*

Капиталисты с одной стороны, а рабочие – с другой, получают, благодаря своей организации и благодаря грубым методам действия больше, нежели они действительно стоят. Особенно печально, что доля рабочих высока. В Америке ясно видно, что повышение материального благосостояния рабочего не сопровождается повышением духовных запросов. Духовно – это дикарь, хотя он имеет автомобиль и живёт в удобном доме. По здешним газетам и по полному отсутствию интереса к книгам видно, как убога духовная жизнь этих людей…»

Вот как мыслили российские интеллектуалы, которые оказались по ту сторону баррикад от Ленина, ставящего перед народами России задачу сообща подняться до высот ума и духа. И мыслили ведь все эти высокоумные тимошенки, если вдуматься, подло…

С одной стороны, они считали, что в совокупном общественном потреблении непропорционально велика доля не капиталистов, а тружеников…

С другой стороны, они заявляли: дайте материальные блага мне, интеллектуально развитому, а рабочий – обойдётся, он по определению недостоин духовных высот…

С третьей же стороны, высоко (увы, действительно высоко) интеллектуальный профессор Тимошенко и иже с ним, мнящие себя носителями высоких духовных запросов, на самом деле недалеко ушли духовно от тех американских рабочих, которых они презрительно оценивали как дикарей. И даже более того! Духовная скудость среднего американца была тщательно воспитана капитализмом, а духовную скудость Тимошенко и ему подобных нельзя оправдывать ничем!

Особенно, если знать, что были – во множественном, повторяю, числе – и прямо противоположные примеры…

Так, в истории создания новой – ленинской, «электрической» – России надо особо выделить четыре имени: Классон, Шателен, Графтио и Винтер…

И все четыре имени не раз встречаются в послеоктябрьской переписке Ленина…

Собственно, Роберта Эдуардовича Классона (1868–1926) читатель должен помнить и по дооктябрьскому периоду деятельности Ленина – Классон принимал участие в революционном движении, но позднее отошёл в чисто инженерную деятельность и стал в старой России крупным инженером-электротехником. В 1914 году он также предложил гидравлический способ добычи торфа, который после Октября 1917 года получил активную поддержку Ленина.

Отношение Владимира Ильича к Классону не было однозначным. 2 ноября 1920 года он писал ему:

«Т. Классон!

Я боюсь что Вы – извините за откровенность – не сумеете пользоваться постановлением СНК о Гидроторфе. Боюсь я этого потому, что Вы, по-видимому, слишком много времени потратили на „бессмысленные мечтания“ о реставрации капитализма и не отнеслись достаточно внимательно к крайне своеобразным особенностям переходного времени от капитализма к социализму. Но я это говорю не с целью упрёка и не только потому, что вспомнил теоретические прения 1894–1895 годов с Вами, а с целью узкопрактической.

Чтобы использовать как следует постановление СНК, надо:

Беспощадно строго обжаловать вовремя его нарушения, внимательнейше следя за исполнением и, разумеется, выбирая для обжалования лишь случаи, подходящие под правило „редко, да метко“…

От времени до времени – опять-таки следуя тому же правилу – писать мне (NB **на** конверте: **лично** от такого-то по такому-то делу)…

<…>

С пожеланием быстрых и больших успехов Вашему изобретению и с приветом

В. Ульянов (Ленин»[1148].

7 июня 1921 года Ленин в письме И. И. Радченко (1974–1942), старинному соратнику ещё по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», бывшему агенту «Искры», а теперь – руководителю «Главторфа» (торфяными разработками он занимался с 1912 года), писал:

«Дорогой Иван Иваныч!

Я вполне понимаю, что Вам больно видеть, как несоветские люди – даже, может, частью враги Советской власти – использовали своё изобретение в целях наживы. Очень верю вам, что таков Кирпичников (один из руководителей „Главторфа“ и соавтор Классона по изобретению способа гидродобычи торфа. – *С.К.*). Конечно, и Классон не сторонник наш…

Но в том-то и суть, что, как ни законно Ваше чувство возмущения, надо не сделать ошибки, не поддаться ему.

Изобретатели – чужие люди, но мы должны использовать их. Лучше дать им перехватить, нажить, цапнуть, – но двинуть *и для нас* дело, имеющее исключительную важность для РСФСР…»[1149]

Эти письма весьма интересны для лучшего понимания нами объёмности личности Ленина… Но и в отношении обрисовки общей тогдашней ситуации они интересны.

Бывшего – в давнем прошлом – соратника Классона Ленин рассматривает как социально уже не близкого человека, но готов с ним сотрудничать. Классон, как-никак, не эмигрирует со своим новым методом за рубеж, а работает по его внедрению в России, в новой России Ленина… И за это Классону – наше «спасибо». Хотя надо ли благодарить человека за то, что он

не предал свой народ в тяжкую минуту?

Что же касается трёх остальных помянутых выше энергетиков, то это были чистые профессионалы…

Михаил Андреевич Шателен (1866–1957) в старой российской электротехнике являл собой очень крупную величину… С 1893 года профессор Петербургского электротехнического института, он был известен и как учёный-инженер, и как педагог, и как организатор высшего образования и науки – организатор настолько, насколько это было возможно в царской России.

С начала 20-х годов Шателен весомо участвовал в разработке плана ГОЭЛРО, с 1929 года был президентом Главной палаты мер и весов СССР, с 1931 года стал членом-корреспондентом АН СССР, с 1934 года – Заслуженным деятелем науки и техники РСФСР. В 1956 году кавалер четырёх орденов Ленина, член-корреспондент АН СССР, девяностолетний М. А. Шателен был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Будущий кавалер ордена Ленина Генрих Осипович Графтио (1869–1949) в 1892 году окончил физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе, а в 1896 году – Петербургский институт инженеров путей сообщения. С 1900 года он проектировал и строил железные дороги, трамвай в Петербурге, составлял проекты – нереализованные при царе – электрификации железных дорог и гидроэлектростанций…

Графтио в первое время после Октября пришлось хлебнуть лиха – приведу полностью телеграмму Ленина, отправленную в Петроград Зиновьеву в Смольный 13 августа 1920 года:

«Кржижановский сообщает: преддомкомбед (председатель домового комитета бедноты. – *С.К.*) дома 15 на Александровском проспекте Петроградской стороны грозит обысками и отобранием имущества профессору Генриху Осиповичу Графтио, занимающему квартиру 3.

Графтио – заслуженный профессор, свой человек. Необходимо оградить его от самоуправства преддомкомбеда. Прошу сообщить исполнение.

Предсовнаркома Ленин»[1150]

17 марта 1921 года Ленин пишет уже Дзержинскому:

«Прошу немедленно выяснить, в чём обвиняется профессор *Графтио* Генрих Осипович, арестованный Петрогубчека, и не представляется ли возможным его освободить, что по отзыву т. Кржижановского было бы желательно, так как Графтио крупный специалист.

Предсовнаркома В Ульянов (Ленин)»[1151]

19 марта 1921 года Графтио был освобождён, и кукиша в кармане против Советской власти держать не стал. Прожив в старой России почти полвека, состоявшийся в ней как крупный инженер, Графтио, и в зрелости оставшийся энергичным новатором, сразу оценил потенциал новой России Ленина. Он тоже стал активным участником плана ГОЭЛРО, строил Волховскую ГЭС – первую советскую гидроэлектростанцию, строил Нижне-Свирскую ГЭС, преподавал, воспитывал кадры инженеров.

Будущий академик АН СССР и будущий кавалер ордена Ленина Александр Васильевич Винтер (1878–1958) в когорте четырёх энергетиков был младшим. В 1912 году он окончил тот Петербургский политехнический институт, среди основателей которого был Шателен. По окончании «политеха» Винтер стал помощником начальника строительства первой в России и мире районной электростанции на торфе «Электропередача» под Богородском (Ногинском) в Московской губернии. Инициатором и начальником строительства был Классон.

В советское время Винтер стал знаменит – строил Шатурскую ГРЭС и Днепрогэс, с 1946 года возглавил Энергетический институт АН СССР.

Классон, Шателен, Графтио, Винтер… Четыре разные инженерские судьбы, четыре разных человека… Однако общее у них было – они работали в народной России Ленина и на Россию Ленина.

В начале апреля 1920 года по предложению Ленина Совет Рабочей и Крестьянской Обороны (Совет Обороны) был преобразован в Совет Труда и Обороны. Задачей обновлённого высшего органа наряду с мобилизацией страны на оборону стала координация и усиление работ всех ведомств, занятых хозяйственным строительством.

Напомню: в это время в Крыму ещё сидели Деникин и Врангель, на Дальнем Востоке – японцы, по периферии Российского геополитического пространства создавали проблемы враждебные России режимы, на юге Украины гулял батька Махно…

Нет, великое, всё же, время переживала тогда Россия! Недаром поэт Александр Прокофьев позднее писал о тех годах: «Ты в гроб пойдёшь, и заплачешь, что жизни такой не видал…»

А 22 апреля 1920 года Ленину исполнилось 50 лет.

23 апреля Московский комитет РКП(б) организовал вечер в его честь, где выступали Горький, Луначарский, Ольминский, но сам юбиляр появился в зале лишь под конец. С утра 23 апреля он принимал представителей Туркестанского фронта, доставивших в Москву 20 вагонов с хлебом в подарок Ленину к пятидесятилетию (10 вагонов пошло рабочим торфяных разработок, 10 – детям Москвы, Петрограда и Иваново-Вознесенска)…

Затем Ленин провёл заседание Совета Труда и Обороны с напряжённой и разнообразной повесткой дня, после чего председательствовал на заседании Совнаркома. Когда же он добрался до юбилейного вечера, то, после шквальной овации, выступил с краткой речью.

Но вначале он предложил вниманию собрания старую карикатуру, которую передала Ленину в тот день Стасова. На карикатуре, нарисованной в 1900 году известным карикатуристом Карриком по случаю юбилея народника Н. К. Михайловского, пришедшие поздравлять юбиляра марксисты были изображены малышами. Стасова писала Ленину, что в день юбилея Михайловского партия была в детском возрасте, «считалась единицами», а теперь она выросла, и это – дело «Ваших рук, Вашего ума и таланта».

Показав карикатуру, Ленин сказал, что он надеется на то, что впредь «нас вообще избавили бы от подобных юбилейных празднеств».

Дело было не только в скромности – Ленин себе цену знал и прекрасно сознавал свой масштаб. А вот шумихи вокруг себя Ленин не терпел. Но и не в шумихе было дело. Суть краткой речи Ленина сводилась к простой мысли: «Наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение, – именно в положение человека, который зазнался. Это положение довольно глупое, позорное и смешное…»

Ленин предупреждал, что все блестящие успехи партии не только не решили главных проблем, но главные трудности всё ещё впереди, и поэтому свою речь он закончил пожеланием, «чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии»[1152].

А опасность этого действительно была велика. Партия, ещё три года назад мало известная в массах – кроме среды промышленных рабочих, теперь была правящей. Её руководство ворочало делами на огромных пространствах, населённых ста с лишним миллионами людей…

Бульшая часть партийных «верхов» имела дореволюционный стаж, но даже среди этой части руководства не все выдерживали испытание властью. Кто-то начинал приобретать если не барственный, то и не пролетарский лоск… Кто-то вместо постоянной учёбы и работы над собой уверовал в то, что он хорош таким, каков есть.

А ведь не только в партию, но и в её руководство приходили уже и люди с послереволюционным стажем. И среди них тоже были всякие…

Даже самые толковые и преданные делу народа работники совершали немало ошибок и не могли их не совершать, ибо лишь учились ***ранее небывалой*** в мире науке – науке властвовать и управлять не в личных интересах, и не в интересах элиты, а в интересах народа.

Предыдущего положительного мирового опыта здесь не было вообще. И даже

отрицательный мировой опыт, на котором можно было учиться (ведь лучше учиться на чужих ошибках), был крайне мал и исчерпывался, по сути, опытом Парижской Коммуны.

Не густо.

Не мог не ошибаться и сам Ленин.

И ошибался…

И сам это публично признавал.

Он ведь тоже учился, но весь предыдущий мировой опыт государственного управления был для него – в основных своих системных чертах – ***бесполезен.*** Бесполезен, потому что не было ранее такого общества, которым теперь управляли Ленин и партия большевиков!

Разве что опыт управления крупными западными корпорациями мог здесь пригодиться, и Ленин этот опыт – насколько возможно, изучал и использовал. Однако Россия, доставшаяся Ленину в наследство от царя Николая, была далеко не Америкой, и даже – не Германией…

И в России Ленина новое боролось со старым…

Скажем, в марте 1919 года, когда Ленин приезжал в Петроград хоронить М. Т. Елизарова, он выступал на I съезде сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии, и там ему был задан вопрос – позволяется ли держать мелких животных в советских хозяйствах, иметь отдельные огороды и птиц?

Ленин ответил:

– Если мне не изменяет память – законов у нас много, так что всех не упомнишь без справки, у нас много выходило с тех пор законов, – в этом законе есть специальная статья, которая говорит, что в советских хозяйствах работникам советских хозяйств держать отдельных животных и иметь отдельные огороды воспрещается…

Так оно и было – принятое ВЦИКом в феврале 1919 года «Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию», в разработке которого принимал участие и Ленин, действительно имело соответствующую запрещающую статью… Но это касалось не добровольных сельскохозяйственных коммун, а новой формы хозяйствования на земле – совхозов, и Ленин пояснял:

– Другое дело – советские хозяйства. Это такие хозяйства, которые не были в руках отдельных мелких хозяев; их Советская власть берёт и говорит: мы пошлём туда агрономов, которые есть, всё, что осталось из сельскохозяйственных орудий, дадим этим хозяйствам. Если удастся окончить войну и заключить мир с Америкой, то мы получим оттуда транспорт улучшенных орудий и дадим их советским хозяйствам для того, чтобы в крупных хозяйствах общим трудом производилось бы лучше, чем прежде, дешевле, чем прежде, и больше, чем прежде. Советское хозяйство ставит своей задачей постепенно приучить сельское население самостоятельно вырабатывать новый порядок, порядок общего труда, при которых не сможет снова родиться кучка богатеньких и давить на массу бедноты…[1153]

Всё это было верным, но как же сложно реализуемым!

Совхоз – это, по сути, национализированное крупнотоварное сельскохозяйственное капиталистическое предприятие. Раньше на этом предприятии батрак работал на хозяина, и собственного огорода не имел. Теперь бывший батрак – ***рабочий*** совхоза, работал на общество, и если он работал хорошо, то имел хорошие результаты – ведь в советские хозяйства преобразовывали образцовые латифундии. Но психология у работника совхоза оставалась крестьянской, то есть – мелкобуржуазной.

Вот и вырабатывай новый порядок общего труда…

А вырабатывать надо было.

У знаменитого как в сталинские, так и в хрущёвские времена писателя Ильи Эренбурга есть повесть начала 30-х годов о строительстве Кузнецкого металлургического комбината под

названием «День второй»…

Повести был предпослан библейский эпиграф из книги Бытия:

> Да будет твердь среди воды.
> И стало так. И был вечер,
> и было утро: день второй.

Перевод у Эренбурга был взят не канонический…

В каноническом сказано так: «И создал Бог твердь: и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день втурый», но в любом варианте к началу третьего дня Творения свет был отделён от тьмы, и было небо, и были вуды… И из вод вот-вот должна была – на утро третьего дня, появиться суша…

Это же можно было сказать и о первом более-менее мирном годе новой России после окончания гражданской войны – 1921 годе, с той лишь разницей, что новая жизнь обретала твёрдую почву под собой не среди воды, а среди грязи, пота, крови и слёз…

Воды как раз далеко не всегда хватало – обычной, водопроводной, в разорённых гражданской войной городах.

Впрочем, системная база, на которой можно было строить новую жизнь, оказывалась надёжной: политическая власть находилась в руках тех, кто видел своей задачей не построение особняков на «Рублёвке», а создание нового общества, где властвуют не рубль, не доллар, а честный труд и живой ум… Общества, где все желающие могут развить свои способности и реализовать их на благо всех, в том числе – и на благо себе.

Задача была неимоверно сложной, но, как показало будущее, выполнимой. Причём это была задача, которая объективно стояла перед Россией и перед российским обществом ещё до революции.

Я не имею в виду, конечно, что император Николай, его сановники и имущие круги России хоть в малой мере задумывались о такой России, где трудящиеся имели бы с ними равные права, где не было бы нищих, униженных и оскорблённых, невежественных и опустившихся. Но даже перед всей этой элитной сволочью объективно стояла задача обеспечения независимого развития России как могучей, всесторонне индустриальной державы.

Другое дело, что решение этой задачи было не под силу ни русскому самодержавию, ни российскому капитализму. Однако ***объективно*** задача преобразования России и резкого усиления темпов её развития имелась и до Октября 1917 года….

Ранее уже приводились данные о том, насколько широко и глубоко внедрился иностранный капитал в важнейшие отрасли экономики царской России. Одно это (а ведь были ещё и огромные внешние долги – как довоенные, так и военные) программировало полное системное подчинение дальнейшего процесса развития царской ли, постцарской ли буржуазной России интересам не народов России, а наднациональной Золотой Элиты мира.

Ни царизм, ни российская крупная буржуазия влиянию Запада противодействовать не смогли бы. Приведу выдержку из дневника академика-историка, директора Румянцевского музея Юрия Владимировича Готье за июль 1917 года:

«Участь России, околевшего игуанодона или мамонта – обращение в слабое и бедное государство, стоящее в экономической зависимости от других стран… Будущего России нет; мы без настоящего и будущего…

Окончательное падение России, как великой и единой державы вследствие причин не

внешних, а внутренних, не прямо от врагов, а от собственных недостатков и пороков и от полной атрофии чувства отечества, родины, общей солидарности, чувства „священного союза“ – эпизод, имеющий мало аналогий во всемирной истории.

Мы годны действительно только, чтобы стать навозом для народов высшей культуры… Как будто великороссы, создавшие в своё время погибающую теперь Россию, совершенно выдохлись…»[1154]

Это ведь сказано о до-ленинской России.

Это – подведение итогов «развития» царской России, все пороки которой восприняла Россия «временная».

Такая оценка вполне показательна, и не гучковы с керенскими и черновыми – не говоря уже о разного рода колчаках и деникиных, были способны сделать её ошибочной. Для того, чтобы стенающие прогнозы академика Готье, академика Вернадского, академика Павлова, профессора Тимошенко и прочих российских интеллектуалов не стали реальностью, нужны были люди иного закала и иного социального масштаба.

Нужны были люди, которые смогли бы вызвать к жизни, к социальному, интеллектуальному и материальному созиданию самые широкие народные массы, смогли бы пробудить потенциально могучие, но дремлющие творческие силы народа.

Короче – России нужен был Ленин во главе партии большевиков, вставшей во главе народа, пробуждённого к творению новой России.

И нужен был – да, чёрт побери, – широкий социальный эксперимент!

Сегодня политические негодяи и исторические идиоты уверяют нас, что большевики проводили эксперимент ***над*** Россией, но какая же это гнусная, отвратительная ложь! Большевики начали небывалый в истории мира социалистический эксперимент ***вместе*** со всеми здоровыми силами народа, ***вместе*** с Россией! И без этого смелого и жизнеутверждающего эксперимента не было бы великой России!

Такой же увлекательный социальный социалистический эксперимент нужен, к слову, России и сейчас, в XXI веке…

К началу революции 1917 года Россия всё более от развитого мира отставала. Достаточно напомнить, что в результате «бурного» промышленного роста в XX веке относительный разрыв Российской империи с экономическим потенциалом, например, Соединённых Штатов Америки не только не сократился, но даже увеличился.

Ничего особо удивительного в том не было, всё было объяснимо и даже закономерно, если мы вспомним, что ход развития российской экономики определял к 1917 году прежде всего иностранный капитал.

Да, в России имелись, скажем, телефонные заводы – завод «Эриксон», например. Шведское акционерное электротехническое общество «Эриксон и К^0», основанное в 1876 году, к 1917 году превратилось в одного из крупнейших производителей телефонного и телеграфного оборудования. Оперировал «Эриксон» и в России, построил завод, и телефоны на нём производились для нужд России. Но могли ли все эти эриксоны допустить, чтобы Россия разрабатывала для производства на заводах, принадлежащих русским, ***собственные*** телефоны?

Кто будет своими руками создавать себе конкурента? А «заботу» Запада о «развитии» России мы и в современной «Россиянии» наблюдаем – в виде «отвёрточных» технологий.

То есть, к 1917 году наблюдалось нечто вроде того, что мы имели накануне Петровских реформ. Пётр в считанные два десятилетия преобразил Россию и обеспечил ей мощный цивилизационный рывок, однако все эти успехи не стали бы возможными без жёсткой и даже вынужденно жестокой централизации.

Как сильный лидер и как абсолютный монарх-самодержец, Пётр являлся естественным

сосредоточием и олицетворением централизации. Но его преемники, все до одного (за исключением Екатерины Великой в тот «потёмкинский» период, когда она была действительно великой, и Павла I, убитого по наущению бриттов), и близко не находились на уровне объективных задач государственного развития страны – как социального, так и экономического.

Вот пример из последних лет истории царской России – малоизвестный, но очень полезный для затыкания блудливых ртов, повествующих о якобы могучей России, которую украл-де у нас «проклятый Ленин»…

В 1912 году в Лондоне (!) была учреждена новая нефтяная монополия «Russian General Oil Corporation», что в переводе означает «Русская (ну-ну, – *С.К.*) Генеральная нефтяная корпорация»… Эта крупнейшая в старой России корпорация была известна в России как просто «Ойль».

Формально «Ойль» учреждалась как общество финансирования (инвестирования), но фактически была трестом, деятельностью которого руководил иностранный, прежде всего – английский капитал.

Совокупный акционерный капитал «Ойль» «тянул» на 155,2 миллиона рублей и составлял 38 % всего акционерного капитала русской (точнее – находившейся на территории Российской империи) нефтяной промышленности. В состав «Ойль» входило до 20 акционерных обществ, в том числе: «Товарищество Лианозова» и его группа, «Бакинское нефтяное общество», «Русское товарищество „Нефть“», Каспийское товарищество…

«Ойль» контролировала 27,8 % всей нефтедобычи России, до 17 % сбыта керосина и до 30 % сбыта нефтетоплива. «Ойль» владела громадным фондом нефтеносных земель, располагала большим транспортно-складским хозяйством. А саму «Ойль» контролировали англичане, голландцы, к ней имел отношение нефтяной «король» Детердинг.

С одной стороны «Ойль» сдерживала рост нефтедобычи в России, с другой стороны эксплуатировала российские месторождения хищнически. И при этом боролась за господство в нефтяной промышленности России, но не с российскими конкурентами, а с другой иностранной группой – «Товариществом братьев Нобель». В итоге «Ойль» проиграла конкурентную борьбу «братьям Нобель», но это была схватка двух чужеземных стервятников, пытающихся урвать себе кусок побольше от умирающего суверенитета России…[1155]

И вот теперь Ленину и народам России под рукой Ленина надо было расчищать «авгиевы конюшни» царизма и якобы российского капитализма. В 1918 году «Ойль», как и другие иностранные тресты и общества, была национализирована.

Ленин был намерен строить действительно великую, то есть – всесторонне развитую, политически, экономически и культурно самобытную ***и независимую*** Россию.

Но исходной «экономической» базой была хозяйственная разруха, да и человеческий материал, который был в распоряжении России в то время, являл собой отнюдь не радужную картину: идейное состояние масс было отнюдь не единодушным с самого начала революционных процессов 1917 года…

В своей дооктябрьской работе «Удержат ли большевики государственную власть?» Ленин приводил данные голосования по куриям Советов на Демократическом совещании осенью 1917 года (ПСС, т. 34, с. 297–298) по вопросу о коалиции с буржуазией:

Советы	За коалицию	Против
Советы рабочих и солдатских депутатов	83	192
Советы крестьянских депутатов	102	70
Все Советы	185	262

Из этих данных Ленин делал вывод о том, что «большинство в целом было на стороне пролетарского лозунга: *против* коалиции с буржуазией»… Однако цифры эти показывали и то, как сильно в 1917 году отличались настроения рабочей и крестьянской массы…

При этом в чисто крестьянских великорусских районах – Поволжско-Черноземном, Восточно-Уральском и в Сибири, и в украинских сельских районах эсеры имели до 62–77 % голосов на выборах в Учредительное собрание, а в промышленных центрах большевики имели преобладание над эсерами.

В целом же на выборах в Учредительное собрание по России большевики получили 9,02 миллиона голосов (25 % голосов), мелкобуржуазные партии (эсеры, меньшевики и т. п.) – 22,62 миллиона голосов (62 %), партия кадетов и т. п. – 4,62 миллиона голосов (13 %).

Эти данные Ленин привёл в своей большой аналитической статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал» в декабре 1919 года.

Ленин писал:

«Как же могло произойти такое чудо, как победа большевиков, имевших $^{1}/_{4}$ голосов, над мелкобуржуазными демократами, шедшими в союзе (коалиции) с буржуазией и вместе с ней владевшими $^{3}/_{4}$ голосов. Ибо отрицать факт победы теперь, после двух лет помощи Антанты – всемирно-могущественной Антанты – всем противникам большевизма, просто смешно»[1156].

Для современных «продвинутых» историков ответ очевиден – большевики-де задавили Россию террором австрийцев, китайцев, латышей и прочих интернационалистов…

Но террор большевиков лишь изредка задевал народную массу, а вот «белые» пороли, сжигали, расстреливали и вешали действительно массово – недаром Сибирь вначале давала Колчаку солдат, а кончила тем, что добивала колчаковщину если не пулей, так вилами.

Ленин же, не без злой иронии, отмечал:

«Бешеная политическая ненависть потерпевших поражение, в том числе всех сторонников II Интернационала, не позволяет им даже поставить серьёзно интереснейший исторический и политический вопрос о причинах победы большевиков. В том-то и дело, что чудо есть тут лишь с точки зрения вульгарной мелкобуржуазной демократии, вся глубина невежества и предрассудков каковой демократии разоблачается этим вопросом и ответом на него…»[1157]

И далее Ленин давал исторически точный ответ:

«**Большевики победили, прежде всего потому, что вели за собой громадное большинство пролетариата, а в нём самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса**».

Ленин приводил число голосов, поданных за разные партии в обеих столицах на выборах в Учредительное собрание. Всего было подано 1 миллион 765,1 тысяч голосов.

Из них: за меньшевиков – около 60 тысяч: за эсеров – 218 тысяч; за кадетов – 515,4 тысячи; за большевиков – ***837 тысяч***…

Вот и весь «секрет» победы большевиков: они за полгода смогли – по выражению Ленина,

за счёт «собирания, сосредоточения, обучения, испытания и закала большевистских „армий“» и «разложения, обессиления, разъединения, деморализации „армий“ „неприятеля“» – повести за собой, убедить в своей правоте наиболее деятельную, наиболее морально и политически здоровую и, не забудем, наиболее сплочённую часть российского общества.

Причём Ленин и большевики не только получили поддержку наиболее здоровой части общества осенью 1917 года, но и смогли ***сохранить её*** на протяжении двух самых сложных лет Советской власти.

15 октября 1920 года на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии крестьянин Беляев сказал, что рысь, то есть – мировой капитал, только и ждёт столкновения между козлом и бараном – между рабочими и крестьянами[1158].

Отвечая ему в тот вечер, Ленин говорил:

– Мы видим, во что вылилось это собрание, какое недовольство, какие бурные крики протеста. Мы понимаем, что у каждого из волнующихся здесь наболела душа… Но… я надеюсь, что вы, изложив все вопросы без возмущения, вы всё-таки не уподобитесь некоторым персонажам той сказки, о которых упоминал один оратор. Рыси, которая ожидает войны между козлом и бараном для того, чтобы их пожрать, рыси вы удовольствия не доставите, я в этом уверен. Как бы сильно козёл и баран ни сталкивались, а рыси мы удовольствия не доставим!

Зал ответил на это аплодисментами и криками: «Браво!»[1159]

Заключил же Ленин так:

– Всякий раз, когда Советской власти приходилось трудно выходить из положения – и во времена Деникина, когда он был в Орле, и во времена Юденича, когда он был в 5 вёрстах от Петрограда, когда положение казалось отчаянным, а не только трудным, когда положение было во сто крат труднее теперешнего, – Советская власть выходила из него тем, что, не прикрашивая этого положения, она собирала такого же рода собрания рабочих и крестьян. Вот почему я говорю: не от решения центральной власти зависит то, – будет ли скоро сокрушён Врангель, а от того, как представители с мест, исчерпав своё недовольство, предъявив свои претензии, обвинения и упрёки, отнесутся к вопросу о том, нужна ли им самим свобода, помимо решения центральной власти… Тут мы приказывать ничего не можем, это зависит от того, как, перейдя к положению дела, к развёрсткам, к обложению, к Врангелю и так далее, вы сами решите, – это зависит от вас…[1160]

Вот чем был силён Ленин: он прямо говорил народу, что всё в России, в конечном счёте, зависит от самого народа, от того, что он решит, какой выбор сделает он – народ России.

Это было сказано Лениным в середине октября 1920 года, а в ноябре – ровно через месяц, народ вышвырнул Врангеля из Крыма, и одной проблемой у Советской власти стало меньше…

Но теперь для этой власти наступал «день второй»…

Царь Николай в вопросы экономики и хозяйственного развития России не входил – не царское это дело. Проблемы науки, культуры, образования, медицинского обслуживания населения, разведки природных ресурсов – тем более дело не царское. Император ничем таким и не занимался.

А чем он, кстати, занимался – ***изо дня в день***?

На этот вопрос не так уж сложно получить ответ – достаточно взять в руки изданные в 1991 году польско-советским полиграфическим обществом «Орбита» «Дневники» Николая II-го… Там повседневная деятельность царя описана им лично и собственноручно.

Его самодержавной десницей, так сказать…

Вот, например, вполне показательная запись от 13 января 1913 года – воскресенье:

«В 10 S поехал с детьми к обедне. В 12 час. в круглой зале был большой воскресный завтрак

по старому – с музыкой. Принял Кедринского (духовник царской семьи. – *С.К.*).

Погулял с Ольгой и Анастасией. В 6 час. у меня был Мещерский (князь, камергер, издатель реакционного еженедельника „Гражданин“. – *С.К*).

В 7.20 отправился со всеми дочерьми в театр. Давали „Конёк-горбунок“ в новой постановке.

Вернулись в Царское С[ело]. в 12 S час.»[1161]

Впрочем, это день воскресный. Тут сам Бог велел отдохнуть, как деды отдыхали, по старому – «с музыкой»…

А в каких же таких государевых трудах Государь Император пребывал посреди недели?

Что ж, вот запись от 16 января 1913 года – среда:

«При ясной морозной погоде отправился в Питер к 11 час. в Зимний дворец. Принял 70 представляющихся.

Прошёл через караульное помещение, в кот[ором]. находились старшие гардемарины, только что сменившие Преображенцев. Поехал к Мама и позавтракал у неё. Потом посетил т. Мари (герцогиня Саксен-Кобург-Готская Мария Александровна. – *С.К.*), т. Михень (великая княгиня Мария Павловна, – *С.К.*) и Ксению (великая княгиня Ксения Александровна. – *С.К*). Вернулся в Царское в 5 j ч.

После чая принял доклад Лангофа и читал до 8 час. Обедал Дмитрий (великий князь Дмитрий Павлович. – *С.К*). Поиграл с ним в пирамиду»[1162].

Это – не тенденциозно подобранные записи – таков ***весь*** дневник «хозяина Земли Русской», каким царь себя мнил.

И это – повседневная жизнь главы огромного государства, к тому же – руководителя самодержавного, абсолютного, то есть, с ***абсолютной личной ответственностью…***

Нет уж, если это не автопортрет бездельника, то кто, тогда, спрашивается, должен быть назван бездельником?

Особенно умиляют периодически повторяющиеся записи вроде следующих:

«28-го декабря (1906 года. – *С.К.*). Четверг.

В 8 час. отправились на охоту в Ропшу со всеми приглашёнными… Всего убито: 1956 штук дичи. **Мною 160 фазанов, куропатка и русак**…

8-го февраля (1907 года. – *С.К.*). Четверг.

В 9 час. отправились по жел[езной]. дор[оге]. в Петергоф и с переезда в Ропшу…

Всего убито: 538.

Мною: 94 фазана, 3 куропатки и 2 беляка – итого 99 штук…

22-го февраля. (1907 года. – *С.К.*). Четверг.

В 9 час. отправились со всеми охотниками на облаву за Ремизом… Всего убито: 544. **Мною: 27 фазанов и 12 куропат. – итого 39**…

2-го марта (1914 года. – *С.К.*). Воскресенье.

Чудный солнечный день…, в час дня отправился в Гатчину на облаву в фазанник. Всего убито: **748. Мною**: фазанов 33, куропаток 22 и кролик – **всего 56**…»[1163]

Для сравнения рекомендую ознакомиться с ныне опубликованным «Журналом посещений кремлёвского кабинета И. В. Сталина», тоже полноценно (хотя ***и не полностью***!) отражающим повседневную деятельность Сталина.

«Дневники» Николая – история бездарной жизни скучного и скучающего сибарита, о котором – не зная его «должности» в государстве, ни за что не подумаешь, читая его дневник, что он в этом государстве что-либо из себя представляет.

А журнал посещений сталинского кабинета – не только «фотография рабочего дня» его

хозяина, но и «фотография» эпохи, история Державы в лицах.

Подробного журнала посещений кремлёвского кабинета Ленина его секретари не вели, но каждый рабочий день Ильича был, что называется, «под завязку» забит действительно государственными делами и потоком самых разных посетителей.

Царь Николай государственную деятельность профанировал – и по лености души, и по заурядности натуры, и по скудости ума…

Царь Николай можно сказать, Россию «профазанил»!

И теперь Ленину надо было заниматься всем сразу: обороной, наукой, внешней политикой, возрождением народного хозяйства, национальным вопросом, перспективами электрификации России и задачами культурного строительства…

Достаточно просто перелистать тома Полного собрания сочинений с 50-го по 54-й, где приведены письма, записки, телеграммы Ленина с октября 1917 года по март 1923 года, чтобы понять всё разнообразие, весь масштаб и объём его задач, и объём ***его личной*** работы по решению этих задач.

В прошлой российской истории мы находим нечто схожее лишь в письменном наследии «царя-труженика» Петра Великого – как в его «Подённых записках», так и в капитальном 9-томном издании «Письма и бумаги Петра Великого»… И вот теперь, впервые с времён великого преобразователя и строителя Российской державы, во главе страны вновь стоял подлинный хозяин Земли Русской…

Именно так – «хозяин земли русской» назвал себя император Николай II в опросном листе первой всеобщей переписи населения 1897 года, заполняя графу с вопросом о роде занятий. Однако сама история поставила слово «хозяин» применительно к царю Николаю, в кавычки. Бездарное и преступное «хозяйствование» этого «хозяина» вначале обеспечило стране положение не только вечно догоняющего, но и безнадёжно отстающего, а затем за пять лет империалистической войны довело Россию «до ручки».

Ленин же, взявшись за дело по-хозяйски, изо дня в день убеждал народы России, что хозяином Земли Русской стали ***они***, что теперь только от ***их*** хозяйственности зависят их будущее и их благосостояние…

Николай имел всё для того, чтобы обеспечивать развитие и процветание России. Вместо этого он привёл её к кризису 1917 года… Разве «золотая» сволочь – даже помещичья (о буржуазной вообще не разговор!) отвернулась бы от царя в 1917 году, если бы его политика была не вопиюще антигосударственной и антиобщественной?

Чем должен был заниматься компетентный глава России с начала XX века? Заниматься изо дня в день, год за годом, с утра до вечера?

А как раз тем, чем пришлось заниматься Ленину, расчищая «авгиевы конюшни» после «хозяйствования» в России Николая…

Разве не царское это было дело – разбираться в промышленных проектах и в устройстве библиотек?

Если царь Пётр во времена, когда этикету и внешней стороне дела придавали исключительное значение, мог набивать на ладонях мозоли плотницким топором, то царю Николаю, принявшему Россию в конце XIX века – начавшегося как век пара, а заканчивавшегося уже как век электричества, тем более было бы не зазорно заниматься всерьёз государственными делами, а не распиванием чаёв с тётушками…

В России к началу XX века системная ситуация была близка к допетровской. Не так, конечно, зримо, но Россия опять всё более отставала от развитого мира, и необходимы были экстраординарные, ***чрезвычайные*** усилия, чтобы обеспечить России достойное место в мировом «ансамбле держав».

Собственно, потенциально это место было первым!

Царская Россия ликвидировать разрыв не смогла к 1917 году, и тем более не смогла бы сделать это после 1917 года, если сохранилась бы…

Буржуазная Россия, как детище буржуазного Учредительного собрания, если бы оно не было распущено, тоже ничего не смогла бы… Буржуазное правительство, приди оно в январе 1918 года на смену Советскому правительству, не сумело бы контролировать ситуацию и просто ввергло бы страну в необратимый хаос.

Конечно, со временем хаос бы закончился, но вышла бы из него Россия не обновлённой, а закабалённой Западом – без каких-либо серьёзных исторических перспектив на цивилизационную первоклассность.

Великой альтернативой закабалённой России была Россия только социалистическая, однако на этом пути мгновенного и лёгкого быстрого успеха полуразрушенной стране ожидать не приходилось.

На X съезде партии, который проходил в Москве с 8 по 16 марта 1921 года – впервые в относительно мирных условиях, Ленин сравнил состояние России с состоянием «человека, которого избили до полусмерти»… Имея в виду Россию, он говорил 15 марта:

– Семь лет колотили её, и тут дай бог, с костылями двигаться! Вот мы в каком положении! Тут думать, что мы сможем вылезти без костылей, – значит ничего не понимать![1164]

Ленин признал факт переутомления и изнеможения масс после семи лет войны, напомнив, что даже в передовых странах четыре года войны до сих пор дают себя знать…

Он говорил прямо:

– Это изнеможение, это состояние – близкое к полной невозможности работать. Тут нужна экономическая передышка. Мы рассчитывали золотой фонд употребить на средства производства. Лучше всего делать машины, но если бы мы и купили их, мы бы этим самым построили наше производство. Но для этого нужно, чтобы был рабочий, чтобы был крестьянин, который мог бы работать; но он в большинстве случаев не может работать: он истощён, он переутомлён. Нужно поддержать его, нужно золотой фонд бросить на предметы потребления, вопреки нашей прежней программе…

И тут же прибавил:

– Прежняя наша программа была теоретически правильна, но практически несостоятельна…[1165]

Речь шла о необходимости допущения свободной торговли, о том, что уже на X съезде будет определено как «новая экономическая политика» – знаменитый НЭП…

НЭП не был признанием бессилия или ошибочности пути. Путь был выбран верно, однако на нём «бывшие» и интервенты выставили так много «рогаток», что преодоление их истощило те силы, которые Ленин рассчитывал расходовать на движение вперёд. В итоге надо было допускать в России НЭП, задумываться о введении ряда иностранных концессий, и учиться, учиться хозяйствовать….

При этом НЭП, иностранные концессии, допущение элементов капитализма Ленин рассматривал именно как костыли, которые должны поддержать больного человека, но которые надо будет в перспективе отбросить, как только наступит выздоровление.

Практическая несостоятельность программы немедленного перехода к социализму не означала её теоретической неправоты… Таким образом, для Ленина вопрос стоял не о пересмотре стратегии исторического развития России, а о новой, применённой к реальностям дня, политической тактике… Стратегия же была определена знаменитой ленинской формулой: «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Какой только чепухи – откровенной, очевидно невежественной чепухи! не написано о Ленине за последние два десятка лет. Сегодня кое-кто договаривается до того, что и план-де электрификации России – инициатива не Ленина, а императора Николая II, а Ленин-де сей план у императора просто украл.

Это даже не смешно, и даже не грустно! Это вне рамок не то что истории, но даже Канатчиковой дачи. Я скорее поверю в то, что планами электрификации России интересовался император Пётр Первый, чем император Николай Второй. Не те интересы у последнего Романова были.

Возможно, вся эта «развесистая клюква» произрастает на почве искажённой информации о том, что первые инженерно-научные проекты, намечавшие, например, перспективу комплексного решения судоходных и энергетических проблем Днепра, появились ещё в 1905 году и принадлежали С. П. Максимову и Г. О. Графтио.

Позднее, в январе 1914 года, от имени министра путей сообщения в Государственной Думе было запрошено 37 миллионов рублей на постройку днепровских шлюзов (в порожистой части Днепра) по проекту инженера А. И. Розова, которому вскоре стал оппонировать проект профессора Б. А. Бахметева (будущего «керенского» посла в США), где полнее рассматривались вопросы также гидроэнергетики.

Но всё это надолго зависло в коридорах царской власти, хотя 23 мая 1916 года в заседании Государственного Совета была создана Согласительная комиссия по объединению двух проектов. Вспоминая в начале января 1920 года об этом заседании, академик Вернадский, избранный членом Согласительной комиссии, записал в дневнике:

«*Помню это заседание в превосходном зале Мариинского дворца. Как всё это далеко и является уже историческим прошлым. И теперь, едва ли можно сомневаться, даже близко не возвращающимся*…»[1166]

Как ошибался учёный кадет Вернадский!

Уже на первом – торжественном – заседании пленума Госплана 5 апреля 1921 года его председатель Г. М. Кржижановский ставил вопрос вполне чётко:

– Перед нами стоит определённая дилемма – или отвоевать свою экономическую самостоятельность на базе широкой электрификации, создавая одновременно предпосылки для осуществления в широчайшем масштабе новых отношений человека к человеку, или стать безвольной жертвой хищников мирового капитализма, безвольной колонией капиталистических стран…[1167]

Ещё раньше, в конце 1920 года, выступая 22 декабря на VIII съезде Советов с отчётом ВЦИКа и СНК, Ленин дал формулу: «Коммунизм – есть Советская власть плюс электрификация всей страны», и далее пояснял:

– Иначе страна остаётся мелкокрестьянской… Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно…[1168]

Причём подчеркну: Кржижановский не был бы другом и соратником Ленина, а Ленин не был бы Лениным, если бы они не связывали научно-технический прогресс России с её социальным прогрессом. Такую задачу – соединения технического прогресса ***с социальным***, ставила перед собой и обществом лишь одна партия – большевистская, коммунистическая, ленинская…

14 ноября 1920 года Владимира Ильича и Надежду Константиновну пригласили к себе крестьяне деревни Кашино Яропольской волости Волоколамского уезда Московской губернии – на открытие электростанции. Там один из крестьян, выступавших на митинге, сказал, что они-

де, крестьяне, были темны, и теперь у них появился «неестественный свет, который будет освещать нашу крестьянскую темноту».

Приведя эти слова на съезде Советов, Ленин продолжал:

– Я лично не удивился этим словам. Конечно, для беспартийной крестьянской массы электрический свет есть свет «неестественный», но для нас неестественно то, что могли жить крестьяне и рабочие в такой темноте, в нищете… Из этой темноты скоро не выскочишь. Но нам надо добиться, чтобы каждая электрическая станция, построенная нами, превращалась действительно в опору просвещения, чтобы она занималась, так сказать, электрическим просвещением масс…[1169]

Здорово ведь сказано!

И что означала формула: «Коммунизм – есть Советская власть плюс электрификация всей страны»?

Она означала, что ***политическая*** стратегия Ленина включала как важнейший элемент опору на науку и передовую ***технику***…

А это означало, кроме прочего, и опору на тех, кто был в России носителем научных и технических знаний.

В своём известном очерке 1924 года «Владимир Ильич Ленин» Максим Горький вспоминает, как Ленин после встречи 21 января 1921 года в Кремле с тремя учёными – академиком-востоковедом С. Ф. Ольденбургом, академиком-математиком В. А. Стекловым и профессором-медиком В. Н. Тонковым, удовлетворённо сказал:

– Это я понимаю. Это – умники. Всё у них просто, всё сформулировано строго, сразу видишь, что люди хорошо знают, чего хотят. С такими работать – одно удовольствие. Особенно мне понравился этот…

Ленин назвал Горькому Стеклова, и через день попросил по телефону узнать у Стеклова – «пойдёт он работать с нами»? А когда Стеклов принял предложение Ленина, Ленин искренне обрадовался:

– Вот так, одного за другим, мы перетянем всех русских и европейских Архимедов, тогда мир, хочет не хочет, а – перевернётся…[1170]

Говоря так о мире, Ленин всего лишь имел в виду знаменитую фразу Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Но «точку опоры» для новой России Ленин видел именно в науке. И учёные России – за редким исключением, это оценили, пусть и не все сразу.

Об этом уже было сказано, а ниже будет сказано ещё раз…

Академик с 1901 года, с 1904 по 1929 год бессменный секретарь Академии наук, индолог Сергей Фёдорович Ольденбург (1863–1934) был в старой России царя Николая не только крупным востоковедом, но и членом ЦК кадетской партии, министром просвещения во Временном правительстве.

В новой России Ленина Ольденбург – после, увы, ряда политических «завихрений», сделал для советского востоковедения немало, в 1930 году стал директором Института востоковедения.

В «Дневниках» императора Николая упоминаются два принца Ольденбургских («Алек» и «Коня»), ещё один принц Ольденбургский – Пётр, его жена Евгения Ольденбургская, урождённая герцогиня Лейхтенбергская… Зато секретарь Императорской Академии наук Ольденбург монаршего взгляда не удостоился. Не царское это дело – с какими-то индологами проблемы Академии обсуждать…

Ленина, как видим, Ольденбург интересовал.

Академик с 1912 года, выдающийся математик Владимир Андреевич Стеклов (1864–1926), ученик Ляпунова, в 1919–1926 годах – вице-президент Академии наук, в 1921 году основал при поддержке Ленина Физико-математический институт, из которого в 1934 году выделился

Математический институт АН СССР, получивший имя Стеклова.

Профессор Женского медицинского института в Петербурге с 1901 года, Казанского университета с 1905 года и Военно-медицинской академии с 1915 года, в 1917–1925 годах – начальник Военно-медицинской академии, крупный анатом Владимир Николаевич Тонков (1872–1954) стал в России Ленина генерал-лейтенантом медицинской службы, Заслуженным деятелем науки РСФСР (1934), действительным членом Академии медицинских наук СССР (1944), был награждён двумя орденами Ленина. В 1932 году 60-детний профессор Тонков вступил в ряды ВКП(б) – партии Ленина и Сталина. Это был тогда подчёркнутый шаг – членство в партии таким как Тонков, ничего в смысле привилегий уже не давало, и старые специалисты вступали в партию в силу внутренней нравственной необходимости, как, например, старый академик Патон, ставший коммунистом уже за 70 лет – в 1943 году.

С так называемыми «интеллигентами», то есть, с «высоко учёными» схоластами и академическими болтунами типа вальяжного Петра Бернгардовича Струве, который в гражданскую войну успел побывать в «министрах» и у Деникина, и у Врангеля, или «экономиста» Питирима Сорокина, Ленин общего языка не находил, да особо его и не искал. С интеллектуалами – русскими людьми, понимающими «дело», у него получалось несравненно лучше.

В очерке «Владимир Ильич Ленин» Горький так описал характерную встречу Ленина со специалистами:

«Я предложил съездить ему (Ленину. – *С.К.*) в Главное артиллерийское управление посмотреть изобретённый одним большевиком, бывшим артиллеристом, аппарат, корректирующий стрельбу по аэропланам.

– А что я в этом понимаю? – спросил он, но поехал. В сумрачной комнате… собралось человек семь хмурых генералов, все седые, усатые старики, учёные люди… Изобретатель начал объяснять…, Ленин послушал его минуты… три… и начал спрашивать изобретателя так же свободно, как будто экзаменовал его по вопросам политики…

Изобретатель и генералы оживленно объясняли ему, а на другой день изобретатель рассказывал мне:

– Я сообщил моим генералам, что вы придёте с товарищем. Но умолчал, кто товарищ. Они не узнали Ильича, да, вероятно, и не могли себе представить, что он явится без шума, без помпы, охраны. Спрашивают: это техник, профессор? Ленин? Страшно удивились – как? Не похоже! И – позвольте! – откуда он знает наши премудрости? Он ставил вопросы как человек технически сведущий! Мистификация! – Кажется, так и не поверили, что у них был именно Ленин…»

Изобретателем, удивившим профессоров-артиллеристов, был Александр Михайлович Игнатьев (1879–1936). Большевик с 1903 года, он окончил Петербургский университет, после революции занимался изобретательской и научной работой, его самозатачивающийся резец был запатентован в США, Англии, Франции, Германии, Италии и Бельгии.

С подобными умницами Ленину было легко, с ними можно было переворачивать Россию с пролёжанного бока, с больной головы на крепкие, здоровые ноги.

Но сколько было ещё иных – ***не*** умниц!

Да и с умницами не всё, и не всегда было просто…

Ниже привожу в сокращении письмо, которое написал Ленину 2 мая 1920 года Сергей Петрович Фёдоров (1869–1936), крупнейший русский хирург, уролог, с 1903 года – профессор Военно-медицинской академии в Петербурге, основатель Российского урологического общества (1907), председатель Международного конгресса урологов в Берлине (1914), учёный мирового класса:

«*Милостивый Государь!*

Мне на днях рассказывали в Москве, что В. М. Минц перед отъездом своим был у Вас и беседовал с Вами и что Вы спросили его, почему он уезжает из Советской России, когда через 5–6 месяцев жизнь учёных будет обставлена лучше, чем где-либо.

Минц ответил Вам будто бы, что пока ещё жить и работать в России очень трудно и тяжело, что жизнь протекает в невозможных условиях, приходится самому таскать тяжести, дрова, колоть, пилить, и выносить помои и нечистоты. Кроме того, выселяют, уплотняют и обыскивают…

К сожалению, всё это верно. Всё это проделывали и со мной, хирургом и научным именем, известным и в Европе, и в Америке…

…Я ни на что не жалуюсь и не прошу ничего, а хочу сказать Вам только несколько слов. Вы должны понять, что мы люди науки и практические врачи (не занимающиеся специально общественной деятельностью) не можем принадлежать к политическим партиям и не должны подвергаться гонениям…

…За последнее время наше положение несколько улучшено (правда немного), но всё же, чтобы жить, приходится всё время распродавать разное имущество. А что дальше?

…Это очень тяжело, но что тяжелее всего, это то, что нет ни минуты душевного спокойствия и что надо обладать большой силой воли, чтобы работать научно и продуктивно…

…Надеюсь, что Вы можете понять меня и оценить как нужно моё письмо. Снимите с нас нравственный гнёт и дайте нам душевный покой, – материальные лишения переносить легче. Не губите нас неразумно, этим губите и себя.

Проф. Фёдоров»[1171]

Такое вот письмо…

А далее жизнь и судьба распорядились занятно…

Известный в России хирург В. М. Минц (1872–1945) – в 1918 году он принимал участие в лечении раненного Ленина, в 1920 году при содействии Ленина получил возможность эмигрировать в Латвию… Там он, конечно, не потерялся, в 1924 году возглавил хирургическое отделение крупной еврейской больницы, процветал – материально.

Успешно работал Минц как хирург и после присоединения Латвии к СССР, но после начала войны остался в Риге, заведовал клиникой в Рижском гетто. Позднее за отказ оперировать немецких офицеров он был перемещён в концентрационный лагерь Бухенвальд и умер там в 1945 году от полного истощения. Особой памяти Минц о себе в России не оставил. Если бы не его медицинская помощь Ленину, Минца не вспоминали бы вовсе.

Тем же русским учёным, которые остались верны России, пришлось, что называется, терпеть, но они перетерпели.

Сергей Петрович Фёдоров перетерпел, остался в России, в советское время создал научную школу, написал ряд трудов, имевших большое значение для развития отечественной хирургии. В 1928 году он стал Заслуженным деятелем науки РСФСР, а в 1933 году первым из советских хирургов был награждён орденом Ленина. Статьи о С. П. Фёдорове есть во всех трёх Советских энциклопедиях.

Судеб, подобных судьбе профессора Минца, в истории России XX века насчитывается немного – на подобном статусном уровне счёт идёт на десяток-другой…

Счёт же научных судеб, подобных судьбе профессора Фёдорова, идёт в истории советской науки на многие сотни.

Скажем, 5 марта 1920 года Горький в очередной раз пишет Ленину, интересуется, оставляют ли 1800 академических пайков (Ленин помечает на письме «2 месяца давали»), а затем

продолжает:

«*Ещё прошу Вас: позвоните Феликсу Дзержинскому и скажите ему, чтоб он поскорей выпустил химика Сапожникова. Сей последний нашёл способ добывать из газовой смолы… гомоэмульсию, продукт столь же сильного антисептического значения, как карбол… Нам этот продукт совершенно необходим, ибо у нас свозят г…вно* (у Горького слово написано полностью. – *С.К.*) *со дворов на Невский, а с Невского грузят на трамвайные платформы и – за город.*

Это хорошо, да не очень, ибо теперь распутица, торцы мостовой обнажены от снега и впитывают в себя всякую гниль. Вы понимаете? Продуктом Сапожникова можно поливать целые улицы»[1172].

Профессор Михайловской артиллерийской академии Алексей Васильевич Сапожников (1868–1935) много работал в области изучения химии нитроцеллюлозы и бездымных порохов, а в 1912 году организовал в Петербургском институте инженеров путей сообщения первую в России лабораторию по изучению грибков – вредителей дерева. Сапожников тоже не покинул Россию, и в советское время у Сапожникова учились многие советские специалисты по различным отраслям химии…

Но выше приведено письмо Горького Ленину ещё и потому, что оно интересно вот чем… Писатель, деятель культуры спокойно адресуется к главе государства по вопросу о том, как нейтрализовать угрозу от, гм…, этого самого…

Факт, любопытный и поучительный сразу с нескольких точек зрения.

Уж не говорю о том, что обращаться с подобными вопросами к царю Николаю и думать нельзя было… Но показательно, что в новой России Ленина даже деятели культуры – если это были деятели действительно гуманистической культуры, а не производители «рафинада» «чистого искусства» – вовлекались в «производственный», так сказать, общественный процесс и не гнушались ставить любые вопросы, если их решение оздоровляло общественную атмосферу не только в переносном, но и в прямом смысле слова.

Горький вспоминал, что однажды, после того как Ленин слушал вместе с ним на квартире первой жены Горького – Екатерины Пешковой, сонаты Бетховена в исполнении Исая Добровейна, он признался, что готов слушать «Апассионату» каждый день. А потом, прищурившись и невесело усмехнувшись, прибавил:

– Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя – руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм, – должность адски трудная![1173]

Это, конечно же, не придумано Горьким, Ленин, вне сомнений, так и сказал. И только полный духовный «глухарь» или безнадёжный социальный негодяй способны увидеть в этих его словах не великий, деятельный гуманизм Ленина, а некую жестокость или безразличие к людям.

В этих словах сквозит глубокая горечь по поводу того, что слишком часто и человеческая масса, и её «верхи» особенно, не очень-то желают жить как люди, а желают «просто жить»… И это означает для массы духовное прозябание, а для «верхов» – духовное разложение.

Ленин не был «добреньким» – эпоха ему этого не позволяла, ему приходилось быть нередко не социальным терапевтом, а социальным хирургом. Хирург же, если будет бояться крови и держать скальпель нетвёрдой рукой, вместо жизни принесёт смерть.

А Ленин – это жизнь.

И не просто жизнь, а умная жизнь, человеческая…

Тот же Горький, Ленина знавший хорошо, одно время после Октября 1917 года с Лениным

жестоко разошедшийся, очень неумно и несправедливо обвинявший Ленина в своих «Несвоевременных мыслях», после смерти Ленина написал о Ленине на удивление верные строки – в очерке «Владимир Ильич Ленин»…

Нынешние «лениноеды» ехидно подчёркивают, что Горький не раз правил этот свой очерк, первая редакция которого относится к концу января – началу февраля 1924 года.

Горький действительно несколько раз возвращался к очерку «Владимир Ильич Ленин», который вначале назвал просто «Человек», и последние дополнения и правки помечены концом 1930 года. Но все дополнения носили не апокрифичный (то есть – вымышленный) характер. Горький вспоминал дополнительные подробности, вносил такие детали, которые полнее выявляли натуру Ленина… Наконец, Горький просто совершенствовал стиль изложения – для литератора дело обычное…

Так вот, Горький писал, что Ленин на острове Капри, наблюдая, как каприйские рыбаки осторожно распутывают сети, заметил: «Наши работают бойчее», и когда Горький засомневался, «не без досады» сказал: «Гм-гм, а не забываете ли вы России, живя на этой шишке?»

Владимир Ильич не забывал России нигде, и тот же Горький – явно не подлаживаясь под пафосный тон – свидетельствовал, что нередко подмечал в Ленине «черту гордости Россией, русскими, русским искусством», и что иногда эта черта казалась Горькому «странно чуждой Ленину».

Но всё верно – если человек не уважает себя, то он не будет уважать других. Если он не любит – искренне, безотчётно, на уровне перехвата дыхания в груди, свою национальную Родину, он не будет любить и свою планетарную Родину – Землю, человечество.

Пожалуй, космополитическая мировая Золотая Элита и потому так тупо, безжалостно кромсает и уничтожает сегодня природу и своеобразие планеты, что эта Элита чужда нормальному – не националистическому, а национальному – чувству Родины.

А Ленин – будучи человеком Мира, не был космополитом, «европейцем»… Ленин был глубоко русским человеком, у которого в лучших проявлениях национального характера заключена способность чувствовать и действовать в планетарных масштабах не как англосакс-завоеватель, а как русский открыватель-«передовщик».

Передовщиком нового мира Ленин и был!

Горький в конце своего очерка написал:

«Он был русский человек, который долго жил вне России… Он правильно оценил потенциальную силу её – исключительную талантливость народа, ещё слабо выраженную, не возбуждённую историей, тяжёлой и нудной, но талантливость всюду, на тёмном фоне фантастической русской жизни блестящую золотыми звёздами.

Владимир Ленин, большой, настоящий человек мира сего, – умер…

Но чёрная черта смерти только ещё резче подчеркнёт в глазах всего мира его значение…

И если б туча ненависти к нему, туча лжи и клеветы вокруг имени его была ещё более густа – всё равно: нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным в душной тьме обезумевшего мира…»

Сегодня, через 90 с лишним лет после написания этих слов, туча лжи и клеветы вокруг имени Ленина густа так, как никогда до этого, что само по себе доказывает верность формулы Маяковского: «Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить!» На фигуры, исторически отжившие, так не клевещут, памятники чисто историческим фигурам не свергают – так поступают с теми, к кому жива горячая ненависть, а горячо ненавидят лишь вечно живых…

Вечно живого Ленина и ненавидят – все элитарные космополиты, все политические проходимцы и все социальные глупцы…

А обезумевший мир капитализма – уже после Горького появился фильм с откровенным

названием «Этот безумный, безумный, безумный мир» – становится всё более безумным. Точнее – его безумным делают… И в душной тьме обезумевшего мира факел жизни Ленина не смогут затемнить навсегда никакие антиобщественные силы.

В оценке Ленина Горький был провидчески точен, хотя – чего тут удивляться? Горький был выдающимся «инженером человеческих душ», мастером слова. И видеть, и чувствовать он умел, потому и написал:

«…Люди жаждут – если они жаждут – вовсе не коренного изменения своих социальных навыков, а только расширения их. Основной стон и вопль большинства:

„Не мешайте нам жить, как мы привыкли!“

Владимир Ленин был человеком, который так помешал людям жить привычной для них жизнью, как никто другой до него не умел сделать это…

Меня восхищала ярко выраженная в нём воля к жизни и активная ненависть к мерзости её, я любовался тем азартом юности, каким он насыщал всё, что делал…»[1174]

Точнее не скажешь!

Говоря о социальной инертности большинства людей, Горький был и прав, и неправ одновременно. Большинство в старой России и вообще в старом мире, живущем «по законам, данным Адамом и Евой», было действительно социально инертным, но Ленин творил уже новый мир – мир ***деятельного*** большинства!

Человек старого мира, но человек не только деятельной мысли, но и умного дела, учёный-металлург Владимир Ефимович Грум-Гржимайло (1864–1928) в 1924 году писал – не в публичной статье, а в частном письме:

«Железный закон необходимости заставляет нас учиться работать, и мы выучимся работать. А выучимся работать – тогда будем и богаты, и культурны. Тогда мы благословим революцию и забудем все то горе, которое она принесла нам с собой.

Я считаю современный строй исторически необходимым для России. Империя Романовых воспитала в русском народе болезнь, которая кончилась взрывом – революцией. Современное правительство медленно, но неуклонно ведет русский народ к выздоровлению. Лечение всегда мучительно, лекарство всегда горько, но надо его принимать и делать то, что приказывает доктор.

Я всегда боялся, боюсь и сейчас, что иностранное вмешательство помешает русскому народу исцелиться от той болезни, которою заболел русский народ под глупым управлением последних Романовых. Как ни горько нам приходится, я вполне уверен в том, что переживаемые нами бедствия сделают нас великим и смелым, культурным народом-тружеником».

Писал старый металлург и так: «На нас, интеллигентах, лежит трудная обязанность убеждения „товарищей“, что для богатства существует один только путь – труд».

Судя по всему, Грум-Гржимайло не подозревал, что **буквально этоже** говорил и Ленин:

«Война дала горькую, мучительную, но серьёзную науку русскому народу – организовываться, дисциплинироваться, подчиняться, создавать такую дисциплину, чтобы она была образцом. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы – погибший народ и вечно будем лежать в рабстве»[1175].

С той же горечью, с которой писали о пороках русского характера Пушкин, Лермонтов, Некрасов, и с той же гордостью, с которой они же писали о России, Ленин заявлял:

«Русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми нациями. Учиться работать – эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всём её объеме. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, – чтобы создать действительно могучую и обильную Русь.

Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберёт все свои силы, если напряжёт каждый нерв, натянет каждый мускул… Идти вперёд, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук над созданием дисциплины и самодисциплины, организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил – таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической»[1176].

В этой идеологии уже был зародыш нового общественного сознания и совершенно нового, высшего типа русского патриотизма: патриотизма советского социалистического. И, одновременно, тут не пахло пушкинским русским бунтом Пугачева – бессмысленным и кровавым.

Грум-Гржимайло задумывался о временах, когда «в русской душе умрут два национальных героя: Пугачев и Обломов, стоящие друг друга». Однако не одному ему надоели эти две порочные черты русского национального характера – разгульность и бездеятельность. Взяв в руки номер «Правды» за 8 марта 1922 года, каждый гражданин РСФСР мог прочесть там:

«Был такой тип русской жизни – Обломов. Он всё лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а всё же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что *старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел*…»[1177]

Вот кого имел в виду Ленин, когда говорил Горькому о том, что приходится «бить людей по головке», – Обломовых он имел в виду!

Однако в России нарождалось новое поколение русских людей – советское поколение. Пожалуй, одним из первых эту грандиозную черту новой России увидел не наш соотечественник, а человек со стороны – со стороны, как говорится, виднее… Речь – об известном английском писателе Герберте Уэллсе и его книге «Россия во мгле». Уэллс очень интересно писал о новых советских школах и приходил к следующему выводу:

«…В условиях колоссальных трудностей в советской России непрерывно идёт грандиозная работа по народному просвещению и…, несмотря на всю тяжесть положения в стране, количество школ в городах и качество преподавания неизмеримо выросли со времён царского режима…»[1178]

С количественной точки зрения Уэллс ошибался: общее число школ в РСФСР тогда было меньше, чем в царской России – сказалась разруха гражданской войны. Но в городах число школ росло – это была вполне сознательная линия новой власти: Ленину для решения его задач преобразователя России были нужны подлинно культурные, развитые и деятельные массы молодёжи.

Вскоре после того, как Уэллс уехал из России, в Москве 2 октября 1920 года открылся III съезд комсомола.

В первый же день работы съезда на нём выступил Ленин и сказал, что «поколение, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта» и «создать прочный фундамент, на котором может строить только поколение, вступающее в работу уже при новых условиях, когда нет эксплуататорского отношения между людьми». Задача нового же поколения «состоит в том, чтобы учиться»…[1179]

Позднее в каждой советской школе на видном месте висел знаменитый лозунг: «„Учиться, учиться и ещё раз учиться!“ – как завещал великий Ленин»… И показательно, что в нынешних

антисоветских «россиянских» школах эти слова прочно забыты, зато вводится всеобщее сексуальное просвещение юных умов. Вряд ли Ленин имел в виду его, когда говорил на III съезде РКСМ:

«Коммунистом можно стать только тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Чтобы понять всю сложность для тогдашней России поставленной Лениным задачи, надо знать, что по данным переписи 1897 года неграмотным было 76 процентов населения России в возрасте 9 лет и выше, а среди сельского населения этот процент составлял более 80-ти.

К 1917 году положение вещей существенно не изменилось, и в декабре 1919 года Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР Ленин подписал декрет о ликвидации неграмотности среди населения.

Имелось в виду взрослое население. Что же до образования детей, то обширный декрет Совнаркома «Положение об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике» был подписан 18 июня 1918 года и 26 июня опубликован. Во всех областях, губерниях, уездах и волостях образовывались Отделы народного образования, задачи, права и обязанности которых были чётко определены декретом от 18 июня.

Это ведь было впервые в истории России, да и мира тоже – государственная сеть не просто народного образования, а сеть государственного ***управления*** народным образованием.

Результатом стал 81 процент грамотных в возрасте 9 лет и выше на момент Всесоюзной переписи 1939 года и практически полная грамотность населения к 1941 году, за исключением некоторых национальных республик.

Впрочем, обеспечение поголовной элементарной грамотности рассматривалось Лениным лишь как исходная база для более грандиозной задачи воспитания поголовно культурной массы. Ленин подчёркивал, что «недостаточно безграмотность ликвидировать, нужно ещё строить советское хозяйство, а при этом на одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры…»

Эти слова сегодня тоже замалчиваются Антисоветской властью, которая имеет прямо противоположную целевую установку: дебилизировать как можно большее количество умов – юных и не очень, обеспечивая массам лишь элементарную грамотность.

А ведь грамотность и культура – вещи очень разные. Даже самому деспотическому, но относительно технически развитому, обществу **грамотная** масса нужна. Недаром даже Гитлер не отрицал необходимости начального образования для порабощённых арийцами славян. А вот **просвещение** масс для тиранов абсолютно неприемлемо. Всесторонне просвещённая, то есть – ***умственно и эмоционально развитая***, народная масса гибельна для мировой Золотой Элиты! Сознанием такой массы уже нельзя манипулировать.

Уэллс удивлялся:

«В этой непостижимой России, воюющей, холодной, голодной, испытывающей бесконечные лишения, осуществляется литературное начинание, немыслимое сейчас в богатой Англии и богатой Америке. В Англии и Америке выпуск серьёзной литературы по доступным ценам фактически прекратился „из-за дороговизны бумаги“. Духовная пища английских и американских масс становится всё более скудной и низкопробной, и это нисколько не трогает тех, от кого это зависит. Большевистское правительство, во всяком случае, стоит на большей высоте. В умирающей с голоду России (точнее было бы сказать, – „Великороссии больших городов“, – *С.К.*) сотни людей работают над переводами; книги, переведённые ими, печатаются и смогут дать новой России такое знакомство с мировой литературой, какое недоступно ни одному другому народу»[1180].

Это была качественная картина новой России, начинающей восхождение к высотам

культуры. А вот небольшая количественная иллюстрация – данные по росту числа библиотек в СССР (без изб-читален):

Годы	1914 (Российск. имп.)	1927	1928	1932	1934	1941
Число библиотек	13 876	26 492	28 864	32 918	67 286	95 401

И ещё две цифры: в 1914 году на одну царскую библиотеку приходилось в среднем 680 книг, а через двадцать лет средняя советская библиотека имела уже 4026 книг.

В 1920 году Уэллс, восхищаясь замыслом по массовому изданию книг в РСФСР, в то же время сомневался:

«Какими путями всемирная литература дойдёт до русского народа, я не представляю. Книжные магазины закрыты… Вероятно книги будут распределяться по школам и другим учреждениям.

Совершенно очевидно, что большевики ещё ясно не представляют себе, как будет распространяться эта литература»[1181].

Но большевики представляли…

В 1921 году Ленин ставил перед Государственным издательством (Госиздатом) задачу «дать народу по 2 экземпляра на каждую из 50 000 библиотек и читален, все необходимые учебники и всех необходимых классиков всемирной литературы, современной науки, современной техники…»[1182]

И это было не благое пожелание, а реальная программа. В том же 1921 году декретом Совнаркома создаётся Центральная междуведомственная комиссия по закупке и распределению заграничной литературы (Коминолит). В письме в Коминолит Ленин сформулировал цели комиссии так:

«Главная задача, которую должен поставить себе Коминолит, – это добиться того, чтобы в Москве, Петрограде и крупных городах Республики было сосредоточено в специальных библиотеках по 1 экземпляру всех заграничных новейших технических и научных (химия, физика, электротехника, медицина, статистика, экономика и пр.) журналов и книг 1914–1921 г. и было бы налажено регулярное получение всех периодических изданий»[1183].

Обращаю внимание читателя на то, что новая Россия вынуждена была ликвидировать пробелы в информационном обеспечении страны, образовавшиеся ***с 1914 года***, с начала Первой мировой войны! Так «заботился» царизм XX века об обеспечении интеллектуальных запросов даже наиболее развитой части российского общества!

Позиция Советской власти была здесь диаметрально противоположной. Вот малоизвестная (да что там – попросту давно забытая) деталь!

После IX Всероссийского съезда Советов в 1921 году Ленин предложил раздавать всем делегатам по три экземпляра отчётов съезда, докладов Госплана и т. п. на уезд и брать с делегатов подписку насчёт того, что они под уголовной ответственностью обязуются сдать все три экземпляра в местную библиотеку через месяц-полтора.

Это предложение было оформлено специальным постановлением IX Всероссийского съезда Советов, и даже во второй половине 50-х годов в советских библиотеках можно было отыскать съездовские издания, на которых имелись вклейки, предлагающие делегатам сдавать полученные материалы в библиотеки[1184].

Как плохо понимали в этом Ленина некоторые старые интеллектуалы… Скажем, Горький, пройдя через период «несвоевременных мыслей» в «Новой Жизни», прочно стал на сторону Ленина и новой жизни без кавычек. Но вот дневниковая запись, сделанная академиком В. И. Вернадским 4(17) апреля 1920 года – ещё в «белом» Симферополе:

«*Обдумывая всё происходящее, мне рисуется один выход: новая советская буржуазия и награбившие себе состояние люди вообще: спекулянты, члены коммунист[ической] партии, офицеры и солдаты обеих армий должны сейчас стремиться к тому, чтобы создать строй, обеспечивающий им их собственность и беспечальное житьё, к чему они, в сущности, стремятся. Идейный элемент и у красных, и у белых ничтожный…*»[1185]

Читая это, поражаешься – как же это, живя в своей собственной стране, имея возможность (Вернадский её имел) знакомиться со статьями Ленина, будучи свидетелем огромной борьбы и труда, так попадать пальцем в небо, предвещая России Ленина строй новых жлобов и шкурников, просто сменивших старых жлобов. (В скобках замечу, что строй жлобов и шкурников действительно стал вновь возможным, но – лишь после 1991 года, в антиленинской стране с самоназванием «Russia»).

Великая Французская революция, например, свергая короля и отрицая «божественное право» монархов, тут же возводила на социальный пьедестал денежный мешок и провозглашала «священным» право частной собственности. В этом случае пессимистические прогнозы типа прогноза Вернадского были объяснимы. Но Ленин-то и большевики сразу и без обиняков поставили вне закона частную собственность, позволяющую её собственнику легально присваивать себе часть чужого труда! Не надо было быть академиком, чтобы понять хотя бы это!

Увы, академик Вернадский оказался здесь полным социальным и политическим слепцом. А, значит, увы, и социальным глупцом. Правда, с годами, живя в СССР, он политически поумнел, хотя и не в полной мере.

Английский социальный аналитик и фантаст Уэллс назвал свою книгу «Россия во мгле». А Ленин, большевики и все здоровые силы народа, всматриваясь в русскую мглу 1920 года, уже видели такое будущее, которое даже писателю-фантасту показалось фантастическим.

Главу о встрече с Лениным Уэллс назвал «Кремлёвский мечтатель», и в ней он признавался:

«В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не мог увидеть эту Россию будущего. Невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как поднимается обновлённая и счастливая, индустриализованная коммунистическая держава…

…Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех „утопистов„…сам впал в утопию, утопию электрификации.

…Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населённой неграмотными крестьянами, лишённой источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасли торговля и промышленность?“[1186]

Европеец, фантаст Уэллс не верил в реальность замыслов новой России. Однако уже ближайшие двадцать лет истории России Ленина показали, что прав был Ленин.

Более того, даже Ленин в своих самых смелых, казалось бы, прогнозах 1920 года не всё предвидел!

На X съезде РКП(б) он говорил:

– Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос, оздоровить всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе,

электрификация в массовом масштабе… Вот что с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца. Если я говорю, что нужны поколения, это не значит, что нужны столетия. Вы прекрасно понимаете, что достать тракторы, машины и электрифицировать громадную страну – такое дело может, во всяком случае, исчисляться не менее чем десятилетиями[1187].

Говоря о десятилетиях, Владимир Ильич имел в виду, скорее всего, три, а то и четыре десятка лет упорной работы – очень уж разорена была Россия. Но сам же Ленин дал России такой созидательный импульс, что новые поколения советских крестьян-колхозников стали фактом уже через пятнадцать-двадцать лет! А самой выдающейся чертой новой советской деревни оказалась – хотя это обычно и выпускается из виду – преобладающая доля бывших крестьянских парней среди лётчиков, Героев Советского Союза времён Великой Отечественной войны!

В царской или буржуазной России эти дети крестьян и мечтать не могли бы о свободном полёте над лесами и полями Родины. В ленинской России они не только мечтали, но и превращали мечту в реальность…

А вот Уэллс в своих социальных прогнозах не только относительно России, но и всего мира, тотально и фатально ошибся. Возражая в своей книге Ленину, Уэллс заявлял:

«Я верю в то, что в результате большой и упорной воспитательной работы теперешняя капиталистическая система может стать цивилизованной и превратиться во всемирную коллективистскую систему, в то время как мировоззрение Ленина издавна неотделимо связано с положениями марксизма… Он вынужден был поэтому доказывать, что современный капитализм неисправимо алчен, расточителен и глух к голосу рассудка и пока его не уничтожат, он будет бессмысленно и бесцельно эксплуатировать всё, созданное руками человека, что капитализм будет сопротивляться использованию природных богатств ради общего блага, и что он будет неизбежно порождать войны, так как борьба за наживу лежит в самой основе его…»[1188]

То же, что и Уэллсу, Ленин говорил в июне 1920 года в беседе с корреспондентами японских газет – Р. Накахира из «Осака Асахи» и К. Фусэ из «Осака Майнити» и «Токио Нити-Нити»:

– Очень трудно иметь дело с имущими классами. Представители имущих классов по самой своей природе думают только об удовлетворении своей алчности к деньгам…[1189]

Это было сказано почти сто лет назад.

А сказано – как сегодня…

Уэллс утопически надеялся, что в рамках капитализма будет расширяться образование масс, что капитализм будет вести упорную положительную воспитательную работу, но реальный капитализм упорно вёл и ведёт огромную работу по развращению и оглуплению масс, ибо только так имущая Элита может сохранять и дальше свои неправедные привилегии и удовлетворять свои необузданные вожделения. А оценка и прогноз Ленина относительно социального облика капитализма полностью подтверждается.

Ленин был во всём противоположен имущим классам – в устремлениях, в системе жизненных ценностей, в житейских привычках…

И та Россия, которой после второго дня творения предстояли под рукой Ленина новые творческие акты, тоже была противоположна старому миру, разделённому – по определению не Маркса, а князя Талейрана – на тех, кто стрижёт, и тех, кого стригут…

Однако и у России Ленина, и у Ленина после решения острых внутренних проблем становления в жестокой борьбе с «белыми» и интервентами, возникали новые внутренние проблемы.

Одну группу проблем составляли проблемы общеполитические, касающиеся жизни всего общества… Но кроме этого возникали внутрипартийные проблемы. Обе группы проблем были

взаимосвязаны, перетекали одна в другую и даже взаимно друг друга порождали.

А узел всех проблем по-прежнему завязывался на Ленине.

Глава 39. Госплан, «Кронштадт», «рабочая оппозиция» Шляпникова и гнилая картошка Цюрупы

Наступил 1921 год… Первый и второй дни Творения новой России были для Ленина позади. Уже чётко определилось, где – Свет, а где – Тьма… Уже прочно существовала «суша» Советской России…

Наступал день третий, задачей которого, как известно, были у Господа Бога чисто хозяйственные проблемы: произрастить «зелень», «траву, сеющую семя» и «дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод»…

В переводе с библейского на большевистский язык это означало прежде всего решение продовольственной проблемы, обеспечение «смычки» города и деревни, и приспособление диктатуры пролетариата под условия преимущественно крестьянской страны.

Без тех или иных накладок здесь вряд ли что-то могло получиться, и без накладок не обходилось. Но это уже были проблемы, слава богу, роста.

«Белых» из России, в основном, изгнали, и теперь они палачествовали – как атаман Семёнов, «генерал» Булак-Балахович, барон Унгерн и прочие – лишь на периферии Российского геополитического пространства…

Были заключены мирные или дружественные договоры с Финляндией, Польшей, Персией (Ираном), Афганистаном, Турцией…

Устанавливались торговые отношения с Англией и Германией, и даже с Кубой, откуда шли поставки сахара.

В феврале 1921 года по предложению Ленина был учреждён плановый центр страны – Государственная общеплановая комиссия (Госплан). В положении о Госплане, утверждённом 22 февраля 1921 года, говорилось, что комиссия создана «для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана на основе одобренного VIII съездом Советов плана электрификации и для общего наблюдения за осуществлением этого плана».

Работа Ленина по подготовке помянутого выше VIII съезда Советов, который проходил с 22 по 29 декабря 1920 года – это отдельная тема, но вряд ли удастся уделить ей здесь много места. Ведь Ленин послевоенного советского периода – это материал на пару отдельных увесистых томов! Скажу лишь, что он выступал на съезде чуть ли не десяток раз, в том числе – с большими докладами и речами.

Безусловно, «знаковой» деталью Съезда стало учреждение – в дополнение к учреждённому в 1918 году ордену Красного Знамени – ордена Трудового Красного Знамени. Героизм в боях должен был смениться героизмом в труде.

Съезд проходил горячо, со многими спорами, особенно – по вопросам новой экономической политики вообще, и крестьянской политики в особенности, включая замену продразвёрстки продналогом. Скажем, выступая 27 декабря на фракции РКП(б) на съезде Советов, Ленин в ответ на разные «благоглупости» – любимое словечко Владимира Ильича – разъяснял:

– Чту выдавать как премию… Можно выдавать средства производства, то, что служит для расширения и улучшения хозяйства: орудия, машины; можно выдавать предметы потребления, то, что служит в обиходе как украшение дома, отчего жизнь будет красивее и лучше в домашнем быту. Мы говорим: «Давайте отдельным хозяевам только предметы потребления и домашнего обихода, и, конечно, знаки отличия». Тут вами уже принят орден Трудового Красного Знамени… Не давать машины, даже если он самый старательный хозяин, даже если он достиг успеха без

малейшего применения кулачества. Машину нельзя давать потому, что она по самому своему применению требует труда коллективного, и хозяин, получив машину, не сможет её использовать один…[1190]

Так Ленин отвечал на глупые предложения «премировать» передовых хозяев, например, трактором. Конечно же, трактор должна была получать только коммуна, а тот единоличник, который перевыполнил план поставок хлеба по продналогу, заслуживал конечно, поощрения, но – не более чем новыми сапогами или пиджачной парой.

Да, теперь вопросы борьбы решались уже не столько штыком, сколько плугом. И решать их надо было в новой России новаторски. Государственное планирование под рукой Госплана и должно было стать эффективным способом вести народное хозяйство так, как оно нигде до этого не велось.

Если перебрасывать мостик из прошлого в сегодняшний день, то получается вот что…

Сколько издёвок пришлось на долю идей и принципов планового хозяйства в перестроечные и пост-перестроечные времена со стороны приверженцев «рынка». И если бы дело было только в издёвках. Реально введённый «рынок» к настоящему времени почти уничтожил первоклассную по результатам советскую экономику, задуманную Госпланом ленинского образца и созданную при помощи Госплана сталинского образца.

И вот теперь, через двадцать с лишним лет «рыночной» вакханалии, дестабилизации и разбалансирования экономики, председатель Совета ректоров Иркутской области, ректор Байкальского государственного университета экономики и права Михаил Винокуров под лозунгом «„Госплан“ – не жупел, а путеводный маяк» публично заявляет о необходимости «возрождения Госплана, нашего национального изобретения»…[1191]

Что ж, действительно нашего!

Но, господа антисоветские ректоры, не вашего! Однако хорошо уже то, что бывший член КПСС и нынешний антикоммунист Винокуров хотя бы косвенно, не упоминая автора, признаёт приоритет Ленина в создании Госплана.

Вернёмся, однако, в 1921 год…

5 апреля 1921 года председатель Госплана – не просто старый, а стариннейший соратник Ленина Г. М. Кржижановский, произнёс речь на первом торжественном заседании пленума Госплана, где говорил:

– Для быстрейшего выхода из обуревающей нас разрухи и для дальнейшего упорядочения всего нашего хозяйства нам необходимо покончить с разобщёнными партизанскими усилиями в нашей общей борьбе на экономическом фронте и приступить к работе по определённому государственному хозяйственному плану…[1192]

Ленин прочёл речь старого товарища ещё в черновом варианте и высказал свои замечания в письме:

«Г.М.!

Возвращаю Вашу речь.

Главный недостаток её: слишком много об электрификации, слишком мало о *текущих* хозяйственных планах.

Не на том сделано главное ударение, на чём надо.

Когда я имел перед собой коммунистических „вумников“, кои, не читав книги „План электрификации“ и не поняв её значения, болтали и писали глупости о плане вообще, я должен был носом тыкать их в эту книгу, ибо иного плана серьёзного нет и быть не может.

Когда я имею перед собой *писавших* эту книгу людей, я бы стал *носом* тыкать их *не* в эту книгу, а *от неё* – в вопросы *текущих* хозяйственных планов.

Займитесь ими теперь, господа профессора! Ваша электрификация in allen Ehren! (в полном

почёте! – *С.К.*) Ему же честь, честь…

Общеплановая комиссия государства *не* этим сейчас должна заняться, а немедленно изо всех сил взяться за *текущие* хозяйственные планы…»[1193]

Кто-то умел видеть лес, кто-то видел деревья в лесу, и не видел за ними леса. А Ленин умел видеть всё сразу. Посмотрите, как интересно получалось! Он, активнейший энтузиаст (да что там «энтузиаст»! – инициатор) плана электрификации России, сам же отодвигал его из первоочередных задач в перспективные! Почему? Да как раз потому, что план ГОЭЛРО был перспективным планом развития России, к реализации которого должны были подвести текущие планы восстановления…

Умение верно расставить приоритеты входит в квалификационный «джентльменский набор» реального политика…

Но так ли уж часто политики умеют это делать, тем более – так, как это умел Владимир Ильич Ленин?

Увы, кроме текущих хозяйственных дел в «мирном» 1921 году хватало и дел боевых, которые, правда, вытекали из нерешённых хозяйственных. 28 февраля 1921 года начался мятеж гарнизона Кронштадта и экипажей ряда кораблей Балтфлота – всего 27 тысяч матросов и солдат.

Вышел этот конфуз потому, что Балтфлот образца весны 1921 года и близко не напоминал по своей политической зрелости тот Балтфлот, символом которого стал крейсер «Аврора».

Старый «октябрьский» состав флота почти весь был на фронтах гражданской войны… Многие моряки-балтийцы или погибли, или ушли на партийную или советскую работу. Молодое же пополнение пришло из деревни, давно раздражённой продразвёрсткой.

Сегодня не установить точно, но можно предположить, что некоторые местные военкоматы, где у руководства оказались скрытые враги Советской власти, ***намеренно*** направляли на Балтику такой контингент призывников, который мог составить костяк будущего мятежа.

Провоцировала Кронштадт и политика «диктатора Севера» Зиновьева – он и сам вёл себя малопривлекательно, и окружение у него было сомнительным, уже затронутым перерождением…

Так или иначе, мятеж был поднят, и в руках мятежников оказалась первоклассная крепость с огромными запасами оружия и боеприпасов. 1 марта на собрании команд 1-й и 2-й бригады линейных кораблей были приняты резолюции с требованием свободы деятельности «левых социалистических партий» (читай – «эсеров»), упразднения комиссаров, свободы торговли и перевыборов Советов под лозунгом «Советы без коммунистов».

2 марта мятежники арестовали командование флота, был выбран «Временный революционный комитет» во главе с С. М. Петриченко, а 3 марта образовался «Совет обороны» во главе с бывшими офицерами – генералом А. Р. Козловским, подполковником Б. А. Арканниковым, капитаном Е. Н. Соловьяновым и другой подобной публикой…

Угроза возникла серьёзная, и 2 марта 1921 года постановлением Совета Труда и Обороны была восстановлена 7-я армия под командованием М. Н. Тухачевского – автора «польского» провала Красной армии и протеже Троцкого.

8 марта в Москве открылся X съезд партии, и в тот же день Тухачевский начал плохо подготовленное наступление на Кронштадт, которое, как и наступление Тухачевского на Варшаву в 1920 году, потерпело неудачу.

И тогда в 7-ю армию было направлено около 300 делегатов X съезда, имевших военный опыт, во главе с Климом Ворошиловым. Командный состав армии был усилен, прошли партийные мобилизации, и в ночь на 17 марта (в Москве накануне закрылся X съезд) штурмующие двинулись в наступление на Кронштадтскую крепость по льду Финского залива…

К утру город был взят. Мятежники потеряли свыше 1 тысячи человек убитыми, свыше 2 тысяч ранеными, 2,5 тысячи пленными, а 8 тысяч бежало в Финляндию… Потери советских войск составили 527 человек убитыми и 3 285 ранеными…

В утреннем выпуске нью-йоркской The New York Herald от 15 марта 1921 года было опубликовано изложение беседы Ленина с корреспондентом газеты, а 26 марта 1921 года эту запись опубликовала «Петроградская правда». Ленин начал с того, что заявил: «Поверьте мне, в России возможны только два правительства: царское или советское… Учредительное собрание в настоящее время было бы собранием медведей, водимых царскими генералами за кольца, продетые в нос»…

Говоря: «царское правительство», Ленин не имел в виду реставрацию монархии, конечно. Просто со словом «царский» тогда все отождествляли понятие «старый режим», и говоря так, Ленин имел в виду, что альтернативой советскому правительству может быть только возврат к старому – как бы мятежники ни уверяли в обратном…

А далее Ленин сказал:

«В Америке думают, что большевики являются маленькой группой злонамеренных людей, тиранически господствующих над большим количеством образованных людей, которые могли бы образовать прекрасное правительство, при отмене советского режима. Это мнение совершенно ложно. Большевиков никто не в состоянии заменить, за исключением генералов и бюрократов, уже давно обнаруживших свою несостоятельность. Если за границей преувеличивают значение восстания в Кронштадте и ему оказывают поддержку, то это происходит потому, что мир разделился на два лагеря: капиталистическая заграница и коммунистическая Россия»[1194].

После того, как бывшие советские профессиональные историки почти поголовно стали «антисоветскими», мятеж в Кронштадте стали подавать как народное восстание. Однако организаторы мятежа всего лишь подло использовали недовольство «середняка», порожденного как массовый слой, кстати, Советской властью…

Середняк был недоволен продразвёрсткой – уже, вообще-то, отменяемой… Но середняк не забыл, что землю ему дала Советская власть… Поэтому даже антисоветский мятеж не мог начаться иначе, как под формально советским лозунгом. А это программировало его конечный крах.

«Кукловоды» же мятежа находились в Европе и за океаном. И это было понятно, в том числе, и потому, что западная пресса сразу же дружно подняла всесветные шум и гам… На X съезде Ленин приводил настолько поразительные слухи, распространяемые на Западе о ситуации в России, что я не могу отказать читателю в праве хотя бы частично познакомиться с ними:

«С начала марта, – *говорил Ленин в речи при закрытии съезда 16 марта*, – ежедневно вся западноевропейская пресса публикует целые потоки фантастических известий о восстаниях в России, о победе контрреволюции, о бегстве Ленина и Троцкого в Крым, о белом флаге на Кремле, о потоках крови на улицах Петрограда и Москвы, о баррикадах там же, о густых толпах рабочих, спускающихся с холмов на Москву для свержения Советской власти, о переходе Будённого на сторону бунтовщиков, о победе контрреволюции в целом ряде русских городов…

Восстание в Одессе… Семёнов во главе 25 тысяч казаков двигается по Сибири… Антибольшевистское восстание охватило Волынь… Саратов превратился в самостоятельную антибольшевистскую республику…» и т. д.[1195]

Ленин говорил святую правду, при этом рыло антисоветской провокации выглядывало из ситуации даже более явственно, чем о том сказал Ленин. ***За две недели*** до мятежа о нём уже было подробно рассказано в парижских газетах «Эко де Пари» и «Ле Матэн», в газете эмигранта

Владимира Бурцева «Общее дело».

Заголовки статей были следующими: «Восстание Балтийского флота против Советского правительства», «Москва принимает меры против кронштадтских повстанцев», «Отголоски кронштадтского восстания в Петрограде»…

За две недели до событий![1196]

Вся эта – полностью согласованная и хорошо поставленная – пропагандистская кампания клеветы прямо указывала на заказчиков кронштадтского мятежа, а методы – на эсеров как на исполнителей. Недаром задолго до событий в Ревеле (Таллине) обосновался Савинков. Но показательным было то, что, поднимая антисоветский мятеж в 1921 году, его организаторы имели шансы на активность масс хотя бы в первой фазе мятежа, только выдвинув лозунг власти Советов!

С одной лишь поправочкой: «без коммунистов»…

Ленин после X съезда партии, выступая 27 марта 1921 года на Всероссийском съезде транспортных рабочих, обратил внимание делегатов на это «тонкое» обстоятельство и подчеркнул, что даже Милюков в Париже приветствовал стремление «создать Советскую власть без большевиков», потому что Милюков знает, что «уклон может быть либо в сторону пролетарской диктатуры, либо в сторону капиталистов»[1197].

Кронштадтский мятеж был прямо связан и со вторым крупнейшим антикоммунистическим выступлением против Советской власти – «антоновщиной», крестьянским восстанием в Тамбовской губернии.

Начавшийся на Тамбовщине 15 августа 1920 года эсеро-кулацкий мятеж был назван «антоновщиной» по имени одного из руководителей мятежа Александра Антонова (1888–1922), эсера с 1906 года, в 1920 году начальника уездной милиции города Кирсанова. Эсеровский почерк мятежа проявился во всём, но это было неудивительным – эсеры на Тамбовщине ещё до революции пользовались в среде зажиточных крестьян большим влиянием.

Антоновский мятеж ренегаты от истории тоже подают сегодня как «народное возмущение». Однако, как и на киевском Майдане-2014, негодяи лишь прикрывались народом, воспользовавшись политической наивностью народной массы.

Вот ряд цифр – они как-то надёжнее характеризуют ситуацию, чем побасёнки… После Октября 1917 года крестьяне Тамбовской губернии получили в безвозмездное пользование два миллиона десятин конфискованных помещичьих, церковных и иных земель. Тем не менее, экономическое положение крестьян ухудшалось – на территории Тамбовщины развернулись военные действия и это разоряло тамбовскую деревню, не позволяя подняться даже середнякам.

С другой стороны, доля кулацких хозяйств в некоторых уездах губернии доходила до 14 %, а кулачество было враждебно Советской власти поголовно. При этом кулаки имели вековой опыт манипулирования настроением крестьянской массы, к которому эсеры прибавили ***и свой*** немалый опыт провокации…

Уровень развития промышленности в губернии был невысок – из 8 тысяч предприятий лишь на 15 (пятнадцати) работало по 500 и более человек.

К августу 1920 года в 685 местных партийных организациях губернии насчитывалось 13 490 членов и кандидатов в члены РКП(б), из них в сельских – 4 992 человека. Во время перерегистрации в июле 1919 года из партии было исключено около 5 тысяч человек, так что и с этой стороны «обиженных» хватало. Но и после этого некоторые деревенские партийные ячейки состояли из бывших эсеров и анархистов[1198].

Важным фактором повстанчества явилась начинающаяся демобилизация армии. На X съезде РКП(б) Ленин говорил о том, что «демобилизация крестьянской армии выкидывает сотни

и тысячи разбитых, не находящих себе занятий людей, привыкших заниматься только войной как ремеслом и порождающих бандитизм», и что демобилизация армии даёт «повстанческий элемент в невероятном количестве»… (ПСС, т. 43, с. 16, 24).

Так оно и было.

В октябре 1920 года в антоновском мятеже участвовало до 20 тысяч человек (из них до 3 тысяч – с оружием), в январе 1921 года – до 50 тысяч.

15 октября 1920 года Ленин потребовал от РВС Республики «добиться быстрой и полной ликвидации мятежа», а 19 октября повторил это командующему Войсками внутренней охраны Республики Василию Корневу (1889–1939), бывшему прапорщику, члену партии с апреля 1917 года. Одновременно Ленин написал Дзержинскому:

«**Спешно**

Тов. Дзержинскому

Захвачены *Болдыревские* (Рассказовский район) фабрики (*Тамбовской* губернии) бандитами.

Верх безобразия.

Предлагаю прозевавших это чекистов (и губисполкомщиков) Тамбовской губернии:

1) отдать под военный суд,

2) строгий выговор объявить Корневу,

3) послать архиэнергичных людей тотчас,

4) дать по телеграфу нагоняй и инструкции.

Ленин»[1199]

Однако справиться с «антоновщиной» удалось лишь к середине лета 1921 года, и справиться немалыми усилиями. Об ожесточённости и размахе борьбы говорит число потерь мятежников – к 26 июля 1921 года они составили 11 тысяч убитыми и раненными.

На баснях о том, что командовавший войсками, подавлявшими мятеж, Тухачевский травил-де поголовно тамбовские деревни боевыми газами, останавливаться не будем. В район мятежа действительно подвезли химические снаряды, но их применяли при обстреле болот, да и то – ограниченно, вследствие малой эффективности. Но боевые действия велись активно с использованием больших масс войск – до 40 тысяч штыков и сабель.

А вообще-то, чтобы судить то время, надо ***понимать*** его. Белоэмигрант Иван Иннокентьевич Серебренников (1882–1953) в своих воспоминаниях привёл пример, который, как в капле воды, отражает многое… В эмиграции сибиряк Серебренников встретил земляка, инженера, «человека вполне культурного и просвещённого», и тот, имея в виду разгон Колчаком Уфимской директории, сказал: «Одного не понимаю, зачем выпустили тогда из Омска Авксентьева, Роговского и других…» И когда Серебренников поинтересовался – что же нужно было с ними сделать? собеседник спокойно ответил: «Как что? Прикончить, и только!»

«Говорят, жесток русский народ, – писал Серебренников. – Я не возражаю против этого утверждения, но хочу сказать, что жестокость эта была присуща во время революции не только простому народу, но и всем слоям русского общества вообще… Революция всегда порождает жесточайшее озлобление, какого не знают люди в мирное время»[1200].

Вернее будет сказать, что во время революции выплёскивается накопившееся за века народное возмущение, а имущие его пытаются жестоко подавить. А это порождает озлобление, которым нередко пользуются в своих интересах всё те же имущие – как это вышло на Тамбовщине. В результате красным войскам там приходилось прибегать порой и к жёстким мерам.

Решила, однако, исход мятежа общая политика Советской власти – переход от

продразвёрстки к продналогу. 14 февраля 1921 года Ленин встречался с секретарём Тамбовского губкома партии Н. М. Немцовым и представителем военного командования К. В. Редзько. Они привезли с собой в Москву и нескольких участников мятежа – «бородачей», находившихся в губЧК. Ленин встретился с ними и долго беседовал.

Об этой беседе 27 февраля 1921 года писала газета «Тамбовский пахарь»… Разговор был откровенный – крестьяне рассказывали, что в хлебных и продовольственных заготовках много произвола и бестолковщины: «Очень обидно, что, бывает, берут картошку, мы её свезём, где картошка гниёт, и нас же опять заставляют очищать это место»…

Но когда крестьяне пожаловались, что «хлеб прямо варежкой выметают из подвала», Ленин ответил: «А из ям спрятанный хлеб чем выгребают? Зачем прячете и от кого прячете и гноите хлеб, когда рабочие Москвы, Иванова, Тулы голодают? Заблудились вы, против законной Советской власти воюете, и это только на Тамбовщине…»

Прощаясь, Ленин сказал – цитирую по тексту газеты «Тамбовский пахарь» от 27 февраля 1921 года: «Если теперь крестьяне будут обижены властью, сообщайте в губернию, а если губернская власть не примет во внимание, обращайтесь в Москву, в Кремль, ко мне. Можно письменно и лично»[1201]…

Это, конечно, дало эффект сильный, но у эсеров внутри и вне России на Тамбовщину был особый расчёт, и окончательно ситуация разрядилась не скоро. Так, Антонов и его брат Дмитрий были убиты при аресте лишь 24 июня 1922 года – в селе Нижний Шибряй Борисоглебского уезда.

Впрочем, кронштадтский мятеж и «антоновщина» были эпизодами. Причиной их была не ошибочная стратегия, а ошибочная тактика или просто местные перегибы, и Ленин часто в публичных речах говорил об ошибках коллег и своих собственных. Но в главной линии он был безошибочно точен. В крестьянской стране та политическая сила, которая дала крестьянской массе землю, будет непобедимой при всех шатаниях той или иной части крестьянства или даже всего крестьянства в целом.

В феврале 1921 года Бухарин сомневался в возможности быстрой ликвидации «антоновского» мятежа, и когда 16 июля 1921 года Главное командование Красной Армии по просьбе Ленина подготовило итоговый доклад о ходе ликвидации, Ленин адресовал его Бухарину с пометкой: «*Бухарину. Секретно. 17 VII [1921 г.]* вернуть, *прочитав* от строки до строки в наказание за паникёрство. Ленин»[1202]

Сам Ленин по подобным поводам не паниковал, хотя реагировал энергично и резко. Ленин знал: как только перед крестьянством замаячит угроза «белой» реставрации, оно тут же будет «краснеть» от гнева.

За пятнадцать лет до 1921 года – в сентябре 1906 года, Ленин в статье «Политика правительства и грядущая борьба» прозорливо писал:

«Выкуп помещичьих и других земель по типу кадетской аграрной реформы помазал бы по губам всё крестьянство, и… укрепил бы страшно крестьянскую буржуазию, сделав из неё оплот „порядка“.

Но Романовы, Треповы, Игнатьевы и Столыпины слишком глупы, чтобы понять это. Они ответили в Думе грубым отказом крестьянам насчёт земли…

Это – превосходное средство ещё более озлобить крестьян и привлечь их на сторону *нашего* лозунга: полный отказ от *всяких* платежей за землю, которая должна *вся* (Ленин имел в виду не только помещичьи, но и удельные, царские земли. – *С.К.*) отойти крестьянам при победе революции»[1203].

Через одиннадцать лет после написания этих строк в России победила пролетарская революция – революция трудящегося, но меньшинства. И эта революция меньшинства сразу же,

немедленно, воплотила в Декрете о земле чаяния и желания крестьянского большинства России!

И воплотила она эти желания в жизнь по типу не буржуазной аграрной реформы, а социалистической аграрной реформы – крестьянству без всякого выкупа отходила вся земля! Эту реформу провели большевики, и этим они сделали из российского крестьянства оплот нового порядка. При всех колебаниях, в конечном счёте, крестьяне не отходили от Ленина, ибо землю дал он.

Что же до «благ цивилизации», в первые годы Советской власти в России почти отсутствовавших, то основная масса населения старой России ими и в лучшие времена не пользовалась. Сам Витте в своём «Конспекте лекций о государственном и народном хозяйстве» 1912 года писал о «микроскопических дозах» денежных расходов крестьян. Семья воронежского крестьянина-«середняка» тратила на личное потребление 12 рублей в год, то есть, старая деревня практически ничего не покупала и вела преимущественно натуральное хозяйство.

Теперь же крестьянин своим нескорым, но прочным умом понимал, что с налаживанием советской жизни он в личном потреблении не прогадает.

Однако все положительные материальные изменения могли быть делом только будущего. Текущее же положение России, вышедшей из гражданской войны, было – хуже некуда… Продукция крупной промышленности в 1920 году была почти в семь раз меньше довоенной. Выплавка чугуна за 1921 год составила 116,3 тысячи тонн – около 3 % от 1913 года. Добыча угля упала в пять раз, нефти – более чем в два раза… Производство вагонов составило 4,2 % от довоенного, плугов – 13,3 %.

Всё остальное тоже не радовало – разве что традиционно сильная российская текстильная промышленность была в несколько лучшем положении, но и у неё были огромные трудности с сырьём.

Материальное положение народа соответствовало состоянию экономики… Несмотря на всё это, при всех тяготах народных масс России, Ленин мог быть уверен в их поддержке – в конечном счёте. Тем более он был уверен в том, что его всегда поддержит основная часть рабочей, и, тем более, – партийной массы.

А вот в полной поддержке партийных «верхов» Ленин к 1921 году не только не мог быть уверен – он её по ряду позиций просто не имел!

Разделение на «твердокаменных» и не очень «твердокаменных» соратников Ленина в партии большевиков наблюдалось чуть ли не с момента её возникновения. Причём большинство колеблющихся, отшатывающихся, несогласных, противоречащих Ленину, приходилось на слой партийных «вождей». Чем ниже был статус большевика в партии, тем больше было шансов на то, что он будет ближе к Ленину, чем к его оппонентам.

Так было до Февраля 1917 года, так было и после Февраля 1917 года. Апрельские тезисы Ленина «кисло» приняли именно «вожди», точнее – часть их. И те же «вожди» удерживали партию от восстания в Октябре 1917 года. Они же настаивали после Октября на компромиссах с «социалистическими» партиями, а потом отвергали компромисс Брестского мира, и так далее…

Далеко не всегда персональный состав участников оппозиции Ленину внутри РСДРП(б) и затем РКП(б) был одним и тем же, хотя нередко случались и пересечения. Но не в том сейчас суть – кто, как, когда и в чём противостоял в партии Ленину? Важен сам по себе ***факт*** такого противостояния. Ведь далеко не все в критические моменты вели себя так, как Елена Стасова. Она в своих «Воспоминаниях» признавалась:

«Мучительный момент пришлось мне пережить в связи с вопросом о Брестском мире. Я никак не могла тогда составить себе ясного понятия, что же правильно… Я бесконечно приставала к Я. М. Свердлову за разъяснениями, надоедала и Владимиру Ильичу… Мучило меня это особенно, так как ***никогда у меня не было сомнений в правильности линии Ильича***

(жирный курсив везде мой. – *С.К.*). Да и тут сомнений у меня не было, но я не понимала сути дела. Голосовать за Ильича я не могла, так как вопрос не был мне ясен, ***а голосовать против я тоже не могла***…»[1204]

Стасова пишет, что она при голосовании в ЦК вначале воздержалась, «что, конечно, было недопустимо в тот момент», и прибавляет: «Потом у меня уже, ***разумеется***, не оставалось никаких сомнений, что голосовать надо было с ЦК, с Лениным».

Увы, далеко не для всех в руководстве РКП(б) ***само собой разумелось***, что спорить и не соглашаться с Лениным не только можно, но и нужно, но когда дело доходит ***до решений***, до голосования, то голосовать надо с Лениным.

Почему так получалось?

Ведь, в конечном счёте, Ленин оказывался прав действительно почти всегда, так что голосовать вместе с Лениным даже при несогласии с ним было политически и исторически более верным, чем голосовать против него. По сути, Ленин стратегически ошибся лишь один раз – в оценке перспектив «красной» Польши, доверившись информации Троцкого и Тухачевского и не приняв в расчёт предупреждения Сталина – как конфиденциальные, так и публичные, сделанные Сталиным за два месяца и за месяц до катастрофы под Варшавой. Но, как говорится, «и на старуху бывает проруха», к тому же эйфория в этом случае была достаточно коллективной.

Увы, маленькие дети – одни заботы, взрослые дети – другие заботы. Выросшие под рукой Ленина, ставшие именно благодаря Ленину руководителями величайшей державы мира «руководящие» большевики – не все, конечно, но часть, решили, что они и сами не промах, а «Ильич», всё же, не господь бог, и тоже может ошибаться… Чаще всего, злого умысла здесь не было, но и ума особого тоже не было. И поэтому Ленин в речи при открытии X съезда РКП(б) без обиняков заявил:

– Товарищи, мы пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несёт на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна! Я не знаю, как вы оцените теперь это. Вполне ли, по вашему, соответствовала эта роскошь нашим богатствам и материальным, и духовным?[1205]

Дискуссий и впрямь было «под завязку»…

В начале ноября 1920 года Троцкий на заседании фракции РКП(б) на V Всероссийской конференции профсоюзов выдвинул идею «огосударствления профсоюзов», «завинчивания гаек военного коммунизма», перенесения в профсоюзы военных методов, отмены выборности и т. п. И эти провокационные мысли Троцкий вынашивал давно.

В истории первых лет Советской власти промелькнуло имя американского инженера-механика Ройяля Кили – в 1920 году ему было сорок пять лет. Осенью 1919 года Кили приехал в РСФСР – «помогать русской революции». В первый момент Ленин уделил ему особое внимание, лично озаботился, чтобы Кили выделили в 1-м доме Советов «комнату не выше III этажа и самую тёплую» и обеспечили сахаром и даже шоколадом.

Увы, Кили стал одной из мелких ошибок Ленина – у Ленина, как у человека житейски простодушного, это по мелочам бывало. То ли неглупый авантюрист, то ли неглупый разведчик, Кили осмотрелся в России, представил Ленину ряд меморандумов, работал в ВСНХ инженером-организатором, но уже в марте 1920 года в письме лично Ленину заявил о желании выехать из России.

А 5 августа 1921 года Ленин, адресуясь к Каменеву, писал (ПСС, т. 53, с. 97): «*Чичерин прислал текст ответа Гувера* (в 1921 г. министр торговли США, с 1928 по 1933 гг. президент США. – *С.К.*). *Чичерин предлагает выпустить тотчас американских пленных… Я думаю, что*

может оказаться целесообразным выделить Кили из общего числа, ибо он наказан по приговору суда…».

Таким вот Кили оказался «помощничком» русской революции…

Вспомнил же я о нём постольку, поскольку в своём меморандуме Ленину от 30 декабря 1919 года Кили весьма точно ухватил ряд идей Троцкого и писал:

«Судя по меморандуму т. Троцкого, его мнение следующее:

1) Процесс разрушения и возвращения к дикому состоянию будет происходить ещё быстрее…

2) Милитаризация наших (уже и наших! – *С.К.*) средств производства и распределения и, как подсобное средство, общественное питание и коммунальная столовая.

3) Введение принципа единоличной власти и централизованного управления промышленностью и отмена коллегиального управления… с ясной спецификацией обязанностей, ответственностей и власти главы каждой отдельной области.

4) Возвращение квалифицированных рабочих к промышленности и, как дальнейшее подсобное средство, по крайней мере некоторая физическая работа всех граждан без исключения…»[1206]

Если бы что-то подобное Советская власть начала проводить в жизнь, это означало бы палочную, а то и из-под штыка, милитаризацию всей жизни России. Результатом здесь могло быть только падение Советской власти – жить в казарме никто не захотел бы.

И Ленин потратил немало сил, доказывая как на заседаниях Политбюро, так и в печати товарищам по партии – тому же Троцкому, Бухарину и т. д., какую ахинею они предлагают.

Впрочем, со стороны Троцкого это была, скорее всего, не ахинея, а очередная сознательная провокация против Советской России… Тёмен, тёмен, всё же, был Лев Давидович Троцкий на протяжении всей своей политической жизни – как до-октябрьской, так и, особенно, послеоктябрьской…

Что же до Ленина, то даже автор злобноватой по отношению к Советской власти (и особенно к Сталину) «перестроечной» монографии 1990 года «Иностранный капитал в России и СССР» А. Г. Донгаров признаёт, что «в отличие от некоторых партийных идеологов, поспешивших выдать нужду за доблесть и объявить принудительный труд частью социализма, Ленин относился к нему как к печальной необходимости и не связывал с ним будущего»[1207].

Выступая 30 декабря 1920 года на соединённом заседании делегатов VIII съезда Советов, членов Всероссийского Центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) и Московского городского совета профсоюзов (МГСПС) – членов РКП(б), и прямо оппонируя Троцкому, Ленин говорил:

– Профсоюзы… не есть организация государственная, это не есть организация принудительная, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма…[1208]

Последние ленинские слова: «Профсоюзы – школа коммунизма», позднее были красиво отпечатаны на каждой страничке всех профсоюзных билетов членов советских профсоюзов. Забавно, что эти билеты в ходу и при нынешних «голубых» профсоюзах.

Одним словом, пойти на «роскошь» дискуссии Ленину пришлось, но разозлился он тогда, судя по всему, не на шутку, и соратникам от него публично досталось.

Помянутое выше соединённое заседание делегатов VIII съезда Советов – коммунистов, имело в истории страны немаловажное, надо сказать, значение… Член партии с 1905 года Борис Григорьевич Скундин, участвовавший в этом заседании, вспоминал, что началось оно с доклада Троцкого, а оппонировали ему Томский, Зиновьев и Каменев, но нерешительно и расплывчато! Лишь в 12 часов ночи в зале появился Ленин, и кто-то из оппозиционеров иронически заметил:

«Прибыла тяжёлая артиллерия»[1209].

Что да, то – да!

Навалился Владимир Ильич прежде всего на Троцкого и Бухарина, говоря об «идейной сумятице» Троцкого, и т. д.

«Сумятица» – мягко сказано! Троцкий, повторяю, просто провоцировал рабочих, когда заявлял: «В области *потребления*, т. е. условий личного существования трудящихся, необходимо вести линию уравнительности. В области *производства* принцип ударности ещё надолго останется для нас решающим»

Процитировав Троцкого, Ленин возражал ему в следующих выражениях:

– Это совершенно неверно. Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто. Если меня так будут предпочитать, что я буду получать восьмушку хлеба, то благодарю покорно за такое предпочтение. Предпочтение в ударности есть предпочтение в потреблении. Без этого ударность – мечтание, облачко, а мы всё-таки материалисты. И рабочие – материалисты; если говоришь ударность, тогда дай и хлеба, и одежды, и мяса…[1210]

И далее Ленин заключал:

– Таким образом, и принципиально, и теоретически, и практически один вывод – про тезисы Троцкого и позицию Бухарина: унеси ты моё горе!..[1211]

Разбирая «профсоюзные» глупости Рязанова-Гольденбаха – троцкиста, бывшего «межрайонца», Ленин иронизировал:

– Не было печали, изобрели новое пугало! И кто же это? Товарищ Рязанов. Я товарища Рязанова знаю лет двадцать с хвостиком. Вы его знаете меньше моего сроком, но не меньше делом. Вы прекрасно знаете, что к его сильным сторонам не принадлежит оценка лозунгов… У товарища Рязанова бывает иногда маленькая слабость сочинять непременно лозунг и почти что принципиальный…[1212]

«Врезал» Ленин по-дружески – под смех и аплодисменты зала – и председателю президиума ВЦСПС Томскому, а потом сказал:

– Теперь перехожу к «производственной демократии»; это, так сказать, для Бухарина. Мы прекрасно знаем, что у каждого человека бывают маленькие слабости, и у большого человека бывают маленькие слабости, в том числе и у Бухарина. Если словечко с выкрутасом, то тут он уже не может не быть «за»…[1213]

Ничего не скажешь – очень точная характеристика Бухарина, причём, так сказать, – «на вырост». Чем дальше, тем больше политическую деятельность Бухарина точно определяло именно это слово – «выкрутасы».

Речь Ленина, произнесённая 30 декабря 1920 года, в 1921 году была напечатана в Петрограде отдельной брошюрой, и партийная масса поддержала в дискуссии о профсоюзах позицию Ленина.

Увы, на этом многие не успокоились…

С 20 по 22 ноября 1920 года в Свердловском зале Кремля проходила Московская губернская конференция РП(б), где пытались развернуться группы «демократического централизма», группа Игнатова и группа Шляпникова, о которой ещё будет сказано…

Оппозиционеры, критикуя Ленина и ЦК, организовали особое совещание делегатов-рабочих в Митрофаньевском зале Большого Кремлёвского дворца, почему в партийной среде эта конференция получила название «конференции с двумя комнатами». И Ленину – по его собственным словам (ПСС, т. 43, с. 37) – «пришлось пострадать и, в качестве посыльного, ходить из одной комнаты в другую»…

Ленину!!

«Это была порча работы, начало фракционности и раскола», – резюмировал он на X съезде партии.

Точнее это было бы назвать преступлением против партии и народа. И остаётся лишь сожалеть, что многие тогдашние оппоненты Ленина получили свою пулю с большим опозданием – лишь от Сталина.

Да, новый раскол был налицо…

Старые соратники Шляпников, Коллонтай вместе со старыми партийцами Медведевым и Лутовиновым и молодым партийцем Кутузовым возглавили так называемую «рабочую оппозицию», а Коллонтай ещё и выпустила брошюру «Рабочая оппозиция»… Причём, забегая вперёд, сообщу, что Шляпникова и Медведева даже осуждение этой «платформы» X съездом не образумило, и они образовали нелегальную антипартийную организацию, и эта история тянулась ещё и в сталинские времена… Слава богу, хоть Александра Коллонтай образумилась и вошла в число достаточно добросовестных сотрудников Сталина в сфере дипломатии.

А в 1920 году Коллонтай в своей брошюре заявляла, что организация управления народным хозяйством должна-де принадлежать некоему непонятному «Всероссийскому съезду производителей». И это – при живом Высшем Совете народного хозяйства и Госплане!

Ленин на X съезде говорил с нескрываемым сарказмом:

– Итак, товарищ Коллонтай и товарищ Шляпников и следующие за ними «классово спаянные» люди подчиняют своему необходимому руководству совнархозы, главки и центры… «Всероссийский съезд производителей» подчинит своему руководству 71 главк Совнархоза! Я спрашиваю, смеются, что ли, они, и можно ли таких людей брать всерьёз? Это и есть мелкобуржуазная, анархическая стихия не только в рабочей среде, но и внутри нашей партии, и этого допустить мы ни в коем случае не можем…[1214]

Странно получается иногда!

Выступая 6 ноября 1920 года на торжественном заседании Бакинского совета, Сталин говорил, что когда три года тому назад маленькая кучка большевиков во главе с Лениным решила, «сняв с власти представителей буржуазии», передать власть 2-му съезду Советов, на них смотрели «в лучшем случае, как на чудаков, в худшем – как на „агентов германского империализма“»…

Теперь же все тогдашние организаторы Октября, вышедшие из той «маленькой кучки», были лидерами правящей – и единственной правящей, в России партии. Казалось бы – за работу, товарищи! Теперь страной руководим мы, и мы должны обладать государственным умом, государственной выдержкой, государственной ответственностью…

А часть товарищей отправилась кто в лес, кто по дрова.

Впрочем, на улице был уже 1921 год, в котором Советская власть должна была отметить своё четырёхлетие, и Россия за эти годы пережила столько, что народ в целом и, тем более, наиболее политически развитая часть народа, кое-чему и научились… Так что Ленин на X съезде РКП(б) имел все основания сказать:

– Партия показала себя настолько зрелой, что, видя некоторое шатание «верхов», видя, что «верхи» говорят: «Мы не сошлись, разберите нас», – она мобилизовалась для этой задачи быстро, и громаднейшее большинство наиболее значительных партийных организаций быстро отвечало нам: «Мы имеем мнение, и мы его вам скажем»…[1215]

Партийная масса действительно и имела своё мнение, и высказала его, и это было мнение за Ленина.

РКП(б) тогда состояла в большинстве своём из новых, послеоктябрьских членов, но ***рядовые*** члены партии и её ***низовые*** функционеры с ***дореволюционным*** стажем были в партии скрепляющим, связующим раствором для новых партийных сил. В итоге новый, «унтер-

офицерский» большевизм оказывался нередко политически более зрелым, чем некоторые испытанные, казалось бы, партийные «генералы».

Так же позднее будет и со Сталиным – при его разногласиях с «верхами» все его апелляции к партийной массе будут получать неизменную её поддержку, что и неудивительно. Ленин и Сталин были подлинными вождями масс, то есть – умели, находясь «в верхах», увидеть ситуацию взглядом «снизу».

Собственно, может ли кто-либо претендовать на право быть народным лидером, вождём, не обладая такой способностью, но при этом умея видеть дальше народной массы?

Во время профсоюзной дискуссии оформилась «платформа десяти», выработавшая проект постановления X съезда РКП(б) по вопросу о роли и задачах профсоюзов. Этот проект подписали Ленин, Сергеев (Артём), Зиновьев, Калинин, Каменев, Лозовский, Сталин, Томский, Рудзутак и Петровский…

Не все из этой десятки проживут свою будущую политическую жизнь до конца достойно, но сам по себе этот список характерен тем, что в нём нет ни Троцкого, ни Бухарина…

Ленин же, упомянув на X съезде о «платформе десяти», произнёс слова, знать которые нам не мешает:

– Если говорят, что в платформе не видна рука Ленина, то или другое участие его, – то я скажу: если бы я во всём, что мне надо подписывать, участвовал рукой или телефонным разговором, я давно бы сошёл с ума…[1216]

Это, конечно, что называется – сорвалось у Ленина с языка, но сорвалось не случайно. Он уже несколько лет работал в постоянном особом форс-мажорном режиме – все важнейшие и не очень важнейшие решения замыкались на него. И объяснялось это не авторитарными замашками Ильича – чего у него не было, того не было… Просто все уже привыкли к тому, что Ленин всё схватывает быстро, реагирует верно и с решениями не «волокитит»…

Давно было сказано: кто везёт, на того и грузят.

Но как же это было утомительно и как стёсывало нервы, здоровье, жизнь… Заполняя анкету для делегатов X Всероссийского съезда РКП(б), он в графе «Состояние здоровья и инвалидность» написал: «здоров». Но так ли это было? Осенью 1917 года театральный гримёр-парикмахер в Хельсинки давал ему лет на десять меньше, чем было на деле… Теперь он разменял шестой десяток… Казалось бы – что такое пятьдесят один год для крепкого мужчины, спортсмена?! Однако он теперь старел – его год можно было считать…

А за сколько, кстати?

Гено – врач кардинала Мазарини, в романе Дюма засчитывал кардиналу год Фронды за три и даже за четыре… А как надо было засчитывать послеоктябрьские годы Ленину?

Год за век?

Ну, если и не за век, то уж за десятилетие – точно… И по этому «счёту Гено» Владимир Ильич имел за спиной все восемьдесят годков. Он был внешне бодр – даже если уставал, но суровая эпоха, творцом которой он стал, постепенно здоровье стёсывала…

А дела было больше, чем толковых помощников…

Бестолковых – и то не хватало!

Об этом часто забывают – да что там «часто», об этом забывают ***всегда!***, но на фронтах гражданской войны погибли многие тысячи, если не десятки тысяч сильных партийных работников и просто талантливых, прекрасных людей, чей огромный потенциал организаторов, если бы он был использован, мог бы придать социалистическому преобразованию России совершенно иной характер уже в начале 20-х годов – намного более спокойный и деловой…

Этот же фактор фатально повлиял позднее на послевоенную судьбу советского общества после Великой Отечественной войны – она отняла у Сталина и России миллионы активных

строителей социализма.

А гражданская война отняла множество реальных или потенциальных кадров у Ленина. На юге погиб матрос Железняков, в Средней Азии эсеры и англичане расстреляли Шаумяна и других бакинских комиссаров, на Дальнем Востоке японцы сожгли в паровозной топке Сергея Лазо… Погибли Чапаев, Пархоменко, Щорс… Этот счёт, между прочим, тоже не мешало бы выставить историкам к интервентам, к западным организаторам и «белым» исполнителям гражданской войны…

Да, толковых кадров не хватало, так что делб шли так, как они шли… А ведь отдельную проблему составляли и «примазавшиеся»…

Весной 1918 года в брошюре «Очередные задачи Советской власти» Ленин предупреждал:

«Ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены – без присасывающихся к неопытным новаторам авантюристов и жуликов, хвастунов и горлопанов, без нелепой суматохи, бестолочи, зряшной суетливости, без попыток отдельных вождей браться за 20 дел и ни одного не доводить до конца. Пусть моськи буржуазного общества от Белоруссова [Белевский А.С. (1859–1919), правый народник нашедший общий язык вначале с Корниловым, а потом с Колчаком. – *С.К.*] до Мартова визжат и лают по поводу каждой лишней щепки при рубке большого старого леса. На то они и моськи, чтобы лаять на пролетарского слона. Пусть лают. Мы пойдём себе своей дорогой, стараясь как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и практической смёткой…»[1217]

Однако легко сказать: «Мы будем распознавать…» Распознать на деле было много сложнее, и Ленин говорил на X съезде:

– Мы изнемогаем от недостатка сил, малейшую помощь сколько-нибудь дельного человека, – а из рабочих втройне, – мы берём обеими руками. Но у нас таковых нет… Становитесь вместе с рабочими и научите, как бороться с бюрократизмом, а не выступайте так, как выступал Шляпников… Он говорил, что гноят картошку, и спрашивал, почему Цюрупу не предают суду… А я задаю вопрос: почему не предают суду Шляпникову за такие выступления? Что – мы в организованной партии о дисциплине, единстве говорим серьёзно или же мы на собрании кронштадтского типа[1218]?

Досада и горечь на Шляпникова у Ленина были тем бульшими, что речь шла о старом кадровом большевике, много сделавшем для партии, в том числе – в сложные для неё времена Первой мировой войны. И своё заключительное слово 9 марта 1921 года по отчёту ЦК на X съезде Ленин как начал с критики «рабочей оппозиции», так и закончил ей, навалившись персонально на Шляпникова:

– Когда мы создавали Контрольную комиссию (ЦКК, – *С.К.*), так и говорили: ЦК завален административной работой, давайте выберем людей, которые пользуются доверием рабочих, которые будут разбирать жалобы за ЦК. Почему же, если Цюрупа действовал так неправильно, это не обжаловано в Контрольной комиссии, а Шляпников является сюда, на съезд, перед ответственнейшим собранием партии и Республики и бросает обвинение по поводу того, что сгноили картошку? А я спрашиваю, разве в военном ведомстве не бывает ошибок? И что же – предавать суду таких военных работников? Когда такие обвинения бросаются с кондачка, да ещё и с тоном злорадства, тогда предайте суду нас – ЦК. Мы считаем, что такое выступление – демагогия. Нужно предать суду либо Цюрупу и нас, либо Шляпникова, но так работать нельзя…[1219]

В заявлении Ленина не было и тени уязвлённого мелкого самолюбия. Он – что бывает в жизни очень редко – не просто был лоялен к умной критике, он её, без преувеличений, даже не приветствовал, а ***любил***!

Но – умную критику.

4 марта 1922 года в «Известиях ВЦИК» было опубликовано стихотворение Владимира Маяковского «Прозаседавшиеся» с такой концовкой:

С волненья не уснёшь.
Утро раннее.
Мечтой встречаю рассвет ранний:
«О, хотя бы
ещё
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!»

Ленин, выступая 6 марта на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов (8 марта его речь была опубликована в «Правде»), откликнулся на «Прозаседавшихся» так:

– Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему. Я давно не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своём стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они всё заседают и перезаседают. Не знаю, как насчёт поэзии, а насчёт политики ручаюсь, что это совершенно правильно…[1220]

Стихи Маяковского были умной критикой, но, вообще-то, умно критиковать лично Ленина было делом крайне сложным: очень уж мало ***объективных*** поводов к тому давал Владимир Ильич…

Возвращаясь же к «гнилой картошке Цюрупы», сообщу, что свою речь 9 марта 1921 года Ленин закончил так:

– Если Цюрупа совершил беззаконие, и мы, ЦК, прикрываем это, – то, пожалуйста, выступайте с определённым обвинением, а не бросайте слов, которые будут завтра здесь, в Москве, и по беспроволочным сплетням немедленно переданы буржуазии; завтра все кумушки советских учреждений будут, подпираясь руками, злорадно повторять ваши слова. Если Цюрупа таков, как обвиняет его Шляпников, если, как он требует, его нужно предать суду, то я утверждаю, что над этими словами надо серьёзно подумать; такие обвинения просто не бросаются. Тех, кто выдвигает подобные обвинения, или удаляют из партии, или говорят: мы посылаем тебя к картошке, в губернию такую-то, – посмотрим, меньше ли будет картошки сгноено, чем в тех губерниях, которыми руководил Цюрупа[1221].

В словах Шляпникова о гнилой картошке справедливым было лишь то, что картошку, да и хлеб, в полуголодной стране порой действительно гноили.

Где – по бестолковщине и неумению наладить дело…

Где – по равнодушию и обломовской лености…

Где – по неизбывной «расейской» бюрократии, доставшейся большевикам по наследству от царизма (Ленин не раз говорил о бюрократе как худшем внутреннем враге)…

А где – и в результате сознательного саботажа с целью подрыва Советской власти…

Между тем продовольственная проблема не только оставалась острой, но в перспективе ещё и обострялась.

Со времён Временного правительства она стала почти перманентной в её городском аспекте – особенно крупные рабочие центры постоянно испытывали нехватку продовольствия, даже если в деревнях жили относительно сыто. Но теперь угроза голода нависла и над деревней,

и дело было не только во всё усложняющемся положении сельского хозяйства из-за разрухи. Голод в старой России был периодическим явлением испокон веков вследствие неурожаев из-за погоды…

Как правило – засух.

В начале ноября 1920 года профессор физики и метеорологии Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии В. А. Михельсон (1860–1927) направил наркому земледелия РСФСР А. П. Середе (1871–1933) ряд статей, где, основываясь на данных науки, писал о периодически повторяющихся дождливых и засушливых годах и предсказывал скорую засуху[1222].

Середа переправил статьи Ленину, и тот 6 ноября 1920 года ответил наркому:

«Т. Середа!

Присланные Вами статейки Михельсона считаю архиважными.

Необходимо:

1) Тотчас дать их (исправив стиль, соединив в одну статью) в „Известия“ и „Правду“.

2) Снабдить *Вашим* послесловием: выводы (*практические выводы*)…

3) Краткое извлечение дать в РОСТА (Российское телеграфное агентство. – *С.К.*).

4) Включить Вам сие обязательно б) в Ваш печатный доклад для съезда Советов, в) в Ваш устный доклад (суть и *практические* выводы).

Надо всё сие заранее подготовить и *вовремя* заставить спецов сделать все подготовительные к Вашему докладу работы.

С ком. приветом *Ленин*»[1223]

Статья Михельсона была опубликована 17 ноября 1920 года в «Известиях ВЦИК» под заголовком «Важное предостережение», а на следующий день «Известия» напечатали статью Середы «По поводу статьи „Важное предостережение“», где были рассмотрены конкретные мероприятия, необходимые для борьбы с неурожаем.

Профессор Михельсон был не просто метеорологом, он работал в сельскохозяйственной академии, и к его предостережениям ***всем*** в России, а не только Ленину, стоило бы отнестись со всем вниманием, но…

Но, во-первых, пока гром не грянет, мужик не перекрестится…

Во-вторых, нет пророка в своём отечестве…

В-третьих, на той же Тамбовщине предпочитали бороться не с угрозой возможной засухи, а с Советской властью.

Что мог сделать Ленин?

Он – как глава государства, отреагировал верно: сделал мысли Михельсона общественным достоянием и адресовался к специалистам. Как конкретно готовиться к угрозе засухи, Владимир Ильич не знал. К тому же, только в день опубликования статьи профессора Михельсона был освобождён от Врангеля Крым, дел было по горло…

Мы раз за разом должны помнить, что гражданская война стала результатом не столько внутренних усилий противников Ленина, сколько внешних сознательных провокаций… И уж тем более гражданская война не была инициирована Лениным. Ленин не хотел этой войны и был намерен с первых же дней Советской власти заняться восстановлением народного хозяйства вообще, и сельского хозяйства в частности.

Уже 29 ноября (12 декабря) 1917 года он написал и подписал Постановление Совнаркома о размещении на заводах, занятых «военно-морскими сооружениями и ремонтными работами», и прежде всего на Металлическом заводе, заказов на производство сельскохозяйственных орудий, машин, производство и ремонт паровозов. По этому Постановлению требовалось также

«пересмотреть сметы Морского министерства с целью приостановки всех расходов по программе постройки военных судов и перевода соответствующих ассигновок на полезные народнохозяйственные работы…»[1224]

Иными словами, уже в 1918 году Россия Ленина намеревалась приступить к развитию материальной базы сельского хозяйства. А пришлось воевать с Колчаком, Деникиным, Юденичем…

И если бы только с ними!

В тот же день 29 ноября (12 декабря) 1917 года, когда было подписано упомянутое выше Постановление СНК, было опубликовано и правительственное сообщение о подготовке – по постановлению Совнаркома и ВЦИК – к торжественной передаче украинскому народу из хранилищ Петербурга военных трофеев – знамён, пушек и булавы, взятых у запорожцев при Екатерине. В резолюции ВЦИК говорилось: «Народ великорусский и революционный Петербург с приветом посылает вольному Киеву священный дар в знак братства народов. Да славится и крепнет братский союз свободных народов России и всего мира, да исчезнет вражда…»

Однако захватившие вскоре вольный Киев предатели украинского народа вместо укрепления братского союза предпочли лизать сапог германского оккупанта и создали фронт против Советской России.

Так же отрывали от России Кавказ, Прибалтику… Кавказ удалось отстоять, потому что там силы интервентов были слабыми. Прибалтику при поощрении Антанты, отсёк тогда от России германский штык…

И всё это, вместе взятое, – беляки, интервенты, националисты, сепаратисты, отодвигало задачи борьбы на сельскохозяйственном «фронте» в будущее.

Вернёмся, впрочем, к продовольственной проблеме начала 20-х годов, а точнее – к голоду 1921–1922 годов. Одна из самых подлых и, как всегда, глупых клевет на Ленина – обвинение его чуть ли не в геноциде русского народа, в сознательной организации голода в России в те годы.

В подобном «геноциде» – так же глупо и так же подло – обвиняют и Сталина, но здесь мы коснёмся лишь «ленинского» аспекта «голодной» темы. И для начала – энциклопедическая справка из первого издания Большой Советской энциклопедии, 1930 г., том 17, статья «Голод», страница 463:

«После Октябрьской революции Советским республикам пришлось в первые же годы иметь дело с небывалым даже в летописях русских голодовок голодом 1921-22 гг., охватившим 35 губерний с населением не менее 40 млн. Этот голод, созданный на базе долгого ряда предшествовавших голодных годов 20 в., неимоверным истощением страны империалистической войной и последовавшими за ней гражданскими боями, явился тягчайшим „посмертным даром“ свергнутого царизма. От голода 1921—22 и его последствий погибло ок. 5 млн. чел.; смертность в эти годы повысилась в среднем в 3–4 раза [в Башкирии до 12,4; в Самарской губ. – до 13,9; в Крыму до 10,4; в Саратовской губ. до 7,9 и т. д.]; при этом особо тяжкие потери понесла беднота: так, данные по Воронежской губ., например, указывают, что смертность беспосевных достигала 23,2, в то время как малопосевных умирало всего 11,0, а многопосевных – 2,3. Голодное беженство опустошило до 10–20 % дворов и хозяйств…»

Как видим, голод был действительно страшным – страшным был даже знаменитый плакат 1921 года, где на чёрном фоне истощённый старик в белой рубахе до пят вскидывал руки в призыве: «Помоги!»

Приведённая бесстрастная и точная справка называет цифру умерших от голода ***и его последствий*** (причину подчёркивания объясню позже) в пять миллионов, но из той же справки видно, между прочим, что если бы «многопосевные», то есть – кулаки, поступили в годы голода милосердно, не наживаясь на беде, то число жертв голода могло бы быть меньшим. Однако это –

к слову. Милосердие богатого жлоба так же скудно, как добродетель содержательницы публичного дома.

Несмотря на предупреждения профессора Михельсона и прошлый опыт, голод, что называется, грянул, поскольку на обширных территориях установилась засуха. В 1927 году в Аральский райком партии было передано некое письмо, датированное 7 октября 1921 года. Оно описывало масштабы бедствия документально точно и при этом – эмоционально:

«К товарищам рабочим, ловцам Аральского моря

Дорогие товарищи!

До вас, конечно, дошла уже весть об огромной беде – о небывалом голоде, постигшем всё Поволжье и часть Приуралья. Начиная от Астраханской губернии и кончая Татарской республикой и Пермской губернией, всюду засуха выжгла почти окончательно и хлеб и траву. Миллионы людей – трудовых крестьян и рабочих, миллионы скота готовы погибнуть и гибнут уже.

Русских и мусульман, осёдлых и кочевых – всех одинаково ждёт лютая смерть, если не придут на помощь свои товарищи – рабочие, трудовые крестьяне, пастухи и рыбаки из более благополучных местностей. Конечно, Советская власть со своей стороны спешит на помощь голодающим, она послала им в срочном порядке более 12 миллионов пудов (примерно 200 тысяч тонн. – *С.К.*) хлеба на озимое обсеменение, посылает сейчас продовольствие, организует столовые и прочее. Но всего этого мало. Беда так велика, Советская республика так разорена царской войной и белогвардейцами, что государственными средствами можно кое-как пропитать до будущего урожая едва $^1/_4$ часть нуждающихся…

…У вас на Аральском море неплохой улов рыбы и вы живёте без большой нужды. Уделите же часть вашей рыбной добычи для пухнущих с голоду стариков и старух, для 8 миллионов обессиленных тружеников, которым ведь надо с голодным животом почти год совершать всю тяжёлую работу по обработке земли, наконец – для 7 000 000 детей, которые прежде всего могут погибнуть.

Жертвуйте, дорогие товарищи, аральские ловцы и рабочие, щедрой рукой! Вы сделаете не только дело рабочей совести, но вы укрепите дело рабочей революции…»

Автором письма был Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин), и в том же письме – впервые оно было опубликовано в 1942 году в Ленинском сборнике XXXIV – он объяснял, что «на помощь богачей-капиталистов рассчитывать нечего», что они «заявили, что они-де тоже хотят помогать нашим голодающим крестьянам, но на таких условиях, которые означают передачу в их руки всей власти над нашей Рабоче-Крестьянской республикой…»[1225]

Ленин не преувеличивал – Запад и Америка, а также внутренняя реакция цинично («ничего личного – просто политический бизнес») попытались использовать беду для уже не вооружённого, а политического свержения Советской власти. 11 августа 1921 года Ленин писал Молотову для Политбюро: «…Тут игра архисложная идёт. Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая. Надо наказать Гувера, *публично* дать ему пощёчины, чтобы *весь мир* видел, и Совету Лиги наций тоже. Это сделать *очень трудно*, а сделать *надо*…» (ПСС, т. 53, с.110).

Не развивая тему дальше, упомяну знаменитый тогда «Кукиш», называемый ещё и «Прокукиш». Так – по фамилиям двух или трёх членов: будущей белоэмигрантки Е. Д. Кусковой (1869–1958) и видного кадета Н. М. Кишкина (1864–1930), а также буржуазного экономиста С. Н. Прокоповича (1871–1955), высланного в 1922 году из РСФСР – иронически называли антисоветский Всероссийский комитет помощи голодающим (не путать с Помголом – Центральной комиссией помощи голодающим при ВЦИК!).

«Кукиш»-«Прокукиш» и стал одним из центров влияния Запада в ходе кампании помощи голодающим. Можно бы много чего рассказать о деятельности в России и АРА – Американской администрации помощи. АРА фарисейски протягивала некоторой части голодающих хлеб, но при этом держала камень за пазухой против Советской власти…

Председателем Международной комиссии помощи России по борьбе с голодом, созданной по решению Верховного совета Антанты из представителей Англии, Франции, Италии и Бельгии, был назначен бывший посол Франции в России Ж. Нуланс – один из организаторов заговоров и интервенции против РСФСР. Это издевательское назначение возмутило Ленина и он писал наркому иностранных дел Чичерину: «Назначение Нуланса есть наглость» (ПСС, т. 53, с. 155).

В любом случае Запад, обладая огромными рыночными запасами хлеба, не поставил бы необходимое для спасения ***всех*** голодающих его количество, даже если бы Советское правительство во главе с Лениным добровольно и публично повесилось на зубцах Кремлёвской стены… Ведь уже тогда Запад и США наиболее устроила бы единственная Россия – вымершая.

Был существенным и ещё один момент, осложнявший продовольственную ситуацию – бандитизм. Мало того, что бандиты отвлекали село от прямой работы на земле, бандиты вообще срывали поставки хлеба. 24 февраля 1921 года на собрании партийного актива Москвы Ленин сказал:

– В бандитизме чувствуется влияние эсеров. Главные силы их за границей; они мечтают каждую весну свергнуть Советскую власть. Недавно Чернов писал об этом в одной русской заграничной газете. Эсеры связаны с местными поджигателями…[1226]

Ленин бандитизм не поощрял, он его пресекал. В январе 1922 года он писал заместителю председателя ВЧК Уншлихту: «Малейшее усиление бандитизма и т. п. должно влечь военное положение и расстрелы на месте»[1227].

И как же иначе!? Ведь бандитизм на Кубани, на той же хлебной Украине – это, кроме прочего, обрез в руках хлебороба вместо нал***ы***гача от воловьей упряжки, тянущей плуг…

А провоцировали хлебороба против Советской власти враги Советской власти. При этом трудности Советской власти создавали ведь и извне. И об этом тоже нельзя забывать, что нынешние «историки» делают сплошь и рядом.

15 октября 1920 года Ленин выступал на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии, где разъяснил:

– Мне придётся ограничиться коротким заключением, потому что по началу собрания было видно, что есть довольно сильное, очень сильное желание поругать центральную власть. Конечно, было бы полезно, и я счёл своим долгом выслушать всё то, что говорилось против власти и её политики. И закрывать прения не следовало бы…

С мест понеслось:

– Правильно!

Однако Ленин продолжил:

– Но когда я выслушал ваши замечания, мне пришлось удивляться, как мало вы дали определённых и точных предложений. Из двух вопросов о внешнем и внутреннем положении нашей республики вас, кажется, более интересует положение внутреннее. Это и правильно. Но, товарищи, вы забываете, что оно зависит от положения внешнего…[1228]

И Ленин говорил правду… Внутренние проблемы и в 1920 году были в немалой мере результатом внешних проблем… В 1920 году закончилась неудачная советско-польская война, в Крыму во время выступления Ленина сидел Врангель… Украина была всё ещё полем битв….

Ленин говорил:

– На Украине хлеба не меньше, а, может, и больше, чем на Кубани, но с Украины до сих пор

ничего не удалось взять… Украина по нашим подсчётам вычёркивается: ни одного пуда с Украины, потому что там бандиты, и потому что война с Врангелем…[1229]

К 1921 году Украина была полностью освобождена, но и после Врангеля остался Махно, а это означало опять невспаханные и незасеянные нивы, а, значит, и новое снижение производства зерна… Причём такая ситуация на Украине (и не только там, конечно) длилась не один год. Скажем, выступая 19 мая 1919 года на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию, Ленин сказал, как припечатал:

– Теперь на Украине каждая банда избирает кличку, одна свободнее другой, одна демократичнее другой, и в каждом уезде – по банде…[1230]

Каково!?

Как в украинский 2015 год заглядывал Владимир Ильич!

А перед этим Ленин говорил вот что:

– Колчак держится тем, что, взявши богатую хлебом местность, – называется ли он Колчак или Деникин, мундиры разные, сущность одна, – он там разрешает свободу восстановления капитализма… Так будет и у нас, если мы от диктатуры пролетариата перейдём к «свободе» и «равенству» господ демократов…

Ленин брал слова «свобода» и «равенство» в кавычки, поясняя, что в буржуазном обществе «свобода» принадлежит частной собственности, а частная собственность на средства производства, на большие деньги, на капитал, исключает подлинное равенство…

Социализм же – это не уравнительность, а равенство социальных возможностей для всех членов общества.

Как это всё опять сегодня актуально! Новые антинародные Колчаки – Кравчуки, Кучмы, Горбачёвы, Ельцины – флаги разные, сущность одна, разрушили социализм, разрешили в России, на Украине и т. д. свободу восстановления капитализма… И через четверть века после этого антинародного акта по Украине опять гуляют банды, и каждая банда избирает кличку, одна свободнее другой, одна демократичнее другой: «Днепр», «Удар», «Правый сектор», и если не в каждом районе, то в каждой области теперь – по банде…

И не это ли ждёт капиталистическую Россию – если она останется капиталистической?

Возвращаясь же в начало 20-х годов, подчеркну, что только жажда «бывших» вернуть себе «свободу» эксплуатировать и эгоистическая частнособственническая жадность зажиточного крестьянства питали политический бандитизм и просто бандитизм, равно лишающие народ хлеба. И это тоже надо ставить в счёт не Ленину, а его противникам.

Имея в виду письмо Ленина на Арал, сообщу читателю, что, в отличие от Советской власти, царская власть (о лично царе не говорю – он к таким вопросам был просто равнодушен) не только не поощряла в голодные годы общественную продовольственную помощь голодающим, но самым жёстким образом подобные усилия общественности пресекала. Сам же царизм обеспечивал голодающих скупо, недостаточно – Столыпин, например, высказывался в том смысле, что нечего-де поощрять у простонародья иждивенческие настроения…

А голодала царская Россия регулярно, поскольку регулярными были засухи и недороды, а широких агрономических и ирригационных мер противодействия им не предпринималось.

Уже в XX веке голодными оказались 1901, 1905, 1906, 1907, 1908, 1911–1912 годы. При этом постоянно росло и число голодающих губерний – голод 1911–1912 годов охватил за два года 60 губерний…

В одном из отчётов российского МВД за 1908 год признавалось, что «угроза голодною смертью является ежегодно весьма возможною участью значительного числа земледельцев России»[1231].

Это – в стабильно мирное время при налаженной, вроде бы, экономике, при не

расстроенной инфраструктуре!

Массы голодали не только в России – миллионы человек погибли от голода 1845–1849 годов в капиталистической Ирландии, многие миллионы – от голода 1877-78; 1896-97; 1899–1900 и более поздних – в вотчине британского капитализма Индии…

Миллионы умирали от голода и в царской России – особенно в страшную голодовку 1891 года, о чём сегодня помалкивают… **Практически забыто, что голодной смертью в мирное, внешне благополучное время в царской России умерло и не менее 100 тысяч столыпинских переселенцев** – царские власти не очень-то заботились об их устройстве[1232].

В 1901 году Ленин написал брошюру с характерным названием «Борьба с голодающими» (ПСС, т. 5, с. 297–319), где анализировал политику царского правительства по борьбе с голодом и показывал, что эту политику действительно можно определить как борьбу не с голодом, а с голодающими.

Повторяю: царское правительство последовательно ограничивало частную помощь голодающим, а при этом правительственные меры были совершенно недостаточными.

В 1899 году в проекте программы партии Ленин ставил вопрос так:

«Именно теперь, когда голодание миллионов крестьян становится хроническим, когда правительство, соря миллионами на подарки помещикам и капиталистам, на авантюристическую внешнюю политику, выторговывает гроши от пособий голодающим, именно теперь уместно и необходимо напомнить о том, во что обошлось народу хозяйничание самодержавного правительства, служащего интересам привилегированных классов… Социал-демократы не могут оставаться равнодушными зрителями голодания крестьянства и вымирания его голодной смертью. Насчёт необходимости самой широкой помощи голодающим между русскими социал-демократами никогда не было двух мнений…»[1233]

Через 22 года перед ним встала задача организации государственной помощи голодающим, и эта задача объективно была неизмеримо более сложной, чем та, которая стояла в голодные годы перед царским правительством.

В старой России крестьянские массы голодали и вымирали в условиях **мирного** времени, подданные царей массово вымирали при **полной** возможности голод исключить – если бы к тому были направлены усилия всех слоёв общества, начиная с самого царя… На этот счёт чуть позже будут приведены просто-таки ошарашивающие данные.

России же Ленина пришлось столкнуться с ужасным голодом в условиях **разрухи**, когда взять хлеб было просто неоткуда! И выеденного яйца не стоит вся современная болтовня о том, что если бы-де не «жестокость» Ленина и его «безразличие к судьбе вымирающего народа», то хлеб можно было получить во внешнем мире, лопавшемся от запасов хлеба…

Всё это чепуха!

Как уже было сказано, бесплатно Запад и Америка давали хлеб советской России в крайне ограниченных количествах, да и за это пытались получить серьёзные политические уступки. Так что в конкретной исторической ситуации Ленин и Советская власть делали всё возможное, чтобы смягчить ужасы голода. Исключить же его полностью в тех условиях не было возможности **даже ценой отказа от Советской власти и капитуляции перед Западом.**

С чего бы это те же англичане, которые спокойно допускали многомиллионные смерти от голода в Индии, стали бы спасать от голодной смерти миллионы русских мужиков? Тем более, что англичане (а также и французы, и янки) смотрели на этих мужиков как на всего лишь «пушечное мясо»…

Скажем, Морис Палеолог – посол Франции в России, в беседе с царским председателем Совета министров Штюрмером прямо заявлял: «При подсчёте потерь союзников центр тяжести не в числе, а в совсем другом. По культурности и развитию французы и русские стоят не на

одном уровне. Россия – одна из самых отсталых стран в мире. Сравните с этой невежественной и бессознательной массой нашу армию… Это – цвет человечества. С этой точки зрения наши потери гораздо чувствительнее русских потерь»[1234]

Требуются комментарии?

То, как много внимания и сил Ленин уделял возникшей «голодной» проблеме видно уже из следующего…

Если в томе 52-м ленинской переписки за ноябрь 1920 – июнь 1921 года в тематическом указателе нет отдельного раздела по проблемам голода, то в томе 53-м переписки за июнь-ноябрь 1921 года такой раздел есть: «Голод и борьба с ним», и в нём значится более пятидесяти документов.

В томе 54-м с перепиской за ноябрь 1921 года – март 1923 года тоже есть раздел «Голод в Советской России в 1921–1922 гг. и борьба с ним». Там отмечено только 8 документов, что объяснимо – всё возможное, что могло предпринять Советское государство в деле борьбы с голодом, было уже предпринято.

Последнее обстоятельство выразилось и в том, что образованная 18 июля 1921 года под председательством М. И. Калинина Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИКе – Помгол, постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 7 сентября 1922 года была заменена на Последгол – Комиссию по борьбе с последствиями голода (в августе 1923 года распущена).

Из сказанного читатель может понять, что здесь можно привести лишь некоторые ленинские документы по проблеме, и именно документами мы ограничимся – ведь они информативнее и достовернее любых воспоминаний и т. д. Так, 5 июля 1921 года Ленин пишет короткую записку в Политбюро (в этот день он выступал на III Конгрессе Коминтерна): «*Предлагаю утвердить по телефону и добавить: с поручением купить возможный максимум и пшеницы и риса*» (ПСС, т. 53, с. 11).

Текст был написан прямо на докладной в ЦК заместителя наркома продовольствия Н. П. Брюханова и заместителя наркома внешней торговли А. М. Лежавы о возможности закупки в Персии 5 миллионов пудов пшеницы с просьбой выделить на это и другие закупки 4 миллиона рублей серебром.

6 июля 1921 года члены Политбюро это предложение одобрили.

Такие закупки – где только возможно и насколько возможно, проводились постоянно, начиная с США и заканчивая государственными закупками в хлебородных областях – на Украине, например.

Приведу ещё один показательный документ и им, пожалуй, ограничусь. 13 августа 1921 года Ленин писал Чичерину и Каменеву:

«Ввиду того, что подлые американские торгаши хотят создать видимость того, будто мы способны кого-то надуть, предлагаю формально предложить им тотчас по телеграфу от имени правительства за подписью Каменева и Чичерина (а если надо, и моей и Калинина) следующее: мы депонируем золотом в нью-йоркском банке сумму, составляющую 120 % того, что они в течение месяца дают на миллион голодных детей и больных. Но условие наше тогда такое, что ввиду столь полной материальной гарантии ни малейшей тени вмешательства не только политического, но и административного, американцы не допускают и ни на что не претендуют…

Этим предложением мы утрём нос торгашам и впоследствии осрамим их перед всем миром…»[1235]

Вышло в итоге по-ленински: янки были вынуждены отказаться от ультимативных требований, и 20 августа 1921 года в Риге было подписано соглашение между правительством РСФСР и АРА.

Много аспектов было у борьбы с голодом.

Вот, скажем, соль… Важнейший по трудным временам продукт, дороже денег. И Ленин настойчиво добивается реальной соляной монополии – «ибо иначе мы не получим хлеба от крестьян за соль» (ПСС, т.53, с. 126), и требует «продавать соль „исключительно за хлеб и ни в коем случае не за денежные знаки“, при этом „продавать соль только волостям, селениям или отдельным хозяевам, которые внесли не меньше $^1/_4$ или $^1/_2$ налога“ (ПСС, т. 53, с. 102).

Был Ленин и одним из сторонников введения в России культуры кукурузы – как культуры урожайной, ценной и требующей для посева намного меньше семян (см. ПСС. Т. 53, с. 274 и 284).

В томе 54-м ПСС с ленинской перепиской на с. 6 приведена записка Ленина Каменеву со следующими цифрами: „33–15 = 18. 18: 2 = 9“.

Расшифровываются они так…

Для засева ярового клина в голодающих губерниях весной 1922 года требовалось 33 миллиона пудов семян. Из них 15 миллионов пудов Наркомат земледелия должен был получить от Наркомата продовольствия; на закупку половины недостающих 18 миллионов пудов Совнарком ассигновал золото, а остальные 9 миллионов пудов Наркомат продовольствия должен был дать за счёт сверхплановых заготовок зерна.

Таким был „ленинский геноцид“ в цифрах: миллионы золотом и серебром на миллионы пудов зерна для миллионов голодающих и в семенной фонд…

Кулачьё же, пользуясь НЭПом, хлебом торговало, набивая собственную мошну. И сегодня этих мироедов разного рода михалковы и мединские называют якобы цветом нации.

Ну-ну!

В разорённой войной России не было возможности закупить всё сразу – пустишь золото на закупки зерна для текущего пропитания миллионов голодающих – не будет золота на закупку семенного фонда, без которого следующий год станет опять голодным… Поневоле приходилось заниматься латанием „тришкина кафтана“…

А сельскохозяйственные орудия, без которых нельзя поднять урожайность? А железные дороги, без обеспечения перспектив которых не будет возможности подвезти зерно из хлебородных областей в голодающие?

Золота в разорённой стране требовалось много, а много его было у церкви… У церкви его и было решено взять – 16 февраля 1922 года Президиум ВЦИК постановил: немедленно приступить к изъятию ценностей из храмов **всех вероисповеданий** и обратить их на покупку продовольствия для голодающих[1236].

Причём Ленин был одним из самых решительных сторонников такой предельно гуманной меры. Сегодня хулители Ленина и это „лыко“ ставят ему „в строку“, но вот фрагмент свидетельских показаний патриарха Тихона 5 мая 1922 года на процессе московских церковников, судимых по обвинению в возмущении прихожан против Советской власти, изымавшей церковные ценности…

„*Обвинитель*. Вот экспертиза отвечала на вопросы: является ли изъятие священных предметов для целей милосердия святотатством или кощунством, и ответила – не является.

Патриарх. Напрасно.

Обвинитель. Значит, Вы считаете, что это святотатство?

Патриарх. По канону.

Председатель суда. А не по канонам?

Патриарх. Может быть с точки зрения нравственности и благотворительности.

Председатель суда. Разве каноны не являются выражением нравственности?

Патриарх. Не всегда. Есть вера, а есть Церковное управление – это разные области…“[1237]

Умри, Тихон, – лучше не скажешь!

Ведь что, фактически, признал сам высший иерарх на публичном процессе? А то, что каноническое церковное право и церковь как социальный институт к вере в Христа никакого отношения не имеют! Что церковные каноны отнюдь не есть нравственные образцы, основанные на христовых заповедях…

При этом ни Тихон, ни издавшие материалы его следственного дела ельциноидные историки и церковники, так, похоже и не поняли, что Тихон всего одной фразой вынес нравственный приговор такой церкви, которая стоит на антисоветских позициях.

„Безбожник“ Ленин поступал истинно по-христиански. Церковники же – противники Ленина, вели себя как худшие служители Золотой мамоны. Но это было характерно вообще для царской России, продуктом которой являлась в 20-е годы „каноническая“ церковь…

Вот текст:

„Когда въ 1873 г. страдала от голода лѣвая сторона Поволжья – самаро-оренбургская, на правой сторонѣ – саратовской – был рѣдкий урожай и хлѣб не находил сбыта даже по низким ценамъ. То же самое наблюдалось въ 1884 г. въ Казанской губ., когда казанскіе мужики питались всяческими суррогатами, а на волжско-камскихъ пристанях той же Казанской губ. гнили 1 720 000 чет[вертей] хлѣба. Наконецъ, и в злосчастномъ 1891 г., когда весь востокъ Европ. Россіи объятъ был неурожаемъ, урожай хлѣбовъ въ губ. малороссійскихъ, новороссійскихъ, юго-западныхъ, прибалтійскихъ и на сѣверѣ Кавказа былъ таковъ, что в общемъ по Россіи уродилось на каждую душу несравненно больше тѣхъ 14 пудов, которые признаны были тогда достаточными для продовольствія души въ теченіе года…“

Неимоверно утяжеляющие текст „ѣ“ (яти), многочисленные твёрдые знаки в конце слов, оканчивающихся на согласную, и двойные „и“(„и“ и „і“) в этой цитате объясняются тем, что выше приведён отрывок из статьи „Голодъ“ в томе 17 Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона…

Между прочим, все эти архаизмы русского правописания были отменены как раз ленинским Октябрём 1917 года.

Знакомство со справкой из энциклопедического издания царских времён, честно говоря, ошарашивает! В стране, где миллионы голодают и миллионы умирают от голода, хлеба было, оказывается, не просто достаточно для прокормления всех, а с большим избытком!

Такую политику царского правительства и лично царей определить иначе, чем геноцид, нельзя!

Это и был геноцид – в чистом виде! Геноцид означает сознательное уничтожение масс людей, и царизм этим как раз в России и занимался.

Подобная, с позволения сказать, „политика“, основанная на неестественном, жадном и подлом „праве“ частной собственности, объявленной негодяями „священной“, вообще характерна для любого общества частных собственников и от такого общества неотъемлема. Однако ситуация 1891 года в царской России даже на фоне людоедской политики капитализма выглядит особенно отвратительной: царь, помещики и капиталисты допустили голодную смерть миллионов своих подданных и соотечественников в стране, лопающейся от запасов хлеба!

Завершая же тему голода, напомню, что многомиллионные жертвы страшного голода 1921–1922 годов в Советской России объясняются не только нехваткой продовольствия. Свою жатву собрали и эпидемии.

Царская Россия была самой неблагополучной страной Европы в эпидемиологическом отношении: в начале XX века по неполным данным в России от инфекционных болезней

(сыпной и возвратный тиф, холера, чума, оспа, малярия, туберкулёз, сифилис и т. д.) ежегодно умирало около миллиона человек. В 1912 году было зарегистрировано 13 миллионов больных заразными болезнями – почти каждый десятый подданный царя Николая…

Две войны и разруха положение лишь усугубили, особенно губителен был тиф. По оценочным данным с 1918 по 1923 год сыпным тифом болело до 30 миллионов человек, возвратным – около 10 миллионов человек. Понятно, что организм, ослабленный голодом, не мог бороться с болезнями, а организм, ослабленный болезнями, не мог выжить при питании, недостаточном для борьбы за выживание. Всё это тоже сказалось на общей цифре жертв голода после гражданской войны.

И можно считать одним из первых социальных подвигов новой России то, что уже к 1924 году продовольственная проблема утратила трагичность, а заболеваемость резко снизилась. Собственно, уже в 1921 году заболеваемость сыпным тифом снизилась по сравнению с 1920 годом в 6 раз, а к 1927 году – в 100 раз.

Холера как массовое заболевание была вообще ликвидирована. Царизм этого не мог добиться в условиях стабильности. Советская власть смогла сделать это в условиях кризиса. Ну, о чём после уже одного этого можно спорить, господа хорошие?

Голод стал для первых лет Советской власти последним тяжелейшим испытанием. Пережив его, Россия Ленина начинала реконструктивный период, начинала созидать себя под рукой Ленина.

Не стоит при этом даже опровержения побасенка о том, что в 1921 году Ленин якобы понял, что ничего из того, что задумано, не получается, что он якобы признавал – втихую, что мол, большевики оказались у разбитого корыта и т. д. и т. п. Ничего подобного Ленин не говорил, не испытывал и не чувствовал. Он знал, что ошибок совершено немало, но знал и то, что обойтись без них в деле небывалого доселе социального и исторического размаха не-воз-мож-но!

Ещё в апреле 1918 года Ленин писал:

„Руководить трудящимися массами может только класс, без колебаний идущий по своему пути, не падающий духом и не впадающий в отчаяние на самых трудных, тяжёлых и опасных переходах. Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата“[1238].

„Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата“, – это было сказано вождём, умеющим вести за собой, видящим путь и умеющим верно расставить общественные приоритеты.

Отвечая 16 апреля 1921 года на письма из Германии Клары Цеткин и Пауля Леви, Ленин писал им:

„Наше положение в феврале и марте было тяжёлым. Крестьянская страна. Крестьянское хозяйство – гигантское большинство населения. Колеблется. Разорено, недовольно. Но мы не должны быть слишком пессимистичны. Мы своевременно сделали уступки. И я уверен, что мы победим“[1239].

Написанное Лениным в доверительном письме было не позой, и не фразой. Это было выражением точного понимания им как сложности эпохи, так и её созидательных, преобразующих возможностей.

23 августа 1921 года Ленин публикует в „Правде“ статью „Новые времена, старые ошибки в новом виде“ (ПСС, т. 44, с. 101–109). Рекомендую читателю самому с ней познакомиться, чтобы лишний раз убедиться – при всех трудностях и проблемах Ленин смотрел на ситуацию трезвым, деловым взглядом и деловым образом ставил перед Советской властью очередные задачи момента.

Глава 40. Об очередных задачах Советской власти

После окончания Гражданской войны перед Россией Ленина встали два комплекса задач.

С одной стороны России предстояло делать то, чего не делал до неё **никто и никогда** в мировой истории. Предстояло создавать плановую экономику; методом проб и ошибок формулировать принципы эффективного государственного управления в обществе без рыночных регуляторов и без имущей правящей элиты; формировать и прививать новые общественные и межличностные отношения…

Иными словами, первый комплекс задач был абсолютно новаторским, первопроходческим, небывалым, связанным с генеральной задачей построения социализма в России. Здесь Россия Ленина была абсолютным социальным мировым лидером, шла в неизвестное, предпринимала грандиозный социальный эксперимент, не имеющий прецедентов.

С другой стороны, Россия должна была проделать то, что многие страны **уже осуществили** задолго до неё… Так, в Японии с конца XIX века было введено всеобщее начальное образование, чего в царской России не было даже перед Первой мировой войной, и теперь России Ленина надо было ***догнать*** в деле народного образования ту же Японию, а также – Германию, Англию, Швейцарию, Францию и ещё ряд европейских стран…

Здравоохранение, медицина, обеспечение коммунального хозяйства городов водопроводом, канализацией, электроэнергией – и здесь России Ленина, политически весь мир обогнавшей, предстояло вначале ***догнать*** развитой мир.

А социальное страхование?

А производительность труда и техническое оснащение производства?

А наука?

А квалифицированные рабочие кадры?

Ведь и здесь, как и по десяткам других экономических, социальных и культурных позиций России надо было до-го-нять!

Непростая задача?

Противоречивая задача?

Э-э, если бы всего лишь так, но всё ведь было принципиально сложнее… Оба комплекса задач были – каждый сам по себе, а тем более – взятые во взаимосвязи, не то что непростыми и противоречивыми. Они были почти неподъёмными, почти не решаемыми…

Да ещё и в те краткие исторические сроки, в которые эти комплексы задач надо было решить.

Да ещё и в разорённой стране…

Да ещё и при угрозе новой интервенции и при подрывной деятельности внутри страны, направляемой извне…

Тем не менее сам тот факт, что Россия на практике начала решение обоих комплексов задач, проводя новаторский социальный эксперимент, позволял рассчитывать на успех в решении как первого, так и второго комплекса задач.

Скажем, честь изобретения радиотелеграфии – собственно, радио, принадлежит, как ни крути – России. Радио действительно изобрёл Попов, это – факт. Но таким же фактом стало катастрофическое отставание родины радио от передовых стран в области радиосвязи к 1917 году.

Радиоинженер М. А. Бонч-Бруевич (1888–1940) с 1916 года занимался изучением электронных радиоламп и впервые организовал отечественное производство этих ламп, но поддержки от царя не имел. Лишь в 1918 году Бонч-Бруевич при поддержке Ленина создал

Нижегородскую радиолабораторию, ставшую ведущим отечественным центром радиотехники. Ленина увлекала идея «газеты без бумаги и расстояний», и 5 февраля 1920 года он писал Бонч-Бруевичу в Нижний Новгород:

«Михаил Александрович!

…Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам глубокую благодарность и сочувствие по поводу большой работы радиоизобретений, которую Вы делаете… Всяческое и всемерное содействие обещаю Вам оказывать этой и подобным работам.

С лучшими пожеланиями

В. Ульянов (Ленин)»[1240]

В 1922 году по заданию Ленина М. А. Бонч-Бруевич спроектировал и построил в Москве первую в мире мощную радиовещательную станцию имени Коминтерна. Интересовался Ленин и работами Нижегородской лаборатории по телевидению и дальней радиолокации[1241].

В итоге Россия Ленина, а точнее – Россия Сталина, пошедшая после смерти Ленина к социализму под знаменем Ленина, через двадцать лет после первых работ М. А. Бонч-Бруевича вошла в число стран с наиболее развитой радиопромышленностью.

И это – тоже факт!

Эксперимент всегда связан с поиском чего-то нового, а поиск нового – неотъемлемый элемент творчества. И как раз на творческие силы масс рассчитывал Ленин, потому что впервые в мировой истории огромной страной руководили люди, прямо опирающиеся в своём преобразовании общества на массы и имеющие целью обеспечить интересы масс.

И даже более того! Новые лидеры России ставили перед собой и перед массами задачу не только обеспечить насущные интересы масс, но и всесторонне развить их, далеко выводя интересы масс за рамки извечного «Хлеба и зрелищ» к подлинной физической и духовной культуре всех, а не только элитарных, слоёв общества.

Ленин верил в силы людей из народа. Характерно в этом отношении его замечание при обсуждении 22 апреля (5 мая) 1905 года на III съезде РСДРП резолюции об отношениях рабочих и интеллигентов в социал-демократических организациях.

В конце концов всё закончилось следующим решением: «Съезд считает излишним выносить особую резолюцию об отношениях рабочих и интеллигенции в партийных организациях и переходит к следующему вопросу порядка дня»[1242].

Ленин тогда бросил:

– Я не мог сидеть спокойно, когда говорили, что рабочих, годных в члены комитета, нет. Вопрос оттягивается; очевидно в партии есть болезнь. Рабочих надо вводить в комитеты. Удивительно: литераторов на съезде всего три, остальные – комитетчики, а между тем литераторы (Ленин и себя определял как «литератора». – *С.К.*) – за введение рабочих, а комитетчики почему-то горячатся…[1243]

Прошло более 10 лет (и каких лет!) и в августе 1918 года в «Письме к американским рабочим» Ленин заявил:

«На каждую сотню наших ошибок… приходится 10 000 великих и геройских актов…

Но если бы даже дело обстояло наоборот, – если бы на 100 наших правильных актов приходилось 10 000 ошибок, всё-таки наша революция была бы, *и она будет перед всемирной историей*, велика и непобедима, ибо *первый раз* не меньшинство, не одни только богатые, не одно только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся *сами* строят новую жизнь, *своим опытом* решают труднейшие вопросы социалистической

организации…»[1244]

И это было правдой…

Однако – при всём при том – Россия образца 1921 года представляла собой в системном смысле ещё «ту» «кашу»… В одном из выступлений Ленина в апреле 1921 года – на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) Москвы и Московской губернии, он высказал мысль, подтверждающую выше сказанное:

– Между прочим, в споре с товарищами я говорил: государственный капитализм у нас в России… был бы шагом вперёд. Это показалось очень странным: как это так – в Советской социалистической республике государственный капитализм был бы шагом вперёд? И я, отвечая на это, говорил: присмотритесь внимательно, что мы наблюдаем в России с точки зрения действительных экономических отношений? Мы наблюдаем по меньшей мере пять различных систем или укладов, или экономических порядков…[1245]

Далее Ленин перечислил их: 1) патриархальное хозяйство, которое работает само на себя; 2) мелкое товарное хозяйство; 3) капиталистическое – небольшое частнособственническое хозяйство; 4) государственный капитализм – под контролем социалистического государства, и 5) социализм…

Но ведь не только в экономической жизни России существовали и боролись тогда друг с другом эти пять укладов. Они присутствовали и в социальной жизни… И в культурной жизни… И в реальной общественной психологии…

А господствующим – вначале, и единственным – в конце концов, требовалось сделать один уклад – социалистический. России был нужен этот новый уклад во всём: в экономике, в социальной сфере, в культуре, в общественной морали и психологии… И дело это казалось многим совершенно неподъёмным или почти неподъёмным…

Но, как хорошо подметил белорусский драматург Макаёнок: «Слово „почти“ – это почти слово»…

«Умный» и «почти умный»…

«Живой» и «почти живой»…

Но, в то же время, наряду с «невозможно» есть и «почти невозможно».

Сделать почти невозможное возможным и стало задачей Ленина и России в отвоёванные у мирового Капитала мирные двадцатые годы.

28 апреля 1918 года в № 83 газеты «Правда» была напечатана огромная программная статья Ленина «Очередные задачи Советской власти». 26 апреля она обсуждалась на заседании ЦК, и было решено опубликовать её в «Правде», в «Известиях ЦИК» и отдельно – брошюрой.

Уже в 1918 году вышло более 10 изданий брошюры – в Москве, Петрограде, Саратове, Казани, Тамбове и других городах. В том же году она была издана на английском языке в Нью-Йорке, на французском языке – в Женеве, и на немецком – в Цюрихе…[1246]

В ней Ленин писал:

«Развитие партии большевиков, которая является ныне правительственной партией в России, особенно наглядно показывает, в чём состоит переживаемый нами и составляющий своеобразие настоящего политического момента исторический перелом, требующий новой ориентации Советской власти, то есть новой постановки новых задач.

Первой задачей всякой партии будущего (эти слова прямо адресованы КПРФ, – *С.К.*) является – убедить большинство народа в правильности её программы и тактики…

…Второй задачей нашей партии было завоевание политической власти и подавление эксплуататоров…

…На очередь выдвигается теперь, как очередная и составляющая своеобразие переживаемого момента, третья задача – организовать *управление* Россией…

…Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* – у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*»[1247].

Однако сразу лишь управлять Россией не получилось… Внутренняя и внешняя реакция спровоцировали гражданскую войну, началась интервенция… Более двух лет большевикам пришлось Россию опять убеждать и опять отвоёвывать у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся.

И вот теперь, наконец, перед большевиками – как очередная и теперь уже всё более основная задача Советской власти – вставала задача управлять Россией.

В июне 1920 года Ленин принял японских газетчиков Р. Накахира из «Осака Асахи» и К. Фусэ из «Осака Майнити» и «Токио Нити-Нити». Фусэ задал тогда вопрос:

– Каковы ближайшие задачи Советского правительства?

Ленин мгновенно ответил:

– Во-первых, побить польских помещиков, во-вторых, добиться прочного мира, затем, в третьих, развивать нашу хозяйственную жизнь…[1248]

Логика здесь была железная и приоритеты расставлены верно: нельзя развивать хозяйственную жизнь без прочного мира.

Побить польских помещиков так, как желалось (да и как, вообще-то, моглось), – не получилось. 18 марта 1921 года в Риге между РСФСР и УССР с одной стороны и панской Польшей с другой стороны был подписан мирный договор, который был очень далёк от выгодного для Советской власти. Но это был, всё же, мир. И ещё до подписания Рижского мирного договора было ясно, что для России Ленина наступает мирная передышка, и можно заняться, наконец, восстановлением и развитием экономики.

21 февраля 1921 года в «Правде» за подписью «Н. Ленин» была опубликована статья «Об едином хозяйственном плане». В конце её есть слова:

«…Мы Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* от эксплуататоров для трудящихся, мы эксплуататоров подавили – мы должны научиться Россией *управлять*»[1249].

Как видим, Ленин в 1921 году **текстуально** повторил свою мысль весны 1918 года: надо учиться управлять новой Россией – Россией для трудящихся.

Управлять в интересах трудящихся.

И управлять научными, а не административными методами!

Видно из ленинских слов и то, что гражданская война, навязанная Ленину, ***на целых три года*** задержала выполнение мирных задач Советской власти, которые Ленин ставил перед ней уже весной 1918 года.

В той же статье 1921 года есть и такие слова:

«…Нам в десять раз ценнее хотя бы буржуазный, но знающий дело „специалист науки и техники“, чем чванный коммунист, готовый в любую минуту дня и ночи написать „тезисы“, выдвинуть „лозунги“, преподнести голые абстракции. Побольше знания фактов, поменьше претендующих на коммунистическую принципиальность словопрений.

…Если коммунист – администратор, его первый долг – остерегаться увлечения командованием, уметь сначала посчитаться с тем, что наука уже выработала, сначала спросить, сначала добиться изучения…

Для этого надо научиться скромности и уважению к деловой работе „специалистов науки и техники“… Поменьше интеллигентского и бюрократического самомнения, побольше изучения того, что наш практический опыт даёт и того, что наука нам уже дала»[1250].

Собственно, подобные мысли и требования станут рефреном в ленинских публичных выступлениях и в его деловой переписке 20-х годов. Римский сенатор Катон-старший каждую

свою речь закачивал знаменитым «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam» («Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен»). Вот так и Ленин 20-х годов то и дело на разные лады настойчиво повторял, что надо поменьше болтать о социализме и побольше заниматься практической работой по его построению.

В предисловии к книге И. И. Скворцова-Степанова об электрификации РСФСР, опубликованном 21 марта 1922 года в «Правде», Ленин писал:

«Восьмой съезд Советов постановил, что преподавание плана электрификации обязательно во всех – во всех без изъятия – учебных заведениях РСФСР. Это постановление осталось, как и многие другие, на бумаге вследствие нашей (нас, большевиков) некультурности…

Мы – нищие и некультурные люди. Не беда. Было бы сознание того, что надо учиться. Была бы охота учиться. Было бы ясное понимание того, что рабочему и крестьянину ученье нужно теперь, …чтобы улучшить *свою* жизнь.

А это всё у нас есть. И поэтому учиться мы будем и научимся»[1251].

Увы, наиболее сложно усваиваются наиболее простые истины – их внешняя банальность и кажущаяся тривиальность обуславливают весьма легкомысленное отношение к ним у людей неглубоких, поверхностных. А таких в новом управленческом аппарате Советской России хватало.

Но и народу Ленин говорил то же самое:

«Русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живучести остатков крепостного права. Учиться работать – эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всём её объёме»[1252].

Но у кого учиться работать?

Ленин не раз говорил: учиться надо у немцев – нации хорошо русским знакомой и давно живущей с русскими бок о бок. Так же настойчиво Ленин подчёркивал, что учиться работать и учиться организовывать работу надо вообще у всех, кто, отстав от России политически, обогнал её технологически:

«Советская республика во что бы то ни стало должна перенять всё ценное из завоеваний науки и техники… Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма…»[1253]

Эта мысль – как и многие другие мысли Ленина, через почти сто лет после того, как она была высказана, опять, увы, актуальна для России.

Сегодня путинская Россия, вследствие собственной социальной глупости, вновь отстала от развитого мира как технологически, так и политически… О технологическом отставании много говорить не приходится – оно у всех на глазах. Политически же мы отстали в том смысле, что российский капитализм имеет ярко выраженный дикий характер, тогда как в странах «золотого миллиарда» капитализм, всё же, приглажен.

В XX веке Россия Ленина и Сталина, став политически наиболее продвинутой страной мира, смогла быстро сокращать и технологический разрыв, выходя в некоторых областях науки и техники (и, тем более – культуры и образования) даже в лидеры.

В XXI веке Россия тоже сохраняет потенциал «догона», но реализован он может быть лишь в том случае, если Россия вновь восстановит себя в роли политического лидера мира, придя к новому социализму с учётом всех ошибок и просчётов прошлого.

Что же до России Ленина, то особое внимание – кроме Германии, Ленин обращал на Америку. 5 октября 1919 года он, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Чикаго дейли ньюс» И. Левина, сказал: «Мы решительно за экономическую договорённость с Америкой, – со

всеми странами, но *особенно* с Америкой»[1254].

А в 1918 году он точно определил:

«Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил человеческого объединённого труда, по применению машин и всех чудес новейшей техники. Америка стала вместе с тем одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлёбывающихся в грязи и роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся…»[1255]

При этом Америка была не только наиболее отвратительной цитаделью капитала, но и стала одной из ведущих сил гражданской войны в России. И – не только за счёт прямого участия в интервенции и поддержки Колчака, который был прямой креатурой США. Америка – это надо подчёркивать раз за разом, что в очередной раз и делается – прямо инициировала гражданскую войну в России, потому что сыграла ведущую закулисную роль в подготовке – в том числе финансовой, мятежа белочехов.

Уже касавшись этой темы, приведу ещё одно свидетельство. Знакомый читателю американский профессор Харпер признавался, что он «часто встречался с Томасом Масариком, прибывшим из Англии (куда он бежал из Праги), чтобы организовать из военнопленных чехов чешские части».

Видный масон Томаш Масарик (1850–1937), убеждённый антикоммунист и антисоветчик, президент Чехословакии в 1918–1935 годах, всегда был агентом влияния Запада в славянском мире, и подготовке «чешского» запала для российской гражданской войны он отдал немало сил. Харпер пишет о чехах: «Эти войска должны были помочь (?! – *С.К.*) – новой России и потом двинуться из России на освобождение и восстановление чешского государства»[1256].

Во имя последней цели чешский корпус и одного выстрела не сделал, а вот новой России принёс неисчислимые и кровавые беды. При этом вдохновлял чехов Масарик, а им руководила Америка.

Так что Ленин знал что говорил, когда в феврале 1920 года в интервью берлинскому корреспонденту американского информационного агентства «Юнивёрсал Сервис» Карлу Виганду на вопрос «Основы мира с Америкой?» ответил:

«Пусть американские капиталисты не трогают нас. Мы их не тронем. Мы готовы даже заплатить им золотом за полезные для транспорта и производства машины, орудия и проч. И не только золотом, но и сырьём»[1257].

Ленин отдавал должное Америке, но не испытывал по отношению к ней чувства неполноценности. Троцкий, например, считал Америку «кузницей, где будет выковываться судьба человечества» и утверждал: «Страсть к лучшим сторонам американизма будет сопутствовать первому этапу каждого молодого социалистического общества»[1258].

Как всегда, Троцкий «высокоумно» попадал пальцем в небо…

Что касается судьбы человечества, то Америка стала с XX века местом, где эти судьбы уродовались и уродуются. Что касается американского опыта, то его осмысление было для России действительно необходимым, но именно осмысление, то есть – трезвый критический взгляд, а не слепая «страсть» даже к лучшим сторонам этого опыта… Троцкий был, тем не менее, что называется, увлечён Америкой.

А Ленин не более чем отдавал ей должное. И, строя новую Россию, Владимир Ильич сразу воспитывал её кадры как кадры великой **и гордой** державы. В декабре 1920 года, выступая на фракции РКП(б) VIII Всероссийского съезда Советов, он говорил:

– Патриотизм человека, который будет лучше три года голодать, чем отдать Россию иностранцам, это – настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы… Без

этого патриотизма мы не добились бы защиты Советской республики, уничтожения частной собственности… Это – лучший революционный патриотизм…[1259]

Позднее такая линия Ленина будет хорошо выражена в строчках Владимира Маяковского – поэта, которого создала эпоха Ленина и Сталина: «У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока…»

Такое мироощущение возникло ведь не само по себе, его ведь надо было сформировать, да ещё и в России, где давней интеллигентской традицией стало заискивание перед Западом. А Ленин, узнав о том, что багаж заместителя полпреда в Англии Берзина при въезде в страну пребывания обыскали, наставлял наркома иностранных дел Чичерина в письме от 5 сентября 1921 года:

«*Я думаю, нам надо* ***строжайше*** *применять правило „око за око“ к английским представителям. Педантично:* ***так же плохо*** *и чуточку похуже третировать. Делается ли это?*»[1260]

Это ли не высшее проявление национальной гордости великоросса, и более чем великоросса – гражданина ***советской*** России?

В тоже время Ленин, который, говоря словами Маяковского, «к врагам вставал железа твёрже», к товарищам, говоря словами того же Маяковского, «милел людскою лаской». Ленин умел ценить доброе отношение к себе. Но ещё больше он ценил доброе отношение к социалистической России.

В истории первых лет отношений России Ленина с Америкой наиболее известным оказалось имя концессионера Арманда Хаммера – он 2 ноября 1921 года первым заключил концессионный договор с РСФСР на разработку Алапаевских асбестовых рудников на Урале… И практически затерялось в этой истории имя, например, агронома-коммуниста Гарольда Вэра (Уэра, Юэра) (1890–1935), сына старейшей деятельницы рабочего и социалистического движения Эллы Блур.

Жаль, что затерялось!

В 1921 году Ленин попросил Компартию США, созданную в 1919 году, подготовить обзор сельского хозяйства в Америке, и эту работу выполнил как раз Гарольд Уэр.

Во время голода в России в США организовали Общество друзей Советской России, члены которого на собранные рабочими 75 тысяч долларов закупили 21 трактор, 2 автомобиля, семена канадской ржи и т. п. А в мае 1922 года тракторный отряд из опытных фермеров и механиков Северной Дакоты во главе с Уэром отправился в Россию – в совхоз «Тейкино» Сарапульского уезда Пермской губернии. Эффект – и производственный, и политический был налицо.

15 октября 1922 года «Правда» опубликована статью Уэра «Американский тракторный отряд», которую прочёл Ленин. Наведя справки, он 20 октября 1922 года в письме Обществу друзей Советской России сообщал:

«*Я вхожу с ходатайством в Президиум ВЦИКа о признании этого советского хозяйства образцовым и об оказании ему специальной и экстраординарной помощи как в отношении строительных работ, так и в снабжении бензином, металлом и другими материалами для организации ремонтной мастерской…*»[1261]

Уэр приезжал в СССР неоднократно, создавая образцовые хозяйства… В 20-е годы он возглавил сельскохозяйственную концессию в Прикумском районе Ставрополья, где впервые в СССР был применён комбайн. По инициативе Уэра около Ростова-на-Дону возник образцовый опытный совхоз «Зерноград», на базе которого был создан Институт инженеров-механиков социалистического земледелия.

В 1932 году Уэр уехал в США и в 1935 году погиб в автомобильной катастрофе. Но память по себе оставил в СССР добрую – когда мать Уэра после его гибели приезжала к нам, то была

приятно удивлена, узнав, что в Институте инженеров-механиков социалистического земледелия лучшим студентам присуждается стипендия имени Уэра[1262].

Ленин таких людей всегда старался поддержать, в том числе и потому, что деятельные люди были близки ему. Показательно, что вскоре после смерти Ленина Сталин в своей работе «Об основах ленинизма» писал об особенностях делового стиля Ленина:

«Этих особенностей две:

а) русский революционный размах и

б) американская деловитость.

Русский революционный размах является противоядием против косности, рутины, консерватизма, застоя мысли, рабского отношения к дедовским традициям. Русский революционный размах – это та живительная сила, которая будит мысль, двигает вперёд, ломает прошлое, даёт перспективу…

Но русский революционный размах имеет все шансы выродиться на практике в пустую „революционную“ маниловщину, если не соединить его с американской деловитостью в работе…

Американская деловитость является противоядием против „революционной“ маниловщины и фантастического сочинительства. Американская деловитость – это та неукротимая сила, которая не знает и не признаёт преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью асе и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если это даже небольшое дело, и без которой немыслима серьёзная строительная работа.

Но американская деловитость имеет все шансы выродиться в узкое и беспринципное делячество, если не соединить её с русским революционным размахом…

Соединение русского революционного размаха с американской деловитостью – в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе»[1263].

Понимал, всё же, товарищ Сталин суть товарища Ленина, и понимал так точно, как никто другой!

Однако у размаха в сочетании с деловитостью есть и оборотная сторона – огромная психофизиологическая нагрузка, и уж её-то Ленин получал от жизни полной мерой.

Чтобы лучше понять всё многообразие работы Ленина в три последних года его советской работы с 1921 по 1923 год, приведу вначале его записку старому партийцу Михаилу Покровскому – заместителю наркома просвещения, относительно «шефа» Покровского – наркома просвещения Анатолия Луначарского, а затем – телефонограмму Ленина самому Луначарскому…

Вот что писал Владимир Ильич Покровскому:

«Тов. М. Н. Покровскому

Тов. Луначарский приехал.

Наконец!

Запрягите его, христа ради, изо всех сил на работу по профессиональному образованию, по единой трудовой школе и пр.

Не позволяйте на театр!!

Ленин»[1264]

А вот что передавал Ленин Луначарскому, который просил принять его по вопросу реорганизации Московского Художественного театра и писал, что если его предложения неприемлемы, то театр будет «положен в гроб»:

«т. Луначарскому.

Принять никак не могу, так как болен.

Все театры советую положить в гроб.

Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте.

Ленин»[1265]

В последнем документе сквозит даже не злость на старого товарища, когда-то увлекавшегося богостроительством, а теперь увлекающегося театральными реформами в дни, когда на кону будущее страны… И даже не усталость здесь сквозит, а, пользуясь выражением братьев Стругацких, видны здесь «усталая скука», усталое безнадёжное понимание того, что выговаривай – не выговаривай, ругайся – не ругайся, а всё равно тянуть лямку так, как он, Ленин, ближайшие его сотрудники не намерены, за исключением очень немногих – вроде Сталина, Дзержинского, Молотова, Цюрупы…

Записка Покровскому относится к началу августа 1921 года, а телефонограмма продиктована по телефону 26 августа 1921 года. В эти августовские дни Ленин, во-первых, по горло был занят, в том числе – проблемой помощи голодающим, а, во-вторых, был действительно болен, хотя времени на отдых выкроить не мог.

Не мог, кстати, или не хотел?

Даже в дореволюционные годы Ленин и других призывал, и сам старался относиться к здоровью, как к «казённому» партийному имуществу, и тем более смотрел так на вопрос после Октября 1917 года, когда встал во главе страны.

29 августа 1921 года он пишет в Оргбюро ЦК РКП(б) характерную записку:

«Прошу *обязать* председателя Госплана тов. *Кржижановского* выехать с Красиным *в Ригу*, дабы там в санатории или на квартире частной пробыть *1 месяц* для лечения и отдыха.

Я очень прошу провести это сегодня, ибо я убедился, по должности Председателя Совета Труда и Обороны, что председатель Госплана *почти надорвался. Его ремонт необходим* и *неотложно* необходим.

Без решения Оргбюро ничего не добиться»[1266].

Слово «ремонт» по отношению к человеку вполне показательно и характерно: Ленин и к себе, и к тем, кого уважал и кому доверял, относился уже не столько как к живому существу, сколько как к одушевлённому механизму государственного управления, который обязан работать безотказно и поэтому порой нуждается в ремонте.

Шло это не от бездушия, а, напротив, – от величия подлинно великой и подлинно человеколюбивой души, но души, крайне перегруженной работой – не душевной работой, а работой текущей государственной…

Ехать в отпуск Кржижановского обязали, а вот Ленина и обязывать было бесполезно. Человек строгой партийной дисциплины, в этом, и только в этом случае он любое подобное решение просто проигнорировал бы – ежедневный и ежечасный вал неотложных дел не позволял отвлекаться на «текущий ремонт» здоровья до тех пор, пока дело не доходило действительно до нехорошего.

Лишь 6 декабря 1921 года Ленин написал Горькому:

«*Дорогой А. М.!*

Очень извиняюсь, что пишу наскоро. Устал дьявольски. Бессонница. Еду лечиться…»

Секретаря ЦК Молотова он известил об отъезде так:

«*Уезжаю сегодня.*

Несмотря на уменьшение мной порции работы и увеличение порций отдыха за последние дни, бессонница чертовски усилилась. Боюсь, не смогу докладывать ни на партконференции, ни на съезде Советов…»

(В скобках сообщу читателю, что на XI партийную конференцию Ленин действительно не попал, зато на IX Всероссийском съезде Советов, проходившем с 23 по 28 декабря, выступал.)

На записке Покровского, спрашивающего – будет ли Ленин лично заслушивать доклад Наркомпроса на партконференции по высшим учебным заведениям? Владимир Ильич в тот же день 6 декабря пишет в ответ:

«*Я не могу. Сегодня еду в отпуск по болезни. Поговорите с Молотовым…*»

О том же письменно сказано и Миха Цхакая:

«*…Очень жалею, что не могу побеседовать. Устал и болен. Уезжаю…*»[1267]

И действительно 6 декабря Ленин уезжает в Горки – на целую неделю!

Но и там он, конечно же, работает – обдумывает статьи, знакомится с документами. И пишет – кроме прочего, из Горок личному секретарю Фотиевой 9 декабря 1921 года: «*…надо проверить и ускорить отправку на лечение: Смилги – в Германию. Рудзутака – в санаторий…*»

Того же 9 декабря он пишет и наркому здравоохранения Семашко – о необходимости «*принять меры к лечению 1) Ивана Ивановича Радченко (Внешторг)… 2) Розовского (лучше всего за границу, в Германию)…*»

Самому Ленину путь за границу теперь заказан – он даже на Генуэзскую конференцию не сможет поехать в 1922 году, хотя официально был назначен главой советской делегации и ехать в Геную собирался, о чем прямо говорил 6 марта 1922 года на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов.

С другой стороны, состояние его здоровья уже было нестабильным. Выступая 6 марта перед коммунистами-металлистами, Ленин признавался:

– Я надеюсь, что этому (поездке в Геную. – *С.К.*) не помешает моя болезнь, которая несколько месяцев не даёт мне возможности непосредственно участвовать в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность (по Совнаркому. – *С.К.*), на которую я поставлен. Я имею основание рассчитывать, что через несколько недель смогу вернуться к своей непосредственной работе…[1268]

Ленин действительно с 17 января по 1 марта 1922 года жил вне Москвы – в подмосковном совхозе близ деревни Костино (к этому времени мы вернёмся позднее), однако лишь его скромностью (точнее – полным отсутствием склонности выпячивать себя) можно объяснить его заявление о том, что он уже «несколько месяцев» (собственно – менее двух) не занимается текущими делами. Он ими и в Костино занимался, всего лишь уменьшив интенсивность занятий и сообщаясь с коллегами записками и письмами…

Четыре года революции, войны, работы изматывали всех… Вот – старый партиец В. А. Аванесов (1884–1930) – после Февральской революции член президиума Моссовета, в ходе Октябрьской революции – член Петроградского ВРК, затем секретарь и член Президиума ВЦИК, член коллегии ВЧК, заместитель наркома внешней торговли… 24 мая 1921 года Ленин пишет Семашко:

«*Мне сообщают, что Аванесов насилует себя, будучи совсем плох: одного-де лёгкого нет (?) и т. п. Прошу Вас назначить вполне надёжных профессоров и поручить им дать письменный отзыв (и диагноз и лечение)…*»[1269]

Да, все честные работники изматывались в неотложных и ежедневых делах. Но как же эти дела изматывали и уже измотали прежде всего Ленина.

Любопытны следующие строки записки Ленина, направленной Молотову в мае 1921 года: «*т. Молотов! У меня две секретарши (Кизас и Лепешинская) лечатся и отдыхают в Риге.*

Ганецкий по моей просьбе устроил их на взморье…»[1270]

Спешащим сказать: «Ага! Вот они – привилегии!», рекомендую не спешить, а ознакомиться с письмом Ленина Ганецкому от 25 апреля 1921 года:

«*Т. Ганецкий! В Ригу к Вам едут две мои секретарши:*

1) Анна Петровна Кизас [(1899–1959). – *С.К.*] *и*

2) Наталья Степановна Лепешинская [(1890–1923). – *С.К.*)].

Я обеих знаю по работе уже несколько лет. Преданность удивительная. Работа у них каторжная: ни отдыха, ни праздника. Измаялись. Надо дать им отдых… Пусть полечатся, отдохнут, подкормятся.

Привет! Ваш Ленин»[1271]

Итак, работа у ленинских секретарш была каторжной: ни отдыха, ни праздника…

А у самого Ленина?

Да ещё после ранения…

Неудивительно, что он постепенно начинал сдавать.

А вот ещё один аспект ленинской жизни после гражданской войны, связанный с внутренними задачами Советской власти, взятыми через внешние её проблемы. У антисоветчиков-«лениноедов» давно стало устоявшимся штампом утверждать, что Ленин-де и после гражданской войны «бредил мировой революцией». Но, во-первых, Ленин был более чем разумным человеком, и поэтому ничем и никогда не бредил. Да, он был убеждён в том, что мир так или иначе идёт и придёт к социализму, но разве он был не прав? Мир или придёт к социализму, или просто сгниёт – вначале морально, затем – материально.

Даже древние, но не ставшие мёртвыми цивилизации Индии и Китая испытывают сегодня всё большие деформации либеральной «цивилизации», и единственный выход противостоять этому – перейти к социализму, которого пока нет в Индии и уже нет в Китае…

Во-вторых, Ленин отнюдь не ставил всё в новой России на кон в зависимости от того, поддержит ли Россию Европа.

Безусловно, он очень и очень на это рассчитывал… И в своих надеждах и расчётах был, порой, чересчур оптимистичен… Так, в «Письме к американским рабочим» в 1918 году он выражал уверенность, что «американские рабочие не пойдут за буржуазией», и что «они будут с нами, за гражданскую войну против буржуазии» (ПСС, т. 37, с. 58).

Американские рабочие не оправдали надежд Ленина, но не их ли тогдашним соглашательством – в том числе, объясняется всё большая нравственная деградация современных Соединённых Штатов?

Однако, делая 5 июля 1921 года доклад на III Конгрессе Коммунистического Интернационала о тактике РКП(б), Ленин оценивал ситуацию трезво – как в ретроспективе, так и в перспективе. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть ту часть его доклада, которая занимает в томе 44-м ПСС страницу 36, куда я читателя и отсылаю.

Да, Ленин и в 1921 году рассчитывал в достаточно близкой перспективе на международную революцию. Этот расчёт оказался неверным, хотя Европа одно время была, что называется, беременна революцией, и Капиталу вкупе с его агентами влияния в европейском рабочем движении пришлось приложить немало усилий для того, чтобы всё закончилось выкидышем.

Но, как минимум, Ленин рассчитывал на немедленную – в реальном масштабе времени – международную поддержку рабочими Советской России. И тут его расчёты полностью оправдались.

Основную же ставку Ленин делал на Советскую Россию, на то, что в условиях, когда активные действия имущего Запада блокированы если не мировой революцией, то активной

солидарностью рабочих Запада с Россией, новая Россия, освободившаяся от «опеки» имущих, имеет все основания на исторический оптимизм. Не мировая революция – как реальная цель, а социалистическая Россия – как цель народов России и всех трудящихся в мире, вот на что делал ставку Ленин и вот на что он нацеливал созданный им Третий Интернационал – Коммунистический.

Ну, в самом-то деле!

Если бы Ленин все конструктивные перспективы связывал только с европейской (мировой) революцией, то, получив в своё распоряжение все силы России (уж с 1922 года он имел в своём распоряжении все их), он бросил бы их в Европу, какой бы авантюрой это ни было.

Троцкий, между прочим, если бы во главе России оказался он, так бы и поступил – обрекая на гибель Советскую власть в России и не обеспечивая установление её в Европе.

А чем занимался после гражданской войны Ленин – изо дня в день? Простой анализ его текущих деловых бумаг 20-х годов доказывает, что его волновали вопросы хозяйственного и культурного развития ***России***, внешняя торговля ***России***, наука ***в России*** и государственные перспективы ***России***.

Да, он по-прежнему был убеждён во всё большем развитии мирового революционного процесса (и в том не ошибался), но в последние свои годы он писал о том, как нам организовать соревнование и реорганизовать Рабкрин, а не о том, как поскорее раздуть мировой пожар на горе буржуям…

О последнем и в 20-е годы болела голова у Троцкого и троцкистов. Ленин же всё чаще рассматривал Коминтерн как гарантию внешней безопасности первого в мире социалистического государства, и эту линию после смерти Ленина продолжил и развил Сталин.

Обеспечив внешний мир своей России, Ленин все оставшиеся ему – немногие, как оказалось – годы активной государственной жизни, был занят внутренним государственным строительством. И внешне его жизнь становилась всё более однообразной… День за днём: Москва, Кремль, изредка – Горки или ближнее Подмосковье…

При ухудшении здоровья в Горках он бывал больше, чем в Кремле, но в любом случае жизнь подчинялась строгому графику и не было в ней выездов с государственными визитами в другие страны, поездок на курорты, круизов, вернисажей, светских приёмов…

Он не отправлялся в дальние плавания на океанских лайнерах, не возглавлял исследовательские экспедиции… Однако он ежедневно открывал новый мир и ежедневно наносил на карту мира всё новые его очертания…

Возьмём типичный срез жизни Ленина – создателя и строителя государства, например – его деловые заботы 30 июня 1921 года.

День этот ничем особым в биохронике Ленина не отмечен – не было в нём ни одного ни заседания, ни совещания, ни выступления или беседы. И взят он для иллюстрации прежде всего из-за телефонограммы Ленина заместителю наркома внешней торговли А. М. Лежаве:

«*Ввиду особой спешности и важности заключения концессионного договора с СКФ прошу принять необходимые меры к наискорейшему решению вопроса о покупке имеющихся на складе СКФ готовых шарикоподшипников. Окончательное решение надо дать в недельный срок. О последующим прошу сообщить мне*»[1272].

СКФ – это знаменитое шведское общество шарикоподшипниковых заводов в Гётеборге. Шарикоподшипники были нужны индустрии новой России не менее, чем хлеб её жителям, и вопрос о сотрудничестве с СКФ Ленин постоянно держал под личным контролем, как и, например, строительство Каширской районной электростанции, строительство которой началось в феврале 1919 года и по плану должно было закончиться к концу 1921 года.

Пуску Каширы в срок помешали юденичи, колчаки и деникины с врангелями, так что

реально Каширская ГРЭС была пущена 4 июня 1922 года. А 30 июня 1921 года Ленин пишет советскому торгпреду в Берлине Б. С. Стомонякову письмо, где рекомендует «*подателя сего, тов. Георгия Дмитриевича Цюрупу, строителя Каширской электрической станции, для нас архиважной*», и просит «*помочь советом и пр., деньгами особенно, чтобы быстро провести в Берлине необходимый заказ*…»

Инженер-электрик Г. Д. Цюрупа (1885–1940) был главным инженером строительства Каширской ГРЭС, с мая 1921 года – также заместителем председателя Комитета государственных сооружений. Позднее он стал председателем правления Электростроя и членом правления Энергостроя ВСНХ…

Показательна последняя фраза этого делового ленинского письма:

«*Нельзя ли телеграммой поймать Красина по дороге (из Лондона в Москву) в Берлине?*»[1273]

Пятнадцать лет назад инженер Красин организовывал в России подпольную типографию «Нина», руководил боевой технической группой при ЦК, был нелегалом – как и Ленин, находившийся тогда в России. А теперь наркома внешней торговли РСФСР Красина видели то в Лондоне, то в Берлине, то в Москве, и он представлял Россию Ленина как ответственный её государственный деятель.

Кто совершил это? Что превратило эмигрантов и былых политических маргиналов в руководителей мировой державы?

Удача?

Авантюры?

Стечение обстоятельств?

Нет, нет, и нет…

Новая Россия и её новые руководители были результатом соединения двух великих воль – личной политической воли Ленина, упорно шедшего к новой России два десятка дореволюционных лет, и коллективной воли наиболее нравственно развитых и наиболее исторически перспективных слоёв народа России…

В тот же день 30 июня 1921 года, когда Ленин решал вопросы, связанные с будущим техническим преображением страны, он адресовался и к члену коллегии Наркоминдела Н. П. Горбунову с запиской, где писал: «*Выясните, можно ли помочь и чем. Помогите всячески. (Вошла ли эта типография в число 6, где Рыков вводит коллективное снабжение?…)*»[1274]

Эта записка написана на письме замнаркома просвещения Е. А. Литкенса, сообщавшего, что работа по изданию учебников к началу учебного года приостановлена. И Ленин срочно «расшивал» – в числе других первоочередных забот – и это «узкое» место.

А как же иначе!? Без развитых и образованных новых поколений не будет и могучей индустриальной державы.

Вот так и строилась новая Россия – на фундаменте народного образования как важнейшего государственного дела.

Между прочим, не мешает прояснить то, почему Ленин широко пользовался записками, а не телефоном.

С одной стороны, изношенные телефоны порой барахлили, и Ленин не раз обращался – опять-таки, письменно, с просьбами и требованиями к коменданту Кремля о починке телефона или выделении нового.

С другой стороны, сказанное нередко в одно ухо влетало, а в другое вылетало, зато то, что написано пером – не вырубишь топором… И Ленин 8 июля 1921 года пишет Лидии Фотиевой – одной из его личных секретарей:

«*Лидия Александровна!*

Прилагаемые письма разошлите, пожалуйста, с проверкой (в книге отправок и расписок).

Надо завести книгу, переплетённую, расписок, и в ней расписываться получателям (всем) моих пакетов с рассыльными. В ней же вклеивать расписки…

Привет! Ленин…»[1275]

Мелочь?

Ну, театр начинается с вешалки, а порядок в государстве – с умения его главы организовать работу прежде всего *своего* личного аппарата и *своей* ближайшей «команды».

В то же время Ленин постепенно получал возможность не отвлекаться на мелочи. Государственный, так сказать, «быт» налаживался, появлялись традиции… Правда, не всегда эти традиции оказывались достойными поддержки.

Я имею в виду, конечно, новый советский бюрократизм.

Цари и царизм не только терпели веками бюрократизм, они его порождали и бережно лелеяли. И можно ли было новой России в считанные годы и даже десятилетия избавиться от того воистину проклятого наследия, которое старая Россия копила добрых триста лет существования дома Романовых?

16 мая 1921 года Ленин пишет письмо, которое необходимо приводить или почти полностью, или не приводить вообще, а не познакомить с ним читателя нельзя никак. Это ленинское письмо относится не только и даже не столько к теме «Ленин и бюрократия», но уместно дать его именно сейчас, предварительно кое-что пояснив…

18 мая 1921 года секретарь Управления по делам эвакуированного из Польши имущества Наркомата иностранных дел РСФСР – отнюдь не крупный работник и не старый член партии – 28-летний М. Соколов должен был сделать на общем собрании ячейки РКП(б) Наркоминдела содоклад «О продналоге и перемене курса политики Соввласти», а 16 мая он прислал проект содоклада Ленину с просьбой прочесть и ответить на ряд поставленных в нём вопросов.

Уже сам этот факт говорит о достаточной простоте нравов на самых высших «этажах» власти в России Ленина. (И, замечу в скобках, позднее – в России Сталина!)

В новой России, создаваемой Лениным и Сталиным, доступность лидеров страны – не для ритуального рукопожатия под блицы фотокамер, а по делу, была реальным фактом, и такое положение вещей сохранялось до конца жизни Сталина. Например, экономисты Ярошенко, Санина и Венжер писали письма Сталину в рамках дискуссии об экономических проблемах социализма в начале 50-х годов… Письмо рядового зоотехника Холодова из Орехово-Зуевского района Московской области легло на стол Сталина в конце 1952 года менее чем через неделю после его отправки! И Сталин реагировал каждый раз по-деловому, без обид и гнева…

Вот и молодой коммунист Соколов обратился к главе партии и государства товарищу Ленину, а тот не счёл для себя за труд ответить.

И отвечал (ПСС, т. 52, с. 190–194):

«Уважаемый товарищ!

Получил и прочёл Ваш проект содоклада… Вы пишете, что я „записался“. С одной стороны-де, отдавая в аренду лес, землю и проч., насаждать *государственный капитализм*, – а с другой „толкует“ (Ленин) об экспроприации помещиков.

Вам кажется это противоречием.

Вы ошибаетесь. Экспроприация значит по-русски *лишение собственности*. Арендатор *не* есть собственник. Значит, противоречия нет.

Насаждение капитализма (в меру и умело…) возможно, не возвращая собственности помещикам. Аренда – договор *на срок*. И собственность, и контроль *за нами*, за рабочим государством…»

Это рассуждение Ленина важно ***и для нашего*** будущего дня. В будущем России XXI века

предстоит или крах, катастрофа, или национализация всей крупной производящей собственности (фактически – возврат её во владение общества). Но мгновенно можно лишь поменять юридического собственника, а процесс передачи управления – дело не всегда мгновенное, и в ряде случаев ленинская мысль может оказаться для нас хорошим практическим подспорьем.

К тому же на этом размышления Владимира Ильича не заканчиваются, а идут дальше:

«„Какой дурак арендатор будет затрачивать средства на образцовую постановку, – пишете Вы, – *если его будет преследовать мысль о возможности экспроприации*…“

Экспроприация есть *факт*, а не *возможность*…. До фактической экспроприации ни один капиталист не пошёл бы к нам на службу, в арендаторы. А теперь… почему бы им не пойти на договор: на 10 лет получишь доход недурной… Многие поколеблются. Если из 100 пятеро пойдут на опыт, и это недурно…»

Ленин имел в виду прежде всего российских капиталистов-эмигрантов, лишившихся собственности, но не лишившихся навыков управления делом. Вообще-то надежды Ленина на благоразумие бывших соотечественников не оправдались – охотников помочь новой России, вернувшись в неё, среди бывших хозяев не нашлось… Но сам подход интересен, как интересно и то, каким образом Ленин смотрел на проблему бюрократизма:

«Вы пишете:

„Самодеятельность масс *возможна* лишь тогда, когда мы *сотрём с лица земли* тот нарыв, который называется бюрократическими главками и центрами“.

Я хотя и не бывал на местах, но знаю весь этот бюрократизм… Ваша ошибка – думать, что его можно как „нарыв“ сразу уничтожить…

Это ошибка. Можно прогнать царя, – прогнать помещиков, – прогнать капиталистов. Мы это сделали. Но нельзя прогнать бюрократизм в крестьянской стране, нельзя „стереть с лица земли“. Можно лишь медленным, упорным трудом его *уменьшать*…

„Сбросить“ нарыв такого рода нельзя… Хирургия в этом случае абсурд…; только *медленное лечение*, всё остальное шарлатанство или наивность.

Вы именно наивны, извините меня за откровенность. Но Вы сами пишете о своей молодости…»

Ленин трезво отдавал себе отчёт в сложности будущего и далее ободрял в своём письме младшего товарища, говоря, что в борьбе против бюрократов после одной-двух неудач опускать руки рано.

Ленин честно предупреждал: «Бюрократы – ловкачи, многие мерзавцы из них – архипройдохи. Их голыми руками не возьмёшь…» Борьба с бюрократизмом в крестьянской и архиистощённой стране требует долгого времени…

В проекте содоклада Соколов ссылался на слова Энгельса: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение ещё недостаточно созрело для господства представляемого им класса…»[1276]

Фактически, Энгельс сказал это о Ленине – он действительно вынужден был возглавить диктатуру ***пролетариата*** в ***крестьянской*** стране. То есть, по сути, в стране, которая ещё не созрела для диктатуры пролетариата.

Но как Ленин ответил Соколову?

А так: «На Энгельса ссылаетесь зря. Не подсказал ли Вам какой „интеллигент“ этой ссылки? Зряшная ссылка, если не хуже, чем зряшная. Пахнет доктринёрством. Похоже на отчаяние. А нам отчаиваться либо смешно, либо позорно…!»

Вот ещё один ответ на побасенки о том, что Ленин в начале 20-х годов якобы понял, что

ничего-де у коммунистов не получается, разочаровался и был в растерянности… Но сам Ленин отвечает негодяям и клеветникам: «**Нам отчаиваться либо смешно, либо позорно…!»**

Другое дело, что к моменту написания письма Соколову Ленин вдоволь нахлебался бюрократизма советского образца, «творчески» воспринявшего все дурные традиции бюрократизма царского… В феврале 1922 года Ленин пишет заместителю Председателя Совнаркома А. Д. Цюрупе:

«Надо… выработать письменное положение о внесении и прохождении дел и проверять *не менее* раз в месяц, **Вам лично**, соблюдается ли оно, достигает ли цели, т. е. уменьшения бумажности, волокиты, большего обдумывания, *замены наскоро напечённых декретов осторожной, длительной, деловой проверкой исполнения и проверкой опыта*, установлением личной ответственности (у нас полная фактическая безответственность на верхах, …и саботажники этим великолепно пользуются…)

Посему:

2) Минимум заседаний…

3) Высшая экономическая комиссия… *только* для согласования (кодификации) и кратчайшей проверки…

Не для говорения.

Не для обсуждения.

…Вы должны… освободить себя от суматохи и сутолоки, кои *всех нас губят*…»[1277]

15 февраля 1922 года Ильич адресуется к замнаркома финансов Сокольникову с предложением «*подыскать дюжины две-три (или хотя бы меньше, если наша проклятая бюрократическая машина не осилит такой „трудной“ задачи)*» уполномоченных торгового отдела Госбанка с назначением для них «*тантьемы пропорционально росту торгового оборота*».

И пояснял: «*Мне бы казалось, что это реальнее создания особых комиссий… кои при наших гнусных нравах (с претензией на „истинный коммунизм“) неминуемо выродятся в бюрократическое тупоумие*»[1278].

А через пять дней – 20 февраля, повторяя эту мысль в письме Цюрупе, Ленин без обиняков констатирует:

«…А у нас, видимо, торговый отдел Госбанка вовсе не *„торговый“*, а такое же г… бюрократическое, как и всё остальное в РСФСР…

Нам не ведомство внутренней торговли нужно (у нас такого г… как *ведомства* много), а 1–2 дюжины *людей* в Госбанке, *умеющих* (и других учащих) торговать. В этом гвоздь всего, без этого денежной системы не наладишь.

С ком. приветом Ленин»[1279]

Наконец, 22 февраля 1922 года Ленин опять пишет Сокольникову:

«Т. Сокольников!.. Вся работа всех хозорганов страдает у нас больше всего бюрократизмом. Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это. А Госбанку всего опаснее быть бюрократичным. Мы думаем всё ещё о декретах, об учреждениях. В этом ошибка… Найти людей – деляг (1 из 100, 1 из 1000 коммунистов, и то ещё дай бог); превратить наши декреты из грязной бумаги (всё равно, и плохие и хорошие декреты) в живую практику – в этом соль…

…Вы говорите… о замене гострестов смешанными обществами. Толку не будет. В смешанные общества умные капиталисты проведут глупых (честнейших и добродетельных) коммунистов и надуют нас, как надувают теперь. Дело теперь не в учреждениях, а в людях и в проверке практического опыта. По одному подыскивать умеющих торговать и шаг за шагом их

опытом, их трудом чистить когмг…, разгоняя добродетельных коммунистов из правлений…»[1280]

Не менее жёсток Ленин был и в речи на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 года, где он сказал:

«У нас сплошь и рядом во главе учреждения ставится коммунист – человек заведомо добросовестный, испытанный в борьбе за коммунизм, человек, прошедший тюрьму, но такой, который торговать не умеет, и… купец-то его всё-таки вздует – и отлично сделает…

Самый худший у нас внутренний враг – бюрократ, это коммунист, который сидит на ответственном посту и который пользуется всеобщим уважением, как человек добросовестный. Он немножко дерёт (в смысле „фальшивит“. – *С.К.*), но зато в рот хмельного не берёт. Он не научился бороться с волокитой, он не умеет бороться с ней, он её прикрывает. *От этого врага мы должны очиститься*…»[1281]

Говоря так неласково о «коммунистах», Ленин имел в виду не партийную массу, то есть – сотни тысяч честных рядовых большевиков, стоявших у станка, пахавших землю, а также – тех, кто нёс на себе тяжелейшую ношу «низовой» работы с народом. Ильич имел в виду, как видим, руководящих членов партии.

И, конечно, он, давая жёсткую оценку качеству управленческой работы хозяйственного аппарата новой России, и называя его «г…ном», перехлёстывал через край – у Ленина это бывало. Человек внутренне эмоциональный, он порой в выражениях особо не стеснялся, и именно в процессе письма, а не беседы.

В действительности среди крупных большевиков уже во времена Ленина появились сотни, если не тысячи, толковых управленцев, которые год от года прибавляли именно как ***деляги*** – в хорошем, ленинском смысле этого понятия.

Собственно, сам же Ленин 27 марта 1922 года в политическом отчёте Центрального Комитета XI съезду РКП(б) – последнему съезду, в работе которого Владимир Ильич участвовал, сказал по адресу нового государственного аппарата и доброе слово, хотя и не без оговорок:

– Сотни лет государства строились по буржуазному типу, и впервые была найдена форма государства не буржуазного. Может быть, наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже не известно, работала ли она. Но не в том дело, а дело в том, что изобретение было сделано. Пуская первая паровая машина по своей форме и была непригодна, но зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, всё-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано, и государство пролетарского типа создано…[1282]

Это ведь так и было! В аппаратах наркоматов тогда работало 30 тысяч человек… Количество, может, и избыточное, но это был первый опыт управления в интересах не элиты, а массы!

К тому же, советский бюрократизм был ужасающ лишь для пролетарского государства: «Как же это так, власть наша, а нас же мытарит!». Но по сравнению с царским временем уже в первые годы Советской власти налицо был явный прогресс.

Такое утверждение выглядит не очень, мягко говоря, обоснованным, но – лишь до тех пор, пока не познакомишься с данными о числе лиц, служивших и состоявших на действительной государственной службе в Российской империи в 1913 году. А оно равнялось 252 870 человекам только чиновничества, без дворников и истопников ведомств, без учёта чинов военного ведомства, без аппарата земств, без лиц, занятых управлением частнособственнической экономикой…

Так что, не так уж и раздут был советский аппарат, если учесть, что теперь государство брало на себя много новых обязанностей и обязательств.

Тем не менее, сама по себе – пусть и со скидкой на эмоции, ленинская кадровая «статистика» (1 толковый из 100, и даже 1 толковый из 1000 коммунистов) заслуживает внимания.

Итак, по мнению Ленина, к толковому управлению страной был годен далеко не каждый старый коммунист. При этом из десяти коммунистов, ранее умевших поднять народ на революцию против царского государства, для работы по организации государственной жизни в социалистическом государстве подходил не более чем один…

Один из десяти!

По мнению Ленина!

Так смотрел на кадровый вопрос Владимир Ильич в 1922 году. Но через год он окончательно заболел и вышел из строя. А девять из десяти заслуженных большевиков, имевших несомненные заслуги перед революцией, но не освоивших толком новых задач, стали головной болью Сталина!

А теперь поставим себя на место Сталина…

Уже без Ленина ему со второй половины 20-х годов пришлось иметь дело с подобными «коммунистами» постоянно. К началу 30-х годов они не очень поумнели, зато обросли жирком.

Могло ли всё это не кончиться серьёзной чисткой советских «авгиевых конюшен» от загустевшего комг…на к концу 30-х годов?

Причём просто вычистить это г… из руководящих кресел выходом не было. Просто вычистить и отправить в заключение бывших «вождей» было бы шагом опасным, а, значит, глупым. Даже в исправительно-трудовых лагерях НКВД «старые партийцы» могли бы натворить дел – они ведь, не научившись управлять людьми, не разучились их ***будоражить!*** И могли бы многих взбудоражить – в тех же лагерях НКВД. И по системе ГУЛАГа могла прокатиться волна бессмысленных, но реальных волнений. А это ли надо было как Сталину, так и народам развивающейся новой России?

Думаю, нет!

Между прочим, письмо Ленина Сокольникову от 22 февраля 1922 года было опубликовано лишь в 1949 году, в № 1 журнала «Большевик», главном теоретическом и идеологическом печатном органе ВКП(б).

Кто же стал инициатором этой публикации?

Двух мнений тут быть не может – обнародован был этот сильный и непреходяще злободневный для нормального общества документ по личной инициативе Сталина. Видно, за много лет и у Иосифа Виссарионовича накопилось столько «добрых» чувств по отношению к комг…ну, что он не выдержал, и решил авторитетом Ленина ткнуть руководящих производителей этого «продукта» в результат их же «руководящей» жизнедеятельности…

21 сентября 1921 года в «Правде» была опубликована и статья Н. Ленина «О чистке партии», в которой Ленин заявил, что «самое ценное, самое важное» в чистке то, что её проводят, «опираясь главным образом на опыт, на указания беспартийных рабочих», и что «чистить партию, считаясь с указаниями беспартийных трудящихся – дело великое» (ПСС, т. 44, с. 122, 123)…

Ну, что тут можно прибавить?

Между прочим, 5 ноября 1921 года – накануне 4-летия Октября, Ленин опубликовал в «Правде» ещё одну статью со знаменитым названием «О значении золота теперь и после полной победы социализма»…

Идеи этой статьи Ленина не раз перевирали… Например, в злобненькой-таки по отношению к Ленину коллективной монографии 1994 года «Русский рубль» некто Ю. П. Бокарев утверждал, что в этой статье Ленин «сообщил, что в отдалённом будущем советская (у Бокарева

сладострастно с маленькой буквы. – *С.К.*) власть будет использовать золото для строительства туалетов, а пока же она не может отменить деньги»[1283].

Ленин в своей статье писал не об отмене денег, а наоборот – о необходимости для большевиков научиться торговать и о важности торговли. Что же до наиболее знаменитых строк статьи, то вот они:

«Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым „справедливым“ и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов, … и как из-за того же золота собираются наверняка перебить двадцать миллионов человек…»[1284]

Несколько общественных туалетов в центре мировых столиц – как символ преодоления человечеством власти золота, у Ленина… И чуть ли не массовое «строительство „золотых“ туалетов» у Бокарева – якобы «по Ленину»… Это ведь вещи немножко разные, не так ли?

Правда, победы социализма в мировом масштабе пока не получилось, но ведь и людей вследствие этого капитализм перебил только во Второй мировой войне не двадцать миллионов – как предупреждал Ленин, а в три раза больше. Да и после войны счёт перебитых капитализмом жителей Земли всё увеличивается и увеличивается, идя вновь на миллионы…

И будет так, между прочим, до тех пор, пока не создадутся условия для организации общественных отхожих мест из золота на улицах нескольких самых больших городов мира – после победы социализма в мировом масштабе.

Менялась жизнь, менялась Россия…

Менялся и сам Ленин. Напомню ранее уже приводившийся любопытный пример изменения его подходов к делу…

В 1917 году Ленин заявил себя убеждённым противником тайной дипломатии и считал, что наиболее действенной будет прямая апелляция к народам. Но это был лишь период рождения Ленина как уже не только революционного, но и государственного деятеля. А у государства – любого государства, есть некие неизбежные задачи, в том числе – и во внешнем мире.

Если бы народы Европы пошли за Россией, и в Европе создалась бы система политически родственных России Ленина государств, то от методов традиционной дипломатии можно было бы и отказаться. Однако Европа, несмотря на ряд социалистических попыток, осталась буржуазной, русским революционерам пришлось осваивать премудрости дипломатического искусства для общения с ***этой*** Европой.

И 9 мая 1921 года Ленин пишет председателю советской торговой делегации в Лондоне Л. Б. Красину «*тов. Красин! Обратите сугубое внимание. Клышко* (секретарь делегации, – *С.К.*) *не болтлив ли? Дипломат должен уметь молчать и говорить так, чтобы ничего не сказать. Умеет ли Клышко? Понимает ли он это?*»[1285]

Тут виден, конечно, уже иной подход Ленина к дипломатии, чем заявленный им же в 1917 году…. И это – результат того опыта, который не наберёшь, не руководя государством практически.

Как говорится, не разбив яиц, не изжаришь яичницу…

Надо было учиться строить отношения с внешним миром – полностью капиталистическим, частнособственническим. Прежним чисто политическим руководителям масс, агитаторам и пропагандистам надо было осваивать ремесло промышленников, торговцев, дипломатов, не переставая быть политическими руководителями масс, агитаторами и пропагандистами…

Ещё до того как большевики совершили Октябрьский переворот – 1 октября 1917 года, Ленин закончил работу над брошюрой «Удержат ли большевики государственную власть?». И в

ней были и такие строки:

«Пролетариат не сможет, говорят нам, привести в движение государственный аппарат.

Россией управляли после революции 1905 года 130 000 помещиков, управляли посредством бесконечных насилий над 150 миллионами людей…

И Россией будто бы не смогут управлять 240 000 членов партии большевиков, управлять в интересах бедных против богатых. Эти 240 000 человек имеют за себя уже теперь не менее одного миллиона голосов взрослого населения… Мало того, у нас есть „чудесное средство“ сразу, одним ударом *удесятерить* наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело – привлечение трудящихся…»[1286]

Когда Ленин написал это, ни у него самого, ни у членов партии большевиков, ни у всей массы сознательных рабочих не было не то что одного даже дня – ни одной секунды не было реального опыта управления государством. И когда Ленин и его партия взяли на себя всю полноту государственной власти, оказалось, что не такое это простое дело – наладить работу государственного аппарата.

И уже через год, а ещё больше – через два, а ещё больше – через три, четыре года после написания чересчур оптимистических, как оказалось, строк о способности большевиков управлять, Ленин то и дело – в публичных речах, в деловых записках – костерил партийных и советских работников за волокиту, за бюрократизм, за неумение вести дело практически и за нежелание учиться делу государственного управления…

Можно ли сказать после этого, что его взгляды на практику управления Россией не претерпели изменений с октября 1917 года? Нет, конечно! Они изменились, потому что, не попробовав управлять, не узнаешь – способен ли ты управлять? Ленин попробовал, и…

И у него, между прочим, получилось!

Не так, как он рассчитывал, но, как говорится, требуй невозможного, получишь максимум.

К тому же, Ленин – и тут его винить не приходится – не предполагал такой затяжной гражданской войны, какую получил. (Он вообще воевать не собирался, он, напоминаю, весной 1918 года Голодную степь орошать собирался)… А ведь навязанная Ленину гражданская война, кроме того, что многое разрушила, кроме того, что стала причиной исхода из страны не менее миллиона образованных её граждан, лишила Ленина тысяч и даже десятков тысяч потенциальных толковых государственных управленцев из народа.

Один Балтийский флот отправил на сухопутные фронты тысячи таких моряков, которые стали бы прекрасными кадрами Ленина в деле руководства новой Россией, если бы не погибли в боях…

А тысячи сознательных и обладающих практическим умом рабочих, тоже погибших на фронтах гражданской войны?

А тысячи блестящих партийцев с дореволюционным стажем, которые стали бы – останься они живы – блестящими управленцами?..

Ведь Ленин, когда ещё до Октября 1917 года писал свою брошюру о проблемах управления обществом, писал до того, как с ними практически столкнулся, очень рассчитывал на этих помощников и соратников в построении новой России. А им выпала судьба не управлять ей, а лишь отстоять ценой собственной жизни право новой России на существование…

Всё это нам надо тоже понимать и брать в расчёт.

ПОМЯНУТАЯ выше ленинская статья о значении золота начиналась так: «Лучший способ отпраздновать годовщину великой революции – это сосредоточить внимание на нерешённых задачах её»[1287].

Подход к делу вполне плодотворный – особенно, когда нерешённых задач намного больше,

чем решённых…

23 декабря 1921 года открылся IX Всероссийский съезд Советов, где Ленин в первый же день выступил с большим отчётом ВЦИК и СНК, занимающим в 44-м томе Полного собрания сочинений страницы с 291 по 329-ю…

Такой отчёт, где о нерешённых задачах говорилось с избытком, тоже был делом в мировой практике небывалым и непривычным. Глава государства не витийствовал, не изощрялся в парламентском краснобайстве, а публично давал оценку положению страны, докладывал делегатам о состоянии экономики – с цифрами, критиковал ошибки и намечал цели…

Не прибегая к обширному цитированию этого отчёта Ленина, познакомлю читателя с двумя его мыслями, которые за почти сто лет так, увы, и не устарели…

Первая:

«Только в упрочении союза рабочих и крестьян лежит общее избавление человечества от тех диких противоречий, которые мы видим в капиталистическом мире сейчас, где небольшое число, ничтожнейшая горстка богатейших держав задыхается в своём богатстве, а гигантское население земного шара бедствует, не имея возможности воспользоваться той культурой и теми богатыми ресурсами, которые имеются налицо, которым нет выхода из-за недостатка оборота…»[1288]

И вторая:

«Если говорить о цветущей крупной промышленности, такая цветущая крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми продуктами, имеется на земле, но только её не умеют пускать в ход иначе, как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом применённые в 1914–1918 годах. И снабдила она человечество своими продуктами так полно, что оказалось не меньше 10 миллионов человек убитыми и не меньше 20 миллионов человек искалеченными… Она служила для дела фабрикации искалеченных людей, и у неё не осталось времени для снабжения крестьян своими продуктами…»[1289]

После произнесения этих слов прошло менее двадцать лет, и началась Вторая мировая война – ещё более жестокая, ещё более кровавая и разрушительная, и ещё более прибыльная для Золотого Интернационала, чем Первая мировая война.

Во имя того, чтобы горстка богатейших держав задыхалась в богатстве, фабрикация убитых и искалеченных капиталистической «цветущей» крупной промышленностью продолжилась в 1939–1945 году.

И продолжается по сей день – уже в XXI веке.

Ленин ли в этом виноват?

А в марте 1922 года собрался XI съезд РКП(б). 522 делегата с решающим голосом представляли на съезде 532 000 членов партии, то есть меньше, чем на X съезде – сказались результаты чистки. Съезд, работавший с 27 марта по 2 апреля оказался, как уже было сказано, последним съездом партии с участием Ленина. Кроме того, XI съезд стал знаменателен и тем, что на первом после него пленуме ЦК, состоявшемся 3 апреля, Сталин был избран Генеральным секретарём ЦК.

Съезд собрался накануне Генуэзской конференции, и Ленин в политическом отчёте ЦК говорил больше об экономике, чем о политике, что было вполне объяснимо. Чем дальше уходила Россия от гражданской войны, тем больше экономика становилась нервом политики – и внутренней, и внешней.

Ленин предупреждал партию:

– Отсрочку и кредит от народа мы получили, и это, если выразиться по-нэповски, – векселя, но сроки на этих векселях не написаны… Этого мы не сознаём, тут осталось коммунистическое

чванство… Вопрос в том, что ответственный коммунист, который и каторгу выносил, и смерти не боялся, – торговли вести не умеет… Он, коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабаз десять лет, который это дело знает…

Ленин признавался:

– Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья, кажинный день, и тошнёхонько от этого бывает иногда убийственно…

Сам Ленин и любое враньё были вещами несовместными, и Ленин говорил горькую правду:

– В чём наша сила и чего нам не хватает? Политической власти совершенно достаточно… Основная экономическая сила – в наших руках… Чего же не хватает? Ясное дело, чего не хватает: не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет. Если взять Москву – 4 700 ответственных коммунистов – и взять эту бюрократическую махину, груду, – кто кого ведёт? Я очень сомневаюсь, чтобы можно было сказать, что коммунисты ведут эту груду. Если правду говорить, то не они ведут, а их ведут… Ибо сплошь и рядом буржуазные деятели знают дело лучше…

Но из всего этого Ленин делал выводы:

– Сумеют ли ответственные коммунисты РСФСР и РКП понять, что они не умеют управлять? Вот если они сумеют понять, то, конечно, научатся, потому что научиться можно… Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это – ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты – это капля в море, капля в народном море… Нужно добиться, чтобы те многочисленные, во много раз превосходящие нас элементы, с которыми мы сотрудничаем, работали бы так, чтобы их руками делалось нечто полезное для коммунизма…[1290]

Тревожился Ленин не зря…

То, что он говорил партии, было вполне просто и понятно. Но не просто было заставить руководящий слой переучиваться с приказного тона на убеждение…

Несмотря на все призывы Ленина, стремились к этому в партии далеко не все руководители. Уже после смерти Владимира Ильича – в декабре 1924 года, Президиум ЦИК постановил отменить результаты очередных выборов в местные Советы там, где явка была ниже 35 % или были жалобы на незаконные действия… На повторных выборах средняя явка увеличилась с 26,5 % до 44,7 %, но удельный вес коммунистов в составе сельсоветов уменьшился по сравнению с первыми выборами с 7,1 % до 3,6 %, а комсомольцев – с 4,2 % до 2,33 %.

На Северном Кавказе в сотнях сельсоветов почти не было коммунистов, зато оказались широко представлены середняки[1291].

В новой России возникали новые общественные тенденции, но основа у них часто была старой, ветхозаветной, по принципу: «Своя рубашка ближе к телу».

И это была опасность похуже Врангеля и Антанты.

К тому же Антанта явно сбавляла антибольшевистские обороты. И прежде всего буржуазная Англия начинала понимать, что дело в России придётся иметь именно с большевиками. Уже в конце 1921 года английская пресса усиленно заговорила об экономическом значении Советской России, о её военной мощи и влиянии на Востоке… Английский премьер Ллойд Джордж выдвинул проект «Умиротворение Европы», предусматривавший созыв европейской конференции с участием Германии и России. Со своей стороны, РСФСР выражала готовность к экономическому сотрудничеству.

В январе 1922 года во французском Канне собрался Верховный совет Антанты, и Каннская конференция подготовила почву уже для Генуэзской конференции с участием РСФСР.

7 января 1922 года итальянское правительство по поручению Верховного совета Антанты

через советскую торговую делегацию в Риме передало в Москву:

«Итальянское правительство в согласии с британским правительством считает, что личное участие в этой конференции г. Ленина значительно облегчило бы разрешение вопроса об экономическом становлении Европы»[1292].

Парижская пресса тут же подняла несусветный шум – именно французские рантье понесли в связи с Октябрьской революцией наибольшие потери.

Много бурь в стакане воды отбушевало по поводу приглашения большевиков и в других европейских столицах, но 10 апреля 1922 года конференция в Генуе открылась. В ней приняли участие 29 государств и 5 доминионов Великобритании. США от участия в конференции отказались и были представлены наблюдателем.

Главой советской делегации официально был назначен Ленин, реально же её возглавлял нарком иностранных дел Чичерин.

Вначале Ленин ехать на конференцию собирался. 6 марта 1922 года в публичной речи (8 марта опубликованной в «Правде») Владимир Ильич выражал надежду на то, что будет иметь возможность разъяснить Ллойд Джорджу позицию России. «Я рассчитываю, – заявил он тогда, – лично поговорить с Ллойд Джорджем в Генуе и сказать ему, что пугать нас пустячками не следует, ибо от этого только потеряют престиж те, кто пугает»[1293].

Для советской историографии было традиционным заявление о том, что Ленина на конференцию попросту «не отпустили» рабочие, поскольку очень не исключалось покушение на него. Скорее всего, причина отсутствия Ленина в Генуе оказалась двоякой. Кроме угрозы покушения поездке помешало, надо полагать, и состояние здоровья Ильича.

Вскоре после начала Генуэзской конференции Ленин 22 апреля 1922 года вынужден был приехать в Институт биологической физики на рентгеноскопию грудной клетки, а затем 23 апреля в Солдатенковской больнице (ныне – больница им. С. П. Боткина) ему сделали операцию по извлечению пули.

На следующий день Ленин, между прочим, продиктовал проект директивной телеграммы Чичерину в Геную, а 25 апреля – после знакомства с этим проектом членов Политбюро, внёс в него окончательные поправки. Ленин и далее, что называется, держал руку на «пульсе» конференции.

Началось, правда, в Генуе с ультиматума Европы: РСФСР должна принять на себя все долги и финансовые обязательства всех бывших в России властей и т. д. Однако Ленин ещё до начала конференции – всё того же 6 марта 1922 года, публично заявил:

– По вопросу о Генуэзской конференции нужно строго отличать суть дела от тех газетных уток, которые буржуазия пускает; ей они кажутся страшными бомбами, но нас они не пугают, так как мы много их видели и они не всегда заслуживают, чтобы на них отвечать даже улыбкой. Всякие попытки навязать нам условия, как побеждённым, есть пустой вздор, на который не стоит отвечать. Мы, как купцы, завязываем отношения и знаем, что ты должен нам и что мы тебе, и какая может быть твоя законная и даже повышенная прибыль…[1294]

Соответственно, вся генеральная линия советской политики на Генуэзской конференции была линией именно Ленина – это не просто фраза, а констатация факта. И хотя в 1922 году Ленин всё чаще побаливал, работал он ещё много и постоянно. 8 марта 1922 года он пишет в письме экономисту Варге: «*Дорогой товарищ Варга! Я болен. Совершенно не в состоянии взять на себя какую-либо работу*…»[1295]

Но работать приходится – просто то, о чём просил Варга, не являлось первоочерёдным – в отличие от темы той же Генуи. И 14 марта 1922 года Ленин пишет Чичерину:

«Всех заинтригуем, сказав: „Мы имеем широчайшую и полную программу (речь – о

советской программе мира и разоружения. – *С.К.*)!“ Если не дадут огласить, *напечатаем* с протестом.

Везде „маленькая“ оговорка: мы-де, коммунисты, имеем свою коммунистическую программу (III Интернационал), но считаем всё же своим долгом как купцы поддержать… *пацифистов* ***в другом***, т. е. буржуазном лагере…

Будет ядовито и по-доброму и поможет разложению врага.

При такой тактике мы выиграем и при неудаче Генуи. На сделку, невыгодную нам, *не пойдём*»[1296].

Блестяще, просто блестяще!

Генуя стала большим успехом политики Ленина, хотя Чичерин после неё и заявил, что «непосредственные результаты конференции не оправдывают великих ожиданий, которые она возбудила среди народов всех стран».

Но, так или иначе, Советская Россия была де-факто признана великой державой, а важнейшим сопутствующим успехом, достигнутым в ходе Генуэзской конференции, стало заключение 16 апреля 1922 года Рапальского договора между Россией и Германией. Это был настоящий дипломатический и политический прорыв.

Генуя стала и триумфом Георгия Васильевича Чичерина (1972–1936) – потомственного российского дипломата и полиглота. Его первая речь на конференции, произнесённая вначале на французском, а затем повторённая им на английском языке, вызвала овацию.

Будучи членом РСДРП с 1905 года, Чичерин пришёл в «команду» Ленина лишь в конце 1917 года, но стал очень полезным и деятельным её членом. И линию Ленина в Генуе Чичерин провёл блестяще… Это была, по сути, полностью новая и образцовая дипломатия: без вывертов, без лощёных приёмов, а точная, по существу, работа представителей великого народа во внешнем мире.

Дискриминация России в Генуе не прошла. Так, Антанта потребовала от Советской России уплаты 18 миллиардов рублей в счёт всех долгов. Россия на это… согласилась. Однако объявила о контрпретензиях: убытки, причинённые России интервенцией и блокадой были исчислены нами на сумму в 39 миллиардов золотых рублей. После этого споров на сей счёт на конференции хватало, но игра эта оказалась для Антанты проигрышной. Даже парламентскому «льву» Ллойд Джорджу оказалось не по зубам загнать Россию Ленина в угол.

О Генуэзской конференции давно пора написать толковую современную монографию, хотя тема эта заслуживает и добротного исторического романа. Увы, всё это выходит за пределы возможностей моей и так уже объёмистой книги, и приведу лишь оценку членом советской делегации Я. Э. Рудзутаком поведения в Генуе неофициальных представителей США.

Америка, по выражению Рудзутака, «присутствовала в Генуе как сторожевой пёс, который следит за тем, чтобы никто не утащил ту кость, которую грызть она считала своим правом»[1297].

Вообще-то Америка, разжиревшая на крови Первой мировой войны (это не преувеличение, а факт) пришла в послевоенную Европу как хозяин, претендующий не на кости, а на самые лакомые куски. Тем не менее, слово «кость» Рудзутак употребил правильно – Советская Россия была готова бросить мировому капиталу, и прежде всего Америке, «кости» в виде ряда концессий – лесных, сельскохозяйственных, горных…

Ленин этой теме уделял много внимания – и публично, и деловым образом. В декабре 1920 года, на VIII съезде Советов он разъяснял:

– Если мы хотим товарообмена с заграницей, а мы его хотим, наш основной интерес – получить от капиталистических стран те средства производства (паровозы, машины, электрические аппараты), без которых восстановить наши промышленность мы не сможем. Надо подкупить капитализм сугубой прибылью. Он получит лишнюю прибыль, – бог с ней, с

этой лишней прибылью, – мы получим то основное, при помощи чего мы укрепимся, станем окончательно на ноги и экономически его победим…

Тогда же Ленин говорил о том, что и сегодня для человечества – именно для человечества в целом, было бы разумным и верным:

– То, что происходит в капиталистическом мире, есть не только расхищение богатства, а безумие и преступление, ибо в одних странах наблюдается избыток продовольствия, которое не может быть продано из-за валютных революций, потому что деньги обесценены…. Гниют громадные количества продовольствия, а в то же время десятки миллионов населения в таких странах, как Германия, прямо голодают… Выступает Советская республика и говорит: «У нас есть сотни тысяч превосходных земель, которые можно поднять тракторами, а у вас есть тракторы, есть бензин и у вас есть обученные техники; и вот мы предлагаем всем народам сделать краеугольным камнем восстановление народного хозяйства и спасение народов от голода» Если капиталисты не понимают этого, это есть аргумент гнилости, безумия и преступности капиталистического порядка…[1298]

Это было сказано ещё до Генуи и до голода 1921–1922 годов в самой России… А когда голод пришёл в Россию, Запад повёл себя по-людоедски… Владимир Маяковский весной 1922 года написал стихотворение «Сволочи», опубликованное в «Известиях» под смягчённым названием «Слушайте!», где были и такие строки:

Будьте прокляты!
Пусть будет так,
    чтоб каждый проглоченный
глоток
    желудок жёг!
Чтоб ножницами оборачивался бифштекс
сочный,
    вспарывая стенки кишок!

Увы, «белой» и «золотой» сволочи бифштексы, запиваемые шампанским, шли впрок. Да и тот широкий концессионный план, на который рассчитывал Ленин, реализовать не удалось – Запад не очень пожелал содействовать восстановлению Советской России.

Ряд соглашений – с Германией, и даже с Америкой, заключить удалось ещё при жизни Ленина, однако лишь позднее нарастание кризисных явлений в экономике Запада и всё большее развитие деловых связей между Германией и РСФСР (СССР), подвигло Америку на участие в советских пятилетках. Но – уже не в форме ненужных нам концессий (всё надо делать вовремя), а в форме прямых поставок оборудования, вплоть до новых заводов.

Однако суть сказанного Лениным в 1920 году не только не устарела, но вполне может быть (и даже должна быть) программой для завтрашнего планетарного дня…

Ленин говорил:

– Мировое хозяйство требует реорганизации. И Советская республика выступает с этим планом реорганизации, с этим совершенно деловым, бесспорным, осуществимым предложением: «Вы умираете от голода при капитализме, несмотря на чудовищные богатства техники, – мы имеем возможность, соединяя вашу технику с нашим сырьём, разрешить кризис, но помехой являются капиталисты. Мы предлагаем им это сделать, а они тормозят, срывают»… Есть возможность восстановить мировое хозяйство и поднять всемирную технику, если вступить в правильные отношения с нами[1299].

Собственно, это была идея глобализации, но глобализации социалистической, когда реорганизация мирового хозяйства имеет результатом не ещё большее обогащение богатых, и ещё большее обнищание нищих – как это имеет место сегодня… Результатом реализации идей Ленина может быть иное мировое хозяйство – одинаково работающее на благо всего человечества и развивающего всё человечество.

Фактически, уже тогда Ленин выдвигал и идею мирного сосуществования социализма и капитализма в рамках экономического и социального (а как же!) соревнования.

Капитал выбрал путь блокады, диверсий, новых войн…

Ленин ли в том виноват?

Капитал, напуганный Октябрём, делал ставку на националистический популизм, и Бенито Муссолини в Италии первым сумел увести итальянцев на этот путь уже в начале 20-х годов. 1 ноября 1922 года группа фашистов произвела налёт на Торговый отдел Представительства РСФСР в Италии и ворвалась в кабинет уполномоченного Наркомата внешней торговли. Угрожая револьверами налётчики вывели на лестницу одного из служащих и расстреляли.

В тот же день Представительство РСФСР в Италии направило в МИД Италии ноту протеста, а Ленин писал Чичерину:

«*Т. Чичерин! Не придраться ли нам к Муссолини и всем (Воровскому и всему составу делегации) уехать из Италии, начав травлю её за фашистов?*

Сделаем международную демонстрацию.

Повод к придирке удобный: вы наших били, вы дикари, черносотенцы хуже России 1905 года и т. д.

По-моему следует.

Поможем итальянскому народу всерьёз»[1300].

Увы, Ленин слишком хорошо думал о народах Европы – пролетарской солидарности они предпочли соглашательство… Алчность элиты с одной стороны, политический самообман основной европейской массы с другой стороны вели Европу к государственному фашизму и государственному нацизму. А в итоге – к войне, ещё более кровавой и ужасной, чем Первая мировая.

Но Ленин ли был виноват и в этом?

20 ноября 1922 года в Швейцарии, в Лозанне, открылась международная конференция для обсуждения мирного договора с Турцией и установления режима черноморских проливов. 24 ноября 1922 года РСФСР заявила, что не признбет никаких решений в Лозанне без участия России.

С советской Россией считались всё больше – например, с 20 сентября по 10 октября 1922 года Россию с полуофициальным визитом посетил лидер партии радикал-социалистов, мэр Лиона и будущий премьер Франции Эдуар Эррио (1872–1957). Он побывал в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде и после поездки начал выступать за сближение Франции с Россией, а 10 ноября потребовал полноправного допущения России на Лозаннскую конференцию.

27 октября 1922 года Ленин дал интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» М. Фарбману, где на вопрос о том, не являются ли переговоры с Эррио поворотом России к соглашению с Францией против Англии, ответил, что считает «вполне возможными» «вполне дружественные отношения с обеими державами»[1301].

Сам факт такой постановки вопроса говорил о многом. Россия вновь становилась фактором европейской политики и участницей европейского «ансамбля».

Интересовался Фарбман и мнением Ленина относительно ближневосточной политики –

мол, участие России в ней, это дело престижа или реальных интересов? Ленин дал следующий ответ, который не мешало бы знать и усвоить и современным дипломатам:

«Участие России в разрешении ближневосточного вопроса я считаю ни в коем случае не делом престижа. Я надеюсь, что всей нашей международной политикой в течение пяти лет мы вполне доказали, что к вопросам престижа мы относимся совершенно равнодушно и никогда не способны выдвигать какое бы то ни было требование или ухудшать действительные шансы мира между державами только из-за престижа. Ни в одной державе нет в народных массах такого равнодушия и даже такой готовности встретить вопрос престижа как престижа самой весёлой насмешкой…»[1302]

Ответ же на вопрос Фарбмана: «Какова русская программа разрешения вопроса о проливах?» Ленин начал тоже так, как не смог бы ответить ни один буржуазный политик: «Во-первых, удовлетворение национальных стремлений Турции…»

Черноморские проливы в системном отношении принадлежат всему миру, но территориально и европейские, и азиатские берега этих проливов принадлежат Турции, поэтому ответ Ленина бил «в точку». Но очень ли великие державы были склонны считаться с интересами Турции?

Ленин же был не просто склонен, он из них исходил!

А далее Ленин заявил, что, во-вторых, «наша программа заключает в себе закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время», а в-третьих, «состоит в полной свободе торгового мореплавания»…

Что здесь было аморального?

В том же интервью Ленин сказал:

«Пацифистских фраз, разговоров и заверений, иногда даже клятв против войны раздаётся во всём свете необыкновенно много, а готовности сделать действительные шаги, даже самые простые, для обеспеченности мира, мы встречаем в большинстве государств, и особенно современных цивилизованных государств, необыкновенно мало»[1303].

В итоге РСФСР была в Лозанну приглашена, но уже скоро реальности Лозаннской конференции дали трагическое подтверждение справедливости обвинений Владимиром Ильичом развитого Запада. 10 мая 1923 года член нашей делегации, старый, испытанный соратник и сотрудник Ленина Вацлав Вацлавович Воровский (1871–1923) пал в Лозанне от пули белоэмигранта Конради. Члены делегации И. И. Аренс и М. А. Дивильковский были ранены.

16 ноября 1923 года суд кантона Во оправдал (!) Конради и организатора теракта бывшего царского офицера Полунина, связанного с западными спецслужбами. Таким оказался истинный облик «цивилизованного» Запада – даже в его «респектабельном» швейцарском ракурсе.

После этого СССР категорически отказывался от участия в международных конференциях на территории Швейцарии. Советский бойкот длился до 1927 года, когда правительство Швейцарии, испытывая всё больший морально-политический ущерб, было вынуждено в особой ноте заявить, что оно «всемерно осуждает» преступные действия, выражает сожаление и готово предоставить дочери Воровского материальную помощь.

Такой была ленинская линия в дипломатии – уже в исполнении его преемника Сталина.

Ленин нередко писал об ***очередных*** задачах Советской власти, но почти все они оказывались ***перво***очередными.

Например, первоочерёдной была задача реального проведения в жизнь монополии внешней торговли. Противников её хватало даже в среде руководящих коммунистов, начиная с Бухарина и Сокольникова, и даже Сталин одно время колебался.

6 октября 1922 года пленум ЦК, на котором Ленин отсутствовал, принял по докладу Сокольникова решение об ослаблении монополии внешней торговли, и 13 октября разозлённый

Ленин направил письмо Сталину для членов ЦК, где приводил вполне конкретные резоны в обоснование жесткого курса на монополию.

Так, он напоминал, что лён в России стоит «4 рубля с полтиной», а в Англии – 14 рублей, и спрашивал: «*Какая сила удержит крестьян и торговцев от выгоднейшей сделки? Покрывать Россию ещё сетью надзирателей? Ловить соседа закупочной конторы и доказывать, что его лён запродан для тайного вывоза?*»

«*Парадоксы товарища Сокольникова всегда остроумны*, – зло замечал в этом письме Ленин, – *но надо же отличать парадоксы от тяжёлой истины. Никакая „законность“ в деревенской России по подобному вопросу абсолютно невозможна…*»[1304]

Накануне – 12 октября, Ленин беседовал со Сталиным, но последнего тогда не убедил, хотя Сталин склонился к повторному рассмотрению вопроса на ЦК.

Бухарин в письме на имя Сталина 15 октября активно протестовал против возвращения к этому вопросу, протестовал и Зиновьев. Тем не менее, 16 октября окончательное решение не без нажима Сталина было отложено до нового пленума ЦК, назначенного на 15 декабря и позднее перенесённого на 18 декабря 1922 года.

Ленин очень готовился к этому пленуму: организовал сбор материалов о состоянии внешней торговли, о работе советских торговых представительств, беседовал с членами ЦК, с партийными, советскими и хозяйственными работниками, убеждал колеблющихся…

7 декабря 1922 года Владимир Ильич вечером уехал в Горки – по настоянию врачей. Однако уже 12 декабря он возвратился в Москву, и в тот же день 12 декабря, переправляя Троцкому письмо полпреда РСФСР в Германии Н. Н. Крестинского, подтверждавшего необходимость монополии, предупреждал Троцкого: «Я буду воевать на пленуме за монополию», а потом спрашивал: «А Вы?»[1305]

Троцкий поступил как Троцкий… Когда Троцкий видел, что Ленин настроен непреклонно, он тут же ему подыгрывал, демонстрируя «солидарность» в острой ситуации. И на этот раз Троцкий поступил так же, ответив, что он тоже «за». К тому же Сталин проявил здесь колебания, а Троцкому было крайне необходимо выглядеть перед Лениным более последовательным его сторонником и союзником, чем Сталин.

13 декабря Ленин продиктовал по телефону письмо Сталину, где подробно разобрал доводы Бухарина против монополии внешней торговли. 15 декабря Сталин, как Генеральный секретарь, сообщал членам ЦК:

«Ввиду накопившихся за последние два месяца новых материалов…, говорящих в пользу сохранения монополии внешней торговли, считаю своим долгом заявить, что снимаю свои возражения против монополии внешней торговли…»[1306].

Ленин категорически протестовал против проволочек в решении вопроса и 15 декабря направил письмо Сталину для членов ЦК, начинавшееся со слов:

«Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно. Кончил также соглашение с Троцким о защите моих взглядов на монополию внешней торговли. Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере, – это невозможность выступить на съезде Советов. Во вторник у меня будут врачи, и мы обсудим, имеется ли хоть небольшой шанс на это выступление. Отказ от него я считал бы для себя большим неудобством, если не сказать сильнее…»

В конце же письма Владимир Ильич приписал:

«Я решительно против оттяжки вопроса о монополии внешней торговли… Дальнейшие колебания по этому важнейшему вопросу абсолютно недопустимы и будут срывать всякую

работу»[1307].

К этому времени Сталин уже полностью был согласен с Лениным и полностью стал на его сторону. Причём если для Троцкого очередное «соглашение» с Лениным было тактикой, для Зиновьева и Каменева – вынужденной уступкой, то Сталин, как у него было и до этого, воспринимал доводы и мысли Ленина – после обдумывания их – как и свою собственную ***осознанную*** стратегическую линию.

15 декабря 1922 года Ленин написал также Троцкому – по тому же вопросу о монополии внешней торговли:

«Я думаю, что покончить с этим вопросом раз и навсегда абсолютно необходимо. Если существует опасение, что меня этот вопрос волнует и может отразиться на состоянии моего здоровья, то я думаю, что это совершенно неправильно, ибо меня в десять тысяч раз больше волнует оттяжка, делающая совершенно неустойчивой нашу политику по одному из коренных вопросов»[1308].

Увы, на здоровье Ленина вся эта история с монополией внешней торговли отразилась самым зловещим образом – в ночь с 15 на 16 декабря 1922 года в состоянии Ленина наступило резкое ухудшение, а в ночь с 22 на 23 декабря ему отказали правая рука и правая нога…

А через неделю после этого – 30 декабря 1922 года, 1-йсъезд Советов Союза Советских Социалистических Республик принял договор между РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и Закавказской Федерацией об образовании СССР. Был избран ЦИК СССР под председательством М. И. Калинина.

Ленин на этом съезде выступить уже не смог – к дню открытия съезда Советов его здоровье оказалось подорванным невосстановимо. Советская союзная глава в истории России Ленина писалась уже, фактически, без Ленина, отдельный разговор о чём у нас ещё будет.

Что же до монополии внешней торговли, то декабрьский пленум единогласно отменил постановление предыдущего – октябрьского, пленума и подтвердил «безусловную необходимость сохранения и организационного укрепления монополии внешней торговли.

Ленин после первого приступа в ночь с 15 на 16 декабря как-то оправился и 21 декабря 1922 года продиктовал письмо – опять-таки, Троцкому, имея в виду решение пленума по монополии:

„Как будто удалось взять позицию без единого выстрела, простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезде вопрос об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению её проведения…“[1309]

В ту же ночь Ленину окончательно стало плохо, и XII съезд РКП(б), состоявшийся 17–25 апреля 1923 года проходил впервые без него. Как и всегда, когда дело доходило до того, что правоту того или иного партийного лидера должен был оценить съезд, съезд стал на сторону Ленина, и в резолюции XII съезда по отчёту ЦК было сказано:

„Съезд категорически подтверждает незыблемость монополии внешней торговли и недопустимость какого-либо её обхода или колебаний при её проведении и поручает новому ЦК принять систематические меры к укреплению и развитию режима монополии внешней торговли“[1310].

Во второй половине декабря 1922 года Ленин – как действующий политик, кончился. Он не потерпел поражение, а был сражён болезнью. Но даже после этого, тяжело больной, утративший речь, Ленин всё ещё пользовался реальным влиянием просто в силу факта своего существования, который давал надежду на возврат Ильича в политику.

К тому же, в начале 1923 года Ленин ещё смог дать два реальных залпа в битве за будущее –

он надиктовал статьи „Как нам реорганизовать Рабкрин (наркомат Рабоче-Крестьянской инспекции. – *С.К.*) и „Лучше меньше, да лучше“… И Сталин на XII съезде в Организационном отчёте ЦК съезду прямо опирался на их идеи и от них отталкивался.

Однако, по сути, борьба Ленина за монополию внешней торговли стала последним его выдающимся государственным деянием во благо новой, им созданной, и в перспективе могучей России.

Именно здесь он в последний раз выступил на политической арене Советской России как несомненный её вождь и лидер, противостоять которому было невозможно в силу предельной логичности и документальной обоснованности его идей.

Прочное и окончательное введение этой важнейшей государственной монополии стало результатом прежде всего личных усилий Ленина – ведь, несмотря на ряд влиятельных сторонников монополии помимо Ленина, ЦК в целом вначале занимал иную позицию. И если бы не предельно твёрдая и жёсткая позиция Ленина, если бы не его двухмесячная работа по обоснованию необходимости монополии, всё могло быть иначе.

Именно Ленин отстоял идею безусловной государственной монополии внешней торговли – в основе своей глубоко национальную идею, отвечающую наиболее полно подлинным интересам наций, составляющих Российское государство. Сталин позднее лишь провёл эту идею Ленина в жизнь практически, что, конечно, тоже было непросто, и что является одной из государственных заслуг Сталина перед Россией.

Не приходится сомневаться, что в немалой мере на борьбе против Бухарина за монополию внешней торговли Ленин и надорвался окончательно. Но этот свой последний государственный и политический подвиг он успел совершить.

А сколько их было совершено Лениным до этого – за пять лет непрерывной борьбы и непрерывного труда!?

Как уже говорилось, ***все*** серьёзные очередные задачи Советской власти оказывались ***перво***очередными, то есть, такими, решать которые было необходимо не одна за другой, а ***одновременно все сразу***.

Ленин делать это умел, умел это делать и Сталин, и ряд других выдающихся сотрудников Ленина – Дзержинский, например… Да и Рыков в то время, и не только Рыков…

А как обстояли дела с обществом в целом?

Успешно проделывать подобную историческую работу могло только общество, ориентированное на великие задачи, но могло ли решать их то реальное общество, которое наличествовало в России в начале 20-х годов?

В отчётном докладе ЦК, сделанном Лениным на VIII съезде РКП(б) 18 марта 1919 года есть место, по смыслу почти шекспировское:

– Если когда-нибудь будущий историк соберёт данные о том, какие группы в России управляли эти 17 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе всю эту работу, несли на себе всю неимоверную тяжесть управления страной, – никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил. Количество это ничтожно потому, что интеллигентные, образованные, способные политические руководители в России были в небольшом количестве. Этот слой в России был тонок и за истекшую борьбу надорвался, переработался, сделал больше, чем мог…[1311]

Это было сказано ещё при активно действующем Колчаке, до наступления на Москву Деникина, до советско-польской войны, до Врангеля, до кронштадтского мятежа… И все эти и другие драматические события, произошедшие уже после произнесения Лениным доклада на VIII съезде, всё множество сложностей борьбы ещё более утончили тонкий слой компетентных

политических руководителей.

Поэтому с начала 20-х годов во всём её объёме встала задача создания такой ***массовой*** социальной базы, которая позволила бы удержать Россию в рамках развития и не допустила бы деградации.

Путь здесь был один – социалистическое воспитание новых поколений, способных быстро расширить слой сознательных строителей новой России.

В 1921 году в № 8–9 газеты „Коммунистка“ была опубликована статья „Проблемы коммунистического воспитания“, где говорилось:

„Взяв в свои руки власть, коммунисты взялись за организацию производства и распределения. И мы видим, как на каждом шагу сказывается недостаток организационных навыков. Только исключительно талантливые люди оказываются на высоте задачи, а то всюду мы натыкаемся на бестолочь, незнание азов организационной науки…

Почему у нас в Советской России распустился таким пышным цветом бюрократизм? Что тому причиной? Наше неумение организовать дело.

Зачем же брали, скажут враги Советской власти, рабочие власть, если не умеют сами ничего организовать? Да, за науку платят, и рабочим Советской России тяжко приходится платить за то, чтобы научиться делу организации: им пришлось учиться ей не в пансионе благородных девиц, а в разгар войны, в обстановке разрухи, когда каждый промах влёк за собой тяжёлые последствия…“

Выходом из ситуации была, по мнению автора статьи, такая новая политехническая школа, которая должна была „подготовить не узкого специалиста, а человека. понимающего всю взаимосвязь различных отраслей производства, роль каждой из них, тенденции развития каждой из них, воспитать человека, знающего, что и почему в данную минуту надо делать…“[1312]

В статье излагались вполне ленинские взгляды на проблему, что было и неудивительно, поскольку статья вышла из-под пера Надежды Константиновны Крупской. А позиция Крупской формировалась не без влияния Ленина.

С 31 декабря 1920 года по 4 января 1921 года ЦК РКП(б) проводило большое совещание по вопросам народного образования. И „р-революционных“ мнений на сей счёт, к сожалению, хватало.

Скажем, 32-летний нарком просвещения УССР Григорий Гринько (1890–1938) – бывший украинский левый эсер-„боротьбист“, выдвинул следующую схему образования: 1) до 15 лет создаётся единая система социального воспитания по трудовому принципу; 2) после 15 лет „начинается специальная подготовка в той или иной области производства или организационной группе (индустриальной, сельскохозяйственной, промышленно-экономической и т. д.)“.

30-летний заместитель начальника Главного управления профессионального образования и член коллегии Наркомпроса РСФСР Отто Шмидт (1891–1956) – будущий академик, поддерживал идеи Гринько и доказывал, что „интересы хозяйственного строительства властно требуют сокращения так называемой общеобразовательной, на деле – чисто словесной, школы и перехода к специальному образованию сколь можно рано“.

Шмидт печатно выступал против политехнического образования и ратовал за „монотехническое“ обучение какой-либо одной отрасли производства[1313].

Крупская готовила к совещанию по образованию доклад, который сделать не смогла по болезни, но тезисы которого просмотрел Ленин и оставил на них свои замечания…

Программа РКП(б), проводя линию Ленина, ставила задачу „проведения бесплатного и обязательного общего и политехнического образования для всех детей обоего пола до 17 лет“ и „широкого развития профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста“, и заметки

Ленина были выдержаны в том же духе.

Он не отрицал, что профессионально-технические школы ввиду „крайне тяжёлого хозяйственного положения республики“ нужны, но писал, что:

„…вместе с тем, *дабы не было превращения в ремесленничество*, надо установить следующие точные правила:

1) избегать ранней специализации…

2) расширить во всех профтехшколах общеобразовательные предметы (Если таких программ ещё нет, то повесить Луначарского)…

3) безусловным заданием поставить немедленный переход к политехническому образованию или, вернее, немедленное осуществление ряда доступных сейчас же шагов по политехническому образованию…“

Ленин предлагал обеспечивать посещение детьми ближайших электростанций, „сносно поставленных“ совхозов и заводов, предлагал мобилизовать на чтение лекций „всех инженеров, агрономов, всех кончивших университет по физико-математическому факультету“… Он предлагал и „устройство маленьких музеев по политехническому образованию, поездов, пароходов…“

В своих заметках на тезисах Крупской Владимир Ильич требовал, чтобы каждый ремесленник имел „широкое общее образование, был коммунистом, имел политехнический кругозор“…

Относительно же „р-революционных“ „новаций Ленин написал:

"Гринько, видимо, пересобачил до глупости, *отрицая* политехническое образование (может быть, частью, и О. Ю. Шмидт. *Исправить это*)"[1314].

Заметками на полях тезисов Крупской Ленин, впрочем, не ограничился. 5 февраля 1921 года "Правда" как редакционный материал опубликовала написанные им "Директивы ЦК коммунистам – работникам Наркомпроса" – вполне внятные и не устаревшие по сей день (собственно, как раз сегодня они вновь особо актуальны!). А через два номера уже за подписью "Н. Ленин" в "Правде" же появилась большая статья "О работе Наркомпроса", которую Ленин начал так:

«В № 25 „Правды“ от 5 февраля, напечатаны „*Директивы* ЦК коммунистам – работникам Наркомпроса“ (в связи с реорганизацией наркомата).

К сожалению, в первом пункте оказалась трижды повторенная, искажающая смысл опечатка: вместо „политехнического“ образования напечатано: политического!!

Мне бы хотелось обратить внимание товарищей на эти директивы и вызвать обмен мнений по некоторым особенно важным пунктам…»[1315]

Не буду цитировать статью, занимающую в 42-м томе Полного собрания сочинений 10 (десять) страниц, содержащих много цифровых данных, – желающие могут познакомиться с ней сами. Скажу лишь, что вряд ли типографской опечаткой объясняется то, что три раза встречающееся у Ленина в оригинале слово «политехническое» было заменено при наборе номера словом «политическое».

Это было, конечно, мелкой пакостью, но это было пакостью. И, похоже, именно поэтому – разозлившись, Владимир Ильич, восклицательными знаками не злоупотреблявший, использовал на этот раз для выражения своих чувств целых два знака восклицания в конце второго абзаца своей статьи…

Чем могло стать и какого члена общества могло дать предлагаемое «р-р-революционерами» раннее специализированное, да ещё и «монотехническое», образование?

Монотехническое образование – это то, что сегодня реализует Запад, причём – не столько в сфере массового образования, которое давно является пародией на образование, сколько в сфере

высшего профессионального образования.

Западный специалист, как правило, узко специализирован. Ещё Козьма Прутков справедливо заметил, что специалист подобен флюсу. В XX и, тем более, в XXI веке эта черта стала для западного специалиста главенствующей. ***Своё*** он знает блестяще, и по каждой прикладной проблеме западный капитал имеет своего узкого знатока. Это обеспечивает технологические прорывы, лидерство на рынке и т. д., но подрывает саму суть жизни человека как развитого общественного существа.

Человек должен жить, чтобы работать, но работать в смысле – творить, создавать, познавать, украшать мир. Даёт ли всё это даже образованному человеку современное западное общество?

Нет, конечно!

В конце главы приведу – в подтверждение высказанной выше мысли – слова американского физика и инженера Штейнмеца, а сейчас подчеркну, что «монотехническое» образование Шмидта своим естественным результатом имело бы одушевлённого болванчика, специализированный придаток к эффективному производству, целью которого оказывается эффективность производства как такового.

Обеспечение полноценной и умной жизни общества при таком подходе к производству оказывается невозможным. Подлинно человеческой жизни членам общества такой подход не даёт.

Ленин очень редко в публичной обстановке или в своих работах раскрывал – если употреблять такое выражение – свою душу. Это была глубоко чувствующая душа, но она давно была одета – самим носителем этой души, в прочную духовную броню. Если было бы иначе, он не смог бы совершить то, то совершил, и совершить так много и в такие сжатые сроки. Ведь ему приходилось то и дело буквально тащить вперёд ***за шиворот*** исторический процесс, а точнее – партийное руководство и народные массы, этот процесс совершающие.

Однако не мечтать Ленин не мог – недаром Уэллс, обязанный разбираться в душах людей по долгу литератора, назвал Ленина «кремлёвским мечтателем». А главной, да, собственно, ***и единственной*** мечтой Ленина было социалистическое общество, то есть общество людей, органически не способных быть как эксплуататорами, так и эксплуатируемыми…

Его мечтой и целью было общество поголовно развитых, гармонических людей, смело глядящих в жизнь и в свою судьбу, потому что их жизнь и судьба зависят только от того, насколько честно и полно они взаимодействуют в ходе жизни с окружающими их другими членами общества.

Гармоничное общество могли строить и построить лишь гармонически образованные его члены, получившие всестороннее, – в том числе, и политехническое образование.

Ленин не объяснял своей позиции в деле народного образования такими словами, но именно высокой мечтой о новом обществе новых людей обосновывалась эта его позиция.

Ленин сам учился всю жизнь – учился по книгам, учился у жизни… И показательно, что, пожалуй, первое, что узнавал о Ленине маленький гражданин Страны Советов, пришедший первый раз в первый класс, это то, что великий Ленин завещал ему: «Учиться, учиться и ещё раз учиться»…

И что же в этом ленинском завете было недостойного, аморального, антигуманного?

А?

В феврале 1922 года к Б. В. Лосеву – секретарю нью-йоркского отделения «Общества технической помощи Советской России», уезжавшему в Москву, зашёл известный американский учёный-электротехник, профессор Юнион-колледжа в Скенектади, Чарлз Протеус Штейнмец (1865–1923).

В юности, студентом, Штейнмец примкнул к германскому социал-демократическому движению, вскоре был вынужден эмигрировать в Швейцарию, где окончил Цюрихскую высшую техническую школу, а в 1889 году навсегда уехал в США.

Со временем Штейнмец стал главным электриком концерна «Дженерал электрик компани» и техническим руководителем его заводов в Скенектади. Он проектировал большинство крупных электрических машин и аппаратов, изготовлявшихся концерном, в 1902 году Гарвардский университет присвоил ему степень доктора наук. Иными словами, профессор Штейнмец был отнюдь не люмпен-пролетарием и добился в жизни немалого, в том числе – в материальном отношении.

Тем не менее, ещё в июне 1920 года Штеймец выразил желание быть в курсе всех промышленных проблем Советской России и предложил свою помощь в разработке проектов электростанций и высоковольтных линий электропередач. А в феврале 1922 года передал с Лосевым письмо Ленину:

«*Господину Н. Ленину.*

Мой дорогой г. Ленин! Возвращение г. Б. В. Лосева в Россию представляет мне удобный случай выразить Вам своё восхищение удивительной работой по социальному и промышленному возрождению, которую Россия выполняет при таких тяжёлых условиях.

Я желаю Вам полнейшего успеха и уверен, что Вы добьётесь успеха. В самом деле Вы должны добиться успеха, так как не должен быть допущен провал громадного дела, начатого Россией.

Если в технических вопросах и особенно в вопросах электростроительства я могу помочь России тем или иным способом, советом, предложением или указанием, я всегда буду очень раз сделать всё, что в моих силах.

Братски Ваш Ч. Штейнмец»[1316].

10 апреля 1922 года Ленин ответил Штейнмецу, и часть его ответа ниже приводится:

«*Во всех странах мира растёт – медленнее, чем того следует желать, но неудержимо и неуклонно растёт – число представителей науки, техники, искусства, которые убеждаются в необходимости замены капитализма иным общественно-экономическим строем и которых „страшные трудности“ („terrible difficulties“) борьбы Советской России против всего капиталистического мира не отталкивают, не отпугивают, а, напротив, приводят к сознанию неизбежности борьбы и необходимости принять в ней посильное участие, помогая новому осилить старое…*»[1317]

Эта мысль Ленина по сей день не устарела – она относится всё еще к будущему мира, если, конечно, мир хочет иметь будущее.

Б. В. Лосев вспоминал позднее, что когда Штейнмец передавал ему письмо для Ленина, он сказал: «Жаль, что не могу поехать с Вами, очень-очень жаль. Мне кажется, что результаты мировой войны таковы, что если бы не установление советского строя в России, то жизнь вообще не имела бы никакой ценности…»

Безусловно, в искренних словах уже немолодого и знающего жизнь человека была, если вдуматься, сформулирована самая главная задача Советской власти: придать жизни людей большой, подлинно человеческий и радостный смысл и сделать умную и честную жизнь всех людей главной общественной ценностью.

Однако как сложно было России, преобразовавшей себя 30 декабря 1922 года в Союз ССР, приступать всерьёз к решению такой задачи…

Да ещё и без Ленина во главе её.

Глава 41. Союз народов и раскол вождей

Болезнь Ленина, хотя он в последнее время всё более отходил от оперативного руководства, объективно не могла не вызвать того или иного кризиса в политической ситуации. Конечно, если бы руководство РКП(б) и Совет Народных Комиссаров были во всем едины, то кризис можно было бы минимизировать. Увы, как раз единства-то и не наблюдалось, зато наблюдался очередной раскол.

И это – на фоне того, что к концу 1922 года в государственной жизни России получали своё завершение объединительные процессы! После временного торжества сепаратизма, охватившего бывшую Российскую империю с 1917 года, дело шло к объединению почти всех её территорий в рамках нового единого государства. РСФСР (в состав которой тогда входили и среднеазиатские регионы), Украинская ССР, Закавказская федерация в составе Азербайджана, Армении и Грузии, и Белорусская ССР завершали процесс образования Союза Советских Социалистических Республик – СССР.

6 октября 1922 года на пленуме ЦК РКП(б) была образована комиссия под председательством Сталина для разработки окончательного проекта союзного договора, шли последние утряски и увязки, а 23 декабря в Москве открылся X Всероссийский съезд Советов – последний отдельный «российский» съезд накануне первого общего – союзного.

В ночь перед его открытием у Ленина отказали правая рука и правая нога – его надежды на выступление на российском, а затем и на первом союзном съезде в одночасье рухнули. И свою последнюю – как оказалось – публичную речь Ленин произнес 20 ноября 1922 года на пленуме Московского совета, заседавшего совместно с пленумами всех районных Советов Москвы.

Ленин появился в Большом театре уже под занавес пленума, когда депутаты Ильича не ждали. Встретили его овацией, а он, переждав гром аплодисментов (вот уж тут эта метафора была к месту) и троекратное исполнение оркестром «Интернационала», начал:

– Товарищи! Я очень сожалею и очень извиняюсь, что не мог прибыть на ваше заседание раньше. Вы, насколько мне известно, собирались несколько недель тому назад устроить мне возможность посетить Московский Совет. Мне не удавалось сделать это потому, что после болезни, я, выражаясь языком профессионалиста, потерял работоспособность на довольно длительный срок и в силу уменьшения работоспособности мне пришлось откладывать с недели на неделю это выступление…[1318]

Вся речь Ленина обнаруживала не только сохранение им полной ясности и глубины его политических мыслей, но и его твёрдое убеждение в том, что он ещё длительное время будет полноценно, хотя, скорее всего, и с меньшей интенсивностью, работать на своём советском посту Председателя Совнаркома.

В текущих делах по партии его подменял Сталин, по Совнаркому же он опирался на Цюрупу и Рыкова, а в последнее время – ещё и на Каменева, о чём в речи 20 ноября и сказал.

Вернувшись после отдыха в Москву 2 октября 1922 года Владимир Ильич опять с головой ушёл в работу, хотя и в Горках он уже работал. Среди его достаточно обширной «горкинской» переписки начала осени 1922 года выделю письмо от 25 сентября, где Ленин напоминал замнаркома юстиции Крыленко о необходимости выпуска к 5-летнему юбилею Советской власти полного свода её законов и просил «разбудить» на этот счёт отдел кодификации.

А уж в Москве проблемы повалили валом! Вопросы Красина по наркомату внешней торговли и вопросы Чичерина – по наркомату иностранных дел; анализ сводки по золотому запасу и рассмотрение ассигновок на электростанцию под Тифлисом; постройка писчебумажной фабрики в Карелии и разработка новых месторождений слюды – это лишь

отдельные элементы рабочей московской «мозаики» Ленина осенью 1922 года.

Поэтому его последняя публичная речь отнюдь не походила на что-то вроде завещания, она была деловой и касалась текущего. Однако некоторые её моменты звучали программно, как, например, тогда, когда Ленин говорил:

– Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и прыгнуть вперёд… Раньше коммунист говорил: «Я отдаю жизнь», и это казалось ему очень просто, хотя это не всякий раз было просто. Теперь же перед нами, коммунистами, стоит совершенно другая задача. Мы теперь должны всё рассчитывать, и каждый из вас должен научиться быть расчётливым… Мы должны рассчитывать в обстановке капиталистической…[1319]

Или вот, ещё одно сильное место этой речи:

– Нам надо взять правильное направление, нам надо, чтобы всё было проверено, чтобы все массы и всё население проверяли наш путь и сказали бы: «Да, это лучше, чем старый строй». Вот задача, которую мы себе поставили. Наша партия, маленькая группа людей по сравнению со всем населением страны, за это взялась. Это зёрнышко поставило себе задачей переделать всё, и оно переделает… Что это не утопия, а что это дело, которым живут люди, мы это доказали… Нужно переделать так, чтобы всё большинство трудящихся масс сказало: «Не вы себя хвалите, а мы вас хвалим, мы говорим, что вы достигли результатов лучших, после которых ни один разумный человек никогда не подумает вернуться к старому…[1320]

Завершил Ленин свою речь в тот вечер пророчески:

– Социализм уже теперь не есть вопрос отдалённого будущего, или какой-нибудь отвлечённой картины, или какой-либо иконы… Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться… Вот что составляет задачу нашей эпохи… Все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая…[1321]

Через месяц с небольшим к слову „социалистическая“ прибавилось ещё и слово „союзная“. 30 декабря 1922 года открылся I съезд Советов СССР, выступая на котором с основным докладом, Сталин начал словами: „Товарищи! В истории Советской власти сегодняшний день является переломным…“

Так оно и было!

Сталин говорил:

– Сегодняшний день является днём торжества новой России, …превратившей красный стяг из знамени партийного в знамя государственное и собравшей вокруг этого знамени народы советских республик… Нас, коммунистов, часто ругают, утверждая, что мы не способны строить. Пусть история Советской власти за пять лет её существования послужит доказательством того, что коммунисты умеют также и строить…[1322]

Зачитав Декларацию и Договор (проект которых был написан им же), Сталин закончил доклад словами: „Товарищи, предлагаю принять их со свойственным коммунистам единодушием и вписать тем новую главу в историю человечества“.

Съезд Советов был общенациональным публичным событием, к тому же – не партийным, а общенародным, и здесь никто не посмел омрачить исторический момент неким „особым мнением“, и СССР был учреждён единогласно. Началась история великого государства, просуществовавшего формально без года семьдесят лет, но исторически и юридически всё ещё существующего.

В декабре 1922 года юридически совершилось то, что де-факто существовало практически с первых дней после Октября. Большевики исходили из права наций на самоопределение вплоть

до отделения, но всегда были последовательными сторонниками и проводниками объединения народов.

Белые силы России провозглашали лозунг „единой и неделимой России“, но сражались против Советской власти с тем же остервенением, что и украинские, белорусские, кавказские сепаратисты. И если бы – представим на мгновение абсолютно невозможное – в гражданской войне победили „белые“, то никакой „неделимой“ у них не получилось бы…

Не то что Украину и Кавказ, но даже Дальний Восток гипотетической „белой“ буржуазной России удержать не удалось бы – оттяпали бы или японцы, или янки, а скорее всего – японцы и янки. Более же близкие к „европам“ южнорусские регионы стали бы вотчиной англичан и французов – чем-то ведь „белым“ со „спонсорами“ расплачиваться надо было бы…

Да и не захотели бы местные буржуазные „царьки“ – тогдашние кучмы и назарбаевы, вновь идти под руку буржуазной Москвы (или там – Петрограда), а местные буржуа и элиты их поддержали бы, а побеждённые народы противодействовать им не смогли бы – как это имеет место сейчас. Лишь победившие народы смогли восстановить единое государство, и напомню, что то, что именно большевики сохранили великую Россию, признал в 30-е годы даже великий князь Александр Михайлович – дядя последнего российского императора.

Вопрос о дальнейших формах государственного бытия народов России встал уже в первые месяцы Советской власти. 3 и 4 апреля 1918 года „Правда“ опубликовала беседу наркома по делам национальностей Сталина с сотрудником „Правды“ об организации Российской Федерации.

Два заключительных раздела были озаглавлены: „Переходная роль федерализма“ и „Процесс политического строительства Российской Федерации. Федерализм в России – переходная ступень к социалистическому унитаризму“.

В интервью Сталина были и такие слова:

„История показала, что федерализм Америки и Швейцарии есть переходная ступень от независимости штатов и кантонов к полному их объединению… В России политическое строительство идёт в обратном порядке. Здесь принудительный царистский унитаризм сменяется федерализмом добровольным для того, чтобы, с течением времени, федерализм уступил место такому же добровольному и братскому объединению трудовых масс всех наций и племён России…“[1323]

В декабре 1922 года это объединение получило законодательное закрепление. Но кому мы обязаны созданием СССР – Ленину или Сталину?

Этот вопрос не надуман, потому что нередко даже в „академических“ „трудах“ позиция Ленина и позиция Сталина противопоставляются друг другу – мол, Ленин был за полноценный Союз, а Сталин упирал на „автономизацию“, считая, что советские республики должны не образовать равноправный союз с Россией, а войти в РСФСР как автономные республики.

На деле всё было далеко не совсем так. И даже – совсем не так! Системный облик будущего Советского Союза определялся не одним Лениным, и не одним Сталиным, хотя и тот, и тот имел на вопрос огромное влияние. Но в конечном счёте два этих выдающихся влияния не противостояли друг другу, а взаимно обогащали и дополняли друг друга. Сталинское интервью весной 1918 года – лишнее тому подтверждение. Оно выдержано во вполне ленинском духе.

Увы, вокруг достаточно ясной ситуации ещё хрущёвско-брежневские „идеологические кадры ЦК КПСС“ напустили много тумана, и поэтому на истории подготовки к созданию СССР надо остановиться – хотя бы кратко – отдельно.

Ленина вопрос о дальнейшем государственном устройстве большой России волновал чрезвычайно, но как раз тогда, когда сложились реальные предпосылки для его разрешения, Ленин вынужден был то и дело „сбавлять“ рабочие „обороты“, и многое стал определять Сталин

– как признанный в партии авторитет по национальному вопросу.

В начале ноября 1921 года Сталин опубликовал в „Правде“ статью „Октябрьская революция и национальная политика“. Говоря о национальной политике русских коммунистов, он пояснял:

„Существо этой политики можно выразить в нескольких словах: отказ от всех и всяческих „притязаний“ и „прав“ на области, населённые нерусскими нациями; ***признание*** (не на словах, а на деле) ***за этими нациями права на самостоятельное государственное существование***; добровольный военно-хозяйственный союз этих наций с центральной Россией; помощь отсталым нациям в деле их культурного и хозяйственного развития, без чего так называемое „национальное равноправие“ превращается в звук пустой; ***всё это на основе полного… сосредоточения всей власти в руках трудовых элементов окраинных наций*** (жирный курсив везде мой. – *С.К.*) – такова национальная политика русских коммунистов“[1324].

В целом такой подход не отличался от подхода Ленина.

Собственно, все разумные и лояльные к Советской власти люди в пределах Российского геополитического пространства понимали, что необходимо прочное законодательное закрепление того комплексного союза РСФСР и национальных советских республик, который, с одной стороны, сложился за годы революции и гражданской войны, а с другой стороны имел многовековую общую геополитическую и, что ещё важнее, **экономическую** базу.

Ведь даже царская Россия была не только „тюрьмой народов“, но и их естественным объединителем вокруг Центра… А хозяйственные связи не в один день налаживаются, и оборвать их можно лишь насильно и с обоюдным убытком – как это было проделано врагами России с республиками СССР в 90-е годы XX века.

Вопрос, однако, состоял в том – насколько широко и далеко должна пойти централизация верховной власти и сосредоточение её в Москве?

Весной 1922 в Генуе должна была собраться международная конференция по экономическим и финансовым вопросам, где одним из основных вопросов являлись экономические отношения и финансовые расчёты внешнего мира с Россией. Естественно, не пригласить на конференцию Советскую Россию и другие республики, образовавшиеся на месте Российской империи, было невозможно.

Их и пригласили.

И тогда для обеспечения полного дипломатического единства советских республик 22 февраля 1922 года в Москве был подписан протокол о предоставлении Российской Федерации полномочий защищать права советских республик (Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Бухары, Хорезма и Дальне-Восточной Республики) на Генуэзской конференции, заключать и подписывать от их имени выработанные на конференции отдельные международные договоры и соглашения.

Этот официальный дипломатический союз стал первым шагом к конституционному объединению советских республик.

Однако летом 1922 года ЦК КП(б) Грузии, подстрекаемый бывшим председателем Ревкома Грузии и членом Президиума ЦК КП(б)Г Поликарпом Мдивани (1877–1937), разрешил турецкому Оттоманскому банку открыть отделение в Тифлисе, что подрывало позиции и без того не очень-то прочных советских денег. Госбанк РСФСР, естественно, возражал, и афера была прикрыта, но вызвала бурный протест Тифлиса.

Нервно повёл себя и советский Киев, где заправляли многие „будущие жертвы сталинской тирании“, в том числе – из бывших украинских эсеров, „боротьбистов“. Собственно, и бывшие петлюровцы далеко не все убрались в эмиграцию, и часть их успешно перекрасилась из „жовто-блакытных“ в якобы „красные“, фактически оставаясь националистами, а точнее – националистическими агентами влияния на Украине внешних антисоветских сил.

Ленин в это время был в Горках, и его об этих выходках Мдивани не информировали.

10 августа 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) предложило Оргбюро создать комиссию для рассмотрения вопроса о взаимоотношениях РСФСР и национальных республик. В комиссию вошли Сталин, Валериан Куйбышев, Орджоникидзе, Раковский, Сокольников (Бриллиант), а также: Петровский от Украины, Червяков от Белоруссии, Агамали-оглы от Азербайджана, Мясников (Мясникян) от Армении и Мдивани от Грузии.

Ленин одобрил исходные тезисы Сталина, предлагавшего федерацию в части „военного, хозяйственного дела и внешних сношений (иностранные дела, внешняя торговля)“ при сохранении за республиками „автономии во внутренних делах“.

Затем Сталин разработал проект резолюции комиссии „О взаимоотношениях РСФСР и с независимыми республиками“, который предусматривал вступление всех национальных республик в РСФСР на правах автономных республик. Это обеспечивало бы ту системную централизацию, без которой жить становилось всё сложнее.

Но оставались же ещё и национальные амбиции! А кто является их носителем? Известно кто – „образованные“ слои „нации“, „элита“…

Простые люди в республиках были от этого далеки, зато амбиции переполняли „партийных интеллигентов“ типа Мдивани, не говоря уже об интеллигентах беспартийных, националистические претензии которых были вообще беспредельными, как и гражданская безответственность.

Проект Сталина поддержали в ЦК компартий Азербайджана и Армении, белорусы колебались, в украинском ЦК от обсуждения проекта уклонялись, а Мдивани бурно протестовал.

23 и 24 сентября 1922 года комиссия ЦК заседала под председательством Молотова, и проект Сталина был принят, всё же, единогласно за основу. При воздержавшемся Мдивани.

А 26 сентября Ленин в Горках беседовал со Сталиным, после чего обратился к Каменеву:

„т. Каменев! Вы наверное уже получили от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР…

Я беседовал об этом вчера с Сокольниковым, сегодня со Сталиным. Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в „независимстве“).

По-моему, вопрос архиважный. Сталин имеет немного устремление торопиться. Надо Вам… подумать хорошенько; Зиновьеву тоже…“[1325]

На первый взгляд, можно подумать, что Ленин в ходе беседы со Сталиным с ним разругался, и апеллирует к Каменеву и Зиновьеву.

Но, во-первых, Сталин вообще не имел склонности к склоке с кем-бы то ни было, а уж с Лениным – тем более (да ещё и с Лениным, только-только оправившимся от болезни).

Во-вторых, в том же письме Ленина есть и такие строки: „*Одну уступку Сталин уже согласился сделать*“…

Речь шла о замене в параграфе 1-м слов о вступлении республик в РСФСР на слова: „Формальное объединение вместе с РСФСР в Союз Советских Республик Европы и Азии“. Именно последнюю формулу Ленин использовал в своём письме от 26 сентября, что позволяет предположить, что это, не самое удачное, название союзного государства было, похоже, Лениным и предложено.

Ленин предлагал и другие поправки, ненужность которых, как я понимаю, сам же вскоре и понял. Что же до поправки насчёт того, что надо закрепить в будущем договоре не вступление остальных республик в Российскую Федерацию, а объединение всех республик, включая Российскую Федерацию, в общее союзное государство, то эта поправка Ленина была тогда политически разумной, и Сталин её принял.

Так или иначе, Сталин сообщил Ленину 26 сентября 1922 года, что готов отложить

внесение резолюции в Политбюро до возвращения Ленина в Москву, которое планировалось на начало октября.

Существенно и то, что Ленин написал письмо Каменеву ***после*** беседы со Сталиным, и из текста письма следует однозначный вывод: эта беседа была не спором глухого со слепым, а товарищеской дискуссией, в результате которой идея объединения прошла дополнительную предварительную „обкатку“.

То есть, шёл нормальный рабочий процесс выработки важнейшего решения. И мнение Ленина о якобы „торопливости“ Сталина имело не принципиальный, а текущий характер. До 26 сентября Ленин и Сталин встречались ещё и 12 сентября, и об этой встрече Сталин написал в „Правде“. Причём из его заметки – позднее о ней будет сказано отдельно – однозначно можно было понять, что атмосфера их беседы была самая дружеская и непринуждённая.

При всем при том в ситуации образовался опасный – не столько для будущего СССР, сколько для здоровья Ленина, – „подводный камень“. Возник так называемый „грузинский вопрос“ – с осени 1922 года обострился конфликт между 1-м секретарём Закавказского крайкома Орджоникидзе и грузинскими партийными „верхами“ во главе с Поликарпом Мдивани (1877–1937).

Мдивани работал в партии с 1903 года, но был, если говорить коротко, склочником, националистом, сепаратистом и дрянью… Вначале он был вообще против идеи СССР и проводил линию на обособленность Грузии. Затем стал претендовать на особое место в будущем СССР, настаивая на прямое, а не через Закавказскую Федерацию, вхождение Грузии в будущий СССР и т. д.

Мдивани не был настолько крупной величиной, чтобы входить в круг внимания непосредственно Владимира Ильича. Тем не менее, кое-кто (?) настойчиво вводил Мдивани в его поле зрения.

Зачем?

Не исключаю, что затем, чтобы вовлечь Ленина в разбор склоки, который никак не способствовал бы укреплению его здоровья.

27 сентября 1922 года Ленин встречался с Мдивани, 28 сентября – с Орджоникидзе, а 29 сентября – с членами грузинского ЦК Окуджавой, Думбадзе и Цинцадзе. И, похоже, эмоции грузин-провокаторов (исключая Орджоникидзе) взвинтили Ленина. 2 октября 1922 года он возвращается из Горок в Москву, а 6 октября пишет в записке Каменеву:

„Т. Каменев! Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба (в прямом смысле слова, у Ленина образовался флюс, – *С.К.*), съем его всеми здоровыми зубами.

Надо *абсолютно* настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди

Русский

Украинец

Грузин и т. д.

Абсолютно!

Ваш *Ленин*“[1326]

При этом главными „великорусскими шовинистами“ оказывались… грузины Джугашвили-Сталин и Орджоникидзе, на которых Ленину жаловался Мдивани с присными.

А то, что Ленин адресовался к Каменеву, позволяет предполагать: с одной стороны – каменевско-зиновьевскую интригу как против Сталина, так и против Ленина, а с другой стороны – протежирование Каменевым грузинских склочников в рамках всё той же интриги.

И тут же нервы Ленину вздёрнули дополнительно Бухарин с компанией, поведя кампанию против монополии внешней торговли.

Возможно, это было и случайным совпадением, но объективно действия Каменева и Бухарина били по только-только восстановленной работоспособности Ленина и по его здоровью.

Не прошло и месяца, а группе Мдивани опять удалось спровоцировать Ленина – 22 ноября члены грузинского ЦК подали в отставку. И 24 ноября Секретариат ЦК РКП(б) – по сути, Сталин, принял решение о назначении комиссии для посылки в Тифлис в составе: Ф. Э. Дзержинского (председатель), Д. З. Мануильского и В. С. Мицкевича-Капсукаса.

Любопытно, что 24 ноября Ленин был на заседании Совета Труда и Обороны, а перед заседанием беседовал с Каменевым. И когда вечером Ленину принесли на голосование решение Политбюро по составу комиссии, он от голосования воздержался.

Похоже, всё это ему начинало надоедать…

25 ноября 1922 года комиссия во главе с Феликсом Дзержинским выехала в Тифлис. Тогда и случилось так, что Серго Орджоникидзе в присутствии членов комиссии дал заслуженную оплеуху мдиванскому прихлебателю Кобахидзе. Дзержинский, а потом и Сталин поддержали (не оплеухами, конечно) Орджоникидзе.

В судьбе Ленина эта оплеуха – без вины в том Орджоникидзе – сыграла роль, пожалуй, роковую.

Сам Сталин всю вторую половину ноября 1922 года был занят подготовкой к провозглашению СССР. Судя по всему, все текущие разногласия между Лениным и ним по вопросу об СССР были в течение ноября 1922 года утрясены, иначе Ленин бы то и дело тормошил членов Политбюро по поводу принципов будущего союзного устройства, а этого не было. 29 ноября секретарь Ленина и жена Сталина Надежда Аллилуева сделала в дневнике дежурных секретарей запись:

„*29 ноября, утро.*

Владимир Ильич в 12 ч.20 м. был в кабинете, вызвал к себе Сталина, тот сидел до 13 ч. 40 м. Поручений на вечер никаких. Пакетов тоже пока нет“.

Вечером того же дня уже дежурный секретарь Володичева записала:

„*Из Политбюро сообщено (8812), что вопрос о союзных республиках будет стоять на Политбюро завтра (прислан не для сведения, а для рассмотрения.*

Звонил Владимир Ильич от $5^1/_2$ *до 6-ти. Спрашивал, получена ли от Сталина бумага о судоремонтной программе*…“ и т. д.[1327]

Скорее всего утром 29 ноября Ленин и Сталин окончательно обсудили вопросы, связанные с будущим Союзом.

30 ноября 1922 года Сталин от имени комиссии ЦК сделал доклад на заседании Политбюро „О Союзе республик“, и Политбюро утвердило „Основные пункты Конституции Союза Советских Социалистических Республик“.

Хотя Ленин был в Москве и, как уже сказано, в тот день работал, его на заседании Политбюро не было. Он лишь поинтересовался у дежурного секретаря Манучарьянц – когда кончилось заседание? А потом попросил дать ему протокол, но возражений не высказал.

После этого началась подготовка к I-му Всесоюзному съезду Советов.

Еще 25 ноября 1922 года врачи предписали Ленину неделю абсолютного отдыха, однако он уехал в Горки лишь вечером 7 декабря, а 12 декабря уже возвратился.

12 декабря 1922 года в Москву возвратился из Тифлиса и Дзержинский, и они с Лениным долго беседовали. Ленин был очень взволнован „инцидентом“, то есть – оплеухой, данной Серго.

Волнения относительно судьбы монополии внешней торговли наложились на злосчастную оплеуху – дёрнул же чёрт Дзержинского сообщить о ней Ленину… Хотя и не сообщать о ней Дзержинский по ряду причин не мог.

Всё вместе спровоцировало обострение болезни с 13 декабря. А дело шло к провозглашению Союза ССР.

30 декабря 1922 года – при отсутствующем в зале Ленине, который был избран почётным председателем I Съезда Советов Союза ССР – союзное государство родилось.

ТИФЛИССКИЙ „инцидент“ с оплеухой Орджоникидзе стал достоянием широких масс советского народа лишь в хрущёвские времена, и подавался, как и дискуссия об устройстве СССР, в антисталинском духе. При этом „идеологи“ и „историки“ помалкивали насчет того, что эти два момента надо рассматривать в совершенно ином аспекте, выделяя как главное в них диверсию против здоровья Ленина.

Идя же про хронологии конца декабря 1922 года, сообщу, что только-только оправившись от приступа 13 декабря, Ленин начинает, по собственному заявлению, „ликвидировать свои дела“ и диктует ряд писем.

Крайне интересно при этом, что начинает он с письма Сталину, где протестует против решения Политбюро от 7 декабря 1922 года отменить его же решение от 26 октября о высылке активного меньшевика, бывшего ленинского соратника Н. А. Рожкова в Псков. Ленин остро видел опасность идейного меньшевизма для социалистического строительства, в чём был прав. И 14 декабря Политбюро приняло решение Рожкова выслать – пока в Псков, а в случае первого же антисоветского выступления – вообще из Советской России.

Ещё до приступа 13 декабря – 7 декабря 1922 года, Ленин писал Зиновьеву:

„***Ни капельки*** *не подозреваю Вас в пристрастии к Рожкову.* ***Ни капельки!*** *Но по сути дела очень боюсь: он соврёт сколько угодно, хотя бы и в печати. Вот чего я боюсь. У них лозунг: ври, уходи из партии, оставайся в России. Вот о чём надо подумать и* ***поговорить***“[1328].

Тогда же – 13, 14 и 15 декабря, Ленин: 1) напомнил коллегам о важности монополии внешней торговли; 2) Каменеву, Рыкову и Цюрупе высказал пожелания о распределении их работы как своих заместителей по СТО и СНК; 3) беседовал с председателем комиссии СНК по ревизии деятельности торгпредств РСФСР за границей Е. М. Ярославским.

Несмотря на ухудшение состояния с 16 декабря, Ленин опять диктует – вновь о монополии внешней торговли, а потом – „Письмо к съезду“ и ряд других заметок. Впрочем, последних ленинских диктовок мы коснёмся в своём месте, а сейчас, возвращаясь к истории образования СССР, надо сказать вот что…

Если бы Ленина не известили об оплеухе Орджоникидзе, вряд ли бы он как раз в день провозглашения СССР – 30 декабря 1922 года, то есть тогда, когда все вопросы по будущему Союзу были решены, после приступов, после обострения болезни, стал бы диктовать секретарям письмо „К вопросу о национальностях или об „автономизации““.

Знаменитым и „классическим“ это письмо сделали хрущёвцы – впервые оно было опубликовано в сентябрьском номере журнала „Коммунист“ – теоретического органа ЦК КПСС, за 19**56** год, то есть, после антисталинского XX съезда КПСС. В письме всё крутилось вокруг „инцидента“, а главное (главное для хрущёвцев) – там не лучшим образом поминался Сталин, что было Хрущёву и хрущёвцам очень кстати.

Ленин начал так:

„Я, кажется сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально

называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик (орфография по записи секретаря Володичевой. – *С.К.*)…[1329]

Употребление слова „кажется“ показывает, что Ленин к тому времени был уже не совсем „в теме“. С другой стороны, подобное упоминание нового названия государства позволяет предполагать, что авторство окончательного названия союзного государства принадлежало не Ленину, а Сталину.

Диктуя свои заметки Ленин явно волновался и был взвинчен, а причинами оказывались болезненное состояние и наложенные на недомогание „тифлисские“ эмоции. Он возмущался:

„…Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия, о чём мне сообщил тов. Дзержинский, то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна…"[1330]

Как видим, Ленин в волнении забыл, что «эта затея» уже отставлена и 30 декабря провозглашается Союз ***равноправных*** Республик, имеющих право выхода из Союза.

В целом ничего конструктивного заметки «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» не содержали. Но как же хрущёвцы могли не извлечь их из архива и не обнародовать, если «сам Ленин» надиктовал такие слова, которые для Хрущёва были слаще мёда, а именно:

«Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого „социал-национализма“. Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль…»[1331]

И ещё:

«Политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию (а речь-то всего об оплеухе, данной грузином Орджоникидзе грузину же и несомненному негодяю Кобахидзе. – *С.К.*) следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского…»[1332]

Нет сомнений, что именно осуждающие Сталина строки и сделали с 1956 года эту явно неудачную ленинскую диктовку «хрестоматийной», хотя там содержалось уж просто ошибочная мысль о том, что на следующем съезде Советов стоило бы «вернуться… назад, т. е. оставить союз советских социалистических республик (орфография опять секретаря Володичевой, – *С.К.*) лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов…»

Но даже эта неудачная диктовка не даёт оснований говорить о конфликте Ленина и Сталина по вопросу о форме и содержании Союзного государства. На всех этапах ***практического*** движения к СССР оба лидера мыслили примерно одинаково, а в самом конце 1922 года в конфликте оказались не Ленин и Сталин, а Сталин и ***болезнь*** Ленина.

Нездоров, увы, к концу 1922 года, был не только вождь России, но и та правящая партия, которая была детищем Ленина.

Партия большевиков – РКП(б), стала в России партией правящей – к тому же и единолично правящей.

Меньшевики были опасны теперь только как фактор разложения части руководящих кадров, а в рабочей среде не котировались.

Эсеры тоже теряли популярность, к тому же с 8 июня по 7 августа 1922 года в Москве прошёл открытый процесс над группой крупных эсеров, и, пожалуй, о нём стоит сказать несколько слов…

15 января 1922 года бывший эсеровский боевик – Лидия Коноплёва, написала заявление в

ЦК РКП(б) и дала показания ВЧК о том, что вожди эсеров в союзе с Западом сознательно развязывали гражданскую войну и прямо руководили покушениями на Володарского, Урицкого, Троцкого, Зиновьева и Ленина… Было открыто следствие, завершившееся судебным процессом, на который приехало более 80 советских и зарубежных корреспондентов.

Горький, тогда уже уехавший за границу – лечиться, 3 июля 1922 года опубликовал в «Социалистическом Вестнике» письмо Анатолю Франсу с просьбой вступиться перед Советским правительством за эсеров и характеризовал процесс как приготовление «к убийству людей, искренне служивших делу освобождения русского народа».

Ленин на очередной раз «кривуляющего» Горького разозлился и 7 сентября писал из Горок отдыхающему в Германии Бухарину:

«*Я читал поганое письмо Горького. Думал было обругать его в печати (об эсерах), но решил, что, пожалуй, это чересчур. Может быть, Вы его видаете и беседуете с ним?..*»[1333]

Горький, как и не раз до этого, так и не понял сути момента.

Увы!

С одной стороны, Коноплёва не была «подсадкой» ВЧК – она искренне пересмотрела свои взгляды, а её свидетельства однозначно указывали на прямо преступную по отношению к народу деятельность эсеров. А если есть преступление, должно быть, естественно, и наказание.

С другой стороны, Ленин не раз напоминал, что после Октября 1917 года партия стала иной, что она теперь «опирается на два класса», и поэтому «возможна её неустойчивость». Один класс – рабочие, и это была опора в целом надёжная и устойчивая. Но второй-то опорой были крестьяне, а часть крестьян была податлива на эсеровскую пропаганду, да и в самой РКП(б) было немало таких новых членов партии из числа «унтер-офицерского» «большевизма», которые были заражены той же «эсеровщиной» и обеспечивали партии «правый» уклон.

Публичное развенчание эсеров перед народной массой становилось в этих условиях важной и актуальной политической задачей дня.

Увы, Горький этого не понимал – понадобились смерть Ленина и успехи Сталина в построении социализма, чтобы Горький окончательно стал на платформу Советской власти большевистского образца…

А в 1922 году Горький тревожился за эсеров и не зря, и – зря… Основных подсудимых, начиная с Абрама Гоца и Дмитрия Донского, а также ещё 13 человек, в том числе – Лидию Коноплёву, Верховный революционный трибунал приговорил к расстрелу, в то же время ходатайствуя перед Президиумом ВЦИК о полном освобождении от всякого наказания восьми других подсудимых, а также – и Лидии Коноплёвой, «вполне осознавших тяжесть содеянного ими преступления».

8 августа 1922 года Президиум ВЦИК расстрельные приговоры утвердил, но «исполнением приостановил», а 14 января 1924 года заменил расстрел лишением свободы на пять лет.

Всё обошлось без ходатайства Анатоля Франса[1334].

Процесс над эсерами выявил очень неприглядные для них вещи, и массовые настроения в стране к 1923 году изменились окончательно в пользу РКП(б). Именно из её рядов черпались основные кадры, при этом как в столицах, так и в провинции образовался огромный массив властных вакансий. В то же время в партии ширился раскол, образовывались «платформы», «фракции», «группы»…

Какой соблазн для карьеристов, авантюристов, себялюбцев, напористых проходимцев и вообще для всех любителей устраивать свои личные проблемки за счёт общества!

Конечно, новая власть была властью абсолютно нового, ранее небывалого типа. Это была жёсткая власть, суровая власть, и те, кто посылал властные импульсы с вершин власти вниз,

были тоже людьми в массе своей аскетичными, неприхотливыми, привыкшими не тешить себя, а жить суровой и напряжённой жизнью деятельного духа, стремящегося к умному и справедливому социальному устройству.

Ленин до смерти жил скромно. Последние годы жизни он жил в комфортабельном дворце в Горках не из-за любви к излишествам, а потому, что ему – уникальному лидеру нации, после ранения требовался особый, щадящий режим жизни и лечения. Горки подходили и потому, что там имелась телефонная связь с Москвой. Да и не всегда Ленин – как читатель позднее убедится, отдыхал в 20-е годы в Горках.

Сталин – даже тогда, когда стал главой сверхдержавы – тоже жил скромно. Да, он жил и проводил «отпуска» на комфортабельных государственных дачах, но это объяснялось не стремлением Сталина к сибаритству и роскоши, а необходимостью обеспечить такой режим «отдыха», который оптимально сочетал бы интересы психофизиологического восстановления великого лидера великой нации и потребности щадящего порядка его ***работы***.

Троцкий же, Зиновьев, Каменев, Рыков и ряд других лидеров партии и государства, уже почувствовали вкус к «изячному» и «коньячному».

Сильная духом часть партийных и советских работников, люди, по позднейшему выражению партизанского генерала Вершигоры, «с чистой совестью», решительно стояли за Ленина и Сталина.

Внутренне же нестойкая часть партийных и советских работников, склонная к позе, к амбициям, к личному преуспеянию и достатку, стала быстро тянуться к Троцкому, как естественному выразителю их настроений.

А кроме того в партии постепенно образовалась не очень многочисленная, но очень напористая группа «правых». Эти исходили из того, что добра от добра не ищут, и раз уж «мы» взяли власть, то не надо дразнить гусей (то есть – капиталистический мир), а надо постараться устроить из России что-то вроде бы социалистическое, но и капиталистическое – тоже.

Собственно, «левый» Троцкий был здесь заодно с «правыми». Недаром у большевиков издавна бытовала присказка: «Пойдёшь налево, придёшь направо». И партия, первые годы шедшая за Лениным безоглядно, теперь оказывалась перед угрозой ширящегося раскола. Уже сталинская статья «Ленин, как вождь и организатор РКП», опубликованная в «Правде» 23 апреля 1920 года к 50-летнему юбилею Ленина, была не столько юбилейной, сколько боевой, полемической.

Сталин начал её так:

«Существуют две группы марксистов. Обе они работают под флагом марксизма, считают себя „подлинно“ марксистскими. И всё-таки они далеко не тождественны. Более того: между ними целая пропасть, ибо методы их работы диаметрально противоположны. Первая группа обычно ограничивается внешним признанием марксизма… Расхождение слова с делом – такова основная болезнь этой группы. Отсюда разочарования и вечное недовольство судьбой, которая сплошь и рядом подводит её, оставляет „с носом“…»[1335]

Далее Сталин писал, что имя этой группе в России – меньшевизм, а в Европе – оппортунизм, и ссылался на давнюю характеристику, принадлежащую видному деятелю польской и немецкой социал-демократии Лео Тышке (1867–1919), убитому в берлинской тюрьме. Тышка однажды метко заметил, что кое-кто не стоит, а **лежит** на точке зрения марксизма.

Сталин не был сторонником раскола, поэтому он писал не об оппозиционерах в РКП(б), а об уже вышедших «в тираж» меньшевиках. Но, говоря о «лежащих» на марксизме деятелях, подразумевал Сталин, вне сомнения, троцкистов и прочих оппозиционеров.

О второй же группе было сказано так:

«Вторая группа, наоборот, переносит центр тяжести вопроса от внешнего признания марксизма на его проведение, претворение в жизнь… В своей деятельности она опирается не на цитаты и изречения, а на практический опыт, проверяя каждый свой шаг на опыте, учась на своих ошибках и уча других строительству новой жизни… Имя этой группы – большевизм, коммунизм.

Организатором и вождём этой группы является В. И. Ленин…»[1336]

Сталин относился ко второй, естественно, группе и был её вторым лидером после Ленина. После смерти Ленина он эту группу возглавил.

Имея же в виду Троцкого и его послеоктябрьских новоявленных адептов, Сталин точно и пророчески – пророчески в отношении Троцкого, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина, Томского, Пятакова и многих других – писал, завершая статью:

«В наше время пролетарской революции, когда каждый лозунг партии и каждая фраза вождя проверяется на деле, пролетариат предъявляет своим вождям особые требования. История знает… вождей бурного времени, вождей-практиков, самоотверженных и смелых, но слабых в теории.

Есть и другого рода вожди, …сильные в теории, но слабые в делах организации и практической работы.

Чтобы удержаться на посту вождя пролетарской революции, необходимо сочетать в себе теоретическую мощь с практически-организационным опытом пролетарского движения…

В этом, между прочим, нужно искать объяснение того факта, что Ленин, и именно он, является ныне вождём самой сильной и самой закалённой в мире пролетарской партии»[1337].

Статья Сталина менее всего была призвана «похвалить» Ленина. Сталин видел свою задачу в ином: весомо и зримо расставить всё по свои местам.

В 1920 году в партии, насчитывающей уже сотни тысяч членов, лишь ***немногие тысячи*** (с учётом потерь в гражданскую войну) ***в полной мере*** сознавали значение и роль Ленина ***в создании*** совершенно новой социалистической партии – партии не рассуждающей, а победоносной! А троцкистский «пиар» вовсю надувал Льва Давыдовича Троцкого.

Вот Сталин и сказал, громко и гласно – кто есть в партии кто!

С момента написания «юбилейной» статьи Сталина прошло два с лишним года, и за это время раскол партии стал фактом, что лучше всего подтверждал сам Ленин в своём обращении к партии – пока что сугубо конфиденциальном, скрытом в засургученном пакете…

Имеется в виду, конечно же, известное ленинское «Письмо к съезду».

Происхождение его таково…

23 декабря 1922 года Ленин уговаривает врачей разрешить ему диктовки по 5-10 минут. Тогда и появилось это знаменитое и вызывающее по сей день столько споров «Письмо». Аутентичность его бесспорна, что доказывают позднейшие публичные ссылки Сталина на него, причём – как раз на его последнюю часть, которая касалась только Сталина.

Вот начало письма:

«Я советовал бы очень предпринять на этом съезде (имелся в виду предстоящий весной 1923 года XII съезд партии. – *С.К.*) ряд перемен в нашем политическом строе…

В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков и даже до сотни… Такая вещь нужна и для поднятия авторитета ЦК, и для серьёзной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, что конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии…

Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз»[1338].

Итак, Ленина тревожила «устойчивость» партии, но он далее прямо заявлял, что «под

устойчивостью Центрального Комитета» он «разумеет меры против раскола». При активно работающем Ленине раскол лишь наметился – окончательно он стал фактом уже после смерти Ленина. И нам сейчас наиболее интересны те строки письма, где Ленин даёт оценки ряду своих коллег.

О Сталине и Троцком Ленин писал вот что:

«Я имею в виду устойчивость как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости… являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, …избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его ***борьба против ЦК*** (жирный курсив везде мой. – *С.К.*) в связи с вопросом о НКПС (наркомат путей сообщения, – *С.К.*), отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно…»[1339]

Уже это мнение Ленина крайне интересно, но далее следует абзац, на мой взгляд, ещё более интересный и важный:

«Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их ***личным*** качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как ***небольшевизм*** Троцкому»…[1340]

Есть выражение: «Убить словом». И это – как раз тот случай. Думаю, Ленин понимал, что сказал. Выдать оценку одному из двух «выдающихся вождей современного ЦК» ***большевистской*** партии как **не**большевику…

Это, знаете ли…

При этом Ленин ещё и подчеркнул, что после характеристики личных (точнее сказать – деловых) качеств Сталина и Троцкого, он даёт уже не личную, а ***политическую*** оценку не только Зиновьеву с Каменевым, но и дополнительно – Троцкому.

И эта ***политическая*** оценка Троцкого была убийственной!

Дал Ленин политическую оценку и двум молодым членам ЦК – Бухарину и Пятакову, о которых он написал: «Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил)…». Но сказано о них было так:

«Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, ***но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским*** (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

Затем Пятаков – человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, ***чтобы на него можно было положиться в серьёзном политическом вопросе***» …[1341]

Ленин, правда, оговаривался, что замечания в части Бухарина (в 1922 году – главный редактор «Правды») и Пятакова (в 1922 году – заместитель Председателя Госплана и Председатель Главного концессионного комитета) он делает «лишь для настоящего времени» и в

предположении, что «эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности».

Однако оба «выдающихся и преданных» работника «случая» учесть ленинскую критику так и «не нашли» – в отличие от Сталина, к слову.

Бухарин годами вилял то справа налево, то слева направо и в итоге вошёл в антисталинский заговор, что было равнозначно антисоветскому заговору, за который полагался один приговор – расстрел. Причём о Бухарине позднее будет сказано кое-что и дополнительно.

Пятаков сразу после смерти Ленина выступил в поддержку Троцкого против Сталина, потом «покаялся», бурно поддерживал Сталина, во время подготовки процесса над Зиновьевым и Каменевым публично требовал для них смертного приговора, но кончил тоже пулей – в 1937 году.

Расстрел Пятаков получил за дело – за руководство троцкистским подпольем, за вполне реальные заговоры. В последнем слове он сказал: «Не лишайте меня одного, граждане судьи! Не лишайте меня права на сознание, что и в ваших глазах, хотя бы и слишком поздно, я нашёл в себе силы порвать со своим преступным прошлым». И 47-летний Георгий Пятаков в таком своём последнем слове был, вне сомнения, искренен.

Его жизнь была насыщенной, но вряд ли можно сказать, что условия его жизни способствовали выработке у него – человека безусловно способного (сам Ленин удостоверил это) – того, что называют идейным и нравственным стержнем личности. Вот эта аморфность позиции при несомненных амбициях в конце концов Пятакова и подвела.

Пятаков родился в 1890 году в Черкасском уезде Киевской губернии в семье управляющего Марьинским сахарным заводом, то есть в детстве и отрочестве лишений и нужды не знал, а вот баловать – баловали.

В пятнадцать лет увлёкся революцией, но – как анархист. Потом – экономический факультет Петербургского университета, откуда его в 1910 году исключают, и Пятаков уходит в профессиональные революционеры уже как большевик. Он арестовывается, ссылается, в октябре 1914 года бежит из ссылки в Швейцарию к Ленину, сотрудничает с ним, конфликтует с ним, и этот сюжет читателю известен.

После Февральской революции Пятаков возвращается в Россию, становится председателем Киевского комитета партии, но…

Но уже в апреле 1917 года выступает против «апрельских тезисов» Ленина, то есть – против идеи пролетарской революции. После Октября Пятаков вместе с Бухариным возглавляет «левых коммунистов» и выступает против Ленина и Брестского мира с позиций «революционной войны».

Колебания, неустойчивость, а в итоге…

Что ж, Ленин был прозорлив. Зная Пятакова прекрасно ещё со времён совместной работы и жизни в эмиграции, он совершенно справедливо сомневался, что на Пятакова можно положиться в серьёзном политическом вопросе.

Ленин это предполагал.

Сталину пришлось со временем в этом убедиться.

1923 год начался для прикованного к постели Ленина с диктовок его так называемых «последних писем и статей». Однако и «грузинское дело» волновало Владимира Ильича чрезвычайно, и дневник его дежурных секретарей то и дело фиксирует его постоянное внимание к этому «делу». Оплеухе, которую дал Серго в сердцах негодяю Кобахидзе, Ленин даже название особое придумал – «биомеханика» (ПСС, т. 45, примеч. 288 на с. 606).

30 января 1923 года дежурный секретарь Лидия Фотиева записала:

«24 января Владимир Ильич вызвал Фотиеву и дал поручение запросить у Дзержинского или Сталина материалы комиссии по грузинскому вопросу и детально их изучить… Он сказал: „Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об ‘инциденте’, и это на меня очень тяжело повлияло“…»

Да, повлияло.

Ещё и как!..

Можно ли, однако, винить Дзержинского в том, что он осведомил больного Ленина об оплеухе? Пожалуй что, и нет. Не сделал бы этого Дзержинский, сделали бы другие – нашлись бы информаторы. В результате Ленин всё равно разволновался бы, а при этом перестал бы доверять Дзержинскому.

Нет, добивали здоровье Ленина, и вполне сознательно, Троцкий, Каменев, Бухарин, Зиновьев, возможно и Рыков…

3-го февраля 1923 года Ленин опять возвращается к «грузинской комиссии»…

И 5-го февраля…

И 7-го…

И 14-го…

Ту настойчивость, с которой Ленин раз за разом возвращался мыслью к этому дутому «вопросу», иначе как болезненной не назовёшь! Но ведь Ленин и был тогда болен. Он ещё сохранял ясность мысли, однако эмоции, судя по «тревогам» Ленина, оказывались уже спутанными.

А вот то, с какой настойчивостью хрущёвцы в 1956 году начали раздувать якобы конфликт Ленина со Сталиным в начале марта 1923 года, не назовёшь иначе как ***преступлением*** против исторической истины. Речь – о якобы грубости Сталина по отношению к Крупской…

Дело это вытащили на свет божий хрущёвцы – вначале именно хрущёвцы, а не сам Хрущёв, потому что не Хрущёв же рылся в архивах [или (sic!) фальсифицировал их!].

Вначале Шепилов с Поспеловым (а, может, и кто-то безымянный) включили в материалы пресловутого доклада о «культе личности», а 25 февраля 1956 года Хрущёв зачитал два «сенсационных» текста: письмо Крупской Каменеву от 21 декабря 1922 года, где Крупская жалуется на Сталина, и раздражённое письмо Ленина Сталину от 5 марта 1923 года.

Известный марксист, профессор Косолапов пишет, что Хрущёв этим представил партии Сталина как человека, «чуть ли не проклятого Лениным»[1342].

Из сообщения Хрущёва следовало, что Сталин якобы накричал на Крупскую за то, что она нарушает решение пленума ЦК о соблюдении режима, установленного врачами для Ленина, а Крупская якобы обиделась, пожаловалась Каменеву и Ленину, и Ленин якобы вскипел.

Собственно, издёрганный болезнью Ленин, может быть, и вскипел, но «накаляла» его явно не Крупская! Беспокоить тяжело заболевшего Ленина подобными вещами мог лишь враг Ленина, а Крупская мужа любила.

Кто же тогда провоцировал Ленина?

И когда?

Как ни странно, ответ на этот вопрос отыскивается, пожалуй, в письме Ленина Сталину от 5 марта 1923 года, хотя нельзя быть уверенным, что это письмо во всех его частях писал (точнее – диктовал) сам Ленин. К слову, вообще не факт, что он его диктовал!

Сомнение вызывает уже «шапка» письма:

«*Товарищу Сталину*

Строго секретно

Лично

Копия: тт. Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин!..»

Мог ли это надиктовать Ленин? В отношениях ***с товарищами*** он всегда проявлял величайшие деликатность и такт – это отмечают все. Но как же можно направлять кому-то ***личное*** письмо и в то же время адресовать его ***кому-то другому*** в копии?

Нет, на Ленина это никак не похоже!

В тот день – 5 марта 1923 года, он (вне сомнений – он) продиктовал одно письмо с такой же «шапкой» («Строго секретно. Лично») – письмо Троцкому. И хотя оно не носило очень уж личного характера – скорее напротив, никаких его копий Ленин никому не адресовал. А тут – налицо явная бестактность по отношению к Сталину, которого якобы Ленин обвинял, как мы сейчас увидим, в бестактности.

Как это понимать?

Ну, если это была антисталинская каверза, то наличие в диктовке адресации якобы ***лично Лениным*** копии Каменеву и Зиновьеву было провокаторам просто-таки необходимо – по вполне понятным причинам.

Ведь далее следовало вот что:

«*Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать её. Хотя она и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через неё же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.*

С уважением Ленин»[1343]

Ну, а как понимать ***это***?

Мало того, что это мало похоже (а, точнее, вообще не похоже) на эпистолярный стиль Ленина, это не похоже, прежде всего, на человеческий стиль Ленина!

Ленин был не человек, а человечище, к тому же – политик самого крупного калибра. А из письма проглядывает провинциальный «личарда» – мелочно обидчивый… Некое объединённое, так сказать, воплощение гоголевских Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

Нет, воля ваша, ***этого*** Ленин не диктовал. А если даже это было записано дежурным секретарём Володичевой (насколько точно?) под его, всё же, диктовку, то продиктовала эти строки, опять-таки, болезнь Ленина.

При этом достаточно открыт по сей день вопрос о том, кому – Ленину, или кому-то другому, принадлежит добавление к «Письму к съезду», продиктованное Лениным (?) 4 января 1923 года Лидии Фотиевой…

Вот это добавление – полностью:

«*Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мной выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение*»[1344]

Именно эту диктовку чаще всего объявляют поддельной, и с такой оценкой спорить сложно.

Ведь классические «идеологи ЦК КПСС» связывали это добавление с якобы «грубостью» Сталина, проявленной по отношению к Крупской, однако этого не могло быть никак, поскольку 4 января 1923 года Ленин – как мы ниже увидим – ни о чём ещё осведомлён не был. То есть, у Ленина личных причин аттестовать Сталина как грубияна, не было. Зато это добавление было очень на руку Троцкому в его борьбе против Сталина.

Тем не менее, конфликт-то у Сталина с Крупской был? – может спросить читатель.

Судя по документам – был.

Но – когда!?

21 декабря 1922 года Ленин продиктовал Крупской письмо Троцкому по вопросу о монополии внешней торговли. Сталин, на которого решением пленума от 18 декабря была возложена персональная ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для Ленина, Крупскую выругал.

Нервы тогда у всех были напряжены до предела – никто не ожидал, что Ленин опять выйдет из строя так быстро, и ***23 декабря 1922 года*** Надежда Константиновна чисто по-житейски пожаловалась на Сталина в письме Каменеву – как «старинному другу» Ленина, прося «оградить её от грубого вмешательства в личную жизнь» и т. д.

Кому ещё она могла пожаловаться в таком деликатном деле? Здесь ведь надо было обратиться к тому, кто мог бы авторитетно попенять Сталину, но – по-свойски, по-партийному[1345].

Ленин обо всём этом ***тогда*** так и не узнал.

Закончился декабрь 1922 года, прошли январь и февраль 1923 года, и вдруг ***5 марта 1923 года*** Ленин – ни с того, ни с сего, начинает (?) диктовать (?) письмо, касающееся конфликта, случившегося ***21 декабря 1922 года***!

Лезет ли это в какие-то ворота?

В примечании 541 в 54-м томе ПСС сказано: «Н. К. Крупская рассказала об этом факте В. И. Ленину, судя по всему в начале марта 1923 года. Узнав о происшедшем, В. И. Ленин и продиктовал публикуемый документ».

Но с чего бы в марте 1923 года Крупской ворошить прошлое более чем двухмесячной давности и «вздёргивать» Ленина?

Другое дело – Каменев и Зиновьев…

К тому же есть свидетельство Марии Ильиничны Ульяновой, что Крупская, услышав о письме Сталину 5 марта от дежурного секретаря М. А. Володичевой, просила её не посылать письмо адресату. Это косвенно доказывает, что не Крупская была инициатором возобновления в ***марте 1923 года*** конфликта, относящегося к ***декабрю 1922 года***, и что не Крупская информировала Ленина о конфликте!

Выстраивается следующая версия…

Крупская 23 декабря 1922 года пожаловалась Каменеву, тот насплетничал Зиновьеву, и оба – выждав время, самым подлым образом выложили всё это Ленину лично ***или через кого-то***, и спровоцировали его письменную реакцию.

Есть ли иное объяснение их действиям, кроме того, что Каменев и Зиновьев ***сознательно*** хотели ухудшить самочувствие Ленина – вплоть до нового паралича? Вполне «подвёрстывается» к этой версии и Троцкий, да и тот же Бухарин.

Собственно, так оно и случилось – в итоге Ленин с начала весны 1923 года вышел из строя окончательно, до конца жизни.

Пищу для сомнений даёт и то, что в Полном собрании сочинений дневник дежурных секретарей Ленина опубликован очень не полностью: последними приведены записи – за 10, 12

и 14 февраля, затем сразу – за 5 и 6 марта, на чём дневник и кончается.

Что происходило вокруг Ленина всю вторую половину февраля и начало марта 1923 года?

Навещал ли его кто, и если навещал, то – кто?

И были ли все визиты – если они были, зафиксированы в журнале дежурных секретарей?

И вёлся ли тогда дневник вообще?

А если не вёлся, то – почему?

Или, может быть, он был попросту уничтожен?

Но тогда – кем и когда?

Наводит на размышления фиксация концовки всего этого дела в дневнике дежурных секретарей Ленина. Последняя запись в нём была сделана Володичевой 6 марта 1923 года, однако, как сообщается в примечании 297 45-го тома Полного собрания сочинений, текст в дневнике, начинающийся со слов «Надежда Константиновна просила…» и касающийся письма Ленина Сталину, был записан почему-то стенографическими знаками.

И ленинский секретарь Володичева (1891–1973) якобы «расшифровала» его лишь 14 июля… 1956 (пятьдесят шестого) года! То есть, почему-то, ***через тридцать три года после записи***, но…

Но – всего через пять месяцев после XX съезда и хрущёвского доклада «О культе личности». Как-то очень уж кстати оказалась «расшифровка» 65-летней Володичевой этой антисталинской «записи».

Ленин умер в 1924 году, Крупская – в 1939-м… Сталин в 1953 году был отравлен… Опрашивать – так всё происходило, или не так, было некого. И ссора Ленина со Сталиным со времени доклада Хрущёва считается достоверным фактом. Хотя действительно достоверно во всей этой истории лишь то, что Крупскую подзуживали против Сталина Каменев и Зиновьев при скрытом участии Троцкого, и делали они это в видах диверсии против здоровья Ленина.

Кто-то может спросить – а зачем это нужно было Каменеву, Зиновьеву, Троцкому, Бухарину?

Вдумчиво всмотревшись в те дни, читатель и сам, пожалуй, сможет ответить на такой вопрос, а я на нём остановлюсь позже – в главе «Тайна последних дней». Сейчас же отвечу так: Ленин уже не был нужен Каменеву, Зиновьеву, Троцкому, Бухарину и К^{о}, он им начинал всё больше мешать. И особенно они боялись упрочения связки «Ленин – Сталин».

Конечно, напрашивается замечание: «Так что же это получается? Говорили-говорили, писали-писали: „Пламенные революционеры, борцы за счастье народа“, а на деле – интриги, кланы, личные интересы и мелкие страстишки?»

Ответ здесь прост: да, что было, то было!

В большом деле – а профессиональная революционная работа до революции и, тем более, профессиональная государственная и партийная работа после революции были большим делом – всегда не без урона и не без урода…

Все крупные большевики, и даже такие небольшевистские фигуры как Троцкий, приходили в молодости в революционную работу исключительно по идейным соображениям – тут двух мнений быть не может. Даже меньшевики особых коврижек от жизни не имели – ели чёрствый хлеб революционера-профессионала, хотя большинство из руководства РСДРП вполне могло бы лакомиться филипповскими сайками, если бы пошло на соглашение с совестью.

Многие ведь и пошли, отходя от партийной работы – особенно после революции 1905 года. А тот, кто оставался, тянул партийную «лямку» иногда уже по привычке – революция становилась работой.

Но когда революция подняла былых борцов с царской властью на государственные высоты, поставила во главе России, начался процесс почти неизбежный: кто-то «вынес огонь сквозь потраву», а кто-то – и нет.

Расхожие сентенции насчёт того, что «революцию делают идеалисты, а плодами её пользуются негодяи», и что «революция пожирает своих детей» применительно к Октябрьской революции не работают и глупы!

Сегодня, когда классовый подход к оценке событий и фактов почти утрачен, мало кто понимает, что Октябрьская революция ***принципиально*** отличалась от английских, французских, германских, бельгийских и итальянских революций – Великих и не великих, «славных» и прочих – тем, что все предыдущие революции были ***политическими***.

Они заменяли один политический строй другим: феодализм – буржуазной республикой, например, но ***не меняли сути имущественных отношений*** в обществе. Во Франции и короля Людовика XVI, и Робеспьера, и Директории, и Наполеона имелись те, кто стрижёт, и те, кого стригут. И до, и во время, и после политических революций политическая и экономическая власть принадлежала имущим.

А Октябрьская революция была первой успешной ***социальной*** революцией! Она ликвидировала экономическую основу политической власти имущих – крупную частную собственность на средства производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Впервые в мировой истории в результате революции не образовался класс новых собственников, а это означало, что никто из вождей Октябрьской революции не мог стать российским аналогом Сийеса или Барраса – ренегатов и гробовщиков Великой Французской революции. На Октябрьской революции никто из её вождей миллионов золотом не заработал – в отличие от французских жирондистов, например.

Однако и в условиях государства пролетарской диктатуры не все выдерживали испытание новым своим положением в обществе. Достойно выдержать испытание благополучием намного сложнее, чем испытание невзгодами. Наиболее грустный пример здесь – маршалы Наполеона… В молодости – тощие, с сердцами, «живыми для чести», они шли под пули, рисковали и побеждали. Но когда их вождь ос***ы***пал их золотом и титулами, они быстро обросли телесным и духовным жирком и наплевать им стало и на их вождя, и на интересы нации.

Не всем, конечно, но…

Ленин никого золотом не осыпбл, однако часть его былых соратников тоже стала на государственных постах обрастать амбициями, уверенностью в своей значимости…

Им уже не хотелось идти в политике на риск и новизну… И всё более тем, кто обрастал «жирком», начинало казаться, как уже ранее говорилось, что они «и сами с усами» – помимо Ленина… А «Ильич»-де, физически сдаёт и нового момента не понимает.

Феликс Чуев, автор нашумевшей в своё время книги «Сто сорок бесед с Молотовым», сделал очень нужное дело, записав свои беседы с Молотовым, который к 70-м годам XX века стал единственным, кто хорошо, деловым и повседневным образом знал всех советских послеоктябрьских вождей, начиная с Ленина.

Кое в чём (это – вне сомнений) престарелый Молотов напутал, кое в чём, увы, солгал, но в целом его свидетельства крайне ценны. Можно даже сказать – бесценны для человека, знающего и понимающего ту эпоху. Так вот, как ни странно, но Молотов и через десятилетия очень высоко ценил как партийных теоретиков и Каменева, и Зиновьева, и Бухарина…

Можно представить, как высоко ценили они себя ***сами*** – однозначно ***очень*** себя переоценивая! А это автоматически означает, что они недооценивали Ленина. Недооценивали не после его смерти, а при его жизни – в реальном масштабе политического времени. Прибавим сюда ещё и скрытое высокомерие по отношению к «практику» Сталину.

Отсюда – и интриги…

Ведь испытание властью – самая точная, после испытания физическими пытками, проверка подлинных натуры и масштаба человека.

Одни – как Ленин, Сталин, Дзержинский, тот же Молотов, и им подобные восприняли данную им власть как крест, как долг перед обществом, как изнурительную обязанность.

Другие – как Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин и им подобные восприняли власть вначале тоже как долг, но с годами всё более смотрели на неё как на своё право, на возможность, на образ жизни. Как говорят обыватели: «Чем больше власти, тем больше сласти»…

И это тоже подталкивало к интригам.

Троцкий, к тому же, возможно стал к 1917 году – ещё до Октября, талантливым тайным эмиссаром Золотого Интернационала, имеющим цель, удерживаясь у власти, всемерно ослаблять Советскую власть.

Не интриганы, нет, определяли общую ситуацию в партии и стране: на судьбы России с Октября 1917 года решающим образом стали влиять народные массы России, ведомые Лениным и его подлинными соратниками и единомышленниками. Однако интриганы могли принести много вреда.

И приносили.

Возвращаясь же в начало марта 1923 года, сообщу, что 5-го марта Ленин продиктовал упомянутое выше письмо Троцкому с просьбой взять на себя защиту «грузинского дела» поскольку-де «дело это сейчас находится под „преследованием“ Сталина и Дзержинского» и Ленин не может «положиться на их беспристрастие» и «даже совсем напротив» (ПСС, т. 54, с. 329)…

Троцкий, ссылаясь на болезнь, отказался, прекрасно понимая, что подобная защита объективно подорвёт его позиции постольку, поскольку защищать ему пришлось бы явных авантюристов и сепаратистов.

А последней диктовкой в жизни Ленина – не только политической жизни, но и жизни вообще, стало письмо группе Мдивани, которое он продиктовал 6 марта:

«Строго секретно

тт. Мдивани, Махарадзе и др.

Копия – тт. Троцкому и Каменеву

Уважаемые товарищи!

Всей душой слежу за вашим делом. Возмущён грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Орджоникидзе.

Готовлю для вас записки и речь.

С уважением Ленин»[1346].

Это письмо было, повторяю, последним, что продиктовал Ленин в своей жизни. В тот же день 6-го марта 1923 года у него началось очередное обострение болезни. 10 марта 1923 года это привело к усилению паралича правой части тела и к потере речи.

Добили-таки Ильича Троцкий, Каменев с Зиновьевым и грузинская склока, затеянная Мдивани!

Известно ответное письмо Сталина на письмо Ленина. Ленину его уже не прочли – ответ пришёл после катастрофы. А вот нам его знать не мешает:

«*Т. Ленину от Сталина.*

Только лично.

Т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: „Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем, Вы, Надежда Константиновна, оказываетесь нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича“ и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое „против“ Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрейшего Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения „отношений“ я должен „взять назад“ сказанные выше слова, я могу их взять назад, отказываясь, однако понять, в чём тут дело, где моя „вина“ и чего собственно от меня хотят.

И. Сталин»

Напомню, что Крупская, узнав от Володичевой о раздражённом письме якобы Ленина Сталину, просила его адресату не направлять. Тем не менее Володичева Сталину письмо передала. Причину этого она объясняла путано.

Дежурные секретари Ленина вообще поступали в тот период порой до странного странно. Так, Фотиева – что следует из её собственной записи в дневнике секретарей 3 февраля 1923 года – весьма неловко, чуть ли не нарочно, «проговорилась» Ленину кое о чём, связанным с «грузинским делом», хотя знала, как оно его нервирует…

Темна вода во облацех, но ясно одно: троцкисты начинали действовать путём интриг.

Должен сказать, что, уже разработав вышеописанный сюжет, я познакомился с книгой Рудольфа Баландина «Тайны завещания Ленина». Автор её – серьёзный исследователь, с выводами которого не всегда можно соглашаться, но знать которые всегда полезно, да и необходимо – я в этом убеждался и ранее. И если в том или ином случае имеет место совпадение моих собственных оценок с баландинскими, то лично для меня это становится лишним подтверждением того, что та или иная ситуация, тот или иной сюжет реконструированы верно.

Так вот, многие обстоятельства «декабрьско-мартовского» инцидента с якобы грубостью Сталина оценены Баландиным примерно так же. В частности, Рудольф Константинович задаётся теми же вопросами: «Кто сообщил Ленину о ссоре? Зачем это было сделано? Почему вдруг именно в данный момент ему был передан „компромат“ на Генерального секретаря? Могло ли так произойти случайно?», и далее он же пишет: «Большое недоумение вызывает то обстоятельство, что речь шла об инциденте, происшедшем два месяца назад. Он давно уже был исчерпан. С тех пор Сталин не раз общался с Крупской. Лично ей не было никакого смысла ворошить прошлое»…[1347]

Здесь ведь всё логично!

При этом Р. К. Баландин тоже считает, что в те дни против здоровья Ленина совершалась прямая диверсия – прежде всего Троцким.

В развитую сталинскую эпоху подобные обвинения в адрес Троцкого, а также – Каменева, Зиновьева и Бухарина, были, впрочем, общеупотребительными и общеизвестными. Лишь наступивший ползучий ренессанс троцкизма при скрытом троцкисте Хрущёве вывел из общественного внимания очевидный факт злоумышлений «четвёрки» против Ленина. Точнее, этот факт стали подавать как якобы сталинскую инсинуацию в адрес упомянутых «верных ленинцев»…

А факт-то был!

Март в советской истории оказался зловещим годом: 5 марта 1953 года скончался Иосиф Сталин. А ровно за тридцать лет до этого – 6 марта 1923 года, умер – как политический деятель, как живой вождь масс, Владимир Ленин.

С этого момента страна и партия привыкают жить «без Ленина», хотя формально Ленин до смерти оставался членом ЦК и Политбюро ЦК, Председателем Совета Народных Комиссаров

СССР, председателем Совета Труда и Обороны…

В Центральный Комитет, избранный в 1922 году XI съездом РКП(б) – последним «ленинским» съездом партии, входили члены ЦК Андреев, Бухарин, Ворошилов, Дзержинский, Зеленский, Зиновьев, Калинин, Каменев, Коротков, В. Куйбышев, Ленин, Молотов, Орджоникидзе, Петровский, Радек, Раковский, Рудзутак, Рыков, Сапронов, Смирнов А. П., Сокольников, Сталин, Томский, Троцкий, Фрунзе, Чубарь и Ярославский, а также кандидаты в члены ЦК Бадаев, Бубнов, Гусев, Киров, А. Киселёв, Н. Комаров, Кривов, Лебедь, Лепсе, Лобов, Мануильский, Микоян, В. Михайлов, Пятаков, Рахимбаев, Сафаров, Смилга, Сулимов и Шмидт.

Из этого списка кроме первых фигур антисталинской оппозиции – Бухарина, Зиновьева, Каменева, Раковского, Рыкова, Сокольникова и Пятакова в период чисток 1937-38 годов были репрессированы также Бубнов, Радек, Рудзутак, Томский, Чубарь, Исаак Зеленский (член партии с 1896 года), Киселёв (член партии с 1898 года), Комаров, Лебедь (член партии с 1909 года), Лобов (член партии с 1913 года), Михайлов, Рахимбаев, Смирнов (член партии с 1906 года), Смилга (член партии с 1907 года), Сулимов (член партии с 1905 года), Шмидт (член партии с 1905 года).

Репрессирована была, другими словами, примерно половина последнего «ленинского» (то есть – при деятельном Ленине избранного) состава ЦК.

Но был ли даже этот ЦК полностью ленинским, ленинским без кавычек?

Увы, нет!

Уже в этом составе хватало и троцкистов, и других – бывших и будущих оппозиционеров.

При этом не стоит забывать, что по крайней мере пяти членам ЦК (Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину и Пятакову) сам Ленин выразил, в той или ной форме, политическое недоверие – в его «Письме к съезду». Остальные, выпавшие из «обоймы», члены последнего «ленинского» ЦК политически оказались людьми тоже непрочными. Противостояли они Сталину рьяно, но причины всегда были мелкими…

Крайне завышенные самооценки…

«Обиды» «старых партийцев», которые начинали борьбу «даже раньше Кобы», на то, что Сталин выдвигает на первые роли других…

Вульгарное моральное перерождение и ещё более вульгарное моральное разложение…

Много, много было таких факторов и причин, которые вначале рождали зависть и недовольство, а потом – амбициозные заговоры.

Ещё при живом, но уже не руководящем, глубоко больном Ленине, Троцкий с «компанией» спровоцировал в октябре 1923 года так называемое «Заявление 46-ти», подписанное совместно троцкистами, «децистами» (группой «демократического централизма»), бывшими «левыми коммунистами» и членами «рабочей оппозиции». Все эти группы были при их возникновении, собственно, антиленинскими.

Но Ленин умирал в Горках, и теперь эти группы оказывались уже антисталинскими, утверждая при этом, что они-то как раз и есть ленинцы.

Угу!..

«Сорок шесть» заявляли, что партийный аппарат (читай – Сталин) подменил партию, что необходимо восстановить свободу фракций и группировок, запрещённую решением X съезда партии.

Итак, вместо дела опять предлагались дискуссии?

Точнее – склоки…

Склоку Троцкий устроил уже на XII съезде ВКП(б), который проходил впервые без Ленина. Причём в антисталинской кампании приняли участие даже очень близкие к Ленину – близкие служебно, люди.

Так, Лидия Фотиева почему-то как раз накануне съезда передала в Политбюро (собственно – Троцкому) ленинское письмо «К вопросу о национальностях или об „автономизации“». Иначе как попыткой ударить Лениным по Сталину это не назовёшь.

И сколько таких попыток было потом – после смерти Ленина! Якобы Лениным по Сталину бил Хрущёв… Этим же занимался агент влияния Запада в брежневском и горбачёвском ЦК КПСС «Александр Н.» Яковлев – о чём ещё будет сказано.

17 апреля 1923 года открылся XII съезд партии, и на заседании президиума съезда было принято решение огласить письмо Ленина «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» на заседании сеньорен-конвента (совещании представителей делегаций) 18 апреля и затем – ещё и на собраниях делегаций.

Это было, конечно, «шпилькой» «дуумвирата» Троцкого и Каменева в адрес Сталина, но существенного значения не имело – партийный и государственный авторитет Сталина уже не могли поколебать (а тем более – сокрушить) никакие диверсии.

Примерно за три недели до начала съезда – 24 марта 1923 года, Сталин опубликовал в «Правде» одобренные Центральным Комитетом партии тезисы к XII съезду РКП(б) по национальным моментам в партийном и государственном строительстве.

Ленин их прочесть уже не мог, а если бы мог, то убедился бы, что его тревоги относительно «администрирования» Сталина и его якобы «великорусского шовинизма» были ложными. Написанные Сталиным тезисы полностью учитывали мнение Ленина в той мере, в какой оно соответствовало реальному положению дел и реальным проблемам.

Уже на съезде, отвечая на поправки к резолюциям, Сталин сказал: «Весь национальный вопрос мы поставили в связи со статьёй Ильича…»

Это вполне характерно для отношения Сталина к Ленину. Сталин сознавал, что Ленин порой прав даже тогда, когда не прав, – недаром говорят, что заблуждения гения интереснее тривиальных истин.

У Сталина при этом доставало собственной гениальности для того, чтобы даже в заблуждениях Ленина усмотреть рациональное зерно, так что сталинские тезисы к партийному съезду отражали и точку зрения Ленина.

В частности, Сталин писал:

«Одним из ярких выражений наследства старого следует считать тот факт, что Союз Республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равноправных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого „единого-неделимого“. Осуждая такое понимание, как антипролетарское и реакционное, съезд призывает членов партии зорко следить за тем, чтобы объединение республик и слияние комиссариатов не было использовано шовинистически настроенными советскими чиновниками как прикрытие их попыток игнорировать хозяйственные и культурные нужды национальных республик…»[1348]

Троцкий лез в конфликт, Сталин же до последнего исходил из того, что худой мир лучше доброй ссоры. 2 декабря 1923 года он сделал доклад на расширенном заседании Краснопресненского райкома РКП(б), где говорил о дискуссии, как о признаке силы партии. В конце же, имея в виду «статейку» некоего Радзина, обосновывавшего принцип «неограниченной дискуссии» ссылкой на Троцкого, который якобы сказал, что партия – это «добровольный союз единомышленников», Сталин говорил:

– Я искал в трудах Троцкого эту фразу, но не мог её найти. Да едва ли Троцкий мог это сказать, как законченную формулу определения партии, а если он сказал, то едва ли он поставил здесь точку. Партия не есть только союз единомышленников, она есть, кроме того, союз

единодействующих, боевой союз единодействующих, борющихся на основе общей идейной базы… Я считаю ссылку на Троцкого неправильной, ибо я знаю Троцкого, как одного из тех членов ЦК, которые более всего подчёркивают действенную сторону партийной работы…[1349]

КАК ВИДИМ, Сталин, находясь полностью на ленинской позиции, старался быть по отношению к Троцкому лояльным. 6 декабря 1923 года всё это было опубликовано в «Правде», и это был ясный, обращённый к троцкистам, призыв к ***единым*** действиям.

А Троцкий?

Ну, Троцкий не был бы Троцким, если бы этому призыву внял. Ему не нужно было сотрудничество со Сталиным. Ему нужно было единоличное первенство. К слову, в реальном масштабе времени ни в РКП(б), ни затем в ВКП(б) не было в ходу понятие «сталинцы» – говорили лишь о ленинцах.

И ещё – о троцкистах.

Деталь ведь показательная, как сейчас говорят, – ***знаковая***! Вдумчивый анализ лишь одной этой детали позволяет понять – ***кто*** раскалывал партию.

При этом отдельным вопросом оказывается вопрос – только ли ввиду личных амбиций Троцкий раскалывал партию, или это был социальный заказ Запада, выполняемый Троцким?

Но это – тема действительно отдельная…

Что же до призыва Сталина к действенной партийной работе, то Троцкий тут же «откликнулся» письмом в ЦК, где распинался о бюрократизме-де партийного аппарата и заявлял:

«*Перерождение „старой гвардии“ наблюдалось в истории не раз… Мы должны сказать, – именно мы, „старики“, – что наше поколение, естественно играющее руководящую роль в партии, не заключает в себе, однако, никакой самодовлеющей гарантии против постепенного и незаметного ослабления пролетарского и революционного духа… Молодёжь – вернейший барометр партии – резче всего реагирует на партийный бюрократизм… Нужно, чтобы молодёжь брала революционные формулы с боем*…»[1350]

Всё это было безответственной провокационной болтовнёй. Россия начинала новый сложнейший, ответственейший этап своей истории, и по всему получалось так, что основную управляющую роль на себя придётся взять партии. Это означало, что партия всё более должна становиться, по сути, не только политической, но и государственной структурой, организующей повседневную жизнь страны во всех её сферах, и прежде всего – в сфере материального производства, в сфере экономики. А Троцкий провоцировал молодых членов партии на то, чтобы они вместо освоения науки делового управления (что без налаженной аппаратной работы невозможно) брали «с боем» «революционные формулы».

Сталину пришлось выступить в «Правде» 15 декабря 1923 года с новой статьёй «О дискуссии», где он, демонстрируя способность в полемике к тонкой и умной иронии, язвительно замечал:

«…я должен рассеять одно возможное недоразумение. Троцкий, как видно из его письма, причисляет себя к старой гвардии большевиков, проявляя тем самым готовность принять на себя те возможные обвинения, которые могут пасть на голову старой гвардии, если она в самом деле станет на путь перерождения. Нужно признать, что эта готовность жертвовать собой, несомненно является чертой благородства. Но я должен защитить Троцкого от Троцкого, ибо он, по понятным причинам, не может и не должен нести ответственность за возможное перерождение основных кадров старой большевистской гвардии. Жертва, конечно, дело хорошее, но нужна ли она старым большевикам? Я думаю, она не нужна…»[1351]

Пикантность ситуации заключалась в том, что подающий себя как партийного «старика»

Троцкий стал членом большевистской партии лишь в… августе 1917 года, а до этого был, чаще всего, не просто противником Ленина и большевизма, но был противником злостным, заслужив от Ленина прозвище «Иудушка»…

Глубоко, смертельно больной Ленин был ещё жив, его «Письмо к съезду», продиктованное год назад, в декабре 1922 года, и содержавшее оценку Троцкого как **не**большевика, ещё хранилось в запечатанном конверте у Крупской, и партия ещё не знала об убийственной для Троцкого ленинской оценке. Однако Сталин, как видим, и без неё относительно Троцкого не заблуждался. И, хотя и тонко, но внятно указал на важнейшую особенность политического облика Льва Давыдовича: его крайнюю политическую молодость как «большевика».

Ленин в это время боролся с болезнью, находясь в Горках. А новая, провозглашённая год назад страна – Союз Советских Социалистических Республик, не могла жить и развиваться без мощного лидера, способного вести страну верным курсом.

Быть же таким лидером мог только Сталин.

Глава 42. Ленин и Сталин – «тандем» века

В фотолетописи советской истории есть просто-таки «знаковое» и очень мажорное по настроению фото, сделанное Марией Ильиничной Ульяновой, скорее всего, 30 августа 1922 года. На фото сняты сидящие на парковой скамье Ленин и приехавший к нему в Горки Сталин.

А 15 сентября 1922 года Сталин по просьбе редакции «Правды» написал заметку «Ленин на отдыхе» – о своей поездке в Горки 12 сентября 1922 года.

Как заправский репортёр, Сталин сумел выделить главное, для читателя интересное, и написал о Ленине живо, динамично, по-журналистски наблюдательно.

Вот так:

«…Мне приходилось встречать на фронте старых бойцов, которые, проведя „напролёт“ несколько суток в непрерывных боях, без отдыха и сна, возвращались потом с боя как тени, падали как скошенные, и, проспав „все восемнадцать часов подряд“, вставали после отдыха свежие для новых боёв, без которых они „жить не могут“. Тов. Ленин во время моего первого свидания с ним в июле, после полуторамесячного перерыва, произвёл на меня именно такое впечатление старого бойца, успевшего отдохнуть после изнурительных непрерывных боёв и посвежевшего после отдыха, но со следами усталости, переутомления…

– Мне нельзя читать газеты, – иронически замечает тов. Ленин, – мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, валяющийся на столе, боясь, как бы он не оказался газетой и как бы не вышло из этого нарушения дисциплины.

Я хохочу и превозношу до небес дисциплинированность тов. Ленина. Тут же смеёмся над врачами, которые не могут понять, что профессиональным политикам, получившим свидание, нельзя не говорить о политике…

Он не торопится высказать своё мнение, жалуясь, что отстал от событий. Он главным образом расспрашивает и мотает на ус. Очень оживляется, узнав, что виды на урожай хорошие…»[1352]

Написав о свидании с Лениным в июле, Сталин имел в виду свои впечатления от первого приезда в Горки после того, как Ленин уехал туда на отдых 23 мая 1922 года.

25 мая у Ленина в Горках случился приступ болезни с частичным параличом правой руки и правой ноги и расстройством речи, но через полтора месяца он оправился настолько, что с 11 июля смог принимать деловых посетителей.

И начал со Сталина.

Сообщу в скобках, что до той встречи 12 сентября 1922 года со Сталиным, которую последний описал 15 сентября в «Правде», Ленин провёл в Горках и ещё ряд бесед, в том числе: 14 июля – с Каменевым; 16 июля – с Бухариным; с 28 июля по 3 августа – с Зиновьевым, Каменевым, Сталиным и Троцким о подготовке XII Всероссийской партконференции; отдельно со Сталиным – 5, 19 и 30 августа…

Судя по тону заметки Сталина, 12 сентября в Горках было солнечно, во всяком случае – в беседах Ленина со Сталиным, и Сталин описывал тот день весело:

На этот раз тов. Ленин окружён грудой книг и газет (ему разрешили читать и говорить о политике без ограничения). Нет больше следов усталости, переутомления. Нет признаков нервного рвения к работе, – прошёл голод. Спокойствие и уверенность вернулись к нему полностью. Наш старый Ленин, хитро глядящий на собеседника, прищурив глаза…[1353]

Это написано с товарищеской любовью, и это точно выражало отношение Сталина к Ленину.

Сталин писал о Ленине не раз, но при его жизни – лишь эту вот заметку, и ещё – ту статью к

50-летнему юбилею Ленина, о которой читатель знает.

После смерти Ленина Сталин обращался к теме Ленина часто и всегда говорил и писал о Ленине ярко, точно, глубоко и взволнованно.

Достаточно напомнить траурную речь Сталина на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 года; его речь на вечере кремлёвских курсантов 28 января 1924 года, когда Сталин назвал Ильича «горным орлом»; лекции, читанные Сталиным в Свердловском университете в 1924 году «Об основах ленинизма»; речь «Троцкизм или ленинизм?» на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 года; сталинскую работу 1926 года «К вопросам ленинизма»… Знакомства со всеми этими речами и статьями достаточно для того, чтобы понять – из всех соратников Ленина ***политически*** Ленина верно понимал до конца только Сталин.

А понимал ли Сталина Ленин?

До октября 1917 года Ленин и Сталин встречались не часто, а вот с Каменевым, Зиновьевым Ленин жил в эмиграции бок о бок годами, да и с тем же Бухариным был вполне близок. Тем не менее на Пражской конференции 1912 года по предложению Ленина именно Сталин был избран руководителем Русского бюро ЦК, то есть органа, который организовывал всю практическую работу большевиков в России!

После Февраля 1917 года начинается первый период непосредственной и повседневной совместной деятельности Ленина и Сталина, и уже этот период оказался результативным и плодотворным.

После Октября 1917 года Сталин окончательно вошёл в ближайшую «команду» Ленина, и Ленин очень быстро убедился в исключительной силе нового члена своей «команды». Имеется любопытный документ – запись разговоров Ленина по прямому проводу 3(16) января 1918 года с председателем мирной делегации в Брест-Литовске Троцким.

Делегация РСФСР вела тяжёлые переговоры с немцами о заключении мира, и Троцкий их, как мы знаем, фактически, сорвал, но дело сейчас не в этом. Интересны ответы Ленина Троцкому:

«1. У аппарата Ленин. Я сейчас только получил Ваше особое письмо. Сталина нет, и ему ещё не мог показать. Ваш план мне представляется дискутабельным… Как только вернётся Сталин, покажу письмо и ему. *Ленин*.

2. Мне бы хотелось посоветоваться сначала со Сталиным, прежде чем ответить на Ваш вопрос… *Ленин*.

3. Сейчас приехал Сталин, обсудим с ним и сейчас дадим Вам совместный ответ. *Ленин*»[1354].

Как видим, сразу же после победы Октябрьской революции Ленин, и до этого ценивший Сталина высоко, всё больше начинал ценить его в полную силу возможностей Сталина. Мало известный факт: 23 декабря 1917 года именно Сталин на время краткого отпуска Ленина назначается председателем Совнаркома.

Переписка Ленина времён гражданской войны доказывает, что Сталин и только Сталин в ходе её был подлинным и полномочным эмиссаром Ленина во всех «горячих точках» этой войны. Троцкий изображал из себя самостоятельного, по сути, «вождя», а Сталин – будучи действительным вождём, не только формально, но и внутренне ощущал себя сотрудником и соратником Ленина.

И Ленин это видел и понимал. Тот факт, что именно Сталин был избран Генеральным секретарём ЦК РКП(б) лишний раз показывает и доказывает, что Ленин понимал силу Сталина и его потенциал.

К тому же, при всей внешней психологической, эмоциональной и поведенческой несхожести натур, **политически** послеоктябрьские Ленин и Сталин оказались чем-то вроде сиамских близнецов, имеющих общую кровеносную систему. Однажды мне попался на глаза некий очерк эсера Виктора Чернова, политического оппонента Ленина и Сталина, об одном из них.

Приведу цитату из этого очерка, а к кому из двух – Ленину или Сталину, эта цитата относится, пусть читатель попробует догадаться сам:

«Счастливая целостность его натуры и сильный жизненный инстинкт делали из него какого-то духовного „Ваньку-Встаньку“. После всех неудач, ударов судьбы, поражений, даже позора, он умел духовно выпрямляться… Его волевой темперамент был, как стальная пружина, которая тем сильнее „отдает“, чем сильнее на неё нажимают. Это был сильный и крепкий политический боец, какие нужны, чтобы создавать и поддерживать в своих сторонниках подъём духа, и чтобы при неудаче предупреждать зарождение среди них паники, ободряя их силою личного примера и внушением неограниченной веры в себя, и чтобы одёргивать их в моменты удачи…

Он никогда не был блестящим фейерверком слов и образов. Это не было „красноречие“ в собственном смысле: говорил он всегда не красно. Он бывал и неуклюж, и грубоват, особенно в полемике; он часто повторялся, „одно и то же твердословил“. Но в этих повторениях, и в грубоватости, и в простоте была своя система и своя сила. Сквозь разжевывания пробивалась живая, неугомонная волевая стихия, твёрдо шедшая к намеченной цели. Эта стихия, раз захватив, уже не выпускала, не ослабляла своего напора; её монотонная приподнятость гипнотизировала, несколько разных словесных варьяций одной и той же мысли пробивали себе дорогу в чужое сознание не в той, так в другой форме; как капля, долбящая камень, затверженное втеснялось в ум…

Его считали честолюбцем и властолюбцем; но он был лишь естественно, органически властен, он не мог не навязывать своей воли, потому что был сам „заряжен двойным зарядом“ ее, и потому, что подчинять себе других для него было столь же естественно, как центральному светилу естественно притягивать в свою орбиту и заставлять вращаться вокруг себя меньшие по размеру планеты… Но пышность и парадность не радовала его глаз; плебей по привычкам и натуре, он оставался прост и натурален в своем быту после октябрьского торжества так же, как и до него.

Он был профессиональным борцом, он был политическим боксером на арене социальных распрей, и в этом смысле знал „одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть“: этой страстью была сама его профессия, сама борьба, само переливание своей воли в формы политических событий…».

О ком это?

Характеристика настолько подходит и Ленину и Сталину, что не раз, предлагая угадать, о ком это сказано, слышал в ответ: «О Сталине, конечно!»

А это – отрывок из очерка Чернова «Ленин», опубликованного в эмигрантском журнале «Воля России» в марте 1924 года – сразу после смерти Ленина. И в конце этого очерка бывший министр земледелия во Временном правительстве и бывший председатель однодневного Учредительного собрания, писал:

«Он умер. Его партия, возглавляемая людьми, которых он долго формовал по своему образу и подобию, людьми, которым легко быть его подражателями и столь же трудно – его продолжателями, уже в последнее время повторяла в своей коллективной судьбе его личную судьбу: становилась живым трупом…

На свежей могиле учителя и вождя… она… произнесет обеты верности…завещанию

учителя. А затем – погрузится в будни и подпадет опять под власть неумолимых законов размагничивания и распада»[1355].

Так закончил свой очерк о Ленине эмигрант Чернов, и, говоря об «обетах верности», он имел в виду, вне сомнений, клятву Сталина над гробом Ленина – его речь на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 года, где рефреном звучало: «Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним твою заповедь!»

Однако жизнь опровергла Чернова – Сталин стал великим и эффективным продолжателем Ленина, и вместо погружения в будни и распад Россия под руководством Сталина начала грандиозную, никогда ранее ей неведомую в подобных масштабах работу созидания.

Причем Сталин, как и Ленин, был в этой работе универсален и вездесущ. Он продолжал Ленина и шел дальше, постоянно углубляя и совершенствуя свой управленческий универсализм.

Они были во всех основных своих политических чертах сходны, да и не только, пожалуй, политических. Возьмём отношения Ленина – вождя России, с рабочими. Они были, можно сказать, родственными. Это видно уже из тех фото, где Ленин снят в окружении людей, а вот и «сюжетный» пример тому…

С 6 по 11 октября 1922 года в Москве проходил V Всероссийский съезд профессионального союза текстильщиков, на первом заседании которого Ленин был избран почётным председателем.

9 октября делегаты пригласили его на съезд, и он ответил согласием. Но 10 октября председатель Правления профсоюза И. И. Кутузов, вернувшись после разговора с Лениным, зачитал съезду следующую записку:

«*Дорогие товарищи!*

Извиняюсь, что пришлось вас надуть! У меня случилась болезнь зуба, которая в самом начале моей работы (с конца мая по начало октября 1922 года Ленин жил и работал в Горках, – *С.К.*) *не только оторвала меня от неё, но и опять – на целую неделю – испортила мне нервы. Всякие свидания (на съездах) должен опять отменить на неделю.*

Крайне сожалею, что с настоящим съездом видеться не могу. Очень надеюсь, что тов. Кутузов вам всё расскажет подробно и передаст мои лучшие приветы и пожелания»[1356].

Человек, написавший это письмецо, – уже признанный вождь народа и руководитель державы, которую даже враги начинают признавать великой. Но это – не письмо вождя, а привет товарища товарищам, который по-свойски, не смущаясь житейскими деталями, объясняет им, почему не может с ними повидаться.

Сталин и в этом – в естественной близости к народу, был родственен Ленину, что тоже видно из фото, уже сталинских. С одной стороны, здесь сказывалась вся предыдущая жизнь Сталина – она проходила не на паркете. Но сколько было таких, кто, попав «из грязи в князи», быстро осваивал именно «паркетную» сторону своего возвышения. С другой стороны, Ленин для Сталина был, вне сомнения, неким нравственным ориентиром, и он всю свою жизнь возвращался мыслями к Ленину, «чистя» себя «под Лениным», говоря словами Владимира Маяковского.

Молотов в 70-е годы вспоминал: «Сталин не раз говорил, что если б сейчас Ленин был бы жив, наверно, другое сказал бы – куда там нам! Он бы, наверно, что-то придумал то, чего мы пока не можем…»[1357]

Это не сочинено Молотовым! Это, вне сомнений, так и было, Сталин это говорил. Он не стоял перед Лениным на коленях – рабски, но после смерти Ленина Сталин всегда при мысли о нём преклонял одно колено – как перед боевым знаменем.

Однажды – в узком товарищеском кругу на обеде после праздничной демонстрации 7 ноября 1940 года, Сталин сказал о Ленине слова, которые в тот же день Георгий Димитров занёс

в свой дневник:

«*…Только при равных материальных силах мы можем победить, потому что опираемся на народ, народ с нами. Но для этого надо учиться, надо знать, надо уметь.*

С этим я сейчас каждый день занимаюсь, принимаю конструкторов и других специалистов… Но я один занимаюсь со всеми этими вопросами. Никто из вас об этом и не думает. Я стою один.

Ведь я могу учиться, читать, следить каждый день; почему вы это не можете делать? Не любите учиться, самодовольно живете себе. Растрачиваете наследство Ленина…»

В отличие от тех, кто проматывал наследие Ленина или пренебрегал им, Сталин показал себя достойным учеником Ленина. Достойным в том числе и потому, что превзошел учителя в деле практического руководства самыми различными сторонами жизни огромной социалистической страны. Но при этом постоянно сверялся с Лениным, в том числе и публично.

9 сентября 1940 года, на совещании в ЦК ВКП(б) о кинофильме «Закон жизни», Сталин говорил:

– Как Ленин ковал кадры? Если бы он видел только таких, которые лет 10–15 просидели в партийной среде на руководящих постах и проч., и не замечал тех молодых, которые растут как грибы…. если бы он этого не замечал и не ломал традиций стажа, пропал бы. Литература, партия, армия – всё это организм, у которого некоторые клетки надо обновлять, не дожидаясь, пока старые отомрут…

Это была, конечно, не апология репрессий, а чёткий курс на обеспечение подлинно эффективного руководства Россией, о чём так беспокоился Ленин все послеоктябрьские годы.

И если уж помянуты пресловутые репрессии, то скажу, что ни Ленину, ни Сталину не были свойственны жестокость, хотя в их политическом облике жёсткость несомненно присутствовала. Иначе в то время просто быть не могло.

В помянутом выше очерке 1924 года Виктор Чернов написал о Ленине и так:

«Злопамятства, злобности в нём не было; но зато враги его дела для него были не живыми людьми, а подлежащими уничтожению абстрактными величинами; он ими не интересовался; они были для него лишь математическими точками приложения его ударов… За простую идейную оппозицию партии в критический для неё момент, он способен был, не моргнув глазом, обречь на разстрел десятки и сотни людей, а сам он любил беззаботно хохотать с детьми, любовно возиться с щенками и котятами».

Клеветал на Ленина Чернов?

Да как сказать…

Вот что Ленин говорил на XI съезде РКП(б) 27 марта 1922 года:

– И меньшевики и эсеры, которые все такие вещи проповедуют (отступление к капитализму. – *С.К.*), удивляются, что мы говорим, что мы за такие вещи будем расстреливать. Они изумляются, а ведь вопрос ясен: когда армия отступает, то тут нужна дисциплина во сто раз большая, чем при наступлении, потому что при наступлении все рвутся вперёд. А если теперь все начнут рваться назад, то это – гибель, неизбежная и немедленная… И когда меньшевик говорит: «Вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление, яс вами согласен, я ваш человек, давайте отступать вместе», – то мы ему на это говорим: «За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что такое[1358]?

Кровожадно?

Аморально?

За просто идейное инакомыслие – расстреливать!

Да вот то-то и оно, что Ленин имел в виду не инакомыслие, а паникерские настроения… Инакомыслие – это в мирное время, когда можно, распивая чаи, порассуждать и поспорить на „вечные темы“… А Ленин внятно пояснил: мы пока что на войне, мы – армия отступающая, а нет ничего страшнее паники при отступлении. Потому-то во всех армиях в военное время паникёров и расстреливают…

Так что не „математической“ якобы „холодностью“ Ленина к живым людям объяснялась его позиция, а жёсткой сутью момента.

Ленин говорил о меньшевиках:

– Они никак не могут понять и говорят: „Какие у этих людей диктаторские замашки!“ Они до сих пор думают, что мы преследуем меньшевиков за то, что они с нами в Женеве дрались (Ленин имел в виду былые дискуссии в эмиграции. – *С.К.*)…»

Пояснив, что дело не в былых разногласиях, а в том, что меньшевики блокируются с зарубежными соглашателями и ренегатами, что они заявляют: «Революция зашла далеко. Позволь нам ещё раз это повторить…», Ленин далее заявлял:

– А мы на это отвечаем: «Позвольте поставить вас за это к стенке. Либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться, либо если вы желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении, когда мы в гораздо более трудных условиях, чем при прямом нашествии белых, то, извините, мы с вами будем обращаться как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины»[1359].

Нет, всё же клеветал Чернов на Ленина. Не математически безжалостен был Владимир Ильич, а исторически адекватен. Он допускал инако***мыслие***, но не допускал инако***действия***, вредящего делу Советской власти.

В заключительной речи по политическому отчёту ЦК на том же XI съезде, Ленин, отвечая товарищу по партии Шляпникову, неудачно пошутившему насчёт пулемётов у Ленина, сказал:

– Речь идёт о партийных мерах воздействия, а вовсе не о каких-то пулемётах. О пулемётах речь идёт для тех людей, которые у нас теперь называются меньшевиками, эсерами, и которые делают выводы… об отступлении к капитализму[1360].

Впрочем, и против эсеров Ленин пулемёты не выставлял. Напомню, что после процесса эсеров летом 1922 года ни один из лидеров эсеров реально расстрелян не был – кое-кого из них позже пришлось расстреливать Сталину.

Что же до меньшевиствующих и прочих буржуазных профессоров, то их в 1922 году просто выслали за рубеж – от греха, от России и от политически незрелых умов подальше.

Хотя кое-кого не мешало бы и расстрелять…

Раскрывая тему «Ленин и Сталин», нельзя не коснуться – хотя бы кратко – темы «Ленин, Сталин и Троцкий».

Роль Троцкого в развитии революционного процесса от Февраля к Октябрю 1917 года преувеличена донельзя прежде всего самим Троцким, но ещё более – политической клакой Троцкого, а клака эта была мощна как в среде классического «пиара» того времени – прессы, так и в среде партийных литераторов.

Между тем Троцкий вошёл в руководство РСДРП(б) лишь с августа 1917 года – после VI съезда партии, да и в Россию-то вернулся поздненько – в начале мая 1917 года, через месяц после Ленина и через два месяца после приезда в Петроград из сибирской ссылки Сталина.

Сталин приехал в Петроград 12(25) марта – как раз тогда, когда ничего ещё у большевиков не устоялось, и сразу же включился в организационную работу, в руководство возобновлённой «Правдой». И быстро завоевал огромный авторитет и вес.

Перед приездом Сталина в состав Русского бюро ЦК РСДРП(б) входили А. И. Елизарова-

Ульянова, К. С. Еремеев, В. Н. Залежский, В. А. Залуцкий, М. И. Калинин, В. М. Молотов, М. С. Ольминский, А. М. Смирнов, Е. Д. Стасова, М. И. Ульянова, М. И. Хахарев, К. М. Шведчиков, А. Г. Шляпников и К. И. Шутко[1361].

Все члены Русского бюро были опытными партийными руководителями с большим стажем работы, практически все в советское время занимали более или менее ответственные партийные или государственные посты. Часть ударилась в те или иные «уклоны», часть стала троцкистами, так что репрессированные среди этих людей были, но – не в избытке. Замечу в скобках также, что почти все они были русскими.

Сразу после приезда Сталина он был введён в Русское бюро ЦК вместе с Г. И. Бокием и возвратившимся из Сибири вместе со Сталиным депутатом Думы М. К. Мурановым.

Сталин вошёл в Бюро с совещательным голосом – всего-то, но приехавший со Сталиным и Мурановым Каменев вообще тогда в Бюро не вошёл.

В считанные месяцы 1917 года Сталин стал реально второй фигурой в партии. Даже троцкист Исаак Дойчер – западный биограф и Троцкого, и Сталина, описывая те дни, вынужден был признать: «В то время как целая плеяда ярких трибунов революции, подобных которым Европа не знала со времён Дантона, Робеспьера и Сен-Жюста, красовались перед огнями рамп, Сталин продолжал вести свою работу в тени кулис».

Умри – точнее не скажешь! Перед огнями рамп красуются актёры и исполнители, а в тени кулис работают композиторы, драматурги и режиссёры. Сталин, конечно, не режиссировал выступления российских дантонов, робеспьеров и сен-жюстов, он весомо писал вместе с Лениным партитуру истории, и режиссировал движение масс. Недаром на VI съезде с основным докладом о политическом положении выступал именно Сталин – Ленин находился тогда в Разливе.

То есть, тем съездом, на котором Троцкого ***приняли*** в РСДРП(б), Сталин ***руководил***!

Так кто был второй фигурой Октября? Троцкий, который эту роль отводил себе сам? Или Сталин, всегда подчёркивавший, что творцом Октября был Ленин, а точнее – Ленин, партия и руководимые ими народные массы?

Ни о каком духовном родстве Ленина и Троцкого говорить не приходится. «Небольшевизм» – этим сказано всё!

Иное дело – Ленин и Сталин. Всё сближало их – общая борьба, природный, естественный большевизм, то есть – партийность в лучшем смысле этого слова, партийность, свойственная только подлинным коммунистическим партиям, когда принадлежность к партии (от латинского partis – часть, группа), не отделяет её членов от народной массы, а роднит их с ней.

Троцкий явно считал Ленина простачком, и в чём-то это было правдой. Ведь каждый судит по себе, а поскольку Ленин был человеком искренним, ему трудно было поверить в неискренность того, кого он считал своим. Троцкий этим ловко пользовался.

В конце 1920 года по инициативе Троцкого разворачивается дискуссия о роли профсоюзов. Троцкий пытается протащить в жизнь идеи, гибельные для Советской власти, и Ленин активно ему оппонирует.

В январе 1921 года Ленин публикует брошюру «Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», где громит обоих оппонентов, показывая и их раскольническую суть, и забвение ими марксизма (ПСС, т. 42, с. 264–304)…

Но уже в марте 1921 года, на X съезде РКП(б), Ленин сообщал делегатам:

– Когда мне приходилось на II съезде горнорабочих спорить с товарищами Троцким и Киселёвым, «рабочая оппозиция» говорила: «Ленин и Троцкий объединятся». Троцкий выступил и говорил: «Кто не понимает, что нужно соединиться, тот идёт против партии; конечно, мы соединимся, потому что мы – люди партии». Я поддержал его…[1362]

Как видим, Троцкий ловко выбирал момент, когда надо поддержать Ленина и тем обеспечить сохранение или даже упрочение доверия Ленина к себе как к «человеку партии». Хотя кем-кем, а человеком партии, да ещё и большевистской партии, Троцкий не был никогда и ни в чём.

Так что в чём-то Троцкий Ленина и обманул. И то, что в конце 1922 и начале 1923 года Ленин неоднократно апеллировал к Троцкому, да ещё и против Сталина, доказывает это со всей очевидностью.

Сталина Троцкий обмануть не смог, но и Сталин его раскусил не сразу. Он ведь тоже судил по себе.

В чём ещё были схожи Ленин и Сталин – так это в стойкости занятой позиции. В сентябре 1917 года Ленин в статье «Из дневника публициста», опубликованной 1(14) сентября в № 10 газеты «Рабочий», высказал мысль, которая с одной стороны блестяща сама по себе, а с другой стороны настолько не в бровь, а в глаз бьёт по нынешней межеумочной путинской ельциноидной «Россиянии», что лишь диву даёшься.

Ленин, дискутируя с меньшевиком Сухановым, писал:

«Сколько раз бывало, что… маленькая, но хорошо организованная, вооружённая и централизованная сила командующих классов… подавляла по частям силу „большинства народа“, плохо организованного, плохо вооружённого, раздробленного…»[1363]

Это – лишь исходная посылка, но перед тем, как продолжить цитирование, замечу, что сказанное Лениным в сентябре 1917 года относится не только к французскому и вообще европейскому 1848 году, не только к Парижской коммуне и русской революции 1905–1907 годов, но и к бездарному, предательскому советскому 1991 году, и к «расстрельному» российскому октябрю 1993 года, и к порождённому Америкой киевскому «Майдану» февраля 2014 года… В каждом из этих случаев организованная антинародная кучка сумела навязать себя неорганизованным народным массам…

А далее Ленин писал вот что:

«Подменять конкретные вопросы классовой борьбы в момент особого обострения её… „общими“ ссылками на „волю народа“ было бы достойно только самого тупого мелкого буржуа…

Суханов ссылается на то, что „всё влияние революционной демократии уступлено ею по собственному желанию“. Отсюда как бы выводится, что уступленное „по собственному желанию“ легко и вернуть назад…

Рассуждение никуда не годное. Прежде всего возврат добровольно уступленного предполагает „добровольное согласие“ того, кто уступку получил…

Может быть, в детской „добровольная уступка“ указывает лёгкость возврата: если Катя добровольно уступила Маше мячик, то, возможно, что „вернуть“ его „вполне легко“. Но на политику, на классовую борьбу переносить эти понятия, кроме российского интеллигента не многие решатся…»[1364]

Уже сказанное для политика представляет ценнейшую «информацию к размышлению»… Но Ленин ещё усилил и ещё подробнее пояснил свою мысль (я её выделю жирно):

«**В политике добровольная уступка „влияния“ доказывает такое бессилие уступающего, такую дряблость, такую бесхарактерность, такую тряпичность, что „выводить“ отсюда, вообще говоря, можно лишь одно: кто добровольно уступит влияние, тот „достоин“, чтобы у него отняли не только влияние, но и право на существование. Или, другими словами, факт добровольной уступки влияния, сам по себе, „доказывает“ лишь неизбежность того, что получивший это добровольно уступленное влияние отнимет у уступившего даже его права**…»[1365]

Вот что значит быть политическим гением, и не просто гением, а интеллектуально и политически честным человеком! Слова Ленина – прямой комментарий к многолетней политике уступок ельцинской и ельциноидно-путинской России Западу и США.

Сталин же, как и Ленин, никогда и ни в чём на добровольные уступки западным оппонентам не шёл.

Кто-то может привести как пример уступок Ленина «похабный» Брестский мир или согласие Ленина на участие вместе с «белыми» в конференции на Принцевых (Принкипо) островах…

Но в том-то и дело, что Ленин высмеивал и клеймил ***добровольные*** уступки влияния, совершаемые по политической бесхарактерности или слепоте. То есть, такие уступки, когда ты имеешь возможность влиять на ситуацию, но сдаёшь ситуацию оппоненту или врагу. Ленин же в период Бреста шёл на вынужденные уступки… Он не мог их не делать, не ставя под угрозу молодую Советскую власть и будущее России…

Сталину тоже не раз приходилось идти на уступки, но лишь тогда, когда неуступчивость обошлась бы России дороже.

А политиканские камарильи Горбачёва, Ельцина, Путина то и дело шли и идут на такие уступки, которые не только можно было не делать, но которые нельзя было делать, ибо эти уступки ставили и ставят под угрозу будущее России.

То, что сегодня Сталина часто противопоставляют Ленину, неудивительно – это со стороны мастеров психологической войны – инструкторов «Вашингтонского обкома», авторов Гарвардского проекта уничтожения коммунизма, ход ловкий и умный. Недаром один из отечественных «гарвардцев» – бывший член горбачёвского Политбюро «Александр Н. Яковлев», о котором у нас ещё разговор будет, признавался: «Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, бить по Ленину…»[1366]

Это признание относится к 2001 году, но речь – о программе «реформаторов», намеченной в эпоху XX съезда. И – даже более раннюю, ведь ту подлую эпоху надо было подготовить.

О XX съезде, прошедшем в феврале 1956 года, о докладе Хрущёва (точнее – не Хрущёва, а «реформаторов»-хрущёвцев) «О культе личности и его последствиях» осведомлены все. Многие знают и о соответствующем Постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 года.

Но мало кто помнит и мало кто верно оценивает более раннее Постановление ЦК КПСС от 4 января 1955 года «О дне памяти В. И. Ленина». А момент мы имеем здесь многозначительный, «знаковый», в русле долговременной политики «реформаторов». Суть же заключалась в следующем…

В СССР Сталина день памяти Ленина – как оно и положено, отмечался в день смерти Ленина, то есть – 21 января. И вдруг 11 января 1955 года «Правда» публикует текст Постановления ЦК КПСС от 4 января за подписью секретаря ЦК КПСС Хрущёва, где чёрным по белому (эта идиома оказывается здесь очень к месту) заявляется:

«В сознании народов нашей страны и трудящихся всего мира с именем В. И. Ленина, с его учением связываются великие победы советских людей в строительстве коммунистического общества…»

На современный взгляд никакой каверзы здесь нет, но – лишь на современный. А тогда с именем Ленина – в полном соответствии с исторической правдой – в Советском Союзе связывали великие победы советских людей в Октябре 1917 года, в гражданской войне и в деле создания основ социализма – ничего другого Ленин просто не успел…

А великие победы советских людей ***в строительстве коммунистического общества*** связывали в советском обществе – и при жизни Сталина, и после его смерти – с именем

Сталина.

Связывали законно и резонно…

Теперь же Хрущёв, а точнее – его референты-«реформаторы», а ещё точнее – негласные вашингтонские кураторы этих референтов, дальновидно и коварно били, пока ещё не прямо, а косвенно, иезуитски, памятью Ленина по памяти Сталина и утверждали:

«Поэтому ***теперь*** (жирный курсив мой, – *С.К.*) более целесообразно (*? – С.К.*) отмечать память В. И. Ленина не в день его смерти, что накладывает печать траура и скорби, а в день рождения В. И. Ленина – 22 апреля, придав этой дате значение праздника, что более соответствует всему духу ленинизма, как вечно живого жизнеутверждающего учения…»

Фальшивый пафос этих строк был прямо противоположен былому сдержанному стилю Сталина, да и по сути здесь всё было нелогично.

При чём здесь день ***памяти*** Ленина и праздник? Духу ленинизма соответствует не какой-то там аморфный «праздник» – духу ленинизма соответствует чёткая и деловая политическая позиция: Труд против Капитала.

Обращу внимание читателя на всего-то одно слово «теперь» – оно вылезает из текста хрущёвцев как ослиные уши или рога дьявола… Сегодня, после всех наших трагедий и бед, это «теперь» расшифровывается вполне чётко и однозначно: «…теперь, когда нет Сталина, теперь, когда можно начинать атаку на Сталина и на СССР Сталина…»

День памяти – это день памяти! Печать траура и скорби в день памяти понятна и естественна: для того и поминают хорошего человека, чтобы погрустить о нём, скорбеть о нём. А хотите лишний раз сказать слово о Ленине – радостное, праздничное, так кто ж вам мешает? Давайте торжественно отмечать и его день рождения!

Но день памяти в день рождения?..

При всей кажущейся несуразности подобного решения, оно имело чёткую политическую направленность – антисталинскую в ближней перспективе, и антисоветскую и антикоммунистическую, а, значит, и антиленинскую – в отдалённой перспективе.

И это было лишь начало!

Как говаривал Ленин, имея в виду ренегатов народного дела: «Первая – колом, вторая – соколом, остальные – мелкими пташечками»… Потом были XX съезд и «развенчание культа», вынос Сталина из Мавзолея, и много чего ещё…

Сегодня эту преступную цепь событий довели до воплей о выносе из Мавзолея Ленина.

Что ж, всё – с позиций психологической и информационной войны против России – логично. Вынос из Мавзолея Сталина стал первым актом возни вокруг Мавзолея вообще, возни против Ленина…

При этом в антисоветской России озлобление против Ленина культивируется ещё более тщательно, и давно приобрело ещё более ожесточённый характер, чем озлобление против Сталина… А одна из причин – Ленина сегодня проще измазать чёрной краской в глазах народных масс.

Дело в том, что итоги деятельности Сталина оказались более зримыми, осязаемыми, и для массового сознания более впечатляющими, чем итоги деятельности Ленина.

Сталин успел многое ***сделать***, Ленин же многое лишь ***задумал***, наметил. Много сделать – если иметь в виду вещественные результаты, Ленин не успел. Поэтому заслуги Сталина для основной массы современных людей оказываются более очевидными, чем заслуги перед Россией Ленина.

Так, мало кто даже из ненавистников Сталина решается отрицать его выдающуюся роль в победе в Великой Отечественной войне. Ещё бы – такая победа, в такой огромной борьбе с таким жестоким и грозным внешним врагом!

А заслуга Ленина в победе в гражданской войне? Эта заслуга уже не выглядит для многих бесспорной, к тому же нас сейчас уверяют, что в гражданских-де войнах победителей «не бывает».

Ну, во-первых, бывает!

Во-вторых, и здесь ведь была одержана победа не только над внутренним, но и над коварным и жестоким ***внешним*** врагом! И не только над внешним врагом-интервентом, но и над внешним врагом, который своими действиями разжёг гражданскую войну в чужой стране, а затем её материально поддерживал и политически поощрял.

Сталина противопоставляют Ленину и скорбные главой горе-«сталинисты», о которых можно сказать одно: «Избави, господи, Сталина от таких друзей, а от врагов Сталин избавится и сам».

Где-то между 14 апреля и 7 мая 1866 года Василий Осипович Ключевский, наблюдая взрыв «верноподданнических» чувств после того, как 4 апреля 1866 года в Петербурге прогремел взрыв бомбы Дмитрия Каракозова, неудачно покушавшегося на императора Александра II, записал в своём дневнике горькие мысли:

«А вот и интеллигенция! Что она? Как себя чувствует? Грустно! Народ безумствует перед великими фигурами, …не понимая их смысла и значения, …попирает… историю – всё свое нравственное и умственное достояние. А интеллигенции грезятся призраки или она сама становится безобразным призраком, в действительность которого не хотелось бы верить. Презренная учащаяся молодёжь… устраивает процессии…, носит на руках заведомого, осмеянного ей самой дурака и мошенника…

Мыслящие люди, не учащиеся дети, – что они? Кружатся в болоте собственных недодуманных, нервических соображений, – и не зная выхода, не видя ничего впереди, ни за собой, вызывают великие тени…, винят их в собственных гадостях, не желая подумать, что в их собственные головы не влезет и миллионной доли того, что подумали и в***ы***носили в душе поругаемые великие наши деятели…»[1367]

Написанные более полутора веков назад, слова Ключевского полностью применимы и в наши дни к той же, например, учащейся молодёжи, которая устраивает, правда, процессии уже не к иконе Иверской богородицы, о чём писал Василий Осипович, но процессии на Болотную площадь.

И при этом всё так же носит на руках заведомых дураков и мошенников.

Применима оценка Ключевского и к той специфической части «россиянской» интеллигенции, которая, как и ранее, самозвано присвоила себе роль «мозга нации» и «властителя дум»

Говоря о «великих фигурах», Ключевский имел в виду великие фигуры Минина и Пожарского, памятник которым стоял на Красной площади.

Под «великими тенями» он подразумевал тени великого Петра и великой Екатерины…

Но сегодня слова Ключевского можно полностью отнести и к великим теням Ленина и Сталина, с той лишь поправкой, что сегодня более, чем когда-либо, их великие фигуры никак нельзя назвать отошедшими в прошлое. Сегодня более чем когда-либо верны слова Маяковского: «Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин будет жить»…

Маяковский написал свою поэму «Владимир Ильич Ленин» в дни, когда живой Иосиф Сталин стоял во главе России, но сегодня, ломая поэтический ритм, зато утверждая историческую правду, имеются все основания сказать: «Ленин и Сталин – жили, Ленин и Сталин – живы, Ленин и Сталин будут жить!»…

Только Ленин мог привести Россию к социалистической революции, и только Сталин, сменив Ленина, мог привести Россию к социализму.

И в истории России эти две великие фигуры стоят рядом – бок о бок, и к плечу плечо.

Одной из бед России, одной из её крупнейших исторических неудач следует считать то, что сотрудничество Ленина и Сталина не успело развернуться в полную силу, а точнее – основное их сотрудничество пришлось не на период мирного строительства новой России, а на период гражданской войны.

В своих беседах с поэтом Феликсом Чуевым Молотов сказал об отношениях Сталина и Ленина в последние годы так:

«У Ленина не было друзей в Политбюро… Со Сталиным у Ленина отношения были тесные, но больше на деловой основе. Сталина он куда выше поднял, чем Бухарина. Да и не просто поднял – сделал своей опорой в ЦК. И доверял ему.

В последний период Ленин был очень близок со Сталиным, и на квартире Ленин бывал, пожалуй, только у него…»[1368]

Молотов говорил это уже в глубокой старости и, не исключаю, всё ещё, так сказать, ревнуя Сталина к Ленину… Чем, возможно, и объясняется некоторая сухость вышеприведённого свидетельства.

Более живая картина рисуется в письмах Амаяка Назаретяна (1889–1937), члена РСДРП с 1905 года, в 1922—23 годах заведующего бюро Секретариата ЦК РКП(б) и близкого сотрудника Сталина.

Вот несколько извлечений из этих писем…

14 июня 1922 года:

«*Доволен ли я работой? И да, и нет. С одной стороны, я прохожу здесь большую школу и в курсе всей мировой и российской жизни, прохожу школу дисциплины… С другой стороны, эта работа чисто канцелярская, кропотливая, чёрная работа, поглощающая такую уйму времени, что нельзя чихнуть и дохнуть, особенно под твёрдой рукой Кобы. Ладим ли мы? Ладим. Узнав его близко, я проникся к нему необыкновенным уважением. У него характер, которому можно позавидовать. Не могу обижаться. Его строгость покрывается вниманием к сотрудникам. Цека приводим в порядок… Ильич здоров. Он теперь будет под постоянным наблюдением опытных врачей* (в Горках. – *С.К.*). *В работе всё-таки ухищряется принимать самое активное участие*».

12 июля 1922 года:

«*Ильич совсем поправился. Ему разрешено сегодня заниматься. Вчера Коба был у него. Ему приходится бдить Ильича и всю матушку Рассею*».

19 июля 1922 года:

«*О здоровье Ильича могу тебе сообщить, что он уже настолько хорошо опять чувствует себя, что каждый день шлёт письма Кобе, а последний злится, опасаясь, что он опять переутомит себя. Ну, через месяц – два, видимо, Ильич опять по-старому примется за работу*»[1369].

Из этих отрывков видно, что Ленин и Сталин начинали, что называется, окончательно притираться друг к другу… А если подбирать тот или иной образ для выражения их сотрудничества, то наиболее точно будет определить его как идеальный деловой, политический и идейный «тандем».

Как далеко и как быстро могла бы уехать Россия в социалистическое завтра, если бы её и в 20-е, и в 30-е годы вёз в будущее этот «тандем»!

И смешны домыслы насчёт того, что если бы Ленин прожил ещё три-четыре года, то оказался бы в сталинской тюрьме, и т. д. Всё этот глупости, как и болтовня о якобы «властолюбии» Сталина. Сталин не раз отказывался – не кокетничая, от поста Генерального секретаря. Должность-то была воловья!

А вот с полноценно работающим Лениным и Сталину было бы проще. И бремя лидерства от Ленина можно было бы принять позже… Ведь для Сталина власть была не средством самовыражения, а ясно осознанным долгом – как и для Ленина. И работали бы они – душа в душу и за милую душу!

В марте 1921 года Сталин пишет Ленину письмо:

«*Тов. Ленин!*

Последние 3 дня я имел возможность прочесть сборник „План электрификации России“. Болезнь помогла (нет худа без добра). Превосходная, хорошо составленная книга. Мастерский набросок действительно ***единого*** *и действительно* ***государственного*** *хозяйственного плана без кавычек…*

Помните прошлогодний „план“ Троцкого (его тезисы) „хозяйственного возрождения“ России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной ***крестьянско****-рабочей массы (трудармии). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом Гоэлро! Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным „спасти“ Россию сагой старинной… А чего стоят десятки единых планов, появляющиеся то и дело в нашей печати на позор нам, – детский лепет приготовишек…*

Или ещё: обывательский „реализм“ (на самом деле ***маниловщина****) Рыкова, всё ещё критикующего Гоэлро и по уши погрязшего в рутине…*

Моё мнение:

1) не терять больше ни одной минуты на болтовню о плане;

2) ***начать*** *немедленный практический приступ к делу…*»[1370]

Сразу видно: единомышленник пишет единомышленнику, соратник – вождю и товарищу. Но главное здесь то, что это пишет человек равного с его адресатом масштаба – масштаба человеческого, политического, государственного, личностного… В отличие от «ибсеновского героя» Троцкого.

Как много написано о том, что Троцкий был-де и великим организатором, и великим мыслителем, и вообще исключительно выдающейся личностью… Однако при мысли о нём на ум приходит почему-то классическая фраза Остапа Бендера: «Мне тридцать три года – возраст Иисуса Христа. А что я сделал до сих пор? Учения я не создал, учеников разбазарил, мёртвого Паниковского не воскресил…»

Троцкий в возрасте Христа – в 1912 году, основал антиленинский Августовский блок, который ни моря, ни пожара мировой революции не зажёг.

«Учение» Троцкий хотя, вроде бы, и создал, – «троцкизм», но победоносным оно не оказалось ни в одной стране, так – «суета сует и томление духа»…

Не повезло Троцкому и с учениками: никто из них не проявил выдающихся деловых и политических качеств, зато все отличались амбициями и склочностью, как и «учитель»…

Нет, не был Лев Давыдович Троцкий великим человеком – в отличие от великого Ленина и его великого ученика, соратника и продолжателя Сталина.

Как следует из цитированного выше письма, в 1921 году и Ленин, и Сталин рассчитывали на долгую свою общую работу по построению новой России. Однако вышло так, что от времени написания письма до времени, когда Ленин «выпал из седла», прошло всего полтора года. Лишь

этот срок был отведён Ленину и Сталину для общей государственной деятельности по восстановлению России, для совместного «практического приступа» к планам её электрификации и преображения в великую развитую державу. Намечающийся великий «тандем» в полную силу себя не проявил – не по вине его членов.

А поработали бы они, сложись всё иначе, повторяю, – на славу!

Сталин был, пожалуй, сильнее деловым умом, зато Ленин отличался бульшим теоретическим размахом, более быстрой политической реакцией. И ещё – большей фантазией…

На XI съезде партии Ленин говорил о фантазии:

– Эта способность чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности…[1371]

Имелись в виду не фантазии Манилова, конечно – слово «маниловщина» была для Ленина (как и для Сталина, естественно) одним из особо ругательных. Однако ум у Ленина был действительно более интеллигентский, более парящий чем у Сталина, имевшего ум более мужицкий, более близкий к земле.

Но это же было и хорошо – если предполагать работу в «связке». Взаимное дополнение, да ещё и в политике – вещь нечастая. А у Ленина и Сталина это получалось. Один более рискув, другой – более осмотрителен, а в итоге: вершина покорена!

Тем более, что оба были равными мастерами методической, ежедневной, чисто канцелярской, кропотливой, чёрной работы, поглощающей такую уйму времени, что нельзя чихнуть и дохнуть…

А при этом оба умели заставить так же работать своих сотрудников. И у обоих строгость покрывалась вниманием к ним.

28 марта 1922 года Ленин выступал на XI съезде РКП(б) с заключительным словом по политическому отчёту ЦК – подводя итог прениям. Это была очень интересная речь, где досталось на орехи многим…

А вот что Ленин говорил о Сталине:

– Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах (Сталин тогда возглавлял Наркомат по делам национальностей и одновременно наркомат Рабоче-Крестьянской Инспекции. – *С.К.*). А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сделать сейчас, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это всё политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это – вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках.

Ленин ведь был прав – национальный вопрос по сей день во всех тех странах, где он имеется, остаётся острым – и через сотни лет. А в СССР Ленина и Сталина национальный вопрос с годами всё более исчезал – не в последнюю очередь благодаря его изначально верной постановке Лениным и верной национальной политике Сталина…

А далее Ленин, продолжая иметь в виду Сталина, сказал:

– Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы подойти и подробно рассказать, в чём дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина. То же относительно Рабкрина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем…[1372]

Как и титана Сталина, титана Ленина частенько донимали политические пигмеи, и он

отвечал им то шуткой, то зло, то устало… В той же речи на XI съезде РКП(б), имея в виду обвинявшего его Юрия Ларина, Ленин отщёлкнул зубами:

– Правда, это всё прописи. Но насчёт прописей ещё Камков (лидер левых эсеров. – *С.К.*) на съезде эсеров меня высмеивал. Камков говорил: Ленин проповедует сегодня: «Не укради», а завтра прибавит: «Не прелюбы сотвори». Вот и вся премудрость Ленина. Это я от эсера Камкова слышал ещё в 1918 году…[1373]

Как часто нечто-то подобное слышал и читал о себе позднее Сталин. И обвиняли его в том же, что и Ленина – и неоригинален-де, и банален, и коварен… И обвиняли зачастую одни и те же оппоненты – что Ленина, что Сталина.

И как жаль, что товарищу Сталину пришлось отщёлкиваться от них зубами одному – без товарища Ленина.

Однако и то, что они – Ленин и Сталин, успели совершить вместе, делает их самым выдающимся, самым успешным и самым спаянным руководящим «тандемом» XX века.

Да, собственно, и всей мировой истории.

Сталина пытались и особенно сейчас пытаются оторвать от Ленина и даже противопоставить Ленину.

Как уже сказано, эти попытки имели и имеют место как в среде пропагандистов-антисоветчиков, так и в примитивно «сталинистской» среде. И не в последнюю очередь подобные попытки объясняются тем, что Сталину и Ленину не удалось проработать вместе в мирной (относительно мирной, увы) России хотя бы лет пять-десять.

Тогда бы уже никто не рискнул отделять одного от другого, их взаимопроникновение стало бы бесспорным, поскольку подтверждалось бы огромными успехами – огромными даже по сравнению с тем, что было реально достигнуто Сталиным в одиночку, без Ленина.

Однако мир так и не смог увидеть: что это такое – СССР Ленина и Сталина, история знает лишь СССР Сталина. В том числе и поэтому внешний мир намного лучше знал и знает Сталина – как главу великой державы, чем Ленина.

Со Сталиным были лично знакомы многие крупные политики XX века: американцы Франклин Рузвельт, Гарри Трумэн, Гарри Гопкинс, Джеймс Бирнс, Чарльз Болен, Аверелл Гарриман, Джордж Кеннан, Джордж Маршалл; британцы Уинстон Черчилль, Энтони Иден, Эрнест Бевин, Клемент Эттли; француз Шарль де Голль, финны Урхо Кекконен и Юхо Паасикиви, японец Мацуока, норвежец Ли Трюгве, чех Ян Масарик, поляк Станислав Миколайчик, итальянец Пьетро Ненни, серб Иосип Броз Тито, китаец Мао Цзедун, кореец Ким Ир Чен…

Со Сталиным беседовали Бернард Шоу, леди Астор, Герберт Уэллс, Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Анри Барбюс, английские маршалы Монтгомери и Теддер, Клементина Черчилль, иранская принцесса Шараф Пехлеви…

Ленин же не успел встретиться ни с одним, по сути, ведущим политиком Запада. Хотел потолковать накоротке с Ллойд Джорджем в Генуе, и то не смог… Из известных миру фигур Ленин принял в Кремле только Герберта Уэллса – в первые годы Советской власти в Россию не очень рвались мировые величины.

Однако и о Ленине есть немало личных воспоминаний, дошедших до нас из внешнего мира, не говоря уже о воспоминаниях соотечественников.

А уж оценок Ленина со стороны тех, кто не видел его лично, а просто уважал, любил, ненавидел, накопилось за тот почти век, который мир знает Ленина, с избытком.

Как же выглядит Ленин в глазах врагов и друзей?

Что ж, об этом надо сказать в отдельной большой главе…

Глава 43. В глазах мира: взгляд врагов и друзей

Из тех или иных оценок Ленина его сторонниками и противниками, друзьями и врагами, а также людьми индифферентными (были ведь и такие) можно, да и нужно составить отдельную книгу. Однако сейчас придётся ограничиться одной главой. Думаю, что приведенные в ней оценки вполне представительны как относительно мнения друзей, так и относительно мнения врагов.

Из полутора тысяч книг, написанных о Ленине, наиболее интересные и достоверные – это воспоминания о нём, составившие в последних изданиях пять томов. Но это – слово о Ленине, сказанное его родными и близкими, его друзьями, соратниками и сторонниками или, как минимум – доброжелателями.

Воспоминания о Ленине с ***той*** стороны баррикад в СССР не издавали, и если это было объяснимо на первых порах, то впоследствии замалчивание враждебного «негатива» о Ленине стало одним из серьёзных просчётов советской пропаганды. Только политическим кретинизмом сусловско-брежневских «идеологов» (а также, пожалуй, иезуитством руководимых западными советологами внутренних агентов влияния) можно объяснить то, что в условиях изощрённой психологической войны Запада против СССР не был издан массовым тиражом сборник негативных воспоминаний и мнений о Ленине. С толковыми комментариями, конечно, и под названием, например: «Лгут, как очевидцы».

Читатель познакомится с рядом и лояльных, и нелояльных к Ленину его оценок. При этом здесь намеренно не приводятся положительные оценки и мнения, принадлежащие соратникам Ленина. Все положительные оценки взяты из воспоминаний исключительно иностранцев, причём – достаточно нейтральных, не коммунистически настроенных.

А начнём мы с негатива, с Петра Бернгардовича Струве, былого товарища молодого Ленина. Хотя, впрочем, перед этим – несколько общих замечаний.

Владимир Ильич Ульянов, вошедший в историю под партийно-литературным псевдонимом «Ленин», не дожил трёх месяцев до 54 лет, то есть физическая его жизнь оказалась недолгой. Однако на всём её протяжении с Ульяновым-Лениным так или иначе было знакомо множество людей. Кто-то относился к нему как к вождю, товарищу, другу, интереснейшему собеседнику, просто хорошему человеку, кто-то – ненавидел Ленина, смотрел на него взглядом, затуманенным злобой, завистью и неприятием. Поэтому, составленный из кусочков «мозаики» ***всех*** воспоминаний и «воспоминаний» о Ленине, «мозаичный» его портрет будет отличаться определённым разнобоем, но…

Но если мы проведём вполне объективный отбор, выбрасывая из «мозаики» ***явно*** гнилые или бесцветные кусочки, то ленинский портрет выйдет вполне цельным, а одновременно – многоцветным и ярким!

Возьмём, например, старого нашего знакомого – Павла Николаевича Милюкова (1859–1943) … Профессор, кадет, министр иностранных дел Временного правительства, англофил, автор посмертно изданных в 1955 году в Нью-Йорке «Воспоминаний», однозначно – антиленинец…

Но уже первые упоминания о Ленине в «Воспоминаниях» Милюкова, относящиеся ещё к дореволюционному периоду деятельности Владимира Ильича, показывают, что поздний Милюков в полной мере сознавал выдающуюся роль Ленина в формировании революционной России и…

И, похоже, скрыто гордился тем, что имел честь быть с ним лично знакомым. Вот что Милюков пишет, имея в виду 1903 год:

«…Самым последним моим впечатлением было соглашение конституционных и

революционных партий в Париже относительно нашей общей политической цели – уничтожения самодержавия. И даже Ленин, „сам“ Ленин присматривался тогда ко мне, как к возможному временному (скорее – кратковременному) попутчику – по пути от „буржуазной“ революции к социалистической. По его вызову я виделся с ним в 1903 г. в Лондоне в его убогой келье. Наша беседа перешла в спор об осуществимости его темпа предстоящих событий, и спор оказался бесполезным. Ленин всё долбил своё, тяжело шагая по аргументам противника. Как бы то ни было, идея „буржуазной“ революции, долженствующей предшествовать социалистической, была и у него…»

Это «„сам“ Ленин», невольно выскользнувшее из-под пера Милюкова, дорогого стоит. Это – то слово, которое как воробей: вылетит, не поймаешь…

И, надо сказать, мало кто из крупных современников Ленина, имевших о нём какие-то ***личные*** впечатления, отзывался о нём плохо – даже в стане врагов. Сквозь внешнее неприятие проглядывает скрытое уважение или, хотя бы, сознание масштаба того, о ком идёт речь.

В то же время, чем гнуснее и отрицательнее человек оценивал Ленина, тем более дрянным этот человек был. Та или иная оценка Ленина лично знавшими его людьми полностью характеризует самих оценивающих!

Люди деятельной и честной жизни Лениным восхищались – не как «кумиром», а как великолепным проявлением духовной и интеллектуальной мощи человека. Эти люди и сами прожили достойную и полную жизнь, и сами что-то значили.

Духовные и политические импотенты писали о нём с кривой усмешкой, по типу: «А виноград-то зелен», втайне завидуя тому, чью мощь и правду признать страшились.

Люди же мелкой и кривой жизни Ленина ненавидели патологически и старались его опорочить, низвести до своего мышиного уровня. Но даже у этих Ленин мелким, как правило, не выглядит.

Ровесник Ленина Пётр Бернгардович Струве (1870–1944) – случай, при этом, вообще-то, особый, хотя Струве – тоже из «мышиной когорты»…

Много, много *толерантных* и *политкорректных* современных представителей этой бесславной когорты взовьётся при такой оценке «крупнейшего интеллекта» России, но Пётр Бернгардович – не мыслитель, а всего лишь представитель особого типа невежд. Как, к слову, и помянутый ранее Павел Николаевич Милюков, даром что Милюков знал 18 языков, а библиографический перечень его научных трудов занимает 38 машинописных страниц…

Монтень высказывался в том смысле, что есть два вида невежества. Одно – простодушное, происходит от неграмотности, незнания, и уничтожается образованием. Второе же – чванное, возникает в результате чрезмерного знания и образованием питается.

Струве, Милюков и им подобные являются невеждами второго рода. Их политические концепции были мертворождёнными, а их авторы не понимали сущности происходящих в обществе процессов… Впрочем, возможно они их и понимали, но придерживали это понимание при себе, высказывая вслух или на бумаге мнение, отличное от того, что было у них внутри. Ну, в таком случае они, конечно, не невежды, они в таком случае – умные подлецы и негодяи.

Так или иначе, Струве знал Ленина ещё в молодые годы, позднее жил рядом с ним в эмиграции, и когда последний вернулся в Россию весной 1917 года, у Струве попросили коротко, в двух словах, охарактеризовать Ленина.

– В двух словах, говорите? – переспросил Струве. – Ну, что ж, извольте. Больше двух слов мне и не понадобится…

И затем отчеканил:

– Думающая гильотина…

Точнее попасть пальцем в небо нельзя! Но в чём Струве, не пожалевший истины ради

красного словца, был, пожалуй, прав, так это в том, что Ленину не были свойственны колебания и сомнения ***на людях***…

Как глубоко чувствующий и мыслящий человек, он, конечно, знал моменты сомнений, но не проявлял их, действуя как общественная фигура, а держал внутри себя. Он был природным вождём, как сейчас выражаются, – харизматическим лидером. А хорош будет вождь, если начнёт прилюдно обнаруживать свои сомнения! Уверенность и бодрый вид полководца – важнейший фактор и побед, и превозможения неудач.

Вернёмся, впрочем, к взгляду на Ленина Струве. Уже в «белой» эмиграции, узнав о смерти Ленина, Струве высказался так:

«В истории есть два вида значительных людей. Одни таковы в силу своего личного содержания, которым они налагают на исторический процесс свою печать. Другие выражают лишь какую-то большую историческую, добрую или злую, стихию, являясь её исполнителями и орудиями. Первые люди всегда лично значительны, ибо они сами содержательны, самобытны. Вторые представляют комбинацию каких-то личных свойств, которую можно в известном смысле назвать одарённостью, с силами исторической стихии»

К какому же виду значительных людей Струве относил Ленина?

Ну, естественно, Ленин представлял для Петра Бернгардовича второй случай, и он писал:

«Его идейное содержание было неоригинально, и в своей существенной неоригинальности он, как ум, был лишён даже какой-либо одарённости. Этот скудный и плоский ум был наделён огромной и гибкой волей, …но… совершенно безстыжей…»

Подобная – очевидно несправедливая, оценка говорит нам о Струве намного больше, чем о Ленине. Любопытно при этом сравнить мнение Струве с восприятием Ленина русским человеком, возрастом на двадцать лет младше Ленина и Струве. Речь – о Николае Устрялове, человеке с судьбой непростой, изломанной. И чтобы было понятно – что и к чему, о нём надо тоже сказать пару слов…

Николай Васильевич Устрялов (1890–1938), в 1916 году доцент Московского, в 1918 году – Пермского, университетов, председатель Восточного отдела ЦК кадетской партии, с 1920 по 1934 год был профессором Харбинского университета, с 1928 года также заведовал библиотекой КВЖД.

В эмиграции Устрялов стал одним из идеологов так называемого «сменовеховства» (от названия издававшегося в Праге и Париже журнала «Смена вех») – буржуазного течения, делавшего расчёт на националистическое перерождение Советской власти под влиянием НЭПа, и призывавшего к возвращению на Родину и сотрудничеству с Советской властью.

В 1935 году вернулся в Москву и сам Устрялов. Правда, в 1938 году его расстреляли как агента японцев – основания для такого обвинения, увы, имелись… Тем не менее, в своих просоветских симпатиях профессор был достаточно искренен, а приводимое ниже мнение высказал сразу же по получении известия о смерти Ленина, то есть – во времена, когда возвращаться в Россию ещё не собирался, неплохо устроившись в эмиграции.

Иными словами, сказал Устрялов тогда то, что думал…

А сказал он вот что:

«В живой драме всемирной истории это был один из типичных великих людей, определяющих собой целые эпохи. Само имя его останется лозунгом, символом, знанием. Он может быть назван духовным собратом таких исторических деятелей как Пётр Великий, Наполеон. Перед ним, конечно, меркнут наиболее яркие персонажи Великой Французской революции. Мирабо в сравнении с ним неудачник, Робеспьер – посредственность. Он своеобразно претворил в себе и прозорливость Мирабо, и оппортунизм Дантона, и вдохновенную демагогию Марата, и холодную принципиальность Робеспьера…»

34-летний – в 1924 году, Устрялов, встретивший Октябрь 1917 года вполне молодым, но уже сформировавшимся человеком, находился, конечно, под огромным впечатлением от Ленина, и весть о смерти исторгла из души Устрялова то, что в другое время он, может быть и не сказал бы:

«В нём было что-то от Микель Анжело, от нашего Льва Толстого. По размаху своих дерзаний, по напряжённости, масштабам, внутренней логике своей мечты он им подобен, он им равен. Его гений – того же стиля, той же структуры. Те же огромные, сверхчеловеческие пропорции, та же органическая „корявость“ рисунка – но какая жуткая его жизненность, что за подлинность нутряной какой-то правды!»

Люди, высокомерно мнящие себя носителями национального духа, хотя на самом деле они были всего лишь любителями русской икры и стерляжьей ухи, отказывали Ленину в праве быть русским. А вот что писал 24 января 1924 года в эмигрантской газете «Новости Жизни» Устрялов:

«Но мало сказать, что он был великий исторический деятель и великий революционер. Он был кроме того глубочайшим выразителем русской стихии в её основных чертах. Он был несомненно русским с головы до ног. И самый облик его – причудливая смесь Сократа с чуть косоватыми глазами и характерными скулами монгола… Много таких лиц на Руси, в настоящем, именно „евразийском“ русском народе…

Пройдут годы, сменится нынешнее поколение и затихнут горькие обиды, страшные личные удары, которые наносил этот фатальный, в ореоле крови над Россией взошедший человек, миллионам страдающих и чувствующих русских людей. И умрёт личная злоба, и „наступит история“. И тогда уже навсегда все и окончательно поймут, что Ленин – наш, что Ленин – подлинный сын России, её национальный герой – рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и Толстым.

Пусть сейчас ещё для многих эти сопоставления звучат парадоксом, может быть, даже кощунством. Но Пантеон национальной истории – по ту сторону минутных распрь… И хочется в торопливых, взволнованных чувствах, вызванных первой вестью об этой смерти, найти не куцый импрессионизм поверхностного современника, а возвышенную примирённость и радостную ясность зрения, свойственные „знаку вечности“».

Устрялов был политически хаотическим человеком, он путал национальное и классовое, был наивен в своей уверенности в том, что придёт время, и «личная злоба» уступит место пониманию национального величия Ленина.

Не в личной злобе была суть, а точнее – не только в личной злобе. Конечно, в том, что писал о Ленине тот же Струве (и ему подобные), присутствовал и личный момент, но определяющей была тут классовая ненависть, классовая злоба! А эта злоба имущих к великому выразителю интересов неимущих будет жива до тех пор, пока мир будет разделён на тех, кто – по словам Талейрана – стрижёт, и тех, кого стригут…

О какой ***личной*** злобе к Ленину может быть речь, если иметь в виду, например, тёзку Ленина Владимира Жириновского? Но ведь злобен последний, как не просто злой цепной пёс, а как, просто-таки бешеная собака! И здесь срабатывает не личная, а классовая злоба, замешанная, правда, как и у Струве, на потаённом понимании собственной человеческой никчёмности и политической мелкотравчатости…

Вспомним, что писал – не для печати, а сам для себя, Ленин в ночь 29 декабря 1900 года, оставшись наедине с собой после долгого и тяжёлого разговора, в котором участвовали Потресов («Арсеньев»), Засулич («Велика»), Струве («Близнец») и жена Струве.

Ленин взялся тогда за перо, чтобы «*записать свои впечатления от сегодняшней беседы с „близнецом“…*», и писал, что это было «*знаменательное и „историческое“ в своём роде собрание (Арсеньев, Велика, близнец + жена + я), по крайней мере историческое в моей жизни,*

подводящее итог целой – если не эпохе, то странице жизни и определяющее надолго поведение и жизненный путь».

В ту ночь тридцатилетний Владимир Ульянов чётко осознал, что отныне его путь полностью расходится с путями его собеседников, и уж, во всяком случае, с путём Петра Струве… Это невесёлое жизненное открытие Ленина не радовало, и он сокрушался (ПСС, т. 4, с. 386, 387):

«*Близнец показал себя с совершенно новой стороны, показал себя „политиком“ чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашом и нахалом. … Близнец явился с верой в наше бессилие, явился предлагать нам условия сдачи, и он проделал это в отменно-умелой форме, не сказав ни одного резкого словечка, но обнаружив, тем не менее, какая грубая, торгашеская натура дюжинного либерала кроется под этой изящной, цивилизованной оболочкой самоновейшего „критика“…*»

Как это, к сожалению, точно!

Причём – точно в отношении не только Струве, но и целого социального строя, всё ещё существующего и процветающего в человеческом сообществе…

С той ночи прошла целая эпоха, Ленин свершил свой путь и умер, и вот что писал в 1924 году Струве, охваченный по отношению к Ленину двойной злобой – личной и классовой:

«Ленин был абсолютным аморалистом в политике и потому ему было легко быть таким превосходным и успешным тактиком… Это была смесь палача с лукавцем. И Г. В. Плеханов, и В. И. Засулич, и М. И. Туган-Барановский, и пишущий эти строки… испытывали некое общее глубочайшее органическое отталкивание от самой личности Ленина, от его палаческой жестокости и абсолютной неразборчивости в средствах борьбы. Душа… нежно-тонкой Веры Ивановны Засулич прямо содрогалась и сжималась при соприкосновении с этим воплощением лукавой злобы…»

Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно! Ленина обвиняли в аморализме не раз, и не только Струве, однако ни один из обвинителей не смог привести ни одного корректного конкретного примера ленинского политического аморализма. При этом каждый раз Ленина обвиняли люди, лично, возможно и моральные (в суп никому тайком не плевали), но в политическом отношении, как правило, аморальные абсолютно!

От Струве до Жириновского…

Так, Пётр Струве мнил себя марксистом, а в тяжкий для Родины час стал одним из тех, кто подтолкнул Россию к гражданской войне. Этим он злобно обрёк Родину на кровь и страдания, отвлёк её на годы от мирной работы возрождения. Роль Струве в те годы – по сути, палаческая.

Виктор Чернов клялся народной волей, а, оказавшись во Временном правительстве как лидер массовой крестьянской партии, даже не заикнулся о необходимости ***немедленного*** решения в России земельного вопроса в пользу тех, кто землю обрабатывает…

Павел Милюков разглагольствовал о «народной свободе», слыл англофилом, любимцем Антанты, но когда оказался не у дел, начал с участия в создании «белой» Добровольческой армии, а летом 1918 года в Киеве пытался свести дружбу с немцами, воюющими с Антантой, и спровоцировать их на подавление Советской власти. Осенью же 1918 года, уже в Лондоне, «моралист» Милюков нашёл общий язык с организаторами антантовской интервенции в Россию. Так же, как и Струве, он обрекал Родину на страдания и разруху…

И эта «мышиная», принципиально аморальная «когорта» обвиняла в аморализме Ленина, жившего для народа и принявшего за народ отравленную пулю…

Н-да…

Струве писал о Ленине и вот что:

«Ленин, как вершитель и организатор коммунистического интернационала, оборвал

традицию и разрушил дело Петра Великого, отбросив Россию как государство, в XVII век… Делом Ленина явилось умаление и расчленение Державы Российской. Ленин использовал безумие народных масс для того, чтобы на алтаре мировой социальной революции заклать Россию. Ибо что ему было до России, он ведь не Пётр, который, находясь в опасности плена, призывал Сенат думать не о Петре, а о России»…

Конечно, эти слова тоже были продиктованы слепой, злобной ненавистью, когда – куда уж до профессорского благообразия? Тут бы укусить позлее, даже не заботясь о том, чтобы вышло побольнее, а желая одного – укусить!

Не напоминая известные читателю заслуги Ленина в сохранении территориальной целостности России, просто приведу ниже слова философа-эмигранта Николая Бердяева (1874–1948) – отнюдь не сторонника Ленина, а его оппонента…

Бердяев писал о Ленине не раз и разное, например, следующее:

«Революционность Ленина имела моральный источник, он не мог вынести несправедливости, угнетения, эксплуатации. Но, став одержимым максималистической революционной идеей, он в конце концов потерял непосредственное различие между добром и злом, допуская ложь, обман, насилие, жестокость… Ленин не был дурным человеком, он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, но одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению…»

Несправедливо и бездоказательно судя Ленина (примеры лжи, обмана и жестокости Бердяев, как и прочие, не приводил), «судья» сам обнаруживал крайнюю узость мысли. Однако любопытно то, что он писал о Ленине и так:

«Роль Ленина есть замечательная демонстрация роли личности в исторических событиях… Он соединял в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачёва, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого… Ленин был революционер-максималист и государственный человек. В 1918 году, когда России грозил хаос и анархия, в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов. Он призывает к элементарным вещам, к труду, к дисциплине, к ответственности, к знанию и учению, к положительному строительству, а не к одному разрушению, он громит революционное фразёрство, обличает анархические наклонности, он совершает настоящие заклинания над бездной. И он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путём. В этом есть черта сходства с Петром».

Бердяев был большим путаником, поэтому, уловив исторический и личностный масштаб Ленина, не понял, однако, что Ленин остановил распад России не тираническим путём, что он был лишь ***руководителем*** государства ***диктатуры пролетариата***, и без поддержки, прежде всего, рабочих – наиболее политически развитой части российского общества, якобы «диктатор» Ленин ничего сделать не смог бы.

Любой строй, любой режим, а, тем более – жёсткий режим, не могут существовать без той или иной весомой поддержки. До Октября 1917 года все жёсткие режимы были сильны поддержкой имущих… А «диктатура» Ленина была сильна поддержкой неимущих…

Кое-кто сегодня видит гениальность Ленина в том, что он якобы «обманул своих нанимателей»: деньги, хитрец, на развал России взял, а на эти деньги Россию спас. При этом подобные «защитники» Ленина убеждены, что он «брал деньги на революцию» постольку, поскольку-де «без денег революций не бывает»…

Но то-то и оно, что Ленин был силён не мифической поддержкой мифических «заказчиков»… Он совершал не политическую революцию – такие революции действительно невозможны без «спонсоров», то есть – тайных, манипулирующих массами, сил, в интересах которых совершается революция… Ленин всегда работал во имя социальной революции, которая

совершается массами под руководством вождей масс при посредстве политического авангарда масс, действующего в интересах исключительно масс…

Ленин не манипулировал массами – как это проделывали организаторы Французской буржуазной революции, российского Февральского переворота 1917 года или ельцинского Августовского путча 1991 года… Ленин убеждал массы, причём убеждал силой внятных аргументов, силой логики. И когда достаточно большая часть массы осознала правоту Ленина, он повёл массу на социальную революцию…

Эту разницу между политиком масс Лениным и буржуазными политиканами – казалось бы, очевидную, – нередко не видели даже, казалось бы, высоко просвещённые люди.

Скажем, в 1931 году в издательстве Йельского университета вышла в свет книга «Lenin. Red Dictator» («Ленин. Красный диктатор»), лишь в 1998 году переведённая на русский язык. Написал её Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) – профессор Йеля, сын царского и советского академика Владимира Вернадского.

Георгий Вернадский был буржуазным историком, и его взгляд на Ленина не мог не быть ограниченным. Но вот как писал даже Вернадский-сын:

«Деятельность Ленина может рассматриваться с разных точек зрения, возможны различные оценки её результатов. Но нельзя отрицать тот факт, что… Ленин бесспорно является одним из наиболее выдающихся политических лидеров… Приверженцы Ленина сравнивают его с Робеспьером и Кромвелем. В политическом руководстве он, возможно, превосходил Робеспьера (и на том спасибо! – *С.К.*). Сравнение с Кромвелем больше подходит к нему. Подобно Кромвелю Ленин не только знал, как бороться против старого порядка, но и умел организовать революцию и направить её в нужное русло. Но несмотря на некоторое сходство, между этими двумя людьми существовала и громадная разница… Кромвель не посягал на систему частной собственности, Ленин видел в разрушении её свою главную историческую задачу…»[1374]

Вернадский-сын (как, впрочем, и оставшийся в России Вернадский-отец) не понимал, что для оценки социальных явлений ***в конечном счёте*** есть ***лишь две*** точки зрения: точка зрения имущей Элиты, и точка зрения сознательно противостоящего и антагонистичного Элите организованного Труда. И, всё же, разницу между Кромвелем и Лениным Вернадский-сын уловил верно!

Кромвель выражал интересы тех, кто стрижёт, и не посягал на систему частной собственности. А Ленин был из числа тех, кто не желал, чтобы мир делился на стригущих и остригаемых, и поэтому Ленин видел в разрушении института частной собственности одну из своих исторических задач, но – не главную свою историческую задачу!

Увы, Вернадский-сын даже в 1931 году не понял, что свою главную историческую задачу Ленин видел не в разрушении чего бы то ни было, а в построении нового общества, свободного от эксплуатации человека человеком, и значит – действительно свободного!

Хотя…

Вернадский ведь написал и так:

«Уникальное качество Ленина как политического лидера нашего времени состояло в том, что в нём сочеталась приверженность абстрактной теоретической программе с редким умением приспособить свою тактику к требованиям жизни. Сочетание казалось в высшей степени необычным: в одном человеке соединились фанатик и оппортунист (Ленин, вообще-то, был, так сказать, практическим романтиком, – *С.К*)… В натуре Ленина уживалась и другая пара контрастных качеств: им одновременно владели разрушительная и созидательная силы. Всю первую половину своей карьеры, до захвата власти, Ленин проповедовал разрушение всех институтов буржуазного общественного порядка… Но сразу же после взятия власти он начал строить новую структуру… Разрушив всё, что можно, Ленин призвал к организованному

строительству…»[1375]

Вернадский и тут не был особо прозорлив – временное вынужденное отступление Ленина в сторону Новой экономической политики (НЭПа) он расценил как акт государственного строительства. Но хорошо уже то, что даже вернадские не числили Ленина исключительно по ведомству разрушения.

Думаю, стоит привести и ещё ряд оценок Вернадского-сына. Как-никак, их высказал человек, полностью независимый от требований советского Агитпропа, и, в то же время, служивший (понимал он это или нет – дело десятое) в «Агитпропе» «Вашингтонского обкома»…

Например, Вернадский признавал:

«Как оратор Ленин славился внутренней силой и логикой своих речей. Однако… секрет его силы заключался не в ораторском искусстве…, главную надежду возлагал он не на красноречие Он знал, как создать между лидером и массами связь более прочную, чем связь оратора со своей аудиторией. Он сумел сковать цепь, крепко соединившую партию и народ…»[1376]

Но ошибётся тот, кто решит, что почтенный профессор Вернадский, признанный в США крупнейшим знатоком русской истории, судил Ленина беспристрастно и оправдывал его.

Вернадский писал и так:

«В борьбе за власть Ленин решительно применял любые средства, даже такие как клевета и готовность возбудить тёмные массы против кого угодно (? – *С.К.*), лишь бы снять ответственность с себя. Для привлечения на свою сторону народа Ленин, нисколько не задумываясь, разжигал самые низменные инстинкты толпы – зависть и ненависть…»[1377]

При этом профессор не привёл – в подтверждение ***своей*** клеветы, ни одного конкретного примера, ни одной уличающей цитаты. Но тут уж какие могут быть к нему претензии! Вернадский-сын служил (понимал он это или нет – дело десятое) в «Агитпропе» тогдашнего «Вашингтонского обкома», поэтому он дал следующую итоговую, по сути, оценку Ленина:

«Проводя в жизнь свои планы, Ленин был безжалостен, не придавал никакой цены человеческой жизни. Он постоянно обвинял своих противников – империалистов, буржуазию, помещиков, царский режим – в жестокости. А как же действовал он сам?

Если подсчитать количество убитых по прямым призывам Ленина (исключив жертв гражданской войны) и добавить погибших от голода вследствие его экономической политики – результат получится ошеломляющим. Достаточно сказать, что число русских, умерших от голода в 1921–1922 годах, вдвое превышает число русских солдат, убитых и искалеченных в мировой войне. Если посчитать человеческие жизни, утраченные при правлении Ленина, придётся поместить его в список самых ужасных тиранов, которых знала история»[1378].

Уж не знаю: демонстрировал ли профессор Вернадский невежество второго рода – образованное невежество; просто ли «ваньку валял», изображая непонимание; или отрабатывал авансы «Вашингтонского обкома», но итоговая его оценка Ленина оказалась отнюдь не профессорской, а лживой и подлой…

Начнём с того, что, если принять логику Вернадского-сына и подсчитать жизни, суммарно утраченные только в Первой мировой войне при правлении Николая II, Вильгельма II, президента США Вильсона, английского военного министра Черчилля, французского президента Пуанкаре, французского премьера Клемансо, немца Круппа, американцев Морганов и Дюпонов, космополитов Ротшильдов, то в список самых ужасных тиранов мировой истории следует поместить их, а не Ленина… Они ведь, а не Ленин, замыслили, подготовили и начали кровавую Мировую Бойню… Более кровавой оказалась лишь вторая такая же бойня,

подготовленная и начатая тем же классом имущих и преемниками организаторов первой бойни…

А Ленин против этой бойни протестовал и обличал её авторов.

Далее… Погибшие в войнах (как раз ***включая*** жертвы гражданской войны) и умершие в голод люди – это результат не экономической политики Ленина, а результат интервенционистской политики Запада, включая США и Японию, а также результат бессмысленных генеральско-кадетских авантюр, поддержанных и поощряемых всё тем же Западом, включая Японию и США…

Надеюсь, ранее на сей счёт сказано достаточно, чтобы читатель со мной согласился, но напомню ещё раз, что Ленин не собирался в 1918 году вести гражданскую войну, он собирался орошать Голодную степь…

В речи перед агитаторами, посылаемыми в провинцию 21 января (5 февраля) 1918 года Ленин сказал:

– Товарищи, вы все знаете, что большинство рабочих, солдат и крестьян и Великороссии и других наций, которые составляли Россию – прежде по принуждению, а теперь части свободной Российской республики, – признали Советскую власть. И нам остаётся небольшая борьба с жалкими остатками контрреволюционных войск Каледина, которому на своём Дону, кажется, приходится спасаться от революционного казачества[1379].

Тогда же Ленин говорил о том, что Советы могут «вывести Россию на путь свободного сожительства трудящихся», указывал на двух главных врагов Советской власти – международный капитал и разруху, и призывал: «Нам предстоит тяжёлый и упорный труд – залечивание ударов, нанесённых войной…»

В тот же день 23 января (5 февраля) 1918 года Ленин написал проект Постановления Совнаркома о переводе всех военных заводов на хозяйственно-полезные работы и прекращении выполнения военных заказов… А международный капитал подготовил мятеж чехов, эсеры и генералы его поддержали, и вместо орала на первое место вынужденно вышел меч…

Не по вине Ленина и против воли и желания Ленина!

Наконец, главное…

Все жертвы, принесённые «при правлении Ленина», народ приносил во имя ***своих*** интересов, а все жертвы, принесённые при правлении врагов Ленина – империалистов, буржуазии, помещиков, царского режима, народ ***вынуждали*** приносить, обеспечивая ***чужие и враждебные*** народу интересы.

Улавливается разница?

Георгий Вернадский одно время подвизался у Врангеля в должности заведующего отделом печати, о чём и отец, и сын позднее предпочитали умалчивать, но у Врангеля в воспоминаниях однозначно написано: «24 сентября назначение Вернадского-сына состоялось»[1380].

Уж кту кто, а Врангель был обречён на итоговое поражение изначально – он заменил Деникина в пору, когда конечный провал «Белого движения» был очевиден. Вопрос был лишь в одном – ценой какой крови и какого отвлечения сил и средств от задач мирного строительства Советская Россия покончит с врангелевщиной? Экономика была в упадке, а вместо того, чтобы поднимать её, Ленин был вынужден и в 1920 году ориентироваться на примат военных усилий…

И вот в этих условиях «эстет» и «интеллектуал» Вернадский связывает себя с хотя и балаганным, но кровавым режимом «чёрного барона». А через десять лет из заокеанской сытости, бывший соратник Врангеля ничтоже сумняшеся обвиняет Ленина в кровавом тиранстве…

Н-да…

Вернадский выставлял счёт за миллионы голодных смертей в России Ленину, а объективно

этот счёт надо было предъявлять его шефу Врангелю, Деникину, Колчаку, Савинкову, Рябушинскому и поддержавшим их капиталистам Европы и США. Напомню, что в августе 1918 года, в горячке гражданской войны, спровоцированной оплаченными Америкой белочехами, Ленин в «Письме к американским рабочим» писал: «*Американские миллиардеры нажились больше всех. И на каждом долларе – ком грязи от „доходных“ военных поставок… На каждом долларе следы крови – из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных…*»

Этих слов Ленина Вернадский не знать не мог – они были опубликованы в «Правде»… Однако присоединяться к обличениям Лениным американских миллиардеров американскому профессору эмигрантского происхождения было как-то не с руки.

Пётр Бернгардович Струве сказал о Ленине: «Думающая гильотина»…

Что ж, Ленин не был «добреньким» – именно приверженные «общечеловеческим ценностям» «политиканы» проливают моря невинной крови – как «демократ» Черчилль в колониях, в Первой и Второй мировых войнах; как «демократические» и «республиканские» президенты США в тех же мировых войнах, в послевоенных локальных конфликтах, начиная с Кореи; как Ельцин в пост-советской «Россиянии», как Порошенко в Донбассе и т. д.

Когда того требовала ситуация, Ленин был по необходимости жёстким. Летом 1919 года во время решающих наступательных действий Южной группы войск Восточного фронта против колчаковцев, в ряде прифронтовых районов Самарской и Оренбургской губерний и Уральской области вспыхнули бело-казачьи и кулацкие восстания, и 11 июня 1919 года Ленин направляет шифровку в Реввоенсовет Восточного фронта С. И. Гусеву и М. М. Лашевичу:

«Обратите сугубое внимание на восстание в районе Иргиза. Не запускайте, мобилизуйте все окрестности, обсудите, нельзя ли аэропланами побить повстанцев. Ликвидация необходима немедленная и полная…»[1381]

Жестокость «думающей гильотины»?

Безусловно – нет! Это вынужденная жёсткость – на войне, как на войне, где малой кровью предупреждают большую. При этом жёсткость обусловлена не низменными целями…

Цель не оправдывает средства, но средства определяются исторической конкретикой, а она была для старой России по отношению к народу подлой и гнусной. Струве закрывал на это глаза, а Ленин не закрывал.

На VIII съезде Советов в 1920 году, говоря о проблемах электрификации России – но не просто об электрификации, как факторе развития экономики, а об электрификации, как факторе социального преобразования общества, Ленин высказал мысль, для него давно освоенную, но сегодня с трудом усваиваемую даже академиками от истории…

Он сказал:

– Конечно, для беспартийной крестьянской массы электрический свет есть свет «неестественный», но для нас неестественно то, что сотни, тысячи лет могли жить крестьяне и рабочие в такой темноте, в нищете, в угнетении у помещиков и капиталистов…

Итак, для Ленина и его соратников было неестественным то, что огромные массы людей живут в прозябании и более того – в нищете, материальной и духовной, в то время как кучка, два-три процента населения той же страны, живёт даже не комфортно, а в роскоши, в наглой роскоши…

А для Петра Бернгардовича Струве такое положение вещей было вполне… Впрочем, нет, Струве и подобные ему не отрицали, что такое положение вещей неестественно и несправедливо. Вот только ***жизнь положить*** на то, чтобы это гнусное положение вещей отменить – на это Струве идти не желал.

И не шёл, оставаясь про звании «легального марксиста», хотя именно Маркс сказал:

«Философы лишь различным способом ***объясняли*** мир, но дело заключается в том, чтобы ***изменить*** его».

Струве, уже в молодые, по сути, лета, пошёл на сделку с совестью, разменяв убеждения на комфорт. Он не рискнул заняться таким тяжким делом как изменение мира в интересах тех, кто создаёт все ценности мира.

А Ленин занялся.

И вот теперь Струве имел наглость обвинять Ленина в аморализме…

Тьфу!

На том же VIII съезде Советов – где ещё были среди делегатов и меньшевики, и эсеры, где ещё выступал Фёдор Дан, Ленин, прямо обращаясь к последнему, говорил:

– Мы вовсе не признаём, что ведём дело безошибочно, но, пожалуйста, покажите нам эти ошибки, покажите нам другие подходы, но этих других подходов мы здесь не слыхали. Ни меньшевики, ни эсеры не говорят: «Вот нужда, вот нищета крестьян и рабочих, а вот путь, как выйти из этой нищеты». Нет, этого они не говорят. Они только говорят, что то, что мы делаем, это принуждение. Да, этого отрицать нельзя. Но мы спрашиваем у вас, гражданин Дан: вы поддерживаете это или нет? Вот в чём суть, вот в чём соль. Конкретно отвечайте: да или нет? «Ни да, ни нет»… Они видите ли, желают только поговорить о трудовластии…[1382]

Да, поговорить среди русской интеллигенции мастеров и любителей хватало во все времена… Делать же дело пришлось Ленину. И, в отличие от черновых, данов, струве и т. д., Ленин чётко разделял «Да!» и «Нет!» А ведь никто иной, как Иисус Христос отрезал: «Но да будет слово ваше: „да, да“, „нет, нет“; а чту сверх этого, то от лукавого» (Матф., гл.5, ст. 37).

Луис Фишер (1896–1970), американский журналист, в начале 20-х годов работал в Европе. В 1922 году он женился на переводчице советского полпредства в Берлине и вскоре был командирован на работу в Москву, где прожил 14 лет. Фишер был близок к Троцкому, знал многих советских «вождей», при этом большая часть его знакомцев не пережила 1937 год.

Уже в 60-е годы Фишер написал о Ленине толстенный, весьма информативный, но не очень-то глубокий, труд «Жизнь Ленина» о 52 главах. Оттуда стоило бы привести много любопытных цитат, но приведу одну. Фишер пишет: «Несмотря на широкое образование и знание европейских языков, в том числе и итальянского, Ленин мало читал иностранную литературу. Чтение ради удовольствия, чтение как культурный процесс, было ему чуждо, читал он исключительно с утилитарными целями»[1383].

Правды в сказанном мало… Ленин знал и любил хорошую и умную беллетристику, в его работах встречаются ссылки или аллюзии на Барбюса, Бурже, Гауптмана, Диккенса, Доде, Золя, Сервантеса, Франса, Шекспира и Шиллера, не говоря уже о великих русских писателях. Особенно он любил Салтыкова-Щедрина, да и Чехова тоже…

Приведу часть письма Ленина своему секретарю Лидии Фотиевой от 13 июля 1922 года: «*Лидия Александровна! Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк, который начинает становиться человеческим. Начинайте готовить мне книги (и посылать мне списки) 1) научные, 2) беллетристику, 3) политику (последнюю позже всех, ибо она ещё не разрешена)… Привет! Ленин*»[1384]

Из письма видно, что Ленин регулярно знакомился со списками всех новых издаваемых книг, не забывая и беллетристику. Но «просто чтению» – для удовольствия, Ленин уделял действительно мало времени. У него просто не было возможности увлекаться «просто чтением», хотя читал он по необходимости много… Уже после всех ударов – и судьбы, и приступов болезни, он, рассчитывая ещё вернуться в строй, 10 февраля 1923 года заказывал дежурному секретарю по списку книги – в дополнение к уже заказанному.

И что же там было?

А вот что: 1) В. С. Рожицын. «Новая наука и марксизм», Харьков, 1922; 2) С. Ю. Семковский. «Марксизм как предмет преподавания. Доклад на Всеукр педагог. конференции (июль 1922 г.)», Харьков, 1922; 3) М. Альский. «Наши финансы за время гражданской войны и нэпа», М., 1923; 4) С. Н. Фалькнер. «Перелом в развитии мирового промышленного кризиса», М., 1922; 5) Г. Цыперович. «Мы сами! (Итоги хоз. строительства за 5 лет)». Пг., 1922; 6) Л. Аксельрод (Ортодокс). «Против идеализма. Критика некоторых идеалистич. течений философск. мысли. Сборник статей». М. – Пг., 1922; 6) А. Древс. «Миф о Христе», М., 1923; 7) П. Г. Курлов. «Конец русского царизма. Воспоминания быв. командира корпуса жандармов», М. – Пг., 1920; 8) С. И. Канатчиков. «На темы дня (Страницы пролетарской идеологии)», Пг., 1923; 10) «Пролетарское мифотворчество (Об идеологических уклонах современной пролетарской поэзии)», Семипалатинск, 1922; и т. д.

Всё это были, как видим, новые книги, и Ленин стремился их просмотреть, ибо это было нужно для дела. До Монтескьё ли здесь, якобы пренебрежением к которому Фишер пенял Ленину?

Хотя как раз труды Монтескьё Ленин знал и даже его цитировал.

Луис Фишер был птицей невысокого человеческого полёта, и о Ленине он судил не как Сталин – по-орлиному, а с воробьиных высот. Но Фишер хотя бы старался быть объективным, или делал вид, что старается…

А сколько было иных!

Читатель этой книги должен помнить имя, например, Николая Владиславовича Вольского (Валентинова), родившегося в 1879 году в Моршанске Тамбовской губернии и умершего в 1964 году в Плесси-Робинсон под Парижем…

Недолгий большевик, многолетний меньшевик, Вольский после Октябрьской революции работал заместителем редактора «Торгово-промышленной Газеты», затем – в торгпредстве в Париже, а в 1930 году эмигрировал за границу, влившись в ряды антисоветчиков.

Валентинов знал Ленина хорошо в том смысле, что много общался с ним в годы первой и второй эмиграции Ленина. Ленин тоже хорошо знал Валентинова-Вольского и не раз печатно дискутировал с ним, точнее – бил его в хвост и в гриву…

Упоминается Вольский («Самсонов») и в дореволюционной переписке Ленина. Так, 14 октября 1904 года Ленин – рукой Крупской – писал Стасовой и Ленгнику из Женевы в Москву: «*Позиция ЦК* (меньшевистская. – *С.К.*) *развязала нам руки, и теперь гораздо легче жить, чем раньше. Конечно, есть много неприятного, например,* ***Бродяга*** (соратник Ленина по „Союзу борьбы…“ М. А. Сильвин. – *С.К.*) ***стал меньшинством, тоже Самсонов****, но без этого нельзя. Будем работать, отстаивать свою точку зрения, а там видно будет…*»

Много цитировать Валентинова не буду – чтение это мало интересное, но кое что о его оценках Ленина скажу…

Валентинов мнил себя крупнейшим философом, знатоком марксизма и первоклассной интеллектуальной величиной. О Ленине он написал даже не как равный о равном, а с уверенностью в собственном превосходстве – синдром Моськи пополам с синдромом Нарцисса. Вот названия главок его книги «Встречи с Лениным»: «Встреча с Лениным. Мой большевизм»; «Первая стычка с Лениным»; «Бурное столкновение с Лениным. Я взбунтовался»; «Две встречи. Полный разрыв с Лениным»… Тон заголовков очень напоминает стиль приснопамятного кадета Биглера из «Швейка».

Помянутую же выше книгу, написанную в 50-е годы, Валентинов начал с разъяснения:

«Октябрьская революция 1917 г., вождём, творцом, инспиратором главнейших идей которой был Ленин, установила на шестой части земной суши особый строй. Его постепенная

трансформация и посягательство на мировое господство привели в 1952 г. весь мир к вопросу: быть или не быть апокалипсическому ужасу, третьей мировой войне с применением атомных бомб? На фоне всего происходящего с 1917 г. Ленин выступает как гигантская историческая фигура. Он „зачинатель“, от него начался новый исторический период…»[1385]

Уже из приведённой выше цитаты хорошо видна историческая лживость автора.

И «особый строй», начало которому положил ленинский Октябрь, установился к 1952 году далеко не только «на шестой части земной суши» – к России прибавились треть Европы, огромный Китай… Бурлящая Азия тоже склонялась тогда к признанию идейного лидерства СССР.

Мир на грань третьей мировой войны с применением атомных бомб ставил не СССР Ленина и Сталина, а Соединённые Штаты Америки с их наглым посягательством на мировое господство, которое так отвратительно проявляется по сей день…

Но и далее Валентинов писал не менее лживо:

«Когда описывают его жизнь, дают его биографию, характеризуют или оспаривают его идеи, лица, сим занимающиеся, остаются в тени. По положительному или отрицательному отношению к Ленину мы узнаём об их взглядах, не более того. Да большего и не нужно.

Иной характер имеют личные воспоминания о Ленине. В них автор не может быть отсечён, отодвинут от того, о ком он вспоминает…»

Сей сентенцией Валентинов заранее оправдывал тон своих воспоминаний о Ленине, с которым автор был якобы «на дружеской ноге» – почти так же, как гоголевский Хлестаков с Пушкиным… А ведь десятки, даже сотни людей, так или иначе знавших Ленина, оставили о нём вполне честные и интересные ***личные*** воспоминания, оставаясь – пользуясь выражением Валентинова – «в тени»… Точнее – вполне сознавая дистанцию между собой и Лениным и поэтому выдерживая её вполне естественным образом.

Валентинов же этой дистанции не ощущал.

Ну и чёрт с ним!

Не он один был такой, хотя подобных наглецов среди «мемуаристов» оказалось и не в избытке. Пожалуй, кроме Валентинова, на подобную наглость – опустить Ленина до собственного уровня, решился лишь Соломон-Исецкий…

Георгий Соломон (Исецкий) (1868—?) написал о Ленине ряд книг, включая «воспоминания»… При этом сразу следует заметить, что Соломон-Исецкий – дрянной человек. И не потому, что он гнусновато писал о Ленине, а потому что Соломон прожил дрянную, вздорную жизнь.

В начале её он странно и путанно «боролся против царизма», затем, эмигрировав, погряз в наихудшем варианте эмигрантского «болота» – меньшевистском… После Октября возымел амбиции, способностям не соответствующие – это видно по уровню мысли в его книге. Достаточно сообщить, что Соломон заявлял о том, что по возвращении в Россию в конце 1917 года ему якобы было предложено «войти в состав большевистского правительства», от чего он «отказался»…

Вначале Соломон был направлен на дипломатическую работу в Германию, потом работал в системе Комиссариата внешней торговли, в советской внешнеторговой фирме «Аркос», а в итоге в 1922 году сам лишил себя Родины и бесследно исчез в «цивилизованных» дебрях предвоенной Европы.

В эмиграции Ленин и Соломон были знакомы, и Ленин иногда даже пользовался посредничеством Соломона, хотя в близкий круг Ленина Соломон никогда не входил. Так что лжи в «мемуарах» Соломона предостаточно. Однако и среди лжи – сознательной, вызванной антиленинским социальным (точнее, конечно, антисоциальным) заказом, или лжи невольной,

вызванной непониманием Ленина, всегда можно отыскать зёрна истины, и при всей злой карикатуре на Ленина, которую Соломон нам оставил, он порой пишет несомненную правду.

Так, я верю Соломону в том, что, что Ленин «зло называл» Керенского «министром из оперетки „Зелёный остров“»[1386].

Верю и в то, что в 900-е годы Ленин, оценивая позицию «отзовистов», то есть, тех, кто считал участие социал-демократов в царской Думе ошибкой, говорил Соломону:

– Так могут думать только политические кретины и идиоты мысли, вообще все скорбные главой…

Сказать так – вполне в духе и стиле Ленина. Он порой выражался не только сочно, но и весьма крепко. В июне 1915 года в письме из Зёренберга в Берн Радеку, Владимир Ильич, имея в виду политиканское лавирование лидеров II-го Интернационала, написал: «*Моё мнение, что „поворот“ Каутского + Берштейн + К^0 … есть поворот говна (= Dreck* [что по-немецки и означает „г…“. – *С.К.*]*), которое почуяло, что массы дольше не потерпят, что „надо“ повернуть налево, дабы продолжать надувать массы…*»[1387]

Но я не верю и не верю Соломону, когда он далее пишет о времени после поражения первой русской революции:

«Надо сказать, что, споря со мной, Ленин всё время употреблял весьма резкие выражения по моему адресу… И вот последние его грубости вывели меня несколько из себя. Но я внешне спокойно прервал его и сказал:

– Ну, Владимир Ильич, легче на поворотах… Ведь если и я применю вашу манеру оппонировать, так и я могу обложить вас всякими ругательствами, благо русский язык очень богат ими…

Надо отдать ему справедливость, мой отпор подействовал на него. Он вскочил, стал хлопать меня по плечам (? – *С.К.*), хихикая (н-да! – *С.К.*) и всё время повторяя „дорогой мой“ и уверяя меня, что, увлечённый спором, забылся…»[1388]

Здесь налицо позднейшее желание Соломона стать на один уровень с Лениным, а поскольку стать на уровень Ленина Соломон по причине микроскопического масштаба личности не может, он то и дело низводит в своей книге Ленина до своего уровня – микроскопического, «соломонистого»…

Приём и не новый, и нередкий, ибо заурядных мемуаристов – легион, а избранных натур, которых они «описывают» в своих мемуарах – единицы.

И тут опять нельзя не вспомнить незабвенного гоголевского Хлестакова… Соломон был «на дружеской ноге» не с Пушкиным, а с Лениным, но – на хлестаковский манер!

На книгах «знавших Ленина» Валентинова и Соломона пришлось остановиться потому, что разбирать все подобные книги смысла особого нет, да и читатель утомится. Но эти две показались мне не просто типичными, но, так сказать ярко типичными – если, конечно, серость натуры и духовное убожество можно назвать яркими.

Антисоветские зарубежные биографы Ленина писали о нём более отстранённо, что и понятно – тут похвалиться тем, что якобы лично одёргивал «самого Ленина» уже не получалось. Однако уровень понимания Ленина у всех этих биографов не поднимается выше «соломоновского»… Да и желания понять Ленина и его эпоху тоже не наблюдалось… Респектабельный марбургский профессор Георг фон Раух в 1982 году издал небольшую книгу «Ленин», охватывающую все периоды жизни Ленина. Раух вполне признаёт выдающееся всемирно-историческое значение Ленина, но пишет следующее:

«Он открыл, и не только для России, новую эпоху, век, который представляется, с одной стороны, плодом растущей рационализации и механизации культуры человечества, с другой –

разгула иррациональных сил и демонических инстинктов человеческой души…»[1389]

Намёк понятен: рационализация – это Европа Капитала, а демонические инстинкты человеческой души – это то, на чём якобы строил расчёт Ленин.

Но любопытно, что фон Раух ссылается на графа Германа Кайзерлинга и его «остроумное и скандальное эссе „Спектр Европы“», где Кайзерлинг задавался вопросом: «Кто сможет без Ленина понять сегодняшнее душевное состояние нашей части света?» и далее вопрошает: «Не создан ли в России образец человека того широчайшего внутреннего напряжения, тип которого представляется соответствующим задачам ойкумены?»

Ойкумена у древних греков – это все населённые человеком места. Имея же в виду современную ойкумену и «европейцев нынешней формации», граф писал, что они «слишком узки и провинциальны»…

Что ж, фон Раух, сам же цитируя Кайзерлинга, проявил и впрямь вполне провинциальную узость взгляда на суть Ленина. Ничем иным нельзя объяснить аттестацию Раухом книги Луиса Фишера как «лучшей из подробных биографий Ленина», и уверение, что одну из наиболее метких характеристик Ленину дал лидер социалистов-революционеров В. М. Чернов в газете «Дело народа» от 16(29) апреля 1917 года.

Чернов заявил тогда:

«У Ленина необычный разум, но это разум, который не охватывает вещи в пространстве с тремя измерениями; это разум одномерный, более того: разум прямолинейный. Он не просто в шорах, а в шорах, которые на концах соединены так, что почти маниакально фиксируют взгляд на одной точке…»

Как это глупо!

Прежде всего – неумно и глупо!

Многомерность мировосприятия Ленина – вне сомнений… Его общественный взгляд был действительно с юных лет фиксирован на одной точке: марксовой задаче изменения мира в сторону ума, чести и совести, невозможных как общественные догматы в капиталистическом обществе. Но сам тот мир, который хотел сделать реальностью Ленин, был подлинно многомерным, всесторонне раскрывающим потенциал человека, – в отличие от одномерного мира ограниченного буржуазного либерализма.

Чернов ляпнул свою глупость весной 1917 года – когда у и России, и у Ленина всё ещё было впереди. Но неужели так сложно было понять колоссальную творческую суть Владимира Ленина почти через сто лет после глупой и несправедливой оценки Виктора Чернова?

Одно из частых обвинений Ленина – даже не буду ссылаться на кого-то конкретно, – якобы пропаганда им лозунга «Грабь награбленное!»

Как обычно с клеветой на Ленина и бывает, здесь всё соответствует анекдоту об Иванове, который якобы украл миллион долларов, и о котором затем выясняется, что не долларов, а рублей, и не миллион, а тысячу, и не Иванов её украл, а украли у него.

Чтобы читатель сам убедился в том, что дело так и обстоит, полностью приведу соответствующее якобы «криминальное» место из заключительного слова Ленина после прений по докладу Ленина же об очередных задачах Советской власти. Доклад был сделан 29 апреля 1918 года на заседании ВЦИК…

Этот доклад, между прочим, интересен сам по себе. Интересен и тем, что показывает: в апреле 1918 года Ленин ясно видел все трудности и говорил России то, что он говорил ей и в 1919-м, и в 1920-м, и, тем более – в 1921-м и 1922-м годах, когда на первый план вышли не тактические задачи военной борьбы за власть Советов, а долговременные стратегические, то есть – мирные, задачи Советской власти.

Хлёсткую же фразку «Грабь награбленное!» Ленин позаимствовал, вообще-то, у самогу

народа… 16(29) января 1918 года на III Всероссийском Съезде Советов Ленин слушал выступление одного из рядовых делегатов, участника казачьего съезда в станице Каменской… А 21 января (5 февраля) 1918 года Ленин в речи перед агитаторами, посылаемыми в провинцию, сославшись на одно место в речи этого делегата, сказал (жирный курсив здесь и далее мой):

«Война внешняя кончилась или кончается. Это решённое дело. Теперь начало внутренней войны.

Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: „Ничего, – мы отсидимся“. Народ должен вытащить этого „хапалу“ и заставить его ***вернуть*** награбленное. Вы должны провести это на местах. Не полиция должна их заставить, – полиция убита и похоронена, – сам народ должен это сделать, и нет другого средства бороться сними.

Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чём большевизм.

На вопрос казака: а правда ли, что вы, большевики, грабите? – старик ответил: да, мы грабим награбленное.

Мы в этом море потонем, если не извлечём из тех кубышек всё запрятанное, всё награбленное за все годы бессовестной, преступной эксплуатации.

Мы скоро проведём в ЦИК закон о новом налоге на имущих, но вы это должны сами провести на местах, чтобы к каждой сотне, набитой во время войны, была бы приложена рука трудящегося. ***Не с оружием в руках вы должны это провести: война с оружием уже окончилась***…»[1390]

Как видим, для Ленина война окончилась, но, как оказалось, её вновь начали и затянули грабители, не желавшие ***возвращать*** народу награбленное ***ими***.

А теперь – цитата от 29 апреля 1918 года:

«Я перейду, наконец, к главным возражениям, которые со всех сторон сыплются на мою статью („Очередные задачи Советской власти“. – *С.К.*) и на мою речь. Попало особенно лозунгу: „Грабь награбленное“, – лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу найти что-нибудь неправильное, ***если выступает на сцену история***. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то – почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов? (*Аплодисменты*)…»[1391]

«Образованное» ухо – особенно современное, этот лозунг действительно коробит (он, увы, и меня одно время коробил), но нельзя к фразеологии одной эпохи подходить с мерками совершенно иной эпохи… Похоже, Ленину показалось удачным смысловое совпадение «учёного» латинизированного оборота «экспроприация экспроприаторов» и его грубоватого русского эквивалента. Вряд ли помянутый выше делегат был знаком с латинским вариантом, а на русском языке он – в момент, когда на сцену выступила ***история***, – всё сказал верно! И Ленин это уловил, поэтому продолжал так:

«И я думаю, что история нас полностью оправдает, а ещё раньше истории становятся на нашу сторону трудящиеся массы; но… тут своевременно сказать, что после слов: „Грабь награбленное“ начинается расхождение с пролетарской революцией, которая говорит: награбленное ***сосчитай и врозь его тянуть не давай***, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай…

И вот, когда против этого начинают вопить, то тут есть та каша в головах, то политическое настроение, которое выявляется именно мелкобуржуазной стихией, которая протестовала не против лозунга „Грабь награбленное“, а против лозунга: ***считай и распределяй правильно***. Голода не будет в России, если мы посчитаем хлеб, проверим наличность всех продуктов, и за нарушение установленного порядка будет следовать самая жестокая кара…» и т. д.[1392]

Как видим, это была апология не грабежа, а апология народного контроля и учёта всех тех ценностей, которые теперь переходили от «бывших» к народу.

Не забудем при этом, что слова «учёт и контроль» из уст главы государства были тогда для России не то что диковинкой, а чуть ли не тарабарщиной, ибо никто из властвующих на Руси их не произносил с петровских времён…

А лозунг «Грабь награбленное!» в ленинской политической лексике постоянной прописки не получил – в отличие от лозунга: «Учёт и контроль!», который стал для Ленина рефреном на манер напоминания Катона-старшего о том, что Карфаген должен быть разрушен.

Понять Ленина мог лишь тот, кто сам имел широкую душу и был способен деятельно сострадать неимущим, ограбленным имущими.

Сорокачетырехлетний смуглый индус, сидящий на жестком табурете в душной тюремной камере, неимущим сострадал – почему и оказался за решёткой. Шесть лет назад, в 1927 году, он вместе с отцом, Мотилалом Неру – крупным деятелем индийского освободительного движения, впервые приехал в Советский Союз, и тогда написал: «Советская революция намного продвинула вперёд человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир».

Имя индуса было Джавахарлал Неру (1889–1964), и в 1947 году он стал первым премьер-министром независимой Индии. А в 1933 году, отбывая очередное заключение за борьбу против британского владычества в собственной стране, Неру написал книгу «Взгляд на всемирную историю» с подзаголовком «Письма к дочери из тюрьма, содержащие свободное изложение истории для юношества».

Дочь звали Индира Ганди, и впоследствии она – дочь первого индийского премьера, тоже стала премьер-министром Индии и матерью премьера – Раджива Ганди, павшего от рук террористов, как и его мать.

Джавахарлал Неру писал свой «Взгляд на всемирную историю» не обременённый избытком источников, и книга получилась хотя и не без неточностей, но по форме – простой, а по содержанию – взволнованной и интересной.

Не раз на страницах «Истории» Неру появляется, естественно, и Ленин. И вот каким он был в восприятии Неру:

«Уже в восьмидесятые годы в революционном движении принимал участие юноша, тогда ещё учившийся в школе, а впоследствии известный всему миру как Ленин…

…Ленин не придавал значения тому, сколько людей пойдёт за ним – одно время он даже грозил выступать в одиночестве – но он настаивал, что брать следует только тех, кто полностью предан, кто готов пожертвовать всем ради общего дела и обойдётся даже без рукоплесканий толпы… Ленин не нуждался в просто сочувствующих или в ненадёжных попутчиках…»[1393]

«Ленину были чужды колебания или неопределённость. Он обладал проницательным умом, зорко следившим за настроением масс, ясной головой, способностью применять хорошо продуманные принципы к меняющейся ситуации и несгибаемой волей…

…Так спокойно, но неумолимо, словно орудие неизбежной судьбы, эта глыба льда, таившая яркое пламя, бушевавшее в её недрах, двигалась вперёд к предначертанной цели…»[1394]

Когда Неру вёл речь о Ленине, он, вне сомнений, примерял его политику и натуру на себя. Размышляя о Ленине, он сам рос как политик и вождь. О первых годах Советской власти Неру писал: «В те дни во главе России стояли такие люди, которые сумели превратить бедный человеческий материал в сильный и организованный народ». Русский народ был не таким уж бедным материалом, однако Неру, написав так, думал, скорее, об индийском народе, который ему предстояло организовать на борьбу…

О Ленине же тех дней Неру писал:

«В глазах русского народа он стал чуть ли не полубогом, символом надежды и веры, мудрецом, который умел найти выход из любого трудного положения, всегда оставаясь

невозмутимым и спокойным…»[1395]

Менее чем через десять лет после смерти Ленина узник английской тюрьмы на индийской территории оценивал его так:

«Прошло немного лет после его смерти, а Ленин уже стал неотъемлемой частью не только его России, но и всего мира. И по мере того, как идёт время, величие его растёт, он теперь один из тех немногих мировых деятелей, чья слава бессмертна… Ленин продолжает жить, причем не в памятниках и портретах, а в своих колоссальных свершениях и в сердцах сотен миллионов рабочих, которых вдохновляет его пример, вселяя надежду на лучшее будущее»[1396].

Как часто позднее приходилось читать схожие слова в трудах хрущёвско-брежневских «идеологов» ЦК КПСС, но у них это было дежурной фразой, а Неру свои слова пропустил не просто через своё сердце – он их сопоставлял с собственной судьбой…

Неру приводил и слова английского представителя в Москве, организатора «заговора послов» Брюса Локкарта: «Из всех общественных деятелей, с которыми я когда-либо встречался, он обладал самым уравновешенным темпераментом».

Цитировал Неру и книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» – то место, где Рид даёт портрет Ленина.

Не лишне знать его и нам. Рид описывал второй день II Всероссийского съезда Советов 8 ноября 1917 года:

«Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков возвестила появление членов президиума и Ленина – великого Ленина среди них. Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но уже с проступающей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потёртый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, может быть, любили и уважали лишь немногих вождей в истории.

Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твёрдый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума»[1397].

Родившись в 1887 году в американском Портленде на берегу Тихого океана, прожив жизнь яркую, Джон Рид – воспитанник элитарного Гарварда, умер в 1920 году в Советской России и похоронен у Кремлёвской стены. Он был не единственным зарубежным летописцем Октября 1917 года в реальном масштабе времени, но самую увлекательную книгу об Октябре написал он.

И всё в ней правда.

Вот как описал Рид выступление Ленина в тот день, когда Рид увидел и услышал его впервые:

«…на трибуне Ленин. Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов и ждал, по-видимому не замечая нарастающую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он короток и просто сказал:

„Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!“

Новый потрясающий грохот человеческой бури…

Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой – не неприятной…, и звучал так ровно, что, казалось, он мог бы звучать без конца… Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонялся вперёд. Никакой жестикуляции. Тысячи простых лиц напряжённо смотрели на него, исполненные обожания»[1398].

Как давно это было – давно не столько хронологически, сколько психологически… Люди, жившие в эпоху живого Ленина, поставили ему памятники. Их праправнуки почти ничего о Ленине не знают, а если знают – то лживое. Потому и свергают памятники ему вместо того, чтобы возлагать к ним цветы.

Встреча Ленина с Гербертом Уэллсом, назвавшим Ленина «кремлёвским мечтателем», произошла осенью 1920 года, и позднее Уэллс признавался, что был предубеждён против него, но «встретился с личностью, совершенно непохожей на то, что себе представлял». Уэллс писал: «Его (Ленина. – *С.К.*) опубликованные труды… вряд ли отражают даже частицу подлинного ленинского ума, в котором я убедился во время нашей беседы»…

Беседа шла на английском языке (Уэллс отмечал, что Ленин «превосходно говорит по-английски»), и шла так:

«Я ожидал встретить марксистского начётчика, с которым мне придётся вступить в схватку, но ничего подобного не произошло… Разговаривая с Лениным, я понял, что коммунизм… может быть огромной творческой силой. После всех утомительных фанатиков классовой борьбы, которые попадались мне среди коммунистов, схоластов, бесплодных как камень, …встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признаёт колоссальные трудности и сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он, во всяком случае, видит мир будущего, преображённый и построенный заново»[1399].

Глава «Кремлёвский мечтатель» занимает в книге Уэллса «Россия во мгле», написанной в 1920 году, 11 страниц, и, не приводя оттуда диалоги и прочие детали, познакомлю читателя вот с какими строками…

Из Кремля Уэллс возвращался с сопровождавшим его Ф. А. Ротштейном (1871–1953), будущим историком-академиком, а тогда дипломатом. «У меня не было настроения разговаривать, – писал Уэллс. – Мы шли в наш особняк вдоль старинного кремлёвского рва, мимо деревьев, которые золотились по-осеннему; мне хотелось думать о Ленине, пока память моя хранила каждую чёрточку его облика, и мне не нужны были комментарии моего спутника. Но г. Ротштейн не умолкал…»[1400]

Встреча Ленина с Уэллсом оказалась, пожалуй, уникальной в том смысле, что была единственным прямым контактом тогдашних западных знаменитостей с Владимиром Ильичом… Это со Сталиным – главой признанной великой державы, стремились встретиться многие, хотя немногие этой чести удостаивались. Ленина же иностранцы даже интервьюировали нечасто, хотя в таких случаях всё тоже было нестандартно.

Так, 3 июня 1920 года Ленин принял корреспондента газеты «Осака Асахи» Рё Накахира, а 3 или 4 июня (возможно, одновременно с Накахира) и второго японского корреспондента – Кацудзи Фусэ из «Осака Майнити» и «Токио Нити-Нити». Обстановку встречи описал присутствовавший при этом заведующий Восточным отделом НКИД Н. А. Вознесенский, и, конечно же, сами журналисты.

В своей корреспонденции Накахира признавался: «Вопреки моим ожиданиям, обстановка кабинета оказалась очень простой и скромной, и это очень меня удивило… Ленин принял нас исключительно просто и сердечно, как своих старых друзей. Хотя он занимает высший пост в России, в его манере и обращении не было и намёка продемонстрировать своё высокое положение».

Вознесенский вспоминал, что Ленин, придвинув своё кресло к Фусэ, засыпал того вопросами: положение крестьян, размер среднего надела, развитие экономики… Он был поражён, узнав об успехах Японии в электрификации и устройстве ГЭС на горных реках.

Когда в ответ на вопрос Ленина о состоянии народного образования в Японии, Фусэ

сообщил, что в Японии почти нет неграмотных, Ленин воскликнул: «Счастливая страна!», и тут же поинтересовался: «Ну, а вот, правда ли, что у вас никогда не наказывают детей, не бьют их, я где-то об этом читал?»

Фусэ ответил, что, да, не бьют, в Японии своего рода культ детей… Ленин задумался, а потом сказал: «Тогда вы не только счастливый, но и великий народ…» Потом испытующе посмотрел на собеседника: «И всё-таки у вас в Японии даже шлепка детям не дают?»

Фусэ, по словам Вознесенского, решительно повторил: «Нет, никогда!»[1401]

Накахира в своём отчёте написал о том же, приведя такой вариант ответа на последний вопрос Ленина: «Мы ответили: „Исключения, конечно, бывают, но, как правило, у нас не бьют детей“. Он с большим удовлетворением отметил, что один из принципов рабоче-крестьянского правительства тоже заключается в отмене телесного наказания детей»…

В отчёте же Фусэ читаем следующее:

«Когда Фусэ сказал, что в Японии берегут детей больше, чем на Западе, Ленин заметил: это весьма важно, ведь в самых так называемых цивилизованных странах Европы, даже в Швейцарии, ещё не совсем уничтожен, например, обычай бить детей в школах»[1402].

В изданном в 1924 году сборнике «Ленин и Восток» Н. А. Вознесенский писал: «Когда мы спускались по лестнице, Фусэ спросил меня: „Собственно говоря, кто кого интервьюировал, он меня, или я его?“, и вытер выступивший на лбу пот».

А Накахира прямо начал свой отчёт со слов: «Не дожидаясь наших вопросов, Ленин заговорил сам…»

Это – стиль: быть нетерпеливо жадным лишь в одном: в получении достоверной, из первых рук, информации о той жизни – во всех её проявлениях, о которой Ленин не знал или знал недостаточно.

Хотя знал он, как правило, очень много и о многом, потому что самообразование и постоянное пополнение знаний – как базы углубления понимания жизни общества – были для Ленина таким же естественным актом, как акт дыхания…

Русский пролетарий сказал о нём: «Прост, как правда», и это был не апокриф, не придуманная позже фраза, уже потому, что доктор Карл Идман (1885–1961), в 1925-27 годах министр иностранных дел Финляндии, финский посланник в ряде стран, а в 1917 году советник финского представительства в Петрограде, то есть – человек независимый и нейтральный, написал о Ленине: «По острым и умным глазам было видно, что этот человек обладает большой силой воли. Речь его была проста и естественна, как и его поведение. Тот, кто его не знал, никак не мог предположить, какая это сильная личность…»[1403]

Английский профессор Вильям Гуд приехал в Москву в 1919 году как корреспондент крупной буржуазной газеты «Манчестер Гардиан». Впервые он увидел Ленина 31 июля 1919 года на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры, где Владимир Ильич выступал с речью…

Аудитория была достаточно политически грамотной – зал заполняли люди, которые сами были пропагандистами, и Ленин построил своё выступление в аналитическом стиле. Он, в частности, сказал тогда:

– Когда нас упрекают в диктатуре одной партии и предлагают единый социалистический фронт, мы говорим: «Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоёвывала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата»…

Это ведь так и было! Большевики, если исчислять их политический возраст с момента начала активной политической деятельности Ленина и его «Союза борьбы», ***более двух***

десятилетий говорили рабочим, да и всем в России, ***одно и то же!*** И в конце концов убедили рабочую массу, да и всех честных людей в России, что только большевики имеют право говорить от лица массы.

Ленин всё расставлял на свои места:

– Мы имеем два опыта: керенщину, когда эсеры составляли коалиционное правительство… Что же мы видели в результате? Видели ли тот постепенный переход к социализму, который они обещали? Нет, мы видели крах, …и полное банкротство соглашательских иллюзий. Если этого опыта мало, возьмите Сибирь. В Сибири власть оказалась против большевиков (Ленин имел в виду «Комитет членов Учредительного собрания» и Уфимскую директорию. – *С.К.*)… К чему привело это господство якобы Учредительного собрания, это якобы демократическое правительство, состоящее из эсеров и меньшевиков? К колчаковской авантюре…

Ленин спрашивал – почему вышло так? и отвечал:

– Потому что здесь сказалась та основная истина, которую якобы социалисты… не хотят понять… В капиталистическом обществе, когда оно развивается, держится прочно или когда оно погибает, всё равно – может быть только одна из властей: либо власть капиталистов, либо власть пролетариата. Всякая средняя власть есть мечта, всякая попытка образовать что-то третье ведёт к тому, что люди даже при полной искренности скатываются в ту или другую сторону…[1404]

Это было сказано безжалостно точно – безжалостно ко всем желающим «и честь соблюсти, и капитал приобрести»…. Это было сказано на все времена, пока существует общество, состоящее из стригущих и остригаемых…

Профессор Вуд так описал своё впечатление от этой речи Ленина: «Как спокойно, просто, без всяких ораторских приёмов он подчинил и завладел этой огромной аудиторией. Как неуклонной логикой он заставил их понять его точку зрения. Казалось, что он интуитивно понимает мысли своих слушателей. Я сразу почувствовал, что это необыкновенный человек…»

Вскоре Вуд был принят Лениным в его кремлёвском кабинете и потом писал:

«Впечатление мощи, исходившей от него, углублялось непосредственной силой его речи. Что ему нужно было сказать, он говорил прямо, ясно, без всяких туманных слов. В разговоре с Лениным не могло быть никаких недоразумений; никто не мог уйти под ложным впечатлением. Слишком ясен. Слишком прям был он для этого.

У обыкновенного дипломата речь скрывает мысль. У Ленина она выражала мысль. В этом – целый мир различия…»

А подвёл итог своим впечатлениям профессор Вуд так:

«В течение своей жизни я встречался в разных странах с людьми, которых называли великими. Ни об одном я не сказал бы того, что с полной убеждённостью могу сказать про Ленина (словами Шекспира. – *С.К.*): „Он человек был, человек во всём; ему подобных мне уж не встретить“»[1405].

ПРОФЕССОРУ Вуду, написавшему так о Ленине, кривить душой не было никакой необходимости. Тем более это можно сказать об английском лейбористе Джордже Ленсбери (1859–1940). В 1910–1912 и в 1922–1940 годах он был членом парламента, с 1929 по 1931 год – министром общественных работ в правительстве Макдональда, с 1931 по 1935 год – председателем лейбористской партии. Вполне респектабельный и чисто буржуазный политик.

В 24-м томе 2-го издания Большой Советской Энциклопедии (подписан в печать 8 декабря 1953 г.) Ленсбери аттестуется даже как «реакционный политический деятель», проводивший «антирабочую политику», поддерживавший «политику поощрения фашистской агрессии и сговора с фашистскими державами» и лишь «с целью обмана рабочих» заявлявший о сочувствии к Советскому Союзу.

Иными словами, «подсюсюкивать» Ленину у Ленсбери нужды ни с какой стороны не было. Тем не менее, в 1935 году – за пять лет до смерти, Ленсбери издал в Англии книгу «Взгляд в прошлое и будущее», где была отдельная глава «Ленин». Не познакомить с ней читателя хотя бы в извлечениях не могу…

Редактировавший в 1912–1922 годах газету «Дейли Геральд» Ленсбери встретился с Лениным 21 февраля 1920 года – в свой шестьдесят первый день рождения. И в 1934 году, уже семидесятипятилетний, вспоминал:

«Моя беседа с Лениным была довольно продолжительной: он говорил о революции и международном положении. Хотя Ленин отлично знал, что я не был большевиком и исповедую христианство, он обращался со мной очень учтиво и доброжелательно, что позволило нам в течение всей беседы чувствовать себя легко и непринуждённо. Меня увлекла его речь, его здравый смысл и идейная убеждённость. Я не заметил в нём ни малейших признаков самомнения или ограниченности мышления…

Этот человек был одновременно и реалистом, и идеалистом… Он не обещал лёгких путей в обетованную землю, которая, по его мнению, могла быть достигнута только путём труда и жертв…

Покидая Ленина, я чувствовал, что встретил наиболее ненавидимого и наиболее любимого человека в мире. Лучше всего я могу подвести итог, сказав, что думаю о нём как о мудрейшем и наиболее преданном своему делу человеке, которого я когда-либо встречал».

Не думаю, чтобы Джордж Ленсбери был знаком с клеветническими оценками Ленина Петром Бернгардовичем Струве и прочими членами антиленинской «мышиной когорты», однако он прямо-таки припечатал всех их, написав: «Я слышал, как некоторые говорили, что Ленин был эгоистом и фанатиком. Думаю, что многие из встречавшихся с ним сами в некоторой степени страдали больным самолюбием, но обвиняли в этом его. Я же не нашёл таких признаков во время беседы с ним»[1406].

Ленсбери, по его собственному признанию, уповал на «изменение интеллектуальных и моральных представлений у отдельных людей путём осуществления христианских принципов любви и братства», но когда, как он пишет, Ленин понял, что его собеседник не воспринимает идеи о победе социализма насильственным путём, то «не оборвал» его «с презрением или сарказмом», а «с весёлым смехом» согласился:

– Неважно, каким путём придёт социализм. Возвращайтесь в Англию и попробуйте ваш путь любви и мирного убеждения. Я полагаю, что вы потерпите неудачу, но я был бы рад, если бы вы оказались правы.

«Прошло немало времени, – заключал Ленсбери, – и я не могу ручаться, что это были его точные слова, но суть их была такова».

Интересно, к слову, что бы написал христианин Ленсбери, узнав, что через почти сто лет после его беседы с Лениным в Англии легализованы однополые браки?

До личной встречи Ленин и Ленсбери были неплохо знакомы заочно… Ленин до революции не раз поминал Ленсбери, и вполне одобрительно: в 1911 году в статье «Конгресс английской с.-д. партии» (ПСС, т. 20, с. 232–233); в 1912 году в статье «Английские споры о либеральной рабочей партии» (ПСС, т. 22, с. 127)… Поминается «т. Ленсбери» и в известной ленинской работе 1920 года «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме»…

Уже после беседы с Ленсбери Ленин взялся за статью «О компромиссах», где, прямо ссылаясь на просьбу «тов. Ленсбери» разъяснить вопрос о возможности компромиссов с капиталистами, писал:

«Может ли сторонник пролетарской революции заключать компромиссы с капиталистами или с классом капиталистов? Отрицательный ответ на этот общий вопрос был бы явной

нелепостью. Конечно, сторонник пролетарской революции может заключать компромиссы или соглашения с капиталистами. Всё зависит от того, какое соглашение и при каких обстоятельствах заключается… Нельзя зарекаться от компромиссов. Дело в том, чтобы уметь через все компромиссы… уметь сохранить, укрепить, закалить, развить революционную тактику и сознание, решимость, подготовленность рабочего класса и его организованного авангарда, коммунистической партии»[1407].

При этом надо заметить, что с ***исторической*** точки зрения свидетельства Ленсбери оказываются, пожалуй, ***наиболее важными*** из вообще ***всех*** воспоминаний о Ленине. Как Уэллс оказался единственным крупнейшим представителем западной культуры, беседовавшим с Лениным, так и Ленсбери оказался единственным крупнейшим представителем западной политики, с которым смог прямо побеседовать Ленин, хотя в то время когда состоялась эта беседа, Ленсбери ещё не достиг пика своей карьеры. Тем не менее, на том, что написал о Ленине будущий лейбористский лидер, имеет смысл остановиться подробно…

Скажем, Ленсбери принадлежит важнейшее свидетельство о том, что Ленин, обсуждая конфликтную ситуацию между Советской Россией и капиталистическим Западом, сказал, что «он реалист, и что если бы Ллойд Джордж или Вильсон, или оба они приехали в Москву, все вопросы, которые вызвали вражду и озлобление между Россией и Англией или Америкой, могли бы легко быть устранены…»

Ленсбери свидетельствует, что с разрешения Ленина он послал телеграмму Ллойд Джорджу с приглашением того в Москву, чтобы предпринять шаги в направлении мирного урегулирования. «Но Ллойд Джордж, – пишет Ленсбери, – был либо не склонен ехать, либо „слишком занят“. Конечно, я не получил ответа на телеграмму».

Как иногда сенсационные сведения оказываются запрятанными именно потому, что лежат на виду у всех! Сообщённое Ленсбери должно было, вообще-то, изучаться в, например, советской средней школе, как важнейший исторический факт! Не то что студенты в СССР, но каждый школьник должен был бы знакомиться со следующими словами Ленсбери, относящимися к началу 30-х годов (жирный шрифт мой):

«Вспоминая слова Ленина о позиции других держав и о вооружениях, я убеждаюсь, что мир с каждым днём приближается к новой мировой войне и одна из главных причин этого заключается в том, что Ленин не был понят. Он настойчиво подчёркивал, что он и его друзья не хотят создавать большую военную машину, что Россия навсегда покончила с какими бы то ни было империалистическими целями и что хотя они и верят в мировую революцию, которая осуществит переход от капитализма к социализму, но в каждой стране массы должны сами решать вопрос о своём освобождении.

Он совершенно не скрывал и не отрицал намерения III Интернационала создать всемирный рабочий интернационал для объединенных действий и пропаганды. Но, несмотря на это, я совершенно убеждён, что если бы Англия, Франция и Америка признали Советское правительство в то время, когда я интервьюировал Ленина, история прошедших лет была бы во многом иной и гораздо более мирной…»[1408]

Это ведь свидетельство о естественно мирном характере ленинской внешней политики ***с другой*** стороны баррикад, исходящее от крупнейшего политика ***буржуазного*** Запада!

Какой, казалось бы, выигрышный, богатый факт для массовой советской пропаганды! Однако отрывки из «ленинской» главы книги Ленсбери были опубликованы в хрущёвском СССР в 1963 году лишь в журнале «Новое время» и тут же преданы забвению.

Думаю, это было не случайным…

Вот ещё одно важнейшее свидетельство Ленсбери:

«Он сказал мне на прощанье несколько слов, которые следовало бы запомнить всем

руководителям масс… Ленин сказал:

– Ленсбери, вы хотите лёгкой жизни?

Я ответил:

– Нет.

Это хорошо, – сказал он, – мы никогда не должны позволить рабочим думать, что социальная революция означает лёгкую жизнь. Напротив, она может означать ещё больший труд, потому что нужно будет сделать очень многое для исправления мерзостей капитализма. Но мы должны учить рабочих, что они будут работать на себя и каждый час труда будет приближать их к благосостоянию»

Сам Ленин лёгкой жизни не искал, не имел и не знал – за исключением тех суммарно нескольких месяцев, когда он ещё мог позволить себе *почти* беззаботно колесить с Крупской по Европе, идти по горным тропинкам и…

И мечтать о времени, когда у него абсолютно не будет свободного времени, потому что он будет практически заниматься социалистическим преображением мира…

Английский скульптор Клэр Шеридан (1885–1970) приехала в Россию в сентябре 1920 года, чтобы создать скульптурный портрет Ленина, и провела в Москве около двух месяцев… Позднее она написала о России две интереснейшие книги, одна из которых называлась «Nuda veritas» («Обнажённая правда»). Написала она и о Ленине.

Ленин согласился позировать Шеридан. Точнее, не позировать, конечно. Он просто позволил Шеридан работать по нескольку часов в день в его кабинете во время его собственной работы… Возможность, предоставленная англичанке, была, фактически, уникальной – кроме неё лишь Натан Альтман, тоже работавший над скульптурным портретом Ленина до Шеридан, имел возможность полтора месяца часами наблюдать Ленина за работой…

Шеридан не то что коммунисткой не была, она вообще ничего не понимала, по её же признанию, ни в экономике, ни в политике. Герберт Уэллс сказал ей однажды: «Какая жалость, Клэр, что вы не образованны»… Что ж, для Шеридан её эмоциональные порывы были действительно важнее формального знания, но тем ценнее то, как увидела и поняла Ленина она – человек чувства, а не мысли, но человек профессионально наблюдательный.

Благодаря Шеридан мы знаем кое-что о «технологической» стороне повседневной кремлёвской работы Ленина:

«В комнате всё дышало покоем, и Ленин углубился в книги… Даже когда я кружила около него, пытаясь измерить расстояние от уха до носа, он, казалось, совсем не замечал моего присутствия. Он сразу же как бы совершенно выключился, сосредоточился на своей работе и был уже целиком поглощён ею.

Я работала до без четверти четыре (с 11 утра. – *С.К.*). Ещё никогда я не работала так долго без перерыва. В течение всего этого времени Ленин не ел, не пил и не выкурил ни одной папиросы (он вообще не курил. – *С.К.*). Входили секретари с письмами. Он распечатывал их, клал письмо перед собой, а на конверте, не глядя, механически делал пометки и возвращал обратно. Его лицо несколько оживлялось, лишь когда раздавалось тихое жужжание телефона и над столом одновременно загоралась маленькая электрическая лампочка…

Ленинская способность сосредотачиваться впечатляла, пожалуй, больше всего. Такое же сильное впечатление производил и его огромный лоб…

Лицо его выражало скорее глубокую думу, чем властность. Мне он представлялся живым воплощением мыслителя (но не роденовского)…»[1409]

Для скульптора динамика лица того, кого он портретирует, очень важна, а Клэр видела Ленина постоянно сосредоточенным. Она сокрушалась: «Его лицо в состоянии покоя – совсем не то, что я хотела запечатлеть». Но однажды в кабинет вошёл «президент Калинин», и лицо

Ленина, повернувшегося к окну, Клэр увидела в совершено ином освещении. Оживлённо разговаривая с Калининым, Владимир Ильич высоко поднимал и хмурил брови. «Казалось, – писала англичанка, – что Ленин погрузился в глубокие размышления, выражение его лица было одновременно суровым и полным юмора…»

Шеридан вспоминала, что её «попытки завязать с Лениным разговор не встретили одобрения», и она «не посмела настаивать». «Ему не о чем было говорить со мной», – писала Клэр, однако это было, пожалуй, не совсем так. Со временем Ленин стал сам заговаривать с Шеридан, и, как выяснилось, не без пользы для себя. Примерно через полгода – 15 марта 1921 года, Ленин, выступая на X съезде РКП(б), заявлял:

– Мы боремся против международного капитала, который, увидя нашу республику, сказал: «Это разбойники, крокодилы» (эти слова мне буквально переданы одной английской художницей, которая слышала это выражение от одного самого влиятельного политика)…

Под «английской художницей» имелась в виду, конечно Шеридан, но здесь присутствовал один тонкий момент… Шеридан была племянницей Уинстона Черчилля, и сравнение большевиков с крокодилами слышала, конечно, от дяди. Ленин счёл для себя возможным использовать её сведения публично, но – без прямой ссылки на информатора, что лишний раз свидетельствует о такте Ленина. Однако особая деликатность Ленина проявилась в том, что он и о Черчилле не сказал прямо! Ведь это было бы неэтично по отношению к простодушной собеседнице…

Тем не менее подсказанный Шеридан образ Ленин обыграл в съездовской речи до конца, продолжив мысль так:

– А раз крокодилы, то их можно только презирать. Это был голос классового врага и с его точки зрения правильный. Однако правильность таких заключений требует проверки на деле. Если ты – всемирная, могущественная сила, …если ты говоришь: «крокодил», а у тебя вся техника в руках, – то попробуй, застрели! А когда он попробовал, то вышло, что ему же от этого больнее…[1410]

Что же до Шеридан, то по её возвращении в Лондон она стала сенсацией, но в своей среде подверглась остракизму. Черчилль заявил, что никогда больше не будет с ней разговаривать, тётки осыпали упрёками и досаждали колкостями о «кровавых друзьях-большевиках» Клэр…

«Этот период был поворотным в моей жизни», – написала она позднее.

А в заключение главы приведу всю статью о Ленине из современной Оксфордской иллюстрированной энциклопедии:

«Ленин Владимир Ильич (Lenin, Vladimir Ilyich) (1870–1924), русский революционный и государственный деятель. Настоящее имя – Владимир Ильич Ульянов. Решающее влияние на формирование его взглядов оказала, возможно, казнь старшего брата (1887) в возрасте 19 лет в обвинению по заговоре против императора. Сам Ленин был арестован в 1895 г. за пропаганду учения Карла Маркса среди рабочих Санкт-Петербурга и на несколько лет сослан в Сибирь. Находясь в эмиграции с 1900 г., стал лидером партии большевиков, сыграл огромную роль в организации социалистического движения и пропаганде социализма в годы перед 1-й мировой войной. Вернулся в Россию с началом Русской революции 1917 г. и вскоре добился установления власти большевиков, став председателем Совета народных комиссаров и фактическим диктатором в новом государстве. Вывел Россию из войны с Германией, организовал успешное сопротивление контрреволюционным силам во время Гражданкой войны в России (1918—21). Его первоначальная экономическая политика (политика военного коммунизма), включавшая национализацию основных отраслей хозяйства и банков, а также контроль над сельским хозяйством, была политикой чрезвычайной, вызванной требованиями гражданской войны, её сменила новая экономическая политика (нэп), разрешившая частное производство и торговлю, в

первую очередь сельскохозяйственными продуктами. Но введена она была слишком поздно, чтобы предотвратить жестокий голод (1922—23). Ленину не довелось увидеть очевидного роста сельскохозяйственного и промышленного производства. Взгляды Ленина и его характер оказали глубокое влияние на ту форму, которую приняла революция; он показал пример аскетизма в личной жизни и беспристрастности в политике, который долгое время оставался эталоном для членов партии. Ленин был, может быть, величайшим революционером всех времён, и последующие коммунистические лидеры продолжали обращаться к его трудам в поисках вдохновения»[1411].

Для буржуазного издания это очень даже объективный взгляд на Ленина. Конечно, здесь несколько преувеличено влияние на личность Ленина казни брата; нельзя назвать глубокой оценку Ленина как «диктатора», но зато признан вынужденный характер военного коммунизма.

Неверен также вывод о том, что голод в России был обусловлен лишь запоздалостью введения НЭПа – основной причиной массового голода стали два неурожайных года подряд. В 1918–1920 годах, несмотря на политику продразвёрстки у большевиков и реквизиций у белых, голода в России не было…

В целом же оксфордская энциклопедическая статья о Ленине выгодно отличается от нынешних «россиянских» подобных статей. На его родине имя Ленина сегодня, как правило, охаивают – гнусно, мелко и подло.

Начало клевете было положено весной и летом 1917 года, а с обретением «россиянской» интеллигенцией после 1991 года права невозбранно клеветать на всё великое в истории Отечества, поток злобных словес в адрес Ленина вновь набрал силу.

И об этом тоже не мешает сказать…

Глава 44. О Декрете о печати, журнале «Экономист», «пароходе профессоров», академике Готье и словаре Даля

Классического интеллигента (прошу не путать с интеллектуалами) хлебом не корми, но дай «свободу слова». Выше этой «гражданской свободы» для него нет ничего, и что по сравнению с ней право масс на труд, на образование, на интеллектуальное и духовное развитие…

Ленин же, будучи не интеллигентом, а посвятившим себя делу народа интеллектуалом, к свободе слова в новой России отнёсся просто: если слово вредит делу трудящихся масс, то такому слову в России прав гражданства нет.

Первым декретом Советской власти, принятым II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 года был Декрет о мире, вторым, принятым в тот же день – Декрет о земле… Третьим декретом от 26 октября было образовано Временное рабочее и крестьянское правительство – Совет Народных Комиссаров под председательством Ленина.

Четвёртым же декретом, принятым Съездом 27 октября (9 ноября) 1917 года, стал – что мало известно – Декрет о печати, где говорилось:

«В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный революционный комитет вынужден был предпринять ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков.

Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посягнув на свободу печати.

Рабочее и Крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой фактически скрывается свобода для имущих классов, захватив в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс.

Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулемёты…»[1412]

В Декрете было заявлено, что: «Как только новый порядок упрочится, – всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для неё будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону»…

На деле же вышло иначе – имущие классы не пожелали уходить с общественной сцены и обратились вместо газет к бомбам и пулемётам. А в условиях гражданской войны до свободы ли печати? Между прочим, барон Врангель, сменив Деникина на посту Главнокомандующего Вооружёнными Силами на Юге России, быстро закрыл в Крыму почти все – даже буржуазные, газеты, оставив в качестве основного источника информации официоз «Великая Россия».

На заседании ВЦИК 4(17) ноября 1917 года Юрий Ларин – будущая головная боль Ленина, внёс поддержанное левыми эсерами предложение отменить декрет о печати. Ленин, выступая тогда, сказал:

– Товарищ Карелин уверял нас, что тот путь, на который он становится, ведёт к социализму. Но идти так к социализму, значит идти задом наперёд. Во имя свободы печати было устроено восстание юнкеров, объявлена война в Петрограде и Москве… На этой неделе все телеграфы были в руках Керенского… Но у них войска не было. Оказалось, что армия за нас…

Всё так и было, как сообщал Ленин. И можно лишь удивляться политическому кретинизму тех, кто не понимал, что контроль нал прессой необходим… Ленину приходилось разъяснять:

– Ничтожная кучка начала гражданскую войну… Мы не хотим гражданской войны… К Краснову были применены мягкие меры. Он был подвергнут лишь домашнему аресту. Мы против гражданской войны. Если, тем не менее, она продолжается, то что же нам делать? Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмём власть в руки…

Ленин на этом заседании ВЦИК говорил и о том, что частные объявления должны стать государственной монополией – в том числе, для улучшения оплаты труда печатников… Что надо назначить комиссию для расследования зависимости буржуазных газет от банков (мера, с прибавлением телеканалов, не лишняя и сегодня!).

Резюмировал же он так:

– Мы должны уйти от этой свободы печати, зависящей от капитала. Этот вопрос имеет принципиальное значение. Если мы идём к социальной революции, мы не можем к бомбам Каледина добавлять бомбы лжи…[1413]

Увы, гражданскую войну, которой не хотел Ленин, развязали – на целых три года – силы, враждебные Ленину. И после её ожесточения опять было не до «свободы печати». Могла ли страна, только-только избавившая себя от необходимости бороться против танков, пушек и пулемётов, оставить врагу единственное теперь возможное для него оружие – бомбы лжи?

Нет, конечно!

Показательно в этом отношении письмо Ленина Дзержинскому, относящееся ко времени, когда борьба бомбами перешла в борьбу словом. 19 мая 1922 года Ленин писал председателю Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР:

«*Т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.*

Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки…

Обязать членов Политбюро уделять 2–3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, требуя письменных отзывов и добиваясь присылки в Москву всех некоммунистических изданий.

Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и т. д.)

Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить всё это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ…»[1414]

Далее Владимир Ильич приводил свои отзывы о закрытом Петроградским исполкомом общественно-литературном журнале сменовеховского толка «Новая Россия» и журнале промышленно-экономического отдела Русского технического общества «Экономист» – тогда ещё издающемся…

Закрытие «Новой России» Ленин считал ошибкой, интересовался – кто такой редактор Лежнев? Что же до «Экономиста», то Ленин писал о нём вот что:

«*Вот другое дело питерский журнал „Экономист“… Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все – законнейшие кандидаты на высылку за границу.*

Всё это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация её слуг и шпионов и растлителей учащейся молодёжи…»[1415]

В итоге «Экономист» в июне 1922 года был закрыт, а вот «Новая Россия» издавалась до мая 1926 года. Её редактор И. Г. Лежнев (1891–1955) и позднее занимался журналистской и

литературной работой, в 1933 году вступил в РКП(б)…

Разными, очень разными оказывались тогда судьбы интеллигентствующих профессоров. Так, имя буржуазного историка и археолога, профессора Московского университета с 1915 по 1941 год Юрия Владимировича Готье (1873–1943) уже известно читателю, и я ещё о нём скажу. К счастью для себя и науки он занялся в конце-концов в новой России тем, в чём был силён и чем стал известен ещё до революции, то есть – исследованиями по социально-экономической истории России XVII–XIX веков. В 1939 году его избрали действительным членом Академии наук СССР.

Увы, немало его коллег-гуманитариев выбрало иной путь… Кто показывал Ленину кукиш в кармане, а кто и точил если не ножи, то – злобные перья против Ленина и Советской власти. Кто-то вообще пустился во все тяжкие, участвуя в прямых заговорах.

Кончилось это для многих высылкой из России на знаменитом «профессорском» пароходе в 1922 году, хотя кое-кого просто сажали в поезд до Берлина с выдачей 2 тысяч германских марок на путевые расходы и 5 тысяч марок как месячный прожиточный минимум в Берлине[1416].

В представленном в августе 1922 года в Политбюро основном списке активной антисоветской интеллигенции значилась 61 фамилия, в дополнительном списке – 51 фамилия…

Большинство выслали за границу, однако инженеров и учёных-естественников среди высылаемых было – по пальцам пересчитать, зато хватало экономистов, правоведов, литераторов, «философов», юристов, богословов…

В список высылаемых попал, к слову, и Николай Бердяев со следующей характеристикой:

«Близок к издательству „Берег“, проходил по делу „Тактического центра“ и по „Союзу Возрождения“. Монархист, потом кадет правого устремления. Черносотенец, религиозно настроенный, принимает участие в церковной контрреволюции. Ионов и Полянский за высылку в пределах Советской России. Комиссия с участием т. Богданова и др. за высылку. Главпрофобр за высылку»[1417].

Интересно, всё же, устроен российский интеллигент!

Бердяев был младшим современником Ленина – младше его всего на четыре года. Происходил из старинного дворянского рода, прадед – генерал-аншеф Н. М. Бердяев переписывался с Павлом I, мать была в родстве с французским домом де Шуазель… С десяти лет Бердяев учился в Киевском кадетском корпусе, но, окончив его в 20 лет, поступил вопреки воле родителей не в Пажеский корпус, а в Киевский университет. Увлёкся Достоевским и Толстым, а также – Ибсеном, Метерлинком и Ницше… Под рукой М. И. Туган-Барановского баловался марксизмом, с 1900 по 1902 год был выслан в Вологду, но кончил мистицизмом и рафинированной эстетикой пополам с рафинированной философией…

Владимир Ленин ломал голову над насущнейшими вопросами политического и социального будущего России, писал листовки, создавал партию, готовил революцию, а Николай Бердяев в 1909 году в антиреволюционном сборнике «Вехи» опубликовал статью с характерным заголовком «Философская истина и интеллигентская правда»…

Так оно дальше и шло: Ленин утверждал в умах масс просто правду – классово обнажённую правду, бердяевы искали свою «правду» – интеллигентскую. И находили, но какую! В ноябре 1907 года Ленин писал:

«Наряду с заграничными и русскими социал-демократами борьбу (с народничеством. – *С.К.*) вели такие люди, как гг. Струве, Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев и т. п. Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, а к буржуазному либерализму…»[1418]

Ленин поминал Бердяева в своих работах не раз. Так, в декабре 1909 года, в ленинской

статье «О „Вехах“» говорилось:

«Ценя выше всего развитие политического и классового сознания масс, рабочая демократия должна приветствовать „Вехи“ как великолепное разоблачение идейными вождями кадетов сущности их политического направления. „Вехи“ написаны господами: Бердяевым, Булгаковым, Гершензоном, Кистяковским, Струве, Франком и Изгоевым. Одни уж эти имена известных депутатов, известных ренегатов, известных кадетов говорят достаточно много за себя…

„Вехи“ – крупнейшие вехи на пути *полнейшего разрыва* русского либерализма с русским освободительным движением, во всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями»[1419].

Ленин вёл и привёл Россию к Октябрю, а бердяевы и до Октября, и после Октября разъясняли студентам, как это всё «жестоко».

«Вечный спутник» Бердяева – Достоевский, безответственно заявлял, что счастье человечества не стоит-де одной слезинки невинного дитяти. И написал пасквиль на революцию «Бесы» в то время, как в царской России сотни тысяч невинных мальчуганов и девчушек умирали по серым деревням и сёлам от голода, холеры, чумы, чахотки, бытового сифилиса…

Бердяевы и струве с туган-барановскими ни в чём не отличались здесь от своего кумира и светоча. Ленин боролся за то, чтобы изменить нетерпимое положение вещей, а они по-профессорски **рассуждали** о несовершенстве мира. То, что они писали против Ленина, можно спокойно относить к, пардон, интеллектуальному поносу. И лишь когда они хотя бы частично прозревали, они поднимались до хотя бы частичной правды о Ленине, ставя его вровень с Петром – как тот же Бердяев.

Ну, и на том спасибо!

27 марта 1919 года в «Правде» была опубликована статья Ленина «Ответ на открытое письмо специалиста», где он писал: «Если бы мы (большевики. – *С.К.*) „натравливали“ на „интеллигенцию“, нас следовало бы за это повесить…»[1420]

Это было сказано в ответ на горькое письмо профессора Воронежского сельскохозяйственного института М. П. Дукельского (1875–1956), а под «интеллигенцией» оба оппонента имели в виду, вообще-то, людей интеллектуального труда, специалистов в той или иной отрасли ***деятельного*** знания.

Людей дела Ленин ценил и уважал, потому что сам был человеком дела, у которого и Слово быстро становилось Делом. Зато Ленин не очень-то жаловал ту специфически «бунтарскую» часть русской «творческой» гуманитарной «интеллигенции», которая шарахалась от крайней якобы революционности к крайней контрреволюционности. Таких в России, увы, хватало как до 1917 года, так и после 1917 года… Амбициозные, умеющие переливать из пустого в порожнее, но не умеющие думать и чувствовать, они могли лишь раздражать и раздражаться.

Выше не раз цитировался царский академик Готье… В дневнике за 8—16 июля 1917 года он записал: «*Участь России, околевшего игуанодона или мамонта – обращение в слабое и бедное государство, стоящее в экономической зависимости от других стран, вероятнее всего от Германии. Большевики – истинный символ русского народа, народа Ленина, Мясоедова и Сухомлинова – это смесь глупости, грубости, некультурного озорства, беспринципности, хулиганства, и, на почве двух последних качеств, измены*…»[1421]

Жандармский полковник Мясоедов в 1915 году был повешен за шпионаж в пользу Германии, а генерала Сухомлинова – бывшего военного министра Николая II, ещё в апреле 1916 года заключили в Петропавловку, летом 1917 года судили за злоупотребления, а 20 сентября 1917 года приговорили к бессрочной каторге…

И академист Готье сравнивал Ленина с этими двумя проходимцами!

При этом злоба Готье была так сильна и неумна, что он даже не задумался над одним

обстоятельством. Уж если русский народ таков, каким Готье его аттестовал, то Мясоедов и Сухомлинов – как продукты царского режима, могли, конечно, олицетворять в какой-то мере этот народ, однако истинным символом глупого и бездарного русского народа следовало тогда считать «хозяина земли русской», то есть – царя Николая. Это ведь его обязанностью и долгом было воспитывать свой народ, и таким его воспитал ***он*** – российский император, а не Ленин, изгнанный Николаем с Родины на долгие годы!

Ничего не понял Готье и в послеоктябрьском Ленине… Скажем, 23 октября 1918 года академик вновь брюзжал:

«*Странную речь произнёс Ленин в ЦИК`е… Одним дышит эта речь: беспросветной немецкой ориентацией; для Ленина Германия остаётся пупом земли, если не империалистическим, то революционным, и вся сволочь, слепо идущая за ним, уже непоколебимо верует, что вся та же Германия – на этот раз большевистская – решит судьбу мира*»[1422].

Готье имел в виду доклад, который Ленин сделал 22 октября 1918 года на объединённом заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов (ПСС, т. 37, с. 111–128).

У меня нет возможности цитировать этот весьма пространный доклад, и заинтересованный читатель должен сам обратиться к первоисточнику или поверить мне на слово, что ничего «странного» в докладе не было… Не дышал он беспросветной немецкой ориентацией, а Германию за пуп земли Ленин не выдавал. Просто Ленин, воодушевлённый революционными событиями в Германии, Болгарии, Австрии, Сербии, был настроен чересчур оптимистично, но как раз в Германии тогда могло получиться действительно всякое, в том числе – и победоносная социалистическая революция. Как ни странно, супер-организованным немцам помешала излишняя организованность – не хватило им тогда куража и большой человеческой страсти…

Да, Ленин надеялся на то, что революция в России станет началом мировой революции. Но что в том было недостойного? И не один ведь Ленин тогда заблуждался… В какой-то момент – в 1923 году, на новую рабочую революцию в Германии и Сталин надеялся… В августе 1923 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б) он говорил: «Либо революция в Германии провалится и побьют нас, либо там революция удастся, всё пойдёт хорошо, и наше положение будет обеспечено. Другого выбора нет»[1423].

И хотели-то Ленин и Сталин хорошего – ликвидации власти мировой Золотой Элиты, когда владыкой мира станет Труд. Это что – хуже, чем ситуация, когда владыкой мира становится Доллар?

Да, Ленин заблуждался, а интеллигентствующий экс-большевик А. А. Богданов (1873–1928), которого Ленин не раз критиковал, 19 ноября 1917 года писал будущему наркому просвещения РСФСР, своему другу А. В. Луначарскому: «Социалистической революции в Европе теперь не будет, не на том уровне культуры и организации стоит её рабочий класс»[1424].

Формально прав оказался не Ленин, а Богданов… Но тем, кто поддакнет «реалисту» Богданову и ухмыльнётся по поводу «маниловских»-де «мечтаний» Ленина, напомню, что не решившиеся в 1918 году на социалистическую революцию «культурные» немцы получили в результате в 1933 году Гитлера, а «культурный» рабочий класс Европы чуть позже – ужасающую Вторую мировую войну.

Не так ли?

В свете всего выше сказанного оценка академика Готье от 23 октября 1918 года не только гроша ломаного не стоит, но лишний раз доказывает (если вспомнить его же дневниковое карканье по поводу судьбы России летом 1917 года), что лучше бы бывшие царские академики своим прямым делом занимались, а не судили вкривь и вкось о вещах, в которых они были, мягко

говоря, некомпетентны.

К слову, тот же Богданов много рассуждал о некой «всеобщей организационной науке», названной им «тектологией», но заниматься организацией строительства новой России не спешил. После Октября 1917 года он отказался от всех предложений работать в Наркомпросе у своего же зятя Луначарского, но стал основателем недолговечного «Пролетарского университета», и с 1918 по 1921 годы был одним из руководителей Пролеткульта – дело не так чтобы очень ответственное…

Позднее Богданов стал, всё же, организатором и вдохновителем Института переливания крови и погиб при неудачном опыте над собой. Чтя его память – научный героизм есть научный героизм, можно заметить, что конец Богданова оказался в некотором смысле символическим – он проявлял много неорганизованных эмоций там, где требовались холодный разум и дисциплина подлинно организованного ума.

И об одном ли Богданове следует сказать так?

Николай Рожков – вечный оппонент Ленина из среды меньшевиков, тоже ведь лишь рассуждал. Так, например, как в письме Зиновьеву, написанном в январе 1924 года:

«*Я думаю, что и развитие машиностроения неосуществимо одними средствами государства, и что здесь должен действовать отчасти частный капитал. Значит, проблемой является вопрос, как привлечь частный капитал. Способ один: надо формально гарантировать тем, кто его будет прилагать, что в случае* (? – *С.К.*) *экспроприации государством их предприятий им и их наследникам* (? – *С.К.*) *будет обеспечен выкуп, рента*…»[1425]

Если бы это услышал ещё живой Ленин, то он, скорее всего, в очередной раз – может, горько, а может и зло, – усмехнулся бы… Ленин был готов привлечь крупный частный капитал к восстановлению экономики России – на правах аренды, однако рябушинские не откликнулись. Даже концессии западный и прочий капитал особенно не привлекли. А давать буржуям вновь права собственности?

Зачем же тогда был совершён Октябрь?

Продолжая же линию Ленина, Сталин и Россия сумели развить машиностроение и без частного капитала!

Пожалуй – в русле предпринятых размышлений – познакомлю читателя ещё с одним сюжетом на тему: «Готье и Ленин». 6 (19) февраля 1919 года императорский академик Готье записал в своём дневнике:

«…*На заседании присутствовала Н. К. Крупская-Ульянова-Ленина, без 5 минут русская императрица: я не ожидал видеть её такой, какая она есть, – старая, страшная, с глупым лицом тупой фанатички, причём её уродство подчёркивается ясно выраженной базедовой болезнью*»…[1426]

Соответствие истине оценки, данной Крупской академиком, оставляю на его совести. Обращу лишь внимание читателя на то, что *эстет* Готье гнусновато издевался над больным человеком. Да, миловидная в юности и зрелости Надежда Константиновна в 1912 году заболела базедовой болезнью, придающей лицу одутловатость, причём пусковым фактором здесь мог стать стресс, а у политической эмигрантки, лишённой родины по «милости» царских властей, стрессов, увы, хватало…

Молодая женщина, не пожелавшая мириться со «свинцовыми мерзостями» царизма, в борьбе с ним надорвала здоровье, а интеллигент Готье и тени сочувствия ей не выказал – даже наедине с собой!

Н-да-а…

Но чему было посвящено описываемое далее в дневнике совещание с участием Крупской?

Готье пишет:

«*Первый вопрос… касался невразумительной и сумбурной записки Ленина, сущность которой сводилась к тому, что вся Совдепия должна покрыться сетью библиотек, причём каждая из них должна дать отчёт о своих успехах, а все вместе – соревноваться одна перед другой. К записке все относились совершенно так же, как к тому, что всемилостивейше начерталось на всеподданнейших докладах*…»

Современные антиленинские публикаторы дневников Готье снабдили дневниковую запись на с. 264 подловатым, вводящим читателя в заблуждение, примечанием № 57 на с. 346, которое, экономя место, не привожу. Зато познакомлю читателя с извлечениями из записки, направленной Лениным в Наркомат просвещения в начале февраля 1919 года и презрительно встреченной академиком Готье.

Ленин писал:

«…Библиотечное дело… больше всего требует вызова *соревнования* между отдельными губерниями, группами, читальнями и проч.

Правильная постановка отчетности, которой потребовал теперь СНК, должна служить трём целям:

1) правдивое и полное *ознакомление* как Советской власти, так и всех граждан о том, что делается;

2) привлечение к работе *самого населения*;

3) вызов *соревнования* библиотечных работников.

Для этой цели необходима немедленная выработка таких формуляров и форм отчёта, которые удовлетворяли бы этим целям.

По-моему, формуляры отчётов должны быть изготовлены в центре…

К обязательным §§ должны быть отнесены, например, адрес библиотеки, …имена заведующего и членов правления с адресами их, число книг и газет…

К необязательным §§ должны быть отнесены в виде вопросов, **все** улучшения, применявшиеся в Швейцарии и Америке (и других странах)…

Например: 1) можете ли вы точными данными доказать рост обращаемости книг…? 2) посещаемость… 3) обмен книгами и газетами с другими библиотеками, 4) создание центрального каталога <…> 9) простые и практичные способы хранения книг и газет? сбережения их?..», и т. д.[1427]

Царя Николая, как и его предшественников на троне, никогда не волновало – сколько там у них в империи библиотек и как они работают? А уж задумываться над тем, как верно построить их работу, как учитывать и координировать её в масштабах всего государства – это императорам даже с большого похмелья в голову прийти не могло.

Эх, академики!

По данным переписи 1897 года 76 % населения России в возрасте 9 лет и старше были неграмотными, причём на селе был неграмотен 91 % женщин. Грамотных таджиков было 3,9 процента, осетин – 2,1 процента, казахов – 2,1 процента, узбеков– 1,6 процента и т. д.[1428]

В 1913 году Ленин в небольшой статье «Русские и негры» провёл хотя и неожиданное, но корректное сопоставление. Он писал, что негры «позже всех освободились от рабства и до сих пор несут на себе всего более тяжёлые следы рабства». Тем не менее, отмечал Ильич: «В России неграмотных 73 %, не считая детей до 9-летнего возраста. Среди негров в Северо-Американских Соединённых Штатах неграмотных (1900 г.) – 44 $^1/_2$ %…»[1429]

В том же 1913 году Ленин писал: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, – такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России»[1430].

Это было сущей правдой – хотя царизм в 10-е годы и спохватился и начал финансировать не только органы полиции, но и органы народного просвещения, но тот огромный разрыв между образованием масс в России и в Европе, который сам же царизм и создал, не царской России было под силу ликвидировать!

Могли это сделать лишь большевики, и они это делали даже в условиях разрухи. В 1921 году Ленин ставил перед Государственным издательством (Госиздатом) задачу «дать народу по 2 экземпляра на каждую из 50 000 библиотек и читален, все необходимые учебники и всех необходимых классиков всемирной литературы, современной науки, современной техники…»

При этом в 1921 году декретом Совнаркома была создана Центральная междуведомственная комиссия по закупке и распределению заграничной литературы (Комитет иностранной литературы – Коминолит).

В 1913 году в России было 14 тысяч массовых библиотек с числом книг в среднем на библиотеку – 680. После всех невзгод революции и гражданской войны в 1927 году в СССР имелось более 26 тысяч библиотек со средним фондом на библиотеку примерно в две с половиной тысячи экземпляров. В 1932 году их было уже 33 тысячи при среднем фонде на библиотеку более трёх тысяч![1431]

В старой России никогда не было культа знаний – ни на верхних «этажах» социального «здания», ни в его «подвале». Граф Канкрин, министр финансов с 1823 по 1844 годы, в ответ на просьбу книгоиздателя Смирдина выделить ссуду под его библиотеку сказал: «Всё товар, и мусор товар, а книги не товар». Его афористический ответ Владимир Даль включил в свой двухтомный сборник «Пословицы русского народа», первое издание которого увидело свет в 1853 году.

Так мыслила «элита», живущая в «бельэтаже»… Однако рождённые в «подвале» нередко исповедовали примерно тот же подход к знаниям. В помянутом выше сборнике Даля в разделах «Грамота» и «Ученье – Наука» до удивления мало пословиц и поговорок, ставящих знание, да ещё и ***книжное*** знание высоко – на уровень высших жизненных ценностей. Все знают знаменитое: «Ученье – свет, а неученье – тьма», но чаще в массовом народном обиходе считали иначе: «Сытое брюхо к учению глухо», «Знайка дорожкой бежит, незнайка на печке лежит» и «Меньше знаешь – крепче спишь»…

Такой взгляд на грамоту и образование имел хождение на Руси не всегда. Средневековый «господин Великий Новгород» был грамотен почти поголовно – об этом нам рассказали берестяные грамоты. Однако совместная «просветительская» деятельность монголо-татарских «культуртрегеров», затем косной допетровской знати, а позднее – после-петровской царской администрации XVIII и XIX века, привели к появлению психологии: «Мы люди простые, едим пряники толст***ы***е»…

Только Россия Ленина сразу же начала выводить на уровень общественного символа Книгу… И в каждой советской школе были вывешены слова Максима Горького: «Любите книгу – источник знаний»…

В два десятка лет – ещё до войны, это дало России лучшую в мире систему массового образования – сталинскую.

Культ Книги как источника знаний автоматически исключал примат в советском обществе любого религиозного культа, даром что слова «библиотека» и «Библия» имеют один и то же греческий корень («biblion» по-гречески и значит «книга»).

Ленин порвал с религией ещё в гимназические годы, а отношение его к любым религиям как вождя политической партии и политического руководителя масс определялось знаменитой формулой: «Религия – опиум для народа».

После Октября принципиальное отношение Ленина к проблеме не изменилось, но теперь

он был главой государственной власти. А власть – если она не «от Бога», **а от желания народа иметь свою власть**, – обязана учитывать интересы всех законопослушных граждан.

Тех попов, которые становились информаторами «белых», большевики расстреливали, но – не как «служителей культа», а как информаторов «белых». Не более мягко относились они к «проповедникам слова Христова» типа попа-колчаковца Малюты из фельетона Ярослава Гашека «Дневник попа Малюты». Однако вот записка, которую Владимир Ильич адресовал 2 апреля 1919 года председателю Афанасьевского сельского Совета В. Бахвалову – представителю верующих граждан Ягановской волости Череповецкого уезда Череповецкой губернии, приехавшему в Москву хлопотать о завершении строительства храма, начатого в 1915 году:

«*Окончание постройки храма, конечно, разрешается; прошу зайти к наркому юстиции т. Курскому, с которым я только что созвонился, для инструкции*»[1432].

Идейная же линия Ленина оставалась, как сказано, неизменной. В марте 1922 года в третьем номере нового журнала «Под Знаменем Марксизма» он опубликовал статью с вполне однозначным заголовком «О значении воинствующего материализма».

Там он напоминал слова Иосифа Дицгена [«Дицгена-отца», (1828–1888)], немецкого рабочего, ставшего марксистом и соратником Маркса… Дицген писал, что профессора философии в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев не что иное, как «дипломированных лакеев поповщины», и Ленин далее указывал, что «журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных „дипломированных лакеев поповщины“…», а также «органом воинствующего атеизма»[1433].

Это было, конечно, директивой не для административных, а для идейных разоблачений и преследований, и статью Владимир Ильич публиковал не как председатель Совнаркома, а как воинствующий атеист, подписав её литературным псевдонимом «Н. Ленин».

Как глава государства он публично высказывался, например, так, как на Первом Всероссийском съезде работниц, проходившем в ноябре 1920 года…

Съезд работниц, на котором выступает первое лицо государства, был для старой России событием невозможным.

В России же Ленина это было событием если и не рядовым, то и не сенсационным. Выступая на женском съезде, Ленин основное внимание обращал, конечно, не на вопросы религии, начав речь со слов: «Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нём участия».

[В скобках замечу, что ***сегодня*** такое заявление может показаться тривиальным, однако ***тогда*** это было отнюдь не общим местом. Напомню, что в «просвещённой» Германии и в 30-е годы в ходу были популярны «три К»: «Kirche, Kinder, Kьche» («Церковь, Дети, Кухня»)]…

О религии же Лениным было сказано так:

– Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, кто вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путём пропаганды, путём просвещения… Самый глубокий источник религиозных предрассудков – это нищета и темнота; с этим злом мы и должны бороться…[1434]

Тогда же было сказано и следующее:

– Внося остроту в борьбу (антирелигиозную. – *С.К.*), мы можем озлобить массу; такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении…

Это ведь надо помнить и сегодня, потому что любые антинародные режимы разжигают не только национальную, но и религиозную рознь, активно используя разделение масс по принципу религии в рамках общей установки: «Разделяй и властвуй!»

В декабре 1921 года на совещании беспартийных делегатов IX Всероссийского съезда

Советов Ленин напомнил: «Вы знаете, что по нашей Конституции, по основному закону нашей республики, свобода духовная насчёт религии за каждым безусловно обеспечена»[1435].

Но когда Оргбюро ЦК РКП(б) по просьбе Емельяна Ярославского запросило мнение членов Оргбюро о возможности оставления в партии лиц, участвующих в религиозных обрядах, Владимир Ильич 30 мая 1919 года ответил: «Я за исключение из партии участвующих в обрядах. Ленин»[1436]

Любопытно при этом, что жёсткая позиция Ленина в деликатном вопросе со временем претерпела изменения в сторону… смягчения! 18 мая 1921 года пленум ЦК РКП(б) обсуждал вопрос о проведении мероприятий, касающихся религиозных отношений, и Ленин пишет в тот же день короткую записку с предложением о корректировке пункта 13-го программы РКП(б):

«Поручить Ярославскому и Бухарину переделать в направлении таком, чтобы не выпячивать вопроса о борьбе с религией… и допустить с рядом особо ограничительных условий, оставление в партии верующих, но заведомо честных и преданных коммунистов.

Борьбу с религией поставить научнее…»[1437]

Мог ли лидер партии и страны одной рукой писать это, а другой рукой санкционировать «избиение духовенства»?

Конечно, в представлении Петра Бернгардовича Струве «аморальный» Ульянов был способен и не на такое… Но посмотрим на вопрос не с этической стороны, а с чисто прагматической.

С огромным трудом, через неверие, непонимание, через прямо враждебное отношение части народной массы, большевики получили от народа мандат доверия на управление страной.

И вот в этих условиях Ленин с одной стороны публично – ту же его речь на женском съезде сразу же опубликовала «Правда» – призывает бороться с религиозными предрассудками осторожно… Призывает не оскорблять религиозные чувства и не вносить остроту в антирелигиозную борьбу, ибо это может озлобить массу…

И в то же время, на фоне подобных публичных призывов, Ленин якобы предпринимает широкие репрессивные меры против духовенства как против духовенства…

Если бы так в самом деле и было, долго ли продержалось бы после этого доверие к словам и делам Ленина у масс, немалая часть которых находилась под влиянием духовенства? И разве не использовали бы все враги Ленина это расхождение Слова и Дела, крича на всех углах, что вот, мол, они, большевики, вот он, ваш Ленин: болтает одно, а делает другое?

Ну, ладно, пусть Ленин был – по Струве – аморален.

Но глуп-то он не был? И если призывал быть в антирелигиозной борьбе осторожным, то никак не мог допускать расстрелы попов за то, что они попы, не так ли? Инсинуаций со стороны «высокоморальных» профессоров Ленину и без этого хватало.

К сожалению, не просто выполоть не только сорную траву, но и сорную мысль, и духовные «сорняки» как не перевелась в эпоху Ленина, так и продолжали засорять жизнь СССР в сталинские, в хрущёвские, в брежневские времена. Наконец, эта публика дожила до «эпохи» Горбачёва-Ельцина и вот уж тут почувствовала себя как муха на куче, гм…

Впрочем, не буду уточнять, где вольготнее всего живётся «россиянской» интеллигентской публике, но сообщу, что всё, сказанное в этой главе выше, было в некотором смысле присказкой к дальнейшему рассказу.

«Российские» «интеллигенты» давно – потомственным образом – не могут терпеть Ленина, и поэтому уже давно клевещут на него истерически злобно и исторически безграмотно. Бывшая советская «элита», которая сформировалась как продукт брежневских времён, вкупе с якобы интеллектуальными продуктами «новорусской» «эпохи», из кожи вон лезет, чтобы «обозвать похуже» великих усопших, и трусливо набрасывает на свой роток платок, когда надо возвысить

голос, протестуя против преступлений ельцинщины и нео-ельцинщины уже в путинско-медведевском её исполнении.

Сюжет, на котором мы ниже остановимся, имеет давнюю историю, и, всё же, он по сей день злободневен, почему ему и нашлось место в книге о Ленине. А на фоне этого сюжета современный читатель сможет увидеть не очень, надо полагать, привычные для него черты ленинского портрета…

Итак, 22 апреля 1992 года в № 17 тогдашней «Литературной (или – „Либературной…“?) газеты» на странице 6-й с предисловием О. Михайлова «Во дни сомнений и тягостных раздумий» был перепечатан старинный пасквиль некоего Петра Пильского «Извратители духа».

Если читатель постарается, то вспомнит, что с последним персонажем он уже встречался на цитируемых в своём месте страницах дневника Корнея Чуковского, где 17 июля 1907 года было отмечено: «*Встретил Пильского, которого презираю*»…

Это – как раз о том самом Петре Моисеевиче Пильском, критике и фельетонисте, речь о котором, а точнее – о его «фельетоне» «Извратители духа», пойдёт у нас далее…

Впервые сей перл антиленинской «публицистики» увидел свет в рижском издательстве «Грамату Другс» в 1929-м году, и, увы, предисловие 1992 года стоило самогу пасквиля. О. Михайлов вслед за П. Пильским возлагал на «изверга» Ленина основную долю вины за порчу русского языка и заявлял: «Мы давно говорим на… собачьем (? – *С.К.*) языке… Главная опасность подстерегала нашу родную речь с началом великой культурной революции, учинённой (? – *С.К.*) большевиками».

Далее было сказано, что это было «испытание безмерное, ***не сравнимое даже с татарским игом*** (жирный курсив мой. – *С.К.*)»!

Вот так, ни более и не менее…

Нашествие Батыя превращало в пепел русские летописи и монастырские библиотеки, отбрасывало Русь на века назад, а благодаря ленинской культурной революции миллионы ранее неграмотных уже в двадцатые годы получили возможность приобщаться к знаниям, читать и писать письма родным и близким. И это – по О. Михайлову – были явления схожего характера.

Н-да…

Писал О. Михайлов и так: «Особый и зловещий вклад в порчу русского языка внесли архитекторы коммунистической зверофермы (!? – *С.К.*), и прежде всего В. И. Ульянов-Ленин».

Писал и этак: «Когда я слышу по телеящику, как один из руководителей российского правительства говорит несуразности, то угадываю в этом тяжкую ленинскую картавость».

Интересно, на какой «звероферме», после каких зверских пыток в чекистских застенках стилиста-пуриста О. Михайлова вынудили включить в свой словарь слово «телеящик»? Владимир Ульянов-Ленин тут был явно не при чём, в его времена «телеящиков» не было.

Зоологический (вот уж точно – со зверофермы) благоприобретённый антикоммунизм настолько подводил О. Михайлова, что он то и дело употреблял такие выражения как «тюремные отстойники», «профсоюзные сходки», «коммунистическая целлюлоза», «бард октябрьского переворота» (это – о Владимире Маяковском!)…

Сотрудник Института русского языка О. Михайлов сообщал, что Пётр Пильский, эмигрировавший в Латвию и скончавшийся там же в 1942 году, защищал «язык и культуру россиян». Вот так я впервые – от О. Михайлова, узнал о существовании «***россиянского***» языка. Собственно, с тех пор и стал называть ельцинскую Россию «Россиянией».

Интересно получается! Если лишь *пользуешься* русским языком, то с какого-то момента, «во дни сомнений и тягостных раздумий», начинаешь мыслить и говорить не по-русски, а воистину по-***россиянски***!

О. Михайлову принадлежало, однако, лишь предисловие, а «гвоздём» полосы была давняя

статья Петра Пильского. Начиналась она со злого, издевательского описания волны неблагозвучных аббревиатур и новых сложносокращённых слов, появившихся в первые годы после революции, всяких там «персимфансов» и «опоязов».

Но Пильский валил всё на большевиков, а ведь, живя в ***те*** времена, Пётр Пильский мог бы и знать, а точнее – ***не мог*** не знать, что подобным «словотворчеством» грешили и «белые».

Примеры?

Пожалуйста: «ВСЮР – Вооружённые Силы Юга России», «Добрармия», «Главком Генлейт Деникин», «Наштаглав Генлейт Романовский» и т. д.

Да и не с революции всё началось! Вот слова из официального обихода царской России времён Первой мировой войны: «Продпаровоз», «Продвагон», ГИУ, ГАУ, «Продуголь», «Продамет», Согор (Союз городов), Земгор, ГУЗЗ, ВОКЗ, «Комкож», «Осотоп», Хлебармия, «Центросахар», «Саломас», Закупсбыт, Руссуд… Иными словами, Советская Россия получила и «канцелярит», и названия многих учреждений по наследству от царизма. Да и объективный смысл в новых сокращениях и аббревиатурах был – новый век требовал краткости.

Однако, увы, нельзя просто так отмахнуться от следующего заявления Пильского: «Русский язык изуродован и искалечен. Он убит канцелярщиной, задушен партийной книжностью, обезличен и заражён. Значительная часть нынешнего лексикона совершенно недоступна пониманию… Никогда ещё русский язык не испытывал такого засилия иностранщины, как сейчас… Все стараются „свою образованность показать“, и ораторы, и газеты, и декреты глушат и пугают загадочными словами – „дауэсизация“, „диспропорция“, „рентабельность“, „дезавуировать“…»

Живи Пётр Пильский в «демократически»-«россиянской» России, он мог бы ряд и продолжить: «консенсус», «презентация», «спонсор», «инвестор», «приватизация», «ваучер», «дилер», «брокер», «анимация», «инфляция», «глобализация», «рейдер», «шахид», «спикер», «хакер», «ток-шоу» и так далее…

Как сообщал сам Пильский, он узнал о насилии над русским языком не столько из повседневной практики, сколько из книги А. Селищева «Язык революционной эпохи», изданной в Москве в 1928 году. Узнал и резонно задался вопросом: «Откуда же пошёл этот сумбур»? Однако ответил лживо: «Конечно же из революционного подполья… Особенно постарался тут Ленин».

По Петру Пильскому, Ленин же постарался «ввести в язык воровской жаргон», «развёл хитренькую словесную паутину» и вообще: «Никто не принёс такого исключительного вреда языку, как Ленин. Никто так систематически не поганил его, как этот тупой и на редкость глухой человек»…

Н-да, обвинение было тяжким.

Однако – насколько оно было справедливым?

«Говорю совершенно серьёзно и искренно, – заявлял Пильский, – из всех русских публицистов я не знаю ни одного, кто бы мог конкурировать с Лениным по литературной бездарности – так он стилистически скуден, лексиконно нищ, трафаретен, скучен до тоски, однообразен как замёрзшая пустыня… У Ленина вообще нет лексикона».

Все эти «откровения» я читал с широчайше раскрытыми глазами… Спору нет, Ленину далеко до Лескова, но лексикон у него, всё-таки, был. И дело даже не в том, что временами этот лексикон сочетался с *очень* недурным стилем. Дело в том, что хлёсткий дореволюционный фельетонист Пильский, привыкший строить эффект на хлёсткой же, но, чаще всего, бездоказательной и поверхностной фразе, не мог уразуметь, что у бульварного фельетониста и у политического публициста задачи ***разные***!

Есть умный анекдот из античных времён… Когда выступал перед римлянами Цицерон, со

всех сторон слышалось: «Как красиво говорит Марк Туллий!» Когда же говорил Демосфен, – далеко не так красиво, зато ***убедительно***, – афинская агора ревела: «Вперёд, на Спарту!»

Улавливаете разницу?

Между прочим – насчёт «лексикона»… В политических трудах Ленина – особенно в статьях и письмах, порой попадаются просто блестящие неологизмы, например: «злокачества», «левоглупистыи» (ПСС, т.47, с. 222, 223)…

ЧТОБЫ предметно показать, что Ленин при необходимости блестяще владел приёмами острого политического журналиста, приведу ***полностью*** статью Ленина «Образованные депутаты», опубликованную 10 апреля 1913 года в № 83 газеты «Правда» за подписью «Б.»:

«ОБРАЗОВАННЫЕ ДЕПУТАТЫ

В вечернем заседании 2 апреля, возражая на требование рабочих депутатов обсуждать вопрос о ленских событиях (Ленский расстрел 4 апреля 1912 года. – *С.К.*), октябрист Л. Г. Люц сказал:

„Через два дня годовщина событий на Лене. Очевидно, социал-демократы стремятся будировать чувства рабочих для того, чтобы поднять их на какие-нибудь эксцессы…“

Французское слово bouder, передаваемое русским „будировать“, означает – сердиться, дуться. А г. Люц, очевидно, производит это слово от „будоражить“, или, может быть, „возбудить“. Как смеялись гг. буржуазные депутаты и буржуазная пресса, когда в I Думе один крестьянин употребил слово „прерогативы“ в смысле „рогатки“. А между тем ошибка была тем простительнее, что разные „прерогативы“ (т. е. исключительные права) господствующих являются на самом деле рогатками для русской жизни. Но образованность г. Люца не „возбудировала“ смеха его образованных друзей и их печати»[1438].

Кто отважится сказать, что это – не блестящая, точная, убийственная для оппонентов публицистика? Причём уж эту-то статью Пильский мог прочесть в день её публикации, поскольку большевистская «Правда» была в 1913 году изданием временно легальным.

Но Ленин – по Петру Пильскому, и по О. Михайлову тоже – был якобы повинен не только в публицистической серости, но и в вульгарной малограмотности. Пильский обвинял: «Безнадёжный глухарь Ленин писал так: „Высвобождаться…, требовать высвобождения из-под гнёта“…, „высвобождение пролетарской линии из мелкобуржуазного угара“… А за Лениным это „высвобождение“ пошло и запрыгало повсюду»…

Что ж, обратимся к словарю Даля (прошу запомнить: именно Даля, о котором речь ещё впереди). Там, в томе I на с. 312, сказано: «Высвоб***а***живать или высвобождать, высвободить кого, освобождать из чужой, сторонней зависимости, выручать; вызволить, выкабалить, делать от кого или чего свободным».

Языковая норма одной эпохи может серьёзно отличаться от нормы современной. Не смеёмся же мы над писателем XVIII века, употребляющим слово «машкерад». Так что вполне объяснимо употребление Лениным, человеком, воспитанным XIX веком, формы «высвобождать», затем из употребления вышедшей.

Двинемся, впрочем, дальше…

Как один из примеров «зверофирменного» словотворчества, руководимого и направляемого якобы Лениным, Пётр Пильский упомянул слово «госбанки». А вот цитата из другого автора: «Я бы очень хотел взять пример нескольких гострестов (если выражаться этим прекрасным русским языком, который так хвалил Тургенев)…»

Ирония налицо – не злая, как у Пильского, а весёлая, но – ирония. И как раз – по адресу

«советского» вклада в казённый российский «канцелярит». Издевался же над этим незавидным вкладом в русский язык ни кто иной, как… Владимир Ильич Ленин в речи 27 марта 1922 года на XI съезде РКП(б)![1439]

В той же речи на XI съезде Ленин ещё раз проехался по неудачным «советским» неологизмам: «Этого мы не сознаём, тут осталось коммунистическое чванство – комчванство, выражаясь великим русским языком…»[1440]

Примерно в то же время, в ленинские годы, в печати появилась небольшая статья некого автора с едким названием: «Об очистке русского языка (размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях)», которую привожу полностью:

«Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить „дефекты“, когда можно сказать недочёты или недостатки или пробелы? Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять как новинку иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово „будировать“ в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово „будэ“ значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле „сердиться“, „дуться“. Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык. Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?»

И это написал не Пётр Пильский…

Это – тоже ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН (см. Полное собрание сочинений, 5-е изд., т. 40, с. 49).

Статья была опубликована 3 декабря 1924 года в газете «Правда» № 275.

И это ещё не всё!

18 января 1920 года Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин направил письмо Народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому:

«Тов. Луначарский! Недавно мне пришлось – к сожалению и стыду моему, впервые, – ознакомиться с знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь, но ведь это областнический словарь и устарел.(Словарь Даля был впервые издан в 70-х годах XIX века, – *С.К.*). Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь классиками, от Пушкина до Горького… Как бы Вы отнеслись к этой мысли? Словарь классического русского языка? Не делая шума, поговорите со знатоками, ежели не затруднит, и сообщите мне Ваше мнение.

Ваш *Ленин*»[1441]

Так началась история первого современного словаря русского языка… Пятого мая того же года Ленин пишет письмо уже М. Н. Покровскому (ПСС, т. 51, с.192), где ещё раз излагает идею создания словаря и просит проверить «делается ли?»

«Делалось», судя по всему, со скрипом, и «главный губитель русского языка» принимается за дело «погубления» всерьёз, в течение короткого времени направив заместителю наркома просвещения РСФСР Е. А. Литкенсу несколько писем. Вот извлечения из них…

«Как стоит дело с комиссией учёных, составляющих словарь… русского языка? Я давно, много раз уславливался об этом с Покровским и Луначарским…» (ПСС, т. 52, с.178).

«Назначьте комиссию 3–5 лучших филологов… Задание – краткий… словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного, по новому правописанию.» (ПСС, т. 52, с. 198, 199).

«Приблизительно через месяц… сделайте *формальное* постановление и назначьте *ответственное* лицо» (ПСС, т. 52, с. 238).

В одном из писем Литкенсу Ленин, кстати, пишет о необходимости обеспечить учёных красноармейским пайком.

Результатом стала работа над словарём, которую возглавили И. И. Гливенко, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, П. Н. Сакулин, А. Е. Грузинский и А. А. Буслаев. Словарь, как сказано в примечании 254-м тома 52 Полного собрания сочинений В. И. Ленина, готовили более 30 учёных Москвы и Петрограда. К осени 1923 года в основном был подготовлен первый том, однако, как было далее сказано в том же примечании, «закончить работу в тот период так и не удалось».

Не в связи ли с кончиной «главного губителя» русского языка не удалось закончить эту работу?

Работа над словарем была возобновлена лишь в 1927 году. И новый толковый словарь русского языка в четырёх томах, составленный под редакцией Д. Н. Ушакова, был издан в 1935 году, когда страной руководил уже Сталин – блестящий знаток и ревнитель чистоты русского языка, вернувший в него звонкую карамзинскую букву «Ё».

В предисловии к I тому «Словаря» Ушакова было сказано, что составители старались придать словарю характер, отвечающий тем требованиям, которые предъявлял В. И. Ленин к образцовому толковому словарю современного русского литературного языка.

Вот так.

Конечно, Пётр Пильский всего этого мог не знать, но О. Михайлов и мог, и ***обязан*** был знать всё это. Или, по крайней мере, узнать до того, как выпускать на свет божий скользкую, холодную, змеиную ложь в адрес Ленина.

Да, Ленин нередко за стилистической чистотой не гнался, но его задачи и не требовали от него тщательной языковой чистоты. Тем не менее он ей обладал и к ней стремился. Ведь Ленин был человеком высокой культуры. К тому же, далеко не всегда начётническая языковая норма уместна. Сергей Есенин писал: «Остался в прошлом я одной ногою/Стремясь догнать стальную рать/ Скольжу и падаю другою»…

Нельзя падать *одной* ногой, но думает ли об этом кто-либо, кроме, разве что, безнадёжных тупиц, когда читает есенинские строки?

Не буду много на этот счёт говорить, однако напомню, что исключительно «коммунистической зверофермой», выражаясь языком «рафинированного» «эстета-языковеда» О. Михайлова, был воспитан такой, например, литератор, как Александр Твардовский. И его поэму «Василий Тёркин» очень высоко оценил такой бесспорный ценитель чистоты русского языка, как Иван Бунин.

Что же касается до «тупости, трафаретности и скуки до тоски», усмотренных Пильским у Ленина, то вот оценка Ленина-интеллектуала его политическим противником, Виктором Черновым, знавшим Ленина лично: «Ум у Ленина энергический, но холодный. Я бы сказал даже: это был прежде всего насмешливый, язвительный, цинический ум».

Написано в марте 1924 года после смерти Ленина. Но написано с таким невольно живым чувством, что сразу понятно «скучный» (по Пильскому) Ленин на самом деле своим оппонентам поводов для скуки не давал.

Как, всё же, мерзко повели себя после 1991 года многие бывшие советские «интеллигенты», особенно «творческие»… В советской исторической эпохе, которая дала нам первоклассную державу, они видят нечто даже худшее, чем татаро-монгольское иго! Сделавшие себе на «ленинианах» имена, дачи, и счета, они бесстыже рассуждают о «мракобесии» (подумать только!) Ленина.

Контр-адмирал Деревянко, герой обороны Одессы, вспоминал, что в конце двадцатых годов курсантам Ленинградского училища имени Фрунзе читал астрономию Михаил Михайлович Беспятов, неизменно обращавшийся к аудитории: «Господа!» Но за неделю до смерти он пришёл на последнюю в своей жизни лекцию и впервые обратился к будущим командирам Рабоче-Крестьянского Красного Флота: «Товарищи…»

Способны ли понять нынешние новоявленные «господа» – ***почему*** Беспятов поступил так, подводя жизненные итоги? И поймут ли они, что на «зверофермах» такого быть не могло?

В великом Советском Союзе во всех средних школах висели плакаты со словами великих русских писателей о мощи и богатстве русского языка. Со словами Владимира Маяковского: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». И со словами самого Владимира Ильича: «Язык Толстого, Тургенева, Чернышевского и Добролюбова велик и могуч».

Тогда русский язык и русский дух были опорой Державы, а Держава, основанная Лениным, была опорой русского духа и русского языка.

А как же пильские – тогдашние, и нынешние?..

Что ж, в давней статье Петра Пильского были слова, несправедливо сказанные им в адрес Советской власти Ленина, зато в «Россиянии» Ельцина и Путина ставшие до боли злободневными:

«Насаждение чуждых слов и понятий обозначает чуждый дух… Огрубение словаря символизирует огрубение нравов, а распространение воровского жаргона говорит о природе самой власти, её заветов и лозунгов, её программы и практики, её вождей и руководителей».

Вот тут всё верно – если иметь в виду сегодняшний день России. Нынешний лексикон нашей жизни многое говорит о природе нынешней власти. Власти, чуждой идеям Ленина в той же мере, в какой эта «власть» чужда России и её народам.

Ленин был блестящим публицистом. Указатель произведений художественной литературы и критики, пословиц, поговорок и крылатых слов, использованных и упомянутых Владимиром Ильичом в его работах и речах, занимает в справочном томе к Полному собранию сочинений более пятидесяти страниц – с 589 по 644-ю! Однако Ленин не часто прибегал к собственным литературным описаниям, не стремился к метафоричности языка как к самоцели…

Тем более ценны те немногие его работы, которые показывают нам Ленина – обладателя чисто литературного таланта. И с одним из таких примеров не могу не познакомить читателя под конец этой главы.

В феврале 1922 года Ленин начал работать над очередными «Заметками публициста». Очередными потому, что есть несколько ленинских статей с одинаковым названием: 1907-го, 1910-го, дважды – 1913-го и 1920 года.

«Заметки» 1922 года имели подзаголовок: «О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.»

Неоконченные «Заметки…» 1922 года были опубликованы в 1924 году уже после смерти Владимира Ильича, и их первая главка «Вроде примера» весьма непривычна для стиля Ленина. Читая, просто не веришь, что это написано им. Обычно он жертвовал развёрнутой образностью ради конкретности мысли, а здесь, что называется, не стал себя сдерживать.

И вышло на удивление захватывающе!

Уже следующая главка «Заметок» имеет название «Без метафор» – Ленин как бы извинялся

перед читателем за то, что начал деловую статью с метафор, и прямо замечал: «Пример не доказательство. Всякое сравнение хромает».. Однако его сравнение новой России с человеком, восходящим на высокую гору прочно стояло – используя метафору – на двух ногах. И читатель сейчас сможет сам составить мнение насчёт того – обладал ли Ленин даром литератора?

Вот как начинаются «Заметки публициста» 1922 года:

«Представим себе человека, совершающего восхождение на очень высокую, крутую и не исследованную ещё гору. Допустим, что ему удалось, преодолевая неслыханные трудности и опасности, подняться гораздо выше, чем его предшественники, но что вершины он всё же не достиг. Он оказался в положении, когда двигаться вперёд по избранному направлению и пути оказалось уже не только трудно и опасно, но прямо невозможно. Ему пришлось повернуть назад, спускаться вниз, искать других путей, хотя бы более длинных, но всё же обещающих возможность добраться до вершины.

Спуск вниз на той невиданной ещё в мире высоте, на которой оказался наш путешественник, представляет опасности и трудности, пожалуй, даже бульшие, чем подъём: легче оступиться; не так удобно осмотреть то место, куда ставишь ногу; нет того особо приподнятого настроения, которое создавалось непосредственным движением вверх, прямо к цели.

Приходится обвязывать себя верёвкой, тратить целые часы, чтобы киркой вырубать уступы или места, где можно было бы крепко привязать верёвку, приходится двигаться с черепашьей медленностью и притом двигаться назад, вниз, дальше от цели, и всё еще не видеть, кончается ли этот отчаянно опасный, мучительный спуск, находится ли сколько-нибудь надёжный обход, по которому можно бы опять, смелее, быстрее, прямее двинуться вперёд, вверх, к вершине…»

Читая это, невольно отождествляешь себя с описываемым Лениным путешественником – так точно дана картина и восхождения, и вынужденного спуска. Точно передано и напряжение спуска. Ленин обладал опытом альпиниста, причём альпиниста в изначальном значении этого слова, то есть, человека, совершавшего восхождения в Альпах, и горный опыт чувствуется в выше приведённом отрывке.

А далее Ленин продолжает:

«Едва ли не будет естественным предположить, что у человека, оказавшегося в таком положении, являются, – несмотря на то, что он поднялся неслыханно высоко, – минуты уныния. И, вероятно, эти минуты были бы многочисленнее, чаще, тяжелее, если бы он мог слышать голоса снизу, наблюдающие из безопасного далёка, в подзорную трубу этот опаснейший спуск, который нельзя даже назвать спуском на тормозах, ибо тормоз предполагает хорошо рассчитанный, уже испробованный экипаж, заранее подготовленную дорогу, испытанные уже ранее механизмы. А тут ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее!

Голоса же снизу несутся злорадные…»

Ленин описывает эти голоса, основной сарказм направляя против меньшевиков, но пока не называя их прямо. Хотя вряд ли Ленин презирал кого-либо в политике больше, чем меньшевиков, в чём был абсолютно прав – *зловреднее* публики в России не было.

И вот, имея в виду не только прямых врагов, но и врагов, маскирующихся под друзей, Ленин пишет:

«Одни злорадствуют открыто, улюлюкают, кричат: „Сейчас сорвётся, так ему и надо, не сумасшествуй!“ Другие стараются скрыть своё злорадство, действуя преимущественно по образцу Иудушки Головлёва; они скорбят, вознося очи горй: „К прискорбию, наши опасения оправдываются! Не мы ли, потратившие всю жизнь на подготовку разумного плана восхождения на эту гору, требовали отсрочки восхождения, пока наш план не кончен разработкой?

И если мы так страстно боролись против пути, оставляемого теперь и самим безумцем (смотрите, смотрите, он пошёл назад, он спускается вниз, он целыми часами подготовляет себе возможность подвинуться на какой-нибудь аршин! А нас поносил подлейшими словами, когда мы систематически требовали умеренности и аккуратности!), – если мы так горячо осуждали безумца и предостерегали всех от подражания и помощи ему, то мы делали это исключительно из любви к великому плану восхождения на данную гору, чтобы не скомпрометировать этот великий план вообще!“…»

Так оно и было – Ленин пролагал путь к вершине, оступался, был вынужден отступать, страховаться «верёвкой» НЭПа… Но отступал он лишь для того, чтобы найти путь наверх и покорить вершину. А лицемеры, прямые враги, завистники, злопыхатели, «премудрые» политические «пескари» с открытой или затаённой злобой ожидали – когда же он сорвётся?

А он, уже взойдя вместе с ведомой им Россией в первые же годы Советской власти на высоты, никем кроме него и России не освоенные, продолжал своё восхождение к новым высотам…

И имел моральное и историческое право заявить:

«К счастью, наш путешественник, в условиях взятого нами примера, не может слышать голосов этих „истинных друзей“ идеи восхождения, а то бы его, пожалуй, стошнило. Тошнота же, говорят, не способствует свежести головы и твёрдости ног, особенно на очень больших высотах»[1442].

Воля ваша, уважаемые читатели, а на меня приведённая выше главка ленинских «Заметок публициста» произвела огромное впечатление не только политической точностью, но и литературной яркостью!

Однако Ленин был, всё же, не литератором, а политиком, и никем, кроме политика он быть не мог. При этом он не мог не быть политиком исключительно трудящегося большинства. А это означало, кроме прочего, что он не мог не иметь множества прямых врагов среди тех, кто составлял имущее меньшинство.

Он множество врагов среди имущих и нажил.

Но были же ещё и скрытые враги – среди лукавых «друзей», среди тех, вроде бы, соратников, которые были, вроде бы, и с Лениным, но не отдавали всего себя делу создания новой России.

Были среди соратников и амбициозные завистники, и самодовольные политические «нарциссы», что Ленину было органически чуждо. И это делало многих – особенно после Октября 1917 года, а ещё более – после окончания гражданской войны и упрочения Советской власти – друзьями и соратниками Ленина наполовину.

Друг наполовину – наполовину враг…

А враг наполовину может стать уже просто врагом.

Увы, две последние констатации, приложенные к последним годам жизни Ленина, оказываются не просто общими сентенциями, а, возможно, ключом к невесёлым тайнам этих последних лет, включая последние дни Владимира Ильича и его смерть.

Моё – как оказалось, огромное по объёму, но всё равно неполное – исследование жизни и деятельности Ленина, приближается к концу. И пора всмотреться в последний период ленинской жизненной эпопеи.

Глава 45. Тайна последних дней

Последний период физической жизни Ленина – это время с 6 марта 1923 года по 21 января 1924 года, то есть, те одиннадцать месяцев, когда Владимир Ильич уже полностью выпал из государственной работы и просто боролся с болезнью.

В советское время этот период был освещён скупо, неполно и плохо. В антисоветское время вакуум заполнили самые гнусные инсинуации, но, вообще-то, недостойные сплетни о Ленине имеют очень давнее происхождение…

Нет, имеется в виду не болтовня о якобы сифилисе Ленина – этот момент, как гнусно лживый, я разбирать вообще не намерен, в отличие от, например, Михаила Гиршевича Штейна, автора книги «Ульяновы и Ленины. Тайны родословной Вождя», полной как спорных, так и бесспорных фактов вкупе с сомнительными аргументами… Однако даже Штейн признаёт, что «приобретённого сифилиса у В. И. Ленина не было…»[1443]

Отсылаю заинтересованного читателя также к авторитетной и объективной книге академика Ю. М. Лопухина о болезни и смерти Ленина, первое издание которой вышло в 1997 году.

Но разного рода сплетни о Ленине начались с того момента, как он стал «публичным», как говорится человеком. Речь, увы, и о сплетнях в партийной послеоктябрьской среде, причины которых не всегда можно внятно объяснить… Так, в конце декабря 1920 года, отвечая на замечания делегатов VIII съезда Советов в ходе совещания фракции РКП(б) на съезде, Ленин сказал, в частности:

– Рязанов, и увлёкшийся его дурным примером Гусев, стали рассказывать, что где-то они слышали, может быть от меня, что я хотел в Совнаркоме – один сказал, утопиться, а другой – застрелиться. Если меня товарищи будут ловить на всяком сердитом слове, которое скажешь, когда очень устал, и заставлять о нём говорить перед тысячью человек, я думаю, они всякое доверие к серьёзности своего выступления подорвут раз и навсегда…[1444]

Факт Ленин сообщил, вообще-то, любопытный. Это ведь не две кумушки о вожде партии и народа судачили, а два крупных партийных работника… И не просто судачили, а распускали сплетни!

Зачем?

Присмотримся к этим «кумушкам» получше…

Сверстник Ленина Давид Борисович Рязанов-Гольденбах (1870–1938), участник революционного движения с 1889 года, был «в девичестве» меньшевиком. После того, как на VI съезде партии в августе 1917 года его приняли в РСДРП(б), он стал в партии перманентным скандалистом-оппозиционером, в начале 1918 года временно выходил из партии из-за несогласия с Лениным по вопросу Брестского мира, был противником Ленина (и сторонником Троцкого) в профсоюзной дискуссии…

Короче, фигура это была мало привлекательная, хотя с 1921 по 1931 год Рязанов и занимал пост директора Института Маркса и Энгельса… В феврале 1931 года он был обвинен в контактах с заграничным центром меньшевиков и исключён из ВКП(б), но репрессии его обошли. Так что не приходится удивляться, что этот видный «послеоктябрьский» «большевик» распускал о Ленине небылицы.

Сложнее с «кумушкой» Гусевым…

Большевик-профессионал Яков Давидович Гусев-Драбкин (1874–1933) работал в партии с 1896 года. В Октябре 1917 года – секретарь Петроградского ВРК, с 1918 года – на политической работе в Красной Армии, член Реввоенсовета Республики, оппонент Троцкого… Позднее Гусев

работал на разных крупных постах, прах его погребён в Кремлёвской стене. Официальный послужной «дооктябрьский» партийный список у Гусева – хоть куда! Исключительно «верный ленинец», член «ленинской гвардии»…

Но вот письмо Ленина от 11 февраля 1905 года из Женевы в Петербург:

«Вчера отправил телеграмму о своём согласии на ваши изменения, хотя совершенно не согласен с тем, чту мог понять из Вашего письма. Но мне так опротивела эта волокита и такой насмешкой надо мной звучали Ваши вопросы, что я махнул рукой: лишь бы делали хоть что-нибудь!.. Вы удивитесь слову: насмешка. А подумайте-ка, в самом деле: два месяца тому назад я посылаю свой проект (о созыве III съезда партии. – *С.К.*) *всем* членам бюро. Ни единый не интересуется им и не считает нужным обменяться взглядами…

Единственная наша сила – открытая прямота и сплочённость, энергия натиска. А люди, кажется, размякли по случаю „революции“!! Когда организованность во сто крат более нужна, они продаются дезорганизаторам (речь – о попытках „лояльности“ ряда большевиков к меньшевикам. – *С.К.*)… Ну, господа, я держу пари, что если Вы *так* будете действовать, то Вы никогда не получите съезда и никогда не выйдете из-под башмака у бонапартистов ЦО и ЦК (тогда меньшевистских. – С.К.)…» и т. д.[1445]

Кому же это пишет Ленин такое раздражённое и одновременно горькое письмо? А пишет он его А. А. Богданову – члену Бюро Комитетов Большинства, и С. И. Гусеву – секретарю Бюро Комитетов Большинства и Петербургского комитета партии…

Богданов со временем с Лениным вообще разошёлся – читатель об этом знает. Гусев же все годы до Октября 1917 года, а затем и после Октября работал как большевик с Лениным, но…

То-то и оно, что «но…» – закавыка, как видим, какая-то в нём была и до 1917 года, и после 1917 года.

На первый взгляд, партийная биография у Гусева-Драбкина была безупречной, не подкопаешься… В изданном ещё при живом Сталине 13-м томе 2-го издания БСЭ Гусев назван «одним из помощников Ленина в борьбе большевиков с меньшевиками» и т. д.

Но как-то всё странно получается у Гусева после Октября 1917 года, одним из активных деятелей которого он действительно был… До марта 1918 года – ближайший сотрудник Зиновьева, потом – в Реввоенсовете Республики, в 1921 году – начальник Политуправления республики, но был им недолго… В 1921-22 годах – кандидат в члены ЦК, но членом ЦК позднее не стал, а стал с 1923 года «всего лишь» членом Президиума ЦКК – до 1927 года… Был членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, однако не продвинулся и там. Стал с 1925 года заведующим отделом печати ЦК – тоже на один только год, а с 1928 года до конца жизни переместился в Коминтерн, что отнюдь не характеризует Сергея Гусева-Драбкина как ценного для партии и государства деятеля – уже тогда Коминтерн превращался для партийных работников в что-то вроде «отстоя».

Иными словами, за внешне безупречной биографией виден – если вдуматься, человек, не очень уживчивый, весьма вероятно – не без склочности, и уж точно – не проявивший себя выдающейся фигурой государственной, а не подпольной нелегальной работы…

Но осознавал ли свой невеликий ***после***октябрьский потенциал сам Сергей Иванович?

Вряд ли!

А о Ленине судачил.

И таких среди послеоктябрьских руководящих товарищей хватало…

Были большевики, которые понимали то, что хорошо выразил позднее поэт Маяковский: «Мы говорим: „Ленин“, подразумеваем: „Партия“, мы говорим: „Партия“, подразумеваем: „Ленин“…» Этот слой партийных руководителей, начиная со Сталина, Молотова, Дзержинского, не смотрел на Ленина снизу вверх, но его главенство признавал безоговорочно.

Этому слою руководителей и к началу 20-х годов Ленин как лидер, ***как вождь***, нужен был тоже безоговорочно. Он был для них тем же, чем была для Антея Земля: соприкасаясь с Лениным, они удесятеряли свои силы…

А были большевики, которые всегда смотрели на Ленина как на равного, и даже не как на «первого среди равных», а просто как на равного, которого в одном случае можно брать в расчёт, а в другом – и нет. Такие были до Октября, такие были и после Октября. Собственно, после Октября, а точнее – после гражданской войны, число таких – «с Лениным на дружеской ноге», лишь возросло. И этому слою руководителей, начиная с Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Ленин к началу 20-х годов не так уж был и нужен.

И даже – не нужен! Он им – возомнившим ***самих себя*** выдающимися вождями начинал даже мешать.

Да и за что им было теперь – когда они стояли у высшего государственного и партийного руководства – ценить Ленина и, тем более, любить его?

Ну, мог ли не помнить «товарищ» Троцкий, например, что Ленин в своей брошюре 1904 года «Земская кампания и план „Искры“» публично называл Троцкого, окопавшегося в редакции меньшевистской новой «Искры», «редакционным Балалайкиным» (ПСС, т. 9, с. 93)?

Адвокат Балалайкин – персонаж сатирического романа Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия», и вот как его характеризует автор:

«Я не скажу, чтоб Балалайкин был немыт, или нечёсан, но бывают такие физиономии, которые, как ни умывай, ни холь, а всё кажется, что настоящее место их не тут, где вы их видите, а в доме терпимости»…

Радовало ли Льва Давыдовича такое «родство», приписанное ему Лениным? А ведь Ленин публично – в статье 1911 года, которая так и называлась «О краске стыда у Иудушки Троцкого» (ПСС, т. 20, с. 96), сравнивал Льва Давидовича ещё и с щедринским Иудушкой Головлёвым!

И «тушинским перелётом» Ленин Троцкого называл в мае 1914 года – в брошюре «О нарушении единства, прикрываемого криками о единстве» (ПСС, т. 25, с. 205), и пояснял при этом: «Так звали в Смутное время на Руси воинов, перебегавших от одного лагеря к другому».

Подобное, вообще-то, не забывается. Да и не прощается – даже менее амбициозными «нарциссами», чем Троцкий, чем Бухарин…

По Бухарину ведь Ленин тоже не раз публично прохаживался…

Ленин не терпел поддакивающих (как, к слову, и Сталин). В своих «Философских тетрадях» он выписал девиз выходившей с 1789 по 1794 год газеты «Парижские Революции»: «Великие нам кажутся великими лишь потому, что мы сами стоим на коленях. Поднимемся!» (ПСС, т. 29, с. 18). И Ленин так много сделал для того, чтобы человечество встало с колен, что ему абсолютно не было необходимо коленопреклонение перед ним (как, к слову, и Сталину).

Но Ленин не терпел и самонадеянных глупцов с максимумом амбиции при минимуме эрудиции и более чем скромными деловыми качествами. А ведь и таких среди послеоктябрьских руководящих товарищей хватало…

Владимир Ильич очень ценил понимание (как, к слову, и Сталин), но далеко не всегда его имел (как и Сталин). Полностью – всегда и во всём, понимал Ленина лишь один человек – сам Ленин. И ещё, пожалуй, Крупская – как человек, и Сталин – как политик.

Даже умница Арманд – а «товарищ Инесса» действительно была умницей и постоянным «эпистолярным» собеседником Ленина – понимала его не всегда, и в одном из писем ей в конце 1916 года Ленин заметил (ПСС, т. 49, с. 346): «Насчёт „империалистического экономизма“ как-то выходит так, что мы „говорим мимо друг друга“…»

Увы, в высшем руководстве РКП(б) к началу 20-х годов хватало тех, кто всё чаще говорил «мимо Ленина»…

30 ноября 1916 года Ленин, имея в виду разного рода «перелётов» (и конкретно – Карла Радека) писал Инессе Арманд: «*Были ли Маркс и Энгельс путаниками, сегодня говорившими одно, завтра другое? Нет… Кто* ***прощает*** *такие вещи в политике, того я считаю дурачком или негодяем.* ***Я их никогда не прощу****. За это бьют по морде или отворачиваются. Я сделал, конечно, второе. И не раскаиваюсь*»[1446].

20 декабря 1916 года он опять пишет Арманд, имея в виду на этот раз кроме Радека ещё и Бухарина: «*Лезет в щель разногласий у нас: исконная политика швали и сволочи, бессильной спорить с нами прямо и идущей на интриги, подножки, гнусности*»[1447].

Прошло пять лет.

Былой эмигрант Ленин стал официальным вождём России, а его эмигрантские оппоненты Радек и Бухарин – крупными деятелями правящей в России партии… Ленину пришлось простить и их, и много ещё кого в придачу. С людьми было туго, а делать-то дело надо было. Но простили ли Троцкий, Радек, Бухарин и им подобные Ленина?

Почти все толковые руководящие большевики с солидным «дооктябрьским» партийным стажем к началу 20-х годов поизносились, и ленинская переписка всё чаще содержала в себе просьбы и требования к членам своей «команды» об отдыхе.

Чтобы читателю было понятнее сказанное, приведу, в дополнение к уже ранее приведённому, ещё ряд примеров…

Так, 25 апреля 1922 года Ленин писал Сталину:

«*Прошу Секретариат ЦК (а если это компетенция не его, а Оргбюро, то Оргбюро) постановить:*

1) поручить НКидел запросить визу для въезда в Германию Глеба Максимилиановича Кржижановского, председателя Госплана, и его жены, Зинаиды Павловны Кржижановской;

2) дать отпуск этим товарищам на время, необходимое для лечения Г. М. Кржижановского…»[1448]

Лечение Кржижановского – крупной государственной фигуры, это понятно. Но и Зинаида Павловна Кржижановская-Невзорова (1870–1948) была отнюдь не «советской» «светской» «дамой»! Старая большевичка, нижегородка из хорошей семьи, бестужевка, она вышла замуж за Глеба Кржижановского ещё во времена «Союза борьбы за освобождения рабочего класса». Вместе с Ульяновыми Кржижановские отбывали сибирскую ссылку… После Октября Зинаида Павловна стала крупным советским работником и работала в обычном для настоящих большевиков режиме перегруза, так что отдохнуть – при муже, не мешало и ей.

А вот ещё одно письмо Сталину – от 18 мая 1922 года:

«*т. Сталин! Пересылая это письмо т. Скворцова-Степанова, я очень поддерживаю его просьбу* [Заместитель председателя редколлегии Госиздата Скворцов-Степанов (1870–1928) просил об отпуске. – *С.К.*]. *Он человек болезненный. А работник сугубо ценный…*»[1449]

На следующий день – ещё письмо:

«*Т. Сталин! Пересылаю Вам письмо т. Аникста, который вчера атаковал меня. Обижен, огорчён, встревожен. Нервен. Болен. Я посоветовал долечиваться, и не дёргать нервы. Кажись, он – работник хороший. Надо долечить – в Германии или в Риге (в России не выйдет)*»[1450].

Бывший анархо-синдикалист А. М. Аникст (1887–1941), член ВКП(б) с 1919 года, в 1922 году был заместителем наркома труда – не бог весть какая величина. Однако Ленин «входит в положение», заботится, и 27 мая Аникста отправляют на полтора месяца с женой на Кавказ для лечения…

Записка Ленина неизвестному адресату от 13 апреля 1922 года:

«*Насчёт Киселёва, председателя МСНК* (Малого Совнаркома. – *С.К.*) *прошу сговориться с т. Семашко об отправке подальше от Москвы на лечение (до конца лечения) и известить меня*»[1451].

Профессиональный революционер Алексей Семёнович Киселёв (1879–1938), сын рабочего, бывший слесарь, вступил в РСДРП в 1898 году, работал в Иваново-Вознесенске, Москве, Харькове, Баку, Одессе, кооптировался в ЦК… После Октября занимал различные ответственные посты, в 1921–1923 годах руководил Малым Совнаркомом – постоянной комиссией при СНК РСФСР для предварительного рассмотрения вопросов, подлежащих компетенции Совнаркома.

Нарком здравоохранения Семашко написал на ленинской записке: «*Я предлагаю отправить его в совхоз (к моему брату, где в прошлом году был Дзержинский). Киселёв доволен таким предложением. Н. Семашко*».

Так вот отдыхали тогда сотрудники Ленина – не на Канарах, не на Кипре, не в Куршевеле… За границу если и ездили, то по направлению ЦК – лечиться, «ремонтироваться»…

В августе 1922 года Ленин из Горок извещает А. И. Свидерского, члена коллегии Рабкрина, заместителя наркома земледелия РСФСР и ректора Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева:

«*Т. Свидерский!*

Благодарю за присланные материалы…

А. Д. Цюрупа нервно заболел (эти знаменитые немцы лечили его только от сердца) и оставлен надолго в Германии.

Надо взяться без него; обдумать всерьёз кому и как; посоветоваться с Сталиным…

Ваш Ленин

P. S. Считаю, что Вы должны сначала вылечиться вполне, вставить все зубы и научиться есть ими, а потом надо изо всех сил взяться за РаКри…»[1452]

Александр Дмитриевич Цюрупа (1870–1928), заместитель Ленина по СНК и СТО, первый нарком продовольствия РСФСР, в 1922 году – нарком Рабоче-крестьянской инспекции, был в партии с 1898 года, работал статистиком, агрономом, вёл и партийную работу, однако «на износ» стал работать лишь после Октября 1917 года.

Зато уж с этого момента он работал в почти непрерывном режиме – Ленин взваливал на Цюрупу груз почти такой же, какой взваливал на самого себя. Ровесник Ленина, Цюрупа пережил его всего на четыре года, скончавшись в пятьдесят восемь лет…

Тогдашний помощник Цюрупы по Рабкрину Алексей Иванович Свидерский (1878–1933) работал в партии с 1899 года, вёл партийную работу в Киеве, Самаре, Петербурге, Риге, арестовывался, ссылался… Всё это его здоровье, конечно, не укрепляло – в итоге и он не дожил и до шестидесяти лет.

Прах Свидерского, скончавшегося в Риге на посту полпреда в Латвии, погребён в Кремлёвской стене.

Цепь подобных примеров можно продолжить, но, думаю, достаточно и приведённых, чтобы понять состояние кадровой проблемы к началу 20-х годов в той части руководства РСФСР, которая, как и Ленин, выкладывалась «на все сто». Многие сильные работники, испытанные кадры Ленина, изнашивались, кто-то умирал, на их место выдвигались новые, и далеко не все из этих новых видели бесспорного лидера в Ленине…

Тот же Троцкий имел у части даже «стариков», не говоря о молодых, рейтинг повыше ленинского.

Сотрудники Ленина побаливали, болели, но лечились – в том числе и за границей,

отдыхали… Даже Дзержинский в октябре 1918 года выезжал инкогнито в Швейцарию, отдыхал там с женой и сыном.

Ленин же отдыхал, по сути, от приступа к приступу – когда физически не мог работать. Как только врачи разрешали – а он каждый раз на врачей ещё и «давил», Владимир Ильич тут же впрягался в работу. И, порой, занимался тем, что его соратники могли бы решить, вообще-то, без него, если бы все они обладали тем же уровнем чувства ответственности за Россию, что и Ленин.

Очень показательно в этом отношении злое обширное письмо Ленина председателю ВСНХ Цюрупе, направленное тому 27 февраля 1922 года. Председатель СНК В. Ульянов (Ленин) объявлял выговор «за неисполнение своего служебного долга и проявленный бюрократизм по делу о Гидроторфе» заместителю Председателя Госплана, исполняющему обязанности начальника Главного управления по топливу ВСНХ Г. Л. Пятакову, члену Главного торфяного комитета при ВСНХ (Главторфа) М. В. Морозову, помощнику управляющего делами СТО Б. Г. Заксу и управляющему делами СНК Н. П. Горбунову, и писал:

«*…т. Пятаков… должен был подумать, как выполнить постановление Совнаркома (а не моё)…*

…т. Морозов обязан был срочно ходатайствовать о созыве совещания (и жаловаться на его малейшую отсрочку), а не писать чисто склочной бумажонки…

…тт. Закс и Горбунов, если бы они понимали свой долг, как членов управления делами, а не были управляемы духом обмена пустейших бумажек, обязаны были найти постановление СНК от 30.X.1920 и сами вычитать из него единственно правильный, единственно законный путь: немедленного созыва совещания наркомов…» и т. д.[1453]

Заканчивал Ленин письмо-выговор словами:

«*Сознательные революционеры должны были бы, кроме исполнения своего служебного долга, подумать об экономических причинах, кои заставили СНК признать Гидроторф „имеющим чрезвычайно важное государственное значение“*»[1454].

В тот же день Ленин ещё раз адресовался к Цюрупе:

«*Т. Цюрупа!*

Посылаю Вам образец нашей поганой волокиты и тупоумия!

А это – лучшие наши люди, Пятаков, Морозов и др.!

Задушили бы дело, кабы не кнут.

Очень прошу Вас спешно налечь изо всех сил, ударить виновных ещё раз побольнее и добиться… исполнения тотчас…»[1455]

Расстрелянный Сталиным Георгий Пятаков (1890–1937) – участник ряда сюжетов этой книги, ещё до Октября, в эмиграции, не раз конфликтовал с Лениным, мня себя теоретиком повыше Ильича. После Октября Пятаков стал крупнейшим партийно-государственным деятелем, и опять часто не находил с Лениным общего языка как в делах партийных, так и в хозяйственных, всё более скатываясь к поддержке Троцкого.

Старый (с конца 80-х гг. XIX века) социал-демократ М. В. Морозов (1868–1938) тоже был давним знакомцем Ленина. С 1910 года Морозов (Муратов) находился в эмиграции в Париже, где входил в секцию большевиков, руководимую Лениным… 30 июля 1912 года Ленин писал из Кракова в Париж Каменеву: «А Морозов ерунду порет… Беспризорный – ни к чему парень» (ПСС, т. 48, с. 75)]…

Вернувшись в 1917 году в Россию, Морозов включился в работу активно, но с работой у него не заладилось ещё при Ленине… С 1930 года Морозов два года пребывал на посту вице-президента Академии художественных наук, в 1936 году был директором издательства

«Всекохудожник»…

Несмотря на все выговоры и выволочки, Ленин, как видим, числил Пятакова и Морозова, как и других старых товарищей по партии и борьбе, в числе лучших людей России. Он судил их строго, но – по-товарищески, как сознательных революционеров.

А ценили ли ленинское доверие все те, кого ценил и кому доверял Ленин? Гордились ли они тем, что являются членами личной «команды» Ленина? Отдавали ли себе отчёт – как им в жизни повезло: они не просто строили новую жизнь, а занимались этим под лично ленинским руководством? Оставались ли они сознательными революционерами? Не превращались ли на тех высоких постах, на которые их поставила революция, в просто исполнителей своего служебного долга?

Многие, конечно, оставались революционерами, ценили ленинское доверие и оправдывали его. И многие из этих сотрудников Ленина позднее входили в «команду» Сталина.

Но были к началу 20-х годов не только среди высшего руководства ленинской России, но и среди «высшего низшего» слоя руководства и такие, кто отнюдь не испытывал искренней радости от того, что по ним прохаживается лично ленинский «кнут» в наказание за волокиту, за нерадение, за не горение…

Как это всё могло сказаться на судьбе Ленина?

Это ведь не досужий вопрос, поскольку он – скажу уж прямо, равнозначен вопросу: были ли в верхах РКП(б) влиятельные люди, желавшие Ленину как можно скорее смерти?

И если они были, то – кто?

Всё, сказанное в это главе – как выше, так и ниже, связано именно с двумя последними вопросами.

С начала 20-х годов Ленин всё более и более растрачивал свои силы, и всё более – необратимо. Требовался глубокий, полноценный отдых – с полным отвлечением от всего.

Вблизи от Москвы это было абсолютно невозможно. Выезд за границу на отдых для Ленина исключался.

А куда тогда?

Ранее разговор уже не раз касался темы отдыха Ленина, а точнее – отсутствия такового в полноценном виде с Октября 1917 года. И вот теперь на эту тему надо поговорить и более подробно, и более, так сказать, въедливо…

Уже в 1921 году Ленин чувствовал себя не лучшим образом, но отдыхал редко, да собственно, и не отдыхал. Так, в биохронике отмечено, что 13 июля 1921 года «Ленин уезжает в отпуск в Горки». Однако уже 15 июля он участвует в заседании Политбюро, затем председательствует на заседании Совета Труда и Обороны, и в тот же день проводит заседание Совнаркома…

И пошло-поехало аж до 6 декабря 1921 года, когда Ленин на неделю уехал в Горки, сообщив Горькому: «Устал дьявольски. Бессонница. Еду лечиться».

На «целую» неделю!

Да и то…

Какой там отдых, когда он то и дело отвлекается на письма, записки, работу над статьями!? А ведь в уходящем 1921 году Ленин отдыхал, как уже сказано, совершенно недостаточно. С 1 по 22 января 1921 года он, правда, жил в Горках, приезжая в Москву на заседания ЦК и СТО, но это был не отдых, а всего лишь щадящий режим работы.

В воскресенье 13 февраля 1921 года он вырывается на охоту под Бронницы, но и в этот день полностью расслабиться не вышло – пришлось выступать перед рабочими фабрики имени Октябрьской революции. И после этого – сплошная Москва с её заседаниями, беседами, выступлениями, необходимостью постоянно и помногу говорить, слушать, читать и писать, и не

просто говорить, слушать, читать и писать, а принимать важнейшие решения.

Причем всё это – нередко в условиях непонимания, а то и противодействия части собственных соратников. Порой они в этом противодействии были правы, чаще – нет. Но – противодействовали…

И вот так – всю весну и лето 1921 года, до того самого двухдневного «отпуска» 13 июля в Горки. После – опять московская круговерть, обеспечившая к концу года ту бессонницу, о которой Ленин писал Горькому.

С начала же 1922 года периоды вынужденного «отдыха» стали увеличиваться. С 17 января по 1 марта Ленин жил и, опять таки, работал в совхозе близ деревни Костино под Москвой, в Мытищинском районе.

Жил он там в небольшом домике, вставал рано и отправлялся на прогулку. Любил ходить к столетним дубам, ходил на охоту, расчищал дорожки от снега… В один из первых дней по приезде зашёл на скотный двор совхоза… Сторож – не зная, кто это, туда его не пустил, и Ильич повернул обратно, не сказав ни слова[1456].

Тишина Костино была, конечно, лучшим вариантом, чем шум Москвы, но и она была заполнена работой. Чтобы убедиться в этом достаточно просмотреть биохронику Ленина с 17 января по 1 марта 1922 года. Даже краткий её вариант содержит более девяноста (!) позиций, большей частью типа: «Ленин пишет письмо (записку)…».

Только за 26 января 1922 года он написал семь писем: А. М. Лежаве, Г. Я. Сокольникову, И. Т. Смилге, Г. Е. Зиновьеву, Г. В. Чичерину, М. И. Гляссер, Н. П. Горбунову, и записку В. А. Карпинскому.

И за каждым письмом – работа мысли.

А работа мысли – это расход нервной энергии, «стёсывание» и так уже подорванного здоровья.

Характерна записка редактору газеты «Беднота» Карпинскому от 26 января 1922 года:

«*Т. Карпинский!*

Не напишете ли мне кратко (2–3 странички тахітит),

сколько писем от крестьян в „Бедноту“?

что важного (особенно важного) и нового в этих письмах?

Настроения?

Злобы дня?

Нельзя ли раз в два месяца получать такие письма (следующее к 15.III.1922)?

С ком. приветом Ленин»[1457].

В кругу внимания председателя СНК и СТО Ульянова (Ленина) находилось в начавшемся 1922 году множество государственных проблем: предстоящая Генуэзская конференция, перспективы только что открытых рудных запасов Курской магнитной аномалии, работа ревтрибуналов, заказы турбин для Волховстроя, вопросы обращения золота, немецкие концессии в Грозном, хозрасчёт государственных трестов и т. д. Однако он, как видим, не перестаёт держать руку на пульсе народных масс – в конечном ведь счёте новая Россия строится для них!

Понимают ли это массы?

Готовы ли замыслы Ленина поддержать?

И чего они хотят – прямо вот сейчас?

У народа не было более сроднённого с ними вождя, чем Ленин – даже Сталина, хотя он и не оторвался от масс, отгораживала от них державная Кремлёвская стена… И не обожествление, конечно, но постепенно растущее обожание Ленина в массах шло не от государственного «пиара», а от многократно взаимно перекрытого непосредственного общения людей с Лениным:

тот его слушал, с тем он говорил, и всё это ширилось в народе, создавая вполне правдивый образ «Ильича», «товарища Ленина»…

Много воды должно было утечь, чтобы народ, одурманенный олигархами, начал свергать памятники Ленину с пьедесталов.

Н-да…

Вернёмся, впрочем, в начало 1922 года – последнего рабочего года жизни Ленина… Владимир Ильич устал, но уже немного отдохнул и не утратил чувства юмора… 28 января 1922 года он сообщает из Костино Кржижановскому своё мнение о рукописи А. А. Горева (1884–1953) «Электрификация Франции»…

Электротехник Горев, с 1919 года профессор Петроградского политехнического института, в 1902–1907 годах принимал участие в студенческом движении, но потом от партии отошёл. «Я ждал большего, – признавался Ленин Кржижановскому. – Бывший большевик, который так Вас пленил, и, по-Вашему, опять ставший настоящим большевиком, должен был бы дать яркую, сильную пропаганду… У Горева же вышло „профессорски“…»[1458]

А далее Ленин, предлагая, тем не менее, сдать книгу Горева в набор «тотчас», высказывает пожелание, чтобы автор написал предисловие «чуточку размашистее» и прибавляет: «*Прописать ему для сего 3 грамма ларинизма: говорят, появился в продаже в Москве*»…

Едкий юмор Ленина мог понять лишь партиец, но большевики с 1895 года Ульянов и Кржижановский съели вместе не пуд, а чуть ли не центнер соли, и хорошо были знакомы с задиристостью экс-меньшевика Юрия Ларина, вступившего в РСДРП(б) лишь в августе 1917 года одновременно с Троцким. Человек талантливый, Ларин был также личностью не без вздорности и обладал немалым самомнением, что всем в «верхах» РКП(б) было хорошо известно. Вот Ленин и изобрёл новый способ взбадривания вялых авторов: немного «ларинизма»…

Вернувшись на неделю в Москву, Ленин уезжает 6 марта – до 25 марта 1922 года, в деревню Корзинкино близ села Троицко-Лыково Московского уезда. В Корзинкино он пишет статью «О значении воинствующего материализма» и работает над политическим отчётом ЦК партии XI съезду РКП(б) – последнему съезду с его участием.

Ещё в начале весны врачи рекомендовали Ленину продолжительный отдых и горный воздух. Владимир Ильич предполагал поехать на Кавказ или в другое подходящее место, и сразу же по окончании работы XI съезда РКП(б) начал списываться на этот счёт с Серго Орджоникидзе – тогда 1-м секретарём Закавказского крайкома ВКП(б).

7 апреля 1922 года Ленин писал Орджоникидзе:

«Тов. Серго! … Нервы у меня всё ещё болят, и головные боли не проходят. Чтобы испробовать лечение всерьёз, надо сделать отдых отдыхом.

Вам, при Вашей занятости, вероятно, никак не удастся самому выполнить то, о чём говорили, да и не рационально, конечно, Вам за это браться. Найдите человека исполнительного и внимательного к мелочам и поручите ему (тогда и ругать мне будет приятнее *не Вас*, кстати сказать)…»[1459]

9 апреля в новом письме Орджоникидзе он признаётся:

«…Мне надо поселиться отдельно. Образ жизни больного. Разговора даже втроём я почти не выношу (однажды были Каменев и Сталин у меня: ухудшение!)… Посещений быть не должно…»[1460]

Постепенно планы конкретизируются, и 17 апреля 1922 года Ленин пишет Орджоникидзе ещё раз:

«т. Серго! Посылаю Вам еще несколько маленьких справок. Они сообщены мне доктором, который сам был на месте и заслуживает полного доверия: Абастуман-де совсем не годится, ибо

он похож „на гроб“, …прогулок нет… Боржом очень годится, ибо есть прогулки по ровному месту, а это необходимо для Надежды Константиновны. Кроме того, Боржом – высота подходящая…»[1461]

Надо же! Глава правительства, ЛЕНИН, чьё здоровье – государственное достояние, сам, лично, списывается с руководителем региона по поводу организации отдыха! Можем ли мы представить себе, что, скажем, Брежнев или Путин лично обговаривают с первым секретарём Краснодарского обкома или губернатором Краснодарского края условия приезда в Сочи?

Однако написав это, я не имел в виду только лишь подчеркнуть личную скромность Ленина. Поражает иное: то, что после того, как стала понятной необходимость отдыха Ленина в любимых им горах и его готовность к такому отдыху, не пришла в действие вся государственная машина!

Казалось бы, всё окружение должно было оживиться: Ильич, наконец, решил отдохнуть! Так давайте его все вместе поскорее «наладим» в настоящий отпуск и обеспечим оптимальный вариант настоящего его отдыха!! Нет же, дело подготовки отпуска Ленина тянулось ни шатко, ни валко.

А вот известный читателю Камо, узнав от Л. Б. Красина и М. И. Ульяновой о намечавшейся поездке Ленина на Кавказ, тут же написал Ленину письмо с просьбой взять его с собой для охраны и всякой помощи на месте[1462].

Ленин запросил Орджоникидзе:

«т. Серго!.. Камо просит меня взять его с собой. Я не возражал бы. Но хочу знать Ваше мнение. Если Вы не против, скажите ему от меня, что я согласен (и что всё в тайне). Если Вы против, позвоните мне завтра днём…

Высоту (над уровнем моря) намеченного дома надо знать, ибо сердце у Н.К. (Н. К. Крупской. – *С.К.*) плохо и большой высоты не вынесет.

Всяческие приветы Вам и Кирову.

Ваш Ленин»[1463]

Такой была тогдашняя простота нравов, в тогдашнем кремлёвском руководстве, а точнее – в его подлинно ленинском ядре… Тот же Сталин с начала революции тоже обходился без отдыха.

Зато Троцкий с начала 20-х годов освоил кавказские курорты настолько прочно, что даже не соизволил приехать с юга на похороны Ленина, о чём в своём месте ещё будет сказано.

Если бы поездка Ленина на Кавказ в 1922 году состоялась, то это был бы первый его полноценный отдых, начиная с 1917 года. Пребывание в Горках и т. п. – не в счёт, что видно и из строк ленинского письма Орджоникидзе от 7 апреля 1922 года:

«…Признаться должен откровенно, что недоверия к „окраинам“ у меня чрезвычайно много; от этого недоверия (и от больных нервов) я прямо-таки ожидаю, что выйдет какой-нибудь „анекдот“ вместо всякого лечения. Даже здесь под Москвой мне случалось видеть, как после кучи обещаний получались „анекдоты“, для исправления коих оставалось одно: уехать из назначенного места в Москву и дождаться там „устранения анекдотов“. А из-под Тифлиса или из-под Новороссийска „назад в Москву“ не уедешь. Боюсь я, признаться, дальней поездки: не вышло бы утомления, ерунды и сутолоки да склоки вместо лечения нервов…»[1464]

При этом и на Кавказе Ленин намеревался не просто отдыхать, а продолжать оперативную деятельность. Это видно из постскриптума письма Орджоникидзе от 7 апреля 1922 года:

«*P. S. Шифр с ЦК и со Сталиным не забудьте проверить тщательнее. Также вопрос о секретаре для расшифровки и для небольших „письменных“ поручений*».

Ещё не уехав на отдых, ещё ничего в этом отношении не решив окончательно, Ленин уже беспокоился о «технологическом» обеспечении его работы на «отдыхе», об оперативной связи с

Москвой!

И что интересно!

Во-первых, в отличие от скромнейшего Ленина, барственный Троцкий, например, да и Каменев, Зиновьев и другие «вожди», «ерунды и сутолоки» в деле организации их отдыха на Кавказе не опасались. Их принимали на юге по первому разряду, и без всякой переписки с Орджоникидзе – всё устраивали «порученцы» и «секретари».

Во-вторых, не зря, судя по всему, опасался Ильич тех или иных «анекдотов» с его лечением на «окраинах», коль его, страдающего от последствий ранения, под Москвой не сразу толком устроили. К тому же, вскоре в самом «центре» произошёл очередной, вполне подозрительный «анекдот» со здоровьем Ленина!

Особенно подозрительно выглядит этот «анекдот» на взгляд современный, отстоящий от событий почти на век – когда мы знаем о ряде советских «политических» смертей, начиная с Андрея Жданова и заканчивая Константином Черненко.

Впрочем, пусть судит сам читатель…

В биохронике, приведённой в 45-м томе Полного Собрания сочинений, сказано, что 25 мая 1922 года начался «первый приступ болезни Ленина, приведший к частичному параличу правой руки и правой ноги и расстройству речи». Подробности не приводятся, а зря – очень уж интересные вещи можно прочесть в воспоминаниях, например, профессора Розанова.

Лечивший и наблюдавший Ленина профессор Владимир Николаевич Розанов (1872–1934) к политике отношения не имел – он был честным русским врачом. Возможно, в том числе и поэтому Ленин особо доверял Розанову и относился к нему тепло. Ухаживавшая за больным Лениным медсестра Таисия Белякова вспоминала: «Профессор В. Н. Розанов был человеком неиссякаемой жизненной энергии, он глубоко верил в науку, самозабвенно трудился по налаживанию здравоохранения… Именно за эти качества его ценили, любили и уважали в семье Ульяновых»[1465].

Известный хирург-клиницист, с 1910 года заведующий хирургическим отделением Солдатёнковской (ныне – им. С. П. Боткина) больницы, Розанов в 1923 году удостоился звания Герой Труда (было такое), позднее стал кавалером ордена Ленина.

В Солдатёнковской больнице Розанова Ленину 23 апреля 1922 года извлекали пулю, лежавшую на шее. Всё прошло хорошо, Ленин приезжал на перевязки… Розанов пишет, что на вопрос о самочувствии, Ленин отвечал, что «в общем ничего, только вот головные боли по временам, иногда сон неважный, настроение плохое»…

Расстался Ленин с Розановым в полном благополучии, но 25 мая утром, часов в десять, Розанову позвонила по телефону из Горок Мария Ильинична и…

Далее – прямая цитата из воспоминаний:

«…и с тревогой в голосе просит поскорее к ним приехать, говоря, что „Володе что-то плохо, какие-то боли в животе, рвота“. Скоро подали автомобиль, заехали в Кремль, а оттуда уже на двух машинах отправились в Горки, забрав из аптеки всё необходимое для инъекций, и различные медикаменты.

Поехали Н. А. Семашко, брат Владимира Ильича Дмитрий Ильич, доктор Л. Г. Левин, тов Беленький и ещё кто-то.

Раньше нас из Химок приехал уже Ф. А. Гетье и осмотрел Владимира Ильича; сначала, по словам окружающих, можно было подумать, что заболевание просто гастрическое, хотели связать его с рыбой, **якобы не совсем свежей** (жирный шрифт мой. – *С.К.*), которую Владимир Ильич съел накануне, хотя все другие ели, но ни с кем ничего не случилось. Ночью Владимир Ильич спал плохо, долго сидел в саду, гулял. Ф. А. Гетье передал, что у Владимира Ильича рвота уже кончилась, болит голова, но скверно то, что имеются явления пареза правых конечностей и

некоторые непорядки со стороны органа речи…»

Далее Розанов пишет, что решили вызвать на консультацию невропатолога, и что «в тот день грозный признак тяжкой болезни впервые выявился, впервые смерть определённо погрозила своим пальцем…»[1466]

ВО ВСЕЙ этой истории есть ряд странностей…

Почему вызвали Розанова? Он был хирургом, а у Ленина – боли в животе, рвота…

Рвота при инсультах бывает, но на фоне резкой головной боли, потери сознания и т. п. Мария же Ильинична говорила Розанову лишь о желудочном расстройстве. Не настолько же она была невежественна, чтобы не понимать важности точной передачи всех симптомов…

Странна оперативность приезда из отдалённых Химок Гетье – лечащего врача не только Ленина, но и Троцкого…

Странно и то, что начало открытой болезни, которое все относят на 25 мая 1922 года, описано не у всех одинаково. Такой, казалось бы, авторитетный мемуарист, как нарком здравоохранения Н. А. Семашко пишет:

«Последняя болезнь Владимира Ильича началась (когда? – *С.К.*) с незначительных симптомов: у него закружилась голова, когда он встал с постели, и он должен был ухватиться за стоявший рядом шкаф. Врачи (кто конкретно? – *С.К.*), тотчас вызванные к нему, сначала не придали значения этому симптому. Профессор Даркшевич, известный невропатолог, вызванный к Владимиру Ильичу, считал болезнь настолько обычной („переутомление“), что позволил себе жаловаться, как трудно живётся учёным…»[1467]

Правда, здесь вряд ли описан день 25 мая 1922 года… Во всяком случае о Л. О. Даркшевиче (1858–1925) Розанов не упоминает.

Но тогда – какой день описан?

Возможно, это – 4 марта 1922 года, когда Ленин вернулся из Костино в Москву? Тогда его осматривали врачи, включая Даршкевича. Но март – это время ещё до странно прошедшего майского приступа…

Автор книги «Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина» Ю. М. Лопухин – доктор медицинских наук, профессор, директор НИИ физико-химической медицины, с 1951 (!) года сотрудник лаборатории при Мавзолее Ленина, то есть, величина крупная, с доступом к архивной информации неограниченным, сообщает, что Даршкевич наблюдал Ленина постоянно. А раз так, почему в Горки сразу не вызвали его, а вызван был, и то лишь 28 мая, профессор-невропатолог В. В. Крамер (1876–1935).

Положим, Крамер тоже был авторитетом, но и Даршкевич разве был бы лишним? Собственно, Семашко должен был уже 25 мая всю Москву на ноги поднять и в Горки погнать! Консилиум же собрался лишь 29 мая в составе: профессора Россолимо, Крамер, Гетье, Кожевников и Семашко.

Далее… В книге Ю. М. Лопухина есть расхождения с Розановым в описании событий:

«25 мая после ужина (у Розанова 25 мая утром. – *С.К.*) у Ленина появилась изжога, что, впрочем, случалось и ранее. Вечером перед сном, он почувствовал слабость в правой руке; около 4 часов утра у него была рвота, сопровождавшаяся головной болью. Утром 26 мая Ленин с трудом объяснил случившееся, не мог читать (буквы „поплыли“), попробовал писать, но сумел вывести только букву „м“. Он ощущал слабость в правой руке и ноге. Такие ощущения продолжались недолго, около часа, и затем исчезли…»[1468]

Допустим, Розанов перепутал даты – 25 мая с 26-м, но не мог же он спутать утро и вечер! И как объяснить то, что сестра Ленина описала Розанову ситуацию так неточно – по сравнению с описанием Ю. М. Лопухина, и поздним утром говорила о рвоте как о чём-то, только что произошедшем, а она случилась, оказывается, чуть ли не ночью, и к утру, вроде бы, прошла?

Лопухин, между прочим, далее пишет:

«Парадоксально, но никто из приглашённых врачей: ни многоопытный профессор Гетье, ни лечивший его постоянно доктор Левин не заподозрили мозговое заболевание, а полагали, что всё это следствие гастрита… По совету Гетье (! – *С.К.*) Ленин принял слабительное (английскую соль) и ему был предписан покой…»[1469]

И всё это после того, как тот же Ю. М. Лопухин пишет, что Ленин ещё зимой жаловался на головные боли и даже спрашивал у Даршкевича: «Ведь это, конечно, не грозит сумасшествием?»

Всё описанное не только парадоксально, но и плохо объяснимо – ведь профессор Розанов (а ему можно верить больше всех) сообщает, что Гетье был озабочен именно мозговыми явлениями!

Наиболее же странно выглядит якобы несвежая рыба, съеденная Лениным накануне первого приступа… На ум сразу приходит случай со ставридкой, которой генерал КГБ Федорчук угостил Константина Черненко, находившегося с семьёй на отдыхе в Крыму… Ту ставридку тоже ели все и похваливали, и ни с кем ничего плохого не случилось, а Черненко пришлось к ночи срочно госпитализировать и отправлять в Москву. После этого случая ещё крепкий Черненко превратился в полу-инвалида, и уже в близкой перспективе был открыт путь к посту Генсека для Михаила Горбачёва.

Не имеем ли мы в случае с внезапной болезнью Ленина ранний вариант «несвежей ставридки» генерала Федорчука?

Но если даже так, то кому это было нужно?

Смерть или вывод из строя Ленина были нужны множеству людей, но, казалось бы, все они находились во враждебном лагере…

Все ли?

Повторю вопрос, ранее уже заданный: были ли в верхах РКП(б) влиятельные люди, желавшие Ленину как можно скорее смерти?

Что ж, попробуем это понять, отталкиваясь как от аргументов, так и от фактов. И как в любом расследовании – а мы ведь сейчас не просто следим за канвой событий, а ведём что-то вроде расследования – придётся временно уходить в сторону, отвлекаться, но – лишь для того, чтобы всмотреться в как можно большую площадь, где могут быть улики…

Ну, вот такой, например, *почти* факт, который нам может помочь…

Если не фактом, то почти фактом является то, что если бы Ленин уехал весной 1922 года как можно дальше от Москвы, он мог бы, полноценно отдохнув, поработать ещё год, два, а то и три…

Профессор Розанов советовал ему в апреле 1922 года «бросить на время всякие дела и пожить просто растительной жизнью». Просто «растительной» жизнью пожить у Ленина не получилось бы, но выбраться из московского «беличьего колеса» он намеревался: или, как мы знаем, на Кавказ, или вообще в глушь – в местечко Шарташ в четырёх верстах от Екатеринбурга (рассматривался и такой вариант)[1470].

Глубокий длительный отдых вдали от оперативной текучки был бы равносилен для Ленина продлению его политической жизни. Он издёргался, недомогания выводили его из себя, но глубокий отдых мог всё изменить. Во всяком случае, имелись основания на это рассчитывать.

И отдыхать Ленин собирался для того, чтобы затем вновь работать! А каждый лишний год работы Ленина был крайне важен для стабилизации и внутри партии, и внутри страны…

Правда, по словам профессора Даршкевича, Ленин говорил ему: «Каждый революционер достигший 50 лет, должен быть готовым выйти за фланг: продолжать работать по-прежнему он больше уже не может; ему не только трудно вести какое-нибудь дело за двоих, но и работать за себя одного. Отвечать за своё дело ему становится не под силу. Вот эта-то потеря трудоспособности, потеря роковая, и подошла незаметно ко мне – я стал совсем не

работник»[1470].

В то, что Владимир Ильич нечто подобное Даршкевичу говорил, можно поверить – на стиль Ленина это похоже не очень, но это ведь говорил Ленин образца весны 1922 года, то есть, Ленин измотанный… Зато даже частично отдохнувший – всего лишь в Горках, Ленин произвёл на Сталина в июле 1922 года впечатление «старого бойца, успевшего отдохнуть после изнурительных боёв и посвежевшего после отдыха».

Хотя пока что – «со следами… переутомления».

Ещё через полтора месяца, в сентябре 1922 года, Сталин в тех же Горках увидел уже прежнего Ленина…

А что, если бы с середины апреля 1922 года Ленин провёл месяца три-четыре не в Горках – в 35 километрах вблизи Москвы, а где-нибудь в Боржоми, или в Шарташе?

Он бы тогда, смотришь, вообще обновился бы!

К тому же, несмотря на грустные мысли, высказанные Даршкевичу, – примем на веру, что Ленин их действительно высказал – Владимир Ильич и в 54 года уж за кого, за кого, а за самого себя работал, и свой «хлеб» ого-го как отрабатывал!

К тому же, его важнейшей системной ролью к началу 20-х годов стала роль последней инстанции… Кто мог быть непререкаемым третейским судьёй в партии, кроме Ленина – при всём самомнении части «вождей»?

Даже отойдя от оперативной деятельности, он всё равно оставался бы высшим партийным и государственным авторитетом, тем «ultima ratio» («последним доводом»), который склонял бы чашу весов в сторону того, на чью чашу бросил бы свой авторитет Ленин.

И именно эта его роль была наиболее потенциально страшна и даже гибельна для всех, кто уже не желал быть сознательным революционером в новой России, вызванной к жизни гением Ленина. Теперь не надо было бороться с царизмом и «беляками», но всё равно надо было работать на благо социалистической России, не щадя себя… А жилы из себя тянуть под ленинским «кнутом» желали в партийных «верхах» далеко не все.

Ленин начинал им форменным образом мешать!

Не они ли срывали возможность глубокого отдыха для Ленина? Не они ли осложняли отъезд его на тот же Кавказ?

То, почему Ленин не уехал отдыхать на Кавказ, так и останется нерасшифрованным – вряд ли в любом архиве отыщутся документы, проливающее на это свет. Простейшее же объяснение: «Потому что 25 мая 1922 года у него случился приступ болезни» проясняет мало что…

Мало, потому что остаются открытыми другие вопросы, например: «А почему он не уехал на Кавказ раньше – в конце апреля или в начале мая? Что тормозило отъезд, необходимый для Ленина жизненно? И кто его тормозил и срывал?»

А ведь можно задать и ещё один вопрос: «Что стало причиной майского приступа болезни?»

Возможно, это была «ставридка» (иными словами – попытка Ленина отравить)…

Возможно приступ – если это был не желудочный, а мозговой приступ, был *кем-то* намеренно спровоцирован тем или иным инцидентом, тревожащим известием? Здесь ведь тоже не всё так просто, в чём мы убедимся, дойдя до марта 1923 года!

Можно, конечно, сослаться на слова самого Ленина, точнее – на его слова в передаче то ли профессора Крамера, то ли профессора Кожевникова. После одного из приступов Ленин якобы посетовал: «Так когда-нибудь будет у меня кондрашка. Мне много лет назад один крестьянин сказал: „А ты, Ильич, помрёшь от кондрашки“, и на мой вопрос почему он так думает, ответил: „Да шея у тебя уж больно короткая“…»

Лопухин Ю. М. Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина: Правда и мифы. М.,

Республика, 1997 г., с.12.

Наркомздрав же Семашко в своих воспоминаниях объяснял всё не короткой шеей, а ссылался на посмертный диагноз, гласивший: «склероз от чрезмерного напряжения».

Двух мнений быть не может – мозг свой Ленин перенапрягал нещадно, всё боясь не успеть ***хотя бы наметить*** для России верный путь в будущее… Но в одном ли перенапряжении мозга и короткой шее Ленина отыскивается объяснение его неожиданной болезни и ранней смерти? Есть старый и надёжный совет: «Ищи, кому выгодно».

А кому был выгоден вывод Ленина из строя?

Ну, хотя бы, – Троцкому!

И – не ему одному.

Возьмём, к примеру, Троцкого…

Кем и чем был Лев Давидович Троцкий к весне 1922 года?

Если иметь в виду его официальные посты, то он был членом Политбюро ЦК РКП(б), наркомом по военным и морским делам РСФСР, председателем Реввоенсовета Республики…

А если иметь в виду его человеческую натуру, его личностный портрет? Что доминировало в Троцком?[1471]

В двух словах можно сказать так: самомнение и барство. Вот как пишет об этом вдумчивый и, вне сомнений, лучший биограф Троцкого – Юрий Емельянов:

«Поклонник западноевропейской культуры довольно быстро освоился в царской обстановке (Кремля. – *С.К.*). Банкеты, которые постоянно устраивал Троцкий в Кремле, раздражали Ленина, и он настаивал, чтобы они проводились подальше от его квартиры. Эти банкеты венчались шумными выездами Троцкого и его друзей на охоту в подмосковные леса…

В то же время, привыкая к барской жизни, ему всё труднее было играть роль вождя пролетарских армий»[1472].

Хорошо постигнув своего героя, Емельянов употребил точное слово «роль»… Троцкий, вознесённый революцией Ленина на вершины государственной власти, действительно всю свою «советскую» жизнь лишь ***играл роль*** вождя масс, не будучи им на самом деле.

Барство Троцкого было отвратительно и безнравственно само по себе, а уж на фоне аскетизма Ленина, и подавно. Но и Зиновьев в Петрограде скатывался в то же барство, в клановость. Главный питерский печатный орган – «Петроградскую правду», редактировал шурин Зиновьева Закс-Гладнев, и официальный «пиар» Зиновьева в северной Пальмире был хвалебен до тошнотворного. Плюс – всё те же банкеты, что и у Троцкого.

Что же до политического облика Троцкого, то сошлюсь на такого весомого свидетеля эпохи как Вячеслав Михайлович Молотов, который в беседе с Феликсом Чуевым вспоминал: «Троцкому казалось, что выход из положения – буржуазная республика»[1473].

В подтверждение этих слов можно привести много фактов, но стоит ли? В одной этой молотовской фразе политическая суть Троцкого отражается так же полно, как в капле воды отражается мир.

И Троцкий был не одинок. Внешне он полностью признавал лидерство Ленина, а на деле группировал вокруг себя свою, по сути, партию – не большевистскую, а троцкистскую. И это была очень своеобразная партия…

Структуру партии Ленина точнее всего выражала пирамида – широкое массовое основание, затем массовый же партийный актив, рядовые профессиональные партийные работники, работники среднего звена и на вершине – высшее руководство во главе с Лениным. Это была прочная, устойчивая конструкция.

Структура партии Троцкого тоже была схожа с пирамидой, но – перевёрнутой, поставленной на вершину. Наверху – в виде широкого основания, царил Троцкий. И чем дальше

от троцкистских «верхов» находился тот или иной партийный слой, тем меньшей была его численность. Среди рядовых членов РКП(б) троцкистов было мало, зато их было в избытке на верхних партийных «этажах» – во властных органах РКП(б).

Смерть Ленина или его вывод из строя могли дать шанс Троцкому на расширение его влияния в партии.

Однако к осени 1922 года Ленин, казалось, полностью восстановил былую мощь и активно вмешивался во все серьёзные проблемы. И вот тут очень удачно подвернулся «грузинский» конфликт. Похоже, его специально раздували, привлекая к нему ленинское внимание.

Ленина втягивали в устроенную Мдивани склоку, Ленина ловко провоцировали, он всё более горячился и волновался, а как раз к этому и стремились провокаторы, среди которых был Каменев.

К Каменеву охотно подключался Зиновьев – политический близнец Каменева. По видимости более яркий, Зиновьев, тем не менее, охотно соглашался на старшинство Каменева в вопросах соглашательства… При этом, на первый взгляд, тот же Каменев занимал по ряду важных вопросов позицию, отличающуюся от позиции Троцкого, но в действительности они были ближе друг к другу, чем, например, к Сталину.

Каменев и Рыков – последний тоже уже шёл, похоже, в антиленинский «расклад», распаляли Владимира Ильича тифлисской оплеухой, интриговали против Дзержинского и Сталина, и добились-таки в середине декабря 1922 года нового рецидива болезни Ленина, выведя его из оперативной работы.

Всё это мы уже знаем, но пока что мы не остановились на последних проявлениях политической мысли Ленина конца 1922 и начала 1923 года – так называемых «Последних статьях и письмах»…

А они стуят того, чтобы о них сказать…

После декабрьского приступа Ленин писать не мог, поскольку правая рука отказала, и с 23 декабря 1922 года начались ленинские диктовки…

Вначале врачи разрешили работать всего по пять минут в день, что Ленина очень злило. Вообще-то для опытных медиков подобное решение выглядит до удивления непрофессиональным. Зная эмоциональность пациента, можно было сказать ему о необходимости ограничения времени работы его самочувствием, не называя смехотворно малого конкретного срока, который не мог не быть встречен Лениным с раздражением. А уж в рабочем, как говорится, порядке, можно было мягко сворачивать работу после тех же пяти-семи минут…

Через день врачи вообще запретили диктовки – словно нарочно выводя Ленина из себя. Он и впрямь взбунтовался и заявил, что или ему позволяют продолжить работу, или он отказывается лечиться…

Постепенно время диктовок увеличилось до 30–40 минут в день, и заранее предуведомляю читателя, что среди них нет ни одной, касающейся проблем мировой революции, – только внутрипартийные проблемы, проблемы государственного управления и социалистического развития России…

Под «последними письмами» понимается прежде всего «Письмо к съезду» и добавления к нему. «Письмо» было продиктовано 23, 24, 25 и 26 декабря 1922 года, добавление «К отделу об увеличении числа членов ЦК» – 29 декабря 1922 года, а добавление, касающееся только Сталина («Сталин слишком груб…» и т. д.) – 4 января 1923 года.

О «Письме к съезду» и добавлениях к нему ранее было сказано достаточно. Прибавлю лишь, что они носили крайне конфиденциальный характер и не предназначались, естественно, для печати.

Явно не для печати Ленин диктовал и письмо «О придании законодательных функций Госплану». Оно было продиктовано 27 и 28 декабря, и затем в два приёма 29 декабря 1922 года, и содержало ряд чисто деловых соображений, важных не для широких масс, а для узкого слоя высших управленцев. Так, Ленин писал (в смысле – диктовал):

«Я думаю, что во главе Госплана должен стоять человек, с одной стороны, научно образованный, именно по технической либо агрономической линии, с большим, многими десятилетиями измеряемым, опытом практической работы в области либо техники, либо агрономии. Я думаю, что такой человек должен обладать не столько администраторскими способностями, сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей»[1474].

Это письмо было передано Крупской в ЦК почему-то лишь в начале июня 1923 года и впервые опубликовано в 1956 году. Задержка с передачей письма странна, но, возможно, она объясняется тем, что Крупская не хотела снабжать Сталина дополнительными аргументами против Троцкого, а какими конкретно, поясню в своём месте…

30 декабря, а затем в два приёма 31 декабря 1922 года было продиктовано письмо «К вопросу о национальностях или об „автономизации“». И о нём было сказано ранее… Напомню, что оно содержало ряд резких слов в адрес Сталина, и впервые было опубликовано тоже в 1956 году – хрущёвцами.

В примечании 207 к 45-му тому Полного Собрания сочинений сказано, что «будучи тяжело больным физически, Ленин сохранил полную ясность мысли, необычайную силу воли, величайший оптимизм»…

Относительно воли и оптимизма сомнений нет, да и ясность мысли в целом видна из декабрьски-январских диктовок вполне. Но как раз в письме «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» имеются и сумбурные места – здесь болезнь явно сказалась. Впрочем, не исключено, что эту диктовку в нужном направлении правила уже не ленинская мысль, а чужая, злонамеренная против Сталина, рука.

С этой ленинской диктовкой тоже всё обстоит странно! Ленин закончил её 31 декабря 1922 года. Затем его самочувствие лишь улучшалось, он продиктовал ряд статей для печати… Но в том же примечании 207 к 45-му тому утверждается, что «ввиду неожиданного обострения болезни 6 марта 1923 года Владимир Ильич не успел сделать окончательного распоряжения относительно письма».

Понять сие сложно…

С 1 января 1923 года до 6 марта 1923 года прошло 64 дня, и что же – у Ленина не нашлось времени отдать соответствующее распоряжение? Обнародовано письмо было, фактически, Лидией Фотиевой: 16 апреля 1923 года она накануне XII съезда направила письмо (реально – машинопись, конечно) в Политбюро, а точнее – отдала письмо Троцкому. Это не только высвечивает склонность Фотиевой к последнему, но и набрасывает на ситуацию покров тайны.

А, может, кое что, наоборот, – проясняет?

Так или иначе, с «последними письмами» мы закончили. Что же касается «последних статей», то это – цикл диктовок конца декабря 1922 года и начала января 1923 года…

«Странички из дневника» были продиктованы в самом начале января, и 4 января 1923 года статья уже была опубликована в «Правде». Она была посвящена проблемам народного образования и сразу всколыхнула всю учительскую массу.

Ещё бы! Ведь в статье было сказано:

«Мы не делаем главного. Мы не заботимся или далеко недостаточно заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре: ни о пролетарской, ни даже о буржуазной. Речь должна идти о той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор и не можем выбраться без серьёзных

усилий, хотя имеем возможность выбраться, потому что нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой…

Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это – истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъёмом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и, главное и главное и главное – над поднятием его материального положения…»[1475]

Не правда ли – непреходяще точная, вечно актуальная мысль? Особенно – для нынешней России?

Статья «О кооперации» была продиктована 4 и 6 января 1923 года, однако напечатана в «Правде» лишь 26 и 27 мая 1923 года; статья «О нашей революции (*По поводу записок Н. Суханова*)» была продиктована 16 и 17 января и опубликована в «Правде» 30 мая 1923 года.

Разрыв между диктовкой и публикацией объяснялся тем, что Крупская, как сообщают хронисты Ленина, передала тексты в ЦК лишь в мае 1923 года. Задержка и здесь не совсем понятна, поскольку почти сразу, как только Сталин тексты получил, 24 мая было принято решение Политбюро: «Признать необходимым быстрейшее напечатание статей Владимира Ильича, переданных Надеждой Константиновной, с обозначенной на них датой»[1476].

Идеи, выдвинутые Лениным в начале 1923 года в статье «О кооперации», легли в основу двух резолюций XIII съезда РКП(б), который проходил с 23 по 31 мая 1924 года, – резолюций «О кооперации» и «О работе в деревне».

То есть, Ленин и в январе 1923 года сохранял потенциал лидера и генератора идей «на вырост». Даже после смерти, не присутствуя на XIII съезде, он влиял на его работу. Причём к «кооперативным» идеям Ленина нелишне прислушаться и в XXI веке, и не только в России:

«Собственно говоря, нам осталось „*только*“ одно: сделать наше население настолько „цивилизованным“, чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие… Но для того, чтобы совершить это „только“, нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы…

Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма»[1477].

17 января 1923 года Ленин закончил работу над небольшой статьёй «О нашей революции», опубликованной в «Правде» 30 мая 1923 года. В статье Ленин дискутировал с экономистом-меньшевиком Сухановым (Н. Гиммером) – единомышленником Мартова и автором семитомных «Записок о революции», и одно место из этой статьи приведу:

«Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?

Помнится, Наполеон писал: „On s`engage et puis… on voit“. В вольном русском переводе это значит: „Сначала надо ввязаться в серьёзный бой, а там уже видно будет“. Вот и мы вязались сначала в октябре 1917 года в серьёзный бой, а там уже увидали такие детали развития…, как нэп и т. п.»[1478]

На основании последнего абзаца нередко уверяют, что Ленин-де не имел никакого чёткого плана Октябрьской революции и дальнейших своих государственных действий. Однако Ленин

общий план действий по завоеванию власти и построению нового общества обдумывал два десятка лет… Нормальному же развитию событий помешала иностранная интервенция и спровоцированная Антантой, США и Японией гражданская война…

А этого заранее не предусмотришь.

Точнее, Ленин и эту угрозу видел, конечно, заранее, но слишком уж он хорошо думал как о европейской, так и о российской народной массе… Судя по всему, он рассчитывал на бульшее единодушие, на бульший здравый смысл, на бульшую активность народных масс, чем оно оказалось на деле…

Однако, спрошу: «Какой лидер более нужен народу – тот, кто считает народ лучшим, чем он есть, или худшим чем он есть?»

Оптимальный вариант, казалось бы, – принимать народ таким, как он есть в реальности… Но подобный супер-трезвый «лидер» вряд ли сумеет подвигнуть массы на что-то действительно великое, как это смог Ленин.

Так что прав был Владимир Ильич, закончив статью словами:

«Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью, для своего времени очень полезной. Но пора уже всё-таки отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками»[1479].

Предпоследней 23 января 1923 года была продиктована статья «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)», и уже 25 января она появилась в «Правде», которую редактировал Бухарин.

Хотя Сталин к тому времени не был наркомом Рабоче-Крестьянской инспекции, начало статьи косвенно задевало Сталина: «Несомненно, что Рабкрин представляет для нас громадную трудность, и что трудность эта до сих пор не преодолена…»[1480]

Ленин в Сталина, впрочем, не метил, а вот Бухарин, немедленно опубликовав статью – не знаю.

Первый вариант статьи был надиктован 9 и 13 января, а план – ещё раньше… Причём Фотиева записала 30 января в дневнике дежурных секретарей:

«*Вчера, 29 января, Сталин звонил, …спрашивал, не говорила ли я Владимиру Ильичу чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел? Например, его статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства. Ответила – не говорю и не имею оснований думать, что он в курсе дел…*»

Между прочим, в тот же день Фотиева сделала и следующую интересную, хотя и не очень внятную, запись:

«*24 января Владимир Ильич сказал: „Прежде всего по нашему ‘конспиративному’ делу: я знаю, что Вы меня обманываете“. На мои уверения в противном он сказал: „Я имею об этом своё мнение“*»[1481].

Любопытный диалог, не правда ли?

Что же до статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», то главную её идею можно выразить одной фразой из другой, самой последней статьи, продиктованной Лениным, – «Лучше меньше, да лучше». Эта последняя многоплановая, большая по объёму, статья как началась со слов о Рабкрине, так и на Рабкрине закончилась. И в ней было сказано: «Этот один наркомат должен определять собой весь наш госаппарат в целом»[1482].

И поэтому не буду много говорить о ***пред***последней ленинской надиктованной статье, а перейду сразу к ***последней*** его диктовке…

Обычно «политическим завещанием Ленина» называют «Письмо к съезду», однако

подлинное его завещание – пять последних его статей. Все они носят программный характер.

«Странички из дневника» – это идея социалистической культурной революции…

«О кооперации» – идея массовой коллективизации общественной и экономической жизни…

«О нашей революции» – обоснование разумности и своевременности Октября…

«Как нам реорганизовать Рабкрин» – рекомендации по упрочению системной и политической базы торжества идей социалистической революции…

А «Лучше меньше, да лучше» – это идея индустриализации и эффективной социалистической государственности. При этом «Лучше меньше, да лучше» более всего подходит на роль завещания. И не только потому, что «Лучше меньше, да лучше» – это ***самое последнее*** проявление ленинской общественной мысли, которое он нам оставил, а ещё и потому, что «Письмо к съезду» касалось вопросов, злободневных лишь тогда, в реальном масштабе времени, а в «Лучше меньше, да лучше» Ленин поднял вопросы, важные как для его времени, так и для всей последующей нашей истории, включая наше будущее…

Работа над статьёй закончилась 2 марта 1923 года, а 4 марта она уже была опубликована в «Правде».

На первый взгляд, в «Лучше меньше, да лучше» Ленин более всего был озабочен коренным улучшением работы Рабкрина – вот первые строки статьи:

«В вопросе об улучшении нашего госаппарата Рабкрину следует, по моему мнению, не гнаться за количеством и не торопиться. Мы так мало успели до сих пор подумать и позаботиться о качестве нашего госаппарата, что будет законной забота об особенно серьёзной подготовке его, о сосредоточении в Рабкрине человеческого материала действительно современного качества, т. е. не отстающего от лучших западноевропейских образцов…»[1483]

Однако в действительности Ленин размышляет о характере социалистического управления вообще, и хотя в его статье многое не додумано – ведь менее чем через неделю Ленин навсегда вышел из строя, в ней нет ничего неверного, неглубокого, несущественного… И поэтому на «Лучше меньше, да лучше» мы остановимся более подробно.

Ленин, осаживая «энтузиастов», разглагольствующих о «пролетарской» культуре, предупреждал:

«…нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры (не в духовной, конечно, сфере, а в управлении. – *С.К.*), нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т. е. культуры чиновничьей, или крепостнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус…»[1484]

Ленин внятно предупреждал, что в сфере культуры общественного управления Россия отстала от развитых стран на пару веков, и может их обогнать – имея системно более высокий общественный строй, лишь в результате огромной работы над собой, ***как над обществом***.

Ленин предупреждал, что «дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны подумать вплотную, как бороться с недостатками его»…

Но тут же напоминал, что недостатки советской системы управления «коренятся в прошлом, которое хотя и перевёрнуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далёкое прошлое культуры…», и что «иначе и не могло быть, конечно, в революционную эпоху и при такой головокружительной быстроте развития, которая привела нас в пять лет от царизма к советскому строю»…

Такая констатация расходилась с ленинской же эйфорией пятилетней давности, когда он был уверен, что большевики сразу же смогут управлять Россией лучше, чем это делал царизм. Но это и не было запоздалым признанием – пусть и косвенным, своей неправоты и

несостоятельности.

Ленин органически не терпел фанфар, и поэтому резонно считал, что лучше перегнуть палку в критике, чем недооценить опасность самоуспокоенности и почить на лаврах. Тем не менее, Советы – даже при всех издержках – с первых же лет после Октября управляли Россией лучше и человечнее, чем это делал царизм и чем это могла бы делать буржуазно-демократическая Россия…

К тому же, нельзя забывать, что социально-политическое строительство в новой России было крайне осложнено интервенцией и внутренней реакцией, поддержанной интервентами. Ленин, однако, не был намерен делать скидку на это – что прошло, то прошло, а смотрел в будущее и диктовал:

«Нам надо вовремя взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперёд, ко всякому хвастовству и т. д.

Какие элементы имеются у нас для создания аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлечённые (как точно сказано! – *С.К*) борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат, но… для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще. Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами…

Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых – учиться, во-вторых – учиться, и в третьих – учиться, а затем проверять то, чтобы наука у нас не осталась мёртвой буквой или модной фразой… Одним словом, нам надо предъявлять не те требования, что предъявляет буржуазная Западная Европа, а те, которые достойно и прилично предъявлять стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну…»[1485]

Много о чём думал Ленин, диктуя свою последнюю, как оказалось, статью. Так, он выражал надежду, что Рабкрин не будет чураться и примет в свои ряды людей, «отличительным свойством которых является общительность или способность проникать в круги, не особенно обычные для такого рода работников»… И что им «придётся подготовлять себя к работам», которые Ленин «не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле… мошенников»…

А затем Владимир Ильич заключал:

«Мне кажется, что наш Рабкрин выиграет немало, если примет эти соображения к рассмотрению, и что список казусов, посредством которых наша ЦКК (Центральная Контрольная Комиссия. – *С.К.*) или её коллеги по Рабкрину выиграли несколько своих наиболее блестящих побед, будет обогащён немало похождениями наших будущих „рабкринщиков“ и „цекакистов“ в местах, не совсем удобоупоминаемых в чинных и чопорных учебниках»[1486].

Это были тактические рекомендации, правда – со стратегическим смыслом. Но в последней ленинской статье хватало и философских, собственно, наблюдений, например:

«Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы ужасно революционны. Но в области чинопочитания, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша революционность сменяется сплошь и рядом самым затхлым рутинёрством. Тут… можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперёд соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями…

Русский человек отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями… У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной реформе… И поэтому наш теперешний быт соединяет в себе в поразительной

степени черты отчаянно смелого с робостью мысли перед мельчайшими изменениями…»[1487]

Здесь была точно уловлена двухвековая послепетровская двойственность «расейской» действительности, и можно лишь поражаться тому, как уже через полтора десятка лет после произнесения этих слов партия, созданная Лениным и пересозданная Сталиным, сумела разворошить эту двойственность так, что для миллионов не только молодых, но и зрелых (!!) советских энтузиастов стали рабочим принципом слова: «Нам ли стоять на месте, в своих дерзаниях всегда мы правы!»

Смог Ленин заглянуть и в очень далёкое будущее человечества – на век вперёд. Он диктовал: «Исход борьбы зависит, в конечном счёте, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения»…

В 1923 году Индия была колонией Англии, и бритты были уверены в том, что так будет вечно. Китай был тогда объектом многосторонней империалистической эксплуатации и сферой приложения перманентной японской агрессивности… А Ленин видел в них и в союзной им России решающий фактор будущей мировой борьбы за справедливый мир.

Сегодня, в нынешней России, два десятка лет после развала СССР пытавшейся «дружить» с Америкой и Европой, зреет понимание того, что разумнее искать общие позиции с Востоком. А Ленин указывал на этот путь почти сто лет назад!

Но воистину как завет прозвучали тогда, и опять звучат сегодня как завет и наказ такие вот ленинские слова: «Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие… с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии…»[1488]

Сказав так, Владимир Ильич задавался вопросом: «Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?», и сам же на него отвечал:

Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство…, то получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранять для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее.

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разорённую крестьянскую страну, – на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя…[1489]

Приводя это место ленинской статьи, западный «биограф» Ленина Луис Фишер, заключает: «Таково было последнее слово Ленина, появившееся в печати. Человек, написавший эти пять статей, был опечаленным человеком, он тонул в неразрешимых проблемах, он чувствовал себя беспомощным»? *(Фишер Л. Жизнь Ленина. В 2 т., т.2, гл. 24–52. М., Книжная лавка – РТР. 1997 г., с. 483)*.

Каким, всё же, нравственным глухарём надо быть (второй вариант – изощрённым негодяем), чтобы, хорошо зная все политические и жизненные обстоятельства последних лет Ленина, зная его натуру и зная все пять последних его статей, дать всему этому ту оценку, с которой только что познакомился читатель. Одно здесь могу сказать:

– Тьфу!

Вторую половину декабря 1922 года, январь и февраль 1923 года Ленин провёл в своей кремлёвской квартире, восстанавливая работоспособность, занимаясь диктовками и выполняя предписания врачей…

Врачей у него тогда перебывало немало: уже знакомые нам профессора Розанов, Крамер,

профессора Бехтерев, Очкин, Осипов из Военно-медицинской академии, немецкий невропатолог, психиатр и нейрохирург Фёрстер, вызванный из Германии, доктора Елистратов, Вейсброд и Левин…

Последнего прошу читателя запомнить особо – о нём рассказ ещё будет.

Судя по записям дежурных секретарей – Фотиевой и Володичевой, состояние Ленина прогрессивно улучшалось. Весь февраль 1923 года он был занят диктовкой «Лучше меньше, да лучше», а также переработкой надиктованного текста… Знакомился с рядом материалов, в том числе – по «грузинскому» вопросу.

А дела в стране и в партии шли своим чередом, и шли – особенно в партии – не сказать, чтобы вполне благополучно.

Сталин в феврале был занят многим, начиная с текущих дел, но – не только. Так, 4 февраля 1923 года он внёс в Политбюро ЦК предложение о создании в составе ЦИК СССР второй палаты – органа, прямо представляющего интересы всех народов СССР.

Дело в том, что 10 января 1923 года ЦИК образовал Конституционную комиссию для подготовки Конституции СССР. Конституция была принята 31 января 1924 года – через десять дней после смерти Ленина – на 2-м Всесоюзном съезде Советов, и она предусматривала двухпалатный ЦИК, состоящий из Совета Союза и Совета Национальностей.

Этот сталинский принцип построения высшей законодательной власти выдерживался почти семьдесят лет. Две палаты образовывали ЦИК СССР, потом – Верховный Совет СССР, и даже первый Верховный Совет РФ, расстрелянный осенью 1993 года Ельциным, состоял из Совета Республики и Совета Национальностей.

Не думаю, что больной Ленин знал о законодательной инициативе Сталина, автоматически снимающей с того подозрения в «великодержавном» прорусском «шовинизме»… Сталин Ленина от лишних нагрузок берёг, а оппонентам Сталина обелять его перед Лениным было ни к чему.

В том же феврале 1923 года Сталин работал и над большой статьёй «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов». Основанная на материале лекций, читанных Сталиным в рабочем клубе Пресненского района и во фракции коммунистов в Университете имени Свердлова, статья 14 марта 1923 года была опубликована в № 56 «Правды», посвящённом 25-летию РКП(б).

Внешне чисто программная, без намёков на злобу дня, без упоминания тех или иных личностей, эта статья шла вразрез с представлениями о стратегии и тактике РКП(б), имевшимися у троцкистов. И отсутствие Ленина в рабочем строю начинало всё более сказываться.

Однако, даже заболев, Ленин – пока сохранял возможность словесно выражать свои мысли – на ситуацию влиял.

И вот тому ещё один пример…

Осенью 1922 года Ленин предлагал Троцкому стать одним из его заместителей по Совнаркому, но Троцкий отказался. Отказался он и от подобного предложения Сталина.

Ещё бы!

Троцкий не рвался заниматься оперативной работой – он желал давать указания и был не прочь встать во главе Госплана… Однако Госплана диктующего и предписывающего, с законодательными функциями…

Во времена Троцкого не было великой науки мэрфологии, но Лев Давыдович, похоже, интуитивно догадывался о существовании закона Вейлера: «Никакая работа не сложна, если её выполняете не вы», а также закона Х. Л. Менкена: «Кто может – делает, кто не может – учит» с дополнением Мартина: «Кто не может учить – управляет».

Троцкий, как и Зиновьев с Бухариным, а отчасти и Каменев, не стремились ***делать*** (они

этого не умели), а стремились ***управлять*** (чего, увы, тоже не умели). Сталин же ***делал***, ***управляя***…

Ленин не знать этого не мог по всему своему «советскому» опыту, но знал он и то, что Троцкий влиятелен. И поэтому Ленину, прикованному к постели, приходилось прибегать к дипломатии и уловкам. Скажем, известное читателю надиктованное письмо «О придании законодательных функций Госплану» Ленин выстроил тонко.

С первых же строк он заявил, что «эта мысль выдвигалась тов. Троцким», что он, Ленин, был её противником, но «по внимательном рассмотрении» находит, что «тут есть здоровая мысль»…

И тут же, в том же письме, Владимир Ильич пресекал, по сути, «госплановские» поползновения Троцкого, заметив: «В этом отношении, я думаю, можно и должно пойти навстречу тов. Троцкому, но не в отношении председательства в Госплане… особого лица из наших политических вождей»…

То есть, вполне разумную ***идею*** Троцкого об усилении государственной роли и значения Госплана Ленин поддержал, а ***претензии*** Троцкого на усиление ***лично его*** роли в государстве – нет.

Ленин сказал и более определённо:

«„Я думаю, что во главе Госплана должен стоять человек… научно образованный…по технической либо агрономической линии, с… многими десятилетиями измеряемым, опытом практической работы в области либо техники, либо агрономии…“, а потом прибавил ещё раз: „Во главе такого учреждения не может не стоять лицо с большим опытом и всесторонним научным образованием по части техники. Администрирующая сила тут по сути дела должна быть подсобной.“…

Предложенный Лениным в декабре 1922 года критерий однозначно оставлял Троцкого вне круга претендентов на руководство Госпланом. Какой уж там у „товарища Троцкого“ десятилетиями измеряемый опыт практической работы в области техники или агрономии!..

Но этим конфликт – теперь уже заочный – между Лениным и Троцким в начале 1923 года не ограничивался. В своих последних письмах от декабря 1922 года Ленин предлагал резко увеличить число членов ЦК до пятидесяти и даже до ста с привлечением рабочих, мотивируя такой шаг как гарантию от „опасности раскола от какой-нибудь неосторожности“.

Троцкий был против предложения Ленина. Причём и собственные действия Троцкого, и действия его приверженцев показывали, что он видит преемником Ленина себя и только себя. Уже 14 октября 1922 года – при полностью, так сказать, „живом“ Ленине, – Карл Радек в „Правде“ Николая Бухарина писал (жирный курсив везде мой):

„Если т. Ленина можно назвать разумом революции, господствующим через трансмиссию воли, то т. Троцкого можно охарактеризовать как стальную волю, обузданную разумом. Как голос колокола, ***призывающего*** к работе, звучала речь Троцкого. Всё её значение, весь смысл её и смысл ***нашей работы ближайших лет*** выступает с полной ясностью“.

Намёк был хотя и витиеватым, но прозрачным: „Под знаменем т. Ленина, под руководством т. Троцкого вперёд к победе чего-то там…“

Так писалось ещё при работающем Ленине!

Но дальше – больше!

В феврале 1923 года Емельян Губельман-Ярославский публикует биографию Троцкого, напоминающую, по точной оценке Юрия Емельянова, „жития святых“…

Расписывая буйную шевелюру юного Троцкого, под которой „кипел бурный поток образов, мыслей, настроений“, Ярославский уверял партию: „Но во всех исканиях перед нами был глубочайше преданный революции человек, выросший для роли трибуна, с остро отточенным и

гибким как сталь, языком, разящим противников, и пером, пригоршнями художественных перлов, рассыпающих богатство мысли“

Емельянов Ю. В. Троцкий. Мифы и личность. М., Вече. 2003 г., с. 375.

Порывшись в „навозной куче“ этих „художественных перлов“, публика должна была отыскать главное „жемчужное зерно“: „Ура товарищу Троцкому, руководителю и организатору всех наших побед!“

Вы говорите о „культе личности“ Сталина?

Но вы не представляете себе, каким бы был культ личности Троцкого, буде он стал бы господствовать над Россией „через трансмиссию воли“…

Сталин не нуждался в культе, ***будучи*** личностью. Троцкий, ***играя роль*** личности, без рекламы и саморекламы себя не мыслил.

И вот на этом фоне с 21 по 24 февраля 1923 года в Москве состоялся пленум ЦК РКП(б).

Троцкий был категорически против предложения Ленина об увеличении числа членов ЦК до 50 и, тем более, 100 человек. При такой численности высшего партийного органа, да ещё и с пополнением из рабочей среды, Троцкий ни имел бы никаких шансов на лидерство. Людей дела мало интересовали и „балалаечный“ „голос колокола“ Троцкого, и его „бурный поток образов и настроений“, и „пригоршни художественных перлов“… Им была ближе скупая деловитость Сталина и его способность работать как вол – без художественных перлов.

Но даже в том составе ЦК, который имелся, Троцкий поддержки не получил. В противовес предложению Ленина он предлагал создать ЦК в составе Политбюро, Оргбюро и Секретариата. Однако пленум ЦК подавляющим числом голосов отверг план Троцкого.

Взбешенный Троцкий бросил в лицо Сталину и пленуму обвинение в том, что против него предпринимаются „политические ходы“… Троцкий имел в виду прежде всего то, что сам же называл „триумвиратом“, то есть – блок Сталина с Зиновьевым и Каменевым…

С нелёгкой руки Троцкого и троцкистских клакеров и пиарщиков типа Исаака Дойчера, тезис о „триумвирате“ стал ходячим. Однако Пушкин верно заметил, что гений и злодейство – вещи несовместные. Вот так и Сталин был несовместим ни с Зиновьевым, ни с Каменевым. Временно общая линия у него с ними случалась, и как раз – линия против Троцкого, но это было именно временное совпадение!

Так что, не углубляясь в этот важный момент, просто скажу, что тезис о якобы „триумвирате“ – позднейшая антисталинская чепуха!

Сталин был против Троцкого постольку, поскольку позиция Троцкого мешала социалистическому и социальному строительству. Чем более опасным становился Троцкий в этом смысле, тем более Сталин был против Троцкого.

Зиновьев же и Каменев были против Троцкого постольку, поскольку позиция Троцкого ослабляла их собственные позиции в партии. Когда их позициям в партии стала угрожать принципиальная позиция Сталина, они начали выступать против Сталина в блоке с Троцким.

Сталин был человеком твёрдой идеи, Каменев и Зиновьев – конъюнктурщиками. Как ни странно, но в среде тех, кто сделал революционную работу профессией, были и подобные типы натур. Для них наиболее важным было быть „на высшем уровне“.

До Октября и после Октября высшим партийным уровнем был Ленин, и связка „Каменев – Зиновьев“ поддерживала более-менее Ленина, особенно Зиновьев был с ним близок.

Ленин с начала 20-х годов стал болеть, временами отходил от руководства… Для Сталина это означало одно – надо больше работать, проводя политику Ленина. Для Троцкого же, Каменева, Зиновьева, Бухарина это означало, что есть шанс начать свою собственную игру…

Они этим и занялись.

При этом давние „сиамские близнецы“ Каменев-Розенфельд и Зиновьев-Радомысльский (по

матери – Апфельбаум) могли рассчитывать лишь на совместный успех, ибо поодиночке противостоять Троцкому-Бронштейну были не в состоянии – кишка была слаба. Соответственно, есть все основания говорить о „дуумвирате“ „Каменев-Зиновьев“.

Должен сказать, что, напомнив читателю подлинные фамилии трёх последних „лидеров“, не намерен делать упор на их еврейском происхождении. Однако и забывать о нём не стоит. Все трое происходили не из местечек, а из среды достаточно состоятельного еврейства, но склонность к клановости и интриге имели не меньшую, чем „местечковые“.

Бухарин был ещё более неустойчивой фигурой, и ещё бульшим „прилипалой“. Он, хотя и был популярен, всегда должен был к кому-то „прислоняться“. И прислонялся – то к „левым“, то к „правым“… Был то за Ленина, то – против него, то против Сталина, то – за него.

Флюгер, но – с амбициями!

В своих беседах 70-х годов с поэтом Феликсом Чуевым Молотов нередко путал, однако не могу не привести ряд его оценок „по теме“:

„– Какая наиболее яркая черта Ленина вам запомнилась?

– Целеустремлённость. И умение бороться за своё дело. Ведь в Политбюро почти все были против него – Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин. Тогда в Политбюро Ленина поддерживали только Сталин и я…“

„…Крупская… после смерти Ленина некоторое время фактически выступала против Ленина, но потом стала поддерживать линию партии… В 1925 году запуталась, пошла за Зиновьевым. А Зиновьев выступал с антиленинских позиций. Не так просто быть ленинцем, имейте в виду!

Мария Ильинична… совсем была под обаянием Бухарина, …и если бы не Ленин, перешла бы в правые. Но она не пошла за ним, хотя в душе была бухаринкой. А ведь сестра Ленина, преданная большевичка. Настолько сильна эта тяга вправо! Но Ленин не пошёл за обывателями…“[1490]

За обывателями не пошёл не только Ленин, но и Сталин. Они ведь и сами не были ни на каплю обывателями. Они и из среды не обывательской происходили. Ленин вышел из семьи, которая была образцовой ячейкой общества, у Сталина мать была личностью строгой, некорыстной, не мелочной…

А Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Пятаков, Рыков и происходили из обывателей, и склонность к обывательщине имели, а, получив власть, и вовсе нравственно распустились и стали потакать себе и своим слабостям.

Контраст с аскетизмом и спокойной жертвенностью Ленина был налицо. В воспоминаниях медсестры Таисии Беляковой, ухаживавшей за Владимиром Ильичом в последний год его жизни, есть впечатляющая деталь… Однажды, ещё в кремлёвской квартире, когда секретарь-стенографистка Мария Володичева закончила свою работу и ушла, Ленин попросил пить… Возвращая стакан, он сказал – не столько, конечно, медсестре, сколько самому себе:

– А всё же самое главное, самое необходимое я ещё успею надиктовать…

Не о том, будет ли он жить, беспокоился он в первую голову, а о том, успеет ли он сделать ещё что-то, важное для дела новой России.

ВОЗВРАЩАЯСЬ к февральскому 1923 года пленуму ЦК, на котором Троцкий получил болезненный щелчок по носу, сообщу, что вся эта коллизия происходила на фоне надежд на то, что возможен возврат Ленина к руководству. С другой стороны, поведение врачей выглядело порой странным, что мы сейчас увидим…

Вот ряд записей из дневника дежурных секретарей (жирный курсив мой):

„*7 февраля* (запись Л. А. Фотиевой).

…Сегодня Кожевников сказал, что в здоровье Владимира Ильича ***громадное улучшение***. Он уже двигает рукой, сам начинает верить, что будет владеть ею.

7 февраля, утро. (запись М. А. Володичевой).

Была у Владимира Ильича около $12^1/_2$. Сказал, что будет диктовать на любые темы…

7 февраля, вечер. (запись М. А. Володичевой).

Владимир Ильич вызвал между 7-ю и 9-ю. Была $1^1/_2$ часа… Диктовал ***быстро и свободно,*** не затрудняясь, жестикулируя… Вечером узнала от Надежды Константиновны, что завтра Владимир Ильич не будет диктовать; собирается читать…

9 февраля (запись Л. А. Фотиевой).

Утром вызвал Владимир Ильич… ***Настроение и вид прекрасные***. Сказал, что Ферстер склоняется к тому, чтобы разрешить ему свидания раньше газет. На моё замечание, что это с врачебной точки зрения… было бы лучше, он задумался и очень серьёзно ответил, что по его мнению, ***именно с врачебной точки зрения это было бы хуже***, так как печатный материал прочёл и кончено, а свидание вызывает обмен.

12 февраля (запись Л. А. Фотиевой).

Владимиру Ильичу хуже. Сильная головная боль… По словам Марии Ильиничны ***его расстроили врачи до такой степени, что дрожали губы***…

Я сказала шутя, что буду лечить внушением и что через два дня головные боли пройдут.

14 февраля (запись Л. А. Фотиевой).

Владимир Ильич вызвал меня в первом часу. Голова не болит. Сказал, что ***совершенно здоров***. Что болезнь его нервная и такова, что он иногда совершенно бывает здоров, т. е. ***голова совершенно ясна***, иногда же ему бывает хуже…

14 февраля, вечер. (запись Л. А. Фотиевой).

Вызвал снова. Затруднялся речью, видимо устал. Говорил опять по трём пунктам своих поручений. Особенно подробно по тому, который его ***всех больше волнует***, т. е. по ***грузинскому*** вопросу…“

На этом записи прекращаются до 5 марта 1923 года.

Что видно из выше приведённого, так это – противоречивость ситуации…

Не будучи медиком, всё же рискну предположить, что если бы у Ленина в конце 1922 года был инсульт, то вряд ли уже через полтора месяца он хотя бы временами испытывал ощущение полного здоровья и совершенно ясной головы…

Причём блестящее состояние ленинской головы и сохранение мозгом Ленина способности вырабатывать полноценный интеллектуальный продукт видно ведь не просто из его заявлений. Мы видим это по надиктованным Лениным статьям. Воля ваша, но в картину инсульта это не вписывается.

А какая же картина у нас обрисовывается на начало марта 1923 года?

А вот какая…

Февральский пленум ЦК не поддержал Троцкого в его борьбе против линии Ленина…

В Политбюро Сталин, дуумвират „Каменев-Зиновьев“, Томский, Рыков, Молотов, Троцкому оппонировали…

Поведение Бухарина было межеумочным…

Грузинский вопрос, выдвигаемый Лениным – для самого себя – как один из важнейших, был для остальных второстепенным, что соответствовало и реальному положению дел. Причём Троцкий в этом деле был весьма нечист – вначале он выступал против группы Мдивани, потом, когда Ленин встал на её защиту, от прежней позиции отмежевался. Но и поддерживать Мдивани

– о чём заболевший Ленин просил Троцкого письменно, Лев Давыдович не стал.

А дело тем временем шло к XII съезду РКП(б), созываемому в апреле.

Ленин же здоровел, и нельзя было исключать если не личного его участия в работе XII съезда партии, то участия в идейной подготовке, в направлении в адрес съезда неких новых писем…

И вот тут, как я понимаю, вокруг Ленина – в прямом и переносном смысле, началась подлая возня с участием Троцкого, Бухарина, но также и с участием „дуумвирата“ Каменева и Зиновьева…

Не скажу, что все они действовали согласованно и по общему сговору. Но все они так или иначе действовали против Ленина – лично или через своих приверженцев и сторонников.

Даже Мария Ильинична могла быть вовлечена в эту возню – против её воли – тем же Бухариным… Ну, например, Бухарин мог мягко попросить её – свою приверженку, передать „Ильичу“ привет и сообщить, что, мол, Николай Иванович в грузинском вопросе всей душой с ним.

Существенным при этом было бы одно: лишний раз растравить Ленина, посыпав „грузинской солью“ его душевные раны.

Крутился в Москве, вокруг Крупской, постоянно находившейся возле Ленина, „старый друг“ Зиновьев, которому надо было быть, вообще-то, и работать, в Петрограде.

Был рядом с Надеждой Константиновной и „старый друг“ Каменев, съевший с Ульяновыми не менее полу-пуда – если не пуд – соли в эмиграции.

Закончился февраль 1923 года, начался март, а в апреле уже – и XII съезд… При этом ряду крупных партийных лидеров, и прежде всего, – Троцкому и Бухарину, явно не хотелось, чтобы по мере приближения к съезду Ленин восстанавливал физическую форму и влияние в ***реальном*** масштабе времени. Возможно, в этом и кроется трагедия 6 марта 1923 года, когда на Ленине, как на политике, неожиданный приступ болезни поставил окончательный крест?

В мае 1922 года Ленина надолго выбила из строя то ли начинающаяся болезнь, то ли „несвежая рыба“.

Сейчас же было начало марта 1923 года…

Читатель, конечно, помнит инцидент с письмом Ленина Сталину от 5 марта 1923 года – когда якобы оскорбившийся за Крупскую Ленин якобы продиктовал стенографистке Володичевой раздражённое „личное“ письмо Сталину с копиями Каменеву и Зиновьеву. Этот казус очень усугубил состояние Ильича…

А если бы этого казуса не было? Мир Ленина был ограничен тогда его комнатой, и если бы никакая негативная информация на сей счёт не была ему ***кем-то*** передана, то и раздражения Ленина не было бы…

А на „нет“ и суда нет!

И тогда всё ведь могло быть и иначе!

Могло и приступа не быть…

Но ***кто-то***, осведомляющий, а точнее – провоцирующий, Ленина, похоже, рядом с ним был.

Владимир Ильич в начале марта 1923 года всё более восстанавливал работоспособность, и если бы он вновь вернулся в строй, то все недоразумения между ним с одной стороны и Сталиным, Дзержинским и Орджоникидзе с другой стороны, могли быть быстро улажены.

Кому это было не выгодно, кто не желал этого?

После обострения болезни Ленина на единоличное лидерство претендовал Троцкий.

На высшую власть в форме „дуумвитата“ при главенстве Каменева претендовали Каменев и Зиновьев.

Бухарин был готов „прилипнуть“ к сильнейшему.

Поэтому нельзя исключать, например, следующего…

Чтобы осложнить состояние здоровья Ленина, при чьём-то посредстве Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин (все вместе или в том или ином составе) провоцируют антисталинский инцидент и добиваются нового приступа болезни Ленина…

А возможен и иной вариант: они ***фальсифицируют*** письмо Ленина Сталину, а чтобы подлог не открылся, прямо, ***при помощи тех или иных медикаментов***, провоцируют новый приступ 6 марта 1923 года…

А, возможно, они используют только „химию“ – без прочих каверз… Медикаментозно обострить болезнь фармацевтике тех лет было вполне по силам – хоть в мае 1922 года, хоть в марте 1923 года. Особенно, если предположить, что Троцкий злоумышлял против Ленина как эмиссар космополитической Золотой Элиты, в распоряжении которой всегда были самоновейшие препараты, которыми Троцкого вполне могли снабдить…

Не выжил бы Ильич – хоть в мае 1922 года, хоть в марте 1923 года – троцкистско-бухаринско-зиновьевской компании горя было бы мало.

В 1922 году он выжил и вернулся в строй…

В марте 1923 года он физически после приступа выжил, но в строй больше не вернулся ни на один час.

Но если бы он не только выжил, но и пошёл бы на поправку, а позднее бы удивился – как это он мог продиктовать такое письмо Сталину? – всё можно было бы списать на провалы памяти вследствие обострения болезни…

То, что здесь очень нечисто, доказывается и тем, что, скажем, Володичева, несмотря на прямую просьбу Крупской ленинского письма Сталину не передавать, 7 марта 1923 года Сталину это письмо передала.

Казалось бы – зачем?

Ленин в тяжёлом состоянии, до мелких ли „разборок“ сейчас?! Тем не менее, „письмо раздора“ было передано адресату – надо было зафиксировать и, так сказать, визуализировать конфликт на тот случай, если Ленин оправится.

На „грузинский мозоль“ Ленина тоже, похоже, давили намеренно и с той же подлой целью – разволновать и сорвать процесс выздоровления.

И – не мытьём, так катаньем – в марте 1923 года троцкисты добились полного устранения Ленина из политической жизни партии и страны накануне такого важного события, как партийный съезд. После приступа 6 марта 1923 года, спровоцированного то ли „химией“, то ли интригами, Ленин к работе не вернулся.

Не вернулся вообще – до конца жизни.

В первый момент после приступа 6 марта 1923 года лексикон Ленина – как воспоминал профессор Розанов – составлял всего несколько слов, причём иногда совершенно неожиданно вырывалось: „Ллойд Джордж“, „конференция“, „невозможность“ и ряд других… Понимать Ленина в первые три-четыре месяца было сложно, и в моменты возбуждения он гнал от себя всех врачей, сестёр и санитаров.

Лишь 15 мая 1923 года Владимира Ильича перевезли в Горки… Тридцать пять километров по Каширскому шоссе преодолевали медленно, со всеми предосторожностями. Сопровождали Ленина – по словам медсестры Таисии Беляковой – Крупская, Ульянова и профессор Розанов[1491].

Опять, почему-то, Розанов – хирург, а не невропатолог. Не очень, похоже, доверял своим невропатологам Владимир Ильич, и уж, во всяком случае, не лучшим образом они действовали ему на нервы…

В Горки из Петрограда был приглашён специалист по упражнениям для восстановления речи, и Ленин ими охотно и небезуспешно занимался. С 22 июня началось последнее в 1923 году ухудшение его состояния – вплоть до потери аппетита и галлюцинаций, однако со второй половины июля Ленин пошёл на поправку, это отмечает даже лукавый „биограф“ Луис Фишер.

21 июля 1923 года Ленин навестил жившего в маленьком домике рядом с „большим домом“ управляющего совхозом „Горки“ А. А. Преображенского (1862–1938), бывшего народника, сельского учителя, назначенного управлять совхозом в 1922 году по предложению Ленина.

С Преображенским Владимир Ильич был знаком с девятнадцати лет, с 1889 года – рядом с хутором Алакаевкой, где жили Ульяновы, на хуторе Шарнель располагалась земледельческая колония Преображенского.

Хотя Преображенский и вступил в 1904 году в РСДРП, особой активности он не проявлял, работая с 1902 года на Самаро-Златоустовской железной дороге. Тем не менее, он в партии работал, переписывался с Лениным. В апреле 1905 года Ленин писал ему из Женевы в Самару:

„Дорогой товарищ! Получили Ваше письмо и очень рады были весточке. Поздравляем с одолением препятствий, поставленных знаменитыми агентами, которые назначаются для сокрытия правды (речь о борьбе за самарскую подпольную типографию с агентами ЦК – меньшевиками. – *С.К.*). *Непременно примите самые энергичные меры, чтобы связаться с нами аккуратнейшей перепиской… Как только наладится переписка, сейчас же дадим Вам интересные поручения. Сейчас ждём съезда. На днях откроется, Всё ещё не выяснилась окончательно позиция ЦК и Плеханова. Пахнет так, будто раскол неизбежен…*

Крепко жму руку. Ваш Ленин, бывший сосед по хутору.

Жив ли тот радикал-крестьянин, которого Вы водили ко мне? Чем он стал теперь? Отчего не даёте нам связей с крестьянами?“[1492]

С того времени не прошло и двух десятков лет, но как всё изменилось в России – в России уже не царской, а ленинской…

В домике Преображенского Ленин прожил три дня – им было о чём вспомнить, о чём поговорить – даже без многих слов.

Таисия Белякова вспоминала:

„Все мы радостно вздохнули, когда здоровье Владимира Ильича начало поправляться.

Он окреп уже настолько, что стал принимать участие в прогулках и даже в походах (правда, в коляске) за грибами. Весело подтрунивал над Розановым, когда тот проходил мимо гриба…“

Об этом же пишет и сам Розанов.

Владимир Николаевич Розанов появлялся в Горках регулярно, и та же Таисия Белякова свидетельствует: „С ним Ленин охотно отправлялся на прогулку либо сидел за столом, смеялся шуткам неистощимого на выдумки профессора…“

Розанов позднее писал: „Дело…шло настолько хорошо, что я со спокойной совестью уехал на август месяц в отпуск“.

И тут Ленин, как сообщает неплохо осведомлённый Луис Фишер, „стал проявлять странности“. Он отказывался от лекарств, не допускал к себе врачей, перестал принимать даже Ферстера – просто видеть его не мог…[1493]

Выглядело это действительно странно, если бы не тот факт, что чувствовал себя Ленин в тот период хорошо, постоянно читал газеты, его даже навещали несколько раз товарищи. Получается, что при Розанове „капризов“ не было, а уехал Розанов, и начались „капризы“…

Капризы ли?

Или Ленин уже просто не доверял своим „штатным“ лечащим врачам, исключая искренне расположенного к нему Розанова? Розанов уехал, и Ленин, возможно, стал опасаться, что его без Розанова „залечат“.

Причём – залечат сознательно.

Был, впрочем, и ещё один врач, к которому Ленин относился тепло, но это был специалист, который не мог навредить – речь о крупнейшем офтальмологе, академике Михаиле Иосифовиче Авербахе (1872–1944), впервые приглашённом к Ленину 1 апреля 1922 года.

Михаил Иосифович Авербах оставил информативные, да и попросту интереснейшие воспоминания о своих профессиональных встречах с Владимиром Ильичом. Воспоминания Авербаха замечательны во многих отношениях, в том числе – содержащейся в них человеческой характеристикой Ленина. Авербах называет его человеком „огромного ума, колоссальной энергии и величайшей душевной красоты“…

Во время первого же обследования Ленина Авербах преподнёс Ленину неожиданный сюрприз: выяснил, что Ленин видит… обоими глазами.

Дело в том, что после обследования у знаменитого казанского офтальмолога Адамюка-старшего в 80-е годы, когда Ленин был ещё ребёнком, в семье Ульяновых были уверены, что Ленин левым глазом ничего не видит, „существуя одним правым“.

Однако помянут здесь академик Авербах прежде всего потому, что он ни 1 апреля 1922 года, ни 20 января 1924 года – ***за день до смерти Ленина***, не обнаружил у него ***никаких*** отклонений с точки зрения неврологии глаза!

Вот как описал Авербах свою последнюю встречу с Лениным…

А, кстати, как он описал её?

Ниже приведу ***два*** описания этой встречи…

Одно дано по 4-му тому пятитомного издания 1984 года – когда в ЦК КПСС уже заправляли без одного года горбачёвцы и без семи лет ельцинцы.

Второе дано по небольшой книге М. А. Москалева „В. И. Ленин в последние годы жизни“, изданной в 1956 году, когда в ЦК КПСС ренегаты ещё не играли решающей роли.

Сравнить два варианта полезно во всех отношениях.

Вот что мы читаем в издании 1984 года:

„Приехал я поздно вечером (20 января. – *С.К.*). Владимир Ильич сейчас же попросил меня к себе. Физически он выглядел очень хорошо. Что касается опасения, как он встретит врача, то сразу стало ясно, что он очень доволен приездом глазного врача (скорее всего, Ленин был просто доволен приездом именно Авербаха. – *С.К.*). Исследовать было трудно, так как трудно было Владимиру Ильичу словами давать ответы на то, что я у него требовал. Но исследование шло весело, живо и явно к взаимному удовольствию. В глазах Ленина я снова ничего не нашёл… Выйдя от Владимира Ильича, я расположился в другой комнате с его близкими. И теперь Ленин остался верен себе. Он дважды, опираясь на студента, приходил в столовую, где мы сидели, с очевидным намерением проверить, достаточно ли хорошо обо мне позаботились“[1494].

Собственно, цитированные выше строки взяты из речи, произнесённой на общем собрании сотрудников, больных и посетителей городской глазной больницы им. Гельмгольца, и опубликованной в „Правде“ 1 марта 1924 года. Между прочим, на этой встрече, организованной по инициативе местного комитета больницы, Авербах говорил: „Мне чрезвычайно приятно лишний раз побеседовать об этом замечательном человеке. С другой стороны я знаю, что то, что я могу сообщить вам, вы нигде не слышали и не можете знать“…

Ещё бы!

Описывая свою вторую встречу с Лениным в мае 1922 года после первого приступа с частичным параличом, Авербах сообщил, что Ленин был возбуждён, всё искал возможности остаться наедине, и когда такая минута выпала, схватил Авербаха за руку и с большим волнением сказал: „Говорят, вы хороший человек, скажите же правду – ведь это паралич, и пойдёт дальше? Поймите, для чего и кому я нужен с параличом?“

Поразительно! В 1922 году, став живой народной легендой, руководя огромной страной, он тревожился – будет ли он окружён заботой в случае беды!

Что это – скромность?

Или, может быть, трезвые сомнения в лояльности своего политического и государственного окружения?

Перейдем, впрочем, ко второму варианту описания Авербахом дня 20 января 1924 года – оно было опубликовано тоже в марте 1924 года, в третьем номере журнала „Пролетарская революция“:

„Приехал я в Горки в 10-м часу вечера. Владимир Ильич был предупреждён о моём приезде, принял меня в своём кабинете чрезвычайно радушно и проявлял большую заботливость обо мне. Надо сказать, что ***меня прямо поразил его вид – до того он выглядел бодро*** (жирный курсив везде мой, – *С.К.*), охотно отвечал на все вопросы, связанные с исследованием его глаз. Я убедился, что никаких изменений с этой стороны у него не произошло… Я пробыл у Ильича $^3/_4$ часа. Затем, попрощавшись с ним, я прошёл в столовую, где пил чай в обществе его жены и сестры. Спустя некоторое время отворилась дверь и вошёл тов. Ленин. Он чувствовал себя очень бодро, побеседовал и ушёл. И через полчаса он снова вошёл, причём живо интересовался, накормили ли меня, согрелся ли я после мороза… Надо сказать, что эти прогулки из кабинета в столовую он делал, минуя несколько комнат, что указывает на то, что он ***физически окреп и чувствовал себя хорошо***. Прощаясь, он крепко пожал мою руку. В 12-м часу он пошёл спать.

Ничто не предвещало того рокового конца, который случился меньше чем через сутки спустя“[1495].

При сходстве обоих описаний видно, что второй вариант показывает нам ***существенно более чётко*** чем первый, хорошую форму Ленина.

Что до профессора Авербаха, то тут всё ясно: в рассказе он вспомнил тот день одним образом, работая над статьёй для журнала – другим… Иное дело – составители пятитомника 1984 года! Интересно – почему они выбрали для публикации более бледный вариант? Не потому ли, что он менее мог натолкнуть на нежелательные размышления?

Мол, как же это так: вечером 20-го был в прекрасной форме, а через сутки началась агония?..

Воля ваша, уважаемые, но странно всё это.

Странно!!

Странно и то, что в последние свои месяцы Владимир Ильич стал избегать врачей и крайне неохотно подвергал себя исследованиям и манипуляциям, что подтвердил тот же профессор Авербах в своей речи в больнице им. Гельмгольца.

К предпоследнему и последнему дням жизни Ленина мы ещё вернёмся, а сейчас – дополнительная информация к размышлению…

Психиатр Виктор Петрович Осипов (1871–1947), с 1915 года начальник кафедры Военно-медицинской академии в Петрограде, с 1929 года – директор Государственного института мозга им. Бехтерева, в первый раз увидел Ленина в мае 1923 года, когда Владимир Ильич находился в очень тяжёлом состоянии. Был он в Горках и в период последнего серьёзного обострения состояния Ленина в июне-июле 1923 года, и позднее.

Осипов тоже отмечает, что после этого обострения состояние Ленина всё более улучшалось, он начал самостоятельно подниматься по лестнице и сходить с неё, восстанавливалась речь, способность к чтению…

Правда, по словам Осипова, некоторое ухудшение началось со второй половины октября 1923 года – были случаи кратковременной, на 15–20 секунд, потери сознания. Однако как раз 18

октября Ленин попросил отвезти его во Москву… Точнее, сам направился в гараж, сел в машину и настоял на поездке.

Он проехал в автомобиле по Кремлю, зашёл в квартиру, заглянул в свой кабинет, в Совнарком, потом захотел проехать по улицами Москвы. Вернувшись в Кремль, разобрал свои тетрадки, отобрал себе три тома Гегеля из библиотеки, и на другой день стал торопить с возвращением в Горки. Считается, что он прощался с Москвой, но вряд ли это было так. В очередной раз он перебарывал болезнь и не терял надежды хоть на недолго вернуться к делам.

Участник лечения Ленина в 1923—24 годах фельдшер Рукавишников свидетельствует, что успехи Владимира Ильича летом 1923 года в восстановлении речи были настолько большими, что все, находившиеся около него, верили в то, что летом 1924 года он уже будет свободно говорить.

Профессор Розанов, находясь в отпуске, получил от Марии Ильиничны „совершенно успокоительное“ письмо, где говорилось о том, что дежурства врачей не нужны, что Ленин усиленно занимается восстановлением речи и его даже приходится удерживать от занятий.

Медсестру Таисию Белякову летом отправили на отдых в Крым – она, конечно, измоталась в ночных дежурствах. Вернувшись осенью, Белякова обнаружила в облике Ленина разительные перемены. Он похорошел, окреп. Встретил Таисию улыбкой, повёл на кухню, вынул из буфета белый хлеб, масло, варенье, поставил перед ней и стал угощать.

Подобные мелкие детали не выдумываются, так что это так и было. И та же Белякова пишет: „Мы, повседневно общавшиеся с Владимиром Ильичом, надеялись, что его железная воля, упорство, неиссякаемая энергия и любовь к жизни победят недуг“…

Слова „любовь к жизни“ не дань красивой фразе – Белякова перед этим написала о том, как Крупская читала Ленину рассказ Джека Лондона „Любовь к жизни“, и Ленин слушал его с глубоким сосредоточением.

29 ноября 1923 года к Ленину в Горки приезжали старые знакомцы ещё со времён эмиграции – Иван Иванович Скворцов-Степанов (1870–1928) и Иосиф Аронович Пятницкий (1882–1938). (Пятницкий, правда, настойчиво датирует этот визит концом октября).

Описание дня с Лениным у Пятницкого явно не носит апокрифического характера, тем более что этот день не мог не врезаться в память и душу.

Ленин вышел к гостям сам, улыбаясь, блестя глазами… Слушал внимательно рассказ Скворцова о ходе выборов в Московский Совет, делал замечания „своим единственным словом, которым он хорошо владел: „вот-вот“…“

Когда Пятницкий стал говорить о своей работе в Исполкоме Коминтерна, Ленин был не очень внимателен, слушая рассказ об итальянской секции, об английской… Такая реакция была понятна – Европа разочаровывала.

Но когда Пятницкий перешёл к положению в Германии, где наблюдался рост активности масс, Владимир Ильич „оживился и слушал очень внимательно“. Пятницкий вспоминал: „Во время моего рассказа о Германии он не отводил глаз от меня. Движением головы и своим „вот-вот“ он выразил свой живейший интерес к событиям в Германии…“

И это тоже было понятно – Германия была постоянной надеждой Ленина, да и реально русской Октябрьской революции 1917 года решающим образом помогла именно германская Ноябрьская революция 1918 года.

„Мы ушли от Владимира Ильича, – заключал Пятницкий, – в полной уверенности, что скоро-скоро Ильич вернётся к работе. Возвращаясь обратно из Горок, мы ещё говорили между собой, что когда Ильич вернётся к работе, надо будет настоять, чтобы он не так много работал, как до болезни“[1496].

Сам Ленин, похоже, думал так же…

Сотрудник его личной охраны Александр Бельмас – 24-летний бывший батрак, а с 1922 года чекист, вспоминал, что ЦК Английской компартии осенью 1923 года прислал Ленину красивую автоматическую электроколяску, но когда Ленину её показали, он отрицательно качнул головой, отстранил фельдшера, опираясь на палку, самостоятельно прошёлся по залу и, улыбаясь, сел за стол.

Такие детали тоже ведь не выдумывают!

„Мы были поражены и страшно обрадованы, – писал Бельмас. – Среди нас, окружающих, сложилось твёрдое мнение, что Владимир Ильич к следующему, 1924 году будет здоров. Врачи советовали отправить Ленина в Крым. Весной 1924 года, думали мы, вывезем его в Крым, там хороший климат, подлечится наш Ильич и снова станет у руля управления“[1497].

Не встал…

Но что этому помешало – болезнь, или злой умысел?

Кого-то в Москве, и таких было большинство, лишь радовали вести о выздоровлении Ленина – ведь те же Пятницкий и Скворцов рот на замке не держали, да и к чему?

Но кто-то таким вестям не только не радовался, а, напротив, выслушивая их, тревожился за своё будущее положение в случае возврата Ленина к работе… То, что часть „верхов“ РКП(б) злоумышляла против здоровья Ленина можно считать почти бесспорным.

А против его жизни?

Ну, об этом мы ещё поговорим…

Помянутый выше рассказ Лондона „Любовь к жизни“ Крупская читала Ленину, как оказалось, за два дня до его смерти.

В её воспоминаниях это описано так:

„…Сильная очень вещь. Через снежную пустыню… пробирается к пристани умирающий с голоду больной человек. Слабеют у него силы, он не идёт уж, а ползёт, а рядом с ним ползёт тоже умирающий от голода волк, идёт между ними борьба, человек побеждает – полумёртвый, полубезумный добирается до цели. Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно. На другой день просил читать рассказы Лондона дальше. Но у Лондона сильные вещи перемешиваются с чрезвычайно слабыми. Следующий рассказ попал совсем другого типа – пропитанный буржуазной моралью: какой-то капитан обещал владельцу корабля, нагруженного хлебом, выгодно сбыть его; он жертвует жизнью, чтобы только сдержать своё слово. Засмеялся Ильич и махнул рукой…“[1498]

Ленин до последнего дня сохранил, как видим, и ясность мысли, и психологию не просто борца, но – пролетарского борца.

Одним из наиболее ругательных слов было для него слово „филистер“ (по-немецки „Philister“ – человек с узким обывательским кругозором и ханжеским поведением)… Ряд его старых товарищей, включая Зиновьева, Каменева, Бухарина, с начала 20-х годов всё более превращались в советских филистеров, а для Ленина обыватель – как фигура общественная, всегда был злейшим врагом, потому что психология обывателя – это психология буржуа…

Почти весь 1923 год прошёл для Ленина в некотором смысле наедине с собой. Он слышал и понимал услышанное, потом мог уже и читать, однако активного общения был лишён – речь всё ещё ему не подчинялась. С другой стороны, времени для размышлений теперь была прорва, и он не мог не думать, думать, думать…

Крупская пишет[1499], что летом 1923 года он часто спрашивал то об одном, то о другом товарище, посылал справиться по телефону… Спрашивал о Потресове, Аксельроде, Станиславе Вольском, Богданове… Это всё были имена из его давнего революционного прошлого, все – его оппоненты… А Потресов и Аксельрод, с которыми начинали партию и „Искру“, вообще стали врагами, белоэмигрантами… Тем не менее он и о них, как видим, думал, вспоминал…

Возможно – спорил с ними…

Думал он и о Мартове. Когда был уже тяжело болен, но ещё мог говорить, однажды грустно сказал Крупской: „Вот и Мартов, говорят, умирает“[1500].

Мартов умирал в Берлине. Он так и не примирился ни с Советской властью, образовавшейся не „по Мартову“, ни с творцом этой власти – своим старинным другом, с которым они начинали тогда, когда не было партии, а были только первые кружки.

В Горках, в 1923 году, Владимир Ильич спросил о Мартове опять. Мартов тогда уже умер, и Крупская, знавшая о смерти Мартова, о которой Ленину не говорили, сделала вид, что не поняла. На следующий день он спустился в библиотеку и, отыскав эмигрантскую газету с некрологом Мартова, укоризненно показал её Надежде Константиновне.

К слову, кто-то ведь эту газету в подшивку сунул…

И ещё, надо полагать, думал он о чете Лафаргов…

Ленин знал обоих – Поля Лафарга и его жену Лауру – дочь Маркса… В 1909 году Ленин с Крупской ездили к ним в гости в местечко Драйвель, верстах в 25 от Парижа, на велосипедах…

Лафаргу, другу и соратнику Маркса, основателю Рабочей партии Франции, было тогда 67 лет, его жене – 64…

Ленин и Поль Лафарг завели беседу о философии, Крупскую Лаура увела гулять по парку. Когда женщины вернулись, Лаура, глядя на мужа, сказала: „Скоро он докажет, насколько искренни его философские убеждения“, и супруги как-то странно переглянулись.

„Смысл этих слов и этого взгляда, – писала Крупская, – я поняла, когда узнала в 1911 году о смерти Лафаргов. Они умерли, как атеисты, покончив с собой, потому что пришла старость и ушли силы, необходимые для борьбы“.

Лафарги покончили с собой в самом конце ноября, и эта смерть произвела на сорокалетнего Ленина сильное впечатление. 3 декабря 1911 года он от имени РСДРП выступал на похоронах Лафаргов. Крупской он сказал тогда: „Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги“[1501].

Теперь, когда он не мог работать для партии, он не мог не вспоминать собственных давних слов, взвешивая – не стоило ли тогда, когда он ещё полностью владел своим телом, поступить так, как поступили Лафарги?

Но вряд ли он жалел о том, что не имел при себе яд и не воспользовался им. Лафарги в 1911 году оставались наедине с собой, а он давно себе не принадлежал, и стрелять надо было до последнего патрона, не оставляя себе даже одного…

В литературе есть сведения о том, что Ленин ещё в 1922 году, находясь в тяжёлом состоянии, просил через Крупскую Сталина принести ему яд. Этот сюжет мы ещё разберём, но сразу скажу, что не верится в то, что Ленин последовал бы примеру Лафаргов.

Ведь он не мог не понимать, что нужен партии и обязан делать дело до тех пор, пока в состоянии делать ***хоть что-то***…

Сознавал ли он своё величие – хотя бы под конец жизни?

Пожалуй, да…

О чём он думал в дни, когда его мысль – вне сомнений, по-прежнему гениальная, оказалась прочно заключённой в его мозгу без возможности вырваться на волю, к людям?

Пожалуй, думал о том, что, заболевая, главное сказать успел…

К примеру, в статье „Как нам реорганизовать Рабкрин“ есть место, которое в реальном масштабе времени вполне выражало суть того, что имело для дальнейшей судьбы России Ленина первостепенное значение.

Собственно, этими словами Ленин свою статью закончил:

„В нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух

классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и „нэпманы“, то есть буржуазия. Если возникнут серьёзные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания неизбежности такого раскола.

И главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их.

Ибо в последнем счёте судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдёт ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст „нэпманам“, то есть новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними.

Чем яснее мы будем видеть перед собою этот двоякий исход, чем яснее его будут понимать все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избегнуть раскола, который был бы губителен для Советской республики“[1502].

Верный вывод из сказанного Лениным сделал – из числа высших вождей – лишь Сталин. Троцкисты тянули к расколу „слева“, бухаринцы – „справа“, но и те, и те, раскалывали трудовые массы города и села. Только Сталин вырабатывал общую – генеральную линию партии.

Верный – то есть, тот же, что и Сталин, вывод сделали также партийная масса и низовые партийные работники – большевистское „унтер-офицерство“. Совместно утвердившись в этом выводе, они – Сталин и партия, отбросили с дороги к русскому социализму всех „вождей“, тянувших к расколу. Отбросили всех этих троцких, бухариных, зиновьевых, каменевых, рыковых, радеков и прочих…

Кого – раньше, кого – позже, но отбросили.

И в 1923 году Ленин в Горках думал, вне сомнений, и об этом… О том, то есть, что и без него партия, им созданная в начале века и им же пересозданная после Октября, сумеет пойти по тому пути, на который все годы Советской власти направлял партию и Россию он.

Но это – не всё!

В своей последней статье „Лучше меньше, да лучше“ Ленин в предельно сжатой форме дал точную историческую картину всего, произошедшего в России и во внешнем мире в связи с Россией за последние пять лет, и определил суть произошедшего:

„Международная обстановка вызвала то, что Россия отброшена теперь назад, что в общем и целом производительность народного труда у нас теперь значительно менее высока, чем до войны.

Западноевропейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали всё возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны. Именно такой выход представлялся, конечно, имеющим значительные выгоды: „Если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму“, – так, примерно, рассуждали эти державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе.

В итоге они получили полурешение своей задачи. Они не свергли нового строя, созданного революцией, но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперёд, который бы оправдал предсказания социалистов, который дал бы им возможность с громадной быстротой развить производительные силы…“[1503]

Здесь временно цитирование прерву…

Подлинное политическое завещание Ленина – это его последние статьи, особенно ***самая*** последняя, о которой сейчас речь… И если вдуматься, то можно понять, что в словах „… который дал бы возможность с громадной быстротой развить производительные силы“ заключена вся сила и мощь главной ленинской послеоктябрьской мечты и цели: практически, на

деле доказать, что социализм – это и есть то, что необходимо человечеству…

Далее он сказал об этом прямо:

„…дал бы им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития…“[1504]

Мировой социализм – действительно высшая, более совершенная стадия общества, чем нынешний либеральный глобализирующий капитализм. А капитализм, не сумев в 1917–1920 году опрокинуть революционный строй в России, с тех пор делал всё, чтобы затруднить, а в идеале сорвать развитие человечества к социализму…

Ленин в 1918 году собирался орошать Голодную степь, а в 1918 году пришлось воевать со ставленником Америки Колчаком…

Сталин весной 1941 года предполагал в 1942 году ввести в строй новые сотни новых предприятий и всерьёз взяться за народное благосостояние, а реально пришлось в 1942 году отстаивать Сталинград…

После войны советские люди хотели одного: строить мирную жизнь, а пришлось делать атомную бомбу и баллистические ракеты…

И, всё же, и Ленин, и Сталин, и советское общество, ставшее результатом усилий Ленина и Сталина, смогли показать, что социализм таит в себе гигантские силы…

Увы, основные свои доказательства социализм предъявил миру уже после смерти Ленина.

Буквально за день до смерти ничего не предвещало фатального исхода. 19 января 1924 года Ленин выезжал на санях в лес… 20 января ему, правда, нездоровилось, но в тот же день его осматривал офтальмолог Авербах, и Владимир Ильич был оживлён.

И вдруг…

И вдруг к вечеру 21 января 1924 года Ленина не стало.

В описаниях его последнего дня разными людьми есть не очень понятные временн***ы***е неточности, но тогда всё могло смешаться в одно, воспоминания, как правило, хромают именно по части хронологии. Но есть детали и существенные, явно невыдуманные…

Александр Бельмас отмечал, что 21 января в Горки ещё до кончины Ленина приехал кто-то (?) из ЦК, съехались все лечившие Ленина врачи, в том числе: Крамер, Ферстер, Розанов, Обух, Гетье, Семашко…

Крупская вспоминала, как Ленину дали бульон, он „пил с жадностью, потом успокоился немного, но вскоре заклокотало у него в груди“…

Фельдшер Рукавишников и санитар Пакалн держали его почти на весу на руках, профессор Ферстер и доктор Елистратов впрыскивали камфару… Временами Ленин глухо стонал, по телу пробегала судорога. Крупская сначала держала мужа за горячую руку, потом просто сидела рядом, смотрела, как кровью окрашивается платок…

В 18 часов 50 минут 21 января 1924 года Ленин умер.

Жизнь человека завершилась, жизнь эпохи и страны, Спасителем и Творцом которой был этот человек, продолжалась.

28 января 1924 года Крупская написала Инне Александровне Арманд – дочери Инессы Арманд, работавшей в советском торгпредстве в Берлине, письмо, начинающееся со слов:

„*Милая, родная моя Иночка, схоронили мы Владимира Ильича вчера. Хворал он недолго последний раз. Ещё в воскресенье мы с ним занимались, читала я ему о партконференции и о съезде Советов. Доктора совсем не ожидали смерти и ещё не верили, когда началась уже агония. Говорят, он был в бессознательном состоянии, но теперь я твёрдо знаю, что доктора ничего не понимают*…“[1505]

Интересно – что Крупская имела в виду?

Хоронила Ленина вся Россия, и почти вся Россия плакала. Были конечно, и злорадство, и кукиши в карманах, но эта смерть ударила, так или иначе, по всем: очень уж велик был масштаб события и очень уж смутно виделось теперь будущее России.

Стояли страшные морозы…

К Дому Союзов тёк чёрный людской поток на белом снегу, траурно гудели паровозы, заводские и фабричные гудки…

Сталин давал над гробом Ленина свою клятву…

Строился временный Мавзолей…

И объективно имел место вопрос: „Почему же, всё-таки, так рано и так, всё же, неожиданно ушёл из жизни Ленин?“

„Фотография“ его последнего дня оказывается странно размытой. Например, Таисия Белякова пишет: „Но вот ***в ночь на 21 января 1924 года Владимир Ильич почувствовал себя плохо*** (жирный курсив здесь и ниже мой. – *С.К.*). Я разбудила Надежду Константиновну и Марию Ильиничну… Пришёл Пётр Петрович Пакалн (санитар и охранник. – *С.К.*). Все заволновались…“[1506]

Но вот что мы читаем в записках фельдшера Владимира Александровича Рукавишникова (они, к слову, хорошо совпадают с воспоминаниями профессора Авербаха):

„20 января в 6 часов 30 минут (то есть, в 18.30. – *С.К.*) я сменил Н. Попова (студент-медик, ухаживавший за Лениным, – *С.К.*) и получил от него сведения обо всём, что происходило в его дежурство. Он сказал, что обозначились какие-то неопределённые симптомы… Из Москвы вызвали профессора Авербаха…

Попов уехал в Москву, я остался… Владимир Ильич сидел у себя в комнате с Надеждой Константиновной и она читала вслух газету. В 7 часов 45 минут Мария Ильинична сказала, что ужин готов и можно звать Владимира Ильича. За ужином Владимир Ильич почти ничего не ел.

Около 9 приехал доктор Авербах… Профессор Авербах установил, что зрение прекрасно.

В 11 часов Владимир Ильич лёг спать и через 15 минут я слышал его ровное дыхание. ***Спал Владимир Ильич очень спокойно***, и думалось, что всё обойдётся благополучно.

Утром 21-го, в 7 часов, как всегда, поднялась Надежда Константиновна. Спросила, как прошла ночь, прислушалась к дыханию Ильича и сказала: „Ну, всё, по-видимому, хорошо выспится, и слабость вечерняя пройдёт“…

9 часов. Ильич ещё спит…

Около 10 часов – шорох. Владимир Ильич просыпается. „Что, Владимир Ильич, будете вставать?“ Ответ неопределённый. Вижу, что сон его ничуть не подкрепил и что он значительно слабее, чем вчера. Тем временем принесли кофе и он выпил его, несколько оживился, но… скоро опять заснул.

Профессор Ферстер и я не отходили от дверей спальни. Тут же Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Все насторожены, но Ильич спит спокойно…

В 2 часа 30 минут Ильич проснулся, ещё более утомлённый. К нему зашёл профессор Осипов, посмотрел пульс и нашёл, что это слабость, ничего угрожающего нет.

Мария Ильинична принесла обед. Ильич выпил в постели чашку бульона и полстакана кофе. Принятая пища не оживила Ильича, и он становился всё слабее и слабее. Профессор Осипов и профессор Ферстер непосредственно наблюдали за ним.

Около 6 часов у Владимира Ильича начался припадок, судороги сводили всё тело. Профессор Ферстер и профессор Осипов не отходили ни на минуту, а я держал компресс на голове Владимира Ильича. В 6 часов 35 минут я заметил, что температура вдруг поднялась…и сейчас же поставили термометр.

Без 13 минут 7 я вынул термометр и был ошеломлён – 42,3°. Профессор Осипов и профессор Ферстер даже не поверили этому и сказали, что это ошибка. Но это не было ошибкой – через 3 минуты Владимира Ильича не стало“[1507].

Из почасовых записей Рукавишникова вырисовывается весьма подробная „фотография“ последних ночи, утра и дня Ленина. И – весьма отличная от „канонической“…

Интересно, что Рукавишников не пишет ни о каких, упомянутых у Александра Бельмаса приезжих из ЦК… Правда, находясь около Ленина, Рукавишников видеть их не мог, но уж отмеченных Бельмасом врачей Крамера, Розанова, Обуха, Гетье и Семашко Рукавишников не мог не запомнить.

Думаю, что всё объясняется смещением времени у Бельмаса – он запомнил „съезд“ уже после смерти Ленина. Однако приехать все могли лишь поздно ночью или утром 22 января – ведь до 6 вечера 21 января особых тревог состояние Ильича не вызывало, приступ начался лишь в 6 вечера…

С другой стороны, если кто-то из ЦК или из „лишних“ врачей был в Горках уже ***днём*** 21 января, то зачем?

И почему вообще в достаточно, вроде бы, спокойный и рядовой день, в Горках были профессора!

Ждали известий?

Мировая история хранит некие три даты…

30 января 1649 года был казнён на эшафоте английский король Карл I…

21 января 1793 года был гильотинирован французский король Людовик XVI…

21 января 1924 года умер русский вождь Владимир Ленин.

Не будучи приверженцем нумерологии, тем не менее скажу: „Странное и любопытное совпадение…“

Совпадение ли? В мире есть одна внешне надпартийная сила (на самом деле это концентрат „партии стригущих“) которая любит символику просто-таки патологически. Это, конечно, масонство…

Однако не будем об этом.

А вот последняя чашка бульона и полстакана кофе, выпитые Лениным накануне приступа, окончившегося агонией и смертью – это уже не нумерология и не конспирология…

И выглядят эти чашка со стаканом странно.

Было ли в чашке и стакане кроме бульона и кофе ***и ещё что-то***?

Увы, однозначного ответа на этот важнейший вопрос мы не получим никогда! Взять остатки на анализ в голову никому не пришло! Да и могла ли подобная мысль, то есть – мысль о намеренном отравлении Ленина, прийти в Горках кому-то в голову? Слишком уж она была чудовищной.

Но так ли уж и для всех в „верхах“ РКП(б) она была чудовищной?

Напомню ещё раз: практически все высшие советские руководители „первого призыва“ были, за исключением редчайших фигур типа Леонида Красина, в недалёком прошлом социальными маргиналами. Это просто факт: все профессиональные большевики были в эмиграции и в царской России людьми ***вынужденно*** скромной жизни… Однако с начала 20-х годов бывшие маргиналы получали – при желании – всё больше возможностей пользоваться всеми, так сказать, „радостями жизни“ в их „шкурном“ варианте…

До этого всё было нестабильно, непрочно. Первые годы после Октябрьской революции оказались временем балансирования на канате над пропастью. Это была суровая пора, хотя „диктатор Севера“ Зиновьев уже тогда приобретал замашки сибарита…

В первые три года Советской власти лидеры большевиков, взойдя, благодаря революции

Ленина на вершины государственной власти, рисковали вновь рухнуть в социальные низы. Рухнуть в лучшем случае в прежнее прозябание, в худшем – в физическое небытие. А этого им, конечно же, не хотелось, и приходилось быть крайне энергичным, много работать – даже тем, кто имел в характере ленцу. Причём работать приходилось под рукой Ленина – только он мог быть „коренником“ в общей „упряжке“.

И вот путь „по канату“ пройден. Одержана победа в гражданской войне, новую Россию пригласили в Геную, Германия заключила с ней Рапалльский договор, жизнь начинала налаживаться…

Однако всё ещё было по-прежнему непрочно, реставрация капитализма силовым путём не исключалась. В этом случае лидеры большевиков опять-таки могли рухнуть в социальные низы, а, скорее всего, погибнуть, но…

Но теперь уже кое для кого из советских „верхов“ был возможен компромисс на основе отступления в сторону капитализма. Теперь, хотя и в Советской, но в „нэповской“ России, уже не было зазорно, а главное – не было опасно, быть богатым…

Не Ротшильд, и не Рябушинский, а член Политбюро ЦК РКП(б) Николай Бухарин уже вот-вот готовился бросить в массы лозунг „Обогащайтесь“!

Но мог ли он бросить его при живом и деятельном Ленине?

Нет – вне сомнений.

И не один ведь Бухарин был такой…

Россия лежала в разрухе, и кто мог поднять её?

Народ?

Но троцкие, бухарины, радеки, сокольниковы, зиновьевы, каменевы не верили в народ, и не верили, что у народов СССР найдутся силы поднять страну… В том числе и поэтому Троцкий почти открыто ратовал за переход в России к буржуазной республике. И к тому было много возможностей – основным классом в России было теперь крестьянство, то есть – класс мелкобуржуазный.

„Мелко…“ звучало, конечно, не очень-то весомо, но ключевым здесь было „…буржуазный“. Сегодня – „мелко…“, а завтра, смотришь, кто-то стал и „крупно…“…

А при такой трансформации большевистской России она вполне получила бы благосклонное отношение к себе Запада, кредиты и т. д. И в такой России тот же Троцкий сохранил бы положение вождя и все сопутствующие этому привилегии… И не только Троцкий, но и остальные сибаритствующие „вожди“.

Могло ли подобное стать реальностью при живом и деятельном Ленине?

Ответ и здесь ведь будет однозначным – нет!

Ленин – это диктатура пролетариата, то есть – страна, где основной класс – крестьянство, а ведущий класс – рабочие.

Компромисс с мелкобуржуазной российской средой и с внешним капиталом мог стать выходом для той части партийных „верхов“, которая желала сохранить себя в барстве. Но при живом Ленине такой компромисс, предающий революцию и народ, был абсолютно исключён.

Абсолютно!

Возможности вождей поступать вопреки воле масс намного больше, чем возможности масс поступать вопреки воле вождей. Яркий пример – предательство Советского Союза кучкой партийно-государственных бонз в 1991 году вопреки ясно выраженному большинством народов СССР желанию сохранять и развивать единую державу…

И это стало возможным в уже давно установившемся, казалось бы, обществе, при десятках миллионов социально развитых, образованных граждан…

Тем более могла оказаться успешной попытка свернуть Россию с пути, указанному ей

Лениным, для ренегатов 20-х годов – тогда ведь свернуть мозги набекрень народу было проще! Но шанс на это появлялся у троцкистов и бухаринцев них лишь в том случае, если Ленина не будет в живых…

Однако Ленин был жив, и в течение 1923 года всё более восстанавливался с перспективой к лету 1924 года восстановить себя как действующего вождя.

Да, как мы сейчас знаем – зная результаты вскрытия мозга Ленина, в его мозгу шли необратимые процессы, и ему, так или иначе, был отведён природой уже недолгий срок жизни.

Но это мы знаем ***сейчас***, а те, кто злоумышлял против Ленина, знать-то этого не могли! Ленин уже выпадал один раз из борьбы на достаточно длительный срок в 1922 году, однако восстановился и вернулся. И весь 1923 год над всеми, кто перерождался из деятеля революции в барина революции, как дамоклов меч висела угроза возврата Ленина в политику.

Для Сталина возврат Ленина означал бы мощное подкрепление той генеральной линии, которая формировалась у Сталина.

Для Троцкого же возврат Ленина – даже на очень небольшой срок, мог означать необратимый политический крах. Физическая смерть Ленина становилась для Троцкого, фактически, продолжением его, Троцкого, политической жизни.

Напомню, что осенью 1923 года Троцкий спровоцировал новую дискуссию в партии.

С 25 по 27 октября 1923 года состоялся Объединённый пленум ЦК и ЦКК РКП(б) совместно с представителями Петроградской, Московской, Иваново-Вознесенской, Нижегородской, Харьковской, Донецкой, Екатеринбургской, Ростовской, Бакинской и Тульской парторганизаций. И там хватало не то что споров, а просто ругани, причём, в основном, – в адрес Троцкого.

Дошло до того, что Григорий Петровский прямо бросил в лицо Троцкому обвинение в болезни Ленина!

Факт – в свете всего выше сказанного – любопытный!

31 октября 1923 года Крупская писала Зиновьеву в письме следующее:

„*Совершенно недопустимо также то злоупотребление именем Ильича, которое имело место на пленуме. Воображаю, как он был бы возмущён, если бы знал, как злоупотребляют его именем. Хорошо, что меня не было, когда Петровский сказал, что Троцкий виноват в болезни Ильича, я бы крикнула: это ложь, больше всего В.И. заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, водворившиеся в наших верхах* (Крупская имела в виду раскол. – С.К.). *Вы знаете, что В.И. видел опасность раскола не только в личных свойствах Троцкого, но и в личных свойствах Сталина и других. И потому что Вы это знаете, ссылки на Ильича были недопустимы, неискренни. Их нельзя было допускать. Они были лицемерны… Лично мне эти ссылки приносили непереносимую муку. Я думала: да стоит ли ему выздоравливать, когда самые близкие товарищи по работе так относятся к нему, так мало считаются с его мнением, так искажают его?*“

О том, что Ленина перед его окончательным выходом из строя действительно очень заботил национальный (точнее – „грузинский“) вопрос, мы знаем. Однако мы знаем и о том – почему он его так беспокоил? Да потому, что Ленина провоцировали против Сталина…

Далее Крупская писала ещё интереснее:

„*А теперь главное. Момент слишком серьёзен, чтобы устраивать раскол и делать для Троцкого психологически невозможной работу. Надо попробовать с ним* ***по-товарищески*** *столковаться. Формально сейчас весь одиум* [odium (лат.) – ненависть, предмет ненависти и нареканий, – С.К.] *за раскол свален на Троцкого, но именно свален, а по существу дела, – разве Троцкого не довели до этого? Деталей я не знаю* (!! – С.К.), *да и не в них дело* (?? – *С.К.*) *– из-за деревьев часто не видать леса – а суть дела: надо учитывать Троцкого как партийную силу, и суметь создать такую ситуацию, где бы эта сила была для партии максимально*

использована…“

Письмо это лишь в „перестроечные“ годы было опубликовано в одном из номеров „Известий ЦК КПСС“ – явно как попытка обелить Троцкого.

Однако единственное, что выявляет объективный анализ вышеприведённого текста, это достаточно близорукое, если не сказать: „слепое“, восприятие Троцкого Крупской в 1923 году. Для сравнения приведу начало письма Крупской Троцкому от 19 мая 1927 года:

„*Дорогой Лев Давыдович, получила Ваше письмо…*

Вы знаете, что я с осени прошлого года ушла от оппозиции. Я писала тогда об этом Григорию (Зиновьеву. – *С.К.*), *говорила тогда, что мы прямым путём катимся при таких методах работы в другую партию, и что я на это не пойду…*“

Как видим, Крупская лишь в 1926 году поняла, что партия Троцкого – это не партия Ленина, а другая партия. А кроме партии Троцкого в СССР была только лишь одна партия – партия Сталина, она же – и партия Ленина.

В отличие от Крупской, массовый слой профессиональных партийных работников уже к началу 1924 года стал понимать, что Троцкий пытается увести партию и Россию с пути не Сталина, а Ленина…

А что, если бы и сам Ленин хотя бы на время выздоровел и летом или осенью 1924 года вернулся к работе? Он ведь мог не просто начать критиковать Троцкого… Ленин мог – и это было очень вероятно, просто-таки обрушиться на Троцкого и раздавить его – раз и навсегда.

Ленин ведь это мог!

Так мог ли допустить это Троцкий?

Мог ли не действовать?

В том числе – через Бухарина…

Это всё – так, сказать, общие рассуждения. И хотя уже эти рассуждения дают нам право не исключать версию прямого злоумышления против здоровья и жизни Ленина, обратимся к вещам более конкретным.

9 июля 1971 года поэт Феликс Чуев очередной раз был в гостях у Молотова. И когда разговор – тоже не в первый раз – зашёл о Бухарине, Чуев записал некий любопытный диалог…

Надо сказать, что в июле 1971 года Вячеславу Михайловичу Молотову шёл восемьдесят второй год, однако он жил он ещё долго, скончавшись в 1986 году на девяносто седьмом (!) году. Так что в 1971 году Молотов понимал, что говорил. А говорил он о Бухарине вот что:

„– Он был редактором „Правды“… Определённые круги ему сочувствовали…

– А как человек какой он был?

– Очень хороший, очень мягкий… Идейный.

– Достоин уважения?

– Достоин. Как человек – да. Но был опасный в политике. В жизни шёл на очень крайние меры. Не могу сказать, что это доказано полностью, по крайней мере для меня, но он вступил в заговор с эсерами для убийства Ленина. Был за то, чтоб арестовать Ленина. А тогда, когда шла стенка на стенку, была такая остротб, что Ленина бы казнили.

– Эти обвинения могли сфабриковать?

– Не думаю.

– Для пущей убедительности могли.

– Учтите, в политической борьбе всё возможно, если стоишь за другую власть. Бухарин выступал против Ленина и не раз. Называл его утопистом. И не только – предателем!..“[1508]

Любопытно?

Вне сомнений!

Непривычно?

Да…

Но и это всё – лишь присказка…

Будут у нас и ещё аргументы, будут и факты.

Ну, например, вот отрывок из некоего письма:

„…*Бухарин лоялен, но зарвался в „левоглупизм“ до чёртиков. Сокольников свихнулся опять. Ларин – мечущийся интеллигент, ляпала первосортный… Сокольников – ценнейший работник, но иногда на него „находит“ и он „бьёт посуду“ из-за парадоксов. Если не предпримете предосторожности, – он у Вас там набьёт посуды. А Бухарин – втрое. Prenez garde!* (Будьте осторожны. – *С.К.*)…“[1509]

О ком это сказано – ясно.

Прибавлю лишь, что Григорий Сокольников-Бриллиант был другом Бухарина с гимназических лет, а Ларин-Лурье – будущий тесть Бухарина, отец его третьей жены…[1510]

Но кем даны эти характеристики?

То-то и оно, что Лениным – в письме от 2 июня 1918 года в Берлин полпреду РСФСР в Германии Иоффе. Бухарин, Сокольников и Ларин уезжали в Германию на экономические переговоры, и Ленин заранее предупреждал Иоффе о возможных проблемах с упомянутой выше троицей…

Это – уже ***после*** Октября, после борьбы Бухарина против Ленина по вопросу о Брестском мире…

Но и до Октября отношение Ленина к Бухарину было то и дело скептическим. Вот соответствующие извлечения из дооктябрьских писем…

Март 1916 года – Шляпникову из Цюриха в Стокгольм:

„*Ник. Ив. занимающийся экономист, и* ***в этом*** *мы его всегда поддерживали. Но он (1) доверчив к сплетням и (2) в политике дьявольски неустойчив…*

Война толкнула его к идеям полуанархическим… Он дал тезисы – верх нелепости; срам; полуанархизм… И в вопросе о самоопределении он преподносит нам ту же ерунду…“[1511]

Тот же март 1916 года – из Цюриха в Берн Зиновьеву:

„…*Получил ответ Н.И. на тезисы: верх поросячества, ни слова продуманного…*“[1512]

Май 1916 года – из Цюриха в Берн Зиновьеву:

„…*Что Бухарин на каждом шагу спотыкается… это факт…*“[1513]

Июнь 1916 года – Шляпникову из Цюриха в Христианию (Осло):

„…*весной 1915 г. Бухарин пишет тезисы, где катится в болото явно…*“[1514]

Июль 1916 года – из Флюмса в Гертенштейн Зиновьеву:

„*Бухарину, Вы правы, что не доверяете*“[1515].

В начале осени 1916 года Ленин пишет самому Бухарину, товарищески объясняя, почему не может принять к печати статью Бухарина в планируемый сборник.

Якобы „осыпанный германским золотом“ Ленин, пишет, к слову: „*Денег не хватает. Трудно приходится*“… Но основной причиной отклонения Ленин деликатно называет „некоторые недостатки статьи“, хотя в августе писал Зиновьеву: „*Статья Бухарина безусловно не годна*“…

14 октября 1916 года Ленин вновь пишет Бухарину, уезжающему в США к Троцкому (sic!), редактировать вместе с последним журнал „Новый мир“, и вновь подробно в огромном письме объясняется по поводу бухаринской статьи и, между прочим, замечает:

„*Насчёт „вышибания“ и полемики в неразрывающем тоне должен сказать, что с Вами в печати я ещё не полемизировал, а списывался до полемики и во избежание её. Это факт. Facts are stubborn things* (Факты – упрямая вещь? – *С.К.*). *Сплетней факта не перешибёшь…*“[1516]

Тем не менее Бухарин, о „преданной любви“ которого к „Ильичу“ в „перестроечные“ годы было столько написано его реабилитаторами, укатил к Троцкому, презрев возможность стать сотрудником Ленина…

Я потому так подробно останавливаюсь и ниже ещё остановлюсь на фигуре Бухарина, что за много лет создался миф о близости Бухарина к Ленину, о преданности Бухарина Ленину, и т. д.

Противостояние Ленина и Троцкого – на слуху, гнев Ленина на предоктябрьское капитулянтство Зиновьева и Каменева – тоже на слуху… А противостояние Ленина и Бухарина, несмотря на „брестский“ инцидент, остаётся в тени…

А дело ведь не только в идейной стороне дела… Вполне не исключена версия о том, что Бухарина следует рассматривать как одного из основных фигурантов ***прямого злоумышления*** на Ленина! Как на одного из тех, кто посягнул на жизнь Ленина для того, чтобы исключить вероятность собственного политического краха.

Итак, продолжим…

27 февраля 1937 года Николай Бухарин (1888–1939) был арестован. Не сдержусь, и напишу: „Наконец-то арестован“.

Всю жизнь собиравший коллекцию бабочек, эстет Бухарин был, вне сомнений, из породы тех, кого французы называют „шармёр“, а русские: „чаровник“, „обольститель“ или просто „обаяшка“… Под обаяние „Николая Ивановича“ подпадал даже трезвый умом Берия! И недаром Ленин в своём знаменитом „Письме к съезду“ отметил, что Бухарин „законно считается любимцем всей партии“…

Как уж ни размахивали этой фразой все антисталинские злопыхатели, а ведь это – не более чем фраза… На одну эту фразу у того же Ленина отыскивается множество иных фраз о Бухарине! Кое с чем читатель уже познакомился, но это – не всё!

Далеко не всё…

Скажем, 6 марта 1918 года в Москве в связи с заключением Брестского мира открылся VII экстренный съезд РКП(б). Выступая на нём с критикой Бухарина и „левых коммунистов“, Ленин говорил:

– Мне много пришлось пережить фракционных столкновений, расколов, так что я имею большую практику. Но должен сказать, что вижу ясно, что старым способом – фракционных партийных расколов – эта болезнь не будет излечена… Когда товарищи из „Коммуниста“ (орган „левых коммунистов“. – *С.К.*) рассуждают о войне, они апеллируют к чувству… Их газета носит кличку „Коммунист“, но ей следует носить кличку „Шляхтич“, ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: „Мир – это позор, война – это честь“. Они рассуждают с точки зрения шляхтича, а я – с точки зрения крестьянина…[1517]

8 марта 1918 года в заключительном слове по политическому отчёту ЦК Ленин опять обратился к позиции Бухарина:

– Товарищи, товарищ Бухарин в конце своей речи дошёл до того, что сравнил нас с Петлюрой. Если он считает, что это так, то как же он может оставаться в одной партии с нами? Разве это не фраза? Конечно, если бы это действительно было так, мы не сидели бы в одной партии…[1518]

Далее Владимир Ильич, правда, сказал, что „то, что мы вместе, доказывает, что на девять десятых мы с Бухариным согласны…“, но тут же прибавил:

– Когда Бухарин громит нас за то, что мы деморализовали массы, он абсолютно прав, только он себя громит, а не нас. Кто провёл эту кашицу в ЦК? Вы, товарищ Бухарин…

Зал рассмеялся, Бухарин стал протестовать, а Ленин продолжил:

– Как вы не кричите „нет“, а правда возьмёт верх: мы в своей товарищеской семье, мы на

собственном съезде, скрывать нечего и придётся говорить правду…[1519]

Ленин выговаривал Бухарину действительно по-товарищески, а вот было ли товарищеским то, что Бухарин Ленина (Ленина!!) сравнивал с Петлюрой?

И дело даже не в полной недопустимости подобной выходки, а в том, что эта выходка доказывает подлинное отношение Бухарина к Ленину… Когда старшего товарища, вождя, уважают, то несогласие с ним должно, прежде всего, заставить младшего, сознающего себя учеником, ещё раз оценить собственную позицию, задуматься – а не порю ли я чепуху? Бухарин же вместо самокритичного отношения к себе стал обвинять Ленина! Причём – будучи абсолютно неправым.

События 1918 года доказали правоту Ленина… И что – Бухарин устыдился, стал самокритичнее? Ничуть не бывало! Он то и дело мнил себя теоретиком повыше Ленина и раз за разом попадал пальцем в небо.

Однако не каялся, а опять тыкал пальцем в небо.

3 ноября 1920 года Троцкий на заседании фракции РКП(б) V Всероссийской профсоюзной конференции спровоцировал дискуссию о профсоюзах, призывая „завинтить гайки военного коммунизма“. 24 декабря 1920 года он выступил с теми же провокациями на собрании актива профсоюзов и делегатов VIII Всероссийского съезда Советов, а 25 декабря вышла из печати его брошюра.

Ленин был и против самуй дискуссии и уж, тем более, против авантюр Троцкого. Бухарин же, позднее изображавший из себя верного ленинца, тут же стал поддерживать Троцкого.

30 декабря 1920 года на соединённом заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и Московского горкома профсоюзов – членов РКП(б) выступил Ленин. (Речь в начале 1921 года вышла отдельной брошюрой в Петрограде. В Петрограде, а не в Москве потому, что Московский горком тогда не был к Ленину лоялен – усилиями Троцкого и Бухарина!)

Бухарину досталось от Ленина 30 декабря порядком… В частности, было сказано так:

– Товарищ Бухарин, видя опасное раздвоение в ЦК, принялся создавать буфер, такой буфер, что я затрудняюсь подыскать парламентское выражение для описания такого буфера. Если бы я умел рисовать карикатуры так, как умеет рисовать товарищ Бухарин, то я бы товарища Бухарина нарисовал таким образом: человек с ведром керосина, который подливает этот керосин в огонь, и подписал бы: „буферный керосин…“[1520]

Каково?

Тем не менее Бухарин не унимался…

На 8 марта 1921 года было намечено открытие X съезда РКП(б), и в рамках предсъездовской дискуссии Ленин опубликовал в „Правде“ 21 января (надо же!) 1921 года огромную статью „Кризис партии“, уже в начале которой констатировал:

„Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка. Весь вопрос в том, захватила ли болезнь только лихорадящие верхи, да и то может быть исключительно московские, или болезнью охвачен весь организм. И в последнем случае, способен ли этот организм в несколько недель (до партсъезда и на партсъезде) излечиться полностью и сделать повторение болезни невозможным или болезнь станет затяжной и опасной…“[1521]

В статье Ленин подробнейшим (и интереснейшим!) образом описывал все перипетии споров последних месяцев, в частности отмечая, что „Бухарин хочет „буферить“, но говорит только против Ленина и Зиновьева, ни слова против Троцкого…“ (ПСС, т. 42, с. 237).

А далее Ленин писал:

„При этом верхом распада *идейного* являются тезисы Бухарина и К^0. Здесь осуществлён

„поворот“ из тех, про которые марксисты в давние времена острили: „Поворот не столько исторический, сколько истерический“…

Это – полный разрыв с коммунизмом и переход на позицию синдикализма…“[1522]

Уже из приведённого выше читатель, надеюсь, понял, что „верный ленинец Бухарин“ – не более чем наглый миф.

Однако всё, что написано в этой главе, даётся через призму её главной темы – злоумышление против Ленина… И поэтому нас сейчас должно интересовать не столько разоблачение Бухарина как идейного врага Ленина, сколько его разоблачение как одного из возможных кураторов (или даже исполнителей!) убийства Ленина…

Наиболее в смерти Ленина был заинтересован Троцкий – тут двух мнений быть не может. Затем – вниз по рейтингу измены – шли Каменев, Зиновьев и, возможно, Рыков…

У Бухарина же в этом рейтинге обнаруживается особое место. Он, как я догадываюсь, был не столько концептуальной фигурой заговора против Ленина, сколько оперативной – держал, так сказать, руку на пульсе. Позднее мы это ещё увидим…

Так вот, с позиций этой главы, Ленин в статье „Кризис партии“ написал нечто такое, от чего – если знать дальнейшее, волосы дыбом могут встать (жирный курсив мой):

„До сих пор „главным“ в борьбе был Троцкий. Теперь Бухарин далеко „обогнал“ и совершенно „затмил“ его, создал совершенно новое соотношение в борьбе, ибо договорился до ошибки, во сто раз более крупной, чем все ошибки Троцкого, взятые вместе.

Как мог Бухарин договориться до такого разрыва с коммунизмом? Мы знаем всю мягкость товарища Бухарина, одно из свойств, за которое его так любят и не могут не любить (собственно, ***только это*** Ленин и имел в виду, когда в „Письме к съезду“ назвал Бухарина „любимцем партии“. – *С.К.*). Мы знаем, что его не раз звали в шутку: „мягкий воск“. ***Оказывается, на этом „мягком воске“ может писать что угодно любой „беспринципный“ человек, любой „демагог“***…“[1523]

Страшная, всё же, вещь – судьба!

В статье, увидевшей свет ***ровно за три года до смерти Ленина***, сам Ленин точно предсказал психологическую картину будущего духовного падения Бухарина и его измены Ленину…

Смерть Ленина нужна была Троцкому, но Троцкий не мог вести диверсии против здоровья и жизни Ленина в оперативном режиме – барски ведущий себя Троцкий и аскетичный Ленин житейски близки не были… А Бухарин, с его „мягкостью“ и обаянием, бывал у Ленина часто, запросто, по-свойски, чаи распивал. Вот же – и Мария Ильинична в Николае Ивановиче души не чаяла…

Иными словами, Бухарин хорошо подходил на роль соглядатая, оперативно отслеживающего ситуацию. Анна Ларина-Бухарина, сообщая о том, что Бухарин был одним из немногих, кто бывал у Ленина „в то время, когда тот уже был тяжело болен“, проговаривается: „Н.И. рассказывал мне, что однажды он вместе с Зиновьевым ездил в Горки и видел больного Ленина через забор“[1524].

С чего бы это, спрашивается, два крайне занятых государственных деятеля, один из которых, к тому же, бывал в Москве лишь наездами по важным делам, предприняли такую поездку ради подглядывания через забор?

Из „сыновней“ „любви к Ильичу“?

Или для того, чтобы собственными глазами убедиться – насколько Ленин плох, сможет ли он опять выкарабкаться из болезни, или надо думать над тем, как его в ней и оставить?

Нет, на „мягком воске“ Бухарина такой беспринципный демагог как Троцкий мог писать что угодно!

Он, похоже, и писал всё, что угодно – вплоть до планов избавления себя от Ленина.

В конце января 1921 года отдел печати Московского Совета издал отдельной брошюрой и ещё одну работу Ленина „„Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина“.

Уже из названия ясно, что вся эта работа была посвящена разбору и критике ошибок помянутого „дуэта“. Обильно её цитировать у меня возможности (да и необходимости) нет, приведу лишь одно „словечко“ Ленина насчёт Бухарина: „сплошное водолейство и ляпанье…“ (ПСС, т. 42, с. 282).

В скобках замечу, что перечисляя тех из членов ЦК, кто стоял на одной с ним позиции, Ленин перечислил их в таком порядке: Томский, Калинин, Рудзутак, Зиновьев, Сталин, Ленин, Каменев, Петровский, Артём Сергеев…

Ленин поставил имя Сталина рядом со своим, надо полагать, подсознательно, но, пожалуй, не случайно.

Провокатор Троцкий видел в профсоюзах рычаг принуждения. Ленин пояснял в брошюре, что область принуждения – это государство и „сумасшествием было бы отрекаться от принуждения, особенно в эпоху диктатуры пролетариата“, но профсоюзы – это „резервуар государственной власти, школа коммунизма, школа хозяйничанья“ (ПСС, т. 42, с. 294).

Относительно же Бухарина Ленин делал следующий итоговый вывод: „Чем дальше будет т. Бухарин защищать явно неверное теоретически и обманное политически своё уклонение от коммунизма, тем печальнее будут плоды упрямства“ (ПСС, т. 42, с. 303).

Но и это не образумило „мягкого как воск“ Бухарина! **Бухарин расходился с Лениным до самого конца политической жизни Владимира Ильича…**

Так, напомню, что Бухарин в 1922 году выступил против монополии внешней торговли, и это просто-таки бесило Ленина. 13 декабря 1922 года он, полубольной, тем не менее продиктовал по телефону письмо Сталину для пленума ЦК, где в очередной (и, как оказалось, последний) раз разобрал завиральности Бухарина. А в конце письма Владимир Ильич высказал мысль, которую не мешало бы освоить – относительно монополии внешней торговли – и нам:

„Если, …возражая мне, Бухарин пишет, будто ему не важно, что крестьянин заключит выгоднейшую сделку, будто борьба будет идти не между крестьянином и Советской властью, а между Советской властью и экспортёром, то это опять-таки в корне неверно… На практике Бухарин становится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны её никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли“…“[1525]

И вот после всего этого кто-то имеет наглость утверждать, что якобы „тиран“ Сталин „уничтожил“ „невинного“ „любимца партии“ и „соратника Ленина“ Бухарина…

Бухарин ***сам*** последовательно вёл себя к пуле и ***сам же*** довёл себя до неё – как, собственно, его и предупреждал об этом ещё Ленин в 1921 году.

Возможно, конечно, возражение: одно дело – идейные расхождения, и другое – сознательное политическое убийство…

Да ещё и кого – Ленина!

Однако Бухарин был неустойчив не только политически, он и психически был неустойчив – именно психически, а не психологически (последнее – само собой). А при этом был мстителен.

Вот два свидетельства, принадлежащие – предупрежу сразу – одному и тому же человеку:

1) „На необоснованные (необоснованные по мнению самого Бухарина, естественно. – *С.К.*) выпады мог ответить резко и зло. Он умел вцепиться в противника мёртвой хваткой, с неистовой энергией своего политического темперамента…“

„Эмоциональная утончённость (ну-ну. – *С.К.*) и непосредственная восприимчивость приводили его нередко в состояние истерии. Он легко плакал… Когда Бухарин узнал, что Октябрьское восстание в Москве прошло не так бескровно, как в Петрограде, он разрыдался. В день смерти Ленина на глазах многих его соратников я видела слёзы, но никто так не рыдал, как Бухарин…“[1526]

Оба свидетельства аутентичны – они принадлежат третьей и последней жене Бухарина – юной Анне Лариной, которой, правда, в год смерти Ленина было всего-то 10 лет.

Любой психолог подтвердит, что от человека с подобным истерическим типом психики можно ожидать ***чего угодно***! Особенно – если им будет умело манипулировать умный человек с сильной волей… Правда, говорить об особо сильной воле Троцкого не приходится, но троцкизм ведь не на одном Троцком сошёлся… Да и не такая уж сильная воля требовалась, чтобы подчинить себе Николая Ивановича, так что тут и воли лично Троцкого могло хватить вполне!

Читатель уже знаком с мнением Молотова о том, что Бухарин вполне мог быть причастным к планам убийства Ленина во время левоэсеровского мятежа. Однако, скорее всего, Молотов имел в виду не только эту коллизию…

В ходе следствия после ареста в 1937 году Бухарин признавал факт „консультаций“ с левыми эсерами перед их выступлением 6 июля 1918 года, но категорически отрицал планы убийства Ленина. Мол, „об аресте разговор был, но не о физическом уничтожении“[1527].

Со стороны Бухарина это была, конечно же, отчаянная попытка сохранить хотя бы тень облика политика, а не отвратительного политикана. Что там говорить! Если бы левоэсеровская + „лево-коммунистическая“ авантюра удалась (удалась в том смысле, что Ленина арестовали бы), то Ленин был бы не просто обречён, он был бы ***немедленно*** расстрелян. Только это могло гарантировать мятежу хоть какие-то шансы на успешное развитие.

Бухарин не мог не понимать этого тогда – в реальном масштабе времени, и, тем более, не мог не понимать этого после ареста. Но он не мог не гнать – даже сам от себя, ту страшную мысль, что он ***действительно злоумышлял*** на Ленина.

На Ленина!!!

А он злоумышлял – уже тогда. И это означало, что ***в своей душе*** уже в июле 1918 года Бухарин Ленина убил!

Так почему бы ему этого было не сделать – уже не в душе, а в действительности, в январе 1924 года?

В Нагорной проповеди Иисуса Христа есть глубокая мысль: „Вы слышали, что сказано древним: „не прелюбодействуй“. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём“ (Матф., гл. 5, ст. 27–28).

Вот так и Бухарин „в сердце своём“ уже в 1918 году поднял руку с кинжалом на Ильича и предательски вонзил ему этот кинжал в спину.

А там, как нередко писал Ленин: „Первая рюмка колом, вторая соколом, прочие – мелкими пташечками“. У этой присказки, к слову, есть и ещё один вариант: „Первая чарка колом, вторая соколом, *а третью и сам позовёшь*…“ Или, как говорят в народе: „Коготок увяз, всей птичке пропасть“.

В психологическом отношении Бухарин был человеком нестойким, поддающимся соблазнам, это хорошо проявилось даже в личной жизни, в его трёх только официальных браках на каждый раз молодых женщинах – Надежде Лукиной, Эсфири Гурвич и совсем уж юной Анне Лариной-Лурье.

Был он нестоек и в политике, поддаваясь как химерам собственного мозга, так и внешним влияниям. Недаром тот же Ленин, сказав в „Письме к съезду“ о Бухарине как „любимце партии“, далее продолжал: „…но его теоретические воззрения очень с большим сомнением

могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нём есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)…“

Воля ваша, но темна, темна вода во облацех…

Вряд ли будет когда-либо прояснён и следующий тёмный период в жизни Бухарина… Уроженец Москвы, сын учителя и затем – податного инспектора в Кишинёве, он пришёл в революцию в 1905 году 18-летним студентом экономического отделения юридического факультета Московского университета и был исключён из него в 1911 году – накануне окончания, по причине высылки в Онегу. В том же году он эмигрировал и вошёл в круг сотрудников Ленина. Как и Ленин, Бухарин с началом Первой мировой войны был арестован в Австрии по подозрению в шпионаже и выслан в Швейцарию.

Казалось бы – продолжай быть с Лениным, однако Бухарин уезжает сначала в Лондон, затем – в Стокгольм, откуда его в апреле 1916 года высылают, и он перебирается в Данию, а с октября 1916 года – в США, к… Троцкому! Как уже было сказано, вместе с последним Бухарин редактирует в Нью-Йорке меньшевистский журнальчик „Новый мир“ („Novi mir“).

В мае 1917 года Николай Иванович возвращается через Японию в Россию, на VI съезде РСДРП(б) избирается членом ЦК, с 1918 года он – главный редактор „Правды“…

Но говорить о нём, как о ленинце не приходится – один факт подрыва позиции Ленина в вопросе о Брестском мире вполне показателен. При этом Бухарин и упорен, и бесхребетен одновременно – бывают такие натуры, и они очень опасны, поскольку склонны к ***скрытому*** политическому бешенству.

Вот что такое был в действительности Николай Бухарин.

Фактически, он никогда и не был большевиком, потому что: а) был путаником в теории; б) не обладал стойкостью по отношению к соблазнам житейским; в) не обладал стойкостью по отношению к соблазнам политическим; г) обладал способностью к интриге и предательству.

Если и был кто-то, о ком можно сказать, что с ним Ленин стремительно и без колебаний сближался после Октября 1917 года, больше, чем это было до 1917 года, то это были Сталин и ещё – Дзержинский. Ленин в ходе гражданской войны хорошо узнал цену Сталину и затем ценил его всё более и более…

Не думаю, что Бухарина всё это радовало. И если бы в начале 20-х годов его поставили перед жёстким выбором: живой Ленин или живой Троцкий, выбрал бы Николай Иванович не первого, а второго.

А уж при выборе между Сталиным и Троцким – не на заседании Политбюро, а „в сердце своём“, и вовсе не приходилось сомневаться, кого выберет в начале 20-х годов краснобай Бухарин – златоуста Троцкого или глуховато говорящего Сталина.

Ленин же однозначно выбирал Сталина!

Иными словами, Бухарина вряд ли страшила с начала 20-х годов мысль о желательности „отстранения“ Ленина при удобном случае. И не один Бухарин среди „старых большевиков“ умышлял – по мере становления советской государственности – на Ленина… Вначале – „в сердце своём“, а уж потом – и в строго конфиденциальных осторожных разговорах с возможными единомышленниками… Соблазн был велик, а Николай Иванович поддавался соблазнам, и люди, хорошо его знавшие, знали ***это*** хорошо.

Не Бухарин в первую голову взвешивал возможность „отстранения“ Ленина… В первую голову на сей счёт не мог не ломать голову тот, кому это „отстранение“ было особенно на руку в целях прочного положения в высшем руководстве СССР, то есть – Троцкий…

Плюс – Зиновьев и Каменев.

Плюс – доверенные лица из окружения этой троицы, которые могли желать „отстранения“ Ленина ещё больше самих „патронов“.

Что же до конкретных возможных исполнителей, то вокруг Ленина в разные периоды его болезни было порой столько нужных и ненужных людей, что…

Одних профессоров-немцев, начиная с Фёрстера, хватало: кроме Фёрстера ещё и Штрюмпелль, Минковски, Нонне, Бумке… Это, впрочем, – наезжавшие „варяги“, однако хватало и отечественных „светил“… Только в последнем консилиуме, который состоялся 15 января 1924 года, и который нашёл состояние Ленина удовлетворительным, приняли участие О. Фёрстер, В. П. Осипов, В. В. Крамер, Д. В. Фельдберг, Ф. А. Гетье, В. А. Обух… Плюс – „просто“ врачи – например, П. И. Елистратов, который как-то не очень понятно проходит в сюжете болезни Владимира Ильича.

Однако особый интерес представляют две фигуры…

Имея в виду первую, приведу два извлечения из небольшой, но ёмкой работы крупного учёного-марксиста Р. И. Косолапова „Сталин и Ленин“ (М., ЗАО „Газета Правда“. 2000 г., с. 40–41):

1) „Троцкий туманно объясняет мотивы своего отсутствия в Москве в момент кончины Ленина. Зная всё о состоянии Ленина ***от их общего лечащего врача Гетье*** (жирный курсив мой. – *С.К.*), …он за три дня до рокового исхода удалился врачевать некую инфекцию на юг. Зачем понадобилось это странное „алиби“, до сих пор остаётся загадкой“.

Итак: профессор Гетье…

За три дня до рокового исхода ничего тревожного – для того, кто желал Ленину выздоровления – Гетье сообщить не мог. Но вот для того, кто желал Ленину смерти, Гетье мог сообщить действительно немало тревожного, ибо – на взгляд как врачей, так и всех в окружении Ленина, – Владимир Ильич в очередной раз шёл на поправку!

Не позднее 4 января 1924 года Крупская писала старой знакомой – и своей и Ленина – А. М. Калмыковой, что больной *„почти поправился, физически чувствует себя неплохо, внимательно следит за газетами и вновь выходящей литературой, нашей и белогвардейской, но работать ещё не может*“[1528].

То есть, с одной стороны, отъезд Троцкого на лечение можно объяснить тем, что он был за Ленина спокоен. Однако слово „алиби“ Р. И. Косолапов употребил уместно…

Далее он пишет:

2) „Гетье дважды посетил Троцкого в последние сутки накануне его отбытия из Москвы. Содержание их бесед с глазу на глаз, естественно, неизвестно. А вот другая, откровенно тенденциозная версия Ф. Д. Волкова: „Орудием для приведения своих преступных замыслов, – утверждал он, – Сталин и Ягода (они ли? – *Р.К.*) избрали одного из лечащих врачей В. И. Ленина Фёдора Александровича Гетье, в то время занимавшего пост главного врача Боткинской больницы. Гетье был личным врачом семьи В. И. Ленина (и Троцкого. – *Р.К.*), и Владимир Ильич вполне доверял ему“ (Взлёт и падение Сталина. М., 1992. С. 66). Возможно, Волков и не ошибается, называя Гетье, но он вряд ли точен в остальном“.

Профессор Косолапов с его врождённой интеллигентностью, страстью к точности и склонностью к тонкой иронии пишет: „они ли?“, „вряд ли точен…“, однако это не значит, что Ричард Иванович хотя бы на мгновение предполагал, что к смерти Ленина причастен Сталин… Намёки Р. И. Косолапова относятся, конечно, к Троцкому.

Что же до Фёдора Волкова – бывшего „политбойца ЦК“, то его книга о Сталине – не более чем злобный пасквиль. Любопытно, однако, то, что Волков, во-первых, прямо говорит об отравлении Ленина, а во-вторых указывает как на технического исполнителя на профессора Гетье, который как мы знаем, о чём-то шушукался с Троцким.

Подчеркну ещё раз: это сегодня – когда мы знаем, что Ленин умер 21 января 1924 года, и что вскрытие выявило артериосклероз, – легко говорить о том, что жить Ленину оставалось недолго.

А тогда, даже за три дня до смерти Ленина не только Троцкий, но и Гетье были уверены в том, что Ленин скоро вернётся в строй. А это было для Троцкого недопустимо!

Ниже будут приведены и дополнительные данные, показывающие, что от очень возможной политической смерти от руки выздоровевшего Ленина Троцкого могла спасти в 1924 году лишь физическая смерть Ленина от руки Троцкого, а точнее – от рук агентов Троцкого.

Потому то троцкисты типа Исаака Дойчера и нео-троцкисты типа Фёдора Волкова и пытаются замарать Сталина подозрениями или обвинениями в отравлении Ленина, что все объективные данные указывают на Троцкого и, напомню, Бухарина, о котором тоже кое-что ниже будет сказано дополнительно…

Однако есть и ещё одна занятная фигура – доктор Левин, тоже лечащий врач Ленина…

Уроженец Одессы, доктор Левин Лев Григорьевич был ровесником Ленина – тоже родился в 1870 году. Учился, стал врачом, в 1896-97 годах работал в клиниках Парижа и Берлина, потом вернулся в Россию.

В 1919 году Левина мобилизовали в Красную Армию, и он попал в поле зрения окружения Троцкого. С 1920 года Левин начал работать в Лечебно-санитарном управлении Кремля, в Кремлёвской больнице… Работал по совместительству в санитарной части ОГПУ-НКВД СССР, был лечащим врачом Дзержинского, неожиданно скончавшегося 20 июля 1926 года при странных обстоятельствах…

Левин был также лечащим врачом Председателя ОГПУ Рудольфа Менжинского, НКВД Генриха Ягоды… А в 1937 году он был арестован по обвинению в убийстве путём медленного отравления Максима Пешкова, Максима Горького, Рудольфа Менжинского и Валериана Куйбышева.

В марте 1938 года на процессе по делу антисоветского право-троцкистского блока Левин вместе с Бухариным, Ягодой, Рыковым и другими был приговорён к расстрелу[1529].

Экономя место, просто отмечу, что обвинения против доктора Левина были не высосаны из пальца – он был виновен в том, в чём его обвинили. И с учётом такой биографии доктора Левина **в 30-е годы** есть все резоны не упускать из виду его фигуру при анализе версии об отравлении Ленина – медленном или быстром, **в 20-е годы** – по заказу и приказу Троцкого.

А теперь – несколько слов ещё и о Зиновьеве с Каменевым…

В „Письме к съезду“ Ленина есть один почти необъяснимый кусок, а именно: *„Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно же, не является случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому*“.

Как это надо понимать? „Октябрьский эпизод“ Зиновьева и Каменева – это их печатное заявление о несогласии с решением ЦК начать вооруженное восстание, опубликованное в либеральной газете в октябре 1917 года. Зиновьев и Каменев тем самым фактически выдали планы ЦК, совершили предательство. Ленин требовал исключить их из партии. Это понятно…

Но почему этот эпизод нельзя поставить ***лично*** в вину двум ***вполне взрослым*** людям, находящимся в ясном уме и здравой памяти? Как и некие личные политические взгляды – третьему человеку?

Объяснить, что имел в виду Ленин вряд ли возможно, если не знать, что лишь две организованные силы издавна не только разрешают своим членам находиться в любых партиях – вплоть до антагонистических, но и в ряде случаев предписывают им это. Однако неукоснительно требуют исходить, в конечном счете, не из партийных, а надпартийных соображений и интересов, а точнее – из интересов той главной надпартийной организации, в которой состоят члены порой даже враждующих между собой партий.

Эти две организации – орден иезуитов, и масонство. Не кукольное, театральное масонство, выставляемое напоказ, а то масонство, в ложах которого уже века назад состояли, как состоят они и сейчас, монархи, президенты, премьеры, министры, олигархи, различные партийные лидеры и т. д.

Конечно, говорят о „надпартийности“ сами масоны. В действительности мы имеем дело с особо привилегированными и политически активными клубами элиты, с партией элиты… Эти клубы вербуют своих эмиссаров из всех лагерей, и не на масонскую ли ипостась Троцкого, Зиновьева и Каменева намекал Ленин?

Что ж, очень может быть….

Можно, конечно, спросить – а почему Ленин лишь намекал, а не рубил правду-матку с плеча? Ну, во-первых, для прямого обвинения надо иметь веские доказательства, а их у Ленина, конечно же, не было и быть не могло.

Главное же, Ленин не мог не понимать, что если бы он свои подозрения высказал вполне определённо, то – с учётом его болезненного состояния в момент диктовки письма – Зиновьев, Каменев и их сторонники, лицемерно вздохнув, сказали бы: „Сбрендил Владимир Ильич…“

И крыть было бы нечем!

Впрочем, может быть Ленин, говоря об этой троице, имел в виду и не „масонский“ след, а те социальные и политические черты судьбы Троцкого, Зиновьева и Каменева, которые определяли их „небольшевизм“ как противоположность большевизма, понимаемого Лениным как абсолютная идейная непоколебимость при умении и готовности идти на компромисс, не поступаясь ни на йоту политической принципиальностью.

Ленин писал о взбесившемся мелком буржуа, колеблющемся от крайней революционности к крайней контрреволюционности, и, как показало будущее, эта его характеристика была вполне применима к троице „Троцкий – Зиновьев – Каменев“. Бухарин же мог быть к этой „тройке“ „пристяжным“ – он на эту роль очень психологически подходил.

При жизни Ленина его „Письмо“ обнародовано не было даже в самом узком кругу. Однако, очень может быть, что, невзирая на крайнюю конфиденциальность диктовки, содержание её через одного из ленинских секретарей стало известно кому-то из „троицы“… И такая осведомлённость могла лишь дополнительно стимулировать желание политически отстранить Сталина путём физического „отстранения“ Ленина.

У Сталина были скромные житейские запросы, чего о других высших вождях сказать было нельзя. При этом к Сталину Ленин в надиктованном им „Письме к съезду“ ***политических*** претензий не предъявлял.

Зато ***политически*** убийственная оценка „троицы“ Лениным могла сама по себе поставить крест на них, как на политиках. А к середине 20-х годов быть в России крупным политиком-коммунистом означало не столько синяки и шишки, сколько – ***при желании***, пироги и пышки…

Ленин однажды в сердцах сказал что-то вроде: „Ох уж, эти старые большевики!“

Да уж…

В угаре поздней перестройки смешалось в одно многое… И хотя „идеологические бойцы ЦК КПСС“ из числа элитарной полит-профессуры уже готовились сменить красные ленточки на „триколор“, клеветали они на Сталина и фальсифицировали эпоху Сталина ещё с позиций не антикоммунистических, а с позиций „социализма с человеческим лицом“… Скажем, в академическом журнале „Новая и новейшая история“, в № 4 за 1989 год, доктор наук Н. А. Васецкий опубликовал политический портрет Григория Зиновьева, а в предыдущем 3-м номере он же дал политический портрет Льва Троцкого…

Оба портрета были выдержаны ещё не в апологетической по отношению к портретируемым, но – во вполне антисталинской манере. Зиновьев, мол, невинная жертва безжалостного тирана-

интригана, да и Троцкий, хотя „противоречив“, сделал для России немало хорошего, и т. д.

Ничего особо примечательного их этих двух „академических“ статей привести не могу, но в конце статьи о Зиновьеве автор, думая, что он его обеляет, фактически, дал ему убийственную оценку (жирный курсив мой):

„На скамье подсудимых в Доме Союзов (на процессе по делу „Антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского блока“ в августе 1936 г. – *С.К.*) сидел уже не живой человек, а тень того Зиновьева, который был известен партии… Трудно было признать в одночасье постаревшем, с одутловатым лицом Зиновьеве молодцеватого председателя Петроградского Совета, в первые послеоктябрьские годы ***звонким тенором звавшего*** питерских рабочих на ратный и трудовой подвиг. Не было ничего общего у этого Зиновьева и с автором ***докладов и речей*** на пяти конгрессах Коминтерна, десятках пленумов его Исполкома…“[1530]

„Звавший“ „звонкий тенор“ Зиновьева был не более чем качеством агитатора, умеющего лишь „призывать“ с трибун, а не деловым образом, за ***рабочим*** столом, повседневно и практически руководить множеством конкретных и разнообразных дел социалистического строительства.

Ленин и Сталин умели делать именно последнее… И Андрей Вознесенский в поэме о Ленине „Лонжюмо“ сказал верно: „Векам остаются – кому как достанется: штаны от одних, от других – государства…“

От Ленина и Сталина осталась держава, созданная Лениным и развитая Сталиным.

А от Троцкого, Зиновьева остались лишь „звонкие“ десятки и сотни речей… Выдающихся конкретных ***личных*** свершений ни за тем, ни за тем после Октября 1917 года история не зафиксировала.

Давно создан миф о „старой ленинской гвардии“, „уничтоженной“ Сталиным. Однако напомню, как сам Ленин в сердцах оценивал собственных дореволюционных соратников в 1913 году:

„Люди большей частью (99 % из буржуазии, 98 % из ликвидаторов, около 60–70 % из большевиков) не умеют думать, а только заучивают ***слова****. Заучили слово „подполье“. Твёрдо. Повторить могут. Наизусть знают. А как надо изменить его формы в новой обстановке, как для этого надо* ***заново*** *учиться, этого мы не понимаем…*“[1531]

Это ведь сказано – пусть и в доверительном письме, не о большевиках вообще, а о тех большевиках, которых Ленин знал ***лично*** и мог составить о них ***личное*** суждение. А это ведь, как раз и были те, кого позднее стали называть (да и они сами себя так называли) „старой ленинской гвардией“! И, фактически, по оценке самого Ленина до 60 процентов этой „гвардии“ не очень хотели и не очень умели переходить от революционной борьбы 10-х и начала 20-х годов к государственной работе с середины 20-х годов…

Ну, пусть и не шестьдесят процентов. Но далеко не все из „гвардейцев“ с действительно солидным дореволюционным партийным и подпольным стажем стремились учиться заново – в зрелых-то уже годах, да уже и при власти! Но зато ***все не стремившиеся*** помнили, что Ильич не божественного происхождения. А раз так, раз „не боги горшки обжигают“, то мы-де и без Ильича их можем теперь обжигать, и не хуже…

Тем более, что и вождь богатый на острое слово имеется – товарищ Троцкий! Или там – товарищи Зиновьев и Каменев…

Так, конечно, мыслили немногие – вряд ли более 2–3 % от тех „не умеющих думать“ 60 %, о которых писал Ленин в 1913 году. Но ведь предателей всегда требуется немного, если они хорошо маскируются!

К тому же в антисталинских (они же – уже и антиленинские) кругах всё более развивались групповщина и чувство клана… Вдова Бухарина – Ларина-Бухарина, в своей книге

воспоминаний неосторожно приводит фразу из открытки, присланной Рыковым Бухарину в закрытом конверте из Москвы в Гурзуф летом 1930 года:

„*Приезжай здоровый, мы* (Рыков и Томский. – *С.К*) *вели себя на съезде* (XVI съезде РКП. – *С.К.*) *по отношению к тебе достойно. Знай, что я люблю тебя так, как не смогла бы любить даже влюблённая в тебя женщина. Твой Алексей*“[1532].

Ни Бухарин, ни Рыков в гомосексуальных наклонностях замечены не были, но тональность фразы такова, что нормального человека от неё подташнивает.

Для полноты же той политической и психологической картины, на которой разворачивался последний акт жизни Ленина, надо хотя бы кратко рассказать о XIII партийной конференции, которая началась 16 января 1924 года и закончилась 18 января – за три дня до смерти Ленина.

Внутрипартийная ситуация сложилась тогда своеобразная. В Германии общими усилиями готовилась новая революция, однако она потерпела поражение, так и не развернувшись. Это усилило позиции тех, кто тянул „вправо“…

Летом 1923 года оппозиционные члены ЦК устроили ряд так называемых „пещерных“ совещаний – во время отдыха под Кисловодском в горных пещерах. Обсуждались якобы вопросы оптимизации руководства, а на деле – ослабления Сталина и усиления Троцкого.

В конце 1923 года, пользуясь тем, что Ленин был давно и полностью выведен из политической борьбы, Троцкий попытался стать первой фигурой партии. В начале октября 1923 года он направил в ЦК письмо – фактически антисталинское. Вскоре в ЦК поступило и „заявление 46-ти“, подписанное публикой с бору по сосенке. Среди подписантов были и троцкисты Преображенский, Серебряков, И. Смирнов, Пятаков, Косиор, и „децисты“ (группа „демократического централизма“) Осинский, Сапронов, В. Смирнов, и „левые коммунисты“, и остатки „рабочей оппозиции“, и просто недовольные…

На объединённом пленуме ЦК – это после него Крупская уговаривала Зиновьева отнестись к Троцкому „по-товарищески“, Троцкого потрепали сильно, однако в партии началась (точнее – была спровоцирована оппозицией) дискуссия. Формально всё крутилось вокруг вопросов „внутрипартийной демократии“ и „засилья“ партийного аппарата, а на деле – вообще против курса на строительство социализма в России.

Причём в РКП(б) образовалась весьма массовая база для этой антисталинской (по сути – и антиленинской) возни. К моменту дискуссии в рабочих ячейках состояло менее одной шестой (!) части всего количества членов партии!

Например, на московской фабрике Гужон на 2 500 рабочих приходилось 78 партийцев, на Путиловском заводе соответственно – 5 200 и 198; на Обуховском – 3 600 и 129; на Балтийском судостроительном – 3 250 и 174; на Златоустинском заводе – 4 250 и 66; на Луганском паровозостроительном – 3 300 и 148…[1533]

Знакомство с этими цифрами может ошеломить – хороша пролетарская партия, где из шести членов партии – лишь один рабочий. Однако не всё было так грустно – партийные организации на предприятиях „обрастали“ сочувствующими, беспартийными активистами, и это сильно меняло общее соотношение сил, что показало уже ближайшее будущее.

К тому же речь шла выше о так называемых „коммунистах от станка“, которых, как докладывал Сталин XIII съезду партии, к 1 декабря 1923 года было в РКП(б) действительно 17 %.

В целом же социальный состав партии в конце 1923 года по данным того же организационного отчёта Сталина XIII съезду был следующим: рабочих 44,9 %; крестьян – 25,7 %; служащих и прочих – 29 % с лишком…

Забегая немного вперёд, сообщу, что „ленинский призыв“ обеспечил наличие в РКП(б) 55,4 % рабочих, при 35,3 % коммунистов „от станка“…

По партийному стажу члены партии распределялись так: вступивших до 1905 года – 0,6 %;

вступивших в 1905–1916 годах – 2 %; в 1917 году – 9 %; в 1918 году – 15,7 %; в 1920 году – 30,4 %; в 1921 году – 10,1 %, в 1922 году – 3,2 % и в 1923 году – 2,3 %. Это – без учёта „ленинского призыва“, что объясняет сумму меньше 100 %.

Неизбежная для динамичных времён „пестрота“ партийной статистики определяла, всё же, боевой и политически адекватный настрой партийной массы. В тоже время эта „пестрота“ позволяла троцкистам поднять некую бурю, пусть и – „в стакане воды“…

Суть „наката“ Троцкого на Сталина можно выразить двумя популярными тогда лозунгами Троцкого: „Партия должна подчинить себе свой аппарат“ и „Молодёжь – вернейший барометр партии“…

Особенно последний лозунг для сильной политической партии в любом случае – глупость, а для тогдашней РКП(б), политический костяк которой на уровне ЦК состоял на 96 % из „подпольщиков“, вступивших в партию до Февраля 1917 года, такой лозунг был и вовсе провокацией.

Для сравнения приведу мнение Ленина, высказанное им в 1916 году в заметке „Интернационал молодёжи“ – о журнале Международного союза социалистических организаций молодёжи под таким же названием. Ленин, как будто предугадывая в 1916 году все ходы Троцкого 1923 года, предупреждал:

„Нередко бывает, что представители поколения пожилых и старых *не умеют* подойти, как следует к молодёжи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму *иначе, не тем* путём, *не в той форме, не в такой* обстановке, как её отцы. Поэтому, между прочим, *за организационную самостоятельность* союза молодёжи мы должны стоять безусловно, …но и за полную свободу товарищеской критики их ошибок! Льстить молодёжи мы не должны“[1534].

Здесь сразу видно, что ленинизм отличался от троцкизма, кроме прочего, тем, что Ленин всегда ставил вопрос принципиально, а Троцкий – всегда конъюнктурно!

Таким был фон начавшейся в середине января 1924 года XIII партийной конференции… В ходе подготовки к ней – дискуссия, так дискуссия! – в течение декабря 1923 года и первой половины января 1924 года высказалось подавляющее большинство партии, причём все пролетарские центры: Петроград, Харьков, Урал, Донбасс, Тула, Баку, Иваново-Вознесенск, Екатеринослав единодушно поддержали ЦК.

Москва была менее единодушна, но тут наблюдалась вполне характерная картина. Из 413 рабочих ячеек Москвы за ЦК высказалось 346, за оппозицию – 67. За ЦК в этих ячейках голосовало 9 843 человека, против – 2 223. Иная картина была в вузовских ячейках. Из 72 вузовских ячеек за ЦК высказалось 32 (2 790 чел.), за оппозицию – 40 ячеек (6 594 чел.)[1535].

Есть интересные воспоминания Анастаса Микояна „В начале двадцатых“, где он ярко описывает атмосферу, создаваемую тогда троцкистами. В 1923 году Микоян работал в Ростове и в последних числах ноября приехал в Москву. В первый же день он отправился на собрание в Московский университет, где при шумном одобрении выступал известный нам Мдивани, освобождённый от руководящей работы в Грузии и отозванный в распоряжение ЦК.

Мдивани, оседлав трибуну, начал с вопроса: „Товарищи, как по-вашему, я здоровый человек или больной?“

„При этом он, – вспоминал Микоян, – согнул руки в локтях, как бы показывая мускулы, а он был крупный, упитанный кавказец лет под пятьдесят, с усиками, с небольшой бородкой, пышущий здоровьем. Присутствующие стали смеяться, так как сомнения в его здоровье не было. Он продолжал басистым голосом громко переспрашивать – здоров ли он?

Смех смешался с аплодисментами и выкриками: „Конечно, здоров!“

Тогда он вновь: „Я здоров, хочу работать, но ЦК не даёт мне работы. Вот какой у нас ЦК. Можно ли его терпеть?““

Он добился шума, аплодисментов и выкриков против ЦК…»[1536]

ЛЕНИН в это время в Горках постепенно набирал силы и восстанавливал форму, но о его возврате в политику ***пока*** не могло быть и речи. И в его отсутствие линию Ленина троцкисты пытались отменить, клянясь Лениным. Однако ничего из этого не получилось – XIII партийная конференция решительно поддержала ЦК и Сталина. Она также постановила:

«Увеличить во что бы то ни стало количественно пролетарское ядро партии и удельный вес его во всей политике партии. В течение ближайшего года необходима усиленная вербовка в члены партии рабочих от станка с тем, чтобы из числа коренных пролетариев привлечь в ряды РКП не менее чем 100 тыс. новых членов… В то же время на этот же период должен быть окончательно закрыт приём в партию для всех непролетарских элементов»[1537].

В заключительном слове на XIII конференции Сталин 18 января 1924 года сказал, как припечатал:

– Оппозиция взяла себе за правило превозносить товарища Ленина гениальнейшим из гениальных людей. Боюсь, что похвала эта неискренняя, и тут тоже кроется стратегическая хитрость: хотят шумом о гениальности товарища Ленина прикрыть свой отход от Ленина…

Сталин ясно заявил:

– Конечно, нам ли, ученикам товарища Ленина, не понимать, что товарищ Ленин гениальнейший из гениальных, и что такие люди рождаются только столетиями… Разве есть у кого-либо сомнение, что Ильич в сравнении со своими учениками выглядит Голиафом?

– Но позвольте спросить, – продолжал Сталин, – вас, Преображенский, почему вы с этим гениальнейшим человеком разошлись по вопросу о Брестском мире? Почему вы этого гениальнейшего человека покинули в трудную минуту и не послушались его? Где, в каком лагере вы тогда обретались?..

Сталин ставил вопросы в лоб, увернуться было невозможно:

– А Сапронов, который фальшиво, фарисейски расхваливает теперь товарища Ленина, тот самый Сапронов, который имел нахальство на одном из съездов обозвать товарища Ленина «невеждой» и «олигархом»! Почему он не поддержал гениального Ленина, скажем, на X съезде, почему он в трудные минуты неизменно оказывался в противоположном лагере, если он в самом деле думает, что товарищ Ленин является гениальным из гениальных?

Подытоживал же Сталин так:

– Если речь идёт о вожде парии, не о газетном вожде с кучей приветствий, а о настоящем вожде, то вождь у нас один – товарищ Ленин. Именно поэтому говорилось у нас не раз, что при настоящих условиях временного отсутствия товарища Ленина – нужно держать курс на коллегию…[1538]

Когда Сталин говорил это, до смерти Ленина оставалось три дня.

Что, если бы Ленин вдруг чудом в одночасье тогда выздоровел? Не означало ли бы это быструю политическую смерть зарвавшегося Троцкого? Реально же имелись надежды на выздоровление Ленина к осени 1924 года. И это тоже грозило Троцкому превращением в политический труп уже к концу 1924 года.

В свои последние дни Ленин 19 и 20 января знакомился с резолюциями XIII партконференции, которые ему читала Крупская.

Он слушал очень внимательно, задавая иногда вопросы.

А судьба отмеряла ему последние часы…

О том, что жизнь Ленина окончится 21 января 1924 года, не знал при жизни Ленина никто, за исключением, разве что, тех, кто на его жизнь злоумышлял. Но жизнь Владимира Ильича могла окончиться и на год раньше – по воле его самого. И вот как это могло быть…

Читатель не может не помнить о чете Лафаргов – Поле Лафарге и его жене Лауре, дочери

Маркса… Лафарги покончили самоубийством в 1911 году, поскольку уже не могли, по их мнению, быть полезными партии.

Поступок Лафаргов запал в душу Ленина глубоко, и когда он оказался в ситуации ещё более очевидной, он вспомнил о Лафаргах… Есть якобы запись Фотиевой от конца 1922 года о том, что Ленин якобы просил в том случае, если паралич перейдёт на речь, доставить ему цианистый калий «как меру гуманности и в подражание Лафаргам»… Обнародована эта запись была в 1991 году в горбачёвских «Известиях ЦК КПСС» (№ 6, с. 191), и могла быть поддельной.

Но могла быть и подлинной…. В архивах имеется рассекреченная также горбачёвцами записка Сталина в Политбюро от 21 марта 1923 года, где Сталин на официальном бланке секретаря ЦК сообщал о том, что по «архиконспиративной» просьбе разбитого параличом, но интеллектуально вполне адекватного, Ленина Крупская говорила со Сталиным насчёт передачи Ильичу порции цианистого калия…

«*…Я не счёл возможным ответить отказом,* – писал Сталин, – *заявив: „прошу В. Ильича успокоиться и верить в то, что когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование“. В. Ильич действительно успокоился.*

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чём довожу до сведения членов П. Бюро ЦК»[1539].

На записке есть подписи читавших её Зиновьева, Молотова, Бухарина, Каменева, Троцкого и Томского.

Несмотря на обнародование таких материалов в очень мутные времена нашей истории, верить им, пожалуй, можно. Ленин, как личность сильная, мог счесть поступок Лафаргов достойным подражания – пока он не свалился в фазу просто растительного дожития…

Но как личность сильная, Ленин, после колебаний, решил, что стоит ещё побороться. И уж это решение было окончательным.

Не упомянуть о, так сказать, «синдроме Лафаргов» нельзя хотя бы потому, что 13 октября 1939 года давно выдворенный из СССР Троцкий направил редактору журнала «Лайф» статью «Сверх-Борджиа в Кремле», где намекал, что Сталин отравил Ленина.

В «Лайфе» с гонораром в 2 000 долларов (сейчас это тысяч двадцать, если не больше) уже был опубликован очерк Троцкого о Сталине, а вот статью о насильственной смерти Ленина «Лайф» печатать не стал. Отказались от неё и «Сэтэди Ивнинг Пост», и «Колльерс». Лишь 10 августа 1940 года, за 10 дней до убийства Троцкого, статью опубликовало издание Херста «Либерти»…

Связывать акт против Троцкого с этой статьёй – как иногда делают, глупо. Решение о ликвидации Троцкого было принято намного раньше и объяснялось не «местью Сталина», а тем, что Троцкий всё более переходил на положение клиента спецслужб Запада, и в преддверии войны это было опасно для СССР.

Даже Луис Фишер в небольшом эссе «Правда ли, что Сталин отравил Ленина?», резонно задаётся вопросом – с чего это Троцкий хранил «тайну» до 1939 года, хотя «самым худшим обвинением могло быть обвинение в убийстве Ленина»? «В истории болезни Ленина за последний год его жизни, – заключает Фишер, – ничто не подтверждает сенсационного подозрения, будто Ленина отравил Сталин»[1540].

В истории болезни мы, конечно же, не найдём никаких подтверждений или опровержения версии об отравлении Ленина кем бы то ни было. А вот в политической истории СССР 1922–1924 года мы находим достаточно фактов, которые позволяют предполагать, что Ленина отравили Троцкий, или Троцкий и Бухарин при, возможно, содействии Зиновьева и Каменева…

На XIII конференции РКП(б) Троцкий потерпел поражение, при этом остальные названные

выше фигуранты тоже участвовали в его критике, на основании чего и говорят о «триумвирате „Сталин – Каменев – Зиновьев“ и т. д. Однако политически и человечески в живом и деятельном Ленине, вернувшемся в политику, нуждался из всех помянутых выше только и только Сталин. Для всех остальных смерть Ленина была бы желательным исходом.

Что же до технических исполнителей, то и тут возможные кандидатуры находятся, включая доктора Левина, профессора Гетье и…

И – Бухарина!

Дело в том, что различные данные о местопребывании Бухарина в момент смерти Ленина позволяют предполагать наличие четвёртого изменения: получается, что Бухарин был одновременно 21 января 1924 года и в Москве, и в Горках…

Объективно рассуждая, быть 21 января в Горках Бухарину было ни к чему – даже утром 21 января никто не мог предполагать, чем всё кончится к вечеру. И, судя по ряду свидетельств, Бухарин был в Москве. Лишь узнав о смерти, он якобы сорвался в Горки. Но к агонии Ленина Бухарин успеть не мог никак.

Однако прошло более десяти лет, „верный ленинец“ Николай Бухарин давно вошёл в конфликт с „тираном“ Сталиным, был накануне ареста. И вот 20 февраля 1937 года Бухарин направляет в секретариат ЦК записку в 100 страниц, а в сопроводительном письме пишет (жирный курсив мой):

„*Я разбит окончательно. Положение, в которое меня поставила клевета, есть положение невыносимое, я его терпеть не могу.*

***Клянусь последним вздохом Ильича, который умер на моих руках**, что все эти терроры, вредительства, блоки с троцкистами по отношению ко мне есть подлая клевета*…“[1541]

Присутствие Бухарина в Горках в момент смерти Ленина, а тем более – у постели умирающего Ленина, не отмечено нигде и никем, кроме…

Кроме, как видим, самого Бухарина!

Так был он в Горках и принял ли последний вздох Ленина?

Если был, то чего ради?

А если не был, то какова цена его клятвам?

Так или иначе, 21 января 1924 года гениальный мозг Ленина навсегда прекратил свою работу.

То, что это был мозг гения, установили, в частности, исследования супругов Оскара и Сесили Фогтов – крупных специалистов в области архитектоники, анатомии и физиологии мозга. Оскар Фогт в 1919 году основал и до 1930 года руководил берлинским Нейробиологическим институтом, затем возглавлял до 1937 года Институт кайзера Вильгельма по изучению мозга.

Учёный с мировым именем и убеждённый коммунист, Фогт много работал в СССР, изучая мозг Ленина… Фогт обнаружил в мозгу Ленина необычайно большие пирамидальные клетки, обуславливающие способность к ассоциации, и назвал Владимира Ильича „ассоциационным атлетом“…

Общий вывод доклада Фогта:

„…строение мозговой коры в целом обладает в мозгу Ленина отличиями от мозга людей со средним уровнем и указывающими на принадлежность мозга Ленина к высшему типу строения. Одарённость Ленина отнюдь не была односторонней. Многогранность его гения подтвердилась и при микроскопических исследованиях его мозга…“[1542]

Впрочем, что нового сообщил нам доклад эксперта – пусть и с мировым именем? Многогранность ленинского гения подтверждали его дела, его работы, его государственная деятельность и страна, основу которой он заложил.

Но Ленин умер.

И народ скорбел…

Под Винницей ещё нетронутыми лежали глыбы чёрного и красного гранита, блоки из которых пойдут в 1929 году на сооружение постоянного Мавзолея Ленина взамен временного деревянного.

Ленина хоронили, тёк людской поток, оркестры играли траурные мелодии… Сталин дал над гробом волнующую клятву…

Однако жизнь остановиться не могла, и 23 мая 1924 года в Москве открылся XIII съезд партии. 748 делегатов с решающим голосом и 416 с совещательным, представляли 735 881 члена партии; из них – 241 591 ленинского призыва.

За четыре месяца до съезда XIII партконференция поставила задачу привлечения в партию не менее 100 000 новых членов – рабочих „от станка“. Смерть Ленина дала РКП(б) пополнение в два с лишним раза большее! И это был первый вклад в дело партии уже не живого Ленина, а бессмертного Ленина!

Троцкий не был на похоронах – он уехал накануне смерти (убийства?) Ленина. Если бы Троцкий, узнав о смерти, очень поспешил с возвращением, он мог бы на похороны успеть. Троцкий не поспешил.

Потом, правда, объяснял всё тем, что его якобы дезинформировал о сроках похорон Сталин.

Что ж, не всех убийц тянет на место преступления…

Бухарин, как мы знаем, на похоронах рыдал. Но и это в криминалистике не новость – убийца, искренне рыдающий над своей жертвой.

В политическом отношении смерть Ленина меняла мало что – с марта 1923 года он уже не мог влиять на ход жизни непосредственно – словом, решением, речью, статьёй… И дела в партии, в стране, шли так, как они шли – без влияния на них Владимира Ильича.

Изменить складывающееся положение могло лишь новое политическое возрождение Ленина, то есть возобновление его политической жизни. Однако этот вариант был сорван то ли судьбой, то ли убийцами.

Тем не менее, и после физической смерти влияние Ленина на жизнь было, всё же, огромным.

О „ленинском призыве“ в четверть миллиона новых коммунистов уже сказано. Но имя Ленина то и дело возникало в речах и докладах как его настоящих учеников, так и „учеников“ притворных. При этом такие соратники Ленина как Сталин, Дзержинский, ссылались на Ленина, подкрепляя мыслью или аргументом Ленина свои собственные мысли и аргументы…

Троцкисты же и „правые“ напирали на славословия – на что и обращал внимание партии Сталин на XIII партийной конференции.

Главное же – мысли и мечты Ленина, уже очищенные от повседневности, приобретали новую мощь, проникая в толщу народной жизни… В написанном в 1924 году стихотворении „Стансы“ Сергея Есенина есть и такие строчки:

Я полон дум об индустрийной мощи,
Я слышу голос человечьих сил.
Довольно с нас
Небесных всех светил —
Нам на земле
Устроить это проще.

Я вижу всё

И ясно понимаю,
Что эра новая —
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит как ветр по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам…

Это было написано в октябре 1924 года, когда Ленин уже лежал в Мавзолее. И написано искренне – Есенин иначе никогда не писал.

Да, Ленина – как живого человека, уже не было. Однако его мысли и имя Ленина давали ход – „как мельничным крылам…“, таким мыслям, которые давали права в жизни планеты новой эре, творцом которой он стал.

Окидывая сейчас объективным взглядом эту эру, анализируя её факты и её статистику – экономическую, социальную, культурную, не перестаёшь удивляться тому, как в два неполных десятилетия, прошедших в мире и в России со дня смерти Ленина, страна, им замышленная, преобразила и себя, и мир.

А ведь ей то и дело мешали, и как мешали!

Мешали изнутри – „справа“ и „слева“, „верхи“ и „низы“…

Мешали извне – блокадой, экономическими и политическими диверсиями, мелкими и крупными агрессиями…

Однако новая Россия Ленина, окрепнув уже как Россия Сталина под знаменем Ленина, продолжала поражать мир и обретала захватывающие перспективы. Сказанное – не мнение, которое может быть у разных людей разным. Сказанное – многообразно подтверждаемый статистикой факт!

А факты – упрямая вещь!

После Гитлера наступил черёд атомной бомбы, „машины голосования“ ООН, „кольца“ военных и военно-воздушных баз США по всему периметру континентальных границ СССР…

Россия Ленина и Сталина ответила советскими бомбами типа „РДС“ с неофициальной расшифровкой этой аббревиатуры „Россия делает сама“, ответила Первым спутником Земли, полётом Гагарина, снимками обратной стороны Луны и первым в мире атомным ледоколом с гордым названием „Ленин“…

Глава 46. Глашатай нового мира

Ленин был и глашатаем, и творцом нового мира, и этот мир был в XX веке реальностью, но в сфере реальности не удержался. На тему, почему вышло так, написано и сказано в последние десятилетия много, а краткий ответ очевиден, хотя на эту очевидность многие всё ещё закрывают глаза. Тем не менее, сегодня ясно, что мировой Капитал усвоил и освоил идеи Маркса глубже, точнее и эффективнее, чем мировой Труд!

Поняв, что объединение Труда против Капитала в целях обретения Трудом *политической* власти означает быструю системную гибель Капитала с его привилегиями, мировой Капитал давно объединился сам, и сделал всё для того, чтобы изнутри разложить, а затем развалить оплот мирового Труда – Советскую Россию, созданную Лениным и развитую Сталиным…

И это Капиталу удалось через сеть агентов влияния в СССР и социалистических странах Европы. Ныне о социалистическом лагере, о Советском Союзе говорят с прибавлением слова «бывший»…

И что же делать дальше?

Назад к социализму – в его «хрущёвско-брежневско-горбачёвском» исполнении, Россия не пойдёт, но в том и нет нужды. Но если Россия не пойдёт вперёд – к новому социализму, то Россия рухнет.

А новый социализм – это такой социализм, который замышлял Ленин, и строил Сталин, то есть, это – общество, где личный достаток и общественное положение приобретаются не на фондовой бирже, а в честном труде на благо общества, и где власть ответственна перед народом.

Так ведь было уже в России – в РСФСР Ленина, в СССР Сталина, и в первые годы после Сталина…

Для того, чтобы в России не возникло нового – человечного, общества, Золотая Элита мира очень много потрудилась, начиная с 1917 года… Для этого были устроены гражданская война, интервенция, вторая Мировая война… Для этого был устроен и 1991 год… Ведь если бы его не было, то существование СССР исключало бы ту вакханалию либерастического общества, которой ныне намеренно оглупляют народы планеты…

Но и здесь не всё так просто…

Вот цитата:

«Американские политические лидеры, законодатели, верноподданные политологи, любят порассуждать об „американском веке“… Ничего оригинального здесь в общем-то нет. Имперская идеология с органически присущей ей жаждой грабежа, насилия, порабощения своего и чужого народов родилась века назад и уйдёт в небытие, станет достоянием историков лишь с исчезновением последнего эксплуататорского общества – капиталистического…

Отживающие идеи, взявшие верх в современной американской жизни и политике, ещё не скоро умрут естественной смертью, поскольку за ними стоит монополистическая буржуазия… Этот класс располагает огромным идеологическим аппаратом, ещё могущим держать в идейном рабстве миллионы людей. Глубоки корни и тяжёл груз идейных, политических и психологических предрассудков, которые буржуазия старается не только сохранить, но и закрепить в качестве выгодного ей образа мыслей и жизни…

Такова природа этого государства, пропитанного шовинизмом и мессианством… Маниакальный антисоветизм, враждебность к советскому народу, агрессивный милитаризм…

В том и состоит суть капиталистического строя, что его правящая олигархия ненасытна в стремлении к богатству и власти. Такова чудовищная природа общества, обращающего слёзы, страдания и кровь в золото…»

Это – очень точная и умная оценка. Принадлежит она члену горбачёвского Политбюро ЦК КПСС «Александру Н.» Яковлеву, а сделана ещё в 70-е годы. В 90-е же годы Яковлев стал одним из разрушителей СССР, и позднее признавался:

«После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды „идей“ позднего Ленина… Без устали говорили о гениальности „позднего“ Ленина (чтобы у всех в ушах звенело и в зубах завязло. – *С.К.*), о необходимости возврата к ленинскому „плану строительства социализма“, и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, … либерализмом и „нравственным социализмом“ – по революционаризму вообще».

Ничего не скажешь – откровенно.

Но и показательно: начиналось со стремления к демократии, а кончилось торжеством олигархии…

Как это похоже на тот путь, которым Григорий Алексинский прошёл от положения соратника Ленина к положению клеветника на Ленина и белоэмигранта. И примерно таким же «нравственным» путём шёл, например, генерал Дмитрий Волкогонов.

В 1983 году в книге «Психологическая война» он провозглашал:

«У „ниспровергателей“ одно духовное оружие – антикоммунизм. Каждый, кто хоть сколько-нибудь способен к беспристрастному рассуждению, видит, что общество, у которого политика, отношения, идейные концепции построены на классовой лжи, – больное общество. Именно поэтому в своём новом „крестовом походе“ против СССР… империалистические реакционные круги делают ставку и на психологическую войну, представляющую собой особый вид духовной агрессии против человеческого разума…»

Тогда, в 1983 году, свою книгу о психологической войне Волкогонов завершил словами Ленина: «Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий – именно наш идеал», а через неполный десяток лет после цитирования этих слов подключился к духовной агрессии против человеческого разума, против социализма, против Ленина…

Психологическая война – это серьёзно. Она порой бьёт по обществу эффективнее, чем просто «горячая» война… Возможно, читатель помнит, что в своём месте знакомился с ироничной оценкой лениноведом Владимиром Мельниченко «поднятой» до «научного» уровня побасёнкой о том, что «имелась версия», что Сталин-де «угрожал Крупской в случае её малейшего неповиновения объявить официальной женой Ленина Инессу Арманд»?

Эту побасёнку запустил в бульварный оборот бывший член Научного совета Центрального музея В. И. Ленина А. Латышев в августе 1992 года в бульварном приложении «Досье» к «жёлтой» от антисоветизма «Литературной газете».

Сообщая об этом, другой крупный лениновед Жорес Трофимов резонно замечал:

«Нелепость этой версии очевидна для каждого здравомыслящего человека хотя бы потому, что И. Арманд ушла из жизни в 1920 году, когда Сталин не мог ещё и помышлять о каком бы то ни было давлении на супругу Ильича… А. Латышев не говорит даже о том, когда она возникла, кто пустил её в обиход и, таким образом, оказался заурядным распространителем сплетни»[1543].

В. Мельниченко, и Ж. Трофимов – учёные-академисты, а в академической среде – в отличие от парламентской среды, непарламентские выражения не приняты. Поэтому, очевидно, Ж. Трофимов и назвал заурядного ренегата Латышева, ставшего наёмником врагов России в их психологической войне против России, всего лишь распространителем сплетни.

Но и Алексинский, и Яковлев, и Волкогонов, и Латышев – это уже прошлое. Что было сделано, то было сделано…

Важнее вопрос: «Что делать?»

На этот вопрос не так сложно ответить, если верно понимать Ленина, а ответом будет, конечно: «Осмыслить прошлое и идти к социализму – не назад, а вперёд!»

И сегодня нам важно понять, что свою советскую работу по созданию новой России Ленин начинал ведь не по своему произволу и не в одиночестве. Да, он создавал новый взгляд на жизнь общества, но он создавал новый взгляд, ***вполне ожидаемый*** здоровой частью общества…

Не будет преувеличением сказать, что новая Россия, существовавшая до поры, до времени, лишь в потенции, ждала Ленина с начала XX века!

Если не раньше…

При этом после Октября 1917 года Ленин влиял на Россию двояким образом: и как духовный творец нового мира, и как практический вождь всех здоровых сил России.

Обе эти его ипостаси хорошо выявились в двух речах на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию, который проходил в Москве с 6 по 19 мая 1919 года. Ленин выступал на нём с приветственной речью при открытии съезда и второй раз – в последний день работы съезда.

В приветственной речи он говорил:

– Едва ли найдётся такая область советской деятельности, как внешкольное образование и просвещение, где бы за полтора года были достигнуты столь громадные успехи. Несомненно, что в этой области работать нам и вам было легче, чем в других областях… Здесь было легче пойти навстречу той громадной потребности в знании, в свободном образовании, в свободном развитии, которая больше всего сказалась среди рабочих и крестьянских масс…[1544]

Вот чего – как земля дождя в засуху – ждала духовно здоровая Россия: общества массового знания и массового образования, которые одни могли перевести творческий ***потенциал*** народа в ***реальное*** социальное и экономическое ***творчество*** масс в интересах масс!

А давала это знание российской массе именно и только Советская власть Ленина, причём не просто создавала практические условия для внешкольного образования уже взрослых, но неграмотных или малограмотных людей, а провозглашала знание основным условием развития России…

Заканчивая же свою большую речь при закрытии съезда, Ленин заявил:

– Слово «диктатура пролетариата» – слово латинское, и всякий трудящийся человек, который его слышал, не понимал, что это такое, как это осуществляется в жизни. Теперь это слово переведено с латинского, теперь мы показали, что диктатура пролетариата есть Советская власть, та власть, когда организуются рабочие и говорят: «Наша организация выше всего; ни один нетрудящийся, ни один эксплуататор не имеют права участвовать в этой организации. Эта организация направлена к одной цели – к ниспровержению капитализма… Как бы трудно ни рождался новый порядок, какие бы тяжёлые испытания и даже поражения ни пали на долю отдельных Советских республик, никакая сила назад человечество не вернёт…[1545]

Исторически Ленин был прав тогда, прав и сейчас… Тем не менее, в августе 1991 года капитализму удалось повернуть исторический процесс вспять…

Причём, как ни прискорбно, капитализму удалось сделать это при содействии самих народных масс советского общества. Ведь, в конечном счёте, если бы не поддержка тех же шахтёров, одобрительно стучавших касками об асфальт площадей „за Горбачёва“, „за Ельцина“, никакие Горбачёвы и Ельцины уничтожить Советский Союз не смогли бы…

Ничем хорошим это для мира кончиться не может, однако не думаю, что капитализм доведёт мир до катастрофы – скорее на пороге катастрофы мир покончит с капитализмом.

Однако, в некотором смысле, покончить с капитализмом нельзя без того, чтобы не покончить с институтом „элит“, потому что гнусное слово „элитарный“ всё более становится

синонимом слов „фашиствующий“, „антиобщественный“, „человеконенавистнический“…

Имущая Золотая Элита – это пик „элит“, но Золотую Элиту наднациональных собственников подпирает ряд обслуживающих её нижестоящих „элит“ – политических, научных, „творческих“ и т. д.

И все эти „элиты“ ныне оказываются не просто реакционными – они уже губительны для будущего человечества.

Об опасности перерождения советской элиты под влиянием Запада предупреждал в конце 50-х годов эмигрант Александр Уайт в эссе „Русская политика самосохранения“… Перерождение потомства этой элиты в ядерной державе тревожило в 70-е годы даже антикоммуниста Джорджа Кеннана…

Но, может быть, дело, всё же, в системной ущербности социализма, не способного ставить во главе общества людей, искренне преданных идеалам того общества, в котором они живут? Может быть, не способен социализм воспроизводить „идеальных“ людей? Потому, может, и рухнул он под тяжестью непосильной, нерешаемой задачи – реально создать справедливое для всех общество? Не одинаково равное для всех, но для всех ***справедливое***, берущее от каждого по способностям, но дающее каждому по труду ***и только по труду***, а не по количеству имеющихся акций…

Ну, если бы даже социализм был системно несостоятелен (хотя это и не так, и мировой социализм всё ещё впереди!), то уж капитализм-то и подавно не способен продуцировать – как общественную массовую черту – справедливость, искренность, бескорыстие… И если кто-то из апологетов капитализма хочет быть честным (возможно ли, впрочем, это?), то обязан заявить: „Да, капитализму плевать на какие-то там „права человека“, потому что ему плевать на человека! Прав тот, у кого больше прав, а прав больше у того, у кого больше акций!“

Конечно, нынешний, точно названный либерастическим (удачный неологизм от „либерал“ + „педераст“), капитализм, так никогда не скажет, но это не означает, что дела обстоят иначе. Современный капитализм – это всё более аффектированная духовная гниль.

Социализм и в этом – антипод капитализма.

И силой идей Ленина новый мир уже был создан, и, например, молодые советские учёные и инженеры уже жили – психологически, в коммунистическом будущем. Это ведь их – своих сверстников, для которых „понедельник начинается в субботу“, описали в 60-е годы молодые братья Стругацкие, тогда ещё певцы, а не очернители коммунизма.

Но почему же элита социализма к началу 90-х годов прогнила ещё более, чем элита капитализма? Причём прогнила именно элита – народные массы СССР даже в 1991 году были ещё нравственно достаточно здоровы, хотя и задурены „элитой“… Почему же загнили „верхи“?

Что ж, кратко можно ответить так: „Потому что нравственно падать и разлагаться легче и проще, чем идти вверх и вверх – к высотам разума и духа“.

Однако не мешает остановиться на этом феномене и подробнее.

11 октября 1918 года Ленин опубликовал в „Правде“ большую статью „Пролетарская революция и ренегат Каутский“, которая была, собственно, развёрнутым анонсом брошюры под тем же заголовком. В конце ноября 1918 года брошюра была Лениным закончена и издана в России, а в 1919 году – также в Англии, Франции и Германии.

Брошюра Ленина была резким, возмущённым ответом на вышедшую в 1918 году в Германии антибольшевистскую брошюру Каутского „Диктатура пролетариата“…

Вождь II Интернационала Карл Каутский (1854–1938) прошёл тем же путём, что и советские ренегаты, с той лишь разницей, что и интеллектуальный калибр имел побольше, и одно время был искренним, хотя порой и путающимся, марксистом… А, приближаясь к шестому десятку лет, рассудил, что надёжнее разменять свой авторитет лидера германской и европейской

социал-демократии на обеспеченную капиталистическими „спонсорами“ старость…

Произошло это с Каутским году примерно в 1910-м или 1911-м… Еще в 1909 году Каутский опубликовал свою последнюю марксистскую работу „Путь к власти“, где писал:

„В обстановке всеобщей неустойчивости социал-демократия тем больше будет укрепляться, чем меньше она сама будет колебаться, чем вернее она будет самой себе… Чем непоколебимее, последовательнее, непримиримее будет социал-демократия, тем скорее она одолеет своих врагов…“

Это было сказано верно, но несколько общу, и далее Каутский выразился конкретнее, предметнее:

„Заботливые друзья опасаются, что социал-демократия может преждевременно прийти к государственной власти путём революции. Но для нас преждевременным приходом к государственной власти могло бы быть только приобретение видимости государственной власти до революции, т. е. до того, как пролетариат завоевал подлинную политическую власть. А пока это ещё не удалось, социал-демократия может добиться участия в государственной власти только в том случае, если ***продаст*** буржуазному правительству свою политическую силу. ***Пролетариат***, как класс, никогда ничего от этого не выиграет, выиграют в лучшем случае только ***парламентарии***, заключившие эту торговую сделку“[1546].

Сказано великолепно!

Сказано актуально, по сути – о ситуации сегодняшнего дня во всех буржуазных парламентах, включая российский!

Вот только почти сразу после написания „Пути к власти“ – уже накануне Первой мировой войны, Каутский начал именно что заключать с Капиталом торговые сделки… А после Октября 1917 года прямо заявил о себе, как о враге Октября и Ленина.

Почему Каутский так сделал?

Да потому, что решил продать буржуазии свою политическую силу.

И продал.

Возможно, на него повлиял „синдром Лафаргов“, отравившихся в 1911 году. Не захотелось чего-то подобного для себя, пожалел себя…

В брошюре „Пролетарская революция и ренегат Каутский“ Ленин задавался вопросом: „Как объяснить это чудовищное извращение марксизма начётчиком в марксизме Каутским?“, и сам же отвечал:

„Если говорить практически-политически, то дело сведётся к лакейству перед оппортунистами, т. е., в конце концов, перед буржуазией. С начала войны прогрессируя всё быстрее. Каутский дошёл до виртуозности в этом искусстве быть марксистом на словах, лакеем буржуазии на деле…“[1547]

Это ведь сказано не только о ренегате Каутском, но и о ренегате Яковлеве – в чистом виде! Пролетарский вождь Ленин был духовно хозяином своей судьбы, а ренегат Каутский, предавший пролетариат, стал духовным лакеем при чужих барских судьбах… Как и ренегат Яковлев – один из исполнителей элитарной контрреволюции 1991 года, совершённой в Москве по прямой разработке наднациональной мировой Элиты собственников.

Конечно, не все в советской элите пред-перестроечного образца были номерными агентами или агентами влияния, хотя их думаю, было намного больше, чем думают многие… Основную массу составляли, всё же, просто обожравшиеся привилегиями шкурники, сытые обыватели, не способные на мало-мальски человеческие движения души и тела, если эти движения были чреваты потерей кресла, „кормушки“, персонального оклада и т. д. Многие из них от развала СССР лишь потеряли – особенно генералитет, однако объединиться в критические дни не смог даже генералитет. И это при том, что любые, в том числе – насильственные, действия по

сохранению конституционного строя СССР были бы со стороны, например, Вооружённых Сил СССР не более чем исполнением присяги.

И сейчас вся нынешняя „элитарная“ шушера, изображающая из себя идейных ненавистников Ленина, на самом деле просто не желает терять тёплые места, ибо, не обмазав чёрной краской Ленина, не получишь прав „элитарного гражданства“ в „приличном обществе“…

В этом, надо сказать, старый мир оказался сильнее нового мира Ленина! А, впрочем, – не сильнее, конечно… Искренний мир Ленина пал жертвой ***подлости*** старого мира… Старый мир сумел совратить Советскую власть – не как социальный институт, а как аппарат управления.

Говорят, каждый народ достоин того правительства, которое имеет. Однако советский народ после смерти Сталина, имел правительство, которое всё менее было достойно того народа, которым управляло. И по ряду причин, ни одна из которых не имела системного характера, в СССР не было выработано эффективных государственных и общественных механизмов противодействия разложению и деградации общества.

Но тут есть один достаточно тонкий момент… В СССР не было и легальных государственных механизмов, ***содействующих*** деградации общества и поощряющих её. При этом нелегальные механизмы развращения советской элиты (то есть – разрушения государства и общества) работали в советском обществе всё более активно. В результате к 1991 году советское общество ***в целом*** было достаточно здоровым, а вот ***элита*** – почти вся больна.

В нынешней капитализируемой Российской Федерации всё обстоит наоборот: самим „государством“ созданы и поощряются ***механизмы деградации общества***, а с другой стороны государством же созданы и поощряются механизмы ***противодействия*** развитию здоровой, нормальной общественной жизни. Свободы слова, как возможности полноценного доведения до нации точки зрения, противоположной официальной, в РФ нет! В результате развращённая современная „россиянская“ „элита“ всё более развращает и народ.

Вернёмся, впрочем, к брошюре Ленина… „Пролетарская революция и ренегат Каутский“ – весьма большая работа, она занимает в 37-м томе ленинских трудов объём в 100 страниц, и очень многие её места всё ещё, увы, актуальны. Ну, например, Ленин очень точно анализирует демократию буржуазную и пролетарскую, и заявляет:

„„Чистая демократия“ есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идёт на смену феодализму, и пролетарскую демократию, идущую на смену буржуазной…

Буржуазная демократия…всегда остаётся…и не может не оставаться – узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для бедных…“[1548]

Это мы и наблюдаем везде, где есть буржуазная „демократия“, и особенно в РФ, где слово „демократ“ давно стало в народе ругательным

А как актуальна следующая мысль Ленина:

„За исключением разве совсем редких и особенных случаев, эксплуататоров нельзя уничтожить сразу (имеется в виду – уничтожить как класс, а не физически. – *С.К.*)… Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остаётся надежда на реставрацию… Свергнутые эксплуататоры… с удесятерённой энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого „рая“, за их семьи, которые жили так сладко и которые теперь „простонародная сволочь“ осуждает на разорение и нищету (или на „простой“ труд)…“[1549]

Это ведь – не только о гражданской войне 1918–1921 годов, не только о заговорах 20-х и 30-х годов против Советской власти… Это – и о подрывной работе Запада в СССР все годы Советской власти, это – и о будущем дне России, если её народы решатся восстановить Советскую власть. И не только, вообще-то, России, но и всего мира – если народы мира решатся

на мировой социализм.

Пока имущие являются имущими, они делают всё, чтобы оставаться имущими – оглупляют массы, совершают „цветные“ революции, ввергают миллиарды землян в нищету… Жадность имущих – отвратительна.

Но жадность *бывших* имущих, у которых народ отобрал их неправедно нажитые богатства и привилегии, эта жадность не только уродлива и отвратительна, но и страшна, и опасна бешеной слепой ненавистью к справедливости…

Сегодня ты из грязи, да в „князи“, да в збмок Грязи… А потом из збмка – опять к подённому „простому труду“?

Э-э, нет! Это – для простонародной сволочи…

Так и возникают гражданские войны – как следствие жадности элиты, отстранённой народом от „сладкого“ „рая“, полного долларовой „капусты“.

Искус материальным, вступающим в шкурный конфликт с идейным, выдерживают далеко не все. Примеров здесь можно привести множество, но остановлюсь на одном – давнем, поразительном и малоизвестном одновременно.

4 ноября 1880 года в Петропавловской крепости был повешен 27-летний член Исполнительного комитета партии „Народная воля“ Александр Квятковский. Томич, сын золотопромышленника-дворянина, он примкнул к революционерам студентом Петербургского технологического института – 21 года от роду. Ходил „в народ“ в Тульской, Костромской, Нижегородской, Воронежской губерниях, в Поволжье… Стал одним из организаторов партии „Земля и воля“, а после раскола партии на Липецком съезде вошёл в руководство „Народной воли“, сделавшей ставку на террор…

Вместе с Квятковским был повешен и 24-летний рабочий-слесарь Андрей Пресняков, тоже член Исполнительного комитета и организатор „Рабочей группы“ „Народной воли“.

А за незадолго до ареста у Александра Квятковского (он был арестован в ноябре 1879 года) родился сын, как и отец – Александр Александрович.

Казалось, сыну был один путь – в революцию, и так оно и вышло. Как и отец, сын в 21 год примкнул к социал-демократическому движению, был выслан из Петербурга в Кишинёв, занимался транспортами нелегальной литературы, был агитатором ЦК, членом Московского комитета, его кооптировали в ЦК и он, будучи арестован, поддерживал линию Ленина даже из тюрьмы. В 1905 году Ленин, борясь с Плехановым, извещал Международное социалистическое бюро, что в № 4 газеты „Пролетарий“ опубликовано заявление о солидарности с ЦК против Плеханова за подписями-псевдонимами: Ма, Бем, Владимир, Иннокентий, Андрей, Ворон… Ленин пояснял: „*Конфиденциально мы можем вам сообщить, что эти псевдонимы принадлежат арестованным членам ЦК*“ (ПСС, т. 47, с. 45)

„Андрей“ – это как раз Александр Квятковский.

И вдруг в 1907 году „Андрей“ от политической деятельности отходит, уйдя в частную жизнь. В 1917 году он работал в либеральном Всероссийском союзе городов, однако к Октябрю отнёсся лояльно, и с 1921 по 1925 год был председателем и директором-распорядителем общества „Аркос“ в Лондоне.

„Аркос“, а точнее „ARCOS“ – „All Russian Cooperative Society Limited“, по уставу был частным акционерным обществом, созданным для ведения торговых операций между Англией и Советской Россией с акционерами, в основном, из числа советских государственных организаций.

Через „Аркос“ и дочерние общества шла торговля хлебом, лесом, нефтью, пушниной, щетиной… Быть руководителем такого дела – значит, пользоваться большим доверием Советской власти, особенно с учётом того, что Квятковский так и не восстановил членство в РКП(б).

Увы, Квятковский вульгарно проворовался, запутался в махинациях, был отозван в Москву и арестован. Как директор „Аркос“ он был фигурой, во внешнем мире известной, и в мировой печати было много шума о его деле. Писали, даже, что его расстреляли…

Дело Квятковского – тёмное дело, начиная с вопроса – кто назначал его на такой важнейший пост? Но можно ли было предполагать, что сын так подло опозорит имя отца-героя?..

Увы, опозорил.

Как видим, кое у кого – не у всех, конечно, – жадность сильнее чести.

Увы…

На XI съезде РКП(б) в 1922 году Ленин высказал мысль, которая – приходится констатировать это уже в который раз – не устареет до тех пор, пока в мире не установится окончательно и бесповоротно мировой социализм. Ленин предупреждал и товарищей по партии, и потомков:

„История знает превращения всяких сортов: полагаться на убеждённость, преданность и прочие превосходные душевные качества – это вещь в политике совсем не серьёзная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо…“[1550]

Не делая выводов, предлагаю сделать их – по здравом размышлении – самому читателю.

Многое, многое понимал Ленин в жизни – как прошлой и текущей, так и будущей жизни человеческого общества… И, читая Ленина, его идеи нередко осваивали – с течением лет – не только народы, а и враги народов. Последние осваивали их, конечно, „от противного“ – не для того, чтобы проводить идеи Ленина в жизнь, а для того, чтобы не допускать их в жизнь или изгонять их из жизни, из разума и души народа…

Как сейчас ясно, враги народов осваивали и освоили труды Ленина пока что более вдумчиво, чем народы. Скажем, ленинское определение революционной ситуации… Нет сомнений в том, что эту формулу анализировали и адаптировали для своих целей все теоретики и практики „цветных“ революций.

Собственно, Ленин тоже был теоретиком и практиком „цветной“ революции – „красной“. Но лишь ленинский цвет революции – единственный подлинно революционный цвет.

Современный „философ“ Джин Шарп – доктор Оксфорда, директор Института Эйнштейна, стал известен как автор пособия по „цветным“ „революциям“, издевательски названного „От диктатуры к демократии“…

Якобы „ненасильственные“ методики Шарпа – да и Шарпа ли – стали руководством к насилию во многих странах. Сам Шарп – то ли высокоумный глупец, то ли умный провокатор, имеет вполне „интеллектуальный“ вид, и кое-кто сравнивает его с Лениным – мол, тоже теоретик революции…

Угу! Куда конь с копытом, туда и Шарп с клешнёй.

Шарпов для того и создают, и популяризируют, чтобы увести массовое мировое сознание от понимания того, о чём Ленин говорил сто лет назад:

„Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями *разыскивать* интересы тех или иных классов…“

А далее у Ленина написано:

„Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов

есть *только одно* средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут – и по своему общественному положению *должны* – составить силу, способную смести старое и создать новое…“[1551]

На первый взгляд, такое мог бы написать и Шарп: „…найти, организовать, составить силу…“ Ведь шарпы именно этим и заняты – в Ираке, в Ливии, Египте, Сирии, на Украине и в Российской Федерации…

Вот только Шарпы и подлинные „сценаристы“ „цветных“ „революций“ – ведь Шарп и его Институт Эйнштейна – не более чем ширма – не просвещают общественное сознание, а затемняют его… Они создают силы, призванные не смести старое – то есть, подлое, антигуманное, капиталистическое, а закрепить власть этого старого.

И люди до тех пор будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями и обещаниями Шарпов видеть классовый интерес класса имущих собственников.

Видеть так, как учил народы Ленин.

Еще до Октября 1917 года Ленин в уже известной читателю работе „Удержат ли большевики государственную власть“ писал:

„Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны с кадетами… Но мы отличаемся от этих граждан тем, что мы требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления… было начато немедленно…“[1552]

Последующая история Советской России блестяще подтвердила мысль Ленина… Если не бывшие кухарки, то уже их дети не просто сумели управлять государством, а создали абсолютно новый тип государства и общества – социалистического. И крестьянский сын Лаврентий Берия вырос в этом государстве до уровня лучшего менеджера XX века, умевшего управлять за счёт не „кнута и пряника“, как его в том облыжно обвиняют, а за счёт блестящего, развитого социализмом, управленческого таланта…

А как актуальна ленинская статья „Империализм и раскол социализма“! Написанная осенью 1916 года на злобу дня, эта статья поставила вопросы, на которые сложно ответить и сегодня, поскольку, когда она была опубликована, контуры идеи „золотого миллиарда“ лишь обрисовывались, а сейчас этот миллиард, состоящий из развращённых Элитой масс, стал фактом.

И, увы, весьма трудно устранимым из жизни мира фактом!

В своём обнажённом виде „золотой миллиард“ населения Земли – это ограда, защищающая Золотую Элиту от мировой „простонародной сволочи“ численностью в остальные миллиарды…

Причём, в системном смысле идея весьма стара. Так, Ленин в 1916 году в своей статье цитировал письмо Энгельса Марксу от 7 октября 1858 (!!) года, где говорилось:

„Английский пролетариат фактически всё более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело, в конце концов, до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат ***рядом*** с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно“…

Как видим, английские буржуа сделали нужные выводы из „Манифеста Коммунистической партии“, опубликованного впервые в Лондоне в 1848 году, уже через десять лет после его выхода в свет, и стали подкупать верхушку рабочего класса.

Прошла четверть века, и замысел английской элиты стал реальностью. И тот же Энгельс в письме Каутскому (!) от 12 сентября 1882 года (его тоже цитирует Ленин), как о данности

сообщает:

„Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и её монополией на внешнем рынке“.

Конечно, это относилось не ко всему английскому рабочему люду, но к очень немалой его части, которую как раз Энгельс и назвал „аристократией в рабочем классе“, и которую можно назвать, перебрасывая мостик в современность, первыми „золотыми миллионами“, положившими начало будущему „золотому миллиарду“ на глобализуемой планете.

Во времена Ленина тенденция, подмеченная Энгельсом, окончательно переросла в явление. Причём классовое соглашательство рабочих „верхов“ особенно отвратительно проявилось в том ненавидимом Лениным социал-шовинизме, без которого Первая мировая война была бы просто невозможна. Политика подкупленных рабочих „вождей“ и поддержка их „рабочей аристократией“ привела к тому, что миллионные массы простых людей по обе стороны фронтов, получив в руки штыки, обратили их не против буржуа всех стран, а друг против друга.

Пролетарии убивали пролетариев миллионами – во имя прибылей элиты. Кто-то увидел в этом факте крах марксизма, а ведь этот факт ярко подтверждает правоту марксизма! Просто больной вместо того, чтобы проглотить горькое спасительное лекарство, самым дурацким образом выплюнул его…

Маркс ли с Энгельсом, Ленин ли, были в том виноваты? В их распоряжении были крайне ограниченные средства пропаганды и просвещения масс, а в распоряжении их буржуазных оппонентов – вся мощь частнособственнического общества и его пропагандистского аппарата…

Не так это всё просто, товарищи!

В своей статье 1916 года о расколе социализма (Ленин имел в ввиду раскол социал-демократического движения на соглашателей и революционеров) Владимир Ильич обращался к примеру Англии. Однако он имел в виду и весь мир империализма – в целом, и писал:

„Горстка богатых стран – их всего четыре, если говорить о самостоятельном и действительно гигантски-крупном, „современном“ богатстве: Англия, Франция, Соединённые Штаты и Германия – эта горстка развила монополии в необъятных размерах, получает *сверх*прибыль в количестве сотен миллионов, если не миллиардов, едет „на спине“ сотен и сотен миллионов населения других стран, борется между собой за делёж особенно роскошной, особенно жирной, особенно спокойной добычи.

В этом экономическая и политическая суть империализма…“[1553]

Это написано в 1916 году!!

И что здесь устарело?

К четвёрке прибавились Канада, Япония и Италия – вот и все изменения, да Америка по сравнению с 1916 годом разрослась как огромная мировая раковая опухоль, заменив Англию на посту первого мирового эксплуататора…

Плюс – стал реальностью тот „золотой миллиард“, формирование которого самой Элитой Энгельс рассмотрел полтора века назад, и о котором как о почти свершившемся факте писал Ленин век назад:

„Буржуазия „великой“ империалистической державы *экономически может* подкупать верхние прослойки „своих“ рабочих, бросая на это сотенку-другую миллионов франков в год, ибо её *сверх*прибыль составляет, вероятно, около миллиарда. И вопрос о том, как делится эта маленькая подачка между рабочими-министрами, „рабочими-депутатами“…, рабочими-чиновниками, рабочими, организованными в узкоцеховые союзы, служащими и т. д. и т. д., это уже вопрос второстепенный…

С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в „вечных“ паразитов на теле остального человечества, „почить на лаврах“ эксплуатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабжённого великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция *масс*…“[1554]

Тенденция масс к освобождению от паразитов, от привилегированной горстки, о которой Ленин написал в октябре 1916 года, привела через год к Великой Октябрьской социалистической революции в России. И ренегат Каутский сразу же восстал против этой тенденции и оболгал её.

Однако тенденция крепла, ширилась, возник социалистический лагерь… Источник прямых колониальных сверхприбылей иссякал, и хотя неоколониальные прибыли оказывались порой ещё бульшими, чем колониальные, буржуазии крупнейших капиталистических держав смертельно угрожала могучая всемирная тенденция к освобождению, оплотом которой была страна Ленина.

И тогда под знамёна тенденции превратить горстку привилегированных наций в вечных паразитов на теле остального человечества, то есть – под знамёна „золотого миллиарда“, были призваны новые элитарные ренегаты, которых к 1991 году набралось в СССР – легион.

Эти ренегаты и совершили элитарную контрреволюцию 1991 года – в интересах как поощрявшей их мировой „Золотой“ Элиты, так и в собственных элитарных, то есть – шкурных, интересах.

И теперь она, эта подлая, антинациональная, антинародная, до неприличного чавканья жадная „элита“ замахивается на Ленина – творца народной России, ненавистной для элиты всех стран.

Что из этого выйдет – сказать сложно, очень уж изгажено сегодня и мировое, и российское общественное сознание. Однако не могу не напомнить всем слова Владимира Ильича:

„Решают исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо“

Хорошо сказано, ей-богу!

Послесловие. Заступит ли Россия вновь на пост № 1?

Уже более девяноста лет Ленин лежит в Мавзолее. При этом ушли в прошлое годы, когда непременным атрибутом Красной площади была неубывающая очередь тех, кто шёл к Ленину.

Оказаться в той очереди мог любой, пришедший на главную площадь страны, однако психологически было далеко не просто не только выстоять извивающуюся на сотни метров очередь, но и стать в неё. Приход в Мавзолей – это не воскресный поход в музей восковых фигур мадам Тюссо – многие готовились к встрече с Лениным годами…

Да, это был ритуал, однако не религиозный, а державный. Я был в Мавзолее у Ленина лишь раз в своей жизни, и тот час, когда я шёл к нему, стал временем, проведённым не только наедине с собой, но и с Лениным. Думаю, нечто подобное испытывали и другие, стоящие в одной очереди со мной, потому что на нескором пути я не слышал вокруг даже перешёптывания – люди шли молча, сосредоточенные, погружённые в себя, думающие каждый о своём.

И, пожалуй, каждый думал об одном и том же…

Наступили 90-е годы – первое пост-советское десятилетие, особенно гнусное тем, что тогда окончательно слезала фальшивая благопристойность со многих бывших советских «властителей умов и душ»…

Скажем, поэт Андрей Вознесенский, написавший в 60-е годы хорошую поэму о Ленине «Лонжюмо» («Ленин был из породы распиливающих, обнажающих суть вещей…»), и в те же 60-е годы призывавший: «Уберите Ленина с денег!», дабы не мусолить его образ, в 90-е годы вдруг возжелал, чтобы Ленина убрали, де, из Мавзолея.

Подобных превращений (правда – превращений ли, или, всё же, саморазоблачений?) тогда хватало. И одно время духовные уроды просто-таки с пеной у рта требовали «выноса тела диктатора», а духовные уроды типа Владимира Жириновского требуют этого и сейчас.

Ссылаются при этом и на мифическое завещание Ленина похоронить его рядом с матерью на Волковом кладбище, и на восточный, а не христианский-де обычай помещения тела усопшего в саркофаг для всеобщего обозрения, и т. д.

А ведь мы имеем достаточно давний прецедент с телом не только крещёного (как Ленин), но и до своей кончины верующего (в отличие от Ленина) православного знаменитого человека – нашего великого хирурга и анатома Николая Ивановича Пирогова (1810–1881), героя первой обороны Севастополя…

С 1866 года до самой смерти Пирогов жил в собственном имении Вишня (ныне Пирогово) под Винницей, и после смерти его ученик, интересовавшийся, как и учитель, проблемами бальзамирования, забальзамировал тело, и оно было помещено в склеп, сооружённый в имении.

На этот акт было дано официальное разрешение Синода. В 1947 году тело реставрировали и выставили для обозрения в стеклянном саркофаге в специально перестроенном склепе – церкви-некрополе.

Напоминая об этом читателю, я не склонен, тем не менее, придавать прецеденту с Пироговым бульшее значение, чем он (прецедент) того заслуживает. Ленин и память о нём ни в чём и ни по какому поводу в оправдании не нуждаются… Однако и забывать о винницком прецеденте тоже не следует.

Важнее, впрочем, другое… За год до 90-летия со дня смерти Ленина актёр Максим Галкин в кратком интервью газете «Комсомольская правда» высказал вполне верную мысль: «Мавзолей, это частный вопрос, который выводит нас к обсуждению… глобальных проблем духовного развития общества. Мне кажется, чтобы идти дальше, нашей власти надо определиться, как она относится к делу Ленина. И не только власти, но и каждому из нас»…[1555]

Устами Галкина глаголет истина: Россия не может двигаться дальше, не определившись с делом Ленина, из чего будет вытекать и её отношение к телу Ленина.

Вот только надо понять, что ***продолжив*** дело Ленина, Россия продолжит и свой исторический путь, а ***отвергнув*** Ленина и дело Ленина, она свой путь достаточно быстро завершит. Некий умный американец заметил: «Если русские не возьмутся за ум, они станут историческим понятием». Точнее не скажешь, но Россия не может взяться за ум, пренебрегая именем Ленина, памятью о Ленине и делом Ленина…

Вспомнив о реальном Максиме Галкине, скажу и ещё об одном Галкине – главном персонаже российско-американского фантастического фильма «Москва-2017» преуспевающем маркетологе Мише Галкине… Благодаря мистически открывшемуся «второму зрению», Миша видит брэнд гамбургера в виде огромных, присосавшихся к затылку каждого человека и плавающих в воздухе монстров, вынуждающих людей потреблять фаст-фуд.

Фильм с любопытным названием «Москва-2017» был снят в 2012 году, и там Миша Галкин, попытавшийся восстать против рекламного насилия над человечеством, говорит: «Почему я думал, что рекламу запретят? Рекламу никогда не запретят. Мы живём в мире, созданном Лениным. Великая брендовая революция победила. Раньше брэнды делали под желания людей, а теперь людей делают под бренды. Вы должны убедить покупателя, что чужие брэнды опасны, и ваши бренды должны атаковать…»

При всей почти забавной («почти», потому что ситуация, вообще-то трагична) глупости этого утверждения в части Ленина, оно абсолютно верно в части положения дел в современном либерастическом обществе. В ***этом*** обществе рекламу действительно не запретят до тех пор, пока оно будет существовать… Суть этого общества тождественна сути капиталистической рекламы, и заключается эта суть в тотальном насилии над естеством человека.

К слову, в советском обществе даже реклама имела совершенно иную суть… «Нигде кроме, как в Моссельпроме!» – в этой знаменитой в своё время рекламе Маяковского присутствовала весёлая ирония, не подавлявшая личность, а, пожалуй, развивавшая её.

В 70-е годы в витрине одного из харьковских молочных магазинов было выставлено огромное фото краснощёкого малыша, заявлявшего: «Ни за какие блага мира не откажусь я от кефира!»… И этот, с позволения сказать, «бренд» кефира – не кефира «Данон» или кефира «Роллс-Ройс», а кефира вообще – как полезного кисломолочного продукта, не атаковал сознание человека, а вызывал весёлую человеческую улыбку!

Мелочь?

Да!

Но даже в этой мелочи проявляется антагонизм капиталистической безчеловечности и социалистической человечности…

По сравнению с временами Ленина мир изменился, на первый взгляд, неузнаваемо. Но так ли это на самом деле? Как и сто, и двести, и тысячу лет назад мировая Элита живёт по-прежнему во дворцах, а миллиарды неимущих – в хижинах. И тот факт, что сегодня число людей на Земле, живущих в относительном достатке, намного больше, чем во времена Ленина, ничего не меняет по существу. К тому же, абсолютное число живущих в хижинах тоже выросло.

Тем не менее, лозунг «Мир – хижинам, война – дворцам!» сдан, на первый взгляд, в архив истории. Мировая социалистическая революция, в победе которой в достаточно скорой перспективе были уверены и Маркс, и Ленин, не состоялась. Стараниями спецслужб Запада в мире происходит немало революций, но – «цветных», не уничтожающих власть Элиты, а укрепляющих её. Единственной же «цветной» революции, которая освобождает людей, – красной революции, в мире нет…

Почему?

Почему миром и в начале XXI века правит Капитал, а не идеи Маркса и Ленина?

Что ж, раз дав на него ответ, иного дать не могу: идеи Маркса лучше освоил Капитал, чем Труд. Капитал быстро понял всю их опасность для себя и сразу же развернул огромную работу по подрыву идей Маркса и противодействию им.

Противодействовать правде можно, лишь противопоставив ей или физическое насилие, или, что ещё эффективнее, – нравственное насилие, то есть – ложь. Обладая большим историческим опытом и образованием мировая «элита» сумела обмануть массы и с успехом занимается этим по сей день.

Живущие во дворцах научились ловко манипулировать сознанием тех, кто живёт даже в хижинах, не говоря уже о тех, кто живёт в современных многоквартирных домах, снабжённых телевизорами…

Маркс выдвинул великий лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Смысл его был человечным и волнующим. Но для капиталистической «элиты» не было лозунга более страшного и смертельного… Если бы трудящиеся во всех странах поняли, что ***все вместе*** они – сила, то такой силе не смог бы противостоять никто, и старое общество быстро кончилось бы.

Маркса читали пролетарии, но его читали и капиталисты. Рабочий класс не имел для своего полноценного развития ни времени, ни средств, зато их имели капиталисты. И, как это становится окончательно ясно ***только сейчас***, буржуа прочли Маркса внимательнее и глубже, чем пролетарии.

«Манифест Коммунистической партии» провозглашал:

«Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства…

Коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя. Во всех этих движениях они выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения…

Наконец, коммунисты повсюду добиваются объединения и соглашения между демократическими партиями всех стран»…

Заканчивался же «Манифест» следующими словами:

«Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме собственных цепей. Приобретут же они весь мир.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В то время, когда эти слова прозвучали впервые, весь мир принадлежал господствующим классам наследственных аристократических и частных капиталистических собственников. И они тоже прочли эти слова.

Могли ли они, после знакомства с идеями, несущими конец их господству, оставаться в бездействии? Могли ли они согласиться с идеей мира для всех трудящихся, а не только для «элиты»?

Мировой Капитал быстро понял, что для того, чтобы пролетарии не объединились всюду, по всему миру, надо сделать всё для того, чтобы их разъединить.

Маркс учил, что сила трудящихся – в объединении трудящихся.

«Элита», прочтя Маркса, поняла, что отныне сила «элиты» – в разъединении трудящихся.

А для того, чтобы обеспечить разъединение и разобщение пролетариев, надо было как можно быстрее и теснее объединиться капиталистам всего мира, всех стран.

Они это и сделали.

И сделали намного быстрее и лучше, чем пролетарии.

Правящие «элиты» различных национальных государств могли вступать в смертельную

схватку между собой за ранки сбыта, за выгодные территории, за влияние в том или ином регионе… Но в одном вопросе капиталисты всех стран со времён Маркса всегда действовали дружно, согласованно и без споров: в деле разъединения рабочих как внутри своих стран, так и в мировом масштабе.

И это им, надо признать, удалось к началу XX века везде и во всех рабочих партиях при помощи ренегатов каутских. Поэтому в начале XX века в Европе была лишь одна революционная партия, ставящая перед рабочими задачу обретения ими политической власти. И этой партией была ленинская РСДРП(б).

Ленин и привёл Россию к пролетарской революции, хотя произошло это позже, чем могло произойти.

Надо признать, что Ленину «подыграли» – того, конечно, не желая, – сами правящие классы царской России. Уже после Октября 1917 года – 29 апреля 1918 года на заседании ВЦИК, Ленин, полемизируя с членом ВЦИК анархистом Ге, говорил:

– Стоять на точке зрения Ге смешно, что пролетариат зачумлен в Европе, что в Германии пролетариат испорчен… Пролетариат в Европе нисколько не больше зачумлен, чем в России, а трудней там начало революции потому, что там нет во власти ни идиотов, вроде Романова, ни хвастунов, вроде Керенского, а есть серьёзные руководители капитализма, чего в России не было…[1556]

Перед этим Ге заявил, что «надежда на помощь со стороны германского пролетариата является утопией», поскольку он, как и весь западноевропейский пролетариат, «зачумлен, загипнотизирован» «растлевающим ортодоксальным социал-демократическим воспитанием».

Кому Ге это говорил? Ленину? Да он знал всё это лучше Ге, но, в отличие от Ге, видел то, чего не видели другие…

21 января 1919 года Александр Ге, известный лозунгом «Врозь идти, вместе бить!», был взят белогвардейцами на Северном Кавказе в плен и казнён. Однако он ещё успел убедиться в своей неправоте: помощь русской пролетарской революции 1917 года со стороны германского пролетариата всё же пришла в виде немецкой Ноябрьской революции 1918 года. Поддержали Советскую Россию и западноевропейские рабочие.

Однако как показало дальнейшее, в словах Ге была, увы, и часть правды: политически растлённая «ортодоксальным социал-демократическим воспитанием» народная масса в Германии прочно на вершинах революции утвердиться не смогла.

Европейская пролетарская революция не состоялась, хотя «не зачумленная» часть европейского рабочего класса и помогла Советской России серьёзно: оказывая политическое давление на правительства, срывая поставки оружия «белым» в России, и собирая в пользу РСФСР денежные средства…

Прошла четверть века после смерти Ленина, и в мире начала складываться мировая система социализма, то есть, мировая революция, всё же, развивалась, была на подъёме. Но мир в целом не удержался на революционных, преобразовательских высотах духа, и сегодня уровень растления масс даже не социал-демократическим, а либерастианским, воспитанием таков, что духовный разврат в «развитых» странах уже не считается развратом.

Как, собственно, и разврат физический.

Впрочем, так было и во времена Ленина – лишь масштаб явления тогда был ещё невелик, ведь тогда всё ещё лишь начиналось. Но борьба высокого человеческого духа и низкого многоликого разврата ума и души шла и тогда.

Идёт ли она сейчас?

Да, конечно, идёт!

А начало этой великой борьбе – борьбе не на уровне отдельных прекраснодушных

мыслителей и альтруистов, а на уровне миллионных масс – положил Ленин.

Летом 1919 года Надежда Константиновна Крупская в качестве инструктора Народного комиссариата просвещения приняла участие в агитационной поездке по Волге на пароходе «Красная звезда» от Нижнего Новгорода до Камы. На пароходе имелись кино, радио, типография, выходила газета.

Комиссаром экспедиции был Вячеслав Михайлович Молотов, а шла «Красная звезда» по следам отступающих «белых»… Позднее Крупская оставила об этой поездке воспоминания, написанные – как всегда у неё, безыскусственно, а по части того, что она видела и слышала сама, фотографически точно.

Она писала о том, что жители Прикамья рассказывали ей о засечённых насмерть «белыми» партизанках и учительницах; о том, что темнота населения была «великой», и крестьянки боялись отдавать детей в ясли…

Писала Крупская и о том, что «верхушечная интеллигенция» переходила на сторону «белых», что из 96 инженеров Ижевского завода 95 бежали с Колчаком, а жена одного инженера – ижевская учительница, с которой Крупская когда-то училась в одном классе в гимназии, осталась: «Как же я от рабочих уйду».

На пароходе был бывший поп, и на пятитысячном митинге красноармейцев в Перми он говорил: «Большевики – это теперешние апостолы», а на вопрос красноармейца: «А как насчёт крещения?» ответил: «Подробно надо говорить часа два, а коротко сказать – один обман»…

История экспедиции «Красной звезды» мало известна, а в ней есть над чем подумать. Здесь новая Россия особо остро сталкивалась со всеми пластами старой России и боролась с ней наиболее эффективным на тот момент способом – живой агитацией, правдивым словом.

А вспомнил я об этой экспедиции в связи с показательным местом из воспоминаний Крупской:

«Приходил ко мне на пароход в Елабуге красный командир тов. Азин. Был он из казаков, был беспощаден к белым, к перебежчикам и отчаянно смел. Говорил он со мной главным образом о своей заботе о красноармейцах. Красноармейцы его любили. В этом году (речь о начале 30-х годов. – *С.К.*) я получила письмо от одного красноармейца, бившегося с колчаковцами под его руководством (теперь он хозяйственник в Западной области). Какой горячей любовью к Азину дышит каждая строка его письма! Недавно член ЦИК тов. Пастухов рассказывал, как, когда ещё Ижевск был занят белыми, ворвался туда под руководством Азина отряд красных на конях, гривы которых были заплетены красными лентами, и отбивал у белых ижевскую тюрьму, где сидели смертники (сидел там и 70-летний отец тов. Пастухова и его младший 11-летний братишка; два других брата тов. Пастухова погибли на фронте). Потом тов. Азин на Нижней Волге попал в руки белых и был ими замучен…»[1557]

Тёзка Ленина – Владимир Михайлович Азин, сын портного, рядовой Первой мировой войны, родился в 1895 году – в год, когда Ленин был арестован по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В 1918 году Азин вступил в партию, воевал, командовал 2-й сводной дивизией (с декабря 1918 года – 28-я стрелковая дивизия), за освобождение Ижевска был награждён орденом Красного Знамени. А 17 февраля 1920 года во время боя дивизии с превосходящими силами кавалерии противника в районе станции Целина на Маныче (насчёт Нижней Волги Крупская ошиблась) Азин был захвачен «белыми» и на следующий день казнён.

В судьбе комдива Азина, члена ЦИК Пастухова, его старого отца и маленького братишки, в судьбе бывшего попа, бывшей соученицы Крупской, как и в судьбе самой Крупской была та новая Россия, творцом которой стал Владимир Ленин.

Эта Россия под знаменем Ленина совершила в считанные годы, казалось бы,

невозможное… После разрухи двух войн, почти лишившись целых профессиональных групп интеллигенции, без крупных внешних займов и инвестиций, с обществом, расколотым на передовое меньшинство и всё еще тёмное крестьянское большинство, уже через десять лет после смерти Ленина Россия обрела качественно иной облик!

К концу 1931 года по основным показателям был выполнен план электрификации России, ленинская мечта – план ГОЭЛРО. А к концу 1934 года символами России стали домны «Магнитки» – Магнитогорского металлургического комбината, и плотина Днепрогэса – Днепровской гидроэлектрической станции имени В. И. Ленина…

Но это были именно символы – наиболее эффектные приметы новой державы, а вообще-то Россия покрывалась сотнями новых крупных предприятий. За пять всего лет – с 1929 по 1934 годы, вошли в строй такие гиганты, как Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторный заводы, Ростовский «Ростсельмаш» и Саратовский завод комбайнов, Горьковский автозавод и автозавод имени Лихачёва в Москве…

27 апреля 1931 года Ижорский завод выпустил первый советский блюминг – мощный прокатный обжимной стан для проката крупных стальных слитков в квадратные заготовки – блюмы, и для фасонного проката.

24 марта 1932 года был введён в эксплуатацию первый мартен завода «Электросталь», 29 марта – Первый государственный шарикоподшипниковый завод в Москве; 3 апреля задута первая домна Кузнецкого металлургического комбината, 30 апреля введён в эксплуатацию Московский завод «Фрезер», а 11 июля – Московский завод «Калибр»…

В 1932 году начали работать Березниковский химический комбинат, Горьковский завод фрезерных станков, был основан Комсомольск-на-Амуре…

15 июля 1932 года вошёл в строй первый советский «завод заводов» УЗТМ – Уральский завод тяжёлого машиностроения, знаменитый «Уралмаш», а 17 сентября 1934 года к нему присоединился украинский «завод заводов» НКМЗ – Новокраматорский завод тяжёлого машиностроения…

В 1933 году была задута первая домна на «Азовстали» в Мариуполе, сданы в эксплуатацию Московский и Ленинградский мясокомбинаты, окончено строительство Бобриковского химического комбината…

В десятилетнюю годовщину смерти Ленина – 23 января 1934 года, был введён в эксплуатацию новейший Харьковский турбинный завод, 1 июня этого года дал первую продукцию Уральский электромашиностроительный завод, а в конце года к предприятиям, обеспечивающим небывалую ранее экономическую самостоятельность России, прибавились Сталиногорская ГРЭС, Нивская ГЭС, Кемеровская ГРЭС, Барнаульский текстильный меланжевый комбинат и Уфалейский никелевый комбинат…

1 января 1933 года «Правда» напечатала – как было сказано в редакционном примечании: «лишь небольшую часть списка предприятий, построенных в первой пятилетке», и обещала в следующем номере показать новостройки «более развёрнуто»…

Приводить даже неполный список не могу – он занимает более четырех страниц типографского текста. Но сообщу, что в списке были разделы «Металл» (12 новостроек); «Машиностроение» (18 новостроек); «Электростанции» (19 новостроек); «Химия и резина» (9 новостроек); «Нефть» (14 новостроек); «Кокс» (7 новостроек); «Транспорт» (10 новых железных дорог и Беломорканал); «Уголь» (9 новых шахт и рудников); «Текстиль» (10 новостроек); «Цветные металлы» (7 новостроек); «Пищевые предприятия» (7 новостроек); «Лес» (6 новостроек) и «Бумага» (3 новых бумажных комбината – Балахнинский, Вишерский и Сясьский) …

Новая Россия, начало которой положила воля Ленина, становилась страной заводов и

фабрик, страной крупного товарного сельского хозяйства. А на этой материальной базе возникала и развивалась новая Россия людей – не просто сталеваров и машиностроителей, химиков, агрономов и трактористов, а свободных людей-коллективистов.

Да, старое в этой России боролось с новым, и новое не всегда побеждало. И, всё же, стрежневой путь России определился: она становилась страной свободных энтузиастов, осознавших себя хозяевами страны и собственной судьбы.

Это – не пропагандистская фраза «неисправимого» «сталиниста» и ленинца.

Это – исторический факт.

И новая Россия – Россия комдива Азина, Россия оставшейся с рабочими бывшей питерской гимназистки, Россия строителей Каширы, Магнитки, Днепрогэса, Турксиба, ХТЗ, ЧТЗ и Московского метрополитена, первые линии которого открылись 15 мая 1935 года, – поставила на главной площади древней русской столицы строгий и величественный в своей строгости Мавзолей Ленина.

И выставила у входа в него Пост № 1.

Впервые главные часовые новой России встали ещё у деревянного Мавзолея в день похорон Ильича – 27 января 1924 года, и, сменяясь через каждый час, нерушимо несли свою службу все 67 лет советской истории России.

Они стояли на Посту № 1 в дни триумфальных встреч Москвой экспедиции «Челюскина» и экипажа Чкалова, в дни военных парадов и мирных демонстраций…

Они стояли на Посту № 1 в дни бомбёжек Москвы и в день военного парада войск Московского гарнизона в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1941 года…

Стояли эта строгая пара часовых на своём Посту и в день окончания войны… На Красной площади день и ночь шумело людское море, лица освещались солнцем и огнями праздничного салюта, а молодые кремлёвские курсанты – часовые Поста № 1, стояли не шелохнувшись, на глазах у всеобщей бурной радости…

Они охраняли Ленина в день 24 июня 1945 года, когда на Красной площади проходил парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона – Парад Победы, и в день 9 марта 1953 года, когда Россия хоронила Сталина…

Сменяя друг друга, внутренне ликующие, а внешне по уставу невозмутимые, молодые советские ребята несли службу на Посту № 1 в день 12 апреля 1961 года, когда Красная площадь вбирала в себя тысячи и тысячи людей, радующихся полёту Гагарина, а через пару дней приветствующих нашего Юру, стоящего на трибуне Мавзолея, где ещё чётко светились слова «Ленин» и «Сталин».

Однако пора триумфов уже перемежалась глупостью и подлостью хрущёвщины, а потом – и брежневщины.

31 октября 1961 года, ночью, оградив Мавзолей фанерными щитами, хрущёвцы убрали Сталина из Мавзолея, и во время всей этой процедуры часовые Поста № 1 тоже стояли на своём посту.

Парад 1965 года в честь 20-летия Победы над фашистской Германией, похоронная процессия в марте 1968 года с прахом Юрия Гагарина на орудийном лафете – всё это проходило мимо часовых Поста № 1… И всегда – и в дни ликования, и в дни скорби – их лица были одинаково замкнуты и суровы.

Стояли эти часовые на своём посту и в период «гонок на катафалках» в первой половине 80-х годов, когда кремлёвские старцы хоронили кремлёвских старцев под тайные ухмылки кремлёвских и вообще московских «кротов», под понимающее переглядывание исподтишка кремлёвских ренегатов, изготовившихся к развалу социализма и Страны Советов…

В 70-е годы Роберт Рождественский написал поэму «210 шагов» – ровно 210 шагов должен был пройти караул Поста № 1 от ворот Спасской башни Кремля до ступеней Мавзолея, чтобы затем занять на час своё место у тяжёлой державной двери…

Грохот сердца.
И высохших губ немота.
Двести десять шагов
до знакомых дверей,
до того – опалённого славой —
поста,
молчаливого входа
в его Мавзолей…

Над холодною дымкой,
плывущей с реки,
и торжественной дрожью
примкнутых штыков,
по планете,
вбивая в гранит
каблуки, —
Двести десять
весомых
державных шагов…

Год за годом под бой курантов на Спасской башне Кремля сменялся державный караул, год за годом люди старались подгадать свой приход на Красную площадь так, чтобы увидеть эту смену и наблюдали её без идиотского ажиотажа, в молчании, даже не перешёптываясь…

Пришёл чёрный 1991 год торжества ренегатов, близилась вакханалия тотального развала, которая продолжается до сих пор.

Ленинский Пост № 1 у Мавзолея был снят. Вместо державной поступи его часовых в 90-е годы на Красной площади прозвучали надменные шаги директора ЦРУ, в спесивом одиночестве совершившего тогда ***свой*** парад победы…

И началась деградация.

Деградирует не только Россия – деградирует весь мир. Технологические достижения последних десятилетий лишь усиливают деградацию, потому что они не подкреплены социальными достижениями человечества. По сути, Запад совершает технологические прорывы воровским образом, за счёт «утечки мозгов», то есть за счёт концентрации интеллектуальных сил разных стран в ряде исследовательских центров Запада.

В перспективе это ведёт мир к коллапсу, ибо неконструктивна и разрушительна любая элита – даже интеллектуальная, если она противопоставляет себя законным интересам и нуждам всех жителей планеты… А нынешний «развитой» (развивающийся технологически, но деградирующий социально) мир всё более враждебен тем, кто оказывается за пределами «золотого миллиарда».

«Развитой» мир всё более балансирует даже не на проволоке, а на острие меча…

Рухнет ли он?

Вне сомнений…

Есть ли здесь конструктивный выход?

Что ж, вне сомнений, пока ещё выход есть.

Но указывает его только ленинская рука!

Да, интеллектуальное наследие Ленина пока что не востребовано новой эпохой. Однако оно – как, надеюсь, читатель убедился, прочтя эту книгу, – необходимо нам, оно актуально. Сплошь и рядом у Ленина можно найти мысли, идеи, констатации, которые оказываются отправными точками для вполне современных размышлений о настоящем и будущем человечества.

Ленин сумел предвосхитить так многое постольку, поскольку много размышлял в те годы, когда он – гениальный социальный реформатор, ещё не имел возможностей для практического приложения своего уникального преобразовательного потенциала.

Сталин более тридцати лет был занят делом создания новой России, а Ленину на это не было отведено и пяти, зато время размышлений до 1917 года заняло у Ленина тоже более тридцати лет.

Вот он, ещё скрываясь в подполье, в сентябре 1917 года пишет брошюру «Задачи пролетариата в нашей революции»… Казалось бы, работа чисто на злобу дня, но возьмём такое, например, её место:

«Война порождена не злой волей хищников-капиталистов, хотя она, несомненно, только в их интересах ведётся, *только* их обогащает. Война порождена полувековым развитием всемирного капитала, миллиардами его нитей и связей. *Нельзя* выскочить из империалистической войны, *нельзя* добиться демократического, не насильнического, мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к *другому* классу, к пролетариату…»[1558]

Это было сказано о Первой мировой войне и о конкретном мире между воюющими странами, который был нужен России… Но это же сказано и о том XXI веке, в котором все военные конфликты и войны порождены вожделениями всемирного капитала….

Теперь проблемы войны и мира переплетены уже десятками миллиардов видимых и невидимых связей, но суть-то остаётся неизменной, названной ещё Лениным. И она заключается в том, что прочный, ненасильнический, демократический мир – мир как ойкумену современного человечества, планета может получить, лишь заменив власть Привилегии властью Честного Трудового Вклада каждого члена общества в общее процветание.

Напомню, что ойкуменой (от oikeц населяю) древние греки называли совокупность областей земного шара, заселённых человеком. И поскольку сегодня человек заселил весь земной шар от полюса до полюса, понятие ойкумены сегодня равнозначно понятию мира…

А Ленин?

Что ж, Ленин всё ещё там – в будущем, во вполне возможном светлом будущем намеченного им мирового социализма.

В 50-е годы прошлого столетия, посреди начинающей либерастироваться Европы, за десятилетия до легализации однополых браков и прочего подобного, уже известный нам граф Кайзерлинг в эссе «Спектр Европы» задавался вопросом: «Не создан ли в России образец человека того широчайшего внутреннего напряжения, тип которого представляется соответствующим задачам ойкумены?»…

Странно, что граф, сумев подняться до того, чтобы задать такой вопрос, видел в Ленине «сатанинское начало» и считал, что «светлое будущее забрезжит лишь столетия спустя».

Увы, правда заключается в том, что нет у нас этих столетий – антиобщественная позиция мировой Золотой Элиты спрессовала сроки до наступления «момента истины» в десяток-другой лет…

А ответ на вопрос графа Кайзерлинга очевиден: конечно же, именно в России Ленина были

заложены условия для создания нового человека с естественно высоким духовным накалом, вытекающим из самих основ нового общественного строя. И уже в России Ленина такой человек появился и начал осваивать и пересоздавать жизнь.

Россия Сталина, осенённая знаменем Ленина, этого нового человека утвердила в его общественных правах, утвердила как массовое явление. Однако, как сейчас видно, утвердила не прочно, не окончательно.

Не приписываемое Ленину и Сталину, а реальное демоническое начало – капиталистическая мировая Элита, сорвала дело создания (создания как общественного явления и важнейшего общественного фактора) нового человека того широчайшего внутреннего напряжения, тип которого представляется соответствующим задачам ойкумены.

В 1904 году Ленин написал работу, звучно и точно названную им: «Шаг вперёд, два шага назад»…

В октябре 1917 года Россия решительно шагнула за Лениным, потом – за Сталиным и шагнула широко, это были шаги нового социального гиганта…

В августе 1991 года Россия далеко отшагнула назад, по сути – в начало XX века. Причём не только экономическая доля России в мировом производстве в считанные годы после 1991 года снизилась до того же уровня, что и в 1913 году. Мы и социально упали – во многих отношениях – в те же «свинцовые мерзости», которые были характерны для российского общества век назад, до Октября 1917 года.

На этот счёт есть интересное свидетельство, убийственное как для царской, так и для ельциноидной России.

Англичанка Клэр Шеридан, лепившая в 1920 году портрет Ленина, описывая свою жизнь в Москве, сообщала, что почти каждый вечер бывала в Большом театре на оперных и балетных спектаклях. И то, что написала Шеридан об этих вечерах, поражает:

«Театр был переполнен до отказа рабочими, среди которых профсоюзы бесплатно распределяли билеты. Здесь можно было увидеть лица русских совсем в ином свете. Люди, облокотившись на барьеры лож, устремившись вперёд, были целиком поглощены зрелищем балета. Я не слышала ни кашля, ни шёпота. Это были усталые люди, пришедшие сюда после тяжёлого трудового дня, – они заслужили это удовольствие и в полной мере им наслаждались. Напряженное внимание, с которым они смотрели балет или слушали оперу, производило огромное впечатление. Впервые в своей жизни эти люди, находившиеся под гнётом, работавшие на других, люди, с которыми обходились как с рабами, получили право на удовольствия, до сих пор принадлежавшее только богатым. Лица русских, а не пропаганда коммунистов начали оказывать влияние на мои взгляды»[1559].

Воспитанная в элитарной английской среде, Клэр Шеридан после поездки в Россию сумела нравственно над свой средой подняться. И свидетельство Шеридан для нас весьма ценно.

В царской России уделом масс был балаган – даже на «галёрку» Большого и Мариинского театра рабочему ход был заказан если не формально, то системно… Россия Ленина изменила ситуацию коренным образом, хотя сам Ленин, выбирая между Большим театром и новой сельской школой, принимал сторону школы.

Однако это объяснялось не узостью художественных вкусов Ленина, а огромной широтой его социального видения будущего. Это был выбор во имя того, чтобы для образованных поколений новой России Ленина Большой театр стал нормой. Он в СССР нормой и стал, как сотни других столичных и периферийных ***государственных*** театров, чего и близко не было в царской России.

После Августовской элитарной контрреволюции 1991 года высокое искусство опять начало становиться правом богатых. И хотя сегодня любой московский рабочий формального права на

приобщение к подлинному искусству не лишён, системно его от высоких духовных ценностей всё более отчуждают. Как и сто, и двести лет назад в старой России бар и холопов…

В 1991 году Россия совершила не два шага, а сто шагов назад…

И теперь России надо совершить 210 шагов вперёд и в переносном, ***и в прямом*** смысле слова!

В прямом – вновь сделав пост у входа в Мавзолей постом № 1. Если Россия не пройдёт 210 физических шагов к восстановлению Поста № 1 у Мавзолея Ленина, то она не сделает и те исторические шаги, которые обеспечат России новый её цивилизационный рывок.

Сегодня обвинять Ленина и продолжателя его дела Сталина могут лишь непроходимые невежды, законченные негодяи и моральные уроды…

В последний раз в этой книге обратимся к Василию Осиповичу Ключевскому… Выдающийся наш историк был фигурой сложной и нередко в политических оценках ошибался, однако заблуждения сильного интеллекта интереснее тривиальной правоты ума заурядного, и поэтому лишний раз вспомнить Василия Осиповича нам будет не лишне… Да и не очень он ***кое в чём*** заблуждался, когда весной 1866 года записал в дневнике:

«Мне жаль тебя, русская мысль, и тебя, русский народ! Ты являешься каким-то голым существом и после тысячелетней жизни без имени, без наследия, без будущности, без опыта. Ты, как бесприданная фривольная невеста, осуждён на позорную участь сидеть у моря и ждать благодетельного жениха, который взял бы тебя в свои руки, – а не то ты принуждена будешь отдаться первому покупщику, который, разрядив и оборвав тебя со всех сторон, бросит тебя потом, как ненужную, истасканную тряпку…»[1560]

Это было написано за четыре года до рождения Ленина, но ошибётся тот, кто решит, что я намерен назвать его тем «благодетельным женихом», который взял Россию в свои руки и повёл её к светлому будущему…

Если уж пользоваться подобными сравнениями, то большевик Ленин – в отличие от русского либерального историка Ключевского, увидел, что замарашка-«невеста» Россия – это, на самом деле, невиданная красавица с несметным приданным, не сознающая ни своей красоты и силы, ни своего богатства.

До Октября 1917 года Ленин жил и работал ради того, чтобы отмыть сознание этой «замарашки», загаженное и царизмом, и либералами, убедить её в том, что она – не бесприданница, что она достойна умной и деятельной судьбы. А после Октября 1917 года Ленин жил и работал ради того, чтобы Россия обрела эту судьбу – умную, великую и достойную.

Россию царей русский историк сравнил с фривольной невестой. А новая Россия Ленина, спасённая и созданная им, благодаря Ленину осознала себя не пассивной ожидательницей «благодетельного жениха», а активной строительницей своего будущего и своего счастья…

Так кто оказался исторически прав в оценке перспектив России – Ключевский или Ленин?

Что ж, ***на том*** историческом этапе и ***в тех*** исторических условиях прав оказался Ленин. В начале XX века он смог объединить вокруг себя и своих идей широкие массы народа, не пожелавшие отдавать свою судьбу западным «покупщикам»…

Если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция Ленина, то Россию и впрямь в XX веке могла ожидать участь недалёкой фривольной невесты, которую Запад, обрядив в мишуру, оборвал бы, обобрал бы со всех сторон, а потом бросил на произвол истории как ненужную, истасканную тряпку.

Но конец XX века показал нам, что и Ключевский оказался не так уж неправ. Его оценка России и русского народа полуторавековой давности сегодня звучит как точное описание положения нынешней России в начале XXI века! Оценка Ключевского – это приговор всем ренегатам: от Горбачёва до Путина.

Но почему же выходит так после более чем тысячелетней нашей государственной жизни?

Вот ещё одна цитата:

«Недостаточно сказать, …что… нация была застигнута врасплох. Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие. Подобные фразы не разрешают загадки, а только иначе её формулируют. Ведь надо ещё объяснить каким образом три проходимца могут застигнуть врасплох… нацию».

О чём это?

О Беловежских соглашениях 8 декабря 1991 года?

О президентах РСФСР, Украины и Белоруссии Ельцине, Кравчуке и Шушкевиче?

И кто это сказал?

И когда?

Так вот, это сказано хотя ***и о наших*** днях, ***и о нашем*** позоре тоже, но сказано давно и по другому поводу.

Это – Маркс, классика: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», где говорится о 36-миллионной (тогда) французской нации… Как видим, любая лишённая чёткого классового сознания нация – не только русская, может отдать себя в руки проходимцев.

Но каким же образом три проходимца смогли в 1991 году застичь врасплох ***300-миллионную*** советскую социалистическую нацию?

Что ж, уже почти закончив читать эту книгу, пусть над таким вопросом поразмышляет и даст ответ на него сам читатель.

Теоретик анархизма, князь Пётр Кропоткин, прожив долгую жизнь, умер уже в Советской России… Кропоткин был – как анархист, противником любой власти (по-гречески «anarchia» и означает «безначалие, безвластие»). Однако в августе 1920 года ведущий анархист мира писал Ленину:

«Со всеми своими крупными недостатками, – а я, как вы знаете, хорошо вижу их, Октябрьская революция произвела громадный сдвиг. Она доказала, что социальная революция не невозможна, как это начинали думать в Западной Европе. И, при всех своих недостатках, она производит сдвиг в сторону равенства, которого не вытравят попытки возврата к прошлому»[1561].

Князь-революционер в своих теоретических выводах чаще всего ошибался, и ошибался жестоко, но здесь сказал великолепно. Человек старого мира, он сумел увидеть через всю послереволюционную «беготню по канцеляриям, чтобы получить разрешение на покупку грошовой керосиновой лампочки», контуры такого нового мира, где ***социальное*** равенство (равенство, а не «уравниловка»!) будет ***настолько*** сильно и реально обеспечено, ***настолько*** войдёт в плоть и кровь граждан, в их общественное сознание, что стремление к такому равенству **не вытравят никакие попытки возврата к прошлому!**

Это сказано точно, сказано прямо для нас, граждан России XXI века.

Что есть нынешняя «Российская» «Федерация», что есть все эти «незалежні» «Украины», «Грузии», «Молдавии», «Казахстаны» и т. д, как не дурацкая, спровоцированная извне врагами Свободы, Равенства и Братства попытка возврата к прошлому!

К тому очень нехорошему, нечестному, несправедливому прошлому, против которого тогда, когда оно было настоящим, боролся Ленин. Боролся для того, чтобы оно навсегда стало для России прошлым.

А оно, вишь, пытается вернуться, и, исторически уже мёртвое, хватает нас, живых…

Н-да-а…

Но что важно!

Как уж это прошлое ни старается вытравить ту атмосферу социального равенства, в которой

родились когда-то гордые строки: «Человек проходит, ***как хозяин*** необъятной Родины своей», а стремление к социальной справедливости в России всё ещё живёт.

Задумаемся вот над чем…

В якобы свободной Америке – «цитадели демократии», в «колыбели демократии» Англии, во Франции, где родилась формула «Свобода, Равенство, Братство», считается, что быть богатым почётно. Наиболее богатые люди рассматриваются на Западе как наиболее достойные уважения.

А кто в России уважает хоть какого-то «олигарха»?

Не завидует ему, а уважает?

Ну, разве что его холуи, да и то формально, потому что он им платит.

Кто ещё?

Ну, разве что – непроходимые социальные идиоты или идиотки, распускающие молодые слюни при взгляде на «олигархический» «Бентли», на бриллиантовые гарнитуры его девок!

А ещё кто?

Нет, огромный, огромный, всё-таки, запас нравственной прочности создал в нас творец нового мира Ленин… И мы по сей день дышим заветами Ленина как воздухом, не замечая, что он – есть.

Кропоткин мечтал о «безначальном обществе» утопически.

Маркс и Энгельс подошли к проблеме как социальные аналитики, как учёные, и предложили реалистическую методологию продвижения к такому обществу – свободной ассоциации свободных личностей.

Ленин же, а затем его единственный, ***полностью*** его понимавший, соратник – Сталин, смогли заняться практическим освоением этой методологии, и в считанные десятилетия на этом пути были достигнуты огромные успехи.

Причём инструмент был избран Лениным и Сталиным именно тот, который обеспечивает успех: создание крупных образованных и всесторонне развитых широких народных масс и всемерное использование их творческих сил во имя построения умного общества, где власть зависит от масс и действует в интересах масс.

Ну, что здесь плохого?

И что – непонятного?

Задолго до Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина было сказано: **«Итак, во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними…»**

Это – Евангелие от Матфея, глава 7, стих 12. И слова Нагорной проповеди Христа – абсолютный критерий, абсолютный на все времена, универсальный и единственно приемлемый для общества, претендующего на то, чтобы называться человеческим!

В обществе, достойном называться человеческим, никому не должно быть дано право и возможность поступать с другими так, как он хотел бы, чтобы поступали с ним самим. Однако, несмотря на давность тех дней, когда этот великий критерий был сформулирован и обнародован, правящее меньшинство, элита, век за веком поступали с подчиняющимся им большинством прямо противоположно заповеди Христа. И все попытки изменить положение вещей ни к чему не приводили.

Веками люди пытались понять – как же ввести принцип Христа в реальность, в повседневную жизнь общества? Великий гуманист Томас Мор описал идеальное общество в своей книге «Утопия», дав этим начало и название целому духовному течению человеческой мысли – утопическому социализму…

Томаззо Кампанелла, Жан Мелье, Габриель Боно де Мабли, Гракх Бабёф, Анри де Сен-Симон, Шарль Фурье, Роберт Оуэн, Виссарион Белинский – это всё великие социалисты-утописты… Они мечтали о социальной справедливости, описывали своё в***и***дение её, однако не

находили практического пути от мечты к жизни.

Революционные демократы Николай Чернышевский и Николай Добролюбов уже подбирались к верным путям, поняв, что изменить общество в интересах масс способна только революционная активность самих масс, но это были лишь первые шаги на новом пути социальной мысли…

Другие изучали материальную природу общества, пытались установить его законы, исследуя экономическую деятельность человечества. Так возникла и развилась политическая экономия. Основоположник буржуазной политэкономии Уильям Петти, сын мелкого ремесленника, ставший пэром Англии, заложил основы теории трудовой стоимости, рассмотрел проблему заработной платы и прибыли, и уже в XVII веке подошёл к мысли о делении рабочего времени на необходимое и прибавочное… Исследователи капиталистической экономики: французы Кене и Тюрго, англичане Адам Смит, Давид Рикардо, Джемс Милль, – это уже XVIII и XIX век…

Но всё это был лишь анализ капитализма на базе признания незыблемости капиталистического способа производства как вершины экономической деятельности человека.

Тысячелетия назад люди задумывались и о политической организации общества, о социальной природе человека… В этом ряду стоят философы Платон, Аристотель, Барух Спиноза, Томас Гоббс, Жан-Жак Руссо, Иммануил Кант, Людвиг Фейербах и, наконец – Гегель с его гениально открытыми законами диалектики… Но и они исходили из незыблемости того мира, который обсуждали…

Чтобы понять разницу между ***всеми ними*** и Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным и теми, кто пошёл за ними, вернее всего будет привести гениальную формулу Карла Маркса – его 11-й «тезис о Фейербахе»:

«Философы лишь различным способом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

Вот в чём, оказывается, суть!

Вот где собака зарыта!

Мир надо изменить…

Для Платона, для Гоббса и даже для Гегеля деление общества на имущих и неимущих было неизменной, незыблемой данностью, и богатые, по их мнению, должны были лишь делиться с бедными, становиться добрее…

Маркс же и Энгельс сказали, что мир надо изменить так, чтобы из него были устранены условия появления имущих и неимущих, бедных и богатых, чтобы все имели не равное благополучие – на первом этапе нового общества, но ***равные возможности*** для реализации своих способностей и разумных потребностей.

Маркс и Энгельс сказали и как надо изменить мир: необходимо устранить из жизни человечества то, что позволяет меньшинству поступать с большинством по своему произволу.

Позволяют же привилегированному меньшинству поступать так их политическая власть, то есть – буржуазное государство, и обладание средствами материального производства, то есть – частная собственность.

Устраните из жизни общества буржуазные политические принципы и частную собственность, и новый мир – пусть и не мгновенно, возникнет как мир социальной справедливости.

Ленин и стал Творцом такого мира – пусть бесславные потомки и не сумели удержаться на высотах, оплаченных кровью и путом героических предков, воспитанных Лениным.

Полная противоположность двух миров – старого, против которого всю жизнь работал Ленин, и нового, во имя которого он работал и Творцом которого стал, хорошо выявляется в принятых в одном и в другом мире обращениях друг к другу…

Старый мир выработал форму: «господин»… Но если есть господин, хозяин, то есть и раб, холуй, слуга, лакей…

Быть господами все не могут – даже если захотели бы. Форма обращения «господин» разделяет общество на две неродственные части, причём господская, обслуживаемая часть оказывается, очень небольшой по сравнению с обслуживающей частью.

Новый мир отказался от формы старого мира, заменив её новым, человечным и объединяющим словом «товарищ».

Товарищами могут быть все – если в обществе имеют все права факторы объединяющие и подавляются – да, подавляются! – факторы разъединяющие. Ведь негативные, антиобщественные факторы и тенденции, в принципе, не обязательно подавлять штыком – их можно подавлять соответствующим воспитанием, отказом от пропаганды насилия, ужасов.

И только если старый мир начинает тайно и или открыто идти на новый мир прямой войной, старое приходится подавлять силой.

Но тут уж – кто кого!

9 января 1918 года русский поэт Александр Блок писал:

«Русской интеллигенции – точно медведь на ухо наступил: мелкие страхи, мелкие словечки. Не стыдно ли издеваться над безграмотностью каких-нибудь объявлений или писем, которые писаны доброй, но неуклюжей рукой?. Не стыдно ли гордо отмалчиваться на „дурацкие“ вопросы? Не стыдно ли прекрасное слово „товарищ“ произносить в кавычках?

Это – всякий лавочник умеет. Этим можно только озлобить человека и разбудить в нём зверя…»[1562]

Лавочный капитализм в любой упаковке – даже из супермаркета, будит в человеке зверя: человек человеку – волк. Запад научился общежитию лишь постольку, поскольку нельзя, всё же, в повседневной жизни вести войну всех против всех. И в дикой ведь природе существует равновесие – не каждый раз хищник, увидев потенциальную жертву, нападает на неё…

Но только в новом мире Ленина могла не просто появиться, а стать общественной программой песня, где были строчки:

«Наше слово гордое „товарищ“

Нам дороже всех красивых слов…»

Сама форма обращения друг к другу в новом мире – «товарищ», объединяла людей, в старом мире социально разъединённых.

Маркс писал:

«Точка зрения старого материализма есть *„гражданское“* общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся общество»[1563].

Как точна и актуальна эта мысль в дни, когда нам то и дело талдычат о необходимости для России якобы «гражданского» общества! А нам необходимо в России, и в мире, человеческое общество, свободная ассоциация свободных людей.

Но эта ассоциация в мире, где есть капитал и правит капитал, невозможна. Вот о чём сказали Маркс и Энгельс, вот какую великую идею вбросили в жизнь! И вот какую идею подхватил Ленин, развил её и довел до уровня социальной практики на одной шестой части планеты.

Этого-то и не может простить Ленину вся Золотая Сволочь мира, начиная со дня 25 октября (7 ноября) 1917 года и по сей день!

Но что интересно – даже на Западе появляются сегодня оценки Ленина, весьма, казалось бы, для Запада неожиданные. И ещё более неожиданно (а, может – показательно?) то, что их порой публикуют в нынешней «Россиянии». Так, в № 1(735) журнала «Эксперт» за 2011 год была опубликована статья социолога Иммануила Валлерстайна из Йельского университета

(США) «Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра»…

Начинается она с заявления: «С течением времени в России весьма вероятна политическая реабилитация Ленина. Где-то к 2050 году он вполне может стать главным национальным героем»…

Вот так, не более, но и не менее…

Для буржуазного эксперта (а он – буржуазный эксперт) Валлерстайн написал в своей статье о Ленине на удивление много верного. Он считает, что Ленин для России неизбежно окажется центральной фигурой XXI столетия и приводит, как минимум, пять причин для этого:

«Во-первых, Ленин будет представляться великим национальным деятелем и патриотом, который спас Россию от полного распада, вызванного хронической некомпетентностью старого режима по всем направлениям – военной, социальной, политической… О Ленине будут говорить, что он удержал единство страны перед лицом иностранных интервентов и местных сепаратистов…

Во-вторых, Ленина будут почитать как великого продолжателя реформ графа С. Ю. Витте, которые тому не удалось завершить… Напомню самый ленинский из лозунгов: „Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны!“

Реформы Витте и Ленина, напишут будущие историки, положили начало российской индустриализации и тем самым послужили отправной точкой как серьёзного подъёма обороноспособности и науки, так и роста ВВП на душу населения.

В третьих, Ленина будут считать не только модернизатором и западником (из-за его мечтаний об электрификации и призывов „догнать и перегнать“), но и предтечей пробуждения Азии и всего третьего мира. Бакинскую конференцию Коминтерна 1920 года можно считать моментом ленинского прагматического поворота лицом к народам Востока, или, как сказали бы сегодня, глобального Юга…

В-четвёртых, более тонкие наблюдатели, возможно, также заметят, что Ленин оказался первым деятелем в истории России, который на практике разрешил затяжной спор между западниками и почвенниками (антизападниками), став одновременно и тем и другим…

И, наконец, в-пятых, в Ленине увидят решительного и дальновидного политического лидера. Он сел в поезд, взвесив как издержки подобного решения, так и открывающиеся долгосрочные возможности. Он поднялся на броневик и произнёс неожиданно решительную речь. Он убедил руководство большевиков в том, что пора поднимать власть… Даже НЭП свидетельствует о его решительности и дальновидности. Ленин знал, когда надо резко переключить передачи и выводить страну на другой курс. Национальные герои – непременно решительные люди. Ленин порою ошибался, чаще оказывался прав, но нерешительным он не был никогда».

Оценку Ленина американским социологом можно расширить и углубить, прибавив «в-шестых», «в-седьмых» и т. д., но всё вышесказанное сказано Валлерстайном верно. Думаю, из этой книги о Ленине читатель узнал вполне достаточно для того, чтобы с Валлерстайном согласиться…

Единственное, что спорно, так это его итоговый прогноз: «Где-то к 2050 году Ленин вполне может стать основным национальным героем России».

Точнее, ошибочен не сам прогноз – он-то абсолютно верен, ошибочны сроки, назначенные Валлерстайном. Ни у мира, ни, тем более, у России уже нет времени на такую длительную раскачку… Судьбы России, во всяком случае, исполнятся – в ту или иную сторону, в намного более близкие сроки.

Да, пожалуй, и судьбы всего остального мира…

Даже в огромном, объёмистом томе всего о Ленине не скажешь, если иметь в виду не

только полное, но и ***детальное*** выявление его масштаба как исторической личности всемирно-исторического значения, и, в то же время, великого национального вождя…

Однако мне пора, всё же, своё повествование заканчивать, и остаётся сказать здесь немногое…

В марте 1913 года – царская Россия в том году отмечала 300-летие загнивающего и выродившегося дома Романовых, Ленин в журнале «Просвещение» опубликовал свою классическую работу «Три источника и три составных части марксизма», которая начиналась так:

«Учение Маркса вызывает к себе во всём цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казённой, и либеральной) науки… Иного отношения нельзя и ждать… Так или иначе, но *вся* казённая и либеральная наука защищает наёмное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству…

Но этого мало. Вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма.

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое… ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнёта…»[1564]

Учение Маркса, теория Маркса и Энгельса, как и их развитие Лениным и Сталиным действительно верны. И если они по видимости сегодня не всесильны (а по мнению многих – и бессильны), то это – лишь показатель того, в какую грязную и зловонную лужу умудрилось посадить себя человечество.

А точнее – в какую вонючую лужу оно позволило посадить себя Золотой Элите мира через посредство обслуживающих интересы этой Элиты общественных институтов, прежде всего – информационных.

Оболгать Ленина, отвратить от него, от его идей и устремлений умы и души народов жизненно важно для Золотой Элиты мира и для её самого отвратительного «клуба» – «россиянско»-«олигархического».

Нет Ленина – как маяка будущего России, нет и конца власти, поступающей с теми, над кем она властвует, не так, как заповедал Христос, а наоборот.

Нет Ленина – как идейного и нравственного общественного ориентира России, нет и России, ради которой он жил, ради которой принял пулю, и ради которой не щадил ни себя, ни своих нервов, ни своего мозга, ни самой своей жизни.

Поймёт ли это Россия?

Заступит ли вновь на Пост № 1?

Как часто сейчас говорят, что история-де пошла «не по Марксу» и уж, тем более, «не по Ленину»… Если интерес к идеям Маркса – хотя бы части их, на Западе, просыпается, то об идеях Ленина этого сказать пока нельзя.

И зря.

Маркс и Энгельс были чистыми теоретиками нового строя, необходимого для творческого развития человечества. Ленин был и теоретиком, и практиком, причём как практик он был абсолютным первопроходцем, Творцом нового строя.

При всём величии, я бы даже сказал, ***равно***величии, Сталина с Лениным, Сталин шёл по пути, во всех основных чертах намеченном Лениным…

А Ленин шёл по цивилизационной «целине»!

В том числе и поэтому он буквально сгорел всего за пять лет «адовой», по выражению

Владимира Маяковского, работы.

За пять лет не просто государственной деятельности, а беспрецедентно новаторской государственной деятельности.

При этом деятельность Ленина оказалась успешной: новый строй был создан и начал развиваться.

В очередной раз зададимся вопросом: «Как ему это удалось, в чём была сила Ленина?» Это ведь сегодня не академический, а самый, что ни на есть, актуальный, насущный для нас вопрос! Идеи Ленина для нас важнее даже, чем идеи Сталина, ибо Сталин – это уже строительство социализма, а Ленин – это слом капитализма в целях строительства социализма. И именно задача слома капитализированной РФ в пользу новой РСФСР, как основы нового СССР, становится для народов России политически и социально важнейшей. Идеи именно Ленина и его подход к демократии могут помочь нам здесь весомо и реально…

Но вначале – информация к размышлению…

Современный профессор-экономист итальянского происхождения из университета Вашингтона в Такоме Гвидо Джакомо Препарата издал в 2005 году в Лондоне крайне любопытную монографию «Гитлер, Inc. Как Британия и США создавали Третий рейх». В 2007 году её выпустило в свет в русском переводе издательство «Поколение».

Профессор Препарата провёл очень интересное исследование мирового политического процесса применительно к англосаксонским корням Первой мировой войны, а затем – к 30-м годам XX века. Но, как экономист и историк буржуазный, относительно роли Ленина в революции 1917 года профессор из Такомы попал точнёхонько пальцем в небо. Препарата приписывает ведущую роль революционизации России Парвусу, описывает «пломбированный» вагон, и т. д.

С другой стороны, Препарата уместно цитирует американского экономиста Торстена Вйблена (1857–1929), заявившего в 1919 году (см. с. 137):

«Большевизм является революционным по своей сути. **Его цель – перенесение демократии и власти большинства в область промышленности и индустрии** (жирный шрифт мой. – *С.К.*). Следовательно, большевизм – это угроза установившемуся порядку. Поэтому его обвиняют в угрозе по отношению к частной собственности, бизнесу, промышленности, государству и церкви, закону и нравственности, цивилизации и вообще всему человечеству».

Сказано откровенно!

Вот почему имущие собственники ненавидели и ненавидят большевика Ленина: он был нацелен на власть народа ***в сфере экономики***, а это исключало в обществе институт привилегий на основе имущественных прав. Перенесение якобы демократии из сферы избирательного права в сферу имущественного права превращает «демократию» для элиты в подлинную демократию – в политическую и экономическую власть народа, то есть, в социалистическую демократию.

Веблен признал это сто лет назад, бывшие советские профессора из московской Высшей школы «экономики» не признают и сегодня. Правда, она ведь колет, и колет в самое чувствительное место…

Веблен не был не только марксистом, но даже антикапиталистом, он искал пути конструктивного реформирования капитализма и стал идеологом «технократии» («кружка техников»), как основного желательного механизма управления обществом. Увы, ни Веблен, ни Препарата, будучи буржуазными либералами, не поняли и не могли понять, что **социально созидательной может быть лишь социалистическая технократия,** основы которой заложил Ленин, которую развивали Сталин и Берия, и которую спустили «на тормозах» хрущёвцы и брежневцы в угоду партократии… Но тем более ценна для нас следующая мысль Препараты (см. с. 17–18):

«Так называемая демократия есть фальшивка, ложная выборность и поддельное голосование. В современных бюрократических системах, зарождение которых произошло в середине девятнадцатого века, феодальная организация, если можно так выразиться, была поднята на более высокий уровень…

Невероятное усложнение и пропагандистский вал искусно внедряемых в массы неверных представлений, окруживших непроходимым туманом всю банковскую систему, каковые являются главным орудием, с помощью которых иерархи экспроприируют и контролируют богатство… общества, – самое явное и убедительное свидетельство глубокой трансформации, происшедшей с феодально-олигархической организацией в новую эру. Запад перешёл от… аграрной организации, стоявшей на спинах лишённых гражданских прав рабов, к высокомеханизированному постиндустриальному улью, который высасывает все силы и соки из точно таких же бесправных „белых и синих воротничков“, закладывающих свои жизни ради возможности купить безделушки и приманки современного общества потребления…»

Собственно, об этом писал уже Ленин, потому что, в отличие от Маркса, жил во времена, когда мировая элита успела освоить азы умения манипулировать как «белыми», так и «синими» воротничками…

В пост-ленинские времена Элита довела это умение до почти совершенства, почему даже буржуазный либерал Препарата в XXI веке, оставшись слепым в оценке Ленина, порой высказывается чисто по-ленински и пишет, например:

«Теперь не видно прежних, сидевших в замках лордов, требующих дани, – теперь для достижения той же цели лорды полагаются на банковские счета, в то время как лизоблюды из среднего класса – учёные и публицисты, остаются верны своей синомосии (у Фукидида – нечто вроде клятвы верности закулисному клану. – *С.К.*)…»

Препарата пишет и более определённо, имея в виду теневые «клубы элиты» (см. с. 16–17):

«„Клубы“ действуют, управляют, воспитывают и мыслят как компактная, тесно спаянная олигархия, привлекающая к сотрудничеству средний класс, который она использует как фильтр между собой и пушечным мясом – простолюдинами. В так называемом демократическом выборе, который в настоящее время представляет собой наиболее хитроумную модель олигархического правления, электорат по-прежнему не имеет никакого влияния, а политическая способность есть ни что иное, как иное название силы убеждения, необходимой для построения „консенсуса“ вокруг жизненно важных решений, которые принимаются отнюдь не избирателями»…

Это написано Препаратой в 2005 году, Ленин написал об этом же сто лет назад! Только Ленин пространную профессорскую формулу «политическая способность убеждать, необходимая для построения „консенсуса“ вокруг жизненно важных решений, которые принимаются отнюдь не избирателями» заменял двумя словами: «обман масс»…

Однако Ленин не был бы Лениным, если бы ограничился лишь критикой и разоблачением капиталистической олигархии… Ленин разрабатывал вопросы подлинной демократии, и здесь он – опять впереди нынешней мировой и российской ситуации.

В чём была сила Ленина? Что ж, перед тем, как дать итоговый ответ на этот вопрос, в последний раз приведу ряд мыслей Ленина, и читатель, возможно, без разъяснений даст ответ сам…

Уже в первый день Советской власти, выступая 26 октября (8) ноября 1917 года на Втором съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, Ленин говорил:

«Буржуазия только тогда признаёт государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное… По нашему представлению государство сильно сознательностью масс.

Оно сильно тогда, когда массы всё знают, обо всём могут судить и идут на всё сознательно…»[1565]

Это было сказано главой государства впервые в мировой истории. Впервые человек, претендующий на положение вождя масс, чётко заявил массам, что сила государства зависит от того, захотят ли этого массы, а не вожди… Задача же вождей – осознать интересы массы даже более глубоко и верно, чем их сознают сами массы, политически менее развитые чем вожди. И не просто осознать, а разъяснить массам – в чём заключаются их подлинные интересы, неотделимые от интересов и задач создания справедливого общества.

Ленин этим и занимался всю жизнь: до Октября 1917 года он политически просвещал массы, а после Октября 1917 года – политически и государственно руководил массами во имя реализации их интересов.

Через восемь месяцев после Октябрьской революции, выступая в конце июня 1918 года на IV конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы, он напоминал:

«Мы всегда говорили: освобождение трудящихся не может быть привнесено извне; они должны сами, своей борьбой, своим движением, своей агитацией, научиться решать новую историческую задачу, и чем более трудна, чем более велика, чем более ответственна новая историческая задача, тем больше должно быть людей, миллионы которых надо привлечь к самостоятельному участию в разрешении этих задач.

Чтобы хлеб продать любому торгашу, для этого никакого сознания, никакой организации не нужно. Для этого нужно жить так, как заказала жить буржуазия: нужно быть только послушным рабом, представить себе и признать мир великолепным в таком виде, как его устроила буржуазия. А вот для того, чтобы победить этот капиталистический хаос, … нужна долгая, трудная, тяжёлая организационная работа, не организаторов, не агитаторов, а самих масс…

Мы знаем, что советская революция и Советская власть отличается от других революций и другой власти тем, что она не только свергла власть помещиков и капиталистов… Мало того, массы восстали против всяких чиновников, они создали новое государство, в котором власть должна принадлежать рабочим и крестьянам и не только должна, но уже принадлежит…»[1566]

Кто так говорил с массами с правительственной трибуны до Ленина?

Никто!

Этим Ленин и был силён: правдой для масс и поддержкой всей здоровой части массы, полученной в силу своей искренней приверженности интересам масс.

Ленин не был прекраснодушным идеалистом, он в ноябре 1921 года в своей работе «О значении золота теперь и после полной победы социализма» вполне трезво учил:

«Революционеры на этом больше всего себе ломали шею, когда начинали писать революцию с большой буквы, возводить революцию в нечто божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному, и в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому…»[1567]

И здесь Ленин обращается прямо к нам. Это непростое дело: знать, когда и где надо действовать по-революционному решительно, а когда и осмотрительно. Тут важно не перепутать!

Ленин Божий дар с яичницей не путал никогда, и тут у него нам учиться и учиться!

Тезис о том, что большевизм и социализм силён сознательностью масс, остался для Ленина основным до конца. Выступая 27 марта 1922 года на XI съезде РКП(б) – последнем съезде, в работе которого он принял участие, Ленин предупреждал партию, им созданную и

воспитанную:

«В народной массе мы всё же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознаёт…»[1568]

Этот принцип – осознание себя выразителем воли и интересов народной массы, Ленин воспринял как основной жизненный уже в юности. Под знаком этого принципа он прожил всю свою жизнь. В сочетании с личной интеллектуальной гениальностью верность этому принципу и стала источником общественной силы Ленина.

Он всегда любил не себя в России, а народную Россию в себе.

Тем он велик и тем силён.

Собственно, на этом книгу, которая и так вышла более чем объёмной, можно бы и закончить, но кое-что можно и прибавить.

Недавно я перечитывал автобиографию «социолога» Питирима Сорокина (1889–1968), бывшего эсера и петербургского профессора, скончавшегося в эмиграции, в США. В начале 60-х годов Сорокин издал написанные на английском языке свои воспоминания, названные им «A Long Journey» (в русском переводе 1992 года – «Дальняя дорога». М., Московский рабочий; ТЕРРА).

Имя Сорокина попадается на страницах ленинских работ, и его же можно найти, например, в списке антисоветской интеллигенции Москвы и Петрограда, приведённом в записке ГПУ на имя Сталина от 2 августа 1922 года: «*1. СОРОКИН Питирим Александрович. Профессор социологии Питерского университета. Фигура несомненно антисоветская. Последняя книга была враждебной и содержит целый ряд инсинуаций против Соввласти*». 13 сентября того же 1922 года Сорокин подписал в московском ГПУ обязательство покинуть пределы РСФСР в течение 10 дней и эмигрировал из России, осев с октября 1923 года за океаном.

Выдворенных из Страны Советов Сорокина и подобных ему пассажиров знаменитого «профессорского» парохода либералы подают как пример подавления инакомыслия в «Совдепии». Ленин действительно был далёк от христианского всепрощения, но ратовал за очистку страны лишь от воняющих, гнилых мыслей и их носителей. И разве Ленин был в том не прав? В нормальном обществе любым экскрементам – в том числе и духовным, интеллектуальным, не должно быть места в общественном сознании.

Сам по себе Сорокин – хотя его считают на Западе (а сейчас и в ельциноидной России) крупнейшей научной величиной – как мыслитель мало интересен. Но однажды, критикуя его, Ленин написал статью с показательным заголовком «Ценные признания Питирима Сорокина», и этот заголовок очень подходит для оценки некоторых мест англоязычной автобиографии Сорокина. Он много и часто лжёт, передёргивает исторические факты и ситуации, но иногда делает весьма ценные признания, и ими я, пожалуй, эту книгу и закончу.

Описывая времена Первой мировой войны, Сорокин сообщает, что тогда «все социалистические партии» в России раскололись на «социал-патриотов», которые были против сепаратного мира с немцами, и «интернационалистов», которые якобы «предпочитали сепаратный мир с Германией, безотносительно к политике наших союзников». Относительно интернационалистов Сорокин перевирает, поскольку они были не за сепаратный мир с немцами, а против классового мира с буржуями. Сам же Сорокин пишет, что подавляющее большинство большевиков и левых эсеров были интернационалистами, и что «возглавляемые Лениным, они стремились заменить войну между нациями „глобальной классовой войной“…» Имея в виду именно ленинцев, Сорокин признаёт, что их лозунгом было: «Мир – хижинам, война – дворцам!»

Всё это достаточно известно и понятно, но вот что пишет Сорокин далее (стр. 74):

«Прав я был или нет, не знаю, но я одобрял позицию социал-патриотов. В то время я ещё питал идеалистические иллюзии по поводу союзнических правительств Запада…

Позднее мои иллюзии относительно западных правительств развеялись. Вместо помощи России, когда она нуждалась в этом, они старались ослабить её, ввергнуть в гражданскую войну, расчленить её, отторгнув поелику возможно и захватив её территорию. Они нарушили свои обязательства и после второй мировой войны, начав все виды „холодной“ и „горячей“ войн против неё. И даже сейчас, когда я пишу эту книгу (в начале 60-х гг., – *С.К.*), они вместе с бывшим врагом (ФРГ, – *С.К.*) всё еще пытаются уничтожить не только русскую империю и советское правительство, но и сломать хребет самой русской нации…»

Уже это признание ценно, поскольку написано оппонентом Ленина, тепло устроившимся на земле врагов России. И написано о тех врагах России, против которых боролся Ленин, и которые пригрели Сорокина.

Но дальше – больше (стр. 75):

«Если бы в 1915–1917 годах я придерживался мнения, что западные правительства так же циничны, хищны, по-макиавеллевски лживы, недальновидны и эгоистичны, как и все остальные, включая и советское (ну-ну, – *С.К.*), я, вероятно, присоединился бы к интернационалистам. Но случилось (?? – *С.К.*) иначе, я оказался в стане социал-патриотов вместе с правительством Керенского…»

Как же так? Сорокин обвиняет Ленина во всех смертных грехах, а при этом на излёте своей долгой дороги-жизни ненароком признаётся, что с позиций современного осмысления Сорокиным его же давнего прошлого, он-де примкнул бы к интернационалистам.

Но интернационалисты – это Ленин, это сам Сорокин признаёт! И Ленин – это классовая война с дворцами, несущая мир и свет хижинам. Тем хижинам, в которых, по выражению Сорокина, живёт «чернь», а по мнению Ленина живут униженные и оскорблённые люди, достойные осмысленной и свободной от эксплуатации жизни.

Нужны ли особые комментарии к этим финальным ценным признаниям Питирима Сорокина?

В последний раз в этой книге повторю: Ленин, как позднее и Сталин, пока был жив, был страшен силам Мирового Зла своей силой лидера абсолютно нового, созданного им небывалого государства, противостоящего Мировому Злу.

Но и сойдя в могилу, Ленин остался страшен Капиталу как непревзойдённый моральный символ для всех истинно мыслящих сил Планеты. Показательно, что впавшая в социальную паранойю Украина крушит памятники Ленину. Не «тоталитарное» прошлое она этим уничтожает, а своё благополучное, умное и свободное будущее.

Ленин – это свобода народного духа и свобода мысли, проникнутой заботой о людях труда. А без этих свобод невозможна и политическая свобода народов. Если Россия обретёт силы к новому возрождению, то это будет совершено ей под знаменем народной свободы и национального суверенитета, а это – то знамя Ленина, которое осеняло борьбу советского народа в 1941-45 годах под руководством Сталина.

Если иметь в виду социальное творчество, опору на народ во имя интересов народа, поощрение инициативы и талантов, то всё это России может дать лишь новое освоение наследия политического тандема «Ленин – Сталин».

А остальные «глобализуемые» стран мира? Ведь если мир не хочет превратиться в «задний двор» США и поместье мировой Золотой Элиты, он тоже должен будет рано или поздно встать

под знамя Ленина!

Да, под это знамя должен будет, если он хочет иметь будущее, стать весь мир! Ведь даже известный буржуазный историк Арнольд Тойнби в 1971 году, размышляя над реальностями капитализма, заявлял:

«Я предполагаю, что человечество согласится на жёсткую диктатуру ленинского типа как на зло меньшее, чем самоуничтожение или постоянная анархия, которая может закончиться только самоуничтожением».

Нужны ли особые комментарии и к этому ценному признанию Арнольда Тойнби?

Конечно, как буржуазный либерал, Тойнби не понял, что принципиальная установка социализма – не жёсткая диктатура. Цель социализма – такое экономическое и культурное ***перевоспитание*** общества, когда, по словам Сталина, ученика и соратника Ленина, «труд из средства только поддержания жизни будет превращён ***в глазах общества*** в первую жизненную потребность, а общественная собственность – в незыблемую и неприкосновенную основу существования общества».

Не насилие над свободой человека, а воспитание нового, всесторонне свободного, человека – вот жизненное и политическое кредо Ленина и принявшего от него эстафету социального прогресса Сталина.

А относительно того, что современный капитализм способен обеспечить человечеству лишь самоуничтожение, Тойнби был в своём прогнозе точен. Сегодня мы это и наблюдаем на всех континентах планеты, за исключением, разве что, Антарктиды… Мир всё чаще сотрясают природные катаклизмы – как результат действий глобального капитализма, а капитализм, неспособный направить производительные силы общества на умное процветание, плодит новые горы вооружений, конфликты, рознь народов и горе матерей.

Что будет завтра?

Ну, многое зависит от многого, но одно ясно уже сейчас. Завтрашний день человечества будет или светлым и уверенным под знаменем Ленина, или мрачным и гибельным в противном случае. Нравится кому-либо это, или не нравится, но, как и предсказывал Тойнби, выбирать народам придётся между ленинской диктатурой Добра и Разума, или самоуничтожением в клоаке злобного капитализма.

21 сентября 2013 года – 22 апреля 2014 г.,
17 мая 2014 г., 1 июня 2014 г.,
03 марта – 10 марта 2015 г.,
10 июля 2015 года,
г. Кремлёв («Арзамас-16»)

---

notes

Примечания

1

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 302–305.

2

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 304.

3

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции: 2-е изд. М.: Наука, 1991. С. 468–469.

4

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. Т. 4, с. 689–690.

5

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. (далее – ПСС). Т. 23, с. 20–21.

6

Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. С. 15.

7

Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 349.

8

Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. С. 21.

9

Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М.: Политиздат, 1963. С. VI.

10

Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 1–7.

11

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 103–112.

12

Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Современник, 1990. Т. 2, с. 374.

13

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 531.

14

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 531.

15

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 113–118.

16

Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 2-й, с. 308.

17

Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 406.

18

Ленин В.И. ПСС. Т. 31, с. 15.

19

Спиридович А. И. Великая война и февральская революция: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2004, С. 572–573.

20

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 15–20.

21

Стариков Н. Февраль 1917: Революция или спецоперация? М.: Яуза; ЭКСМО, 2007. С. 6.

22

Зарубежные писатели. Библиографический словарь: в 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 1997. С. 94.

23

Стариков Н. Указ. соч. С. 216.

24

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 532.

25

Сталин И. В. Собрание сочинений. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 3, с. 11–15.

26

Сталин И. В. Собрание сочинений. Т. 6, с. 333.

27

Сталин И. В. Собрание сочинений. Т. 6, с. 333–334.

28

Сталин И. В. Собрание сочинений. Т. 6, с. 334–335.

29

Стариков Н. Указ. соч. С. 216.

30

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 381.

31

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. С. 624.

32

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 811.

33

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 221–223.

34

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 227–228.

35

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 229–231.

36

Стариков Н. Указ. соч. С. 312–313.

37

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1969. С. 167.

38

Цит. по: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 5 т. М.: Политиздат, 1984. Т. 3, с. 129.

39

Лазарев Л. Л. Взлёт. М.: Профиздат, 1978. С. 249–250.

40

Блок А. Собрание сочинений: в 6. т. Л.: Худож. лит., 1980–1983. Т. 5, с. 230–232.

41

Стариков Н. Указ. соч, С. 314–315.

42

Спиридович А. Большевизм: от зарождения до прихода к власти. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2005.

43

Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». СПб.: ИД «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002., С. 366–367.

44

Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М.: РОССПЭН, 2002. С. 30.

45

Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 271.

46

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. С. 275.

47

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 320.

48

Воспоминания Н. М. Габиновой-Шахпаронянц, участницы экспроприации, в журнале «Арагаст» («Парус»), № 1, 2007, с. 19 – публикация внука Н. М. Габиновой, С. Л. Иоаннесяна.

49

Спиридович А. Указ. соч. С. 99.

50

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 74–75.

51

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. с.136.

52

Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Моск. Охранного Отд-ния. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990, С. 7.

53

Большевики. Документы по истории большевизма… С. 152–153.

54

Большевики. Документы по истории большевизма… С. 208.

55

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 162–164.

56

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 225 и примечание 290 на с. 527.

57

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 242.

58

Большевики: Документы по истории большевизма… С. 230, 266.

59

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 343.

60

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, прим. 414 на с. 547.

61

Большевики: Документы по истории большевизма… С. 221.

62

Арманд И. Ф. Статьи, речи, письма. М., 1978. С. 9.

63

Большевики: Документы по истории большевизма… С. 275.

64

Подляшук П. Товарищ Инесса. М., 1965. С. 66.

65

Большевики: Документы по истории большевизма… С. 120, 132.

66

Большевики: Документы по истории большевизма… С. 130.

67

Большевики: Документы по истории большевизма… С. 275.

68

Большевики: Документы по истории большевизма… С. 220–221.

69

Ленин В. И. ПСС. Т. 25, прим. 142 на с. 526.

70

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 297–298.

71

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 307–308.

72

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 314.

73

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 314–315.

74

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 323.

75

Мельниченко В. Е. Личная жизнь Ленина, М.: Воскресенье, 1998. С. 187.

76

Мельниченко В. Е. Личная жизнь Ленина, М.: Воскресенье, 1998. С. 201.

77

Трофимов Ж. А. Ленин – Крупская – Арманд – любовный треугольник?. Ульяновск: Народная газета, 1993. С. 28.

78

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 367.

79

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 353.

80

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 365.

81

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 365.

82

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 367.

83

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 343.

84

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 360.

85

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 256.

86

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 366.

87

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 368–369.

88

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 369–370.

89

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 341–342.

90

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 306–328, и примеч. 119 на с. 452.

91

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 306, 327–328.

92

Приведено по: *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40, с. 179.

93

Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М.: Наука, 1988. С. 294.

94

Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М.: Наука, 1988. С. 194–195.

95

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. 2-е изд. М.: Наука, 1991, С. 468.

96

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. С. 251 и далее с. 253, 256–257.

97

Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919; *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1994. С. 31.

98

История Отечества: Энциклопедический словарь. М.: ЭКСМО; БРЭ, 2003. С. 582.

99

Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919. *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. С. 220, 281.

100

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Репринт. М.: Писатель, 1997. С. 167–168.

101

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 364.

102

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 372.

103

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 148.

104

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 149.

105

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 156.

106

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 398.

107

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 398.

108

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 399–400.

109

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 400.

110

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 401.

111

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 401–402.

112

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 403.

113

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 403–404.

114

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 405.

115

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 404–405.

116

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 405.

117

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 405–406.

118

Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 406.

119

Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 408.

120

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 409.

121

Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 417.

122

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 417–418.

123

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 418.

124

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 422–423.

125

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 418.

126

Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 82–83.

127

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 418–419.

128

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 120.

129

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 416.

130

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 424.

131

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 638, 639, 640.

132

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 427.

133

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 427–428.

134

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 556, прим. 479.

135

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 428.

136

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 120.

137

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 431.

138

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 431.

139

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 433.

140

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 433.

141

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 93–94.

142

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 435.

143

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 207.

144

Ленин. Собрание фотографий и кинокадров в двух томах. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1970. Т. 1, с. 44.

145

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 95.

146

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 530, прим. 62.

147

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 647.

148

История Первой мировой войны 1914–1918. М.: Наука, 1975. Т. 2, с. 297, 545.

149

История Первой мировой войны 1914–1918. М.: Наука, 1975. Т. 2, с. 286.

150

История дипломатии. М.: Политиздат, 1965. Т. III, с. 40–41.

151

Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М.: Москвитянин, 1993, С. 264–265.

152

Блок А. Собрание сочинений: в 6 т. Л.: Худож. лит., 1980–1983. Т. 6, с. 278.

153

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 533, примеч. 71.

154

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с.435–436 и 437–438.

155

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 560, примеч. 149.

156

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 367 и с. 557, примеч. 144.

157

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 403.

158

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 405.

159

Приведено по: Там же. Т. 31, с. 364–367.

160

Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919; *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. С. 54.

161

Борисов Ю. В. Шарль-Морис Талейран. М.: Междунар. отношения, 1986. С. 51.

162

История Первой мировой войны 1914–1918. Т. 2, с. 301.

163

Ганелин Р. Ш. В России двадцатого века. 2014.

164

Харпер С. Россия, в которую я верю. М.: Изд. иностр. литературы, 1962. С. 124.

165

Харпер С. Россия, в которую я верю. М.: Изд. иностр. литературы, 1962. С. 124.

166

Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919; *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. С. 260.

167

Харпер С. Указ. соч. С. 18–19, 125.

168

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1, с. 218 и далее.

169

Харпер С. Указ. соч. С. 125–126.

170

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 339.

171

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 340.

172

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 341.

173

Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 54–55.

174

Ленин В. И. ПСС. Т. 37, с. 50.

175

Харпер С. Указ. соч. С. 141–142.

176

Харпер С. Указ. соч. С. 142.

177

Битти Б. Красное сердце России. М.: Изд. иностр. лит-ры, 1959. С. 20.

178

Давыдов А. Ю. Проигранная война красных: нелегальная экономика 1917–1920 гг. // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 16.

179

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. М.: Политиздат, 1978. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав. С. 159.

180

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 191–206.

181

Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5, с. 308–309.

182

Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6, с. 281–282.

183

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 52–53.

184

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 52–53.

185

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 54.

186

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 84–85.

187

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 211, 212.

188

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 109.

189

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 109.

190

Ленин В. И. ПСС. Т. 40, с. 179.

191

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. 2-е изд. М.: Наука, 1991. С. 455.

192

Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 456.

193

Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 456–457.

194

Волошин М. А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М.: Правда, 1991, С. 315, 318.

195

Ленин В. И. ПСС. Т. 1, с. 551.

196

Ленин В. И. ПСС. Т. 1, с. 554.

197

Трофимов Ж. А. Мария Александровна Ульянова. Документальное повествование. Ульяновск: Россы, 1996. С. 94–95.

198

Ленин В. И. ПСС. Т. 1, примеч. 151 на с. 601.

199

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 5 т. М.: Политиздат, 1985. Т. 2, с. 270–271.

200

Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. М.: Политиздат, 1969. С. 44–45.

201

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 1–2.

202

Ленин В. И. ПСС. Т. 1, с. 341.

203

Ленин В. И. ПСС. Т. 1, с. 311–312.

204

Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 1, с. 180.

205

Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 1, с. 181.

206

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, с. 207.

207

Морозов Н. А. Повести моей жизни. Мемуары. М.: Наука, 1965. Т. 2, с. 394.

208

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 8.

209

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 9.

210

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 12.

211

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 2.

212

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 8—10.

213

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 10.

214

Ленин В. И. ПСС. Т. 2, с. 456.

215

Малов В. И. Жизнь, отданная революции // Солдаты ленинской гвардии. Очерки об участниках революционного движения в Нижегородской губернии: сб. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1974. С. 227.

216

Ленин В. И. ПСС. Т. 2, с. 20–21.

217

Ленин В. И. ПСС. Т. 2, примеч. 21 на с. 572.

218

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1969. С. 29–30.

219

Логинов В. Т. Владимир Ленин. Как стать вождём. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2011. С. 229, 246.

220

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 14.

221

Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. М.: Политиздат, 1969. С. 63.

222

Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 111.

223

Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958. С. 164.

224

Трофимов Ж. А. Мария Александровна Ульянова. С. 113.

225

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 72.

226

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 208–209.

227

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 73.

228

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 390.

229

Славные большевички. М., 1958. С. 157.

230

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 6.

231

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 39.

232

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 404.

233

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 408.

234

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 47–48.

235

Дюма А. Сорок пять. М.: Худож. лит., 1981. С. 329.

236

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 41.

237

Ленин В. И. ПСС. Т. 2, с. 178.

238

Ленин В. И. ПСС. Т. 1, с. 159.

239

Ленин В. И. ПСС. Т. 1, с. 159.

240

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, примеч. 13 на с. 473.

241

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 12–13.

242

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 47–48.

243

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 182–183.

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 190, 191.

245

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 194–195.

246

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 343, 344.

247

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 345.

248

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 345.

249

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 345.

250

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 347.

251

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 375.

252

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 375, 376.

253

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 376–377.

254

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 386.

255

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 386–387.

256

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 16.

257

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 195.

258

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 197–198.

259

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 203.

260

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 107.

261

Ленин В. И. ПСС. Т. 5, с. 327.

262

Ленин В. И. ПСС. Т. 5, с. 328.

263

Ленин В. И. ПСС. Т. 5, с. 11.

264

Чернышевский Н.Г, ПСС. Т. 1, с. 110.

265

Ленин В. И. ПСС. Т. 6, примеч. 1 на с. 466.

266

Ленин В. И. ПСС. Т. 6, с. 182.

267

Ленин В. И. ПСС. Т. 6, с. 39–41.

268

Борисов Ю. Шарль-Морис Талейран. М.: Международные отношения, 1986, с. 305.

269

Ленин В. И. ПСС. Т. 6, с. 121–122, 124.

270

Ленин В. И. ПСС. Т. 6, с. 124, 125.

271

Ленин В. И. ПСС. Т. 6, с. 9—10.

272

Ленин В. И. ПСС. Т. 6, с. 183.

273

Ленин В. И. ПСС. Т. 6, примеч. 132 на с. 516.

274

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 182.

275

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 249–250.

276

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 256.

277

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, примеч. 135 на с. 492.

278

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 185.

279

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 187.

280

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 192–197.

281

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 187, 189, 190.

282

Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 245.

283

Логинов В. Т. Владимир Ленин: как стать вождём. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2011. С. 428 (цит. по: Зиновьев Г. Ленин. 2-е изд. Л.: 1925. С. 14.

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 240–241.

285

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 47.

286

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 212–213.

287

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 234–235.

288

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 259.

289

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 287.

290

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 287.

291

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 266.

292

Ленин В.И. ПСС. Т. 8, с. 5–6.

293

Ленин В.И. ПСС. Т. 8, с. 13.

Ленин В.И. ПСС. Т. 7, с. 428–430.

295

Ленин В.И. ПСС. Т. 8, примеч. 14 на с. 511.

296

Ленин В. И. ПСС. Т. 8, с. 18.

297

Ленин В. И. ПСС. Т. 8, с. 101.

298

Ленин В. И. ПСС. Т. 8, с. 20.

299

Ленин В. И. ПСС. Т. 7, с. 343–344.

300

Ленин В. И. ПСС. Т. 7, примеч. 68 на с. 479.

301

Ленин В. И. ПСС. Т. 8, примеч. 7, с. 507–508.

302

Ленин В. И. ПСС. Т. 8, с. 107–110.

303

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 271.

304

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 271.

305

Ленин В. И. ПСС. Т. 8, с. 177.

306

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 273.

307

Ленин В. И. ПСС. Т. 8, с. 415.

308

Ленин В. И. ПСС. Т. 8, с. 419–420.

309

Ленин В. И. ПСС. Т. 8, прим. 97, с. 533.

310

Сталин И. В. Сочинения. Т. 1, прим. 13 на с. 397.

311

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 324, примеч. 9.

312

Ленин В. И. ПСС. Т. 9, прим. 35 на с. 438.

313

Сталин И. В. Сочинения, Т. 6, с. 279.

314

Трофимов Ж. А. Мария Александровна Ульянова. Документальное повествование. Ульяновск: Россы, 1996. С. 134–135.

315

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 235.

316

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, примеч. 231 на с. 500.

317

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 274–275.

318

Ленин В. И. Третий съезд РСДРП. Сборник произведений и документов. М.: Госполитиздат, 1955. С. 95–96.

319

Ленин В. И. Третий съезд РСДРП. Сборник произведений и документов. М.: Госполитиздат, 1955. С. 97.

Ленин В. И. Третий съезд РСДРП. С. 101.

321

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 273.

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 417.

323

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 418.

Ленин В. И. ПСС. Т. 9, с. 117–125.

325

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 431–432.

326

Ленин В. И. ПСС. Т. 9, примеч. 66 на с. 451.

327

Сталин И. В. Сочинения. Т. 1, с. 56.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 1, с. 58.

329

Сталин И. В. Сочинения. Т. 1, с. 60.

330

Сталин И. В. Сочинения. Т. 1, с. 67.

331

Сталин И. В. Сочинения. Т. 1, с. 73.

332

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 147–148.

333

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 428.

334

Ленин В. И. ПСС. Т. 46, с. 433.

335

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 79.

336

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 3–5.

337

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 5, 6.

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 9, 10.

339

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 13.

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 48.

341

Ленин В. И. ПСС. Т. 9, с. 174–177.

342

Ленин В. И. ПСС. Т. 9, с. 178.

343

Ленин В. И. ПСС. Т. 9, с. 265, 273.

344

Ленин В. И. ПСС. Т. 11, с. 242.

345

Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 82–83.

346

Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 374–375.

347

Ленин В. И. ПСС. Т. 9, с. 133.

348

Ленин В. И. ПСС. Т. 9, с. 133, 134.

349

Ленин В. И. ПСС. Т. 9, с.136.

350

Ленин В. И. Третий съезд РСДРП. Сборник произведений и документов. М.: Госполитиздат, 1955, С. 14–16.

351

Ленин В. И. Третий съезд РСДРП. С. 235.

352

Спиридович А. И. Большевизм: от зарождения до прихода к власти. М.: Эксмо; Алгоритм, 2005, С. 100, 105.

353

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. С. 68–72.

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 99, 100.

355

Ленин В. И. ПСС. Т. 9, с. 13.

356

Ленин В. И. ПСС. Т. 9, с. 126, 131, 135, 136.

357

Ленин В. И. ПСС. Т. 10, с. 114–119.

358

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. С. 77.

359

Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 1, с. 340.

360

Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 1, с. 345.

361

Ленин В. И. ПСС. Т. 13, с. 287.

362

Ленин В. И. ПСС. Т. 13, с. 256.

363

Ленин В. И. ПСС. Т. 13, с. 561.

Ленин В. И. ПСС. Т. 10, с. 302.

365

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 185–186.

366

Ленин В. И. ПСС. Т. 11, с. 94–96.

367

Ленин В. И. ПСС. Т. 11, с. 101.

368

Ленин В. И. ПСС. Т. 11, с. 103.

369

Ленин В. И. ПСС. Т. 11, с. 103–104.

370

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 52–53.

371

Цит. по: *Ленин В. И.* ПСС. Т. 30, с. 310, 322.

372

Спиридович А. И. Указ. соч. С. 98–99.

373

Спиридович А. И. Указ. соч. С. 116–117.

374

Ленин В. И. ПСС. Т. 11, с. 353.

375

Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. Т. 1, с. 474.

376

Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 1, с. 322.

377

Редигер А. Указ. соч. Т. 1, с. 472.

378

Ленин В. И. ПСС. Т. 12, с. 27.

379

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 101.

380

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 107–108.

381

Ленин В. И. ПСС. Т. 11, с. 336–338 и 339–343.

382

Сталин И. В. Сочинения. Т. 1, с. 133–135.

383

Редигер А. Указ. соч. Том 1, с. 475.

384

Редигер А. Указ. соч. Т. 1, с. 475–476.

385

Редигер А. Указ. соч. Т. 1, с. 447.

386

Спиридович А. Указ. соч. С. 117.

387

Спиридович А. Указ. соч. С. 408.

388

Ленин В. И. ПСС. Т. 12, с. 67–69.

389

Спиридович А. Указ. соч. С. 126.

390

Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 1, с. 340.

391

Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 1, с. 345, 346.

392

Спиридович А. Указ. соч. С. 127.

393

Ленин В. И. ПСС. Т. 13, с. 369–377 и примеч. 147 на с. 474.

394

Ленин В. И. ПСС. Т. 13, с. 375, 376.

395

Ленин В. И. ПСС. Т. 2, с. 84, 85.

396

Ленин В. И. ПСС. Т. 2, с. 86.

397

Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 366, 367.

398

Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 365.

399

Ленин В. И. ПСС. Т. 12, «Биохроника», с. 558 и далее.

400

Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Моск. Охранного Отд-ния. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990, с. 313.

401

Ленин В. И. ПСС. Т. 12, с. 70.

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 54.

403

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. С. 216–217.

404

Редигер А. Указ. соч. Т. 1, с. 502.

405

Редигер А. Указ. соч. Т. 1, с. 505.

406

Цит. по: *Ленин В. И.* ПСС. Т. 30, с. 324, 325.

407

Великий князь Александр Михайлович. Указ. соч. С. 217–218.

408

Великий князь Александр Михайлович. Указ. соч. С. 219.

409

Ленин В.И. ПСС. Т. 12, с. 290.

410

Ленин В.И. ПСС. Т. 12, с. 290, 291, 293.

411

Ленин В. И. ПСС. Т. 12, с. 352.

412

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 306–307.

413

Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., Политиздат, 1963 г., с. 784.

414

Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., Политиздат, 1963 г., с. 751.

415

Милюков П. Н. Указ. соч… Т. 1, с. 386, 387.

416

Милюков П. Н. Указ. соч… Т. 1, с. 406, 407.

417

Ленин В. И. ПСС. Т. 13, с. 121.

418

Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 1, с. 410.

419

Редигер А. Указ. соч. Т. 1, с. 521–522.

420

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 415.

421

Редигер А. Указ. соч. Т. 2, с. 6.

422

Трофимов Ж. А. Мария Александровна Ульянова. Документальное повествование. Ульяновск: Россы, 1996. С. 142–145.

423

Трофимов Ж. А. Указ. соч. С. 147.

424

Трофимов Ж. А. Указ. соч. С. 148.

425

Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 1, с. 410.

426

Ленин В. И. ПСС. Т. 14, с. 41, 42.

427

Ленин В. И. ПСС. Т. 14, с. 45.

428

Ленин В. И. ПСС. Т. 14, с. 63.

429

Ленин В. И. ПСС. Т. 14, с. 168–169.

430

Ленин В. И. ПСС. Т. 14, с. 161–162.

431

Ленин В. И. ПСС. Т. 14, с. 132–138.

432

Ленин В. И. ПСС. Т. 15, примеч. 163 на с. 458.

433

Ленин В. И. ПСС. Т. 15, с. 283.

434

Ленин В. И. ПСС. Т. 15, с. 297, 298, 300, 303, 304.

435

Ленин В. И. ПСС. Т. 14, с. 305–306.

436

Ганелин Р. Ш. В России двадцатого века. 2014.

437

Ленин В. И. ПСС. Т. 14, с. 360.

438

Ленин В. И. ПСС. Т. 15, с. 69–70, 72.

439

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 111.

440

Сталин И. В. Сочинения. Т. 1, с. 36, 37.

441

Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. С. 596–597.

442

Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. С. XII–XIII.

443

Ленин В.И, ПСС. Т. 4, с. 338, 339.

444

Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. С. 621–630, 656–659.

445

Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. С. 664.

446

Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. С. 664.

447

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 326, 327.

448

Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. С. 667.

449

Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. С. 9.

450

Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. С. 10.

451

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 39.

452

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2, С. 241.

453

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 51.

454

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 22.

455

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 30.

456

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 43.

457

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 129, 131, 132.

458

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 118.

459

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 208, 209–210.

460

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 224.

461

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 341.

462

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 263.

463

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 88–92.

464

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 186, 604, 794.

465

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 687, 689, 693, 605.

466

Ленин В. И. ПСС. Т. 25, с. 334; т. 30, с. 189.

467

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 52.

468

Ленин В. И. ПСС. Т. 20, примеч. 4 на с. 496 и примеч. 76 на с. 541.

469

Ленин В. И. ПСС. Т. 20, примеч. 4 на с. 496, 497.

470

Здесь и далее цит. по: Владимир Ильич Ленин. Биография. М.: Политиздат, 1960, С. 160–163.

471

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 238.

472

Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 46.

473

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 241.

474

Ленин В.И.. ПСС. Т. 47, с. 112–113.

475

Морозов Н. А. Повести моей жизни. Мемуары. М.: Наука, 1965, Т. 1, с. 359.

476

Ленин В. И. ПСС. Т. 16, примеч. 65 на с. 533.

477

Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 181–182.

478

Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 169–170.

479

Ленин В. И. ПСС. Т. 17, с. 279.

480

Ленин В. И. ПСС. Т. 13, с. 37.

481

Ленин В. И. ПСС. Т. 13, с. 113.

482

Ленин В. И. ПСС. Т. 12, с. 382, 311.

483

Ленин В. И. ПСС. Т. 17, с. 298.

Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 26.

485

Большевики: Документы по истории большевизма… С. 174.

486

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 321.

487

Ленин В.И. ПСС. Т. 17, с. 367–368.

488

Ленин В.И. ПСС. Т. 55, с. 254.

489

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 173–174.

490

Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 83, 85, 89, 90.

491

Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 101–102.

492

Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 61.

493

Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 65.

Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 45–47.

495

Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 48, 49.

496

Ленин В. И. ПСС. Т. 20, с. 264.

497

Ленин В. И. ПСС. Т. 20, с. 396.

498

Ленин В.И. ПСС. Т. 19, с. 50, 51.

499

Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 406.

500

Сталин И. В. Сочинения. Т. 2, с. 146–158.

501

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 286, 287.

502

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, примеч. 274 на с. 366; т. 19, примеч. 29 на с. 459.

503

Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 52–55, 57.

504

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 250, 251.

505

Ленин В. И. ПСС. Т. 20, примеч. 23 на с. 434 и примеч. 25 на с. 438.

506

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 137.

507

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 307, 308.

508

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, примеч. 292 на с. 508.

509

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 308, 309.

510

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 249.

511

Ленин В. И. ПСС. Т. 20, с. 96.

Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 239–303.

513

Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 253, 256, 258, 259.

514

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 334.

515

Ленин В.И. Сочинения. 4-е изд. Т. 31, с. 11.

516

Умов Н. А. Сочинения. Т. III, 1916, с. 403, 404, 408. Цит. по: Вавилов С. И. Ленин и физика: Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 6, 7.

517

Ленин В. И. ПСС. Т. 18, с. 326.

518

Вавилов С. И. Ленин и физика. С. 11.

519

Ленин В. И. ПСС. Т. 18, с. 275, 276.

520

Ленин В. И. ПСС. Т. 18, с. 277.

521

Ленин В. И. ПСС. Т. 18, с. 282, 283.

522

Ленин В. И. ПСС. Т. 18, с. 283.

523

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 333–335.

524

Ленин В.И. ПСС. Т. 55, с. 314.

525

Ленин В.И. ПСС. Т. 55, с. 315.

526

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 317.

527

Ленин В. И. ПСС. Т. 20, примеч. 57 на с. 460.

528

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 47.

529

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 315, 316.

530

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 263–265.

531

ЦПА ИМЛ, Фонд 14, оп. 1, ед. хр. 74, л. 6. Цит. по: Владимир Ильич Ленин. Биография. М.: Политиздат, 1960. С. 200.

532

ЦПА ИМЛ, Фонд 14, оп. 1, ед. хр. 202, л. 28, цит. по: Владимир Ильич Ленин. Биография. С. 201.

533

Ленин В. И. ПСС. Т. 17, с. 206, 209, 210.

534

Ленин В. И. ПСС. Т. 17, с. 206, 209, 210.

535

Ленин В.И. ПСС. Т. 20, с. 19, 23–24.

536

Ленин В.И. ПСС. Т. 20, с. 79, 81, 82.

537

Ленин В.И. ПСС. Т. 20, с. 144–145.

538

Ленин В.И. ПСС. Т. 20, с. 145.

539

Ленин В.И. ПСС. Т. 20, с. 143, 145, 146.

540

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 219, 220.

541

Ленин В. И. ПСС. Т. 20, примеч. 29 на с. 442, 443.

542

Ленин В. И. ПСС. Т. 20, примеч. 129 на с. 484, 485 и воспоминания Н. К. Крупской.

543

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 354, 355.

544

Ленин В. И. ПСС. N. 20, с. 254, 255.

545

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 40.

546

Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Моск. охранного отд-ния. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 155.

547

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. М.: Госполитиздат, 1954. С. 272, 273.

548

Ленин В. И. ПСС. N. 48, с. 44, 47.

549

Ленин В. И. ПСС. Т. 21, с. 247.

550

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 84.

551

Большевики: Документы по истории большевизма… С. 185–195, 329.

552

Ленин В.И. ПСС. Т. 25, с. 187.

553

Ленин В.И. ПСС. Т. 25, с. 191, 195.

554

Ленин В.И. ПСС. Т. 21, с. 366.

555

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 84, 85.

556

Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 43.

557

Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 149.

558

Сталин И.В. Сочинения. Т. 2, с. 251.

559

Ленин В. И. ПСС. Т. 22, примеч. 13 на с. 420.

560

Большевики: Документы по истории большевизма… С. 204.

561

Ленин В.И. ПСС. Т. 54, с. 369, 370.

562

Ленин В.И. ПСС. Т. 48, с. 162.

563

Ленин В.И. ПСС. Т. 47, с. 258, 259.

564

Ленин В.И. ПСС. Т. 47, с. 259, 260.

565

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 265, 266.

566

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 283, 284.

567

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 284, 285.

568

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 19, 20.

569

Большевики: Документы по истории большевизма… С. 205.

570

Ленин В.И. ПСС. Т. 48, с. 22.

571

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 242, 243.

572

Сталин И. В. Сочинения. Т. 2, с. 152.

573

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 253, 254.

574

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 252.

575

Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 115.

576

Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 115.

577

Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 116.

578

Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 188.

579

Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 330.

580

Ленин В.И. ПСС. Т. 49, с. 330.

581

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 187, 188.

582

Бадаев А. Большевики в Государственной Думе. Л.: Русь, 1996. С. 211, 212, 216, 217.

583

Бадаев А. Большевики в Государственной Думе. Л.: Русь, 1996. С. 218.

584

Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 135–139.

585

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, примеч. 126 на с. 376, 377.

586

Владимир Ильич Ленин. Биография. С. 230.

587

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 339.

588

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 340, 341.

589

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 344.

590

Валентинов Н. Недорисованный портрет. М.: ТЕРРА, 1993. С. 264 и далее.

591

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. XLIX–L.

592

Валентинов Н. Указ. соч. С. 74.

593

В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М.: изд. АН СССР, 1961. С. 272, 273.

594

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 346, 347

595

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. XLV.

596

Трофимов Ж. А. Мария Александровна Ульянова. С. 78.

597

Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. С. 374, 375.

598

Ленин В. И. ПСС. Т. 8, с. 184 и т. 9, с. 158.

599

Трофимов Ж. А. Указ. соч. С. 62.

600

Большевики. Документы по истории большевизма… С. 312.

601

Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т. Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина). Издание Государственного Исторического музея. М., 1998. С. 4.

602

См. например: *Штейн М. Г.* Ульяновы и Ленины: Тайны родословной Вождя. М.: Алгоритм, 2012, а также: *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина). Изд. Гос. истор. музея. М., 1998.

603

Трофимов Ж. А. Указ. соч. С. 7.

604

Штейн М. Г. Указ. соч. С. 43–45.

605

Бычкова М. Е. История страны – это история семей, её населяющих // Поиск. 1993. № 37, с. 167.

606

Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т. Указ. соч. С. 157.

607

Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т. Указ. соч. С. 40.

608

Ульянов Д. И. Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи. 2-е изд., М.: Политиздат, 1984. С. 144.

609

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 146, 147.

610

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 351.

611

Трофимов Ж. А. Указ. соч. С. 136–137.

612

Трофимов Ж. А. Указ. соч. С. 160.

613

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 327.

614

Ленин В.И. ПСС. Т. 55, с. 364.

615

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. С. 65.

616

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. С. 66.

617

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 252.

618

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 141.

619

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 365.

620

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 384.

621

Мельниченко В. Е. Личная жизнь Ленина, М.: Воскресенье, 1998, С. 85.

622

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 294, 295.

623

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 294, 295.

624

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 117.

625

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 51–52.

626

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 55–57.

627

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 42.

628

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 45, 46.

629

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 46.

630

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5, с. 13.

631

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 125.

632

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 339.

633

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 203.

634

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 250.

635

Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 279.

636

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с. 301, 305.

637

Большевики. Документы по истории большевизма… С. 220, 221.

638

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. С. 308.

639

Ленин В. И. ПСС. Т. 24, с. 85.

640

Большевики. Документы по истории большевизма… С. 225, 226.

641

Ленин В. И. ПСС. Т. 25, с. 160, 161.

642

Ленин В. И. ПСС. Т. 24, примеч. 29 на с. 426.

643

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 298.

644

Ленин В. И. ПСС. Т. 24, с. 296–303.

645

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 332–334.

646

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 323.

647

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 323, 324.

648

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 324.

649

Большевики. Документы по истории большевизма… С. 228, 229.

650

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 298.

651

Владимир Ильич Ленин. Биография. С. 247, 248.

652

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 355, 356.

653

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 356.

654

Большевики. Документы по истории большевизма… С. 231, 232.

655

Большевики. Документы по истории большевизма… С. 232.

656

Большевики. Документы по истории большевизма… С. 233.

657

Ленин В. И. ПСС. Т. 26, примеч. 1 на с. 397 и примеч. 20 на с. 404.

658

Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 21, 22.

659

История Первой мировой войны. 1914–1918: в 2 т. М.: Наука, 1975. Т. 1, с. 112.

660

Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 106–108.

661

Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 370.

662

История Первой мировой войны. Т. 1, с. 93, 94.

663

Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 22.

664

Спиридович А. И. Большевизм: от зарождения до прихода к власти. С. 259–262.

665

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 46.

666

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 131.

667

Ленин В. И. ПСС. Т. 25, с. 186, 187, 204, 205.

668

Ленин В. И. ПСС. Т. 26, примеч. 148 на с. 431.

669

Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 53.

670

Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 172, 173.

671

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 108.

672

Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 218.

673

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 12–14.

674

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 15.

675

Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 158, 159, и т. 27, примеч. 52 на с. 500.

676

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 413, 414.

677

Емельянов Ю. В. Троцкий: мифы и личность. М.: Вече, 2003. С. 237.

678

Емельянов Ю. В. Указ. соч. С… 239.

679

Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 82, 83.

680

Большевики. Документы по истории большевизма… С. 257, 258.

681

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 416.

682

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 108.

683

Ленин В. И. ПСС. Т. 55, с. 361.

684

Большевики. Документы по истории большевизма… С. 262.

685

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 425, 426.

686

Уткин А. И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. С… 607.

687

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 271, 272.

688

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 135, 139.

689

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 241, 242.

690

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 242.

691

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 422.

692

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 237.

693

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 271.

694

Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М.: Наука, 1988. С. 253, 256, 258.

695

Лаверычев В. Я. Указ. соч. С. 276, 294.

696

БСЭ. 2-е изд. Т. 8, с. 461.

697

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 189.

698

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 211, 212.

699

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 298, 301.

700

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 301, 302.

701

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 94, 95.

702

Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 521.

703

Ленин В. И. ПСС. Т. 28, с. VII–VIII.

704

Ленин В. И. ПСС. Т. 18, с. 363–364.

705

Ленин В. И. ПСС. Т. 28, с. 616.

706

Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 322, 343, 379.

707

Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 401.

708

Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 308.

709

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 426, 427.

710

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 302.

711

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 338, 339.

712

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 340.

713

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 68, 69.

714

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 338.

715

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 340.

716

Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 109.

717

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 323.

718

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 341.

719

Ленин В.И. ПСС. Т. 32, примеч. 31 на с. 473.

720

Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. С. 24.

721

Приведено по: *Ленин В. И.* ПСС. Т. 32, с. 50.

722

Приведено по *Сталин И.В.* Сочинения. М.:Писатель, 1997. т. 14, с. 32, 33.

723

Приведено по: *Ленин В. И.* ПСС. Т. 32, с. 51.

724

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 31.

725

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, примеч. 23 на с. 468, а также примеч. 82, 113, 134.

726

Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключённого. М.: Книжница; Русский путь, 2010. С. 85.

727

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 35.

728

Записка П. Н. Дурново. История России XIX – начала XX века: хрестоматия / под ред. М. Д. Карпачева. Воронеж, 2002. С. 612–636.

729

Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Современник, 1990. Т. 2, с. 310.

730

Рабинович А. Указ. соч. С. 20, 342.

731

Рабинович А. Указ. соч. С. 23.

732

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2, с. 317, 318.

733

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 255, 256.

734

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 259.

735

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, примеч. 136 на с. 516.

736

Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 2: Первая мировая война, документы и материалы. М.: Наука, 2002. С. 315.

737

Мировые войны XX века. С. 313, 314.

738

История Первой мировой войны 1914–1918. Т. 2, с. 288, 289, 309.

739

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 263–276.

740

Мировые войны XX века. Кн. 2: Первая мировая война. С. 315.

741

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 266, 267.

742

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 267.

743

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 267, 268.

744

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 269, 270.

745

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 272.

746

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, примеч. 116 на с. 505.

747

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 442, 443.

748

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 442, 443.

749

Мировые войны XX века. Кн. 2: Первая мировая война. С. 339, 340, 342.

750

История Первой мировой войны 1914–1918. Т. 2, с. 314.

751

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 390.

752

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 377.

753

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 341, 342.

754

Сталин И. В. Сочинения. т. 3, с. 161.

755

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 454.

756

Блок А. Собрание сочинений: в 6 т. Л.: Худож. лит., 1980–1983. Т. 5, с. 219.

757

Спиридович А. И. Указ. соч. С. 338.

758

Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 2, с. 334.

759

Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 2, с. 333.

760

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 485.

761

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 21, 22.

762

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 25.

763

Рабинович А. Указ. соч. С. 55.

764

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 331–337.

765

Рабинович А. Указ. соч. С. 42, 43.

766

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 445.

767

Рабинович А. Указ. соч. С. 346.

768

Рабинович А. Указ. соч. С. 53.

769

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 444.

770

Рабинович А. Указ. соч. С. 76.

771

Емельянов Ю. В. Троцкий: мифы и личность. С. 239.

772

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, примеч. 138 на с. 518.

773

Спиридович А. И. Указ. соч. С. 343.

774

Морозов Н. А. Указ. соч. С. 686, 687.

775

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 14. С. 141, 142.

776

Рабинович А. Указ. соч. С. 41–46.

777

Рабинович А. Указ. соч. С. 46.

778

Рабинович А. Указ. соч. С. 42.

779

Рабинович А. Указ. соч. С. 48.

780

Рабинович А. Указ. соч. С. 48; а также *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34, примеч. 43 на с. 470.

781

Ленин В. И. ПСС. Т. 40, с. 178, 179.

782

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, 18–20.

783

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 6, 7.

784

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 48, 49.

785

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 49.

786

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 50–52.

787

Ленин В. И. ПСС. N. 33, с. 44.

788

Ленин В.И. ПСС. Т. 33, с. 46.

789

Ленин В.И. ПСС. Т. 33, с. 93.

790

Ленин В. И. ПСС. Т. 33, с. 102.

791

Ленин В. И. ПСС. Т. 33, с. 120.

792

Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. С. 184.

793

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, примеч. 48 на с. 472.

794

Рабинович А. Указ. соч. С. 108.

795

Сталин И. В. Сочинения. Т. 3, с. 169.

796

История Коммунистической партии Советского Союза. 5-е изд., доп. М.: Политиздат, 1979. С. 207.

797

Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 272.

798

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2, с. 413.

799

Стариков Н. Февраль 1917: Революция или спецоперация? С. 233.

800

Ленин. Собрание фотографий и кинокадров в двух томах. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1970. Т. 1, с. 46.

801

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 426.

802

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 425.

803

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2, с. 429.

804

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2, с. 432.

805

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 460.

806

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 457.

807

Ленин В.И. ПСС. Т. 34, с. 159.

808

Ленин В.И. ПСС. Т. 34, с. 183.

809

Уткин А. И. Дипломатия Вудро Вильсона. М.: Междунар. отношения, 1989, С. 161.

810

Сталин И. В. Сочинения. Т. 3, с. 193–195.

811

Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919; *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1994. С. 204, 205.

812

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 445–451.

813

Шрамко С. Забытый автор Октября // Сибирские огни. 2007. № 11.

814

Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц»; Ин-т российской истории РАН, 1995. С. 370.

815

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 448.

816

Курлов П. Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992. С. 222.

817

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 86.

818

Сталин И. В. Сочинения. Т. 3, с. 233–235.

819

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 119, 120.

820

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 146.

821

Сталин И. В. Сочинения. Т. 3, с. 288.

822

Спиридович А. И. Указ, соч. С. 359.

823

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 690.

824

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 381, 382.

825

Шрамко С. Забытый автор Октября // Сибирские огни. 2007. № 11.

826

Спиридович А. И. Указ. соч. С. 357.

827

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 133.

828

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 135.

829

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 136.

830

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Т. 14, с. 145.

831

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 239, 240.

832

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 240, 241.

833

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 244.

834

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 245.

835

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 245, 246.

836

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 247.

837

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, примеч. 81 на с. 487.

838

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2, с. 450.

839

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2, с. 433, 434.

840

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 452.

841

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 264–267.

842

Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М.: Воениздат, 1957. С. 189, 191.

843

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 267.

844

Рабинович А. Указ. соч. С. 235.

845

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 390.

846

Рабинович А. Указ. соч. С. 244, 245.

847

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 391.

848

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 394.

849

Сталин И. В. Сочинения. Т. 3, с. 383, 384.

850

Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов: Сб. документов. Книга вторая. М.: Гея, 1998. С. 598, 599.

851

Глинка Я. В. Указ. соч. С. 29–30.

852

Глинка Я. В. Указ. соч. С. 183.

853

Спиридович А. И. Указ. соч. С. 357.

854

Глинка Я. В. Указ. соч. С. 184.

855

Россия. 1913 год. С. 113.

856

Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Транспорт, 1985. С. 22.

857

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 155.

858

Россия. 1913 год. С. 148, 150.

859

Лаверычев В. Я. Указ. соч. С. 209.

860

Батюшин Н. Тайная военная разведка и борьба с ней. М.: X-History, 2002. С. 48, 49.

861

Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М.: Мысль, 1990, С. 121, 122, 127, 133.

862

Спиридович А. И. Указ. соч. С. 361, 362.

863

Российский либерализм: идеи и люди. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2007. С. 786.

864

Российский либерализм: идеи и люди. С. 786.

865

Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. 7-е изд. М.:Соцэкгиз, 1938. Т. I, с. 299, 300.

866

Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. С. 27.

867

Донгаров А. Г. Указ. соч. С. 33.

868

Донгаров А. Г. Указ. соч. С. 32.

869

Чему свидетели мы были. Кн. 2. С. 597.

870

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 313, 315.

871

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 321.

872

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 322.

873

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 206, 207.

874

Чему свидетели мы были. Кн. 2. С. 375.

875

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 434.

876

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 54.

877

Вопросы истории. 2012. № 8. С. 163.

878

Рабинович А. Указ. соч. С. 237.

879

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с. 72.

880

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с. 72.

881

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с. 333.

882

Герасименко Г. А. Народ и власть (1917 год). М.:, Воскресенье, 1995. С. 276.

883

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 345, 346.

884

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 347.

885

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 266, 267.

886

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с.383.

887

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 435.

888

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с.436.

889

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 436.

890

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 1.

891

Рабинович А. Указ. соч. С. 265.

892

Шульга С. И. В. И. Ленин в Петроградском ВРК // О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900–1922 годы: сб. М.: Госполитиздат, 1963. С. 302, 304.

893

Леонов С. В. Роспуск Петроградского ВРК и создание ВЧК в 1917 г. // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 39.

894

Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М.: Госполитиздат, 1958. С. 100, 101.

895

Рид Дж. Указ. соч. С. 80.

896

Рабинович А. Указ. соч. С. 300.

897

Ленин В. И. ПСС. Т. 37, с. 132.

898

Ленин В. И. ПСС. Т. 37, с. 137.

899

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 374.

900

Мировые войны XX века. С. 262.

901

Рид Дж. Указ. соч. С. 80.

902

Битти Б. Красное сердце России. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959, С. 87.

903

Рид Дж. Указ. соч. С. 89.

904

Битти Б. Указ. соч. С. 88.

905

Рид Дж. Указ. соч. С. 90.

906

Битти Б. Указ. соч. С. 89.

907

Рид Дж. Указ. соч. С. 90, 91; *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35, с. 443; *Рабинович А.* Указ. соч. С. 312.

908

Второй II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. С. 386–398.

909

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 27.

910

Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. I, с. 17.

911

Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. I, с. 20.

912

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 192.

913

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 198.

914

Рабинович А. Указ. соч. С. 330, 331.

915

Герасименко Г. А. Народ и власть (1917 год). М.: Воскресенье, 1995. С. 5.

916

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 34.

917

Рид Дж. Указ. соч. С. 216, 217.

918

Ленин В. И. ПСС. Т. 51, с. 47, 48.

919

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, примеч. 41 на с. 457.

920

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 95.

921

Гразкин Д. И. На I Всероссийском съезде крестьянских депутатов // О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900–1922 годы. М.:Госполитиздат, 1963. С. 267, 268.

922

Рид Дж. Указ. соч. С. 221, 222.

923

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 73, 74.

924

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 73, 75.

925

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 151, 152.

926

Рид Дж. Указ. соч. С. 132.

927

Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1978. С. 14–19.

928

Рид Дж. Указ. соч. С. 217; *Садуль Ж*. Записки о большевистской революции. 1917–1919. М.: Книга, 1990. С. 48, 49.

929

Рид Дж. Указ. соч. С. 135.

930

Рид Дж. Указ. соч. С. 214.

931

Рид Дж. Указ. соч. С. 134, 214, 215.

932

Российский либерализм: идеи и люди. 2-е изд., испр. и доп. // под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2007. С. 751, 752, 754, 755.

933

Рид Дж. Указ. соч. С. 214–216.

934

Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1919. М.: Книга, 1990. С. 41.

935

Садуль Ж. Указ, соч. С. 11.

936

Садуль Ж. Указ, соч. С. 96–98.

937

Садуль Ж. Указ, соч. С. 112, 113.

938

Рид Дж. Указ. соч. С. 225.

939

Декреты Советской власти. С. 104.

940

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. Репринт. М.: Наука, 1991. С. 189.

941

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 123, 124.

942

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 132.

943

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 191.

944

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 191–194.

945

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 195.

946

Декреты Советской власти. С. 308.

947

Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1986. С. 50.

948

Декреты Советской власти. С. 328.

949

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 20, 21.

950

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, примеч. 23 на с. 407.

951

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 21, 22.

952

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 26.

953

Декреты Советской власти. С. 312.

954

Российский либерализм: идеи и люди. С. 722.

955

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 27.

956

Готье Ю. В. Мои заметки. М.: ТЕРРА, 1997. С. 99.

957

Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 381, 382.

958

Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 383, 384.

959

Ключевский В. О. Указ. соч. С. 384.

960

Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 365.

961

Садуль Ж. Указ. соч. С. 337–339.

962

Садуль Ж. Указ. соч. С. 340.

963

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. С. 160.

964

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. С. 327, 331–341, 505.

965

Ленин В.И. ПСС. Т. 50, с. 25.

966

Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 – декабрь 1918), Л.: Наука, 1968. С. 69, 70.

967

Бонч-Бруевич В. Д. Указ. соч. С. 160–163.

968

Бонч-Бруевич В. Д. Указ. соч. С. 169, 170.

969

Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Л.: Худож. лит., 1980–1983. Т. 4, с. 235.

970

Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. С. 222.

971

Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. С. 223.

972

Кропоткин П. А. Указ. соч. С. 220, 221.

973

Харпер С. Россия, в которую я верю. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. С. 78, 80.

974

Ленин В. И. ПСС. Т. 23, с. 10.

975

Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 226.

976

Ленин В. И. ПСС. Т. 6, с. 377, 378, 380, 384.

977

Журнал «Арагаст» («Парус»), № 1, 2007. Страницы истории, с. 19–26, публикация внука Н. М. Габиновой, С. Л. Иоаннесяна.

978

Ленин В. И. ПСС. Т. 23, с. 47.

979

Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 355.

980

Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 356.

981

Известия ВЦИК, № 158, 27 июля 1918 г.; Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, 18 января 1918 г. Цит. по: *Готье Ю. В.* Мои заметки. М.: ТЕРРА, 1997. С. 99.

982

Лондон Д. Собрание сочинений в 14 т. М.: Правда, 1961. Т. 3, с. 30, 184.

983

Лондон Д. Собрание сочинений в 14 т. М.: Правда, 1961. Т. 3, с. 187.

984

Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4, с. 235.

985

Бонч-Бруевич В. Д. Указ. соч. С. 182.

986

Бонч-Бруевич В. Д. Указ. соч. С. 182.

987

Ворошилов К. Е. XX лет Рабоче-Крестьянской Армии и Военно-Морского Флота, М.: 1938. С. 5.

988

Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1938. Т. 5, с. 63. Цит. по: История Первой мировой войны 1914–1918. М.: Наука, 1975. Т. 2, с. 21.

989

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 219.

990

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 222.

991

Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 451.

992

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 329–330.

993

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 6–7.

994

Стасова Е. Д. Воспоминания. М.: Мысль, 1969. С. 158.

995

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 120.

996

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 342.

997

Мировые войны XX века. Кн. 2, с. 535.

998

БСЭ. Т. 6, с. 86.

999

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 9.

1000

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 5.

1001

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 9.

1002

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 19.

1003

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 23, 25.

1004

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 79, 80.

1005

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 103.

1006

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 39.

1007

Декреты Советской власти. Т. I, с. 402, 403.

1008

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 130.

1009

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 130.

1010

Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 249, 250.

1011

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, примеч. 61 на с. 587.

1012

Декреты Советской власти. Т. II, с. 274, 275.

1013

Декреты Советской власти. Т. II, с. 306.

1014

Декреты Советской власти. Т. II, с. 519.

1015

Ленин В. И. Соч. 4 изд. Т. 32, с. 321.

1016

Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. С. 292.

1017

Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. С. 294.

1018

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 83.

1019

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 112, 113.

1020

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 124, 125.

1021

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 127.

1022

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 128.

1023

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 128, 129.

1024

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 16.

1025

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 377, 378.

1026

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 392.

1027

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, примеч. 149 на с. 617.

1028

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. С. 231–235.

1029

Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). Сб. документов. М.: Воениздат. 1969. С. 129.

1030

Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Госполитиздат. 1959, С. 22, 23, 19, 20.

1031

Ленин В. И. ПСС. Т. 37, с. 50.

1032

Харпер С. Россия, в которую я верю. С. 146, 147.

1033

Харпер С. Россия, в которую я верю. С. 32.

1034

Харпер С. Указ. соч. С… 157.

1035

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 247, 248.

1036

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 134, 135.

1037

Фишер Л. Жизнь Ленина. В 2 т. М.: Книжная лавка – РТР, 1997. Т. 2, с. 30.

1038

Широкорад А. Политическое преступление в Брест-Литовске // Независимое военное обозрение. 2013. № 5. С. 14, 15.

1039

Ленин В. И. ПСС. Т. 40, примеч. 30 на с. 375.

1040

Фельдман М. А. Рабочие Урала в составе Красной и Белой армий // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 62.

1041

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 592, 593.

1042

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 338.

1043

Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ: справочник. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. С. 347.

1044

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 387.

1045

Декреты Советской власти. С. 242, 243.

1046

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 390.

1047

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 86.

1048

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 89.

1049

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 91, 92.

1050

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 94.

1051

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 105.

1052

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 143, 144.

1053

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 144.

1054

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 144.

1055

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 148.

1056

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 160.

1057

Ленин В. И. ПСС. Т. 40, с. 71.

1058

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 311.

1059

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 311.

1060

Декреты Советской власти. С. 264.

1061

Рабинович А. Указ. соч. С. 55.

1062

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 489.

1063

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. 2-е изд. М.: Наука, 1991. С. 233.

1064

Давыдов А. Ю. Проигранная война «красных»: нелегальная экономика 1917–1920 гг. // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 20.

1065

Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 310.

1066

Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 308.

1067

Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 308.

1068

Декреты Советской власти. С. 550.

1069

Николай II. Дневники. М.: Орбита, 1991. С. 33.

1070

Кшесинская М. Воспоминания / подготовка текста, комментарии И. Клягиной. М.: АРТ, 1992. С. 401.

1071

Николай II. Указ. соч. С. 682.

1072

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. С. 434.

1073

Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 – декабрь 1918). С. 237, 238.

1074

В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М.: изд. АН СССР, 1961. С. 391, 262, 263.

1075

Балтийские моряк и в борьбе за власть Советов… С. 326.

1076

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 399.

1077

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 400, 402.

1078

Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М.: Воениздат, 1987. С., 302, 303, 308.

1079

Вопросы истории. 2013. № 10. С. 31.

1080

Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. М.: МДФ, 2002.С. 96.

1081

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 364.

1082

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 367.

1083

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 146.

1084

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 158.

1085

Ленин В. И. ПСС. Т. 39, с. 344, 345.

1086

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 78, 79.

1087

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 334.

1088

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 334, 335.

1089

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 358.

1090

Войтиков С. С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М.: Вече, 2009. С. 259, 260.

1091

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 352, 353.

1092

Балтийские моряки в борьбе за власть Советов… С. 329.

1093

Ленин В. И. ПСС С. 352.

1094

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 204.

1095

В. И. Ленин и А. М. Горький. С. 395.

1096

Ленин В. И. ПСС. Т. 51, с. 48.

1097

В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными: сб. документов и материалов. М.: Русская панорама, 2008. С. 67.

1098

В. И. Ленин и А. М. Горький. С. 154.

1099

В жерновах революции… С. 70.

1100

Ленин В. И. ПСС. Т. 51, с. 49, 50.

1101

Кронер Э. Белая армия, Чёрный барон. Жизнь генерала Петра Врангеля. М.: РОССПЭН, 2011. С. 245.

1102

Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М.: Воениздат, 1969, С. 774, 775.

1103

Ленин В.И. ПСС. Т. 51, примеч. 369 на с.464.

1104

Ленин В.И. ПСС. Т. 51, с. 321.

1105

Ленин В.И. ПСС. Т. 52, с. 43.

1106

Ленин В.И. ПСС. Т. 52, с. 6.

1107

Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. С. 171.

1108

Ленин В. И. ПСС. Т. 51, с. 137.

1109

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, с. 183.

1110

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 385.

1111

Ленин В. И. ПСС. Т. 51, с. 42.

1112

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 421.

1113

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 73.

1114

Иванов А. Неизвестный Дзержинский. Факты и вымыслы. Минск: Валев, 1994. С. 272–274.

1115

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 51.

1116

Харпер С. Указ. соч. С. 164.

1117

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 325.

1118

Ленин В. И. ПСС. Т. 40, с. 25.

1119

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 297.

1120

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 375.

1121

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 377.

1122

Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 130.

1123

Ленин В. И. ПСС. Т. 14, с. 45–46.

1124

Ленин В. И. ПСС. Т. 14, с. 338, 339.

1125

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 408, 409.

1126

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 208.

1127

Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994. С. 204.

1128

Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994. С. 156, 263.

1129

Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994. С. 35.

1130

Иванов К. В. Российские астрономические организации в 1917–1922 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 117.

1131

Дуэль, № 49 (397), с. 5.

1132

Ленин В. И. ПСС. Т. 51, с. 222.

1133

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, с. 303.

1134

Сталин и Каганович. Переписка 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 496, 497.

1135

«Правда», № 58, 28 февраля 1936 года, цитируется по ПСС. Т. 51, с. 433.

1136

Российская научная эмиграция. Двадцать портретов. М.: Эдиториал УРСС, 2006. С. 128.

1137

В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными… С. 78.

1138

В жерновах революции… С. 68.

1139

В жерновах революции… С. 69.

1140

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 53, 54.

1141

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 54.

1142

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 180.

1143

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 359.

1144

Ленин В. И. ПСС. Т. 40, с. 43, 45.

1145

Ленин В. И. ПСС. Т. 40, примеч. 17 на с. 371.

1146

Ленин В. И. ПСС. Т. 40, с. 62, 63.

1147

Российская научная эмиграция. Двадцать портретов. М.: Эдиториал УРСС, 2006. С. 133.

1148

Ленин В. И. ПСС. Т. 51, с. 325, 326.

1149

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, с. 260.

1150

Ленин В. И. ПСС. Т. 51, с. 259.

1151

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, с. 101.

1152

Ленин В. И. ПСС. Т. 40, с. 325–327.

1153

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 27, 29.

1154

Готье Ю. В. Мои заметки. М.: ТЕРРА, 1997. С. 13, 14.

1155

БСЭ. 2-е изд. Т. 37, с. 401.

1156

Ленин В. И. ПСС. Т. 40, с. 4, 5.

1157

Ленин В. И. ПСС. Т. 40, С. 4, 5.

1158

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, примеч. 133 на с. 536.

1159

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с. 364, 362.

1160

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с. 365, 366.

1161

Николай II. Дневники. С. 378.

1162

Николай II. Дневники. С. 378.

1163

Николай II. Дневники. С. 348, 353, 355, 450.

1164

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 68.

1165

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 69.

1166

Вернадский В. И. Указ. соч. С. 11, 131.

1167

Протоколы Президиума Госплана за 1921–1922 годы. Т. 1, с. 32.

1168

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 159.

1169

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 160.

1170

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 160.

1171

В жерновах революции… С. 73, 74.

1172

В. И. Ленин и А. М. Горький. С. 146, 147.

1173

В. И. Ленин и А. М. Горький. С. 273.

1174

В. И. Ленин и А. М. Горький. С. 260, 261.

1175

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 23.

1176

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 80.

1177

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 13.

1178

Уэллс Г. Россия во мгле. С. 57.

1179

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с. 298.

1180

Уэллс Г. Указ. соч. С. 29.

1181

Уэллс Г. Указ. соч. С. 29, 30.

1182

Библиотечное дело в СССР. С. 11.

1183

В. И. Ленин. ПСС. Т. 53, с. 228.

1184

Библиотечное дело в СССР. С. 11, 12.

1185

Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Январь 1920 – март 1921. Киев: Наукова думка, 1997. С. 64.

1186

Уэллс Г. Указ. соч. С. 72, 73.

1187

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 60, 61.

1188

Уэллс Г. Указ. соч. С. 75.

1189

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с. 130.

1190

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 189.

1191

Аргументы неделі, № 6 от 20 февраля 2014 г., с. 21.

1192

Протоколы Президиума Госплана за 1921–1922 годы. 1921 г. М.: Экономика, 1979. Т. 1, с. 31.

1193

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, с. 128, 129.

1194

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 129.

1195

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 123–125.

1196

Емельянов Ю. В. Троцкий. Мифы и реальность. М.: Вече, 2003. С. 361.

1197

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 140.

1198

Донков И. П. Антоновщина: замыслы и действительность. М.: Политиздат, 1977. С. 16, 17.

1199

Ленин В. И. ПСС. Т. 51, с. 310, 311.

1200

Серебренников И. И. Гражданская война в России. Великий исход. (Военно-историческая библиотека) М.: АСТ, 2003. С. 447.

1201

Донков И. П. Антоновщина: замыслы и действительность. С. 58–61.

1202

Ленинский сборник XX, с. 351. Цит. по: Донков И. П. Указ. соч. С. 111.

1203

Ленин В. И. ПСС. Т. 13, с. 386, 387.

1204

Стасова Е. Д. Воспоминания. М.: Мысль, 1969. С. 157.

1205

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 4, 5.

1206

Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. М.: МФД, 2002. С. 119, 120.

1207

Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. С. 46.

1208

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 203.

1209

Скундин Б. Г. Ленинский стиль в решении сложных вопросов // О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900–1922 годы. М.: Госполитиздат, 1963. С. 575.

1210

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 212.

1211

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 216.

1212

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 207, 209.

1213

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 210.

1214

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 46, 47.

1215

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 16.

1216

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 54.

1217

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 208.

1218

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 49.

1219

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 49, 50.

1220

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 13.

1221

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 50, 51.

1222

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, примеч. 2 на с. 343.

1223

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, с. 2.

1224

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 131.

1225

Ленин В. И. ПСС. Т. 53, с. 246–248.

1226

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 348.

1227

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 144.

1228

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с. 362.

1229

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с. 365.

1230

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 356.

1231

БСЭ. 1-е изд. 1930. Т. 17, с. 456.

1232

Всемирная история: в 10 т. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. VII, с. 460.

1233

Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 232.

1234

Логинов В. Т. Владимир Ленин. На грани возможного. М.: Алгоритм. 2013. С. 33.

1235

Ленин В. И. ПСС. Т. 53, с. 115, 116.

1236

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, примеч. 337 на с. 625.

1237

Следственное дело патриарха Тихона. С. 136.

1238

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 208.

1239

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, с. 150.

1240

Ленин В. И. ПСС. Т. 51, с. 130.

1241

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, с. 154.

1242

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. С. 86.

1243

Ленин В. И. Третий съезд РСДРП. С. 283.

1244

Ленин В. И. ПСС. Т. 37, с. 61.

1245

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 158.

1246

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, примеч. 63 на с. 588.

1247

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 171, 172.

1248

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с. 134.

1249

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 347.

1250

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 347.

1251

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 52.

1252

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 189.

1253

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 190.

1254

Ленин В. И. ПСС. Т. 39, с. 209.

1255

Ленин В. И. ПСС. Т. 37, с. 49.

1256

Харпер С. Россия, в которую я верю. С. 136.

1257

Ленин В. И. ПСС. Т. 40, с. 145.

1258

Троцкий Л. Моя жизнь. С. 270; а также: Литература и революция. М., 1991. С. 195.

1259

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 124.

1260

Ленин В. И. ПСС. Т. 53, с. 177.

1261

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 229, также см. с. 231, 233, 564.

1262

Супоницкая И. М. Американизация советской России в 1920—1930-е гг. // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 49.

1263

Сталин И. В. Сочинения. Т. 6, с. 186–188.

1264

Ленин В. И. ПСС. Т. 53, с. 92.

1265

Ленин В. И. ПСС. Т. 53, с. 142.

1266

Ленин В. И. ПСС. Т. 53, с. 143.

1267

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 62–66.

1268

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 6.

1269

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, с. 209.

1270

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, с. 209.

1271

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, с. 169.

1272

Ленин В. И. ПСС. Т. 53, с. 6.

1273

Ленин В. И. ПСС. Т. 53, с. 6.

1274

Ленин В. И. ПСС. Т. 53, с. 5.

1275

Ленин В. И. ПСС. Т. 53, с. 16.

1276

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 7, с. 422.

1277

Ленин В. И. Собрание сочинений. 4-е изд. Т. 35, с. 460, 461.

1278

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 167.

1279

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 173, 174.

1280

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 180.

1281

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 14, 15.

1282

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 108, 109.

1283

Русский рубль. Два века истории XIX–XX вв. М.: Прогресс – Академия, 1994. С. 196.

1284

Ленин В. И. ПСС. N. 44, с. 225, 226.

1285

Ленин В. И. ПСС. Т. 52, с. 183.

1286

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 313.

1287

Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 221.

1288

Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 305, 306.

1289

Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 306, 307.

1290

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 81, 82, 93, 95, 96, 99, 100.

1291

Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. 2-е изд., доп. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1998. С. 9, 10.

1292

История дипломатии. Т. III, с. 251, 252.

1293

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 6.

1294

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 8.

1295

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 203.

1296

История дипломатии. Т. III, с. 264.

1297

История дипломатии. Т. III, с. 277, 278.

1298

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 113.

1299

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 110, 112, 113.

1300

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 237.

1301

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 237.

1302

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 239.

1303

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 241.

1304

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 220, 221.

1305

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 323.

1306

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, примеч. 201 на с. 588–589.

1307

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 338, 339.

1308

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 326 и примеч. 201 на с. 588–589.

1309

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 327–328.

1310

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, примеч. 201, с. 590.

1311

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 145.

1312

Крупская Н. К. Избранные произведения. С. 80.

1313

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 478, 479.

1314

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 228–230.

1315

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 322.

1316

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, примеч. 94 на с. 532, 533.

1317

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 147, 148.

1318

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 300.

1319

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 302, 306.

1320

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 308.

1321

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 309.

1322

Сталин И. В. Сочинения. Т. 5, с. 158.

1323

Сталин И. В. Сочинения. Т. 4, с. 72.

1324

Сталин И. В. Сочинения. Т. 5, с. 114, 115.

1325

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 211.

1326

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 214.

1327

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 462.

1328

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 319, 320.

1329

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 356.

1330

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 356.

1331

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 357.

1332

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 361.

1333

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 279.

1334

Костин Н. Д. Суд над террором. М.: Московский рабочий, 1990. С. 244–246.

1335

Сталин И. В. Сочинения. Т. 4, с. 305.

1336

Сталин И. В. Сочинения. Т. 4, с. 306.

1337

Сталин И. В. Сочинения. Т. 4, с. 314, 315.

1338

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 343.

1339

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 344, 345.

1340

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 345.

1341

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 345.

1342

Косолапов Р. Сталин и Ленин. М.: ЗАО "Газета «Правда», 2000. С. 32 и далее.

1343

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 329, 330.

1344

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 346.

1345

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, примеч. 541 на с. 674, 675.

1346

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 330.

1347

Баландин Р. К. Тайны завещания Ленина. М.: Алгоритм, 2007. С. 43.

1348

Сталин И. В. Сочинения. Т. 5, с. 190.

1349

Сталин И. В. Сочинения. Т. 5, с. 384.

1350

Сталин И. В. Сочинения. Т. 5, с. 384.

1351

Сталин И. В. Сочинения. Т. 5, с. 384, 385.

1352

Сталин И. В. Сочинения. Т. 5, с. 134, 135.

1353

Сталин И. В. Сочинения. Т. 5, с. 135.

1354

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 225.

1355

Чернов В. Ленин // Социум. 1991. № 1. С. 80–87.

1356

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 218.

1357

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: ТЕРРА, 1991. С. 237.

1358

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 89.

1359

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 89, 90.

1360

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 120.

1361

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, примеч. 16 и 17 на с. 508, 509.

1362

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 48.

1363

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 124.

1364

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 125.

1365

Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 125.

1366

Чёрная книга коммунизма / Куртуа С. [и др.]; пер. с франц. М.: Три века истории, 2001. С. 14.

1367

Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 304.

1368

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 193.

1369

Косолапов Р. Указ. соч. С. 43.

1370

Сталин И. В. Сочинения. Т. 5, с. 50, 51.

1371

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 125.

1372

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 122.

1373

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 126.

1374

Вернадский Г. В. Ленин – красный диктатор. М.: Аграф, 1998. С. 293, 294.

1375

Вернадский Г. В. Ленин – красный диктатор. М.: Аграф, 1998. С. 294, 296.

1376

Вернадский Г. В. Ленин – красный диктатор. М.: Аграф, 1998. С. 298.

1377

Вернадский Г. В. Ленин – красный диктатор. М.: Аграф, 1998. С. 299.

1378

Вернадский Г. В. Ленин – красный диктатор. М.: Аграф, 1998. С. 301.

1379

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 323.

1380

Воспоминания генерала барона Врангеля. М.: ТЕРРА, 1992. С. 356.

1381

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 345.

1382

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 175, 176.

1383

Фишер Л. Жизнь Ленина. В 2 т. Гл. 24–52. М.: Книжная лавка – РТР. 1997 г., Т. 2, с. 36.

1384

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 273.

1385

Валентинов Н. Недорисованный портрет. М.: ТЕРРА, 1993. С. 17.

1386

Соломон (Исецкий) Г.А. Среди красных вождей. М.: Современник, 1995. С. 483.

1387

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 81.

1388

Соломон (Исецкий) Г.А. Указ. соч. С. 125.

1389

Раух Г., фон, Хильгер Г. Ленин. Сталин. Ростов-н/Д: Феникс, 1998. С. 156.

1390

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 327.

1391

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 269, 270.

1392

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 270.

1393

Джавахарлал Неру. Взгляд на всемирную историю: пер. с англ.: в 3 т. М.: Прогресс, 1981. Т. 2, с. 448–450.

1394

Джавахарлал Неру. Взгляд на всемирную историю: пер. с англ.: в 3 т. М.: Прогресс, 1981. Т. 3, с. 12, 15.

1395

Джавахарлал Неру. Взгляд на всемирную историю: пер. с англ.: в 3 т. М.: Прогресс, 1981. Т. 3, с. 29.

1396

Джавахарлал Неру. Взгляд на всемирную историю: пер. с англ.: в 3 т. М.: Прогресс, 1981. Т. 3, с. 33.

1397

Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. С. 116.

1398

Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. С. 117.

1399

Уэллс Г. Россия во мгле. С. 66, 74.

1400

Уэллс Г. Россия во мгле. С. 76.

1401

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, примеч. 65 на с. 505, 506.

1402

Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с.129, 133.

1403

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5, с. 146.

1404

Ленин В. И. ПСС. Т. 39, с.134, 135.

1405

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5, с. 219–221.

1406

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5, с. 235–238.

1407

Ленин В. И. ПСС. Т. 40, с. 289, 290.

1408

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5, с. 236, 237.

1409

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5, с. 301, 304.

1410

Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 66, 67.

1411

Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. В 9 т. Т. 4. Всемирная история. С 1800 года до наших дней / пер. с англ. М.: Изд. Дом «ИНФРА-М»; Изд-во «Весь мир», 2000. С. 200, 201.

1412

Декреты Советской власти. Т. I, с. 24, 25.

1413

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 53, 54.

1414

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 265.

1415

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 266.

1416

Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Январь 1922 – декабрь 1936., М.: Междунар. фонд «Демократия», 2003. С. 59.

1417

Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Январь 1922 – декабрь 1936., М.: Междунар. фонд «Демократия», 2003. С. 59.

1418

Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 96.

1419

Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 167, 168.

1420

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 220.

1421

Готье Ю. В. Мои заметки. М.: ТЕРРА, 1997. С. 13.

1422

Готье Ю. В. Мои заметки. М.: ТЕРРА, 1997. С. 189.

1423

Источник. 1995. № 5. С. 124.

1424

См. комментарии к книге А. Спиридовича «Большевизм: от зарождения до прихода к власти», с. 419.

1425

В жерновах революции. С. 200.

1426

Готье Ю. В. Указ. соч. С. 263, 264.

1427

Ленин В. И. ПСС. Т. 37, с. 474, 477.

1428

Библиотечное дело в СССР. С. 69.

1429

Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 345, 346.

1430

Ленин В. И. Сочинения. Т. 19, с. 115.

1431

Библиотечное дело в СССР. С. 70, 71, 74.

1432

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 273.

1433

Ленин В. И. ПСС. Т.45, с. 24, 25.

1434

Ленин В. И. ПСС. Т. 37, с. 187.

1435

Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 333.

1436

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 330.

1437

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 440.

1438

Ленин В. И. ПСС. Т. 23, с. 60.

1439

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 80.

1440

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 82.

1441

Ленин В. И. ПСС. Т. 51, с. 121.

1442

Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 415, 416.

1443

Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной Вождя. М.: Алгоритм, 2012. С. 188, 200.

1444

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 166.

1445

Ленин В. И. ПСС. Т. 9, с. 244, 245.

1446

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 331.

1447

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 341.

1448

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 243.

1449

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 265.

1450

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 267.

1451

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 240.

1452

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 275.

1453

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 185–187.

1454

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 185–187.

1455

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 187.

1456

Биография В. И. Ленина. с. 535, а также: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 195.

1457

Биография В. И. Ленина. с. 535, а также: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 54, с. 143, 144.

1458

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 145.

1459

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 229.

1460

Ленинский сборник XXXVII, с. 359, 360. Цит. по: Косолапов Р. Сталин и Ленин. С. 34.

1461

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 241, 242.

1462

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 636.

1463

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 230, 231.

1464

Ленин В. И. ПСС. Т. 54, с. 229, 230.

1465

Лопухин Ю. М. Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина. Правда и мифы. М.: Республика, 1997. С. 140.

1466

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3, с. 317, 318.

1467

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2, с. 278.

1468

Лопухин Ю. М. Указ. соч. С. 15.

1469

Лопухин Ю. М. Указ. соч. С. 16.

1470

Лопухин Ю. М. Указ. соч. С. 15.

1471

Лопухин Ю. М. Указ. соч. С. 15.

1472

Емельянов Ю. В. Троцкий. Мифы и личность. С. 368.

1473

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 223.

1474

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 350.

1475

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 364–366.

1476

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, примеч. 212 на с. 598.

1477

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 372, 373.

1478

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 381.

1479

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 382.

1480

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 383.

1481

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 477.

1482

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 395.

1483

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 389.

1484

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 389.

1485

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 390, 391.

1486

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 396, 397, 398.

1487

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 400.

1488

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 404, 405.

1489

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 405.

1490

Чуев Ф. Указ. соч. С. 209, 211.

1491

Лопухин Ю. М. Указ. соч. С. 138.

1492

Ленин В. И., ПСС. Т. 47, с. 31, 32.

1493

Фишер Л. Жизнь Ленина. Т. 2, с. 487.

1494

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4, с. 381–389.

1495

Москалев М. А. В. И. Ленин в последние годы жизни. 1921–1924 гг., М.: Госполитиздат, 1956. С. 92, 93.

1496

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4, с. 452, 454.

1497

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4, с. 406, 407.

1498

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 603, 604.

1499

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 578.

1500

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 270.

1501

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 343, 357.

1502

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 387, 388.

1503

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 401, 402.

1504

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 402.

1505

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4, с. 337.

1506

Лопухин Ю. М. Указ. соч. С. 144.

1507

Лопухин Ю. М. Указ. соч. С. 174–176.

1508

Чуев Ф. Указ. соч. С. 196.

1509

Ленин В. И. ПСС. Т. 50, с. 88.

1510

Ларина-Бухарина А. М. Незабываемое. М.: Вагриус. 2003. С. 111.

1511

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 194.

1512

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 205.

1513

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 231.

1514

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 247.

1515

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 265.

1516

Ленин В. И. ПСС. Т. 49, с. 308.

1517

Ленин В. И. ПСС. Т.36, с. 20, 22.

1518

Ленин В. И. ПСС. Т.36, с. 27.

1519

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 28.

1520

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 220.

1521

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 234.

1522

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 240, 241.

1523

Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 242.

1524

Ларина-Бухарина А. М. Незабываемое. М.: Вагриус. 2003. С. 324.

1525

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 336.

1526

Ларина-Бухарина А. М. Указ. соч. С. 130, 131.

1527

Наумов Л. А. Сталин и НКВД. М.: Алгоритм, 2013. С. 13.

1528

Крупская Н. К. Последние полгода жизни Ленина // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. М., 1989. Т.2, с. 2. Цит. по: *Штейн М. Г.* Ульяновы и Ленины. Тайны родословной Вождя. М.: Алгоритм, 2012. с. 193.

1529

Российская еврейская энциклопедия. М.: Эпос, 1995. Т. 2, с. 138.

1530

Васецкий Н. А. Г. Е. Зиновьев: страницы жизни и политической деятельности // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 139.

1531

Ленин В. И. ПСС. Т. 48, с. 242, 243.

1532

Ларина-Бухарина А. М. Указ. соч. С. 110.

1533

Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 11, с.492.

1534

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 226.

1535

Большая советская энциклопедия. Т. 11, с. 499.

1536

Микоян А. И. В начале двадцатых… М.: Политиздат, 1975. С. 348.

1537

Большая советская энциклопедия. Т. 11, с. 499, 500.

1538

И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, с. 34–35, 36.

1539

Косолапов Р. И. Сталин и Ленин С. 39, 40.

1540

Фишер Л. Жизнь Ленина. Т. 2, С. 491–493.

1541

Вопросы истории. 1992. № 2. С. 5, 6. Цит. по: Медведев Ж., Медведев Р. Неизвестный Сталин. М.: Права человека, 2001. С. 298, 299.

1542

Штейн М. Г. Указ. соч. С. 200.

1543

Трофимов Ж. А. Ленин – Крупская – Арманд – любовный треугольник? Ульяновск: Народная газета, 1993. С. 30.

1544

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 329.

1545

Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 371, 372.

1546

Каутский К. Путь к власти. М.: Госполитиздат, 1959. С. 132, 133.

1547

Ленин В. И. ПСС. Т. 37, с. 242.

1548

Ленин В. И. ПСС. Т. 37, с. 251, 252.

1549

Ленин В. И. ПСС. Т. 37, с. 262, 264.

1550

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 94.

1551

Ленин В. И. ПСС. Т. 23, с. 47.

1552

Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 315.

1553

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 173.

1554

Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 173–175.

1555

Комсомольская правда, № 4-т за 24–31.01.2013, с. 2.

1556

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 269.

1557

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1, с. 563, 564.

1558

Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 161.

1559

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5, с. 299.

1560

Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 304.

1561

Кропоткин П. А. Записки революционера, М.: Мысль, 1990, с. 481.

1562

Блок А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4, с. 238.

1563

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3, с. 4.

1564

Ленин В. И. ПСС. Т. 23, с. 40.

1565

Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 21.

1566

Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 446, 447.

1567

Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 223.

1568

Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 112.